

Вся

НОРТОН

БРАТ ТЕНЕЙ

ЛЕТУЩИЕ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

БРАТ ТЕНЕЙ

ЛЕТУЩИЕ ФАНТАСТИКИ

SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОВЕДА НА ЯНУСЕ
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ
БРАТ ТЕНЕЙ

ПЕРВЕНЦЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ
НОРТОН

БРАТ ТЕНЕЙ

ЭКМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н82

Andre Norton
BROTHER TO SHADOWS
Copyright © 1993 by Andre Norton

NIGHT OF MASKS
Copyright © 1964 by Andre Norton

FORERUNNER FORAY
Copyright © 1973 by Andre Norton

UNCHARTED STARS
Copyright © 1969 by Andre Norton

ZERO STONE
Copyright © 1968 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна
за помощь в подготовке издания

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ.

Н82 Брат теней : [перевод с английского] / Андрэ Нор-
тон. — Москва : Эксмо, 2015. — 1088 с. — (Отцы-
основатели).

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников.

В данное издание помимо заглавного, вошли романы «Ночь Масок», «Визит к предтечам», «Предвечный камень» и «Звезды, не нанесенные на карту».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Д. Арсеньев, О. Колесников, О. Кутумина,
А. Щупов, И. Головщиков, Д. Савельев,
Я. Савельев, перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-77519-4

БРАТ ТЕНЕЙ

Глава 1

Утренний ветер был леденящим. Небо над головами собравшихся отливало холодной сверкающей сталью. В Ложе Хо-Ле-Фар не было никакого признака течения времени.

Братья стояли во дворе с самого рассвета в позе «Лицом-к-большой-буре» с решимостью, которая была выше какой-то там боли в суставах, или судорог, или других проявлений брэнного тела. Только их глаза светились пониманием, и устремлены они были на овал, венчавший арку над дверью в большой зал Магистра. То, чему надлежало излучать сияние, было безжизненно и так же тускло, как и камень, в котором оно находилось.

Наконец через проем двери, зиявший, как лишенные губ челюсти черепа, на верхней площадке лестницы появилась долгожданная фигура в одеждах цвета высохшей крови — священник Шагга.

Он заговорил низким тоном, но его голос звучал весьма внушительно.

Магистр исполнил клятву исша.

В рядах, расположенных ниже, никто не шелохнулся, хотя эта новость означала конец привычному существованию.

Два колейтенанта Ложи, стоявшие впереди собравшейся группы, воздели руки жестом «Небо-спустись». Затем они, ступая в ногу, вышли навстречу спускавшемуся к ним священнику. Тот остановился, продолжая возвышаться над собравшимися. Они подняли головы, чтобы встретиться с ним взглядом. В нарастающем свете их одеяния Теней отливали сталью, гармонируя с цветом неба.

Таррхос, правая рука Магистра, скрестил руки на груди, вытащив неуловимо быстрым движением тонкие кинжалы.

— Это разрешается? — спросил он у священника голосом таким же твердым, как оружие, которое он показывал.

— Это разрешено исша нашего Братства, да будет так! — Священник кивнул бритой головой, и его руки простерлись вперед, словно продолжение теней его широких рукавов, описывая некие древние жесты.

Таррхос опустил на колени. Он трижды поклонился, но не священнику, а безжизненному камню над его головой. Теперь это был ослепший глаз; сила, которая в нем сохранилась, иссякла, причину чего не знал ни священник и никто из Братьев. Она была, а теперь ее не стало, и с ней ушла жизнь этой Ложи.

Кинжалы Таррхоса метнулись в привычном ритуальном жесте. Упав вперед, он не издал ни звука, слышался лишь стон ветра. Красная струя брызнула вверх, едва не попав на ступени и одежду священника.

Лас Стир, левая рука Магистра, сделал шаг вперед. Он был бледнее своего мертвого товарища.

— Это разрешается? — Его голос, хрипевший от старой раны в глотке, перекричал ветер.

— Исша говорит, что это разрешено.

Не менее искусно управившись с оружием, Лас Стир последовал за своим мертвым товарищем.

Шагга спустился на последние две ступени, не потрудясь приподнять подол одеяния, чтобы он не окрасился кровью из двух луж, образовавших единое озеро.

Еще десять человек присоединилось к группе людей, толпившихся внизу. Это были более молодые мужчины, некоторые из них — почти мальчики. На них были короткие плащи черного цвета, отличительный признак тех, кто еще не совершил десяти рейдов, отстаивая честь Ложи. Один из них решил заговорить с Шаггой.

— Это разрешается? — Его голос был немножко высоковат, резковат.

— Это не разрешено, — оборвал его священник. — Ложа умирает, когда ее сердце больше не питает воля Магистра.

Необагрённые кровью и полуприсягнувшие не принимают исша. Вам следует послужить в других Ложях, как это от вас требуется. Хо-Ле-Фар прекратила свое существование.

Он сделал левой рукой взмах, означающий «Наступление-самой-темной-ночи», положив таким образом конец тому, что здесь происходило много десятилетий, стирая длинную и славную историю. Здесь больше нет Поста Теней.

Впервые среди собравшихся послышалось легкое движение. Случилась катастрофа, нечто почти ужасное, и тех, Кого она коснулась, постигла злая участь.

Шагга медленно прошел вдоль линии, останавливаясь, чтобы рассмотреть каждого и обратиться ко всем по отдельности.

— Хасган и Карфур, — выбрал он первых двух слева, — заберите оружие, припасы и отправляйтесь в Ложу Тиг-Нор-Ту. Диенов и Йасвар, вы должны поступить так же, только вам идти через гору к О-Квар-Нин.

Итак, эта процедура продолжалась, пока священник не достиг последнего в ряду. Ему пришлось посмотреть вверх, чтобы встретиться взглядом с застывшим в ожидании послушником. Теперь, когда полностью рассвело, в его глубоко запавших глазах читалась злоба, губы отвратительно искривились, выдавливая слова, которые он, смакуя, готовил в ожидании такого момента.

— Чужестранец-ошибочно-рожденный-необагрённый-кровью, убирайся прочь, куда хочешь, ты не принадлежишь к ордену и по воле Трансгара никогда не будешь принадлежать. Ты — гадость, пятно. Неудивительно, что смерть силы Магистра пришла через тебя. Ты не возьмешь оружия, так как оно принадлежит Братству, и с этих пор пойдешь своим путем.

Человек в капюшоне, слушавший Шагга, отказал ему в удовольствии видеть, сколь глубоко пришелся удар. Он давно знал, что священник ненавидит его и усматривает в нем пятно на чести Ложы. С тех пор как камень силы стал меркнуть, он предвидел такой поворот судьбы и пытался строить планы на будущее. Но его жизнь была настолько тесно связана с этим местом, что ему не доставало сил ра-

зорвать пути дисциплины, представить, как он будет путешествовать, освободившись от обета, по пути, лишенному подлинной цели.

В этой Ложе только Магистр проявлял некоторую заботу о нем. Причины были ему объяснены всего три фазы луны назад. Братья Теней, натренированные наемные убийцы, шпионы, телохранители, служили на Асбаргане веками. Правители пользовались их услугами, отлично зная, что, раз присягнув, Тени будут сохранять абсолютную верность своему нанимателю все время, пока будет действовать их присяга. Однако в последнее время разошелся слух, что на их специфические таланты имеется спрос и на других планетах, что обещало Ложам новый источник дохода. Найм одного асбарганского Брата на инопланетную службу позволял Ложе выдвинуться на передовые рубежи осуществления новой идеи. Магистр был дальновиден, что представляло скрытый пункт разногласия между ним и связанным традициями Шагга.

Жофре был найденышем самого Магистра. Он действительно был подобран, когда Магистр во время одной из своих тренировочных вылазок наткнулся на разбившуюся спасательную шлюпку. Жофре был единственным живым существом на этом маленьком суденышке. Тогда он был ребенком еще столь юным, что мог вспомнить лишь обрывки из своей жизни, предшествовавшей тому, когда Ложа взяла его на жесткое воспитание, которое проходили все Братья.

Ростом он был больше остальных послушников и быстро впитал все, чему его учили, обнаруживая большее мастерство в некоторых из преподанных ему наук по сравнению с прочими Братьями. В то же время Магистр следил за тем, чтобы ему давались уроки всеобщего языка, принятого инопланетниками, передавал ему информацию, которая просачивалась в Ложу из космического порта, попадая туда с торговцами и путешественниками. При этом и Магистр, и ученик сознавали, что существуют огромные провалы в тех сведениях, которые один передавал, а другой охотно поглощал. Превосходство Жофре в знаниях и силе

вызвало зависть его товарищей, когда все они повзросле-ли. Свое положение он давно сознавал, как и то, что Шагга это провоцировал. Однако Жофре был уверен, что вполне подходит для любой миссии и что Магистр имеет на него собственные планы.

Магистр и камень силы... Такой камень имелся в каждой Ложе, и никто не знал, откуда он появился и для чего служил. Известно было лишь то, что через длительный срок камни умирали. Это воспринималось как прямой знак того, что сила Магистра также иссякла и он должен заплатить за ту тайну, которая подвела его, положив конец власти. Вместе с камнем умирала и Ложа, как это случилось сейчас, и это было печальным событием, которое привносило оттенок страха в существование всех Лож.

Жофре продолжал смотреть священнику в глаза. Этот человек с радостью увидел бы его мертвым, если б смог. Но это было недостижимо, так как четыре фазы луны назад Жофре принял первый обет, а Брат не мог пролить кровь Брата. Однако Шагга решил его судьбу иначе. Стояла пора горного холода. Оказаться безоружным и лишенным приюта было равнозначно отсроченному смертному приговору. Так, во всяком случае, думал священник.

— Я — Брат, хотя и не исша. — Жофре сказал медленно, словно готовил ножи для последнего броска. — Ты можешь забрать у меня оружие, потому что оно принадлежит Ложе. Поэтому я требую предоставления мне законных прав путешественника.

На этой стадии, согласно обычаю, его надлежало проводить с припасами.

Священник ослабился и отправился к другим, которые уже паковали вещи, готовясь к путешествию на место нового назначения.

Жофре снова обернулся к камню силы. Он медленно подался вперед. Свет, живший в глубине камня, явно ушел, и теперь он был таким же безжизненным, как истертый за многие века известняк, в который он был вставлен. По меньшей мере десяток Магистров рождалось и умирало

под сенью его света, а одиннадцатый имел несчастье стать свидетелем его кончины.

Молодой человек миновал тела колейтенантов и стал взбираться по ступеням. Он ожидал, что Шагга что-нибудь возразит, хотя то, что он делал, не было нарушением порядка. Однако ничего подобного не случилось, и он ушел во тьму верхнего зала, где единственный слабый свет исходил от двух ламп, расположенных в дальнем конце.

Между ними лежало еще одно тело — Магистра. По какой-то причине Жофре должен был это сделать, но он и сам не мог объяснить почему. Он пришел постоять возле тела человека, спасшего ему жизнь, хотя бы лишь потому, что он, Магистр, видел в Жофре того, кто сможет сыграть важную роль в будущем.

Руки Жофре образовали знаки «Утренняя-звезда-путешествие-в-свет». Пальцы передали это известие в воздух. «Дальнее-прощальное-путешествие-торжество-война». Выполняя эти жесты, он ощутил прилив сил, словно волей и решимостью Магистра ему было передано наследство.

Всего десять ночей назад он стоял на коленях как раз в этом месте, разложив перед собой некие карты и планы, испытывая скрытое волнение человека, приготовившегося к выполнению миссии.

— Дело обстоит так, — сказал Магистр как человек, который делится самыми сокровенными мыслями: — Эти инопланетники изменяют всякий мир, в который приходят. Они не могут не сделать этого и с нами. Уже десять веков мы следуем в жизни определенной модели. Равнинные лорды имеют своих вассалов, которые запрограммированы как танцы роботов. Они нанимают нас телохранителями, скользящими тенями, чтобы мы избавляли их от тех, чья сила начинает им угрожать, или от тех, кого они хотят убрать со своего пути. Это стало своего рода игрой, кровавой игрой. Но наступает время разрушить любую модель, так как ее ткань становится тоньше год от года. То же происходит и с нами, хотя многие Магистры станут возражать. Но нам придется либо измениться, либо погибнуть.

В этих словах звучала особая сила, словно Магистр давал клятву.

— Магистр Рос-хинг-куа показал нам путь, Сестра-Тень отправилась к людям, которые стремятся облегчить беды своего мира. Пришла весть, что они соблюдают свои традиции исша. Теперь настал наш черед придумать что-либо подобное. В порту говорят, что с отдаленных звезд летят другие, чтобы воспользоваться искусством, которым мы обладаем. По рождению ты, Жофре, не принадлежишь к нашей крови. Но мы объявили тебя своим, и ты ел наш хлеб, пил вино, поддерживая тосты Братьев, постигал наши науки. В иных мирах ты можешь использовать все, что знаешь, и при этом не выдать себя, так как ты не рожден среди нас. Поэтому, когда придет время, эта миссия будет твоей, тебя пошлют либо для того, чтобы ты стал щитом плеча, личным оруженосцем какого-нибудь лорда с дальних земель, либо охотником, вооруженным сталью.

Тогда Жофре решил нарушить последовавшую за этим тишину:

— Магистр, вы оказываете мне большое доверие, но в этих стенах найдутся люди, которые не согласятся с вашим замыслом.

— Шагга, да. Большинство священников склонны неукоснительно придерживаться традиции, служить ревностными защитниками обычая. Он не будет рад отступлению от того, что было заведено с давних пор. Но Магистр здесь я...

Да, он был Магистром, пока исша и кристалл над Дверью его не подвели. Губы Жофре сжались под шарфом, полумаской скрывающим его лицо. Мог ли Шагга каким-либо образом напустить это несчастье? Существовала масса преданий о том, какими странными силами они обладали, но он никогда не видел, чтобы такие силы проявлялись. Все Магистры Лож восстали бы, и даже сам Шагга встретился бы со смертью.

Жофре преклонил колени и прикоснулся своей увенчанной тюрбаном головой к полу, это был достойный ответ того, кому доверялась миссия.

— Магистр, я слушаю и подчиняюсь.

Официально его не отослали, нет. Ни одна Ложа не предоставила бы ему приют, если Шагга был против него. Да он и не хотел оставаться там, где его не считали настоящим

Братом. Они называли его инопланетником. Но как считал Магистр, он обладал определенными навыками, которые могли оказаться очень полезными на любой планете, где одни люди завидовали другим, или боялись за свои жизни, или стремились к власти. Его целью станет космический порт, где он будет ожидать судьбу как исша.

Теперь он оставил зал и лежавшее в нем тело и направился прямо на склад, где царил суматоха. Вьючные животные уже стояли с подставками для груза на спинах. Туда и сюда сновали Братья, уже облаченные в толстую одежду для путешествий. Они грузили на этих животных с мерзким характером все, что было необходимо перевезти в их будущие дома.

Священник Шагга стоял у дверей. Когда Жофре подошел, он повернулся к нему лицом так, что его одежды зашуршали.

— Прочь, но сначала... Туда... — Он указал на пол, который уже успели осквернить животные, — твоё оружие, безмянный.

Жофре зарычал, его рот скрывала полумаска. Да, это также было частью традиции. Поскольку они объявили его не принадлежащим ни к одной из Лож, он не мог носить оружие Ложи.

Его длинный нож, два ножа для метания, которые прятались в рукаве, тяжелый шар на цепи, пустая взрывательная трубка... Он бросал эти предметы один за другим к ногам священника. Наконец у него остался всего один нож.

— А это, — хладнокровно сказал он, — я оставлю при себе по праву путешественника.

Священник искривил рот так, словно хотел одновременно плюнуть и выругаться, но ничего не возразил. Жофре не отступил ни на шаг, хотя Братья, казалось, специально встали так, чтобы преградить ему путь.

— Я требую запасов, причитающихся мне по праву путешественника, — твердо объявил юноша.

— Ты их получишь! — Священник остановил одного из юношей, возвращавшихся с очередным набором снаряжения. — Принеси сюда то, что приготовлено для этого. А потом убирайся, проклятый.

Брат нырнул в глубину склада и спустя мгновение возвратился с очень маленьким мешком, который можно было унести на плече. В этом мешке, как подумалось Жофре, многого не доставало из того, что ему причиталось на самом деле. Однако Шагга подчинился букве закона, и если бы Жофре начал протестовать, он бы ничего не добился и лишь унизил бы себя в глазах тех, которые недавно клялись быть ему Братьями.

Он взял мешок, презрительно ему брошенный, и, не говоря ни слова, повернулся и пошел в широко открытые ворота. В ту свою последнюю встречу с Магистром он хорошо запомнил карту и маршрут, которым ему предстояло следовать. Он знал о пункте своего назначения только то, что почерпнул из уроков да разговоров торговцев, время от времени посещавших Ложу.

Можно было идти по дороге, но она была извилиста и он потерял бы время. Судя по весу мешка, у него было очень мало припасов. Хотя Братьев и учили жить на подножном корме, сейчас было начало холодной поры, и многое из того, что можно было использовать в качестве еды, было трудно найти. Травы были опалены морозом и умерли; мелкие животные забились в норы. Ему предстояло по меньшей мере десятидневное путешествие, после чего он мог оказаться на обрабатываемых землях, а к тому времени он будет изнурен поисками пропитания. Братья действовали на мирян устрашающе. В одиночку же Брат мог стать для них легкой добычей. Нет, лучше двинуться напрямик по перевалу Кимера, если он не завален снегом, принесенным ранней пургой. В каком-то смысле он при этом как бы искал собственные корни, ведь именно на одном из склонов Та-Кимера была обнаружена маленькая спасательная шлюпка, в которой он оказался после аварийной посадки.

* * *

Священник Шагга стоял посередине узкой комнаты, служившей ему личной канцелярией в Ложу. На обивке стен оставались светлые полосы, в тех местах, где прежде висели свитки со СЛОВАМИ СКАЗА, которые он только

что снял. Все его вещи были тщательно упакованы в непромокаемые шкуры и сложены перед дверью.

Он прикусил нижнюю губу, что по привычке делал всегда, когда размышлял, хотя кожа на лице была так туго натянута, что ему это давалось с трудом.

За узкой щелью окна бледное солнце куталось в облака. Буря, слишком ранняя для этой поры, могла бы облегчить его проблему. Но ни один человек не был вправе рассчитывать на капризы природы. Лучше всего самому обеспечить все пункты планируемого нападения.

В этой комнате был еще один предмет. Клетка, в которой виднелось черное пятно. Священник подошел к ней и, открыв дверцу, взял в руки нечто, не животное, не птицу, а сочетание того и другого, слегка пакостное. Эта тварь расправила кожистые крылья, испуская отвратительный затхлый запах.

Ее голова закачалась, шея изогнулась, словно голова хотела убежать не от цепких рук священника, крепко державших ее за туловище, а от сверкания его взгляда. Когда наконец воля человека возоблдала над волей кэга, повернувшаяся голова застыла неподвижно, смотря Шагта в глаза, как загипнотизированная, что в каком-то смысле так и было.

Последовала длительная пауза, а потом священник быстро подошел к окну, кэг встряхнулся и быстро улетел, взвившись спиралью над землей, но по-прежнему отчасти оставаясь во власти священника, словно был к нему привязан. Он будет следить, будет шпионить. Когда наступит смерть, его хозяин быстро об этом узнает.

Глава 2

Жофре заметил признаки приближающейся бури, но не прибавил шагу. Вначале он шел по местности, по которой было относительно нетрудно идти, так как он мог следовать дорогой путешественников. Он ступал размеренной походкой человека, приготовившегося к длительному походу, а мысли его были раздвоены, что являлось результатом особой подготовки.

Часть его внимания была обращена к окрестностям и дороге, другая рассматривала то, что его ожидало в будущем. Он ощущал странное одиночество, хотя Братья главным образом действовали в одиночку и всегда выполняли поставленную перед ними задачу, а ведь он был предоставлен самому себе. Он постарался полностью овладеть своим положением, вначале представив себе карту местности, по которой ему предстояло пройти, а потом последовательно рассмотрев всевозможные навыки и знания, которые могли ему помочь в будущем.

В истории Братьев тесно переплетались интриги и заговоры множества мелких дворов и королевств. Все, что они знали об ином мире, доходило к ним в основном понаслышке. Многие, и среди них Шагга, хотели сохранить это положение. Только благодаря дальновидности и честлюбию Магистра Жофре обладал горсткой знаний, которые могли ему теперь пригодиться.

Когда первый исследовательский космический корабль совершил посадку на Асбаргане, там уже существовал город. Теперь здесь было два города, старый и новый, выросший ближе к космическому порту, его странные дома населяли существа различных инопланетных рас, даже принадлежавшие к разным биологическим видам.

На другом конце этого нового города вдоль порта тянулось третье скопление зданий. Это были обшарпанные гостиницы, рынки, где почти не задавали вопросов относительно источника товаров, предлагаемых на продажу. Здесь собирались отбросы обоих асбарганских поселений, а также прочее отребье, которое всегда тащится за космическими переселенцами, образуя собственное болото.

Жофре приходилось слышать о Воровской гильдии, распутившей свои щупальца широко во Вселенной. Говорили, что в этом третьем поселении размещалось ее отделение, вобравшее в свое разношерстное общество и местные таланты. Кроме того, там были и люди, у которых так сложилась судьба, что не было обратного пути. Жофре рассказывали о наркотиках, сводивших людей с ума, придававших им на короткое время огромную силу, но обрекавших

на жалкую смерть. Все пороки, которые мог вообразить себе цивилизованный ум, были собраны в этой клоаке.

Тем не менее она должна была стать его первой целью. Как Брат, он не мог останавливаться в старом городе, потому что у него не было нагрудного знака принадлежности к какому-нибудь лорду. Кроме того, ему потребовались бы монеты для оплаты прохода. Большая часть населения города стала бы смотреть на него с подозрением. Нет, он должен нырнуть в этот темный квартал и затаиться на дне, пока не решит, как оттуда выбраться.

Принимая такое решение, Жофре не испытывал страха ни перед законом, ни перед беззаконием. Невозможно было вообразить, чтобы Брата заставили действовать вопреки его воле или воле Магистра. Он обладал знаниями, навыками, присутствием духа, служившими ему неплохой защитой. Но, начав раздумывать о том, кому предложить свои услуги, он почувствовал растерянность.

В конце концов решив, что в некоторых случаях предусмотрительность бесполезна, он закрыл этот раздел своего сознания и сосредоточился на самом путешествии.

Когда он дошел до места, с которого собирался отправиться напрямик к перевалу, спустились сумерки. Хорошо обученный мастерству следопыта, он без труда проскальзывал между голыми колючими ветвями деревьев и взбирался вверх. В ту ночь он устроил себе привал в неглубокой пещерке, образовавшейся под сводами двух наклонившихся друг к другу валунов.

Разведя костер, едва ли шире двух ладоней, и подкрепившись жесткой смесью из мяса с сухими фруктами, он постарался настроиться на испытания, которые ему предстояло выдержать на следующий день.

Вначале он выбрал Центр Всего Сущего, сосредоточившись на ментальных символах, обозначающих существование такового. Затем он представил себе внутреннюю работу собственного тела, мышц, нервов, крови и костей, пульсирование плоти. Начиная с пальцев ног, он стал применять Поток Внутренней Жизни, пропуская его через свое тело вверх, в его центр, потом в плечи и руки, в кисти рук, которые, лежа на коленях — он сидел скрестив ноги, — посте-

пенно нагрелись так, что он ощутил покалывание во всех пальцах.

Поток продолжал вливаться в его горло, голову. Он ощутил подъем, который вскоре угас. Он не собирал силу для битвы, используя лишь силу, потребную для путешествия.

Он сделал три глубоких вдоха, чтобы запереть это тепло в себе. Потом он расслабился, чувствуя, что приготовился как нельзя лучше. Теперь он выставил свои камни-часовые на случай тревоги и мог уснуть. По крайней мере, случайности доступны каждому путешественнику, да и Шагга не мог ему в них отказать.

Жофре вытащил из своего мешка три больших камня и, осмотрев их взглядом знатока, в чем ему не помешал наступивший мрак, разместил их в ложбинке на верху скалы. Эти камни подавали сигнал при приближении теплокровного существа, с которым они не были связаны, сам он привязал их к себе каплейкой своей крови и теплом обнаженной руки.

Приняв эти меры предосторожности, Жофре свернулся, укутавшись в двойное одеяло, и погрузился в сон, наступивший скоро благодаря его выучке.

Этой ночью луна не показывалась, небо заволакивали густые, тяжелые облака. Сквозь их толщу шпионил кэг. Эта тварь спустилась на край скалы и свернулась темной кляксой только для того, чтобы вновь взлететь со схваченным филином. Притащив птицу на выбранное место, он разорвал ее тело и жадно сожрал его, а потом погрузился в сон, как и его цель внизу.

Жофре проснулся на заре. Он пожевал еще кусочек своего дорожного пайка, добавив к нему только немного желтой пасты из небольшой шкатулочки. Братья не часто прибегали к стимуляторам, но у них были свои составы из трав, прибавляющие сил. Он собрал своих часовых и свернул мешок. Однако он насторожился, когда всего в нескольких футах от места своего ночного привала он обнаружил нечто, выступавшее наклонно из камня, который, должно быть, спустился с небольшим оползнем с вершин, на которые ему теперь предстояло подняться.

Это явно не была какая-то засохшая ветка. Нет, ему приходилось видеть и самому использовать нечто подобное. Это было оружие, которое при правильном обращении могло конкурировать со стальным. И, узнав его, он с радостью за него схватился.

Камень крепко удерживал прут, и Жофре пришлось потрудиться, чтобы его высвободить. Жофре заметил, что крючок на конце разогнулся, но все же это было оружие, которое он мог отлично использовать. Его исша был сильным...

Но откуда оно взялось? Он сделал несколько шагов назад, чтобы разглядеть склон более отчетливо, и увидел острый угол, который не могла сделать природа. Там некогда была и продолжала стоять... стена!

Жофре на миг закрыл глаза, и вновь вызвал в своем сознании карту. Нет, он был уверен, что там не было и намека на такой длинный путь, который он прошел. Как он мог так сильно сбиться с пути? Он переключил внимание на предмет, который сжимал в руке. Он был старым, но очень тщательно вырезанным из оружейного дерева, этого ценнейшего нароста, обработка которого стоила огромного труда, но зато созданное изделие могло надолго пережить своего создателя.

Жофре стащил толстую перчатку и взял оружие голой рукой, давая ему скользнуть между пальцами, поднес поближе к глазам, сжал его сильнее, затаил дыхание, чуть присвистнув.

— Куа-эн-иттер!

Мертвая Ложа, давно мертвая Ложа! Согласно древнему учению исша, место, которого надо было избегать, чтобы не навлечь на себя несчастье, все еще витающее над ним, хотя его собственную Ложу постигла та же участь. Однако Жофре продолжал перебирать прут пальцами, стараясь отделить логику от суеверия.

Магистр, которому он служил, сделал многое, чтобы разрушить разные толки и разговоры. Выискивая новые возможности приложения сил Братьев, он анализировал массу противоречивой информации, а в последние полгода Жофре часто был его слушателем, так как Шагга и правая и

левая руки Магистра были настроены очень консервативно. Шагга, несомненно, верил, как он и заявлял при каждом случае, что утрата исша ныне покойным Магистром случилась из-за того, что он отошел от обычаев. Но душа Жофре радостно отзывалась на размышления Магистра.

Теперь он припомнил маленькие предупредительные знаки на карте. Однако подход к перевалу был куда удобнее, если следовать старинным маршрутом через Куа-эн-иттер. Таким образом он сэкономит целый день пути, а то и больше. Поглядев на мрачные тучи, он подумал, что ему стоит попробовать.

Он засунул оружие в перевязь своего багажа, на что у него ушло некоторое время. Он теперь решительно карабкался наверх, высматривая, куда удобнее поставить ногу, подстегиваемый угрозой приближающейся бури.

За долгие годы здесь произошло несколько оползней. Он наткнулся на каменную кладку, которая, возможно, была частью стены, и ему пришлось обойти ее. Вдруг он подошел к террасе, поднимавшейся вверх с заметными очень древними следами обработки. Несомненно, это был путь в древнюю Ложу.

Он не этого искал. Он должен обойти то, что оставалось от этого укрепления, чтобы найти дорогу на другой стороне. А терраса вскоре скрылась в зарослях. Это был опасный путь, и Жофре ступал с большой осторожностью.

Справа от него выросла полуразрушенная стена. Там была разбитая арка малого прохода, но то, что он искал, должно было лежать выше, и он перебрался левее, следуя параллельно торчавшей из земли стене. Нечто спустилось с неба, коснувшись его рукава, затем он заметил несколько снежинок. Начинался снегопад, и если он не хочет, чтобы от перевала его отделяла стена, ему надо поторопиться.

Он пришел к заключению, что Куа-эн-иттер имела очень умеренные размеры. Правда, строения были настолько разрушены, что он не мог точно определить их изначальной территории. Он попытался задуматься об истории этого Братства, что-то мелькнуло искрой в его памяти, какой-то обрывок впечатления появился и тут же исчез.

Магистерский кристалл здесь, конечно, умер, иначе Ложа оставалась бы обитаемой. Но было что-то еще, что касалось ее последнего Магистра, припоминал Жофре. Несмотря на все свое тщательное обучение, он не мог заставить разгореться в себе огонек именно того, что слышал.

Падавший хлопьями снег стал гуще, но снегопад был еще не так силен, чтобы преградить ему путь. Он имел обзор, хоть и ограниченный, благодаря чему мог идти по правильной дороге. Однако достигнув той точки, к которой он стремился, с которой продолжался тот древний путь наверх, Жофре заколебался. Здесь можно было найти какой-то приют. Если ветер поднимется сильнее и, превратившись из дразнящего в опасный, застигнет его на открытом месте в верхней части склонов, он окажется в рискованном положении.

Это была первая буря. Членов Ложи приучили понимать погоду, им было не обойтись без этого. Часть его сознания подталкивала его вперед, другая благоразумно рекомендовала переждать. Он не мог рассчитывать, что пройдет сквозь бурю, если снегопад образует прочную завесу.

Быстро приняв решение, он повернулся к краю стены, туда, где руины обещали ему приют. Обогнув груды камней, он вошел в то, что некогда было главным двором Ложи. Это место поросло высохшим кустарником. Как бы оно ни было запущено, он не мог найти себе лучшего пристанища выше в горах.

Жофре почти что занес ногу на первую ступеньку лестницы, которая вела в Магистерский зал. Он колебался. Войдя в эту темную полость, которая открывалась беззубым ртом, он обрел бы укрытие от бури. Но в нем еще прочно сидели верования Братьев, подсказывавшие ему воздержаться от этого.

Он предпочел небольшую нишу, где, должно быть, раньше размещался склад. Едва ли в другом месте он чувствовал бы себя удобнее. Там он и устроил себе привал.

Он надергал кустиков, вырвав их с жидкими корешками, что позволило развести ему костерок. Пока он собирал

хворост, снег пошел чаще, образуя все более густую завесу, и он знал, что его решение заночевать здесь оказалось правильным.

В конце концов он устроился в небольшом пространстве, которое достаточно было закрыто от бури, но ему не хотелось спать. Вместо этого он сидел настороже, как следопыт в ожидании затаившегося врага. Его слух, зрение, даже осязание были напряжены, чтобы обнаружить малейший намек на что-либо, что не было ветром, или снегом, или другим природным явлением в этом древнем месте.

Это напряжение в нем все росло, становясь ошутимее, словно зуд, который невозможно утолить, почесавшись.

Он выставил своих часовых при входе в нору. Он позволил себе съесть порцию припаса, урезанную наполовину, и тщательно разжевывал пищу, прежде чем ее проглотить, словно, растянув трапезу, мог лучше утолить голод.

Что здесь сохранялось? Или старые суеверия действительно имели под собой основание и в покинутой Ложе до сих пор обитали духи последнего Магистра и его колейтенантов? Жофре, сидевший скрестив ноги, положил на колени оружие, которое нашел. Он ощупывал пальцем зазубрины, являвшиеся знаком оружейной мастерской, где оно было изготовлено. Внезапно он почувствовал в своем углу тепло, но оно исходило не от его руки, а, наоборот, шло к ней извне. Потом его оружие неожиданно подвинулось, явно не по воле Жофре и не от его движения.

— Саахх. — Жофре был так поражен, что нарушил свое хорошо тренированное спокойствие этим возгласом.

Он испытывал именно то, о чем ему приходилось слышать, то, что однажды было ему показано Магистром в их кратком путешествии.

Полуобломанное оружие, которое он обнаружил внизу среди камней, оказалось знаком исша! Исша? Но тот факт, что эта Ложа была покинута, означал, что здесь не было исша. Кроме того, он не являлся Магистром, а следовательно, не мог служить каналом, проводящим энергию. И тем не менее это происходило!

Оружие, которое он теперь сжимал не так крепко, явственно развернулось, указывая на снег. Давно расставленная западня? По слухам, некоторые Магистры обладали силами, далеко превосходившими обычные человеческие возможности. Он посмел вступить на проклятую территорию. Может быть, теперь его ожидало возмездие за излишнюю дерзость?

Дело в том, что он не мог сопротивляться. Он должен был выполнить любое действие, на которое его подталкивало оружие. Переложив нож в другую руку, он выполз наружу; помедлив пару секунд, полуприсел в позу «Берегись-ночного-нападения».

Падал снег. Ничто не шевелилось в сугробах, которые насыпала буря. Но стержень с силой раскачивался, дергаясь у него в руке, словно с другого конца его сжимала неведомая сила. Теперь он оказался лицом ко входной двери.

Клятвою крови, Братья, солью и хлебом, вином и водой,

Веревкой и сталью, рукой и ногой — клянусь

Исполнять все повеленья Магистра и старших.

Он повторил клятву ища, как сделал бы это, если бы его отослали в другую Ложу, как других.

И он пошел так, как будто на оббитых ступенях перед ним стоял давно ушедший из жизни Магистр Куа-эн-иттер.

Но оружие увлекало его не в темноту. Когда он добрался до верхней ступени, стержень в его руке повернулся и выскользнул из руки, ударившись об истершийся каменный пол. Плита, на которую упал взгляд Жофре, была почти на границе с темнотой, это была темная заплатка, в которой, казалось... Жофре опустился на одно колено и вытянул руку, его пальцы сомкнулись над этим пятном. Сверкнула искра, словно он ударил стальным стержнем по камню, чтобы добыть огонь. Почти против своей воли он сжал кулак.

Тепло! Жофре почувствовал его, как тогда, сжимая стержень, и это он заставил его совершать подобные действия.

Он поднял руку, поднося то, что подобрал, к глазам. Это был предмет овальной формы размером приблизительно с его ладонь, гладкий, словно самоцвет, подготовленный в

оправу. Но когда он сжал камень в руке, он стал излучать... Сияние исша! Но нет, этого не может быть! Неужели, умирая, камень Магистра оставляет свое провидение? Об этом не говорилось ни в одной легенде, которую ему приходилось слышать. Хотя разве кому-нибудь приходило в голову забраться в проклятое место, чтобы в этом убедиться? Он хотел отбросить от себя камень, но лишь крепче сжал его. Он знал, что то, что он нашел, придавало силу. Но он был не тот, кто мог ее использовать.

— Нет! — прорезал тишину снежной ночи его голос. — Нет!

Но вот она, связь. Он чувствовал ее, она становилась частью его самого. Он собрал все свои внутренние силы, чтобы отбросить находку. Но это было бесполезно, он не мог ее отшвырнуть. Вместо этого его рука, словно по велению Магистра, распахнула поясной мешок, и пальцы стали просовывать находку в самое безопасное место.

Жофре стоял, покачиваясь. Он не мог найти никакого разумного объяснения случившемуся, но, по-видимому, оказался теперь наделен какой-то особой силой.

Он повернулся, чтобы пойти к месту привала. Сверху вместе со снегом спустилась какая-то тварь. Она обдала его затхлой вонью и ринулась вниз, словно собираясь клюнуть его в голову. Поистине дурное предзнаменование!

Жофре ударил это существо. И оно с шумом улетело в ночь. Больше оно не появлялось. Он снова устроился в своем укрытии. Дважды он пытался вытащить камень, чтобы получше рассмотреть его, но рука отказывалась выполнять его желание. Однако он чувствовал камень своим телом через складки толстой одежды.

Он стал целенаправленно делать движения — «Слиться-воедино», «Сознание-ищущего» — и таким образом собрал в себе мысли, присущие тому, кто охотится на чужой, запретной территории. Но хоть он изо всех сил старался напасть на какой-нибудь след и вышел из этого странного транса, закован от холода, давление от находки оставалось в нем, правда, он знал, что сделал все возможное, чтобы обезопасить себя. Теперь ему оставалось лишь ждать.

* * *

Кэг похлопал крыльями, на которые налип снег, и снова полетел вперед. Он дважды пролетел над развалинами, но больше уже не пытался спуститься. Потом он описал еще один круг и полетел восвояси на север, прочь от Куан-иттер. Утро застало его все еще в полете. Снова посыпался снег, когда он облетел уже следующий привал, на этот раз гораздо больший, и устроился наверху пустой клетки.

К нему протянулась морщинистая рука и корявое запястье, и тварь запрыгнула на него, чтобы встретиться с неподвижным гипнотизирующим взглядом Шагга.

— Ну, — наконец сказал священник. — Он еще решает вмешиваться!

Рассмотрев ситуацию, он взвесил разные варианты. Традиция была сильна, несмотря на его ненависть, она его в некоторой степени связывала. Никто из Братьев не сделал бы шага в нарушение обучения исша, если только он не был открыто объявлен посторонним на общем собрании Магистров Лож и обвиняемому не предоставлялось бы слово в свою защиту. Не было веревки или кинжала, которые можно было бы открыто применить против этого проклятого инопланетника, время для этого еще не пришло. Но за ним нужно следить, определенно нужно следить.

Размышляя над этим, он кормил кэга с ладони пропитанной вине травой, а потом пересадил теперь уже сонную тварь в клетку. Среди багажа священника была и другая клетка. Приближаясь к ней, он взглянул на небо. Горы не были преградой для его быстрого вестового, и тот доберется до портового города задолго до прихода путешественника, которому Магистр переломал бы хребет собственными голыми руками.

Он открыл клетку, и далеколет, клюнув его в палец, подчиняясь приказу, вылетел. И это крылатое существо поняло молчаливое приказание священника, подбросившего его ловким движением руки, посылая выполнять поручение.

Глава 3

Человек странной походкой без каких-либо усилий легко пересек комнату. Наблюдателю, наделенному воображением, такая походка напомнила бы о рыбе, преодолевающей толщу воды. Его гимнастерка и бриджи были скромного коричневого цвета, без всякого блеска, хотя некрупные застёжки отливали червонным золотом, а пряжка кошелька была унизана мелкими драгоценными камнями, совершенство которых мог бы оценить только опытный глаз.

И в старом городе, и в новом, стремительно росшем поселении вблизи космического порта, он был известен как Рас Зарн, купец средней руки с дальнего Севера, хороший партнер, всегда готовый быстро и честно выполнить все договорные обязательства. В двух других местах он имел совершенно иной имидж.

В одном из таких мест он жил в тесной, похожей на чулан комнатухе, освещаемой скромными лампами, укрепленными на кронштейнах по боковым стенам.

Мебель была жалкая: табуретка да столик высотой по колено, голый, покрытый царапинами и уколами от ножа.

Он шел с вытянутой вперед рукой, поддерживая далеко-далека, слегка помятого и имевшего такой вид, словно сила в его крыльях была на исходе. Когда Зарн уселся на табуретку, это существо соскочило на столик, оставляя на нем новые следы когтей, которыми он и без того был испещрен.

Казалось, существо не было настроено совершать дополнительные движения, пока человек не схватил его за густооперенное тело, поворачивая мордой к себе. Потом он поднял и развернул его голову так, чтобы оно уставило в него, человека, немигающие глаза.

Дважды Зарн кивнул, словно соглашаясь с какой-то речью, совершенно неслышной в этой убогой комнатухе. Потом он чуть расслабился и достал из кошелька, лежавшего в сумке, тускло-зеленый шарик. Сплющив его резким нажатием большого и указательного пальцев, он положил

лакомство перед своим вестовым, чья освобожденная из его цепкого захвата голова быстро атаковала деликатес.

Когда известие было получено, а награда за него выдана, Зарн неподвижно застыл, разглядывая противоположную стену, словно мог найти на ней какую-нибудь важную надпись или географическую карту. Помедлив, он кивнул в третий раз, его губы слегка шелохнулись. Это движение было таким мимолетным, что его почти невозможно было заметить. Он снова протянул руку, и птица вскочила на запястье, как на насест. Потом Зарн отошел к дальней стене, нажал на нее странно сложенными пальцами левой руки, и дверь отодвинулась в сторону, выпуская его в совершенно обычный кассовый зал, который он здесь арендовал.

Предупреждение было сделано, через час он приведет в движение то, что надо, и у него не будет оснований сомневаться в своем плане. Оружие он уже выбрал, и оно могло выполнить его волю, как если бы было его собственной рукой, направляющей стальное острие или закидывающей удавку.

* * *

Пурга, продержавшая Жофре среди развалин двое суток, на вторую ночь наконец закончилась, и впервые завесу из облаков прорезали лучи солнца. Он тут же двинулся в путь. В это время года такой передышкой необходимо воспользоваться как можно скорее. Ветер помог ему, проложив коридоры, достаточные, чтобы пробиться к перевалу.

Он медленно карабкался вверх. Такая дорога не подошла бы каравану торговцев или равниннику, но для того, кто прошел подготовку в Ложе, она была просторной, как хорошее шоссе. К счастью для него, здесь не было оползней и путь был открыт, хотя он использовал свой вновь обретенный стержень для прокладывания тропы там, где наталкивался на снежные завалы.

Когда Жофре оказался на перевале, ветер задул с новой силой, и он пошел, прижимаясь к стене утеса, чтобы убежать от возможного обвала.

Его внутренняя сила была напряжена почти до предела, но сознание, что, протиснувшись через эту щель, он будет спускаться, подбадривало его.

Жофре сделал первый привал, достаточно долгий, чтобы перекусить, но только после того, как прошел немалое расстояние и достиг кромки зарослей вечнозеленых растений, покрывавших южный склон горы. Судя по положению солнца, скоро должна была спуститься ночь, и ему придется сделать привал в первом же укромном месте, которое он найдет. Кроме того, он вышел на вражескую территорию, и ему придется приложить все усилия, чтобы оставаться незамеченным. В горах попадались грабители-изгои, хотя в большинстве они собирались в более доступной местности, но здесь, в чаще, можно было встретить и лесника, и зверолова.

Хотя теперь на нем не было полной одежды его ордена, любой бдительный взгляд мог его узнать. Мало кто облачился бы в костюм путешественника, который он себе соорудил из того, что смог найти в Ложе. У него был потайной нож на груди, обломок старинного оружия, и он был силен навыками самообороны и нападения без оружия, усвоенными в долгих тренировках с самого детства, но все это не спасло бы от бластера, ставшего достоянием равнинных жителей, после того как прибыли инопланетники.

Магистр проводил исследования такого оружия, сведения о котором поступали из отчетов Братьев, служивших в равнинах и вернувшихся по истечении срока службы. Но достать это оружие и научиться с ним обращаться они не успели. Инопланетникам запрещалось применять его там, где технологии не позволяли его создавать. Поэтому стремительно развивалась контрабанда. Но равнинные лорды не менее яро, чем инопланетники, старались не допустить Братьев до такого оружия. Благодаря своему долгому опыту тайных бойцов и секретных убийц Братья в совершенстве овладевали любым оружием, появлявшимся на Асбаргане. Казалось, никто, кроме них самих, не желал, чтобы их арсенал пополнило какое-нибудь новое средство, расширявшее и без того огромные возможности убийства. Поэ-

тому хотя несколько Магистров и предлагало огромные награды за образец любого нового оружия, они не могли заполучить ничего, за исключением слухов о его смертоносной силе.

Ему было необходимо не только остерегаться встречи со скрывавшимися в лесах грабителями, следовало также следить, чтобы не напороться на равнинника. Слишком часто Братья, служившие лордам, подавляли восстания или пресекали любую угрозу со стороны простолюдинов. Нет, безопасность была только в сокрытости от любого глаза.

В эту ночь Жофре нашел приют в чащобе из кустарников, высоких, как деревья, у кромки ручья, подернувшегося льдом. На этой стороне гор он уже не решался развести костер и позволил себе подкрепиться лишь крохотной порцией припаса. Поскольку у него не было монет для путешествия, запасы продовольствия и приют ему могло обеспечить только удачное применение воровских навыков. Однако судя по тому, что ему приходилось слышать, в портовом городе, если ему только удастся до него добраться, найдутся люди, которые примут его в свои шайки с большим удовольствием. Братьям не было нужды прославлять себя; это сделала за них история Асбаргана.

У него не было монет, но он имел нечто другое. Не в первый раз за этот день его рука прикасалась к поясу и предмету, который на нем висел. Он не знал, что несет, но не сомневался, что это — ценность. И он слышал, как купец Дис, посетивший их Ложу как раз накануне ее краха, рассказывал, что инопланетники дают хорошие деньги за любые странные старинные предметы. Жофре не решился бы предложить то, что нес какому-нибудь лорду, вещь слишком была связана с Братями, но инопланетник не будет столь шепетильным. Да, он найдет покупателя, уж он постарается! Выставив караул из камней, Жофре настроил свой мозг на пробуждение при любых изменениях обстановки и наконец заснул. Это была всего лишь неглубокая дрема, но ее было достаточно, чтобы восстановить

большую часть энергии, израсходованной за минувший день.

Жофре понадобилось десять дней для достижения цели. Чтобы прокормиться, ему пришлось использовать все уловки разведчика, заброшенного на вражескую территорию. Он переменял одежду, забравшись на ферму, на день покинутую хозяевами, которые, должно быть, отправились в соседнюю деревню, так что ему удалось выбрать то, что больше всего подходило для его нужд. Поверх полевой одежды он надел тунику и плащ, свернув прежнюю в узел, который мог нести любой прохожий. Ему было трудно отказать от тюрбана и полумаски, принятых в его ордене. Без них, с полностью открытым лицом, он казался себе незащищенным. А бросив взгляд на свое отражение в придорожной луже, он увидел совершенно чужое лицо.

У него был рост, обычный для инопланетника, хотя он и не знал своего точного происхождения, поэтому он всегда выделялся среди местных жителей. Но волосы у него были такие же темные, как у них. Только глаза цвета хорошо отполированного лезвия ножа опять-таки отличались от неизменно карих глаз асбарганцев. В этой грубой одежде он вполне мог сойти за инопланетника, хотя его знание звезд было исключительно поверхностным и он мог выдать себя всякий раз, когда открыл бы рот. К сожалению, в последний день путешествия, прежде чем войти в порт, он разбил вдребезги остатки прута. Принадлежность этого предмета Братьям была слишком очевидна, ни один равнинник никогда такого не использовал. Теперь ему придется выйти на дорогу, но прежде, чем это сделать, он забрался в заросли, чтобы подготовиться. Он вновь призвал Внутреннюю Жизнь, чтобы напитаться ею. Его руки складывались в жесты: «зарождающая-мысль», «острый-глаз», «чуткое-ухо», «готовая-рука», «быстрая-нога». Он делал все более глубокие вдохи, словно наполняя легкие видимой силой, исходящей от этого прохладного воздуха.

Его глаза больше не видели окружающего мира, им предстали символы, словно вытравленные в воздухе, каж-

дый из которых имел свои значение и ценность. То, что растет, имеет корни, и сила должна в нем укорениться. Поглотив порывы ветра, она должна была напитать его дух, поселиться в нем...

Теперь Жофре обнажил свой кинжал. Это не будет церемонией принесения присяги, потому что присяги стали ему недоступны, оставалось присягнуть только себе, своим внутренним потребностям. Он сбросил перчатку и по очереди коснулся острием кинжала кончика каждого пальца, нажимая настолько, чтобы везде показалась бусинка крови.

Резко тряхнув запястьем, он сбросил их в воздух. Потом поднес руку ко рту, облизал все крошечные ранки, чтобы они затянулись. Он пролил ритуальную кровь и приготовился к движению вперед, хотя его единственная миссия состояла в том, чтобы такую найти.

* * *

Рас Зарн, с рафинированной вежливостью извинившись перед инопланетником, сообщил, что должен ненадолго его оставить. Он точно знал, кто этот незнакомец, что он связан со своей родиной и всеми полетами. Хотя он был уверен, что этот Робер Гренджер не имеет понятия, что это ему известно.

— Прошу прощения, джентльхома, — еще раз склонился в поклоне Зарн. — В этот час у меня встреча, которую я не могу отложить, как бы мне этого ни хотелось, ведь то, что вы рассказываете, представляет огромный интерес. Однако то, что меня отрывает, не продлится долго, и я просил бы, чтобы вы, джентльхома, любезно согласились подождать меня, если найдете это возможным. Я искренне верю, джентльхома, что нам удастся заключить сделку.

Он почувствовал, что эта задержка вызвала у его контрагента раздражение. Однако он прекрасно понимал, насколько тому хочется заполучить то, что ему, Зарну, принадлежит, и ничуть не сомневался, что, вернувшись, найдет этого человека на том же месте.

Дом, в котором проходила их встреча, был некогда клубом мелкой знати. Теперь он был разделен на несколько

маленьких комнат и тесных проходов, которые запутали бы любого посетителя, лишенного плана или гида. Зарн повернул направо, затем налево и очутился в комнате, где имелась вторая дверь наружу. Когда он вошел, его уже ждали.

— Добро пожаловать, леди. — Купец изобразил поклон завернутой в плащ фигуре.

Дама могла принадлежать к любому сословию, поскольку этот плащ, хоть и из хорошей шерсти, был унылого цвета и не имел никаких украшений.

В ответ на это приветствие она склонила голову, но не произнесла ни слова.

— Вы получили известие и знаете, что необходимо сделать, — продолжал он. — Помните, что это чрезвычайно важно. Магистр-рenegат воспитал его настоящей Тенью. Его необходимо взять, чтобы то, что находится сейчас у него, попало к нам.

Она кивнула во второй раз. А потом заговорила:

— Высокочтимый, на мне уже лежит миссия.

— Да, но с ней можно покончить до того, как вы приметесь за другую. Таков приказ присягнувшему.

— Да будет так. — Ее голос был тихим, но твердым. Не попрощавшись, она вышла через другую дверь на улицу. Зарн потер ладони, словно перетирая нечто в порошок. Ей, конечно, это удастся, разве она не лучшая, кого ему приходилось видеть за работой? Еще одна миссия, и, возможно, у них будут на нее другие виды, воплощение планов ради всеобщего блага.

Он вернулся к своему негодующему посетителю с совершенно легким сердцем. С таким оружием можно считать себя победителем в любой игре. А теперь — за дело с этим инопланетником и теми, кто за ним стоит! Зарн минуту раздумывал, прикидывая, насколько далеко тянутся его связи.

* * *

На границе нового города у порта не было ни стены, ни ворот. Хотя купцы и администраторы, туристы (некоторые из них теперь приезжали главным образом поохотиться на западе на лароксов) и прочие законопослушные жители

обитали в пяти-, шестиэтажных домах, повсюду имелись заставы, охраняемые частной стражей, которая торчала у всех на виду. Здесь не было места человеку без пенни в кармане, это Жофре прекрасно понимал; и он пошел ровной походкой человека, отлично сознающего свою цель — городские окраины, где громоздились наскоро построенные дома, которые стали появляться со времени Первого Контакта, состоявшегося около столетия назад. На языке бедноты их называли «быстряками», это были дешевые бараки, содержавшие только то, в чем была прямая необходимость, ограничивавшаяся крышей над головой и не особенно большим количеством дырок в дверях.

Во многих из них также жили торговцы, те, которые делали состояние на продаже наркотиков с обоих континентов Асбаргана, а также вредоносных, почти ядовитых жидкостей, завезенных из других миров. Наряду с торговцами всяким зельем здесь селились дельцы, промысляющие живым товаром, который в рабочие ночные часы выставлялся напоказ в полузавешенных окнах, а также бесчисленным количеством запрещенных лекарств. Полиция старого Асбаргана давно умыла руки, отказываясь нести какую-либо ответственность за происходящее. Те, кто здесь обитал постоянно, могли и сами о себе позаботиться, что они и делали всякими противозаконными способами, либо пропадать ко всем чертям. Инопланетники более высокого сорта избегали попадать в Вонючую дыру и держали личную охрану. Время от времени сюда забредали космонавты, но они появлялись парами или тройками со шокерами, выставленными на всеобщее обозрение. А местные жители с равнин, приехавшие в город, редко оказывались настолько глупы, чтобы даже помыслить о приходе в город, они автоматически предпочитали поиски приюта и развлечений в привычном им старом городе.

Руки Жофре дважды совершили движения. Он установил в своем сознании модель «стать-невидимкой», прежде чем двинулся по улице, которая вела в Вонючую дыру. Хотя

он был хорошо обучен этому приему, у него не было случая применить его в деле. Но судя по тому, что он слышал, он надеялся на то, что у него получится. Дело не в том, чтобы вступающий на чужую территорию стал действительно невидимым, скорее он распространял определенного типа мысль, которая отгораживала его от взглядов тех, кто шел мимо.

Зловоние схватило его за глотку. Человека из Ложи, привыкшего к чистому высокогорному воздуху, окутывало отвратительным туманом. Испарения от падали и экскрементов, поднимавшиеся над мостовой, были почти видимыми. Рассвело час назад, и квартал просыпался.

В нескольких шагах перед собой Жофре увидел первых космонавтов. Они были одеты в тесные комбинезоны серовато-коричневого цвета, почти такого же, как выцветшие стены окружавших их домов. Но их воротнички были разных цветов и форм, как предположил Жофре, они служили знаками отличия их звания или обязанностей. Эти трое были молоды и шли с осторожностью, непрерывно оглядываясь по сторонам. Он не понял долетевших до него слов, но догадался, что они считали свою прогулку чуть ли не подвигом.

Поскольку у Жофре не было другого дела, он пошел, не упуская их из виду. Когда они остановились перед широко открытой дверью, занавешенной промасленной тряпкой изначально солнечно-оранжевого цвета, он также остановился, в одном шаге от входа в переулок.

Из комнаты доносился барабанный бой, силы которого с лихвой хватало, чтобы заглушить слова космонавтов, начавших, должно быть, какой-то спор. Вообще-то в этих звуках тонула и большая часть городского шума этой местности.

Можно было заглушить звук, но не инстинкт. Голова Жофре дернулась влево. Там, в темной глубине переулка, чувствовалась беда. Было не слышно криков о помощи, но ощущалась борьба. И несмотря на особый характер обстановки в Вонючей дыре, таившей опасности, которыми было непозволительно пренебрегать, Жофре устремился в глубину переулка.

Глава 4

Лишь зайдя в этот грязный переулок, Жофре увидел дерущихся. Под ногами хлюпала грязь, и ему пришлось учесть и эту опасность. Спиной к запачканным стенам стояла высокая фигура. Нападающие — их трое — были ростом поменьше. Передвинув свою кладь поудобнее, Жофре принялся действовать.

У него промелькнула мысль: «Никакой стали, драться без оружия». Слишком велика была для жертвы опасность попасть между дерущимися и пострадать от обеих сторон.

Ребром ладони он ударил ближайшего из крысиной стаи в ключицу, и даже барабанный бой не помешал ему услышать вопль, изданный этим парнем, который тут же откатился назад. Из его руки выпал какой-то металлический предмет, лязгнувший по грязной мостовой, когда он схватился за другую руку, повисшую и уже бесполезную.

— Яаааах саннг... — раздался крик Жофре, развернувшегося, чтобы нанести следующий удар, на этот раз коленом, заставивший отступить и другого противника.

Но теперь за дело взялась их жертва. Мрак был прорезан узким лучом света, показавшимся Жофре не толще его большого пальца. Он уколел одного из нападавших, а затем метнулся влево, на мгновение высветил лицо с почти беззубым ртом, делавшим его похожим на гротесковую маску.

Оба молодца, к которым прикоснулся луч, споткнулись. Человек, которого Жофре ударил первым, уже несясь прочь, по пути он дважды поскальзывался и чуть не падал.

— Прими мою благодарность, Ночной скиталец. — Эти слова были произнесены со странным акцентом, и Жофре напрягся.

При всей осторожности он выдал себя своим боевым криком. Этот человек обращался к нему по имени, которым равнинники и называли Братьев.

Незнакомец, немного отойдя от стены, оступился и упал бы, если бы Жофре, не раздумывая, не поддержал его, ухватив за плечо.

— Вы ранены? — спросил он.

— Я... поцарапан, но это касается и моей уверенности в себе, и моего тела, Ночной скиталец. То, что наступил день, когда это отребье нападает на одного из рода Зоксанов, увы, это действительно постыдно.

— Если вам нужно прикрытие... — начал Жофре. Он не присягал этому незнакомцу, но и не мог попросту уйти, предоставив его на растерзание следующей крысиной стае.

— Ночной скиталец, если у тебя нет своей миссии, я был бы рад компании, по крайней мере, чтобы добраться до края этой гнусной ямы, — искренне ответил незнакомец.

Двинувшись вперед, он снова поскользнулся, но Жофре успел его поддержать. Рука, поднятая незнакомцем, имела необычный вид, она была короткой, слишком короткой, Должно быть, незнакомец был калека.

Но у него не только была недоразвитая рука, оказалось что он еще и хромотает. Космонавты ушли, и мгновение казалось, что кругом никого нет.

Жофре повернул голову, чтобы рассмотреть незнакомца, которому он помогал. Только длительная тренировка позволила ему не выдать изумления. Ему приходилось слышать, что космонавты, то есть звездные путешественники принадлежат к другим видам. Однако это существо было совершенно не похоже на всех, кого он знал или о ком он слышал, разве что оно слегка напоминало «демонов» из старых сказок. Жофре был потрясен.

Спутник Жофре был такого же роста, как и он, может быть, на ладонь повыше. Его непокрытая голова была куполообразной и совершенно безволосой, но вокруг шеи лежала оборка из складки кожи, словно воротник, мутно-алого цвета, но, когда Жофре посмотрел на нее, она побледнела. Кожа на лице и голове была перепончатой, собиралась мелкими бугорками, как на ящерице. На лице, по форме напоминавшем четырехугольник, лишенном подбородка, была сильно развитая зубастая нижняя челюсть, глаза были очень крупные и, казалось, горели крошечными точками пламени.

Незнакомец был в форме космонавтов, однотонной, без знаков различия. Теперь он был занят своим легендарным инопланетным оружием, которое прятал в кобуру, прикрепленную к поясу. Его левая рука, за которую его продолжал поддерживать Жофре, была вдвое меньше правой и полностью скрывалась под подвернутым рукавом униформы.

Убрав оружие, незнакомец обратил все внимание на Жофре.

— Отличная работа, Ночной скиталец, не правда ли?

Его большие глаза, казалось, чуть прищурились. К голосу примешивались свист и пришепетывание, которые слегка исказили слова.

— Кто ты? — тупо, испуганно спросил Жофре.

Оборка побледнела и легла на плечи незнакомца круглым отложным воротничком.

— Ты хочешь спросить, чем я занимаюсь? На этой планете сейчас нет моих сородичей, или, во всяком случае, я о них не слышал. Мы тоже в некотором роде скитальцы, но из-за некоторых обстоятельств мне пришлось на время выйти из пределов досягаемости своих соплеменников. Я закатанин, меня зовут Зуржал.

Закатане! Как-то Магистр говорил об этой расе. Она была очень старой, гораздо старше той, к которой принадлежал Жофре, ее история уходила корнями в далекие времена, скрытые густыми сумерками веков, через которые никто не мог бы проникнуть. Эта раса не славилась воинами, наоборот, она давала миру хороших студентов и ученых, хранителей архивов не только у себя, но и в чужих мирах, с которыми ей случалось вступать в контакт, когда закатане занимались изысканиями, касавшимися их прошлого. Закатан можно было встретить среди изыскателей-перворазведчиков, потому что присущие им необыкновенные чуткость и высокий интеллект делали их отличными исследователями и наблюдателями. Существовали огромные знания, накопление которых являлось их заслугой, а долгожительство в сравнении с другими расами делало их прекрасными летописцами.

Закатане занимали в галактическом мире странную нишу, иногда они выступали в роли дипломатов, миротворцев. Их нейтралитет являлся общепризнанным, и им разрешалось посещать все миры по своему выбору.

Но встретить такого в Вонючей дыре! То, что Зуржал имел при себе шокер, посещая эти места, было вполне разумной мерой, но зачем ему вообще было сюда забираться?

— Я ищу человека...

Жофре напрягся. Было ли чтение мыслей одним из умений этого человека-ящерицы? Если так, то Жофре вовсе не хотелось, чтобы это умение практиковалось на нем. Он отпустил плечо Зуржала.

— Нет, я не читал твоих мыслей, Ночной скиталец, я лишь рассуждал логически. Тебя, конечно, интересует, почему я здесь. — Он издал короткий звук, который мог сойти за смех. — Я согласен, что здесь не место мирному человеку, но иногда, чтобы обеспечить себе успех, приходится преодолевать множество препятствий.

Между ними повисла тишина. Если закатанин рассчитывал на ответ Жофре, то тот не знал, что ему сказать. Надеялся ли он на то, что ему нужен помощник в этих поисках? Если так, то он обратился не по адресу.

— Магистр наук, — начал Жофре, назвав его так, как он назвал бы одного из тех немногих, кто ревностно собирал историю Теней. — Я здесь новичок и никого здесь не знаю. Ты должен поискать другого гида.

— Ты присягнувший? — быстро спросил закатанин, и его вопрос выражал такую власть и силу, что Жофре обнаружил, что отвечает сразу же и правду.

— Я не присягал, я больше не принадлежу к Братству.

Он заметил, каким острым был обращенный на него взгляд, словно закатанин открыл его череп и вытаскивает ответ прямо оттуда.

— В письменных источниках не говорится о случаях изгнания из Братства, — сказал закатанин. — И никто не отрекался от присяги. Но... ты не асбарганец, а мне не приходилось слышать, что Братья принимали в свою среду человека иной расы.

— Я не знаю своей расы, Магистр наук, меня нашли на разбившемся космическом корабле, когда я был так мал, что не помнил, что происходило перед тем, как Магистр Ложи принес меня и сделал одним из своих последователей. Его асша пришел конец, и священник Шагга, который давно хотел избавиться от меня, тут же отказал мне в принадлежности к Братству. Но при этом я обучен исша. — Этим он кончил свою речь. Уверенное заявление было не похвалой, а лишь признанием фактов.

— Ты хочешь связать себя присягой?

Разве не это привело его сюда? Но по правде говоря, он не смел надеяться, что какой-нибудь лорд привяжет его к своему Дому.

— Разве кто-нибудь в моем положении не хотел бы этого? Но теперь за мной не стоит никакой Ложи, и Братья не гарантируют моей службы.

Закатанин кивнул.

— Однако в этом может быть ответ на две проблемы. Ты согласен пойти со мной и послушать?

Это был странный шаг судьбы, то, что он так быстро получил предложение, могло бы показаться почти подозрительным, но хотя бы выслушать инопланетника он мог; может быть, после недавнего происшествия Зуржал ощутил потребность в телохранителе. Что ж, Жофре натренирован и в этом применении Теней, как и во всех других.

— Я пойду.

Он пошел в ногу с закатанином со стороны, где его рука была искалечена. Он уже принял на себя обязанности телохранителя, оценивая каждую точку, из которой могло последовать нападение. Но хотя кто-то и попадался на их пути, их не трогали. Жофре со своим спутником достигли границ Вонючей дыры и оказались в том районе портового поселения, где путешественники находили приют в отелях.

Они приблизились к самому большому из зданий, стоявшему особняком и предназначенному для посетителей из иных миров, высившемуся башней этажей в десять, отчего соседние постройки казались похожими на карликов. Над широкой дверью лился яркий свет, в котором можно было

разглядеть немало охранников, в большинстве инопланетников, обученных у себя на родине. Увидев закатанина, один из них отсалютовал ему поднятой рукой. Неизвестно, был ли у Зуржала при себе какой-нибудь механизм, но дверь, к которой он даже не прикоснулся, отъехала перед ними в сторону, пропуская их в помещение, где, несмотря на всю усвоенную при тренировках готовность к неожиданностям, Жофре едва не остолбенел.

Перед ними была большая комната, в которой поместилось бы половина Братьев из Ложи. Она была разделена множеством высоких стен на круги, квадраты, ниши под прозрачными крышами. Некоторые из них оставались пустыми, в других сидели компании посетителей.

На полу не было покрытия, но в некоторых местах лежали пушистые ковры, в других отсеках — материал, напоминавший сверкающий песок, еще в одном помещении пол был выстлан чем-то по виду похожим на густую грязь, а несколько комнат устилало нечто похожее на травку, среди которой распускались яркие бутоны. Однако большая часть комнаток имела более традиционный вид, и пол в них покрывали ковры, в которых утопали ноги. Здесь не было пуфиков или столов. Вместо сидений там были какие-то невысокие, похожие на рамы конструкции. В двух из комнаток сидели компании космонавтов, должно быть, офицерских чинов, судя по ярким значкам на их костюмах.

Зуржал шел по дорожке, огибавшей отсеки со стенами из стекла, а Жофре следовал за ним. Несмотря на все усилия, он не мог отвести взгляда от космонавтов, занимавших другие комнаты.

В одной из комнаток, полом которой служила трава (если это и правда была трава), примостилось два растения, напоминавших неуклюжие деревья с горизонтальными стволами. На них, как на насестах, сидели два существа, явно очень далекие от асбарганского населения. Одно, с хилым телом, гордо поднимало голову, поросшую чем-то вроде серебристо-белых кудрявых перьев. Глаза на его овальном лице были очень большими и располагались слегка сбоку, а нос и рот срослись так, что походили ско-

рее на клюв. Из белого, расшитого драгоценными камнями воротника под тройной шеей расплывалось несколько газовых оборок различных оттенков, от жемчужно-белого до пунцового, которые постоянно переливались при каждом движении изящного тела, по-видимому, они предназначались как украшение, а не для тепла. Жофре подумал, что это, должно быть, женщина, так как ее спутник, который принадлежал к тому же виду, имел голову с торчащим хохлом и перьями, тянувшимися поперек плеч и вдоль рук, имел одеяние или то небольшое, что на нем было надето, более практичное — состоявшее из бриджей из блестящего материала и сапог, какие носят все космонавты.

С птицеподобной парой соседствовала полоска песка, в котором торчало несколько больших камней. На них сидели твари. Жофре никак не мог согласиться, что это одушевленные существа, разве что умом, — уж слишком они походили на резные фигурки, используемые священниками Шагга как олицетворение зла. Тем не менее их тельца, закрытые панцирями, имели совершенно непринужденные позы, и двое из них держали что-то вроде больших чашек, в которые время от времени макали длинные трубчатые языки, приоткрыв рты с торчащими клыками. Их позы настолько походили на собрание старших функционеров, обсуждавших какое-то дело, что Жофре был потрясен.

Он оценил значительность этого холла: его строители позаботились о том, чтобы гостиница подошла не только гуманоидам, но и представителям других культур. И Жофре впервые поразила мысль о разнообразии форм жизни на других звездах. Какие совершенно разные, некоторые даже отвратительные, на его взгляд, существа населяли некоторые миры, и какой ограниченной была его собственная жизнь!

Зуржал дошел до конца коридора, который проходил между «местными» разделами фойе. Вверху это пространство доходило до вершины башни, покрытой желтым, местами прозрачным овалом, выполненным так, что любой падавший через него свет напоминал солнечные лучи. Пригласив Жофре, Зуржал встал на платформу, которая,

когда они разместились на ней, поднялась, миновав два уровня балконов и остановилась, пришвартовавшись к краю третьего, загородка которого отодвинулась назад.

Перед ними оказалась дверь, и Зуржал вышел первым, чтобы приложить к ней руку. Панель сдвинулась с места и скользнула вбок, закатанин вновь жестом пригласил своего спутника пройти в помещение, которое, несомненно, являлось его личной территорией.

* * *

Лампа светила очень приглушенно, но темнота полумрака не смогла скрыть выражения злобы на лице человека, который стоял, обратившись к посетителю. То, что он не рассчитывал на приход других, было ясно, так как он был одет в свободный домашний халат, небрежно повязанный поясом. За ним была груда подушек, с которых его подняла личная сигнализация, а в воздухе витал аромат отвара из трав, предназначенного для успокоения нервов и отдохновения от дневных забот — в этой степени этот человек по имени Рас Зарн привык к обычаям равнинников.

Занавес был отодвинут в сторону, и непрошенный посетитель без труда вошел.

— Нет нужды, — почти выплюнул слова Рас Зарн, его руки сжались в кулаки, словно больше всего на свете ему хотелось бы выразить свою неприязнь физическим ударом.

— Наоборот, это совершенно необходимо, — тихо возразил посетитель, оказавшийся женщиной. Ее плащ скрывал все тело, но при каждом движении чувствовался нежнейший запах. — Я передала Магистрессе ваши наставления; она передает следующее: «Никакой присягнувший не принимает другого поручения, пока первая присяга не смыта кровью». Она рассержена тем, что вы подвергли это сомнению и попытались возложить на меня другое поручение. Впрочем, это не имеет особого значения, так как мой телерешный путь направлен к другим мирам, и меня не будет здесь, так что я не смогу служить вам цепным псом. На рассвете я полечу к звездам. — Женщина говорила без

эмоций, хотя гнев ее слушателя стал почти осязаемым на ощупь.

— Клянусь смертью Шагга...

Она собиралась повернуться, чтобы уйти.

— Присяга Магистрессе, а не Шагга, вот мой долг, и так будет всегда. Чтобы получить оружие, которого ты добиваешься, обратись к Магистрессе, священник.

И она ушла. Он сжал руки, словно боясь, что задушит самого себя. Дураки, хуже, чем дураки! Предатели того, что он и другие считали истиной! Теперь он уже ничего не мог сделать этой ночью, только думать. И ему следовало подумывать.

Глава 5

Жофре ощущал крайнюю неловкость, но при этом очень удобно сидел на одном из двух высоких, поднятых на платформах стульчиках с подушками. Он расположился лицом к наружной стене комнаты, выпуклой и такой же прозрачной, как перегородки, установленные внизу, в фойе. Из города доходило слабое мерцание сторожевых огней, отражение более блестящей иллюминации поблизости. Рядом с ним на столе высотой ему до пояса стоял сосуд для питья такой хрупкий на вид, что, казалось, его можно было, взяв покрепче, раздавить, через стенки которого просвечивал зеленый сок.

Зуржал и себе приготовил напиток, который появился в стене так же таинственно, как и сок Жофре, для чего нажал несколько кнопок, а потом сел напротив своего гостя.

— Ты сказал, что ты не присягнувший.

— Я не могу присягать, нет Магистра, который давал бы клятву вместе со мной.

Жофре бросил свой сверток у двери. Когда он будет уходить, вещи будут под рукой.

— Ты исша, есть ли какой-нибудь способ избавиться от этого статуса?

Жофре напрягся. В какие игры хочет играть этот пришелец? Конечно, фортуна не очень ему улыбалась и найти работу будет не так уж просто даже на короткий срок.

— Я кое-что знаю о Братях Теней, — продолжал закатинин. — В нашей расе принято изучать все, что возможно, об обычаях и традициях других народов. Ты прав, контракт на ваши услуги всегда скрепляется Магистром Ложи. Сколько власти над тобой у священника Шагга?

Жофре задумался.

В присягах мы подчиняемся только Магистру. Шагга иногда служат особыми глазами и ушами, они советники Магистров...

— А Магистры могут их смещать?

— Это случалось в нашей истории дважды. Но тех, кто спорил с Шагга, позднее посещало несчастье, они теряли ишша.

— Как и твой Магистр, — заметил Зуржал. — Возможно ли, что он стал объектом злой воли Шагга?

Жофре сделал глоток.

Магистр отвергал советы, которые казались ему слишком консервативными, в которых отсутствовало желание постигать новое.

— И поэтому он стал одним из Старых Теней.

— Откуда тебе знать, что... — вспыхнул Жофре.

— Я же говорил тебе, что всегда изучаю все, что могу. В старом городе Братьев говорят, возможно, это лишь слухи, но даже эти слухи имеют в своей основе истину. Подумай, Ночной скиталец, твой Магистр не отдал второго голоса в пользу Шагга — и его не стало. Тебя тоже изгнали из Братства. Ты освобожден именно тем, кто с радостью бы тебя проклял, Шагга. У тебя больше нет Магистра, кроме самого себя. Поэтому ты можешь присягнуть как сам-себе-Магистр.

Жофре снова сделал глоток. Пожалуй, он кое о чем смутно догадывался, но какая-то часть его сознания, связанная с прошлым, мешала ему признаться себе в этом так откровенно.

— Тебе нужен присягнувший исша? — спросил он, пытаясь прочесть, что написано на лице пришельца, лишенном тех черт, по которым можно было понять его состояние.

Зуржал сделал большой глоток из своего бокала.

— Посмотрев, что случилось сегодня вечером, разве ты сам сомневаешься в том, что мне нужен телохранитель? Некоторое время я даже не буду полностью человеком.

Он поставил бокал и потянулся рукой к застёжке костюма. Рывком он расстегнул костюм до талии и распахнул его до руки, или того места, где она начиналась. Это была маленькая изуродованная ручка, как у ребенка.

— Это одна из особенностей моего народа, — пояснил он. — Мы можем снова вырастить утраченную кость, но этот процесс требует времени, а именно его-то у меня и нет. Поэтому мне нужна помощь.

— Несомненно, есть телохранители-инопланетники вроде тех, что стоят внизу...

— Они не присягали. Видишь ли, я знаю ваши обычаи, человек, обученный исша. Если со мной будет присягнувший из Теней, мне не надо бояться предательства или небрежности. Я потерял ее, — он указал на свою маленькую руку, — потому что не мог постоянно быть настороже. Ты нужен мне, Ночной скиталец. Я предлагаю тебе статус присягнувшего.

Последовала пауза, после которой закатанин продолжал:

— То, что я хочу совершить здесь, на Асбаргане, — только начало. Присягни мне, и тебе откроются звезды, и это означает присягу звездам. Ты или кто-либо другой на твоём месте должен получить такое предупреждение.

Звезды! Значит, то, что думал Магистр, было правдой. В иных мирах также, несомненно, существовали распри: те же интриги, те же тайные войны за власть, которые вели и местные лорды. А этот закатанин уже искалечен, что значит...

— У тебя кровная вражда? — спросил Жофре, это он понимал и мог в этом участвовать.

— Это не так, как здесь, на Асбаргане. Но от этого опасность, подстерегающая меня, не меньше. Тебя изгнали из

круга твоих Братьев, в некотором роде меня тоже. Но это мы обсудим, если ты дашь присягу. Так что ты ответишь...

Жофре сжал правой рукой кинжал и вытащил это единственное оставленное ему оружие. Держа его между ладонями, он преклонил колено перед закатанином.

Перепончатые пальцы немедленно взяли его за руку, и нож был вытянут из державших его ладоней.

— Да будет это Великой Присягой. — Значит, инопланетник **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знал достаточно, чтобы соблюдать формальную процедуру. — «Я вызываю тебя из Теней и беру к себе на службу, пока не будет достигнута моя цель или не закончится жизнь».

Зуржал неловко одной рукой перевернул кинжал и изловчился прижать к его кончику указательный палец. Темная кровь собралась в крупную бусинку, он растер ее по кинжалу и протянул его Жофре, чтобы тот снова взял его двумя руками, и растекшаяся по нему кровь вошла в него.

— Я связан, — кратко сказал он, не делая движения, чтобы стереть кровь со своих рук, возвращая кинжал в ножны.

— Дело сделано. Время позднее. Ты ел, присягнувший человек? Допивай, потому что мне надо о многом с тобой поговорить, и само время наступает мне на пятки.

— Я не ел. — Рука Жофре оставила на стакане слабый след крови. — Но если времени мало, это не имеет значения.

Длинные челюсти закатанина раскрылись, выражая, по-видимому, улыбку.

— Уверяю тебя, я не настолько слеп к нуждам любого из тех, кто мне служит. Кстати, я сам не ел. — Он снова подошел к проему в стене, откуда доставал напитки. Когда он нажал на кнопку, там засветился квадрат, который, как заметил Жофре, пересекло несколько значков.

Потом закатанин занялся нижним рядом кнопок, а потом свет погас.

— Они здесь хорошо делают веспар. Здесь это, разумеется, считается новинкой. И есть другие блюда, которые, как мне кажется, должны прийтись тебе по вкусу. Наши два народа сходятся в кулинарных пристрастиях.

Он быстро подошел к другой стене и поставил пальцы так, чтобы открыть другую дверь.

— Здесь можно освежиться, — пояснил он, — а здесь спальня. — Помещение при этом осветилось. — Располагайся, пока мы ждем, чтобы нас обслужили.

Жофре осмотрел спальню. Там были два места, выполнявшие назначение кроватей, казавшиеся роскошно мягкими, такими остался бы доволен и высокий лорд. Но больше его занимала ванная. Ложа, которая была абсолютно изолирована от города, всегда содержалась в идеальной чистоте, и чистоплотность составляла часть обучения исша. Эта выложенная плиткой комната ничем не напоминала обычную ванну, но она обещала облегчение.

Закатанин открыл другую дверь в этой комнате, за которой находилась туалетная кабина, и рассказал о назначении различных рычагов, торчавших из внутренней стенки.

— Это горячий пар и вода, холодная вода, мыльный душ, шланг с сухим воздухом, не стесняйся...

Потом он ушел. Жофре порылся в своем узле и достал оттуда очень мягкое, но чистое нижнее белье. Но прежде чем приступить к использованию благ, сосредоточенных в этой странной комнате, он тщательно осмотрел ее. В ней не было выхода, за исключением двери, через которую он вошел, и, безусловно, не было места, где можно было бы спрятаться. Не то что он боялся оказаться в западне, он присягнул и поэтому был связан с Зуржалом так, словно был одним из закатан с их кожей рептилий.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы освоиться с тем, что имелось в ванной, и он в душе восхищался. Ни один Магистр Ложи не мог мечтать о такой роскоши, а потом он наслаждался ощущением чистоты; ему было очень жаль снова надевать свой дорожный костюм в грязных пятнах. Он тщательно спрятал камень, найденный в Куа-эн-иттер в свою поясную сумку.

Зуржал ждал в соседней комнате у стола, к которому было придвинуто два высоких стула, не таких мягких, как первые. На столе помещались покрытые миски и подносы, а также две тарелки. Рядом с каждой лежал набор ножей и

ложек и еще каких-то очень странных приборов, о назначении которых Жофре не мог догадаться.

— Было хорошо, господин, — сказал он, взглянув через плечо на закрывшуюся дверь ванной. — Я благодарен за предложение... — Зуржал уже уселся и снял крышку с самой большой миски, так что пар и аромат, наполнившие комнату, напомнили Жофре, что он не ел очень долго.

— Я не господин. — Зуржал занялся накладыванием блюда из миски в тарелку Жофре, и юноша довольно неуклюже опустился на высокий стул. — Правда, у меня есть титул, но он ничего не значит почти во всех мирах, за исключением нашего. Меня называют «истехнер», что означает лишь то, что я завершил серию исследований к удовлетворению моих родных и близких. А тебя как зовут?

— Магистр назвал меня Жофре.

— Жофре, — повторил закатанин, — это означает «данный небесами». Наверное, ты назван так потому, что тебя нашли на корабле.

Жофре был снова удивлен, что Зуржал моментально понял значение имени, так как это было слово горной страны, а не равнин, где пришелец мог попутешествовать достаточно, чтобы усвоить кое-что из местных языков.

— Да. — Он посмотрел в свою тарелку, взял нож, чтобы разрезать щедрую порцию дымящегося веспара, который был ему подан.

— Твой Магистр не пытался сообщить начальству порта о том, что нашел тебя?

Жофре покачал головой:

— У Лож свои порядки. Он мог отправить меня к одному из равнинных лордов, но не сделал этого. Это был человек, который любил держать мысли при себе.

— Я понял, что у Братьев действительно принято многое держать в тайне; это часть их имиджа в глазах остального мира. Во всяком случае, этот твой Магистр дал тебе профессию.

— Он считал меня исша, — сказал Жофре, вспоминая то чувство гордости, которое тщательно скрывал, когда ему

дали Три Орудия убийства и Плащ. Правда, ни один из этих предметов ему не удалось взять в изгнание.

Теперь ему было трудно подавлять голод и заставлять себя есть медленно, хорошо пережевывая пищу. Еда была разнообразная. Зуржал положил горой на тарелку, стоявшую перед Жофре, большие порции, по крайней мере, пяти видов.

— Тебе нужна моя служба? — Пожалуй, Жофре пережил слишком быстрый переход из прошлого в настоящее, но у него не было желания задумываться о том, что он оставил позади.

— Да.

— Какой лорд объявил тебе вражду?

— Как я уже сказал, это не вражда в понимании вашей знати. Некоторые оказывают мне открытое сопротивление, но недавно я узнал, что еще большую проблему представляют те, кто хочет заполучить то, над чем я работаю, для своих целей. Те, у кого ты меня отбил сегодня вечером, может, и не хотели отобрать мою жизнь, скорее, им были нужны моя особа и то, что я знаю.

Хотя раньше Зуржал признался, что голоден, теперь казалось, что его куда больше интересовал разговор. Он прихлебывал из своего сосуда, но хотя и наколот кусок веспара одним из заостренных на конце приборов, он еще не подносил этот кусок ко рту.

— Ты должен понять моих соплеменников, — продолжал он. — Для нас знание — это все. И один из источников знаний, который мы надеемся найти, это — летописи, хроники предтеч.

— Предтеч? — переспросил Жофре, который никогда не слышал этого слова.

— Мы не первыми вышли в космос. Существует великое множество миров, некоторые из них — очень древние. Есть определенная модель развития, которую проходят все разумные расы: цивилизация развивается до определенной точки, после чего какое-то отсутствие внутреннего движения отнимает у них энергию, заставлявшую расу подни-

маться, и тогда наступает упадок, который иногда доходит до того, что раса вообще исчезает и о ней забывают.

Итак, мы не первые, кто стал бороздить межзвездные пространства, у нас были предшественники, и следы их существования иногда попадаются. У нас предлагается огромная награда тому, кто найдет существенные памятники этих народов, потому что это была не одна нация, и предтечи существовали в разные времена. Их цивилизации вполне могли быть не менее разнообразными, чем наши сегодня. В нижнем вестибюле ты видел формы жизни, не имеющие общего прошлого с вашим видом. Тем не менее все они теперь граждане и равны перед галактическими законами.

Итак, мы имеем следы существования этого мира и других народов, некоторые из которых, как мы уверены, оставлены ими не на родных планетах, следовательно, они путешествовали в космосе, как и мы. Одному из моих коллег посчастливилось найти целый планетарный город, который расположился вокруг мира, поддерживавшего его, и это был город высокоразвитой технической цивилизации. Теперь там под надзором работают эксперты.

Столько находок делается по воле одного лишь случая, но если бы был способ обнаружить какие-то следы...

Казалось, глаза закатанина загорелись отблесками пламени, его кожная складка стала вставать нимбом вокруг головы, приобретая лазурный оттенок.

— И за такие открытия существует награда? — Жофре показалось, что он понял.

— Да, но выше любой награды само знание! — Теперь кожная оборка закатанина колебалась, как веер.

— И ты охотишься за ними? Но я никогда не слышал о каких-нибудь древностях на Асбаргане, а у священников Шагга очень древние хроники. Если бы существовали какие-то сведения, они бы их отыскивали.

— Нет, я охочусь здесь не за предтечами, а за одним человеком. Сегодня вечером я напал на его след. Он сам может служить ключом к этому открытию... Я сделал открытие, которое должен испытать. Сейчас мой народ плохо

ко мне относится; у нас считают, что мои исследования последних лет имели детские, неразумные цели. По нашему счету возраста я молод, и часто от молодежи отмахиваются, потому что она думает иначе.

В мире, называемом Корвар, было сделано открытие, которое использовалось неправильно. Его результаты были столь ужасны, что человек, финансирующий экспедицию, проследил за тем, чтобы использованный инструмент был уничтожен, и ему показалось, что он уничтожен, было приказано изъять все чертежи, по которым его создавали.

Но нельзя было отвергнуть идею, лежавшую в основе этого исследования, и слухи о том, что случилось, стали распространяться. Теперь приходится признать, что можно сделать прибор, который позволит воссоздать точную картину прошлого. Но машину разрушили, и о ней запретили даже упоминать.

Однако все это не заставило забыть ее. Два планетарных года назад эти чертежи были открыты вновь в грудe материалов, которые Патруль доставил в мой домашний архив. Там было множество отчетов, несколько судовых журналов древних кораблей, и требовалось отобрать то, что представляло ценность. Сортировать материалы поручили мне, в основном потому, что я младший член нашей группы и меня считали наименее загруженным обязанностями.

Но то, что я нашел, было подробными чертежами зонда, такого зонда, за который любой истехнер с радостью отдал бы все свои клыки. Я отнес материалы своему начальнику. Они его не заинтересовали, он указал, что однажды такие исследования уже проводились, результаты оказались плохими, и мой народ никогда не будет заниматься чем-либо подобным. Он отобрал то, что я нашел, и приказал мне держать язык за зубами.

Я так и делал. Но все материалы были у меня здесь. — Отложив в сторону столовый прибор, Зуржал похлопал себя по лбу. — И, не раскрывая секрета, я занимался работой до тех пор, пока сканер не был готов. Я провел исследование в одном месте, которое заметил заранее, и результат был удивительным, но он появился и пропал в мгновение ока, а

остальное, с чем я мог работать, было так хорошо известно, что если бы я обнародовал результаты, меня попросту бы обвинили в фальсифицировании данных, что у моего народа считается не меньшим грехом, чем нарушение присяги у вас, если ты можешь это вообразить, Жофре. Поэтому я должен найти какое-нибудь неизвестное место, где бы мне удалось заглянуть в историю. Я постоянно работал над созданием настоящего сканера, надеясь, что мне удастся сделать прибор, который будет вести постоянные записи того, что он вызовет из прошлого.

Было совершенно очевидно, что закатанин глубоко убежден в том, что рассказывает. В то, что это можно сделать. Жофре надо самому во всем разобраться. А пока ему важнее узнать, кто враги лорда.

— И за тобой охотится твой лидер? — спросил он.

Зуржал пожал плечами.

— Если бы он знал, он боролся бы против меня по закону, тогда меня преследовал бы Патруль. Нет, мне кажется, что они и не подозревают, чем я занимаюсь. Но информация попала ко мне из запасников джеков, что значит, возможно, ее держали для продажи Гильдии, ты, конечно, понимаешь, какие надежды на нее могли возлагаться.

— Охота за сокровищами, — понял Жофре. Однако, если его потенциальные враги принадлежали к Воровской гильдии, присяга сулила ему немало испытаний.

— Охота за сокровищами, — согласился Зуржал, но, казалось, закатанин не расстраивался, что его интересы пересеклись с одной из самых опасных вселенских организаций — после Патруля.

Глава 6

— Однако, — Зуржал довольно долго справлялся с большой порцией, словно это было ему нужно, чтобы привести в порядок мысли, — меня интересуют не такие сокровища, которые привлекают Гильдию. Нет, я хочу знаний, мне надо найти место, где был склад летописей...

— А оно существует? — Жофре опорожнил свою тарелку и теперь наблюдал за оборкой на шее закатанина, которая слегка опала. Она продолжала переливаться разными яркими цветами.

— Я говорил о мире, найденном одним из моих коллег там, где огромный город охватывал основные континенты. Там были архивы, карты... — Зуржал проглотил еще кусок, — звездные карты. Хотя язык архивов еще предстоит расшифровать переводчикам, некоторые символы были разгаданы. Это был действительно мир предтеч, планета, на которой техническая цивилизация достигла своего пика, но и они поздно пришли на звезды, потому что и у них были музеи и летописи, где собирались памятники предшествовавших цивилизаций. Там содержались намеки на места, где можно что-нибудь обнаружить, которые по каким-то причинам не были ими исследованы. Мой народ конфисковал все эти летописи с благословения Главного Управления. И мне очень повезло, что я получил к ним доступ.

Нет, я охочусь не за тем, что могло бы быть полезно Гильдии, единственный рынок для находок, на которые я рассчитываю, существует в нашей цивилизации, то есть его, можно считать, нет. Я разыскиваю архивы, и, вероятно, до них можно добраться, только пустив в ход сканер, чтобы он действовал достаточно долго, чтобы обнаружить то, что мне нужно. Если я сделаю подобную находку, я восстановлю свою репутацию в глазах коллег и, кроме того, увеличу наши знания. Никто из нашей расы не желал бы большего.

— Здесь, на Асбаргане?

Зуржал нетерпеливо покачал головой:

— Нет, как я уже сказал, здесь я ищу человека, если он все еще жив. Он был жив две луны назад, но он употребляет гряз и находится на последней стадии наркомании, и мне остается только надеяться, что он еще держится. Он был в числе перворазведчиков в мире, который в картотеке Патруля значится под именем Лочан в честь человека, который впервые там приземлился. Как называют его обитатели — они характеризуются как исключительно прими-

тивные, по меньшей мере на девять баллов ниже людей, — нам до сих пор неизвестно.

Как примитивный мир D-класса, он доступен только вольным торговцам, рыщущим по звездам, подбирая крошки, которые им разрешает брат Патруль. Однако торговля существует. Глина, которая добывается там, очень ценится у керамистов на Ризе, кроме того, оттуда вывозят необычные меха и другие диковинки.

Но еще там есть и развалины, обнаруженные перворазведчиками и частично исследованные. Находки описаны, и одна из записей гласит... — Зуржал встал и пошел к стеллажу у противоположной стены. Он вернулся со шкатулкой, чуть больше его ладони, которую он поставил на стол перед Жофре и предложил: — Смотри!

На одной из ее граней был диск из стекловидного вещества, напоминавший зеркало, и Жофре послушно уставился на него. Поверхность диска постоянно меняла цвет, и он увидел то, что могло быть изображением необычного ландшафта. Почва была тусклого серого цвета, подернутого черными пятнами, и казалась голой землей без всякой растительности. Из этого моря грубого безжизненного песка торчала груды камней, настолько изъеденных Временем, что трудно было сказать, что это: явление природы или плоды человеческого труда.

Картинка двигалась, изображение становилось крупнее, словно руина приближалась. Здесь было расчищенное место, песок был раскопан или его разгребли по сторонам, а потом Жофре даже показалось, что он сам стоит на краю ямы и смотрит вниз. Обнаженное основание скалы уходило в глубину, где соприкасалось с другой такой же скалой под прямым углом. И в этот момент что-то замигало.

— Это F-луч, — пояснил закатанин, сидевший рядом. — Должно быть, его выключали с большой осторожностью, раз он продержался так долго.

— Что это? — спросил Жофре, совершенно заинтригованный.

— Это символ, который уже дважды обнаруживали раньше, и оба раза он указывал на хранилище, — сообщил

Зуржал. — Правда, дальше исследования не проводились, так как на экспедицию напали аборигены. Два члена бежали, один из них умер, не достигнув места приземления, другой был тяжело ранен. Он сумел лишь передать эту запись, но потом потерял сознание и не мог охарактеризовать ценность находки и даже объяснить, где сделана запись. Столкновение с аборигенами, по-видимому, нанесло ему большую душевную травму, год или больше его преследовали кошмары и его приходилось держать на снотворном. Он ушел со своей работы, пропал из поля зрения и пристрастился к гразу. Похоже, что он столкнулся с чем-то таким ужасным, что вовсе не решился жить с памятью о прошлом...

— Аборигены? — Жофре оторвал взгляд от маленькой, отраженной в зеркале картинки. — Может быть, очень немногие из них приходят в порт, и те, кто занимается какой-либо торговлей с инопланетниками, держатся замкнуто. Кажется, что они сами пребывают в постоянном страхе. По-видимому, есть какое-то зло, которое они предпочитают не обсуждать с посторонними.

— Однако это, — Зуржал кивнул на шкатулку, — и воспоминания того человека могут привести к величайшему открытию нашего поколения. Тот же символ, найденный в другом месте, привел Заммерли к собранию звездных карт на Домашнем, и тот же знак привел Заге к потерянной библиотеке королей-жрецов Воланда. Итак, Лочан — цель, а место, где все это находится, — он постучал пальцем по шкатулке, — зависит от памяти некоего Гарстеона з'Воле, который теперь прожигает остатки своей жизни в Вонючей дыре.

— Говорят, от граза ум загнивает. Возможно, он уже лишился памяти, — заметил Жофре. Дело, как казалось ему, имело слишком много прорех, через которые могла пробиться неудача. Но он присягнул, и теперь это было его дело, и он должен стараться как можно лучше его выполнить.

— Это можно определить, только встретив этого человека. Что, возможно, мы сможем сделать завтра.

Жофре был готов с этим согласиться.

Он отказался от удобств второй кровати в той комнате, где спал сам закатанин, и занял место, как и подобает теплохранителю, у порога. Ковры в этой комнате были куда теплее спальных мест, к которым он привык, и так он мог быть уверен, что никто не войдет в помещение без его ведома.

То, что сканер, которым гордился Зуржал, должен заинтересовать Гильдию, казалось Жофре вполне вероятным. Даже в своих затерянных в горах Ложах они слышали рассказы о том, что обширная преступная сеть протягивает свои щупальца к изобретениям и открытиям. Жофре понимал, что если то, что Зуржал рассказывал о своем открытии, правда, его можно применить не только в археологических целях. Что касается его самого, то он верил, что можно заглянуть в прошлое, так как только что видел его своими глазами.

* * *

В тот же час, а именно в полночь, на Севере, в башне Ложи, священник Шагга склонил свою бритую голову над жаровней, жадно втягивая поднимавшиеся над ней струйки красноватого дыма. Он сидел с закрытыми глазами, раскачиваясь вперед-назад в такт словам, которые произносил свистящим шепотом. Возможно, он углублялся сверх пределов разумного. Вначале на этот путь его толкнула ненависть; теперь к ней примешивался страх. Презрение, которое он испытывал раньше, уменьшилось, этот противник оказался сильнее, чем он вначале предполагал.

В конце концов он весь сжался, словно хотел спрятаться от того, что его окружало. Искусства священства были очень старыми; то, что передавалось исша и асша, лежало лишь на поверхности сил, которые могли пробудить в себе священники. Он был учителем всю жизнь, с тех пор как принял обет, и иногда заходил в такие области, которые хоть и не были полностью запрещены, но, во всяком случае, от проникновения в которые их предостерегали.

* * *

Жофре проснулся и сразу же насторожился, как был обучен. Несколько мгновений он не двигался; он смотрел из-под век, почти не открывая глаз, чтобы обмануть наблюдателя. Он был настолько уверен, что в комнате кто-то есть, что его рука под одеялом тихо, как змея, проползла до того места, где лежал кинжал, и схватилась за рукоятку.

Но он не торопился. С верхней части стен, где они смыкались с потолком, струился слабый свет, которого хватало, чтобы хорошо рассмотреть, что делается в комнате. Но он ничего не слышал, ничего не видел.

Потом его словно ударило жаром так, что он вскочил на ноги, схватившись за сумку, укрепленную на поясе справа. Там был камень, тот, который он подобрал в Куа-эн-иттер! И сквозь ткань, в которую он был завернут, Жофре ощутил тепло, так как худшее из этого прикосновения к пламени ослабло.

В то же время ушло ощущение чужого присутствия в комнате, словно он потушил лампу Ложи. И тепло пропало. Шагга... Шагга, это его штучки! Он был так в этом уверен, словно тот все еще стоял здесь, глядя на него с издевательской ухмылкой.

Священник, изгнавший его из Ложи, явно не питал к нему добрых чувств, но зачем ему продолжать вражду теперь, когда Жофре перестал осквернять Братство своим присутствием? Эта боль... Он достал камень из сумки. Теперь свечение, таившееся в глубине, прекратилось. Он помертвел и слабо переливался опаловым блеском. Но он по-прежнему излучал тепло, которое Жофре ощущал, поворачивая камень перед глазами. Что бы это ни было, оно служило противовесом силе Шагга. Возможно, было бы гораздо лучше, если бы Жофре от него сейчас избавился. Но он не мог. Было похоже, что это изделие обладает собственной силой и присягнуло Жофре.

Юноша снова спрятал таинственное сокровище. Он занял положение взглядывания в даль — это было необходимо в целях безопасности. Прислонившись спиной к входу,

который должен был охранять достаточно неотступно, чтобы быть уверенным, что сможет уловить любое движение, Жофре приступил к выполнению упражнения «Опустить сердце», заставляя себя замедлить дыхание, это было обычной практикой применения воли, призванной избавиться от всяких мыслей.

Он всегда отлично справлялся с этим, с тех пор как был произведен в исша, на самом деле в такой степени, что Магистр, не афишируя этого, несколько раз использовал его в своих целях. Может быть, какой-нибудь специальный участок его иноплеменного инопланетного мозга легко осваивался в этом искусстве.

Теперь он достиг Центра, так где же тропа? Предположим, он стоял в круге света, откуда дороги расходились лучами. Он послал наружу мысль и превратился в живую память, вот он в Куа-эн-иттер протягивает руку к мерцающему яйцевидному предмету, который остается у него. Когда он прикоснулся к нему, замигал свет, вспыхнула искра. Да, этот предмет несет в себе силу, древнюю силу. А Шагга? Жофре постарался отыскать тропу, которая поведет его назад, к тому, кто за ним шпионил, но не осталось ничего, на чем он мог бы сосредоточиться, за что зацепиться.

Воля опять привела его к Центру. Руки стали совершать ритуальные движения, которые накапливали силу, перетекавшую и в душу, и в тело. Жофре почувствовал, как она поднимается, наполняя его. Он не мог продолжать остальные приемы исша. У него был лишь кинжал. Ему пришлось оставить маленькие ножи, меч, фляжку ослепляющего порошка, проволочную цепь с крюком на конце, которая могла служить либо лестницей, либо оружием. Теперь он ощутил потерю; его беспокоило то, что он не мог приготовиться полностью. Если закатанин действительно желал сделать его своим телохранителем, то с наступлением дня Жофре придется позаботиться о приобретении знакомого оружия, которого он лишился, только тогда он почувствует себя совершенно уверенно, станет устрашающим, обученным исша.

Однако когда наступило утро, у него не было времени поговорить с Зуржалом о своих потребностях. Тот его уже опередил.

— Тебе нужно снаряжение, — коротко сказал закатанин, заказав и получив очередную порцию очень хорошей еды, доставленной через стену. — Я слышан, что вы, Братья, можете очень многое совершить и голыми руками, но нет причин это доказывать. Мы найдем более традиционные средства защиты.

* * *

Чтобы их найти, они оказались в магазине, где Жофре, проследовав за Зуржалом в комнату поменьше, только что не раскрыл рот, как какой-нибудь деревенский простофиля, при виде стоек, на которых было разложено оружие, составлявшее целый арсенал, настолько превосходивший все, что имелось в Ложе, что последнюю можно было считать детским садом. Однако, осмотрев товары во второй раз, более пристрастно, он отметил, что здесь было немного из того, что традиционно находилось на вооружении исша. Он, например, не мог найти таких маленьких ножичков для метания, которые легко спрятать, там было в основном несколько ножей таких длинных, что их вполне можно было считать короткими мечами. Не было ни цепей, которые раскручивались, ни веревок с крюками.

— Вот там, — поманил его Зуржал.

Продавец этих товаров был из равнинников, хотя на нем была форма космонавта. Жофре понял, что он таркен, представитель клана стражников-торговцев. Он открыл ящик и достал оттуда легендарное оружие инопланетников, какое было и у самого Зуржала, пистолет, который мог либо оглушить противника, которого необходимо захватить в плен, либо сжечь его живьем.

— Выбирай, — предложил Зуржал своему телохранителю, когда тот подошел к ящику.

Жофре нерешительно взглянул на продавца. У него были свои потребности, но прямо сказать о них сейчас означало бы выдать себя перед равнинником. В противном

случае ему пришлось бы экипироваться непривычным для него оружием, и тогда первое же нападение могло окончиться для него поражением.

Он посмотрел на шокеры. Потом в нерешительности протянул руку и взял тот, который лежал ближе всех. Он не ложился с привычным равновесием кинжала или меча, обращаться с ним было непросто и для обученной руки. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что механизм шокера весьма прост, надо сначала сжать кулак, тогда под указательным пальцем окажутся две кнопки... Жофре поднял его и нацелил короткий ствол на стену. Да, им, наверное, надо целиться именно так. Положив шокер в ящик, он взял следующий. Человеку необходимо освоиться с оружием, а не хватать первое попавшееся, так он перебрал все шокеры, пока не сделал выбор.

— Этот... — Он указал на тот, что лежал третьим, который пришелся ему по руке. Однако должны быть и другие вещи... Он снова взглянул на продавца через плечо Зуржала. В какой степени он решится открыться, выбирая оружие?

Закатанин словно прочитал его мысли и повернулся к таркену, одновременно положив руку на плечо Жофре.

— Рас Куан, этот исша присягнул мне кровью, — медленно произнес он. — Как его новый-первый-магистр я должен экипировать его надлежащим образом. Так что позволь ему выбрать то, что покажется ему наиболее подходящим.

Жофре напряженно ожидал, как среагирует таркен. Но тот и глазом не моргнул в знак необычности подобной просьбы.

— Иши, Ночной скиталец. — По крайней мере, он назвал Жофре именем, которое принято у равнинников для обозначения ему подобных. — У нас здесь очень маленький спрос на оружие Теней, может случиться, что многого тебе не хватит.

Жофре вежливо кивнул и повернулся на каблуках: возвращаясь к витрине с ножами и мечами, разглядывая по пути различные виды оружия, развешанные на стенах, он

нашел два ножичка, которые можно было держать в рукаве, но он не был уверен, что их удастся скрыть в какой-нибудь одежде, за исключением одежд со свободными рукавами, излюбленных у Братьев. Однако они выглядели достаточно привычно, очень напоминая те предметы, с которыми Жофре упражнялся много часов, так что он указал на них. Меч — если они отправятся в иные миры, где оружие — лазеры, — меч будет бесполезен.

Веревку, по которой можно будет лезть, он сделает и сам, но с радостным волнением он обнаружил большой, похожий на лук контейнер, полный полированных крюков, хорошо заостренных, и отобрал из них дюжину, проводя пальцем по металлическим зазубринам, чтобы обнаружить какие-либо изъяны. Такие он сможет при необходимости спрятать в складках своего тюбана.

Он был уверен, что здесь нет смысла искать шкатулку с ядовитым порошком, который прячут в рукаве, и другие мелкие приспособления, принятые в Ложях. Остается довольствоваться тем, что он выбрал, крюки он поместил к себе в рукава, ножи и шокер легли в поясную сумку, к кинжалу, который уже там находился.

Но оказалось, они еще не покончили с покупками, потому что таркен провел их в другую комнату, и через несколько минут Жофре получил совершенно новый гардероб, одежду космонавта, плащ, который, по словам закатина, мог уберечь от воды, нижнее белье, новые башмаки, казавшиеся странно тяжелыми, так как на их подошвах были особые подковки, удобные в дальних полетах. Кроме того, он получил спальный мешок и некоторые мелочи, облегчавшие походную жизнь. Правда, Жофре не видел особого смысла в таких расходах на человека, оставившего Ложу с ее суровым бытом.

Его интересовало, как Зуржал будет расплачиваться. Жофре, как вступившему в его штат, полагались на самом деле оружие, ливрея со знаками отличия его господина, а также оплата переездов на время службы, еда и жилье. Естественно, что заработанные суммы поступали в сундуки Ложы, из которой происходил посягнувший, но в их случае

этот пункт отпадал. Но закатанин не передавал таркену монет, а лишь показал ленточку на своем запястье, на которой засветились цифры. Потом закатанин прижал ленту с цифрами к блокноту, подставленному продавцом.

Когда они вышли из магазина, Зуржал показал Жофре запястье.

— В каждом мире есть своя форма оплаты товаров и услуг. Но можно перечислять деньги и не привозя их физически на другую планету. Вот... — Он согнул руку, и браслет засветился в слабом солнечном свете. — У меня есть счета в нескольких мирах, с которых торговцы на других планетах могут запрашивать деньги. Это простая система...

Жофре показалось, что он заметил изъян в такой системе.

— А если ленту украдут и будут использовать?

Зуржал покачал головой:

— Она приспособлена только к моей крови, на другом она не будет действовать. А теперь пойдем на охоту за космонавтом.

Он быстро свернул в переулок, который, судя по его уверенной походке, хорошо знал, и они направились к Вонючей дыре. Жофре сунул руку в сумку, чтобы потрогать только что приобретенные ножи. Прошлой ночью подверглись испытанию его навыки боя без оружия; он спрашивал себя, придется ли ему сегодня показать, как он справляется со сталью.

Глава 7

На этот раз ни из одной открытой двери не лился свет, нигде не слышался барабанный бой. Сегодня царство нищеты, по которому они шли, казалось давно заброшенным. Одна-две сутулые фигуры брели куда-то, придерживаясь края тротуара, поскольку его середина утопала в потоках нечистот. Не изменился только отвратительный запах, которым обдавало путешественников из всех подворотен, словно Вонючая дыра имела собственное тошнотворное дыхание.

Зуржал, казалось, знал, куда идет. Жофре, напрягая все свои инстинкты ища, следовал на шаг сзади. Ему не нравилось то, что, скрываясь от его глаз, несомненно, пряталось за грязными стенами этих домов, таилось во всех аллеях; ему не нравилось то, что он слышал, а именно, совершенное отсутствие звуков. Должен был присутствовать хоть какой-нибудь шум!

Когда Зуржал резко повернул вправо, Жофре моментально узнал это место. Именно здесь он пришел на помощь закатанину накануне ночью. Соваться в такую западню было верхом глупости.

Наступление дня принесло с собой чуть-чуть света. Жофре разглядел впереди тропу, заваленную всяким мусором. В конце аллеи был тупик, ее преграждала часть дома, выходящая на нее острым углом справа от них. На уровне пола там была дверь, а над ее узкой щелью шли ряды окон, полностью заколоченных досками.

Они миновали место вчерашнего столкновения. Грязь размешали, и на ней отпечатался след от какого-то тяжелого предмета, который по ней проволокли, несомненно, таковым был один из противников. Звук заставил Жофре действовать. Он в мгновение ока оказался перед патроном, которого отодвинул назад, к стене, а сам слегка согнул колени, готовый к бою. Из растревоженной грязи показалась омерзительная белая туша кеу-крысы, самой крупной из тех, которых Жофре доводилось видеть.

Рука Жофре скользнула, миновав рукоятку кинжала, и остановилась на рукояти шокера, который был ему куда менее привычен. Выхватив оружие, он выстрелил. Понесся визг, потом, извиваясь, белое тело поднялось из грязи, которая служила животному приютом, и рухнуло неподвижным комком. Жофре рассматривал тварь. Выстрел оказался, несомненно, удачным, у него было очень мало времени, чтобы как следует попрактиковаться до экспедиции, и он мог приписать свой успех исключительно случайности.

— Если мы встретим кого-нибудь, кроме крыс, лучше использовать режим парализации, — сказал закатанин,

все еще скрывавшийся за спиной Жофре. — Мне кажется, если кого-нибудь сжечь даже в этих окрестностях, можно навлечь на себя возмездие.

Жофре перенастроил шокер, прежде чем убрать его в кобуру, висевшую на непривычном для него наружном поясе. Перед выходом он переоделся в новую одежду и горько пожалел об утрате блузы с широкими рукавами, но оставил пояс, на котором всегда висело оружие. Оставшись вооруженным лишь кинжалом да этим шокером, он должен был проявлять удвоенную осторожность.

Еще через два шага закатанин подошел к двери в стене, преграждавшей путь. Она казалась такой же непроницаемой, как и заколоченные окна над ней, словно ее намертво запечатали.

Но инопланетника это как будто ничуть не смутило. Выпустив когти своей почти невидимой левой руки, он поскреб дерево, поверхность которого от грязи стала похожей на губку.

На уровне пояса его рука остановилась, он провел пальцами по какому-то нащупанному им кругу, который нельзя было рассмотреть. Затем Зуржал достал оружие, тщательно проверил его настройку и приложил ствол к двери. Раздалась вспышка, из места прикосновения с треском посыпались искры. Спустя несколько мгновений закатанин убрал оружие, приложил ладонь к двери и нажал. Та неохотно поддалась, пропуская их в густую тьму помещения.

— Это черный ход, — пояснил Зуржал свистящим шепотом. — То, что нам нужно, находится здесь. — Он резко кивнул головой, указывая на стену дома.

Жофре быстро схватил его за искалеченную руку.

— Я первый, куда идти?

— Направо. Здесь поблизости должна быть лестница. Тот, кого мы ищем, имеет комнату, или то, что ей здесь называют, на самом верху. Мне кажется, он очень близок к концу. Мне пришло сообщение, что его не видели уже три дня.

В доме стоял устойчивый запах застарелой грязи, результат стесненного сосуществования особей разных видов

в давно не мытом помещении. Визитеры без труда нашли лестницу, так как почти неразличимый свет электрической лампочки, висевшей над ступенями, все же чуть-чуть их освещал.

Послышались звуки, какая-то возня, обрывки речи, однажды — удар барабана, звон разбитого стекла, похоже, стакана, вопль гнева и боли. Зуржал продолжал подниматься по лестнице. Жофре, непрестанно переводя взгляд с одной стены к другой, наострив уши и нос, пробирался за ним. Они дошли до третьего этажа, и Зуржал остановился перед какой-то дверью.

На этот раз в двери имелась ручка, он потянул ее, и дверь открылась. Комната, в которую они вошли, была некогда просторной, но позднее ее разгородили перегородкой, не доходившей до потолка, и она превратилась в пару ниш. Теперь вонь дошла до предела. В ближней нише на полу лежал матрас, а на нем — тело, укутанное в выцветшее одеяло.

Порывшись в сумке, закрепленной на ремне, Зуржал достал мешочек и, не открывая, сжал его одной рукой. Теперь к зловониям этой комнаты добавился еще один одуряющий запах, такой густой, что его, казалось, можно было потрогать.

Фигура на матрасе зашевелилась, подвинулась и села. Голова с опухшим лицом, колебавшаяся на шее, которая, казалось, была слишком тонка для нее, показалась из одеяла. Потом оттуда же появилась костлявая рука, описавшая круг в воздухе. Взгляд мутных глаз на этом отечном лице, вначале казавшийся несфокусированным, теперь сосредоточился на закатанине. Между опухших губ показался одеревеневший язык, который с трудом, едва понятно сказал одно слово:

— Дай!

Зуржал разорвал один конец мешочка с наркотиком, и эта дрожащая рука постаралась выпрямить ладонь и не дрожать, пока на нее сыпались семена и листики. В спешке рассыпав часть добычи, человек, сидевший на тюфяке,

запахнул наркотик себе в рот и начал яростно перетирать его зубами.

Перемены наступили через несколько секунд. Обвисшее тело на тюфяке уселось поправее. Глаза озарил осмысленный блеск, вполне заметный, хотя комнату скупо освещал свет, доходивший через грязное стекло, наполовину закрытое досками.

— Ты. — Он пробормотал это слово, все еще пережевывая наркотик, принесенный космонавтом.

— Как и обещал, — спокойно ответил Зуржал. — Я принес столько, что тебе хватит до конца. — Он слегка тряхнул мешок, и по комнате разошлась новая волна одуряющего запаха.

Круглая голова кивнула.

— Справедливая, справедливая сделка. — Губы этого человека дрогнули, он выплюнул остатки жвачки на грязный пол. — Вот оно...

Теперь из-под одеяла показались обе руки и потянули его прочь от тела. Несмотря на то что лицо было пухлым, тело оказалось грудой костей, покрытых бугристой сероватой кожей. Но вокруг шеи у него была цепь, ярко блеснувшая на свету, — иридий! Откуда она у такого пропащего? На этой цепочке висел круглый медальон из того же драгоценного металла. Длинные поломанные ногти поскребли его, пока он не открылся, и достали оттуда маленький шарик. Экс-космонавт взвесил его на одной руке, и на момент, несмотря на то что недуг исковеркал это лицо, Жофре показалось, что он заглянул в глаза другого человека, того, кем он некогда был.

— Справедливая, справедливая сделка, — снова пробормотал космонавт. — Но она может показаться вам не очень счастливой. Не очень счастливой. — Он покачал головой из стороны в сторону. — Дай! — потребовал он.

Зуржал уронил мешок граза ему на колени и, взяв шарик, сунул его себе в карман.

Космонавт запустил руку в открытый мешок, словно боялся, что его у него отберут. Но пальцами другой руки он

сжал медальон, из которого достал шарик, и стал раскачивать его.

— Выше — призвание... долг.. — Взглянув на закатанина, он ужасно расхохотался, и его лицо превратилось в маску, похожую на те, которые, в представлениях Шагга, надевали демоны. — Вон! Ты получил, что хотел, человек-ящерица! — Чем больше он говорил, тем тверже, увереннее становился его голос. — У тебя есть все, кроме удачи, не забывай об этом. — Он жадно схватил мешок, достал оттуда очередную горстку наркотика и, взяв его в рот, снова уронил голову на матрас. Было очевидно, что больше он ничего не мог сказать.

— Что ты получил? — спросил Жофре, когда они выбрались из отвратительной норы.

— Координаты места на Лочане, которые я должен посетить. Он когда-то был героем, ты видел медальон? Он не расстался с ним, несмотря на все свои невзгоды. — Зуржал, спускаясь по лестнице, выглядел печальным. — Он очень близок к концу, — продолжал он. — Запаса, который я принес, хватит ему на остаток жизни, и он умрет, получив единственное утешение, которое ему осталось. Он когда-то был героем... — повторил Зуржал, и эта фраза засев в голову Жофре, звенела в его мыслях всю обратную дорогу по грязным закоулкам, по которым они шли к более чистой и светлой жизни.

* * *

Рас Зарн снова стоял в своей маленькой комнатке и снова держал далеколета. В эти дни в его глазах поселилась усталость. Иногда фортуна поворачивается к человеку спиной, тогда преодолевать препятствие приходится с удвоенной энергией. Он уже не так молод, как представлялся равнинникам, неправильно судившим о его внешности. И он уже давно не был на севере, находясь вдали от силы, требовавшей от него врожденной верности. Точно так же, как и те, кто давал ему тайные приказы, были далеки от его проблем и едва ли беспокоились о них. Они засели в старых обычаях так же прочно, как улитки в своих раковинах,

и вытащить их из тенет прошлого можно было только тем способом, каким достают улитку, разбив панцирь.

Зарн вздрогнул, быстро переведя взгляд от одной стены к другой. Птица у него в руках подняла голову, и он, сложив ладонь ковшиком, быстро накрыл ей глаза, чтобы она ничего не видела. Никто не знает и никогда не узнает, насколько дальновидными были старшие, какие неведомые силы они могли призвать себе на помощь. Достаточно чуть оступиться, лишь заронив зерно подозрения, и он сам превратится в мишень, как бы хорошо он ни служил в прошлом.

Вздохнув, он сел у стола и поставил далеколета на исцарапанную поверхность. Отодвинув руку, заглянул в глаза этой выращенной на севере птице.

Безмолвное общение не принесло ему облегчения. Его губы сложились в горькую гримасу. У них были свои законы, несмотря на то что это был космический порт, этот участок не подчинялся планетарным законам, а находился в ведении других миров, у которых была своя полиция, следившая за порядком среди путешественников, пока они оставались в границах территории, отведенной для их безопасности.

Можно было послать гонца, но он был бы замечен, несмотря на все предосторожности старшин, как если бы он шел с барабанным боем. Однако теперь боец присягнул — инопланетнику. И только сегодня утром пришла весть, что этот инопланетник собрался покинуть планету вместе со своим телохранителем. Неужели они хотят, чтобы за ним продолжали следить и в других мирах? Но почему? Зарну никогда не приходилось расходовать столько средств.

Если устроить покушение, то это означало бы не только провал миссии, но, возможно, и разоблачение по меньшей мере части сети, которую он тщательно создавал долгие годы. Он мог сообщить только факты, а от него ожидали чудес.

Зарн усталился в стену. Пернатый вестовой издал просительный звук, и Зарн поспешно открыл сумку, достал оттуда очередной шарик, который тварь подхватила в воздухе и тут же закрыла свои большие глаза.

Купец неуверенно встал. Ему почти не оставляли выбора, и больше всего его тяготило то, что он не знал, из-за чего все это затевается. Что мог сделать этот Брат-расстрига, чтобы вызвать такое движение? Что он имеет при себе? В Зарне зажглась искра той жадности, благодаря которой он стал отличным купцом. Если бы он мог это узнать и обратить себе на пользу! Но как... как?

* * *

Зуржал снова проверил багаж. К чемоданам были прочно прикреплены наклейки.

— У нас пересадка на Верном пути! — сказал он. — К счастью, это перевалочная планета и рано или поздно туда прибудет какой-нибудь торговый корабль, следующий на Лочан. Тогда остаток путешествия мы проведем в тесноте. — Он посмотрел на Жофре. — Ты не знаком с космосом, некоторые не могут привыкнуть к таким маленьким замкнутым пространствам корабля. Пассажирский транспорт — другое дело. Но торговец предназначен прежде всего для груза, а пассажиров берет неохотно, лишь при необходимости.

Жофре пожал плечами.

— Будь что будет, — заметил он, однако про себя задумался.

До этих дней ему никогда не приходилось даже видеть хоть одного путешественника по звездным путям. Вчера они были на портовой станции, и он посмотрел на ожидавшие отправки корабли, задравшие нос в небо. Они были такие разнообразные — от юркого патрульного транспорта до широкобрюхого грузовика Компании. Пассажирские корабли представляли собой нечто среднее между ними. Глядя на них, Жофре ощутил странный озноб от мысли, что на одном из них ему придется полететь, впрочем, люди делали это уже не одну сотню лет. Случались, конечно, исчезновения и аварии. Рассказывали леденящие душу истории про корабли, экипажи которых вымерли от каких-то загадочных инфекций, продолжавшие летать, пока их не уничтожил Патруль или не притягивало к себе солнце. Космос

не был ни добрым, ни жестоким; он проявлял одно из этих свойств в зависимости от удачливости путешественников.

Что касается Жофре, то у него не было выбора. Он присягнул, и если присяга требовала, чтобы он летел в космос, так тому и быть. Он отправится в новый для себя мир, обострив все органы чувств, несмотря на то что поджидавшая их опасность могла не поддаваться ни одному из известных ему видов вооружения.

Он снова изумился финансовым возможностям Зуржала, которые казались ему неистощимыми. Полет Жофре был быстро оплачен. На самом деле Зуржал открыл для него межпланетарный счет и показал, как с него можно снимать деньги. На этот счет каждый квартал будет переводиться его жалованье. Сам Жофре с недоверием относился к такому методу. И несомненно, закатанин богаче любого лорда-равнинника, судя по тому, как легко он устраивал все дела.

Он купил билеты на корабль, отправляющийся на следующий вечер, и теперь они ехали к своему транспорту. Отель имел собственные скутеры, в которые помещались и пассажиры, и их багаж. Жофре, наслышанный о сканере Зуржала, был удивлен, не увидев в багаже закатанина какого-нибудь подходящего ящика для такого инструмента. Но ему не полагалось задавать вопросы.

Однако когда они приближались к посадочной площадке, его охватило чувство какой-то неловкости, усилившееся на площадке, где пассажиры ожидали лифта, который доставлял их на корабль. Что это было: опасение планетарного жителя, никогда не покидавшего свою планету, или нечто другое, подсознательно вызвавшее его тревогу?

Что бы это ни было, Жофре был настороже. Вокруг было много пассажиров, но ни один из них не был похож на уроженца Асбаргана. Это были главным образом инопланетники, и некоторые из них были совершенно не похожи на людей. Однако Жофре все же увидел одного планетарного жителя и сосредоточил на нем свое внимание. В этой пестрой группе он мог и затеряться, так как на нем

была ливрея одного из знатнейших домов Асбаргана и он сопровождал молодого представителя знатного рода.

По его ливрее было невозможно определить, какие на нем лежат обязанности, но Жофре сразу же понял, что он из Теней, хотя и не видел этого человека прежде.

То положение, которое он занял — в двух шагах позади своего господина, — было позицией телохранителя, хотя с виду он был вооружен лишь парадным мечом. И так, еще один из Братьев отправлялся в иные миры со своей миссией. Жофре мог бы показать глазами, что узнал своего, но его собственный статус был слишком двусмысленным. Возможно, в дальнейшем они все равно не встретятся.

Эта пара оказалась далеко впереди, казалось, что юному лорду просто не терпится забраться на корабль. И когда Зуржал с Жофре подошли к лифту, асбарганец с телохранителем неслись вверх.

Теперь они вошли в лифт и поехали на корабль, а их багаж был передан ассистентам. Жофре старался побороть свою внезапную и унижительную для него реакцию на подъем. Действуя наперекор своим чувствам, он заставлял себя смотреть вниз, на порт, за которым простирался старый город, а за ним — тот единственный мир, который он помнил.

Глава 8

Верный путь был перекрестком звездных маршрутов. Здесь были представлены всевозможные расы и виды разумных существ, с которыми Жофре уже пришлось столкнуться в отеле космонавтов на Асбаргане. Ему приходилось сдерживать себя, чтобы не оборачиваться и не рассматривать, разинув рот, когда мимо на антигравитационной тарелке проплывало существо, похожее на кусок теста, время от времени выпускавшее стебельчатые, как у краба, глаза, когда ему попадалось что-то интересное. Даже своим тренированным воображением исша Жофре не мог нарисовать себе мир, откуда ЭТО могло явиться.

Хотя гуманоиды преобладали, встречались и инсектоиды, некоторые из них перебирались на шести ногах, другие, ростом выше даже закатанина, ходили на одних задних ногах, используя передние и средние конечности для жестов, разнообразивших их скрипучий разговор. Он мельком взглянул на мужские особи птичьих людей, оказавшиеся поблизости. Это были широкобрюхие существа с бородавчатой кожей, напоминавшие одну из амфибий, обитавшую в прудах на Асбаргане. То, что происходило здесь, напоминало кошмар, в котором глаза отказываются воспринимать то, что могут увидеть. Жофре настроил себя не поддаваться на трюки даже собственных глаз.

Улица была разделена посередине рельсом из материала, напоминавшего металл. По ней скользили платформы с сиденьями, подбиравшие и высаживавшие по пути пассажиров. Но Зуржал предпочел идти пешком. Закатанин был явно поглощен своими мыслями. С тех пор как они покинули отель, он не проронил ни слова.

По обеим сторонам от магистрали тянулись ряды многоэтажных домов, архитектура которых показалась Жофре непривычной. Первый этаж, как и последний, был квадратным. Однако каждый верхний этаж становился меньше предыдущего, а за счет разницы в их площади образовывались балконы, на которых помещалась самая разнообразная растительность, среди которой стояли столы и стулья различных форм и размеров, приспособленные для не похожих друг на друга тел.

Это была придорожная планета, место, где сходились несколько основных межзвездных путей. Главным занятием ее жителей был сервис — обслуживание путешественников, следующих сотнями разных маршрутов. Внутренний город был окружен парками, тщательно спланированными, чтобы удовлетворять вкусы посетителей, со множеством аттракционов, позволявших скрасить долгие часы ожидания.

Здание, к которому направлялся Зуржал, было одним из самых массивных. Над входной дверью красовалась вывеска, выполненная выпуклыми буквами, а когда они подо-

шли и закатанин достал свой личный жетон, им открылся проход. При этом в сторону отступил автомен, который, как подумал Жофре, наверняка был вооружен.

Дверь открылась автоматически, и они оказались в широком коридоре со множеством дверей по обеим стенам. Зуржал ступал уверенно, не останавливаясь, пока они не подошли к третьей двери слева. При их приближении дверь снова отъехала в сторону, и они вошли в комнату, застеленную толстым ковром, с несколькими удобными креслами, в одном из которых наполовину сидел, наполовину опирался брюхом на высокий пуфик какой-то инсектоид.

Когда Зуржал приблизился, странное существо толкнуло ему навстречу квадратный сундучок, из крышки которого торчало нечто похожее на вентилятор. Когда инсектоид нажал своим когтистым пальцем на какую-то клавишу этого прибора, раздалась его малопонятная речь, произносимая скрипучим голосом.

— Добро пожаловать, истехнер Зуржал. Наши ресурсы в твоём распоряжении. — Слова доносились из того вентилятора, и Жофре понял, что это был электронный переводчик. — Располагайтесь и отдыхайте, дальние путешественники, — продолжал инсектоид.

Однако Жофре не стал следовать примеру Зуржала, который опустил в одно из кресел, а занял надлежащее теплохранителю положение у входной двери, откуда ему была видна вся комната.

— Приветствую тебя, Рожденный-пятым, — сказал Зуржал прямо в вентилятор, и тот издал частое попискивание. — Как поживают улей и личинки?

— Отлично! А как ты, Ученый?

Зуржал выражался так же кратко, как его собеседник:

— Я теперь заберу свое.

Инсектоид нажал когтями средней лапы на одну из клавиш в ряду, расположенном у него на столе.

— Здесь имел место вопрос, — проскрипел пропеллер...

Зуржал сделал резкое движение, и кресло немедленно изменило форму, приспособившись к его новой позе.

— И чт-о-о-о? — спросил он с пришепетыванием, обозначающимся сильнее, чем всегда. — Что за вопрос, Рожденный-пятым?

— От одного из сильных, Ученый. Он также имеет дело с ульями и получает некоторый доход. Он из тех, к кому прислушиваются.

— Ш-ш-ш, — снова со свистом. — А как зовут этого сильного, Рожденный-пятым?

— Это, — казалось, инсектоид колеблется, — хорошо известный Властитель Тссека.

Эта фраза, произнесенная металлическим голосом, была встречена молчанием. Своим чутьем исша Жофре заметил напряжение, сковавшее тело Зуржала. Закатанин был явно недоволен ответом, точнее, он был раздражен.

— Властитель Тссека, — повторил он медленно, с расстановкой, словно желая спрятать все эмоции, лежавшие за этими словами, — известен. А я нет. Что ему надо от того, кто лишился доверия даже у равных себе в своем мире? С какой стати он мог мной интересоваться?

— Улей повторяет только те сообщения, которые были оставлены, Ученый. Есть некий Сопт с'Ку, высокопоставленный последователь Властителя. Он сейчас находится в отеле «Три фонтана» и желает поговорить с тобой. Он оставил сообщение суток пять назад. Было лишь одно сообщение, что он хочет встретиться с тобой как можно скорее.

— Что ж, хорошо. — Зуржал чуть расслабился, но Жофре видел, что он по-прежнему обеспокоен. — Моя благодарность улью за любезную передачу сообщения.

Инсектоид знаком показал, что оценил эти слова, и нажал еще несколько клавишей.

— То, что ты оставил на хранение улья, будет возвращено, тебе, истехнер Зуржал. — Эта фраза была произнесена официально, по-видимому, соблюдался какой-то ритуал.

— Я утратил связь с космосом, — сказал Зуржал. — Произошло ли что-нибудь, что следовало бы знать благоразумному существу?

Инсектоид уперся острыми локтями в предплечья верхней пары рук и сцепил все когти вместе. Оперенная

антенна, венчавшая его голову, склонилась в сторону закатанина.

— Ты спрашиваешь об изменениях? Не так много и только незначительные, такие, что происходят с течением времени, и против которых нельзя уберечься, и нельзя их предусмотреть. Ходят слухи, что джеки теперь орудуют в системе Алабана, а на Ворсе, как всегда, беспокойно, но они никогда не бывают счастливы, если нет несчастья, что в высшей степени странно. Да, и на Тссеке, конечно, празднуют пятидесятилетие правления Властителя.

— Примечательное событие. — Эти слова прозвучали сухо, словно он сам не соглашался со сказанным.

Инсектоид не успел ответить, если и хотел это сделать, так как часть стены отодвинулась. Жофре тут же пригнул колени, изготовившись обороняться, поднес руку к поясу, а потом выпрямился, но оружие из рук не выпустил, когда к столу подлетела и опустилась на его поверхность крошечная антигравитационная тарелка. Инсектоид снял ее груз, черный футляр с ручкой посередине крышки и без всяких намеков на замки или застежки на гладких боках.

— То, что ты хранил в улье, истехнер.

Зуржал поднялся и подошел к столу, чтобы взять груз.

— Я принимаю. Прими благодарность, Рожденный-пятым, за любезность и помощь со стороны улья.

— Пусть тебе сопутствует преуспевание в твоих делах, истехнер Зуржал.

— Пусть процветает улей со множеством личинок, Рожденный-пятым, — ответил Зуржал. Он сделал полупоклон, который был неуклюже повторен инсектоидом, чье тело было не приспособлено к подобным движениям.

Когда они вышли из здания, Жофре протянул руку, чтобы взять чемодан у своего господина, но тот сделал протестующий жест.

— Это понесу я. Если что-либо случится с содержимым, виноват буду я один. Но мне не понравилось то, что я услышал.

— О Властителе Тссека? — догадался Жофре.

— Именно так, — прошептал Зуржал. — Весть о Властителе всегда плохая. Я не имею ни малейшего понятия, почему он может интересоваться мной, но с этого момента мне придется все время оглядываться.

Жофре покачал головой:

— Оглядываться — мое дело, я твой присягнувший. Но необходимо знать о врагах как можно больше, кто такой этот Властитель и почему его считают сильным?

— Это долгая история, — ответил Зуржал. — Подожди, пока мы доставим нашу ношу в гостиницу, в надежное место. Тогда я расскажу тебе все, что знаю. А это то, что известно всем в этой области звездного пространства. Мой народ не имел никаких дел с Тссеком. — Теперь казалось, что он думал вслух. — То, что известно, почерпнуто из архивов. Это старый мир, который в основном смотрит только внутрь себя и поглощен множеством кровавых событий в своем прошлом.

Когда они возвращались в свои покои, Жофре был настороже, однако он не заметил в толпе разнообразных существ, сновавших по улицам, чтобы кто-нибудь проявлял к ним малейший интерес. Сдав свой груз капитану охраны, закатанин направился к одной из террас, опоясывавших здание, и занял место за столом, отгороженным с трех сторон цветами в горшках и расположенным вдали от соседних столиков.

Набрав коды напитков на кнопочном меню, лежавшем на столе, он откинулся в своем кресле и задумчиво поглядел на Жофре.

— Те, кто служит в улье, не склонны упоминать мало-важные события. Поэтому эпизод с Властителем достаточно значимый, иначе они бы о нем не рассказывали. Они сохраняют и передают кредиты, их средства находятся в полной безопасности, на них никогда не нападали, и они хранители многих секретов. Несомненно, среди прочих, и секретов Властителя.

Теперь то, что касается Тссека. Много веков с тех пор, как произошел первый контакт, этот мир был не слишком здоровым местом, не только для инопланетников, но и для

местного населения. У тех, кто обитает на этом небесном теле, есть какой-то сдвиг в характере, нечто, побуждающее их на постоянные интриги и войны. Долгое время там не было стабильного правительства, вместо него действовала вереница главарей мелких враждующих между собой народов.

Немного более ста лет назад там родился один из тех, кто время от времени появляется в истории, харизматическая личность с врожденными качествами лидера, обеспечивающими превосходство над остальными. На Тсесеке таким был Фер с'Ранг. Он с жаром принялся за дело и за двадцать лет объединил один континент под властью, которая впервые в истории оказалась стабильной и способной продержаться долгое время. Оттуда он двинулся на другой, восточный континент, чтобы распространить свое правление и на него.

Он был не только прирожденным лидером, но и у него был дар выбирать из своих последователей, подходящих для каждой должности. И на Тсесеке воцарился мир, которого не знала его цивилизация. Это продолжалось очень долго. После того как Фер с'Ранга провозгласили Властителем, он открыл космические порты для торговли, развил промышленность и поднял уровень жизни, вообще проявлял себя в редкой роли — диктатора, который творил подлинное добро, и Тсесек стал процветать.

Разумеется, было и недовольство: учитывая прошлое, это было неизбежным. Но его становилось все меньше. Потом произошла Великая встреча.

Все кланы, которые ранее враждовали, были приглашены. Война уже принадлежала прошлому, и предполагалось мирное празднество. В середине веселья Фер с'Ранг умер. Это была мирная смерть, которой ожидали, так как он некоторое время болел, кроме того, говорили, что на его здоровье сказалось напряжение последних недель. Он упал замертво, принимая поздравления последнего из семейств, причинявших ему много беспокойства.

Правителя тут же сменил его главный заместитель, и некоторое время космическим жителям казалось, что то, что было начато Фер с'Рангом, будет продолжено. Однако пра-

вительство стало постепенно закручивать гайки, забирая в свои руки все больше власти. Теперь на Тссеке царит жестокая диктатура, и, судя по слухам, это место стало снова очень несчастливым.

Теперешний диктатор, как я слышал, воздерживается от каких-либо контактов с другими планетами. И как ты знаешь, Великий Совет может рассматривать проблемы какой-либо цивилизации, только если она является его членом. Тссек не подавал заявки на вступление. По слухам, Фер с'Ранг как раз собирался это сделать, но ему помешала смерть.

С Тссеком много торгуют. Жители этой планеты продают несколько очень нужных минералов, а также некоторые промышленные товары. Но инопланетники допускаются только в торговый порт, как и в других мирах, не присоединившихся к Совету, как это до недавнего времени было и на Асбаргане. Есть все основания думать, что Властитель не пользуется любовью у своих подданных. Однако инопланетникам не полагается в это вмешиваться.

— Но Властитель желает встретиться с тобой, — медленно произнес Жофре.

— Именно, но почему? Как мне кажется, не в связи с одной из проблем, интересующих меня, — заметил Зуржал.

Жофре сделал такое стремительное движение, словно хотел обмануть чей-то глаз. Дуло его оружия оказалось нацелено на одно из заграждений, образованных растениями в горшках, которые были достаточно густыми и пышными, чтобы служить очень удобным прикрытием. Брат Теней в мгновение ока оказался на ногах. Зуржал не сдвинулся с места, хотя и видел, как сверкают глаза его присягнувшего. Вместо этого он слегка возвысил голос.

— Тот, кто ожидает, что ему обрадуются, подходит открыто, — сказал он, обернувшись, хотя оружия у него не было.

Ответ пришел из другого места: из укрытия небрежной походкой вышел какой-то мужчина. Это был абсолютный гуманоид, может быть, даже терранец, но очень маленького роста. И его коже недоставало коричневого загара, характерного для всех космонавтов. Над высоким стоячим

воротником его рубашки торчал острый подбородок, глаза были маленькие, прятаящиеся в складках нездоровой серой кожи. Рубаха была черная, сапоги и бриджи того же цвета. На поясе, под рукой висела кобура бластера.

Жофре занял новую позицию, позволявшую ему защищать закатанина с двух сторон — от приближавшегося незнакомца и от того, минимум одного, субъекта, скрывавшегося за растениями.

Человек в мундире медленно улыбнулся.

— Ученый, готовность твоего телохранителя достойна похвалы, — цветочный горшок едва качнулся, — эй, Харсе, выходи, — приказал незнакомец. — У нас нет ссоры с Ученым. Напротив, мы пришли с пустыми руками. — И он протянул обе руки ладонями вверх, демонстрируя, что в них действительно ничего нет.

Из-за занавески показался второй человек: значительно выше, чем появившийся первым. Он так же был одет в черный мундир, но попроще, его украшал один погон с нашивкой, изображавшей молнию. Он шел слегка напряженно, держа руки подальше от своего пояса со множеством отверстий, заполненных стержнями различной остроты и длины.

Старший шелкнул пальцами, и Харсе, если это было имя подчиненного, развернулся так, чтобы его спина образовала загородку с четвертой стороны, отгораживая тройку собравшихся за столом от внешнего мира.

Жители Тссека могли изображать безобидных существ со всей прямоотой, на которое была способна их раса, однако Жофре не расслаблялся. Его тренированное чутье не могло уловить каких-либо признаков того, что в укрытии оставался кто-то еще. Однако он слабо представлял, какую угрозу таит это поясное оружие, и предпочитал, чтобы его не застали врасплох. Он не сошел со своего обычного места телохранителя, защищающего хозяина, и когда офицер с Тссека приблизился к столу.

— Я обращаюсь к Сопт с'Ку? — спросил Зуржал, откидываясь на своем кресле с совершенно непринужденным видом. Однако Жофре уловил, что по-своему закатанин встревожен не менее, чем он.

— Новости разносятся быстро. Да, Сопт с'Ку, командующий ордой, к вашим услугам, Ученый. — Небрежность, с которой он отдал честь, граничила с намеренным оскорблением. — Несомненно, ты из тех, кто предпочитает не тратить время на формальности, поэтому я скажу напрямик, что хочу обсудить одно дело, которое полезно нам обоим.

Зуржал жестом своей здоровой руки указал на стул, с которого поднялся Жофре. Его присягнувший отступил на два шага назад, по-прежнему выбирая место с таким расчетом, чтобы не выпускать из виду ни офицера, ни его подчиненного, твердо стоявшего, загоразивая собравшихся.

Сопт с'Ку по-прежнему тонко улыбался, хотя был явно недоволен приветствием Зуржала.

Несомненно, он привык к тому, чтобы его сообщения принимались более благодарно. Тем не менее он присел, отчего стал выглядеть не слишком представительно рядом с закатанином, далеко превосходившим его размерами.

— Поскольку мы пренебрегли формальностями, — продолжал он, — я сразу же перейду к делу. Мой Великий Вождь, — его рука взметнулась вверх, словно он отдавал честь, — получил сообщение, что тебя можно найти здесь. Ему также известно, что равные вам отказались верить в открытое тобой перемещение в прошлое. И теперь ты ищешь случая и место, чтобы продемонстрировать достоинства своего открытия. Тебе предлагается такое место, а кроме того, все, что может тебе понадобиться...

— Весьма интересно, — ответил Зуржал с заметным пришепетыванием. — А что подвигло Великого на столь великодушное предложение?

— Вера в тебя, Ученый, — последовал поспешный ответ, — в тебя и в твоё открытие. Ты желаешь доказать, что можешь заглянуть в прошлое, в этом году исполняется пятьдесят лет правления Великого, которое началось печальным событием, смертью Фер с'Ранга. Мы можем предоставить тебе возможность, которая принесет тебе славу не только на планете, она достигнет звезд, убедит сомневающихся, что ты в состоянии сделать то, о чем говоришь. Властитель приглашает тебя на Тссек, чтобы ты установил какой-нибудь сканер на Марлике и воспроизвел смерть

Фер с'Ранга. К моменту твоего возвращения в прошлое будут подготовлены все передатчики, и эту сцену увидят миллионы людей. Можешь ли ты ожидать большего для популярности своего открытия?

— Ваш прославленный Властитель, несомненно, слышал, что мое открытие далеко от совершенства. Предыдущие сеансы имели лишь частичный успех. Я не могу гарантировать лучших результатов и поэтому, разумеется, не могу принять предложение. Если бы Властитель организовал такую огромную аудиторию, а опыт бы не получился, это было бы более чем разочарованием...

— Ты слишком скромн, учитель. Наш Вождь тщательно изучил твои прошлые достижения. Он уверен, что ты стоишь к успеху ближе, чем говоришь. И он проследит за тем, чтобы ты получил хорошую награду...

— Нет. — Зуржал оборвал его крайне грубо. — Я не могу обещать то, что не в силах осуществить. Передайте прославленному Властителю мою благодарность, но пока я не удостоверюсь в ценности того, что я могу предложить, я не возьму на себя риска разочаровать тех, кто желает провести эксперимент с моим открытием. Он, безусловно, поймет логику этого ответа.

Лицо Сопт с'Ку искривилось гримасой.

— Мой Великий Вождь не из тех, кого легко разочаровать.

Зуржал встал.

— Никто не любит разочаровываться. Но ничто не течет совершенно гладко. Извините, господин командующий, мой ответ останется отрицательным, я закатанин, и мы поклялись накапливать и приумножать знания. Я поэтому и хочу применять свое изобретение. Но пока я не добьюсь успеха, мои действия останутся сугубо приватными. Если мне удастся экспериментально подобрать подходящий ритм для моего сканера, тогда я с большим удовольствием предоставлю его любому миру для воспроизведения сцен планетарной истории. Это будет славный день, но до него все еще очень далеко. Благодарю вас, командующий ордой,

и, пожалуйста, объясните вашему Властителю мотивы моего отказа: я не предлагаю того, что не совершенно.

Тссекиец также встал.

— Мне жаль, Ученый. Ты только что отверг то, что принесло бы тебе великую славу.

— Если так, то потеря — моя.

Но в голосе закатанина не было и тени огорчения. Он слегка кивнул головой, когда тссекийцы оставили их, не сказав ни слова. Телохранитель присоединился к своему нанимателю, когда тот проходил мимо него.

— А теперь, — медленно сказал закатанин, — хорошо бы понять, что за всем этим скрывается. Мне кажется, надо сказать пару слов кое-кому. Возможно, к Тссеку сейчас проявляется какой-то интерес, о чем мне не приходилось слышать. Но ясно одно, мы не поедem к этому Властителю.

Но, разумеется, это было не так.

Глава 9

Удар был нанесен, когда стала заниматься заря. После встречи с тссекийцами Жофре чувствовал себя напряженно, так как был уверен, что Сопт с'Ку не считал разговор законченным. Вначале он предполагал, что у хозяина могут похитить сканер, но на его вопрос Зуржал объяснил, что никому, кроме него, с прибором не разобраться. Различные модификации, которые он добавлял к оригинальному изначальному образцу, находились только в его перепончатой голове.

Хотя закатанин рано лег, Жофре продолжал прочесывать их номер, от стены к двери и обратно к стене, словно ожидая, что в одной из комнат затаился враг. Он расспросил закатанина о различных видах оружия, которое заметил у Харсе (а если такое было у него снаружи, то ЧТО скрывалось от глаз?), и Зуржал согласился, что очень воинственная нация Тссека вполне могла усовершенствовать нечто новое, необычное или заново открыть что-нибудь старое и забытое, неизвестное представителям других планет.

Наружная дверь была заперта на замок, отпиравшийся при приближении ладони с определенными линиями. Живя в этом номере, они, желая, чтобы им не мешали, могли поднести руку к личине, и дверь было невозможно открыть, если не использовать инструментов, шум которых поднял бы на ноги всю гостиницу. Окна, выходявшие на наружную террасу, также были заперты и запечатаны. Жофре сам убрал пышные цветы, загораживавшие обзор, чтобы можно было наблюдать за перилами, ограждавшими балкон. Кроме того, он положил на важные места террасы две своих предупредительных пуговики.

Но и приняв все предосторожности, он не мог расслабиться. Чутье исша подсказывало Жофре, что скоро придется применить то, чему он так долго учился. Вполне резонно было ожидать, что тссекийцы попытаются похитить Зуржала. Если бы закатанин вместе со своим прибором оказался у них в руках, они могли рассчитывать, что заставят его поставить эксперимент. Но почему это им так нужно? Зуржал сам задавал себе этот вопрос несколько раз за прошедший вечер. Неудача эксперимента, показанного по всем каналам, навлекла бы позор не только на закатанина, но и на самого Властителя.

— Они ведут какую-то игру, — наконец сказал Зуржал. — Но эта игра не для нас. Жаль, что нам так не повезло с поездкой! Лочан — это мир D-класса. Его посещают только вольные торговцы. У меня нет неограниченных финансовых возможностей, так как я не могу снимать деньги со счетов своего дома, поскольку меня лишили средств. Поэтому нам придется ждать торговца, который сам следует на Лочан и захватит нас по пути. Я не могу нанять чартерный корабль только для себя. Но в этот порт такие торговцы заглядывают, так что рано или поздно мы улетим.

Для Жофре, который напряг все свое чутье, такое ожидание было равносильно безмолвной войне. Этот город представлял собой скопление странных строений, о которых он очень мало знал, несмотря на все попытки изучения окрестностей по картам и планам, на которых были отмечены основные пункты. Толпы путешественников, многих

из которых он едва ли мог назвать «людьми», лишь усиливали его недовольство этим космическим портом.

Чем скорее они покинут это место, тем лучше, оно настолько далеко от всего, чему его учили, что он вообще стал сомневаться, сработают ли его хваленые навыки в этих условиях.

Он совершал обход всех комнат в третий раз, ступая бесшумно, его ночного зрения хватало, чтобы разглядеть все, что было нужно. Через каждые несколько шагов он останавливался, вслушиваясь в темноту, принюхивался, заставлял свое шестое чувство улавливать все непривычное. Он проводил таким образом уже вторую ночь, но бодрствовать постоянно было невозможно.

Едва различимый звук сигнального камушка заставил его прижаться к стене, почти вдавиться в нее, вглядываясь в темноту, царившую на террасе. В одной руке у него был шокер, а другой он сжимал малые ножи для метанья, которым доверял в первую очередь, так как это было старое привычное оружие, в обращении с которым он был чрезвычайно искусен.

К краю террасы кто-то медленно, осторожно приближался. Это был гравитационный плот, которые, как он знал, использовались в качестве городского транспорта. Жофре приподнял шокер...

Он выпал из пальцев, которые вдруг онемели так, что перестали ему повиноваться также, как и колени, отказавшиеся держать тело. Он упал лицом вниз и обнаружил, что едва может дышать, словно ему отказали мышцы грудной клетки, словно легкие лишились воздуха.

Если нападающий рассчитывал на его смерть, он недооценил силу своей жертвы. Жофре тут же мобилизовал свои внутренние защитные силы. Он замер, это была его реакция на неведомое — надо было выждать, пока не станет ясно, какое оружие применит враг.

Хотя зрение, слух и другие ощущения Жофре притупились, а сам он был почти в обмороке, ему хватало сознания чтобы знать, что в комнате теперь происходит какое-то движение, вполне уверенное, словно вторгшиеся враги со-

вершенно не боялись. Предпримут ли они действие которое подсказывает здравый смысл, то есть убьют ли его пока он лежит? Пока что они обходили его, направляясь в комнату, где спал Зуржал.

Давление, заставлявшее его пребывать в неподвижности, сохранялось. Только техника исша помогала ему неглубоко дышать! Потом он стал вызывать Внутреннее Сердце, источник сил, который питал его. Последовала внезапная вспышка, он ощутил шок, словно сунул руку в костер. Теперь он ощутил свою руку. Она была неловко подвернута под спину, пальцы были все еще согнуты, словно вокруг рукоятки оружия, которого на самом деле не было. Но он мог ими пошевелить, совсем чуть-чуть. А сила для этого исходила от... находки, сделанной им в горах, вынесенной из Куа-эн-иттер, от камня!

Казалось, что его мысли то погружаются в обволакивающую темноту, то выныривают на свет, словно их макали в болото. Он силился не отпускать их. Потом он в боку остро ощутил боль, как будто от сильного удара. А потом очень тихо взорвался звук, прорезавшийся чуть сильнее шепота, которым велся, должно быть, какой-то спор. Ответ пришел, когда Жофре грубо выволокли из комнаты и, протаскив по террасе, бросили на вибрирующую поверхность — платформу лифта.

Спустя мгновение на него навалилась какая-то масса, — по мускусному запаху он узнал закатанина, — должно быть, такого же беспомощного в руках, захвативших их в плен.

Платформа рывком двинулась вверх. Жофре даже показалось, что она раскручивается. Его слабая связь с собственным сознанием стала еще более призрачной, хотя ему и удалось кое-как передвинуть руку, так, чтобы накрыть ладонью полученный в горах талисман.

Было очевидно, что теперь ему ничего не предпринять, оставалось ждать, когда ему удастся вернуть силы, сбросив с себя то, что лишило его движения. Но он продолжал держаться за внутренний источник, таким образом сохраняя себе жизнь. А пока человек жив, у него остается шанс, который благоприятствует тем, кто готов за него ухватиться.

Жофре не мог бы сказать, сколько их несли по воздуху. Стало гораздо светлее, и хотя он не мог повернуть голову и не решался поднять веки шире, чем на щелочку, ему удавалось разглядеть то, что их окружало. Транспорт, на котором он против своей воли стал грузом, именно и был грузовым. Помимо Жофре и безмолвного и неподвижного закатанина, на корабле находилось минимум три пассажира. Двое из них попадали в его ограниченное поле зрения. Один из них был Харсе, а другой вполне мог быть его близнецом. Третий оставался за пределами обзора, и Жофре не знал, кто это мог быть. Но присутствия Харсе хватало, чтобы отнести это происшествие на счет тссекийцев.

Лифт вдруг резко упал, заставив Харсе издать гортанный звук и схватиться за перила, находившиеся на уровне пояса за его спиной. Еще одно движение вниз, и они совершили посадку на какую-то поверхность, и этой силы оказалось достаточно, чтобы Жофре чуть подкинуло с платформы лифта.

Этого незначительного изменения угла зрения хватило, чтобы он разглядел высившуюся рядом громаду из блестящего полированного металла. Они приземлились поблизости от корабля. Теперь они торопились переместить свой необычный груз на борт. Харсе и его двойник, пригнувшись, пролезли под перилами и, вскоре вернувшись, бросили на платформу пару ящиков. Тот, который оказался сверху, покачнувшись, упал, задев ногу Жофре и вызвав острую боль. Лифт снова стал подниматься, а потом — приближаться к повернутому носом вверх кораблю. В грузовой отсек корабля запихнули их с закатанином, правда, его тут же оттащили так, что он скрылся из поля зрения своего телохранителя.

Снова появился Харсе, пинком ноги он перевернул тело Жофре и стал обыскивать его. У него вытащили поясной нож и малые ножи, спрятанные в рукаве, забрали бластер, но, казалось, тссекийцы тут же пришли к выводу, что их добыча осталась совершенно безоружной, что было слишком поспешным выводом.

Хотя Жофре и утратил многое из того, на что мог рассчитывать на случай обороны или нападения, исша не был безоружен, если сохранял контроль над собственным телом. Следовательно, главное сейчас — восстановить его. Жофре не решался сделать даже самое незначительное движение, пока оставался на глазах у врагов. Но его слух обретал прежнюю остроту, и до него донесся звук отдалявшихся шагов тяжелых сапог. Должно быть, стражи к ним не приставили.

Ему удалось выпрямить пальцы руки, сжимавшей спрятанный талисман. От него не ускользнула важность этого события. Мысленно Жофре нарисовал этот камень овальной формы, который так долго рассматривал. Его мертвая непроницаемая мрачность не отталкивала, а, скорее, притягивала внимание, словно внутри его...

Камень... Можно ли ему отвлечься от всего окружающего, чтобы сосредоточиться на созерцании талисмана? Жофре понял, что этот отчаянный шаг, в сущности, его единственная возможность.

Итак, он отсекает свое внутреннее зрение от окружающего мира, мысленно сосредоточиваясь на образе камня, к которому он устремился всеми силами своей души исша.

Его рука чуть приподнялась. Пальцы сложились в один из Шести знаков, тот, который вел к Великому Призыву. Он все еще удерживал камень, сжимая его в своих мыслях, вот как он выглядел, вот какой он...

Другая рука дрогнула, словно к ней вернулась жизнь. Он смутно осознал это и приподнял ее, чтобы пальцы обеих рук сплелись в знак «Ищу-силы-горных-ветров».

Он делал каждый вдох глубже, чем предыдущий, поднимая ребра, болевшие от пинка. Медленно, крайне осторожно он подвинул одну ногу, а затем другую. Отсек был слабо освещен, света было достаточно, чтобы разглядеть несколько ящиков и контейнеров, в которых мог находиться груз. Воздуха хватало для дыхания, и...

Тело Жофре напряглось, чтобы через полминуты вновь расслабиться. Этот звук, доносившийся через стену... Корабль взлетал, и, не имея кресла с подушками, какие быва-

ют в пассажирском отсеке, он должен был принять на себя огромные перегрузки взлета.

Они свалились на него подобно удару, нанесенному могучим кулаком, спустились абсолютным мраком. Все, что он с таким усилием достиг, в миг сошло на нет.

* * *

В одном из верхних отсеков лежала женщина с болезненной гримасой на лице. Потом, когда они оторвались от планеты, она не сразу освободилась от ремней, которые обеспечивали ей безопасность. Гримаса боли сменилась недовольным выражением лица с нахмуренными бровями, казалось, она к чему-то прислушивается.

Наконец она покачала головой, словно отгоняя какую-то беспокоившую ее мысль, и не встала со своего места. Ее движения были такими заученными, что напоминали какой-то ритуальный танец. Ее лицо побледнело, разгладилось и стало напоминать маску из слоновой кости, глаза с черными ресницами закрылись. Сверкающе алые губы двигались, беззвучно произнося какие-то слова. Она стала раскачиваться взад и вперед все быстрее. Затем поднялись руки, она вытянула их вперед, однако глаза так и не открылись, чтобы посмотреть на причудливые движения, совершаемые пальцами в воздухе.

Как хорошо... хорошо! Она чувствовала, как ее наполняет сила, вооружая ее так, как эти инопланетные мерзавцы и представить себе не могли...

Вдруг она испытала резкий, внезапный удар. Она широко открыла глаза, а губы издали крик... оставшийся безмолвным. НЕТ! Это было невозможно... немыслимо... такого не может быть... здесь!

Зарн. Почти так же быстро, как были прерваны ее мысли и поколебалась сила, ее память оживилась. Не на это ли намекал Зарн, пытаясь соблазнить ее отказаться от своей миссии, чтобы направить ее с заданием, о котором он не хотел распространяться?

Она опять нахмурилась, стараясь восстановить все клочки этих воспоминаний. Зарн действительно горел вол-

нением, какого ей не доводилось у него видеть. И священники Шагга, а они так гордились своей невозмутимостью! Но здесь, на этом корабле? Последний раз ей пришлось прикоснуться к такой силе на Рама-ди-Фронг, когда она столкнулась лицом к лицу с Магистром Ложи, давшим ей задание, которым она так гордилась, став первопроходцем, договорившись с инопланетниками. Это было так невероятно, что не могло пройти незамеченным, какой бы ни была ее непосредственная миссия.

Потянувшись к шкатулке из полированного металла прикрепленной для безопасности к полке у нее за спиной, она открыла замок и достала оттуда круглое зеркальце, подняла его к лицу и критическим взглядом осмотрела своё изображение. Она была лишена тщеславия, оно не входило в набор качеств, культивируемых среди исша, и от него легко избавлялись при первом проявлении. Сейчас она просто тщательно рассматривала один из видов оружия. Оно имело ценность, и она могла его применить: с детства ее тренировали использовать это особое оружие.

А теперь она уронила зеркальце на колени и, затаив дыхание, стала всматриваться в ближайшую стену отсека. Эта новая тайна, интриговавшая ее и требовавшая разрешения, мешавшая ей полностью сосредоточиться на своей задаче, ничто не должно ей препятствовать. Правда, эти тссекийцы не такие уж умные. Им нельзя отказать в хитрости и лукавстве, но ум — не их достоинство. Бывает, что люди выдают свои тайны, не произнося их вслух и не доверяя бумаге. Допустим, только допустим, что этот Сопт с'Ку выучил кое-что из языка исша и смог раздобыть для своего хозяина то, что, как она чувствовала, находится сейчас на корабле. Это означало бы опасность. В хороших руках это обеспечивало бы полный контроль... над ней. Ее рука сжалась в кулак.

Они снялись очень внезапно. Она не выходила из каюты, как требовала от нее роль, которую она играла. Но эти другие разрабатывали какой-то план, она была лишь второстепенным звеном, в этом она была уверена, она позаботится, чтобы ее ценность возросла, как только она доберется до Властителя. Тогда, может быть, это предназначается

не для того, чтобы управлять ею, правда, она должна проверить все свои подозрения, но, пожалуй, целью являются какие-то другие люди.

Теперь она должна полностью убедиться в надежности ее территории: не поработал ли шпион, покушающийся на то, что по праву принадлежит гордым лордам? Поднявшись, она стала выполнять определенные приготовления, проверила, есть ли доступ к нескольким предметам багажа, содержимое которого отбиралось чрезвычайно тщательно.

* * *

Он ощутил вкус крови, бежавшей из ссадины в уголке рта. Должно быть, тренировка сегодня была тяжелой. Жофре открыл глаза, но не увидел неба, венчавшего горы. Над ним где-то очень высоко был потолок. Тело его все острее чувствовало боль, и ему было очень трудно дышать.

Он был явно не во дворе своей Ложи. Его окружали гладкие стены, а не грубые камни зала Ложи (чтобы это разглядеть, он обернулся, вызвав новую волну боли). Так где же, где же он?

Он позволил своей наполненной болью голове опуститься на те несколько дюймов, на которые ему удалось ее приподнять. Теперь он смотрел на потолок, пытаясь припомнить, что с ним произошло. Потом он ощутил вибрацию, сотрясавшую его тело, исходившую от пола, на котором он лежал. Корабль... Эта мысль пришла медленно. От усилий, с которыми давались ему воспоминания, боль стала еще острее.

Глава 10

У Жофре не было времени предаваться воспоминаниям. Место его заточения прорезал яркий поток света, и он изобразил обморок. Вначале лучше узнать, кто твои враги и сколько их, а уж потом пробовать свои истощенные силы. Веки, снова почти полностью прикрывавшие глаза, очень ограничивали его поле зрения, но он понял, что пришло по

меньшей мере два человека, которые остановились по бокам от него, обмениваясь над ним гортанными репликами.

Его подхватили под мышки и за ноги, и эти двое потащили его из отсека через какой-то коридор, который был лучше освещен. Ему удалось смутно разглядеть ноги одного из людей, он был почти такой же массивный, как Харсе, и на нем был такой же мундир. Подойдя к подножию лестницы, они бесцеремонно уронили его на пол. На его голову упала веревка, ему петлей обвязали руки и затянули ее. Он услышал лязг металлических набоек сапог по полу и заметил, что один из мужчин поднимается по лестнице, а другой тащит его к нижней ступеньке.

Его предполагалось поднять как какой-нибудь неодушевленный предмет, лучше пусть они думают, что он по-прежнему без сознания. Он был почти уверен, что находится на борту корабля, в этом случае у него не было шансов сразу же совершить побег.

Резкое подергивание веревки, поднимавшей его тело, усилило боли в разных местах, которые ему было теперь даже трудно сосчитать. Один мужчина подошел сзади, чтобы не давать его телу слишком раскачиваться, явно не для удобства Жофре, а для облегчения задачи того, кто тащил его вверх.

Они миновали два пролета и приближались к третьей площадке. Его снова уронили на плоскую поверхность и на этот раз с него сняли веревку. Потом его опять куда-то понесли по короткому коридору, а потом притащили в какую-то каюту. Жофре оказался на полу, но на этот раз под ним было покрытие вроде ковра, а воздух в помещении был не такой затхлый, а скорее даже свежий.

— Как видишь, Ученый, твои страхи необоснованны, мы не убили твоего телохранителя. — Голос был знакомым, и Жофре старался соотнести его с каким-то известным ему лицом.

— Это едва ли пошло бы вам на пользу. — Пришепетывание в голосе, который он узнал сразу, усилилось. — Немедленно освободите его.

— Ученый, нам приказано оказывать тебе всяческую помощь, взамен на твое согласие считать себя нашим гостем... Как гость ты, безусловно, не будешь нуждаться в телохранителе... рука Властителя покарает любого, кто посмеет причинить тебе вред.

— Освободите его, — повторил закатанин, — вы не дали мне доказательств того, что ваш Властитель имеет по отношению ко мне миролюбивые намерения. Вы лишили моего присягнувшего оружия, он безобиден. Посмотрите на своих горилл, каждый из них на голову выше его, из любого получится два таких, как он. Или вы боитесь человека, который пролежал в коме, пока не лишился всех своих сил?

— Ты миролюбивый человек, Ученый. Хорошо известно, что представители вашей расы не представляют опасности для разумных существ. Какое тебе дело, что случится с этим? — Жофре увидел, как на него указали носком сапога. — Он сама противоположность всего того, во что ты веришь, он живет, чтобы убивать, разве это не так?

Последовало мгновение молчания. Потом Зуржал ответил:

— Этот человек присягнул мне, как полагается у людей его занятий, и он доверяет мне, а я ему. Вы от меня чего-то хотите. Очень хорошо, давайте торговаться, командующий ордой, или вам неизвестно это понятие?

— Хммм, — это было не слово, а лишь легкий отголосок звука. Потом раздался резкий хохот, в котором не было ни капли веселья. — Итак, мы наконец задели тебя за живое, Ученый. Хорошо. Можешь это забрать, если только будешь себя вести как наш... гость.

Тело Жофре резко дернулось. К нему никто не прикасался, но этот вес, который почти раздавил его грудную клетку, которому он сопротивлялся все эти часы, пока чуть ли не сжился с ним, вдруг свалился с него.

— Значит, мы оставляем вас одних, Ученый... — Раздалось топанье сапог, потом хлопнула металлическая дверь.

Жофре перевернулся на бок и глубоко задышал. Упервшись одной рукой, он сумел подняться до полусидячего положения. Зуржал стоял в проеме двери. Судя по его позе,

он усиленно прислушивался. Жофре перевернулся и встал на колени, стукнувшись плечом о мягкое сиденье стула, надежно прикрепленного к полу. Скрежеща зубами и призывая на помощь все свои запасы сил, он поднялся на ноги и встал, опираясь на этот стул.

Теперь, когда его личная борьба более ли менее благополучно завершилась, до него полностью дошло, что с ним произошло, и шок от этого сознания был таким сильным, что он чуть снова не свалился на пол. Ему не удалось предотвратить то, что с ними случилось, и, таким образом, он предал исша. На это был лишь один ответ, но он не мог совершить то, что ему надлежало, так как закатанин был жив, а он ему присягнул.

Зуржал повернулся спиной к двери. У него вздыбилась оборка вокруг шеи, и он поднял руку, чтобы ее поправить. В два шага он приблизился к Жофре, повернул его и толкнул на стул, на который тот опирался.

— Если воин поддастся действию неизвестного ему оружия, в этом нет для него позора. — Закатанин коснулся самого больного места телохранителя. — Они использовали парализующий стаз-луч; на тебя, должно быть, пришелся особенно сильный удар. Ничто, кроме титанового панциря, не способно защитить от него, а таких доспехов у нас не было.

— Я твой присягнувший, — пробормотал Жофре, не в силах принять такое объяснение. — Мне надо было быть более бдительным...

— Ты мой присягнувший, — резко возразил Зуржал, — и, будучи таковым, находишься на посту. И так должно быть, пока я не освобожу тебя. Просто удивительно, что ты остался жив. — Он обвел Жофре взглядом, словно ожидая увидеть что-либо необыкновенное. — Они не могли оставить твой труп и взяли тебя с собой, чтобы не было следов. Но по моему требованию им пришлось предъявить твоё тело.

Закатанин встал напротив Жофре, и длинные когтистые пальцы человека-ящерицы слегка пошевелились. Жофре напрягся, а потом, приложив всю свою волю, расслабился. Он не знал, где Зуржал научился языку пальцев, кото-

рым пользовались Братья, и на самом деле его сообщение было сформулировано несколько неуклюже, но достаточно понятно. Они оба находятся под наблюдением, вероятно, подумал Жофре, их не только подслушивают, но и подглядывают.

— Перед нами — путешествие, — продолжал Зуржал, правда, его пальцы складывались не совсем правильно. — Они везут нас прямо на Тссек. Властитель желает, чтобы мы использовали сканер на праздновании пятидесятилетия события, в результате которого власть, долго удерживаемая Фер с'Рангом, перешла к нему. Свое время путешествия я должен использовать, чтобы удостовериться, что результаты сеанса будут отвечать его желанию.

— Наблюдай, жди, слушай, смотри, — говорили эти пальцы, отдавая приказ ему, как любому шпиону, которому предстоит оказаться на вражеской территории.

— Я весь в твоём распоряжении, Ученый, — сказал Жофре голосом, который показался ему самому резким и хриплым. — Требуй от меня любой помощи, какая в моих силах.

— Очень хорошо. А теперь, — Зуржал подошел к стене и нажал несколько кнопок, — надо, чтобы тебя покормили. От стаза человек слабеет. Потом мне надо будет просмотреть кое-какие записи и, возможно, поставить несколько экспериментов. Некоторые из них не требуют специального обучения, и ты мне понадобишься.

В ответ на приказание закатанина появился поднос с запечатанными емкостями, который тот подхватил и поставил на колени своего присягнувшего.

— Ешь, это, конечно, корабельный паек, но он съедобный и питательный.

* * *

В каюте женщины на спинке кресла лежал наряд из ткани, тонкой как дымка. Взяв двумя пальцами, женщина стала его придирчиво рассматривать. Это был шелк двойного паутинного плетения, баснословно дорогой, на такой не хватило бы денег даже у Магистра Ложи. Цвет был

странный, или точнее, неопределенный, так как если фон и можно было назвать темно-зеленым, то складки, колеблясь от воздуха, переливались всеми цветами радуги, при каждом движении появлялись все новые блики.

Она больше любила сочные, глубокие цвета, но обучение, жесткое и беспощадное, научило ее приспособлять одежду к целям своей миссии. Такая ткань была достойным подарком от планетарного Властителя, и когда наступит время, она должна ее продемонстрировать так, чтобы извлечь максимальную пользу, показать и сам подарок, и себя в нем.

Никаких драгоценностей, за исключением пояса из самоцветов, называемых здесь огненными камнями, предназначенного подчеркивать линии тела, браслетов из тех же камней, чтобы привлечь глаза к нежности ее запястий и красоте рук. Она не будет румяниться, а лучше наденет на волосы тонкую цепочку, с которой будет спускаться на лоб, туда, где почти сходятся брови, один камушек, — так она решила, просчитав все возможности. Она решительно сложила платье, которое, казалось, льнуло к ее ладоням, словно не желая, чтобы его отложили в сторону, и уселась, подняв глаза к проему стены.

Металлический корпус каюты корабля не был однотонным, в одном месте его украшал рисунок, отливавший изумрудным блеском. Она слегка скривила губы. Как бы она ни любила яркие краски, этот узор был слишком пестрым, ему не хватало вкуса. Но ее интересовал не рисунок, она искала тот участок, где несколько дней назад обнаружила кварц, который мог концентрировать ее мысли, становясь проводником, ведущим их...

Здесь не было места настоящему чтению мыслей. Насколько ей было известно, до сих пор не удавалось разрушить все барьеры до такой степени. Она была хорошо обучена языку жестов и могла читать эмоции, особенно когда они достигали определенной интенсивности. Эта способность хорошо служила ей, и она пользовалась ею, когда была уверена, что остается одна.

Они были очень довольны собой, эти тссекийцы. У них так много власти, что они слегка забыли о полезности сомнений. Разумеется, они очень склонны недооценивать то, что недоступно их пониманию, это было их слабым местом, которое можно было при необходимости использовать. Тот, который называл себя командующим ордой, — она разговаривала с ним, и видела его насквозь, словно воду, зачерпнутую в водопадах Ниизердена и налитую в чашку.

Мысль о Сопт с'Ку вызвала улыбку у нее на губах; она уловила его огромное самомнение, поднимавшееся от него, как струйка дыма. Да, он очень доволен собой, весь переполнен успехом, слишком переполнен. Она обдумала этот пункт. Он рад чему-то помимо ее присутствия, сознавая, что в ее лице приобрел новую игрушку для своего хозяина, у него есть еще какое-то достижение.

Ее пальцы зашевелились. Что еще у него на борту, или что он знает, или что добудет в ближайшем будущем, чтобы это заставляло его преисполниться такой уверенностью в своем грядущем возвышении в этом мире?

Она не могла выйти из своей каюты. Ей ясно дали понять, что о ее присутствии на этом корабле никто не должен знать. И она с этим согласилась, сознавая, что уединение даст ей время собрать внутренние силы для того, что ей предстоит. Но теперь ей не хватало какого-нибудь контакта с миром этого корабля, чтобы знать, что происходит за стенами ее роскошно обставленной каюты. Чтобы действовать, любой исша нуждается в информации.

Единственным звеном для контакта мог быть сам Сопт с'Ку. Так тому и быть. Она сконцентрировала свой взгляд на этом пятне изумрудной зелени на стене и освободила свою волю, чтобы заглянуть к командующему ордой.

Вскоре в ее каюте послышался слабый звон колокольчика. Она произнесла лишь одно слово, чтобы снять запоры:
— Входи.

Командующий вошел и оглядел ее с головы до ног. Она грациозно поклонилась, смиренно опустив глаза и давая всем видом понять, что покорна его воле.

— Все ли есть, чего ты желаешь, джентльфем? — Он говорил немного неуверенно, словно чувствовал, что не знает, зачем пришел.

— Ты дал мне все лучшее, командующий ордой. — Она жестом указала на то, что было у нее в каюте. — Я особенно благодарна тебе за записи. — Тонким пальцем она ткнула в небольшую стопку дисков. — Было очень любезно обеспечить меня такой подробной информацией о вашем мире... и вашем прославленном Вожде.

— Что же ты теперь думаешь о Тссеке, джентльфем?

— Что он может предложить очень многое, во всех отношениях. Мне кажется, в тот день, когда я повстречала тебя, мне улыбнулась удача. Ты открыл передо мной очень яркое будущее.

Он уселся в кресло, хотя это ему не предлагалось, поближе к той части стены, где находился камень, на котором она концентрировала свой взгляд. Женщина почувствовала укол гнева. Он слишком ясно дает ей понять, какого он о ней мнения. И она должна действовать так, чтобы не дать этой мерзкой жабе по-иному оценить ее характер.

— Итак, тебе нравится то, что ты здесь увидела. — Он махнул рукой в сторону дисков. — Ах, джентльфем, насколько их превзойдет реальность! И Властитель предоставит тебе свободу в этом очень приятном мире. Он может проявлять чудеса щедрости, когда он доволен.

Она позволила себе слегка приподнять брови.

— А по-твоему, он будет доволен?

— Тобою? Тот, кто не восхитится тобой, должен быть лишен тела мужчины, джентльфем. Кроме того, мы принесем ему не только твою очаровательную особу, а и надежное средство для его будущего.

— Ты говоришь загадками. — Она должна быть очень осторожна, однако ей необходимо узнать как можно больше.

— Это загадки времени, джентльфем. У нас на борту тот, кто победил время, в некотором роде. И он победит его ради Властителя. Ты, несомненно, слышала про закатан?

Она напрягла свою память. На Асбаргане ее не слишком хорошо информировали, ей не хватило для этого времени.

— Я имею в виду прошлое предтеч, на множестве миров, — пояснил командующий. — Время от времени они, копаясь в своих науках, делают большое открытие, благодаря тому, что умеют обращаться с ключами, которые открывают древние тайны. У нас на борту один из обученных истехнеров, который как раз это и сделает для нашего Властителя.

Сопт с'Ку выглядел очень довольным собой. Он подарит Вождю то, что неспособны дать ему его верноподданные, возможность проникнуть в заветные тайны времени. Это будет открытие, которое прославит Тссек.

А как этот закатанин овладел временем? Она была по-настоящему заинтересована. Всем путешествующим в космосе было известно про предтеч. Время от времени слухи об их древностях возникали на звездных путях.

Командующий ордой улыбнулся, хотя его губам, казалось, это движение далось не без труда.

— Он утверждает, что знает способ. Наш Вождь склонен ему верить и дает ему возможность поставить эксперимент у нас на Тссеке. Приближается день пятидесятилетия правления нашего Властителя. Он желает показать всей планете событие, в результате которого власть Фер с'Ранга перешла к нему.

Она позволила своим глазам округлиться, чтобы изобразить надлежащую степень изумления.

— Какое событие! Как, должно быть, рад этот закатанин принять участие в подобной акции.

Улыбка сразу сошла с губ Сопт с'Ку.

— Он очень скромнен, этот Ученый. Он возражает, считая, что еще не все готово. Но разумеется, те, кто обладает знаниями, обещающими им власть, не желают делиться тайнами. Как только он поговорит с Властителем и поймет преимущества, которые получит от этого предложения, он будет вполне готов сделать это.

Но она уловила другую мысль: очевидно, что закатанин не желает участвовать в этом эксперименте, каким бы он ни был. Она так мало знала этих людей! Насколько эффективно могло быть его сопротивление, и как оно могло

отразиться на ее собственной миссии? Как жаль, что в ее распоряжении нет учебных дисков, не тех, которыми засыпал ее командующий ордой, показывающих все хорошее, что имеется на Тессеке, а тех, из которых можно было бы понять, откуда ждуть трудностей.

Итак, здесь есть другой, к которому она успела прикоснуться. Несомненно, где-то на борту есть ум, обученный исша. А поскольку только ей была доверена миссия, она боялась, что этот другой может ей помешать. Кто служит этому незнакомцу? Кто и зачем послал другого Брата Теней? Она не решается спросить; глядя на Сопт с'Ку, она испытывала большое желание проникнуть в его круглый череп и прорыть в нем туннель, чтобы отыскать сведения, которые так много для нее значили. Как жаль, что это невозможно!

Закатанин был игроком, к встрече с которым она была не готова. Был ли исша, чье присутствие она почувствовала, связан с ним или его послали шпионить за этим Ученым, читающим время? А может быть, кого-то наняли из другой Ложи, чтобы исполнять миссию, подобную ее собственной? Она вновь ощутила гнев. Она была исша, и могла обеспечить полную победу в одиночку.

Но кто этот другой и где он находится?

Глава 11

До последней крошки съев еду из емкостей, распечатанных Зуржалом, Жофре продолжал молчать. Закатанин достал маленькую черную шкатулочку, постучал по одной из ее стенок пальцем и стал наблюдать какие-то разноцветные кривые, которые колебались, менялись местами и совершали волнообразные движения на гладкой поверхности прибора.

Несмотря на то что сказал Зуржал, Жофре тяжело переживал свое поражение. Было очевидно, что многое из того, чему его учили в Ложе, будет неприменимо против разрушительного оружия, которым можно действовать на расстоянии. Поэтому он должен оценить свои навыки и

понять, что из них ему пригодится. Можно ли, например, применять против тссекийцев навыки практической невидимости? Можно ли их заставить, как и равнинников, смотреть на него, не видя, в том смысле, что его зрительный образ не заставит их насторожиться? Есть ли у них понятный язык жестов? Он ни в чем не мог быть уверен, пока не убедится сам. В то же время любые эксперименты должны быть обставлены с величайшей осторожностью.

Зуржал выключил свой экранчик, и Жофре, движимый отчаянным желанием узнать самое худшее, нарушил тишину.

— Ученый, ты ведь пробирался по звездным путям очень далеко?

— Не так далеко, как многие из моей расы. По нашим стандартам, я еще совсем новичок, новичок с одним лезвием, как сказал бы твой наставник по пользованию оружием.

— Я знаю порядки только в одном мире, — по-настоящему. Если мне предстоит тебе служить, хорошо бы мне узнать больше, Ученый.

Зуржал, кивнув, разгладил оборку на шее, которая торчала из-за края воротника, выдавая внутреннее напряжение, которое он испытывал, несмотря на его внешне непринужденную позу.

— Тебя интересует оружие, — внезапно сказал закатынин. — Хорошо, мы начнем с него. — Он стал говорить ровным голосом наставника, который рассчитывает на полное внимание своей аудитории. Когда он заговорил, Жофре чуть не начал возражать, что то, о чем он рассказывает, невозможно.

Потому что Зуржал перешел от рукопашного боя к разрушению целых миров, а потом опять вернулся к описанию самых немыслимых способов уничтожения, принятых на звездах.

Стыд Жофре сменила тягостная боль, которая грызла его изнутри. Он был так убежден, что в распоряжении ишша имеется все, чтобы уберечь их от поражения, но теперь он услышал о таком фантастическом оружии, которо-

му было место в преданиях священников Шагта. Большая часть этого оружия убивала с расстояния, убивала или, подобно лучу, который свалил его, делала жертву совершенно бессильной. Шокер, который вызывал у него и опасения и одновременно гордость, по масштабам этих поражающих жестокостью рассказов, — а закатанин прямо рассказывал о разных смертях, которые могли встретиться на их пути, — превращался в такое же бесполезное орудие, как камень, подобранный с земли крестьянином, тщетно пытающимся защититься от нападения вражеской дружины.

Ему хватало пронизательности, воспитанной исша и того из навыков, что успел ему преподать Магистр, чтобы поверить в правдивость этого рассказа. И так, хоть он и присягал Зуржалу, в его мирах от Жофре не было никакой пользы. Зачем же тогда закатанин взял его с собой?

— На звездных путях есть кто-то, подобный Братьям, не правда ли? — Жофре попытался сформулировать вопрос таким образом, чтобы не выдать ничего особенного, если их подслушивают.

— Ты видел стражей Тсека, ощутил их силу. В каждом мире есть свои элитные стражи и воины.

— Ученый, какой толк от такого, как я, в этих мирах, о которых ты рассказывал? — продолжал Жофре. Он должен был это выяснить.

Зуржал не ответил словами. Указательный палец его невидимой руки изогнулся, указывая вниз... Поиск-копьев-могильная-земля, а потом внезапно сделал движение вбок, это движение символизировало закрытие отверстия.

Жофре закусил нижнюю губу. Где же закатанин научился этому? Это был приказ смерти, который давался у Братьев наемным убийцам. Оторвав взгляд от пальцев Зуржала, которые перестали двигаться, он посмотрел ему в глаза.

По всем правилам, принятым у исша, его полномочия не только подтверждались, ему сообщалось, что он сохранит доверие, даже под угрозой смерти. И Зуржал ответил ему спокойным взглядом, давая понять, что действительно имеет в виду то, что только что передал знаками.

— Человек, который обучен обращаться с оружием, — продолжал он, вернувшись к менторскому тону, — может постичь секреты обращения с новыми для него видами, если он не боится учиться и не остановится на том, что уже знает, не видя ценности перемен, когда к ним располагают условия. Есть и нечто другое, большинство этих прекрасно вооруженных и обученных людей не обладают исша. У них нет и какого-либо эквивалента, поэтому они в определенной степени неполноценны, встречаясь с теми, кто имеет исша. Хорошо обдумай это, моя Тень.

Он откинулся в кресле и прикрыл глаза, словно и правда закончил свою лекцию, предоставив Жофре собрать отрывочные сведения воедино и обдумать каждое слово, как было ему сказано.

Есть различные виды оружия, весьма разнообразные и многочисленные. Они, так сказать, внешние. Но существует и внутренняя сила, исша и асша. Жофре пустился в свое внутреннее путешествие, чтобы оценить, чем он располагал и действовать, пользуясь тем, что у него имелось, не тратя времени на сожаления о том, чем он не владел. Спокойствие Центра, это то, что защищало его, и он полностью поддался ему. Он «увидел» мускулы, которые располагались под кожей, он знал, что должен делать каждый из них, увидел ровное биение сердца, распространявшего кровь по его венам и знал, что надо делать в случае ранения, чтобы обезопасить жизненно важные органы. Его тело было оружием, и это убеждение впечаталось в него с грубой силой с самого начала обучения, начавшегося с тренировки тела, а потом — рук.

Его память обратилась к плацу у них в Ложе, он заново пережил жестокие бои, где сломанные кости, а иногда и сама жизнь служили платой за миг рассеянности или неудачи. Эти инопланетники ценили оружие, действующее издали, что означало, что нужно добиться сближения с ними, встречи врукопашную, поскольку у него не было ножей для метания, топоров и мечей.

В его распоряжении был он сам, и ему предстояло как можно лучше использовать свои кости, тело, кровь. Если

ему подвернется какое-нибудь оружие этого мира и он его освоит, тем лучше, но желание было далеко от исполнения, а ему приходится держаться фактов.

Передвигаясь от Центра шаг за шагом, дыхание за дыханием и снова обращаясь к внешнему миру, он подумал, что ему едва ли придется завязать бой здесь, на корабле. Если боги асша улыбнутся ему и он сумеет захватить этот корабль, внутри металлического панциря он останется беспомощным, в окружении врагов и не сможет противостоять силам, которые влекут его на чужую планету.

Поэтому надо ждать — терпение исша было хорошо известно, оно являлось их дополнительным невидимым оружием. Ждать и учиться! Он должен как можно больше узнать про этот Тссек, про то, что может их ждать после посадки.

Он сделал легкое движение, и Зуржал посмотрел на него:

— А какая природа на Тссеке, Ученый?

Закатанин кивнул, словно получил ответ на вопрос, который он не задавал.

— Это то, что называется миром тяжелого металла. Там много больших городов, где работают заводы, выпускающие геологическое оборудование не только для разработок в северных горах, которые содержат запасы руд, кажущиеся неистощимыми, но и для продажи в иные миры. Машины работают, а на них работают люди, это все очень непохоже на Асбарган.

Да, как он и подозревал, здесь ему также не будет удачи. Жофре кивнул. Его забрасывают в совершенно иную жизнь. Но ему остается одно — обучение исша. Оно касается не машин, а людей. Если люди стали так сильно зависеть от машин, удастся ли им поддерживать равновесие со Спокойствием Центра?

— Это богатый мир. Во всяком случае, когда-то он был именно таким. Земли богаты полезными ископаемыми, почвы плодородны и способны давать обильные урожаи различных злаков. Люди склонны или, лучше сказать, были склонны к проявлению жадности. Несколько поко-

лений назад многие нации вели войны, каждая из них старалась завладеть всем лучшим, что, по ее мнению, имелось на соседней планете, будь то хороший порт, плодородные земли, новые месторождения, близкие к поверхности.

Именно в то время они занялись производством оружия. По слухам, некоторые недовольные вступили в контакты с Гильдией, стали покупать инопланетное оружие, которое можно было скопировать на свой лад. Возможно, это не слишком далеко от действительности, потому что Гильдия, как известно, любит ловить рыбку в мутной воде.

Затем, как это много раз бывало в истории различных миров, к власти пришел гениальный вождь. Как я уже говорил, Фер с'Рангу удалось в течение одного поколения объединить разные племена и создать единый мир. Он действовал необычно, так как, объявив себя Властителем, действительно обеспечил сплоченность этого мира. Мирное развитие способствовало процветанию торговли, и фабрики стали выпускать продукцию, которую можно было сбывать в других мирах. Люди стали процветать и радоваться, за исключением горстки представителей старой знати, которая была недовольна утратой былого могущества и старалась вредить властям.

Пятьдесят лет назад — эти тссекийцы живут долго, а их медицинская наука сильно развилась за время войн — состоялось заключительное собрание, на которое явились Фер с'Ранг и два его наиболее опасных противника. Фер с'Ранг умер...

— Был убит? — Этот аспект политики Жофре очень хорошо понимал.

Но Зуржал покачал головой.

— Нет, судя по всему, он умер совершенно естественной смертью, хотя, по стандартам Тссека, был человеком средних лет. — Считается, что у него была какая-то неизлечимая болезнь. Перед смертью он сообщил, что желал бы видеть своим преемником того, кто сейчас является властителем Тссека, а тогда был его доверенным заместителем. Именно эту церемонию Властитель желает воспроизвести при помощи сканера времени и передать на весь Тссек.

Жофре прибег к языку пальцев. Тогда есть что-то, в чем он желает убедить. Было нетрудно проследить ход его мысли.

— Он хочет, — к удивлению Жофре, закатанин ответил ему вслух (разве он забыл, что сам предупреждал его о возможном подслушивании?), — оживить былую славу Тссека в назидание тем, кто родился после этого исторического момента.

Эти слова имели очень ясное значение. По каким-то причинам Властитель желал, чтобы все видели, что власть была передана ему мирно и по воле его господина. Следовательно, есть такие, кто в этом сомневается, должно быть, задавались какие-то вопросы, и достаточно настойчиво, раз Властитель хочет дать очень отчетливый ответ. Хотя Зуржал предупредил его эмиссаров, что сканер может подвести, он никогда не утверждал, что так и будет, а лишь замечал, что это не исключено. Что значило — губы Жофре скривились в тончайшей улыбке — у Властителя есть какой-то план, защищавший эксперимент от провала. Об этом стоит задуматься. Братья не раз принимали участие в разных интригах, во многих им принадлежала главная роль.

— Ученый, — сказал он спокойным тоном человека, констатирующего факт, — если кто-либо может показать Властителю то, что он желает видеть в прошлом, то таким человеком можешь быть только ты.

Командующий ордой больше их не навещал. Дважды приходил Харсе, передававший распоряжения своего начальника, спрашивал, все ли устраивает закатанина и не желает ли он чего-либо еще. Теперь игра в почетного гостя шла вовсю.

При появлении тссекийского стражника, Жофре старался сделаться как можно менее заметным, изучая все особенности его тела. Вначале Харсе стоял спиной к двери, из-за которой до Жофре доносилось какое-то движение, что указывало на то, что Харсе приходил не один. Но во второй визит ему пришлось пройти через комнату, чтобы дать Зуржалу ящик с записями, представлявшими имитацию будущей церемонии, в которой ему, закатанину, предстояло сыграть важную роль.

Жофре был уверен, что мог бы захватить тссекийца во второе посещение, но это ничего бы ему не дало. Во всяком случае, на борту корабля. Тем временем он изображал, что дремлет, однако на самом деле активно тренировал свои навыки исша.

Когда Зуржал стал изучать записи и пригласил Жофре посмотреть их, на экране появилось величественное здание с просторным залом собраний. В центре зала был высокий подиум с несколькими стульями, стоящими в ряд. Хотя запись — цветная, помещение было с голыми серо-белыми стенами, не обнаруживавшими никаких признаков украшений. Там не на что было смотреть, кроме подиума и стульев.

Затем показалась вторая сцена в ярком цвете, но такая статичная, словно все на ней было в параличе, испытанным Жофре, пока его держали в заключении. Люди были одеты в яркие костюмы, напоминавшие униформу, и повсюду виднелись знаки различия и награды из драгоценных камней. Голос диктора пояснил: историческая встреча Властителя Фер с'Ранга с лордами Нином и Вартом, как она изображена на картине Ре с'Диона.

На стульях на подиуме сидело пятеро мужчин, шестой стоял среди них, вытянув руку, словно хотел особенно подчеркнуть какой-то пункт своего выступления. Двое слушателей наклонились вперед, видимо, захваченные его речью. Остальные трое, должно быть, были не так взволнованы. Теперь Жофре разглядел седьмого мужчину на нижней ступени подиума, сзади, в тени, которая почти скрывала его, это был теперешний Властитель.

Жофре не мог его как следует рассмотреть, голова была повернута так, что были видны только затылок и часть щеки. Но было что-то... Жофре жалел, что невозможно сделать изображение контрастнее и крупнее, чтобы он мог получше присмотреться к этому почти спрятанному человеку. Он мог только догадываться, но ему показалось, что положение одной руки — очень странное. Она, казалось, была поднята на уровень груди и вытянута в горизонталь-

ном направлении, словно удерживая нечто тяжелое, и тем не менее на ней явно ничего не было.

С тех пор, как закатанин рассказал ему об истории этой сцены, Жофре сосредоточился на отношениях между Фер с'Рангом и его преемником. Если эта фигура действительно будущий Властитель, почему он не занимает на встрече более почетное место? Было бы естественно видеть второе лицо в государстве на подиуме.

— Ученый, — спросил Жофре, — были ли после смерти Фер с'Ранга какие-либо беспорядки? Говорил ли кто-нибудь, что он стал жертвой нападения?

— Вовсе нет. Его личный врач сообщил, что Фер с'Ранг страдал неизлечимым заболеванием и сделал поистине титаническое усилие, чтобы явиться на встречу и закрепить установившееся согласие. Оно и было закреплено над умершим, так как стороны были чрезвычайно потрясены происшествием.

— И все же...

Жофре был слишком хорошо осведомлен о различных хитростях, на которые шли равнинные лорды, чтобы принять эту историю на веру. Это слишком удобно теперешнему Властителю: заключение союза сразу после смерти его предшественника, на которое пошли люди, потрясенные этой смертью, что-то уж слишком поразительный каприз судьбы. Ему приходилось слышать истории о других смертях, тщательно разыгранные обученными исша, которые блестяще исполняли то, что завершало цепь интриг, сплетавшихся долгие месяцы, что-то не то, чтобы события пятидесятилетней давности имели сейчас большое значение, если только сканер Зуржала мог воспроизвести ту картину, которую они рассматривали сейчас.

— А можно снова вызвать эти события? — Он указал в сторону экрана.

— Вероятно, ты можешь ответить на этот вопрос не хуже меня. — Зуржал здоровой рукой потер искаленную, по-видимому, восстанавливающиеся ткани чесались так же, как заживающая рана. — Я добился некоторых успехов, это правда.

Он не продолжал, но Жофре показалось, что он понял то, что осталось недосказанным, что его господин не надеется на успех операции. Это означало, что они имеют для своих тюремщиков сугубо преходящую ценность.

Жофре тяготило чувство безысходности, но он действительно ничего не мог сделать, ему оставалось лишь готовиться к использованию первой же возможности, обещающей хотя бы малейшие надежды на побег.

* * *

В последующие дни ему пришлось постоянно подавлять в себе потребность сделать что-либо немедленно. Он отказывал себе в желании пройтись по полу, хотя этого просило его тело, желавшее свободы. Единственное, что он мог, — сосредоточиться на Центре...

Была одна мелочь, к которой он постоянно мысленно возвращался, — то, что, когда он был очень близок к смерти от стаза (а в этом он не сомневался), силу выстоять давал ему контакт с камнем, найденным в Куа-эн-иттер. Он принялся изучать камень и сделал маленькие открытия, хотя действовал очень осторожно, так как талисман происходил из проклятого места и часть мрака, нависшего над этим местом, могла к нему пристать.

Жофре обнаружил, что, если держать камень между ладонями, занимаясь концентрацией на Центре, ощущение собственного тела приходит к нему гораздо скорее. Однажды, выполняя упражнение на развитие памяти, он прижал камень ко лбу и тут же чуть не уронил его, так как в голове появилось такое множество образов, что несколько мгновений он оставался частично ослепленным.

Что-то мешало ему показать свою находку Зуржалу. Жофре доставал ее, только когда его господин спал или был поглощен занятиями, связанными со сканером. Теперь Жофре был убежден, что то, что он нашел, было некогда частью камня Ложи, смерть которого заставила Братьев уйти из Куа-эн-иттер. Никто, за исключением Магистров и высших священников Лож, не знал, какие отношения связывают людей и камни Лож. Это относилось к сфере асша,

сердцевины Теней. Жофре никогда не приходилось слышать, чтобы кто-либо владел таким сокровищем, которое он нашел.

Возможно, благоразумный человек оставил бы камень там, где он его обнаружил, так поступил бы любой Брат, но по крови он оставался чуждым Братьям, он был инопланетником. И думая об этом, он ощущал внутри холодок. Из какого мира он вышел? Каково было влияние его происхождения на навыки исша, воспитанные в нем?

Впереди его ожидало не одно испытание, в которых выяснится, каковы его возможности и слабости, и вообще, чего он стоит. Сейчас же от него требуется одно: осторожность.

Глава 12

Совершив посадку, они не ступили на землю Тссека. Вместо этого Жофре оказался в кресле флиттера, который точно соединил корабль и платформу посадки. Жофре оказался зажат между Харсе и его двойником. А Зуржал сидел на переднем кресле между пилотом и командующим ордой. Первый же взгляд на архитектуру Тссека, показавшуюся на смотровом экране, дал понять, что она имела исключительно утилитарный характер и творцы этих зданий нисколько не позаботились о смягчении ее резких линий. В результате здания, над которыми они пролетали, таили в себе неясную угрозу, словно были часовыми на посту, а все население — их заключенными.

Они не задержались среди нагромождений городских мрачных строений, а выехали за пределы города. Жофре не мог подвинуться на своем кресле так, чтобы разглядеть ландшафт.

Но стен было не видно, и если не считать пары вертикальных уродливых строений, вокруг было пустынно.

Их транспорт, вероятно, достиг максимальной скорости и удерживал ее. Однако они были в небе не одни. Во время полета над городом они миновали несколько похожих флиттеров, а когда полетели над открытой местностью, им

в хвост пристроился другой флиттер, по-видимому, летевший в том же направлении.

Жофре не оказывал сопротивления грубому обращению, в результате которого оказался на своем теперешнем месте. Ни один из стражей не нарушил молчания. Их осунувшиеся лица имели непроницаемое, если не сказать глупое выражение. Однако Жофре сознавал, что ему ни в коем случае нельзя недооценивать подданных Властителя. Счастье, что его не связали и не оглушили и он мог кое-что замечать по дороге. Оба его стражника были обучены, хотя, как ему казалось, их подготовка уступала навыкам исша. С оружием или без него он при малейшем шансе захватил бы их обоих. Но с этим придется подождать до тех пор, когда подобный шаг окажется выгодным. По крайней мере, его снова не изолировали, и он мог пользоваться определенной свободой.

Флиттер стал кружить в воздухе, снижаясь вблизи здания высотой этажа в четыре. Оно было непохожим на грубые строения, из которых состоял город, а имело совершенно иные очертания. Стены украшал орнамент, а окна, судя по свету, исходившему от них, были занавешены. Вскоре транспорт совершил посадку на выступе здания, расположенном на уровне верхнего этажа, у двери стоял в ожидании человек в ярко-желтой тунике.

При виде закатанина он поклонился, должно быть, игра в почетного гостя продолжалась. Жофре получил резкий пинок под ребра в знак того, что должен следовать за своим нанимателем, а флиттер тем временем взмыл в воздух, очень кстати, так как тут же совершил посадку другой транспорт, следовавший за ними от самого города.

Человек в желтой тунике знаком пригласил Зуржала следовать за ним, и мясистая рука, опустившаяся на плечо Жофре, толкнула его в том же направлении. По напряженному поведению своих стражников и их поспешности Жофре заключил, что они не желали, чтобы закатанин и его телохранитель видели пассажиров, прилетевших на втором флиттере.

Им и не требовалось видеть. Строгая подготовка, полученная Жофре, приучила его двигаться ровным шагом, не останавливаясь. Он не обернулся, хотя этого желала каждая частица его тела. Здесь! Кто она? Ее профессия стала ясна Жофре, как только он уловил слабый аромат духов, исходивший от нее. Такие тонкие духи существовали в Ложях, где они служили одним из вспомогательных видов оружия у других Сестер, которых Жофре пришлось за всю жизнь видеть дважды, оба раза издали. В Ложях было мало Дочерей, и ими становились только те, кто там и родился, их не набирали в детском возрасте на стороне, как это обычно бывало с Братями. Их происхождение служило благодатной почвой для множества слухов и преданий.

Одна из исша — женщина! Он позволил своей руке небрежно опуститься и задеть пару раз бедро стражника, который конвоировал его к двери. Его указательный и большой пальцы задвигались. Вполне возможно, что она не увидит этот сигнал или, увидев, не пожелает выдать себя. Безусловно, она была здесь с какой-то миссией, и Жофре не сомневался, что эта миссия была никак не связана с Зуржалом или с ним. Но то, что она будет с ними под одной крышей, так во всяком случае казалось, составляло дополнительный фактор, который надо было учесть.

Определенно, она не шла за ними. Он не улавливал никаких звуков, и, когда они вошли в дверь, аромат духов пропал. Они нигде не задерживались. Человек, сопровождавший закатанина, уже приблизился к portalу на противоположной стене маленькой комнаты и поклоном приглашал Зуржала войти. Харсе и его двойник, не связанные необходимостью соблюдения этикета, просто пихнули Жофре в том же направлении.

Поворот, коридор, еще коридор, и они вошли в комнату, стены которой резали глаз буйством красок, нанесенных крупными мазками, расположение которых не следовало никакому плану. На полу лежал толстый ковер из материала, напоминающего своей фактурой какой-то мех. Мебель была резная, позолоченная, своей бессмысленной претен-

циозностью конкурировавшая с раскраской стен. В этой комнате лучше всего было находиться с закрытыми глазами.

— Проси, чего пожелаешь, прославленный Ученый! — Человек в желтой тунике говорил слащавым голосом, вполне соответствовавшим его лунообразному лицу с толстыми губами. — Все в твоём распоряжении.

Стражи Жофре не переступали порога: рука, лежавшая на его плече, подтолкнула его внутрь. Он встал так, что Желтой Тунике пришлось сделать шаг в сторону, чтобы обойти его, направляясь к двери. Как только дверь закрылась, Жофре начал действовать. Он сделал всего один шаг, прижал ухо к стене, а потом кивнул. Их заперли.

Кривая усмешка на лице Зуржала ясно передавала его настроение. Он поставил ящик, который запретил кому-либо трогать, на стол, стоявший посередине комнаты.

— Мы подлинно почетные гости. — Это наблюдение было высказано с его обычным пришепетыванием.

Жофре заставлял себя всматриваться в крикливо раскрашенные стены. На борту корабля закатанин был уверен, что они находятся под наблюдением, что было тем более вероятно здесь, когда они оказались на вражеской территории. Жофре часто моргал, столь яркие краски были неприятны его глазам.

Возможно, на это они и были рассчитаны, чтобы те, кто находился в комнате, не слишком разглядывали стены.

— На какой срок? — решил он спросить закатанина вслух.

— На тот срок, который необходим, чтобы удовлетворить потребность Властителя в нашей помощи.

Этот ответ можно было понять двояко, причем от одной из интерпретаций веяло смертью.

Жофре принялся обследовать помещение. Им был предоставлен целый номер, роскошно обставленный, включающий даже комнату с бассейном, вода в котором слегка пузырилась с одной стороны, откуда поднимался опьяняющий аромат. Зуржал остановился и сунул в воду палец.

— 3-3-3-начит, мы правда почетные гости, к встрече которых здесь хорошо приготовились. Это очень похоже

на мои апартаменты на родине, даже с бассейном для отдыха.

Жофре сделал еще одно открытие: хотя в этом здании имелись окна, свет которых он заметил еще когда летел на флиттере, их помещение не имело окон, которые выходили бы во внешний мир. Не было и дверей, за исключением той двери, через которую они вошли в этот номер. Они оказались здесь замурованы не хуже, чем если бы их столкнули в самый глубокий подвал во владениях равнинного лорда.

Послышался пронзительный звук. Жофре резко повернул голову к стене, откуда он доносился. Это был какой-то визг на высоких тонах, от которого хотелось заткнуть уши. Широкие модуляции были противнее любого другого звука, который ему приходилось слышать.

— Да, все домашние удобства, — продолжал Зуржал. — Теперь еще включили вторую часть «Симфонии Бури» Замкала. К сожалению, я не являюсь поклонником творчества этого композитора, мне бы пришлось по вкусу что-нибудь попроще.

Взвизгивание прекратилось так же внезапно, как и началось. Жофре искоса взглянул на хозяина и заметил, как тот пошевелил когтистым пальцем в знак согласия. Они находятся под наблюдением. Но он сделал и комментарий вслух.

— Ученый, кажется, одного твоего голоса достаточно, чтобы что-то началось или закончилось.

— Да, как предусмотрительно со стороны тех, кто строил эти апартаменты! Мы, несомненно, найдем здесь много полезного для себя. Я вижу, наш багаж обогнал нас. Может быть, мы займемся им?

К своему удивлению, Жофре заметил, что его сверток, который он носил на плече, лежит рядом с личным багажом закатанина. Его безжалостно переворошили, и все, в чем обыскивающие усмотрели родство оружию, было изъято. Однако, присев на корточки, Жофре провел рукой по краю клапана мешка и обнаружил, что он по-прежнему упругий, значит, спрятанная проволока осталась на месте. Может быть, она и не пригодится против стаза, но эта находка принесла ему некоторое удовлетворение.

Каждый дюйм этой спрятанной цепи-провода был знаком ему по весу, на ощупь, и он хорошо знал, что с ее помощью можно сделать в тесном помещении.

Зуржал же попросту перекалывал свою одежду в комод, но Жофре лишь чуть подвинул свои вещи, ссутулив плечи, чтобы тот, кто за ним наблюдает, понял, как он удручен исчезновением всего своего оружия.

Когда они приземлились на Тссеке, было уже за полдень, сейчас, должно быть, приближался вечер. Где была та, другая, которая, как он был убежден, находилась с ними под одной крышей, что она готовила и для кого?

* * *

Она давала знать о своем присутствии. Одного взгляда на стены, почти столь же безобразные, как и в комнатах закатанина, хватило, чтобы вызвать в ней немедленный и яростный протест. Она поспешно нашла заграждения, которые поставила в разных местах, и даже развесила материю, чтобы закрыть эти мучительные для глаза линии. У нее был весьма объемный багаж, и она запретила горничной, которую к ней приставили, дотрагиваться до большей части его содержимого, с презрением осмотрев руки девицы и заявив, что они слишком грубы для обращения с ее вещами.

Все это время, пока она заставляла тссекийцев подчиняться своим желаниям, часть ее мыслей была сосредоточена на одном. Она думала об этих двух пленниках, которые пришли сюда раньше ее. Один из них был закатанин, несомненно, это тот, о котором проговорился Сопт с'Ку. А другой? Она, не задумываясь, сомкнула большой и указательный пальцы правой руки. Исша! Она была права. И несомненно, было бы слишком редким совпадением, если бы этот исша оказался не тем изгоем, которого так хотел уничтожить Зарн. Он был определенно выше всех Братьев, которых она когда-либо видела, но ей надо было быть настороже. Чтобы сделать шаг, не зная пути, надо быть совершенным дураком.

Кроме того, необходимо вначале выполнить собственную миссию, и она ее выполнит. Уже сегодня ночью она предпримет первый шаг.

* * *

Наконец прибыл долгожданный вестовой. Как и человек, который провожал их в эти помещения, он был одет в желтую тунику, украшенную золотыми кружевами, словно он хотел хоть частично затмить блеском и яркостью стены.

— Прославленные Ученые. Я — Дат с'Лерн, — представился он, — к вашим услугам. Все ли вам здесь по вкусу?

Он обращался только к закатанину, но на секунду его взгляд остановился на Жофре, который сидел, закинув ногу на ногу, около стены, слегка ссутулившись, в позе, выдающей беспомощность и связанное с ней уныние.

— Ваше гостеприимство, Дат с'Лерн, таково, что мы больше ничего не можем пожелать, — сказал Зуржал, — за исключением такой мелочи, как наша свобода.

— Свобода, но, Ученый, она, безусловно, у вас есть.

— В обмен на что? — Зуржал сидел, откинувшись в кресле, не обнаруживая никаких ответных знаков вежливости.

— В обмен на ваше слово Ученый — обещание мирно ожидать встречи с нашим Вождем. Это его загородная резиденция для отдыха; в ней много различных удобств, пожалуйста, пользуйтесь всем, что вам нравится. Что касается вашего телохранителя... — Взгляд Дат с'Лерна снова обратился к Жофре.

— Да? — Зуржал резко спросил: — Так что с моим телохранителем? Вы оставили его с пустыми руками, безоружным. Разве доблестные тссекийские воины боятся нападения безоружного?

— Ученый, то, что его оставили в твоих апартаментах, уже — привилегия. Согласно нашим правилам, держать телохранителей можно только с личного разрешения Властителя, а он нечасто дает такие разрешения. Возможно, поскольку твои услуги столь ценны для него, он сделает для тебя исключение. Однако, даже если твой телохранитель покинет эти покои, он останется разоруженным, носить

оружие у нас запрещено. А теперь, Ученый, я должен пригласить тебя на встречу с Властителем, — он отступил назад. — Он чрезвычайно любезно пригласил тебя разделить с ним вечернюю трапезу. Властитель живет здесь очень просто, он не устраивает ужинов с протоколом, он попросту разговаривает с теми, кого желает видеть.

Зуржал поднялся.

— Поскольку я также испытываю желание увидеть его, это очень кстати. Веди, комендант!

Когда закатанин проходил мимо Жофре, его пальцы сложились в приказ: «Будь бдителен!»

Жофре не без горечи подумал, что он, кажется, не нуждается в подобных распоряжениях, правда отсутствие бдительности, проявленное им, как раз и привело их в этот номер. За закатанином и его сопровождающим закрылась дверь, и исша остался в одиночестве, предоставленный угрызениям совести.

Правда, от таких угрызений пользы было мало. Либо его глаза немного привыкли к этим ярким стенам, либо их цвет чуть потускнел. Возможно, их эффект был рассчитан на отвлечение тех, кто попадал в комнаты впервые, чтобы они растерялись. Теперь он не пошевелился, чтобы встать с пола, где сидел, и стал пристально рассматривать изогнутые линии, расположенные к нему ближе всего.

Вскоре он убедился, что обнаружил на этом участке по меньшей мере два отверстия для подглядывания. Жофре дал глазам отдохнуть, сосредоточив наружное зрение на своих неподвижных ладонях и концентрируя внутреннюю силу. Он был настороже и его не застало врасплох то, что дверь отворилась.

Вошел Харсе, бесцеремонно швырнул поднос на стол. Он встал, оперев руки в бока, и, проходя мимо, многозначительно прикоснулся пальцами к поясному оружию, презрительно фыркнув толстыми губами. Потом он что-то пробормотал на гортанном местном языке и вышел.

Обученному исша не надо прикладывать ухо к двери, чтобы знать, что его заперли, а может быть, и поставили снаружи часового. Но он провел языком по губам, словно

почувствовав столь милый ему вкус горного меда, в этот момент он мог захватить Харсе. Он был в этом так убежден, словно это было сделано.

Необходимо изучать каждое малейшее движение врага, каждый взгляд, только тогда можно переходить к действиям. Эти тсекейцы так открыто выказывали презрение к своим противникам, они были настолько уверены в своих способностях, что их поведение было неуклюжим и предсказуемым, как у новичков, только что пришедших во двор Ложи. Да, он мог захватить Харсе, и сделает это, когда придет время. Но ему надо больше узнать о том, что находится за этой дверью.

Ровной походкой Жофре подошел к столу и раскрыл тарелки. Наркотики? Яд? Он не думал о последнем, но наркотики вполне подходили для программы Властителя как надежное средство удержать нежелательных гостей под контролем.

От большей тарелки исходил густой аромат, от которого текли слюнки, Жофре макнул палец в соус, покрывавший куски неизвестного мяса, и попробовал его на вкус. Хотя в каждом мире могут быть свои наркотики, все, что имелось на Асбаргане, были ему известны, — он не обнаруживал здесь ничего похожего. Но...

Жофре сунул пальцы в сумку и сжал талисман Куа-энттер. Это был его единственный пробный камень, а материалы асша быстро предупреждают об опасности. Он так сложил руку, чтобы те, кто за ним подглядывал, не разобрали, что он делает. Зажав камень в ладони, он поднес его к тарелке, подержал над кушаньем, а потом погладил его поверхность. Яйцеобразный талисман не делал никаких намеков на таившуюся в нем жизнь, хотя был по-прежнему теплым на ощупь. Что ж, надо положиться на случай. Жофре давно стал недоступным для действия всех ядов на Асбаргане, придется надеяться, что это свойство не подведет его и здесь. Они не положили ему столового ножа, а его собственный забрали. Ему пришлось есть руками, как какому-нибудь крестьянину, хлебавшему из миски. Но он принялся есть, медленно пережевывая каждый кусок с

большой тщательностью, готовый к тому, что какой-нибудь кусок окажется другого вкуса, хотя этого не произошло.

Они дали ему клочок ткани, чтобы вытирать жирные пальцы, и, перебирая ее в руках, Жофре снова занялся изучением стен, смежив веки, словно в летаргии, которая наступает на сытый желудок.

Глава 13

Прославленная леди! Горничная заикалась, да к тому же говорила хриплым голосом. Если ее, называющую теперь себя Драгоценная Тайнад, должны хорошо обслуживать, надо кое-что сказать про выбор слуг. Эти инопланетные жучки должны рано или поздно заползти в расставленные ею ловушки.

Однако Тайнад, хоть и не показывала этого, была удивлена, что этот напыщенный дурак — хозяин дома — созывает собрание. Она ожидала, что первая встреча пройдет наедине, что ей не предложат появиться за столом, усаженным дураками, и есть на людях. Даже равнинные лорды имели лучшие манеры, которые не позволили бы им отнестись так к Драгоценности высшего ранга! Но чего приходилось ожидать от тех, кто не получил воспитания исша?

Надо надеть то платье, которое она предназначала для этого первого случая, хотя оно может оказаться слегка неуместным. Правда, Властитель наверняка не имеет понятия о подборе нарядов, принятом в Доме Драгоценных.

Она стояла, предоставив неуклюжей горничной расправлять туалет у себя на плечах, но после этого отправила девчонку и сама застегнула пояс, придала воротнику нужный наклон, а потом подошла к широкому зеркалу, чтобы надеть диадему на лоб. Отступив назад, она окинула критическим взглядом свое изображение.

Ее специально набеленная кожа слегка розовела под пудрой цвета слоновой кости. Волосы, которые отращивались много лет, чтобы достичь длины, приличествующей красавице Драгоценностей, были очень темными, составляя контраст с ее почти прозрачным платьем, постоянно

переливающимся, но не до черного тона, а при ходьбе отдававшим кроваво-красным. У нее были хорошие черты лица, на котором застыло натренированное выражение неподвижной маски, предназначенное для использования на людях.

Она прекрасно приготовила свое оружие, оставалось увидеть, как ей удастся им распорядиться. В зеркале она заметила лицо своей горничной. Глупая девчонка не ушла, а лишь передвинулась к двери, пребывая в подобающей степени страха, смешанного с восторгом; можно было надеяться, что то же впечатление удастся произвести и на собравшуюся к ужину компанию.

Горничная поспешила распахнуть перед ней дверь, и Тайнад пошла, шелестя шелком, сверкая непрерывным переливанием цветов. По крайней мере, у драгоценности хорошая оправка. По обеим сторонам двери стояли четыре стражника по стойке «смирно», не смея посмотреть ей в след, после того как оправились от первого потрясения. А комендант, шедший впереди, спешил, как пес, возвращающийся к своему хозяину.

Они пересекли холл, прошли мимо нескольких открытых или приоткрытых дверей. Тайнад прекрасно сознавала, что на нее смотрят. Она черпала энергию в эмоциях, вызываемых у людей ее видом. Простые, очень простые эти тссекийцы, они определенно не знакомы с Драгоценными. Интересно, все ли их женщины такие коренастые и неуклюжие, как эта ее горничная? Вероятно, у нее не найдется соперницы, но нельзя быть слишком самоуверенной. Иногда вкусы инопланетников оказываются такими странными.

Комендант ввел ее в зал с высоким потолком и пронзительно-яркими стенами, при виде которых она подавила дрожь отвращения. Точно в центре этого чересчур длинного зала располагался подиум, на котором стояли стол и несколько стульев, каждый из которых был покрыт чехлом, цвет которого вызывающе резко не соответствовал соседним. Один из мужчин, занимавших эти стулья, поднялся и стал спускаться, прижимая руки к груди своего расшитого

камзола, что явно означало приветствие. Командующий ордой...

Тайнад грациозно наклонила голову на нужный угол, показывая, что признает за ним право приветствовать ее первым. Однако важным здесь был не тот, кто встал, а тот, кто продолжал сидеть, слегка развалившись на своем стуле, находившемся в центре стола. Она приложила два пальца к тыльной стороне протянутой Сопт с'Ку ладони и пошла в ногу с ним. Подойдя к нижней ступени, она убрала свою руку и сделала изящный поклон, как полагается при первом приветствии: сложив вместе обе руки, подняла большие пальцы, прикоснулась ими к подбородку и наклонилась, но не слишком низко, так что вполне могла разглядеть двух мужчин, сидевших за столом.

Один из них встал и поклонился, как того требовала вежливость, и она сразу же признала в нем закатанина. Другой продолжал сидеть, уставившись на нее округлившимися глазами, что не ускользнуло от ее внимания. Он мог напускать на себя скучающий вид, требуя, чтобы его развлекали и ублажали способами, принятыми у этих тсескийцев, но ясно было одно: он никогда не встречал подобных Ей раньше.

— Драгоценность, — представилась она на всеобщем языке, хотя и умела говорить на его гортанном наречии.

Лучше, чтобы они считали ее не знакомой с их языком, по крайней мере, пока «не прибудет Всемогущий лорд многих земель и высоких башен».

Он оставался неподвижным, пошевелив только правой рукой, и то для того, чтобы шелкнуть пальцами. Откуда-то из-за складок золотой скатерти поднялось мохнатое существо.

Оно было ростом с двухлетнего ребенка, достаточно гуманоидного вида, во всяком случае складывало лапы так, как люди держат руки и ноги. Его тело было покрыто тусклым голубовато-серым мехом. Голова была круглой, нос словно отодвинут назад, к черепу, отчего кожа в этом месте морщилась. В глазах, казалось, не было зрачков, они были мутными, как медные диски, слишком большими, теперь

они странно разглядывали Тайнад. Она мельком взглянула на существо, не поняв, кто бы это мог быть.

Уши у него были длинные, формы листьев дерева, также покрытые шерстью, они висели по обеим сторонам черепа, ближе к затылку. Опушенные мехом кончики ушей повернулись в ее сторону.

Навыки исша позволяли им устанавливать контакт с многими живыми существами. В Ложях часто прибегали к услугам летающих, ползающих, бегающих тварей, встречающихся на горных высотах, но Тайнад показалось, что это существо не совсем зверь. Таило ли оно в себе потенциальную опасность? Как она знала, священники Шагга имели такую власть над некоторыми существами, что даже использовали их в качестве оружия. Может быть эта тварь так же защищает местного Властителя?

Она не могла сохранять позу приветствия, не рискуя потерять лицо, то владение ситуацией, которое ей необходимо сохранить любой ценой. Или этот треклятый Властитель никогда не поднимется навстречу ей?

Он снова чуть наклонился, и на этот раз она почувствовала себя немного непринужденнее, несомненно, ей удалось пробудить в нем интерес. Отодвинув в сторону существо, которое он позвал минуту назад, он наконец встал.

Он был низеньким, как Сопт с'Ку, словно он и его стражники — представители разных рас, что на самом деле могло быть правдой. Кожа у него была очень светлая и не имела никаких признаков бороды, на лице не было также признаков возраста, продолжительность жизни на Тсеке, вероятно, была очень велика. Волосы высоко поднимались над бровями, которые были чуть приподнятыми и почти такими же темными, как у нее. На одной щеке отпечатались несколько красных линий, образующих узор, нечто вроде татуировки.

— Нашему дому оказана честь. — У него был странно густой голос, таким голосом говорил бы сказитель в доме лорда, специально обученный выговаривать окончания с особой четкостью. В голосе звучало тепло, которого был совершенно лишен говорящий. — Можно ли просить вы-

сокоцитимую Драгоценную гостью присутствовать среди нас?

Немного отодвинув свой стул назад, он обошел стол и спустился на две ступени с подиума. Тайнад почувствовала, как стоявший подле нее командующий ордой затаил дыхание, должно быть, ей действительно оказывался необыкновенный почет.

Затем Властитель протянул руку, как это сделал перед ним его подданный. С уверенностью и сознанием своего права на то, что ей предлагалось, Тайнад ступила вперед и прикоснулась к ней пальцами. Но это было не то вежливое и официальное прикосновение пальцами, которым ее приветствовали ранее, на самом деле он схватил ее за руку, и она поняла, что он берет то, что считает принадлежащим ему. Первая встреча... Должно быть, он думает, что она полностью пройдет по его желанию. Тайнад смиренно представила Властителю проводить ее наверх и усадить на соседний стул.

Мохнатое существо, не издавая ни звука, продолжало разглядывать ее, и Тайнад ощутила легкое беспокойство.

— Это наш хороший друг. — Властитель сделал жест в сторону закатанина, который склонился в поклоне. — Истехнер Зуржал, который вложит в наш проект плоды своего великого труда. А это, — он провел пальцами по затылку и спине мохнатой твари, — Ян.

Он не объяснил, каково было назначение этого существа. Вместо этого он протянул руку и, выбрав круглый голубой фрукт с блюда, стоявшего перед ним, положил его в лапы, с готовностью протянутые Яном.

Появились слуги, которые несли угощение, и можно было подумать, что Властитель не одобрял разговоров во время еды, так как его глаза были обращены главным образом в тарелку, несколько раз он приказывал поднести то или иное кушанье Тайнад или закатанину, для чего хватало одного движения пальцем.

Она ела очень непринужденно и элегантно, осторожно прихлебывая кроваво-красный напиток из большого хрустального бокала, поставленного у ее правой руки. Это был

поистине эпикурейский пир, и она с большим трудом могла бы назвать содержимое этих блюд.

Закатанин привлекал ее интерес не меньше, чем сам тссекийский диктатор. Теперь можно было принять его за почетного гостя. Означало ли это, что он согласился участвовать в проекте, который навязывал ему Властитель? Слушать не только слова, подсказывала она сама себе, но и интонации голосов, когда они заговорят. Из этого можно будет узнать очень многое.

* * *

С течением времени дикий узор на стене поблек. Жофре переходил из комнаты в комнату, каждый раз притворяясь, что ему надо сделать какую-то мелочь, но при этом старательно высматривал новые отверстия для подглядывания, и в результате убедился, что они определенно находятся под наблюдением, потому что этими отверстиями были снабжены все комнаты.

В последние дни пребывания на корабле он ясно дал понять Зуржалу, что желает немного освоить тссекийский язык. Закатанин обладал присущей его расе способностью быстро учиться чужим языкам, но Жофре не надеялся обнаружить в себе тот же талант. Он знал много языков и диалектов Асбаргана, включая и язык знаков. А всеобщий язык несколько лет обязательно изучался в Ложе. Что касается языков других миров, то они казались трудными.

Он хорошо знал, что путешественникам часто приходится сталкиваться с существами, которые не могут говорить на их языке потому, что их органы речи имеют совершенно другое строение. В таких случаях прибегали к помощи прибора, который ему уже пришлось видеть в улье. Но на Тссеке ему надо кое-что выучить, чтобы действовать.

Жофре верил, что рано или поздно ему удастся нанести удар, чтобы обрести свободу.

Теперь он стал целенаправленно использовать одно из приспособлений, на которые ему указал Зуржал. На ребре коробки, вмонтированной в стену, имелся ряд кнопок. Нажимая их, он вызвал на экране, расположенном выше, изо-

бражения людей, обрывки разговоров, даже звуки музыки, иногда грубой, а иногда — трогательной. Усевшись напротив, Жофре включил экран. Он сосредоточил взгляд и слух ища на этих разговорах. Он наблюдал за движениями губ, произносивших слова, за очень незначительной артикуляцией, изучая все, что можно было изучить. Зуржал прочитал ему краткую лекцию о местных диалектах, сказав, между прочим, что всеобщий язык, известный каждому, не может передать подлинных нюансов местных языков.

Жофре начал схватывать слова, значения которых он не понимал, и повторять их себе под нос. Показывали, по-видимому, новости. Потом стали передавать, очевидно, какой-то спектакль, так как одежды на людях не походили на то, что пришлось видеть Жофре, и они двигались очень неестественно, словно разыгрывая какую-то ритуальную церемонию.

Трудно было понять смысл происходящего, но Жофре не сдавался. Это было упражнение, как и все, из чего состояли тренировки, а пользу приносит только постоянная практика. Он морщил лоб, наблюдая, как связанного тсескийца только что лишили головы, должно быть, к огорчению нескольких женщин, которых насильно согнали смотреть казнь, потом экран на секунду почернел, а когда вновь включился, то на нем показалось лицо, увеличенное так, что оно занимало почти весь экран.

— ...враги... умирают... в честь... объединиться против... Великий разрушитель...

Щелк — и лицо пропало, но сцены, которые прервались, больше не показывали, и хотя Жофре крутил ручки настройки на все лады, экран оставался безжизненным. Но он был абсолютно уверен, что лицо не имело отношения к программе, которую он смотрел, а несколько слов, которые он понял, предназначались, чтобы всколыхнуть возмущение тех, кто их слышал.

В этом голосе можно было прочесть гнев и страх, и гнев на мгновение пересилил страх, это он прекрасно уловил своим инстинктом ища.

Жофре все еще пытался оживить экран, когда щелчок отпираемого замка заставил его вскочить на ноги. Может быть, то, что он смотрел телевизор, как-то обеспокоило стражу? Его рука метнулась к сумке, где он перед тем нащупал проволоку.

Однако вошедшим оказался Зуржал, правда, судя по тому, как быстро захлопнулась за ним дверь, стража была рада, что благополучно доставила его до места и водворила снова под замок.

— У тебя был удачный вечер, Ученый? — спросил Жофре.

По желтому цвету оборки вокруг шеи закатанина было ясно, что тот не совсем в своей тарелке. Какое счастье, что у исша нет такой предательской детали тела! Научиться контролировать нечто подобное было бы тяжело даже Магистру Ложи!

— В некотором роде. Мы не единственные гости, которых счел уместным пригласить прославленный Властитель. Другая гостя, должно быть, прилетела на одном корабле с нами, хотя нам было об этом неизвестно. Очевидно, Сопт с'Ку очень старался порадовать своего Властителя; он привез сюда Драгоценность!

Итак... Жофре получил ответ. Не все Драгоценности были... исша, Сестрами Теней, но это было очень удобным наименованием для женщин исша.

— Драгоценность? — эхом отозвался Жофре, держа правую руку так, чтобы ее видел только закатанин, приложил большой палец к указательному, что служило сигналом признания своих.

Глаза его хозяина сощурились почти незаметно, но Жофре был уверен, что Зуржал его понял, и теперь им вдвоем предстояло обдумать, что будет делать это новое действующее лицо, роль которого им была неизвестна.

— Нанять Драгоценность на личную службу стоит целое состояние, — сказал он, как бы удивляясь. — Должно быть, этот командующий ордой хотел оказать подлинную услугу...

— Медвежью услугу. Сопт с'Ку приобретал оружие, которое, как он был уверен, не распознает на Тссеке никто?

Глава 14

Жофре опустил на колени на кафельные плитки, обрамлявшие небольшой бассейн в их апартаментах. Зуржал растянулся в бассейне в позе, казавшейся на первый взгляд непринужденной, его тело было в основном скрыто пенистой зеленой жидкостью. Но одно его плечо поднималось над краем этого миниатюрного бассейна, то, которое заканчивалось очень медленно отставшей рукой, и маленькие пальцы этой руки двигались по плиткам, оставляя следы на мыльной поверхности.

Хотя наблюдателю могло показаться, что присягнувший телохранитель попросту ждет со сложенным полотенцем в руках, когда вылезет его хозяин, на самом деле он не пропускал ни одного движения этих пальчиков. Зуржал рисовал ему план помещений за дверями их апартаментов, во всяком случае, тех, по которым ему довелось пройти.

Но говорил он при этом совсем о другом.

— Прославленный Властитель, — рассказывал он, — имеет хорошую прислугу. Еще у него есть жат.

— Ученый, а жат — это...

— Трудно было ожидать увидеть его здесь, так далеко от Варингхольма. Существует запрет на экспорт жатов с этой планеты.

— А жат — это... — настаивал Жофре

То, что у Властителя имеется что-то, не уступающее по редкости Драгоценности Асбаргана, говорило о его средствах или власти.

— На самом деле это никто не знает, — продолжал Зуржал. Он положил ладонь своей детской ручки на мыльный узор, уничтожая все следы. — Это не животные, хотя они явно не способны к общению за исключением передачи неясных ментальных образов, они не живут в сообществах и не объединяются со своими сородичами. По большинству показателей их также нельзя причислить к разумным существам. Несколько лет назад существовала отвратительная торговля этими существами, на их планету совершались налеты джеков-работорговцев. А потом те, кого удавалось

найти и освободить, были возвращены на их родную планету.

— А за что их ценят, за их шкуры? — расспрашивал Жофре.

— Клянусь зубами Намана, это не так. — Казалось, Зуржал был потрясен таким предположением, так как он тут же выбрался из бассейна и потянулся к полотенцу, поданному ему Жофре. — Даже работорговца разорвали бы в клочья его коллеги, если бы он предложил что-либо подобное. Они... это трудно выразить словами, они... даже лучшие умы Главного Управления не могут определить, как именно они делают то, что они делают — жаты обладают странной способностью передавать тем, с кем они живут, успокаивающие мысли, и каким-то неуловимым способом им удается на самом деле повысить умственные способности своих владельцев, а также предупреждать их об опасности.

— Как же удалось превратить их в рабов при таких способностях?

— Весьма легко — с помощью стаза. Их тщательно держали в этом состоянии, пока их не покупал какой-либо хозяин, и только после этого отпускали. Они сразу же устанавливают неразрывную связь с человеком, обеспечивающим их едой и водой, когда приходят в сознание. Они очень ценны, так как подают сигнал опасности, если кто-нибудь или что-нибудь угрожает их хозяину, и они никогда не оставляют хозяина по своей воле.

Значит, этот жат еще один щит, защищающий Властителя. Но сейчас им надо направить свои действия не против Властителя. А свой первый ход Жофре собирался сделать в эту же ночь. Исша называют Братями Теней, очень хорошо, именно тень послужит ему прикрытием.

Он знаками объяснил закатанину, что собирался предпринять, и хотя тот, судя по выражению его лица, не совсем одобрял его план, он и не запрещал ему действовать.

Жофре выбрал свой первый щит с большой осторожностью — для этой цели он взял большой матрас. Он был такой большой, что мог подарить покой всему телу, а не только голове. Зуржал отправлялся спать. Жофре проводил

его до порога комнаты, а потом пошел к своей постели на полу, как сделал бы любой телохранитель на его месте, как вооруженный, так и невооруженный. Он суетился, устраиваясь поудобнее, казалось, ему было трудно расположиться по своему вкусу. Укладываясь на ночь, он вытащил проводку из сумки. Потом он опустился рядом с краем матраса, левым плечом прижимаясь к двери. Окраска и освещение стен потускнели, может быть, старание тссекийцев предоставить гостю удобства пойдут ему на пользу.

Медленно Жофре откатил матрас в сторону. Он долго пристраивал свой мешок под голову. Затем по дюйму в каждый прием он стал передвигаться вдоль стены. Все зависело от угла по отношению к отверстиям для подглядывания. Как он и предполагал, они были расположены так, чтобы тот, кто через них смотрел, видел большую часть комнаты. Но это означало, что они были нацелены на тех, кто ходит или сидит. Он перевернулся на живот и погрузил пальцы в ковер, лежавший на полу, продолжая постепенно переползать по комнате, как червяк.

Он не думал о времени, а весь сконцентрировался на этом трюке, выполняемом под прикрытием тени. Бесконечно медленно он повернулся и пополз вдоль другой стены, расположенной под прямым углом. Миновав еще один угол, он оказался у стены, в которой была дверь. Очень долго он пролежал лицом вниз, посылая все свои чувства на разведку. Вполне возможно, что соглядатаи заметили его маневры и уже ждут, когда он сделает решающий рывок, чтобы нанести ему удар. Но он отбросил эту мысль. Понаблюдав за Харсе и другими часовыми, он сделал вывод, что все они не склонны к тонкостям мышления, возможно, они также не имеют навыков особых форм боя, полагаясь лишь на свое обычное оружие и грубую силу.

Подобравшись к двери, он должен был действовать в условиях большей опасности, так как ему надо было встать на колени, чтобы заняться замком. Они не применяли сложных замков, реагирующих на температуру тела, какие он видел на Верном пути, где постоянно ему приходилось слышать тихие щелчки.

Теперь его пальцы поползли вверх по поверхности двери, сжимая между ладонями проволоку. Указательным пальцем он нащупал небольшое отверстие, что вызвало у него чувство удовлетворения, которое он немедленно подавил. Самым осторожным прикосновением он повернул тонкий конец проволоки, чтобы просунуть его в отверстие, и стал двигать им туда-сюда. Наконец он за что-то зацепился!

Жофре, используя проволоку как самый тонкий инструмент, нажал. К его удовольствию, она немного углубилась, а потом наткнулась на преграду. Теперь проволока толщиной с волос была изогнута так, как он того хотел. Послышался щелчок, проволока скользнула внутрь, а потом он потянул ее на себя и засунул ее конец в более толстую часть катушки.

Одним движением, таким быстрым, что оно было почти неуловимо на глаз, он вскочил на ноги, прижимая ладонь к двери, в то время как в другой его руке была изогнутая проволока.

Под его толчком дверь не скрипнула. Он ощутил запах, который, как он заметил, исходил от мундиров некоторых стражников, куривших свернутые листки какого-то местного растения.

Сам этот запах служил поводом. Холл за дверью был освещен лучше, чем внутреннее помещение, благодаря чему Жофре мог хорошо разглядеть мужчину, прислонившегося к стене, плечо которого находилось всего в нескольких дюймах от щели, образовавшейся когда он открыл дверь. Вдруг тсекиец широко зевнул и немножко выпрямился. Жофре застыл, но стражник не повернулся к двери, которую охранял. Нет, он не повернулся, но подвинулся так, что угодил прямо в руки Жофре. Исша распахнул дверь и опустил свою правую руку на шею тсекийца. Ошеломленный стражник, даже не поняв, что с ним произошло, согнулся пополам. Этого нажатия на нерв было недостаточно, чтобы убить, Жофре и не хотел оставлять за собой мертвые тела, которые могли его выдать, но парень из-за него некоторое

время пробудет без сознания, возможно, позднее он даже не сможет рассказать, что случилось.

Жофре выбрался наружу, в холл, придал здоровяку стражнику сидячую позу спиной к двери, которую закрыл. Он остановился, оценивая ситуацию. Никакого сигнала тревоги не последовало. Однако он не был убежден, что это было именно так.

Но он обрел свободу, по крайней мере ненадолго, и теперь должен использовать ее с наибольшей выгодой. Кроме того, он убеждался в том, что обученные ища могут кое-что противопоставить даже инопланетным технологиям, что в какой-то степени укрепляло его самооценку.

Он не распрямился во весь рост, а пробирался, согнувшись, почти гусиным шагом, но перемещался он очень стремительно и в несколько секунд очутился в конце коридора. Перед ним был путь в столовую, который Зуржал ему рисовал мыльными разводами.

Место было пустынное, никаких признаков стражи не было, и все двери были закрыты. За одной из них кто-то мог стоять, но Жофре решил испытать судьбу.

Это был не побег, а скорее разведка, следовательно надо было рисковать. Он проскользнул в банкетный зал! Освещение здесь было очень слабое, и только его ночное зрение убедило в том, что здесь нет соглядатаев. В зале было еще две двери, настолько широкие, что, открыв их, можно было моментально пропустить в него массу народа. Он их открыл по очереди с большой осторожностью. За одной находился холл с рядами дверей, совершенно пустой и скудно освещенный. Но света в нем хватало, чтобы был замечен еще один стражник. Жофре отпрянул назад и застыл в ожидании с проволокой наготове. Он едва ли мог надеяться, что его не видели.

Однако никакой тревоги не последовало, и он проскользнул вдоль стены к следующей двери. Она неожиданно вывела его на террасу, прямо в ночь. Он почувствовал запах растений и услышал журчание воды, видимо, внизу был фонтан. У подножия лесенки из нескольких ступеней,

ведущей на террасу, раскинулся сад, куда Жофре с облегчением вышел как человек, оказавшийся в своей стихии.

Многие запахи казались ему чужими и странными, так как такие садовые растения росли только на Тссеке. Он перебирался из одного тенистого места в другое, осматривая окрестности как можно лучше. Этот сад не имел выхода на открытую местность, а был окружен четырьмя стенами здания. В стенах через определенные промежутки располагались двери, но Жофре пока не хотел их пробовать.

Он сразу же заметил светящиеся окна этажом выше террасы. Свет был приглушенным, так как окна закрывали толстые шторы, а освещены были три окна подряд. Кто-то там не спал, в этом он был уверен.

Остановившись прямо под теми окнами, он рассматривал стену. При подходящем снаряжении, которого теперь у него не было, он без труда бы забрался на нее. Но при этом он стал бы очень заметен на светлой стене любому, кто оказался бы в саду. К сожалению, от такого шага придется отказаться.

Он все еще стоял, ощупывая шершавую поверхность стены — ему было жалко лишиться возможности что-либо еще разведать, — когда его размышления прервал негромкий звук. Жофре немедленно спрятался, и из кустов, где он нашел убежище, увидел, как из двери в стене под этими загадочными окнами выскользнула какая-то фигура.

Появившийся человек шел не уверенно, а скорее с той же осторожностью, что и Жофре. Это сразу же возбудило его любопытство: почему кто-либо из обитателей этого здания стал бы вести себя как вор, крадущийся по крыше? Жофре подошел поближе, сделал осторожный шаг по тропе, по которой шел тот, другой. Незнакомец показался из самой гущи кустарника вблизи от каменной кладки, окружавшей фонтан.

Женщина! Плащ, даже капюшон и вуаль, закрывавшие лицо, не могли скрыть очертания тела и движения, выдающие ее пол, от глаз исша. Он сразу же подумал о Драгоценной, если это была действительно она, у него появлялся шанс что-нибудь узнать об этой Сестре.

Но слабый ветерок, колышущий листья деревьев и кустов, не донес знакомого нежного аромата. Потом та, за которой он следил, на мгновение сдвинула свой капюшон назад, и он разглядел черты, которые никак не вязались с безупречной красотой.

Женщина присела на корточки рядом с одной из двух скамеек, стоявших у фонтана, и, хотя длинный плащ утаивал ее движения, Жофре показалось, что она прятала или наоборот доставала какой-то предмет.

Сквозь журчание фонтана он расслышал тихий скребущий звук, а потом и легкое брэнчанье. Вскоре женщина поднялась и стала поспешно возвращаться, как и пришла. Он смотрел, как она исчезает, а потом, подойдя к тому месту, где она только что копалась, стал обнюхивать его, как гончий пес.

Он нащупал пальцами комки влажной земли. Она не стала тратить время, чтобы полностью замаскировать следы своей деятельности. Он вонзил пальцы в землю у ребра камня, такого же, как те, которыми была вымощена площадка между скамейкой и фонтаном, и тот легко сдвинулся с места. Жофре осторожно продвигал кончики пальцев, так как в этом углу было очень темно и разглядеть что-либо было невозможно. Ему удалось нащупать ролик, обернутый скользкой материей, размером приблизительно с ладонь. Жофре испытывал большой соблазн взять его с собой. Он сжал его покрепче, но не ощутил чего-либо внутри твердого. И сколько он ни мял мешочек, там, казалось, не было никакого твердого предмета. Там не могло быть какого-нибудь оружия или воровского трофея, разве только какие-либо записи.

В конце концов он решил оставить свою находку на месте. Если бы у него было время последить за этим местом, он вполне мог бы открыть, что сюда прячут записи для передачи кому-то, а не на постоянное хранение, но времени у него не было.

Он и так уже отсутствовал слишком долго. Не хватало еще, чтобы его увидел пришедший в сознание стражник! С сожалением он положил камень на место и проверил,

чтобы вокруг не рассыпались комочки земли, по которым можно было бы догадаться, что его сдвигали.

И он отправился обратно через банкетный зал, потом по коридору. Жофре с облегчением увидел, что стражник находится в том же положении, опирается спиной на дверь и по-прежнему без чувств, и ему удалось пролезть в слегка приоткрытую дверь, откуда он совершил путешествие на животе к своему матрасу.

Вытянувшись, он позволил себе расслабиться, сбросить напряжение, в котором находились все органы чувств во время вылазки. Это расслабленное состояние позволило ему погрузиться в дремоту, которую он так беспощадно отверг в начале ночи. Он не хотел заново переживать свое путешествие, на это у него еще будет время.

Хотя поутру в окно не пробивались солнечные лучи, он проснулся сам, дневное свечение ярких стен разбудило его не хуже солнца. Потянувшись, он заметил, что рядом с ним стоит закатанин, внимательно рассматривавший его.

— Только со спокойной душой можно так хорошо спать, — заметил Зуржал. — Тебя не преследуют никакие сны, Тень? Это хорошо. Нам нужны ясность мысли и бодрость духа.

Жофре сел.

— Такие мысли и дух нам сегодня нужны больше, чем всегда, Ученый? Я ожидаю приказаний.

— Прославленный Властитель пожелал увидеть демонстрацию моего устройства.

— Я думал... — взволнованно начал Жофре, но Зуржал перебил его:

— Должно быть, есть люди, которым Властитель хотел бы показать, что от нас ожидается. Это команда, которой предстоит организовать показ. Эти люди думают, что им будет легче работать, если они увидят, чего можно ждать от этой демонстрации в пятидесятую годовщину.

— Сканер времени в зале собраний...

— Нет. Властителю требуется нечто менее впечатляющее. Здесь недалеко есть развалины, оставшиеся с давних пор. Для нас организовано посещение этого места со

сканером и небольшим числом избранных гостей сегодня утром.

Жофре хотелось спросить, что будет, если устройство не сработает, но он передумал. Он полагал, что у Зуржала не было выбора, что закатанина поймали в сети лжи раньше, чем он, Жофре, предполагал. Как ни странно, Жофре не заметил какого-либо волнения в голосе или действиях Зуржала, у которого оборка вокруг шеи не поднялась и на полдюйма.

Позднее, утром, Харсе и его обычный отряд стражников вывели их из апартаментов. Жофре, по приказу закатанина, нес мешок, в котором, как заявил изобретатель, находилось дополнительное оборудование. Они снова сели на флиттер, ожидавший их на террасе, который полетел к гряде холмов, казалось, поднимавшейся, словно гигантская лестница, уходящая в небеса, где облака скрывали вершины гор.

Жофре заметил, что, когда они снижались, на месте посадки уже был другой флиттер, около которого стояли Властитель и... Эта женщина была также завернута в плащ, как та, за которой он следил накануне ночью, но он был уверен, что знает, кто она. Драгоценную тоже привезли посмотреть эксперимент.

Он разглядел развалины, являвшиеся целью их путешествия. Они были настолько изъедены ветрами и временем, что незначительно выдавались над землей. Это была страна скал, скудно поросшая мелкими кустиками, торчащими из расщелин.

Жофре бросил на Драгоценную один-единственный взгляд. Хотя почти ничего нельзя было разглядеть из-за ее наряда, состоявшего из плаща с капюшоном, накинутого на лицо и скрывавшего даже руки. Возможно, она таким образом защищалась от пыли и мелких камушков, которые беспрестанно приносил горный ветер.

Сопт с'Ку стоял в первых рядах, но вид у него был несчастный, он обнаруживал все признаки нервозности. Он боялся провала больше, чем сам Зуржал. Но когда Зуржал и

его телохранитель присоединились к собравшейся на развалинах группе, он заговорил:

— Мы находимся в таком месте, упоминание о котором не найдешь даже в архивах. Властитель желает посмотреть, что здесь может сделать сканер времени. Вероятно, существует мало надежд на то, что он сможет заглянуть в столь отдаленное прошлое...

Старался ли командующий ордой обеспечить им прощение на случай неудачи? В таком случае, Зуржал не схватился за протянутую ему соломинку. На самом деле казалось, что закатанин держится очень уверенно, он был целиком сосредоточен на своем деле. Жестом он приказал Жофре приблизиться, и тот, опустившись на одно колено, стал разматывать сверток, который он нес, и расставлять стержни, образующие подставку для сканера, как его научили ранее. Чтобы прибор твердо стоял на этой неровной почве, Жофре приходилось держать все сооружение, когда Зуржал приступил к своей работе.

В конце концов Зуржал обернулся:

— Я настроил его на максимально отдаленное прошлое, прославленный Властитель, поскольку сказано, что это очень древнее место. Остается лишь надеяться, что диапазон его действия окажется достаточным. Сейчас!

Жофре чуть не подпрыгнул, так как уловил в этом слове силу приказа, когда Зуржал здоровой рукой нажал на рычаг.

Глава 15

Внезапно задувший ветер принес массу мелких камушков. Или что это было? Жофре часто заморгал. В некоторых местах стала сгущаться мгла, между туманными участками попадались вполне светлые места. Цвет — и тепло. Казалось, что они пытаются разглядеть что-то сквозь туман, поднимающийся над болотом, который свивается столбами, а потом рассеивается.

Фигуры — да! По крайней мере, неясные мерцающие тени, плавающие то взад, то вперед. Он неожиданно четко

увидел одно лицо, которое продержалось не дольше, чем он успел вздохнуть, но он присягнул бы, что видел его.

Это колебание теней продержалось недолго. Когда оно пропало, Зуржал ударил по рычагу ребром ладони.

— Нет! — Это запротестовал Властитель: только он во всей компании нашел слова.

— Да, — прошипел в ответ Зуржал. — Или вы хотите нагрузить прибор так, чтобы его нельзя было использовать без дополнительной подзарядки? Необходимо задать период времени, который интересуется вас больше всего.

— Да, — кивнул диктатор, — понятно. Но почему, Ученый, ты говоришь, что сканер не будет работать? Разве мы только что не видели его в действии?

— А вам удалось разглядеть что-либо за исключением неопределенных теней? — возразил закатанин. — Я ищущую полную, отчетливую картину. Теперь я должен перенастроить прибор, чтобы быть уверенным, что он будет работать, когда потребует, в следующий раз.

Что заставило Жофре бросить взгляд на вершины, расположенные за этими безымянными развалинами, он и сам не знал. Но одного взгляда на произошедшую там вспышку было достаточно, чтобы он, сбив с ног закатанина, отпрыгнул в сторону, опасно задев прибор.

Никакого звука не было слышно, можно было лишь уловить запах гари. Прижимая Зуржала к скале, он почувствовал, как что-то обожгло ему плечо, но продолжал заслонять хозяина своим телом.

Остальные подняли крик. Он услышал какой-то треск, и даже не глядя на них, понимал, что луч бластера мечется над головами, возможно, на них пришелся как раз первый луч.

Зуржал барахтался в его объятиях, и некоторое время Жофре оказывал сопротивление закатанину, который пытался высвободиться. Потом он понял, что хозяин хочет укрыться от взрыва за одной из скал. Жофре подтолкнул его туда и спрятался вместе с ним. Теперь они сидели на корточках, тесно прижавшись друг к другу, в этом очень ненадежном укрытии.

Флиттер Властителя снялся с места, казалось, он взлетел вертикально вверх, потом завертелся и повернул к равнинам. Их транспорт также быстро поднялся, но он полетел не за первым кораблем, а вдоль горной гряды, время от времени направляя бластер на скалы, которые разбивались в мелкие куски или разрезались на пластины. Не было никаких признаков ответного огня.

Однако нельзя было сказать, что для них опасность миновала. Жофре, который изо всех сил вглядывался в скалы, насколько это было возможно, не становясь хорошей мишенью, приготовился к атаке сверху. И он был не единственным, кто ожидал беды. Хотя флиттер, на котором они летели, наносил удары с воздуха, стражники, которым полагалось сторожить их, все еще были на земле. Их черная форма была хорошо видна на фоне серых скал, хотя они и спрятались так же поспешно, как и Зуржал со своим телохранителем.

Он видел, как Харсе скрючился, забившись в расселину между двумя грудями камней, оставшихся от старинной кладки, и вытащил трубку из набора оружия, висевшего на поясе. Немного подавшись назад, чтобы максимально использовать укрытие, тссеконец вставил стержень в оружие, которое уже открыто держал в руках, отчего ствол сделался почти в два раза длиннее. Он опять прибег к помощи своего поясного арсенала, достав оттуда какой-то мелкий предмет, сжимаемый в ладони, пока не пристроил в отверстие ствола.

Изготовившись, Харсе продвинулся вперед, почти к самому краю своего укрытия, и его оружие повернулось дулом вверх, к вершинам. Наконец он, должно быть, нацелился так, что остался доволен собой. Послышался шелчок, который был настолько громким, что его удалось различить даже сквозь треск бластеров, из которых падали напропалую сверху.

То, что вылетело из ствола, поднялось как бы лениво, под углом к внутренней грани утеса. Последовал взрыв, и Жофре опоздал заслонить глаза: в них хлынул мучительно яркий поток белого света. Секунду спустя он почувствовал

давление на уши. Когда он смог взглянуть слезящимися глазами на скалу, та оказалась обезображена почти до неузнаваемости. Большая часть скалы попросту пропала. Харсе сел, скользнув рукой по стволу оружия, словно погладил его в благодарность за хорошую службу.

Перестав стрелять, флиттер подлетел очень близко к разрушенной скале, как будто те, кто находился на борту, изучали результаты ответного удара. Потом флиттер стал снижаться по спирали, целясь на место, откуда недавно взлетел.

Жофре спрашивал себя, можно ли рассчитывать на то, что инцидент завершился. Он рассеянно провел рукой по своему боку и резко отдернул пальцы. Луч подошел очень близко! Ткань его туники была повреждена, он оторвал кусочек, чтобы рассмотреть повреждения у себя на теле. Но оказалось, что за исключением небольшого ожога все было в порядке.

Потом к нему наклонился Зуржал, отведя его руку, раздирая хрупкую ткань.

— Ерунда, — быстро сказал Жофре. — Такой ожог можно получить, если небрежно обращаешься с костром на привале.

— Да, — прошипел закатанин с громким пришепетыванием, при этом его оборка распустилась необычайно широко и встала дыбом, наливаясь красным. — Ты сослужил хорошую службу, присягнувший.

В этих словах слышалась некоторая официальность, и Жофре постарался подавить в себе сразу же возникшее самодовольство. Он сделал лишь то, в чем давал обет. Жофре стянул с себя разодранную тунику.

— Кто-то хочет твоей смерти, — медленно сказал он. — Первый огонь был направлен прямо на Зуржала.

— Моей смерти... или?..

Закатанину хватило здравого смысла не делать из себя мишени для тех, кто мог оставаться поблизости, однако он, согнувшись, полез к сканеру.

Прибор покосился, но оставался на треноге; возможно, его толкнул сам Жофре, когда прыгнул, чтобы прикрыть

Зуржала. На земле виднелась черная полоса в нескольких дюймах от прибора. Нет, Жофре был уверен, что целились не в прибор, а в закатанина.

Харсе и другие стражники во весь рост спокойно шли к ним от флиттера. Командующего ордой было не видно, вполне возможно, что он присоединился к группе Властителя, улетев с первым флиттером.

— Собирайте его, — Харсе приблизился к Жофре и Зуржалу, — мы сейчас же улетаем!

Он ткнул пальцем в сканер, а потом — в Зуржала и Жофре. Жофре посмотрел вверх. На утесе виднелся свежий рубец, но эти двое, очевидно, думали, что битва закончена.

Напарник Харсе подошел к сканеру, но Зуржал, вытянув здоровую руку, преградил ему дорогу.

— Не дотрагиваться до прибора! — Оборка, налитая кровью, стояла дыбом. — Мы все сделаем сами.

Он жестом подозвал Жофре.

Они вместе разобрали сканер, при этом закатанин не обращал никакого внимания на попытки поторопить его, спокойно наблюдая, как его телохранитель бережно разбирает прибор. Только после того, как сканер был благополучно упакован, он взял ящик с прибором и направился к флиттеру, где его ждали, по-видимому, с нетерпением.

Жофре погрузился в раздумья. Нападение, как он был уверен, направлено против Зуржала, возможно, хотели повредить и прибор, но главной целью несомненно был Зуржал. По его убеждению, тссекийцы едва ли считали, что прибором может управлять только закатанин, или он ошибался? Может быть, они решили, что после пробной демонстрации один из них справится со сканером не хуже его изобретателя? Однако он был совершенно уверен, что нападение с горных вершин не являлось частью какого-либо плана, составленного Властителем. Вожди народов не подставляют себя в качестве наживки.

«Так кто же?»

Он разжевывал эту мысль, пока они грузились во флиттер. Но на этот раз он рванулся, минуя Харсе, и устроился

рядом с закатанином. Когда тссекиец попытался оттеснить его плечом, закатанин обернулся.

— Это мой телохранитель. Я сейчас жив только благодаря ему. В этом нет никакой вашей заслуги или заслуги кого-нибудь из ваших людей. Он будет ездить вместе со мной, жить со мной, в противном случае я не оставлю свой номер. И я очень буду настаивать на этих требованиях перед самим Властителем!

Харсе оскалился, но у него не хватило уверенности в себе, которая позволила бы ему запротестовать; итак, Жофре оказался на переднем сиденье флиттера рядом с Зуржалом, когда они полетели назад над равниной.

С этого места обзор был лучше, и он мог рассмотреть местность. До подножия холмов тянулась долина, должно быть, поросшая густой растительностью, которую на Асбаргане использовали бы под пастбище. Но он не заметил никаких пасущихся животных, и ему стало интересно, есть ли в этом мире какой-нибудь домашний скот. Они пролетели половину пути, когда им навстречу попала эскадрилья из шести флиттеров, летевшая в направлении развалин. Если тссекийцы пришли к выводу, что судьба тех, кто организовал нападение, остается неясной, они, должно быть, решили выяснить это наверняка.

Когда спускались на посадочную террасу резиденции Властителя, Жофре составил некоторое впечатление о размерах этого здания. Оно было явно больше любого строения на Асбаргане или гостиницы на Верном пути. Наружную стену окружали небольшие арки с отверстиями сверху.

Было ясно, что эти отверстия не что иное, как дула орудия, которым человек не мог бы управлять вручную из-за его размеров. Очевидно, там размещался военный лагерь, что подразумевало наличие противника, — но где этот противник, насколько он многочислен и кто это?

Жофре обратился к своей памяти, впитавшей наставление Магистров асша. Они учили, что врага надо ослабить изнутри, заставить его поверить, что те, кому он доверяет, предадут его, в таком случае в любой крепости начнется

внутреннее разложение. Но ему надо было знать больше, гораздо больше.

Был ли это отголосок борьбы за власть между лидерами, Властителем и каким-нибудь будущим правителем, например, Сопт с'Ку? А Драгоценная, привезенная командующим ордой! Насколько Властитель отдавал себе отчет, что такое эта женщина? Она была обученной исша и при желании могла сделать оружием собственные волосы. Сестры славились своим легендарным искусством. Где бы они ни появлялись, перед ними была одна цель — тайная война, если бы перед ней не было такой задачи, она не стала бы присягать и не оказалась бы здесь, какие бы сокровища ни предлагали ей инопланетники.

Может быть, закатанин, не ведая того, является орудием в какой-то скрытой борьбе? Пожалуй, его боятся, иначе кто-то не был бы заинтересован в его смерти. Но из всего этого происшествия можно было извлечь и пользу — теперь у Зуржала появились основания требовать постоянного присутствия Жофре при себе, что он сразу же и сделал. Он даже мог потребовать, чтобы его телохранителю вернули оружие, отобранное у него при пленении.

Их поспешно ввели в комнаты, служившие им тюрьмой. Зуржал заговорил только один раз — когда перед ними открыли дверь, препровождая их внутрь:

— Моя жизнь оказалась под угрозой. Если я явлюсь гостем, как заявляет Властитель, мне должны сказать, кто и почему стрелял в меня из бластера?

Сказав это, он повернулся спиной к страже и пошел внутрь, осторожно неся в руках ящик со сканером, словно был готов пойти на все, чтобы защитить свое изобретение.

Как только дверь захлопнулась, Жофре приложил к ней ухо. Да, они поставили стражника снаружи. Значит, тот, кто дежурил вчера, не сообщил о происшествии. Наверное, очнувшись, тссекиец испугался за собственную шкуру, или он мог подумать, что сам задремал на посту.

Зуржал осторожно поставил сканер на стол, а Жофре опустил связку с принадлежностями к нему на пол. Кожная оборка закатанина немного побледнела, и теперь он

поднял руку нетерпеливым жестом, чтобы примять ее к плечам.

— Сканер... — начал Жофре. — Он работал. Я видел лицо...

— Все дело в определении периода... Оно было очень неточным, — покачал головой Зуржал. — Как можно было настроить прибор, не зная, на какой период надо ориентироваться? Да, он сработал. Но раньше он работал лучше, когда ему была задана определенная дата. Теперь важно знать, кто заинтересован в том, чтобы вывести его из строя.

— А могли они подумать, что, если ты умрешь, справятся с ним сами? — Жофре высказал аргумент, казавшийся ему вполне логичным.

— В этом мире, как и в каждом другом, всегда присутствует значительная доза глупости, — просвистел закатанин. — Однако они не оказывали на меня нажима, чтобы обсудить такую возможность, — он положил руку на сканер, — не знакомили меня с кем-нибудь из своих ученых, которые могли бы разобраться в принципах управления прибором. Нет, мне кажется, дело не в этом. Властителю нужен я, он хочет, чтобы я применил прибор, ему не нужны покойник и никчемная машина, которые бы спутали ему все планы.

Он отвернулся и взглянул Жофре в глаза:

— Давай-ка лучше займемся тобой, присягнувший. Снимай свою тунику!

Жофре протестовал, но слова были обращены к ушам, не желавшим ничего слушать. Он обнаружил, что мигом лишился туники и нижней рубашки, после чего его посадили на край дивана, а закатанин стал выдавливать какое-то желе из тюбика, который достал из багажа.

— Тебе очень повезло, присягнувший. — Рука Зуржала легкими прикосновениями стала намазывать лекарство на покрасневшую кожу Жофре. — Тебя задело мельком и не в полную силу, иначе ты не отделался бы таким легким ожогом. По-моему, даже рубца не останется, и нет оснований опасаться, что ожог не пройдет. Однако мы не дадим им забыть, что ты, очевидно, единственный пострадавший в

столкновении, и это потому, что был вынужден выполнять присягу, не имея оружия. Будь мы на Асбаргане, я бы, наверное, смог бы потребовать с них компенсацию за рану.

Жофре вспыхнул.

— Это не настоящая рана, — пробормотал он. — Я однажды подвел тебя, когда они нас захватили. Как ты можешь допускать, что это случится еще раз?

— Я не вижу никакой твоей вины. Ты столкнулся с оружием, о котором ничего не знал, оказался под действием того, что вполне могло вызвать твою смерть. Ты очень крепкий орешек, присягнувший, раз тебе удалось выжить, когда на тебя воздействовали стазом. Разумеется, у ища прекрасное здоровье, я это знаю, но я не подозревал что у них такие крепкие ребра, с которыми можно дышать при такой нагрузке...

Жофре натянул рубашку и тунику и осторожно застегивал поясную сумку, в которой лежали и проволока, и талисман. Но все-таки недостаточно осторожно, так как камень выскользнул и со стуком упал прямо под ноги закатанину.

Глава 16

Жофре кинулся вперед, но немного опоздал: Зуржал уже наполовину наклонился, чтобы рассмотреть талисман поближе. На фоне светлого ковра камень казался гигантской застывшей каплей какой-то неведомой жидкости.

Закатанин протянул руку к камню. Взяв его, он резко отвел назад руку, как раз когда Жофре наклонился, чтобы выхватить свой талисман. Не распрямляясь, закатанин пристально вглядывался в своего телохранителя.

Он словно сомневался, что такой молодой человек может владеть подобным предметом, и Жофре ответил на этот безмолвный вызов.

— Мое! — Он сомкнул пальцы на камне и почувствовал знакомый прилив тепла в ладони.

Зуржал выпрямился.

— Твое!

Этим словом было выражено согласие. Слишком поспешное согласие! Может быть, закатанин пытался попросту успокоить его?

Жофре медленно раскрыл руку; он никак не мог объяснить, откуда у него этот предмет. Но если присягнувший не может доверять своему лорду, у него поистине нет никаких надежд в жизни.

— Я не знаю, что это, — медленно сказал он.

— Этот предмет дает силу. — В немедленном ответе закатанина не было и тени сомнения. — И он, безусловно, очень древний. — Он покачал головой, словно оспаривая какие-то свои мысли. — Но не осталось никаких записей о пребывании предтеч на Асбаргане. Памятники предтеч на Асбаргане? Возможно, они были занесены из других миров...

Теперь настала очередь Жофре запротестовать. Это предмет асша. В тот момент он был уверен, что все его догадки относительно его находки — правильны.

— Я нашел его в Куа-эн-иттер, Ложе, умершей несколько поколений назад. Я... я убежден, что это была часть великого камня, асша — сердца Магистра, хотя я никогда прежде не слышал, что такие камни возвращались к жизни после угасания асша...

— Он сохраняет жизнь? — Зуржал задал этот вопрос очень тихо, почти пробормотав его.

В это мгновение Жофре вспомнил, где они находятся, подумал о том, что глаза за стеной вполне могут быть обращены на них. Вместо того чтобы ответить в открытую, он слегка ссутулился, встав так, чтобы камень оказался между их телами, и ослабил пальцы, которыми крепко его сжимал. И он увидел в глубине камня светящуюся точку. Видел ли ее закатанин? Или это было какое-то волшебство Шагга?

— Интересно, — прокомментировал закатанин. — Он у вас служит талисманом, приносящим счастье.

Жофре сжал губы. Пусть этот инопланетник утратит интерес к камню, полагая что эта вещь, наряду с прочими, почитается равнинниками, приносит удачу, что она из тех

предметов, которые принято носить на цепочке на шее. Очень хорошо, пусть лорд считает, что это талисман, суеверие. Он не поднимал глаз, но почувствовал, что закатанину нужно именно это, чтобы этот предмет обесценился в глазах шпионов. Он решился подбросить камень на ладони.

— И знаешь, Ученый, с тех пор, как я его нашел, мне несколько раз выпадала удача. Я его нашел и не хочу от него отказываться.

Он засунул свою находку в складки сумки.

— Человеку моей профессии следует пользоваться любым везением, которое посылает ему судьба.

— Нам посчастливилось, что эта штука не пострадала в недавней переделке. — Закатанин повернулся к столу, на котором стоял сканер.

Достав машину из ящика, он поставил ее на стол, а потом слегка присел, чтобы она оказалась у него на уровне глаз, и стал рассматривать ее в разных ракурсах.

Жофре наблюдал за ним с интересом, правда он не понимал, в чем дело, когда Зуржал притрагивался рукой к разным точкам прибора, при этом сверля глазами его поверхность, словно нацеливая на какую-то мишень, подобно дулам торчавших за стенами орудий тссекийцев.

— Насколько можно сказать, не проведя испытаний, прибор, кажется, не пострадал. Что касается испытаний...

Теперь он встал и положил руку на сканер, а потом дернул коггистыми пальцами за тарелочку, располагавшуюся у него на краю. Там была полость с двумя катушками тонкой зеленой проволоки с каким-то особо ярким голубоватым оттенком, намотанных на стержень из другого вещества — тусклого серо-черного цвета.

— 3-3-3-значит... — пришепетывание, сопровождавшееся поднятием и покраснением обложки, указывало на то, что закатанин взволнован. — Питание... Вероятно, еще один сеанс — и нам понадобится подзарядка. У нас нет возможности экспериментировать.

— А когда состоится просмотр, который хотят устроить тссекийцы? Они могут предоставить энергию, которая тебе нужна? — поинтересовался Жофре.

— Просмотр состоится в ближайшие два дня. Что касается энергии, то надо выяснить. — Зуржал закрыл клапан на сканере. — Это была ошибка, досадная ошибка, что мы потратили сегодня утром столько энергии.

— Мне кажется, ты не мог ответить «нет», — заметил Жофре. — Этот Властитель не их тех, кто мирится с отказом. И прибор ведь работал! Ты же это доказал, не правда ли?

— Работал? Он оживил несколько теней, а мы из-за него чуть не поджарились. Я бы вполне обошелся без таких примеров его пригодности, — выпалил закатанин... — Что сделано, то сделано, важно, что ждет нас впереди. По крайней мере, на этот раз они смогут четко обозначить дату, при этом не надо будет забираться в слишком отдаленное прошлое.

Жофре обратил внимание на ту легкость, с которой закатанин произносил «мы», «нас». Слово с положения присягнувшего он повысился до ступени кровно поклявшегося. От этой мысли он ощутил такое же тепло, как от камня исша.

* * *

Тайнад перебирала пальцами тонкую, как нить, ножку своего бокала. Ее губы сложились в ехидную улыбку, а мысли неслись вскачь. Как Властитель себя вел этим утром: он боится за свою драгоценную шкуру! И с этим червем ей приходится кокетничать, применяя все свое искусство, его надо успокаивать, убеждать, что все вокруг — в полном порядке и бояться ему нечего. Она с удовольствием выплюнула бы ему в лицо вино, которое только что отхлебнула! Нет, надо сдерживать изо всех сил презрение, сдержанность — ее оружие.

По крайней мере, в минувшие часы ей удалось многое узнать. Как только она сможет заставить этого индюка переключить свое внимание на обследование различных функций своего организма, чтобы убедиться в своей сохранности, она постарается сложить отрывочные факты, которые стали ей известны, в единую картину.

Первое, безусловно, то, что Властитель Тссека ни в коем случае не уверен в неуязвимости своего положения. С тех пор как они вернулись из старой крепости, она слышала, как отдавались различные приказы, планировались рейды, назывались имена людей, подлежащих казни, заключению или допросу.

Кроме того, поступали доклады. В них говорилось о гнездах заговорщиков, которые оказались опустевшими, когда туда добрались каратели, об исчезновении нескольких лиц, занесенных в списки подозреваемых. Казалось, что неудачное нападение на закатанина и его прибор послужило сигналом спрятаться, который распространился быстрее, чем при помощи какой-нибудь системы зеркал или радиопередатчиков.

И с каждым сообщением об очередной неудаче этот человек за столом становился все напряженнее, все немногословнее, все опаснее! Да, возможно, что она действительно неправильно оценила его, даже норка, попавшая в западню, может откусить руку охотника, если тот вовремя ее не отдернет. Смертные приговоры! И теперь в каждый такой приговор включалось несколько имен.

Означает ли это конец хитроумной игры, которую Властитель затеял с закатанином и его прибором? Она в это не верила. Он уже дважды говорил о церемонии и о тех, кого надо было так или иначе заставить присутствовать на ней.

Закатанин действительно имел нечто, что можно было лишь увидеть, но не понять — прибор, воссоздающий прошлое. Отправляясь на демонстрацию прибора, она была настроена очень скептически, будучи убеждена, что Зуржал не сможет сделать то, что, по его словам, умеет. Однако если этот его сканер способен лишь на то, чтобы вызвать на мгновение к жизни неясные тени, она не понимает, почему Властитель с таким дьявольским упорством требует, чтобы церемония встречи демонстрировалась на публике.

Она внезапно заметила, что приток офицеров, являющихся с донесениями и отправляемых назад, временно прекратился, а диктатор идет к ней. Он встал со своего ме-

ста и приближается. Тайнад поставила бокал и немедленно обратила к нему взгляд, полный смиренной радости.

— Прошу прощения, Драгоценная. — Протянув руку, он сжал ее пальцы и, таким образом, поставил ее на ноги. — Столько неотложных дел, мне жаль, что тебе пришлось стать свидетельницей такой сцены. Но теперь все устроено, так что у нас появилось время на более приятные вещи. Я еще не показал тебе внутренний сад. Там цветут лангии, и тебе как знатоку всяких ароматов они придутся по вкусу.

Говоря это, он увлекал ее за собой. Жат, который не присутствовал на утреннем неудавшемся сеансе, теперь шел рядом с хозяином. Если все, что говорят об этих тварях, — правда (а она многого о них наслушалась накануне вечером от своей горничной), Властитель хорошо вооружен на случай покушения. Она спросила себя, можно ли заставить это существо разорвать союз с его хозяином, но пока что не собиралась предпринимать каких-либо попыток в этом направлении. Вместо этого она прибегла к речам Дома Драгоценностей, имевшим целью умиротворение: осыпание комплиментами, возвышение патрона не посредством открытой лести, а с помощью более нежных приемов.

* * *

Оказалось, что сад находился в сердце этой крепости, между четырьмя стенами, поднимавшимися над ним очень высоко. До нее донеслось журчание фонтана и даже стрекотание насекомых. Перед глазами мелькнуло какое-то летучее существо, тельце которого было не больше мизинца. Она бездумно протянула руку, и оно село на ее указательный палец, так легко, что Тайнад едва почувствовала прикосновение. А это существо, не то птица, не то насекомое, замахало легкими крылышками, отливавшими сверкающей зеленью, словно инкрустированными сапфирами и золотом. Его красоты оказалось достаточно, чтобы на миг прервать ее мысли.

— Лашлу, — заметил Властитель голосом, выразившим нечто близкое к благодушию. — В вашем мире есть такие?

— Нет, таких нет. — Она очень неподвижно держала па-лец, едва смея дышать.

Эти несколько секунд, когда существо снизошло к ней, она, казалось, выпала из времени, ушла от своей профессии, от того, что привело ее в этот сад, забыла то, что нельзя было забывать.

Из этого состояния ее вырвал жат.

Впервые с тех пор, как она увидела эту тварь, та издала вопль, зашаркала вперед по вымощенной плоскими камнями дорожке, опоясывавшей фонтан. Существо двигалось на всех четырех лапах, прижимаясь наморщенным носом к камням, явно шло по следу.

Властитель остановился и удержал Тайнад. Он следил за действиями твари из другого мира, которая сосредоточила свое внимание на одном из серых квадратов кладки. На передних лапах, которые были очень похожи на руки, выпустились когти, как будто при необходимости она могла удлинять их, насколько хотела. Жат обхватил когтями края камня и сдвинул его, камень поддался легко, словно ничто его не удерживало на месте.

Тварь быстро погрузила лапу в ямку, образовавшуюся под камнем, и достала оттуда маленький серо-коричневый комок, который мог быть мешочком. Самыми кончиками когтей Жат подтолкнул находку на край дорожки, подальше от тех, кто застыл, наблюдая за его действиями.

— Так.

Властитель выпустил руку Тайнад, чтобы подойти поближе и рассмотреть ямку, которая могла быть тайником. С его и без того не слишком выразительного лица исчезла последняя гримаса. Он потянулся к своему поясу с оружием, которого было не так много, но на нем виднелась отделанная изумрудом кнопка, явно от бластера.

Быстрым движением он выхватил это оружие.

— Прочь, — наполовину сказал, наполовину просвистел он, и жат сразу же подчинился, прыжком вернувшись к хозяину.

Вспышка огня полностью уничтожила находку, после выстрела остался только дымок да странный запах. Тайнад закашлялась, тряся головой, словно таким образом она могла избавиться от этого удушливого запаха.

Огонь погас, дым рассеялся, не осталось ничего, кроме черного следа на камне, выкопанном жатом. Властитель все еще с бластером в руке стоял над ним, разглядывая след.

— Так, — повторил он. — Здесь?

Последнее слово прозвучало как вопрос, но Тайнад чувствовала, что спрашивали не ее. Потом Властитель опять обратился к ней.

— Прекрасная, мне кажется, что мой слуга, — он шелкнул пальцами, и жат подошел, чтобы хозяин его погладил по круглой голове, потрепал между двумя торчащими ушами, — унюхал какой-то тайник, устроенный злоумышленниками. Это место, — он поднял голову и устремил взгляд поверх ее головы на богатую растительность, издававшую ароматы цветов, — было задумано как убежище, но даже здесь нет безопасности. Я должен просить твоего прощения, потому что в этом надо тщательно разобраться, и мне придется оставить тебя.

Он церемонно проводил ее назад, в здание, а потом оставил со стражей и той горничной, от которой ей все еще не удалось избавиться, все это вызвало у Драгоценной раздражение. Властитель не объяснил ей, какой источник опасности, лежавший на тропе, уничтожил своим бластером, в его поведении слишком проявилось отношение к ней как к существу, о котором вспоминают только от нечего делать, не составляющем подлинной части его жизни. С этим отсутствием настоящего интереса к ней надо что-то делать, и она знала, что предпринять. Она должна стать более важной в глазах Властителя, чем его жат... или его бластер.

Хотя закатанин с телохранителем не покидали своих апартаментов (Жофре не думал, что это им разрешили бы сделать), оба узника догадывались, что во дворце должна кипеть какая-то деятельность. Жофре старался высвободить чувства и послать их вперед на разведку, на эту меру обычно нельзя полагаться, но сейчас она казалась очень не-

обходимой. Ему было нужно оценить происходящее, хотя бы то, до чего удастся добраться. Прикосновение исша, нечто вроде тумана, не видимого неискушенным глазом, но очень отчетливого для внутреннего сознания, проникло сквозь стены. Оно уловило и принесло назад чувство, подобное тому, которое он испытал в Вонючей дыре, — всепоглощающей опасности. Только там он мог защищаться, а здесь даже не мог предположить, каким оружием воспользуется враг, а также не знал, придется ли ему драться против одного главного противника или их наберется больше.

Он твердо отверг все догадки и предположения и сосредоточился на внутренних упражнениях. Проволока неизменно лежала в его сумке, и он мог нащупать ее своими чуткими пальцами, которые и сами могли служить оружием.

Закатанин впервые стал обнаруживать признаки беспокорства, он мерял комнату шагами, то и дело подходя к сканеру, чтобы проверить его дюйм за дюймом, словно ожидая, что прибор может стать объектом какого-нибудь нападения, если его выпустить из поля зрения.

Они получали еду на подносах, их приносили стражники, правда, Харсе не показывался. За тем, как приносят еду и уносят посуду, наблюдал офицер, который к ним не обращался, и закатанин не делал попыток заговорить с ним. Еда была хорошая, и Жофре был почти уверен, что в нее ничего не подмешано. До тех пор, пока тесекийцам потребуется искусство закатанина, оставалось так мало времени, что они никак не могли подсунуть им наркотики.

Зуржал трижды требовал картину сцены Великой Встречи, которую им представил Сопт с'Ку, и подолгу просиживал перед ней, изучая ее, словно одного его желания было бы достаточно, чтобы перенести эту самую картину на сканер и получить желаемое изображение. Но картина оставалась прежней, и он всякий раз выключал ее с раздражением.

Его оборка вокруг шеи теперь постоянно дыбилась и переливалась всевозможными цветами, становясь если не яркой, то пестрой. Зуржал больше не воспринимал ожидания с тем философским спокойствием, с которым подошел

к нему вначале. Жофре прикидывал, не стоит ли ему совершить вторую ночную вылазку, но, поразмыслив, отказался от этой затеи. Закатанин явно не собирался ложиться, а он не хотел оставлять его бодрствующим в одиночестве.

Хотя Жофре и старался выбросить из головы Драгоценную, загадка ее присутствия бередила его мысли. В том, что она была исша, он ни капли не сомневался, тем не менее она не откликнулась на его сигнал «скользящей-тени», если, конечно, видела его, а он был уверен, что это так. Несомненно, она здесь выполняла какую-то миссию по присяге, иначе ее бы не было на Тссеке: ни один исша не оставит Асбарган по своей прихоти. Нет, ее, несомненно, внедрили в дом Властителя с определенной целью, подобно ее Сестрам, которые время от времени оказывались при дворе каких-нибудь лордов и присягали либо защищать, либо уничтожить их. И Жофре как-то не верилось, что это-го она будет защищать...

Ему было несколько досадно, что он не может поделиться своими догадками и сомнениями. Во-первых, они по-прежнему оставались под постоянным наблюдением через отверстия в этих кричаще размалеванных стенах, во-вторых, он не имел права вмешиваться в чужую миссию и раскрывать Сестру.

Они провели ночь без сна, а наутро Зуржал попытался взглянуть на мир с помощью телевизора, который раньше смотрел Жофре.

— Это их памятник старины. — Закатанин узнал строение, изображение которого замигало на экране в сопровождении голоса, обрушившего поток слов, из них Жофре уловил не больше десяти.

Сооружение было показано чуть сверху, как будто они сидели во флиттере, идущем на посадку. Жофре заметил то, что показалось справа.

— Космический порт! — Он был уверен, что видел именно этот лес и эти мрачные здания.

— Да, — тихо согласился закатанин. — Мне кажется, он на юге.

Жофре был уверен, что их снова повезут на флиттере. Можно ли надеяться, что, оказавшись на борту, они смогут вырваться в космический порт? Но какой от этого толк... Зуржал будто прочитал вопрос, пронзивший мозг его телохранителя.

— Там должна быть база первичного управления, иначе корабли из других миров не могли бы приземляться. Достигнув ее...

— А Патруль будет нас защищать? — Жофре выразил сомнение, которое отчетливо окрасило его тон. — Порт на Верном пути тоже должен был охраняться, но мы оказались здесь.

Зуржал кивнул:

— Да, это так, но тогда мы были всего-навсего беспомощным багажом, и к нам отнесли как к таковому. А если мы явимся туда с бластерами наперевес и потребуем помощи...

Жофре не верил, что патрон может оказаться настолько наивным, чтобы надеяться на подобный поворот событий.

— Я — закатанин, — сказал Зуржал. — Моя раса пользуется иммунитетом в большинстве миров. Кроме того, когда мы заявим о себе вслух, планетарные лорды прислушаются к нам. Я думаю, у нас был бы очень хороший шанс просить убежища.

— Но вначале нам надо вырваться отсюда. — Жофре указал большим пальцем на экран.

Изображение переменялось. Теперь они смотрели на громаду того же строения с уровня земли, перед ними был впечатляющий своими размерами лестничный пролет. Вся лестница была заполнена неподвижными, как статуи, вооруженными до зубов стражниками, за которыми двигалась толпа, то приближавшаяся, то отдалявшаяся, подобно волне, бьющейся о мол.

— Да... — протянул закатанин, который глядел теперь не на экран, а на Жофре.

Его оборка поднялась до самого высокого положения. Закатанин сознавал, что ему предложено совершить нечто сложное и опасное, и почувствовал в глубине души немой призыв.

Глава 17

Как видно, тссекийцы тоже считали, что доставить Зуржала, Жофре и сканер в нужное место будет не просто. Они организовали их конвоирование так, что каждый из инопланетников постоянно находился между двумя тссекийцами, идущими в ногу с узником.

Жофре пришлось примириться с мыслью, что такая бдительная и деятельная компания не оставляла им шансов хоть на шаг приблизиться к свободе. Когда их высадили из флиттера на открытое место перед высоким зданием, кишевшее стражниками, Жофре, посмотрев на собравшуюся массу зрителей, понял, что одна эта толпа окажется надежной преградой, не дающей им возможности побега. Гул голосов заглушал даже окрики стражников, которые подталкивали пленников вверх по лестнице.

Итак, они пришли в длинный зал, который уже видели на телеэкране. Там стоял подиум, на нем располагались стулья, составлявшие центр известной им картины, но сейчас на этом возвышенном месте никого не было. Внизу, по одну сторону от подиума, собралась группа мужчин в ярких мундирах, среди них блистали роскошными нарядами и дорогими украшениями немногочисленные дамы. Впереди этого небольшого собрания находились Властитель, а шага на два позади него — Драгоценная, за край туники Властителя одной лапой цеплялся жат.

Вновь прибывших отделяла от его кресла паутина проводов, связывавшая несколько установок, поставленных на разной высоте и под различным наклоном. Они находились в ведении мужчин в униформе, очень нетерпимо относившихся к страже, время от времени операторы давали ей резкие команды.

— Они готовятся к передаче, — сказал Зуржал, которому как-то удалось пробиться к Жофре.

Брат Теней подумал, что тссекийцы явно очень уверены в получении желаемых результатов эксперимента. Но откуда такая уверенность? В этом был какой-то фокус, должен был быть!

Но ему никак не удавалось вычислить, какой и как он работает.

Стражники подталкивали их (Зуржал, как всегда, настаивал, что они понесут сканер сами). Им пришлось идти очень осторожно, чтобы не зацепиться за какой-нибудь провод. Зуржал открыл футляр, Жофре, как и прежде, стал устанавливать опору. Зуржал старательно настраивал сканер, желая выставить его на необходимый градус наклона. За их спиной раздавались распоряжения одного из телевизионщиков.

Жофре взглянул влево. Властитель выглядел совершенно непринужденно, от него веяло такой уверенностью, что внутри Жофре струной натянулось напряжение. Он продолжал удерживать сканер правой рукой, положив левую на колено, поближе к проволоке, спрятанной в поясной сумке.

Сделав последние приготовления, закатанин, повернувшись к Властителю, кивнул.

Жофре сосредоточил внимание в другом направлении и успел увидеть, как один из операторов торопливо надел на объектив своего прибора какой-то конус. Случилась ли какая-то поломка, требовавшая немедленного исправления? Инопланетник не имел представления о принципе действия этих аппаратов, но в поспешном движении было что-то, что показалось его наметанному глазу признаком беды.

Те, кто управлял другими аппаратами, нетерпеливо отогнали стражников прочь, хотя те и протестовали.

Спор разрешил высший офицерский чин, отделившийся от группы собравшихся и приказавший им удалиться. Впервые после того как Зуржал и Жофре покинули свои апартаменты, они остались вдвоем на расстоянии вытянутой руки от ближайшего к ним тссекийца.

Властитель взмахнул рукой как раз в тот момент, когда пальцы Жофре сомкнулись на проволоке. Исша осторожно высвободил ее из тайника и, вытащив на три четверти, положил на пол среди проводов. Теперь его возможности удвоились. И он был уверен, что, учитывая упражнения,

проделанные им в последние несколько дней, его запястье было вполне способно на эффективные действия.

Зуржал, наклонившись, включил сканер. Не успели собравшиеся вздохнуть три раза, как в центре зала показался мерцающий силуэт подиума, который был куда отчетливее, чем призрачные тени, возникшие в руинах.

В группе высокопоставленных гостей раздались возгласы изумления; Жофре сразу понял, что такого действия сканера никто не ожидал. Так на что же они рассчитывали? Может быть, предполагалось, что им покажут что-то эти неведомые машины?

Мерцание прекратилось, они как будто смотрели на увеличенную картину, которую Зуржал с Жофре изучали по записи. Но это было не застывшее изображение. Воспроизведенная фигура Фер с'Ранга двигалась, поднимала руки, говорила, слова были слышны и даже разносились эхом, отражаясь от потолка.

И эта картина держалась, даже становилась отчетливее!

Жофре перенес центр тяжести на другую ногу. Те, кто был вокруг них, казалось, заморожены происходящим. Его оружие как змея, готовая к укусу.

* * *

Тайнад, неотрывно смотревшая на подиум, бросила быстрый взгляд на Властителя. Он сделал полшага назад, словно в совершенном удивлении, столкнувшись с тем, чего никак не ожидал. Рядом с ним подпрыгивал, размахивая передними лапами, жат, очевидно, поддавшийся волнению, исходившему от хозяина.

Драгоценная бросила быстрый взгляд и на другого человека: командующего ордой. Отвратительная ухмылка на его лице сменилась выражением страха. Она сжала пальцы. Эмоции в зале сгустились так, что зрители, казалось, погружались в туман, и это был туман подлинного ужаса!

Однако глаза всех были прикованы к подиуму, к отставшим от жизни актерам, выступавшим на нем. Теперь Жофре смотрел на ту фигуру, которая озадачила его, когда они

разглядывали картину, на человека, топтавшегося на, нижней ступеньке. Его руки...

Импульсивно Жофре слегка подтолкнул сканер, и как бы в ответ на этот толчок фигура стала не только ярче, но заняла на сцене доминирующее положение. Ее руки сделали какое-то движение, когда воспроизведенный образ Фер с'Ранга повернулся лицом к одному из сидящих лордов.

Великий Вождь внезапно пошатнулся, подняв руку к своему горлу. Он сделал шаг вперед, хватаясь другой рукой за воздух, и повалился на пол. В это время человек, стоявший на ступенях, уже бросился к упавшему Фер с'Рангу, чтобы его поднять, прижимая при этом руку к его горлу.

В это время послышался нараставший гул, и Жофре увидел, как люди, приставленные к аппаратам, активно занялись делом. И он пустил в ход свое оружие. Оно, извиваясь, поползло по полу между проводами. Он сделал рывок, чувствуя, что ему помогает чешуйчатая рука Зуржала.

Ближайший аппарат упал. Послышались крики, и изображение подиума внезапно пропало. Зуржал вернулся к сканеру. Кто-то из офицеров выстрелил из бластера. Раздались звуки борьбы и женский визг. Вбежали стражники, двое из них приблизились к Жофре и закатанину. Но Жофре был наготове. Он прыгнул не в сторону, а на стражников, и проволока, изогнувшись, сдавила запястье офицера, сжимавшего бластер. Брат Теней подтолкнул попавшегося в западню офицера вперед, под огонь его же товарища. Жофре ударил еще раз, и второй стражник уронил пистолет, поднес руки к глазам и громко вскрикнул.

Лучи бластера замелькали во всех направлениях. Жофре подхватил оружие, оброненное одной из своих жертв, и сунул его в руку Зуржала. Хоть закатане и были пацифистами, они были готовы защищать собственную жизнь, и Зуржал дважды выстрелил. Жофре дергал за провода на полу, пока, запутавшись в них, не упали еще два стражника.

Тогда он отнял у них оружие, нанеся им такие точные удары, что оба вояки моментально утратили боеспособность.

Обернувшись через плечо к закатанину, он махнул ему рукой (в каждой руке он сжимал оружие), ожидая, что в любую минуту его могут сжечь бластером.

Заложники? Жофре взглянул на бурлящую массу зрителей. Туда спешили несколько стражников, так как в толпе гостей, по-видимому, вспыхивали мелкие стычки. Он увидел и тела в ярких мундирах, лежавшие под ногами. А некоторые стражники, судя по всему, направили удар на своих же офицеров.

Властитель? Этот куда-то исчез. Жофре напрягся, услышав голос, кричавший ему в ухо: кто-то рядом с ним вопил от ужаса. Но это был не просто голос, а рев!

Жофре бросился на этот вопль. Он достиг края подиума, где был оравший человек, чей страх выражался так безудержно. Стараясь ускорить бегство, его тащил за рукав жат, а в двух шагах за спинами этой парочки стояла Драгоценная.

Жофре одним прыжком перемахнул через провода и оказался около Властителя. В мгновение ока он сдвинул плечо диктатора и, навалившись на него, сжал ему горло.

— Не кричи и пошевеливайся, иначе умрешь!

Жат принялся лягать Жофре, но у него не хватало сил, чтобы освободить своего хозяина. Теперь рядом с ним оказалась еще одна фигура.

— Эти безмозглые уроды ополчились друг на друга. Словно Предки наслали на них безумие.

Он узнал ее по аромату. По крайней мере, она не была присягнувшей телохранительницей, иначе он уже был бы мертв.

— Двигайся!

Он пинком подогнал Властителя к краю подиума, за которым находился закатанин, с бластером в руке застывший около своего сканера. Теперь Жофре оглядел сцену через плечо пленника. Публика в зале билась с таким остервенением, что Драгоценная могла быть права. Возможно, что всех тссекийцев поразило приступ сумасшествия, так как они дрались друг с другом. Теперь сверху на веревках

спустились другие бойцы, как мужчины, так и женщины, в штатском, но в зеленых нарукавных повязках.

Чтобы выйти наружу, им было необходимо пробраться через кучу людей, повалившихся на пол, в возможности чего Жофре был не уверен. Он пытался оценить различные варианты, если таковые имелись, потому что как раз в этот момент на их компанию, состоявшую из Жофре, заложника с жатом и Драгоценной, стали надвигаться полукругом эти спустившиеся сверху стражи порядка.

— Пропустите нас, или он умрет! — крикнул Жофре на всеобщем языке, надеясь быть понятым.

Командир тех, кто преграждал им путь, такой же высокий и широкоплечий, как Харсе, и такой же мрачный, как все стражники, не опустил своего оружия. Жофре споткнулся, внезапная и более яростная атака жата чуть не сбила его с ног. Но спустя мгновение в дело вмешалась Драгоценная, которой удалось сильным рывком оттащить эту тварь назад.

Зуржал взвалил на плечо сканер вместе с треногой, поддерживать который ему помогала повязка для его искаленной руки. В два прыжка он оказался рядом со своими союзниками.

— Пропустите, или этот умрет!

Жофре крепче сдавил глотку Властителя. Тот уже хватал ртом воздух, как утопающий, беспомощно шаря руками по поясу, на котором более не было оружия, и тщетно пытаясь дотянуться до Жофре, стоявшего сзади.

— Нет проблем. — Командир отряда сделал шаг вперед, его голос перекрыл многоголосый шум.

Он не опускал оружия, но Жофре, заметив легкую перемену в глазах своего противника, решил, что тот вряд ли сразу же уложит его из бластера. По крайней мере, этот парень говорил на всеобщем языке.

— Ты захватил то, до чего мы очень хотим добраться, отдай своего пленника!

Властитель отчаянно забился в руках Жофре. Исша понял, что имеет дело не с той партией, которая желала бы освободить Вождя.

— Почему? — Этот вопрос задал не он, а Зуржал. Драгоценная, не проронив ни слова, встала рядом с Жофре, обеими руками держа за лапы жата, который силился вывободиться. Было очевидно, что силы у нее — исша.

— Он скорее наше мясо, чем ваше, Ученый, — ответил мужчина с зеленой повязкой. — Мы имеем на него определенные виды.

Эта фраза была произнесена одним из бойцов отряда, подошедшим поближе. Сумятица в зале вроде бы начинала стихать. В некоторых местах продолжались стычки людей в мундирах, но было очевидно, что те, кто спустился сверху, быстро брали ситуацию под контроль.

— У вас виды и на нас? — осведомился Жофре. — И какие же?

— Вам нечего опасаться, — заверил командир. — Ученый, — теперь он обращался прямо к Зуржалу. — Ты невольно послужил на благо нашему делу. — Свободной рукой он указал на сканер, который теперь свешивался у Зуржала за спиной. — Мы даже немного у тебя в долгу. Мы будем еще более вашими должниками, если вы отдадите нам этого. Мы будем вам очень благодарны.

От отряда отделились двое, мужчина и женщина, они подошли к Жофре, удерживавшему пленника, с двух сторон.

— Это бунтовщики. — Драгоценная впервые сказала что-то определенное.

— Борцы за свободу, леди.

Теперь командир улыбался почти галантно, но от этого настороженная враждебность тех, кто подошел к Жофре, не уменьшилась.

— А наш приход сюда составлял часть вашего плана? — спросил Зуржал. — Что ж, — он не ждал ответа, — может быть, в конце концов, нам удастся договориться. Хотя, по-моему, ваша партия два дня назад предусматривала для меня другой исход.

Командир пожал плечами.

— У нас есть горячие головы, как и в любой другой партии, Ученый. Те, кто принял такое решение, понесли наказание. А теперь отдайте нам этого человека.

Жофре перебил его.

— Кто же бросает оружие, даже не испытав его? Командир. — Он назвал его этим словом наугад. — Ты признаешь, что твои люди пытались нас сжечь в развалинах крепости. Почему мы должны об этом забыть сейчас? Не вы захватили этих пленников. Они наши.

— Чтобы вы решали, что с ним делать? — вмешался один из повстанцев. — Сколько это можно терпеть? Тебе приходится держать его двумя руками, у тебя что, найдутся еще руки, чтобы драться с нами?

— Он убьет... — теперь заговорила женщина, подошедшая слева. — Этот нам нужен...

Женщина вдруг замолчала, остановившись почти на полуслове, словно поняв, что может выдать нечто важное, и командир, окинув ее суровым взглядом, опять обратился к Жофре.

— Что вам нужно? — резко спросил он, очевидно, ему не терпелось уладить дело по возможности быстрее.

— То, о чем ты говорил раньше, командир. — Зуржал стал использовать тот же титул. — Нам нужна свобода. Мы здесь против своей воли, нас похитили. Мы хотим только, чтобы нас отправили с Тссека, куда нам надо.

Командир испытующе поглядел на закатанина, потом на Жофре и наконец на Драгоценную.

— Эта инопланетная женщина была доставлена сюда не силой, она вела здесь собственную игру. Она не может это опровергнуть.

— Какую бы игру она ни собиралась вести, сейчас она закончена. Она инопланетница и не желает вмешиваться в местные дела, что вы можете сказать против нее?

— Она такая, какая есть. — Презрение в голосе женщины обжигало почти как бластер. — Нам от нее ничего не нужно, пусть возвращается к таким же, как она, и дальше купается в своих помоях.

— Давайте поедем в порт, — быстро предложил Зуржал. — Я не знаю, какой там может быть корабль, готовый к полету. Если там таких нет, давайте обратимся к Патрулю, это гарантирует вам безопасность и невмешательство в дела, или вы не согласны?

— Мы вам ничего не обязаны давать, — сказал один из повстанцев, перед этим поговорив с командиром по-тссескийски, — стаз-лучи...

Жофре напрягся. Конечно, их можно поразить так же просто, как это уже сделали с ними на Верном пути. Пока ему приходится держать пленника, он никак не может помешать нападению.

— Ты забываешь, Ат с'Сан, что нам есть за что их благодарить. Разве они не показали, как на самом деле умер Фер с'Ранг, хотя эта услуга и была оказана нам нечаянно. — Командир хитро усмехнулся. — Нет, мы дадим им то, чего они просят, и отпустим женщину, потому что такие, как она, здесь не нужны, и даже эту визгливую тварь. — Он указал на жата, который жалобно скулил. — Они не подходят для нашего мира, пусть отправляются, куда хотят. Проводите их в порт и передайте инопланетникам, которые поддерживают порядок среди прилетевших из других миров. Но сначала отдайте нам... его.

Будут ли выполнены эти приказы? Можно ли доверять командиру повстанцев? Но Зуржал согласно кивал, и Жофре пришлось согласиться со сделкой, потому что он присягнул.

Жофре ослабил захват, выпустил Властителя и пинком подтолкнул его вперед. Те, что стояли с двух сторон от него, тут же схватили Властителя, и один из них направил какой-то стержень прямо ему в голову. Властитель дернулся так, что чуть не потерял равновесие, а потом все-таки упал вперед, пораженный стазом и совершенно беспомощный.

Трое повстанцев отволокли его прочь, а шестеро обступили инопланетников, оставив им пространство посередине, и пошли вперед шагом, к которому пленникам пришлось приноровиться.

Драгоценная одной рукой чуть приподняла свой праздничный наряд. Потом она вытащила из гривы волос спрятанную там веревку такого же цвета, как и ее блестящие пряди, среди которых она скрывалась, и набросила петлю на шею жата, словно тот был охотничьим псом.

Драки не прекращались, и им дважды пришлось с боем прокладывать себе дорогу, подминая сопротивлявшихся стражников. Флиттер их не ждал, их погрузили в наземный транспорт, эскорт разместился вокруг с оружием наготове.

Они резко свернули с главной улицы на более узкие, очень напоминавшие аллеи. Тут и там валялись мертвые тела. Однажды по их транспорту вскользь мазнул луч бластера в нескольких дюймах от того места, где на корточках сидела Драгоценная. Она отпрянула, но не сказала ни слова, а Жофре был так плотно прижат к ее другому боку, что ему даже не удалось рассмотреть, есть ли на ней ожог.

Транспорт завернул за угол, и теперь они могли ясно видеть порт. Широкие ворота были наглухо закрыты, их охраняли стражники в черно-серебряных мундирах Патруля, а также в серой униформе, в которую одевались те, кто обслуживал космические корабли. Кроме того, перед воротами было выставлено орудие.

Когда они приблизились, от них потребовали остановиться. Но никто и не пошевелился, чтобы открыть им двери. Нос транспорта почти коснулся ворот, когда наконец остановился.

Тссекийские стражники отошли в сторону и предоставили трем инопланетникам с жатом упереться в барьер. Человек в мундире Патруля и другой в серой форме сделали шаг вперед.

Зуржал переместил сканер повыше, на плечо, и поднял здоровую руку в мирном приветствии.

— Мы требуем убежища на основании Кодекса Харктафа. — Его оборка поднялась высоко и окрасилась в алый цвет, а шипенье достигло почти змеиной силы.

Патрульный офицер сделал шаг, приблизившись к той секции ворот, которую можно было открыть независимо от всей конструкции.

— А кто эти охотники? — спросил офицер. Оборка закатана потемнела и заколыхалась.

— На нас не охотятся, первый офицер. Эти доставили нас сюда, как им поручено. Мы инопланетники, а война, которая идет на Тссесе, нас не касается.

— Вы должны оставить все оружие и зайти сюда по одному. Вы должны следовать кодексу и выполнить то, что привело вас сюда.

Зуржал кивнул:

— Решено, первый офицер.

Он бросил бластер, прикрепленный на пояс в знак мирных намерений. Жофре свернул проволоку, которой была обмотана его рука, и бросил ее на землю. Драгоценная молниеносным движением достала из наряда, окутававшего ее стройное тело, тонкий нож и присовокупила его к тому, что уже бросили на землю другие (как было известно Жофре, который не успел заметить, где она прятала это оружие, оно было смертельным).

Один за другим — сначала Зуржал, потом Драгоценная с жатом на поводке и, наконец, Жофре — они прошли в ворота, дверь которых была открыта лишь настолько, чтобы они смогли пролезть. Руки Жофре сложились в знак, почти без его ведома: «Прочь из тьмы — в свет».

Глава 18

Было далеко за полночь, но в комнате на верхнем этаже одного из домов старого города горел свет. Рас Зарн взад и вперед ходил по комнате, и за окном равномерно мелькала его тень. В эту ночь он испытывал острую потребность в физическом усилии, которое могло дать выход нервному напряжению, сковывавшему его весь минувший день, отчего быстро принимать верные решения становилось все труднее.

Пусть его старшие спят спокойно! Он боролся за то, чтобы сохранить контроль над собой, не завывать от отчаяния, закинув голову и чуть не задыхаясь от безысходности. Мог ли кто-нибудь действовать успешнее, окажись он на

его месте? Хорошо им отдавать приказания, но они не могут заставить кого-либо их исполнять, разве что не решат сделать его примером и поставить вместо него какого-нибудь другого дурака, у которого лучше не получится.

ОНИ могут охотиться на холмах, как это делали раньше, чтобы получить добычу. Но никто не может охотиться в межзвездных просторах. Чтобы пробраться в самые незначительные звездные порты, потребуются века. Даже думать об этом — безумие.

Он предложил им одно решение, но они его не приняли. Все эти тайны! Они не готовы поделиться с кем-либо своими тайнами. Но другого выхода нет. Если бы Гильдия приняла объяснение, что они разыскивают человека исключительно ради мести, это был бы шанс. Хотя большинство членов гильдии не бралось за такие мелкие дела, при определенных обстоятельствах какого-нибудь лидера можно было бы склонить дать приказания.

Однако существовала проблема добычи, узнал ли он уже ценность того, что было им похищено из проклятой Ложи? А вдруг в процессе охоты члены гильдии узнают, что находится в руках у человека, которого они преследуют?

Прижав кулак ко рту, Зарн принялся грызть костяшки пальцев. В эту ночь он послал самое страстное донесение. Он призывал начальство к немедленным действиям, так как связной Гильдии не собирался долго ждать или делать им поблажки из уважения к их священству, которое Гильдия не признавала и не считала важным.

Время быстро истекало. Им придется положиться на этих других, имеющих разветвленную сеть, позволяющую разыскать человека в иных мирах или признать свое поражение. А это могло бы привести в будущем к...

Зарн потряс головой. Он вернулся к низкому столику и опустил на циновку перед ним и стал водить пальцем по кучкам рассыпанных на нем тонких палочек. Каждая была зазубрена по-своему, и этот узор можно было прочесть на ощупь, даже в темноте. Но ему не требовалось еще раз разбираться в этих приказаниях, требованиях, угрозах.

Послышался приглушенный звук, едва ли громче его стесненного дыхания. Зарн поднял голову, мгновенно вскочил и через потайную дверь прошел в узкую комнату, в одной из стен которой имелось отверстие наружу, в ночное небо. Через него появился долгожданный вестовой и тут же уселся на стол. Птица дважды просительного курлыкнула, когда купец к ней подошел.

Он протянул руку, чтобы приласкать своего гостя. Потом его глаза встретились с глазами птицы. Эта птица была из самых хорошо обученных. По крайней мере, было принято считать, что ее следует использовать на самые трудные задания.

Когда сообщение было передано из мозга в мозг, Зарн провел языком по пересохшим губам. Его жизнь, он так и знал, что этим кончится, — его жизнь оказалась на одних весах с победой. Но они сдавались, хоть и неохотно, соглашаясь, что предложенный им вариант может привести к победе.

В надежде как раз на это он предпринял определенные шаги, теперь пришло время развивать начатое. Он выдал птице награду и оставил ее на столе перед открытым люком в стене. Теперь у него нет никаких донесений, которые он хотел бы передать. То, что он собирался сделать, не допускало вмешательства тех, кто руководил им на расстоянии, никогда не встречаясь с игроками, ведущими партию.

Когда он начал претворять в жизнь заранее разработанный план, в небе поднялась бледная туманная заря. Он послал другого вестового, на двух ногах и без крыльев, из своего хозяйства, с очень неопределенным рапортом, в котором говорилось, что он в последнее время приобрел некоторые товары на Севере, которые могли бы заинтересовать некоего продавца.

Внизу, в более просторной комнате, где Зарн занимался коммерцией, он присматривал за тем, как распаковывали два чемодана. Это был набор из его приманки, звездные камни, обработанные самим Хемкрефтом. Высокий Шагга расстался с ними так легко, словно они были вставлены

вместо зубов у него в челюсть, но камни были достаточно уникальны для того, чтобы задержать этого отступника.

У него хватило времени, чтобы полностью собраться с духом, выполнив Шесть Упражнений Спокойствия и Подготовки. Так что он встретил женщину, пришедшую на его зов, в полной готовности.

Было ясно, что она инопланетница, у нее была тонкая фигурка с удлинненными руками и слишком крупными кистями. Ее темная кожа отливала металлом, она казалась необыкновенно гладкой, словно на нее было действительно нанесено какое-нибудь металлическое покрытие. Большею частью кожа была открыта, так как наряд дамы был очень скудным и состоял главным образом из полосок ворсистой материи, которая могла бы быть мехом какого-нибудь странного зверя, и поражал огненной яркостью оттенка, усиливая контраст с серо-черной кожей женщины. На ее голове был большой тюрбан, сверкавший рядом бриллиантов, при виде которых Зарн про себя удовлетворенно улыбнулся. Было очевидно, что эта посланница Гильдии — любительница драгоценностей, так что то, что он собирался ей предложить, и правда могло показаться соблазнительным.

— Джентльфем, вы делаете честь нашему торговому дому, — поклонился он и проводил ее к стопке подушек для сиденья, довольно высокой, что было удобно для ее удлинненных конечностей.

Она приподняла наружную пару век, оставив внутренние полуприкрытыми. Ее широкий рот, почти пасть, был совершенно неприспособлен для человеческой улыбки, но как-то скривился, что могло восприниматься как ее пододбие.

— Известно, что в мастерских Зарна изготавливают длинные сокровища. Мне говорили об особой партии... — Ее скрежещущий голос (а говорила она на всеобщем языке) очень прозрачно указывал на то, что ее тело действительно из металла.

Она ни разу не взглянула на образцы, выложенные на стол. Однако Зарн был уверен, что она не только их видела, но и успела оценить.

— Как видишь, джентльфем. — Он сделал жест рукой в сторону камней, искусно уложенных на темной полоске кожи, оттенявшей сверкающие серебром и золотом драгоценности.

Теперь она немного повернулась на своих подушках, вытянула шею, казавшуюся слишком тонкой для головы, массивность которой увеличивал тюрбан. И наружные, и внутренние веки полностью распахнулись. Она не наклонилась вперед, чтобы потрогать камни, а попросту их рассматривала. Зарн ничуть не сомневался, что она в точности определит их цену.

— Впечатляющее зрелище, купец Зарн.

— А приобретение? — спокойно спросил он. — Да, когда их мне принесли, я прежде всего подумал о вас, джентльфем, зная, как велика ваша способность отбирать самые ценные камни, и применять их с наибольшей пользой. Но если они вам не по вкусу, я очень сожалею о причиненных вам напрасных хлопотах.

У нее опять искривился рот, и эти вторые, внутренние веки наполовину закрылись — она разглядывала теперь купца, а не товар.

— Мы оба покупаем и продаем, купец. Если я куплю, какова будет цена?

Зарн внутренне чуть расслабился. Она желала... хотя бы обсудить условия. Но любая сделка с Гильдией чревата коварством, большим коварством...

— Есть история, которую можно рассказать, джентльфем.

Она издала вздох, может быть, скуки, а может быть, нетерпения.

— Она есть всегда... когда один из вас хочет иметь дело с нами.

Во всяком случае, она была достаточно откровенна.

— Мы ищем человека, предателя, того, кто предал наши кровные узы.

Женщина подняла руку, словно для того, чтобы поправить складку тюрбана.

— Ваш мир разветвлен, и я не сомневаюсь, что у вас есть средства достать его, Шагга! — Это последнее слово было произнесено почти как обвинение, но не застало Зарна врасплох. Никто не мог отрицать, что в Гильдии трудятся свои пытливые умы, добывающие знания, что она собирает все сведения о тех, с кем, возможно, будет иметь дело.

— К сожалению, он уже не здесь. Мы не успели его задержать, а он святотатственно использовал закон, который отверг его, и присягнул инопланетнику — закатанину.

— Ах да. — Теперь эта женщина протянула руку, и одним из шести пальцев одинаковой длины постучала по столу около первого камня в ряду. — Это тот инопланетник с кожей, как у ящерицы, которым, как я слышала, интересуются ваши люди.

Зарн решил придать разговору более конкретный тон. Он должен перехватить инициативу, иначе потерпит поражение.

— Да, мы питаем интерес — небольшой. Но не он заставляет нас сейчас действовать. Мы готовы вознаградить интерес оплатой, — очень легким движением он указал на ряд камней.

— Это можно было бы обдумать. — Она поднялась с подушек. — Известие будет направлено до наступления ночи.

Зарну пришлось довольствоваться этим ответом, но он был полон надежд. От одного надежного шпиона он узнал, что Гильдия очень интересуется этим закатанином. Возможно, они уже плетут вокруг него свою паутину. Однако любая их попытка обречена на неудачу, если только соображения выгоды не подскажут им верного решения.

Если бы он имел возможность дать полную волю собственным глазам и ушам, он бы испытал большое облегчение. Женщина отправилась прямо в космический порт. Там был зал, где отбывающие ожидают свои корабли. Она расположилась в этом зале и сидела с таким видом, словно от нечего делать рассматривает, что творится вокруг нее. Вскоре к ней подошел мужчина в космическом костюме, явно принадлежащий к тому же виду. Она поприветство-

вала его самым легким кивком, и он сел лицом к ней на соседний стул.

— Эта грязнобрюхая жаба предлагает неплохой куш — должно быть, Шагга пришлось поскрести по своим сундукам. — Она говорила не на всеобщем языке, а на местном, звучавшем так, словно все слова слились в одно.

— За что?

— Закатанину присягнул расстрига из их ордена натаканных убийц. Они хотят его вернуть, у них очень примитивные мыслительные процессы. А этот их предатель смотался вместе с закатанином за пределы планеты.

— Они хотят, чтобы его убили?

— Нет, мне кажется, что расправа входит в их собственные планы, он им нужен живой.

— Как присягнувший телохранитель он будет защищать закатанина.

— Да. Однако бывают разные средства... Главное, чтобы закатанину предоставили возможность поступать так, как он хочет, — пока не настанет срок. Я понимаю, что с этим и так возникли сложности...

— Мы тогда не представляли, что тссекийцы тоже входят в игру. Нам надо с этим разобраться.

Ее рот скривился в подобие улыбки.

— Несомненно, план уже запущен в исполнение. Но, принимаем ли мы это новое предложение, станем ли мы захватывать закатанина и возвращать его сюда? Они предлагают очень соблазнительную цену.

— А можно рассчитывать, что этот Шагга сдержит свое слово, когда дело будет сделано?

— Он не дурак. Сделки с Гильдией принято соблюдать, как известно и ему, и всем в звездном мире. Это можно сделать, я уверена, а дополнительная подмазка, которую он предлагает, порадует наш совет. Они только должны быть уверены, что наше основное предприятие от этого не пострадает.

— Хорошо, прими меры, которые могут потребоваться. — Он встал. — Мы поднимаемся на корабль в четвертый час луны. Тебя проводить?

— О да, конечно, у меня интересный багаж. Эти звездные камни, Тейлор, — выкуп за организатора четвертой ступени, если таковой когда-нибудь запросят.

* * *

Сделав первый ход, Зарн незамедлительно принялся за планирование второго. Он снова перебрал палочки с зазубринами, выложил из них вначале один узор, а потом другой, словно старался найти тот, который подойдет ему лучше всего. Другой возможности не было. Да, один из Теней отправился как телохранитель того юного лорда. Он не был Братом высшего класса, не имел опыта, сведения о расстриге говорили многое.

Хоть он и был парией, ему было нельзя отказать в блестящей подготовке, правда, он никогда не выполнял никаких миссий. Но этот его тронутый Магистр давал ему особые наставления, некоторые из которых были неизвестны самому Шагга его Ложи, — он мог о них только предполагать. Этот Шагга, конечно, тоже дурак — расстригу надо было попросту послать в другую Ложу и тихо избавиться от него. Но вместо этого его отпустили на волю...

К счастью, этот безмозглый священник установил за ним слежку, когда он пересекал горы, иначе они никогда бы не узнали, что произошло в мертвой Ложе. Но этот Шагга сейчас горько раскаивается в содеянной глупости и будет еще долго каяться впредь, так что о НЕМ беспокоиться не стоит.

Однако следует признать, что предмет их охоты имеет первоклассную подготовку и превосходит уровень послушников, он, хоть и молод, возможно, приближается к уровню Руки. А с тем, что он имеет при себе... Нет, они не могут, хотя закон и позволяет отозвать телохранителя юного лорда.

Они не могут и полностью положиться на Гильдию, даже если та пожелает заключить сделку. Гильдии нужен закатанин, или скорее то, что они рассчитывают из него вытянуть. А расстрига — присягнул и будет защищать своего патрона до смерти. Даже Шагга, который вызывает омер-

знание, не может отрицать, что он по-настоящему обучен исша и твердо придерживается принятых правил.

Кроме того... Зарн постучал пальцем по столешнице в нескольких дюймах от разложенных палочек. Что, если расстрига начал понимать, что он нашел в Куа-эн-иттер? Что, если он станет Магистром? Сила асша способна разрушить даже ловушки Гильдии.

Кто? Это нельзя оставлять Гильдии. Что, если они (а он питал глубочайшее уважение к их Патронам и экспертам) проведут небольшое расследование и дознаются, что было отнято у мертвых? Они даже могут пойти на сделку с расстригой — оставят ему жизнь, отобрав находку, и оправдаются перед своими контрагентами, сославшись на то, что не сообщили им подлинной причины облавы на расстригу.

Зарн содрогнулся. Если такое случится... Все оставшиеся дни в его жизни ему придется завидовать тому Шагга, который первым выпустил отступника. Может быть, отправить другого исша, хорошо натренированного и опытного, в другие миры? У него не было времени на споры со стоящими над Шагга. Чем дольше расстрига остается за пределами планеты, — а кто знает, что еще он там делает за спиной этого закатанина, — тем больше его шансы обрести величие, с которым им не справиться. Может быть, он и Гильдии преподнесет пару сюрпризов.

Это оставляло единственный шанс, в котором ему уже было отказано. Однако при теперешних условиях ей придется согласиться. Ее присяга может быть отменена с помощью Сестры Внутреннего Молчания. В прошлом такие случаи несколько раз имели место. Когда есть необходимость, она ставится выше обычаев.

Но как ему добраться до нее в иных мирах? В этом может помочь только одна организация, за исключением вездесущего Патруля, организация, которая простирает свое влияние на звездные пути. Опять Гильдия...

Зарн вздохнул. Он посмотрел на кожаный сверток. Сбор такого сокровища превышал возможности одной Ложи — чтобы его набрать пришлось отобрать средства по меньшей мере у четырех самых богатых Лож. А члены Гильдии

не бывают бескорыстными благодетелями, за выполнение задачи они могут потребовать и больше. Но в глубине души он был уверен лишь в одном — он не мог доверить Гильдии выполнение кровавой клятвы — дело доведет до конца Сестра, которая уже находится в межзвездных пространствах.

Ее надо освободить от ее теперешних обязанностей — и сделать это поскорее. Собрав все палочки вместе, он завернул их в мешочек, который сунул в тайник под столешницей. Это он должен сделать сам.

Со свертком, в котором были драгоценности, он подошел к стене, туда, где лежала груда подушек. Рас Зарн нажал на стену в нескольких местах — и в стене открылась небольшая полость. Но прежде чем положить туда пакет, он осмотрел тайник. Со вздохом рядом с пакетом он положил другую шкатулку.

Посещение им в дневное время у всех на виду Дома Драгоценных вызвало бы разговоры, неблагоприятные для его положения в старом городе. Но он ничего не мог поделать. Оставалось полагаться лишь на защиту плаща с капюшоном, какие носят горные священники, и изменения внешности — очень условного.

Магистресса Драгоценных приняла его в своей келье и выслушала сообщение о том, что и почему надлежит сделать. Она нахмурилась.

— То, что ты просишь, бросает тень на честь. Мы тоже исша и живем по закону Пяти Присяг. Когда миссия с честью принята и Тень принесла присягу, только успешное завершение или смерть освобождают Сестру. Ты просишь многого, слишком многого.

— Но над всеми нами нависла угроза. — Зарн не решился сказать ей правду, известную только горстке Братьев, и если бы он раскрыл тайну, он стал бы клятвопреступником — навлек бы на себя позор, который не смог бы смыть, даже лишив себя жизни.

— В чем она заключается, Шагга? — Она не собиралась легко сдаваться. Он чувствовал, как у него на лбу собираются бусинки пота, несмотря на то что он изо всех сил старался сохранять невозмутимость.

— Я не могу нарушить слово, — он решил, что может быть с ней откровенным, — но над нами нависла опасность, которой мы не знали со времени Отказа Гортора.

Упоминание этого достопамятного случая, чуть не стершего с лица Асбаргана все Братство, никого не оставляло равнодушным. Оно должно на нее подействовать.

Глаза магистрессы слегка округлились, а пальцы сложились в знак «защита-от-опасностей-далекой-ночи».

— Ты можешь поклясться в этом?

Нож Зарна находился на виду. Он медленно вытянул средний палец и нажал на него кончиком острейшего лезвия, на пальце показалась бусинка крови. Убрав нож, он вытянул руку, капля крови на которой увеличилась. Женщина посмотрела прямо ему в глаза, а потом перевела взгляд на палец. Она прижала к нему свой средний палец, и Зарн испытал в душе огромное облегчение. Она согласилась, она это сделает!

— Присягнувшая отбыла за пределы планеты, нет средства передать ей сообщение Теней.

Зарн покачал головой:

— Такое средство есть, в этом я тоже готов присягнуть.

Мгновение лицо женщины выражало сомнение. Но обещанию, которое он только что дал, было невозможно не поверить.

— Очень хорошо. Передай ей «Снежное облако».

Это было слово, которым освобождают от присяги. Зарн даже содрогнулся. Это было нечто священное, по обычаю используемое только Магистром Ложи, когда миссия завершена. Передать его другому — опасно, но у него не было выбора.

Оказавшись в своей комнате, вынув и поставив пакет и шкатулку перед собой на стол, он занялся еще одной тоненькой палочкой, на этот раз тускло-черного цвета и не длиннее мизинца. Очень маленьким инструментом из тех, какими пользуются ювелиры, он сделал на ней зазубрины. Первая обозначала слово освобождения от присяги, а вторая — новую присягу, ту, которая свяжет Сестру с ее второй и более важной миссией. Ему едва хватило време-

ни, так как один из его служащих пришел с сообщением о возвращении женщины. Если бы она только согласилась! Но она должна согласиться. Он обратился к тому внутреннему пути, который, как говорили, в трудных ситуациях мог вызвать у людей нужные мысли, он держал палочку как кинжал, и как раз в это время вошла инопланетница.

Глава 19

— Вы понимаете, что, согласно закону 1732X Кодекса, вы должны быть задержаны? — Капитан патруля Илан Шандор холодно взирал на слушателей. — Если тссекийское правительство потребует, чтобы вы предстали перед судом за организацию беспорядков и заговор, вы не можете претендовать здесь на убежище.

— Мы бежавшие пленные, — спокойно ответил Зуржал. — Нас привезли на Тссек против нашей воли и в нарушение межзвездного законодательства. Я еще не слышал, что похищение является законной формой приобретения иммигрантов.

— У вас одна версия...

— Она подтверждается читающим правду, — перебил Зуржал. Оборка на его шее колыхалась. — Никто не спрашивал нас, хотим ли мы сюда приехать. Правительство, до недавнего времени находившееся у власти, держало нас под стражей, и нам пришлось согласиться на некоторые предъявленные нам требования.

— И вы ускорили революцию, — резко вставил капитан. Впервые заговорил начальник порта.

— Как вы видели, капитан, — он указал пальцем на несколько дисков читающего правду, лежавших между спорящими, — подготовка к этому выступлению велась уже давно, она началась еще до прибытия Ученого.

— С этой его адской машиной, — не сдавался капитан. — Хотя бы о ней мы можем позаботиться...

Оборка Зуржала стала переливаться желтым и красным цветами.

— На машине печать Закатанской исследовательской службы. Не думаю, что даже такая сверхмощная организация, как ваша, будет спорить о ее принадлежности.

Капитан возразил:

— Ты, Ученый, уже не являешься полноправным членом своей службы — и именно потому, что стал возиться с этим своим сканером! Любой протест может подаваться только старшим в твоем клане, а поскольку ты находишься в полугалактике от своего дома, на выяснение этого вопроса потребуется немало времени.

— Я выполняю самостоятельное задание, капитан. Если хотите, спросите у своего начальства. Вы обнаружите, что мои документы и полномочия в порядке. Мое исследование... До того как мое путешествие было преступно прервано, я направлялся на Лочан. Я уже показывал разрешение на проведение этих исследований. Я настаиваю, что произошедшее на Тссеке не имеет ко мне отношения.

— Тем не менее, факт остается фактом, за этой оградой идет гражданская война, — капитан махнул рукой в сторону ближайшего окна, выходящего на космический порт. — И вы приложили руку к тому, чтобы ее разжечь, желали вы того или нет. Вы преступили полномочия, данные вам вашим народом, и нарушили главный закон невмешательства.

— Капитан, — опять заговорил портовый офицер, — разве не лучше подождать и посмотреть? Существуют многочисленные доказательства, которые вы и сами видели, — он кивнул на диски, — что мощное подпольное движение существовало здесь еще до приезда Ученого и его телохранителя. То, что нападение началось именно в этот момент, — вполне естественно. Повстанцы знали — в достоверности сведений моих разведчиков сомневаться не приходится, — что Властитель планирует передать по телевидению свою тщательно отредактированную версию Великой Встречи. Его план сорвался потому, что два оператора, которые должны были транслировать эту программу, принадлежали к подпольщикам. Они были готовы саботировать эту передачу. Когда появился закатанин, это

добавило новый фактор, не входивший в их планы. На самом деле, Ученый, — он теперь обращался к Зуржалу, — ты показал то, что могло быть правдой пятьдесят лет назад. На эту поддержку они не рассчитывали, но быстро обратили ее себе на пользу. То, что показал твой сканер, было передано подпольными установками и ретранслировано по всей стране. Передача являлась сигналом к восстанию — и оно началось.

— Они еще не взяли под контроль всю территорию, — заметил капитан. — Трудно поверить, что им удастся занять такие крепости, как Смаган и Вер.

— Благодаря нашим друзьям, собравшимся здесь, — портовый офицер кивнул на противоположный конец стола, — Властитель в руках повстанцев. Как все, кто приходит к власти, он долгие годы методично уничтожал всех подчиненных, которые могли бы поставить под сомнение его власть, опираясь на тех, кто был связан с ним так тесно, что его падение стало бы крахом и для них. Они могут держаться в укрытиях, спасая свои жизни, — даже крысы начнут бороться, если задеты их интересы, но у них больше нет диктатора, чтобы их науськивать, и их давно поразили ревность и междоусобица.

— Давно ли вы наблюдаете развитие этой ситуации, начальник? — Оборка у Зуржала начала светлеть.

— Как лицо, ответственное за порт, я должен делать наблюдения, — подтвердил его собеседник. — Каждое правительство рано или поздно достигает точки, с которой больше невозможно подниматься вверх. Поскольку жизнь разумных существ не статична, происходят изменения. Это хорошо известно твоему народу, Ученый. Это произошло и здесь. Но когда повстанцы победят, им будет за что поблагодарить твоего телохранителя — диктатор в их руках.

— Как я и говорил! — воскликнул капитан. — Вмешательство в судьбу местного правительства!

— Вам, капитан, будет приятнее видеть нас мертвыми?

Поражен был не только патрульный офицер, все присутствующие в комнате повернулись к пятому члену компании. Драгоценная избавилась от своих соблазнительных

струящихся нарядов. Тайнад попросила старый костюм космонавта и быстро переделалась в него. Длинные волнистые волосы были заплетены в аккуратные косы и завернуты вокруг головы, но из-за обилия волос прическа напоминала тюрбан.

— Да. — Капитан почти мгновенно приспособился к ее присутствию и скрытому сарказму ее вопроса. — Вы тоже здесь, джентльфем. Я полагаю, что вы прибыли сюда по приглашению Властителя, так ли это?

— Поскольку это так, мне нет смысла оставаться здесь, если он больше не может меня принимать. Само мое присутствие в числе его приближенных приговорило бы меня в глазах повстанцев. Я обязана тем, что осталась жива, Ученому и его телохранителю. И я им глубоко благодарна. Мне не хочется думать, капитан, что вы передадите меня тсескийцам...

Жофре почувствовал, что она использует свою тренированную силу воли. Хотя она и не оборачивалась к нему, он ощутил, как эта воля концентрируется. Как бы ни был дисциплинирован патрульный офицер, ему не устоять перед убеждением ища, к которому прибегла Драгоценная.

— Почему вы приехали? — Этот вопрос задал не офицер Патруля, а начальник порта, и она исчерпывающе ответила на него.

— У Властителя был командующий ордой с большими амбициями (я видела, как его зарезали в зале, и поэтому он больше не является моим нанимателем). Он отправился в иные миры на охоту за Ученым, которого хотел преподнести своему хозяину в подарок, а на Асбаргане ему представился шанс познакомиться с Драгоценными. Согласно обычаю, он договорился о том, чтобы взять меня на службу. У него были планы... — Она пожала плечами. — Я была оружием, но у него не было времени, чтобы меня использовать.

— Теперь, когда мы выслушали ряд объяснений и отрывочные новости, не могли бы мы вернуться к основному пункту нашего собрания? — спросил Зуржал. — Планы, которые я вынашивал много лет, оказались грубо и бесцере-

монно нарушены. Я намерен воплотить их, и мне кажется, что никто, в том числе и капитан, не сможет назвать разумные причины, которые помешали бы мне в этом.

— Вы подождете, пока не будет улажен вопрос, — равнодушно сказал капитан.

Зуржал теперь обратился не к нему, а к начальнику порта:

— Командир, вы показали, что у вас есть веские основания для того, чтобы верить, что мой приезд сюда не имеет отношения к теперешнему конфликту. Вы также знаете, что я прибыл сюда вопреки моей воле. Допускает ли Межзвездное законодательство, чтобы нас таким образом здесь удерживали?

Командир не смотрел ни на патрульного офицера, ни на закатанина, вместо этого он внимательно изучал ногти на своей правой руке.

— Вы знаете, он прав, — заметил он. — У нас есть доказательства того, что он был похищен и работал против своей воли. Он попросил убежища согласно соответствующему Кодексу, который соблюдается с тех пор, как первые космонавты встретились с представителями его цивилизации. Мы не ссоримся с закатанами, а используем их знания, они пользуются дипломатической неприкосновенностью...

— Он слишком много на себя берет, — перебил его капитан Патруля.

— По вашему мнению...

Эти три слова капитан встретил кислым молчанием. Он вцепился в край стола, словно желал схватить вполне невиновый предмет мебели и швырнуть в назойливую тройку.

— Итак, Ученый, — начальник порта, по-видимому, рассчитывал, что капитан больше его не прервет, — каковы твои пожелания?

— Я хотел бы вернуться на Верный путь и осуществить там свои планы, — ответил закатанин. — Мой телохранитель отправится со мной и эта джентльфем — тоже, если таково ее желание.

— Я согласна, — сказала Тайнад. Она ничего не прибавила к этому, и Жофре было интересно, какие мысли роятся в ее голове

Поскольку ее наниматель погиб, в понимании исша, она теперь была свободна от своей присяги. Интересно, будет ли она искать способ вернуться на Асбарган, когда окажется на Верном пути?

— Кроме того, мы должны решить, что делать с жатом, — сказала Драгоценная.

— С ним справиться нетрудно, — снова вмешался капитан. Должно быть, он был рад, что ему достался такой простой вопрос. — Он будет возвращен на свою родную планету.

— В том состоянии, в котором он сейчас находится? — спросила она.

Офицер бросил вопросительный взгляд на начальника порта.

— К сожалению, существо впало в кататоническое состояние, которое не удастся прервать, — сообщил он. — Его связь с Властителем так резко прервалась, что это вызвало у него кому. Медики сообщают, что они не в силах чем-нибудь помочь.

— Было бы неплохо, если бы они дали попробовать мне. — К удивлению Жофре, это сказала Драгоценная. — Разрушенная связь может действительно вызвать удар, но перенесение связи на другое лицо...

— А это возможно? — спросил начальник порта. Она поколебалась лишь мгновение.

— У таких, как я, есть свои методы, джентльхому. Я привязалась к этому существу и много общалась с ним, когда он был при хозяине. Позвольте мне переориентировать его привязанность.

— Но его все равно необходимо вернуть...

— Мы решим это после того, как посмотрим, что удастся сделать, — решил начальник порта. — Хорошо, джентльфем, я распоряжусь, чтобы вам дали возможность попробовать, возможно, вы достигнете успеха.

К изумлению Жофре, Драгоценная обернулась и посмотрела на него.

— Этот человек из моего мира, — сказала она, указывая на него. — Обучение, которое он прошел, обеспечивает ему

налаживание контактов с другими видами. Мне потребуется его помощь.

У Жофре не было возможности поговорить с ней наедине. Она косвенно дала понять, что ей известно, кто он. Но это едва ли давало шанс на установление какого-либо контакта между ними. Командир проводил их в медицинское отделение, и там они увидели тшедушное тельце, свернувшееся почти в комочек на одной из коек.

— Он все еще жив, — сообщил медик, — но он не ест и не пьет, и сердцебиение у него очень медленное. Он близок к смерти.

— Ян ищет того, кого лишился, кто составляет его половину. — Тайнад села на край кровати, наклонилась, чтобы взять жата на руки, как больного ребенка. — Медик, в нашем мире существуют приемы, которые позволяют нам достичь единства с другими существами, не принадлежащими к нашему виду. Может быть, нам удастся проникнуть в душу Яна и вернуть его к жизни. Мы можем хотя бы попробовать.

Медик покачал головой:

— Джентльфем, боюсь, что это безнадежно, но если ты можешь что-нибудь сделать...

Он пошел в другой конец комнаты и сел там на стул, внимательно глядя на них.

Тайнад осторожно пересела на другой край кровати так, чтобы Жофре оказался у нее за спиной.

Потом он сел за спиной Тайнад и положил руки ей на плечи. Он знал внутренние команды и давал их по очереди, каждая из них приближала его к Центру. Пока что он не чувствовал ничего, кроме своего внутреннего стремления к полному контролю.

Тайнад гладила рукой маленькое тельце, раскачивая жата как младенца. Она стала тихо что-то напевать — слова песни нельзя было различить, она вся состояла из тихих умиротворяющих звуков.

Жофре нашел в себе ту силу, к которой стремился, и соединился с ней. И теперь он запустил, как дротик, то, что он

собрал. Он чувствовал, как это отдает его тело, его центр, его руки. И тогда...

Прикосновение, непосредственная связь, которая родилась по воле другого. Стена, о которую ударилась эта воля, начавшая ритмично пульсировать, нащупывая слабое место, через которое можно просочиться...

Удары становились чаще, внутренняя сила Жофре продолжала уходить. Он вызывал в себе все больше того, что могло питать, могло укреплять...

Соппротивление неохотно отступало, словно слегка сморщивалось — по частям. Перед ними клубился хаос ужаса, чуждого и потому угрожающего. Они сформировали не мощный молот, способный разбивать стены, а скорее нить, которая могла соединиться с тем, что населяло этот хаос, билось и извивалось в нем. И они были довольны достигнутым, хотя им приходилось платить за это дорогой ценой, и ужас пролился на них отрицательной силой. Они должны были не только удерживать этот слабый контакт, но и защищать себя.

Наконец! Она не произнесла ни слова, но Жофре почувствовал команду, словно услышав воинственный клич. Он послал вперед сгусток силы, и нить натянулась. Теперь она прочно удерживалась, зацепившись за этот хаос. И она проложила им тропу. Мрачная холодная пустота выплеснулась на тех, кто решился к ней прикоснуться.

Комната ушла, Жофре ощущал лишь кипение невидимой битвы. Вот... вот... Он отчаянно искал щит, оружие, что-нибудь, что могло бы противостоять этому темному противотоку.

И он знал, что ему теперь нужно, словно этот предмет давил своим весом на его ладонь. Камень Куа-эн-иттер! Сила асша, если это была она, только асша могла дать ему эту силу. И хотя он продолжал держать эту нить, свитую Драгоценной, он рылся в своей душе, пока не прикоснулся к нему. Но это был уже не хаос, а упорядоченная энергия. Его внутренняя сила забурилась, когда он попытался накинуть на нее упряжку. Этого было слишком много,

он почувствовал, что его наполнил огонь, снедавший его в стремлении вырваться наружу, пока он не поглотил все его тело.

Жофре беспощадно сражался, стараясь накинуть узел из свитой нити на этот огонь.

И ему это удалось, может быть, благодаря его усилиям, а может быть, потому, что он нашел источник силы асша.

Нить вилась, становилась толще, опутывая темноту, словно та была материальна. А тьма затягивала ее все глубже в себя, пока не нанизала на нее всю боль и весь ужас. Нить оплела их и потянула к собственному источнику.

Теперь Жофре снова заметил женщину, сидящую рядом с ним, тело которой дрожало, и сильнее сжал ее плечи, чтобы унять эту дрожь. Потом в него посыпались последние обломки сломанной связи, и он чуть не упал сам, но удержался благодаря силе исша, которую она направила на него.

Он принял сломанную связь и был готов испытать любой терпкий эликсир, если бы это было необходимо. Потом он сделал еще один призыв и не знал, кто откликнулся на него, исша, асша, но словно включилась какая-то лампа или ударил бластер — темень прошла.

На ее место потекло нечто иное — тепло, принадлежащее не ему самому, и вовсе не исша, оно было чужим, но не враждебным, оно несло легкость духа, душевный покой. Жофре понял, что их связь держалась, но совершенное Драгоценной превзошло их ожидания — жат освободился от отчаяния, которое могло бы его убить, он оказался привязанным... к ним!

Через плечо Тайнад он увидел, что это существо больше не лежало комком в ее руках. Одна его передняя лапка была поднята и водила толстым пальчиком по щеке Тайнад. Оно вопросительно хрюкнуло, и Тайнад слегка вскрикнула, крепче обняла его и стала потихоньку раскачиваться взад и вперед, как сделал бы тот, кто боялся за ребенка, а потом увидел, что страх прошел.

— Друг. — Жофре дернул головой.

Жат повернулся в объятиях Тайнад и теперь смотрел на него. Он снова вытянул переднюю лапу, чтобы погладить руку, все еще лежавшую на плече Тайнад. От этого прикосновения на Жофре снизошли мир и покой, которые он почувствовал раньше, но это ощущение усилилось, словно его подзарядили энергией, как ракетный двигатель.

— Вы это сделали. — Медик стоял рядом с ними, глядя на жата, который, оставаясь на руках Тайнад, уцепился за Жофре.

Жофре впервые услышал звенящий смех Драгоценной.

— Может быть, не так, как этого хотел бы капитан Патруля, — ответила она. — Боюсь, что даже теперь он не сможет выполнять команды. Ян установил новую связь с... — Она посмотрела на Жофре. Ее черты чуть смягчились, придав большую нежность красивому лицу. — Ян установил связь с нами!

— И мне кажется, — поспешно вмешался Жофре, — вам не стоит предпринимать вторую попытку. — Он был удивлен теплом собственных чувств. Ища не поддавались установлению связей, за исключением случаев, когда давали присягу, а здесь, разумеется, о присяге и речи быть не могло. А может быть, какая-то присяга все-таки была дана, только она оказалась выше и глубже всего того, чему учили в Ложях.

Жофре был уверен, что женщина испытала то же, что и он. Это было нехорошо, по правде сказать, они поступили необдуманно, так как между ними как будто тоже установилась некая связь, неизвестная ранее их племени, и это сделало одно мелкое миролюбивое и дружелюбное существо. Жофре спросил себя, какие осложнения они навлекли на себя, совершив воскрешение жата.

Он снял руки с плеч Тайнад, почувствовав легкую неловкость, и потянулся вперед, чтобы погладить по голове жата, задержав руку между его торчащими ушками.

— Вы уверены? — спросил медик. — Это вызовет проблему...

— Мы уверены, — хладнокровно ответила Драгоценная. — Больше мы ничего не могли сделать, чтобы спасти жизнь малыша. Разрушение связей — смертельно. — Ее рука на мохнатой шкурке чуть вздрогнула.

Медик посмотрел на них нерешительно.

— Мне придется занести в отчет... — И с этими словами он вышел.

Тайнад подождала, пока за медиком закроется дверь. Потом она уселась так, чтобы быть лицом к Жофре.

— Брат. — Она высвободила одну руку и сомкнула с ним пальцы в приветствии.

Но смеет ли он отвечать ей как Тень Тени? В таком ответе была бы ложь, а это нарушало правило исша.

— Я больше не принадлежу к Братьям, — ответил он, внимательно глядя на нее в ожидании, что мягкость ее лица вот-вот пропадет. — У меня длинная история, Драгоценная. Но ее итог таков... — И он кратко рассказал ей обо всем, что произошло после того утра, когда Магистр заплатил Цену-Мертвого-камня, а он был изгнан. Но он не упомянул про ночь, проведенную в Куа-эн-иттер, и про свою находку, так как чувствовал, что этим нельзя делиться ни с кем. Находка была окутана слишком великой тайной, которую он вначале должен разгадать сам.

— Ты исша, несмотря на измышления Шагга, — неожиданно ответила она. — Разве ты не присягнул, следуя правилам, к тому же этот лорд вполне достоин службы. Неужели ты думаешь, что мы могли бы соединиться, чтобы спасти это существо, — она кивнула на жата и снова обратилась к Жофре, — если бы ты не был Тенью? Иногда Шагга слишком много себе позволяют.

Он был поражен тем, что она поставила под сомнение авторитет старших. Может быть, у нее тоже были основания для обиды на священников? Но она приняла его! Он сделал приветственный жест, а сердце в его груди радостно забилось, и он поприветствовал ее не как исша, встреченного мимоходом, а как соплеменника, с которым связывает общая цель.

Глава 20

Они вновь собрались в каюте капитана Патруля, но на этот раз к их компании прибавились двое. Это были тссекийцы, но не в униформе, которая повсюду попадалась на глаза путешественникам по городу и по логову Властителя. Как показалось Жофре, они предпринимали особые усилия, чтобы разорвать пути предписанной им одежды. Один из них облачился в ярко-зеленый комбинезон, перехваченный пронзительно-алым поясом, а другой — в свободную малиновую рубашку и пурпурные бриджи. Но оба были вооружены, при них был полный набор разного рода оружия, которое было прикреплено к поясу и повешено на плечо. Из них двоих заговорила женщина.

— Мы не желаем ссориться с Ученым, — сказала она на всеобщем языке с акцентом, судя по которому она не привыкла его использовать. — Они с телохранителем были привезены сюда против их воли, и то, что Ученый изобрел для расширения наших познаний, было использовано во благо. — Мы все узнали о первом предательстве этого... — Ее губы сложились так, словно для плевок, но она не плюнула. — Мы принесли то, что принадлежит этому человеку.

Зуржал склонил голову в небольшом официальном поклоне.

— Благодарю вас за любезность. Я не держу зла на тех, кто здесь правит.

— А эта. — Женщина небрежно кивнула закатанину, словно уже выбросила все мысли о нем из головы. — Эта была привезена сюда с определенной целью, с иной, чем ты, Ученый, поэтому о ней нельзя судить как о тебе.

Жофре напрягся. Ему хватило времени лишь сообщить Зуржалу, что девушка тоже исша и ее миссия кончилась с падением диктатора. Он заметил, как Драгоценная вздернула голову и посмотрела в глаза тссекийской женщине, почти с вызовом.

— Зачем ты явилась сюда, игрушка? — Для последнего слова женщина собрала все свое презрение. Но Тайнад и виду не подала, что это как-то задело ее.

— Вероятно, командующий ордой Сопт с'Ку рассчитывал порадовать своего господина, — невозмутимо ответила она. — Таким образом, я была включена в его план.

Тссекийка ослабилась.

— Сопт с'Ку умер, — заявила она. — На того, кому ты служила, прольется народный гнев. А с тобой что делать?

Жофре попытался вступить в разговор, но Тайнад определила его, он не успел запротестовать.

— Человек, с которым я заключала договор, мертв; человек, ради которого заключался этот договор, будет занят другим. Основания моего пребывания на Тссеке исчерпаны.

Тссекийка продолжала мерять Драгоценную взглядом, абсолютно лишенным сочувствия.

— Такие, как ты, совсем никчемные. — Она почти плюнула. — Мы не хотим, чтобы ты оставляла пятно на нашей жизни. Поскольку у тебя не было времени серьезно навредить здесь, мы отправим тебя за пределы планеты с этими другими.

— Это ваше право, — ответила Тайнад. — Да у меня нет никакого желания оставаться здесь.

— Ты привезла с собой всякие ценности.

— Они теперь ваши, — перебила ее Тайнад, — так как это подарки Сопт с'Ку, которые теперь принадлежат Тссеку. Я не спрашиваю, что с ними сделали.

— На твое счастье. — Женщина была полна решимости не сдаваться в этой маленькой битве. — Итак, инопланетник, — она теперь обращалась к капитану Патруля, — оставляем их всех под вашу ответственность. Пусть возвращаются к себе, нам они здесь не нужны. Совет встречается завтра, и мы снова обсудим с вами правила пребывания инопланетников, некоторые из них будут изменены.

Она встала, слегка поправила оружие, висевшее у нее на плече, и направилась к двери, не удостоив собравшихся словом или взглядом.

— Теперь, пожалуй, все решено, — заключил начальник порта, когда за тссекийцами закрылась дверь. — Капитан, теперь нет никаких оснований допрашивать этих людей.

Согласно их желанию, чем скорее они уедут, тем лучше. В портовой службе имеется курьерский корабль, который как раз направляется на Верный путь. В нем может быть немного тесно, — он повернулся к Зуржалу, — но курьерская служба — быстрая, а других кораблей в этом направлении пока не ожидается. По правде говоря, из-за местных беспорядков прилет грузовых кораблей в ближайшее время едва ли вероятен. Коммерсантам потребуется убедиться в стабильности нового режима, прежде чем они снова вернутся к своей торговле.

Капитан Патруля хмурился.

— Ученый, я намерен послать полный отчет об этом деле. То, что ты делал, очень близко к вмешательству во внутрипланетарные дела, и если твоя вина будет доказана, тебе больше не дадут летать. А вы, джентльфем, — он заговорил медленнее, — явно предназначались для вмешательства в ход событий. То, что вам не удалось ничего сделать, исключительно результат стечения обстоятельств. Я буду рекомендовать, чтобы вас вернули на Асбарган и больше не разрешали покидать этот мир.

Она не отвечала, за нее это сделал закатанин:

— Посылайте свой отчет, капитан. Вы же должны соблюдать процедуру. Но имейте в виду, что я тоже сообщу, что было предпринято в нарушение моей воли, кроме того, я выступлю в защиту этой джентльфем, которая была нанята в соответствии с законом своего мира, привезена на Тссек и затем лишилась не только работы, но и причитающегося за нее вознаграждения. Она действовала из чистых побуждений и поэтому не может нести ответственности за то, что, по мнению третьей стороны, она лишь могла сделать, это очень зыбкое предположение. В настоящее же время я считаю ее участницей моей экспедиции и прошу, чтобы она отправилась с нами на Верный путь. Вы не можете обвинять кого-либо в преступлении, которое не было совершено, а возможно, и не было запланировано — вопреки вашим домыслам.

Командир порта кивал в такт последним словам этой речи.

— Он имеет на это право, капитан. Посылайте свой отчет, а я подам свой. Тссекийцы не усматривают вины этих людей; напротив, они охотно признают, что Ученый стал жертвой похищения. Его машина оказала им некоторую помощь, показав, что Властитель предал прежнего правителя Тссека. Я могу поверить, что подобные экскурсии в прошлое у всех нас могут породить некоторые опасные и нежелательные последствия. Однако Ученый намерен использовать свое изобретение исключительно в сфере археологии, вызывая такое отдаленное прошлое, что его воспроизведение не может иметь губительных результатов в настоящее время.

— Это неправильно! — взорвался капитан.

— С вашей точки зрения. Но давайте предоставим судить высшим инстанциям. На Тссеке было по принуждению использовано то, что может оказаться очень полезным. А теперь, — он вновь обратился к закатанину, — вы отправитесь с курьерским кораблем, и я обещаю, что ваше путешествие будет по возможности быстрым. Я не могу гарантировать, что вам не будут задавать вопросы по возвращении на Верный путь, но это уже станет вашей проблемой.

— Мы будем в высшей степени рады... — сказал Зуржал. — Оборка вокруг его шеи, которая до этого проявляла склонность к покраснению и постоянно вздымалась, теперь мирно улеглась.

Когда разговор кончился, закатанин обратился к Тайнад:

— Поскольку у вас отняли ваш гардероб и все необходимое для путешествия, позвольте мне восполнить эти потери хотя бы частично.

— Вы очень щедры, Ученый. Я не могу дать ответ, пока не буду знать, что ждет меня на Асбаргане. Возможно, я буду связана волей другого человека. Но пока пусть будет так, как вы хотите.

— Справедливо, — заметил закатанин. — Возможно, в порту Верного пути нам придется подождать, так как на Лочан бывает немного кораблей.

Тайнад продолжала баловать жата. И хорошо, значит, у нее будет время не только для того, чтобы устроить собственное будущее, но и узнать о судьбе этого отверженного Брата. Она бросила на него взгляд — Жофре проверял список, переданный ему закатанином, — и вновь, как всегда, ощутила скрытую в нем силу.

То, что в его жилах текла кровь инопланетника, выдавал его высокий рост, хотя по сравнению с Зуржалом он казался худеньким, стройным, как мальчишка. Кроме того, у него были ледяные серые глаза, а не карие, которые она привыкла видеть, способные загораться пламенем, когда исша показывали успехи на плацу. И тем не менее, он двигался с безукоризненной грацией, по которой узнавались исша.

Что там говорил о нем Зарн, когда этот законспирированный Шагга хотел, чтобы она отступилась от своей миссии и отправилась за ним? Что он — отступник, впервые за много поколений нарушивший Кодекс Варта, что он украл нечто связанное с силой... Однако эта часть объяснений звучала так туманно, что ей было непонятно, зачем надо преследовать этого Брата.

Она хорошо знала, что рассказанное Жофре о его изгнании из Хо-Ле-Фар — правда. Глубоко — обученный не может обмануть другого глубоко — обученного. Она была убеждена, что он был изгнан только из-за ненависти и интриг Шагга.

Они образовали связь, освобождая жата, и эта связь открыла бы ей любое темное пятно в его душе. Но в нем было что-то... эта сила, которую она ощущала. Как ни странно, она была уверена, что он не сознает своих возможностей, словно этот человек носил при себе камень, например, талисман, не подозревая, что владеет бесценным сокровищем.

Что превращало человека в асши? О, конечно, существовали обряды и ритуалы, разного рода процедуры. Она никогда их не видела сама, но была о них наслышана. Возможно ли, что этот инопланетник, в котором текла чужая кровь, имел необходимую асши дополнительную сердцевину силы? Тогда конечно, это объясняло ненависть Шагга

и остальных. Они никогда не допустят, чтобы Магистром стал человек не из их племени.

Она логически развивала эту мысль: допустят ли Шагга, чтобы человек, обладающий навыками исша и подобной силой, ускользнул от них. Вероятно, горные Шагга планировали, что он умрет в горах. И большинство Братьев и Сестер, наверное, бы с этим согласились. Асша очень ревниво относились к своему положению, гордясь своей неоспоримой внутренней властью.

Теперь Тайнад попыталась определить свое впечатление от этого изгоя. В ней не было ненависти, откуда ей взяться? Ненависть надо заронить, прорастить, заставить служить себе на пользу при необходимости, но человек не лелеет ее в себе без причины. Он был готов заступиться за нее перед портовым начальством; она почувствовала это так, как если бы он сказал ей об этом словами.

Они образовали связь с ним. И он оказался связан с жатом, а может быть, — ее сердце затрепетало, — при этом между ними также образовалась особая связь? Но это невозможно! Ведь они не присягали! Этого не предлагал ей и Зуржал, говоря о путешествии на Лочан. Он брал ее свободной от каких-либо обязательств верности, и этот Брат также принимал ее, она была в этом уверена.

Жат уснул, и она положила его маленькое тельце на подушки. Встрянув головой, она дала волосам рассыпаться, как это надо делать, отправляясь на поиск Внутреннего Центра. Закатанин с Жофре очень сосредоточенно занимались записями, которые закатанин одолжил у капитана корабля, содержащими данные о дальних мирах. Если они ее заметят, Жофре поймет, чем она занята, и не станет беспокоить.

Глубокие, медленные вздохи, контроль над разумом, отсекание всего, что находится вокруг. Внутрь, внутрь — в Центр. Ее руки стали совершать знакомые кругообразные движения, хотя она их не замечала. Внутрь, и внутрь, и внутрь. Ей был знаком этот покой, эта ожидающая ее сила, и она погрузилась в нее, как в мягкую подушку. И так она поступила бы, испытывая любую силу. Тайнад совместила

себя с этими доспехами, с этим оружием, которое не видело ни одно живое существо.

Это напоминало свободу, которую испытывает человек, плавающий в бассейне с чистой и благоухающей водой, лениво переворачивающийся и нарезающий круги, ощущающий соединение с силой воды. Но теперь ее словно уколол сигнал предупреждения. Не слишком долго. Здесь нельзя оставаться слишком долго. Она неохотно призвала свою волю и устремилась наружу, прочь, возвращаясь в реальный мир. И она вновь стала Тайнад, правда, некоторое время она будет больше ей, чем обычно. Ни Шагга, ни Магистр, ни Матушка-сестра не научились удерживать эту силу долго, как же может рассчитывать на это младший исша?

Ей оставалось ждать, что те, кому она подчиняется, свяжутся с ней. Когда она заключала договор, продолжительность ее пребывания в других мирах не была оговорена. Ее отправляли не для того, чтобы она несла смерть, ей предстояло лишь согнуть объект так, как этого желал ее патрон, и она, и тот, кто ее нанимал, были уверены в том, что она способна это сделать. Но никто не рассчитывал на то, что это будет короткая миссия, или на то, что после ее окончания, она не станет возвращаться в Ложу.

* * *

Они сели на Верном пути перед наступлением вечера, в той части гигантского порта, которая была отведена под корабли Патруля. В отличие от пассажирского порта, расположенного поодаль, там не было бурного движения. Жофре ожидал, что их встретит стража и им придется давать новые объяснения Патрулю. Он подозревал, что упрямый тссекийский офицер так просто не забудет их и опасности, которую, как ему казалось, они несли. Однако их подобрал обычный антигравитационный транспорт и их вместе со скудным багажом перенесли в город, назад в гостиницу-пирамиду, откуда они были вырваны несколько недель... или месяцев? назад. Время в космосе отличалось от времени на планете удивительным для Жофре образом.

Когда за ними захлопнулась наружная дверь, их встретили с той же трепетной почтительностью, что и прежде, быстро проводили в апартаменты на втором уровне здания. Жофре тут же подошел к окнам проверить запоры, хотя едва ли допускал, что тот же фокус повторится снова. Несомненно, не найдется второго диктатора, желающего, чтобы они просканировали его прошлое.

Глава 21

— Добро пожаловать, уважаемая Тетемпра, добро пожаловать!

Она отметила про себя глубину его поклона, а также тщательно изображенную радость, которую он поспешил выказать при ее появлении в комнате переговоров, где он временно распоряжался. Этот Салантен имел какие-то соображения, о которых, как он считал, никто не догадывается. Рано или поздно ей придется принять меры. А пока ей предстояло принять более важные решения.

— В добрый час и тебе, Салантен. Значит, во время моего отсутствия не было никаких затруднений?

Она легко поместила свое тонкое, как тростинка, тело, согнув длинные худые конечности в пододвинутое ей кресло во главе стола переговоров. В ее тюрбане сверкало два новых бриллианта, которые она лично выбрала из сокровищ, без желания отданных Шагга.

— Ничего важного, Патрон. Обычная рутина.

Он происходил из старых терранцев, а их гордыня иногда развивалась сверх всякой меры. Он поднялся на несколько уровней в иерархии и прекрасно знал свое место, понимая, насколько оно стабильно в настоящее время. Теперь он стал быстро излагать свой отчет, а Тетемпра слушала, дважды снизойдя до занесения записей в собственный рекордер.

В Северо-западном секторе открылся новый рынок. И нелегальная торговля мехами с Варга приносила хорошую прибыль. Дела шли настолько хорошо, что, возможно, следовало заменить арендованный транспорт,

используемый функционерами до настоящего времени, собственным флотом Гильдии. Пусть Фенгал рассмотрит это предложение и оценит его. А все остальное — обычная планетарная ерунда. Он намеренно засыпал ее такими деталями, надеясь ей наскучить, чтобы она не вздумала проверять ту деятельность, которой он занимался. А втайне от других было достаточно — да, этот сотрудник должен подчиняться приказаниям тех, кто стоит выше него, а не заводить собственные делишки.

Но она позволила ему пересказать отчет до конца и не перебивала его. Правда, дважды она сделала для себя заметки о делах, которые надо проконтролировать самой.

— А вы принесли нам новое дело, Патрон?

Она сощурила внутренние веки в узенькую щелочку. За ним непременно надо следить. Именно «нам», как же! Или он считает, что в любое время может говорить от имени всей Гильдии?

— Во второй час после восхода луны будет конференция, — она прямо ответила на неуместный вопрос, и ее еще больше возмутило то, что он, казалось, и не заметил данного ему щелчка. — Собери всех глав отделов...

— Лан Те находится на восточном континенте.

— Пошли ему вызов. — Она больше ничего не сказала, а вытянула свою длинную руку и сделала жест, который было невозможно истолковать иначе, как приказ выйти.

Несколько минут она прослушивала свой личный рекордер, потом перебирала его в руках в раздумье, пытаясь сложить воедино отрывочные данные, чтобы сформировать основу для принятия решения.

Потом она сказала в микрофон, стоявший около ее правой руки:

— Пригласите ту, что ожидает.

На женщине, которая вошла в комнату, был надет потертый костюм космонавта с вылинявшими нашивками эксперта по связи. В целом она производила впечатление человека, поднятого с кровати и не способного сориентироваться в происходящем.

У нее было усталое лицо, запавшие щеки, по телу то и дело пробегал озноб.

— Хорошо, очень хорошо, Хо-Синг. Отличная маскировка. Что у тебя есть для меня?

— Закатанина с телохранителем похитили тссекийцы. Они покинули планету на своем боевом корабле. По-видимому, один из командующих ордой, Сопт с'Ку, захватил их в апартаментах гостиницы Аура. За ними прилетели на флиттере и сразу же перенесли их на корабль: они были под воздействием стаза. Телохранитель чуть не умер. Корабль снялся очень поспешно.

Когда женщина кончила доклад, Тетемпра шелкнула по краю стола своими длинными ногтями.

— Мы знали, что тссекийцы могут попытаться это сделать. Но они действовали очень быстро.

— У них был еще один пассажир.

Теперь ногти остановились.

— Кто?

— Женщина с Асбаргана, одна из этих, которые натренированы доставлять удовольствие, — из самого высокого класса, кого называют Драгоценными. — А... — Сведения, с которыми расстался Зарн, дополнили картину. Это была та, о которой он говорил в их вторую встречу, та, которой Гильдия, так сказать, была обязана увеличением своего гонорара.

— А что они говорят о цели визита Драгоценной на Тссек?

Женщина пожала плечами:

— Какая у нее может быть цель? Она была подарком Властителю. Несомненно, она должна была нашептывать ему на ухо в подходящие моменты то, что подсказывал ей ее спонсор.

Тссек... Тетемпра снова принялась постукивать кончиками пальцев. Туда направилось четыре корабля с оружием, и ни в одном документе не был правильно назван пункт назначения. Повстанцы, должно быть, близки к цели, они поработали на славу. Закатанину и его телохранителю может прийти туга, если, конечно, они выжили в этом пе-

релете, если Арн с'Дунн выиграет в этом конфликте. А каковы последние новости?

— Пока никаких. Мы смотрим во все глаза и держим наши уши наготове. На Верном пути ведется наблюдение.

— Как только придут новости, оповести меня немедленно!

Не отдав прощального салюта, женщина повернулась и вышла. Тетемпра с удовлетворением подумала, что на нее можно положиться. Она сама ее выбрала, и этой функционерке была обещана очень щедрая награда. И нельзя сказать, что деньги тратятся понапрасну, женщина работала очень хорошо.

Теперь оставалось только ждать. Но у нее было много других дел. Во-первых, понадобится корабль, если им удастся вывезти закатанина с Тссека и вновь поставить на тропу, которую они для него выберут, хотя этот дурень всегда думал, что выбирал свой путь сам. Это показывало, что даже такими, как закатане, можно осторожно манипулировать в своих интересах. Все шло так хорошо, пока не вмешались эти поганые тссекийцы. Поскольку расчеты Гильдии относительно Арн с'Дунна оправдались, прославленный Диктатор и его прихвостни очень скоро лишатся власти.

На конференции она расскажет о своей сделке с Зарном, от которой она ожидает только успеха.

Десять дней спустя Тетемпра проснулась от звонка, раздавшегося в ее комнате.

Гостиница Фаркар принадлежала Гильдии, разумеется, через подставных лиц, и в ней предусматривались различные дополнительные удобства для клиентов. Тетемпра нажала на кнопку в спинке кровати, натянула на себя зеленое покрывало и передвинулась к стене, удаленной от окна.

От ее прикосновения открылась потайная дверь, и в приглушенно освещенную комнату вошла женщина, с которой раньше она имела беседу.

— Что случилось?

— Оффер передал рапорт, из порта. Там сел курьерский корабль, на борту которого были те, о ком ты хочешь знать: закатанин, его телохранитель и женщина-игрушка...

— Курьерский корабль?

— На нем не было никаких опознавательных знаков. Они вызвали антиграв и отправились в ту же гостиницу, где закатанин останавливался перед тем, как тссекийцы его похитили. Опфер передает, что с ним — жат.

— Сигсман подарил его Властителю четыре сезона назад, когда ему были нужны некоторые привилегии. Но жат не покидает хозяина, с которым образовал связь. Об этом тоже надо подумать.

— В Тссеке, очевидно, начался переворот. Но почему с ними эта женщина? Она представляет новое затруднение.

— Мы должны узнать все, что можно. Ты по-прежнему очень хорошо работаешь, Хо-Синг. Я очень довольна тобой.

— Мне больше ничего не надо. Я уже приказала, чтобы за ними велось пристальное наблюдение.

* * *

На третий день после возвращения на Верный путь Зуржала дважды вызывали в штаб-квартиру. Дважды он возвращался с пылающей оборкой и отказывался говорить, мечась по комнате из угла в угол, как зверь в клетке. Сканер со всеми предосторожностями был возвращен под охрану улья. Закатанин опасался, что прибор исчезнет, если его не держать там.

Жофре испытал нечто вроде нетерпения, ему было нужно оружие. Теперь он лишился даже своей проволоки и чувствовал себя так, будто у него отняли всю одежду. На третье утро он решился нарушить мысли закатанина, чтобы указать ему на это обстоятельство.

— Конечно! — Закатанин немедленно встрепенулся. — Человек всегда должен иметь орудия своего труда, если ему поручается работа. Но в этом месте у меня нет нужных связей...

— Здесь есть некий Истарн с Веги. — Холодный голос Тайнад застал врасплох их обоих. — Говорят, он продает коллекционерам оружие пятидесяти миров.

Хотя закатанин настаивал, чтобы женщина приобрела себе новый гардероб, она ничего не предпринимала для этого, не покупала роскошных нарядов, необходимых ее ремеслу. Она выбрала второй космонавтский костюм без знаков отличия, и, казалось, его убожество ее не угнетало. Жофре понимал, что она прибегает к собственной форме невидимости Теней.

Только волосы отличали ее от женщины-космонавтки в отпуске, потому что, хотя она и носила туго заплетенную косу, волосы венчали ее голову пышной короной. Жофре знал, что с ними она не расстанется, так как это оружие, к которому Тайнад прибегнет в случае надобности.

— Истарн, — повторил Зуржал задумчиво, словно раньше не слышал этого имени, а потом повторил с новой силой. — А, Истарн, ну конечно, именно от него Занквар получил зеркальный отражатель с Балакана для своей коллекции. Я никогда не видел этого человека и думал, что он занимается в основном антиквариатом, а не современным оружием.

— Ученый, мы обучены обращаться с оружием, которое в чужих мирах считается примитивным, годным только для варваров, — заметил Жофре. — Однако этот Истарн может назначить коллекционную цену за свои экземпляры, и они окажутся слишком дороги.

— Сам Истарн не торгует на Верном пути, — снова вступила в разговор Тайнад, так что двое мужчин удивились, откуда она берет эту информацию. — Его магазин на Втором пути, у него проводят время те, кому наскучило ожидание своих кораблей, кто готов тратить деньги на приобретение новых для них вещей, не имеющих особой ценности. Мы можем отобрать из груды хлама то, что нам потребуется.

Зуржал со свистом рассмеялся:

— Не представляю, откуда вы черпаете эти сведения!

Жофре в первый раз увидел, что губы Тайнад сложились в искреннюю улыбку.

— Ученый, я просто слушаю, после того, как задам пару вопросов. Ян, — она погладила по голове жата, как всегда державшегося за край ее туники, — очень интересуется гор-

ничных. Они приходят и просят, чтобы им дали на него посмотреть. А когда они смотрят, они очень свободно говорят. Я узнала от них о лучших магазинах, где продают высококлассные товары и не набавляют цены, когда видят космонавта, о ресторанах и их фирменных блюдах, о том, где можно рассчитывать на самое лучшее обслуживание. Таким образом я в конце концов узнала и об Истарне.

— Что пойдет нам на пользу, — заключил Зуржал. — Хорошо, давайте направимся в его заведение, и я помогу вам приобрести снаряжение, которое вы сочтете наиболее полезным.

На плацах и в арсеналах Лож об оружии судили по его эффективности. Надежность клинка оценивалась по качествуковки и заточки, всем другим свойствам, позволявшим рассчитывать на его добрую службу в бою. Равнинные лорды Асбаргана любили сверкать драгоценными оправами оружия. А исша довольствовались простыми кинжалами, обернутыми старым кружевом, чтобы оно не скользило в руке; что касается ножей, проволок, крючков — в Ложих ценили их боевые качества, а не украшения.

В этом так называемом оружейном магазине Жофре увидел не настоящее оружие, а безделушки, выдаваемые за предметы соответствующего названия. Он стоял перед витриной с тем, что продавец называл «набором мечей с Веги», и про себя думал, что от одного хорошего удара таким мечом у него отломится эфес, а может быть, расколется и сам клинок. Такие мечи, конечно, привлекали взгляды коллекционеров, но не взгляд воина. Какое ему дело до того, что эфес сделан из трехцветного золота или имеет форму головы ястреба с изумрудными глазами или еще какое-нибудь дурацкое украшение, если он видел, что лезвие не было перековано девять раз и закалено хотя бы шесть!

— Это игрушки, — сказал он Тайнад на языке Лож. — Что с ними делать, разве что отломать украшение, а лезвием наносить зазубрины на палочки с донесением?

— Эти инопланетники, которые их покупают, не собираются их ИСПОЛЬЗОВАТЬ! Они предназначены только

напоказ, — мягко ответила она. — Но там есть вторая витрина...

Он нетерпеливо отошел от витрины и не расслышал того, что она сказала потом.

Да, была вторая витрина, скорее витриной это было назвать нельзя, в темном углу находилась груда изделий из темного металла, которые не привлекали неискушенные взгляды покупателей. Только остановившись перед этой грудой и посмотрев на нее, он почувствовал, что появилась возможность выбрать что-нибудь стоящее. Это могли быть изделия, которые недовольные мастера откидывали в сторону — для переплавки и переработки, по крайней мере, таковыми они казались на первый взгляд.

Однако ни один оружейник не избавился бы так поспешно от своего изделия! Его внимание привлекли кожаные ножны-близнецы и лезвия, которые под ними скрывались. Он вытянул один клинок. Тусклый и нуждается в полировке. Но сталь! Он мог оценить ее качество. Приободрившись, Жофре вынул другой клинок и увидел, что он не уступает первому.

Тайнад копалась в груде заржавленного оружия, выбирая предметы по своему вкусу. К счастью, продавец отвлекся на других покупателей — в магазинчик как раз вошла компания инопланетников, и их богатые наряды обещали ему большие поступления, так что он выложил перед ними всю свою украшенную драгоценностями дребедень.

Жофре долго присматривался, сгибал клинки, пробуя их эластичность. Он выбрал для себя мечи-близнецы, короткий нож-меч и коллекцию зловещего вида крюков, которые он нанизал на ржавую цепь, извлеченную из-под груды оружия, из нее он надеялся сделать боевую проволоку даже лучше той, которая послужила ему на Тссеке. К сожалению, других предметов, нужных телохранителю, здесь не нашлось. Вероятно, ему и так повезло, что он раскопал хоть несколько достойных изделий.

Тайнад купила клинок длиной почти со меч, в ножнах, некогда покрытых позолотой, которая теперь слезала чешуей. Кроме того, она остановила свой выбор на двух ма-

лых ножах, один из которых достала из сломанного футляра (нож был не начищен), и еще на каком-то оружии толщиной чуть больше иглы, такие предметы, как известно, сестры прятали у себя в рукавах, и Жофре не сомневался, что она найдет ему наилучшее применение. Она также купила цепь для боевой проволоки, которую теперь сгибала дюйм за дюймом, проверяя надежность, в некоторых местах потирая пальцами пятна ржавчины. Оказалось, однако, что под этим слоем скрывался вполне прочный материал.

— Джентльхома и джентльфем. — Судя по взгляду продавца, женщины нечасто заходили в его магазин, а может быть, его удивило то знание дела, с которым она копалась в куче железа. — Вы сделали какое-нибудь открытие? Но это же, это — второсортный товар. Может быть, вас интересуют мечи с Ланкера или кинжалы с Грата, их эфесы инкрустированы рубинами. О, это отличное оружие!

— Это так, но не для наших целей, — ответил Жофре.

— Да, — подтвердила Тайнад, нам не нужно оружие напоказ, мы интересуемся тем, с чем сможем лучше всего показать наши навыки боя. Мы хотим выступить с показательным боем.

— Ах вот как, вы, наверное, из Оружейного двора Ассербаля? Он известен большим правдоподобием показательных боев. Очень похожи на настоящие, даже кровь иногда проливается!

— Мы тоже хотим устроить нечто вроде этого, — Жофре моментально подхватил ее намек. — Итак, джентльхома, сколько все это стоит? — Он указал на выбранные ими предметы.

Продавец бросил на товар взгляд, полный презрения, которое он не нашел нужным скрывать. Ее поведение стало грубоватым — так он обходился с людьми, имевшими более низкий социальный статус, чем его обычные посетители.

Он назвал цену, которая легко укладывалась в кредиты, отпущенные Зуржалом, и Жофре впервые воспользовался непривычным для него методом снятия денег со счетов.

Их покупки были торопливо упакованы в сверток, словно продавец не хотел, чтобы люди видели, как такие пар-

шивые товары выносятся из его магазина, и они вышли на улицу.

Они проходили мимо магазинчика, перед которым было выставлено на тротуар несколько стульев и столиков, и запах еды перебил доносившиеся парфюмерные ароматы из лавки напротив.

Жофре кивнул на один из столиков.

— Хорошо пахнет, — просто сказал он. И это было действительно так, такая еда была приятнее экзотических блюд, которыми их непрестанно пичкали в гостинице. Тайнад принялась и одарила его своей мимолетной улыбкой.

— Действительно, хоть это и не пища Теней. Давай-ка посмотрим, так ли она хороша и на вкус.

Они присели за столик. Жофре опустил сверток с оружием себе под ноги и обратился к меню, напечатанному на всеобщем языке, которое лежало перед ними.

* * *

Невдалеке от них к столику присела женщина в космонавтском комбинезоне. Посетитель, уже сидевший за этим столиком, поприветствовал ее кивком. Это был гуманоид приблизительно пятой степени, но густая шерсть у него на теле, стоящие торчком уши и широкая зубастая пасть выдавали, что он не принадлежит к племени терранцев, в отличие от своей знакомой.

— Вот эти? — Он не взглянул в сторону Жофре и Тайнад и сказал это очень тихо, почти шепотом.

— Эти. Хорошо, я передаю их тебе, Леноил. Она хочет, чтобы за ними хорошо присматривали. И к ним нельзя относиться легкомысленно, они из племени, обученного воевать, и их боятся как огня.

— Этот мир лишь один из многих. У всех есть свои бойцы. Некоторые из них не выживают...

— Нет! Никаких мер против них, только наблюдение, — быстро перебила женщина. — Наблюдать и посылать донесения: ты живешь в Аура, где и они, поэтому у тебя лучшая возможность не спускать с них глаз. Только уж постарайся не потерять их.

Глава 22

Придя в номер, закатанин застал всю свою компанию за усердной работой. Все три члена его экипажа сидели на полу и каждый занимался своим делом. Жат водил туда-сюда промасленную тряпку сквозь кольца цепи. Рядом с ним Тайнад точила узкое лезвие очень маленького ножа, а Жофре, сидевший напротив них, приспособливал к цепи устрашающие крюки, время от времени останавливаясь, чтобы проверить свою работу, для чего он забрасывал крюк на цепи.

— Удача, Ученый? — Все трое повернули к закатанину головы, но вопрос задал Жофре.

— Пока нет. Я уже склонен думать, что здесь дело нечисто. — Он замолчал, словно не знал, как выразить свои мысли подходящими словами.

— Может быть, предупреждение Патруля?

— Едва ли. Нам нужен вольный торговец, а на таких кораблях не любят прислушиваться к мнению Патруля, если оно не навязывается силой. В последние десять дней здесь совершили посадку два таких корабля. Но один уже зафрахтован партией инженеров-технологов, которых он должен доставить на Хельгу вместе с их оборудованием. А другой не берет пассажиров, так как это в основном лаборатория по переработке астероидов.

— Дело может затянуться, Ученый. — Тайнад слушала, не прекращая своего занятия. — Пожалуй, здесь сказываются капризы судьбы, так что возможности трудно рассчитывать.

— Как бы там ни было, для ожидания нет лучшего места, чем эта планета, — ответил Зуржал. — Я везде сказал, что мне нужно. И Верный путь — промежуточный пункт при полетах на Лочан, поэтому я сразу и выбрал эту планету в качестве базы. Вы ознакомились с записями? — Он указал на три ленты, лежащие на столе, рядом с прибором для чтения.

— Очевидно, об этом месте очень мало известно, — заметила Тайнад, — если это все, что мы могли прочитать.

— Это место, к которому трудно добраться, — вступил в разговор Жофре, правда, с его точки зрения, это не являлось препятствием. Северные земли Асбаргана были труднодоступны и совершенно безлюдны. — Здесь в основном пустыня.

— Да, насколько нам известно. Это, правда, вся информация, — согласился Зуржал. — Планета не пользуется особо заманчивой репутацией, там нет крупной торговли, так, всякие мелочи, диковинные меха, какие-то минералы...

Тайнад вставила заточенный нож в новые ножны, которые сама сплела из собственных волос.

— Тогда почему туда вообще кто-нибудь летает, или Лочан, может быть, полезен инопланетникам, может быть, там находится какая-нибудь тайная база?

— Дела Гильдии? — Зуржал покачал головой. — После провала экспедиции Десмода всю планету прочесали на предмет какой-нибудь инопланетной деятельности и ничего не нашли. От сенсоров Патруля не спрячешься, если только это не крупное дорогостоящее сооружение, а Лочан не мог бы такое содержать.

— Сокровища? — высказала предположение Тайнад.

— Не из тех, что привлекут обычного торговца. Правда, в багаже первых посетителей Лочана находили какие-то безделушки. То, что мы ищем, — сокровища особого рода, это знания, они едва ли вызовут интерес у Гильдии. Есть все основания предполагать, что на Лочане можно найти остатки культуры предтеч.

— Гильдия тоже собирает знания, — возразила Тайнад. — По слухам, они стараются разведать как можно больше того, что смогут использовать для своей наживы.

— Сканер! — воскликнул Жофре, прикрепляя последний крюк к цепи и свертывая ее в катушку.

— Он не будет им служить, — ответил закатанин. — Мы давно научились защищать наши инструменты от неправомерного использования. Если кто-то сделает попытку использовать сканер, он разрушится. Такое устройство вмонтировано во все приборы, которые мы вывозим в иные миры.

— Сколько же нам ждать, Ученый, пока появится корабль, с которым мы сможем отправиться туда?

— Не слишком долго. Есть один, который отправился на Лочан пять планетарных месяцев назад. Он трижды перелетал, каждый раз на ближайшую планету. Корабль старый, и, как мне говорили, капитан не из тех, кто легко отклоняется от маршрута. Если все пойдет, как у него намечено, «Гончая Харена» скоро прилетит сюда.

Жофре подошел к широкому проему окна, выходящего на балкон, примыкавший к этой части комнаты.

— За нами наблюдают, — сказал он без интонаций. — Пожалуй, Патруль так просто не хочет нас спускать со своего крючка.

— А кто следит? — спросил Зуржал.

— Разные. При желании мы могли бы от них ускользнуть. Но нам бы лучше узнать, кто они и зачем наставили на нас свои глаза и уши. Чтобы это узнать, нам, возможно, стоит дать им продолжить свои занятия.

* * *

Тетемпра уже сидела во главе стола в просторной комнате, войти в которую можно было только через ее кабинет. По бокам от нее разместились шестеро ее подчиненных, а у края стола ожидала новых распоряжений Хо-Синг.

— Они снова вооружились, этот телохранитель и женщина, купили себе варварское оружие, то, которое можно использовать только для рукопашного боя. Они, несомненно, готовятся отправиться на лочанские развалины. Наши люди не могут проникнуть в номер из-за жата — он очень быстро распознает тех, кто недружелюбно настроен к его хозяину.

— Его можно устранить, — предложил полный, покрытый бородавками член совета, сидящий справа от Тетемпры.

— И спугнуть их, Нуса, у тебя мозги уже начали линять? Я думала до твоего сезона перемены шкур еще далеко. Нет, мы не должны предпринимать никаких шагов против них. Но есть еще одно дело — послание, приказ, который необходимо передать асбарганской женщине. Пока что нам не

удавалось разлучить ее с остальной компанией. Но договор есть договор, и наш договор надо выполнять. Хо-Синг, у тебя появились какие-то новые предложения, как добраться до этой женщины, чтобы передать ей весть втайне от ее спутников?

— Сегодня утром с ней разговаривала горничная, предлагала ей сходить в ароматические бани. Драгоценная вроде заинтересовалась. Горничная получает процент от того, что тратят посетители ее отеля в эти банях, и она постарается заманить туда эту женщину. Горничная в долгу перед Дабблу; поэтому до нее можно добраться, хотя гостиничный штат, как предполагается, должен быть неподкупным.

— Отлично, развивай действия в этом направлении, Хо-Синг. Когда Драгоценная отправится в бани «Три лилии», ее там надо встретить как бы случайно, так во всяком случае должны подумать те, кому случится это увидеть, но исполнить нашу задачу. Надо это организовать.

— А корабль, уважаемая Тетемпра? — Салантен опять нарушил субординацию.

Глаза Тетемпры превратились в щелочки, но и их она не обратила к наглецу, а будто бы рассматривала лежавшую перед ней ручку.

— Ученый ожидает «Гончую Харена». Это направление разработано у нас отлично. Гозал очень скоро прибудет — он восхищен новым приводом, который мы поставили на его ржавое ведро, и рад нам послужить. Что кстати, так как доставкой груза, произведенной им в прошлом, он не заработал бы и на ветряное колесо.

— А Патруль за ними следит? — задал вопрос один из собравшихся. — Ситуация на Тссеке не могла порадовать начальство.

— Хо-Синг? — Тетемпра посмотрела на представительницу своей службы Теней.

— Мы не обнаружили слежки, а Иврад смотрел очень внимательно. Правда...

— Что «правда»? — переспросила Тетемпра, видя колебания подчиненной.

— Мне кажется, они или, по крайней мере, телохранитель и женщина догадались, что находятся под наблюдением. Мы проявляли осторожность. Но они не предприняли ничего, чтобы избавиться от слежки.

— Но вы это сами заметили, да, Хо-Синг? — закончила за нее Тетемпра. — Хорошо, пусть один из тех, кто ведет слежку, допустит ошибку, тогда они подумают, что им на хвост сел Патруль или какая-то планетарная сила. Они могут это ожидать и будут спокойно заниматься своими делами. Я могу в этом положиться на тебя.

— А зачем священникам с Асбаргана понадобился этот телохранитель, что они готовы так щедро за него заплатить? — Это снова высказался выскочка Салантен.

— Они изгнали его. Все эти священники и религиозные лорды жутко злятся, если кто-то из их последователей много на себя берет. Мне кажется, они хотят наказать его в назидание другим. Думаю, что сейчас у него сносные отношения с женщиной, но когда мы передадим ей известие, отношения в компании могут осложниться.

* * *

— Это нравится путешественникам, — сказала Тайнад за обедом на террасе. — Я считаю, — продолжала она, — что горничной платят небольшое вознаграждение за привлечение гостей, которые **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** посещают заведение.

— Мы не путешественники, — резко возразил Жофре. Все их вылазки в город имели практические цели: приобретение оружия, одежды, добыча информации о возможностях полета и о планете, которую Зуржал хотел исследовать.

— Это, может быть, шанс кое-что узнать о наших преследователях, которые, как вам кажется, не оставляют нас, — сказал Зуржал. — Да, я знаю, что Тайнад придется остаться одной, но, как мне кажется, подготовка исша обеспечивает личное превосходство даже над двумя противниками. Драгоценная, обязательно испытай это ощущение, которое ты унесешь с собой на Асбарган.

Жофре это не понравилось. Он был против того, чтобы женщина отправлялась в одиночку даже среди дня и в центре города, который так хорошо охранялся полицией, что в нем уже много лет не случилось преступлений. Ничто не должно было нарушать покоя путешественников, на которых работало все население планеты. Почему же у него возникла эта внутренняя тревога? Вероятно, он боялся, что на Тайнад будет совершено нападение? Разумеется, вся его прошлая подготовка противоречила подобной мысли — исша не должен сомневаться в способностях и мастерстве другого исша, она вполне может позаботиться о себе сама.

Тогда что же это было? Его уже много дней терзала мысль, что эта женщина приняла работу, предложенную закатанином, не раздумывая о возможных поручениях своей Ложи. Она в отличие от него не присягала Зуржалу, а без присяги... Она обладала свободой, которая по приказу Магистра Ложи могла превратиться во враждебность. То, что она не могла вернуться на Асбарган без посторонней помощи, было правдой. Но до тех пор, пока весть о происшествии на Тсесеке дойдет до Асбаргана, требовалось время, а пока ей надо было на что-то жить. Существовали жат и их связь. Жофре постоянно возвращался к этому обстоятельству. Несомненно, существо, столь привязанное к ним обоим, обнаружит беспокойство, а может быть, и нечто большее, если у Тайнад на уме будет не совсем то, что она говорит Зуржалу. Однако...

Не было смысла в том, чтобы идти за ней до «Трех лилий», потому что это роскошное заведение предназначалось исключительно для женщин. Кроме того, он почему-то был уверен, что она узнает, если он попытается за ней следить, хотя бы проводив до двери. Пока что Жофре ничего не мог предпринять, и это очень раздражало его.

Чтобы избавиться от собственных мыслей, он занялся упражнениями, стараясь понять, как можно применять вновь приобретенное оружие, а жат сидел на подушках, наблюдая за ним округленными глазами.

* * *

Заведение «Три лилии» было роскошным и одновременно очень благопристойным, и Драгоценная очутилась в смешанной компании, которая благожелательно реагировала на ее появление. Ей кивнул охранник, стоявший в дверях, живой, а не робот, а оказавшись в холле, Тайнад почувствовала необыкновенное спокойствие, окутавшее ее. Она понятия не имела, чем достигается такой эффект, и, по правде говоря, ее чувства исша обострились. Она не собиралась отказываться от своего внутреннего контроля, как бы ни выказывала внешние признаки благодушной расслабленности, требуемые обстоятельствами.

— Великолепная и прославленная. — С этими словами к ней обратилась стройная женщина, вышедшая из-за лазурных гардин, закрывавших часть стены.

Тайнад профессиональным взглядом осмотрела помещение. Приветствие, адресованное ей, подошло представительнице знати, но было произнесено с подлинной искренностью. Драгоценная мысленно накинула за это несколько баллов здешнему менеджеру, такой прием мог бы удовлетворить и Магистрессу Ложи.

— Прекрасный день, — мило заметила она, позволяя отразиться в своем голосе легкой нервозности, словно она была смущена такой церемонностью. — Я слышала о вашем заведении от горничной из Аура, она очень хорошо отзывалась о вашем обслуживании. Я никогда не была в подобном заведении, но...

— Но вы достаточно им заинтересовались, Высокородная, чтобы прийти сюда и посмотреть, что мы вам предложим? У нас много услуг, но, поскольку вы у нас раньше не бывали, вам, наверное, лучше начать с выбора времени года...

— Выбора времени года?

— Да, известно, что люди очень по-разному воспринимают изменения в окружающей среде. Может быть, в вашем мире самым важным сезоном для вас является весна, когда вы лучше всего себя чувствуете. Или, может быть, вы

стремитесь к летней зрелости, к умиротворяющему теплу, безоблачным небесам, под которыми все живые существа достигают своего плодородия. Есть и такие, кто находит особую прелесть в осени, радуются первой прохладе ветров, запаху земли, подернутой первым инеем. Есть люди, их меньше всего, кто любит завывание бури, морозное утро, когда льдинки повисают как драгоценные украшения на ветвях деревьев. Мы имеем все это к вашим услугам.

Тайнад была заинтригована. В мгновение к ней пришли воспоминания детства, как она бегаёт по горным лугам и нюхает первые цветы.

— Пожалуй, я выберу весну, — неожиданно для себя сказала она.

— Пожалуйста, сюда, Великолепная, здесь вы встретитесь с весной...

Одна из занавешенных панелей откинулась, пропустив их внутрь, в узкий коридорчик длиной всего в три шага, из которого они попали в другую комнату. Можно ли было назвать это комнатой? Она не видела никаких стен, за исключением маленького участка, в котором располагалась дверка. По краям комнаты буйствовала зелень, а в центре располагался бассейн, в который текла жидкость. Она словно вышла на одну из равнин среди гор, которые она так хорошо знала, правда, ее кожу не пронизывал свирепый ветер, воздух был нежный, свежий, он ласкал кожу. Она ощутила нежнейшие ароматы весеннего ветерка, чистые запахи просыпающейся зелени, тянущейся к новой жизни.

Ассистентка пригласила ее подойти к краю бассейна. Там было место, где можно было посидеть, хитро имитирующее камень.

Некоторые камушки располагались так, что по ним было удобно спуститься в бассейн. Ассистентка указала на камень побольше.

— Великолепная, здесь вы найдете халат, различные бальзамы и эссенции. Когда вам понадобится, вы можете

вызвать весеннюю горничную, для этого достаточно дотронуться здесь, — она показала на пятно на том же камне, — и она сразу же появится. Что вы предпочитаете из напитков, Великолепная? Мы можем предложить весенние напитки почти ста миров...

Только, конечно, не те, что пили в Ложах, подумала Тайнад, вспомнив горьковатую жидкость, которую пили, чтобы сохранить силы.

— Что-нибудь легкое, успокаивающее, — попросила Тайнад, она была уверена, что сможет почувствовать опасность, если понюхает напиток, принятый у других видов.

— Тогда — росу лилий. Ее собирают на заре с лепестков этих цветов, Великолепная. Она возвышает дух, успокаивает и согревает... — Ассистентка достала фляжку, укрытую в зеленом камне, и налила порцию напитка в хрустальный бокал, имеющий форму цветка, который, наполнив до половины, передала Тайнад.

Та взяла ножку этого изящного бокала двумя руками и поднесла его к лицу, глубоко вдохнув аромат содержимого. Она не смогла обнаружить ничего, кроме сладости благоухающего бутона лилии.

— Благодарю. — Тайнад подняла бокал, посылая приветствие женщине, и пригубила его. Напиток был хорош, в нем ощущалась горная прохлада, слегка окрашенная вкусом меда.

— Пусть весна доставит вам радость, Великолепная. Горничная придет по вашему вызову. — Кивнув головой, ассистентка скрылась в зелени кустов у задней стены.

Тайнад с бокалом в руке пошла посмотреть, что стоит в полости камня, и обнаружила там несколько флаконов и шкатулочек. Рядом стоял кофр, в котором она нашла зеленый халат.

Решив, что ей, наверное, нужно следовать обычаю, она, хоть и неохотно, рассталась со своей одеждой и набросила халат. Он был из легкой прозрачной ткани, к какой привыкли Драгоценные. Она не стала распускать волосы, в намерении сохранить при себе то, что там прятала.

Сложив одежду и убрав ее в кофр, она не спешила вызывать горничную. Вместо этого Тайнад пробовала свой напиток, присев на камень так, чтобы ноги доставали до воды. Вода была теплой, как тело.

Драгоценные привычны к высочайшим формам роскоши, известным на Асбаргане, многие из них имели в своем распоряжении такую службу и удобства, о которых не могла бы и мечтать жена лорда. Но в этом месте роскоши было как-то слишком много, это была высочайшая степень комфорта, предназначенного для Драгоценной, и ей не было смысла отвергать его, раз она не на службе.

Тайнад все еще не позвала обещанную ей горничную, желая привыкнуть к новой обстановке, как вдруг у нее за спиной послышалось движение, и она быстро обернулась. С того места, где сидела Тайнад, нельзя было увидеть даже дверь, через которую женщина вошла в эту комнату. Теперь из этой скрытой от глаз двери отделилась высокая, очень худая фигура, судя по странному наряду, не принадлежащая к штату «Трех лилий», по крайней мере, к такому заключению пришла Тайнад. Одежда на этой женщине состояла из полос ярко-алого меха, от цвета которого резало глаза. Длинная шея женщины была слишком тонкой, и было странно, как на ней удерживается голова в тяжелом тюрбане, складки которого были украшены драгоценными камнями. Тайнад быстро заметила, что среди них два айзема с Асбаргана чистейшей воды, — такие очень ценят Шага, которые ревниво хранят их в своих сокровищницах.

Женщина шла напряженно, словно ей была чужда легкость, с которой передвигаются гуманоиды, она встала прямо перед Тайнад, поднявшейся ей навстречу.

Женщина воздела руку и нарисовала пальцами в воздухе тайный знак. Тайнад застыла в ожидании, призывая все свое самообладание, чтобы не обнаружить удивления. Она никак не рассчитывала увидеть этот сигнал в чужом мире. Но это был опознавательный знак, который она не могла отвергнуть.

Глава 23

Эти странные глаза с двойными веками вызывали у Тайнад неясное чувство беспокойства, словно незнакомка обладала какой-то силой, способной просочиться в ее мысли. Правда, других признаков проникновения она не ощущала. Тайнад никогда не приходилось встречать никого, за исключением жата да наиболее искушенных Магистров асша, способных понять эмоции, которые люди хотели скрыть. Дальше этого ни у кого дело не шло. Может быть, чтение мыслей и принято где-то на дальних звездных путях, но она никогда о нем не слышала, что не значило, что оно невозможно. Тайнад быстро подавила в себе эту мысль, загородив путь к Внутреннему Центру.

— Джентльфем. — Тайнад решила первой нарушить тишину, хотя это и могло дать незнакомке преимущества. — Ты пришла ко мне? Для чего?

— Ты говоришь напрямик, я это люблю, — заметила пришедшая. — Я пришла по делу, твоему делу, Драгоценная. Насколько я понимаю, твоя работа на Тсесе оказалась неожиданно прерванной, разумеется, не по твоей вине. Сопт с'Ку никогда не отличался приверженностью сложной мыслительной деятельности, и он даже перекрывал свои способности в этой сфере. Поскольку ты теперь свободная, я принесла тебе известие. — И длинной рукой она, порывшись в ярко-зеленом шарфе, накинутом на плечи, достала две маленькие палочки, короче чем пальцы, которыми их держала.

Тайнад приняла их с неохотой, которую постаралась скрыть. Она потрогала одну, а затем вторую указательным и большим пальцами, зазубрины на палочках оставили на коже вмятины, которые можно было прочитать.

Снова Зарн! Но на этот раз он призвал себе на помощь Магистрессу ее Ложи. Значит, это официальное известие. Они выбрали ее для новой миссии.

— Ты должна меня проинформировать, — медленно сказала Тайнад.

— Судя по тому, что говорил Зарн, ты знаешь, о чем идет речь. Этот телохранитель, который приставлен к закатанину, очевидно, его поймали на предательстве ваших людей, или, во всяком случае, Зарн так говорит. Они хотят, чтобы его вернули.

Тайнад перебирала пальцами палочки.

— А как вернуть его обратно?

Незнакомка сощурила внутренние веки.

— Об этом позаботятся. Желания Зарна будут исполнены, но время выбираем МЫ. И оно еще не пришло. Я слышала об этих присягах, принятых в вашем племени, что вы не можете нарушить обязательств, когда их приняли. Ты присягнула закатанину, или это сделал только отступник?

— Нет, я лишь обещала помочь в другом деле...

— Это подходит. Окажи ему помощь, какую нужно: он должен быть тебе благодарен. Может быть, тогда он будет не так сожалеть о потере своего телохранителя. Но ты знаешь свое дело лучше меня, Сестра Теней.

— А твое участие в этом деле? — Тайнад отказывалась потворствовать незнакомке, желавшей взять ситуацию под свой контроль.

— Оно никак не помешает твоей задаче, Тень. Мы имеем отчасти общую цель, и твои люди сочли уместным организовать это предприятие. Хорошая будет охота, когда придет время!

Незнакомка повернулась и исчезла в зеленых зарослях. Тайнад осталась с чувством, что с ней разговаривала носительница власти сродни Магистрессе Ложи. И кто, наделенный властью, будет ими интересоваться? Ответ напрашивался один — Гильдия. Итак, они участвуют в какой-то игре, неясной игрокам!

Однако имела ли право эта только что ушедшая незнакомка передавать приказания Теней? У нее в руке были палочки-известия, которые Зарн и те, кто стоял за ним, никогда бы не доверили постороннему лицу, если бы не считали, что присяга состоялась, хотя и не непосредственно между Тайнад и нанимателем. А такая ситуация казалась ей сомнительной.

Надо будет это обдумать со всей тщательностью! Засунув две палочки в тайники, которыми служили ей пряди кос, Тайнад очень долго сидела, глядя в бассейн у себя под ногами. Потом, повернувшись, она нажала кнопку, вызывавшая горничную, которая, как она была уверена, ожидала ее. Раз уж она пришла сюда, ей следует полностью использовать блага, предложенные ей, прежде чем принимать трудные решения.

* * *

Жофре сидел у небольшого стола в кафе под открытым небом, рядом с ним на стуле примостился жат. Прохожие шли по своим делам вереницей, сменяя друг друга, и их пестрое разнообразие могло приковать к себе интерес любого досужего наблюдателя. Но его интересовало одно, где в этой разнообразной толпе затаился тот, кто интересовался только ИМ, в этом он был уверен.

— Берегись!

Ниточка мысли, но Жофре в последние несколько дней приучил себя воспринимать ее, не обнаруживая удивления. Тайнад удавалось лучше общаться с жатом, чем ему, но иногда это существо добиралось и до него. Он, помешивая в стакане, наколол на специальную вилочку в виде копья одну сладкую ягоду синего цвета и, вытащив, протянул жату, с благодарностью схватившему лакомство лапкой.

— Где? — Жофре изо всех сил напряг мысль.

— Красное. — От этого не было почти никакой пользы. Очевидно, жат пытался передать ему нечто большее, но ему удалось понять только это слово.

Красное, что могло быть красным? Вполне возможно, что жат указал признак чего-то, что находилось поблизости от них.

Красный цвет весьма обычен, он заметил по меньшей мере два красных женских платья, короткий жакет, даже платок — и все это за несколько минут. Но это было на тех, кто шел мимо. А поскольку они остановились здесь, преследователь, несомненно, бросил якорь где-нибудь поблизости.

Красное... Но он не может разыскивать его в открытую. Жат поскреб лапкой его руку. Может быть, он хочет получить еще одну ягоду? Возможно, но все чувства Жофре были напряжены, возможно, существо хотело сказать ему что-то еще. Он чуть повернул голову, чтобы лучше разглядеть своего маленького спутника, и заметил, как он поводит одним ушком, словно отгоняя насекомое. Красное...

За тем дальним столом. Действительно красное, такого необычного оттенка, что он привлекал внимание. Но он не может повернуться, чтобы не выдать себя.

Вместо этого он поднял стакан с кусочками разных фруктов и принялся вылавливать оттуда другой гостинец. Стакан был сделан из блестящего материала, в его стенку можно было смотреть, как в зеркало, в которое он мог наблюдать совершенно свободно.

Мужчина за соседним столиком имел размер и пропорции гуманоида, насколько Жофре мог судить. Но в целом у него была необычная для человека внешность. Вместо обыкновенного костюма, который на этой планете напоминал космонавтский костюм, этот посетитель был одет в короткую тунику до колен и сапоги, так плотно прилегавшие к ногам, что через них можно было заметить, как двигаются его мускулы. Кожа на промежутке между туникой и сапогами была черная, а голова, плечи и хохол, спускавшийся на спину на манер гривы, были покрыты пронзительно красно-рыжими густыми клоками растительности.

Жофре удивился, что для слежки выбрали такое заметное существо. У него были явно человеческие черты лица, и над каждым глазом также виднелись клоки меха. Насколько Жофре мог судить, незнакомец не обращал внимания на них с жатом. Он был совершенно поглощен поеданием мелких, отчаянно извивающихся существ, которых загребал с подноса, стоявшего перед ним. Но Жофре верил Яну, полагававшему, что этого незнакомца надо опасаться.

Если бы с ним была Тайнад, он бы сейчас поднялся и ушел с видом человека, спешащего по какому-то делу, чтобы проследить, бросит ли гривастый свой обед, чтобы последовать за ним. Но Тайнад еще не пришла, и Жофре не

знал, как скоро она вернется. Ароматическое заведение отделяли от этого места шесть магазинов, и Жофре начинало казаться, что Тайнад отсутствует уже целую вечность.

Гривастый закончил свою трапезу, похлопал себя по животу и икнул. К какому бы миру он ни принадлежал, его манеры явно оставляли желать лучшего.

Жофре выловил последний фрукт из стакана и угостил им Яна, оставив стакан в таком положении, чтобы можно было еще понаблюдать за незнакомцем. Но Ян вдруг издал радостный крик, оба его ушка наклонились вперед, и он сорвался с места навстречу Тайнад.

Действительно, аромат! Жофре ощутил смешение запахов, когда она подходила к их столику, ее походку отличала спокойная грация, которой он не замечал с тех пор, как увидел ее в огромном зале на Тссеке.

— Было приятно? — спросил он, поднимаясь, чтобы поприветствовать ее, когда она подошла, держа жата за руку.

— Там была весна... — сказала она со вздохом. — Действительно, в путешествии можно многое узнать. Так ты скучал по мне, малыш? — Она улыбнулась Яну. — Разве этот высокий воин плохо к тебе относился?

— Нам пора возвращаться. — Жофре приблизился к ней на два шага, повернувшись спиной к гривастому и сделав знак, призывающий ее насторожиться.

— Когда хорошо, время летит быстро, — ответила она. — Да, пожалуй, нам действительно пора вернуться. Может быть, у Зуржала наконец есть для нас новости.

Она не сделала никакого знака в подтверждение того, что заметила сигнал, но Жофре был уверен, что она его не пропустила. Теперь, чтобы быстрее идти через толпу, сгущавшуюся по мере приближения вечера, он посадил жата к себе на плечо и почувствовал, как его почти человеческие ручки крепко вцепились в тюрбан. Он не стал носить полный головной убор Ложи, но ограничился тем, в чем чувствовал себя удобно.

Тайнад пропустила его на пару шагов вперед и остановилась, словно хотела застегнуть туфлю, а потом легкой походкой догнала их.

Она пошевелила указательным пальцем. Гривастый шел следом. Но пока у них не было оснований стараться от него избавиться, поскольку они возвращались всего-навсего в свой отель.

— В этом городе так душно! — вдруг сказала она. — Я с тоской думаю о склонах Трех Когтей или даже о Серых скалах, как они могут жить в такой суете?

Жофре удивился. Ему самому казалось, что его посадили в загон для скота у какого-нибудь лорда, да еще загнали туда стадо. Все время приходилось видеть что-то новое, с этим он мог согласиться, но от постоянных перемен и разнообразия человек устает. Но дисциплина исша учила терпению, а он хорошо выучил все уроки. И еще это вынужденное безделье! Но может быть, то, что она сказала, могло дать ответ на пару вопросов, преследовавших его.

— А если придет весть с Асбаргана, ты не присягнула?

— Нет. — Ее ответ был очень резким и отрывистым. — Но моя миссия была рассчитана на долгий срок, когда я покидала Су-вен-юген. Они не подумают, что я уже освободилась, а известие, которое обещал передать Патруль, не сразу дойдет до Первой Сестры. Может быть, поскольку у меня нет денег, а эти тссекийцы конфисковали все, что у меня было, я окажусь в долгу перед Ученым, и тогда в Ложе решат, что я должна буду ему отслужить задолженность. Как бы там ни было, с присягой или без нее, я обещала закатанину услугу за услугу и буду помогать, пока он во мне нуждается.

— Это будет не такая служба, для которой тебя готовили. — Жофре был отчасти убежден, что она думала именно то, что говорила.

— Полезно иметь разнообразный опыт, — ответила она. — Как по-твоему, Ученый добьется успеха, на который рассчитывает? Я знаю, что его сканер показал прошлое на Тссеке, но получится ли это на Лочане? Мне кажется, что это такая же игра, как бросание камушков для жребия.

Когда они вернулись, закатанина в номере не было, и Жофре тщательно обыскал помещение, осмотрев все комнаты, их сектор балкона, как он это делал всегда. За ним

ходил жат, который как будто мог унюхать скрытую опасность. Интересно, торчит ли этот гривастый в нижнем вестибюле? И что нужно тем, кто навел его на след? Это какие-нибудь замыслы Гильдии? Эта мысль требовала внимательного анализа. Основываясь на том, что приходилось слышать, Жофре считал Гильдию очень мощным противником.

Когда закатанин вернулся, его оборка стояла дыбом, но была окрашена не в алый цвет, как это бывало, когда он зол или огорчен, а в ярко-лазурный, это у него был цвет удовлетворения миром.

— Наконец-то нам улыбнулось счастье, — объявил он, не успев закрыть за собой дверь. — Приземлился вольный торговец, который уже дважды побывал на Лочане. Он не только приземлился, капитан готов отправляться на Лочан. По-видимому, он заключил сделку с какими-то торговцами и установил контакт с племенем, живущим в пустыне. Он добыл там новый драгоценный камень, хорошего качества, и даже выставил его на аукцион в приличном торговом доме.

— Такую находку нельзя держать в секрете, он хорошо знает, что теперь туда устремятся другие, поскольку права для торговых сделок на Лочане никогда не выставлялись на аукцион. Может приложить руку и Патруль, но по закону он не имеет права запретить капитану вернуться на место, где он совершил открытие. И он хочет собрать весь возможный урожай, пока не начнется лихорадка. Это значит, что он уже закупает припасы...

— Но возьмет ли он с собой пассажиров? — хотел знать Жофре. — Если вольный торговец собирается разрабатывать сделанное им открытие, его команда, вполне возможно, не захочет вести с собой конкурентов.

— Я уже разговаривал с ним перед его последним путешествием. Он хорошо знает, что мои планы никак не связаны с его бизнесом. Я послал ему записку и ожидаю ответа. Если он собирается скоро отчаливать, его транспорт должен быть в порядке. Пожалуй, нам пора начинать собираться.

Зуржал так горел энтузиазмом, что заразил им своих спутников. Жофре взял тайм-аут, чтобы очень внимательно осмотреть купленное им оружие, а также шокер, который Зуржалу удалось для него сохранить, с большим трудом выпросив у Патруля разрешение. Такие же шокеры он захватил и для себя и для Тайнад.

Жат уселся на широкую подушку, наблюдая, как девушка укладывает вещи в своей комнате. Быстрое движение, ее рука поднялась к косе и прикоснулась к спрятанным там палочкам. Может быть, так будет лучше всего, хорошо бы ей только передохнуть перед тем, как отправиться в путь. Она покачала головой, отгоняя собственные мысли. Почему ей так не хотелось исполнять приказание, которое было ей передано?

Потому что она не приносила присягу, как их учили? Потому что поручение доставила ей женщина, которая, как ей было известно, работала на Гильдию? То, что Шагга могли обратиться за помощью к Гильдии, приводило ее в полное недоумение. Она была подготовлена убивать и имела оружие, которым поклялась действовать. Но Гильдия была далека от Лож, с их традиционными представлениями о чести. И еще: Зарн сказал, что Жофре отступник, предатель, но история, которую он ей рассказал, вызвала у нее полное доверие, так как она имела возможность наблюдать его действия день за днем.

В нем не было ничего такого, что наводило бы на мысль о его враждебности по отношению к Ложе. Скорее, это был оговор какого-то священника. Но почему они его сразу же не убили? Тайнад стояла очень неподвижно, держа в руках сложенную рубашку. Главная присяга всем им, Братьям, Сестрам — не предполагает кровопролития своих. Может быть, тот священник не решился на открытое убийство, потому что боялся, что с него за это спросят. Может быть, он надеялся, что за него с юношей расправятся горные снега? Что касается причин такой необузданной ненависти, они явно скрывались в том, что она ощутила — что в этом исша таятся семена асша. Да, Шагга никогда не допустят, чтобы среди них появился вождь, в жилах которого течет

кровь инопланетника, они слишком соблюдают древние традиции. Поэтому они хотят его вернуть, чтобы теперь он умер от их рук, только это даст им чувство безопасности.

Теперь она понимала этих других. Она уронила рубашку и достала палочки из тайника, сжала их еще раз, чтобы прочитать известие. Выдай его Гильдии, проследи за тем, чтобы его схватили.

Приказ, но не присяга! Она вздернула голову, словно стоя перед Первой Сестрой в своей Ложе. Она не могла считаться присягнувшей только оттого, что Зарн прислал ей это известие. Необходим ритуал и должна пролиться кровь, иначе предательницей станет она сама.

Они скажут, что она не присягала закатанину, но она ведь перед ним в долгу. А Тени платят свои долги, неважно, подписан ли вексель кровью. Нет, она вовсе не собирается вступать в контакт с этой женщиной из Гильдии, может быть, время будет им благоприятствовать и они окажутся на борту торгового корабля до того, как им придется встретиться вновь.

Тайнад еще подержала палочки между пальцами. Она чуть не сломала их. Но она этого не сделала, это было не принято. Она снова засунула их в тайник и решила положить в будущем на волю случая.

Глава 24

— Билет? Вы можете его купить. Добравшись до планеты, вы будете предоставлены сами себе, а обстановка на Лочане — недоброжелательная. — Этот голос, больше похожий на низкое грудное рычание, звучал странно, вырываясь из груди столь щедедушного мужчины, глядевшего на них снизу вверх из-под густых кустистых бровей, как будто он был настроен подозрительно. По контрасту с густыми бровями его череп был полностью лишен волос, не было даже венчика вокруг лысины. На его блестящей, обветренной, как у всех космонавтов, коже в некоторых местах были разбросаны пятна с более темной пигментацией. Капитан

Гозал едва ли превосходил привлекательностью свой обшарпанный, побитый в полетах корабль.

Жофре, который сидел в каюте, прислонившись спиной к стенке, не испытывал никакого восторга, напротив, он был раздражен, и будь на то его воля, немедленно покинул бы «Гончую Харена» и предпочел бы находиться от него как можно дальше. Но, по-видимому, Зуржал пришел к выводу, что у них нет выбора. У них был шанс либо лететь на этом корабле, либо не лететь вообще, а со времени своего прерванного эксперимента на Тсесеке он был одержим желанием как можно скорее испытать сканер.

— У вас есть флиттер. — Оборка Зуржала колыхалась.

Жофре видел, как его патрон изо всех сил старается не обнаруживать своих эмоций.

— Он мне самому понадобится. Вы слышали мои условия. — Этот капитан не старался оказывать закатанину знаки уважения, как того требовала элементарная вежливость. Жофре был уверен, что вместо этого негодяй намеренно делал контракт с ним как можно неприятнее для пассажиров.

— Нам надо будет добраться к Взыбленной земле. — Зуржал по-прежнему делал все возможное, чтобы не замечать явной враждебности капитана.

— Когда мы сядем, можете отправляться, куда хотите. Я не бюро путешествий и не устраиваю туры. Здесь много таких заведений, можете обратиться туда.

— Они работают только с планетами, занесенными в утвержденный перечень. — Зуржал по-прежнему сдерживался, но его оборка стала наливать багрянцем. — Мы не путешествуем. Нас интересуют исследования, испытание изобретения. Как я слышал, вы тоже сделали недавно на Лочане открытие. Видите ли, то, что исследуете вы, меня не интересует. Мне нужны древности — стоянки предтеч.

— Вы пользуетесь поддержкой Конфедерации. Так зачем же обращаться ко мне? Где там ваши корабли-первопроходцы? Я торговец, а не исследователь.

— Скорее, вы тоже исследователь, но ищете другое, — возразил Зуржал. — Однако я согласовал с руководством вопрос путешествия на «Гончей Харена».

Капитан резко вскинул голову, в его глазах зажегся злобный огонек.

— Вы не можете заставить вольного торговца подчиняться какому-то там руководству, что бы вы там с ним ни согласовывали. Если нет контракта, с меня и спроса нет!

— Вопрос времени, — заметил Зуржал. — Когда будет аукцион? Сегодня вечером. Если вы срочно не покинете планету, за вами устремятся десятки добытчиков, чтобы посмотреть, что им удастся урвать для себя.

Капитан ответил не сразу. Его рот с толстыми губами был закрыт, напоминая капкан, пружина которого могла с секунды на секунду поразить жертву, а шея начала багроветь, и этот цвет в конце концов окрасил весь его голый череп.

— Значит, вы навязываетесь мне на основании этих треклятых правил, чтобы я еще и отвечал за вашу доставку на Лочан? Ну хорошо, значит, вы расставили в этой игре звезды, как бы только кометы не оказались в других руках! Вы заплатите...

— Я намерен заплатить сполна... — перебил закатанин. — Я полностью оплачу перелет четырех лиц.

— Четырех? Капитан переводил взгляд с Зуржала на Жофре и обратно, словно хотел, чтобы они скрылись с его глаз немедленно.

— В нашей разведывательной партии четыре члена. Вы найдете список у портового начальства. Список составлен на десять дней.

— Какой ты самоуверенный, человек-ящерица!

— У меня был список ваших полетов за два минувших планетарных года, капитан Гозал. Я долго стремился на Лочан, кажется, вас он тоже давно интересуется.

Капитан положил руки ладонями вниз на стол, на котором уже в беспорядке валялись записи и микрофон.

— Хорошо. Но вам придется довольствоваться тем, что вам дадут. Мы вам не пассажирский лайнер. Места вам бу-

дет мало, а за питание вы отдадите нашему стюарду свои расписки. И еще — лицензия действительна, только пока вы на борту. На Лочане устраивайтесь как хотите, там местный закон — в мою пользу. Я не собираюсь сгружать с корабля персонал или оборудование, которые понадобятся мне. А нам нужно все, что у нас есть. Так что подумай об этом, ящерица прежде, чем залезать на мой корабль!

— А что, если все будет так, как он говорит? — спросил Жофре, когда они сели на флиттер, который должен был доставить их из порта во внутренний город. — Он что, может выбросить нас в какой-нибудь дикой пустыне, и никто с него за это не спросит? Так бывает?

— Это вполне возможно. Однако, — закатанин, казалось, несколько не расстраивался из-за столь неопределенных перспектив, — существуют другие факторы. Я, насколько мог, изучил Лочан. К сожалению, как тебе известно, данные, полученные экспедицией, разделили судьбу ее членов. Однако в нашем архиве есть первый отчет изыскателей, а также сообщения вольных торговцев вроде Гозала, которым, правда, меньше повезло, чем ему.

— Он может отказываться обеспечить нам транспорт для передвижения по планете, но зато мне известно, где сядет его корабль. Там есть порт. Инопланетники там не работают, но поблизости от него, очевидно, вырос торговый поселок. А там, где есть торговцы, бывают и поставщики, привозящие товары. У нас есть жат...

— Ян? Но какое он имеет ко всему этому отношение?

— Связь, Жофре. Все, что мы делаем, должно начаться с общения. А есть туманные данные о том, что те, кто водят свои караваны в этих краях, интересуются контактами с другими мирами. О, я всеми силами... я хотел сделать это и добьюсь своего, — закатанин повернулся лицом к Жофре, его оборка окрасилась лазурью. Вокруг него разлилась аура, которую узнал Жофре. Такое состояние испытывали и ища, присягнувшие выполнять свою миссию. Ему оставалось лишь надеяться, что закатанин знает, что делает, и справится со своими планами. Что касается Жофре, то у него не было выбора — он присягнул.

* * *

Как ни странно, вернувшись на корабль с Тайнад, Яном и багажом, они встретили там совершенно иной прием. Гозал, который, очевидно, очень торопился, на секунду остановился их приветствовать и оказал им некоторые знаки вежливости. Их проводили в две тесные каюты в дальнем конце корабля. В одной разместились Тайнад с Яном, другую заняли закатанин с Жофре. На раскладывание их багажа потребовалось немало времени, часть вещей пришлось запихнуть в грузовой отсек. Жофре ожидал, что это доставит им неприятности, но член экипажа, помогавший ему, оказался предупредительным, хоть и неразговорчивым.

К их удивлению, капитан разрешил пользоваться еще одной каютой, служившей для отдыха членов экипажа. Жофре сопровождал патрона в эту кают-компанию, но, к его удовлетворению, помещение оказалось таким же маленьким и не оставляющим недоброжелателям возможности спрятаться.

Казалось, что выйдя в космос и оказавшись в положении хозяина, Гозал изменил свое мнение о закатанине и его экспедиции.

Он не только охотно и исчерпывающе отвечал на все вопросы Зуржала относительно условий на Лочане, но даже дважды вызывал членов своей команды, чтобы те показали образцы предметов, купленных ими у местных ремесленников, и рассказали о своем опыте общения с местным населением.

Оторвавшись от Верного пути, капитан пришел в хорошее настроение и даже охотно рассказывал о собственном открытии, надеясь, что найденные им драгоценные камни обеспечат безбедное существование ему и хорошие перспективы «Гончей Харена».

Он оставил два камня себе, не передав их на аукцион, и с гордостью продемонстрировал их пассажирам. Жофре, который совершенно не был привычен к таким предметам, смог оценить их достоинства: хотя камни были совершенно не обработаны и не огранены, они излучали странный внутренний свет.

Показывая камни, Гозал рассказывал:

— Теперь коросские камни в цене. Конечно, в основном благодаря запаху, который они издают при ношении. «Королева Солнца» так о них раструбила, что за ними по следу отправилась одна Компания. Сколько было шума! Нам пока что везет. Мы зарегистрировались, и средства, полученные от аукциона, пойдут в основном на оплату участка месторождения. Мы работали два планетарных года и сделали немало.

— А где вы их нашли? — спросил закатанин.

Капитан расхохотался:

— Вот уж был бы ответ так ответ! Не то чтобы я думал, что такие, как ты, лорд-ящерица, будете мне угрозой. Но торговец хранит свои секреты, они такой же капитал, как его другие богатства.

И он, и его стюард рассказывали всевозможные истории о торговцах, прилетавших в порт. Но они оба признавали, что с местным населением контакты устанавливать трудно: у них строгие обычаи и при общении надо соблюдать много правил.

Пока Зуржал с Жофре слушали рассказы капитана в кают-компании, Тайнад не выходила из своей каюты, она страдала клаустрофобией, которая, по правде говоря, донимала и Жофре. Те, кто родился в горах, не слишком хорошо чувствовали себя в ситуациях, напоминавших о тюрьмах или западнях.

Она была уверена, что перед отлетом ее посетит еще один эмиссар Гильдии, действующий от имени Зарна. Но этого не произошло. Означало ли это небрежение, уверенность, что она приняла миссию? Но если они собирались заманить Жофре в ловушку, почему не сделали это на Верном пути, где было много кораблей, так что доставить его на Асбарган можно было без хлопот?

Гозал ясно дал понять, что вернуться с Лочана они могут только на том же корабле, на котором летят сейчас. Это была загадка, а загадок она никогда не любила.

Она проводила много времени с жатом, стараясь укрепить с ним интеллектуальную связь. Пару раз существо

действительно спроецировало в ее мозг ментальный образ, хотя и туманный, и этот образ продержался в ее сознании несколько секунд. Тайнад работала серьезно и целенаправленно, она была полна решимости усовершенствовать отношения с Яном.

Когда закатанин принимался за расчеты, касавшиеся работы его сканера, а он брался за дело урывками, их навещал Жофре, и хотя Тайнад сомневалась в разумности привлечения его к экспериментам, жат включал его в контакты. Таким образом, они старались усовершенствовать то, что должно было стать их оружием.

Члены экипажа, проводившие большую часть своей жизни в железном чреве корабля, вызывали недоумение Жофре. Ему казалось, что человек, день за днем видевший лишь искусственный свет да металлические стены, должен был неизбежно сойти с ума. Ему приходилось выполнять интеллектуальные упражнения, работать с Тайнад и жатом и делать мысленные заметки обо всем, что касалось Лочана и могло пригодиться в будущем. Кроме того, его в этом полете согревало сознание, что рано или поздно он должен подойти к концу.

Что однажды и произошло: им дали команду пристегнуть ремни для посадки. Посадка корабля произошла так гладко, словно они прибыли в благоустроенный порт.

Жофре ужасно хотелось посмотреть, что лежит за железной скорлупой, в которой они так долго просидели, набрать в легкие свежего воздуха, освободившись от затхлой атмосферы корабля, всегда вызывавшей у него тупую головную боль. Он совершил обычную процедуру проверки оружия совершенно автоматически, привыкнув к ней настолько, что его сознание не должно было участвовать в процессе.

Им надо было выгрузить багаж, и Жофре надеялся, что они не задержатся на борту корабля сверх требующегося для этого времени, хотя он совершенно не представлял, где они остановятся на Лочане.

Сойдя по трапу на землю, пышущую жаром от пламени, вырывавшегося из хвоста корабля, Жофре изумился уви-

денному. Асбарганский порт насчитывал два планетарных поколения: там было несколько инопланетных зданий, построенных в недавнее время для удобства путешественников.

Верный путь был портовой планетой и жил только путешественниками-космонавтами, используя все свои ресурсы на их обслуживание и обеспечение перелетов по звездным путям.

Взглянув поверх плеча закатанина, Жофре увидел каменную пустыню, в некоторых местах камни были обожжены следами других посадок кораблей. Дальше, вплоть до горизонта, тянулась голая равнина, на которой в большом отдалении находились какие-то крайне грубые и неуклюжие, возможно, жилые строения. Солнце палило, хотя до полудня было еще далеко. И жар от почвы, больший, чем был вызван прогревом от посадки корабля, дышал на них. Растительности, во всяком случае, такой, которую он мог распознать, не было заметно, если только видневшиеся вдали желтые пятна не были низкой травой. Небо бледно-голубое, с зеленоватым оттенком. Место было зловещее, особенно для того, кто вырос в горах.

— Вот ты и прибыл, ящерица, — сказал капитан, указывая толстым пальцем на отдаленные строения. — Это единственный город на Лочане, о других я, во всяком случае, не слышал. Не думаю, что там много мест, в которых можно было бы остановиться. А вот и идут нас приветствовать.

И действительно, вдали, где на земле были желтые пятна, стало заметно какое-то движение в их сторону. Жофре полагал, что капитан тут же выкатит флиттер, чтобы отчалить на нем к поселку, но тот, казалось, с некоторым удовлетворением ожидал приближения представителей местного населения. Правда, он достал переговорное устройство и держал палец на кнопке включения.

То, что он протрещал в микрофон, было либо зашифровано, либо сказано на местном языке, совершенно непонятном для остальных слушателей. Жофре его действия не понравились. Он не знал, чего бояться, но насторожился, чувствуя, что никому вокруг нельзя доверять.

На Верном пути они изучили все записи, касавшиеся Лочана, но в тех материалах, которые были у закатанина, ничего не говорилось об этом городе, там описывалась планета в целом. Жофре знал, что большую часть континента занимала равнина, такая, на которой они сейчас находились, и большую часть года она оставалась сухой и пустынной. По этим прериям кочевали местные племена в поисках корма для скота, мясо и молоко которого составляло их основную пищу.

Зуржала интересовало то, что лежало на севере. Там, за пределами видимости, находились остатки очень древнего вулканического выброса, следы разлившейся лавы, образовавшиеся горы, стоявшие теперь обветренными и полуразрушенными временем. Земля там была еще более безжизненной, чем участок, на котором они теперь находились. Жофре это знал и от этого чувствовал себя еще более неспокойно. Может быть, из-за одержимости закатанина они оказались в такой дикой местности, выжить на которой инопланетники не могли? Если бы в их распоряжении был флиттер, они имели бы большие шансы, но Жофре не замечал никаких попыток экипажа продолжать полет на другом виде транспорта.

Время от времени Гозал возобновлял таинственные контакты со своим неизвестным собеседником. Зуржал перебрался через гряду камней, лежавшую вблизи места посадки, телохранитель последовал за ним. Жофре убедился, что был прав: почва впереди была покрыта слоем растительности, больше походившей на мох или лишайник. В этих зарослях кипела жизнь: всякие мошки взмывали в воздух, кружили и снова скрывались в траве.

Жофре вздрогнул, когда одно из насекомых, сев на его руку, укусило его, может быть выпустив под кожу какую-то жидкость. Он надеялся, что прививки, которые были им сделаны на Верном пути, уберегут его от заразы и единственным последствием укуса окажется боль.

Наконец караван из «порта» добрался до них. Они отошли в тень от корабля, так как солнце безжалостно палило. На Верном пути Жофре повидал всяких особей из разных

миров, но пестрая компания, вышедшая к ним навстречу, казалось, соединяла все капризы природы, существовавшие во Вселенной, которые могли ей привидеться в каком-нибудь фантастическом сне.

Они прибыли не на антигравитационных тарелках, их транспорт отличался от того, что доводилось видеть Жофре, это был странный скот. Во-первых, в отличие от всех своих ездовых сородичей, эти животные двигались не на четырех ногах, а на двух, тело их располагалось вертикально, а ноги были толщиной со ствол деревьев! Их кожа, насколько мог судить Жофре, была полностью лишена щетины или меха, ее покрывали лишь наросты и бородавки, а цвет кожи был очень темный, темнее даже, чем скалы, среди которых они оказались. Головы у них были относительно тела непропорционально малы и омерзительно похожи на человеческие, хотя их маленькие глаза не отражали никакого присутствия разума. На шее у этих существ было надето ярмо, на котором прикреплено седло, больше напоминавшее сиденье качелей, которое они постоянно поправляли при ходьбе, а на них сидели остальные члены прибывшей компании. На первом животном расположился явный гуманоид, возможно, даже потомок терранцев, в костюме, словно нарочно пародировавшем форму начальника порта. На втором сиденье на том же животном находился инопланетянин, поразивший Жофре. Эта тусклая темная кожа, эта огненно-рыжая грива! Он мог бы быть близнецом того, кто следил за Жофре на Верном пути, а то и тем же самым гривастым, если не считать, что он никак не мог бы оказаться на Лочане до них, а на корабле было так тесно, что он физически не мог там спрятаться.

Гуманоид посмотрел на Зуржала.

— Я Вок Би, начальник порта Лочана, — объявил он металлическим голосом. — Это закрытый порт, куда не допускают посетители.

— У меня есть это. — Закатанин протянул ему узкую ленту сообщения, уже заправленную в прибор для считывания размером с кольцо.

Вок Би взял ленту с осторожностью, словно боялся, что в ней могло быть заложено взрывное устройство. Зуржал, должно быть, не сомневался в эффекте документа, который был им представлен.

Глава 25

Самозванный начальник порта включил считывающее устройство, правда, казалось, ему не хотелось надолго выпускать закатанина и его телохранителя из виду, судя по тому, что он несколько раз, прерывая чтение, искоса поглядывал на них, ничуть не умеряя вначале выказанного недружелюбия. Тем временем Жофре изучал его лицо.

На их встречу прибыло четыре вьючных животных, и у каждого на спине помещалось по два седока. Помимо гривастого, было еще трое, по-видимому принадлежавших к тому же виду, правда, их гривы были окрашены не огненно-рыжим, а соответствовали цветам растительности, по которой они ходили. Жофре подумалось, что они даже сделались бы незаметными, если бы залегли на мох лицом вниз. Еще один гуманоид в этой компании выглядел более привычно в своем сером плаще, такого же цвета, как некоторые из скал, окружавших их, покрытом бессмысленными линиями. Его круглый череп был так же гол, как у капитана Гозала, а кожа была желтой, как асбарганский мед, и лоснилась, словно ее специально натерли жиром. Черты его лица были крупнее, чем у гривастых, а губы — так узки, словно в его одутловатом лице была попросту прорезана щель.

Глаза были такими выпуклыми, что Жофре сомневался, могут ли их закрыть его красноватые веки. Эти глаза навывкате походили на зеркала, в которых ничего не отражалось, и, встретившись с ним взглядом, Жофре совершенно не мог понять... что у него на уме. Он явно принадлежал к другому виду, нежели его спутники, при этом, должно быть, занимал какой-то начальственный пост, судя по тому, что они помогли ему слезть с седла и пошли на шаг сзади за

ним, когда он отправился навстречу прилетевшим инопланетникам.

Еще двое прибывших соскользнули с седел, но остановились рядом с животными. Как и лоснящийся, они были одеты в серое, но на их одежде не было рисунка. Один из них отбросил плащ в сторону нетерпеливым движением, словно наряд был ему непривычен, и Жофре успел заметить не только его мускулистую руку с желтой кожей, но и пояс, на котором висел нож, сверкавший сталью, точно так же, как его оружие. Хотя эти двое были одеты, подобно остальным, они держались в стороне от тех, кто, по-видимому, был старше их по чину. Однако их лица имели общие с ними черты: узкогубые широкие рты, глаза навывкате. Только у этих двоих головы имели некое украшение — хохол, начинавшийся на лбу, между глаз, и тянувшийся к затылку и основанию шеи. Жофре не понимал, было ли это нечто искусственное или у них на голове имелись кожные складки, подобные оборке вокруг шеи закатанина.

— Вы много на себя берете. — Голос начальника заставил Жофре вновь переключить внимание на патрона и его собеседника.

— Я ничего на себя не беру, начальник порта. Я желаю получить лишь то, что Главное Управление всегда гарантировал представителям моего мира. Мы Хранители...

Было очевидно, что начальник против своей воли проникся уважением то ли к невозмутимому поведению закатанина, то ли к бумагам, которые тот ему показал.

— Это закрытая планета, Ученый. У нас нет оборудования для экспедиций, а если бы мы им и располагали, то нам запрещалось его предоставить. Там живут те, кто сочтет вас хорошей добычей. — Он указал на горизонт. С вашей стороны глупо надеяться, что вы доберетесь до Вздыбленной земли.

Впервые в разговор включился лоснящийся. Он издал поток взвизгов и присвистов на очень высоких тонах, что странно не соответствовало его могучему телосложению. Зуржал быстро оглядел набор инструментов, которые он прикрепил к своему поясу перед посадкой. Когтистыми

пальцами он достал оттуда диск и выставил его перед говорящим. Тот взвизгнув, отступил, а двое сопровождавших его зарычали и оскалились, показывая белые клыки, не менее острые, чем ножи, откуда ни возьмись появившиеся у них в руках.

— Это переводчик — моей речи на твою, и твоей на мою, — хладнокровно пояснил Зуржал, при этом Жофре изготовился к прыжку на случай, если желтогривые дикари решатся напасть на его патрона.

Из диска вырвались свист и визг, и лоснящийся отпрянул, словно прямо у него под ногами показалась и стала раскачивать головой с вытянутым жалом большая кобра. Потом его вытаращенные глаза заморгали. Рукой он нарисовал в воздухе какой-то знак. Жофре все понял без переводчика — лоснящийся абориген Лочана отгонял от себя порчу.

— Инопланетная порча! — взвизгнул переводчик. — Кто ты такой, змеиная кожа, чтобы ходить по нашей земле? Что ты ищешь? Здесь тебя не ждет ничего хорошего.

— Я ишу знание, а это лучше, чем невежество, Боготворящий. То, что мне удастся найти, будет бесплатно передано местным ученым. Ты разве сам не из них?

И снова огромные глаза заморгали. Дрожащая рука опять попыталась нарисовать в воздухе знак, но не закончила его. Между тонких губ показался кончик зеленого языка, облизавший их, словно готовясь сделать некое важное сообщение.

— Передать знания? Это всегда приветствуется. Но что ты можешь нам дать полезного? Законы вашего мира запрещают привозить сюда то, что открывает большие знания, это нам постоянно говорят.

Теперь в этом священнике, если это был священник, произошла перемена, и Жофре показалось, что он знает такой тип. Жофре без переводчика понял, что, отогнав то, что этот священник считал колдовством, скорее всего уступавшим по силе местному, пытается вычислить, какую выгоду он сможет извлечь из демонстрации если не доброжелательности, то, по крайней мере, нейтралитета.

— Знания бывают разные, Боготворящий! Некоторые из них закон разрешает передавать, и я буду рад разделить их с вами.

— У сделки бывают две стороны, — просвистел переводчик. В этом голосе звучало нетерпение, словно священника раздражало, что Зуржал никак не перейдет к делу. — Что ты желаешь получить?

— Это мы можем обсудить в более удобном месте в другое время, — твердо сказал закатанин, поворачиваясь к начальнику порта. — Мы готовы выполнять правила наравне с вами. Вы видели наши документы, удостоверяющие полномочия. У вас есть сомнения?

Человек, назвавшийся Вок Би, переводил взгляд с закатанина на священника. На соплеменника он смотрел с некоторым удивлением, как истолковал его Жофре. Он, должно быть, не ожидал подобного ответа от местного жителя.

— Никаких сомнений, — ответил начальник порта. — У нас плохо с жильем, но мы можем предоставить вам часть пустующего склада, в котором вы сможете разбить лагерь. Следуйте за девзами, они проводят вас в порт.

Отвернувшись от них, он обратился к Гозалу.

Тот, кого называли девзом, повернул на своем животном к порту. Компания также повернула назад. Жофре забросил на плечо свой скарб и помог закатанину взвалить на плечи сканер. Тайнад пошла за ними за руку с Яном, в другой руке она несла свои вещи. В отношении доставки остального багажа им приходилось положиться на Гозала.

Их тяжелые космонавтские сапоги утопали во мху, откуда поднимались стайки насекомых. Жат свистел, хлопая себя по телу, и Жофре усадил его на плечо поверх своей ноши, расправил плечи, чтобы приноровиться к увеличившейся тяжести, и пошел дальше, стараясь не замечать укусов.

Всадникам приходилось легче, чем тем, кто тащился за ними пешком, но зная теперь свою цель, инопланетники несколько не старались пойти побыстрее. Насекомые очень им докучали, правда, кожа закатанина, должно быть,

неплохо защищала его от наиболее сильных укусов. Только Жофре и Тайнад пришлось призвать на помощь весь свой стоицизм, чтобы выдержать их натиск. Жат, должно быть, оказался для насекомых в недосягаемости, так как те, беспokoясь о сохранности своей территории, не поднимались выше пары футов.

Вблизи порт не производил более выгодного впечатления, чем издали, от корабля. Строения были низкими, не выше одного этажа, и, должно быть, были сложены из переработанного торфа, по которому они пришли в город, судя по заметным остаткам мха, отливавшим теперь коричневым и темно-красным.

Город не обнаруживал никаких признаков на упорядоченность, улиц в нем не было. Должно быть, дома возводились там, где в них возникала нужда, и их местоположение диктовалось исключительно желанием строителя. Им стало попадаться больше вьючных животных, но без седоков и упряжи. Одни жевали мох, другие, очевидно стоя дремали. Ветерок, доносившийся из мест скопления этих существ, принес неприятный запах, наводивший на мысль, что эти граждане, если они были гражданами, а не скотом, — не являются приверженцами чистоты.

Проводник довел их до строения побольше и, не спешиваясь, указал знаком, что они могут войти в темный открытый дверной проем.

— Вот и наше пристанище, — сказал закатанин, заходя внутрь.

Длинное помещение было разделено перегородками, которые не доходили до крыши и разбивали его на отдельные кубические пространства.

Большая часть этих закутков была заполнена всякими ящиками, кувшинами, корзинками с какими-то сушеными растениями, издававшими самые разнообразные запахи. Жат громко вскрикнул и, вцепившись в руку Жофре, потянул его наружу, предлагая, по-видимому, покинуть помещение.

К счастью, рядом с дверью оказался свободный отсек, и Зуржал указал на него:

— Разумеется, апартаменты не назовешь особо роскошными, но это лучшее, на что мы могли бы здесь рассчитывать!

Жофре отцепил жата и передал шуплое барахтающееся тельце Тайнад, а сам занялся подробным осмотром этой дремучей дыры. Свет в нем горел, но он уступал яркостью не только сверкающим помещениям Верного пути, но даже мрачноватым залам Ложи. Его лучам приходилось пробиваться через пучки сушеной травы, подвешенные к потолку над перегородками.

Пол оказался каменистым, неровным, должно быть, в этом месте мох был расчищен. Он был достаточно твердым, чтобы его шаги гулко разносились по помещению, и должно быть, не таил неприятных сюрпризов. Поскольку стены были очень тонкими, в случае нападения на них нельзя было положиться, но с этим приходилось мириться.

Тайнад успокоила лихорадочно возбужденного жата.

— Этот священник, нам надо его остерегаться! — Она сознавала, что говорит нечто очевидное, что знает и сам закатанин.

— Этот священник может привести нас к тому, что нам нужно, — возразил закатанин. Он стоял, уперев одну руку в бок, сняв с плеча свою ношу, уложив сканер недалеко от своих ног. — Этот стремится к власти, а власть дают знания — все очень просто!

— Это просто звучит, но осуществляется гораздо труднее, — заметил Жофре.

В конце концов Гозал доставил им остальной багаж, который привезли к ним на гравитационной тарелке, не предложенной для доставки самих пассажиров. Посмотрев на свои искусанные ноги, Жофре добавил еще один пункт в счет, который с удовольствием бы выставил этому вольному торговцу.

Они видели местных жителей лишь мельком. Никто не подходил к складу, куда их так поспешно препроводили, не показывались и начальник порта или священник. Казалось, их пребывание здесь никому не интересно. Правда, Жофре заметил одного из вооруженных горилл, пришед-

ших на встречу с ними, который прогуливался мимо склада, соблюдая постоянные интервалы, словно находился на карауле.

Зуржал, должно быть, не возражал против ожидания. Терпение, по-видимому, было врожденной чертой у представителей его древней расы, тогда как Тайнад с Жофре оно давалось с трудом. Поскольку нигде поблизости не было ресторана или кафе, под вечер они неохотно открыли свои припасы и съели по очень экономной порции.

Все больше гигантов, использовавшихся для перевозки пассажиров, собиралось на отдых в то место, где инопланетники раньше их приметили. На некоторых был навьючен груз, у других на спине были прикреплены седла.

С наступлением вечера и заходом солнца температура изменилась. Жара, ставшая почти удушающей, рассеялась, и с севера задул холодный ветер. Жофре встал на пост у двери склада. За день никто не приходил за товаром, и создавалось впечатление, что они были там предоставлены сами себе.

— Один... идет. — На самом деле предупреждение жата оказалось излишним. Жофре хватило его собственного отточенного тревогой чутья, чтобы заметить приближение постороннего. Разумеется, «улицы» в вечернее время не освещались, но он уловил тусклое свечение, перемещавшееся в направлении склада со скоростью человеческих шагов.

Жофре не вышел на свет, а почувствовал, что сзади к нему подошла Тайнад, которая встала в двух шагах за его спиной, немного сбоку, как это сделал бы любой из Братьев. Его рука схватилась за рукоятку ножа. С Верного пути они захватили с собой шокеры, но капитан конфисковал их и спрятал под замок, так как этот вид оружия был запрещен на Лочане. Только Зуржал из-за своей искалеченной руки не был лишен этого оружия. Здесь они вернулись к холодному оружию, привычному для Жофре.

Вспышка света высветила круглое лицо. Если это не священник, встречавший их, то его соплеменник. До них донесся не только запах, свидетельствующий о том, что посетитель давно не мылся, но и слабый присвист.

— Пусть он войдет. — Зуржал вышел навстречу, готовый поприветствовать гостя.

Жофре подчинился, но встал прямо позади лочанина. Он без слов знал, что на его пост теперь заступила Тайнад с жатом, а его место — при патроне.

В их отсеке было достаточно света, и Жофре узнал священника, с которым ранее беседовал закатанин. В пухлой руке этот тип держал какой-то предмет, из которого струился слабый свет. В этом неясном мерцании его круглые глаза сверкали.

Зуржал приготовил переводчик.

— Приветствую, Боготворящий, тебя ожидали, час поздний. — В голосе закатанина слышалось неудовольствие; Жофре не знал передаст ли этот нюанс диск. Но он был уверен, что Зуржал займет по отношению к попу твердую позицию.

Из широкого рта их визитера вырвалось скверное дыхание. Он проскрипел в ответ:

— Акс, принадлежащий Роу, приходит и уходит не по желанию инопланетников. Я наблюдаю малое терпение, что вы здесь делаете, пришельцы?

— Я ищу, как уже было сказано, ищу знание. Ваш мир — стар, он видел много перемен, не правда ли?

— Роу работает так, как того желает. Земля и все, что на ней, для НЕГО не более, чем глина под ногами горшечника или железо для того, кто кует клинки. Но что ты знаешь о переменных, о которых говоришь? Ты не соединился с Роу.

— Роу существует во многих формах, — возразил закатанин. — Разве не может быть, что мы прилетели сюда по его воле? Акс, принадлежащий Роу, разве не тебе, стоящему к Роу так близко, он ниспосылает свои откровения? Или Акс только говорит от имени другого, который стоит к Роу ближе, чем он?

— Это мне в ухо шепчет Роу! — провизжал священник. — Скажи, что ты думаешь, путешественник, и я рассужу, является ли твое дело угодным Роу.

— Очень хорошо, — закатанин чуть наклонился, положив руку на ящик со сканером. — Акс, принадлежащий

Роу, я принес то, что порождено долгими занятиями и исследованиями старых записей. Этот предмет может выносить на свет древние события, которые не может удержать память мужчин и женщин, так как для этого она слишком коротка. На Вздыбленной земле есть место, которое несет на себе некий знак. Он был обнаружен моими предшественниками, прибывшими сюда в поисках знания. Но у них не было этого прибора, и они были изгнаны оттуда, не успев открыть то, что несомненно там скрывалось. Поэтому я пришел, чтобы продолжить их труд и раскрыть то, что прячется в тени веков.

— Только Роу может заглядывать назад дальше, чем на жизнь одного поколения!

— Я и не мог бы этого сделать без такого прибора. Но Роу позволяет людям развивать ученость, и благодаря ей я сделал этот прибор, а когда великое открытие будет сделано, весь почет будет принадлежать ЕМУ!

Священник отер рукой, свободной от фонаря свой тройной подбородок. Жофре был убежден, что он подобен своей братии и первым долгом станет раздумывать, что сможет на этом деле выгадать.

— А что тебе нужно, чтобы исполнить волю Роу в этом деле? — Их потребности также являлись предметом сделки.

Зуржал смог быстро изложить свои нужды.

— Нам нужен проводник, который поможет нам добраться до Вздыбленной земли, и транспорт для нас и нашей поклажи.

— Вздыбленная земля — это место Давно Умерших, проклятых, которые поклонялись Вунту. Ни один истинный последователь Роу не пойдет туда. Но... — Его визгливое тарактение на мгновение прервалось.

Жофре напрягся, сознавая, что то, что теперь скажет священник, имеет для него важное значение.

— Там было одно место, принадлежавшее Роу. И действительно, ходят многочисленные предания о скрытых ве-

ликих знаниях, погребенных там, когда Роу обрушил на эту землю огонь и землетрясение. Но почему мы должны допустить, чтобы такое знание оказалось в руках инопланетников? По какому праву ты претендуешь на знание, некогда принадлежавшее чадам Роу?

— Ни по какому, — парировал Зуржал. — Я сразу же отказываюсь от всяких притязаний на то, что будет найдено, если того желают чада Роу.

— Тогда что же ты получишь, инопланетник, если ты отказываешься от того, что найдешь? Почему ты и твои спутники отправляетесь в землю Давно Умерших, если вам от этого не будет никакой пользы?

— С помощью этого прибора, — закатынин показал на сканер, — я сделаю запись, которую дам вам посмотреть. Я желаю доказать, что с помощью изобретения можно раздвинуть мглу столетий. Для моего народа, Акс — это является главным делом жизни. Мы видим ценность в открытиях, независимо от того, остается ли от них то, что можно увидеть и пощупать, или их плоды могут отложиться лишь в умах.

— Это надо обдумать, — сказал Акс. — Тебе передадут ответ. — Он резко повернулся и удалился, не попрощавшись.

— У него есть основания, — решил заметить Жофре. Исша не умели читать мысли, но чувствовали чужие эмоции. Он был уверен, что Акс на самом деле взял тайм-аут, чтобы обдумать ситуацию, а если он согласится, то за его согласием будет скрываться какой-нибудь тайный замысел.

— Там стоит часовой, — прошептала Тайнад от двери, к которой они подошли, чтобы проводить своего позднего посетителя.

— Мы и не могли ожидать ничего другого, — заметил Зуржал. — Но мне кажется, нам нечего опасаться, пока наш друг не придет к какому-нибудь решению.

Глава 26

Жофре страдал не только от нетерпения. По его мнению, Зуржал превосходил ученостью даже священников Шагга и находил своим знаниям лучшее применение. Но он сознавал, что в своей одержимости закатанин, желая испытать свойства сканера, мог упустить из виду сопряженную с этим опасность. Эксперимент, поставленный на Тссеке, доказал его способность проникнуть в глубь времен, но, только доставив результаты на свою планету, он мог реабилитировать себя в глазах равных себе. И Жофре понимал эту ситуацию очень хорошо, хотя не мог рассчитывать когда-либо вернуться на Асбарган с триумфом и получить от Шагга подтверждение своего статуса иша.

Сама механика перехода через огромный участок тундры никогда не выходила у него из головы. О пешем путешествии со всем снаряжением не могло быть и речи. Судя по скудной информации, содержащейся в записях, они знали, что сама Вздыбленная земля представляла большую преграду, нежели тундра, кишевшая насекомыми.

— А с Гозалом мы не можем договориться? — спросил Жофре, хотя и был уверен в ответе. — Даже если он даст нам антиграв...

— Интересно, а эти носильщики... — вступила в разговор Тайнад, следуя каким-то своим мыслям, — кто они: аборигены, звери, слуги, рабы? Жат пытался прикоснуться к ним мыслями — безуспешно.

— Они служат как гривастым, так и тем, кого называют девзами, — заметил Жофре. — Но даже с их помощью можно ли достичь цели, пока у нас есть припасы?

Зубастый рот Зуржала расплылся в широкой улыбке.

— У нас будет еще один посетитель, — объявил закатанин. — Тот, который придет в темноте.

Жофре, поспешно занявший свой пост у двери, удивился, так как это предупреждение донеслось от дальней стены, единственной, которая могла выдержать нападение извне. Он заметил движение и понял, что Тайнад проскользнула вместе с жатом поближе к двери и была также настороже.

— Все в порядке, — заверил Зуржал, сильно пришепывая. — Добрый вечер, начальник!

Начальник порта, столь активно чинивший им препятствия после посадки, подошел к одному из тусклых фонарей, помедлил в его свете пару секунд, которых по его подсчетам было достаточно, чтобы путешественники узнали его, а потом перебрался в их отсек и уселся напротив закатанина.

— Ты дурак, Ученый, — заявил он. — Под небом Лочана не найдется способа успешно претворить твой план.

— Людям удавалось добиться успехов и при более зыбких шансах, нежели те, которые предоставлены мне, Вок Би. А ты получил приказ.

— Приказ? — Вскинул руки начальник порта, всем видом давая понять, что стал жертвой явной глупости. — Ты по своему желанию забираешься в страну, где одна экспедиция уже нашла свой кровавый конец. Вас всего четверо, среди вас одна женщина и один жат. Да вам потребуется целый взвод Патруля лишь для того, чтобы пересечь границу! Это чистое сумасшествие, а вы хотите, чтобы я в нем участвовал!

— У тебя четкий приказ, — невозмутимо возражал Зуржал. — Да, экспедиция у нас малочисленная, но это означает, что у нас мало снаряжения. Сейчас нам надо решить вопрос с транспортом.

— Ни один хозяин пунгала не заключит с вами договора, а я не могу их заставить, — заметил Вок Би с явным удовлетворением. — А пешком вы не доберетесь до места до смены времени года.

— Есть еще гары, — напомнил Зуржал.

— Гары? — переспросил Вок Би с таким присвистом, словно это говорил закатанин.

Гары, Жофре помнил о них. В одной из записей мельком упоминалось о них. Это были кочевники, населявшие внутренние земли, которые предстояло пересечь экспедиции.

— Да. Капитан Гозал привез смешанный груз. Его должны были встретить торговцы. Их караван направляется во

внутренние земли. Некоторые из них пойдут туда с новыми товарами.

— Священники этого не допустят! — выдвинул второе возражение Вок Би.

— Мне кажется, что они передумают. Мне кажется, у гаров есть другой транспорт помимо этих пунга...

Вок Би покачал головой:

— Нет, не по эту сторону Вара, но у них есть транспорт, который неплохо ездит. Говорят, что иногда они находятся в пути день и ночь подряд, так как водители научились спать в седле. По другую сторону Вара вам придется иметь дело с дикарями, у которых есть вьючные животные. Я их видел пару раз — они бегают на четырех ногах, на голове у них рога, и, говорят, у них плохой характер. Кроме того, очень проблематично, что по ту сторону Вара вам удастся договориться о проводнике или вьючных животных.

— Командир, ты исполнил свой долг, честно предупредив нас об опасностях, которые встретятся на нашем пути. Я, разумеется, выдам тебе запись, освобождающую тебя от ответственности, на случай, если с нами случится катастрофа. Но мы все равно пойдём вперед!

И снова начальник порта вскинул руки вверх.

— Пусть это будет твоя забота! Есть еще одно обстоятельство. На Вздыбленной земле не работает ни одно из наших переговорных устройств. Если вы пошлете сигнал о помощи, он до нас не дойдет, правда, мы и не собираемся вам ее посылать.

— Это тоже понятно, — кивнул закатанин.

— Тогда пусть у вас об этом болит голова! — Командир встал. — Я не рассчитываю увидеться с вами снова. Если есть какая-то надежда на удачу, пусть она осуществится. Но я сомневаюсь, что она вообще существует!..

Вскоре они устроились на ночлег. Жофре вновь все осмотрел, хорошо сознавая, что за их дверью стоит часовой. Он думал об упрямстве Зуржала. Желания патрона были для присягнувшего законом. При случае телохранитель мог высказать свои пожелания или дать совет, но операцию разрабатывал патрон, а присягнувшему оставалось

выполнять его распоряжения. В конце концов, людям из Лож и раньше приходилось выполнять очень рискованные задания, когда обстоятельства складывались не в их пользу, а достигнутые успехи становились благодатной почвой для легенд и песен сказителей. Никому не дано заглянуть в будущее, и лучше жить одним днем, одной ночью. Жофре, покопавшись в поясной сумке, извлек из специально пришитого им кармашка свой камень. Он не излучал внутреннего света, но был теплым на ощупь, и это тепло согрело Жофре, оно проникло глубоко и отогнало прочь призраки, рвущиеся в будущее. Он держал камень, пока не услышал тихие шаги приближавшейся Тайнад, готовой сменить его на посту. Это была только его тайна, и он не собирался ею делиться.

Однако Тайнад занимали собственные мысли. Она оценила этого закатанина и была уверена, что если кому-то было суждено преуспеть в деле, разумность которого навела на мысль о плане, родившемся в жаре лихорадки, то этим человеком будет Зуржал. Но было что-то еще. Она отыскивала палочки, спрятанные у себя в волосах, и еще раз прочитала послание, отпечатавшееся на пальцах. «Если нехватишь — убей!» — гласило оно. Но, отобрав жизнь Брата, она нарушила бы свою присягу. А не выполнив приказа, она становилась еще большей клятвопреступницей. Шагга был нужен Жофре, и они могли связаться с ней даже здесь, раз вступили в сговор с Гильдией. Эта организация была не хуже исша известна способностью достигать целей, поставленных перед ее членами.

Зачем он им понадобился? И почему, если он не будет им доставлен, должна пролиться его кровь? По его словам, в правдивости которых Тайнад инстинктивно не сомневалась, он не сделал ничего в нарушение традиции или законов чести. Ей надо смотреть, выжидать, и время само даст ответ. «Убей!» Ее ноготь зацепился за последнюю смертоносную зазубрину. Хотя, возможно, если Шагга направили на него свой гнев, ему, вероятно, будет лучше умереть, чем попасть в руки священников.

Священники! Повсюду эти священники. Она презрительно скривила губы, припомнив Акса, принадлежащего Роу. Но он, как ей показалось, был весьма простым человеком, возможно, ему и была присуща некоторая хитрость, но он не ровня даже закатанину. Он вполне мог в какой-то степени их поддержать, а поддержка была им необходима.

Она потянулась. Драгоценная была готова поклясться всеми цветами Подлунной долины, что больше всего ей сейчас хотелось бы погрузиться поочередно в три бассейна, а потом умастить тело благовониями. К тому времени, когда их путешествие подойдет к концу, она вполне может превратиться из Драгоценной в Увядшую, на которой больше не остановится взгляд ни одного мужчины.

Акс, принадлежащий Роу, вернулся, лишь только начала заниматься заря, что удивило Жофре и Тайнад, в то время, как закатанин, должно быть, был готов к этой встрече.

— Ты посоветовался? — спросил Зуржал вместо приветствия.

— Что ты предлагаешь? — парировал священник.

— Пусть один из вас, кому ты доверяешь, отправится с нами. Если хочешь, он может захватить с собой охрану. Все, что мы найдем, — материальное, будет вашим, а мы оставим себе только записку, касающуюся находки.

— Сегодня отправляется торговец Ю-Ку, — объявил священник. — Это правда, я буду с ним, так как мне надо возвращаться в Стены. Мне составят компанию мои девзы. Пусть будет по-вашему, если вам удастся договориться с Ю-Ку о транспорте.

Казалось, Зуржал без труда договорился с рыжим гривастым торговцем, за которым Жофре продолжал неотступно наблюдать. Этот парень был двойником того, кто следил за ним на Верном пути, хотя у того не было никакой возможности прибыть сюда без их ведома. Должно быть, представители их расы так походили друг на друга, что постороннему было трудно их различить. В уплату за услуги Зуржал вручил ему слитки серебра — с разрешения Вок Би, присутствовавшего при заключении сделки. Оказалось, что серебро на Лочане — редкость.

В результате сделки в их распоряжении оказалась четверка вьючных чудовищ. Зуржал со сканером на коленях занял левое сиденье первого носильщика, Жофре — правое. На другом также расположились Тайнад и уравновешивавший ее жат. Еще два чудовища были нагружены их оборудованием.

Когда они отправлялись в путь, стояла сильная жара, но теперь, по крайней мере, до них не долетали насекомые. Правда, езда на этих существах вызывала у всех четверых головокружение — их не только укачивало, они страдали от необходимости постоянно приспосабливаться к поступи носильщиков, чтобы поддерживать равновесие.

Караван Ю-Ку выглядел впечатляюще, а сам торговец его возглавлял. На одном носильщике тушу Акса уравновешивала большая связка грузов. За священником шли девзы, одетые в плащи. Караван замыкала группа гривастых, немногие из которых имели рыжие гривы, а остальные — желтые, как тундра.

Скорость их движения не превышала обычный человеческий шаг, должно быть, гигантские носильщики выдерживали свою обычную поступь, которую никогда не ускоряли и не замедляли. Заходящее солнце грело все жарче, добавляя неудобства путешественникам, и Жофре едва хватало терпения.

Желтая тундра, казалось, должна была тянуться целую вечность. Несмотря на уверенное движение каравана не было никаких признаков приближения к ее краю, как не было и дорог и каких либо примет, по которым мог бы сориентироваться человек, не знающий местности. По-видимому, аборигены обладали инстинктом животных или птиц, позволявшим им безошибочно находить дорогу, который, как было известно Жофре, был свойствен и некоторым представителям других миров.

Они не делали остановки на обед, но, когда солнце стало садиться, вдали, на западе, показалась линия, отмечающая соединение неба и земли. Они направлялись туда, и их поход не прервался даже после того, как спустились сумерки, перешедшие во внезапную лочанскую ночь.

Однако караван, по-видимому, и не думал делать привал, и инопланетники почувствовали явное неудобство и усталость. Вдруг тьму с северного направления пронзил луч, который стал мигать, как показалось Жофре, соблюдая определенный ритм. Жофре заметил, что наездник, занимавший правое сиденье на чудовище, шедшем перед ним, зашевелился, этот желтогривый поднял толстую палку. На ее конце загорелся ответный огонь.

Обозначив таким образом свой приход, они вступили в палаточный лагерь, где число палаток, пожалуй, было не меньше числа караванщиков. Здесь не было ни одного крепкого строения, палатки были построены из крепких плетеных матов, прислоненных друг к другу. Прибывших ожидали не только завернутые в плащи девзвы и гривастые, а и представители другого вида лочанских аборигенов. Они были низенькие — не больше жата, их тело покрывали панцири, откуда торчали маленькие сплюснутые головы и узловатые тонкие конечности. Они не смешивались с толпой, приветствовавшей караван, а держались своей, обособленной группой.

Присмотревшись к одному из лочан, стоявшему прямо под фонарем, Жофре решил, что перед ним как раз те, о которых мельком упоминалось в записях. Это были скремы, племя, которое кочевало, достигая рубежей Вздыбленной земли.

Инопланетники с радостью слезли со своих шатких сидел и немедленно отправились к краю лагеря по личным надобностям. Даже Жофре, при всей его тренированности, такое путешествие далось с трудом. Застегивая ремень своего комбинезона, он глубоко вздохнул: еще секунда промедления — и он бы не выдержал.

Маленькая группа инопланетников осталась одна. Небрежно сбросив их поклажу, носильщики отправились к своим. Им не предлагали занять какую-нибудь палатку, и они сложили из багажа импровизированный шалаш, не пытаясь приближаться к кострам, разложенным возле убогих палаток. У них были походные пайки, и они взяли оттуда совсем немного еды, прекрасно сознавая необходимость

экономить продовольствие, так как питание дарами природы было в этой местности, скорее всего, невозможно.

У караванщиков припасы, должно быть, были пообильнее. На кострах пекли куски какого-то неизвестного мяса, от которых едоки отрезали поясными ножами куски соответственно своему аппетиту. Появились также бурдюки, которые передавались по кругу. Жофре заметил, что лочане имели навыки, позволявшие им не проливать напиток, для чего они рывком запрокидывали голову, проливая его из ближайшего конца бурдюка себе в рот.

Пиршество продолжалось, когда к лагерю инопланетников приблизились трое. Даже в темноте они узнали по необъятной туше Акса, принадлежащего Роу, которого сопровождали девз и скрем.

Инопланетники встали (жат спрятался за спину Тайнад и выглядывал оттуда с робким любопытством).

Зуржал сказал в переводчик:

— Хорошо попутешествовали! Что хочет Акс, принадлежащий Роу, от нашей компании?

Некоторое время священник стоял перед ними без слов, продолжая отдуваться, словно совершил длинное путешествие с большой ношей.

— Чужеземцы, ваше путешествие заставляет Роу хмуриться!

— Почему?

— Приближается смена времен года, мы идем медленно, у вас нет шансов достичь Вздыбленной земли до начала Диких ветров!

— Скорость путешествия задается тобой и твоими людьми, Акс, принадлежащий Роу. Может быть, Роу требует, чтобы мы нашли более быстрое средство передвижения, чтобы он смог покровительствовать нашему предприятю?

— Возможно. — Священник замолчал, выражая своим видом нерешительность, словно он был вынужден предложить какое-то действие, в успехе которого сомневался. — Скремы знают другой путь. Это Ион. — Он указал на аборигена. Черты его лица были плохо различимы. Шлем (или

нарост на черепе) скрывал всю верхнюю часть лица, загромождавшая глаза, как щиток. Из-под шлема виднелся острый подбородок, переходящий в нос, наподобие клюва.

Скрем ни звуком, ни жестом не откликнулся на то, что его представили инопланетникам. Вместо этого он вышел вперед и встал прямо напротив Зуржала, кивая головой вверх-вниз, как будто меряя взглядом с головы до ног закатанина, который был гораздо выше его ростом.

Закатанин не мог произнести никакого приветствия, так как ни одного слова скрема не попало в переводчик и в нем не создался соответствующий алгоритм.

Скрем перевел взгляд с закатанина на Жофре, которого удостоил не менее скрупулезного изучения, потом перешел к Тайнад и в конце вытянул голову вперед, как будто хотел получше разглядеть жата, но тот, взвизгнув, поспешно скрылся за спину Тайнад.

Составив о них какое-то собственное представление, скрем обернулся к закатанину.

Звуки, вырвавшиеся из его груди, напомнили Жофре речь человека из улья, встреченного ими на Верном пути.

— Зачем охотишься на призраков? — спросил переводчик.

— Чтобы знать, — кратко ответил Зуржал.

— Знать что?

— Пути прошлого.

— Призраки тишины — людоеды. Ты радостью наполнишь их горшки?

— Я о них узнаю.

— В мире всегда есть дураки. — Презрение, с которым была произнесена эта фраза, отразил даже переводчик. — Так что же ты, дурак, предлагаешь за то, чтобы тебя довели до места, где ты получишь результаты своей глупости?

— Что ты просишь, Ион?

Скрем ответил не сразу. Вначале он повел головой, как если бы хотел осмотреть все их имущество. Потом так внезапно, что Жофре, изготовившись, присел, он обратил взгляд на телохранителя.

— Этот тоже идет?

— Он идет, — кивнул Зуржал.

— Он будет должен оказать услугу, — когда настанет время, пусть он будет готов.

— Какую услугу?

— Это откроется само. Вздыбленная земля откроет перед вами свои ворота, дураки, мы объявим свою цену, когда подойдет время. Будьте готовы сняться с места на заре.

Он повернулся и удалился, задев плечом девза, а священник провожал его взглядом, слегка сощутив свои выпуклые глаза, но перед этим не упустил случая посмотреть на Жофре испытующе и неприятно.

Жофре задал этот вопрос, когда они снова остались одни.

Он услышал, как рассмеялась Тайнад.

— Разве он не говорил о призраках, которым на еду нужна человечина? Может быть, он хочет порадовать их особенно заманчивым блюдом. Но мне кажется, Ученый, что этот скрем что-то разнюхивал. Мы ничего не заметили, но малыш, — она взяла на руки дрожащего жата, — что-то понял и испугался. По-моему, нам надо быть еще более настороже.

— Что нам еще остается, — заметил Зуржал. — Возможно, что это действительно глупость, но я не могу, не могу отказаться от того, для чего мы сюда прилетели.

Глава 27

На следующее утро путешественники узнали, что предлагал им Ион. Караван пошел своей дорогой, а инопланетники остались со скремами. Два девза снова уселись на походные седла, хотя Акс уехал с караваном. Было очевидно, что священник намеревался сохранять собственные источники информации или контроля, сопровождающие партию закатанина. Караван уже удалился от места привала на значительное расстояние, и только тогда скремы принялись за дело. Порывшись во мху на некотором отдалении от лагеря, Ион вернулся с тремя стержнями, образующими треногу, вроде той, на которую монтировался сканер. Но к

треноге крепился диск из материала вроде хрусталя в оправе из материала, из которого были сделаны стержни.

Пока инопланетники сидели у своей кладки, скрем двигал эту пластину на треноге, отгибая ее то назад, то вперед. Жофре узнал предмет, знакомый ему со времени пребывания в Ложе — при помощи таких зеркал их часовые передавали сообщения на дальние расстояния. Должно быть, это было такое же средство связи.

Скрем быстро наклонял сигнальное зеркало в разных направлениях. Потом с севера донеслось ответное мигание света. Скрем методично принялся разбирать прибор, который снова спрятал в гуще мха.

Сколько им ждать? Тайнад откинулась назад, опершись спиной о ящик с припасами. Теперь ей казалось, что у нее определенно не работали мозги, когда они присоединились к компании этого полоумного закатанина. Жофре присягал ему, а она нет, только дала обещание на словах. Миссия на Тсесеке была ее первым крупным заданием, и оно провалилось не по ее вине. Ей были переданы приказания, почему же она продолжала в них сомневаться? Она лишь могла мысленно вернуться к тем мгновениям, когда они с Яном и Жофре составляли одно целое, как будто в их усилиях родилось нечто вроде кровной клятвы. Ей казалось, что ее воля ослабла. Тайнад слышала, что так бывает с теми, кто попадает во власть дурных видений, когда борется против невидимой злой силы.

Власть — сильная, непоколебимая... Она представила себе огонь, рвущийся в небеса, жар, как от солнца, но имеющий иной источник. Напротив нее присел Ян. Он положил переднюю лапку на ее руку и уставился ей прямо в глаза своими круглыми глазками. Власть... Да! Это понятие исходило от Яна, а не из ее мозга. Она бросила взгляд на Жофре.

Он был полностью поглощен наблюдением за скремом, словно ожидал, что тот сделает зло каким-нибудь простым движением. Нет, эта неоформленная власть, видимо, не достигла Жофре.

Тайнад нежно сомкнула руку на лапе жата.

— Власть? — Она изо всех сил постаралась превратить это слово в вопрос.

То, что пришло к ней в ответ, ее почти не удивило: в ее мыслях возникло колеблющееся, странно освещенное лицо Жофре, каким видел его Ян.

— Власть? — снова задумчиво спросила она.

Пламя, потоки пламени выплеснулись наружу, словно по одной цели пальнули из дюжины лазеров. Она инстинктивно отпрянула. Ян был очень уверен.

Она была убеждена, что пламя олицетворяло наказание, происходящее от этого лица. Жофре не мог бы протащить сюда никакое оружие, которое так бы себя обнаружило. На самом деле Тайнад была убеждена, что ей точно известны число и вид оружия, которое он прятал на себе.

Рассказывали, что Шагга могут вызывать странные эффекты — подавлять зрение, заставлять людей видеть то, чего нет, хотя исша способны от этого уберечься. Но Жофре не был Шагга, наоборот, священники считали его врагом и хотели стереть с лица земли любой ценой.

Не ясно, почему они хотели, чтобы он был доставлен на Асбарган, им было бы выгоднее, чтобы отступник погиб в иных мирах. А может быть, — ее мысль сделала скачок в ином направлении, — эти палочки и содержавшееся на них повеление — подделка? Считалось, что Гильдия обладает бесконечными знаниями. Ей было известно, что Зарн вел с Гильдией какие-то переговоры деликатного свойства. А что если Жофре нужен Гильдии — мертвым или живым, но пленником?

Она перевела взгляд на руку, которой гладила жата. Тень не убивает Тень. У нее должны быть более веские основания... Что возвращает ее к...

Жат подобрался к ней поближе... Другая ментальная картина — неясная, настолько неясная, что она ничего не может в ней понять. Она лишь была уверена, что на картине какой-то предмет, что-то принадлежащее Жофре, или находящееся под его контролем, или...

— Они идут! — Зуржал вскочил на ноги, вглядываясь в тундру в том направлении, откуда доходили вспышки. Там

действительно было движение, скорость которого явно превосходила поступь носильщиков. Приближающаяся группа, пересекавшая тундру, имела такой же гротесковый, чуждый инопланетникам вид, как у Ю-Ку и его каравана.

Там было четверо верховых, за каждым из них следовала вереница четвероногих животных, но веревок не было видно, животные просто шли по шестеро за каждым из всадников.

Они были такого же желтого цвета, как тундра, имели безволосые очень худые тела и тонкие длинные ноги. Животные держали головы прямо, по одной линии с прямым телом, а их морды имели острые клювы. Эти головы были непропорционально малы по сравнению с венчавшими их плоскими рогами, направленными назад. На них ехали скремы, держась за рога.

Ростом животные были с маленьких лошадок, которых Жофре видел на Верном пути, где на них катались для удовольствия; на спине тех, у кого не было всадника, были странного вида сбруи. Но седел не было, очевидно, предполагалось, что всадник должен взгромоздиться на их спину как скрем, уцепиться за рога и полагаться на везение.

Скремы не помогали инопланетникам грузить багаж или садиться. Они столпились вокруг Иона и громко трещали. К счастью, животные не выразили протеста, когда трое инопланетников стали распределять груз по мешкам для кладки. Жофре сомневался, выдержат ли эти существа их тяжелый груз, но, если не считать пары криков, они не жаловались.

В конце концов настало время им самим забраться на спины животных, оказалось, что сидеть на них неудобно, но, как и в случае с двойными сиденьями, на которых они добрались сюда, им оставалось смириться. Всадники заняли свои места. Ион также оседлал одну из «Лошадок». По какому-то сигналу, который инопланетники не уловили, отряд снялся с места, отправляясь в северо-восточном направлении в таком же строгом порядке, в котором пришел.

Всадников трясло, и то, что они держались за рога животных, мало им помогало. Но по крайней мере, они двигались в хорошем темпе, и животные, которые везли груз или людей, должно быть, намеревались выдерживать эту скорость. Вскоре у них на пути оказалась преграда, вроде стены. Ее серые камни прорезали мох. Девзы, которые не помогали устраивать багаж и оба взгромоздились на одно животное, издали крик, в котором слились их голоса. Это был Вар, естественная, как считали лочане, преграда, отделявшая равнины от горной области. Там был также овраг, через который был перекинут чрезвычайно хрупкий на вид мостик, вокруг которого толпились и девзы, и гривастые. Однако завидев скремов, они расступились, и первые всадники отряда вступили на мост.

По крайней мере, здесь «лошадки» замедлили шаг и ступали на мостик, соблюдая определенный интервал, а перейдя преграду, останавливались, чтобы подождать остальных. Их путь продолжался между оврагов и холмов. Сильно изменилась растительность. Желтого мха тундры больше не было видно. Поросль состояла из тощих, как скелеты, кустов, торчавших из травы, окрашенной ярко-голубыми, пронзительно зелеными и кроваво-красными пятнами. Трава была усажена колючками, скорее, даже шипами и привлекала во множестве летучих насекомых.

Они петляли между этими оврагами и холмами, иногда чуть ли не обходили их кругом. Впереди виднелись более высокие вершины — горы. Здесь, как и в тундре, Жофре не удавалось различить ни тропинок, ни даже каких-нибудь знаков, тем не менее, их вожак шествовал уверенно, а те, кто следовал за ним, не сомневались в правильности пути.

Жофре спрашивал себя, как можно выбраться отсюда. А по тому немногому, что им удалось узнать, Вздыбленная земля выглядела еще более хаотично.

Они наконец сделали привал — очень кстати, потому что у инопланетников, казалось, от тряски перемешались все кости. Зуржалу, который был выше ростом, этот пере-

ход, вероятно, показался еще более мучительным, но он не жаловался. Здесь из расщелины в скале вырывался родник, питавший своими водами маленькое озерцо, из которого, в свою очередь, вытекал ручеек. Над водой носились насекомые с прозрачными крыльями, сквозь которые преломлялся свет, отражавшийся в озерке тонким кружевом, усеянным драгоценностями.

Вожак, с которым Ион сидел на одном животном, не слез со своей «лошадки», когда остальные спешили. Он верхом отправился медленным шагом к ручью, оставив свой отряд. Остальные скремы, не обращая внимания на инопланетников, сгруппировались вокруг Иона, доставая мешки, в которых было что-то вроде пригоршней сена. Двое из группы поползли на четвереньках к берегу ручья, где стали ползать с камня на камень, временами наклоняясь и вытягивая из воды извивающихся огромных бледных пиявок, которых они закидывали на плечо под радостные возгласы своих соплеменников. Очевидно, настало время перекусить.

Жофре имел достаточный опыт выживания на асбартганском подножном корме и пробовал хоть и без удовольствия, но со стоицизмом жесткую траву и горных насекомых, однако теперь он порадовался, что у них еще есть дорожный паек.

Скот поплелся вниз по течению ручья, заглатывая жесткую траву, которую потом долго пережевывал, брызгая красноватой слюной. Держа в здоровой руке сушеную мясную галету, Зуржал достал отрастающей ручкой почти прозрачный материал, сложенный в очень плотную пачку, с шелестом развернул его и стал рассматривать образовавшийся большой лист, — как понял Жофре, это была карта, привезенная с Лочана космонавтом из трагической экспедиции и приобретенная закатанином у его умирающего товарища. То, что Зуржал мог в ней что-то понять, изумляло его телохранителя. Эта холмистая местность, разумеется, имела тысячи приметных мест, по которым мог сориентироваться искушенный глаз местного жителя, но космонавт,

пробывший на планете краткое время, не мог бы к ней привыкнуть.

Закатанин всматривался в даль, туда, где на севере гряды гор вгрызались в небо, как обломанные зубы. Они скорее шли параллельно этой гряде. Но там ли находится граница Вздыбленной земли? Жофре был уверен, что даже Зуржал не мог этого сказать.

Жофре поднялся на ноги и стал расхаживать взад и вперед, стараясь размять мышцы, задеревеневшие от езды верхом.

Внутреннюю часть бедер у него сводило судорогой. Но если он так страдал, каково же было Тайнад!

Девушка сидела, прислонившись спиной к камню, обросшему лишайником. У нее были закрыты глаза, а на лице застыла неподвижная маска спокойствия, такое выражение было хорошо понятно Жофре. В одной руке она держала квадратик сушеного мяса, который даже не надкусила, а второй гладила по голове жата.

— Ешь! — сказал Жофре, встав напротив Тайнад так, что отгородил ее собой от остальной компании, а тень от его тела падала на девушку. — Без еды уходят силы.

Собственный голос резал ему ухо, а он должен говорить так, чтобы Тайнад обратилась к своим внутренним силам, без этого ей не выдержать. Он ни в коем случае не верил, что скремы будут приспособливаться к удобствам их компании. Хотя любая Сестра, прошедшая обучение на исша, должна была обладать стойкостью, Жофре не имел понятия, каковы ее пределы, подготовка Сестер отличалась от подготовки Братьев, но он не знал, в какой степени. Зачем она приняла предложение Зуржала? Пока что ее навыки общения негодились. Ему хотелось поделиться с ней силой, как он это сделал, когда они вместе выводили из комы жата, но он не знал, как это сделать. Он очень мало знал о женщинах, это был предмет, о котором не говорил ни один Магистр, а к тому времени, как мальчишки достигали зрелости, они выучивались контролировать свои телесные желания.

Исша, которые хорошо выполняли свою миссию, делом доказывали, что их род заслуживает продолжения, разрешалось заводить детей, женщин им подбирали в Ложях. После этого они переходили в другую категорию воинов, становясь преподавателями или тренерами. В остальном же женщины не играли никакой роли в их жизни.

В нем росло убеждение, что они действительно разные, хотя оба — обученные исша. Она могла бы стать его боевым товарищем, если бы они дали двойную присягу. Но, как Драгоценная, она исполняла миссии совершенно иного рода. Он ощутил собственную неуклюжесть, как мальчик, впервые оказавшийся на плацу.

Однако он теперь присел рядом с девушкой. Жат, поглядев на него, зашевелился. Он протянул лапу Жофре над коленями девушки, руку которой не отпускал.

Жар дохнул на его тело вначале теплом, а затем — пламенем. Камень из Куа-эн-иттер! Теперь он не сомневался, чт могло таким образом дать о себе знать.

Власть — сила... его мысли сосредоточились на них. Поток силы — он старался вытянуть его наружу, как это делал, спасая жата. И он пришел, поднялся по его руке, вверх по всему телу, в другую руку, в лапку, которая в него вцепилась. Хотя Жофре не мог проследить его движения дальше жата, он был уверен, что через Яна оно перетекает к Тайнад.

Ее глаза открылись и сфокусировались на нем. Прекрасное лицо девушки едва исказили нахмуренные брови.

— Насыщайся! — Это единственное слово прозвучало как приказ.

Поток продолжал течь, он был не таким могучим, как вначале, но стал ровным и достаточно обильным. Потом рука девушки оторвалась от жата, разомкнув цепь.

— Кто ты? — резко спросила она, расправляя плечи и отодвигаясь от камня, на который опиралась.

— При необходимости исша подкармливает исша, — заметил он, вынимая руку из поясной сумки.

Почему бы ему не рассказать ей о своей находке? Он не мог это объяснить, но на этой истории как будто висел за-

мок, и когда он думал о камне, его мысли отгораживались от всего мира.

— Это хорошо. — Она снова надела маску спокойствия. — Мне кажется, я слишком далека от Ложи, слишком давно ее оставила.

Ему показалось, что в эти слова закралась неприязнь. Тайнад говорила на языке Лож, а он был очень богат окончаниями слов и различными оттенками. Разумеется, неприязнь могла происходить от сознания, что она показала другим свою усталость.

— Отдавать всегда хорошо. — Он повторил формулу, которую говорил им наставник. — Разве это не записано в законе Квэка?

Возможно, она собиралась ему ответить, но Жофре так и не услышал ее слов, так как Зуржал поднялся, убирая свою таинственную карту, а по гравию зашуршали копыта животных, возвращавшихся с водооя.

Они снова сели верхом, вначале вожак вел их вдоль ручья, потом они взбирались на холм, и наконец показалась настоящая тропка, которая петляла, поднимаясь в горы. Этот перегон был гораздо сложнее петляния по оврагам. Оттого, что надо было крепко держаться за рога скота, пальцы инопланетников стала сводить судорога. Смотреть прямо перед собой, вверх или вниз было одинаково тревожно.

Теперь они подошли к тому, что могло быть перевалом, по обе стороны от которого поднималась каменная стена. Дул холодный пробирающий до костей ветер, столь же неприятный, каким был бы жаркий ветер в тундре. Однако в этих местах была жизнь: Жофре, позволив себе на минуту поднять глаза, увидел, что стена оплетена паутиной и паутинки колеблются, оттого что по одной из них спускается существо с шарообразным телом, почти не отличавшимся по цвету от скалы, с тонкими ножками, которые были, должно быть, такими же гибкими, как и сама паутина, выделяемая его брюхом.

Жофре заметил, что их вожак и сидевший позади него Ион одновременно сделали резкие движения, что-то бро-

сая. Живой шарик конвульсивно дернулся и повис на паутине, цепляясь за нее всего парой ножек, лихорадочно дрыгая другими в воздухе. Жофре разглядел, что у него из спины торчат два стержня. Потом шарик оторвался и полетел вниз, стучаясь о каменные выступы, упал прямо под ноги «лошадки» Жофре и полетел дальше от ее пинка, такого яростного, что седок чуть не свалился.

Очевидно, опасность миновала, так как они двинулись по перевалу к северу. Пройдя через перевал, «лошадки», тащившие кладь, остановились, а те, на которых сидели люди, пройдя несколько шагов, стали, сгрудившись в кучу, словно желая дать седокам посмотреть на открывшийся перед ними пейзаж.

То, что они увидели, представляло собой гримасу природы. Жофре, внимательно изучавший записи и считавший, что он готов ко всему, при виде этого ландшафта не поверил своим глазам, он просто не допускал мысли, что такое может существовать.

Эту местность называли Вздыбленной землей, и это было очень точное название. Она вся состояла из обломков утесов, выставивших вверх свои острые, как лезвие ножа, ребра, между которыми застыли темные капли. Словно один из древних богов ветра, схватив меч размером с полнеба, резал и снова перерезал землю, выворачивая почву там, где его клинок застревал в вулканической лаве.

Как вообще кто-нибудь мог пробраться через эту местность? Экспедиция, закончившаяся столь неудачно, прилетела сюда на флиттере, но Жофре спрашивал себя, как их транспорт мог сесть, учитывая изменяющееся направление воздушных течений вблизи почвы. Но пешком? Это было одно из тех неисполнимых заданий, которые давались героям древности для достижения бессмертия. Жофре подумал, что в каком-то другом смысле его можно было обрести, попросту погибнув в каменной пустыне.

«Лошадка», на которой ехал Ион, подошла к закату и остановилась.

— Вот страна, которую ты ищешь, чужеземец. И что же тебе здесь нужно?

Зуржал достал из своего пояса овальную оправу, в которую осторожно вставил какой-то шарик. Держа его, он вытянул руку в направлении Вздыбленной земли.

Через мгновение этот предмет, по-видимому, это был какой-то прибор, издал пронзительный звук, который был слышен даже сквозь громкое завывание ветра.

Зуржал медленно, бесконечно осторожно отвел руку на несколько дюймов в сторону, и звук усилился.

— То, что нам нужно, находится там! — Он указал на север.

Хотя глаза скремов не были видны, Жофре подумал, что их спутники смотрят на прибор с изумлением. Скремы взволнованно застрекотали между собой. Потом Ион повернулся к Зуржалу и задал ему новый вопрос:

— А как далеко?

— Это мы должны узнать сами, — ответил закатынин, — но сигнал — сильный. Это не может быть слишком далеко.

Один из девзов, спешившись, присоединился к ним. Ветер поддувал в его плащ, делая его похожим на парус.

— Сюда никто не заходит, — сказал он на всеобщем языке, но с таким сильным акцентом, что его было трудно понять.

Скрем повернулся в седле. Очевидно, тяжелый шлем не давал ему двигать головой.

Он что-то заговорил, и переводчик Зуржала уловил его речь, хотя она была обращена не к инопланетникам.

— Скремы едут, куда они хотят. Мы можем посмотреть, что они ищут. Если находка имеет ценность, она будет оценена.

Не сказав ни слова, вожак, сидевший перед Ионом, вцепился в рога своей «лошадки», и та ступила на первый каменный обломок, ведущий во Вздыбленную землю.

Глава 28

Жофре не понимал, на чем основывается действие прибора, указывавшего закатанину путь, было ясно одно: его патрон абсолютно доверяет своему «проводнику». Телохраниль мысленно вернулся к их встрече с умирающим космонавтом на Асбаргане. Может быть, то, что он тогда передал Зуржалу, и ведет их сейчас?

Однако в такую местность не заходят ночью. Обломки застывшей лавы, острые, как ножи, представляли постоянную угрозу. Насколько понял Жофре, в далеком прошлом пузырьки расплавленного камня, взрываясь, и образовывали эти зубья, угрожавшие каждому их неверному шагу.

Скремы, очевидно, прекрасно сознавали опасность. Достигнув подножия холма, они столпились у начала Вздыбленной земли, не двигаясь, чтобы не ступить на острые камни, несмотря на сигналы прибора, указывавшие, что то, что они ищут, находится впереди.

Они сделали привал в неудобном, страшноватом месте. Гряда застывшей лавы образовывала небольшой навес, и группа инопланетников естественно отделилась от остального отряда. По мере того как инопланетники снимали снаряжение, освобожденные от ноши животные покидали их, присоединяясь к своим сородичам. Скремы спешили, не обращая внимания на своих животных и подходили к костерку, который Жофре мог бы накрыть двумя ладонями.

Между скремами и инопланетниками расположилась пара девзов. Они не предпринимали попыток развести огонь, а лишь поплотнее укутались в плащи и натянули на головы капюшоны. Жофре заметил, что девзы сели спиной к спине с таким расчетом, чтобы одному из них были видны скремы, а другому — инопланетники: судя по всему, они приготовились держать под надзором всех участников экспедиции.

Зуржал все время ходил туда-сюда, прислушиваясь к сигналам инструмента, который стал светиться, причем

по мере сгущения темноты это свечение становилось ярче. В конце концов, он опустился на землю между Тайнад и Жофре.

— Должно быть, мы находимся ближе, чем я предполагал. — Он пришепetyвал, как это всегда случалось с ним, когда он волновался, а оборка на шее ходила ходуном, как будто от дуновения ветра.

— Это плохая земля. — Жофре самостоятельно обследовал край территории, на которую их направлял «проводник». Чтобы идти по этим остекленевшим тропам, надо было постоянно смотреть под ноги и рассчитывать каждый шаг.

— Но там же... цветы! — показала Тайнад.

И действительно, там была жизнь. Хрупкая растительность, покрывавшая тропу, уступала место другому виду зелени, немного напоминавшей поросль, которую они видели в тундре. Эти тощие кустики, из которых торчали корявые ветки, были украшены белыми звездочками цветов, не меркнувшими, а, наоборот, кажется, разгоравшимися в сгущавшейся темноте.

Кроме того, камни обволакивали плети стелющейся травы красноватого оттенка. Между белыми звездочками летали, время от времени присаживаясь, мотыльки, прозрачные и загадочные, как духи ночи.

Ян снова впал в транс, оторвавшись от Тайнад. Он присел на корточки, то и дело протягивая лапку к кустикам с цветами, но ни разу не прикоснувшись к ним. Жофре передалось изумление Яна. Потом, к удивлению Жофре, жат ухватил его за руку, увлекая к одной из ближайших скал, повыше других, а когда они оба туда забрались, остановился и указал на что-то лапкой.

То, что привлекло его внимание, находилось вверху. Жофре придвинулся к стене, готовый к любому неприятному сюрпризу вроде паутины, служащей дорожкой существам с шарообразным телом. Но ничего такого не было видно.

Освободившись от жата, он полез на вершину скалы и оказался в небольшом кратере, окруженном огромным

множеством звездчатых цветов, от которых исходил приятный аромат. В кратере находился бассейн размером с блюдо, заполненный тем, что напоминало воду, хотя никакого ключа или источника там не было, да и не могло быть, как решил Жофре.

Они наполнили свои контейнеры для воды из источника около горы, и Жофре не хотел тревожить эту чашу, к тому же вода в ней могла содержать соли какого-нибудь минерала. Но, когда Жофре смотрел в источник, ему казалось, что он находится в миниатюрном волшебном саду, напомиравшем тот, что располагался во внутреннем дворе у Властителя.

— Иди сюда! — позвал Жофре, но этот призыв оказался излишним, так как зов жата уже достиг Тайнад, и она пробиралась к ним.

Через мгновение Жофре ощутил прикосновение ее плеча.

— Это... это... как лунный сад! — воскликнула она. — Совершенство, какое может создать только истинный дух! Такое навсегда остается в памяти!

Жофре посадил к себе на колени Яна, почувствовав мягкое шекотание его мехового тельца. Жат заворковал и замурлыкал. В их мир пришла совершенная гармония...

— Эй, исследователи, идите есть! — позвал Зуржал снизу, и этот возглас вернул их в другое, сиюминутное измерение, они вернулись в свой неудобный лагерь.

Они очень экономно относились к припасам, особенно же берегли воду, уменьшив ее потребление вдвое. Скремы не отходили далеко от выбранного ими места, а девзы сидели в той же позе. Если они ели, то делали это под прикрытием своих плащей.

Инопланетники разбили ночь на три части, чтобы каждый из них вел наблюдение на протяжении одного из отрезков времени. Зуржал вызвался дежурить первым, пояснив, что хочет, во-первых, проверить сканер, что можно было сделать только на ощупь, так как света не было, а во-вторых — последить за сигналами «проводника».

Жофре ворочался в спальном мешке, наблюдая движения силуэта закатанина, пока сон не сморил его и он не погрузился во мрак горной ночи.

Однако в эту ночь он не обрел полного покоя: вначале его тревожило роившиеся клубком воспоминания, которые превратились в обрывки снов, сложившихся потом в стройную картину. Он снова лежал на горных камнях, и к нему подбирался невидимый враг. Он старался изобразить, что крепко спит, пока враг не приблизился. Кто-то копался в его поясной сумке... нож...

Жофре проснулся со скоростью исша, находившегося в опасности на вражеской территории. Он протянул руку, схватив ночного вора с такой силой, что мог бы того раздавить, раздался вопль боли, проникший не только в уши, но и в голову.

В тело Жофре вонзились острые зубы. Ему едва хватило времени, чтобы отвести в сторону собственный нож, который он чуть не всадил в маленькое мохнатое извивающееся тельце, которое барахталось около его живота. Ян? Но почему?

— Ты что делаешь?

Теперь на него набросилась Тайнад, которая впилась в его щеку своим длинным ногтем. Жофре встал на колени и отразил вторую атаку Тайнад таким резким ударом, что она упала на удивленного закатанина.

Жофре молниеносно отпустил Яна только для того, чтобы перехватить его поудобнее, и держал его теперь за шею, подальше от себя. Но Жофре поразила лапа зверя, которая светилась так, что сквозь мех, кожу и мышцы на ней можно было разглядеть все косточки. И эта лапа крепко держала...

Камень! Жат почему-то пытался украсть его секрет! Почему? Ответ мог быть только один — Жофре мельком поглядел на Тайнад. Теперь было светло: Жофре проспал восход луны, свет которой даже отражался в зеркальной поверхности застывшей лавы.

Жофре стиснул зубы. Значит, жат действовал по наущению этой женщины, обученной исша: ей удалось настроить существо против него!

— Отдай, — его рука сжала лапку Яна.

Жат начал повизгивать, дергаться и извиваться, но все-таки разомкнул пальцы, и камень снова оказался у Жофре. Свечение, излучавшееся талисманом, немного потухло, но его оставалось достаточно для того, чтобы был виден необычный предмет в руках Жофре.

— Значит, ты здесь воспитывала воришку? — сказал Жофре медленно, пронизывая каждое свое слово презрением. — Что еще приказали тебе Шагга. Я теперь желанная добыча для любого из них?

Она провела рукой по своим губам. Ее глаза ничего не выражали, словно она подняла непроницаемый барьер. Он прекрасно сознавал, что не добьется от нее правды, если признание не предусматривалось игрой, которую она вела. Он сразу же заподозрил, что его находка, сделанная в заброшенной Ложе, означала власть, но не думал, что она стоила того, чтобы охотиться за ним в иных мирах.

— Что это? — в голосе закатанина ясно слышалось пришепетывание. Закатанин вытянул руку и прижал девушку к себе. — Здесь есть и другие глаза и уши!

Жофре сглотнул, собрав свою волю, подавляя душащий его гнев и боль предательства. Да, предательства! За всю свою жизнь он доверял очень немногим, и последним, кто пользовался его полным доверием, был покойный Магистр. Ян снова захныкал. Жофре отпустил его, но камень все еще не убрал. Зачем? Его все видели. Тайнад должно быть, прекрасно знала, что он носит при себе, и получила на этот счет подробные инструкции. Но почему она так долго медлила? На Верном пути у нее была тысяча возможностей подослать к камню жата, она также могла украсть камень, передать кому-нибудь свою добычу и остаться вне подозрений.

«Власть... тепло...» — Эта мысль возникла в голове Жофре и, по-видимому, была передана и Тайнад. Но он послал ответ жату.

«Почему... брал?» — Ему хотелось прокричать этот вопрос, но пришлось оформить его в мысль и умерить свой гнев, чтобы установить контакт с Яном. Он явно не хотел

вернуть малыша к состоянию, в которое тот пришел после катастрофы на Тссеке.

«Власть и сила». — Казалось, существо не могло выйти за пределы этой мысли.

Зуржал взял Жофре за руку.

— Что это такое?

Жофре напрягся, но его патрон имел право на этот вопрос. Поскольку их связывала присяга исша, он не должен был что-либо скрывать. Но действительно, что это? Он не мог ответить на этот вопрос. Теперь Жофре попытался как-то упорядочить свои мысли. Вполне возможно, что Тайнад знает о камне больше, чем он, что бы произошло, если бы она завладела талисманом, не зная, как им пользоваться? Камень увеличивал силы исша, он помог Жофре сохранить жизнь на тссекийском корабле. Ему было тепло, приятно с этим камнем, он чувствовал себя увереннее, но что такое его находка?

— Я не знаю, — ответил он совершенно искренне. — Как я уже однажды тебе говорил, он попал в мои руки случайно, я его просто нашел. Я знаю лишь, что он укрепляет силы исша и, возможно, как-то защищает.

— Откуда он взялся?

— Из Куа-эн-иттер, мертвой Ложи, как я и говорил. — И Жофре вновь сказал правду. — Я там ночевал в бурю и нашел его.

Он услышал, как Тайнад громко набрала в легкие воздух. Названия мертвых Лож были известны всем, и он навлек на себя второе проклятье, признав, что ночевал в таком ужасном месте.

Теперь закатанин перевел взгляд на девушку.

— Что это?

Жофре с нетерпением ожидал ее ответа. Он полагал, что сможет отличить правду от лжи, если она попытается солгать.

— Это... это, наверное, камень Ложи, или его часть, — ответила она странным голосом, словно сама сомневалась в том, что говорила. — Это... Асша...

Рука Жофре так дрогнула, что чуть не выпустила камень. Если девушка говорила правду, а так наверняка и было, то кто же он? Все знали, что сила Асша — дар судьбы, который обретают в результате длительных поисков. Если Магистр Ложи умирал, а камень оставался жив, то сам камень выбирал хозяина — тот, кто вызывал в камне тепло, становился новым Магистром. Но, становясь Магистром, ища проходил испытания, его жег огонь, пронизывал жар.

Должно быть, у него был только обломок камня Ложи. Может быть, его сила уменьшилась от недостатка размера, поэтому он и лежал не на месте. Однако Жофре теперь признался сам себе, что от камня исходило доброжелательство, когда он его держал, камень не сопротивлялся, не обрушивал на него гнев за то, что он захватил его в порыве непомерного честолюбия.

— А можно? — Закатанин протянул руку.

Жофре мгновение колебался. Эта вещь, как будто бы льнула к нему. Но он все-таки разомкнул пальцы, передавая ее Зуржалу. Свечение прекратилось, как у огня, засыпанного землей.

Зуржал поднес камень к глазам и даже высунул язык, словно желая попробовать камень на вкус.

— Ну конечно, излучение. Но какое, кто скажет? Часть камня Ложи...

— Часть камня Ложи, — повторил Жофре и снова перевел взгляд на Тайнад. — Они что, взяли с тебя присягу, что ты отберешь его у меня и вернешь им? Шагга ревниво относится к камням... они не могут их использовать... это доступно только Магистрам... а ни один Шагга не может стать асша. У них другой путь. Я не хочу быть Магистром или асша. Но смотри! — Жофре взял камень у Зуржала, и он снова засветился. — Ты видишь? Попробуй.

Он медленно протянул камень Тайнад. Она покачала головой.

— Эта вещь приносит несчастье, так как она происходит из проклятого места. Я не знаю, почему она отзывается, оказавшись в руках настоящего ища.

— Если ты слышала мою историю, Сестра, и слушала, что говорят Шагга, ты должна знать, что я не считаюсь настоящим исша, у меня отобрали все мои права.

Он разжал пальцы, камень лежал у него на ладони. Казалось, в сердце камня теплится неугасимый огонь, он не разгорался с таким жаром, как тогда, когда оказался у жата, но и не потух, как в руке Зуржала.

— Какое задание они тебе дали? — Жофре вернулся к своему вопросу. — Какова цель: моя смерть или это? А этот малыш — твой инструмент?

— Нет! — Она потрясла головой, отчего ее туго уложенные волосы несколько распустились. — Я не направляла Яна против тебя сегодня вечером. Он пытался убедить меня, что ты обладаешь какой-то силой и, наверное, решил достать камень в подтверждение своих слов. Да, Шагга пытаются поймать тебя, они расставили свои сети. — Тайнад распустила волосы, доставая из них палочки-письма. — Они дали приказ!

Жофре отступил на шаг назад. Он подозвал жата, и тот подчинился его команде: протянул переднюю лапку и перехватил камень.

— Мне не нужны преимущества. А тебе? Что ты выбираешь? Ножи?

Все это произошло так неожиданно. Он никак не ожидал, что между ними дело дойдет до схватки на ножах. Теперь силы их, наверное, были равны, поскольку они договорились пользоваться только одним оружием, при этом нож был излюбленным оружием Сестер, как меч или копье у Братьев.

— Прекратить! — Между ними встал Зуржал. — Ты же присягал мне, — резко упрекнул он Жофре. — А пока присяга остается в силе, ты не вправе искать частных ссор. Разве это условие не является элементом присяги?

— Для исша — да. Но оказывается, что я не исша, раз эта Сестра действует против меня.

— Я отказываюсь принимать эти дурацкие возражения, — просвистел Зуржал. Его потемневшая оборка обмахивала голову, как веер. — Ты — мой присягнувший.

А ты, — он повернулся к Тайнад, — не присягала мне, но у нас с тобой договор, ты уже вела другую игру, когда мы его заключали?

Девушка медленно покачала головой:

— Когда я сказала, что поеду с тобой, мне еще не передавали никакого сообщения. Это произошло потом.

— Мне приходилось много слышать о чести исша на Асбаргане, — продолжал закатанин. — Да, я не получил от тебя формальной присяги, Тайнад! Но ты приняла мое предложение по своей воле. Разве для того, чтобы соблюдать верность, необходим ритуал?

Жофре заметил, что кончик языка Тайнад показался между ее губ. Она почти прикрыла глаза, и некоторое время молчала, как человек, который взвешивает противоречивые соображения.

— Ученый, я буду выполнять то, что обещала, до окончания твоего предприятия.

Жофре отпустил ручку своего ножа. Значит, еще некоторое время проблема будет висеть в воздухе. Он знал, что слово исша — непоколебимо. Она будет придерживаться своего слова до окончания их экспедиции.

— Давайте-ка лучше сядем и успокоимся, — предложил закатанин, — пока наши спутники не заинтересовались ссорой и не разобрались в том, что мы делаем. Мне кажется, никому из нас не нужно, чтобы они о нем знали. — Он указал на предмет, сверкавший в лапе жата.

Жофре быстро отобрал свое сокровище и засунул его подальше в потайное место.

— Я постою на часах, — сказал он, зная, что все равно не уснет, если не обдумает и не взвесит то, что ждет его впереди.

Глава 29

Однако наступило утро, а он так и не принял решения. То, что он мог предвидеть, касалось лишь его собственных действий, но он не знал, что Тайнад подумает или сделает. Сознывая это, Жофре отодвинул размышления в отдален-

ные уголки своего мозга. Перед ними теперь были вопросы иного рода. Он с самого начала проникся недоверием к этой изрезанной местности, пересечь которую едва ли могло хоть одно живое существо — если у него, конечно, не было крыльев.

Скремы разбили собственный лагерь и отправили часть животных к инопланетникам, чтобы те сняли с них свою поклажу. Девзы по-прежнему держались в стороне, не спуская глаз, как заметил Жофре, и с тех, и с других своих спутников. Судя по их поведению, они не собирались становиться товарищами ни тем, ни другим.

Хотя «проводник» Зуржала указывал в направлении острых обломков, закатанин не торопился идти согласно его указаниям — он двигался в южном направлении, время от времени останавливаясь, чтобы снова свериться с прибором. Возможно, он знал что-то еще, чем не собирался делиться со своими спутниками, и надеялся найти более приемлемый путь. Правда, Жофре помнил, что экспедиция, по чьим следам они собирались пройти, прилетела на флиттере, а, следовательно, ей не пришлось пробираться пешком по этой непроходимой местности.

Нагромождения лавы вокруг них с восходом солнца окрашивались все более ярко. Пятна растительности, местами покрывавшие ее, составляли разительный контраст с основным фоном, но цветы, заинтересовавшие путешественников накануне ночью, плотно сомкнули свои лепестки. Это действительно была зловещая местность, очертания камней складывались в гротескные ухмылки, гримасы и злобные, не предвещавшие добра физиономии с разверстыми пастями.

Непонятно, почему жат теперь почувствовал себя наиболее непринужденно во всей компании. Он ехал верхом впереди Тайнад, издавая воркующие звуки, размахивал лапками и иногда вскрикивал. Жофре подумал, что ничего не знает о мире, откуда было похищено это существо, возможно, на его планете был похожий пейзаж, и оно вдруг ощутило себя как дома.

— Здесь мы будем переходить эту местность. Начиная отсюда!

Закатанин предложил это таким тоном, словно собирался пересечь шоссе на Верном пути. Но перед ними не было никакой тропы, наоборот, путь им преграждала стена выше их голов. Зуржал подогнал свою «лошадку», которая недовольно зафыркала, словно яростно протестуя против предложенного ей маршрута.

— Переход — здесь? Нам придется идти пешком! Зверей сюда не загонишь! — Жофре подъехал к закатанину.

— Другой возможности нет. Давай посмотрим.

Спешившись и держа прибор над головой, закатанин стал карабкаться на стену. Жофре поспешно последовал за ним. Тайнад стала подниматься сзади, и на этот раз Жофре был уверен, что девушка прикроет их, если аборигены вздумают им помешать.

Пористая порода, по которой они поднимались, имела достаточно полостей, куда можно было поставить ноги и за которые можно было ухватиться руками. Однако требовалась особая осторожность, так как местами из нее торчали острые обломки скал. К счастью, это испытание оказалось недолгим, и когда Жофре поднялся на стену, где уже стоял закатанин, его взгляду открылась неожиданная картина.

Внизу тянулось, по-видимому, русло древней реки, впоследствии заполненное лавой, довольно гладкое. А на другом берегу снова нагромождение более темных камней, но они уже не были такими же острыми. Расстояние, отделявшее их от островка с более благоприятными условиями, было вполне преодолемым, хотя путь и требовал повышенной осторожности: возможно, им придется обмотать руки тряпками или кто-то из них должен будет местами обрубить опасные выступы на хрупкой породе. Это было вполне осуществимо, и Жофре впервые подумал, что замыслы закатанина не такие уж безумные, как казалось ему раньше.

Возвратившись на место привала, они объявили скремам и девзам о своем открытии.

— То, что вы ищете, лежит там? — спросил Ион.

Вместо ответа закатанин протянул ему «проводник», который теперь издавал незамолкающий ни на секунду треск.

— Охсы с этим не справятся, — скрем показал на «лошадок».

— Правильно. Нам придется идти пешком и нести самое необходимое. Но то, что мы должны найти, лежит не среди скальных обломков, а на твердой и более древней почве.

Закатанин говорил так уверенно, будто видел то, что описывает.

— Мы — думать! — заявил Ион, отходя в сторону, где его тут же окружили другие соплеменники.

Они присели на корточки на некотором расстоянии от инопланетников, и Жофре не слышал не единого доносившегося от них звука. Однако он не сомневался, что они каким-то образом обсуждают предложение закатанина продолжать путь пешком.

К закатанину подошел один из девзов.

— Только сумасшедшие идут на Вздыбленную землю, — заявил он пронзительным голосом, его слова повторил переводчик. — Зачем ты призываешь на нас и на себя неминуемую смерть?

Зуржал махнул рукой в сторону стены и русла древней речки:

— Заберитесь туда и посмотрите. Там есть острова и почва совсем не такая, как здесь.

Мгновение казалось, что девз так и сделает, заберется, чтобы посмотреть на все своими глазами. Но он вдруг быстро отшатнулся и, стремительно вскочив на свое животное, поскакал к соплеменнику.

Не говоря больше ни слова, оба отправились прочь. Группа скремов распалась, и эти аборигены также стали седлать животных, словно опасаясь, что те побегут за девзами, не дождав своих седоков. Их мерный говор перешел на крик, когда они устремились за первыми беглецами.

— Это, должно быть, окончательное решение, — прокомментировал Зуржал. — По крайней мере, с нами остались наши запасы.

Жофре спрашивал себя, какой им толк от небольшого количества припасов, если они остались без транспортных средств. С другой стороны, вполне возможно, что скремы собирались всего лишь поймать девзов и вернуться. Пока что тройка инопланетников никак не могла остановить их бегство. И им оставалось лишь заняться проверкой оставленного им оборудования.

Им удалось сложить все самое необходимое в три сетчатых мешка. Зуржал, достав нож, обрезал излишек рукава, покрывавший его отрастающую левую руку. Теперь левая рука была длиной ниже локтя правой, а пальцы на ней, если надо, сгибались не хуже, чем на здоровой, так что она была вполне пригодна к работе. Именно этой миниатюрной рукой он поддерживал сканер в мешке, чтобы его не растрясло.

Жофре уложил в свой заплечный мешок столько съестных припасов и концентратов, сколько туда поместилось. Тайнад тоже работала, готовя собственную ношу. Последним добавлением Жофре к его багажу оказалась связка спальных мешков, которые он скатал и прикрепил веревками с одного конца к мешку, с другого — к поясу.

Жат подобрался поближе к закатанину, когда они отправились в путь, — от их спутников не было ни слуха ни духа. Ян тоже пригодился, так как он поддерживал сканер и ношу закатанина, когда тот карабкался на стену.

Добравшись до вершины, путешественники принялись рвать на тряпки все, что можно, и обматывать кусками материи не только свои ноги, но и лапы Яна — в таких условиях тащить его на плечах не удалось бы, и надо было обезопасить себя от столкновения с обломками, готовыми искалечить любое прикоснувшееся к ним живое тело.

Дело продвигалось медленно, солнце уже клонилось к закату, а Жофре уж очень хотелось добраться до места, сулившего им большие удобства, до наступления темноты. Лунного света — а на небе было две луны, которые вращались относительно друг друга, — не хватило бы, чтобы убедить их от падения в естественные западни.

Они выбрали самое узкое место древней реки, заполненное лавой, и стали прокладывать по ней извилистую тропу, так как идти напрямик было невозможно. Тряпки, которыми они обмотали ноги, частично порвались, частично сползли, и им приходилось двигаться с удвоенной осторожностью.

Но, как подумал Жофре, всякому испытанию приходит конец — в итоге они ступили на более ровную и доброжелательную к путешественникам почву. И снова им предстояло карабкаться вверх, но вначале они присели, чтобы освободить ноги от остатков тряпок и хорошенько закрепить поклажу на веревках, рассчитывая поднять ее, достигнув вершины горы.

Жат возглавил их небольшой отряд, он поводил ушами и издавал такие радостные крики, что они даже вселяли бодрость в спутников. Они благополучно взошли, и перед ними открылась земля, применительно к которой название «Вздыбленная» не было обоснованным.

Забравшись в гору, они оказались на обширном плато, где отсутствовали следы гнева гор, избороздившие окружающую их более низкую местность безобразными шрамами. Впереди показался островок как бы небольшого кратера, там и сям виднелись заплатки тундровой растительности, а за ними — холм со срезанной верхушкой, почти плоской, если не считать нескольких высоких кочек. Он отличался от окружающей местности, словно своим образованием был обязан не капризам и возрасту природы, а какой-то иной силе.

«Проводник» закатанина подавал сплошной сигнал, и закатанин пошел по направлению к холму уверенной походкой человека, точно знающего свой маршрут. И он не сбивался с пути, так как подойдя к этому усеченному конусу, они обнаружили тропинки, места, где растительность была расчищена, чтобы можно было копать, и почву копали, оставляя овраги и ямы. Все это было видно не слишком ясно, так как подвергалось воздействию природных условий довольно длительное время, но Жофре был уверен, что видел именно это место в старой экспедиционной записи.

Всего несколькими секундами позднее им открылось, что там произошло. Они увидели ряд камней, стоявших полукругом по краям этих искусственных оврагов, и на каждом из них было водружено по черепу. Эти черепа, казалось, одаривали инопланетников зловещими многообещающими улыбками.

Никаких других следов пребывания экспедиции не было видно. Жофре, обошедший полукруг с двух сторон, не нашел других костей. Но недалеко от траншей и стороживших их призраков земля резко обрывалась вниз, и внизу пейзаж был таким, словно там начиналась другая планета.

Там были густые заросли пышной растительности с мясистыми листьями и толстыми стволами. Растения образовывали розетки, в центре которых располагался красноватый стебель, а листья были окрашены в сочный желто-зеленый цвет. Стебель венчался зеленовато-коричневым выростом, по форме напоминавшим барабан, возможно, это был цветок, но он не радовал глаз.

Важнее было то, что вблизи этих зарослей тянулся поток, на вид вода, которая, правда, текла как-то чересчур медленно. Жофре решил, что они как можно дольше воздержатся пробовать ее на вкус. В этом оазисе было нечто отталкивающее.

Вскоре должны были спуститься сумерки, и им было необходимо позаботиться о каком-нибудь ночлеге. Черепа не предвещали ничего доброго, и путешественники решили, что должны расположиться в каком-нибудь месте, позволявшем им защитить себя, правда, было неясно, от кого или от чего.

Лучшим местом для привала они посчитали тот холм в виде усеченного конуса — на плато виднелось три довольно высоких кочки, — если между ними сложить оградой вещи и подтащить камни, можно было соорудить импровизированную треугольную крепость, хотя и низковатую.

Даже Ян нес туда камни и драл мох, чтобы заткнуть им пространства между камнями. Они старались работать как можно скорее, при этом по возможности не оставляя в кладке ненадежных мест. Крошечный костер, который они

развели, нельзя было разглядеть с равнины, правда, он был различим с холма, но уж с этим они ничего не могли поделаться.

Ночь была прохладная, так что им требовалось согреться. Тому, кто заступал на дежурство, вменялось в обязанность поддерживать этот небольшой источник тепла. К одному из камней, служивших вершиной треугольника, они натаскали высохшие плети стелющихся растений, покрывавших тундровый мох, достаточно толстых, что, наломав их, можно было получить вполне приличный хворост.

Они снова медленно съели свой скудный паек. Зуржал сидел, вытянув ноги и прислонив к себе сканер, осмотр которого занимал его больше, чем еда. Жофре расположился чуть в стороне и жевал сухие галеты, не сводя глаз с ряда камней и их зловещих украшений.

Он раздумывал, что лучшим средством, к которому могли прибегнуть скремы и девзы, чтобы избавиться от них, было бросить их здесь на произвол судьбы. Он не видел никакого способа выбраться из этого гиблого места по окончании их исследований. Дважды он хотел высказать эти соображения вслух, но воздержался, сознавая, что его спутники, включая даже жата, как разумные существа не могут не представлять подстерегающей их опасности.

Но жат по-прежнему вел себя так, словно эти обстоятельства были для него вполне привычны. Несколько раньше Жофре заметил выражение отвращения, застывшее в круглых глазах существа, когда оно разглядывало черепа. Но страха в его глазах не было.

— Завтра! — Зуржал погладил сканер, словно это было домашнее животное, готовое сослужить им хорошую службу. — Завтра! Ждать нам больше нечего! — В его голосе звучала крайняя экзальтация, а оборка колыхалась, переливаясь всеми цветами радуги.

Ни Жофре, ни Тайнад не сказали ни слова в ответ. Их беспокоил не только завтрашний день, они заглядывали в более далекое будущее. Зуржал а могло вполне удовлетворить его открытие, подтверждение работоспособности его прибора, с помощью которого он мог проникнуть в тайны

далекого прошлого, но Жофре и Тайнад не желали этим довольствоваться, их стремления были обращены к продолжению жизни.

Жофре встал на дежурство первым. Казалось, закатанин был не в состоянии ни лечь спать, ни заняться обычными лагерными делами. Зуржал отправился в темноту, а Жофре смотрел ему вслед, стараясь не только следить за движениями патрона, но и распознать опасность, которая, возможно, скрывалась во мраке ночи. Зуржал ходил вдоль траншей взад и вперед с «проводником» в руке, пока, наконец, не обнаружил некую интересовавшую его точку, перед которой он застыл.

Жофре волновало то, что могло скрываться на холме, избранном ими местом ночлега. Телохранитель потратил достаточно времени на усвоение наставлений и рассказов своего господина, начиная с их пребывания на Верном пути, а также на протяжении всего путешествия на Лочан. В результате у него сложилось впечатление, что в месте, куда они стремились, должны быть какие-то руины, развалины, остатки древнего города или одинокой крепости. Однако их предшественники почему-то раскапывали траншеи.

Место их привала было хорошо защищено от любых нападений, за исключением атаки с воздуха. Жофре теперь размышлял, как им лучше отражать нападение, если те, кто водрузил черепа на камни, надумают посетить это место, чтобы посмотреть, что это там зашевелилось на этот раз.

Зуржал вернулся, когда Жофре как раз прикоснулся к плечу Тайнад, в знак того, что ей пришла очередь заступать на пост. Двойная луна проливала очень странный, совершенно чужой и от этого зловещий свет.

— За нами следят, Ян знает, смотри!

Ее тонкие пальцы прикоснулись к тыльной стороне ладони, которой Жофре притронулся к девушке. Жофре все понял, слова были очень неопределенными, но он сразу же посмотрел в нужном направлении. Они действительно находились под наблюдением.

Вначале в сознание Жофре закралось подозрение, но он сразу же отмел его. Тайнад обещала служить Жофре до окончания их экспедиции и должна была сдержать слово. Она не станет навлекать на них врагов, пока ее служба закатанину не кончится. Он мог положиться на девушку и жата, они будут стоять на посту так же, как и он, и сторожить.

Таким образом они дожили до следующего дня. Тайнад сообщила, что наблюдатель удалился, когда стала занимать заря, а жат не проявлял ни беспокойства, ни страха по этому поводу.

Им пришлось силой заставляя закатанина есть: он вел себя, как ребенок, ожидающий праздника, ничего иного для него не существовало. С помощью Жофре закатанин смонтировал прибор, затем последовало томительное время ожидания — пока Зуржал делал какие-то измерения и тестировал свой сканер. Ученый постарался направить прибор прямо вниз, а не стенки какой-нибудь из траншей.

Глава 30

Предупреждением к началу игры оказалась горная буря. Мятущийся воздух прорезал нарастающий рокот, казавшийся совершенно чуждым этим забытым временем местам.

Над скоплением плато мелькнула тень — словно гигантский каг спустился за добычей, правда, эта влекомая воздухом машина не подлетела к ним так быстро, как это подсказывал звук.

Жофре упал навзничь, увлекая за собой закатанина, которого наполовину укрыл собственным телом. Он мгновенно приготовился к тому, что на них будет направлен луч лазера, который прорежет их обоих.

Но пассажиры флиттера не воспользовались преимуществом и проследовали дальше, на север. Члены экспедиции представляли столь легкую добычу, что несколько секунд Жофре не мог поверить, что ими пренебрегли.

Вопль жата заставил его подняться на колени и поспешно оглядеться. Жат силился поднять Тайнад и, вытащив ее

из укрытия, подтолкнул к остальным членам экспедиции. Почему он это делал, стало ясно почти мгновенно.

На краю плато вдруг выросло несколько кочек, которые оказались подвижными и стали приближаться, словно их увлекал некий невидимый поток, которому вздумалось освободиться.

Жофре с длинным, как меч, ножом в одной руке и цепью с крюками в другой слегка присел, изготовившись к отражению нападения. Закатанин схватил свой шокер, но тот едва ли мог сослужить ему хорошую службу против подобного потока, Тайнад подбежала к ним, сопровождаемая жатом, суетившимся и кричавшим сбоку от нее. Ян то и дело наклонялся, собирая камни, которые, видимо, пытался пустить в ход.

Эти существа из потока напоминали скремов, но это были не те, кто сопровождал их сюда. Эти были значительно крупнее, они не ехали верхом, а неслись на своих ногах со скоростью, казавшейся инопланетникам нереальной.

Закатанин выстрелил, и первый ряд нападавших повалился, подкошенный стаз-лучом. Но это была лишь малая часть ополчившихся на них аборигенов.

Жофре прищурился, измеряя расстояние, оглядывая почву перед собой, после чего с разрывающим барабанные перепонки, останавливающим в ужасе сердца противников воинственным кличем исша перешел в наступление, растоптав первую тройку нападавших, которых свалил на землю взмахами своей устрашающей цепи. Крюком он поддел шлем, закрывший глаза еще одного аборигена, которого поднял цепью на воздух и швырнул на его товарища.

Теперь Жофре присел. Острием ножа он проткнул еще одного противника и бросил его под ноги столь же стремительно, как и других своих противников.

Мимо головы Жофре пронести камень, поразивший череп очередного скрема, который раскололся с неприятным треском. Затем последовало еще несколько не менее искусных и результативных бросков. Камни метал не только Ян. К нему присоединилась Тайнад, которая показала редкое

умение в обращении даже с таким примитивным оружием. Но враг продолжал наступать.

Зуржал успел еще раз зарядить свое смертельное оружие и поразил лучом еще несколько аборигенов.

Скремы наступили молча, слышны были лишь боевые возгласы Жофре. Теперь они вновь слышали рокот двигателя флиттера. Жофре напрягся. Им оставалось полагаться лишь на милость экипажа флиттера. Жофре надеялся только на то, что их не обстреляют. О том, что им будет оказана помощь, и мечтать не приходилось.

Однако он, казалось, ошибался. Скремы толпились, образуя следующую линию наступления. Ян подпрыгивал, что-то кричал, дергал закатанина за нездоровую руку, стараясь привлечь к чему-то его внимание. Зуржал силился отодвинуть жата, чтобы получше прицелиться.

Совершив еще один круг, флиттер снова повернул к холму, а скремы сгрудились в кучу. Сколько им удастся отразить атак, Жофре не знал. Он понятия не имел, что было на уме у экипажа флиттера — возможно, они там выжидают, когда инопланетников уничтожат, а флиттер сможет спуститься и забрать то, что ему понадобится. Но несомненно, у тех, кто был на борту, имелось более совершенное оружие, зачем же им было играть в кошки-мышки с ними и со скремами? Разве только они были заинтересованы в том, чтобы закатанин привел в действие свой сканер, и предпочитали отгонять нападавших, чтобы прибор не был разрушен.

Жат бросился на сканер, а Зуржал с ярко-алой развевающейся оборкой схватил жата. Но маневр жата способствовал тому, что рука закатанина соскользнула, — и раздался выстрел.

Флиттер словно споткнулся. Жофре заметил, как машина стала крениться набок, содрогаясь всем корпусом, словно ее равновесие оказалось безнадежно нарушенным. Сзади послышался взрыв. Жофре был отброшен взрывной волной на скалу, составлявшую часть их ночного пристанища. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы начать различать какие-то образы, которые слились в неясную картину. Перед ним возникли какие-то всадники. Некто,

одетый как Акс, обращался с речью к беспорядочно сбившейся толпе, в которую врезались верховые, смешивавшиеся с пешими. Потом картина стала неясной...

Жофре был чуть не сбит с ног ударом маленького тела. Он вытянул руку, чтобы защититься от Яна, все еще находясь под впечатлением роившихся перед его глазами картин, но не смог остановить его.

Ян исчез, поглощенный этими туманными видами, отдалявшимися от центра холма, который был уже и не холм, а огромная вершина — больше какой-либо из тех, что ему приходилось видеть в Ложях.

— Но камень! Камень пропал!

Жофре, спотыкаясь, отошел от скалы, о которую он опирался. Его камень забрал Ян. Значит...

Больше не было перемен. Туманные образы, осененная призрачными изображениями мгла, странное мерцание рассеялись. Он оказался в другом мире. Всадники отбивались от окружавшей их толпы. Люди, напоминавшие современных гривастых жителей этой планеты, доставали из-под плащей оружие, кололи им животных, стаскивая с их спин всадников, похожих на скремов.

Это было так реально! Жофре подвинулся к стене и ощутил прикосновение тела. Он почувствовал у себя на щеке дыхание Тайнад. Нападение тварей из потока оказалось забытым. В этом городе, столь далеком во времени, что о нем не оставалось никаких воспоминаний, бушевал бой, и никакого флиттера не было и в помине.

Через башни крепости выходили новые войска, на этот раз пешие. Они были реальными, трехмерными. Жофре видел их так отчетливо, словно сам перенесся в те времена, когда это происходило.

Пешие сражались с пешими, при этом сторонники священника проявляли такую жестокость, что оставалось лишь верить в то, что у них были особые причины для глубочайшей ненависти к стражникам крепости. Среди них выделялись вожди. Священника столкнули с занятой им позиции, это сделал гривастый воин... женщина! Жофре не различал воинственных криков — им приходилось так

долго пробираться через коридоры времени, что они превращались в слабый шепот!

Битва продолжалась. Потом их как будто отделило от этой дикой сцены занавесом. Во мгле еще двигались какие-то фигуры, но ясность и ярость ослабли. Жофре казалось, что они больше не воюют: либо битва кончилась, либо они совершили скачок во времени, и она еще не началась.

Время от времени картина прояснялась на несколько мгновений, которых хватало лишь для того, чтобы разглядеть город, пораженный упадком и запустением. Позднее по развалинам стали бродить пришельцы, которых Жофре не приходилось встречать на Лочане. Потом еще раз блеснула вспышка, и они оказались на равнине в свете яркого солнца.

Зуржал опустился перед сканером на колени, протянув руку к машине, но не прикасаясь к ней. Его обложка словно излучала сияние, что, по-видимому, являлось следствием причудливого смещения цветов. Он не спускал глаз с простирившейся перед ним местности, словно заново переживал развернувшиеся перед ним события.

— Ссс... шшш... — Утратив слова, он целиком перешел на свист и пришепетывание.

Однако Жофре потянул за руку Тайнад, чтобы они смотрели не просто в пространство, а именно туда, откуда на них нападали. Скремы, которых скосило либо оружием Зуржала, либо средствами исша, по-прежнему лежали на земле. Двое, не совсем обездвиженные стаз-лучом, ползли к ручью. Что касается остальных, то они пропали, как будто их сдуло ветром прошлого.

— Это... это был камень Ложи. — Голос Тайнад звучал неровно, она говорила так, словно после долгого бега. — Ты разве не видел, что Ян... жат взял камень Ложи и положил его в сканер — чтобы дать ему силу? Откуда он знал, что надо делать? И почему именно камень Ложи?

Она посмотрела на Жофре, как ребенок, ищущий ответа на свой вопрос.

Ян все еще сидел на корточках возле сканера. Как и закатанин, он переживал сцены прошлого. У Жофре не было

ответа. Ян был заморожен этим камнем, он почуял его силу еще до того, как попытался похитить его ночью у Жофре. Но откуда это существо узнало, что камень надо вставить в сканер? Что оно вообще понимало о цели их путешествия?

— Ян знает больше, чем мы предполагаем. Должно быть, у него есть причины, возможно, когда-нибудь он поделится с нами своими соображениями.

На этом месте речь Тайнад была прервана гулом приближавшегося с севера флиттера. Для чего он летит: чтобы снова поднять против них орду скремов?

Те, кто сидел во флиттере, определенно ничего не сделали, чтобы им помочь. На их поддержку нельзя было рассчитывать и сейчас.

— Вниз! Прячься!

Не успел Жофре произнести этот приказ, как жат подбежал к нему с ранее не виданной у него скоростью. Он сделал прыжок, метаясь в голову и плечи Жофре. Тот никоим образом не был готов к подобному нападению. Он мгновенно отступил назад, стараясь отцепить мохнатое тело, отвести от себя когтистую лапу и отразить его следующим ударом.

Жофре извивался, стараясь удержаться на ногах, но его кости словно мигмом размякли. Он упал, ударившись о скалу. Силясь вздохнуть, Жофре понял, что во второй раз стал жертвой стаза, в результате чего нападение на него было уже делом несложным.

Он не потерял сознания, все это время он пытался оторвать от себя Яна, в надежде, что, освободившись от него, обретет большую легкость дыхания. То, что он слегка мог шевелить шейей, вселяло в него надежду: ему удастся достичь желаемого результата. Может быть, жат принял часть удара на себя, давая Жофре шанс легче перенести то, чему он подвергся? Но опять же, как он мог знать?

«Лежи спокойно! Не двигайся!» — Эта мысль проникла в его мозг без посредства слов. Голова Яна была чуть наклонена, чтобы его лоб прикасался ко лбу Жофре. Физический контакт! Возможно ли, чтобы именно благодаря ему передавались мысли?

Ему удалось слегка подвинуть голову, что было бы невозможно, если бы на него пришлась вся сила удара! Теперь он мог дышать... и слышать!

Но он ничего не видел, поле его зрения сузилось до щели. В этих пределах находились только башмаки закатанина — и ничего более. Теперь он должен бороться по-своему, так, как делал это на борту тссекийского корабля, — призвав внутреннюю силу! Но на этот раз у него не было камня Ложи, который усиливал то, к чему тянулся Жофре.

Рокот флиттера раздавался очень громко, должно быть транспорт совершил посадку поблизости. Почему-то они не воздействовали стазом на Зуржала. А Тайнад? Жат, судя по всему, оставался в сознании. Вполне возможно, что он лишился способности двигаться, но его мысли были в полном порядке. Удастся ли ему, Жофре, как-нибудь дотянуться мыслями до Тайнад с помощью этого мохнатого существа?

Он услышал голос, говоривший на всеобщем языке:

— Ученый, тебе удалось наилучшим образом продемонстрировать силу своего изобретения или открытия, с этим тебя можно поздравить! Мы смутно сознавали, насколько полезным может оказаться подобное открытие, разумеется, для наших целей!

В узкой щели, составлявшей поле зрения Жофре, не отразилось ни малейшего движения башмаков закатанина.

— Один успешный опыт не гарантирует такого же повторения эксперимента! — ответ человека-ящерицы был окрашен нотками гнева. — Зачем играть в игры? Давайте сразу перейдем к делу! Я полагаю, вы из Гильдии!

— Ну конечно, — не смутившись, продолжал невидимый собеседник закатанина. — Мы и прежде пытались с тобой договориться, но ты оказался таким упрямым, ученая ящерица! Тогда мы решили подождать, чтобы увидеть, насколько работоспособно твое открытие. Мы даже помогли тебе: корабль Гозала оказался готов к отправлению как раз в тот момент, когда тебе понадобился транспорт, а если бы вы не выбрались с Тссека своими силами, мы бы тебя

оттуда вызволили. Да, мы затратили на тебя, Ученый, немало труда. А теперь настало время получить с тебя плату!

— Если хотите, берите сканер.

Жофре заметил, что закатанин переступил с ноги на ногу, словно перемещая центр тяжести.

— Но от этого вы ничего не выиграете, из-за этого экскурса в прошлое он совершенно разрядился.

— Но это, несомненно, можно легко исправить. Ты сам, Ученый, с радостью нам поможешь!

— Не думаю, — возразил закатанин.

— Ты овладел всеми науками. Во всяком случае, вы, закатане, постоянно этим хвастаетесь. Но не надо недооценивать других. У нас есть свои средства. Я думаю, ты со всей готовностью будешь оказывать нам помощь. Опгор, давай покажем ему наши аргументы!

Жофре безошибочно узнал треск бластера. Он заметил, как задрожали ноги, на которые он продолжал смотреть, и почувал запах печеного мяса.

Шипение, подобное шипению змеи, приготовившейся укусить.

— Отличное управление лучом, опгор. А теперь, Ученый, тебе едва ли поможет твоя правая рука, а левая у тебя и так не работает. Но ты можешь руководить другими, имеющими более подвижные пальцы. Кроме того, имей в виду, мы знаем, что, если ты не получишь своевременного регенерирующего лечения, эта твоя рука не отрастет. Так что тебе придется с нами сотрудничать. На самом деле ситуация очень простая, не правда ли? Мы проследим, чтобы ты жил в хороших условиях и получал необходимое лечение, а от тебя требуется, чтобы ты нам помог. И эта помощь не ограничится твоим умением обращаться со сканером. О нет! Такая удача выпадает раз за долгие годы. Тебе придется поделиться с нашими экспертами информацией о местах, где следует обратиться к прошлому. Как видишь, в конечном итоге в этой игре выиграли мы!

— Правда?

Тайнад! Что она делает, обращаясь к эмиссару Гильдии, словно перед ней самый ничтожный слуга?!

— На самом деле мы не забыли и о тебе, дорогая. Уговор с Гильдией сохраняется. Тебя послали похитить одного из ваших, правда, предателя. Он по праву принадлежит тебе и находится в том состоянии, когда ему не потребуется охрана. Ты будешь доставлена в порт вместе со своей добычей. Гозал опять выполнит приказания и доставит тебя с этим куском мяса на Верный путь. Что случится дальше, — решать вашему начальству. Мы сделали то, за что нам заплачено.

— Мне кажется, — отвечала Тайнад, которую Жофре не видел, — что вы учли все обстоятельства, за исключением одного. Вы можете обладать очень глубокими знаниями, но они не простираются до глубин присяг исша. Я обещала этому Ученому, что буду служить ему до окончания экспедиции.

— Она закончилась! — В этой реплике послышалось нетерпение. — Ящерица сделал то, чего добивался: показал работоспособность своего сканера. Поэтому ты теперь свободна. А мы будем выполнять наш план...

— Ящерица... лорд Ранг... он умирает!

Эти слова послужили толчком, в остроте и силе которого с ними не сравнился бы ни один камень асша. Жофре потянулся за силой к центру — и центр откликнулся. Он почувствовал, что обрел способность двигаться, но насколько стаз будет затруднять движение? Он мог это проверить, лишь совершив самое стремительное действие, на которое был способен.

Его рука метнулась под телом жата.

«Наблюдения нет...» Эти слова сообщили Жофре новый, не такой сильный толчок. Прилетевшие члены Гильдии совершенно не принимали во внимание его существование. Что ж, они узнают, на что способен исша, который мстит за того, кому он присягнул!

Он слышал голоса, но постарался полностью отгородиться от них. Утес, к подножию которого он упал, служил ему теперь хорошей опорой. И он был прав! Группа столпилась теперь в стороне, окружив лежавшее на земле тело,

один из членов Гильдии опустился на колени с какими-то медицинскими приборами.

Тайнад? Она была среди них, держа у себя на коленях голову Зуржала с безжизненно повисшей оборкой.

Но ее глаза были устремлены вдаль — она увидела Жофре!

Он напрягся... сейчас она закричит!

Он уже выбрал себе жертву. Судя по осанке и уверенным командам, которые отдавал этот человек, он был здесь главным. Он стоял спиной к Жофре, которого они совершенно выбросили из головы.

Телохранитель чуть продвинулся вперед. Он почувствовал, что ему удалось сбросить с себя все последствия стаза, и был полностью готов к действиям. Однако его руки и ноги отказывались исполнять приказания, которые давал его взбудораженный мозг. Гнев, ярость — это было то топливо, которое сжигало все сомнения, увеличивая энергию. И Жофре разрешил своему гневу разгореться в полную силу.

Со своей оскалившейся крюками проволокой он в один момент достиг главного противника, накинул цепь ему на шею, в которую незамедлительно вгрызлись безжалостные крюки.

— А теперь, — воскликнул Жофре, — будет новая оплата: жизнь за жизнь! И ты умрешь, брат всего зла!

Глава 31

— Цена крови... — Они все застыли, словно пораженные стазом, хотя никто не упал. Жофре левой рукой сжал цепь, но был не готов к тому, чтобы сделать ею последний виток. Правой рукой он вынул бластер из кобуры своего пленника.

Одна из четырех фигур, сгрудившихся вокруг распластавшегося на земле закатанина, рванулась в направлении флиттера. Жофре выстрелил. Ему ответил вопль, разорвавший воздух. Попытка побега окончилась всхлипами и кон-

вильсивными движениями полуживого тела, цеплявшегося за свою расползающуюся на глазах одежду.

Человек, которого держал Жофре, дергался, а потом тоже закричал, когда один из крюков вонзился в его тело. Тот, кто пытался достичь флиттера, стих.

Тайнад сделала движение, нежно отодвинув голову закатанина. Поднявшись на ноги, она протянула неуловимым движением руку к стоявшему подле нее мужчине и аккуратно разоружила его. Жофре ждал. Он мог прикончить своего пленника одним мановением руки и разделаться с другими огнем широкого охвата, но в поле его действия попала бы Тайнад.

Она держала оружие твердой рукой, но не пыталась целиться в Жофре. Может быть, она просто не решалась, так как, убив его, задела бы и начальника партии, на шее которого сжималась цепь.

— Бросайте свое оружие, — воскликнула Тайнад, обращаясь к троем врагам, наставив на них свой бластер.

Может быть, только из-за того, что их командир попал в столь неприятное положение, нападавшие и не стали бы подчиняться, но теперь, когда на них в упор смотрело дуло бластера, им пришлось проявить сговорчивость и немедленно бросить оружие под ноги.

— Распинай их ногами. — Жофре быстро включился в игру, хотя и не был уверен, по каким правилам ведет ее Тайнад.

Человек, продолжавший сидеть около закатанина с набором медицинских инструментов, схватил свой бластер и попытался нацелить его на Жофре. Тайнад, выполняя рекомендацию Жофре, вышибла у него из рук оружие, полетевшее на землю, где уже лежали бластеры его коллег.

Тайнад снова повернулась к тому, кого только что обезоружила. Одной рукой держа бластер наготове, второй она схватила его за рукав, вытащила оттуда нож и метнула к бластерам.

— Цены крови пока нет. — Она впервые обратилась напрямик к Жофре. — Ученый все еще жив, если только

это, — она кивнула на набор медицинских принадлежностей, — сможет сохранить ему жизнь.

— Попробуй, — ответил Жофре.

В то же время он наставил свой бластер в ухо командиру, которого держал за шею, тот свалился так внезапно, что Жофре едва сам удержался на ногах, не успев выпустить из рук свою жертву.

Несколько мгновений он стоял над своей жертвой, пребывавшей в глубоком обмороке, разглядывая Тайнад. Но она больше не смотрела на него, переключив все внимание на двух членов Гильдии, которых держала под прицелом своего бластера.

Жофре решился поверить, что, по крайней мере, пока они воюют на одной стороне. Теперь он применил свою цепь по другому назначению, невзирая на жестокость ее крюков, он перетянул ею запястья главного, а затем набросил петлю и на его сапоги, в результате его пленник согнулся, как лук для стрельбы.

Расправившись с командиром так, что он стал представлять минимальную опасность, Жофре теперь обратился к тому, у которого Тайнад вынула из рукава нож. Нанеся ему удар по шее ребром ладони, он связал врага его собственным ремнем.

Теперь настала очередь медика, но Тайнад стояла над ним, а тот занимался закатанином. Увидев обрубок сожженной руки патрона, Жофре зашипел, словно сам был человеком-ящерицей.

— Я посторожу, — сказал он девушке. — Там лежит Ян...

— Да, — кивнула она, но не убрала бластер. Держа оружие наготове, она поспешила к темной фигурке, свернувшейся возле скалы.

— Эй, ты, — обратился Жофре к медику, расторопно и, как показалось, сноровисто занимавшемуся сожженной рукой закатанина. Должно быть, принадлежа к такой компании, медик имел много практики в подобных делах. — Скажи, что ты можешь сделать, чтобы вывести жата из-под действия стаза?

— Для гуманоидов существуют инъекции, — ответил медик, не поднимая глаз, — но помогут ли они жату, никто не знает. — Он пожал плечами.

— Тебе будет выгоднее его оживить, — сказал Жофре. — Проследив, как на руку закатанина накладывается последняя эластичная шина, он указал жестом на жата. — Теперь займись им!

Зуржал открыл свои большие глаза. Они не были сфокусированы на Жофре, а, казалось, были обращены просто в небо над его головой.

— Шли легионы... — пробормотал он, и его оборка заколыхалась, за исключением той ее части, на которой покоилась голова. — Шли легионы прошлого, и мы их видели...

Жофре опустил на одно колено.

— Мы видели, Ученый. Никто теперь не посмеет называть тебя глупцом, потому что, благодаря тебе, мы видели прошлую жизнь. — Он не знал, почему выбрал именно эти слова, они пришли ему на ум без размышлений, он просто почувствовал, что должен их произнести.

— А что со мной? — Его правая рука задрожала, и он в ужасе посмотрел на то, что от нее осталось.

— Ты жив, Ученый. А они у нас в плену.

— Но ты ведь был под стазом.

— Жат... Он принял удар на себя. — Он перевел взгляд на Тайнад, державшую жата на руках, пока медик готовился сделать ему укол в безжизненно свисавшую переднюю правую мохнатую лапу. — Теперь их медик пытается его оживить.

Жофре подошел к девушке. У него больше не было камня асша, значило ли это, что он не сможет помочь? Но он попытается. Положив бластер так, чтобы при случае до него было легко дотянуться, он положил руки на плечи Тайнад, державшей жата.

«Малыш! — Она мысленно послала Яну зов, который Жофре поддержал, как только мог. Он почувствовал, что от него к девушке перетекает сила. — Малыш, вернись к нам!»

Губы Жофре сложились, повторяя те слова, которые вспышкой загорались в его мозгу. Его внутренний огонь

был израсходован во время нападения, и у него мало чего осталось. Но помимо гнева, зажегшего этот огонь, существуют и другие эмоции. Ян заслонил Жофре, став щитом, спасшим его жизнь, на такое действие неспособно ни одно животное, его может совершить лишь человек. Поэтому все эмоции, которые связывают боевых товарищей, могли, нет, **ДОЛЖНЫ БЫЛИ** между ними возникнуть.

«Ян... темно... Ян... пропал», — полилась ему навстречу мысль такой тоненькой струйкой, что Жофре не был уверен, что это не плод его воображения. Но Тайнад ухватила ее и потянула, как если бы это была веревка, за которую можно было вытащить срывающегося с горы альпиниста.

«Ян! Приходи, приходи!»

Вначале ответа не последовало, но вот... Ниточка держалась! Жофре перелил всю свою энергию в эту зыбкую связь, а Тайнад, Тайнад служила якорем, удерживая эту силу.

С тихим стоном Ян повернул головку и примостил ее поудобнее на плече Тайнад.

Жофре осторожно отодвинулся. У него было такое ощущение, словно он несколько часов до полного изнеможения занимался на плацу, и ему стало дурно, когда он обернулся, чтобы осмотреть картину состоявшегося недавно боя. Однако... предстояло еще много дел.

Он нашел в себе силы встать и подойти к закатанину, который, используя свою отрастающую левую руку, сумел сесть и теперь тянул свои неразвитые пальчики к сканеру.

Жофре огляделся. Член Гильдии, которого он сжег, растянулся на островке тундровой растительности. Рядом с ним стоял флиттер. У них на руках было трое пленных, возможно, медика тоже стоило связать, — и в их распоряжении был флиттер.

Но если им придется грузить туда своих узников и самим садиться во флиттер? Жофре не был пилотом, он сомневался, что соответствующие навыки есть у Тайнад, а закатанин, возможно умевший управлять этим транспортом, безусловно, не смог бы его вести сейчас. Кроме того, даже если удача им улыбнется и удастся добраться до порта, вполне возможно, что они лишь окажутся в новой ловуш-

ке. Он был в полной уверенности, что на Лочане у них не было друзей.

Вероятно, можно было предпринять какой-нибудь рискованный шаг, используя главного из нападавших в качестве предмета сделки, но пока что у Жофре не было никаких планов. Ему требовалось знать, насколько ценен его пленник и с кем о нем можно вести переговоры. Разумеется, ни один из узников не предоставит ему по своей воле подобную информацию.

Теперь ему надо разобраться с тем, какие ресурсы имеются в их распоряжении. Он посмотрел на Тайнад, которая укачивала жата, держа бластер под рукой и одним глазом приглядывая за медиком, который, казалось, был целиком поглощен укладыванием каких-то инструментов и препаратов в свой чемодан.

Обозревая окрестности, Жофре заметил и фигуры скремов, по-прежнему лежавшие вблизи ручья. Почему на них так подействовал стаз, Жофре не знал. Возможно, принадлежа к иному виду, они сразу же умерли от выстрела закатанина.

Еще он увидел четверых членов Гильдии. Никто больше не вылезал из флиттера, чтобы поддержать нападавших, не целился через иллюминатор, чтобы поразить противника. Однако это не означало, что там не был заготовлен для них какой-нибудь мерзкий сюрприз.

Жофре обратился к девушке:

— Эти скремы... если они снова поднимутся...

Она кивнула головой.

— Я прослежу, Тень. Есть еще флиттер...

— Я туда как раз собираюсь. — Жофре взглянул на закатанина, который теперь сидел, прислонившись спиной к камню. Было очевидно, что эта поза далась Зуржалу с большим трудом, ему пришлось напрягать искалеченную левую руку, но он был жив и сохранял сознание.

Двое связанных лежали не шевелясь. Жофре подошел к медику. Лучше принять предосторожности.

— Руки назад, — приказал он.

— У вас нет никаких шансов! — воскликнул тот. — Скоро прилетят нас искать. Праспар, — он кивнул на главаря, связанного цепью, — должен был послать сообщение в определенный срок. Если его не услышат... — он пожал плечами.

Жофре ничего не ответил. Он использовал почти весь свой пояс и запасы бинтов, чтобы связать пленников. От него никто не ускользнет.

Вначале надо осмотреть флиттер. Тайнад могла наблюдать за ручьем и неподвижными телами возле него. Заметив какое-нибудь шевеление, она поднимет тревогу.

Он приблизился к флиттеру со всеми предосторожностями следопыта, исследующего незнакомую территорию, полностью готовый в любой момент наткнуться на какую-нибудь неожиданность. Когда прилетевшие высаживались, они оставили дверь флиттера открытой. Изнутри не доносилось ни звука. Направив вперед свои чувства, Жофре не ощутил там скрытого присутствия кого-либо.

С бластером в руке он совершил прорыв, стараясь не сходить с того места, которое лучше всего укрывало его тело, и теперь, оказавшись спиной к стенке каюты, он быстро осмотрел салон.

Помещение было просторнее, чем можно было предположить, глядя снаружи. Там было шесть сидений, а за ними — свободное пространство, может быть, для багажа, хотя такового не было.

В первый иллюминатор около переднего сиденья было нацелено дуло какого-то орудия, которое могло быть либо крупным бластером, либо шокером. Жофре предположил второе, и, наверное, из него уложили его, когда флиттер подлетал на посадку. Он достаточно насмотрелся на более миниатюрные образцы подобного оружия и без труда мог разрядить этот крупный экземпляр, что и сделал двумя ловкими движениями, вытащив цилиндр, составлявший его боевой элемент.

Послышался шум, заставивший Жофре принять боевую стойку на полусогнутых ногах с бластером наготове. Шум доносился из коробки, помещавшейся перед тем местом,

которое, очевидно, занимал стрелок. Передатчик! Если бы он мог передать ответ! Но он был не в силах это сделать, а на медика положиться было нельзя. Все было как на Тсеске, как на Верном пути, машины такие сложные и совершенные. Этот передатчик, наверное, и сам мог сообщить, что у экипажа флиттера неприятности. Жофре не хотел ни малейшего риска.

Он выпустил в коробку разряд бластера, отчего она в последний раз жалобно пискнула, словно в ней действительно теплилась жизнь, а потом полыхнула удушающим дымом, отбросившим Жофре к дверям флиттера.

Его проблема ни на йоту не приблизилась к своему разрешению. Теперь он стоял в транспортном средстве, которое могло бы спасти им всем жизнь, но не знал, как им пользоваться. А возвращаться пешком с раненым Зуржалом, тремя пленниками, жатом...

Исша были приучены к индивидуальным действиям, в которых они могли полагаться только на себя, и с трудом расставались со своей независимостью. Он потряс головой, словно отгоняя беспорядочные мысли, не складывавшиеся в стройную картину.

По крайней мере, он заметил одно: стойку, на которой находились фляжки с водой. От их вида в Жофре проснулась жажда. Он взял ближайшую из них и заставил себя ограничиться всего тремя глотками, которых не хватило даже для того, чтобы сполоснуть пересохшие язык и полость рта. Но с тремя фляжками, свисавшими на лямках у него с плеча, он вернулся к своим спутникам, собравшимся возле скал.

— Скремы мертвы, — сообщила Тайнад. — Так говорит Ян. — Жат по-прежнему сидел у нее на плечах, но чирикал уже со значительной силой.

— Хоть это хорошо. — Правда, в этот момент данное обстоятельство беспокоило Жофре меньше всего. Протянув одну фляжку девушке, он пошел с другой к закатанину, который полусидел-полулежал.

Закатанину удалось каким-то образом добраться до своего сканера, который он держал искалеченной рукой. Зака-

танин копался в механизме, пытаюсь вытянуть из него блок питания, и, когда Жофре подошел, эта деталь как раз поддалась. Жофре почувствовал запах дыма.

— Сгорел! — пробормотал Зуржал.

Жофре подумал, что речь идет о камне асша. Сила, он отдал силу, чтобы вернуть их к жизни. Закатанин потрогал внутренности блока питания.

— Энергия, не хватало только энергии. Теперь мы знаем. Остались только жара и пыль...

— Но, Ученый, какой нам теперь от этого толк? — Жофре не пытался скрыть мрачность своих мыслей об их будущем. — Я не пилот, ты не можешь вести флиттер. — Если мы лишимся одного из этих, — он указал на связанных пленников, — нам не удастся добраться никуда, за исключением места, которое они выберут сами. А там, — он указал в ту сторону, где находилась тундра, — у нас нет никаких шансов.

— У тебя вообще нет никаких шансов, Тень, — хрипло сказал главарь. — Если мы не пошлем сообщения, за нами прилетят. Если ты захочешь договориться со мной или с ними, — он указал на своих спутников, — забудь об этом. Гильдия не заключает компромиссов, они попросту прилетят и поразят стаз-лучом всех нас, а потом заберут то, что им надо, и оставят это место.

— Жофре, — воскликнула Тайнад, указывая на небо. — Они летят!

Жофре также услышал шум другого флиттера. Он может попробовать, шансы, конечно, очень малы, но их надо использовать! Жофре кинулся к холму. Его силы питались гневом и страхом. Он перебирался с кочки на кочку. Каким-то образом он добрался до расщелины и засел в ней. Но он был слишком изнурен для того, чтобы ровно установить дуло своего бластера на опоре из кочки и пальнуть во флиттер бластером до того, как на них прольется стаз, как это предсказал командир нападавших. Он даже не был уверен, что выстрела из бластера хватит, чтобы сбить флиттер. Ему оставалось лишь надеяться на это.

Но флиттер не стал снижаться, а совершил круг высоко над тем местом, где Жофре застыл в ожидании. Пальцы Жофре так сжимали оружие, что он, казалось, не смог бы их самостоятельно разжать. Он в последний момент заметил сверкающий опознавательный знак на борту флиттера и отвел свое оружие, опалив выстрелом близлежащую траву, но не задев транспорт.

Флиттер не нанес удара ни из шокера, ни из бластера. Он стал снижаться недалеко от собравшейся группы людей и сел около другого флиттера. Жофре, затаив дыхание, следил за тем, как из флиттера стали выходить люди в мундирах.

Первый из прилетевших, на котором был серебряный шлем, подошел к флиттеру Гильдии. Потом вышли другие, равнодушно миновав транспорт. Один на короткое время задержался возле мертвого тела, но поспешил дальше. Жофре стал спускаться с холма, все еще содрогаясь от испытанного стресса. Оказалось, что спускаться было гораздо труднее. Жофре никто не заметил, пока он не подошел к офицерам Патруля, окружившим связанных, в то время как командир разговаривал с Зуржалом.

— Хорошая добыча, — говорил командир.

Оборка на шее закатанина потемнела, глаза были холодными, как у рептилии.

— Так мы, капитан, все это время служили наживкой? Что ж, это объясняет некоторые обстоятельства, которые меня удивляли.

— Вы говорите о наживке? — холодно спросил офицер. — Вы же сами очень желали устроить эту экспедицию, кажется, хотели что-то доказать, не так ли? Мы просто позволили вам совершить то, что вам хотелось. Вы же получили результаты, к которым стремились? У нас есть видеозаписи, поистине удивительные. И мне кажется, что вам больше не следует опасаться интереса со стороны Гильдии. Гильдия многого лишилась, включая секретный внутренний порт, которым так дорожила. В целом операция прошла очень успешно, вы согласны?

Зуржал указал на свою сожженную руку:

— За все заплачено дорогой ценой.

Патрульный офицер утратил часть своей самоуверенности.

— У нас есть регенераторы, Ученый. Сюда направляется медицинский корабль со специалистами на борту. Вам будет оказано необходимое внимание. Мы вам в высшей степени признательны.

Жофре ощутил крайнюю усталость. В присягнувшем теперь отпала всякая необходимость. Он завершил свою миссию. Теперь он чувствовал, что несколько раз был недостоин звания исша.

Исша — Тайнад. В тот же момент он вспомнил, что сказал командир противника. Тайнад была послана, чтобы взять его в плен и доставить Шагга. Что ж, в нем осталось достаточно сил исша, чтобы не дать так просто с собой расправиться.

«Друг... друг...»

Что-то потянуло его за рукав, и, нагнувшись, Жофре увидел, что за манжет цепляется жат. Но жат находился в руках Тайнад, которая подошла к Жофре так близко.

«Друг!» — Это слово прозвучало в его мыслях точно приказ, требуя понимания. Жофре обернулся к девушке:

— Но ты же присягала!

Тайнад выпустила Яна. Достав из волос палочки, она протянула их Жофре.

— Они прислали мне их на Верном пути. Я получила приказ, но не давала присяги перед Высоким алтарем.

— Они будут тебя преследовать. Я знаю Шагга.

Она гордо посмотрела на Жофре:

— Шагга могут посылать приказы, но им не присягают.

— Тогда кто-нибудь присягнет против тебя, Сестра, если... — Он посмотрел на скалу, к которой прислонялся, и в нем стала собираться новая энергия. — Твой нож из рукава, Сестра, дай его! — Он протянул руку.

Она глядела на него, не понимая. Ян ухватился за ее другую руку, умоляюще мяукая.

Тайнад медленно достала свое самое ценное, самое почитаемое оружие и отвела его чуть в сторону. Жофре, протянув руку, сомкнул пальцы на обнаженном лезвии.

— Тяни, — приказал он, и Тайнад исполнила повеление почти инстинктивно. Он почувствовал, как нож надрезал его кожу. Тайнад с удивлением переводила взгляд с Жофре на свой нож, а Жофре поднес ко рту ладонь, окрасившуюся кровью.

— Ты сделала так, как тебе приказано, — пояснил он. — Моя кровь окропила твой нож. Ты можешь в этом поклясться хоть перед Магистром Ложи, хоть перед Шагга и будешь говорить чистую правду.

Впервые маска, постоянно присутствовавшая на ее лице, исчезла, и перед Жофре предстала настоящая Тайнад.

— Да будет так, Брат Теней, — сказала она полупшепотом.

— Да будет так, — твердо повторил он. — Сестра Теней!

— Жофре, Тайнад!

Они вернулись к действительности, отзвываясь на восклицание Зуржала.

— Это мои сотрудники, капитан, — пояснил Жофре. — Именно благодаря им Гильдии не удалось положить конец вашим играм, пока вы ни прибыли с некоторым опозданием. А теперь, пожалуй, мы воспользуемся благодарностью, которая, как вы только что сказали, нам причитается!

* * *

Они снялись с Лочана на патрульном крейсере, где Зуржала уложили на больничную койку, а его искалеченную руку поместили под капсулу, обдувавшую ее каким-то жизнетворным газом.

— Ты присягал мне, а мое дело завершилось, — обратился Зуржал к Жофре. — Я заявляю, что ты исполнил свою миссию. Разве только...

— Что? — перебил Жофре.

— Разве только ты захочешь принять на себя это бремя на всю жизнь?

— Какое же это бремя! — с жаром воскликнул Жофре, вспомнив, что испытывал подобную радость, лишь когда с ним был Магистр его Ложи. Того, что предложил ему законтин, он не смел даже желать.

— Тайнад, Драгоценная! — Закатанин обратился к девушке, не ожидая более от Жофре подобного ответа.

— Я больше не Драгоценная. Мне кажется, есть другие пути.

— Есть путь, по которому мы можем идти вместе, — сказал Зуржал. — То, что мы сделали на Лочане, — лишь начало. Во Вселенной столько древностей, которые мы сможем открыть!

Перебинтованная рука Жофре, поднявшись, сделала знак «Привет-товарищу-Теней», который редко делали исша.

Рука Тайнад ответила ему знаком «Да-будет-так!».

— Теперь мы не будем иметь дела с тенями других, только со своими собственными, — сказал Жофре вслух.

В его раненую ладонь легла маленькая лапка, в то время как другая такая же оказалась в руке Тайнад. Так крепко замкнулась последняя связь.

НОЧЬ МАСОК

Глава 1

День выдался на редкость унылый. Земля, небо, здания — все было окрашено в одни и те же серые безрадостные тона. Ник Колгерн стоял, притулившись под нависающей аркой, спасаясь от дождя. Холодный, мелкий, наполняющий воздух хлюпаньем и шуршанием, он был под стать гнетущим мыслям, никак не покидающим его головы. Глаза Ника глядели в пустоту, тонкие пальцы машинально теребили и поглаживали перед выцветшей, свисающей с худых плеч куртки. Он дрожал от сырости и холода, но по-прежнему не делал ни единого шага к близкой двери. Слишком хорошо знал он, что ожидает его за этой дверью. Тот же серый цвет, только еще более тусклый, прогнившие нары и множественное дыхание людей.

Большие бараки Диппла... Особая зона для бродяг и отребья. Все, чем мог бы похвастаться обитатель здешних мест, — это право на угол, угол, который нужно было постоянно отбивать и отстаивать. На большее здесь не рассчитывали.

Правая ладонь Ника прикрывала нижнюю часть лица — привычка, которую он давно уже не замечал. Зыбкая защита от чужих взглядов, чужих кулаков. Он прятал то, что располагалось ниже его больших голубовато-зеленых глаз. Заметив людей, входивших во двор, он теснее прижался к стене. Они прошли, хлопнув дверью, не обратив на него никакого внимания.

Моук Варн и Брин Ник. В мире Диппла их по праву считали важными персонами. По праву... Ник искал более подходящее слово, но не нашел.

Само собой, все его определения там, за воротами Диппла, не стоили и ломаного гроша. Важными персонами Моук и Брин были только здесь, внутри этих почерневших от сырости стен. Но это были границы его мира, и Ник безропотно принимал Диппл со всеми его законами и оценками в отношении других и в отношении самого себя. И если уж он слыл в этом мире неудачником, то, видимо, так оно и было, а не то чтобы Моуку или кому-то другому взбрело в голову называть его так.

Впрочем, когда-то не существовало Диппла, не ведали ужасов космической войны. Когда-то, когда-то... Это было то далекое время, когда маленький мальчик был кем-то другим, совсем другим... Глаза Ника потемнели. Он неотрывно смотрел на косую сетку дождя и продолжал вспоминать. Все началось с войной. Да, именно тогда разразившиеся беды обдирающей в кровь метлой взмутили и подняли на поверхность все самое грязное и никчемное, небрежно и грубовато смели в смердящую кучу. Это и стало Дипплом — своим на каждой планете, месте, где было позволено догнивать в забвении и нищете, где речь даже не заходила о людях. Они являли собой мертвое статистическое число, сноску в малочитаемой литературе, факт, о котором в свободном мире старались всячески забыть. Война практически завершилась, но равнодушные с ненавистью, порожденные ею, продолжали жить. Они укрылись под глянцевые красочные слои, научились улыбаться, но при всем том не забывали напоминать о себе. Напоминать ежедневно...

Пальцы Ника плотно прижались к лицу. Загрубевшие шрамы, морщины... Давным-давно лицо его покрывала маска, что была страшнее всяких кошмаров и которую никогда уже ему не придется снять. Десять лет прошло с тех пор, как грузовой корабль попытался спасти маленькую колонию, волею судьбы оказавшуюся в пограничной зоне, контролируемой врагом. Неудачливого спасателя зацепили слепым залпом, заставив рухнуть на бесплодную планету.

Ник до сих пор недоумевал, что же позволило ему выжить, уцелеть в той беде. Как ребенок с разодранным обо-

жженным лицом продолжал жить рядом с умирающим? Он продержался до того самого момента, когда, казалось бы ниоткуда, пришло спасение: люди в космической броне, нечаянно заглянувшие в отсек изувеченного корабля, где съжившимся комком Ник продолжал свою маленькую борьбу между жизнью и смертью. Он помнил тот их приход, окутанный хаосом впечатлений, затуманенный бредом и болью. И еще был страх. Страх перед неизвестностью, не отпускавший его ни на минуту. Именно тогда в его жизнь и вошел Диппл. Здесь же, на Корваре. Сначала больница, а позднее бараки. Тот самый Диппл, в котором ни на мгновение он не расставался с тоской, с отчаянным чувством одиночества.

Впрочем, иногда он мечтал — да! Он грезил о стране под другим небом и другим солнцем, более теплом и иного цвета. Но было ли это воспоминанием или только сном? Память хранила лишь разрозненные обрывки блёклой, потянувшейся с момента аварии череды дней. С тем лучезарным миром его связывал разве что именной диск, что нашли на его теле явившиеся на корабль люди. Ник Колгерн, имя, состоящее из стандартных символов, ровным счетом ничего не говорившее властям. На первых порах ему пытались задавать вопросы о его прошлом, но очень скоро прекратили, убедившись в полной его беспомощности. Кроме того, людей отталкивала его внешность. Обезображенное лицо не располагало к дружеским беседам, и в конце концов случилось то, что и должно было случиться: Ник превратился в отшельника, единственным развлечением которого стало чтение. Для книг и летописей не имел никакого значения тот факт, что Ник походил на человека лишь от уровня глаз до макушки головы, скрытой под копной жестких, как проволока, волос, цветом напоминающих черный янтарь. Он научился уходить в мир фантазий, заставляя трудиться собственное воображение. Он погружался в сладостные галлюцинации столь глубоко, что временами ему начинало казаться, что это и есть его настоящая жизнь. Диппл с его переполненными людьми бараками черным пугающим си-

луэтом уплывал в далекую мглу. На робкие уколы разума, пытавшегося вернуть его на землю, Ник не обращал внимания. Маленький мир грез был единственным из всего его небогатого имущества, что он по-настоящему ценил. Именно этот мир выгнал его под дождь. Он желал поскорее окунуться в грезы, хоть на короткое время забыть о бараках и сером унынии. Оттолкнувшись от стены, Ник побежал к темнеющей громаде склада. Скучающая в дверях охрана не заметила его. За все эти долгие годы Ник успел превратиться в первоклассного специалиста по части конспирации. Пригибаясь и стараясь ступать бесшумно, в несколько секунд он достиг обычного своего укрытия. Крохотное отверстие между ящиками и полусгнившими досками, в которое едва мог протиснуться взрослый человек. Вытянувшись на расстеленном куске материи, Ник замер. Барабанная дробь дождя доносилась теперь приглушенно и действовала успокаивающе. Забыв о неудобстве, готовый вот-вот погрузиться в сон, Ник покорно закрыл глаза.

— ...должно быть, ты прав. Я поторопился...

Слова эти совершенно не вписывались в ту фантазию, что начинала уже обволакивать Ника. Они вызвали у него легкое раздражение. Их можно было бы пропустить мимо ушей, но что-то в голосе говорившего заставило Ника открыть глаза и прислушаться.

— Нельзя действовать, пока мы не будем абсолютно уверены.

— Да, но пока мы здесь расслаживаем и дожидаемся взлета, дело может принять действительно неважный оборот.

Ник перевернулся со спины на живот и начал как червь продвигаться по своему затемненному тоннелю к крайним ящикам. Он хотел рассмотреть беседующих. Добравшись наконец до ящиков, он приподнял голову. Глаза его уперлись во мрак. Разговор, который он услышал, наверняка носил конфиденциальный характер. Диппл был переполнен тайнами, и далеко не в первый раз Ник получал возможность прикоснуться к одной из них. И он прекрасно сознавал, что подобная осведомленность может оказаться чреватой для него.

— Повторяю, мы можем упустить свой шанс! Время идет, и слишком большая роскошь расплываться в этом деле. Это, надеюсь, вы понимаете?

Стовар! Ник видел внизу две фигуры, немногим отличающиеся от теней, но этот голос он знал. Здесь, на Диппле, Стовар был одним из тех, кого называли крупным хищником. По крайней мере, ни Моук, ни Брин не шли ни в какое сравнение с ним. Стовар ворочал делами, о которых они и не подозревали. До Ника доходили слухи, что он принадлежал к Воровской гильдии, а для того, чтобы попасть в Гильдию, нужны были огромные средства. Обладая связями, как поговаривали, охватывающими половину Корвара, он не гнушался и торговлей краденым, всегда мог снабдить партией наркотиков.

Ника трясло. Подслушать даже самую малость из сказанного Стоваром — могло означать верную смерть. Вцепившись в ящик, возле которого он лежал, стараясь унять взволнованное дыхание, Ник не осмеливался пошевелиться. Ему страшно было подумать о том, что будет с ним, если Стовар и его приятели поймут, что они не одни.

— Ладно, выбора нет. — Человек, стоявший возле Стовара, говорил неторопливо и спокойно. — Но меня смущает то, что мы принимались за это дело уже дважды, и дважды оно обходилось нам в кругленькую сумму. И если мы снова направимся к Маргану, он обязательно поднимет цену. Не такой уж он осел, чтобы не понимать своей выгоды.

— Мы можем прижать Маргана.

— Хотел бы я знать, кому от этого не поздоровится. Стоит его припугнуть, и можете смело попрощаться с Братством. Готовы ли вы к этому? Марган наш человек и он необходим нам. Кроме того, в своем деле он незаменим. Так что не стоит хитрить, Братство вступится за него, какой бы фокус мы не выкинули.

Братство! Только сейчас мозг Ника окончательно очистился от полусонных фантазий. Стовар, вероятно, пытался связаться с Братством — космической секцией Воровской гильдии, что занималась сбором добычи в далеких пограничных мирах. О чем это ему говорило? Только об

одном: сделка, на которую намекали говорящие, должна была быть очень крупной. Стовар возглавлял уголовный мир Диппла, но среди членов Гильдии он был наверняка лишь невзрачной пешкой, которой действительные Патроны бросали лишь малые крохи со своего стола.

— Похвально! Но кое в чем наш друг безусловно прав. У нас совершенно нет времени.

Там, внизу, находился третий! Ник попытался уловить его тень, но не смог. Незнакомец стоял вне поля его зрения. Узнать Стовара Нику было несложно. С кажущимся безразличием к уродству Ника тот время от времени снабжал его мелкими поручениями, что было для Ника, пожалуй, единственным способом заработать на покупку книг...

— Согласен. Но третья попытка Маргана будет действительно выглядеть подозрительно. У нас могут быть неприятности.

— Серьезное предостережение, — отозвался невидимый третий. — Кажется, вы упоминали о том, что мы располагаем пятью днями? Это в самом деле так?

— Пять дней. А затем придется выждать три планетных месяца, прежде чем совершить новую попытку.

— Пусть так. Мы подождем.

— Но... — Стовар попробовал возразить, но его перебили:

— Подумай! Разработать весь план, найти нужного человека — и все это за пять дней? Это невозможно! Когда-то я пытался выполнить нечто подобное, но вовремя сообразил, что забрать все с Корвара и добраться до звезд — это еще не все. Нужна длительная подготовка, и мы должны выждать эти три месяца.

— Но не забывайте, — подал голос Стовар, — мы ведь уже убедились, что Инэд успел предпринять кое-какие шаги против нас. Поэтому я считаю, что надежнее выполнить прямой бросок.

— Что совершенно невозможно, — холодно возразил его приятель. — Уровень безопасности не слишком-то высок. Я имею в виду установку, разработанную Геригарцем. Никакой иной техникой мы попросту не располагаем. И разве

не вы сами настаивали еще совсем недавно на необходимости соблюдать осторожность?

— Разумеется, осторожность прежде всего. Но каждая новая отсрочка — это еще один шанс Инэду, чтобы вычислить нас.

Из темноты донесся тихий смех:

— Похоже, забрели в тупик, а, Стовар?.. А я, признаться, все-таки верю в свою звезду. Мы либо осуществим задуманное, либо...

— Поставим на всем крест! Некоторые детали операции до сих пор неосуществимы. Это самая дрянная ракета, которую я когда-нибудь видел!

— Похоже, ваш командир не совсем согласен с вами, Боувэй? Если желаете, вы всегда можете выйти из игры.

В ответ послышалось ворчание. Ник с напряжением прислушался. Что-то настораживало его в голосе третьего. Произношение было правильным, тон властным, но отчего-то Ник все больше склонялся к тому, что человек этот не принадлежал Дипплу. Обитатели бараков догадывались, что Гильдия имеет своего человека в Планетарной Страже среди руководства порта. Могло оказаться и так, что человек этот был одним из этих троих.

— М-да... Три месяца, — пробормотал Стовар. На этот раз в его голосе слышалась нотка покорности. — А что будет, если по истечении трех месяцев мы так и не найдем нужного человека?

— Мы постараемся его найти. Во всяком случае, если верить прогнозу ОП, мы отыщем его.

Кто-то из собеседников скептически хмыкнул:

— Тогда почему бы вашему ОП не подсказать, где его искать? Может быть, этот человек даже не на Корваре. Вы думали об этом?

— Скорее всего, он все-таки здесь. Оглянитесь вокруг! Диппл — превосходное сборище кандидатов!

— Не вижу ничего, кроме нагромождения грязи и своры оборванцев, — презрительно высказался Боувэй.

— Это лишь на первый взгляд. Вглядитесь повнимательнее, и вы увидите иное. Здесь самый полный набор га-

лактических рас, представителей более чем сорока миров. Осколки войны и кораблекрушений, согнанные в одно место без всякого разбора. Такой пестроты вы больше не увидите нигде.

— Ну, разве что в другом Диппле, — вставил Стовар.

— Согласен. Только где это? Ближайший от нас Диппл находится на Кали, шесть месяцев непрерывного полета. Мы не можем себе позволить длительные поиски. Если ОП предполагает, что он здесь, то и нечего ломать голову, надо искать. Лучшего варианта вы все равно не предложите.

— Вероятно, вы правы. Придется искать его здесь... Надо сказать, здесь намешано всякого добра. Единственное, что объединяет этот сброд, — это внешнее сходство с людьми.

— А большего нам и не понадобится, — сказал невидимый Нику человек. — Лишь бы он сумел пройти контрольные фильтры. Так что терпение, и мы...

Ник вздрогнул. То же сделал, наверное, и говоривший, оборвав фразу на середине. Резкий свист оглушил их. Тени Стовара и Боувэя застыли. Глядя на них, Ник ощутил, что во рту у него пересохло, часто и сильно забилося сердце. А в следующий миг каким-то шестым чувством он понял, что его заметили. Но каким образом?

Закричав, он рванулся, силясь высвободить ноги, но тот, кто ухватил его за лодыжки, был намного сильнее Ника. Он барахтался, цепляясь за пустоту, словно зверек, попавший в капкан, но не мог сдвинуть свое тело ни на сантиметр. Хватка незнакомца на мгновение ослабла, но только лишь для того, чтобы освободившейся мощью подхватить обессилевшего Ника и швырнуть его с высоких штабелей вниз, под ноги заговорщикам. Беспомощный, жалкий, он рухнул на землю не в силах ни говорить, ни сопротивляться.

— Крысенок, заглянувший не в свою нору, — процедил кто-то.

Нику не следовало подниматься. Едва он сделал это, вылетевший из темноты кулак обрушился на его челюсть. Съездившись, он ждал второго удара, но его не последовало. Вместо этого яркий луч резанул ему по глазам, и он

невольно поднял руки, защищаясь от выжимающего слезы света.

— Только поглядите на него!

Кто-то ухватил Ника за волосы и грубо подтолкнул поближе к фонарю. Ник зажмурился.

— Ты знаешь его, Стовар?

— Кажется, Боувэй уже сказал: крысенок, сунувшийся не в свою нору.

— Черт побери! Личико-то — что надо! Вполне достаточно, чтобы вывернуться наизнанку от ужаса. Стовар, а может быть, нам использовать его? Или дать ему бластер, и пусть покончит с собой. Не думаю, что жить с такой рожей — большая радость.

— Какая у него рожа, это не так уж и важно. — Голос человека, держащего фонарь, звучал вдумчиво и неторопливо. — Пожалуй, по росту и возрасту он подошел бы нам. Кто знает, возможно, это именно то, что нам нужно. Во всяком случае, одной проблемой было бы меньше.

— Вы действительно собираетесь использовать этого оборванца? — удивился Боувэй. — Сказать по правде, не очень мне нравится эта затея.

— Твое дело. А я вот, напротив, начинаю верить, что госпожа Удача наконец-то улыбнулась нам. Если показать его Джине, она сделает из него все, что мы пожелаем.

— Как бы то ни было, с ним надо что-то делать. Он слышал нас, — это говорил Стовар. — Пожалуй, мы упрячем его в один из этих ящиков, и парочка ребят поможет перетащить его ко мне.

Последнее, что расслышал Ник, было недовольное ворчание Боувэя. А в следующее мгновение он стремительно погрузился в непроглядную тошнотворную тьму..

Он лежал на твердой неудобной поверхности. Кусок полотна, который обычно расстилался на полу убежища, куда-то пропал. И страшно болела голова, чего никогда не было прежде. Он выходил из своих снов наоборот здоровевшим, с окрепшим желанием жить и терпеть свое горестное существование. Но сейчас все было иначе. Да и было ли это пробуждением? Ник все больше начинал сом-

неваться в этом. Мысли его прыгали, и чувство тошноты странным образом концентрировалось в больной голове, а не в желудке, как обычно. Постепенно обрывочные воспоминания складывались в цельную картину. Продолжая оставаться в неподвижности, не открывая глаз, Ник лежал, последовательно кусок за куском выстраивая цепочку печальных событий, приведших его сюда. Склад, трое заговорщиков и внезапное нападение сзади. Да, все так и было. Они сумели заметить его и не позволили убежать. От напряжения мускулы Ника занули. Сейчас он изо всех сил вслушивался в окружающее, ловя малейшие шорохи, пытаясь выжать из них хоть малейшую информацию о сложившемся положении. Он лежал на чем-то твердом — это он уже определил, но, прежде чем открыть глаза и выдать тем самым свое пробуждение, Ник хотел узнать все, что только представлялось возможным.

Издали донеслись приглушенные голоса, и вместе с ними долетел слабый неуловимо знакомый запах. Что-то сладковатое, со специфическим ароматом. Ник догадался. Это был запах канбианского вина, и единственный обитатель Диппла, кто мог позволить себе подобную роскошь, был, безусловно, Стовар. Стало быть, Ник по-прежнему находился у него в руках.

Ник наконец-то осмелился открыть глаза, но взгляд его тотчас увяз в темноте.

Он попробовал пошевелить руками, но обнаружил, что справа и слева тело его стиснуто дощатыми стенками. Должно быть, глаза начинали привыкать к мраку, потому что он разглядел над собой тонкие щели в перекрытии ящика. Открытие было не из приятных. В панике Ник попытался было сесть, но быстро понял, что не в состоянии сделать это. Ему приходилось мириться с обстоятельствами.

Итак, он в ящике, и ящик этот во владениях Стовара. Но, если он до сих пор жив, это говорило уже о многом. Они могли бы расправиться с ним еще там, на складе, и раз уж этого не произошло, стало быть, Стовар не собирался приканчивать его.

Бездействие вынуждало его к анализу ситуации, и Ник продолжал ворошить свою память. Он помнил, как что-то или кто-то ухватило его за ноги, помнил свой странный паралич после приземления. Только сейчас он сообразил, что забраться следом за ним в тесную нору никто из этих троих не мог. Значит, сила, швырнувшая его вниз, не принадлежала человеку. Но тогда что же?.. Впрочем, сейчас его интересовало не это, он размышлял о причине своего пребывания у Стовара. Кто-то из тех троих сказал, что Ник подходил им по росту и возрасту и что его уродство не имело для них никакого значения. Но зачем он мог им понадобиться?..

Звук приближающихся шагов заставил его замереть. Шаги остановились совсем рядом, и крышка ящика отлетела в сторону. На Ника пристально смотрел загорелый до черноты незнакомец. Такой загар мог быть только у настоящего космонавта. Черты лица его были правильными, но глаза сидели столь глубоко, что невозможно было определить, какого они цвета. Гладко выбритую голову незнакомца украшал хохолок, казавшийся на расстоянии белым пером птицы. Губы незнакомца тронула легкая улыбка, и Ник почувствовал, что сковывающий его страх начал рассасываться.

Бронзового цвета рука протянулась к нему и, ухватив за ворот, поставила на ноги. Прodelал все это незнакомец с удивительной легкостью — так, словно Ник совершенно ничего не весил.

— Не волнуйся. Через минуту ты будешь в полном порядке.

Затекшие члены действительно вновь обретали чувствительность. С помощью того же незнакомца Ник перешагнул через стенку ящика и неуверенно присел на предложенный стул. Незнакомец устроился напротив него. Только сейчас Ник получил возможность разглядеть его целиком. Человек, вызволивший его из ящика, носил одежду космонавта, грудь его украшала тройная звезда капитана. Сложив свои огромные ладони на коленях, незнакомец чуть подался к Нику, и впервые за многие годы Ник не

попытался прикрыть свое изуродованное лицо. С упрямым вызовом он ответно взглянул в глаза незнакомца, выставя напоказ свои шрамы.

— Я был прав! — Белый хохолок на голове незнакомца забавно дрогнул. — Похоже, ты наш шанс.

Глава 2

Незнакомец продолжал с улыбкой глядеть на Ника. Казалось, сложившаяся ситуация забавляла его. Помедлив, Ник проговорил:

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— В этом пока необходимости нет. Давно у тебя такое лицо?

— Около десяти лет. Меня вытащили из обломков полуразрушенного корабля. Еще во время войны.

— М-да... И ты не пытался лечь на операцию?

Ник с трудом справился с нахлынувшим на него волнением. Но в словах спрашивающего не было ни отвращения, ни брезгливости, и Ник заставил себя ответить правдиво:

— Они пытались что-то делать с моим лицом, но ничего не вышло. Что-то там из-за кожи. Она отслоилась через несколько месяцев, а на повторную операцию они не раскошались. Кому это нужно — тратить деньги на какого-то бродяжку из Диппла.

Незнакомец, сам того не подозревая, коснулся самой больной его темы. Ник прекрасно знал, что здесь, на Корваре, существовал целый штат прекрасных хирургов и косметологов, которым было бы нетрудно вернуть ему человеческий облик. Но между ними и Ником стояла пропасть, широкая и непреодолимая. Он прекрасно представлял себе, сколько нужно было заплатить медикам за возню с пациентом, у которого столь плохо приживается искусственная плоть.

— Дело не поздно исправить сейчас.

Ник подавил вспышку ярости.

— К сожалению, я не один из них, из семей элиты, — с трудом проговорил он. — Кроме того, при такой восстанов-

ливаемости, как у меня, даже их кошельков может оказаться недостаточно.

— Не говори столь уверенно о том, чего не знаешь. — Незнакомец поднялся на ноги. — Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и элементарное везение.

— Везение? — эхом отозвался Ник.

— Да, везение, черт подери! Слушай меня внимательно, малыш. Сейчас я скажу тебе нечто важное. Так уж вышло, что ты оказался кандидатом номер один. Мне понадобится твоя помощь, а взамен я мог бы тебе кое-что предложить. Что, к примеру, ты сделал бы ради своего нового лица?

Взгляд Ника застыл. Незнакомец говорил вполне серьезно. Что бы он отдал за свое новое — настоящее — лицо? Спросить такое у него?.. Он был поражен. Неужели незнакомцу еще нужно было отвечать?

— Все, что угодно! — выпалил он.

— Отлично. Тогда с тобой стоит поработать... Стовар!

В дверях появилась знакомая Нику фигура.

— Я забираю у тебя Колгерна, — объявил ему незнакомец.

Мутные глаза Стовара равнодушно скользнули по лицу Ника. Он слегка нахмурился:

— Тебе виднее. Когда ты хочешь забрать его?

— Прямо сейчас.

Стовар пожал плечами:

— Как хочешь, Лидс. Если ты выбрал, то теперь это уже твоя забота.

Незнакомец, которого звали Лидсом обернулся к Нику:

— Ну, а ты запомни: если ты хочешь получить смазливенькое личико, тебе придется сперва заработать его. Это понятно?

Ник кивнул. Конечно же, он понял. Все, чего жаждет душа, надо или зарабатывать, или завоевывать. Он уже понял, что Лидс был одним из парней Гильдии или Братства, и нетрудно было догадаться о том, какого рода работу хотят ему предложить. Но это ничуть не смущало его. Это чепуха в сравнении с тем, что ему обещали взамен. Кроме того, любой бродяжка Диппла знал, что для него и ему подобных

существует лишь один закон — закон тьмы. Закон света существовал для имущих, и только для них.

— Значит, поступим так. — Незнакомец продолжал внимательно смотреть на него. — Слушай и запоминай. Ты — сын космонавта, моего бывшего командира. Я нашел тебя здесь и, поручившись перед властями, вызволил из Диппла. Думаю, охрана не будет возражать. Они только рады, когда вас становится меньше. Тем более все будет исполнено вполне законно. Ты возьмешь что-нибудь из своих вещей?

Ник недоуменно дрогнул бровями. Что Лидс имел в виду? Устройство для чтения, книги?.. Это было единственное имущество Ника, но и от него он мог сейчас с легкостью отказаться ради того, чтобы вырваться отсюда, стать новым Колгерном, свободным и, может быть, счастливым. Никогда ранее не испытываемое им чувство клокотало в груди. Чувство, связанное с замаячившими на горизонте надеждами.

— Нет. — Ник не в состоянии был управлять голосом, и его хватило только на это единственное слово.

— Хорошо! — Та же бронзовая рука, что вытащила его из ящика, помогла Нику подняться на ноги. Запинаясь, он прошел через комнату и, минуя деловые апартаменты Стоvara, равнодушно отметил про себя, что в одном из кресел сидит Моук Варн. Моук был тенью из прошлого и теперь не значил для него ровным счетом ничего. Это было одним из снов Ника, кошмарным, уходящим навсегда сном. Прошлые же его грезы, воплощенные в реальность, в эту мускулистую, поддерживающую его руку, властно вводили его в жизнь. Он был настолько опьянен, что даже не порадовался тому недоумению, что явственно проступило на лице привставшего Моука.

Они вышли во дворик, окутанный туманом, и голос Лидса стал более резким:

— А теперь слушай внимательно. Меня зовут Строуд Лидс. Я волный торговец. Твой отец был моим командиром на Дневной Звезде, когда разразилась война. В одном из сражений на Иджоку он был убит, и в течение последних трех лет я искал тебя в Дипплах на разных планетах. Искал

и нашел, понял, мой мальчик?.. Удача, конечно же, госпожа Удача! Я знал, что она сопутствует мне. Я бы не понял этого лучше, если бы не почувствовал тогда на складе, что кто-то подслушивает наш разговор. Держись за меня малыш, и частица Удачи сама собой перепадет и тебе!

Лидс подмигнул ему. На губах его играла улыбка игрока, собирающегося снять с зеленого бархата крупный куш. На вялых ногах Ник тщетно пытался приноровиться к широкому шагу капитана, перебирая в голове сказанное Лидсом. Он с трудом заставлял себя поверить, что происходящее с ним — не сон. Туман окутывал дворик, туман стоял перед глазами. Он почти не слышал бойких объяснений Лидса в регистратуре и машинально кивнул, когда тучный надсмотрщик поздравил его с нежданно привалившим счастьем. Все это и в самом деле походило на счастье. И он, который давно уже не помнил, как выглядит прекрасное лицо Фортуны, начинал верить в нее с той же заразной страстью, что и Лидс.

Вскоре они были уже за пределами Диппла. Немного отставая от своего властного спутника, Ник наслаждался новыми нахлынувшими на него ощущениями. Он мог бы пересчитать по пальцам те редкостные случаи, когда он оказывался за воротами Диппла. Больница и связанная с нею боль безнадежного приговора, магазин, в котором через третьи руки ему удавалось покупать дешевенькие книжки. О, когда-то в них заключалась вся его жизнь! Как тщательно он сберегал ее от посторонних!.. И вот он уходил из Диппла насовсем, действительно уходил!

У ближайшего коммутатора Лидс торопливо набрал незнакомый Нику код. Начинался дождь, второй за этот промозглый день, и капитан накинул на голову капюшон. Нику было нечем прикрыться, и он стоял, слизывая с жесткой, покрытой рубцами кожи губ прохладную влагу. Его это ничуть не трогало. Даже дождь здесь, вне барачков Диппла, казался совсем иным, чуть сладковатым на вкус и чистым.

Долго ждать не пришлось. Вызванный капитаном флигтер, взметнув брызги, приземлился в десятке шагов. Когда они уже садились на обитые бугорчатой кожей места, Лидс

молча поглядел на парня. Он больше не улыбался. В лице его проглядывала какая-то пугающая жесткость.

— Я принял решение, но это еще не все. Многое зависит от того, что решат Джина и Искхаг.

Ник съезжился. В его огромном, разросшемся до небывалых размеров счастье появилась трещинка. И ядовитой струйкой через эту трещину начал просачиваться страх.

— Но, — продолжил Лидс, — поскольку многое в этом деле зависит от меня, думаю, они согласятся с моим выбором.

Бурлящее опьянение проходило. К Нику вновь возвращалась способность спокойно оценивать события. Он был счастлив, что Лидс вытащил его из Диппла, но он понимал также, что если дело, ради которого его взяли с собой, провалится, он вновь вернется в бараки. Иного места для его изуродованного лица не существовало. Корвар слыл планетой удовольствий. Вся его экономика работала на обеспечение сытой роскоши для богатейших людей Галактики. В этом мире Нику Колгерну отводилось лишь одно-единственное место — Диппл. Флиттер отклонился от транспортный линий города и летел сейчас над внешним кольцом загородных вилл и особняков. Ник, обмирая, смотрел вниз — на чудесные дома, пышную растительность, завезенную, может быть, из полусотни разных миров. Кто знал, доведется ли ему еще когда-нибудь видеть все это?..

Флиттер подпрыгнул в воздухе, одолевая живую изгородь кустарника, усыпанного великолепным сиянием похожих на капли воды цветов, и совершил посадку на крыше широкого, примостившегося на склоне горы здания. Выйдя из летательного аппарата, они стали спускаться в сад. Дождь продолжал лить, собираясь в шумные ручьи и устремляясь в водостоки, расположенные вокруг дома. Ник, подняв голову, увидел, как освободившийся от пассажира флиттер резко взмыл в воздух, возвращаясь на городской таксодром.

— Давай, давай! — Лидс подтолкнул его вперед, поясняя тем самым, что времени у них не так уж и много. Внезапно дождь прекратился. Нику показалось, что их окутало

мерцающее серебряное сияние, воздух пронзило низкое гудение. На мгновение сияние стало материальной поверхностью, но вновь затуманилось, растворяясь в воздухе, наподобие сахара, брошенного в воду. Они находились уже не под открытым небом, а в затемненной нише, из которой можно было видеть длинный коридор.

— Сюда!

Лидс шагал быстро, и Ник едва поспевал за ним. Стены, вдоль которых они двигались, были блестящие и гладкие, такого же серо-зеленого цвета, как и вся наружная часть здания. Постепенно у Ника сложилась убежденность, что они спустились не во внутренние этажи здания, а значительно глубже. Возможно, это было подвальное помещение. Ник изумленно расширил глаза. Стена, до которой дошел Лидс, отъехала в сторону, открыв вход в ярко освещенную комнату. Они вступили на красный, пружинящий под ногами ковер, и Ник бегло окинул взглядом находившихся в комнате людей. В креслах новейшей конструкции, какие Ник видел только на рекламных плакатах, сидели мужчина и женщина. Судорожным движением Ник попытался прикрыть лицо, но остановил руку на полпути. Что-то особенное во взгляде женщины остановило его. Может быть, отчасти это было то самое, что привлекло его в Лидсе. На лице женщины не отразилось ни брезгливости, ни отвращения. Она смотрела на него так, словно он был обычным парнем, ничем не отличающимся от сотен других людей. Присмотревшись к ней, он решил, что она значительно старше, чем показалось ему вначале. Светловолосая, с огромными голубовато-зелеными глазами, одета она была удивительно просто. Тонкими пальцами она держала молочного цвета пластину, время от времени поднося ее ко рту и слизывая с нее розовую пасту. Делала она это довольно непринужденно и ни на миг не сводила с него своих завораживающих глаз.

В соседнем кресле расположился мужчина, чье одеяние представляло полный контраст с бесцветной туникой женщины. Его распахнутая на груди рубашка была расшита драгоценными камнями. Голубоватого оттенка кожа, чересчур

крупные нос и подбородок выдавали в нем чуждое Терре существо. Небольшой, тщательно подогнанный по размеру черепа шлем покрывал его голову, и там, где у обычного человека располагались уши, Ник разглядел два медленно вращающихся полукруга. Из глубины полуоткрытого рта, меж синих полосок губ, двумя светящимися камешками выглядывали зубы.

Галактика была достаточно богата цивилизациями самых различных видов. Корвар привлекал не только людей в привычном смысле слова. Ник слышал, что на планету прилетают и представители иных космических рас, но воочию убедиться в этом ему пришлось только сейчас.

Ни женщина, ни мужчина ни единым жестом не прореагировали на их вторжение. Молчание было тягостным. Наконец, отложив пластинку, женщина плавным шагом пересекла комнату и остановилась напротив Ника. Его рука снова потянулась к лицу. Женщина была одного роста с ним, но он никогда бы не подумал, что она обладает такой силой. Взяв его за запястье, несмотря на все его сопротивление, женщина заставила Ника опустить руку. С пугающим вниманием она продолжала рассматривать Ника и особенно его лицо, так, словно решала при этом увлекательнейшую задачу. Лидс слегка шевельнулся:

— Подойдет?

— Возможно, — тихо произнесла женщина.

— Какова вероятность того, что все пройдет благополучно? — скрипучим, лишенным интонации голосом спросил сидящий в кресле мужчина.

— Процентом семьдесят. Может быть, и больше. Сейчас посмотрим. — Женщина вернулась к своему креслу. Черный, незнакомый Нику аппарат, повинаясь ее команде, развернулся на своем столике, обратившись широким стеклянным раструбом к стене. Незнакомец в кресле надавил кнопку на подлокотнике и вместе с сиденьем тоже развернулся к стене. Женщина что-то сделала с аппаратом. Раздался щелчок, и гладкая поверхность стены замерцала. Ник ахнул. Стена показывала в полный рост изображение молодого человека. Чем-то неуловимым он походил на него са-

мого, но его лицо... Ник не сводил с него глаз. Правильные черты лица, нежная, загоревшая на солнце кожа. Парень, глядевший на них со стены, был симпатичным, хотя что-то в выражении его глаз выдавало затаенную грусть. Женщина шагнула назад и перевела взгляд на Ника, будто что-то про себя сравнивала.

— Он рассказывал, что первая операция по трансплантации плоти закончилась неудачей, — предупредил Лидс. Видимо, он хотел быть честным со своими компаньонами.

— Да?.. — Она отсутствующим взглядом воззрилась на Лидса, снова посмотрела на изображение. — Искхаг! Ты видишь, какие у него волосы? Кажется, я начинаю верить нашему Строду. Все, что он твердит без конца о своей удаче, может действительно стать правдой. Эти волосы!..

Ник недоумевающе смотрел на светящуюся стену. Черные витые кольца, обрамляющие голову изображенного юноши, напоминали его собственную шевелюру. Странно, что они находили в ней что-то особенное.

— Похоже, что мы не зря доверились прогнозу ОП, — пронзительно проскрипел Искхаг. — Вероятность успеха в этой точке космоса превысила вероятность неудачи. И если только ты считаешь, что сумеешь преобразить его...

Женщина, которую, по-видимому, звали Джиной, небрежно пожала плечами:

— Думаю, я сумею это сделать, хотя гарантировать удачный исход пока не берусь. Если прошлая операция действительно прошла безрезультатно, то это вполне может повториться и сейчас.

— С того времени многое изменилось, Джина, — возразил Лидс. — Должны были появиться новые эффективные методы, ведь так?

Он вопросительно посмотрел на Искхага, и тот кивнул:

— Вероятно. Наша Джина попросту желает подстраховаться. Кстати, этот паренек понимает нас?

Прежде чем ответить, Лидс раздумчиво достал из кармана маленькую коробочку и, вышелкнув из нее таблетку, положил на язык.

— Понимает. И прежде всего он понимает, что свое новое лицо он должен заработать.

Женщина снова приблизилась к Нику. Ее длинная туника прошелестела по ковру.

— Так ты согласен ради этого поработать? Верно, мой мальчик?

До того как он успел увернуться, ее рука сделала неуправляемое движение, и мягкие нежные пальцы легли на его несчастный подбородок.

— Ты правильно решил, — продолжала она. — Все в этом мире нужно заслужить. Даже те, кому от рождения отмерено богатство, время от времени должны делиться им... Я займусь тобой. О цене можешь не беспокоиться.

Впервые за все время своего пребывания в удивительном доме Ник набрался смелости, чтобы задать вопрос:

— Я что-то должен для вас сделать?

— Кое-что. — Женщина отпустила его и обернулась к Строулу: — Расскажи ему, Лидс.

Прозвучало это почти как приказ.

— Только не здесь. — Искхаг откатил свое кресло на прежнее место. — Забери его к себе и посвяти в детали. У нас с Джиной есть еще о чем поговорить. Неплохо бы побережь время.

Лидс улыбнулся:

— Но такие дела, как наше, нельзя решать в спешке. Можно ошибиться. Не так ли, милейший?

— Я хочу лишь быстроты и четкости, капитан.

Женщина вновь взяла в руки пластинку с розовой пастой. Ее аккуратненький язычок лизнул неизвестное Нику лакомство. Взяв юношу за плечи, Лидс дружески подтолкнул его к выходу.

Миновав коридор и еще одну раздвигающуюся стену, они оказались в комнате, по роскоши обстановки ничуть не уступающей той, первой. Лидс кивнул Нику на диван.

— Ты голоден?

Не дожидаясь ответа, он приблизился к кнопочному пульту, расположенному в стене на уровне груди, и набрал комбинацию цифр. Из той же стены бесшумно выехал сто-

лик с шестью или семью блюдами. У Ника, который не ел уже почти сутки, обморочно закружилась голова. Лидс снял крышечку с одной из тарелок и осторожно попробовал.

— Неплохо, попробуй.

Ник робко приступил к еде. Пища настолько отличалась от всего того, что он видел в Диппле, что с трудом верилось в реальность происходящего. Это не могло называться пищей! Он даже не знал, из каких чудесных продуктов она приготовлена.

Когда непривычное ощущение сытости положило конец его трапезе, Ник откинулся на мягкую спинку дивана, подумав про себя, что этим великолепным ужином началась его новая жизнь, ведущая, может быть, в незнакомые земли и миры, с их неизвестностью и опасностью.

— А теперь поговорим. — Лидс нажал на кнопку, и столик послушно покатился обратно в раздвигающуюся стену.

Глава 3

Но капитан начал не сразу. Он долго и пытливо рассматривал Ника, словно что-то окончательно прикидывал про себя. Невольно съежившись, Ник вынужден был мобилизовать все свое мужество, чтобы скрыть смущение. Руку он так и не поднес к лицу.

— Поразительно... — пробормотал Лидс. — Хорошо. Надеюсь, ты понял, что тебе придется работать под руководством Гильдии?

— Да, — кротко ответил Ник.

— И ты не боишься этого?

— Не забывайте, что я житель Диппла. — Ник неожиданно подумал, что в действительности еще никогда не пытался по-настоящему определить свое отношение к существующим порядкам. Все обитатели Диппла ненавидели власть, ненавидели просто потому, что им не за что было любить ее. Они ненавидели свое положение, и в этой ненависти заключалась своеобразная форма протеста против тех, кто жил лучше, жил вне Диппла. Ник никогда бы не сумел наняться на работу, как не сумел бы и предложить

себя ни одной фирме, замораживающей наемную силу для последующей продажи в другие миры. Ник был самым обреченным существом Диппла и потому не видел сейчас причины, чтобы гнушаться возможными связями с Воровской гильдией.

— Разумно, — Лидс кивнул. — Джина собирается вернуть тебе человеческое лицо, и, уверен, она справится с этим. Она хирург-косметолог первой категории.

Ник осмелел:

— То трехмерное изображение... Я буду выглядеть точно так же?

Сейчас ему хотелось верить, чтобы все, что он слышал о чудесах косметической хирургии, оказалось правдой. Джина принадлежала Гильдии, а их могущество было широко известно. И Ник поспешил со вторым вопросом, опередив Лидса, который собирался ответить на первый:

— Это было изображение или живое существо?

Лидс хмыкнул:

— В определенном смысле это было живое существо. Некий дух, лишенный тела. — Лидс говорил загадочно. — Дух, которому ты в скором времени поможешь.

Возбужденный мозг Ника высказал страшное предположение. Как не мечтал он о лице, он мог бы с ходу назвать вещи, которые были для него дороже посулов Джины и Лидса. Очевидно, испуг в достаточной степени отразился на его лице, потому что капитан громко рассмеялся.

— Признайся-ка, что ты там навоображал себе? Думаешь, хотим отнять у тебя тело? Все не так, Ник. Ты должен стать героем из прекрасной, пока еще неосуществимой мечты.

Окончательно сбитый с толку, Ник молчал. Он решил слушать.

— Не знаю, увлекаешься ли ты политикой, скорее всего, нет, но наша операция связана с ней, — поудобнее расположившись на диване, Лидс снова достал свою коробочку с таблетками. — Не ошибусь, если скажу, что последнюю космическую войну нельзя считать законченной. То есть все эти перестрелки эскадр и тому подобная чушь безусловно

подошла к концу, но, по-моему, именно сейчас начинается главное — экономическая фаза все той же войны. Никто не получил то, чего хотел. Сражения принесли не только болячки, они разожгли аппетит. Можешь мне поверить, за кулисами идет крупная игра, и, само собой, Гильдия не может остаться в стороне.

Ник внимательно слушал. Он начинал понимать.

— Отчего-то мне думается, что сегодня у нас появился козырь, который мы можем ввести в игру.

— И этот козырь...

— Ты, — заключил Лидс. — Вернее, ты можешь им стать, если постараться. А постараться тебе придется, потому что обратного пути уже не будет.

Ник Колгерн кивнул:

— Я готов к этому.

— А раз готов, слушай. — Лидс все еще улыбался, но глаза его смотрели напряженно. — Год назад военачальник одного из миров Туманности послал своего единственного сына сюда, на Корвар. Он стремился запрятать его подальше. Видимо, кто-то пытался там его шантажировать. Словом, он укрыл мальчугана здесь на одной из охраняемых вилл, полной копии той, в которой мы сейчас находимся. Это особое здание, выстроенное по секретному проекту. Ни один посторонний не способен проникнуть в эти стены.

Ник с готовностью поверил сказанному. Все, что он успел повидать в доме, подтверждало слова Строуда.

— Два месяца назад, — продолжил Лидс, — военачальник перестал беспокоить своих многочисленных шантажистов.

— Умер? — Ник не очень удивился кивку Лидса.

— И теперь его сын не представляет никакой важности в качестве заложника, но он владеет необходимой нам информацией. Он осведомлен о секретах, которые знал его отец и которыми очень интересуются по крайней мере две партии. Одна из них — та, что сейчас у власти, — считает, что юношу надо держать под замком. Другая мечтает о том, чтобы...

— Его убрали, — закончил Ник.

— Точно. Но они не могут добраться до него, кроме как через нас.

— А Гильдия в состоянии разрушить эту полукрепость?

— Мы можем это сделать, но, согласись, интереснее покопаться у этого паренька в мозгах. К сожалению, его отец тщательно поработал над ним. Его мозг накрепко заблокирован. Попытка напугать его приведет только к тому, что информация попросту сотрется.

— Но как же тогда к нему подступиться? — Ник был заинтригован.

С загадочной улыбкой Лидс включил стоящий на столе аппарат. Перед ними высветилась необычайная картина. Ландшафт, какого Ник не видел никогда в жизни, возвышенности абсолютно черного цвета, упирающиеся в желтые небеса. Извиваясь меж песчаных берегов, вдаль к горизонту текла мутная, напоминающая по цвету кофе река. На берегу реки стоял темноволосый юноша, тот самый которого Ник видел на стене. Не сразу он понял, чем занят юноша, и, только приглядевшись, сообразил, что тот сдирает шкуру с огромного пресмыкающегося. Желтоватый свет играл бликами на покрытых металлом частях униформы мальчугана, но непокрытая голова его четко прорисовывалась на фоне светлого неба. Рядом со сраженным чудовищем стоял еще один мальчуган, выглядевший значительно моложе первого. Одет он был точно так же, и те же черные кудри покрывали его голову. В руках он держал оружие — некое подобие бластера. Он напоминал часового, охраняющего своего хозяина.

Лидс вновь нажал на клавишу, и картина погасла. Глядя на него, Ник ждал объяснений, и они тотчас последовали.

— Дети, лишённые сверстников, одиноки, — произнес капитан. — И именно одиночество толкает их на выдумки и фантазии. Они выдумывают себе друзей, которых не существует в действительности. Наш Вэнди Наудин и 'Аркама — тоже не исключение.

— Воображаемый друг, — тихо сказал Ник. — Но на три-ди было двое.

— Эта одна из его фантазий. Запись мысленного воображения, так сказать. Ты убедился, что картинка, которую мы видели, отнюдь не напоминает сад, расположенный перед виллой. Это планета иллюзий, в которых находит утешение наш заключенный. Кажется, он даже назвал ее как-то особенному. Вивер... Слышал что-нибудь подобное?

— Но как? Каким образом вы смогли узнать, о чем он думает?

— Каким образом? — Лидс вздохнул. — Не жди от меня толковых объяснений. Не очень-то я разбираюсь в подобной механике. Знаю лишь, что Гильдия располагает самой дорогой аппаратурой. Есть и детекторы лжи, есть и кое-что посложнее. Такая техника, сам понимаешь, особо не рекламируется, но диапазон возможностей ее практически безграничен. Если бы не специальные усилия военачальника, мы бы давно расшифровали все тайны Вэнди. Но, увы, юноша заблокирован, и любой контакт с кем-либо помимо пятерых доверенных ему людей исключен... — Лидс выжидательно посмотрел на Ника. — Но давай предположим следующее. В один прекрасный день Вэнди выходит прогуляться в сад и встречает там Хакона.

— Хакона? Кто это?

— Ты только что видел его на картинке. Он сдирал шкуру с убитого животного. Вэнди воспринимает этих чудовищ как вечных своих врагов и постоянно охотится на них со своим другом. Впрочем, я надеюсь, ты будешь видаться с Хаконем часто. — Лидс усмехнулся: — Стоит тебе только взглянуть в зеркало.

— Я должен встретиться с Вэнди в качестве Хакона, и он расскажет мне... — начал было Ник, но Лидс замотал головой:

— Все будет несколько иначе. Ты действительно встретишься с ним, но никаких вопросов! Ты предложишь ему отправиться с тобой в маленькое путешествие.

— В путешествие?

Лидс поморщился:

— На твои вопросы ответы сложнее, чем ты думаешь. Ты ведь не астронавигатор, и все сказанное мной прозвучит

чит для тебя полнейшей бессмыслицей. Единственное, что тебе важно знать, — это то, что у тебя будет персональный корабль, которому мы зададим нужный курс.

— Но зачем нам покидать пределы планеты?

— Нам нужно безопасное место, как ты не понимаешь! Только в таком месте у вас будет вдоволь времени, чтобы не спеша поговорить о самых различных вещах, в том числе и об интересующей нас информации.

— А что будет потом?

— Самый простой вопрос из всех, что ты задал, — Лидс бросил в рот одну из своих таблеток. — Вэнди будет переправлен обратно сюда. А ты на почетных правах войдешь в Гильдию с новым лицом и с новым будущим. А кое-кто из противников вскоре поперхнется информацией, что мы выудим с твоей помощью. Думаю, в конечном счете и сам Вэнди не против того, чтобы расквитаться за своего отца. Не очень-то я уверен, что его отец умер своей смертью.

— Но, может быть, имеет смысл разыграть все прямо здесь?

— Увы, — Лидс покачал головой. — Мы не можем охранять эту виллу до бесконечности. Если кто-то всерьез вознамерится уничтожить это местечко, мы вряд ли сумеем предотвратить подобные действия. В данном случае преимущество на стороне нападающего. Поэтому для вашей же безопасности мы придумали эту экспедицию. По нашим сведениям, за домом постоянно наблюдают оставленные покойным военачальником агенты. Необходимо оторваться от них. Там, в пути, ты и разговоришь нашего дружка Вэнди. Ну как, ты еще не передумал?

Передумал ли он!.. Ник задохнулся. Цену, которую ему предлагали выплатить за его мечту, можно было даже не принимать в расчет. То, что он покупал, стоило много большего!

— Когда мы начинаем? — спросил он.

Лидс сунул коробочку с таблетками в карман и, потянувшись, ответил:

— Скорее, чем ты думаешь, Ник. Прямо сейчас.

Он оказался прав. События понеслись со стремительностью, поразившей Ника. Чем-то это напоминало некоторые из его фантазий. Бесконечные коридоры таинственной виллы, участливое лицо Джины и сверкающее металлом медицинское оборудование. Все это пестрым сумбуром отложилось в его памяти. Сознание Ника было не готово к такому внезапному повороту в жизни. Ярким солнечным островком среди бесконечного тумана отпечатался лишь тот первый миг, когда Лидс поднес ему небольшое зеркало. Ник смотрел на себя и тихо смеялся. Он стал Законом! Огромная радость переполняла его, и он не отдавал себе отчета, что смех, рвущийся из его груди, больше похож на рыдания. Лидс стоял возле него и тоже невольно посмеивался. Он с удовольствием наблюдал реакцию потрясенного Ника.

— Отлично сделано, джентльмен! Ты настоящая кудесница! — похвалил он.

Ник заметил в зеркале приближавшуюся к ним Джину. Если Лидс с легкостью мог высказать похвалу, то у Ника просто не находилось слов. Он обернулся к ней, готовый броситься на колени, но замер, потрясенный выражением ее лица. Она смотрела на него холодно, с какой-то странной отчужденностью. Внезапно повернувшись, она вышла из комнаты. Какое-то время Ник глядел ей вслед, затем, рванувшись к зеркалу, осторожно провел пальцами по щеке. Да, это был он, и на него смотрело его новое встревоженное лицо.

— Лидс! Что-то не так? — Он ждал объяснений от капитана, боясь услышать что-нибудь касающееся его внешности. Больше всего сейчас он опасался вновь лишиться лица.

Улыбка на губах Лидса медленно потускнела.

— Видишь ли, Ник, — начал он медленно. — Такие вещи не делаются быстро. У нас было лишь три месяца без малого, чтобы превратить тебя в человека. В действительности же Джина убеждена, что процесс заживления кожи нужно было растянуть на год или даже полтора. Она не уверена, что все пройдет гладко. Ты должен вернуться на операци-

онный стол в течение ближайших двух месяцев по планетарному времени Корвара.

— Значит... — Ник больше не осмеливался взглянуть на зеркало. — Значит, повторяется старая история. Плоть не желает прирастать к моим костям.

Та, первая, неудача произошла слишком давно. Он был почти ребенком, чтобы по-настоящему осознавать весь ужас случившегося, но сейчас он понимал, что возврат в прежнее состояние будет для него во сто крат мучительнее.

— Только не надо паниковать раньше времени, — сказал Лидс. — Тот метод, что применила Джина, достаточно эффективен, но, чтобы результат оказался стойким, полезно было бы подождать и полечиться еще с годик. Но, увы, у нас нет времени. Ты знаешь о нашем плане. Остается одно: ты выполнишь задание и вернешься назад в руки нашей джентльфем.

— Ты обещаешь это? — с дрожью спросил Ник.

Сильные руки Лидса легли на его плечи.

— Могу поклясться тебе в этом чем угодно. Единственное условие — информация, которую необходимо раздобыть. Если ты сделаешь это, Гильдия позаботится о тебе самым лучшим образом.

Ник не знал, радоваться ему или впадать в отчаянье. Он верил, что Гильдия вознаградит его за информацию, но информацию еще нужно было добыть...

— Хорошо, через два месяца...

— У тебя достаточно времени, чтобы справиться с заданием. Все, что тебе будет нужно в общении с Вэнди, мы заложим прямо в твой мозг.

Он говорил правду. Ник уже испытал на себе пару сеансов. Огромные аппараты посредством гипноиндукции постепенно вводили его в образ Хакона. Ник должен был знать все, что знает о нем Вэнди. Он обязан был найти подход к сыну военачальника.

— А теперь пошли, — Лидс ласково похлопал его по плечу.

Впервые за эти долгие недели Ник самостоятельно ступил за пределы знакомых ему комнат. По нетерпеливому

шагу Лидса он догадывался, что время торопит их. Поспевая за ним, он ломал голову над тем, долго ли ему удастся играть роль Хакона, сможет ли он уговорить Вэнди. Он знал о мальчишке уже достаточно много, и все же всего этого было наверняка мало для того, чтобы войти к Вэнди в доверие.

Тяжелое, опутанное проводами кольцо опустилось ему на голову, и словно из тумана долетел слабеющий голос капитана:

— Это последний сеанс, малыш. Ты будешь знать теперь о Вэнди все или почти все. Информация настолько глубоко войдет в твой мозг, что сможет опекать тебя от неверных действий. Главная твоя задача — заслужить его доверие и пригласить на корабль...

Нику показалось, что никакого гипнотического сна и не было. Он снова уже стоял возле Лидса, который приглашающе кивал ему на дверь. Вот и все. Они приступали к операции.

— Что произойдет на планете, на которую мы прилетим?

— Об этом не волнуйся. Тебе предоставят там всю необходимую помощь.

Они вышли не на крышу здания, как ожидал того Ник, а в густо заросшую часть парка. На небольшой полянке, открывшейся перед ними, стоял флиттер странного серебристого цвета. Еще один трюк для Вэнди. Они приблизились к летательному аппарату и забрались в кабину. Здесь Ник обнаружил, что они не одни. Незнакомый человек разместился на крайнем сиденье. Лидс спокойно взялся за штурвал, что подсказало Нику, что курс не имеет определенного кода и должен оставаться тайной для окружающих. Человек позади Лидса что-то шепнул. Флиттер вздрогнул и единым рывком взмыл в воздух.

— Держись курса «два-четыре», — загадочно произнес третий пассажир.

Флиттер слегка наклонился, корректируя курс. Они как раз одолевали гряды гор.

— Вот то самое место, где ты увидишь его.

Ник понял, кого Лидс имеет в виду. С волнением он посмотрел вниз. Флиттер снижался широкими кругами. Огромное здание, проблескнувшее из-за густой поросли, осталось чуть в стороне.

— Командуй, Джэй, — напряженно произнес Лидс.

Человек сосредоточенно смотрел на проносящийся внизу ландшафт.

— Сейчас!

Флиттер, как перепуганное существо, сделал стремительный бросок вперед, проскочил между высокими кронами деревьев и резко снизил скорость, почти зависнув над поросшим травой взгорком.

— Давай, Ник! Удачи тебе!

Ник прыгнул через распахнутый люк. Дёрн, на который он упал, был мягким, и Ник совсем не ушибся. Поднявшись на ноги, он тотчас огляделся. Флиттера уже не было видно. Очевидно, он снова был за пределами опасной зоны. Ник хорошо помнил рассказ Лидса о том, как тщательно охраняется секретная вилла. Они тщательно просчитали вариант проникновения на территорию виллы. Флиттер мог миновать зону контроля лишь в одной-единственной точке, открытой на считанные мгновения аппаратами Снуппера. Впрочем, ничего удивительного. Отдел прогнозов Гильдии с самого начала выдавал семьдесят три процента вероятности успеха проникновения. Первый шаг они совершили. Теперь основная работа была за Ником. Отряхнув свою покрытую металлическими застежками форму космонавта, Ник спокойно двинулся вперед. Он был теперь Хаконом, и никем другим. На время он должен был забыть о Нике Колгерне. Шагнув за большой развесистый куст, он остановился.

На краю упрятанной среди деревьев поляны стоял на коленях черноволосый мальчуган. Все его внимание было приковано к прыгающей по траве твари, и он не заметил появления Ника.

Выйдя на открытое место, Ник тихо позвал:

— Вэнди!..

Глава 4

Тяжело задыхаясь, Ник пробирался по темному тоннелю на далекий, едва проблескивающий свет. Ему казалось, что он лежал и шел одновременно. Тоннель и голубоватый металлический блеск, окруживший его ложе, странным образом соединились в его дремлющем сознании. Прикрыв глаза, Ник постарался сосредоточиться. Звон. Медленно нарастающий, давящий на уши... Он порывисто приподнялся на локте. Они были в ракете! Кажется, Лидс говорил что-то о стартовом анабиозе, и если он очнулся, значит... Ник повернул голову и увидел Вэнди. Опутанный ремнями безопасности, юноша все еще спал. Ник неожиданно обратил внимание на тень, отбрасываемую длинными ресницами Вэнди на щеки, перевел взгляд вправо и заметил моргающий огонек на пульте. Они садились. Но куда? Лидс так и не объяснил этого. Ник знал лишь, что Корвар в своей планетной системе был единственным обитаемым местом. Значит, они были достаточно далеко, может быть, даже на той самой планете, что виделась Вэнди в его грезам.

Вэнди, Хакон и загадочный Вивер... Продолжая оставаться в лежачем положении, Ник ждал, когда закончится приземление, думая о том, насколько точно капитан предугадал все то, что произойдет с ним и Вэнди. Гильдия знала, на что шла. Увидев возникшего перед ним «Хаконна», Вэнди не задал ни единого вопроса. Он воспринял его появление как должное. Операция началась без сучка без задоринки и, на взгляд Ника, даже чересчур успешно. Он опасливо прикоснулся ко лбу и щекам. Сколько у него еще времени? Лидс говорил о двух месяцах, но сколько прошло с того самого момента, когда аппаратура корабля погрузила их в анабиоз? Спасательный бот подобного класса, как рассказывал капитан, в состоянии был совершать скачки через гиперпространство. Но значит ли это, что у него еще достаточно времени?.. Из уст Ника вырвался стон. Как ему сейчас хотелось верить словам Лидса! Если бы тот только смог сдержать свое обещание! Задача, которая еще совсем недавно представлялась ему простой

и разрешимой, теперь все больше начинала пугать его. Успеет ли он выведать у Вэнди все то, что упрятал в него покойный военачальник? Одно дело — доверие в игре, и совсем другое — если Ник начнет расспрашивать его о главных секретах отца...

Взвизгнув последней неприятной нотой, звон стих, и тотчас Ник ощутил нарастание тяжести. Вероятно, бот садился как надо, но Ник давно уже не испытывал подобных перегрузок, и тело его невольно напряглось.

— Хакон! Что это?

Ник обернулся, увидев совсем рядом расширившиеся от страха глаза.

— Все в порядке. — Ник пытался подобрать верный тон. — Корабль садится.

Едва он договорил, как с ревом заработали тормозные двигатели. Перегрузки возросли, вогнав их обоих в полубессознательное состояние.

Ракета вздрогнула и застыла. С трудом приподняв одну руку, Ник расстегнул держащие его ремни. Присев, поглядел в иллюминатор. Тьма окружала корабль, черная, как самая черная ночь на Корваре.

— Где мы, Хакон? — тонким, дрожащим голосом спросил Вэнди.

— На Дисе, — ответил Ник. Это название он узнал от капитана.

— Дис? — удивленно повторил Вэнди. Тем не менее он немного успокоился. — А что мы здесь будем делать?

Освободившись окончательно от ремней, Ник подвинулся к юноше и проделал ту же операцию.

— Мы должны исследовать эту планету, — авторитетно сообщил он.

— И здесь тоже есть Микксы?

Под Микксами Вэнди подразумевал тех самых мифических врагов, которых Ник наблюдал в его заснятых видениях. Если сказать, что они водятся здесь, Вэнди тотчас заговорит об охоте на них. Но не объяснять же ему, что никаких Микксов в природе не существует.

— Я не знаю точно, водятся они здесь или нет, — осторожно сказал он. — Для начала мы организуем небольшую вылазку.

— Хакон, взгляни-ка туда!

Ник быстро обернулся к иллюминатору. Во тьме неизвестной планеты смутно угадывалось какое-то движение. Часто вспыхивающие и погасающие огоньки приближались к кораблю. Это походило на свет покачивающегося в руке фонаря. Ник помог Вэнди подняться, и они вместе прошли в шлюзовой отсек. Прежде чем открыть выходной люк, Ник дождался легкого постукивания снаружи. Лязгнул замок, и влажный горячий воздух пахнул им в лица гнилым запахом. Вэнди тотчас закашлялся.

— Отвратительный запах, — пожаловался он.

— Все в порядке, ребята?

Ник вытянул шею и разглядел внизу, у подножия корабля, человека в защитных очках и с фонарем. Он приветливо взмахнул рукой и протянул Нику какой-то предмет.

— Привяжитесь, и покрепче, ребятки. Здесь не то место, где можно теряться.

Ник понял, что ему протягивают ременные концы. Послушно обвязав себя и Вэнди, выбрался из люка. Вэнди вышел следом за ним, и через секунду они были возле незнакомца. Оба не прошли по планете и двух шагов, но уже ощутили, как тяжело здесь дышится. Лицо Ника покрыла испарина.

— Идите за мной! — Их гид шагнул в темноту и почти сразу растворился в густом, столь похожем на дым воздухе. К счастью, он двигался не спеша, и ровная поверхность под ногами позволяла не спотыкаться. Чувствуя, что необходимо поддержать своего спутника, Ник обнял Вэнди за худенькие плечи.

По мере удаления от огней корабля глаза их все более адаптировались, выхватывая ранее не замеченные детали. Только сейчас Ник обратил внимание на то, что вся расстилающаяся вокруг них местность светится мутным переливающимся блеском. В небе не было ни единой звездочки,

и прилипчивая маслянистая влага оседала на их костюмах крупными каплями.

— Хакон! — Вэнди поднял свою голову, и Ник встретился с его непонимающими глазами. — Почему этот человек не пользуется фонарем?

Выглядело это действительно странно. Через иллюминатор они видели колеблющийся свет фонаря, но сейчас их странный гид предпочитал не включать его. Тем не менее двигался он уверенно, так, словно видел все без фонаря. Может быть, дело заключалось в его необычного вида очках? Но разве не проще воспользоваться помощью электричества? Ник ощутил беспокойство. Невольно он встал, загородив Вэнди от ведущего их человека.

— Эй, приятель! — окликнул он. — Почему бы не воспользоваться фонарем? Ночка выдалась темная.

— Ночь! — Человек хрипло рассмеялся. — Сейчас середина дня!

Если он ставил своей целью смутить Ника, то цель была достигнута.

— Что это за день, когда кругом сплошная темень! — возразил он сердито.

— Увы, здесь несколько иное солнце, нежели то, к которому вы, вероятно, привыкли. Инфракрасное излучение.

Ник был озадачен. Он не мог похвастаться исключительным образованием и потому не понял объяснений гида. Зато Вэнди неожиданно для него кивнул со знанием дела.

— Поэтому-то вы и надели эти очки? — Он не спрашивал — он утверждал.

— Все верно. — Человек неожиданно остановился. Голос его взвился до крика: — Вниз! Немедленно вниз!

Ник бросился куда-то вбок, увлекая за собой Вэнди. Ноги его сорвались, и они покатались по крутому, покрытому слизью склону. Ник успел заметить, что их проводник, включив фонарь, осветил очертания чего-то огромного, движущегося прямо на них. Вспышка бластера пронзила тьму, и в десятке шагов от них неизвестное существо яростно зарычало. Ник едва успел отпрянуть в сторону. Черное

и скрюченное, судорожно изгибаясь, скатилось по склону. Сверху донесся смех проводника. Ник ощутил, что ремень, привязанный к его поясу, нетерпеливо дернулся.

— Следует поторопиться, иначе нам не избежать повторного нападения. Местные хищники не упустят шанса полакомиться двумя подростками.

Они двинулись в путь, и очень скоро Ник сообразил, что движутся они по каменистому, поднимающемуся вверх склону. Это походило на выложенную булыжником улицу, но Ник не был уверен в этом. Оборачиваясь, он увидел, что они оставляют за собой цепочку фосфоресцирующих следов. Вероятно, объяснение крылось в той слизи, которой здесь было покрыто абсолютно все. Он подумал о том, что в случае чего найти дорогу до корабля будет несложно. Правда, что из того? Взлететь они все равно не могли. Программа полета была заложена еще там, на Корваре. И куда бы они полетели? Ник впервые задумался над тем, а есть ли у него дом? Диппл, его темные сырые бараки — было ли это его домом? Рука Ника машинально дернулась к лицу. Нет. Он не хотел бы туда возвращаться ни за что на свете. Да и чего он, собственно, боится? До сих пор он находил с Вэнди общий язык, и можно было надеяться, что операция завершится успешно. Хотя он не ожидал, что им подsunут такую негостеприимную планету. Ник чувствовал некоторую растерянность. Он даже не понял слов незнакомца об инфракрасном светиле. Как же он дальше будет играть роль Хакона? Ник окончательно запутался. Они попали на планету, на которой людской род не мог чувствовать себя в безопасности, на которой они были не в лучшем положении, чем всякий лишенный зрения.

Человек впереди замедлил шаг, и Ник с Вэнди заметили впереди полосу света.

Полоса становилась все шире и шире, пока не превратилась в дверной проем. Они вошли в помещение, и дверь позади них с металлическим прищелкиванием закрылась. Воздух здесь был более свежим, и Ник понял, что невидимые фильтры очищают его от запаха гнили. Мужчина обернулся к ним и неловким движением снял свои огромные

очки. Загаром он напоминал космонавта и обладал коренистой приземистой фигурой. С невозмутимостью он шагнул в углубление в стене, и из невидимых отверстий на него брызнули струйки серого тумана. Выбравшись наружу, он жестом показал, чтобы они заняли его место.

— Зачем? — Вэнди недоумевающе изогнул брови.

— Вы не должны заносить это с собой. — Согнутым пальцем мужчина показал вниз, на покрывшие пол желтоватые, масляно поблескивающие капли. Ник опустил глаза и содрогнулся. В маленьких, стекающих с ног лужицах барахтались и тянулись шупальцами маленькие существа. Они росли прямо на глазах, ветвясь по пластиковому покрытию темными нитями. Это было страшнее, чем та напавшая на них тварь. Крепко взяв Вэнди за плечи, Ник решительно вошел с ним в нишу, подставив лицо пряному аромату струящегося газа. Когда с дезинфекцией было покончено, человек провел их во внутренний коридор. Вся система переходов была вырублена в мощном скалистом массиве, и большая часть помещений встречала их гулкой пустотой. Лишь однажды мимо них прошагали двое одетых в униформу людей. Оба они даже не взглянули в сторону юношей и их немногословного спутника. Ник ощутил растущее раздражение. Это было совсем не то, что он ожидал. Он готов был поклясться, что и Вэнди в своих мечтах и сновидениях отводил Хакону куда более активную роль. Ник обещал мальчугану приключение, но до сих пор приключением здесь и не пахло.

— А теперь сюда, ребятки! — мужчина кивнул в сторону прохода. Машинально они подчинились его команде и, только убедившись, что перед ними всего-навсего комната, обернулись к проводнику. Но прохода уже не было. Массивная дверь загородила от них коридор. Не нужно было обладать особенной интуицией, чтобы понять, что их заперли. Еще не веря в то, что они пленники, Ник судорожно надавил на клавишу слева от двери. Но преграда и не думала исчезать.

— Хакон!

Ник медленно обернулся. Вэнди стоял между кроватью и столом с судорожно сжатыми кулаками. Брови его были насуплены.

— Это... это не сон, это реальность!

— Ты прав, — Ник отлично понимал замешательство юноши. В чем-то Вэнди напоминал ему его самого. Он тоже увлекался фантазиями и хорошо помнил свое изумление, когда Лидс впервые вывел его пределы Диппла. Но, черт подери, куда же подевался Лидс?! Ник предполагал, что капитан каким-нибудь образом встретит их здесь, но это не случилось. И он злился сейчас, что ему так мало рассказали о том, что ожидает их на этом загадочном Дисе.

— Хакон! Я хочу домой!

Это походило уже не на просьбу, а на приказ.

— Если ты не возьмешь меня домой, я...

— Что — ты? — Ник хмуро присел на скамейку.

— Я позову Умара, — пригрозил Вэнди. Рука его потянулась к серебристой застежке кармана. Вытащив блестящий, оснащенный кнопками аппаратик, он взволнованно взглянул на безжизненное табло. — Он не работает, Хакон!.. Но... но отец все равно найдет меня! Он пришлет стражу!

Ник все так же хмуро смотрел на него. Стало быть, они даже не уведомили Вэнди о смерти отца... Он вспомнил, что и у него на поясе, согласно мечтам Вэнди, было изобилие всевозможного инвентаря. Во всяком случае, с оружием они почувствуют себя увереннее. Он перебирал одну за другой металлические стержни и рукоятки и ощущал, как растет в нем сомнение. Слишком уж всемогущим должен был представлять его себе этот мальчуган. А что он мог? Он даже не знал, камуфляж или нет все эти компактно уложенные по его карманам побрякушки. Он ничего не знал ни о Дисе, ни о том, что их здесь ожидает. Ему необходимо было поддержать веру Вэнди в себя, но каким образом он мог это сделать?

— Как бы то ни было, — он старался говорить убедительно, — это приключение мы переживем вместе.

В ладони его оказался толстый стержень со сверкающим диском на одном из концов. По версии Вэнди, такая

штуковина должна была резать металл и камень мощным тепловым лучом. Но сейчас Ник использовал его в качестве зеркала, в которое он с внутренним удовлетворением рассмотрел собственное лицо. Неужели ему предстоит лишиться этого изящного подбородка, этих румяных щек?.. Он должен был что-то немедленно предпринять. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Вэнди заподозрил неладное.

— Почему мы здесь, Хакон?

В голосе мальчугана прозвучала истерическая нотка. Нику не оставалось ничего другого, кроме как попытаться импровизировать:

— Вероятно, намечается масштабная операция против Микксов. Этим людям нужна наша помощь, но они боятся, что мы передумаем и покинем их. Когда же охота завершится, твой отец свяжется с ними и мы вернемся домой.

— Нет! — Вэнди решительно замотал головой. — Это не так, Хакон! Здесь наверняка замешан Лик Искхаг! О какой помощи ты говоришь, если они заперли нас! Они пытаются заманить на эту планету отца, устроив ему ловушку. Мы стали вроде приманки, как ты не понимаешь! Мы должны выбраться отсюда, Хакон!

Ник торопливо засунул свой «тепловой луч» обратно в кармашек. Ему не понравился тот яростный блеск, который появился в глазах этого юного существа. Если так пойдет и дальше, Нику не видать секретов военачальника как своих ушей. И откуда Вэнди знает об Искхаге? Ник почувствовал, что медленно впадает в панику. Он не готов был к решительным действиям, которых ждал от него Вэнди.

— Послушай, — он лихорадочно соображал. — Я ведь не могу действовать с завязанными глазами. Помнишь ту охоту за драгоценностями Караски? Нам помогли тогда зашифрованные записи на покинутом корабле. Без них бы ничего не вышло. Семь слов Сарда, ты помнишь их? Теперь мы должны располагать другой информацией...

— О какой информации ты говоришь? — Глаза Вэнди враждебно заблестели. Он был не простачком, этот Вэнди!..

— Ты ведь помогал своему отцу, не так ли? Я знаю, что ты хранишь некоторые из его шифров. Это правда?

Вэнди упрямо затряс головой. Ник и не ожидал, что он выложит свои секреты по первому требованию.

— Подумай сам, Вэнди. Зачем-то ведь мы понадобились Искхагу.

— Он хочет добраться до моего отца! — незамедлительно выпалил Вэнди.

— Но для чего ему это нужно?

— Потому что военачальник Наудин и 'Акрама не отдаст Гламсгог, а Искхаг жаждет им обладать.

Ник снова подосадовал на то обстоятельство, что мальчугану ничего не сообщили об отце. Интересно, из каких соображений? Из жалости или в угоду политике, черт бы ее побрал?

— Если Искхаг доберется до отца, он убьет его! — горячо продолжал Вэнди. — Гламсгог падет, и вся гвардия будет перебита. Мы не должны допустить этого. Нам надо успеть выбраться отсюда!

Оттолкнув Ника, Вэнди метнулся к металлической двери и навалился на нее всем телом. Его худенькие плечи напряглись.

— Мы должны, Хакон! — Он тяжело и часто дышал, сясь открыть запертую дверь.

Глава 5

— Вэнди! — сказал Ник резко. — Дубасить в дверь — не самый лучший способ выбраться отсюда. Ты не прошибешь ее своими кулачками.

Смутно он подумал, что, зная чуть ли не все о фантазиях мальчика, самого Вэнди с его реальным миропониманием он не знает. Вывать лишь к одним романтическим порывам — занятие рискованное. В сущности, Ник даже не мог сказать, сколько этому мальчугану лет. Различные ветви людского рода видоизменялись и адаптировались в столь отличных условиях, что длительность жизни варьировалась от семидесяти до трехсот лет. Соответственно, и молодые

годы могли быть растянуты втрое, а то и вчетверо. Вэнди мог быть мальчиком десяти-двенадцати лет, но он мог быть и в два раза старше.

Тем временем, отойдя от двери, Вэнди встал лицом к Нику. Челюсти его были сжаты, глаза выдавали недетскую решительность.

— Мы обязаны выбраться отсюда, Хакон!

— Согласен. Но это не так-то просто, и нужно хорошенько обмозговать ситуацию.

Ник мечтал получить некоторую передышку, и, к его великому облегчению, мальчик, кивнув, опустил на скамью.

— Во-первых, даже если мы выберемся отсюда, нам понадобятся очки, — произнес Ник.

— Очки и бластеры, — добавил Вэнди. — Если на нас нападут те твари, мы должны будем защищаться.

— К сожалению, этого недостаточно. — Ник начал перечислять трудности: — Мы может и не найти наш корабль, а даже если найдем, то вернуться на Корвар невозможно. Звездолет с самого начала был настроен на строго определенный курс...

Почувствовав, что в поведении Вэнди что-то изменилось, Ник быстро взглянул на него. Вэнди сидел все так же неподвижно, но в глубине его золотистых глаз зажегся зловещий огонь.

— Ты... ты не... — Он не договорил. Ник сделал ему предупредительный жест. Дверь позади мальчугана с лязгом распахнулась. Тот же космонавт, что привел их сюда, небрежно выставил на столик пищевые контейнеры.

— Я хочу видеть капитана Лидса! — требовательно произнес Ник.

— Его здесь нет.

— Когда же он будет?

— Ему предстоит выполнить кое-какие дела, прежде чем прибыть сюда.

— Но кто-то ведь должен быть за него! — настаивал Ник.

— Само собой. И этот кто-то желает тебя видеть. Его зовут Оркхаг.

Ник с беспокойством посмотрел на Вэнди, но мужчина истолковал его взгляд по-своему.

— Мальчуган останется здесь!

— Я вернусь, — пообещал Ник. Лицо Вэнди осталось безучастным. Ник колебался до тех пор, пока широкая ладонь не легла ему на плечо:

— Оркхаг не любит ждать.

Ник подчинился. На сопровождающего мужчину он почти не смотрел. Он гадал, что может означать для него и для Вэнди внезапное отсутствие Лидса. Оглядывая каменную поверхность стен, он пытался определить, как давно построили эти помещения. Комнаты походили одна на другую, темные влажноватые пятна украшали пол и потолок. Они миновали длинные стойки с бластерами и штабеля каких-то пронумерованных грузов. Анфилада комнаток закончилась, и Ник ступил на широкий карниз, вправо от которого уходило затемненное пространство, в котором, словно лучи одной огромной звезды, сходились каменные коридоры. Нику подумалось, что это не что иное, как главный пост управления всей здешней системы жизнеобеспечения. Он удивился, что в полумраке огромного зала не было видно ни одного человека. Карниз привел их к другому коридору, и, едва ступив в него, Ник ощутил слабое дуновение чего-то знакомого. Знакомого еще по Корвару. Нечто, напоминающее смесь табака и слабого наркотика. По мере их продвижения вперед запах усиливался, и с каждым вдохом этого тошнотворного запаха беспокойство Ника росло. Если его ведут на беседу с наркоманом, то трудно ожидать чего-либо хорошего.

Комната, в которую они вошли, представляла разительный контраст с тем, что видели они по пути сюда. По крайней мере, обставить ее попытались с некоторой долей комфорта. Каменный пол укрывала разукрашенная циновка, на широкой койке лежало богато исполненное покрывало из птичьих перьев. На стене висел крупный кристалл, в прозрачной глубине которого в неподвижности замерли какие-то твари. В комнате было накурено. Ник разглядел лежащую на круглом столике трубку. В кресле возле столика

сидел человек с кожей голубоватого оттенка и внимательно разглядывал искусной резьбы чашу. Он принадлежал явно к той же расе, что и Искхаг, хотя отличался от последнего менее щегольским одеянием. Красного цвета накидка и пояс, разукрашенный драгоценными камнями. Ноги же хозяина комнаты были облачены в обычные космические сапоги. Он был без всякого оружия, хотя Ник разглядел на его поясе металлические петли, предназначенные для ношения бластера.

Сопровождающий Ника мужчина приветливо взмахнул рукой и, отойдя к стене, занял одно из свободных кресел. Инопланетник поднял голову и пристальным взглядом уставился на приведенного к нему юношу. Он не нарушал тишины, и Нику не оставалось ничего другого, как тоже молчать. Оркхаг опустил чашку на стол.

— Зачем ты прибыл сюда?

Тонкий голосок его прозвучал раздраженно. Для Ника вопрос не имел ровным счетом никакого смысла. Он должен был доставить Вэнди сюда, и он доставил его. Лидс достаточно ясно определил его задачу.

— Заманив мальчишку на корабль, ты выполнил все, что от тебя требовалось. Ты не нужен здесь! На Дисе и без того мало пищи.

— Но капитан Лидс говорил совсем другое. Я еще не сумел разговорить Вэнди...

Оркхаг посмотрел на него так свирепо, что Ник приоткрыл рот.

— Лидс... — Он повторил это имя, словно ругательство. — Наш brave капитан Лидс... Так что же он тебе говорил насчет Вэнди?

Ник насупился. Оркхаг явно играл против правил капитана.

— Я буду отчитываться только перед Лидсом.

— Каким образом? — Ник уловил в мертвенном голосе Оркхага насмешку. — Сожалею, но, вероятнее всего, Лидс не появится здесь. По крайней мере в ближайшее время. Это не Корвар, и приказы здесь отдаю я. Ты подарил нам сына военачальника, и это замечательно. Мы сумеем вос-

пользоваться этим подарком. Но это не твой мир и не твое солнце. Ты даже не способен увидеть его лучей. Эта планета не любит живых людей.

— Но вы живете здесь и даже построили такую огромную станцию, — угрюмо возразил Ник.

— Мы ничего здесь не строили. — Голова Оркхага качнулась. — Когда-то здесь действительно обитали аборигены, но беда этой планеты в том, что она слишком близко расположена к своему карликовому черному солнцу. Одинаединственная вспышка сумела превратить землю, горы и леса в опаленный мир. Все моря обратились в пар. Они и сейчас над нами — в виде грязной пелены туч. Ливни, что выпадают на наши равнины, не сравнятся с самыми жуткими дождями на Корваре. Если разумная жизнь и существовала здесь, то теперь от нее остались лишь эти безликие катакомбы. Ночные очки и бластер — это то, без чего жизнь среди этого пепла протянется не долее десятка минут. Ты веришь моим словам?

Ник ошарашенно кивнул.

— Стало быть, кое в чем мы понимаем друг друга. Эта база означает для нас и для тебя жизнь. За пределами ее начинается темная и необозримая смерть... И на этом маленьком клочке жизни я единственный царь и бог. Поэтому забудь о Лидсе и о надежде удрать отсюда. Поскольку сын военачальника знает тебя, мы оставим пока на базе вас обоих. Нам не нужны лишние хлопоты с этим щенком, поэтому ты будешь удерживать его от истерик. Это и будет твоей основной задачей... А теперь, Фабик, уведи его обратно!

Осмысливая все, что услышал от Оркхага, Ник поплелся знакомой дорогой. На балконе следующий за ним космонавт неожиданно заговорил:

— Я никогда не видел тебя в компании капитана.

— Я был одним из членов его экипажа, — пробормотал Ник.

Фабик ухмыльнулся:

— Не надо считать меня дураком. Чтобы быть членом экипажа Лидса, тебе следовало бы быть лет на пятнадцать постарше. Но, как бы то ни было, теперь ты его человек,

а потому сразу хочу предостеречь тебя. Оркхаг был прав, когда говорил, что он здесь царь и бог. Не зли его, иначе с тобой разделяются в мгновение ока.

— Но у меня есть распоряжение капитана насчет мальчика!

Фабик пожал плечами:

— Я пытался предупредить тебя. Лидса здесь нет, стоит совершить один небольшой шаг — и ты обожжешься.

— На кого ты работаешь? — тихо спросил Ник. — На капитана?

— Пока я сам по себе. — Фабик неуверенно улыбнулся. — Это не то место, где можно дружить с оппозицией и испытывать судьбу. Я вовсе не желаю оказаться вне базы без очков и без бластера. — Голос его снизился до шепота: — Такое здесь уже бывало. А тебе скажу так: если Лидс прибудет сюда, я рад буду поработать на него, но пока, увы, здесь правит Оркхаг. И я искренне советую тебе: придержи свой язык до прибытия капитана.

— Но я даже не знаю, как скоро это произойдет.

— Видимо, когда он сочтет это необходимым. — Фабик показал на отъезжающую в сторону дверь: — А сейчас залязь в свою нору и не пытайся протестовать.

Все еще озадаченный словами Фабика, Ник шагнул в комнату. Вэнди все еще сидел на том самом месте, где он оставил его. Остановившимся взором он глядел на тускло поблескивающую жестянку из-под концентратов. Вероятно, он был голоден, и Ник даже обрадовался этому. Он страшился затруднительных объяснений.

— Ты не против того, чтобы малость перекусить? А? — Покрутив одну из жестянок в руках, Ник включил автоматический перегрев и, откупорив крышку, протянул баночку Вэнди. Его контейнер разогрелся так же быстро. Густой ароматный пар зашекотал ноздри. Вэнди тускло глядел на пищу секунду-две, но на большее его не хватило. Он действительно был голоден. Они ели в молчании, и Ник мимоходом быстро подсчитал количество принесенных консервов. Дня на три или четыре хватит. Он нахмурился. Означает ли это, что все три дня они будут оставаться здесь взаперти?

Это ему совсем не нравилось. Кроме того, теперь он знал, какое отношение испытывают здесь к капитану. Они были врагами Лидса, а значит, и его врагами. Мысли его сделали вираж и перенеслись к виденному им посту управления. По размерам зала можно было прикидывать масштаб базы. Впрочем, если все эти комнаты и тоннели были выстроены аборигенами, информация о зале ему ничего не давала. Кто знает, что здесь было раньше? Может быть, целый город, упрятанный в массиве скал... Если бы знать побольше об устройстве этого лабиринта, о количестве сил, которыми располагал Оркхаг. В любом случае, пока Лидса здесь нет, вся их безопасность зависела от прихоти гуманоида с голубой кожей, любителя одурманивающих наркотиков.

С жестяным звуком Вэнди поставил опустевший контейнер на стол.

— Я хочу вернуться домой, — произнес он тихо, но решительно.

— Это невозможно, — так же тихо сказал Ник.

— Тогда я отправлюсь один!

До того как Ник успел вскочить на ноги, Вэнди подбежал к двери и ладонью надавил на чуть выступающую из стены панель. К удивлению Ника, дверь медленно отползла в сторону. Бросившись к мальчику, Ник обхватил его поперек туловища и потащил к койке. Вэнди сопротивлялся, как дикая кошка. Опустив его на койку, Ник попытался прижать его снова своим телом.

— Ну чего ты? Зачем? — Он хотел успокоить разбушевавшегося мальчугана. — Пойми ты! Мы не можем сейчас выйти отсюда.

Но почему дверь открылась? Фабик не запер ее — это очевидно, но почему, по какой причине? Намеренно или по оплошности? Может быть, подобным образом космонавт выразил свою привязанность к капитану? Или, напротив, сам Оркхаг хотел позволить им выскользнуть наружу и там погибнуть в когтях нападающих из темноты тварей?

Вэнди утихомирился, но глаза его по-прежнему сверкали. Ник прекрасно понимал, что он должен был что-то предпринять. Забрать с собой пищу, взять пару бластеров,

очки и спрятаться в тоннелях до прихода Лидса... Мысль показалась ему дикой, но он не отбросил ее. Он уже понял, что план, разработанный капитаном, не сработал. Все шло вкривь и вкось.

— Послушай, Вэнди! — Ник заговорил сбивчиво и торопливо. — Мы не сумеем уйти на своем корабле. Для этого нужно было бы полностью менять программу курса. Но у них здесь могут быть и другие корабли. Скоро должен прибыть капитан Лидс. Он сообразит, что что-то неладно, и обязательно прилетит на Дис. Если мы сумеем спрятаться в системе тоннелей, все будет в порядке... — Он рассказал Вэнди обо всем, что видел и слышал. По мере того как он излагал все это, глаза Вэнди менялись. Он уже не смотрел на Ника рассерженным волчком.

— Нам обязательно понадобятся очки, — подал голос сын военачальника.

— Нет, нам нельзя выбираться наружу, — возразил Ник. — Мы там попросту погибнем.

— В любом случае это лучше, чем фонарь. И мы ведь не знаем, что нас ожидает. А если их корабль тоже за пределами базы? Тогда все равно понадобится выбираться отсюда.

Слушая его, Ник мельком подумал о своих давних фантазиях на Корваре. Он воображал себе самое разное, порой связанное с героическим риском, но сейчас перед ним была живая, реальная опасность, и она разительно отличалась от тех невинных грез. Кроме того, он всерьез подозревал, что Вэнди все еще считает все происходящее неким подобием сна. Может, оттого он и проявлял столь безрассудную храбрость. Само собой, что придуманный им Закон должен был поддерживать его, но беда заключалась в том, что Ник не был Законом, а происходящее не было сном.

— Хорошо! — Он решил. Сорвав с кровати одеяло, он завернул в него банки с концентратами и затянул в неуклюжий узел. С трудом подавил возникшее желание сбросить с себя пояс с никелированной бутафорией. Кто знает, может быть, им пригодится и это? А бластеры они возьмут из тех стоек...

Осторожно, дюйм за дюймом, Ник заставил отъехать дверь до конца. Коридор встретил их все тем же размытым желтоватым светом. Прислушавшись, он сделал знак Вэнди следовать за собой. Дверь они тихо задвинули обратно.

Продвигаясь почти на цыпочках, они добрались до первой полуприкрытой комнатки. Ник заглянул в полумрак комнаты, и сердце его взволнованно застучало. Вэнди нетерпеливо дернул его за ткань куртки. Он тоже разглядел лежавшую на столе связку громоздких очков. Можно было войти и взять эту пару, но Ник не был уверен, что комната пуста. С того места, где они стояли, они могли видеть лишь половину помещения. А достать очки — означало сделать три, четыре шага к столу...

Прежде чем Ник успел решить что-либо, Вэнди уже двинулся вперед. Внутри у Ника похолодело. Он услышал отчетливое сопение. Кто-то находился слева от двери. Вэнди был уже у самого стола. У Ника не было возможности вернуть его, и он только следил напряженными глазами, как, опустившись на четвереньки, Вэнди бесшумно приближался к столу. Кусая губы, он увидел, как правая рука мальчугана протянулась к небрежно брошенной связке. Ник услышал скрип койки. Хозяин комнаты ворочался, сонно причмокивая губами. Тонкая рука сделала еще одно движение, и пальцы ее сомкнулись на очках.

Глава 6

Секунды показались Нику минутами. Он успел вспотеть от волнения. Прижав очки к груди, Вэнди все так же бесшумно выбрался в коридор. На губах его играла довольная улыбка. Ник схватил его за плечи и оттащил подальше от дверей.

— Никогда больше не рискуй подобным образом! — шепнул он.

Вэнди не обратил на его тон ни малейшего внимания. Покачав в руке добычей, он ухмыльнулся:

— Я достал их!

— А если бы тебя увидели и схватили? Что тогда? Мы потеряли бы последующий шанс скрыться от них.

Теперь-то Ник прекрасно понял, каково приходилось мифическому Хакону. Судя по тому, что знал он о сновидениях Вэнди, космические герои работали и путешествовали на равных. И, чувствуя себя более опытным и старшим, Ник, увы, не мог позволить себе поучать Вэнди. Мальчишка только разозлился бы на него. Он лихорадочно вспоминал излюбленные словечки Хакона, которыми можно было бы повлиять на благоразумие Вэнди.

— Мы должны трижды взвесить все, прежде чем что-либо предпринять, — горячо заговорил он. — Твой промах мог бы означать для нас полный крах.

— Да ладно тебе! Главное, я достал их! Все уже позади. Вот если бы раздобыть еще одну пару...

Ник подумал, что это было бы чересчур большой удачей. Лучше бы им не рисковать снова. Он вспомнил заражающую веру Лидса в собственное везение. Вот если бы и ему так!..

Они тронулись дальше. Единственным звуком, нарушавшим повисшее в коридорах безмолвие, было легкое дуновение очищенных струек воздуха, проникающего через множество зияющих в потолке отверстий. Ник сосредоточенно отсчитывал про себя двери. Стараясь припомнить, за какими из них он заметил стойки с оружием. Один раз обоих напугало донесшееся из-за тонкой перегородки бормотание. Видимо, обитатель апартаментов бодрствовал или только что проснулся...

У входа в арсенал их постигло первое разочарование. Бронированные двери оказались запертыми. Они встревоженно переглянулись. Оба отлично понимали, что без бластеров им придется туго. Зубастые твари или посланники Оркхага — в любом случае им не хотелось превращаться в легкую добычу. Ник яростными усилиями пытался сдвинуть с места упрямую защелку. Она не поддавалась. А у него не было той силы, которой наделил его в своих мечтах Вэнди. В отчаянии он покосился на свой пояс. Может быть, что-то из этих игрушек поможет ему?

Он покрепче сжал цилиндр «теплого луча» и заостренным краем упер в округлую ложбинку механизма защелки. Работая, словно рычагом, он начал медленно перемещать металлический стержень замка. Теперь он мог приложить большее усилие. К его великой радости, раздался щелчок и дверь медленно отошла от косяка. Если помещение запирали, стало быть, никого внутри не было. Ник покосился на темноту комнаты и решительно взялся за очки. Следовало проверить их в действии.

Нечто подобное он и ожидал и все же не смог удержаться от трепетного вздоха. Очки прекрасно исполняли свою функцию. Ник увидел полки с оружием, коробки и ящики. В комнате не было ни единой живой души. Он кивнул Вэнди, и они вошли внутрь.

Четыре бластера аккуратной шеренгой стояли в прорезях стойки. Взяв ближайший, Ник с облегчением убедился, что цифровой индикатор свидетельствует о полном заряде. Расправив ремень, он надел бластер на грудь. Вэнди то же самое делал со вторым бластером. Ник в нерешительности поглядел на него, но возражать не стал. Два ствола все же лучше, чем один. Поглядев на остающиеся бластеры, он взял их в руки, внимательно осмотрел. Все было достаточно просто. Он повернул их регуляторы на разряд и сунул под стоящий у стены шкафчик. К тому времени, когда Оркхаг хватится беглецов, оружие будет уже разряжено. Для того чтобы снова зарядить их, понадобится, вероятно, не так уж мало времени.

Он еще раз оглядел комнату. Они добыли очки, справились с бронированной дверью и обзавелись бластерами. Может быть, действительно частица везения Лидса досталась и ему? Он тут же оборвал себя от радужных мыслей. Впереди предстояло самое трудное — выбраться из владений Оркхага или по крайней мере надежно затаиться. Вэнди коснулся его локтем и указал на дымящуюся от температуры стену. Ник и сам почувствовал, что становится жарко. Он уложил остающиеся бластеры стволами к стене, совершенно не зная, чем завершится разряд. Во всяком случае, он надеялся, что стены выдержат. Выбравшись из помеще-

ния арсенала, они снова закрыли за собой дверь. Уперев конец своего нового оружия в механизм защелки, Ник дважды надавил на спуск. Теперь он находился в уверенности, что с этим «замком» людям Оркхага придется основательно повозиться.

Они добрались до того самого карниза, с которого открывался вид на пост управления. А что, если им не обнаружить спуска? Ник завертел головой. Пространство, лишенное света, теперь не пугало его. На нем были волшебные очки! Внимательно осмотрев выстроенный в форме гигантской звезды вал, он понял, что ни Оркхаг, ни его люди никогда не спускались вниз. Зал выстроили для себя аборигены. Здесь не было ни лифта, ни лестницы. Ник решительно расстегнул на себе пояс. Часть узла тоже пошла на создание веревки.

— Мы спустимся вниз? — шепотом спросил Вэнди.

— Нет. Им нельзя оставлять следы. Я спущу тебя, а сам прыгну.

Рывками проверив надежность узлов, Ник прислушался. Подумав об Оркхаге, он пожелал ему мысленно вернуться к своей трубке и накуриться до глубокого сна.

Первым, как он и сказал, спустился Вэнди. Коснувшись ногами каменного пола, мальчик обвязал импровизированную веревку и махнул рукой. Вниз пошла связка с пищевыми концентратами. Теперь дело было за ним. Жестами он показал Вэнди, что надо делать, и мальчик понял. Развязав узлы, он быстро соорудил тряпичную кучу, этакую «подушку», на которую собирался прыгнуть Ник. Свист воздуха мимо лица, толчок в пятки, и целый, невредимый Ник поднимался на ноги рядом с Вэнди.

— И куда же теперь?

Вопрос Вэнди был к месту. Разницы между всеми этими разбегающимися в различные стороны тоннелями не было ровно никакой. На первый взгляд. Но от этого зависела их судьба, зависело то, как скоро найдут их, пустившись в погоню, и найдут ли вообще. Возможно, что одна из этих прорубленных в камне нор могла привести их напрямиком к оставленному кораблю. Добравшись до него, они могли

быть уверены, что рано или поздно туда же придет Лидс. Не подумает ли таким же образом Оркхаг? Стоит ему набрести на такую мысль — и найти беглецов для него не составит труда. Так куда же идти? Ник стоял в растерянности — налево, прямо, направо? Как бы то ни было, инопланетнику придется организовать несколько отрядов. И то, что он раздробит свои силы, отчасти внушало надежду. Ник наконец решился, выбрав проход, располагающийся справа.

— Сюда!

С бластерами наперевес они углубились в тоннель. Ник сразу же заметил укрепленные на стенах фосфоресцирующие пластины. Они словно указывали им путь. Кто знает, может быть, для аборигенов, несомненно обладавших совершенно иным типом зрения, эти пластины заменяли яркие факелы.

— Нам необходимо найти место, где можно было бы прятаться, — пояснил он спутнику. — Прятаться до тех пор, пока на Дис не прилетит Лидс.

— Но кто он такой, Хакон? Один из патрульных отца?

Ник криво улыбнулся. Строуд Лидс был, вероятно, кем угодно, но только не патрульным. К счастью, Вэнди не заметил его усмешки.

— Нет, он не патрульный. Но он тот человек, который может освободить нас из лап Оркхага.

Ник хотел верить собственным словам.

— Когда же он прилетит?

Прекрасный вопрос! Если бы только Ник Колгерн знал на него ответ! Время! Вот что беспокоило его. Два месяца — не очень большой срок, и он не знал точно, когда же они истекнут. Левая его рука невольно поднялась к лицу. Неужели снова придется припоминать старые привычки? На Ника нахлынули горестные воспоминания: Диппл, его черные мрачные обитатели, зуд, разлагающий кожу... Как же он не хотел возврата всего этого! Он тряхнул головой и взглянул на идущего рядом мальчугана. В этом отпрыске благородных кровей крылась тайна. Важная или неважная, но от нее зависела его судьба, и уже поэтому он

должен был приложить все усилия, чтобы узнать ее и преподнести Лидсу.

— Честно говоря, не имею ни малейшего понятия, — признался он.

Вэнди удивленно взглянул на него:

— Но если мы будем постоянно прятаться, как мы узнаем о его прибытии?

Ник только прикрикнул. Разговаривать с этим парнишкой было не так-то просто. Вэнди смотрел на вещи достаточно трезво.

— Видимо, придется притаиться неподалеку от местной посадочной площадки.

— Значит, нам понадобится регулярно выбираться наружу?

Ник понимал, о чем спрашивает Вэнди. Единственная пара очков против беспросветной мглы, за которой прятались зубастые твари. Они балансировали между жизнью и смертью, прекрасно сознавая это. Но у них не было иного выхода. Они должны были вырваться из заточения, и точно так же они должны сейчас пойти на новый риск, чтобы не прозевать появления капитана. Лидс означал для них спасение.

Взглянув в глаза Вэнди, он кивнул. Сейчас его более всего заботила мысль о том, куда ведет выбранный им тоннель. Выведет ли на поверхность Диса или, напротив, заставит спуститься на немыслимую глубину?

— Хакон, смотри! — Вэнди вытянул руку. То, на что показывал, располагалось чуть ли не у самого потолка и светилось зеленоватым мерцающим светом. Вытащив очки, Ник торопливо напялил их на глаза, маленьким рычажком подрегулировал резкость.

Без сомнения, это было растение, странное и необычное, как, впрочем, и многое другое на этой недружелюбной планете. Мясистые наросты, облепившие влажную поверхность тоннеля. Вместо листьев Ник разглядел тянущиеся во все стороны тонкие змеистые ветви. Они скручивались в кольца, сплетались клубками и свешивались темной неряшливой бахромой. Приглядевшись, Ник увидел разлом

в стене. И только тогда он сообразил, откуда взялось здесь это странное растение. Оно росло снаружи, на поверхности планеты, и лишь какой-то своей частью проникло в образовавшийся пролом. Ник протянул было руку к переплетенным ветвям, но тут же отдернул. Нездоровый цвет растения внушал более, чем обычное беспокойство. На ум невольно приходило все слышанное ранее о силе растительных ядов. Но если они действительно наткнулись на пролом, ведущий наружу, они не должны были проходить мимо.

— Что это? — требовательно спросил Вэнди. Ник с опозданием подумал о том, что без очков мальчуган не мог видеть ни пролома, ни растения. Он продолжал, вероятно, лицезреть все то же расплывчатое туманное сияние.

— Возможно, выход наружу, — сказал он. — Если, конечно, мы сможем приоткрыть его.

Он повернул регулятор мощности на бластере на минимум и навел на спутанную массу. Вспышка полоснула по глазам, в одно мгновение превратив растение в обугленный комок. Запах горелого оказался таким неприятным, что им пришлось немного отойти. Ник повторно нажал на спуск. Вырвавшийся огонь поглотил остатки ветвей и наростов. Теперь они могли видеть очистившийся пролом, края которого тихо потрескивали от перегрева. Свет, недостаточно сильный, но тем не менее отчетливо различимый через оптику очков, проникал в тоннель. Оценив размеры дыры, Ник подошел поближе и, подпрыгнув, уцепился за зубчатый край. Пальцы обожгло. Но камень остывал быстро, и, терпеливо подтянувшись, Ник выглянул из пролома.

Тяжелый запах ударил в нос, заставив его закашляться. Клубы густого черного дыма медленно скользили по поверхности планеты. Казалось, огонь, уничтоживший растение, опалил всю планету. Жадными, приплясывающими язычками он разбежался от трещины, охватывая приземистый кустарник, заставляя скручиваться потрескивающие ветви. Ник стоял на дне неглубокой расщелины. Осмотрев пологие склоны, он решил, что они вполне преодолимы.

Вернувшись обратно в тоннель, он достал из узла один из пищевых концентратов. Им следовало подкрепиться. К тому времени, когда они насытятся, огонь сделает свое дело, очистит расщелину от ядовитых растений. Ник отчего-то не сомневался, что они ядовиты.

Покончив с едой, они выбрались наружу. Все произошло в точности, как и предполагал Ник. Помогая своему юному спутнику, он полез вверх по откосам. Вэнди оказался не очень-то проворным скалолазом, и для безопасности Ник обвязал его ремнем, прикрученным к поясу. Когда они достигли наконец верха, Вэнди обессиленно рухнул на землю. Голова его опустилась на согнутые колени.

— Все, Хакон. Я больше не могу. У меня дрожат ноги.

Ник видел это и без слов. Он и сам чувствовал себя уставшим. И все же заставил себя подняться на ноги и внимательно обозреть открывшиеся перед ним равнины.

Ландшафт был не слишком-то изысканным. Все видимое пространство было усыпано обломками скал. Все те же нездорового вида растения росли там и тут. Некоторые из них достигали в высоту нескольких дюймов, а иные размерами превосходили все известные Нику деревья. Сырой прогорклый воздух не насыщал легких, заставляя дышать широко раскрытым ртом. Совсем недалеко от них скалы громоздились друг на друга столь тесно, что выстроили некое подобие пирамиды. Так или иначе, они не могли двигаться дальше. Во-первых, они не знали, куда им идти, во-вторых, оба они нуждались в отдыхе. Нику подумалось, что где-нибудь среди скал они наверняка найдут более или менее приемлемое пристанище. Он помог Вэнди подняться и, придерживая за локоть, тронулся в направлении скал. Оба задыхались. Запахи, приносимые ветром, вызывали спазмы.

Они уже поднимались, карабкаясь по шершавым валунам вверх, когда прямо у них на глазах из-за камней выскочила тварь, увенчанная безобразным горбом. Двигаясь прыжками, она вспорхнула на вершину одного из скальных блоков и склонилась над грибковым наростом. Из широкой пасти высунулся длинный язык, и, хлестнув по наро-

сту, тварь переправила его в глубину своего безгубого бородавчатого рта.

Настороженно приподняв бластер, Ник двинулся дальше. А через пару шагов он разглядел чернеющий вход пещеры. Вернее, так ему показалось поначалу. Приблизившись ближе, он подумал, что это больше напоминает те самые тоннели, из которых они недавно выбрались. На всякий случай он дважды надавил на спуск. Он вовсе не хотел, чтобы в глубине этого подземелья им встретился какой-нибудь неприятный сюрприз. Чуть помешкав, он вошел под своды пещеры. Вэнди последовал за ним.

Ник не ошибся. Гладкая поверхность стен подтверждала предположение о том, что это искусственное сооружение. Серый вытянутый предмет попался ему на глаза. Ник машинально шевельнул его ногой, увидев, как с костяным перестуком предмет раскатился на отдельные кругляши. Его пробрал озноб. Что это? Кости? Может быть, когда-то не очень давно в этом подобии пещеры жили аборигены? Продолжая сжимать рукоять бластера, он пристально вгляделся в темноту. Ему показалось, что далеко впереди виден едва различимый свет. Если это действительно было светом, то это служило еще одним доказательством того, что пещера являлась искусственным проходом. Тоннель, пронизывающий гору насквозь... Они дошагали до источника света быстрее, чем он предполагал. Остановившись возле широкого пролома, со смешанным чувством они уставились на открывшуюся перед ними картину. Куда ни обращались их глаза, везде они видели гигантские руины. Массивные блоки, стены бывших зданий. Слева располагался обрыв, а чуть ниже еще один. Нику подумалось, что они стоят на самом краю лестницы, предназначенной для великанов. Впрочем, он не собирался спускаться к руинам. Во всяком случае сейчас. Они основательно подустали. Вэнди буквально валился с ног. Кроме того, место казалось достаточно безопасным. Здесь их не так-то просто найти. Они могут укрыться в руинах, а если опасность покажется из-за этих обломков, напротив, выберутся из пещеры на поверхность. Кое-как Ник расстелил на мошениом полу одеяло и

аккуратно уложил на него засыпающего мальчика. Сам сел поблизости, привалившись спиной к бугорчатому краю стены, устроив бластер на коленях. Погружаясь в сон, он на мгновение удивился тому, как долго он боролся с усталостью. Все тело до последней косточки требовало и просило сна.

Глава 7

Проснулся он от страшного гроыхающего раската. Полный мрак окружал его со всех сторон. Схватившись за лицо, он с ужасом обнаружил, что очки пропали. Каменные стены продолжали дрожать и гудеть от непрекращающихся раскатов. Задыхаясь, он вскочил на ноги, ошупью приблизился к одеялу, на котором лежал Вэнди. Мальчика не было.

— Хакон!

Пронзительный крик донесся, как показалось ему, со стороны пролома. Не отправился ли Вэнди к руинам?! Нашарив руками пролом, возле которого завершился их недавний маршрут, он выглянул наружу. Лишенные оптики глаза были совершенно беспомощны. Он почти ничего не видел. И неожиданно в паузах между сотрясением воздуха он отчетливо расслышал рычание. Ник тщательно напрягал зрение.

— Вэнди! — прокричал он. — Где ты!

Если мальчик и ответил ему, то из-за страшного грохота он все равно ничего не способен был услышать. Где-то на горизонте коротко высверкнула молния, и густой черный ветер с силой налетел на развалины, вздымая пепел и пыль. Ник постарался вспомнить, как выглядела эта местность вчера. Здесь, перед самым проломом, было открытое пространство, это он помнил совершенно отчетливо.

— Вэнди! — еще раз громко прокричал он.

Совсем рядом ослепительным огнем выстрелила вспышка. Трескуче занялось одно из гигантских растений, в несколько секунд превратившись в столб пламени. Бластер! Ник не сомневался в этом. Вэнди воспользовался

оружием, может быть, желая подать ему знак. Выбравшись из пролома, Ник побежал навстречу огню. Ветер теребил пламя, перебрасывал его на соседние кусты, и снова Ник слышал угрожающее рычание. Где-то поблизости находился хищник. Перебравшись через одну из стен, Ник оказался на широкой, покрытой ровными плитами площадке. Тут он и увидел Вэнди.

Прислонившись спиной к каменной кладке и выставив перед собой бластер, мальчик стоял вблизи обрывистого котлована, с ужасом глядя на то грузное и большое, поднимающееся к нему навверх. Ник шагнул вперед и тоже увидел их.

Каждая планета и каждый живой мир насыщены своими особенностями, своими красками и неповторимыми формами жизни. В своем роде то, что сейчас наблюдал Ник, было наделено мифической красотой. Удлиненные, покрытые густым мехом тела двигались грациозно, свиваясь и развиваясь, словно исполняли некий ритуальный танец. Головы их с необычными двойными ушами, сверкающими выпуклыми глазами поднимались и опускались в каком-то сложном непонятном ритме. Вэнди смотрел на них и не стрелял, и в следующее мгновение Ника озарило страшной догадкой.

— Вэнди! — выкрикнул он. — Отвернись от них! На них нельзя смотреть!

Мальчик, казалось, не слышал его. Замысловатые узоры, сплетаемые гибкими телами, горящие глаза зверей околдовали его. Ник настроил свой бластер на узкий пучок и вскинул оружие к плечу. Чтобы не попасть нечаянно в сына военачальника, он прицелился несколько выше. Вспышка огненной дугой пронеслась над мохнатыми тварями и искристо ударила в каменные нагромождения. Он не задел хищников, но добился того, что глаза их погасли, и, прекратив свой завораживающий танец, они обернулись в его сторону. Огонь управлялся с остатками растительности, и с каждой новой секундой Ник видел все хуже и хуже. Это были совсем небольшие животные. Каждое из них не превышало в длину и трех футов, но действовали они слит-

но, как одно целое, и Ник отнюдь не заблуждался в искренности их намерений.

Торопясь, пока огонь окончательно не погас, Ник начал обходить руины, стремясь оказаться со скопищем хищных тварей на одной линии. Он по-прежнему боялся задеть мальчика. Словно чувствуя надвигающуюся опасность, животные следили за ним множеством глаз. Громовые разряды совершенно не пугали их. Еще несколько спотыкающихся шагов, и Ник оказался возле каменной кладки. Пространство вокруг него тускнело с катастрофической быстротой.

— Вэнди! — позвал он и протянул в сторону мальчика руку: — Очки!

Он продолжал смотреть только на этих притаившихся животных. Странно, но при звуках его голоса они проявили признаки беспокойства. Головы их приподнялись и закачались совсем как у змей. В ладонь Ника опустился ремешок с выпуклыми стеклами. А затем он услышал дрожащий голосок:

— Я прикрою тебя.

Ник надел очки и облегченно вздохнул. Он снова стал зрячим! В нем тут же окрепла уверенность.

— Вэнди! — Он снова взялся за бластер. — Держись за мою куртку, будем медленно отходить.

Теперь он ясно видел, что произносимое им оказывает поразительное действие на шевелящуюся свору хищников. Они спешно перестраивались в некий полукруг, но границы, видимо определенной ими же самими, по-прежнему не переступали. Каким-то неизвестным образом они чувствовали, что стоящий перед ними человек далеко не беззащитен. Ник пятился и недоумевал, отчего эти твари не пытаются атаковать. Они достигли уже края площадки, и палец его в готовности лежал на спуске. Снова налетел душный порыв ветра, и неожиданно хлынул дождь. Среди скопища хищников началось бегство. Одно мгновение, и Ник потерял их из виду. Первую беду выместила вторая. Из-за сплошной стены дождя было совершенно невозможно угадать дорогу назад. Ник слепо шарил по сторонам рукой,

отыскивая опору или что-нибудь, что могло бы подсказать им, где лучше спрятаться от дождя. Вэнди дернул его, заставляя идти куда-то вправо. Оглянувшись, Ник убедился, что мальчик прав. Они находились возле ниши, образованной между двумя перекосившимися плитами. Ник с сомнением поглядел в глубь неожиданного укрытия. Они не могли знать наверняка, пустует ли оно. Но и здесь, на открытой площадке, они не могли больше оставаться. Сила ветра была такова, что по воздуху летели уже небольшие обломки и растерзанная растительность. И все-таки осторожность была не лишней. Подняв бластер, Ник ударил в темноту ниши.

...Буря завывала за стенами. Они были недосыгаемы для нее, но Ника беспокоила окружающая их мгла. На этот раз бессильны были даже очки. Кроме того, Ник тревожился, что в нишу рано или поздно начнет набираться вода. Дождь, что хлестал снаружи, вполне способен был устроить вселенский потоп. Обшарив стены вокруг себя, Ник обнаружил каменный выступ. Пожалуй, здесь они могли переждать дождь в относительной сухости. Он усадил Вэнди на каменный балкончик и вскарабкался за ним следом. Касаясь плечами и телом вибрирующего камня, они чувствовали нарастающую мощь непогоды. Дрожа, они прижались друг к другу.

— Это всего лишь ураган, Вэнди. Он быстро пройдет, — шепнул он. В замешательстве Ник ощутил, что не верит собственным словам. Он ничего не знал о Дисе и о его ураганах. Оркхаг утверждал, что жизнь Диса зиждется лишь в стенах базы. Все, что начиналось за пределами скальных стен, означало для простого человека верную смерть.

Неожиданно он вспомнил, с чего все началось. Вэнди взял очки и самостоятельно отправился исследовать развалины. Еще одна такая шутка, и все кончится для них самым печальным образом. Он поглядел на дрожащего мальчугана.

— Вэнди, зачем ты ушел? — Нику пришлось почти кричать. Грохот заглушал его слова.

Мальчуган ответил не сразу, а когда ответил, Ник слышал в его голосе недобрый оттенок.

— Я хотел отыскать наш корабль.

— Но, Вэнди! Я говорил тебе правду. Даже если мы найдем бот, то не сумеем взлететь на нем. Это автомат, настроенный на маршрут Диса, и я не в состоянии заложить новую программу.

Вэнди ничего не сказал на это. Лицо его было возле самого уха Ника, и временами он чувствовал его теплое дыхание. Что он там думал про себя, оставалось для Ника полнейшей загадкой.

— Хакон! Здесь... Что-то над моей ногой! Ты видишь?

Ник недоверчиво повернул голову. Как мог Вэнди разглядеть что-то в подобной мгле? Или, может быть, это уловка?.. Он шевельнул регулировку резкости. Вэнди не обманывал его. С пугающей ясностью Ник увидел, что рядом с ними и в самом деле возникло что-то постороннее, чего раньше не было. Откуда оно взялось? Из глубины затапливаемого подземелья?.. Ник подался вперед.

Действительно, над правой ногой Вэнди на стене громоздилось некое фосфоресцирующее существо. Бесформенный зеленоватый нарост, напоминающий виденные ими растения. Но что-то тут же насторожило Ника. Чем-то это существо отличалось от растений. Всмотревшись, он заметил тлеющую искорку. Она свисала с выступа на тонкой, величиной с волос нити, извиваясь, загадочно трепетала. Медленно, почти незаметно для глаза нить эта втягивалась в неподвижное тело, и прошло немало времени, прежде чем Ник понял, в чем заключается смысл происходящего.

Чуть ниже выступа, на котором они укрылись от воды, показалось еще одно существо. Четырехлапое, с густым мехом и странными ушами, оно напоминало тех тварей, что еще совсем недавно пытались атаковать Вэнди. Неотрывно глядя на трепещущие в темноте искорки, животное робкими и неестественными шажками приближалось к наросту. Эти огоньки словно подманивали жертву ближе и ближе. Затаив дыхание, Ник продолжал наблюдать.

— Что там происходит? — шепнул Вэнди. Тело его со-трясала крупная дрожь.

Ник сообразил, что мальчик без очков не видит того, что видит сейчас он. Прижавшись к лицу Вэнди, таким же шепотом он коротко описал все, что сумел разглядеть.

— Это похоже на охоту. Они увлеклись настолько, что не замечают ни нас, ни бури.

Драма закончилась самым стремительным образом. По мере того как длинные, оснащенные огоньками антенны укорачивались, приближающаяся жертва начинала проявлять легкое беспокойство. Может быть, она уже чувствовала близость врага?.. Хищник не дал ему времени на раздумья. В парящем прыжке он накрыл мохнатое животное, и темноту пронзили душераздирающие крики. Забившись в его руках, Вэнди испуганно вскрикнул.

Тем временем схватка завершилась в пользу хищника. Жертва его больше не сопротивлялась.

— Хакон! Ей нужны мы! Слышишь?!

Ник не понял причины, что так напугала Вэнди. Ведь они были вооружены, и что им мог сделать этот мелкорослый хищник? В следующую секунду он почувствовал, что кровь отхлынула от его лица. Причины для беспокойства, безусловно, были. Странный нарост, придавивший безжизненное животное, изогнулся. Было такое ощущение, словно, приподняв голову, он смотрит на них невидимыми глазами. И снова появился мерцающий подманивающий огонек. Эта трепещущая искорка теперь явно предназначалась им. Ник поднял бластер и выстрелил.

Огненный пучок вонзился в тела обитателей Диса, и на мгновение у Ника сперло дыхание. Нет, он ничего не услышал, но он успел ощутить смерть зеленоватого хищника. Это походило на некий болезненный толчок в голову. С плеском обугленные тела упали вниз и тут же закружились в засасывающем водовороте, уносясь в бездонные глублины подземелья.

— Я уничтожил их, — шепнул он Вэнди. Всклипывая, мальчик продолжал дрожать. — Не бойся, их больше нет рядом.

Он продолжал успокаивать Вэнди, смутно понимая, что мальчик напуган темнотой. Оказаться в состоянии слепца вблизи неизвестных хищников — такое способно было напугать любого взрослого, а уж тем более мальчугана, которому до совершеннолетия было так же далеко, как до родной планеты. Если бы у них было две пары очков! Это станет началом катастрофы, превратив их в легкую добычу любого обитающего на Дисе хищника. Сейчас Ник склонялся к тому, что уход с базы был ошибкой. Уж лучше иметь дело с Оркхагом, чем оставаться в пустыне ночных ужасов. Ник покосился на окружающую мглу. Как только шторм утихнет, они постараются вернуться к тоннелю. Там они зачатаятся и, делая время от времени вылазки в жилые отсеки, будут узнавать новости о возможных изменениях на базе. Так или иначе, Ник продолжал надеяться на скорое прибытие Лидса. А сейчас... сейчас ему следовало успокоить своего спутника.

— Вэнди! — Ник попытался подобрать верные интонации. — Теперь мы в достаточной степени сознаем, что собой представляет Дис. Как только буря утихнет, мы вернемся на базу. Там мы по крайней мере будем в безопасности, ограничивающей общение с местными тварями. А сейчас нам ни в коем случае не следует бояться. У нас мощнейшие космобластеры. Вспомни, ты ведь не растерялся, когда эти твари окружили тебя. Если бы ты не поджег растительность, я никогда бы не добрался до тебя. Пока мы здесь и пока в руках у нас оружие, ничто не может угрожать нам!

— Но я ничего не вижу! — всхлипнул Вэнди.

— Ты... ты уверен в этом? — Ник пристально поглядел в лицо мальчика. — Ты сказал мне, что тварь находится поблизости еще до того, как я обнаружил ее. А ведь у меня были очки. Как же ты узнал о ней?

Он чувствовал, что, слушая его, мальчик постепенно перестает дрожать. Голос Ника, несомненно, действовал на него успокаивающе.

— Я не увидел, а скорее догадался, что рядом что-то шевелится. А потом, приглядевшись, действительно заметил слабое свечение.

Ник размышлял. Сейчас он верил Вэнди, а значит, из сказанного можно было делать определенные выводы.

— Вероятно, некоторые из здешних растений и животных имеют врожденную способность к свечению. Я даже думаю, что, возможно, располагая двумя типами зрения, мы вооружены в большей степени. Ты увидел то, чего не увидел я. Значит, нам обоим необходимо глядеть в оба, и мы не подпустим к себе ни одно живое существо.

Верна или нет догадка, Ник не знал. Но слова его возымели действие. Вэнди заметно приободрился. Худенькие руки сына военачальника сжали рукоять бластера.

— Наверное, ты прав, Хакон.

— И еще одно. — Ник кивнул на оружие: — Старайся не использовать его без особой надобности. Я не знаю, на какой срок хватит одного заряда.

Вэнди не собирался с ним спорить.

— Да, мы должны экономить энергию бластера... Хакон! Все эти развалины — что это? Неужели это все, что осталось от чужого города? Ведь это жутко! Совсем, как Хапердианская бездна.

Ник недоуменно приподнял брови, но тут же спохватился. Так называлось одно из мрачноватых мест в фантазиях мальчика. Это было не так уж плохо. Коль скоро Вэнди возвратился к своим грезам, можно было смело судить, что страхи его прошли.

— Да, я думаю, что когда-то эти руины были городом. Они действительно напоминают Хапердианскую бездну, хотя память не подсказывает мне, что мы встречали там каких-либо хищников с огоньками на хвосте.

Ник был рад, что Вэнди вновь обрел решимость, и лишь отчасти беспокоился о том, чтобы фантазии мальчика не выходили за грани разумного. Тот Хакон, которого знал Вэнди, был из рода непобедимых, выходя живым и невредимым из самых кошмарных сражений, но Ник Колгерн был кем угодно, но только не Хаконем. Он прекрасно знал о своей уязвимости и мечтал выжить во что бы то ни стало.

Теперь, когда они приняли решение о возвращении в тоннель, им пришлось бороться с возрастающим нетерпением. Хуже нет, чем оставаться в неподвижности и ждать, но выбора у них не было. Вода все еще бурлила под выступом, через неравномерные интервалы доносились рокошущие раскаты грома. Ника ужасала одна мысль, что ураган может затянуться более суток. Они просто не высидят в этой норе так долго. Они способны были отразить нападение хищников, но голод и дождь могли оказаться более сильными врагами. Ник уже и сейчас чувствовал подкрадывающийся голод, но все концентраты, включая и одеяло, остались в проходе под горой.

Время тянулось мучительно медленно. Вэнди задремал, прикорнув щекой к коленям Ника. Изредка сквозь сон он что-то бормотал на незнакомом языке. У Ника было вдоволь времени, чтобы обдумать случившееся и разработать план на будущее. Он не жалел ни о чем. Повторись тот решающий разговор с капитаном снова, он вновь подтвердил бы свою готовность лететь с мальчиком на Дис. Он делал это ради своего нового лица, ради своего будущего. И он не отказывался от надежды разузнать все секреты умершего военачальника. Вэнди, безусловно, знал о многом, и нужно было лишь подобрать к нему нужный ключик.

Пальцы Ника машинально скользили по гладкой щеке, по подбородку правильной округлой формы. Ник был сейчас таким, каким хотел быть всю свою несчастную жизнь. Но сколько еще времени отпущено ему судьбой? Сколько пройдет дней, недель до того первого страшного момента, когда кончики пальцев вновь ощутят еще памятную шероховатость обезображенной кожи?

Отвлекаясь от мрачных мыслей, он обратил внимание на затихающий шум дождя. Вдоволь набушевавшись, ураган уходил. Даже если это всего-навсего временное затишье, им стоит воспользоваться им. Пролом, ведущий в тоннель, где они оставили одеяло и нишу, был где-то поблизости. Ник осторожно тряхнул Вэнди за плечо:

— Нам пора идти.

Глава 8

Придерживаясь руками за каменный выступ, Ник осторожно спустился в бурлящий поток воды. Он хотел убедиться в том, что течение позволит им передвигаться, сопротивляясь напору воды. Страхи оказались напрасными. Уровень воды заметно спал, и ноги скрылись под водой не выше лодыжки. Поверхность ее искристо поблескивала, рябила там и тут. Иногда целые островки ряби странным образом совершали самостоятельные передвижения. Можно было подумать, что какие-то живые существа пытаются так же, как они, найти выход из западни, в которую увлекла их дождевая вода. Как бы то ни было, они вполне могли передвигаться пешком.

Ник вытянул руки и помог Вэнди прыгнуть вниз. Держась друг за друга, вздымая брызги, они тронулись к выходу.

Дождь все еще стегал по земле косыми струями, но дикая необузданная сила ветра уменьшилась. Широкими потоками вода текла к краю обрыва и там низвергалась вниз пенным водопадом. Нику впервые пришла мысль о том, что когда-то в незапамятные времена город, возможно, был морским портом. Очень уж напоминали массивные срезы обрыва виденные им на рисунках летописей причалы. Однако тайна развалин сейчас его не интересовала. Им необходимо было найти пролом, через который они выбрались.

— Держись крепче, — велел он мальчику. Ноги проваливались в невидимые под водой омутки, дождь по-прежнему сыпал чересчур густо, и им следовало принимать все разумные меры, чтобы не потерять друг друга.

Не веря глазам, Ник взглянул вправо от себя и радостно вскрикнул. Это было то самое «окно», через которое они несколько часов назад пытались рассматривать развалины города. Он живо посадил Вэнди и, уцепившись за его руку, в свою очередь, забрался под спасительные своды тоннеля. Вода сюда не дошла. Здесь по-прежнему было сухо, и, оглядевшись, Ник тут же нашел сложенные горкой жестяные

банки из-под концентратов. Взяв в руки один из контейнеров, он раздавил капсулу подогрева и, сорвав крышку, протянул Вэнди. Пар, потянувшийся вверх, заставил его судорожно сглотнуть.

— Не спеши, Вэнди, — сказал он. — Ешь медленно.

Второй контейнер с готовностью распахнулся перед ним. Ник ел и не различал вкуса, настолько он был голоден. Он уже думал о том, как придется решать им проблему питания потом, когда они снова вернутся на базу. Если бы знать точно расположение всех комнат и переходов!.. Он с удивлением взглянул на банку в руках. Он опустошил ее и даже не заметил этого. Вэнди успешно заканчивал со своей порцией.

Сырость, казавшаяся удушающей до урагана, сейчас пропитала все и вся. Густой отяжелевший воздух то и дело заставлял их прокашливаться. Оба дышали тяжело и шумно, как старые, больные люди. Малейшее усилие вызывало одышку и липкую испарину, выступающую на лице и на всем теле. На свою одежду Ник решил не обращать внимания, но Вэнди он велел раздеться и насухо вытереться одеялом. Снова облачившись в свой помятый костюм, Вэнди удивленно посмотрел вниз.

— Хакон, мои ботинки! Они светятся!

Ник недоверчиво покосился на ноги мальчика. Их в самом деле окутывало неясное сияние. То же самое было и с его обувью. Опустившись на корточки, Ник кончиком одеяла прикоснулся к ботинку Вэнди. Ощущение было такое, словно он стирал с кожи нечто студенистое. Теперь фосфоресцировало и одеяло. Ник более внимательно оглядел себя и мальчика. Кроме обуви, светились ноги, и его пестро разукрашенный пояс тоже давал слабое свечение. Ник понятия не имел, опасно это или нет. Но даже если бы это чем-нибудь им угрожало, не уходить же им отсюда босиком!.. Он решил надеяться на лучшее.

Свернув одеяло в прежний узел и упаковав в него жестяные контейнеры, они зашагали знакомой дорогой. Теперь Ник более внимательно глядел по сторонам, сразу заметив,

что растительности в тоннеле почти нет. Должно быть, прогуливающийся между стен ветер создавал для них не слишком-то благоприятные условия. Возможно, были и другие причины.

Вэнди шел впереди и нес узел. Держа бластер наизготовку, беспрестанно оборачиваясь по сторонам, Ник двигался следом. Пища вернула утраченные силы, а с силами возвратилась и бодрость духа. Окружающая темнота больше не страшила Ника. И у него и у Вэнди уже появился кое-какой опыт от общения с обитателями Диса. Необходимо было внимательно следить за окружающим и ни на миг не выпускать из рук оружие. Путь был знаком, и они шли уверенным шагом.

Они были уже возле выхода из тоннеля, когда Вэнди вскрикнул. Но Ник и без него поспешил вперед. Рука мальчика указывала на серую неровную поверхность планеты, на которую светящимся факелом садился огромный корабль. Сердце подскочило в груди Ника. Как здорово было бы, если б садящийся корабль принадлежал Лидсу! Это разом разрешило бы все их проблемы...

— Еще один! — громко произнес Вэнди.

Два корабля, третий! Радость Ника померкла. С небес спускалась целая флотилия. Это не походило на ту секретную миссию, которую собирался выполнять капитан. Может быть, в таком случае прав Вэнди, и перед ними были корабли его отца? Может быть, военачальник вовсе и не умер и, разъяренный похищением сына, он выслал в погоню звездолеты со стражами? И где, интересно, сейчас Оркхаг?

Дождь потерял свою непроницаемую силу, но, как видно, не собирался так скоро сдаваться. Нику подумалось, что вода наверняка стекает и в ту расщелину, через которую они выбрались на поверхность планеты. В таком случае путь их назад лишен был смысла. Они могли угодить в непроходимую топь. Здесь же по крайней мере было относительно сухо. Но самым важным ему казалось сейчас понять цель и происхождение прибывших на Дис кораблей.

Они продолжали пристально наблюдать за севшими кораблями, когда прямо над головами у них раздался адский грохот. Ник сразу сообразил, что никакими молниями тут не пахло. Это был залп с кораблей, расколовший скалистую почву, взрезавший ее дымящимися бороздами. С криком Вэнди соскользнул в распахнувшуюся перед ногами пропасть. Ник ухватил его за одежду, но сдержать падения не сумел. Вдвоем они покатались по горячему, потрескивающему грунту. Каким-то чудом Ник сумел уцепиться за какой-то выступ. Падение прекратилось. И тут же последовал новый взрыв. Откуда-то со стороны тоннелей, ведущих на базу. Град осколков сыпался вокруг вместе с каплями дождя. Может быть, это Оркхаг, накурившись наркотика, отдал приказ взорвать базу со всеми находящимися на ней людьми? Ник, сощуриив глаза, попытался осмотреться. Все-таки это больше напоминало нападение. Чужие корабли вступили в бой, противопоставив свои пушки огневой мощи космической базы. Как бы то ни было, спускаться сейчас вниз, к обнаженным стволам тоннелей, означало для них еще более худшую беду, нежели оставаться здесь. Нет ничего глупее, чем попасть под случайный огонь двух воюющих группировок.

— Надо уходить отсюда, — прохрипел Ник.

Вэнди лежал на земле, придавив его руку, и Ник постарался освободиться. Ему не понравилось, как выглядел мальчик. Лицо его было неподвижно, глаза закрыты.

— Вэнди! — Ник прикоснулся к нему и осторожно повернул к себе безвольно падающую голову. Струйка крови змеилась по лбу мальчика. Ник торопливо прижался ухом к его груди. Взволнованный слух не сразу уловил учащенное сердцебиение. Вэнди был без сознания. Возможно, при падении он ударился головой о камни. Ник с беспокойством пошевелился. Они лежали на крутом склоне, и ему показалось, что грунт под ними медленно соскальзывает вниз, к недалекому обрыву. Вспышки непрекращающейся канонады багровыми всполохами освещали пространство. Царапая землю ногтями, Ник соорудил некое подобие окопа. Теперь по крайней мере они могли лежать, не опасаясь со-

рваться вниз. Шевельнувшись, Вэнди застонал. Ник рукой не дал ему перевернуться на бок. Скользя и ненадежная почва могла выпустить их из своих обманчивых пут и препроводить на дно распахнувшегося от первого огненного удара ущелья. Вжавшись лицом во влажный рукав, Ник лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию.

Тело Вэнди было, конечно, легче легкого, но трудность заключалась в том, что Ник не рисковал шевелиться. Взрывы расшатали почву, сделали неустойчивым все вокруг. Положение усугублял дождь. Стекая вниз, он собрался в небольшие ручейки и потоки и струился сейчас мимо их рук и ног, превращая одежду в мокрую, липнущую к телу материю. Он мог бы, пожалуй, вскарабкаться по склону один и там наверху соорудить что-нибудь, что помогло бы ему вытащить мальчика. Но мог ли он оставить его здесь? Вэнди находился в полубессознательном состоянии, и Ник был далеко не уверен, что при очередном взрыве мальчик сможет удержаться на склоне. Необходимо было выбирать-ся с ним. С величайшей осторожностью он вглядывался в путь, который предстояло им одолеть. И, только рассчитав все до малейших движений, трогался вперед. Вэнди он для удобства перевернул на спину. Упираясь ногами, мальчик немного помогал ему. Уложив Вэнди на одеяло, Ник за один конец подтаскивал его к себе и снова полз. Лишь взобравшись чуть выше и имея возможность проследить колею, оставленную их телами, он поблагодарил судьбу за нечаянный подарок. Двумя мощными потоками вода хлестала справа и слева, огибая то место, где первоначально они закрепились. Не будь этого, они давно бы уже захлебывались в темноте одного из тоннелей. Забыв об усталости и сцепив зубы, он тянул сверток с мальчиком до тех пор, пока они не оказались на относительно ровном месте. Передохнув, он заставил себя спуститься вниз за пищевыми контейнерами. На боль в разбитых ладонях он старался не обращать внимания. Все это было чепухой по сравнению с тем, что могло с ними случиться.

Он был уже недалеко от места, где оставил Вэнди, когда в третий раз содрогнулась земля. Яркое зарево на миг ослепило его. Прижавшись к грунту, он чувствовал его зыбкую дрожь. Мысль о том, что мальчик снова может соскользнуть вниз, рванула его наверх. Отчаяние сменилось радостью. Вэнди лежал там же, раскинутыми руками уцепившись за мокрые камни. Решив не рисковать, Ник, не дав себе передышки, ухватился за одеяло. Он двигался наобум, желая выбраться подальше от сбегаящей воды, от грохочущих взрывов. Они снова выходили к развалинам древнего города.

Ноги Ника почти не держали, спина и руки ныли от усилий, и все-таки заторможенно, как некий автомат, он заставлял себя делать шаг за шагом, возвращаться и подбирать контейнеры с пищей. Близкие вспышки уже не бросали его ничком на землю. Усталость заменяет порой храбрость, наполняя мозг и натруженное тело безразличием. Лишь иногда он садился на камни, пытаясь успокоить дыхание. Спертый воздух застревал где-то в горле, проходя в легкие тугими тяжелыми комками.

Оглядевшись, Ник скорее угадал, чем увидел, чернеющую сквозь завесу дождя нишу. То самое укрытие среди развалин, из которого они вышли всего час назад. Ему было и горько и смешно. Он потянулся руками к одеялу, но неожиданный звук сверху заставил его выпрямиться. Где-то над посадочным полем промелькнула черная тень. Она выныривала из облаков, временами приближаясь к развалинам, и возвращалась обратно. Это был не один из обитателей Диса, а летательный аппарат, причем не космический, а предназначенный для полетов в атмосфере. Трассирующие нити тянулись к нему со всех сторон. Мастерски уклоняясь из стороны в сторону, пилот огрызался короткими вспышками огня. Ник отчего-то сразу подумал, что пилот, управляющий флиттером, наверняка состоял членом Гильдии. Это была неосознанная, подсказанная интуицией мысль, хотя в голове его по-прежнему царила путаница. Чужие корабли приземлились на Дис, букваль-

но обрушившись на базу. Кто вел их? Лидс, пытавшийся устроить Оркхага, силы правопорядка в лице Патруля? Войска, посланные отцом Вэнди?..

Корабли сосредоточили весь свой огонь на флиттере. Он все еще кружил над ними, небрежно увиливая от шквальных светящихся трасс. Ник с опаской смотрел, как тень машины вновь приближается к руинам, намереваясь, очевидно, зайти на очередной круг. И тут одна из вспышек полоснула по хвосту. Взвившись, аппарат раненой птицей запорхал в воздухе, пытаясь удержать равновесие. Ник невольно напряг мышцы, представив себе бешеные усилия пилота, мечущегося в тесноте кабинки. Болезненными рывками аппарат заваливался набок. Его неодолимо тянуло к земле. Скользнув к мрачным колоннам, он скорее упал, чем приземлился. И все-таки перед самой каменной равниной пилоту удалось выровнять машину. Взрыва не последовало, и Ник подумал, что, очевидно, человеку за штурвалом удалось уцелеть. Аппарат лежал где-нибудь в пропасти под обрывом, чуть ниже разрушенного города. Ник с тревогой посмотрел на далекие конические корпуса кораблей. Если решат взглянуть на обломки флиттера, чего доброго, они могут наткнуться и на них. Это никак не входило в планы Ника. Он не желал бы попасться в лапы ни одной из группировок.

Вэнди, открыв глаза, сидел на земле. Это отчасти утешило Ника. Серьезное ранение поставило бы их в тяжелейшие условия. Но мальчик был цел и, возможно, даже мог передвигаться на своих двоих. Ника заботила сейчас возможная экспедиция по следам упавшей машины. Если на Дис опустились люди военачальника, наверняка они были снабжены всеми современными средствами поиска. Ник слышал множество страшных историй о том, как в погоню за провинившимися людьми пускали механических охотников. Эскадра, столь дерзко спустившаяся прямо на базу, вполне могла иметь на борту подобных роботов. Единственное, в чем Ник не сомневался, это в том, что им следовало понадежнее укрыться.

— Хакон, — Вэнди посмотрел на него тусклым взором. — Что там произошло?

— Многое, — Ник невесело улыбнулся. — Слишком многое, чтобы составить об этом ясное мнение. Но что бы там ни происходило, нам опять нужно идти.

Вэнди стоически кивнул. На лице его заиграли слабые блики. Ник обернулся.

Сражение не прошло для планеты бесследно. Языки огня все выше вздымались над изувеченной землей. С шипучим треском растения перебрасывали пламя, подобно эстафетной палочке, дальше и дальше. Порыв ветра донес до них запах горячей копти. Они закашлялись. Ник в замешательстве присел. Они могли бы укрыться в развалинах, но туда же ветер гнал дымные черные тучи. Кроме того, в развалинах им пришлось бы терпеть соседство тварей с густым мехом и хищников с искристыми огоньками. Если же они начнут спуск в нижнюю часть города, миновав причалы, они рискуют оказаться поблизости от сбитого аппарата, куда вскорости могли нагрянуть наблюдатели со звездолетов. И все-таки, поразмышляя, Ник склонился в пользу последнего варианта. Нагнувшись над Вэнди, он заглянул раненому в лицо:

— Ты сможешь идти?

Вэнди не колебался. Он знал, как много зависит от его ответа.

— Думаю, что да.

С помощью Ника он медленно поднялся на ноги. Увяжав пожитки, Ник закинул их узлом на плечо. Поддерживая Вэнди за локоть, он двинулся вдоль развалины, отыскивая какой-либо спуск вниз. Теперь, когда Вэнди передвигался с трудом, Ник мог полагаться только на свое зрение и на свою реакцию. И потому бластер был постоянно у него под рукой. Не жалея шеи, он осматривал горизонт и близкие камни.

Первый проблеск старой, уже, казалось, забывшей о юношах удачи мелькнул в их душах, когда, иссякнув, небо сменило гнев на милость. Ливень превратился в легкую

морось. Воздух заметно просветлел, и Ник уже не шурился, пытаясь разглядеть очертания какой-либо приближающейся к ним скалы. В очках это походило на пасмурный день Корвара. И тут же вслед за первым судьба преподнесла им второй подарок в виде строений, обрушившихся вниз, на дно бывшей реки или бывшего моря. Теперь Ник почти не сомневался, что когда-то здесь существовала пристань для кораблей. Блоки, нагроможденные на «прибрежное» дно, образовали некое подобие лестницы, по которой можно было спускаться без риска свернуть себе шею.

Ступив с камней на «дно», они тотчас разглядели поблескивающую поверхность воды. Нет, это не было морем. Всего-навсего останки недавнего дождя, лужа, внушающая уныние. Она на глазах мелела, видимо, сливаясь через невидимый подземный канал. Помешкав Ник опустил на колени и погрузил в воду пригоршни.

До сих пор они держались на припасах, выданных им Фабиком. Но жаркая беготня вынудила прикладываться к воде достаточно часто. Они успели все выпить. Ник поднес наполненные пригоршни воды к лицу. Так или иначе, им все равно придется рискнуть. Да и почему нет? Все, что они совершали здесь, сопровождалось неизменным риском. Они ничего не теряли. Присмотревшись к воде, Ник с удовлетворением отметил, что она не светится. Потом уже ему взбрела мысль о том, что и Вэнди и он успели вольно или невольно наглотаться воды. Они слизывали ее с губ, вдыхали с жарким воздухом. Будь в ней какой-нибудь яд, они давно бы ощутили его действие.

Он глотнул воды Диса. Пути назад не было.

— Вода, Вэнди! — Ник снова погрузил ладони в мелеющую лужу. Мальчик жадно выпил у него из рук. Они пили долго, пока на лицах у обоих не выступили крупные капли пота. Им следовало напиться впрок. Ник вовсе не был уверен, что подобная возможность будет предоставляться им всякий раз, когда они захотят пить. До того самого часа, пока они не разберутся, какие силы действуют на Дисе, им следовало полагаться только на свои запасы. Впрочем, Ник

только размышлял так. Он понятия не имел, каким образом они раздобудут необходимые им сведения. Они собирались укрыться в надежном месте, но тем самым они сознательно лишали себя любого доступа информации. Увы, они не способны были управлять событиями. Обстоятельства повелевали их поступками и решениями. Они вынуждены были бежать, чтоб спасти свою жизнь. Именно так обстояло реальное положение дел.

Ник направил ковыляющего мальчика чуть в сторону. Он старался обходить нечастые островки растительности. Из-за своего нездорового цвета она по-прежнему не внушала ему никакого доверия. Дождь окончательно прекратился. Небо и горизонт просветлели настолько, что ему с трудом верилось, что для мальчика, лишенного очков, вокруг по-прежнему расстилалась непроглядная ночь. Тем не менее он старался не забывать об этом и вовремя подсказывал Вэнди о встречных препятствиях, помогая обходить их или перешагивать.

Несмотря на то что Вэнди сумел прийти в себя, на долгий утомительный путь он не годился. Ник мог бы попытаться нести его на руках, но прекрасно сознавал, что долго не выдержит. Вместо одного спотыкающегося спутника станет двое — только и всего. Им необходим был отдых, даже самый краткий. Ник постоянно думал об этом, но мысль о том, что они все еще чересчур близки к базе Оркхага, гнала и гнала его вперед.

Оглядываясь назад, он видел, как постепенно руины города превращаются в мутное возвышение. Они отошли от развалин бывшей пристани уже вполне прилично. Справа бугрилась неровная, взрытая черными норами гора. Впереди, уже не очень далеко, высилась, преграждая им путь, высокая скала. Вытянувшаяся гигантской полосой справа налево, она напоминала неприступную крепостную стену. Во всяком случае, в том состоянии, в котором они сейчас находились, они действительно не готовы были на преодоление препятствий. Где-то среди иззубренного подножия этой скалы они должны были найти временное пристанище.

Глава 9

Ник сонно приподнял голову. День был в полном разгаре. Бывшее дно умершего моря парило клубами белесого пара, и город вдаль укутался в плотную дымку. Ник спал возле самого входа в пещеру. В прохладной глубине найденного ими укрытия спал сейчас Вэнди. Сон был единственным их лекарством, и Ник искренне надеялся, что, пробудившись, мальчик окончательно придет в себя.

Глаза его скользнули по декоративному узору пояса. Красноватого оттенка пух покрывал пестрые разводы и кожаные петли накидки. Тот же пух, но более густой и пышный, виднелся на ботинках. Хотя они и умылись в лужах дождевой воды, смыть жирные, налипшие на одежду пятна они не смогли. Видимо, на время пребывания на Дисе им придется распротиться с элементарной чистоплотностью. Условия планеты не позволяли ни как следует простирать одежду, ни как следует высушить ее.

Дымка становилась все гуще, плотным туманом покрывая окружающее. Здесь были бессильны и очки. Ник уныло подумал о том, что кто угодно мог беспрепятственно подкрасться к ним и, выждав удобный момент, напасть. Ему начинало казаться, что и слух подводит его. Нику мерещились шорохи и звуки, в существовании которых он откровенно сомневался.

Впрочем, все его страхи могли оказаться довольно безосновательными. За время, что они провели в уютной пещере, лишь раз их побеспокоила необычного вида тварь, вооруженная огромными изогнутыми когтями. Осмотрев их маленькими глазками, она прыгнула, но луч бластера отбросил ее на камни. И тут же отовсюду начали выползать маленькие зверушки, которые не замедлили устроить настоящее пиршество возле обожженного тела хищника. Это нападение лишний раз напомнило, что им не следует забывать об осторожности. Ник спал вполглаза, держа палец на спуске. Воображение его работало вовсю, оказывая недобрую услугу хозяину. Обеспокоенный мозг не выходил из напряженного состояния, и внутреннему взору то

и дело представлялись невиданных размеров чудовища, вооруженные множеством оскаленных голов, шипастыми крыльями и тяжелыми когтистыми лапами. Если существовал предел прочности человека, то Ник давно уже достиг его. Проснувшись в очередной раз и с тревогой прислушавшись к шепчущей на разные голоса тишине, он подумал, что долго не выдержит. Надо было будить Вэнди и передоверить это дежурство ему. Спать без охраны было для них непозволительной роскошью. Он с сомнением поглядел в сторону посапывающего мальчика. Не уйдет ли он отсюда, как в тот раз? Вэнди видел приземляющиеся корабли, и Ник не мог знать, поверил ли мальчик в его объяснения о войне двух группировок. Если он убежден, что звездолеты принадлежат людям его отца, он может попытаться покинуть его и сейчас. Ник более не строил иллюзий. Влияние «Хакона», его мифический авторитет здесь, на Дисе, уже мало чего стоили. Мальчик относился к нему с подозрением, которое росло или уменьшалось в зависимости от обстоятельств. Он вынужден был терпеть сообщество Ника, потому что не имел под рукой никого более. Каков ни был этот «подозрительный» Хакон, но он делит с мальчиком трудности и, рискуя собой, защищал от врагов. Вэнди, безусловно, нуждался в нем и будет нуждаться и далее до тех пор, пока не повстречает кого-нибудь, кого знал раньше.

Мозг Ника устало застыл перед двумя дорогами, двумя решениями, не в силах остановиться ни на одном. Сознание его висело на волоске, балансируя над бездонной, влекущей пропастью. Последний усилием он заставил себя протянуть руку и коснуться ноги спящего:

— Вэнди, придется немного подежурить тебе. Я просто валяюсь с ног..

Чуть позже, уже без очков, он отполз в глубину пещеры и вытянулся со сладостным вздохом. Он не был даже уверен, что Вэнди правильно понял его и занял наблюдательный пост у входа. Все это было уже далеко, очень далеко. Веки, налитые свинцом, скрыли от утомленных глаз все и вся. Последней мыслью мелькнуло воспоминание о бластере и о спуске, на котором устало подрагивал палец.

Ему снилось что-то бесформенное, надвигающееся на него мохнатой тяжестью, наполняющее сердце и разум трепещущим ужасом. Зубастый змееподобный зверек, хихикая, приблизился к его ноге и начал дергать за каблук. Ник недовольно взбрыкнул ногой и проснулся.

— Хакон!

Вэнди и впрямь дергал его за башмак. Сев, Ник ладонями протер глаза. Кругом снова лежала мгла, нарушаемая изредка люминесцентными искристыми вспышками.

— Хакон! Посмотри туда! Там...

Ник скорее угадал, чем увидел чернеющий контур фигуры мальчика. Рукой он показывал в сторону выхода, но что он имел в виду под этим «там», Ник не знал. Дважды моргнув, он постарался собраться с мыслями.

— Я не вижу, — пробормотал он утрюмо.

— Здесь, держи! — Очки легли ему в ладонь.

Торопливо надев их, он обернулся в указанном направлении. Глаза шарили по местности, отыскивая так взволновавшее мальчика явление. Он готов был увидеть что угодно, но не увидел ничего, кроме песка и камней.

— Где же... — начал было он, но замолк. Он увидел *это*. А вернее — *их*!

Недалеко от окаймленной скалами расщелины лицом к тому, что когда-то было морем, стояла троица необычного вида существ. Туловища они держали чересчур прямо, головы держали высоко поднятыми. Вскинув бластер, Ник взял на прицел ближайшего из троицы. Его несколько удивила их неподвижность. Они, казалось, не дышали, и ветер не шевелил их пышные, лежащие локонами на плечах гривы. Они не были живыми! Сообразив это, Ник опустил оружие.

Вероятно, один из древних художников создал этот ансамбль из камня или другого материала. Статуи напоминали существ, что пытались окружить юношей в развалинах города, отличаясь разве что более величественными размерами и пропорциями. На фоне светлых и оранжевых скал тела их казались почти коричневыми, глаза сверкали подобно драгоценным камням. Может быть, этот блеск неживых глаз и придавал им такую реальность. Эта троица

кого угодно могла ввести в заблуждение. Береговые охранники, воздвигнутые здесь как символ власти, призванный отпугивать нечаянных пришельцев. Монумент в честь какой-нибудь давней победы...

Ник пригляделся. Там, за фигурами окаменевших существ, было еще что-то. Или кто-то... Тень от скалы закрывала этот участок, не позволяя рассмотреть толком находящееся за статуями. Вероятно, эта же самая тень недавно прикрывала фигуры троицы. Вот почему Ник увидел их только теперь.

— Мне придется выйти туда и взглянуть на кое-что, — сказал он.

— Но животные... они увидят нас! — возразил мальчик.

— Они действительно выглядят неплохо, совсем как живые, но это всего лишь подобие памятника. Зато недалеко от них, мне кажется, есть что-то более интересное.

— Я пойду с тобой, — заявил Вэнди.

Ник со смущением поглядел на путь, который должен был проделать лишенный «зрения» мальчик. Неровный склон, усыпанный острыми обломками скал. Даже зрячему здесь будет не так-то легко пройти без ссадин и синяков. Что же говорить о Вэнди? Они не могли разорвать очки пополам. И все же по решительному виду Вэнди, он понял, что мальчика не переубедить.

— Хорошо. Но это будет не совсем просто. — Сняв с себя очки, он протянул их Вэнди: — Постарайся получше запомнить местность.

Вэнди послушно осмотрел склон и вернул очки.

— Мы пройдем, — сказал он просто. Ник невольно позавидовал его уверенности. Привязав мальчика к себе длинной, оторванной от одеяла полосой, он выбрался наружу. Осторожно ступая, они двинулись в путь. Вновь подняв голову, Ник обратил внимание на то, что тень от скалы чуть-чуть сместилась. И теперь...

Он резким движением навел бластер, но удержался от выстрела. Высокое мастерство неизвестного скульптора вновь обмануло его. Действительно, позади статуй стояло

еще что-то, но и оно было лишь каменным произведением ваятеля. Темная неподвижная фигура.

Ник сделал еще один шаг и, прищурившись, затаил дыхание. Он готов был поклясться, что секунду назад фигура, которую он разглядел, была без головы. Сейчас же эта голова была на месте, и он тут же с ужасом убедился, что она поворачивается в их сторону. Большие выпуклые глаза внимательно осматривали скалы. Ник со вздохом утер взопревший лоб. Только сейчас до него дошло, что один из здешних хищников, тех самых, что они видели в руинах, использовал каменный постамент как высотный наблюдательный пост. Увидел ли он их?.. Ник за руку потянул Вэнди за ближайшую скалу. Ввязываться в схватку с вышедшими на охоту обитателями Диса у него не было никакого желания. С другой стороны, и здесь, между валунов и камней, сохранялась опасность встречи с ними. Вот если бы они находились на открытом месте, тогда бы Ник был спокоен за себя и за Вэнди. Пока в руках у них бластеры, любой замеченный хищник будет уступать им в силе. Главная задача — заметить это вовремя!

Шепотом он поведал Вэнди о том, что думает по поводу обнаруженных хищников. Он не сомневался, что зверь был не один. Пожалуй, им следовало покинуть эти гостеприимные скалы. На открытом пространстве бывшего морского дна они смогут с легкостью противостоять любой атаке. Единственное «но» заключалось в том, что, отрываясь от береговой линии, они рисковали заблудиться. Продукты у них подошли к концу. Дождевые лужи могли дать воду, но им нужна была пища. У Ника оставалась слабая надежда, что, оставаясь неподалеку от базы, они могли время от времени добывать пищу под носом у Оркхага. Удаляясь же в сторону моря, они теряли и эту слабую надежду.

Он снова посмотрел в сторону неподвижной фигуры. Она опять была безголовой. Этот факт и заставил Ника действовать. Объяснив Вэнди свои намерения, он решительно двинулся от скал по направлению к открытым равнинам. Выйдя на равнину, они пошли быстрее. Земля здесь была

более ровной, а главное — Нику не приходилось постоянно предостерегать Вэнди, предупреждая о трещинах и камнях. В спину им мрачноватыми светящимися глазами продолжали смотреть статуи. Дымка, еще недавно окутывающая землю, практически рассеялась, позволив им чувствовать себя увереннее. Ник решил идти в глубь моря, но тем не менее стараться не терять береговую линию из виду.

Спустившись ниже, они увидели проблески воды. Дождевые потоки образовали здесь целое озерцо, но, как ни странно, растительность селилась более скудно. Примерно через полчаса они миновали огромную скалистую возвышенность, поднимающуюся из середины озера. Когда-то вершина этой возвышенности, вероятно, была маленьким островком.

Не замедляя движения, время от времени Ник не забывал оглядываться. Два или три раза ему почудилось какое-то смутное шевеление у далеких камней. Возможно, кто-то шел по их следам и до поры до времени старался остаться незамеченным. Если это стая тех мохнатых зверушек, то здесь, на открытой низменности, они получают свое. В том обстоятельстве, что они покончили с остатками концентратов, было и свое маленькое преимущество. Отныне Нику не приходилось нести громоздкий узел. Одной рукой он помогал пробираться вперед Вэнди, вторую не снимал с рукоятки бластера. За время скитаний кое-какой навык в самообороне они успели приобрести.

— Хакон, у нас ничего не осталось из съестного? — Вэнди вслепую прикоснулся к его плечу. — Я голоден.

Ник машинально лизнул пересохшие губы. Последний раз они перекусили перед сном в той маленькой пещерке, оставшейся далеко позади. Вопрос о еде был сейчас, пожалуй, самым сложным. Нику уже не в первый раз приходила на ум мысль попытаться использовать в пищу кое-что из растительности на Дисе. И всякий раз он чувствовал при этом брезгливое отвращение. Оставалось еще мясо. Мясо хищников, которые, в свою очередь, пытались полакомиться двумя блуждающими путниками. Мысль эта также не приводила в восторг, но, когда приходится выбирать

между жизнью и смертью, с капризами желудка перестают считаться.

— Потерпи, — Ник постарался сказать это как можно спокойнее. — Что-нибудь мы обязательно найдем...

Крик Вэнди заставил его вздрогнуть. Нервы у обоих находились в натянутом состоянии. Чуть впереди на мелководье происходило маленькое сражение. Хлопая крыльями, опущенная грязным пером тварь атаковала что-то кружащее и плещущее в воде. Наконец одна из атак завершилась успехом. С судорожно извивающейся добычей в когтях тварь взмыла в воздух. Две другие тут же помчались вдогонку, стремясь, вероятно, заставить выпустить добычу. Удачливый охотник, испуская пронзительный клекот, метался в высоте, старательно избегая своих завистливых преследователей. Но тяжесть в когтях отвлекала его внимание. Ник увидел, как одна из тварей, набрав высоту, сделала стремительный рывок вниз. В попытке увернуться охотник неловко скользнул в сторону и с шумом столкнулся со своим преследователем. На миг в воздухе возник ком из трепещущих тел. Клубок дерущихся хищников, теряя перья, рухнул вниз, неподалеку от того места, где остановились Ник и Вэнди. Одна из тварей, отделившись от мешанины сплетенных когтей, внезапно кинулась на Ника. Слепая необузданная ярость ее маленького мозга бессознательно перекинулась на случайного человека. Она была уже совсем рядом, когда бластер Ника ударил коротким ослепительным пучком, отбросив существо на безжизненный песок. Подбежав к месту схватки, он склонился над тем, из-за чего, собственно, и разгорелось сражение. Чешуйчатое, очень похожее на рыбу существо, разве что с более массивной головой. Вовремя взглянув в сторону дерущихся, он едва успел отскочить. Одна из птицеподобных тварей, странно подволакивая подраненное крыло, пыталась броситься на него и промахнулась. Ник выстрелил в нее и быстро перевел оружие на последнего из хищников. Но тот уже улепетывал, высоко подпрыгивая и резкими взмахами крыльев пытаясь оторвать себя от земли.

— Хакон! Что происходит? Где ты?! — Вэнди не на шутку перепугался. Это слышно было по его голосу.

— Мы добыли себе пропитание, дружок. — Ник поднял с земли тяжелую тушку рыбыны. Рассказав Вэнди о драке пернатых, он дал мальчику прикоснуться к рыбе.

— Ты уверен, что ее можно есть, Хакон?

— Думаю, что да, — Ник постарался не выдать колебаний в голосе. Все, что они попробуют здесь, на Дисе, может оказаться ядом, но им надо было как-то жить, обходясь без концентратов. Когда-нибудь они все равно бы решились на этот шаг.

— Но как мы ее приготовим?

Ник ответил не сразу. У него самого не поворачивался язык, чтобы объяснить, что они вынуждены будут съесть ее сырой. Когда же он это сказал, Вэнди от удивления выронил рыбу на землю.

— Сырой?

— Но не здесь и не сейчас, — быстро добавил Ник. Он действительно не собирался начинать трапезу в месте, где в любой момент их могли атаковать другие хищники. Подвесив рыбу на пояс, он потянул Вэнди за собой.

Через сотню-другую шагов они пронаблюдали еще одну схватку на мелководье. На этот раз пернатых хищников было гораздо больше. Ник обратил внимание, что строением тела и размером крыльев они несколько отличаются от тех первых. Кроме того, он заметил, что, летая над водой, они стараются не касаться ее до самого последнего момента атаки. В движениях их просматривалась опасливая осторожность, словно озеро таило в себе некую угрозу. Это напомнило Нику о хищниках, которые могли преследовать их, хоронясь за камнями и песчаными дюнами. Он стремительно обернулся.

Расстояние до них было еще достаточно велико, но, видимо, покрытые густым мехом преследователи не считали более нужным скрываться. Двое из них стояли уже над трупом подбитой Ником твари и, приняхиваясь, скалили зубы.

— Пожалуй, нам следует поторопиться.

Ник беглым взором оглядел местность и кивнул на ближайшую возвышенность:

— Мы укроемся там.

День клонился к концу, и им действительно пора было задуматься о ночлеге. Цвета все больше тускнели, невидимое солнце покидало их, скрываясь за горизонтом. Он снова кинул взгляд на идущих по их следам. Их было уже больше. Стоя кружком, они поедали крылатого охотника, терпеливо уступая друг другу место возле туши. Это совсем не походило на ту дикую «трапезу», что еще совсем недавно Ник имел удовольствие лицезреть. Не было ни драк, ни дележки, ни грызни. Во всяком случае, эти меховые создания разительно отличались от обычных хищников. Ник хорошо помнил тот странный танец, которым они заворожили Вэнди. И кроме того... Ник кашлянул. Кроме того, они походили на те высившиеся среди камней и песка статуи. Может быть, в древности аборигены почитали этих животных настолько, что нашли уместным соорудить в их честь некое подобие мемориала? Ведь есть же на некоторых планетах животные, которых почитают священными и которые наделены правом неприкасаемости...

— Я не могу идти так быстро. — Вэнди заикался от усталости. Споткнувшись, он чуть не упал.

Понимая, как необходимо им найти убежище до наступления двойной тьмы, Ник торопливо подхватил его под мышки. До возвышенности было уже рукой подать. Задыхаясь, в несколько приемов они вскарабкались по осыпающимся откосам и устроились в конце концов под каменным козырьком огромного валуна.

Привстав, он оглядел с возвышенности открывшийся перед ним вид. Хищники с густым поблескивающим мехом по-прежнему неторопливо семенили по их следу. Ник не сомневался, что у него найдется, чем их встретить. Справа к возвышенности вплотную подходило озеро, слева был довольно крутой склон. Чтобы добраться до них, преследователям надо было или переплыть озеро, или взять штурмом эту высоту. Ник удовлетворенно присел. Во всяком случае, они нашли лучшее из возможных укрытий.

Отцепив рыбину от пояса, он достал нож и быстро очистил ее от крупной, поблекшей с наступлением тьмы чешуи. Нарезав беловатое мясо на ломтики, он со вздохом взглянул на сидящего в ожидании Вэнди:

— Если мы не хотим умереть от голода, нам придется приучать себя и к такой пище.

Глава 10

— Вэнди! Что с тобой, Вэнди?!

Придерживая мальчика за плечи, Ник с тоской ожидал, когда прекратятся жестокие конвульсии. Он никогда еще не видел подобных приступов. Чувство вины росло в нем. Те несколько кусочков рыбы, которые он дал Вэнди, казалось, содержали в себе тройную дозу яда. Но те же кусочки на самого Ника не оказали никакого пагубного воздействия.

Вэнди лежал ослабевший, негромко постанывая, а Ник, растерянный и испуганный, стоял над ним. Может быть, попытаться дать ему воды? Но не вызовет ли она новый приступ? Ник всерьез опасался, что еще один приступ окажется роковым для его юного спутника. Вернуться назад в убежище? В этом действительно была хоть какая-то надежда. Только там, на базе Оркхага, мальчику могли предложить лекарства и квалифицированную помощь. Стоило ли ему бояться опустившихся кораблей? Кто знает, может, на их борту находились сподвижники Лидса...

Голова Вэнди обессиленно перекатилась на его плечо. Присев рядом, Ник постарался устроить мальчика поудобнее. Придерживая Вэнди за затылок, он кинул нахмуренный взгляд в обступившую их со всех сторон ночь. Если он понесет Вэнди на руках, возвращаясь по собственным следам, он не сомневался, что рано или поздно повстречается с хищниками. А почему бы не предположить, что эта рвота лишь временное явление? Если он, Ник, чувствует себя прекрасно, значит, никакого яда не существует, и раз так, Вэнди должен вскоре почувствовать себя лучше.

Он вздрогнул. Как долго тянулся этот звук? Погруженный в свои мысли, он обратил на него внимание только сейчас. Ветер доносил обрывистый плеск снизу, со стороны озера. Высвободив правую руку, Ник вытащил из-за пояса бластер и выглянул, чуть приподнявшись над камнями. Было нетрудно увидеть источник звука. Черная понурая фигура двигалась вброд по отмели, пошатываясь, иногда падая и вновь подымаясь.

Человек!

На таком расстоянии Ник не мог разглядеть подробностей. Пока он видел лишь то, что человек был один. Внезапная догадка вспышкой высветилась в мозгу. Человек, движущийся в этом направлении, вполне мог быть тем самым пилотом подбитого флиттера. Приблизившись к песчаному откосу, человек поднял голову, рассматривая выросшее перед ним препятствие. Ник с облегчением убедился, что это не Оркхаг и не кто-то из его людей. Глаза человека прикрывали такие же очки, как у Ника. Вероятно, решив про себя, что в этом месте подъем непреодолим, человек заковылял вдоль склона, постепенно приближаясь к тому самому спуску, к которому в свое время вышли Ник и Вэнди. Ник видел, что движение дается ему с трудом. Цепляясь руками за камни, он то и дело останавливался, хватая широко распахнутым ртом ускользящий воздух. Настороженно наблюдая за приближением незнакомца, Ник прислонил успокоившегося Вэнди к валуну и с бластером в руках залег у самого края откоса.

— Хакон?

Пораженный, Ник быстро оглянулся на Вэнди, хотя был уверен, что голос принадлежал стоящему внизу мужчине. Привстав, он уставился в обращенное к нему лицо незнакомца.

— Капитан Лидс!

— Собственной персоной, малыш. Но, увы, не совсем целый. Боюсь, что тебе придется оказать мне небольшую услугу. Без твоей помощи я просто не доползу до вашего гнездышка. А укрытие нам всем понадобится, и очень скоро.

— Они идут за тобой?

— Идут. Правда, это не те, про кого ты думаешь. Это не Патруль. На этом адском Дисе есть свои охотники, и парочка из них, похоже, движется по моим следам.

Ник съехал вниз по песку. Подхватив капитана под мышки, он с усилием, бережно потянул его вверх.

— Ты тяжело ранен?

— Ерунда! Вывихнул ногу, когда навернулся на эту чертову планету. Ужасно не люблю чувствовать себя больным и беспомощным, а тут еще эти ночные твари. Один раз мне удалось отпугнуть их, но эти бестии не собираются терять надежду. У тебя есть какое-нибудь оружие?

— Два бластера. Правда, не знаю, много ли в них осталось энергии.

Лидс вскинул голову:

— Два бластера?! Отлично! Это, пожалуй, самая приятная новость, которую я узнал с тех самых пор, как покинул Корвар. Может быть, удача еще не совсем отвернулась от нас... Дела обстоят не слишком хорошо, малыш. Во-первых, Патруль засек меня на орбите и выслал за мной три корабля. Все эти дни я тщетно петлял и уворачивался от их атак... Дай-ка мне руку..

Кое-как они одолели подъем, и по тому, как тяжело дышал Лидс, Ник понял, что капитан держится из последних сил. Увидев примолкшего Вэнди, он грустно кивнул. Опустившись на землю, Лидс внимательным взглядом окинул окрестности.

— Вы выбрали самое лучшее место, ребятки. Любой, кто попытается стащить нас отсюда, окажется в пределах досягаемости ваших пушек. — Он покосился на Вэнди и шепотом спросил: — А что с ним?

Ник рассказал о взрывах, о беспамятстве Вэнди и, наконец, о том, как они отведали дисианской рыбы.

— Стало быть, у тебя больше нет продуктов, — задумчиво проговорил Лидс. — Видишь ли, я уже рассказывал тебе, что Вэнди заблокирован. Это достаточно серьезная вещь.

— Заблокирован? — Ник ничего не понимал.

— Да. Причем от всего постороннего: от незнакомцев, от пищи и тому подобного.

— Но он ел все то, что было в тех контейнерах, и прекрасно себя чувствовал!

— Это питание точно такое же, как на всех космических кораблях. Стандартный терранский рацион. От этого, конечно, они не стали бы блокировать его. Это тот минимум, который позволен его организму. Все остальное, включая и живность Диса, ему противопоказано.

— Да, но... — Ник замолчал, понимая всю беспомощность своих аргументов. С отчаяньем он припомнил, с какой безрассудной бездумностью оставил несколько банок вдавленными в расщелины одного из склонов. Это было еще в начале пути, и, торопясь, он использовал жестяные уступы, как ступени своеобразной лестницы. Тогда у них еще оставался запас пищи, и, кроме того, он всегда надеялся, что они сумеют добыть пропитание в пути. Теперь же он ясно видел, что в тех оставленных на склоне банках заключалась жизнь Вэнди.

— М-да... — Лидс навалился спиной на камень и поджал под себя больную ногу. — Проблемка не из веселых, но... думаю, выход у нас есть.

— Выход? — Ник с надеждой посмотрел на него.

— Патруль высадил десант и наверняка уже завладел базой. Если так, то теперь у них найдется время и для нас. Они могут выслать разведывательную экспедицию по нашим следам. И когда они доберутся до нас, мы поторгнемся с ними.

— Но каким образом? — в отчаянии воскликнул Ник. — Что мы можем им предложить?

— Вэнди. Сын военачальника в обмен на нашу свободу! Ты поступил разумно, выбравшись с базы. Удача вновь свела нас вместе, и это поможет нам выкрутиться из создавшегося положения. У нас есть мальчик, и не забывай об этом! Все наши кометы перевесили их жалкие звезды! Ты играл когда-нибудь в такую игру, Ник? Звезды и кометы?

— Нет, но...

— Это игра для тех, кто верит в случай. Я верю в него, но еще я верю в мастерство. Настоящий мастер должен уметь выбирать для себя врагов. Верный выбор обеспечит тебе знание всех их ответных шагов. Ты можешь загадывать наперед, а значит, и можешь управлять событиями! Я знаю, что патруль согласится на многое ради мальчика. Ничего не поделаешь, Вэнди задействован в крупной игре. Он — нечто вроде важного залога.

— Залога?

— Даже больше, чем залога. Гильдия не прочь была вывести его навсегда из игры. Эти Галларди прочно держатся за свою семейственность. Чистота крови и преемственность для них очень много значат. Мы знаем, что отец Вэнди держит ключевые позиции на Эбо. Он мешает Гильдии. И если он лишится сына, он лишится всего. Тем самым мы подтолкнем его к самоубийству.

— Но отец Вэнди мертв, — недоумевающе произнес Ник.

— Напротив, лорд Джеррел Наудин и Аркама живет нас с тобой. По крайней мере, по последним сведениям, чувствовал он себя вполне превосходно. Я слышал это от Искхага. Кстати, это он выплатил Гильдии кругленькую сумму за то, чтобы его избавили от мистера Аркама.

— Но тогда история, которую ты мне рассказывал вначале...

— Была всего лишь историей и довольно неплохой, если ты поверил в нее. — Лидс пожал плечами: — Поверь, наши ребята из Гильдии способны вытворять самые заковыристые штучки над человеческой памятью. Красивую сказку в меня записали, должно быть, чтобы я был пай-мальчиком, а заодно и для тебя. Я не более чем ты приветствую уничтожение детей. Но, как бы то ни было, все сложилось к лучшему. Пребывание здесь Оркхага и его мания величия не входили в наши планы, но он вынудил вас бежать и тем самым невольно спас от нагрянувших кораблей Патруля. Он свое получил. Получим и мы. Конечно, неприятно, что мальчишка заблокирован, но мы сможем держать его под замком до тех пор, пока Искхаг не добьется своих целей —

капитуляции гарнизона на Эбо. А тогда мальчишку можно будет отпустить. Я вовсе не желаю его смерти. — Лидс устало улыбнулся: — Все, что нам нужно сейчас, — это чтобы патруль поскорее вышел на нас. И тогда мы найдем о чем с ними потолковать.

— Но если они придут и пообещают выполнить твои условия, ты вернешь им мальчика?

Лидс рассмеялся:

— Неужели я выгляжу таким глупцом? А, Ник? Все будет несколько иначе. Мы не вернем им мальчишку, пока не получим корабли. И только оторвавшись от них, мы мирно и тихо отправим Вэнди в одну сторону, а сами поспешим в другую. Они помчатся за ним по сигналам своих локаторов. К тому времени, когда они догонят его, мы уже будем в безопасности. План, конечно, не без недостатков, но это лучшее, что приходит сейчас в голову.

— Лидс, но, пока они не вышли на нас, у Вэнди должна появиться какая-нибудь пища. Он может не дожидаться помощи...

Капитан прикрыл ладонью глаза. Молчал он, должно быть, минут пять, и Ник не тревожил его, давая время на раздумья. Все-таки присутствие Лидса намного облегчило его положение. Ответственность, которая до сих пор лежала на его плечах, теперь основательной своей частью перелегла на плечи капитана.

— Я выпрыгнул из флиттера, когда он уже пылал, — глухо заговорил Лидс. — На борту был кое-какой запас, но он сгорел вместе с аппаратом... Ты говорил, что оставил несколько банок в трещинах, когда вы карабкались по скалам. Пожалуй, сейчас, чтобы спасти Вэнди, это единственный способ достать годное для него питание. Конечно, Патруль мог уже прочесать тот район, но если двигаться осторожно...

— Ты хочешь, чтобы я отправился туда?

Лидс кивнул.

— Увы, из нас троих ты единственный способен на все. Я даже не спущусь с этого склона. Сейчас ты — единственный шанс этого паренька. Я буду ждать тебя здесь.

Должно быть, на лице Ника промелькнула тень сомнения. Слишком уж много неожиданных новостей сообщил ему Лидс. Капитан снова заговорил. На этот раз голос его звучал несколько торжественно. Он явно хотел, чтобы Ник поверил в его искренность.

— Клянусь чем угодно, что любая сделка, которую я совершу, будет иметь в виду нас обоих! Помни, шанс выкрутиться сейчас подарил мне ты. Поэтому мы выберемся из этой передрыги вместе. А если патрульные схватят тебя, скажи им правду о Вэнди и о том, где он находится. Они явятся сюда и вынуждены будут говорить со мной. Как бы то ни было, в этом деле мы для них — никто. Они охотятся за Искхагом, и, в случае чего, ты можешь даже намекнуть им, что я не прочь немного потрудиться в их интересах. Не очень-то мне по душе покрывать тех, кто отдает приказы об убийствах малолеток... Но это запасной вариант. Мне по-прежнему кажется, что ты герой из удачливых и вернешься благополучно.

Лидс наклонился к Нику и ладонью откинул упавшую на глаза юноши черную прядь.

— Если попадешься им в руки, скажи, что Вэнди не очень-то тут счастлив. Пусть поторопятся. Это устроит нас всех.

Ник сидел тихо, опустив голову. Лидс убедил его. Но поддаться его словам означало покинуть их здесь, на возвышенности, и отправиться в ночь, навстречу всему тому, что оставили они позади. Кроме того, он все еще в душе сомневался в правдивости очередной услышанной от капитана истории. Он поверил ему и тогда, на Корваре. А ведь речь шла о самом важном для него — новом лице!

Лидс словно услышал его мысли:

— Ты ведь не хочешь вернуться в свою прежнюю жизнь, Ник?

Юноша вскинул загоревшееся лицо:

— Но ведь у нас ничего не вышло! Весь план развалился. Гильдия палец о палец не ударит теперь, чтобы как-то помочь мне!

Он с напряжением ждал, что скажет на это капитан, и капитан не собирался отмалчиваться:

— Напротив! План действительно полетел к чертям, но разве по твоей вине? Ты делал свое дело честно, как обещал, ты сохранил для нас Вэнди. Гильдия может злиться на Оркхага, но только не на тебя. Я тоже собираюсь замолвить словечко за Ника Колгерна, так что Гильдии придется выполнить свое обещание. Но если мы будем сидеть здесь и дальше, мы потеряем Вэнди и, стало быть, потеряем все. — Лидс качнул головой: — Это и в твоих интересах, как видишь. Ты выполнишь свою часть сделки, Гильдия — свою.

Ник и без того видел, что ничего другого ему не остается. Лидс разложил все по полочкам, но главное Ник знал и без него. Вэнди не мог долго оставаться без пищи. Капитан не мог самостоятельно передвигаться, значит, задача возлагалась на него — Ника Колгерна. Подняв голову, он угрюмо всмотрелся в черноту ночи. Очки на глазах ненамного улучшали видимость. Он все еще не оправился после трудного дня, а усталый человек делает ошибки сплошь и рядом. Он хуже слышит и видит. Так что поход предстоял нелегкий. Если он погибнет, пользы не будет ни ему, ни Вэнди.

— Я пойду утром, — пробормотал он.

— Прекрасно! — Лидс не собирался спорить. Для него тоже было очевидно, что идти ночью, со слипающимися от усталости глазами, невозможно. — Вполне возможно, что к утру они сами выйдут на нас. Таким образом, вопрос решится сам собой.

Пошевелившись, Вэнди привстал на локотках.

— Хакон... — Он говорил сиплым шепотом.

— Я здесь, — отозвался Ник.

— Я хочу пить...

Лидс отстегнул от своего пояса флягу и протянул Нику:

— Это вода из озера.

Приподняв голову Вэнди, Ник поднес к его губам флягу. Сделав несколько торопливых глотков, Вэнди снова прилег.

— Болит, — сказал он. — Вот здесь, в груди. Наверное, я очень сильно отравился.

Ник наклонился над ним:

— Это пройдет. Попытайся заснуть.

Но Вэнди по-прежнему не закрывал глаза. Наоборот, он снова чуть привстал.

— Здесь кто-то есть... Кроме тебя. — Он обернул лицо в сторону Лидса, и глаза его расширились. Он словно пытался проникнуть взором сквозь плотную мглу. — Он здесь! Рядом!

— Да, — сказал Ник. — Крафт капитана Лидса потерпел крушение, но он сумел добраться до этого места.

— Капитан Лидс, — хмуро повторил мальчик. — Он один из тех людей, из тоннеля...

— Он не из них, Вэнди. Он тот, кого мы ждали.

Опершись на руку Ника, Вэнди порывисто сел.

— Он один из тех! — выкрикнул он обвиняюще.

— Нет, — быстро возразил Ник. — Ты ошибаешься. Капитан Лидс прилетел сюда с намерением освободить нас. Он наш друг, Вэнди.

— Но он был одним из тех, что...

Речь Вэнди походила на горячечный бред, и Ник успокаивающе поглаживал его по руке. Нужно было во что бы то ни стало переубедить мальчика, иначе он просто не захочет оставаться с Лидсом один на один.

— Поверь мне, ты ошибаешься. Он только казался таким, но сейчас он хочет помочь нам. Помнишь, мы ждали его прибытия? Но за ним тоже была устроена погоня. Его ранили, и он, как и ты, не может идти далеко.

— Хакон! — Вэнди повернулся к Нику, и глаза мальчика почти встретились с его глазами. — Ты можешь поклясться в этом — Тремя Словами?

Ник почувствовал, что краска заливает его лицо. Несмотря на все произошедшее с ними, этот мальчик по-прежнему цепко держался за свои фантазии. Мир грез был его последним прибежищем и бастионом. Одним из камней этого бастиона продолжал оставаться он, Ник-Хакон. И, отвечая, он должен был говорить горячо и искренне.

— Я клянусь тебе в этом Тремя Словами!

— Теперь ты веришь мне, Вэнди? — спросил Лидс, и Ник уловил в его голосе знакомые с Корвара очаровывающие нотки. — Хакон сообщил тебе правду. Я пришел сюда, потому что хотел помочь вам. Но я попал в переделку, чего никак не ожидал, и потому тоже на время вынужден хорониться в укрытии, вроде вашего. Теперь, мой мальчик, нам придется продержаться здесь какое-то время вдвоем.

— Хакон! — Пальцы Вэнди вцепились в плечо Ника. — Ты собираешься куда-то уйти?

— Как только наступит утро, я отправлюсь на разведку. — Ник не знал, стоит ли говорить Вэнди о той блокаде, что препятствует нормальному питанию мальчика. Если до сих пор Вэнди ни словом не упомянул об этом и безропотно попытался съесть часть рыбы, не стоило и пугать его.

— Зачем? — Вэнди все еще держался за него.

— Мы должны быть осведомлены о всех передвижениях противника, — ответил он. — Капитана Лидса могли проследить до самого озера.

Прозвучало это не совсем убедительно, но лучшего он не сумел придумать.

— Разведка может очень помочь нам, — поддакнул Лидс. — Кроме того, Хакон попытается найти кое-что из продуктов, которые мне пришлось оставить из-за своей ноги.

Вэнди с тяжелым отчаяньем вздохнул.

— Но это... это ведь не сейчас, а только утром?

Хватка его ослабла, и Ник с готовностью кивнул:

— Утром.

Глава 11

Ник шагал, с трудом преодолевая желание обернуться. Возвышенность с Вэнди и Лидсом осталась за спиной. Перепрыгивая через пересохшие русла недавних дождевых потоков, он настороженным взглядом окидывал лежащий впереди путь. На этой планете солнечных восходов не существовало. Воздух просто становился светлее, и более гу-

стой, чем обычно, туман напоминал о том, что наступило утро. Несмотря на дымку, обзор был вполне достаточный. Во всяком случае, Ник не сомневался, что успеет вовремя заметить опасность. В определенной степени туман играл ему на руку, позволяя незаметно проделать большую часть своего пути. Оглядывая проплывающий мимо ландшафт, он пытался представить себе этот мир до катастрофы. Конечно же, здесь были моря и реки, шумели населенные города, и жители, обладая совершенно иным зрением, безусловно, видели солнце, окружающие их горы, равнины. Этот мир был для них таким же ясным и чистым, как для большинства обитателей Галактики их родные миры. Уже только из своих беглых наблюдений Ник делал вывод, что цивилизация, обитавшая на Дисе, достигла достаточно высокого уровня развития. Они воздвигали города, сооружали величественные памятники. Возможно, кое-кто из прежних жителей этих городов до сих пор уцелел в глубинах катакомб. Их можно было только пожалеть. Лишившись практически всего, они вынуждены были владеть жалкое существование. Разговорившись этой ночью с капитаном, он попытался вытянуть из того что-нибудь об этой загадочной, окутанной вечным мраком планете. Но Лидс оказался никудышным источником сведений. Он знал лишь, что открытие Диса произошло случайно, и открыли планету не изыскатели, а вольные торговцы, которые рыскали по всему звездному небу в надежде наткнуться на перспективные планеты. А поскольку открытие произошло в неофициальном порядке, то и в каталоги планета не попала. Однако Гильдии Дис был известен, так как все вольные торговцы почитали за честь хорошие отношения с Патронами воровского сообщества и, не скупясь, делились ценной информацией. Таким образом, Дис постепенно превратился в один из центров нелегальной торговли. Чуть позже в одной из экспедиций, в которой принимал участие и Лидс, было открыто то самое место, где сейчас располагалась база. Гильдия с радостью ухватилась за шанс использовать фактически готовое укрытие. Небольшая модернизация внутренних помещений, и на свет появилась знакомая

Нику база — опорный пункт Гильдии на Дисе. Тоннели и их зубастые жители воровское сообщество не интересовали. Напротив, многие относились к черным ночным загадкам Диса с явной опаской. С изобретательностью истинного члена Гильдии была в скором времени придумана и своеобразная мера наказания. Провинившегося человека выставляли за дверь без очков и без оружия. Участь его была заранее предрешена. Никаких же особых исследований планеты, по утверждению Лидса, не проводилось. Таким образом, и торговцы, и все прочие, посещающие планету, фактически знали лишь очень небольшую ее часть... Ник снова в который раз с сожалением подумал, что, если бы Вэнди не был заблокирован, они вполне смогли бы прожить в этих суровых условиях. Впрочем, нужно ли это было самому Вэнди? Теперь-то он знал, с какой целью прибыл Патруль. Мальчика увезли бы обратно к яркому солнцу, вкусной пище и теплым морям. Участь скрываться и обороняться ему не по праву...

Обострившееся за время пребывания на Дисе чутье подсказало Нику, что что-то впереди не так. Остановившись, он положил ладонь на рукоять бластера. Куст слева от его маршрута выглядел более чем странно. Приглядевшись повнимательнее, Ник понял, в чем заключалось его отличие. Растительность, виденная им до сих пор, как правило, флуоресцировала, источая слабое свечение зеленоватого или багрового оттенка. Этот же куст был желтоватого теплого цвета. И... цвет чуть заметно перемещался!

Сначала желтизна находилась слева ближе к земле, но через несколько секунд она передвинулась чуть выше, оказавшись в средней части куста. Ник проследил, как медленно желтый цвет пересек весь куст и сосредоточился в правой половине. И дело было не в цвете. Ник был почти уверен, что нечто меняло свое положение за кустом, а может быть, перемещалось и в гуще его мясистых листьев.

Ник проделал несложный эксперимент. Быстрыми шагами он обогнул куст и замер, наблюдая за реакцией цветковых пятен. Он не ошибся в своем ожидании. Свечение

вновь пришло в замысловатое движение, пытаюсь угнаться за шагом Ника.

Глядя на этот куст, он ощущал растущее беспокойство. Но почему какое-то перемещающееся свечение так взбудоражило его? Мало ли здесь разных тварей... Правда, эта тщательно избегала его взгляда, продолжая оставаться невидимой. Ник вопросительно посмотрел вдаль, где стояли похожие кусты, и вздрогнул. Он увидел то, чего смутно ожидал. Таинственное сияние исходило и от других кустов. Это походило на множество глаз, в упор разглядывающих остановившегося перед ними человека. Он мог бы отойти к обрыву — только таким образом он в состоянии был обойти все эти загадочные кусты стороной. Был и более простой выход. Одним легким нажатием он мог испепелить подозрительный кустарник, но ему не хотелось совершать небдуманное нападение. Могло оказаться так, что то живое, что селилось среди этой растительности, было вполне безобидно. Ник повернул голову.

Свист тонкий, почти неслышный, долетел до его сознания. Некий призыв, отозвавшийся в мозгу пульсирующей болью. И еще раз — словно ржавый длинный нож прошелся смычком по его нервам. Теперь все эти сияния и огоньки замерли, уподобившись чужому и неприятному пристальному взгляду. Ник понимал, что в любой момент можно ожидать атаки. Были ли это хищники, покрытые мехом, или какие-то другие неизвестные ему твари, он не знал.

Шагнув к обрыву, он в нерешительности остановился. Если он двинется вдоль пропасти, у него будет не слишком-то завидная позиция. Но не торчать же ему на одном месте весь день!.. Внезапно каким-то единым интуитивным всплеском он осознал, что сейчас они начнут! Он не смог бы объяснить, как он это понял, но, не задумываясь, подчинился внутреннему порыву и прыгнул на открытое пространство.

Кусты дрогнули, и скрывающиеся до последнего момента существа оказались в поле зрения. Они двигались стремительно, сначала на четвереньках, потом разогнув

свои скрюченные тела. Ник ожидал, что это будут животные, но это были *люди!*

— Нет! — Он отшатнулся назад. Нападавшие бежали беззвучно. Это были не бандиты Оркхага и не патрульные. Голые эфемерные создания, вооруженные камнями и дубинами. Глаза их бессмысленно сверкали, руки с оружием были воздеты над головами. Ник нажал на спуск почти бессознательно. Владелец дубины, усеянной шипами, рухнул на землю, и одновременно с его падением в мозг Ника ударил все тот же устрашающий свист. Руки его задрожали. Он не способен был бы выстрелить еще раз. Впрочем, этого и не понадобилось. Еще один из нападающих нерешительно остановился возле тела упавшего собрата. Замерев над распростертым на земле человеком, он покачивался из стороны в сторону, и ноздри его широкого приплюснутого носа слегка подрагивали. Дикарь словно пытался привыкнуть к незнакомому запаху. Только сейчас Ник получил возможность как следует разглядеть его. Рельефная мускулатура говорила о силе этих голых людей. И в то же время выглядели они чересчур истощенными. Бледная светящаяся кожа туго обтягивала кости. Поглядывая в сторону Ника, дикарь сдержанно рычал, и при этом губы его широкого рта чуть приподымались, обнажая крупные заостренные зубы. Глаза у дикаря были так глубоко посажены, что Ник видел лишь затаенный блеск из глубины темных впадин.

Отбросив тяжелый камень в сторону, дикарь вырвал из рук мертвого дубину. Качнув ею раза три или четыре, он удовлетворенно рыкнул. Его собратья, которые стояли между кустов, не решаясь приблизиться, отозвались завистливыми возгласами.

Напрягшись, слыша свое громко стучащее сердце, Ник ожидал в любую секунду повторного нападения. Но дикари были научены первым горьким опытом. Завладевший дубиной, оскалившись, начал медленно отступать. Они скрылись, как и возникли, в одно мгновение растворившись среди разлапистых кустов.

Ник обессиленно опустил руку с бластером. Кто они, эти вышедшие из леса люди? Представители угасшей ци-

визации, люди, не угодившие Оркхагу и выставленные вон с базы? Ник следил, как множественное сияние перемещается в глубине кустарника. Они и не собирались отказываться от своих намерений. Удалившись от места схватки, они тут же заняли новую исходную позицию, вытянувшись вдоль всего пути, который суждено было ему одолеть. Прямая атака оказалась неудачной, и теперь они готовились атаковать из засады.

Он мог сделать крюк, спустившись с обрыва и поднявшись чуть дальше. Но почему он должен их бояться? Эта одичавшая горстка первобытных людей была бессильна против его бластера. Ник с досадой и некоторым недоумением покосился на свое мощное оружие. Он искренне хотел бы избежать еще одной подобной схватки. Но сознавали ли они, что свечение их тел обнаруживает все их племя перед любым врагом? Вероятно, нет. Может быть, это объяснялось особенностями здешнего зрения, а возможно, доминирующим началом на этой планете был запах или слух.

Ник глазами отмерил дистанцию до открытой прогалины. Он мог попытаться добраться до нее и несколько иным путем. Дорога вдоль скал также выводила его к цели, но в этом случае он должен был почти соприкоснуться с этими туманными пятнами света. Надежда была на внезапность и скорость. Решившись, Ник рысью устремился вперед, пригнув голову, стараясь часто и глубоко дышать. Маневр его удался. Они явно не ожидали, что он помчится, обойдя их со спины. Пятна света тоже пришли в движение, но они торопились не за ним, а по направлению к скалистой береговой линии. Видимо, они решили, что цель его — скалы. Остановившись, Ник смотрел, как обнаженные фигуры быстро карабкаются вверх. Он не очень понимал, что они задумали: перехватить его наверху, если он туда ползет, или, забыв о нем и своем мертвом товарище, отправиться на поиски другой добычи? Ник с благодарностью прикоснулся к очкам. Без них он был бы здесь беззащитен. Неторопливо шагая, он постепенно успокаивал после недавнего

своего броска дыхание и сердце. Ему лучше было поберечь свои силы на оставшийся путь.

Перед ним открылось то самое место, где крылатые твари дрались из-за рыбыны. И где-то здесь же он видел хищников, покрытых мехом. Прежде чем продолжить движение, Ник внимательно осмотрел местность. Ничто не внушало тревоги. Повинуясь какому-то смутному чувству, он обернулся к оставшимся позади скалам. Человек с дубинкой стоял почти у самой вершины и, в свою очередь, смотрел вслед уходящему от них чужестранцу. У Ника появилось сильное подозрение, что дикари вовсе не отказались от задуманной ими охоты. В этом устремленном на него взгляде чувствовался затаенный смысл. Ник отвернулся.

Миновав кучу аккуратно обглоданных костей, он поморщился. Чтобы сократить путь, он будет теперь двигаться дном моря. Здесь он ничего не опасался. Но вот когда начнутся руины... Самое место для засады! Он слишком плохо их знал, чтобы заранее продумать свой маршрут. К разлому придется добираться по прежним ориентирам. В противном случае он просто рисковал заблудиться.

Грубый гравий под его ботинками скрипуче проскальзывал. Этого не было раньше. Нюанс, над которым Ник мимоходом задумался. Почва под ногами стала заметно суше, и, стало быть, вода действительно довольно быстро покидала эти места. Возможно, в периоды между дождями здешний ландшафт превращается в раскаленную пустыню. Как бы там ни было, но двигаться стало намного труднее. Ноги начинали увязать в песке, в ботинки то и дело набивались мелкие камушки. Прислушавшись к своим сипящим легким, Ник померил темп ходьбы.

Двигаясь берегом озера, он заметил, что оно здорово обмелело. В воде уже не видно было какого-то беспокойного движения. Он не очень удивился, когда на одной из отмелей увидел поблескивающий металлом корабль. Нечто похожее на летательный аппарат... Недолго думая, Ник устроил себе передышку. Желудок настоятельно требовал пищи, и, подобрав увесистый камень, Ник после несколь-

ких попыток подбил тварь отвратительного вида. Зубастая пасть, головка птицы, крылья и покрытое чешуей тельце. Подавляя в себе отвращение, он содрал с нее кожицу и, давась, начал есть. Так или иначе, пища была всего лишь топливом, в котором нуждался его организм. Пока он здесь, на Дисе, ему придется примириться с этим.

И снова шелестел под ногами темный песок. Ник двигался, понемногу приближаясь к скалистому рифу. Он уже решил, что устроится там на ночлег. Ноги его заплетались, мысли путались в голове, удивляя его своей несуразной незавершенностью. Мелькали какие-то слова, названия, и Ник не мог понять их ускользающего смысла. Подняв руку, он прикоснулся к темени. Опять эта пульсирующая боль. Она о чем-то ему напоминала... Диссианцы! Он остановился, пораженный этой догадкой. Медленно, слегка пошатываясь, обернулся, чтобы взглянуть на камни береговой линии. Там было пусто. Но ведь они могли и спрятаться. Явилась же к нему откуда-то эта тупая боль!..

Риф. Зубчатый островок среди однообразных долин. Ник смотрел на него почти с вожделием. Поневолу заторопившись, он упал и не сразу поднялся. Сказывалась усталость всех этих последних дней. На короткий миг к нему пришла мысль, а не заболел ли он? Может быть, Вэнди действительно отравился тогда? Это объяснило бы его нынешнее состояние. Ник смутно подозревал, что не в одной усталости дело. Что-то тут было еще... Почти в забытьи он повернул назад, к возвышенности, на которой оставил Вэнди и Лидса, но вовремя опомнился. Встряхнувшись, он с надеждой устремил взор к близкому рифу. Спрятаться в его скалах и передохнуть. Только бы добраться туда!.. Рукой он машинально утирал мокрое от пота лицо. Один раз таким нечаянным движением он сбросил с себя очки и тут же закричал от ужаса. Это было бы самым страшным — очутиться в полной темноте. Руками он зашарил вокруг себя и чуть не заплакал от радости, когда пальцы его нашарили выпуклые линзы. Он почти не отдавал себе отчета в том, что происходит. Им двигала лишь одна мысль: как можно

скорее добраться до рифа и укрыться в какой-нибудь расщелине.

Остаток пути для него прошел как в тумане. Очнулся он, лишь когда добрал до подножия рифа и, остановившись, тупо уставился на вздымающуюся перед ним каменную стену. Если бы он в силах был забраться чуть выше!..

Блуждающий взгляд Ника скользил по отвесным скалам. Вспышки, множество вспышек, глаза, выжидающие и оценивающие степень его усталости. Приступ страха вывел его из оцепенения. Увязая ногами в шуршащем песке, он поплелся вдоль камней, отыскивая подходящее укрытие. Мимо проплыли кости какого-то пресмыкающегося. Наверное, он был поблизости от той пещеры, в которой они укрывались с Вэнди. Тогда он убил какую-то подбирающуюся к ним тварь. Может быть, эти кости принадлежали ей? Еще чуть вперед. Руки его наткнулись на валун, возле которого он, вероятно, дежурил двумя днями раньше. Он слышал собственное шумное дыхание, заглушающее все шорохи и звуки вокруг. Сейчас он не смог бы услышать даже не очень осторожно приближающегося хищника. Глаза тоже отказывались служить ему.

На ощупь он отцепил от пояса бластер и положил его перед собой. Лишь крохой своего сознания он продолжал цепляться за окружающее. В этом окружающем что-то было не так. Ник не мог понять, что же с ним происходит. Не было явной причины, чтобы настолько устать и не контролировать свои чувства. Это началось с того самого момента, когда он услышал тот пугающий свист дикарей. Ник с мычанием потер лоб и до боли вдавил в глазницы непомогающие очки. Нет! Он не должен нечаянно их сломать! Ник испуганно отдернул руку.

Он лежал, всхлипывая, в полной мере сознавая свою беспомощность. Он был в пещере, и перед ним лежал бластер, но он не мог сказать сколько-нибудь определенно, как долго он сумеет здесь продержаться. Его голова безвольно упала на руки, и он поплыл тяжелым, брошенным всеми кораблем, увязая в густом тумане, который с каждой

секундой обволакивал его все больше и больше. Пульсирующая боль спустилась от затылка по позвоночнику вниз, конвульсии сотрясали его тело, ударив о камни столь сильно, что на минуту заставили его очнуться. Открыв глаза, он разглядел приближающуюся к нему тень. Приподняв оружие, он с силой надавил на спуск.

Луч прорезал тьму, пронесся над головой лазутчика. Тень в нерешительности остановилась. Ник двинулся ей навстречу. Он должен был встретиться с ними в открытую. Только тогда у него оставался шанс уцелеть.

Глаза... Вокруг снова были их глаза. Сияние, излучающее угрозу. Он не мог их сосчитать — одна пара, две, три... Они кружились вокруг него, танцевали, описывая в воздухе огненные круги. Ник закричал. В голове снова сверкнуло знакомой пульсирующей болью. Теперь он знал, что во всем были виноваты эти глаза. Они вызывали боль, заставляли его корчиться на земле. Неожиданно ему подумалось, что свет, который он увидел, не мог принадлежать этим глазам. Он был вне их, и в нем заключалось спасение!

Оттолкнувшись от скалы, Ник пополз, загребая песок руками, прямо на свет. Там ждал его конец кошмарам. Ему надо было только добраться до источника света. Ругая себя за беспомощность, он напрягал последние уходящие силы.

Глава 12

Свет уплывал вдаль от него!

— Подождите! — Крик Ника оглушил его самого. И свет или то, что скрывалось за ним, внезапно остановился. Ник не задумывался о его происхождении. Он уверовал в то, что только те, невидимые за светом, могли выдернуть его из царства бредовых видений. И он торопился к ним, не обращая ни на что другое внимания.

Он полз, хотя временами ему чудилось, что он бежит, совершая гигантские прыжки. Свет, разбившийся на два огненных прищуря, терпеливо ждал его приближения. Шатаясь, Ник сделал попытку подняться, и в этот момент на

него обрушилась волна ужасного прозрения. Ведь где-то он уже видел подобное! Хищник, огоньками подманивающий жертву... Он выступал сейчас в роли жертвы. Свет был обманом, и ни чем иным!.. Ник ощутил незнакомый запах, и в следующий миг на него напали. Живое тяжелое обрушилось на его плечи, выбив из рук бластер. Пульсация в голове заставила Ника вскрикнуть. Барахтаясь на земле, он тщетно боролся с навалившимся на него дисцианцем. К его удивлению, руки, цепляющиеся за его шею, оказались достаточно слабыми. Придавив его своей тяжестью к земле, противник тем не менее не в состоянии был использовать свое преимущество. После нескольких отчаянных рывков Нику удалось сбросить его с себя. Усевшись, он хватал широко раскрытым ртом воздух и не пытался атаковать его снова. Проследив за его перепуганным взглядом, Ник увидел, как широкой шевелящейся массой со скал рифа сползают существа, напоминающие самые жуткие из его видений. Они уже окружили их, и кольцо движущихся тел неуклонно сжималось. Издав вопль, Ник почти бессознательно бросился на ближайшее чудовище. Это было лучше, чем сидеть и ждать надвигающейся смерти. Острые когти впились в его лицо, и болезненный всплеск потушил его сознание крохотным поворотом невидимого выключателя.

...Как долго можно пробывать в состоянии оцепенения? Первое чувство очнувшегося «я» — это чувство растерянности. Единственное, в чем Ник был уверен, — это в том, что он жив. Память не торопилась приходить к нему на помощь, и в равной степени можно было предполагать любые, даже самые фантастические вариации его прошлого. Шаг за шагом он покидал царство небытия, смутно понимая, что пробуждение не сулит ничего хорошего. Именно это понимание и подсказывало ему не шевелиться и не тропить события.

Как когда-то на Корваре, через слух и другие нечаянные ощущения он пытался проанализировать сложившуюся ситуацию. К тому факту, что он жив, прибавилась интри-

гующая деталь: воздух, проходивший через его легкие, был чист и сух. Он не вызывал кашля, одышки и сердцебиения. Может быть, благодаря этому прохладному освежающему воздуху он и пришел в себя...

База!.. Это слово всплыло в его памяти одновременно с искаженным лицом Оркхага. Только на базе он мог бы дышать так свободно и легко. Но если база в руках противника, значит, отныне он пленник.

Ник сделал попытку пошевелиться и не очень удивился, что тело не подчинилось ему. Мысль о плене превратилась в уверенность. Слева от себя он расслышал ритмичное пощелкивание. Это походило на работу какого-то механизма. Несколько минут он вынужден был прислушиваться к этим бессмысленным щелчкам. Он по-прежнему был слеп и недвижим. Что же с ним произошло?

Он помнил риф, до которого он добрался, свет, выманивший его наружу и оказавшийся взглядом дисианца. А дальше появились чудовища. Он кинулся на них и... Вероятно, нынешние обитатели базы оказались свидетелями этой схватки и вовремя вмешались в нее, чтобы не допустить гибели Ника. Им нужен был Вэнди, но добраться до мальчика мог им помочь он — Ник Колгерн.

Он попытался облизать сухие губы, но не смог сделать и этой малости. Паралич был полным. Послышались голоса и шаги, приближающиеся в его сторону. Двое подошли к нему и остановились возле. Тишина становилась для Ника невозможной.

— Потрясающе! — Голос говорившего был с едва уловимым акцентом. — Конечно, такого мы не могли предвидеть.

— Все невозможно предвидеть, командер. Совершенство — одно из недостижимых состояний. В данном случае можно сказать одно: результаты, которые мы получили из найденной записи, отнюдь неплохи. Ты ведь видел ее. Увы, было ошибкой ограничить круг общения мальчика. Он выдумал себе друга, и вот этот друг перед нами.

— Да, это и есть тот самый мифический Хакон.

В последней фразе прозвучала недвусмысленная угроза.

— Не торопись. Не надо забывать, что это наша единственная ниточка к мальчику. Пока нам известно лишь то, что он вывел отсюда Вэнди незадолго до нашего появления.

— Но вы нашли его наверху одного!

— Мы нашли его, когда он, по всей видимости, возвращался на базу.

— И что из этого?

— Он спрятал нашего юного подопечного. Это несомненно! И теперь пришел сюда для переговоров. Эти синелицы подонки Оркхага прекрасно сознают, что на руках у них крупный козырь.

— И мы будем торговаться с этим отребьем?

— Командер, мы можем оказаться в безвыходном положении. Эта планета исследована весьма скверно. Мы имели один след, но и тот оборвался. Слишком уж отвратительный здесь климат. Если воспользоваться машинами, мы, конечно же, рано или поздно найдем мальчика, но не забывайте, что он заблокирован. Сомневаюсь, что у них достаточно пищи. Он может умереть, не дождавшись нас.

— Значит, ты предлагаешь пойти с ними на сделку?

— Нам нужно сохранить мальчика, командер. Это наша главная задача.

— А потом?

— Потом мы твердо будем придерживаться буквы закона. Что касается этого юноши, то, скорее всего, он лишь одна из подставных фигур, орудие в руках подобных Оркхагу.

— Подумать только! — В голосе говорившего послышалась ярость. — Торговаться с ворьем!.. Но, вероятно, ты прав. Мы переговорим с ним прямо сейчас?

— Разумеется.

Стягивающие его тело путы пропали. Ник открыл глаза и увидел стоящих перед ним людей. Одного из них он тут же определил в офицеры Патруля. На нем была черная форма, и грудь украшала двойная бриллиантовая звезда

командующего эскадрой. Второй человек был так же черноволос, как сын военачальника, на его загорелом лице читалось нескрываемое презрение. Обряжен он был ярче, чем патрульный офицер. Расшитый узорами темно-красный плащ, сверкающие остроносые сапоги. Несмотря на красноречивый взгляд смуглолицего и его дрожащие губы, Ник отчего-то ощутил страх не перед ним, а перед невозмутимым офицером. От военного веяло холодом и силой.

Человек в пестром плаще заговорил первым:

— Где мальчик?

Вопрос прозвучал как выстрел. Ник облизал сухие губы и неуверенно поднялся. Отчасти он успел успокоиться. Все развивалось так, как и предвидел Лидс. Вэнди превратился в разменную монету, на которую они должны были выкупить собственную жизнь.

— Вэнди в безопасности. Пока.

— Я спросил, где?

Ник еще не отошел от своего замороженного состояния и потому не сумел увернуться от удара. Он пришелся в челюсть и чуть было не вернул юношу назад, в наполненное туманом бессознательное подпространство. Когда дымка перед его глазами рассеялась, он увидел, что офицер держит за руку мужчину в плаще.

— Пожалуй, так вы от него ничего не добьетесь.

Ник с надеждой взглянул на офицера. Он мог сейчас взывать лишь к его логике. Человек в красном выглядел взбешенным.

— Вы правы. Я пришел сюда не за этим.

— Но ты знаешь, где Вэнди, верно? Тебя послали сюда заключить с нами сделку?

Ник не спешил поддакивать. Вытерев рукавом струйку крови, просочившуюся из разбитых губ, он мрачно сказал:

— Кто вам сказал это? Я пришел за продуктами. Мальчик не может обходиться без пищи. Впрочем, как и вы.

— Что?! — Человек в плаще ринулся на него, но офицер торопливо встал у него на пути:

— Спокойно, командер! — Он обернулся к Нику: — Итак, у вас кончилась еда?

— Совершенно верно. Подножный корм не годится Вэнди, вы это сами знаете.

— Но тогда верните его нам, черт подери! — взорвался командер. — Зачем он вам?

Ник мог бы объяснить это в двух словах, но он предпочитал говорить с представителем патрульной службы.

— Почему вы убежали с базы?

Вопрос был столь неожиданным, что Ник сказал офицеру правду:

— Они... они хотели убить его.

— Кто «они»?

Ник не видел причины скрывать их нехитрую предысторию.

— Инопланетянин. Его зовут Оркхаг. Кажется, он командовал здесь.

— М-да... А чего добивался ты? Ты знаешь на этой планете другое укрытие?

— Нет. — Ник помедлил. Рассказывать то, что не касалось непосредственно координат мальчика, было безопасным вариантом разговора. Кроме того, всю эту информацию они вполне могли вытянуть из него с помощью сканирующих машин.

— Продолжай. Ты выбрался с мальчиком на поверхность планеты, чтобы спрятаться. Но на что ты надеялся?

— Я ждал, что рано или поздно прибудет кто-нибудь, кто переубедит Оркхага.

— Раскол в рядах Гильдии? — Офицер недоуменно приподнял брови и хмыкнул: — Что ты знаешь об этом?

— Очень мало. — Ник с осторожностью подбирал слова. — Но Оркхаг действовал вопреки полученным мною инструкциям.

— Инструкции? Интересно...

Ник взглянул в глаза офицера и понял, что догадка его близка к истине. Они наверняка уже просканировали его. Все, что он им рассказывал, было своеобразной проверкой его полномочий.

— Охранять мальчика. — Ник помешкал. — Мы знаем, что в Вэнди заложена секретная информация.

Командер шагнул к нему:

— Информация? У Вэнди? Но у мальчика ничего подобного нет. Ты лжешь!

Офицер чуть повернул голову. Ник быстро проследил за его взглядом. Машина, издающая то самое монотонное пощелкивание, стояла за его спиной. Ник никогда не видел сканера, но сейчас он был уверен, что это именно она, машина, читающая мысли. Патрульный офицер невозмутимо покачал головой:

— Он говорит правду. Во всяком случае, это то, что ему сообщили. Так что это за информация?

В общих чертах Ник изложил им историю номер один, рассказанную ему Лидсом еще на Корваре.

— И ты веришь этому?

Ник покосился на сканер. До сих пор он производил хорошее впечатление на машину. Что будет дальше?

— Я верю в это, — заявил он решительно. Он и в самом деле *хотел* верить в это.

— Но когда ты оказался здесь, Оркхаг преподнес тебе явный сюрприз?

— Вы правы.

— И ты решил бежать. Зачем?

— У нас не было выхода. От Оркхага не приходилось ждать хорошего. Я хотел спрятаться и дожждаться капитана.

— Капитана? Ты говоришь о Строуде Лидсе?

Ник не удивился, что офицер назвал имя Лидса. В конце концов, они могли это разузнать от взятых в плен людей Оркхага.

— Да, о нем.

— И мальчик сейчас у него?

— Да.

— Где?

Здесь-то и начинались основные трудности. Он мог солгать, но сканер немедленно бы разоблачил его. Ник прибег к хитрости:

— У меня нет карты, чтобы показать. Но я мог взять вас с собой и довести до того места.

Машина позади него промолчала. Он это понял по их лицам. Ободренный своим небольшим успехом, он снова решил напомнить о продуктах:

— Мне кажется, мы теряем время. Мальчику нужна пища, и как можно быстрее.

Командер вспыхнул:

— Что ж, прекрасно! Ты поведешь нас!

— Капитан будет оставаться на том же месте, где ты оставил их? — спросил офицер.

В этом Ник не сомневался. Даже если бы Лидс надумал переменить место, найдя более надежное укрытие, он вряд ли добрался бы туда без посторонней помощи. Кроме того, на его попечении был Вэнди, не менее больной и ослабленный. Посмотрев офицеру в глаза, Ник кивнул.

— Тогда поторопимся! — Командир шагнул к Нику и грубым толчком подтолкнул к двери.

— Минутку терпения, Инэд! — Патрульный офицер прошел через комнату и взяв со стола замысловатую чашу, вернулся назад. — Выпей это!

Ник с опасением посмотрел на жидкость, наполняющую чашу до краев. Он был слышан о приемах и методах секретных служб, способных сделать человека слабым и послушным вот такими же невинными на вид снадобьями. Но под давящим взглядом патрульного и командера он неуверенно принял в руки чашу.

— Не бойся, это не наркотик. Ты должен быть в форме, и это поможет тебе обрести ее. Обычный рацион патрульного.

Нику ничего не оставалось, как только поверить ему. Он и в самом деле здорово ослабел. Жидкость показалась ему теплой, но, едва он проглотил ее, в груди и животе тотчас потеплело.

— Но нам понадобятся очки, — сказал он. Ему вдруг подумалось, что они могут лишить его возможности видеть. Почему бы и нет? Он был бы полностью в их руках...

Офицер недоуменно взглянул на него и пожал плечами:

— Само собой. Каким же, по-твоему, образом мы обнаружили тебя возле тех скал?

В голосе его прозвучала насмешка. А может быть, он понял истинную причину опасений Ника.

— Мы идем? — нетерпеливо спросил Инэд. Офицер забрал у Ника пустую чашку.

Пройдя коридорами базы, они очутились в шлюзовом отсеке. По дороге к ним присоединилось еще человек шесть в униформе патрульных с оружием, висящим на поясе. Один из них протянул ему очки.

— Ну, чего же ты встал? — недовольно спросил Командир.

— Я... я не знаю этот путь. — Ник находился в растерянности. — Мы уходили не через шлюз.

Видя недоверие на их лицах, он сбивчиво рассказал о тоннеле и трещине, через которую они выбрались наружу. Спокойно выслушав его, офицер кивнул:

— Хорошо, пойдем так, как ты говоришь.

— Этот щенок пытается обмануть нас! — вскричал командер. Лицо его побагровело.

Офицер успокаивающе прикоснулся к его локтю:

— Наверяд ли. Ему это совершенно ни к чему. — Он повернулся к Нику: — Показывай!

Вооруженный отряд вернулся назад. Добравшись до затемненного зала с постом управления, они спустились вниз и углубились в указанный тоннель. Люди командера включили яркие фонари, и им не пришлось спотыкаться в темноте. Уже через каких-нибудь десять минут они стояли перед знакомой Нику трещиной. Только теперь отверстия не было. Земля и камни плотно забили выход, которым воспользовались в свое время Ник и Вэнди.

— Это, должно быть, взрывы, — пробормотал Ник. — Когда вы атаковали базу...

— Расчистить проход! — велел офицер сопровождающему их эскорту.

Один из патрульных снял с пояса оружие, на вид более грозное и тяжелое, чем бластер, и навел ствол на завал. С гудением толстый слепящий луч ударил в разлом.

Через пару минут путь был расчищен. Подождав, когда оплавленная земля, разлившаяся подобием лавы по стенам и бетонному полу, остынет, они осторожно по очереди выбрались наверх. Ника пустили лишь третьим по счету. Впрочем, он и не рассчитывал быть первым.

Глава 13

В точности повторять пройденный с Вэнди маршрут не было никакой нужды. Поэтому, срезав довольно большой угол, они добрались до городских развалин несколько в ином месте. Ник был спокоен. Отсюда видна была береговая линия, и при всем желании они не могли теперь заблудиться.

Двигаясь по улицам, они внимательно осматривали руины. Патрульные знали свое дело. Ник не слышал ни разговоров, ни шуточек. По сосредоточенным взглядам людей было видно, что они в любой момент готовы открыть огонь. У самого Ника оружие отобрали, но в компании этих парней он мог с полным основанием чувствовать себя в безопасности.

— Каким образом вы нашли меня? — он обернулся к офицеру.

— Совершенно случайно. Один из наших людей заметил тебя, когда ты ковылял к рифу, прямо навстречу поджидающим тебя хищникам. Когда они набросились на тебя, нам пришлось здорово поработать. К счастью, ты был цел и невредим.

Это согласовалось с воспоминаниями Ника. Он хорошо помнил, как внезапно обмякло тело напавшего на него диасианца. Тогда он не понял причины овладевшей дикарем слабости, сейчас же все становилось на свои места. Аборигена и всех тех чудовищ перестреляли из бластеров, не дав приблизиться к важному пленнику.

Они оставили позади город и спустились на дно бывшего моря. Отряд двигался быстро, и, несмотря на благотворное действие согревающего напитка Ник начинал задыхаться. После очищенного воздуха базы атмосфера планеты каза-

лась поистине ужасной. Он заметил, что и другие испытывают затруднения с дыханием. Командир Инэд, шагающий впереди него, дышал часто, с глухим прикашливанием. Но что-то было еще, что необъяснимо тревожило Ника. Видимость ухудшалась прямо на глазах. Вскинув голову, он остановился. Далекая вспышка у горизонта подсказала ему причину тревоги.

— Не задерживайся! — Тяжелая рука подтолкнула его в спину.

— Надвигается шторм. Там, впереди...

Командир обернул к нему раздраженное лицо:

— Что впереди?!

— Ты что-то заметил?

Это спросил патрульный офицер. Ник предпочел объяснить с ним.

— Если это шторм, то очень скоро мы можем оказаться под проливным дождем. Сейчас мы в низине, и если хлынет ливень...

Офицер понял его. Он внимательно оглядел местность.

— Нам надо позаботиться об укрытии, — добавил Ник.

Вероятно, и до командера дошла сложность положения.

Он вопросительно посмотрел на офицера:

— Что ты думаешь об этом, Баркет?

— Думаю, что он прав. Место, где мы сейчас стоим, похоже на бассейн, куда стекают дождевые воды. Погода на Дисе непредсказуема, и если мы не выберемся отсюда раньше ливня...

— Но мы не можем идти назад! — желчно возразил Инэд. — Мы должны найти мальчика сегодня!

Офицер в нерешительности пожевал губами:

— Ну-с, Хакон... У тебя есть какие-нибудь предложения? Успеем ли мы дойти до рифа до того, как разразится буря?

Ник не имел об этом ни малейшего понятия, но что он знал совершенно определенно, это то, что нельзя терять времени.

— Чтобы успеть укрыться, мы должны поторопиться. Надо не идти, а бежать. — Ник снова с тревогой оглянулся

на полыхающий вспышками горизонт. — Бежать, как можно быстрее!

Они вняли его совету. Подчиняясь команде командера, патрульные припустили рысцей. Они решили достичь рифа раньше дождя.

Облака черные, с багровым оттенком, кружили уже над самой головой. Грохочущие молнии ослепляли, подстегивая наподобие гигантского бича. Часто дыша, Ник обратил внимание, что рядом с людьми мелькают и напряженные тела животных. Значит, он не ошибся в своем предположении. Шторм двигался следом за ними, и им нельзя было терять ни минуты. Возможно, им даже стоило вернуться в развалины города. Там по крайней мере была хоть какая-то защита от непогоды.

Чернота вокруг них сгустилась настолько, что двое из патрульных включили фонари. Желтоватый свет пятнами скакал перед ними, время от времени выхватывая из тьмы спасающихся животных. Ник мимоходом поразился их количеству. У него мелькнула мысль, что отряд вооруженных людей мчится в середине огромного, обезумевшего от страха стада.

Страшный раскат грома оглушил его. Молния ударила совсем рядом. Это было почти так же невыносимо, как тот пугающий свист, рождаемый губами дисцианцев. Хотя дождя еще не было, но влага уже чувствовалась в воздухе. Ник представил себе, как через минуту-две им придется бороться с ревушими потоками воды, и ему стало неуютно. Он начинал уставать. Ноги все чаще спотыкались о камни. Ник испугался, что вот-вот рухнет на землю. И в этот момент хлынул дождь. Он оправдал все худшие опасения. Это были не капли и не струйки щекочущей воды. Гигантский нож мясника грубым взмахом распорол набрякшие небеса, и на землю ударил настоящий водопад. Он сбивал с ног, прижимал к земле своей бьющей тяжестью. Ник шевелил раскрытым ртом, но воздуха не было. Кругом сверкала и бурлила разъяренная вода. Прикрыв рот ладонью, Ник с трудом сделал пару шагов и упал. Потоки, несущиеся в низину, доходили уже до колена, и его тут же подхватило, уда-

ря о встречные камни, поволокло в пенную тьму. Он уже не видел поблизости ни одного из людей Инэда. Тщетно царапая руками дно, Ник пытался подняться. Его спас вынырнувший из мглы человек. Ник даже не в состоянии был рассмотреть его лицо. Вдвоем, придерживая друг друга, они двинулись навстречу потокам. Левая рука Ника нашарила шероховатую поверхность камня. Это была их надежда! Якорь, за который можно было уцепиться. Ник подтолкнул руку патрульного к валуну, и тот мгновенно сообразил, о чем хочет сказать ему Ник. Сейчас они не были врагами, превратившись в товарищей по несчастью. Обстоятельства вынуждали их помогать друг другу.

Погода грохотала и сверкала всполохами молний. Они не знали, как скоро это кончится. Все, что им оставалось, — это держаться за камень, не давая возможности разгулявшейся стихии оторвать их от опоры. Ник чувствовал, что руки у него начинают неметь. Уровень воды продолжал повышаться, хлещущие волны ударяли в грудь. Если это продлится час, они не выдержат. Силы тела иссякнут, пальцы разожмутся, и их подхватит торжествующим течением... Если бы не было так трудно, Ник давно бы уже запаниковал. Он дышал воздухом напополам с водой. На зубах скрипел песок, а мышцы сводило болезненной судорогой. Своего попутчика он не видел. Стена низвергающейся сверху воды сократила видимость до жалких сантиметров.

Должно быть, на какое-то время он впал в беспамятство. Мозг, измученный борьбой, пытался окутаться пеленой шокового состояния. Ник прислушался. Шторм... Да! Шторм, без сомнения, шел на убыль. С огромной скоростью он пронесся над ними и, вероятно, теперь бушевал уже за многие мили от них. Грохот превратился в рокочущее ворчание, а вода, издавая пугающее шипение, мчалась, замедляя скорость. Шипение... Ник посмотрел на кружащиеся буруны и в недоумении поднял голову. Он уже мог видеть, но лучше бы он этого не видел. Зубастая тварь, спасавшаяся на вершине валуна, подкрадывалась к Нику. Из приоткрытой пасти вырывалось то самое прерывистое шипение. Ник в ужасе откатнулся назад. Камень вырвался из-под его

рук и тотчас исчез. И тут же раздался человеческий крик. Секундой позже машущий руками патрульный вынырнул из воды поблизости от Ника. Юноша не стал колебаться. Вдвоем у них было больше шансов уцелеть. Выкинув руку, он поймал человека за плечо. А через секунду их ударило о камень, и Ник вцепился в него свободной рукой. Теперь он чувствовал под ногами дно, и это вдохнуло в него надежду. Его спутник, должно быть, чувствовал себя плохо. Медленно, шаг за шагом, они продвигались в сторону мелководья. Ник чувствовал, что дно поднимается, и это придавало ему сил. Дождь прекращался, и с глаз спадала мутная пелена. Снова, в который раз, Ник испытал смешанное чувство потрясения от внезапного перехода от полной слепоты в зрячее состояние. Он оглянулся на своего спутника. Это был Баркет, патрульный офицер. Но... на Баркете не было очков!

Все было просто. Ник мог видеть, а Баркет нет. Несчастье, случившееся с офицером, в одно мгновение уравнило их. Ник волок его по мелководью, еще не зная толком, что ему делать с офицером патруля.

Задержавшись, чтобы передохнуть, он бегло осмотрел Баркета. Офицер был жив, но лоб его рассекала глубокая рана. Ник вспомнил того хищника, укрывавшегося на вершине валуна. Не теряя времени даром, Ник отцепил от пояса офицера бластер и сумку с питанием. На первый взгляд продуктов было вполне достаточно. Во всяком случае, теперь он мог на какое-то время обеспечить Вэнди полноценным питанием. Теперь перед ним был выбор: уйти, оставив Баркета здесь, или же попытаться докричаться до остальных патрульных. Ник в замешательстве огляделся. Он не мог оставить Баркета в таком состоянии, это было ясно. Но он не мог и мешкать.

— Очнитесь! — Он встряхнул офицера за плечи. Поднести к губам Баркета воду не было необходимости. Дождь по-прежнему осыпал влажную землю мелкой моросью. — Очнитесь же, Баркет!

Застонав, офицер открыл глаза. На лице его тотчас появилось выражение испуга.

— Темно...

— У вас нет очков. Их сорвала та тварь, что атаковала вас.

Рука Баркета слепо провела по лицу.

— А ты... Кто ты такой?

— Я Хакон... — Ник помедлил. — А теперь слушайте меня внимательно. Ваша сумка с продуктами у меня. Я оставляю вам фонарь и ухожу. Дождь скоро закончится, и вы сможете просигнализировать вашим товарищам.

Говоря это, Ник чувствовал угрызения совести. Человек на Дисе — даже с фонарем — беспомощен. Если товарищи Баркета не найдут его...

— А у тебя... у тебя есть очки? — Прищуренные глаза глядели мимо лица Ника.

— Да, но я не собираюсь отдавать их вам!

Рука Баркета метнулась к поясу, пальцы безуспешно зашарили по пустой перевязи.

— Ты забрал и оружие...

— Я оставляю фонарь.

— Но ты все равно не уйдешь далеко.

— Может быть. Но я должен успеть доставить продукты для мальчика.

Офицер печально усмехнулся:

— Хорошо, пусть будет так. В конце концов, Вэнди действительно нужны продукты. Но неужели ты уйдешь, не спрятав меня? Ты же знаешь о здешних хищниках.

Он протянул руку, но Ник предпочитал действовать чуть иначе. Обойдя сидящего на земле патрульного, он ухватил того за пояс и помог ему подняться. Легонько подтолкнул вперед.

— Я буду подсказывать дорогу, — сказал он. — А вам лучше включить фонарь.

Перекинув сумку с продуктами через плечо, он шагнул позади Баркета. Свет фонаря широким конусом разрезал впередилежащую тьму. Этого было достаточно, чтобы Баркет не спотыкался. Они прошли совсем немного, когда откуда-то сверху раздался крик. Это походило на предупреждающий сигнал, как если бы какая-то разведывательная

группа или часть их отряда достигла рифа и с его вершины заметила идущих.

Офицер сделал попытку обернуться, но Ник опередил его. Толкнув Баркета, он одновременно рванулся в сторону. Скользя мимо массивных валунов, он побежал, выбирая направление наобум, стараясь уйти от доносившихся криков как можно дальше. И лишь когда в груди у него отчаянно закололо, а перед глазами поплыли искристые круги, он перешел на шаг. Он все еще не верил, что случай помог ему обрести свободу. Это, вероятно, и не позволяло ему оборачиваться. Он боялся убедиться в обратном.

Дождь прошел. От земли снова молочными клубами поднимался пар. Даже если они бросятся его искать, в таком тумане это будет чрезвычайно рискованным предприятием. Ник остановился.

Под ногами была яма, над которой курился отвратительного запаха дымок. Должно быть, в то место ударила молния, испепелив почву и скудную растительность. Чуть дальше Нику пришлось пересечь вброд мутный поток. По направлению течения он сориентировался. Вода текла в сторону понижающегося морского дна, поэтому нетрудно было сообразить, в какой стороне находился берег.

Это ночное путешествие оказалось самым тяжелым из всех тех, что довелось ему совершить на Дисе. Действие напитка давно прошло. Борьба со стихией превратила его в ослабленного, ни на что не годного горе-скорохода. Земля ускользала из-под ног, то и дело начинала угрожающе покачиваться. Очки затуманивались, и, задерживаясь, он вновь и вновь протирал их рукавом куртки.

Добравшись до берега озера, он рухнул на землю и лежал так, пока сознание его не прояснилось и дыхание не стало более редким и глубоким. Подняв голову, он тупо смотрел, как ходят и плещутся под поверхностью воды крупные серебристые тени. Мертвый мохнатый зверек плыл, относимый ветром, вздрагивая от торпедных атак подводных хищников. Его передернуло от этой картины. Поднявшись на дрожащие ноги, он медленно двинулся знакомым берегом к возвышенности, на которой его ждали Вэнди и Лидс.

Глава 14

Путь оказался длиннее, чем он думал. Прошедшая буря изменила очертания озера. Оно разлилось, затопив места, по которым он прежде проходил вполне свободно. Из-за густого тумана он вынужден был не спешить, тщательно высматривая впереди себя дорогу. Впрочем, быстро он двигаться и не мог. Когда он наконец добрел до возвышенности, у него не было сил даже порадоваться своему успеху.

Теперь это было уже островом. Вода окружила возвышенность поблескивающим кольцом. Помешкав, Ник ступил в воду. Он помнил тех плавающих под водой тварей. Было бы просто глупо погибнуть сейчас в конце столь не легкого пути. Он вздрогнул. Лицом вниз мимо него медленно проплыло тело дисианца... Дисианец?! Здесь?.. Ник посмотрел вверх и заторопился. Мокрый, оскальзываясь на крутом склоне, он взобрался на скалы и закричал:

— Лидс! Вэнди!

Ответа не последовало. Его окружали туман и недобрая тишина. Оглядываясь, он терялся в мучительных догадках. Он даже предположить не мог, что придет на пустое место. Лидс не мог уйти самостоятельно из-за вывихнутой ноги. Вэнди был обессилен. Куда же они могли деться?

— Лидс!

Ник стоял перед каменным козырьком, под которым еще совсем недавно они укрывались втроем, и молчал. В укрытии никого не было. Тщетно он пытался собраться с мыслями. Мозг отказывался думать, отказывался понимать окружающую действительность. Может быть, шторм?.. Ветер мог сбросить их вниз, а волны бы довершили начатое. Ник вернулся к обрыву. Он не верил, что его друзья могли пропасть. В конце концов, Лидс знал планету лучше многих других и наверняка предвидел приближение бури. А если так... Ник почувствовал, что в нем замерцала слабая надежда. Действительно, Лидс мог просто перебраться в другое место...

Стая существ с кожистыми крыльями, каркая и крича, приземлилась недалеко от него. На когтистых лапах они

тронулись было в его сторону, но Ник поднял бластер и ударил в песок. Искристая вспышка отпугнула хищников, но Нику было уже не до них, он спускался вниз. Он забыл об усталости и страхах. Перед ним маячила пустота, огромная и безликая. Он был один, совершенно один! В Лидсе и Вэнди были все его мечты о будущем, о лице. Без них он оставался один на один с разгневанными патрульными. Ник почти побежал. Он не верил и не хотел верить, что его друзья погибли. Он обязан был найти их!

Спустившись к воде, он побрел вдоль скалистого берега, намереваясь обогнуть остров кругом. Глаза его шарили по поверхности озера, руки судорожно сжимали тяжелый бластер. Наверное, когда чудо желаемо, оно действительно может происходить. Ник уловил слева от себя слабое сияние. Скалы и нагромождение колючих веток... Царапая ладони, Ник разбросал ветки и увидел фонарь. Заряд его был на исходе, но он еще светил желтым угасающим огоньком. Это без сомнения был знак! Знак для него! Фонарь был вставлен в трещину между скалами и закреплен древесным сучком. Как бы то ни было, но сюда они добрались живыми и невредимыми. И, вероятно, дальнейшие события вынудили их оставить для него метку. Ник напряженно соображал. Он не мог понять, почему Лидс попытался скрыться от дождя в этой пещере. Поднявшаяся вода могла превратить укрытие в мрачную могилу. Но Лидс, конечно же, должен был понимать это. А раз так... Выдернув из расщелины фонарь, Ник шагнул внутрь.

Даже если это и было пещерой, то размеры ее впечатляли. Задрав голову, Ник закричал:

— Лидс! Где вы?

Гулкое эхо повторило его призыв, рокочуще зашумело отголосками. Свет от фонаря едва освещал путь. Через несколько шагов Ник наткнулся на фосфоресцирующие наросты. Они густо покрывали каменный пол пещеры, но что-то тут было не так... Ник опустился на колени. Губы его разъехались в улыбке. Они были живы! Две пары следов цепочками тянулись вдаль. Продавленный растительный покров прекрасно сохранил следы. Значит, и Вэнди

был на ногах. Собравшись с силами, они спустились сюда и двинулись вглубь... Ник устремился вперед. Пещера имела заметный наклон. Пол постепенно поднимался. Теперь было понятно, зачем они пошли сюда. Вода не могла залить пещеру. Время от времени Ник останавливался и кричал, но ответа по-прежнему не было. Радость его подувляла, уступив место подозрительности. Каким образом Лидс мог подниматься на эти уступы с больной ногой? Это не укладывалось в голове Ника. И сама пещера... Как мог капитан в короткие сроки найти столь надежное укрытие? Или ему помогла его всегдашняя удача?..

Ник остановился. Все говорило за то, что он очутился в просторной зале. Это чувствовалось по звукам. Давящее ощущение близких стен исчезло. Он сделал в нерешительности шаг, но, передумав, вернулся обратно. Надежнее было двигаться вдоль стены.

Подсвечивая себе тусклым, мутноватым лучом фонаря, он прошел несколько футов и удивленно взгляделся. Стена, которой он касался кончиками пальцев, напоминала стены, виденные им на базе. Природа не в состоянии была бы создать такую ровную, без единого выступа, поверхность. Снова дисцианцы? По спине его пробежал неприятный холодок. Он не хотел бы встретить их еще раз.

Размеры подземного пространства внушали все больший трепет. Он шел и шел, слыша далекий ухающий отзвук своим шагам. Похоже, что гигантская галерея тянулась вдоль всей полосы прибрежный скал. Чувство неуютности не покидало его. Кто бы ни выстроил эти катакомбы, он был здесь чужим.

В очередной раз остановившись, он набрал полную грудь воздуха:

— Лидс!

Звенящее многоголосое эхо пошло метаться в черном, зажатом каменными громадами пространстве. Ник невольно отшатнулся, настолько громко дохнул в лицо его собственный усиленный крик. Прислушиваясь к грохочущим перекатам своего незатихающего голоса, он вздрогнул. Ему

показалось... Нет, он в самом деле расслышал далекий отклик. Кто-то ответил ему!

— Вэнди!

Та же вибрация скал, дразнящее эхо закоулков пещеры. На этот раз ответа не последовало. Поколебавшись, Ник снова зашагал вдоль стены, не выдержал, побежал. Через какое-то время он завернул за угол. Мерцающий свет фонаря вырвал из темноты забытые камнями отверстия в стене. Чем это было? Выходы наружу, окна?.. Ник встал как вкопанный. Один из проходов чернел перед ним пугающим провалом. Это было похоже на приглашение. Возможно, отклик действительно донесся отсюда. Иначе он не был бы столь приглушенным. Ник сделал шаг, но в нерешительности оглянулся. Что-то подсказывало ему не спешить. Здесь, в этой непроглядной черноте, его оружие могло оказаться бесполезным. На своем печальном опыте он успел уже убедиться в коварстве дисцианцев. Если пещеры принадлежали им, то в любую минуту можно было ожидать нападения.

Мучительно прислушиваясь к предательским отзвукам своих шагов, он двинулся в глубь коридора. Ему пришлось идти пригнувшись, потолок и стены сходились здесь чрезвычайно тесно. Прекрасное место для ловушки! Ни на минуту его не оставляло ощущение чего-то давящего, вызывающего неосознанный страх. Чтобы отвлечь свое разгулявшееся воображение, он начал считать шаги. Десять, двенадцать, двадцать... Он сбился со счета. Далеко впереди замаячил слабый свет. Ник подобрался. Громко стучащее сердце мешало ему прислушиваться к звукам извне. Он полагался лишь на зрение и на блеклую лампу фонаря.

Шагом проржавевшего робота он вошел в освещенную залу и тотчас поднял бластер.

Сначала ему показалось, что пещера заполнена отвратительного вида рептилиями. Они были всюду: огромные, бугристые, с переплетающимися толстыми щупальцами. Лишь секундой позже он сообразил, что это всего-навсего необычные растения. Из стены напротив бесшумной струйкой сбегала вода. Туда-то и тянулись могучие корни растений. Мясистые листья наполняли пространство мяг-

ким фосфоресцирующим светом. И от них же, как понял чуть позже Ник, исходил тяжелый тошнотворный запах. Дрожащая рука с бластером обессиленно опустилась.

— Это ты, Ник?

Он порывисто обернулся. Только сейчас он заметил человека, спрятавшегося за одним из растений. Это был Лидс, и он был один, без мальчика, без очков. Глаза его напомнили глаза патрульного офицера. Напряженно щурясь, он пытался разглядеть вошедшего.

— Да, это я, — хрипло ответил Ник.

— Ты достал продукты?

— Да, но где Вэнди?

Лидс невесело усмехнулся. Он сильно сдал за последнее время. Сейчас это было особенно заметно. Черты лица его заострились, глаза еще больше утонули, мерцая из глубины нездоровым блеском. Перешагнув через клубок корней, Ник приблизился к капитану.

— Буря миновала?

— Да. — Ник снял с плеча сумку с продуктами и сбросил на пол. — Вот продукты. Но я, кажется, спросил о мальчике.

Лидс кивнул:

— Я понял... Но если бы я знал, где он. Ты, вероятно, напридумывал уже Бог знает каких ужасов. Успокойся, малыш. Я не собирался обманывать тебя. Я не прикоснулся к нему и пальцем, он ведь наш единственный шанс.

— Но что произошло?!

— У меня была пачка укрепляющих таблеток. Мощный тонизатор. Жаль, что я вспомнил о них так поздно. Все из-за ноги... Словом, я дал их ему, и он пришел в норму. А затем мы увидели, что надвигается шторм, и поняли, что надо уходить. Причем мальчишка основательно посопротивлялся. Он не сознавал надвигающейся опасности, думал, что на вершине мы сможем продержаться до твоего прихода. В общем, мы двинулись вдоль скал и отыскивали эту пещеру. К сожалению, я недооценил своих сил. С такой ногой я вымотался в два счета, и парнишка живо смекнул это.

— Что он сделал?

Лидс снова усмехнулся:

— Он сорвал с меня очки и, сбив с ног, отобрал оружие. Сейчас он, должно быть, уже далеко. Впрочем, ты еще сможешь его догнать, если пустишься в путь прямо сейчас. Хорошо, что ты явился сюда без патрульных. Славное бы вышло положеньеце!..

— Но почему он это сделал?

Ник ничего не понимал. Покуситься на очки — это еще понятно, оказывать неповиновение незнакомому человеку — тоже, но пуститься в путь в одиночку?.. Впрочем, один раз Вэнди уже выкинул подобный фокус в развалинах города. Вероятно, он просто плохо знал мальчика.

— Он заблокирован, и в этом вся разгадка, — сказал Лидс. — Он мог бы остаться с тобой, но не со мной. Твое отсутствие заставило его уйти сразу же, как только он ощутил прилив сил.

Лидс, помолчав, добавил:

— Думаю, нет необходимости напоминать тебе, что, если патруль схватит нас без мальчика, с нами обойдутся достаточно жестко.

— Я знаю это. — Ник вспомнил разъяренное лицо командера Инэда. — Я успел побывать в их руках.

Он коротко поведал капитану о своих злоключениях.

— Нам надо обязательно найти мальчика, — заключил Лидс. — Ради самих себя. Блокировка гонит его прочь от меня, но, встретив Хакона, он вернется.

— Где он сорвал с тебя очки?

— Прямо здесь. Кстати, не самое плохое место. Тут я еще хоть что-то вижу.

— Сколько же прошло времени после того, как он ушел?

— Прекрасный вопрос!.. Увы, все, что я помню, — это удар по голове. Сколько я пролежал здесь, не имею ни малейшего представления.

Ник мог только посочувствовать Лидсу. Угроза поимки патрулем, больная нога, да еще теперь это нападение перепуганного мальчишки.

— Поешь, — Ник вытащил из сумки один из пищевых концентратов. — У него есть фонарь?

— Нет, тот единственный мы оставили для тебя, как подсказку о нашем местоположении.

Ник пытался угадать, куда же двинулся Вэнди: дальше по галерее или обратно через тот кошмарный зал. Все зависело от мощности заложенной в мальчика программы. Они не могли предсказать, куда она погонит его.

Тем временем, пока он размышлял, Лидс успел подогреть жестянку с пищей. Ароматный дымок потянулся к сумеречному потолку.

— Хорошо, что здесь есть вода, — пробормотал он. — Во всяком случае, смерть от жажды нам не грозит.

Вода... Ник приблизился к трещине, из которой она вытекала. При желании сюда можно было протиснуться, особенно человеку с комплекцией Вэнди. Присев на корточки, он принялся рассматривать растительность, густо покрывающую пол. Если бы мальчик прошел здесь, он оставил бы следы, но никаких следов Ник не видел. Или Вэнди ушел другим путем, или же следы успели исчезнуть. Все зависело от того, как давно здесь прошел мальчик. Ник обошел пещеру, внимательнейшим образом всматриваясь в переплетения зеленоватых стеблей и листьев. Тут были другие трещины, но нигде Ник не обнаружил каких-либо следов.

— Должно быть, он ушел обратным ходом, — предположил он.

Капитан покачал головой:

— Сомневаюсь, что он осмелился на это без фонаря. Все время, пока мы двигались сюда, он испытывал настоящий ужас. Особенно он испугался в том огромном зале. Наверяд ли он решился бы вновь пройти через него. Может быть, он двинулся через трещину с ручьем?

— Но там чисто. Я не обнаружил ни единого следа. Он не мог пройти, не задев этих стеблей.

Ник поглядел под ноги. Его собственные следы четкими отпечатками обозначились на полу. Капитан поставил опустевшую жестянку перед собой.

— Ты не думаешь, что патрульные могут последовать за тобой?

Помня Инэда, Ник не сомневался в этом. У них был приказ найти мальчика во что бы то ни стало. Внезапно Лидс быстрым движением схватил его сумку. Ник с изумлением глядел. Ощупав пальцами грубую кожу, капитан перевернул сумку верх дном и показал Нику на маленький, кубической формы, бугорок.

— Датчик! Они все оснащены этими штуковинами.

Ник побледнел.

— Я не догадался осмотреть сумку, — виновато пролепетал он.

— Ты просто не знаешь всех их хитростей. М-да... Возможно, что уже в эту минуту они подходят к нашему островку.

— Если они найдут нас...

— Все закончится самым печальным образом, — заключил Лидс. — Нам следует опередить их и найти Вэнди, как можно быстрее.

Глава 15

Ощупав пальцами вшитый в материю датчик, Ник в сотый раз обругал себя за неосмотрительность. Он обязан был принять меры предосторожности. Возможно, офицер намеренно не возражал ему, отдавая сумку. Каждый из них имел датчик. Для них явилось настоящей удачей то, что он не удосужился исследовать свой трофей. Потеряв его из виду, они продолжали контролировать каждый шаг беглеца. Если раньше они о чем-то могли договориться, превратив возвращение мальчика в некое подобие сделки, то теперь патрульные могли неторопливо обложить их со всех сторон и, воспользовавшись удачным моментом, отнять Вэнди без всяких обещаний свободы и неприкосновенности. Впрочем, сейчас у них и отнимать было некого. Лидс и «Хакон» очутились в сложнейшем цейтноте. Не имея ни сил, ни средств, ни времени, они должны были найти Вэнди до того, как это удастся патрульным.

Ник поглядел на капитана. Он не мог оставить его здесь в столь беспомощном состоянии. Уйти на поиски Вэнди

значило сдать капитана в руки Инэда. Ник не хотел обманывать себя. Но прежде всего следовало избавиться от датчика. Ник проследил взглядом за сбегающим по каменному руслу ручейком. Разветвляясь на два рукава, он исчезал между переплетенными растениями в трещинах стен. Одна из них была достаточно широкой. Поднявшись, Ник приблизился к ней и, размахнувшись, швырнул пустую сумку в журчащую темноту. Некоторое время датчик теперь будет плыть по воде, заставив идти патруль по ложному следу.

Лидс, прищурившись, следил за его действиями.

— Разумно, — похвалил он. — Ты подаешь успехи, малыш! Но это лишь небольшая отсрочка. Уверен, что скоро они будут здесь.

— Мы постараемся оторваться от них. Вся задача заключается в том, что нам нужно выбрать верное направление.

Со вздохом Ник снова начал осматривать выходы из пещеры. Итак, Вэнди ушел отсюда, бросив Лидса, и предположительно это случилось час или два назад. Может быть, больше, но не намного. Ник пытался в уме отсчитать время с того самого момента, когда хлынул ливень. К этому часу они были уже в лабиринте. Лидс уверен, что мальчик не осмелился идти обратной дорогой, но не растворился же он в воздухе...

Ник раздраженно обернулся:

— Вероятно, он все-таки решил вернуться. Нигде никаких следов.

Лидс снова покачал головой:

— Ты не представляешь себе, как трудно было его тащить через тот зал. Он постоянно твердил, что там кто-то есть и нас вот-вот схватят. Он боялся не просто темноты, а того, кто мог бы скрываться в ней.

— Да, но он забрал твои очки и бластер, — возразил Ник.

— Очки на этой планете, да еще в глубоких пещерах — это почти ничто. Ты и сам это знаешь.

Ник молчаливо вынужден был согласиться. Здесь, на Дисе, во многом приходилось полагаться на слух, на запах, на органы чувств, о которых в нормальных условиях человек ни за что бы не догадался. Ведь чувствовал он близость

диссианцев. А этот их свист... Может быть, это совсем и не свист, а своего рода телепатия?..

Вновь двинувшись вдоль стены, Ник удвоил внимание. На этот раз он осматривал все: малейшие уступы, пол справа и слева от себя, стены и низко нависающий потолок. Вэнди не мог покинуть эту пещеру, не оставив следов. И они действительно остались.

Ник увидел след на каменном уступе возле стены, а взглянув чуть выше, обнаружил и выход. Небольшое округлое отверстие, притаившееся на высоте человеческого роста.

— Вот он! — Ник облегченно вздохнул. В первый момент он был просто рад, что разрешил наконец вставшую перед ними задачу. И лишь секундой позже с беспокойством подумал о том, что для хромого и обессиленного капитана это может оказаться чересчур тяжелый путь. — Ты сможешь забраться сюда? — он взглянул на Лидса. Тот спокойно улыбнулся и заставил себя подняться, подтянув тело на руках.

— Как видишь, стоять я могу. Если мне чуточку помочь, я сумею и двигаться. Поверь мне, мысль о том, что я могу попасться в руки патруля, способна сделать меня достаточно резвым.

Взобравшись первым, Ник протянул ему руки. Хотя капитан и бахвалился, этот небольшой подъем дался ему с большим трудом. Стараясь скрыть навалившуюся на него усталость, он кивнул вниз:

— Ты снова хочешь оставить продукты? Если мы догоним нашего юного друга, нам придется его кормить. На таблетках он долго не продержится. Кстати, это единственное обстоятельство, говорящее за то, что мы все-таки догоним его. Действие тонизаторов кончается достаточно быстро.

Спрыгнув вниз, Ник стянул с себя мокрую накидку и увязал концентраты в узел. Когда-то он уже делал это, и, взвалив узел на плечи, он мрачно усмехнулся своим воспоминаниям.

Вскарабкавшись в отверстие, он протиснулся мимо капитана вперед. Тот ухватил его за ремень:

— Отныне на двоих у нас одна пара глаз и три здоровых ноги.

— Я не буду идти быстро, — пообещал Ник.

Если насчет ног капитан не ошибся, то с глазами его предсказание не сбылось. Стоило им удалиться от пещеры, переполненной фосфоресцирующими растениями, как очки превратились в бесполезную ношу. Им пришлось идти на ощупь. Мысль о том, что им следует двигаться быстрее, выводила из себя. Они оказались в положении кротов, брошенных под слепящее солнце. Единственное, что облегчало путь, — это ровное покрытие под ногами. И тому и другому приходило на ум, что проход этот — неестественного происхождения. Над стенами и полом, без сомнения, заботливо потрудились неизвестные им каменотесы.

Во время коротких остановок, ожидая, когда капитан отдышится, Ник внимательно вглядывался под ноги. Кое-где еще можно было разглядеть следы Вэнди. Там, в пещере, он несколько раз прошелся по фосфоресцирующей растительности, что позволяло теперь видеть отпечатки его ботинок. По мере того как они продвигались, светящиеся контуры на полу тускнели. А в скором времени Ник с грустью убедился, что уже не способен рассмотреть их.

— Капитан! — Он замер на месте. — Слушайте!

Лидс, не сразу сообразивший, в чем дело, налетел на него, и они чуть было не упали. Из темноты доносился знакомый свист.

— Что случилось, Ник?

— Дисанцы, — прошептал Ник. — Они уже охотились за мной, когда я уходил за продуктами. Сейчас они, должно быть, преследуют Вэнди.

— Дисанцы? Кто это? Аборигены?

Ник коротко рассказал капитану о всех своих столкновениях с представителями гуманоидной цивилизации Диса. Лидс изумленно присвистнул.

— Я слышал кое-что о местных жителях, но воочию ни разу не видел их. Выходит, что мне повезло... Эти люди — не из приятных собеседников.

— Их навряд ли можно уже называть людьми, — удрученно возразил Ник. — Скорее, дикари. Дикари и охотники.

Он всерьез волновался за судьбу Вэнди. Если его, вооруженного и готового встретить опасность лицом к лицу, выманили и одолели, то что уж говорить о мальчишке. Он ничего не знал о дикарях и может стать легкой добычей этого страшного свиста.

— Если мы не успеем вовремя, они прикончат его! — горячо шепнул Ник.

Лидс не возразил ему ни звуком.

Собравшись с силами, они поспешили вперед. Одной рукой Ник по-прежнему ошупывал стены, но вторая рука его лежала на бластере. Оба тяжело и шумно дышали, но даже дыхание не могло заглушить тянущийся издалека тонкий, проникающий под черепную коробку свист. Какое же дьявольское оружие изобрели эти полулюди! Ник чувствовал, что дрожит. Нервы его уподобились струнам, и длинный нескончаемый звук теребил и теребил их. Ник от души надеялся, что Вэнди не растеряется. Какой-никакой, а опыт у мальчишка уже был. Он должен был знать, что, путешествуя по Дису, ожидать чего-либо хорошего не приходится.

— Ник! Кажется, впереди свет, — отрывисто произнес Лидс. Слова его чередовались с неровным дыханием.

— Вижу! — Ник невольно ускорил шаги.

Коридор, которым они шли, оборвался. Они находились в зале, стены которого фосфоресцировали.

— Черт подери, — ошарашенно пробормотал Лидс. — Неужели мы вернулись на базу?

— Этого не может быть, — сказал Ник неуверенно. Он тоже видел, что коридоры и зал похожи на те, что он имел возможность лицезреть еще совсем недавно, будучи в гостях у Инэда. — Нет, Лидс, тут что-то не то. Мы слишком далеко ушли от базы.

— Да, вероятно. В конце концов, все эти системы созданы здешними аборигенами, так что стоит ли удивляться, что мы обнаружили еще одну.

Ник взглянул на капитана. Тот едва держался на ногах. Если они и дальше отправятся вдвоем, они могут не успеть предотвратить нападение дикарей.

— Пожалуй, нам стоит разделиться, — Лидс словно прочитал его мысли. — Я уже мало на что гожусь. Оставь мне пищу, фонарь и бластер и беги.

Ник размышлял. Если он оставит здесь бластер, то каким образом он поможет Вэнди?

Он свалил под ноги капитану жестянки с концентратами и протянул фонарь:

— Лидс, тебе придется пока побыть без оружия. Я должен отбить Вэнди от дисианцев.

— А если эти милые парни завернут сюда? — устало спросил капитан. — У мальчика ведь есть оружие, да и у тебя кое-какое снаряжение.

Он показал рукой на бутафорские приспособления, крепящиеся на поясе и на груди Ника.

— Это? Но ты ведь знаешь, что это подделка. Оружие, выдуманное Вэнди.

— Не совсем. Может быть, они и не годятся для тех целей, которые придумал Вэнди, но они могут кое-что другое.

Ник вспомнил, что уже использовал один из металлических стержней, когда открывал дверь склада. Возможно, Лидс в чем-то прав. Но ведь ему нужно серьезное оружие.

— Вот, например, эта штучка. Ты наверняка даже не пытался испробовать ее. — Лидс снял с пояса Ника блестящий предмет. Немного он напоминал бластер, но был значительно легче и меньше размерами.

— Я думал, — пролепетал Ник, — это тоже игрушка...

Он вспомнил, что, по фантазиям Вэнди, это орудие должно было обращать все живое в камни. Неужели такое действительно было возможно?

— Помимо разнокалиберной мишуры мы снабдили тебя и некоторыми полезными вещами, — сказал Лидс. — Наведи эту штуку на середину пещеры и испробуй ее.

Ник взял оружие. Отведя руку, нажал на спуск. Мгновением позже он зажимал ослепленные глаза.

— А теперь сними очки! — приказал Лидс.

Ник подчинился. Жмурясь, оглядел зал. Свет по-прежнему искрился вдоль серых мрачных стен, но уже не слепил.

— Что это? — спросил он.

— Выдумка Крича. Специально для планет, подобных Дису. Для зрения, восприимчивого к инфракрасному излучению, эта вспышка опасна. На несколько секунд противник будет ослеплен. Время вполне достаточное, чтобы предпринять контрдействия. Но на время выстрела надо или зажмуриваться, или снимать очки.

Ник с изумлением глядел на угасающий свет.

— Но почему ты не рассказал об этом раньше?

— Все мое время, малыш. А честно говоря, мы не очень рассчитывали, что все так обернется. Выдумка оказалась неплохой, но никто всерьез не полагал, что она тебе пригодится. Я слишком уверовал в свою счастливую звезду.

— Другими словами, ты просто не доверял мне, — горько произнес Ник.

В этом был весь Лидс. Слова и фразы об удаче, о счастливых звездах и везении. А для легковверного Ника всегда находилась нужная история с очередным объяснением.

— Итак, бери изобретение Крича и оставляй мне бластер.

Молча Ник взял в правую руку бластер, а в левую — изящный и легкий излучатель. Он словно взвешивал ценность того и другого, прикидывая, что окажется более грозным в схватке с дикарями. В возможностях излучателя он убедился, но, с другой стороны, бластер был все-таки оружием.

— Тебе стоит поторопиться, — нетерпеливо произнес Лидс. — Еще немного, и тебе не за чем будет любоваться этими вещицами.

— Да, конечно, — рассеянно сказал Ник. — Патруль и дисланцы... Нам надо спешить.

— Нам, и прежде всего тебе, — тихо добавил капитан. — По-моему, ты давно уже не смотрелся в зеркало.

— В зеркало? — тупо повторил Ник. А через секунду его охватил ужас. Он быстро поднес ладонь к щеке и про-

вел вниз до подбородка. На коже появились грубоватые складки!

— Увы, Джина оказалась права, — безжалостно продолжил Лидс. — Твое новое лицо просуществовало недолго. Я не знаю, как быстро все произойдет, но если в ближайшее время ты не нагонишь Вэнди, может статься так, что ему придется повидать Ника Колгерна, которого он знать не знает и уж, конечно, которому он не будет подчиняться.

Ник позабыл обо всем: о Вэнди, о дисианцах, о патруле. Сейчас он боялся только одного — потерять свое лицо, свое новое и зыбкое «я». Но он уже терял его! Кончики пальцев не обманывали Ника. День-два, и все вернется: серые будни, мрак и страхи Диппла...

Его рука с бластером медленно потянулась к лицу. Он знал простой и верный выход. Огненным пучком в эти готовые выползти на кожу шрамы и ожоги! Как же он ненавидел свое уродство! Он был еще Хаконом, но он уже не верил в эту румяную загорелую оболочку. На кой дьявол это нужно, если все вернется?!

Он не ожидал от Лидса такой прыти. Подскочив к нему, капитан вывернул ему кисть:

— Только без глупостей, малыш! Еще не все потеряно, помни об этом. Единственное, что ты должен сейчас сделать, — это догнать мальчишку.

Это прозвучало почти как приказ. Машинально Ник принял из рук капитана узелок с продуктами и, развернувшись, двинулся вперед слепыми шагами.

— Живее, дружок! Ты должен успеть!

Ник послушно прибавил шаг. Да, Лидс был, как всегда, прав. Вэнди необходимо было найти до того, как он перестанет быть Хаконом. Какое-то время он шагал, не замечая ничего вокруг. Мысли его продолжали крутиться вокруг Джины, ее мрачных сбывающихся предсказаний. Но в конце концов он заставил себя очнуться. Если оставался еще шанс вернуться к Джине, он обязан был им воспользоваться. Ноздри его дрогнули. Он уловил знакомый запах. Тот же, что был в пещере, в которой он нашел капитана. Может

быть, стоило крикнуть?.. Но если услышат дисианцы? Не ухудшит ли его крик положение?

Коридор сделал резкий поворот, стены внезапно сузились. Наклонившись, Ник разглядел тусклый отпечаток. Вэнди прошел здесь совсем недавно. Протиснувшись в узкий разлом, Ник вошел в просторную пещеру. Внимательно оглядел тусклые, молчаливые стены. Внезапно у него появилось ощущение, что за ним наблюдают. А в следующую секунду он увидел свет.

Сияющее пятно выплыло ниоткуда, прямо из воздуха. И оно двигалось! Ровные, колебательные движения. Ник уже был знаком с подобными ловушками. Отшатнувшись к стене и подняв перед собой излучатель, он настороженно наблюдал за покачиваниями пятна. Если бы у него был бластер!.. Он выжег бы себе дорогу среди всех этих животных и полуживотных!.. Ник медленным движением стянул с себя очки. У него не было времени ждать.

Глубокая ночь окружила его, но странно — он разглядел то, что не мог рассмотреть в очках: легкий светящийся контур существа чуть ниже пляшущего пятна. Теперь это уже было не догадками. Существо, затаясь, продолжало подмигивать Ника. Должно быть, оно видело или чувствовало его по запаху.

Держа перед собой излучатель, он шагнул вперед и выстрелил.

Глава 16

То, что должно было казаться для инфракрасного зрения губительной вспышкой, для обычного зрения оказалось вполне терпимым. Резкий визг ударил по ушам Ника. Существо, притаившееся в нескольких шагах от него, подскочило на своих длинных, странно перегибающихся во все стороны ногах и опрокинулось на спину. Свет дрожал в воздухе, позволяя прекрасно разглядеть и второго хищника. С рычанием по земле катался дикарь. Глаза он зажимал ладонями. Должно быть, существо было для него чем-то вроде гончей собаки. Как бы то ни было, Ник вывел их на

некоторое время из строя. Бросившись вперед, он сделал попытку обогнуть корчащееся животное. Но, видимо, почуввав его, оно взмахнуло одной из своих отвратительных членистых лап. Ник едва устоял на ногах. К счастью, удар отбросил его ближе к выходу, а не назад. Царапаясь, существо тщательно пыталось снова подняться на ноги. Свет постепенно угасал. Уже у самого выхода Ник оглянулся. Дикарь не только сумел подняться, но и, вытянув руки, уже шагал следом за Ником. Вскинув излучатель, Ник дал еще одну вспышку.

Он бежал по петляющему коридору, и сумка с продуктами больно колотила его по бедру. Окружающая мгла заставила его снова надеть очки, и сразу стало светло. Позади неся протяжный свист. Наверняка дикарь звал соплеменников на помощь. Возможно даже, что помощь эта спешила по тому же проходу, по которому бежал сейчас Ник. Сердце его отчаянно колотилось. Он еще слышал слабеющее за спиной повизгивание и свист дикаря. Несколько раз он оборачивался, но погони за собой не обнаружил. Впрочем, это еще ничего не значило. Он уже успел убедиться, что аборигены много хитрее, чем можно было предположить. За действиями их крылась особая звериная мудрость. Они могли просчитать его маршрут, подготовить засаду, выйти против него не с пустыми руками. Если он хочет выйти победителем в этой схватке, то должен держать ухо востро.

Снова он входил в фосфоресцирующий зал. Тошнотворный запах и те же перемешавшиеся витыми корнями растения. Никаких мерцающих пятен. Пошатываясь от усталости, он доплелся до противоположной стены и привалился к прохладным камням. Бег по переходам вымотал его вконец. Если так пойдет и дальше, он просто не справится с возложенной на него задачей. Прислушавшись, он по-прежнему ничего не услышал. Либо преследователи оторвались от него, либо задумали какую-то хитрость. Позволить себе отдыхать более минуты он не мог.

Неровным шагом он вновь углубился в коридор. Куда же подевался мальчик? Он добрался до поворота, свернул за угол и очутился в огромном полуосвещенном зале, из кото-

рого лучами звезды убегали в черное пространство темные тоннели. Это была копия поста управления на базе. С приглушенным стоном Ник опустился на корточки. Пока ход не разветвлялся, у него оставалась надежда добраться до Вэнди, но сейчас он ощутил полную беспомощность. Темнота тоннелей смотрела на него черными ехидными провалами, и он чувствовал, как к горлу его подступают слезы. Спокойно! Он должен был сосредоточиться!.. У него еще оставалась возможность определить путь, которым отправился Вэнди. Но перед этим он должен был поесть. Целый день у него не было во рту маковой росинки. Последнее, что он ел, была та самая чашка с тонизирующим питьем. Еда!.. Он горько усмехнулся.

Концентраты подогрелись быстро. Ник открыл крышку и принялся за еду. Пожалуй, он вовремя вспомнил о том, что надо подкрепиться. Еще бы немного, и он просто рухнул бы где-нибудь на дороге. Ник с удивлением взглянул на опустевшую банку. Он прикончил ее в два счета. Тепло от желудка быстро расходилось по телу, восстанавливая утраченные силы. Вот уж чего он не мог допустить, так это сна! Ник с трудом поднялся на ноги.

Итак, перед ним пять тоннелей, пять шансов найти и упустить мальчика. Нет, это было невозможно. У него не было ни сил, ни времени, чтобы обследовать все пять тоннелей. Ему надо было отдохнуть. Хотя бы самую малость...

Он и не заметил, как очутился на земле. Спина мягко привалилась к тонкому желанному камню. А в следующую минуту он уже бежал, задыхаясь, по бесконечной веренице переходов. Среди грациозных тел то и дело мелькали членистые безобразные лапы и с дубинами в руках мчались свистящие дисцианцы. Свора настигала его, хватала за одежду. Напрягая силы, он отбивался от них руками, продолжая свой кошмарный бег. Земля пропала, он ринулся в пустоту. Пропать кружила его далеко наверху. Ник с ужасом всматривался вниз, туда, куда вот-вот он должен был упасть, но падение оказалось мягким. Ник был цел и невредим...

Рука его потянулась к лицу и тут же суматошно зашарила вокруг. У него не было очков! Или преследователи успе-

ли сорвать их с него? Он не мог вспомнить, чтобы кто-то из них дотягивался до его лица.

— Где же они? — в отчаянии пробормотал он.

— Если ты об очках, то они у меня.

Ник вздрогнул. Выходит, он спал! Спал самым неосторожным образом, а Вэнди дождался, когда он уснет, и снял с него очки! Хорошенькое дело!.. Или это не Вэнди? Он все еще не мог собраться с мыслями.

— Вэнди? — неуверенно спросил он. Горло его пересохло, и вопрос прозвучал сипло. Ник прокашлялся. Непроницаемая тьма по-прежнему окружала его, и тьма эта не собиралась ему отвечать.

— Кто это? Вэнди?

— Ты не Хакон. Настоящего Хакона никогда не было!

Ник медленно сел. Вот и все. Мальчик сделал наконец вывод, который ему следовало сделать еще там, на Корваре. Он раскусил его, и Ник понятия не имел, чем все это может закончиться.

— Ты не настоящий! — Это звучало уже как обвинение. — Ты один из них!

Ник поднес руку к лицу. Значит, это уже видно. Сначала заметил Лидс, а теперь и Вэнди.

— Ты один из них, — обвиняющим тоном продолжал мальчик. — И я могу оставить тебя здесь, как капитана. Он тоже был одним из них.

Ник справился со своим замешательством:

— Ты говоришь — «один из них». Что ты имеешь в виду?

— Один из врагов отца. И этого достаточно, чтобы я оставил тебя здесь.

— И куда же ты отправишься? — спросил Ник. Только сейчас он в полной мере прочувствовал всю безнадежность положения.

— Я выберусь наружу. Я знаю, что патруль ищет меня. Ни дикари, ни хищники не помешают мне. Сейчас у меня появились, благодаря тебе, продукты. Так что счастливо оставаться!

Ник услышал звук удаляющихся шагов.

— Вэнди! — Он в панике вскочил на ноги и бросился на звук шагов. Тело его с размаху ударилось о стену. Упав, он в отчаянии застонал. Мальчишка оставил его. Без очков, без продуктов. Возвращаться назад? Через логово дисианцев к беспомощному капитану? У него оставался лишь один выход. Он должен был довериться слуху и пытаться идти за Вэнди. Рано или поздно мальчик вынужден будет остановиться, и тогда он поговорит с ним.

Вытянув руки, он двинулся вперед. Стена, о которую он ударился. Чуть левее — вот и проход! Все, что у него осталось, — это слух и осязание, и их он обязан был использовать с наивысшей отдачей. Просто потому, что это было единственным способом выжить в сложившихся обстоятельствах. Неожиданно вспомнив, Ник суматошно зашарил по поясу. Излучатель! Вэнди, конечно же, не обратил на него внимания. Значит, он был не безоружен!

Чутко прислушиваясь к далеким шагам мальчика, он двигался, стараясь ступать с наибольшей осторожностью. Вэнди не спешил, но Ника тревожило другое. Мальчик мог видеть. В любой момент он мог обернуться, а под рукой у него бластер. Кто знает, что думал сейчас о нем мальчик. Во всяком случае, если он сбил с ног капитана, он мог поднять руку и на него. Ник ни на секунду не забывал о том, что он уже не Хакон. Для Вэнди он был незнакомцем, «одним из врагов его отца». И блокирующая программа заставляла бежать мальчика, бессознательно искать путь наверх, к патрульным.

По мере того как они продвигались по тоннелю, Ника все больше удивляла та уверенность, с которой Вэнди ориентировался в системе лабиринтов. Может быть, это действовала та же программа?

Ник сделал еще несколько шагов и остановился. Задумавшись, он на несколько секунд упустил из-под контроля движение мальчика. Чувствуя растущее беспокойство, он медленно вжался в стену. Повисшее молчание помогло ему сделать правильный вывод. Он почти воочию увидел, как, подняв бластер, Вэнди стоит чуть впереди него и всматри-

вается в прячущуюся тень. Ник не сомневался, что его заметили.

— Вэнди! — Его мозг лихорадочно подбирал нужные слова. — Ты бросил меня. Бросил, несмотря на то что фаннардды преследуют нас по пятам. Тебе прекрасно известно, что бы они со мной сделали.

Ник выпалил это единым махом. «Фаннардды» — слово, вовремя всплывшее в его памяти. Невидимые охотники за людьми. Еще одна выдумка из мира грез этого мальчугана. Зачем Ник вспомнил ее? Блокировка, все из-за нее. Он вновь должен был стать Хаконем, пусть ненадолго. А значит, еще оставалась небольшая надежда. Надежда переубедить озлобленного мальчика, заставить слушать себя.

— Ты молчишь? Стало быть, я прав, — продолжил он. Украдкой он коснулся невидимой мальчику щеки. Нет, он еще не потерял облика Хакона. Лишь в некоторых местах на коже выступила нездоровая шероховатость.

— Здесь нет никаких фаннарддов. — Голос Вэнди прозвучал угрюмо и недоверчиво.

— Почему ты так уверен в этом? Ты ведь знаешь, что их нельзя увидеть даже через очки.

Он услышал шаги. Но на этот раз Вэнди приближался к нему. Остановившись совсем рядом, мальчик крикнул:

— Говорю тебе, что ты лжешь! Ты не Хакон, и здесь нет никаких фаннарддов!

Ник был рад, что мальчик не убежал от него, но следовало не медлить с ответом. Наверняка этот сорванец внимательнейшим образом изучал его мимику.

— Ты ошибаешься. Они следуют за нами по пятам. Через одну из их ловушек я едва прорвался, разыскивая тебя. Если ты мне не веришь, можешь идти дальше и бросить меня здесь. Я хотел только предупредить тебя.

— Но это вовсе не Ушелье Тантов! Здесь не может быть охотников-невидимок!

— Верно, это лабиринты Диса, но тем не менее они обитают и здесь. Как бы то ни было, за нами идут опытные следопыты. Если ты не знаешь отсюда выхода, они скоро настигнут нас.

— Я не знаю выхода, — тихо произнес мальчик.

— Жаль. Я тоже не знаком с этими лабиринтами. — Ник помолчал. — Как насчет того, чтобы выбраться отсюда вдвоем?

Мальчик долго не отвечал ему. Сцепив зубы и стараясь выразить внешнее спокойствие, Ник ждал.

— Держи!

Что-то пролетев по воздуху, ударилось Нику в грудь и упало под ноги. Наклонившись, Ник начал шарить по полу.

— Возле твоей правой ноги, — холодно подсказал Вэнди.

Ник переместил ладонь и напрягся. Это не было очками, как того он ожидал. Юный путешественник швырнул ему кусок древесины, обвязанный веревкой. Прекрасно!.. Его собирались вести на поводке, словно домашнее животное!

— Ты... ты не веришь мне? — спросил он.

— Не знаю. Но, Хакон ты или нет, это мой путь, и я поведу тебя. Я не хочу, чтобы мною командовали. Поверь мне, так будет надежнее для нас обоих.

Ник мысленно поразился произошедшей с Вэнди перемене. Он уже мало походил на того пугливого мальчика, каким был всего несколько дней назад. Запутавшись в мире реальностей, он решил взять власть в свои руки. В конце концов, даже если перед ним был настоящий Хакон, этот Хакон обязан был подчиниться его законам и его решениям. Равноправие кончилось. Нику ничего не оставалось делать, как смириться с отведенной ему ролью. Играть по правилам Вэнди — еще не самое плохое. Кто знает, может быть, дальнейшие события заставят мальчика изменить свое отношение к нему. Ведь раньше Хакон мог командовать...

— Вэнди, — он старался, чтобы голос его звучал убедительно, — до того как началась буря, я шел к вам в сопровождении патруля твоего отца. Наводнение и ураган разбили наш отряд. Я потерял их, но, тем не менее, думаю, что они так или иначе доберутся до пещер. Поэтому самое разумное для нас — это двигаться назад навстречу патрульным...

Слова его оборвал язвительный смех. Ник в замешательстве замолчал.

— Не очень-то логично, Хакон! Значит, надо идти назад? А как же быть с коварными фаннардами? Не ты ли только что убеждал меня в том, что они преследуют нас по пятам?

— Да, это так. Но не забывай, что я сумел прорваться через одну из их ловушек, а у меня не было оружия. С твоим же бластером мы сможем одолеть их. Кроме того, я уверен, что они давно уже поджидают нас где-нибудь впереди. Они знают, что мы движемся в этом направлении. Если мы повернем назад, это будет для них неожиданность.

Вэнди молчал. Вероятно, слова Ника отчасти убедили его.

— И еще, — Ник спешил закрепить свою маленькую победу. — Здешние аборигены используют одну хитрость, которую мне удалось раскусить.

Ник рассказал мальчику о колеблющемся пятне света и о том, что он видел без очков. По вниманию, с которым его слушали, он понял, что заинтересовал Вэнди.

— В одном из тоннелей я видел гигантских червей, — в свою очередь сообщил Вэнди. — Мне пришлось потратить на них с десяток выстрелов. Они тоже светятся... Но, Хакон, идти обратно неразумно.

— Напротив. Этот путь мы уже успели изучить. Мы не заблудимся, а преодолеть препятствия нам помогут бластер и наша выдержка. И потом, ты уверен, что где-нибудь впереди мы не встретимся с чем-то, против чего окажется бессильным даже твое оружие? А повернув назад, мы будем двигаться навстречу патрулю.

— Хорошо, — нерешительно проговорил Вэнди. — Сделаем, как ты говоришь.

— Вот и ладно, — одобрил Ник. — Но для начала я бы не возражал, если бы ты вернул мои очки.

Он сразу понял, что допустил просчет. Мальчик еще не до конца поверил ему. Веревка резко натянулась.

— Нет! Ты пойдешь без очков. Это поможет тебе понять то положение, в котором не так давно пребывал я сам.

Помнится, тогда вы, господин Хакон, не спешили делиться со мной очками.

Ник промолчал. Что он мог сказать? Отчасти Вэнди был прав. А может быть, он прав был и во всем остальном? Мальчишку использовали в грязной игре грязные политики. Не по своей воле он находился здесь, и злость, проравшаяся в нем, была вполне объяснима.

Веревка снова натянулась, как бы отдавая молчаливый приказ, и Ник покорно двинулся вперед.

Глава 17

Ник хлебнул на Дисе уже немало самого разного, но испытать подобное унижение ему пришлось впервые. Подчиняясь рывкам веревки, спотыкаясь о невидимые камни, он шел за мальчиком, не пытаясь возмущаться и роптать. Время от времени он выдумывал какой-нибудь вопрос и задавал его мальчику, не всегда надеясь на ответ. Их роли переменялись. Вэнди стал сейчас не просто лидером, он хладнокровно играл роль маленького диктатора.

— Кстати, ты не голоден? — спросил Ник участливо.

— Не беспокойся. Я поел, пока ты спал в том зале.

Мальчик снова усмехнулся. Подавив в себе желание взорваться, Ник бодро продолжил разговор:

— Отлично! Путь у нас долгий. Значит, ты выдержишь. Кстати, что ты там видишь?

— «Кстати», — передразнил его мальчик. — Я вижу, что стены потихоньку начинают светиться. Тебе это о чем-то говорит?

— Кое о чем. — Ник остановился: — Стой!

— В чем дело, Хакон?

Ник знал, в чем дело. За время своего пребывания на Дисе он успел проникнуться недоверием ко всякому свечению. Если оно возникает перед тобой, жди опасности. Отравленные стебли растений, пушистые хищники, дисанцы... Что было сейчас? Напрягая зрение, он смотрел вперед. Он тоже начинал видеть мерцающее облако впереди них. На первый взгляд действительно казалось, что фосфо-

ресцировала стена. Но отчего же не светятся стены справа и слева?

Его настороженность передалась мальчику. Ник услышал, как он попятился.

— Что ты видишь, Вэнди? Расскажи поподробнее! — попросил он.

— Еще не знаю, — пролепетал мальчик. — Но мне кажется все же, что это не приманка, о которой ты говорил. Оно гораздо больше и неподвижно, но... Теперь я что-то начинаю чувствовать.

Это тоже не было новостью. Каждый второй обитатель этого неласкового мира обладал телепатическими способностями. Темнота, как ни один другой фактор, располагает к гипнотическому эффекту. Ник почувствовал, как пальцы мальчика коснулись его руки.

— Оно... оно хочет, чтобы мы приблизились к нему! — Шепот Вэнди перешел в торопливый поток слов: — Хакон! Это очень большое животное! Я боюсь, что бластер против него не поможет!

Не имея очков, Ник думал то же самое. Подобной величины мерцание не мог породить ни дисцианец, ни его гончая. Кроме того, присутствие незнакомого существа он уже чувствовал всем телом. Животное несомненно пыталось воздействовать на них, и сила этого воздействия неуклонно нарастала. Как если бы кто-то неведомый с каждой секундой все гуще и гуще оплетал их вязкой паутиной.

— Оно зовет нас! — шепнул Вэнди.

Мальчик стоял уже, прижавшись к нему всем телом. Внезапно он дрогнул и шагнул вперед, слепо, как лунатик. Ник ухватил его за плечи и рванул на себя. Он тоже ощущал желание двинуться навстречу сиянию, но сознание опасности удерживало его от опрометчивого шага. Держа одной рукой вырывающегося мальчика, второй — он нашарил у него на поясе подвешенные очки.

— Хакон!.. Оно требует. Я должен быть там!..

Ник суетливо пытался надеть очки, но одной рукой это было не просто выполнить. Мальчик продолжал вырываться, колотя его кулаками. Теперь он уже молчал. Швырнув

его на пол, Ник одним рывком натянул очки. И сразу окружающее стало ярким до нетерпимости. Переход от полного мрака к свету оказался не очень-то приятным. Воспользовавшись его замешательством, Вэнди вскочил на ноги и бросился навстречу мерцанию. Ник глядел и ничего не понимал. Он не видел никакого животного. Туманное сияющее облако. И тем не менее угроза исходила именно от него. Ник не сомневался в этом. Вероятно, они повстречались с еще одной формой жизни на Дисе, совершенно отличной от всего того, что они видели прежде.

Неестественно подняв голову, Вэнди бежал в сторону мерцающего сияния.

Ник выхватил излучатель. Может быть, свет и не действует на источник угрозы, но мальчик будет на время ослеплен. И это даст шанс хотя бы остановить его. Сдернув собственные очки, Ник нажал дважды на спуск. Две ослепительные вспышки озарили своды пещеры. Вскрикнув, Вэнди схватился за глаза и рухнул на камни. Ник располагал несколькими секундами. Подскочив к стонущему мальчику, он подхватил его под мышки и рывками потащил назад. Не сразу он обратил внимание, что гипнотическое воздействие на них прекратилось. Вспышки, подобно ножам, рассекли опутавшую их паутину. Они были свободны!

Продолжая тянуть мальчика, Ник не торопился одевать очки. Света в коридорах было более, чем достаточно.

Он считал уже, что они вырвались, когда их настиг новый телепатический удар. На этот раз он не манил и не звал, он стегнул по сознанию огненным бичом, заставив остановиться. Ник еще продолжал прижимать к себе обмякшее тело мальчика, но ноги его сами делали предательские шаги в обратном направлении. Он громко стонал, пытаясь превозмочь ту страшную силу, что навалилась на них.

Рухнув на колени, он выпустил Вэнди. Опираясь одной рукой о камни, второй он снова достал излучатель. Виски ломило. Он слабо соображал, что делает. Палец дрогнул на спуске, и снова всплеск клубящегося света освободил их.

Вэнди поднялся на четвереньки. Ник ухватил его поперек туловища и поставил на ноги. Их могла сейчас спасти только скорость. И они побежали на подгибающихся ногах, поддерживая друг друга руками, с каждой секундой все дальше уходя от опасности.

Очки Ника болтались на шее. Он не торопился надевать их. Свет еще мерцал за спиной, и, кроме того, в любую секунду излучатель мог снова пригодиться.

Вбежав в знакомое помещение зала, из которого начинались тоннели, он помог Вэнди присесть на каменный выступ и, прислушавшись, натянул на глаза очки. Он надеялся, что по крайней мере из опасной зоны они выскользнули. И все-таки лучше было не задерживаться. Протянув мальчику руку, он устремился к коридору, из которого они недавно вышли.

К облегчению Ника, Вэнди довольно быстро пришел в себя. Шаг его стал тверже, он уже не нуждался в постоянной поддержке.

— Хакон, что это было?

— Не знаю. Эту штуковину я встречаю впервые.

— Ты думаешь, она станет преследовать нас?

— Сомневаюсь. Ее оружие не нуждается в передвижении.

Ник настороженно всматривался в темноту. Они постепенно выходили из фосфоресцирующего пространства, приближаясь к царству чернильной мглы. Успев уже познакомиться с коварством дисианцев, Ник был уверен, что рано или поздно они опять повстречаются с дикарями.

— Вэнди, ты не потерял бластер?

— Нет, но, кажется, что заряд уже на нуле.

Ник посмотрел на оружие, подвешенное к поясу мальчика. Чуть выше рукояти красным предупреждающим огоньком мигал индикатор. Вэнди был прав. Энергии бластера, вероятно, хватит на выстрел или два. Это очень не понравилось Нику. Оставалось надеяться на излучатель, но кто знает, надолго ли хватит и его. Им следовало беречь заряды.

Они двигались уже в полной тьме. Свет остался далеко позади. Короткий отдых не принес успокоения. Вэнди немного оправился, но было очевидным, что недавнее происшествие глубоко потрясло его. От недавней самоуверенности мальчика не осталось и следа. Сидя на корточках, Ник постарался собраться с мыслями. Вэнди совершил большую ошибку, когда на свой страх и риск двинулся не тем коридором. Они тут же наткнулись на светящееся чудовище. Сейчас они шли напрямик к тому месту, где он оставил Лидса. Вэнди был с ним, и если они доберутся до капитана, а потом до отряда Инэда, все останется позади. Два «если»... Ник с отчаяньем подумал, что с иссякшей энергией оружие их стоит не многого. Оставалось лишь надеяться на старую удачу, которая, казалось, так долго не изменяла им. Тяжело вздохнув, он поднялся на ноги.

— Пойдем, Вэнди.

— Нет! — Голос мальчика едва заметно дрожал.

— Что с тобой?

— Я чувствую, что оно снова где-то впереди и поджидает нас.

— Этого не может быть, — мягко произнес Ник. — Мы покинули тот тоннель, и чудовище теперь далеко позади.

— Нет, Хакон, нет! — Вэнди поднял голову. — Ты не понимаешь. Оно совершенно не походит на всех тех, кого мы видели до сих пор. Значит, и передвигается оно совершенно иначе!

— Но не может же оно пройти напрямик через стены? — Ник не уловил убежденности в своем голосе. Что, собственно, он знал о том, чего могут или не могут существова Диса? Здесь все было несколько иное — начиная от неба и до глубоких подземелий.

— Но посуди сам, Вэнди, не можем же мы сидеть здесь до бесконечности. Кроме того, не забывай, что там, куда мы идем, находятся патрульные. Если мы объединимся с ними, нам не будут страшны никакие чудовища. Я видел их оружие. Оно намного мощнее нашего.

— Я не хочу идти, — упрямо повторил Вэнди. Но голос его был тих. Он и сам понимал, что бездействие — далеко не выход.

— Прислушайся. Разве ты чувствуешь тот ужас, который накатил на нас в том лабиринте?

— Нет, но он может начаться каждую секунду.

— Тебе это только кажется, — твердо сказал Ник. — Нам надо отправляться, если мы хотим спастись.

Мальчик нехотя поднялся, и они медленно тронулись в путь.

...Свет возник, когда оба они окончательно успокоились. Он замерцал далеко позади, и, оглянувшись в очередной раз, Ник тут же заметил его. Не произнося ни звука, он сжал плечо мальчика:

— Быстрее, Вэнди!

Голос выдал его. Впрочем, Вэнди догадался об опасности и без этого, потому что в следующее мгновение их настиг знакомый свист.

— Что это, Хакон?

Очередная свистящая волна перекрыла его слова, и Ник сморщился, словно от зубной боли.

— Диссианцы, — выдал он. — Это они!

Как ни странно, на лице мальчика отразилось облегчение. Видимо, страх перед тем существом был сильнее всего остального. Незвестный противник был для него лишь только еще одной неприятностью. То существо казалось нематериальным и неодолимым. Диссианцы же, по рассказам Ника, были такими же, как они, из плоти и крови... Ник подумал, что очень скоро мальчику придется убедиться в том, что диссианцы ничуть не лучше той светящейся туманной твари.

Они почти бежали. Свист не прекращался ни на миг, настигая их всюду, куда бы они ни повернули. Ник хорошо помнил о проворстве дикарей. В беге они не могли с ними состязаться. И все-таки самое страшное заключалось в этом гипнотическом свисте. Он завораживал, наполнял бессмысленным животным страхом. Нику показалось, что

свистит не один дикарь. Теперь это походило на целый хор. Если так, то им придется очень тяжело.

— Хакон! — Вэнди плакал. — Мы не уйдем от них!

Оба уже в полной мере оценили мощь давящего на них свиста. Ник обратил внимание на свои дрожащие руки, и это помогло ему преодолеть накатывающий на него страх.

— Они зовут нас, — шепнул он. — Такая уж у них охота. Да только они не дождутся, что мы пойдем на попятную.

Он говорил первое, что приходило на ум, стараясь ободрить и себя, и мальчика.

— Хакон! Они обошли нас!

С упавшим сердцем Ник поглядел вперед. Вэнди не ошибся. Далеко впереди тоже теперь мерцал свет. Только... Ник радостно вскрикнул. Это был конец того длинного тоннеля, в котором они сейчас находились. Возможно, это была та самая пещера, где он оставил Лидса!

— Вэнди! — он хлопнул мальчика по спине. — Это совсем другой свет! Нам надо торопиться туда!

Но торопиться им следовало в любом случае. Свист достиг оглушающей силы. Мельком Ник подумал о том, что Лидс навряд ли окажется в силах помочь им. Главные свои надежды Ник возлагал на патруль. Если бы Инэд со своими людьми был уже неподалеку от них!

В голове у него пульсировала знакомая боль. Мальчик тоже едва ковылял, шатаясь из стороны в сторону. Обоим приходилось теперь цепляться за стены, чтобы не упасть. Свет был так близок и так далек. До него можно было добежать на одном вздохе, но бежать они были уже не в состоянии.

Свист оборвался. Внезапно, словно по взмаху невидимой дирижерской палочки. Но Ник тут же понял, что это означает. Тишина была лишь паузой перед нападением. Дисанцы подкрались вплотную к ним и, видимо, готовы были броситься в атаку. И Ник несколько не удивился, когда в десятке шагов разом зажглись колеблющиеся огоньки. Гончие дисанцев! Они стремительно летели к беглецам.

— Вэнди! Бластер! — крикнул он.

Мальчик и не думал противиться, когда он рванул с его пояса оружие.

— Беги! — крикнул Ник. — Беги к выходу!

Выставив перед собой оружие, он быстро пятился. Кажется, Вэнди послушался его. Ник слышал удаляющиеся шаги. Если Лидс присоединится к ним, у них появится еще один бластер! Ник продолжал стремительно пятиться. Он что-то пугающе выкрикивал и взмахивал бластером. Спуск он нажал в самый последний момент. Угол излучения был поставлен на максимум, и первый же выстрел расшвырял нападающих. Тьма наполнилась визгом и рычанием. Вторая волна нападающих приближалась более осторожно. Они видели судьбу первых и не торопились навстречу смерти. В свою очередь, Ник не торопился применять бластер. Индикатор на матовой панели потух. Это значило, что выстрела могло и не последовать, и Ник продолжал отходить, веря, что Вэнди успел добраться до капитана, и каждый его шаг был теперь маленькой победой.

Глава 18

Они неотвратимо приближались к нему. Ник по-прежнему не видел ни одного дикаря. Зная об опасности, которая таилась в руках у чужестранца, они благоразумно пустили впереди себя гончих. Короткие туловища, пасть, напоминающая челюсти насекомых, и отвратительные членистые ноги. Передышка после выстрела оказалась короткой. Ник разглядел, что в передних конечностях гончих появились осколки камней. Твари оказались гораздо умнее, чем он предполагал вначале. Он чувствовал, что они затевают против него нечто иное, не похожее на обычную атаку.

Камень величиной с кулак ударил его по плечу. И тут же еще один снаряд вскользь задел его голову. Ник действовал чересчур медлительно, чтобы успевать уклоняться от бросков этих тварей. От попадания в кисть рука его тотчас онемела. Способ нападения, к которому они прибегли, был прост и надежен. Чуть-чуть не выронив бластер, Ник с кри-

ком отшатнулся в сторону. Палец его судорожно надавил на спуск.

Выстрел на этот раз оказался коротким. Бластер превратился в бесполезную ношу. И все-таки свое действие последний огненный всплеск оказал. Трое или четверо камнеметателей корчились на полу. Ник, низко пригнувшись, побежал. Дальше! Как можно дальше, пока они не опомнились...

— Хакон!

Кричали недалеко. Значит, Вэнди все-таки добрался до капитана!

— Я здесь, — выдохнул он. Руки его уперлись в края разлома. Мгновение, и он рухнул на пол среди ветвистых фосфоресцирующих стеблей. В двух шагах от него журчал ручей. Он добрался до них! Он хотел подняться, но не смог. Эхо звенело в голове. Голоса, которые он слышал, двоились и троились, превращаясь в смутный неразличимый гул. С трудом он заставил себя приподняться, но боль в плече ударила по глазам россыпью багровых искр.

— Ты меня понял, малыш?

Ник узнал властные нотки голоса Лидса. Капитан! Он здесь, рядом! Значит, они спасены. Бластер защитит их от дикарей!

— Надо торопиться!..

Ник повернул голову:

— Дисианцы! Они следуют за мной по пятам!

Рука Ника метнулась к лицу. Очков не было. Может быть, они слетели с него при падении? Он тщетно напрягал зрение, пытаясь рассмотреть Лидса и Вэнди.

— Наш дружок очнулся? — насмешливо спросил Лидс. Ник не поверил своим ушам. На мгновение он даже усомнился, что слова принадлежат капитану. Кто-то, хромя, приблизился к нему.

— Капитан, я пытался остановить их, но заряд бластера подошел к концу. А теперь мои очки...

— Зачем они тебе? — Из темноты усмехнулись. — Не настолько уж я жесток, чтобы оставлять тебе их. Поверь мне, уж лучше не видеть того, что здесь произойдет. Извини, но

нам надо идти. Ты сам говоришь, что дисианцы будут здесь с минуты на минуту.

— Я... — Нику казалось, что он чего-то мучительно не понимает. — Боюсь, что я не смогу двигаться самостоятельно.

— Само собой. — Капитан отошел от него. — Лучше для тебя оставаться, где ты есть.

— Но...

— У нас нет времени на прощание. Мы уходим, Хакон.

Последнее слово капитан произнес с нескрываемой издевкой.

— Ты хочешь сказать... — Ник был настолько потрясен, что с трудом подбирал слова. — Что вы... вы меня бросите?

— Ты догадлив, мой мальчик. Мы отправляемся на встречу патрулю.

— Без меня? — Ник все еще не мог поверить в случившееся.

— Без тебя... Вэнди, поторапливайся. Они уже где-то рядом. Думаю, наш дружок их немного задержит.

— Лидс!

Это был крик отчаянья. Ник слепо шарил вокруг. Слух его уловил удаляющиеся шаги. Что-то сбивчиво говорил Вэнди, но твердый обаятельный голос капитана спокойно и убеждающе не соглашался.

Ник уцепился за один из фосфоресцирующих корней и кое-как поднялся. Мозг его лихорадочно работал. Душа же была разбита и растоптана. Это было хуже, чем потеря обещанного лица. Его предал человек, которому он доверял до последней минуты. Возможно даже, что предательство входило в его планы с самого начала. Теперь все становилось на свои места. Истории, противоречащие одна другой, суровое выражение на лице Джины. Может быть, она была против того, чтобы делать ему временное лицо, но это было основной приманкой Гильдии. Обещая повторную операцию, Лидс мог вытворять с Ником что угодно. Говоря о двух месяцах, они не шутили. Даже по доброй воле он бы не ушел от них. Лицо было якорем, на котором они могли удерживать, не прибегая ни к каким запугиваниям. Гиль-

дия оставалась Гильдией и отнюдь не собиралась тратить деньги на неизвестного бродяжку из Диппла. Они держались за него ровно столько, сколько требовалось для дела. Операция потерпела крах, и его участь стала зависеть лишь от пожеланий капитана. До тех пор, пока Лидс сознавал необходимость услуг Ника, он и не думал отказываться от них, терпеливо выдумывая истории одну за другой. Сейчас же дело было сделано. Вэнди находился у него в руках, а договориться о судьбе одного человека было неизмеримо легче. Кроме того, капитан упростил и задачу отхода. Действительно, наткнувшись на Ника, дисианцы могли и не последовать дальше.

Ник скрежетал зубами. Отчаяние, готовое прорваться слезами, вскипело в нем неожиданной злостью. И именно эта злость помогла ему двигаться. Он еще помнил, в какую сторону удалились голоса. Двигаться вслепую было для него не в новинку. Правая рука прошла ошупью по поясу. Излучателя не было. Лидс предусмотрел и это. Что ж, это только прибавило ему сил.

Продвигаясь вперед и цепляясь руками за стену, он постоянно ждал нападения сзади, но ничего не происходило. Может быть, дисианцев устрасил последний его выстрел? Потеряв стольких слуг, не отказались ли они от повторных атак? Если это было правдой, то кое-какой шанс у него еще имелся. Он мог смириться со своей гибелью, но его бросало в яростный жар при одной мысли, что те, по чьей вине он погибнет, останутся безнаказанными.

Нет, он не винил Вэнди. Мальчик был в праве не доверять ему. Пусть смутно, но, по-видимому, он сознавал, что его используют в каких-то корыстных целях. Отсюда и жесткость, проявляемая по отношению к неожиданному спутнику, вынырнувшему из сновидений. Но капитан!..

Напрягая силы, Ник ковылял вперед. По крайней мере, он сделает все от него зависящее, чтобы не позволить Лидсу благополучно улететь с Диса!

Путь показался ему бесконечным. Один раз Ник чуть было не потерял сознание, ткнувшись разбитым плечом в невидимую стену. Все, чем он располагал, состояло из

ослабленных рук и ног да горстки решимости. Нервы, издерганные этими днями на планете мрака, откликались на каждый шорох. Собственное хрипящее дыхание порой начинало казаться ему рыком подкрадывающегося животного. Картины прошлого пестрым несвязным сумбуром всплывали перед воспаленным мозгом, и он рассматривал их с тупым безразличием. Флиттеры, корабли, ливни и пушистые хищники, гипнотизирующие своим удивительным танцем. Может быть, это было и не самое худшее — погибнуть здесь. Вэнди рассматривал это как опасное, но увлекательное приключение, почему бы и ему не смотреть на это так же... В конце концов, там, в сырых и полусгнивших бараках Диппла, он мог бы провести долгую безрадостную жизнь, но нужно ли это было ему?

Нечастые прояснения рассудка возвращали его к печальной действительности. Сначала Хакон, потом Вэнди... Ник уцепился за эту мысль. Да, теперь он не сомневался, что и Вэнди ждет нечто похожее на его судьбу. Лидс не отдаст его Патрулю. Старому и опытному члену Гильдии, безусловно, потребуются гарантии, а главной гарантией был сам Вэнди. Пока мальчик с ним, капитану нечего опасаться. Патруль пойдет на любые уступки. Утихшая было злость вновь вскипела в груди Ника. Сейчас он готов был простить Вэнди всю его былую подозрительность. И прежде всего потому, что видел в нем товарища по несчастью.

Мертвенно-бледный свет подсказал ему, что где-то вблизи пещера, подобная той, в которой Лидс оставил его. И тут же до Ника донеслось приглушенное бормотание. Удвоив осторожность, он крался вперед, забыв о боли и усталости. Он не собирался обнаруживать себя раньше времени.

Сделав последние два шага, он медленно выглянул из своего укрытия. Не будь здесь фосфоресцирующей растительности, Ник навряд ли разглядел бы своих недавних попутчиков, но слабый свет позволил ему рассмотреть фигуры сидящих людей. Руки у мальчика были связаны. Он

сидел неподалеку от своего конвоира. Лидс же неторопливо вскрывал банки с концентратами.

Опустив глаза, Ник зашарил по каменному полу. Если бы сейчас ему тот камень, что угодил ему в голову! Уж он бы знал, куда его метнуть... Движения капитана были медлительны и лишены всяческой суетливости. Судя по всему, он чувствовал себя более чем уверенно. Глядя, как он ест, Ник ощутил спазматическое подрагивание в глубине живота. Но Лидс не спешил прекратить его мучения. Насытившись, он предложил еду Вэнди. Мальчик не стал отказываться, но есть ему пришлось с помощью капитана. Лидс так и не развязал ему руки.

— Я надеялся, что твои друзья подоспеют к нам, но они, очевидно, заблудились, — с усмешкой произнес капитан. — Вероятно, их сбил с толку тот трюк, что выкинул твой дружок. Он кинул сумку с радиодатчиком в ручей. Но кому, как не мне, знать, что у тебя есть кое-что получше датчика. Я не ошибаюсь, Вэнди?

Мальчик не ответил ему. Нику показалось, что лицо его насуплено.

— Можешь не отвечать, но я-то знаю, что это так. Ты можешь сделать экстренный вызов, и тебя услышат. На этот раз обязательно услышат, потому что они внимательно слушают.

Дрожащий голос мальчика возразил ему:

— Я сделаю вызов, а вы уничтожите всех, кто сюда подойдет.

— Напротив, мой мальчик! Я встречу их с распростертыми объятиями. Посуди сам, зачем мне стрелять в них? Вернуть тебя любящему отцу — лучшее и единственное, что мне остается. Взамен мне подарят свободу и жизнь. Как видишь, я откровенен с тобой.

— Хакон сказал...

Лидс рассмеялся:

— Бедный мой мальчик, попробуй уяснить одну простую вещь. Хакона нет и никогда не было! Фантазия, которой воспользовался этот крысеныш из Диппла! Некий Ник

Колгерн, который не заслуживает абсолютно никакого внимания. Он даже не член Гильдии!

— Зато вы уж наверняка один из членов этой воровской команды, — зло бросил Вэнди.

— И опять мимо. — Капитан продолжал благожелательно улыбаться. — Я представляю Гильдию, пока меня это устраивает, и не более того! Думаю, кое-кому из наших не понравился бы тот факт, что я возвращаю военачальнику его сына в целостности и сохранности, но, как видишь, меня это не очень-то тревожит. Все, что требуется от тебя, — это рассказать командиру патруля правду.

— Это какую же правду?

Лидс изобразил на лице удивление:

— Я-то думал, что ты все уже понял. Я пробрался на Дис, чтобы освободить тебя. Всю жизнь питал огромное уважение к лорду, династии Аркама и членам его семьи. Мне пришлось потрудиться, и дело выгорело. Я освободил тебя от того, кто сманил тебя с Корвара. Разве это не так?

— Но что будет с Хаконом? — тихо спросил Вэнди.

— Если ты спрашиваешь об этом крысеныше Колгерне, то думаю, что ничего особенного. Останется в той пещере. Впрочем, если Патруль заинтересуется его персоной, возражать я не собираюсь, — Лидс великодушно развел руками.

— Но он говорил, что за ним гонятся дисианцы, и я тоже их видел. Он рисковал собой. Что, если он погибнет?

Капитан пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Это Дис. Если бы я начал заниматься им, кто знает, что бы случилось с тобой. Ты меня интересовал больше, и я вынужден был забыть об этом отщепенце из Диппла. Еще раз пойми, он никто. Он обманывал тебя от начала и до конца.

— И не только он, — медленно проговорил мальчик.

Лидс вздохнул:

— По-моему, мы только теряем время. Не пора ли установить связь с твоими друзьями? Вероятно, Инэд чертовски обрадуется, услышав твой голос.

— Инэд? Он возглавляет Патруль? — Вэнди оживленно поднял голову. — Хорошо, но... Каким образом я свяжусь с ним, если руки у меня связаны?

— Не обижайся. Вынужденная мера, только и всего. Я освобожу твою руку, пока одну. Я ведь прекрасно изучил тебя. Ты маленькая скользкая рыбка, у которой, помимо всего прочего, есть остренькие зубки. Я бы очень не хотел упустить тебя. Особенно сейчас.

Пока капитан возился с узлами, Ник прикидывал расстояние, которое следовало одолеть ему, чтобы завладеть бластером. При его слабости это казалось невозможным. Ему ничего не оставалось делать, как продолжать свое безрадостное наблюдение. Он увидел, как Вэнди встряхнул затекшей рукой, а потом вытащил из-за пазухи небольшую коробочку. Прижав передатчик к самым губам, он что-то быстро зашептал. Капитан внимательно наблюдал за ним. Глядя на его напряженное лицо, Ник заметил нечто странное. Он даже не понял сначала, что же его насторожило. Цвет! Цвет лица Лидса медленно менялся. Ник взволнованно сжал кулаки. Что-то происходило в маленькой пещере, но ни Лидс, ни Вэнди этого не замечали. Ник торопливым взглядом обежал своды пещеры. Но что он мог рассмотреть в этом беспросветном мраке? Редкие фосфоресцирующие контуры и чернильная мгла... И все-таки он увидел *это!*

В дальнем углу из ничего, из воздуха, формировалось нечто светящееся и пульсирующее, туманными отростками ошупывающее вокруг себя пространство. То самое существо, от которого им едва удалось убежать. Ник с ужасом смотрел, как оно быстро растет. Значит, Вэнди был прав, предполагая, что чудовище может проходить сквозь стены?..

— Ну что, есть связь? — осведомился Лидс.

— Да, но... — Пальцы Вэнди выронили передатчик. Он увидел чудовище и открыл рот в беззвучном крике. Лидс проследил глазами в направлении его взгляда и торопливо вскочил. Бластер в его руке сверкнул вспышкой. И еще раз. Свечение продолжало разрастаться. Нику показалось, что

чудовище небрежными глотками всосало в себя энергию оружия. Выстрелы ничуть не замедлили его роста. И капитан и Вэнди медленно попятились.

Существо не спешило нападать и не использовало своей телепатической мощи, оно просто заполняло пещеру своей бестелесной субстанцией.

Ник напряженно следил за чудовищем. Пожалуй, в одном Лидс прав. Кем бы ни был этот Ник Колгерн, с ним покончено раз и навсегда. И если так, то пусть уж конец будет достойным. В какие-то секунды в нем произошел перелом, превратив приближающуюся смерть в нечто нестрашное, само собой разумеющееся.

— Капитан! Это чудовище боится излучателя! — крикнул он. — Ты слышишь меня, Лидс?!

Капитан продолжал пятиться, ничего не слыша. Расширенными от ужаса глазами он смотрел только в сторону расплывающегося по пещере сияния. Вэнди сообразил быстрее. Изумленно взглянув на Ника, он тут же перевел взгляд на Лидса. Единственная свободная рука его метнулась к излучателю. Неизвестно, что об этом подумал Лидс, во всяком случае, ухватив мальчика за локоть, он с силой отшвырнул его назад. Тем не менее Вэнди успел выхватить излучатель. Оружие полетело на землю. Ник более не раздумывал. Собравшись с силами, он бросился к излучателю. Краем глаза он успел заметить, что Вэнди борется с капитаном. Может быть, Лидс сошел с ума?.. Схватив излучатель за серебристую рукоять, Ник быстро перекатился чуть в сторону. Капитан уже спешил к нему. Лицо его было перекошено. Очки и злобная гримаса превращали его в пугающую маску. Отвернувшись, Ник прицелился в мерцающее чудовище и выстрелил.

Ему показалось, что воздух наполнился стоном. Полыхающее зарево стиснуло затрепетавшее сияние, сжало до неуловимо малых размеров. Ник огляделся. Вытянув перед собой руки, Лидс слепо шагал в сторону чудовища. Словно почувствовав приближение человека, последнее трепетно запульсировало, вытянуло навстречу туманные щупальца.

— Лидс! — выкрикнул Ник. А может быть, это было и не криком. Неясный шум наполнял пещеру, изменяя звуки до неузнаваемости. Как бы то ни было, капитан не обратил на возглас ни малейшего внимания. Сделав последний роковой шаг, он прикоснулся к туманному сиянию и с хрипом рухнул на колени. А в следующее мгновение Ник сделал отчаянную попытку броситься наперерез Вэнди. Мальчик, покачиваясь, шел следом за Лидсом. Пальцы его вцепились в лодыжку мальчика, и они покатались по земле. Чудовище вновь разрасталось. Капитан исчез в ядовитом сиянии, растворился в кислотной субстанции, и тотчас последовало оживление заволаживающей пульсации. Свет быстро угасал. Удерживая вырывающегося мальчика, Ник с отчаянием шарил вокруг рукой в поисках излучателя. Он выронил его, когда боролся с Вэнди. На туманное сияние он старался не смотреть. Что-то коснулось его плеча, и он вскинул голову.

— Ложись на пол и молчи!

Перед ним стоял офицер Патруля. В руках у него был тяжелый, снабженный широким раструбом агрегат. Оружие, подобных которому Нику еще не приходилось видеть.

— Спокойно, Вэнди, это помощь! — Он лег рядом с мальчиком.

С ревом всколыхнулся воздух. Ослепительный сноп огня метнулся к мерцающему чудовищу.

* * *

Окно располагалось чересчур высоко, чтобы Ник мог заглянуть в него, но он и с закрытыми глазами мог бы сказать, что там, за кирпичными стенами, пылает яркое солнце. Лучи его теплыми игривыми зайчатами скакали по обоям, по одеялу, под которым лежал Ник.

Снова ему приходилось гадать о том, где он находится. Но на этот раз можно было не таиться и не задерживать дыхание. Наслаждаясь игрой солнечного света, он медленно вспоминал все то, что произошло с ним за последнее время. Колеблясь, он не знал, что же назвать сном: всю его жизнь, втиснутую между днем, когда его нашли на разру-

шенном корабле, и днем возвращения с Диса, или же то, что он ощущал теперь.

— Хакон!

Он отнюдь не был уверен, что ему это не послышалось. А даже если и не послышалось, то что с того?

— Хакона нет, — медленно произнес он и обернулся. В дверях комнаты стоял Вэнди. Умытый, причесанный, совсем не похожий на того затравленного паренька, каким привык его видеть Ник на Дисе. Да и видели ли они друг друга? Там была ночь, кромешная ночь, в которой жили, разговаривали и воевали одни лишь призраки. Рядом с Вэнди стоял высокий черноволосый мужчина, в котором Ник без труда угадал отца мальчика. Это получилось само собой, рука Ника беспомощно потянулась к нижней части лица. Он был уже не на Дисе, спасительной тьмы не было, и сам он перестал быть Хаконем. Ник не сомневался, что печальные прогнозы Джинны успели сбыться.

Отец Вэнди подошел к нему и отвел его ладонь в сторону.

— В этом нет необходимости, Хакон. Если хочешь, можешь полюбоваться на себя в зеркало. Думаю, ты не будешь оспаривать тот факт, что наши врачи ничуть не хуже врачей, нанимаемых Гильдией.

Сердце Ника бешено застучало. Словно из тумана на него глянуло знакомое и в то же время незнакомое лицо. Черные вьющиеся волосы, смуглая гладкая кожа и перепуганные глаза.

— Это неправда! — вырвалось у него.

— Что именно? — осведомился лорд Аркама. — То, что ты сейчас перед собой видишь, или то, что говорил тебе о возможностях медицины некий капитан Лидс?

— Я... — Ник растерянно шевелил губами, не зная, что сказать.

— Хорошо, об этом после. А сейчас поговорим о Хаконе.

— Хаконе?

— То есть о тебе. Как ты только что убедился, ты Хакон и останешься им навсегда.

— Но Хакон никогда не было в действительности! — выкрикнул Ник.

— Да? — Брови лорда Аркама удивленно изогнулись. — Странно... Кто же в таком случае составил моему сыну компанию на Дисе?

Ник опустил голову. Ему было трудно смотреть в эти пытливые глаза.

— Я вынужден был обманывать Вэнди, — пробормотал он.

— Не трудись, — лорд приподнял правую ладонь. — Не стоит. Того, что мы знаем, вполне достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Сейчас меня главным образом интересует тот занимательный факт, что мнимый Хакон оказался действительностью. При всех своих возможностях я бы не смог предложить сыну подобное чудо. Уж не знаю, что он там нафантазировал, но, видимо, многое. Он жаждал спутника и товарища, защитника и храброго опекуна. И, на мой взгляд, ему повезло. Его мечты стали реальностью.

— Но я Ник Колгерн, — тихо произнес Ник. — Хакон — это маска.

— Пусть так, но, по-моему, она тебе к лицу. Думаю, и ты тоже так считаешь. Словом, Вэнди не собирается отказываться от тебя, а я не собираюсь отказывать ему.

— Но я увел его с Корвара, — пролепетал Ник. Он уже и сам не знал, чего он добивается. К счастью, терпения у лорда было более чем достаточно.

— А на Дисе ты его спасал, и не раз. Разве не так? И разве не ты рисковал при этом жизнью? Я высоко ценю неприкосновенность моего сына. Ты обеспечил ее. И теперь я позабочусь о твоём будущем. Но при одном маленьком условии: мы забудем о несчастной жизни некоего Колгерна и свыкнемся с существованием Хакон.

Рука Ника вновь поднялась к лицу, но сейчас он хотел лишний раз убедиться, что зеркало не обмануло его. Все, что говорил сейчас лорд, казалось слишком нереальным. Этому следовало найти подтверждение, и пальцы нашли

это подтверждение. Кожа была гладкой и нежной. Прикасаться к ней казалось настоящим волшебством. Он и не заметил, как к нему приблизился Вэнди:

— Ты неплохо выглядишь, Хакон! Это правда.

Ник не сумел сдержаться, веки его жалобно моргнули, и пальцы ощутили на щеке мокрое. Он смотрел сквозь заволакивающий глаза туман на Вэнди и на лорда Аркама и молчал. Слишком многое он мог им сказать сейчас. На это не хватило бы его сердца, его нервов. И потому он молчал.

**ВИЗИТ
К ПРЕДТЕЧАМ**

Предисловие автора

Парапсихологию теперь во всем мире воспринимают всерьез, ее перестали чураться и опасаться. Какое-то время ее относили к фантастике все, кроме тех немногих, кто располагал подтвержденными фактами. Преодолев барьеры насмешек и суеверного ужаса, парапсихология стала наконец предметом серьезных исследований и удивительных экспериментов.

С глубокой древности известен дар психометрии. Сегодня существует немало документов, удостоверяющих способность некоторых людей узнавать историю незнакомых им ранее предметов, входя с ними в мысленный контакт. Это явление использовал английский археолог Т.С. Летбридж, с помощью психометрии исследуя в Британии раскопы поселений и памятники культуры дороманской эпохи. Проявления психометрии и сделанные благодаря им археологические открытия описаны ученым в книге «Экстрасенсорное восприятие, привидения и жезл пророка».

Я и сама являюсь свидетельницей четырех «считываний» информации с предметов человеком, обладавшим талантом психометрии и развившим его тренировкой. Результаты меня ошеломили. Работа с тремя полученными из моих рук предметами дала абсолютно уверенную и подробную информацию об их истории. На четвертый раз сведения оказались более расплывчатыми, так как объект «считывания» (фрагмент античного украшения) побывал во многих руках.

В одном случае данные психометрии полностью совпали с тем, что я знала о предмете. В другом — подробное описание истории куска очень редкой и старой китайской ткани было через месяц с небольшим подтверждено экспертами. Причем я и сама до этого не знала ничего об этом предмете.

Поставленный Летбриджем эксперимент по привлечению к археологии психометристов может положить начало новой методике исторических исследований.

Глава 1

Зианта стояла перед дверью, свободной рукой поглаживая перчатку, крепко облегающую другую руку. Энергия, упрятанная умельцами в переплетениях ткани, отвечала теплым покалыванием. Ей приходилось наблюдать работу с такими перчатками, но обо всем спектре их возможностей оставалось только догадываться. С Ясы запросили бешеную цену даже за разовое пользование только одной перчаткой.

Зианта еще раз послала мысле-импульс через прочную дверь в коридор, просмотрела его от начала до конца. Ничего настораживающего, как и предвидела Энния. Глубоко вдохнув, выставила разогретую пульсирующими иголочками ладонь и прижала ее к замку. Сейчас станет ясно, стоит ли перчатка такой кучи денег.

Бежали секунды. Зианта облизнула пересохшие губы — похоже, Ясу все-таки надули. Эта мысль умерла, не успев оформиться: дверь начала послушно убираться в стену, открывая вход. Еще один мощный импульс через порог: вдруг на пути есть охранные устройства, нейтрализовывать которых ее не научили?

Все чисто. Верховный лорд Джукундус слишком традиционен в выборе средств защиты — они для Воровской гильдии не опаснее детских погремушек. Однако, переступив порог, она положила ту руку, что была без перчатки, на пояс, богато украшенный самоцветами. В каждом из камней спрятан крошечный, но мощный детектор. Включать свет не было необходимости. Она просто опустила на лоб устройство ночного видения, замаскировавшееся под

богато декорированный обруч, кажущийся неотъемлемой деталью ее модного головного убора. Особым был и плащ: нажав на кнопку у ворота, она обретала невидимость. Стоимость ее сегодняшнего туалета превышала годовой бюджет населения небольшой планеты. Она выражалась в сумме, недоступной математическим познаниям Зианты.

Она вошла в большую комнату, обстановка которой была роскошной даже для Корвара — планеты удовольствий. Сокровища... Ее взгляд скользил равнодушно — она проникла сюда лишь ради одной вещи. Зианта плотно обернула плащ вокруг тела, чтобы не коснуться ничего в этой комнате: даже крошечная утечка энергии могла оставить след, который ее выдаст. Она проскользнула через комнату к противоположной стене. Если план Ясы сработает и налет пройдет чисто, Джукундус ничего не заподозрит до тех пор, пока его тайны не будут выгодно проданы.

Прибор ночного видения позволял свободно ориентироваться во мраке. Но не только он помогал ей — она получила уже два сигнала от спрятанных в поясе детекторов. В таких случаях приходилось сосредотачиваться, чтобы подстраховаться мыслеуправляемыми защитными устройствами, хотя на это тратилась лишняя психическая энергия.

Всю стену занимало изображение космического пейзажа. Ей нужно было избавиться от перчатки, но не хотелось даже на секунду отрывать свободную руку от детекторов. Пришлось расстегнуть застежку перчатки языком и вытереть жгучий укол.

Освободив руку, Зианта извлекла из-за пазухи миниатюрный диск и прижала его к одной из звезд на пейзаже. Стена завибрировала, и это болью отозвалось в мозгу. Участок стены пополз вверх, открывая большой шкаф. Приборы, сработанные умельцами Гильдии, действовали безупречно. Но дальше ей предстоит полагаться только на собственные способности.

Шкаф заполняли ряды кубиков, таких маленьких, что в руке могло поместиться сразу несколько штук. В этом мно-

жестве необходимо быстро и точно найти нужные и психометрически считать с них информацию.

Невольно задержав дыхание, она приложила пальцы к крайнему кубику в верхнем ряду, потом — к соседнему, к третьему... Не этот, не этот... До конца ряда так и не встретился нужный, хотя все они были начинены бесценными данными. Здесь Джукундус хранит свои записи. Не важно, что его имущество на разных планетах теперь конфисковано и он вынужден скрываться. Эти кубики помогут лорду вернуть свою власть над людьми, построить другую, еще более пышную и могущественную империю.

Есть! Она достала кубик из среднего ряда и поднесла его к голове выше обруча, точно против середины лба. Это был наиболее опасный момент налета. Сейчас она не могла рассеивать внимание ни на детекторы, ни на свою мыслезащиту: нужно полностью сосредоточиться на считывании. Микрозапись не содержала слов или образов, все было закодировано набором непонятных символов, которые Зианта была обязана скопировать в памяти... Кажется, все. Вернув кубик в гнездо, она снова стала водить пальцами по рядам: Яса предполагала, что записей может быть две.

Так и есть! Опять она была незащищенной, не способной к каким-либо действиям, пока не закончит прием информации. Но ведь мог быть и третий куб; пришлось проверить весь шкаф, чтобы убедиться, что их только два. Зианта с облегчением закрыла шкаф, стена с пейзажем опустилась на место, щелкнул запор.

Она снова укуталась в плащ — теперь нужно исчезнуть так же незаметно и осмотрительно, как проникла сюда. Снова лавирующие шаги, чтобы ничего не коснуться, не оставить ни малейшего намека на след... Но что это?

Она хотела еще плотнее запахнуть плащ, боясь задеть стоящий на пути столик с дорогими безделушками. Но ткань проскользнула меж пальцев, а рука потянулась дальше, вперед, хотя она вовсе не желала этого.

Зианта обмерла от страха, решив, что ее кисть захвачена каким-то хитроумным силовым капканом, не обнаружен-

ным детекторами. Затем поняла, что нечто психически требовало ее внимания.

Это было незнакомое ей и пугающее ощущение. Она всегда считала свои психометрические способности достаточно сильными. Сейчас Зианта была на грани паники: на этом столике было нечто, что обладало более сильным зарядом психической энергии, чем все приборы Гильдии. Это «нечто» притягивало ее, словно магнит.

Страх усиливался сознанием растущей опасности из-за того, что она задерживается на месте своего преступления. Но перед ней было нечто, что требовало использования ее таланта.

Она плотнее прижала к голове обруч. На столе — шесть предметов. Неведомое животное, искусно вырезанное из цельного самоцвета. Розовый кристалл с заточенным внутрь крылатым цветком с Виргала III. Шкатулка из стиррианского каменного дерева — пустая. Головоломка из концентрических колец — такие делают только на Лисандере. Изукрашенная сапфирами корзиночка для лакомств. И среди этих драгоценных вещиц — сухой комок глины, пыльный, невзрачный.

Зианта увидела на этом странном здесь предмете таинственные знаки. Рука сама потянулась к ним — и словно оказалась охваченной жгучим пламенем. Нет, она все-таки не притронулась к безобразному комку: этого делать нельзя, ни в коем случае нельзя — для нее это гибель.

Торопливо обмотав руку полой плаща, девушка опасливо обогнула стол. Какая-то ловушка, устроенная таинственными силами, скорее всего даже не Джукундусом, но явно с целью обезоружить любого подобного ей носителя психоэнергии. Эта догадка напугала ее не меньше, чем если бы сейчас взвыла сирена тревоги или загрохотали у входа сапоги патрульных.

Не помня себя, она выбежала за дверь; шелкнул замок. Ей казалось, что даже на улице слышно ее учащенное, рвущее грудь дыхание — дыхание существа, чудом избежавшего смерти. И в то же время ее жгло желание вернуться, схватить этот комок глины, или облепленный

ссохшейся землей камень, или что оно там — но узнать, что это было!

Зианта мучительно боролась с искушением, а руки между тем подправляли ее наряд; и вот она уже выглядит под стать другим женщинам, развлекающимся здесь. Это было частью разработанного для нее плана. Он удался блестяще, Яса получит то, ради чего организовала дорогостоящую операцию. Но в душе Зианты не было упоения успехом. Ее терзало сомнение: не осталось ли там, за дверью, нечто несравненно более ценное, чем награда Ясы...

Рин выступил неожиданно ей навстречу из бокового коридора. Он был одет и вооружен как профессиональный телохранитель. Гильдия телохранителей пользовалась некоторым покровительством властей, так как оберегала важных персон и богачей от покушений. А те, кто превратил Корвар в центр развлечений галактической элиты, имели причины и средства нанимать личную охрану.

Она на ходу едва заметно наклонила голову: все в порядке. Рин двинулся за ней, на шаг позади, как и положено телохранителю богатой дамы. Многочисленные зеркала, украшавшие коридоры и холлы громадного здания, отражали стройную фигуру в нарядах Девы Золь. Золотистый плащ являлся великолепным фоном для драгоценностей: пояса, ожерелья и головного убора с эффектно задраным кверху сверкающим обручем. Маска довольства и высокомерия застыла на лице, наведенная толстым слоем грима.

Спустившись, они окунулись в веселую толпу, где смешались одежды, облики и наречия обитателей разных миров Галактики. Корвар был не только центром развлечений, но крупным транзитным портом. Для путешествующих и кутящих здесь лордов провести вечер или неделю в обществе Девы Золь считалось весьма престижным, хотя и дорогим, приключением. Энния, одолжившая на этот вечер Зианте свои туалеты, вышколила ее на славу. Сама же она, согласно плану операции, развлекала сейчас высшего лорда Джукундуса в каком-то дворце где-то далеко отсюда...

Центральный холл представлял собой пестрый калейдоскоп гостей, прогуливающих, сталкивающихся в дверях банкетных и игорных залов. Они погрузились в этот разнонаправленный поток; Зианта продолжала идти, ни разу не обернувшись на Рина. Между тем она бросала цепкие взгляды на лица встречаемых — зондировала. Ее преследовало навязчивое ощущение, что она под наблюдением. Что это: опасность, реакция истощенной психики или контакт с комком глины лишил ее покоя? Она и сейчас чувствовала где-то в глубине сознания зовущее притяжение камня. Но это заглушалось каким-то более близким раздражителем, хотя в нем не было ничего, не подвластного ее воле.

А действительно ли есть слежка? Но ведь ее поле надежно экранировано скрытыми в одежде устройствами. Техника, которой располагает Воровская гильдия, известна только узкому кругу посвященных, нигде ничего подобного не купишь. Эти успокоительные доводы не разогнали, однако, тягостную атмосферу... Чего? Поиска? Слежки? Скорее поиска. Ее ищут, но еще не обнаружили, иначе она тут же поняла бы это.

Повинуясь чуть заметному жесту Зианты, телохранитель поспешил вперед и вызвал флиттер. Выйдя на воздух, она плотнее запахнула плащ и подняла воротник. Ночная прохлада подействовала умиротворяюще, она вздохнула свободнее: видимо, тревога была все же напрасной, никакой угрозы нет.

Внизу был Тикил, море кипучего веселья, музыки и ярких огней. Беззаботность вдруг захватила и Зианту. В душе поселилась радость: сегодня она наконец совершила то, для чего много лет ее готовили — обучали и охраняли. Сегодня она оплатила этот тяготевший над ней долг. Может, теперь она станет свободной?

Свобода... Зианта зябко поежилась, словно поток воздуха проникал сквозь купол в кабину флиттера. Когда-то она уже была свободна, но можно ли ту жизнь назвать счастьем? Ложась на курс к вилле Ясы, флиттер описывал широкий круг. Многоцветье веселых огней далеко внизу сменилось угрюмой чернотой трущоб. Диппл... Он и днем был грязно-

серым, как его унылые бараки, как лица тех, кто прозябал за стенами облезлых жилищ.

Те, кто облюбовал Корвар для своих утех, много бы дали, чтобы покончить с этим позорным пятном нищеты. Но Диппл был всегда, и он будет всегда, пока на свете существуют бедность и неустроенность.

Зианта откинулась на сиденье. Пусть ее нынешняя свобода весьма относительна, но она лучше, чем существование серых людей Диппла. Жизнь внизу — и ее жизнь. Разве можно сравнить? Разве имеет она право хоть на минуту усомниться в том, что счастлива?

Нахлынувшие воспоминания перенесли Зианту на много лет назад, в космопорт. Она, жалкая и вечно голодная, выклянчивает у взрослых предметы и рассказывает что-нибудь об этих вещах. Она сама придумала этот трюк, сама научилась угадывать прошлое предметов. Она боялась, что кто-нибудь отобьет у нее этот нищенский заработок, ибо была уверена, что обучиться такому фокусу может любой, кто захочет.

Появившаяся в порту Яса обратила внимание на небольшую кучу зевак, окруживших тоненькую девочку. Положив на ладошку небольшой брелок, та объявила его озадаченному владельцу, кому раньше принадлежала безделушка, как и когда она появилась у нынешнего хозяина. Лишь мельком взглянув на этот сеанс, Яса прошла мимо. Она увидела немало примечательного в разных мирах Галактики. Ум и чутье, присущие сарарикийцам, подсказали, что юная бродяжка наделена необычными и сильными природными способностями.

Вскоре для Зианты началась новая жизнь. По приказу Ясы ее отыскали, привезли на виллу, поразившую нищенку своей роскошью, и заставили учиться.

Это был изнурительный труд. Яса не давала ей никакой поблажки. Но учеба не тяготила Зианту, она жадно впитывала знания. Ей было интересно, ведь прежде никто ничему ее не учил. И хозяйка, и воспитательница были одинаково настойчивы, но понадобились годы, чтобы Зианта стала

тем, что есть — совершенным и безотказным воровским инструментом, самым ценным из всех сокровищ Ясы.

К своей хозяйке Зианта испытывала сложную гамму чувств: от почтения и благодарности до инстинктивного отчуждения по отношению к существу другой космической расы. Яса была сарарикийка, из расы, произошедшей от кошачьих. Ей была свойственна замкнутость, углубленность в собственный мир, доходящая до эгоцентризма. При этом инопланетница была умна и практична, свободно общалась и сотрудничала с представителями иных рас, не поступаясь, однако, ни на йоту собственной индивидуальностью. Высочайший интеллект сочетался со своеобразным взглядом на многие вещи. Яса была рождена лидером; она сумела подняться по иерархической лестнице до уровня высшего руководства Гильдии, для женщин обычно недосягаемого.

Прошлого Ясы никто не знал, да и возраст ее казался неопределенным. Но к ее словам, произносимым с легким придыханием, а в минуты гнева — с шипением, внимали как лорды, так и бродяги на многих планетах. Ее приказам повиновалось больше обитателей Галактики, чем некоторым правительствам.

Зианта была из потомков терран. Но из какого мира вихрь межпланетной войны забросил ее в трущобы Диппла, теперь не узнать. Она помнила себя уже на Корваре, среди безликой массы таких же, лишенных прошлого и будущего переселенцев, покинувших свои испепеленные миры.

Непримечательная внешность ничего не говорила о родине Зианты. Ни цветом кожи, ни разрезом глаз, ни телосложением она не выделялась из миллионов. И эта неприметность повышала ее ценность для Ясы. Тем более что в Гильдии таких, как Зианта, обучали маскироваться под облик других рас, даже некоторых нечеловеческих. Пока в таком обучении не возникало надобности. Возраст Зианты ставил всех в тупик: прожив на вилле много лет, она все еще выглядела не вполне еще оформившейся девушкой. Благодаря учебе и тренировкам, ум ее был способен запоминать

и удерживать массу сведений, а психические способности стали сильнее.

Во всем подчиняясь Ясе, Зианта приняла гильдейскую клятву верности и стала членом галактической воровской организации. Щупальца Гильдии проросли не только в цивилизованные страны, но и в варварские миры. Поговаривали, что подобные контакты простираются даже в царство темных сил...

Союзы заключались и распадались, приходили к власти и подвергались опале правители. Но Гильдия была и оставалась, то сама олицетворяя высшую власть, свергая и назначая правительства, то затаившись в глубоком подполье. У нее были свои законы, нарушителя которых ожидала неотвратимая и жестокая смерть.

Они миновали погруженный во мрак Диппл, флиттер пролетал над сияющими жемчужинами роскошных вилл, утопающих в зелени. Изящные сады и парки перемежались сохранившимися островками дикой природы. Чем ближе становилась вилла Ясы, тем явственнее ощущала Зианта беспокойство. Стиснув под плащом руки, которые покалывало, словно они были обтянуты энергетическими перчатками, она вернулась мыслями туда, к шкафу с кубиками. К шкафу ли? Это была просто работа, к которой ее столько готовили. Нет, не к шкафу, а к столику. Там, среди блеклых безделушек, лежит сейчас этот обломок... Она почувствовала что-то похожее на сильный голод. Боль пронзила виски, запульсировала в груди.

Скорей бы прилететь... И сразу — к Огану. Нет, не получится: сперва нужно переписать то, что в ней. Но потом — да, потом к Огану. Он поймет и объяснит, почему она не в себе, почему ее жжет желание дотронуться рукой до этого пугающего предмета. Иначе эта навязчивая тяга лишит ее покоя, разрушит сложный и нежный механизм ее способностей. Оган знает, он много лет учил ее парапсихическим трюкам, он избавит ее от этой заволаживающей тяги.

Флиттер сел на крышу, освещенную громадными буквами рекламы. Вилла официально являлась представительством саларикийской торговой фирмы. Для властей Яса была

шефом этой коммерческой компании, и ее деятельность на этом поприще тоже была весьма доходной. Многие патроны Гильдии имели два лица, но далеко не все поставили свой легальный бизнес с таким блеском и размахом, как уважаемая в Тикиле и на всем Корваре леди Яса.

Освещение в доме было минимальное, в ночной тишине лишь изредка доносились приглушенные звуки. Но Зианта знала, что все, кто должен, ждут ее и готовы к работе. Яса цепко держала всех своих людей в когтистых руках, никому не прощала лени или небрежности. Об ослушании не могло быть и речи: никто не хотел испытать на себе силу гнева властной сарарикийки.

Панель из органического стекла после легкого царапанья ногтем бесшумно скользнула в сторону. Переступив порог комнаты, Зианта подождала, пока ароматические струи обдадут ее тем запахом, который в данную минуту угоден хозяйке. Девушка давно привыкла не морщиться от чересчур густых ароматов. Она знала, что таким способом Яса обеспечивала себе возможность близкого контакта с существами других рас, так как от предков унаследовала обостренную реакцию на чужие запахи.

На этот раз Зианта едва вытерпела привычную процедуру — мучившая ее после испытанного напряжения головная боль еще усилилась. Когда закончится съём информации, нужно будет попросить Огана закодировать ее сон, чтобы он был глубоким и долгим.

В комнате царил полумрак; сарарикийцы, благодаря строению своих глаз, не нуждаются в ярком освещении. Яса возлежала среди подушек, свернувшись клубочком — в своей излюбленной позе. С ней контрастировала вытянутая во всю длину фигура Огана, чуть покачивающаяся в гамаке возле окна.

Как и многие в этом доме, Оган был загадкой. Слухи говорили, например, что Оган — психотех, член подпольной преследуемой властями касты. Никто не знал, сколько ему лет. Досушие языки утверждали, что Оган уже не однажды подвергался процедуре продления жизни, и многие пытались строить догадки о расовой принадлежности этого не-

большого, всегда изяшно выглядящего человечка, который казался особенно щедедушным рядом с массивными саларикийцами, слугами Ясы.

Оган. Помимо такого разящего оружия, как парапсихические силы, он великолепно владел древними боевыми искусствами. Сейчас, лежа в гамаке, он отвернулся к открытому окну — возможно, плавающий в комнате аромат был ему неприятен. Но стоило появиться Зианте, он тут же повернулся к ней.

В этот миг Зианта поняла, что не хочет делиться своей тайной с этим загадочным человеком. Еще минуту назад она жаждала одного — обрести покой. Но сейчас он оказался ей непомерной ценой за глиняный комочек, который пугал и манил ее. Она им не скажет. Она не хочет, чтобы Оган оставался полновластным и бесцеремонным хозяином ее чувств и мыслей.

— Здравствуй. — Голос Ясы был почти мурлычущим. Зианта в очередной раз залюбовалась стройной, грациозной фигурой хозяйки, слывшей среди своих соплеменников красавицей. Густые темные волосы, больше напоминавшие драгоценный мех, блестели, переливаясь, на голове, шее, плечах, сбегая почти до локтей. Лицо с острым подбородком было тоньше, благороднее, не таким приплюснутым и широким, как у большинства саларикийцев. Но все это тот, кто впервые видел Ясу, замечал уже потом, сперва же видел только ее поразительные глаза. Огромные, с приподнятым верху раскосым разрезом, они отливали красным золотом, переходящим в таинственную черноту подвижных, при ярком свете — по-кошачьи узких вертикальных зрачков. Подобно изредка встречающемуся в копиях ее родной планеты драгоценному коросу, эти глаза то и дело вспыхивали глубоким внутренним светом, оттеняя серую кожу лица, почти лишенную ворса. Таким же, но гораздо более тусклым светом отливали два крупных короса, украшавшие ворот ее одежды.

Рука с надетыми на когти кованными на заказ колпачками поманила Зианту. При этом движении золотистое платье хозяйки, увешанное по поясу ароматическими ме-

шочками, зашуршало, переливаясь в приглушенном свете тусклых ламп. Зианта уловила донесшийся с ложа тихий рокот. Яса мурлыкала, Яса была довольна.

— Ты здесь, милашка, стало быть, все в порядке. Оган!

Психотех молча слез с гамака и махнул рукой, веля Зианте приблизиться. Она присела возле стола, сдвинув обрuch со лба на гладкие волосы. Сейчас доставленная информация перейдет на ленту стоящего на столе прибора. При этом ее память будет исследована и очищена от эпизодов, расшифровка которых может навести врагов на след.

Включив аппарат, девушка открыла мыслеканал. Пройдет несколько минут, и каждый символ, украденный из кубиков, перейдет из ее памяти на ленту. Но ведь тогда и тайна обломка станет достоянием прибора, исчезнув из ее памяти! Зато обо всем узнают хозяева этой машины, передающей на видеозэкран расшифрованную информацию. Нет! Ее рука легла на кнопку отключения. Она успеет остановить вовремя.

Вот здесь. Голова закружилась, как обычно после сеанса. Теперь ее мозг свободен от всего, что было с момента, когда открылась стена, и до... До чего? До выхода за дверь? Нет, она помнит, помнит тот комок, прибор не успел добраться до него!

— Великолепно. — Громкое довольное мурлыканье помогло Зианте полностью очнуться от сканирования. — Просто отлично, высший класс. Что ж, милашка, ты наверняка утомлена и заслуживаешь отдых. Отправляйся в свое гнездышко.

Несмотря на долгие тренировки, этот первый настоящий, такой трудный и опасный налет вконец истощил ее силы. Она приняла из рук Огана чашку с какой-то молочного цвета жидкостью и выпила ее в несколько глотков.

— Пусть будет красивый сон, — улыбнулась Яса в той мере, в какой ее мимика вообще это позволяла. — Во сне тебе откроется твое самое большое желание. Ты скажешь мне о нем, и я его исполню, как ты исполнила для меня это задание.

Ответом был равнодушный кивок. Девушка не сомневалась, что хозяйка выполнит обещание. Вознаграждение за успешную акцию было в Гильдии законом. Но сейчас ей смертельно хотелось спать, помощь Огана для этого не понадобится.

Пройдя в свою комнату, она выскользнула из наряда Девы Золь и, переступив через ворох ярких тканей, направилась к постели. Но нет... Она физически ощущала толстый слой грима на лице. И лишь смыв краску, а вместе с ней — горечь и триумф этого долгого вечера, она вышла из-под струй ласкового пара. Как хорошо снова быть самой собой.

А какой же еще? Зианта оказалась у зеркала жестокой правды — так про себя она называла этот неумолимый овал, специально предназначенный для работы со сложным маскировочным гримом. Зеркало беспощадно отражало все дефекты лица, волос, кожи, увеличивая поры и морщины. То, что увидела она, было Зиантой. Но если в ней и жили какие-то зачатки женского тщеславия, она простилась с ними в этот момент крайней усталости.

Стройное тело было худосочным и бледным. Волосы после душа свились в мелкие серебристые завитки, хотя обычно, при дневном свете, они казались темнее. И продолговатые, чуть отрешенные глаза отливали тем же темно-серебристым цветом. Бледность лица подчеркивали очень яркие, довольно красивой формы губы, хотя рот был скорее большим, не женским. Что же до остального... Она безрадостно окинула взглядом истинную Зианту и отошла от зеркала.

Ей уже не хотелось быть самой собой. Все, что она попросит у Ясы, — самый шикарный, самый большой набор косметики, чтобы не только для налетов, а постоянно быть другой. Но тут же Зианта критически оценила свой порыв — грим не добавит ей уверенности...

Чего она сейчас действительно хотела больше всего — взять тот комок в руки, подержать его в руках... Она бы смогла разгадать его тайну!

Зианта вздрогнула. Что за сила в этом предмете, что она не может противостоять ему? Ведь она думала совсем о другом, и вдруг в голове возникла эта мысль... Словно она вот сейчас может протянуть руки и взять. Она действительно хотела сделать это. Что случилось с ней этой ночью?

Дрожь сотрясла все ее тело. Нырнув в постель, она с головой закуталась в плотное покрывало.

Глава 2

Она пробудилась внезапно, так резко, что если сны и были — в памяти не осталось ни следа. Но теперь она знала, что ей следует делать — словно бы получила приказ хозяйки. Снова, как ночью, ее охватила дрожь от страха, но острое желание было сильнее всех остальных эмоций.

Она помнила предостережения Огана: страх, вера и навязчивые идеи очень опасны. Они способны разрушить психику, исказить хранимую мозгом информацию. Но лишь теперь Зианта поняла, какой взрывной силой становится даже для тренированного сознания навязчивая идея.

Над Корваром вставало солнце. Ни малейший шум не проникал через звуконепроницаемые стены, но Зианта знала, что на вилле уже началась утренняя суета — здесь царил жесткий распорядок, известный и хозяевам, и слугам. Ей не хотелось выходить, но отступить от обычного режима — значит привлечь к себе излишнее внимание бдительной Ясы и профессионала Огана. И все-таки надо еще хоть чуточку посидеть здесь, одной, согревая под одеялом босые ноги и глядя на освещенный зарей сад.

Хорошо, что день будет солнечным. Пасмурная погода подавляет психическую энергию. Она подвержена и другим воздействиям, реагирует на силовые поля машин, магнитные и солнечные бури, эмоции окружающих... Чтобы задуманное удалось, нужно выбрать момент и место, чтобы у нее была всесторонняя поддержка.

Эмоциональная подпитка...

Психическая энергия...

Об этом часто рассказывал Оган. Среди его аппаратуры много удивительных машин, но стоит ей самовольно приблизиться хотя бы к одной, тем более нажать кнопку, и сразу же ее замысел окажется под угрозой разоблачения. Нет, нужен совсем другой источник.

Она наложила пальцы на закрытые веки и напряглась, вызывая мысленный образ. Хорошо, если Харат где-нибудь поблизости и ничем не занят, — тогда он среагирует. Вызов... Еще... Кажется, принял. Значит, он вне экранированных стен лаборатории — уже хорошо. Она заспешила. Несколько минут на освежающий душ, затем — к зеркалу правды. Сегодня ей не до украшения внешности, наоборот, она должна выглядеть так, чтобы ни один встречный не испытал побуждения еще раз на нее посмотреть.

Стоит ли манипулировать ростом? Пожалуй, нет: чтобы вызвать массовую зрительную галлюцинацию, потребуется значительный расход энергии. Значит, рост оставляем свой. Что ж, она появится в Тикиле компаньонкой второго класса из мира Йони. Несколько движений — и на голове заколыхался сноп медно-рыжих волос, кожа приобрела слегка зеленоватый оттенок, темные линзы изменили цвет глаз. Готово.

Зеленое платье с глубокими разрезами легло на плечи и грудь, бедра и ноги туго обтянули серебристые брюки. Теперь дело за драгоценностями, которые будут не просто украшениями, а помощниками. Она, вздохнув, отложила в сторону несколько безделушек, очень полезных, но дававших иногда побочные энергетические всплески, которые могут уловить детекторы Патруля. Итак, неброская брошь у ворота, браслет на запястье, на пальцы — кольца, скрепленные ажурной золотой цепочкой. Взаимодействие браслета и колец давало эффект, близкий к вчерашней энергетической перчатке, хотя и не такой мощный.

Внимательный осмотр у зеркала: все в порядке, образ безупречен. Теперь к пульту. Пальцы пробежали по клавишам, и вот перед ней легкий завтрак и бокал тоника с соком. Выбранное меню не возбуждало ее, но добавляло сил.

Звукоизоляция на вилле была везде, хозяйка не терпела шума. Тишина в коридоре не обманула Зианту, она знала, что все уже на ногах. Теперь надо собраться: безмятежность на лице, спокойствие во взгляде. Она подошла к видеосторожу, нажала клавишу. Отлично, ее новый облик запечатлелся на пленке. Оставалось объяснить цель, ради которой она собиралась покинуть виллу.

— Иду к мастеру-ювелиру Каферу на Рубиновую улицу. — И эти слова легли на пленку. Это обычный порядок для любого, уходящего из дома. Не должно вызвать подозрений. Она отправилась к ювелиру выбрать награду, обещанную Ясой. А неподалеку от магазина Кафера — место, куда ее тянуло как магнитом.

Зианта постояла у видео, со страхом ожидая, что вот-вот загорится красный сигнал запрета. Такое могло быть, если, например, Оган наметил для нее в ближайшие часы какие-нибудь занятия или эксперименты. Но засветился белый огонек — путь свободен.

Терзаемая опасением столкнуться носом к носу с хозяйкой или Оганом, она заставила себя идти неспешным шагом. Чтобы не быть лишней раз записанной аппаратурой Огана, она не стала посылать повторный вызов Харату. Едва сдерживая волнение, Зианта поднялась на крышу к своему флиттеру. Здесь грелся на солнышке, закрыв глаза, один из личных охранников хозяйки — Снаскер, ветеран многих воровских стычек и настоящих сражений. Его уши и лицо были изуродованы боевыми шрамами, но в мощном теле не появилось и намек на стариковскую дряблость. Он услышал Зианту и открыл полинявшие от времени глаза с сузившимися от яркого солнца черточками зрачков. Взгляд его был почти безразличным.

— В Тикил? — почти промурлыкал сараркиец.

— Да, если ты не против, Снаскер.

— Не против, джентльфем. — Телохранитель вскочил в кабину. Зианта замешкалась, чтобы поднять на руки маленькое существо, семенящее к ней с приветственным клекотом.

Его речи девушка не понимала, но в мозгу зазвучали слова: «Я с тобой. Ты звала. Харат здесь».

Она устроилась в кабине за спиной Снаскера, держа Харата на коленях. Ее маленький попутчик часто дышал от возбуждения, широко открыв клюв и тараща круглые глаза.

Кем следует считать Харата — «человеком» или животным с мощным телепатическим полем, — Зианта не знала. Голубоватый пушок, покрывавший тело, мог быть и легкими перышками, и очень тонким мехом. Крыльев он не имел, зато в кармашках его специального покроя одеяния лежали, свернувшись, четыре небольших щупальца. Трехпалые ноги покрывал тот же пух, но более редкий, доходящий только до шиколоток, вернее до шпор. При своей потешной внешности он был экспансивен, даже истеричен, и мог в минуту раздражения пустить в ход тяжелый крючковатый клюв и острые когти на ногах. Серо-голубые глаза время от времени прикрывались подвижными пленками.

К Огану он попал еще в яйце, привезенном неведомо откуда одним из гильдейцев. Помимо телепатии, у Харата были отличные психокинетические способности. Но работать с предметами такого веса и на таких расстояниях, каких хотел от него Оган, он еще не мог. Возможно, виной тому был совсем еще небольшой возраст Харата. Но Зианта и Оган знали, как сильно может воздействовать это забавное существо на психическое поле других.

На Корваре, а тем более в Тикиле, где предавались развлечениям выходцы из самых дальних и экзотичных миров, на облик Харата никто не обращал внимания. Он любил сопровождать в город кого-нибудь из домочадцев, и даже мирился с тем, что иногда для таких походов на него надевали что-то вроде шлейки с поводком. Оган поощрял такие вылазки, надеясь, что это поможет тренировке способностей Харата. А любопытное существо приходило в восторг от перспективы поглазеть на разномастную публику Тикила. Сейчас Харат дрожал от возбуждения на коленях Зианты и пощелкивал клювом.

— Куда? — обернулся к ним Снаскер.

— К Каферу, — бросила Зианта.

Внизу уже мелькали серые бараки Диппла, но Зианта от волнения не замечала ничего. Она боялась, что ее возбуждение почувствует Харат. Где-то в позвоночнике запульсировал комочек энергии, который разбудил в ней веру в удачу. Сегодня она сможет, сможет! Однако этот стусок энергии ползет все выше... Рано запускать его в голову, еще не время...

Снаскер посадил машину на утопающей в зелени эспланаде. Видные даже при солнце мигающие огни цветных реклам зазывали прохожих в торговые ряды Рубиновой улицы. Сгорая от нетерпения, она степенно направилась к Каферу. Побывать там необходимо, а уж потом можно приступить к своему делу.

Деньги со всех планет текли на Рубиновой улице широкой рекой. И глубокий полноводный ручей ответвлялся от этого потока в кассу торговца Кафера.

Витрины его магазина были исключительным по красоте зрелищем, особенно для любителей и знатоков драгоценностей. Рядом с прекрасно ограненными камнями были расставлены крошечные фигурки из самоцветов, тончайшей работы безделушки, многие — с клеймами древних мастеров.

Хотя сейчас мысли Зианты были направлены не в сторону этого великолепия, она испытала волнуемое восхищение, увидев совершенно потрясающую диадему. Вся она была собрана из ажурных цилиндриков, сплетенных из тоненькой проволоки. На каждом цилиндрике качалась крошечная подвеска — цветочек, листик, фигурки насекомых или животных, выполненные с бесподобным мастерством. Если надеть такую диадему, все эти прелестные вещицы будут мелодично позванивать в такт шагам. Поражал воображение и миниатюрный город, сделанный из флюоресцирующего сплава, секрет которого знали древние мастера Лидиса IV. Ювелиры воспроизводили в точности мельчайшие детали архитектуры; на улицах даже были люди размером с ноготок.

Она долго рассматривала витрину. Рядом с Зиантой то и дело останавливались прохожие, среди которых были и

подлинные ценители ювелирного искусства. Несмотря на ранний час, поток людей, фланирующих по Рубиновой улице из лавки в лавку, был уже довольно оживленным. Зианта двинулась вниз по улице, держа Харата на плече. Он вертел головой, стараясь ничего не пропустить вокруг, порой щебетал что-то. Зианта не устанавливала с ним мыслеконтакта, берегла силы. Как ни стремилась она к цели, но заставляла себя не торопиться, останавливаться у витрин, заходить в лавки.

Добравшись до конца улицы, она не могла больше сдерживаться и, ускорив шаг, пересекла нарядно украшенный сквер. За ним возвышалось здание, в котором она побывала вчера вечером. Сюда, на эту сторону, выходили окна апартаментов Джукундуса. Ей нужно оказаться к ним как можно ближе.

К ее огорчению, сквер мало подходил для дела, требовавшего отсутствия лишних любопытных. Все скамейки были заняты, в аллеях гуляли люди, зашедшие в этот цветущий оазис в поисках тени и прохлады. Чем дальше она бродила по дорожкам, тем сильнее овладевало ею отчаяние. Но девушке не хотелось мириться с поражением — она должна отыскать и отыщет подходящее место!

Харат, уловив ее волнение, тоже забеспокоился. Щебетание перешло в клекот. Он заерзал на плече Зианты, больно царапаясь когтями через платье. Его следует успокоить. В таком состоянии он никудышный помощник.

На самой окраине сквера она увидела, что ее упорство вознаграждено: в тенистой пальмовой аллее стояла одинокая — и свободная! — скамейка. Подойдя, Зианта поняла, почему эта скамейка пустовала: она вся была мокрая от росы, которую из-за густой тени не успело высушить утреннее солнце. Решившись, Зианта подняла подол платья и села, ощутив через тонкие брюки ледяное прикосновение. Но тут же забыла об этом маленьком неудобстве, сосредоточившись на своем замысле.

Сняв с плеча, она посадила Харата против себя на колени и поймала его взгляд. Как только их глаза встретились, между ней и маленьким спутником установилась немая

связь. Харат понял, что девушке требуется его помощь, и был готов помогать.

Теперь займемся. Зианта готовилась применить всю энергию, запасенную за утро. Тепло поползло по ее позвоночнику, поднялось к ее лопаткам, затем — к плечам. Охватило жаром шею и пришло, забило в висках. Теперь осталось довести частоту пульсаций до нужного ритма — с этим она справилась без труда. Сосредоточение — и вся она превратилась в острый клинок энергии. Даже Оган мог только в самых общих чертах объяснить, что происходило с ней в момент фокусировки.

Зианте и Харату уже не требовалось глядеть друг на друга — они были в более высоком контакте. В сознании оформился образ предмета, преследовавший ее с самого вечера. Сейчас она была как бы не здесь, не на садовой скамейке, а парила там, над заветным столиком.

Сначала схематично, потом все яснее и четче формировала она в сознании вид комка, эту уродливую фигурку. Еще усилие — и мысль слилась с реальностью. Пора! Все ее существо воплотилось в остро направленное желание: иметь этот камень. И тут же Зианта ощутила еще один поток энергии — Харат понял ее.

Сюда!

Она послала этот приказ, как живому существу. Напряжение было предельным. Она видит, как берет комок. Ну же!

Сюда!

Она держала пробитый ею мыслеканал еще какое-то время. Но вот даже поддержка Харата уже не могла компенсировать расход энергии. Силы оставили ее, наступила полная опустошенность. Она бесконечно трудно возвращала себя, свое сознание в сидевшее на мокрой скамье тело. Оно сопротивлялось этому вторжению бешеными ударами сердца, головокружением. Никогда еще выход из психического транса не был для нее столь мучителен. Время и пространство смешались, она не воспринимала окружающее, не могла сделать ни одного движения. Слезы бессилия застилали глаза, изо рта струйкой тянулась слюна, стекая по подбородку. Шли минуты, а ей никак не удавалось остано-

вить мелькавшую в глазах карусель кустов, деревьев, прутьев садовой ограды. В опустошенное сознание пробивались волны страха, исходившие от Харата. Он был смертельно напуган ее состоянием, подобием обморока. Зианта с трудом двинула тяжелыми, чужими руками, чтобы успокоить своего маленького дрожащего помощника.

Возвращение к реальности было отравлено горьким разочарованием. Она не смогла... Это не ее удел, это выше ее способностей. Заветный камешек так и остался недостижимым.

Но... отчего так возбужден Харат? Он толкает ее своим легким тельцем и все глядит и глядит на землю. Жаркая волна обдала ее. Не может быть! Вот он!

С трудом согнув одеревеневшую спину, девушка протянула руку к этому комку. Она сумела своей волей пробить канал! Она вызвала сюда этот предмет, она смогла это! И ей помог Харат — их сдвоенный импульс переместил этот комок...

Вот он, уродливый и желанный, у нее на коленях. Зачем он ей? Зианта не могла об этом думать, она сейчас хотела отдыха, как спортсмен после бешеной гонки не видит ни публики, ни побежденных соперников, мечтая только об одном — глотке воздуха в сдавленные судорогой легкие.

Сколько прошло времени — минуты? часы? Она не знала. Там, откуда она вернулась, совсем иное время: это и миг, и вечность, слитые вместе... Ее зазнобило от холода мокрой скамейки, но все еще не было сил подняться на ноги.

Зианта безразлично скользнула взглядом по коричневатому пыльному комку. Но что-то заставило снова посмотреть на него и уже не отводить глаз. Он опять притягивал ее, как вчера, там, у столика! Девушка лишь улыбнулась запекшимися губами. Этот грязный обломок стоил всех затраченных ею усилий — это она знала твердо. И так же твердо знала, что должна понять его тайну. Хотя это может стоить ей жизни.

Однако в теперешнем состоянии она не способна работать с ним. А пока силы не восстановятся, не стоит входить в прямой контакт. Она достала из-за пояса и открыла коше-

лек. Обернув руку подолом юбки, чтобы не касаться своей добычи, взяла камень и положила на дно кошелька. Хранилище не из самых надежных, но лучшего у нее не было.

Еда... питье... Нужно срочно восстановить силы. По пути сюда она заметила на главной аллее какую-то лавку с горячей едой. Взяв Харата на плечо, Зианта медленно направилась туда. Тенистая аллея кончилась, солнце стало пронизывать ее влажную одежду, согрело озябшее, изнеможенное тело. Харат как ни в чем не бывало вертел головой по сторонам. Энергетический шок, лишивший ее сил, у него, похоже, не проявился. Зианта поразились, как это легкое тельце с крошечной головкой оказалось способно исторгнуть такой огромный заряд энергии практически без последствий. Ей возвращение к норме давалось гораздо мучительнее.

Войдя в лавку и устроившись за столиком, она выбрала еду нажатием клавиш на меню-панели. Поедая питательный бисквит, Зианта не забывала маленького друга, время от времени поднося к его клюву кусочки, смоченные в витаминном тонике. Дополнив ленч чашкой теплого сладкого сока, она почувствовала, как уходит из тела боль усталости, возвращаются силы.

Рука скользнула к поясу — он здесь! Ей удалось то, что прежде она пыталась проделывать в лаборатории Огана лишь с крошечными предметами. Он счел, что в этой области ей не добиться успехов, и прекратил эксперименты. А она захотела — и смогла. Оган недооценил свою подопечную...

Харат, проявляя заботу о себе, клювом и раздвоенным, как у змеи, языком счищал крошки бисквита с пушистой грудки. Внезапно он замер и, повернув голову назад, через легкую ткань впился когтями в ее тело. Едва не вскрикнув от боли, она опустила взгляд в чашку и всю свою начавшую восстанавливаться энергию превратила в подвижный луч, обшаривающий все вокруг.

Она знала, что Харат более чувствителен ко всему. Шестым, седьмым, или сколько их там у него, чувством Харат улавливал опасность раньше Зианты, даже раньше Огана.

Что его насторожило? Ее истощенный нагрузкой мозг сканировал сейчас вяло, не мог отыскать источник тревоги. Быть может, Оган следил за ней? Он способен не только на это, но даже на то, чтобы незаметно внушить ей всю ее сегодняшнюю программу. Ее догадка перерастала в уверенность. Психотех еще вчера заподозрил, что она что-то скрывает, и организовал все это. Не потому ли они с Харатом смогли беспрепятственно покинуть виллу?

Стоит ей повернуть голову туда, куда глядит Харат, и она увидит Огана. Ей не убежать — у наставника достаточно скрытой в одежде аппаратуры и психической силы, чтобы заставить ее замереть даже на середине шага.

Коготки Харата на ее плече на мгновение сжались. Но зверек тут же засуетился и принялся слезать, цепляясь когтями за ее платье и балансируя двумя верхними щупальцами. Харат вскочил на стол, погрузил щупальце в чашку, вынул обратно и стал слизывать сладкий сок.

Он не был голоден. Он играл — так же, как вчера вечером она играла роль Девы Золь. Харат избрал роль беззаботной забавной зверушки, которая думает только о вкусной еде. Зианта еще больше насторожилась: Харат по каким-то причинам не счел возможным пользоваться телепатической связью. Лизнул — вскинул голову — проглотил. Лизнул — проглотил. На нее — никакого внимания.

Вверх — вниз. Вверх — вниз. Медленно — быстро — быстро. Зианта закусил губу: Харат — Харат! — передавал зашифрованное сообщение. Она подняла чашку и сделала глоток, одновременно выстукивая по пластику тот же ритм: так... так-так... Харат предупреждал, что где-то близко появился сенситив — человек, натренированный для выявления психоизлучений. Это не Оган. Харату незачем предупреждать о нем, ведь для него Зианта и Оган — одинаково любимые домочадцы, союзники.

Что же тогда? Обычный обход Патруля, когда один из патрульных оценивает состояние психического поля, а другой, в случае надобности, подключает специальную аппаратуру, чтобы засечь источник повышенной энергии?

Такой контроль проводился время от времени в местах, где возможна активная деятельность Воровской гильдии.

Успех, которым она недавно гордилась, показался ей теперь ужасной оплошностью, способной обойтись ей очень дорого. Если в момент телепортации камня сенситив находился поблизости, то он уловил мощный всплеск психической энергии — и теперь ведется поиск. Не случайно Харат прибегнул к коду. Они будут в сравнительной безопасности, пока не вступят в мысленный контакт. Ведь простого подозрения мало, чтобы поставить кого-то перед аппаратурой Патруля.

Она вновь потянулась к чашке. Харат провел задним шупальцем по голове. Это был намек, что нужно сматываться. Но для успеха важно определить, как близко от них сканирует сенситив. В любом случае ей нельзя привлечь к себе внимание. Идти к флиттеру медленно, чтобы сбить ищеек со следа. Сейчас она уже не так изнурена, как сразу после сеанса. Но все ее тело молило о пощаде, силы восстановились далеко не полностью. Справится ли она?

Любой сенситив, тем более специалист-патрульный, способен выявить человека, растратившего энергетический заряд. А если ноги подведут и она пошатнется? Ее тут же задержат для психопробы. А затем...

Нет, об этом нельзя даже думать! Нужно собраться с силами и двинуться к стоянке — спокойно, не спеша.

Здесь ни в коем случае нельзя больше задерживаться — это место сенситив наверняка засек. Зианта вынула кусочек пластика — кредитную карточку фирмы Ясы — и сунула в прорезь автомата. Харат тут же вцепился в платье и вскарабкался ей на плечо.

То, что ей удалось подкрепиться, исправило многое. Она могла теперь двигаться, не опасаясь, что рухнет от слабости. Главное — не спешить, но и не плестись. Идти ровно, спокойно. Вот так. Хорошо.

Харат прикрыл пленкой глаза. Уснул? Вовсе нет — острые коготки судорожно вцепились в плечо Зианты. Просто он изолировал свое сознание и был весь начеку, пытаясь установить, откуда опасность. Девушка тоже по-

ставила барьер, но не так сосредоточенно, как ее маленький союзник: ей нельзя закрыть глаза, иначе она не будет видеть, куда идет.

Хотя ее спутник просигналил «охотник», сенситив не обязательно должен быть мужчиной. Так. Шесть, семь... Человек десять в поле зрения. Кто из них?

Вот эти — обычные зеваки торгового квартала, бродят от одного магазина к другому. А там, подальше, — трое мужчин, одетых, как торговцы. Зианте хватило бы пары минут, чтобы просканировать окружающих и выявить противника. Но этим она выдаст и себя. Надо хотя бы запомнить лица на тот случай, если за ней будет слежка до самойвиллы.

Глава 3

Войдя в лифт, она нажала на кнопку стоянки флиттеров. Так и подмывало оглянуться — проверить, нет ли слежки, но годы муштры помогли ей побороть это желание. Ни жестом, ни взглядом она не выдала беспокойства. Клавишу вызова автоматического флиттера девушка вдавила так сильно, что суставы пальцев побелели. Томительно тянулись секунды ожидания. Эти мгновения были, наверное, самыми трудными: когда избавление уже совсем близко, опасность быть схваченной особенно пугает.

Перед ней открылась дверца опустившегося флиттера. Немного торопливее, чем требовала осторожность, Зианта вошла в кабину. Ее пальцы лихорадочно забегали по пульту, набирая код полета. И лишь когда машина взлетела, девушка рискнула бросить взгляд на взлетную площадку. Ничто не говорило о преследовании. Но это еще не значит, что за ней не ведут наблюдение.

Спустя минуту флиттер сел в центре главного рынка — огромной, заполненной людьми площади неподалеку от космопорта. Здесь в ходу были товары, купленные у космонавтов, которые согласно закону имели право совершать мелкие торговые сделки. Впрочем, эта поблажка не уменьшала число космических бродяг, промышлявших кон-

трабандой. Здесь было одно из узловых мест, где Гильдия располагала массой явок, защищенных мощным силовым экраном от любого сенситива. Здесь Зианта могла наконец расслабиться — лишь немного, ибо осознание того, что лежит у нее в кошельке, не отпускало ее ни на миг. Она углублялась в торговые ряды, лавируя между палаток и лавок. На гильдейской явке ей могли предоставить транспорт, помочь уйти от Патруля — если, конечно, за ней и вправду следят.

Легкое покалывание, исходящее от браслета, вело туда, где можно рассчитывать на помощь. Вечерело. Харат вовсе не жаждал встретить вне дома холод и тьму надвигающейся ночи, о чем намекал сейчас недовольным бормотанием и шелканьем клюва.

Впереди, над входом в одну из неприметных лавчонок, вспыхнули буквы, составившие имя торговца: «Какиг». Покалывание браслета усилилось. Вышедший ей навстречу мужчина был серокожим, как все salariкийцы, но без признаков кошачьей расы. Видимо, его предки когда-то приспособились к гуманоидному миру.

Зианта небрежно поправила прическу, обнажив руку с браслетом. Пароль был узнан.

— Джентльфем! — прозвучало тонко и пронзительно. — Отведайте ароматы звездных миров. Вам наверняка понравится «Огненное дыхание» Андросы, а от «Алмазной пыли» с Алабана вы будете без ума...

— Есть ли у вас «Серповидная лилия десятидневного цветения»?

Лицо торговца не выразило ничего, кроме вежливой любезности к покупателю.

— Это редчайшее из благовоний готово смочить ваши волосы, милая девушка. Но не здесь — столь тонкий экстракт может потерять свою прелесть на открытом воздухе.

Она последовала за хозяином внутрь лавки.

Тот хлопнул в ладоши, и, словно из-под земли, перед Зиантой появился мальчуган в униформе.

Какиг приказал:

— Отведи девушку к Ларосу.

Благодарно кивнув, Зианта поспешила за маленьким провожатым, который ловко пробирался сквозь бурлящий людской поток. Девушка даже запыхалась, пока не очутилась наконец возле не слишком респектабельной стоянки, где было припарковано несколько флиттеров.

— Вон тот, четвертый. — Грязный палец мальчишки указал на одну из машин. Бросив вокруг себя быстрый взгляд, юнец кивнул: — Пора!

Зианта почти бегом устремилась к флиттеру и забралась в кабину. На месте пилота сидел сарацинец. Он метнул на пассажирку недоверчивый взгляд, но, заметив браслет, успокоился. В кабине плавал тонкий аромат. Сушеные лепестки серповидной лилии десятидневного цветения могли хранить свой запах несколько лет. Его любила Яса, и так пахло везде, где хозяйка Зианты имела влияние. А таких мест в Галактике были тысячи...

Впервые с того момента, как Харат предупредил об опасности, девушка рискнула обратиться к своему пушистому товарищу мысленно:

«Мы свободны?»

«Теперь — да».

Если бы мыслеобраз имел тон, как высказанное слово, то этот лаконичный ответ мог означать, что Харат раздражен, даже сердит. Но Зианта не делала попыток убогатворить спутника. Сейчас, когда забота о безопасности стала ненужной, ее мысли вернулись к полученной таким трудным способом добыче. Сознание, что у нее оказалась вещь, покушаться на которую она не имела права, лежало в душе тяжким грузом.

Оправдать подобный поступок могло только одно: если похищенная вещь действительно представляет огромную ценность. Однако это сомнительно: Джукундус тогда хранил бы ее в сейфе, а не на виду, среди безделушек. Скорее всего, он даже не обратит внимания на столь незначительную пропажу.

Словно невзначай Зианта положила руку на бедро, ощутив притягательную выпуклость кошелька. И снова в ней боролись две силы: страстное желание исследовать зага-

дочный камень и страх при мысли коснуться этой вещи. Но девушка не сомневалась, что притяжение камня победит боязнь. Скорее всего — успокаивала она себя — манипуляции с камнем окажутся менее рискованными, чем способ его похищения.

Она хотела сохранить свою добычу в тайне. Но Харат... От него обо всем станет известно Огану. Психотех сумеет воздействовать на Харата тщательно подобранным сочетанием импульсов. Впрочем, вряд ли в этом будет надобность — Харат сам бросится рассказывать Огану о такой интересной прогулке. Если бы она смогла подобрать мыслеимпульсы, чтобы заблокировать память маленького помощника...

Но ей не удалось ничего предпринять. Харат сердито защелкал клювом, показывая, что не расположен к мыслеконтакту. А через несколько минут флиттер уже сидел в парке виллы. Как только Зианта спустила Харата на землю, тот стрелой умчался в дом, чему отнюдь не помешала внешняя неуклюжесть этого существа. Девушке стало ясно, что времени у нее в обрез. Скорее к себе в комнату — там она попытается хоть что-то узнать о своей добыче.

Забравшись в постель и укутавшись покрывалом, она извлекла из кошелька вожделенный обломок. Положила на ладонь — ничего, только легкое тепло. Тогда она поднесла комок ко лбу — и отпрянула: голову пронзила мгновенная острая боль. Импульс был неожиданным и беспощадным, как удар. На нее нахлынула целая гамма эмоций, и самой сильной был парализующий страх, равного которому она до этой минуты не знала. Вскрикнула ли она, или крик был лишь внутренней реакцией ее потрясенного сознания?

Обессиленная, мокрая от липкого пота, она упала на подушки, не сразу поняв, что пугающее оцепенение уже не сковывает ее. Камень... Где он? Увидев его между подушек, Зианта отпрянула, словно перед ней был готовый к прыжку хищный зверь.

Девушка ощутила горечь: ей, видимо, не по силам обладание, а тем более исследование загадочного предмета. Но страх и разочарование постепенно ослабевали, уступая ме-

сто новому приступу неодолимой тяги к пыльному серому комку.

Вместе с тем ее сознание не освободилось от того нового, пугающего, восставшего из глубины веков, что вторглось в нее в короткое мгновение контакта. Как изгнать из себя это чужое?

Девушка шатаясь встала с постели и, с трудом передвигая ноги, поплелась в освежитель. Ею двигала потребность в очищении, она хотела снова быть только Зиантой, а не...

— Не кем?

Она в отчаянии выкрикнула это вслух. На ходу сбрасывая одежду, очутилась наконец под струями горячего влажного пара. Постепенно в тело возвращались жизнь и тепло, но она не убавляла температуру, пока не почувствовала, что это нечто враждебное ее духу и разуму, чуждая ей частица ее испаряется, исторгается прочь.

Укутавшись в длинный халат, девушка в раздумье расхаживала по комнате. Она не только сумела подавить желание вновь взять в руки комок, но стала искать способ избавиться от него. Пришла даже мысль закопать камень где-нибудь в глубине сада.

Он все так же лежал на простыне между подушек. Она опустила на колени у постели и стала, не прикасаясь, рассматривать артефакт. С этого и надо было начать, а не делать опрометчивой попытки познать его сущность весьма рискованным способом.

Грубая фактура поверхности комка не рассеяла уверенность в его искусственном происхождении. Присмотревшись, Зианта увидела контуры какой-то фигуры. Они были едва намечены и могли обозначать как примитивное изображение человека, так и неумелую скульптуру животного или чудовища. Хотя четыре конечности смутно угадывались, на том месте, где подразумевалась голова, не было ничего. Но девушке это не показалось дефектом — что-то подсказывало, что это изделие таким и было задумано. И еще — она знала это неведомо откуда — этот предмет создан в глубокой древности, не поддающейся исчислению в веках или эпохах. И при попытке «считывания» вся эта без-

дна времен обрушилась на нее. Ведь чем дольше предмет подвергается эмоциональному воздействию, тем больше он «обрастает» информацией. Для того чтобы из хаотического калейдоскопа хранимых этим комком впечатлений выделить нечто цельное, связанное, потребуется не один сеанс «считывания» — целая методика исследований. Лишь тогда эта нелепая фигурка раскроет какую-то часть того, чему была свидетелем.

Она много знала психометрии из рассказов Огана. В разные времена люди, наделенные даром сенситива, имели дело то с природными минералами, то с изделиями человеческих рук, излучавшими накопленную информацию. Очень долго такие занятия слыли черной магией — как и вся область парапсихологии, недоступная большинству людей. Да и те, кого судьба наделила психоэмоциональным даром, не понимали его природы, не умели ни контролировать, ни правильно использовать свои необычные способности. Не потому ли только малая часть экспериментов давала четкие и неоспоримые результаты? Как правило, сеансы «магии» или проваливались из-за неумелости сенситива, или подменялись обыкновенным шарлатанством. Да и результаты удавшихся экспериментов хотя и не вызывали сомнений, но не имели научного объяснения. Лишь спустя века парапсихология перестала быть объектом опасных страхов или едких насмешек, а наделенных этим даром людей стали не бояться, а изучать. Лишь тогда дело сдвинулось с мертвой точки. Первое, во что поверили люди, — возможность передачи мыслей. Телепатия была признана как научный факт.

Раса, к которой принадлежала Зианта, позже многих вышла в космос и потому не успела ассимилировать или сильно мутировать в результате расселения по иным мирам, с отличными от терранских условиями жизни. И лишь вступив в контакты с другими разумными обитателями Галактики, люди узнали, что для многих инопланетников телепатическая связь была нормальным, а иногда — единственным способом общения. Таковы были виверны с Колдуна, тэсса с Йиктора и многие другие гуманоиды. Знание

известных, а также вновь открываемых населенных миров входило в программу обучения Зианты — ведь каждый народ имел свои особенности, постижение которых могло пригодиться девушке для ее службы в Гильдии. Так считал Оган, требовательный и терпеливый наставник, превративший талант Зианты в безотказный и точный инструмент. Благодаря Огану она умела очень многое. Но это...

Древний... очень древний...

— Сколько веков? — Углубившись в свои мысли, Зианта не сразу поняла, что вопрос прозвучал не в ее сознании. Она подняла голову.

На пороге стояла Яса, источая благоухание лилий. У ног хозяйки возбужденно вертелся Харат, пошелкивая от нетерпения клювом.

— Ну?.. — Голос Ясы был вкрадчив и тих, но в нем уже слышалась примесь шипения: хозяйка с трудом сдерживала гнев. — Так сколько этой вещи веков, и вообще, что это такое? Где она?

— Там, — Зианта кивком указала на лежащую между подушек фигуру.

Саларикийка скользнула к постели мягкой поступью хищника и склонилась над предметом. Зианта вздрогнула, услышав яростное шипение:

— Кто позволил тебе это? Кто, я тебя спрашиваю?

Янтарно-красные глаза впились в лицо девушки. В этом немигающем взгляде трудно было найти что-то человеческое — так глядели далекие четвероногие предки леди Ясы.

Зианта не предполагала, что после всех сегодняшних потрясений еще способна чего-то бояться. Но увидев, в каком бешенстве хозяйка, девушка оцепенела от страха. Сейчас ее могла спасти только правда или нечто, близкое к правде. Она сглотнула и хрипло произнесла онемевшими губами:

— Я...

— Что «я»? Кто послал тебя сделать это?

— Послал?.. Нет... Когда я была у Джукундуса, это... оно тянуло меня. И потом... я не могла ни о чем думать... и вот... вот оно.

— Может, все это к лучшему?

Оган возник так же неслышно, как Яса.

— Мощное поле притяжения, — продолжал он, — возникает порой, если сенситив чересчур напряжен, работает на пределе. Скажи, — он подошел к Зианте вплотную, — когда ты впервые ощутила воздействие: до «считывания» или после?

— После, когда уже уходила. Это был необычайно сильный зов, я ничего подобного прежде не чувствовала.

— Что ж, ничего необычного. Видимо, после сеанса ты излучила психоволны, и они попали в резонанс с полем этого предмета. Это и породило такую мощную ауру артефакта. Где, кстати, хранил его Джукундус — в сейфе?

— Нет. — Она подробно описала столик с безделушками, среди которых стояла фигурка.

— Что все это... — начала Яса, но Оган жестом прервал ее. Он положил руку на лоб Зианты. Ей не хотелось сейчас этого прикосновения — легкого, успокаивающего, хотя оно могло быть и другим — настойчивым, требовательным, иссушающим все силы. Но девушка не отстранилась: только Оган со своим умением проверить правдивость ее рассказа — а она сказала всю или почти всю правду — мог спасти ее от гнева хозяйки.

— Итак, — голос наставника звучал ласково и проникновенно, — ты была настолько заморожена этим предметом, что решилась на телекинез...

— Я не нашла иного способа...

— Выходит, в тебе таятся возможности, которых мы прежде не использовали?

— Мне помог Харат.

— Так. — Казалось, Яса сейчас вопьется когтями в лицо девушки. Но слова леди, хлеставшие Зианту, причиняли не меньшую боль. — Она все продумала, даже взяла с собой Харата, чтобы обрушить на нас неприятности.

Харат встопорщил пушок на голове и зашелкал клювом, как бы выражая солидарность с разгневанной хозяйкой.

— Уж теперь все сенситивы Тикила настороже. А что будет потом, когда Джукундус заметит пропажу?..

Оган засмеялся. Зианта почувствовала, что он охвачен радостным возбуждением.

— Леди, — с улыбкой сказал психотех, — подумайте, сколько комнат в штаб-квартире Джукундуса. Двести? Триста? Четыреста? Он их все ежедневно обходит? А если он оставил эту вещь на каком-то там столике, вряд ли хватит ее в ближайшее время. Допустим даже, что сенситив Патруля засек излучение Зианты. Но если у них не было наготове сканера, определить или выследить ее не могли. Они с Харатом... вернее Харат вовремя прервал мысленный контакт. И пусть сенситивам известно, что кто-то из находившихся в парке генерировал колоссальный поток энергии. Ну и что с того?

Оган осмотрел девушку и нахмурился:

— Уж не вообразила ли ты, что скрылась от Патруля благодаря своему уму и находчивости? Запомни: это просто везение, на которое нельзя рассчитывать в серьезном деле.

Ей не хотелось спорить. Она кивнула:

— Я знаю. Если бы не Харат...

— Вот именно... А сейчас Харат расскажет нам все об этой вещи.

— Но... — Зианта сделала протестующий жест.

— Что «но»?

— Я...

— Ты для этой работы не годишься, во всяком случае сейчас. Разве ты не утомлена до предела?

Наставник был терпелив, словно обращался к ребенку. Этот размеренный голос она помнила еще с той поры, когда была совсем девочкой и проявляла непослушание.

— Харат, — холодно и твердо повторил Оган.

Ей хотелось закрыть артефакт руками, грудью, всем телом. Ей хотелось спрятать от этих людей вещь, к обладанию которой она так страстно стремилась. Да, ее неудачная попытка доказала, что она не в состоянии «прочитать» это послание из тьмы веков. Но она по-прежнему была в его власти, ей необходимо было узнать, откуда он взялся и почему так неодолимо притягивает ее.

Харат гордо прошелся по комнате, польщенный вниманием людей к своей персоне. Но, услышав приказ Огана взять артефакт, вцепился в юбку Ясы, выбивая клювом протестующее стаккато.

Яса присела на пол рядом с воспитанником и стала легонько поглаживать его по пушистой головке. Не прибегая к мыслеимпульсам, она каким-то своим способом воздействовала на маленького телепата, глядя его и ласково мурлыча.

Харат отпустил подол Ясы, еще раз щелкнул клювом и пошел по подушкам медленно и опасливо, точно в любую секунду мог грянуть взрыв. Шерсть его встала дыбом. Одно из щупалец покинуло кармашек, протянулось к комку и легонько, самым кончиком, тронуло его.

Зианта, сгорая от любопытства, открыла свой канал связи, надеясь принять то, что будет «считано» Харатом.

— Самых ранних не касайся, — услышала она, как сквозь завесу, последние слова Огана. — Начни с последних слоев информации.

На Зианту нахлынули эмоции — страдание и беспомощность овладели сейчас Харатом.

«Все сразу... Слишком много всего... много...»

Харату хотелось закончить на этом сеанс, но гипнотический голос Огана буквально сотряс не только маленькое тельце зверька, но пронзил мозг Зианты.

— Я сказал: последние записи. Выполняй!

«Там... глубоко... Там спрятана черная смерть...»

Отрывистые мысли были подобны крикам тонущего. Словно от ожога, щупальце отдернулось от фигурки.

— Где взял это Джукундус? — присоединилась к допросу Яса. — Ну же, мой храбрый малыш, ты должен увидеть! Скажи, что это за предмет?

«Старое... Очень старое место... Там лежит смерть... непонятное... тайное... Холодно... Темно... Много веков нет солнца... Смерть и холод... Там великий... великий лорд... Больше ничего не вижу!»

Щупальце решительно отдернуто и водворено в кармашек. Но глаза Харата остались прикованными к артефакту. Зианта уловила новый импульс:

«Это... Вы зовете их предтечами... Очень древний... Один... Там их было два... Один из пары...»

Зианта очнулась, услышав рядом шипение, и посмотрела. Яса вся дрожала от возбуждения, в полуприкрытых глазах горел алчный огонь.

— Очень хорошо, мой малыш! — Ее рука протянулась, чтобы погладить Харата, но тот уклонился от ласки и заковылял по постели к Зианте.

«Я не могу объяснить, — телепатически передал он, обращаясь ко всем, — но знаю, что она включена в это. Только она, — щупальце указало на девушку, — сумеет отыскать место, где тьма, холод и смерть».

Глядя в неподвижные круглые глаза Харата, Зианта ощутила слабость и озноб, как после сеанса телекинеза. Она со страхом поняла, что сказанное правда. По воле случая или же в силу своих особых психических возможностей она обречена остаться в плену этого предмета. И ей не освободиться от притяжения — оно сильнее ее.

Яса поднесла к своему лицу один из мешочков и глубоко вдохнула аромат лилии.

— Эта вещь из гробницы предтеч! — Кровавый огонь в глазах саларикийки разгорелся ярче. — Оган, нужно узнать, где Джукундус добыл эту вещь.

— Он мог купить ее, а может, привез откуда-нибудь... — Отрывистый голос Огана выдал охватившее его волнение.

— Какая разница? — Яса надменно нахмурилась. — Разве существует что-либо, чего мы не можем узнать? Зачем тогда нам служат тысячи глаз и ушей?

— Если вещь куплена, то она, вероятно, из уже обнаруженного и разграбленного захоронения, — предположила Зианта.

— Ты так думаешь? — Яса повернулась к ней. — По-твоему, на эту неказистую вещицу мог кто-то позариться, купить, не подозревая о ее происхождении? А Джукундус, кстати говоря, увлекается историческими изысканиями. Он может не знать о связи этого предмета с предтечами, но держит его у себя не случайно, а с целью исследования. Так что для начала я хорошенько спрячу его...

Яса протянула к фигурке руки, но пальцы ее беспомощно повисли в воздухе. Она не могла прикоснуться к загадочной находке!

— Оган, что это? Почему?

Склонившись над подушками, ученый еще раз осмотрел предмет. Затем положил между своих ладоней руку Ясы и на несколько мгновений замер.

— В нем колоссальный заряд психической энергии. Прежде я только слышал о концентрациях такой силы. — Отпустив руку сарацинки, сухопарый человечек прошелся по комнате. Глаза его блеснули, озаренные догадкой. — Здесь небывалые возможности: эта штука может служить для фокусировки при парапсихологических экспериментах. Она вобрала в себя всю энергию, действовавшую на нее не только на протяжении веков, но и сегодняшним утром, во время телепортации. Нужно ослабить заряд, иначе до этой вещи опасно дотрагиваться. — Оган посмотрел на Зианту долгим тяжелым взглядом.

— Возьми его. Немедленно!

Девушка сделала шаг к постели еще раньше, чем до нее дошел смысл приказа. Рука спокойно взяла с простыни фигурку, ощутив легкое тепло, но не встретив барьера, который воспрепятствовал прикосновению Ясы.

— Налицо избирательная психосвязь, — заключил Оган. — Пока предмет не потеряет своего заряда — если такое вообще возможно, — касаться его может только Зианта.

— А ты что, не в состоянии нейтрализовать это поле? — Приговор Огана был явно не по душе Ясе. — Чего тогда стоит вся твоя аппаратура?

— Идти на эксперимент слишком рискованно, — не уступал ученый. — Опыт обращения с подобными уникальными предметами отсутствует. Ведь впервые за многие века на одной из тысяч планет найдена вещь, которой поклонялась чужая раса. В старые времена и некоторые правители, окруженные всеобщим обожанием, концентрировали энергию, которую вливали в них вассалы. Она позволяла этим живым богам творить настоящие чудеса и укрепляла их славу всемогущих повелителей смертных.

— И ты считаешь, что перед нами — такая богоподобная вещь? — с недоверием спросила Яса.

— Я могу сказать только, что у нее небывалая концентрация психической энергии. Воздействовать на такой артефакт приборами — значит рисковать уничтожить его информационное поле. Что означает возможность упустить редчайший шанс.

Яса довольно замурлыкала:

— Ты намекаешь, что лучше использовать этот шанс с помощью нашей крошки... — В ее взгляде, брошенном на Зианту, были и прощение, и требовательность.

— Не могу ничего твердо обещать, леди, — ученый предостерегающе поднял руку, — но надеюсь, что этот ключ поможет нам отворить дверь в глубину веков. Для начала необходимо проследить путь этого предмета к Джукундусу. Я сомневаюсь, что он представляет себе, насколько эта вещь уникальна. Ведь он недолюбливает сенситивов, как всякий человек, ведущий тайную жизнь. Таким вовсе не по душе открывать кому-то свое сознание. Так что вряд ли в окружении Джукундуса существует человек, способный распознать суть этой вещи. Сейчас энергия артефакта разбужена — ее пробудил сеанс телекинеза. А до того, как это было сделано, только Зианта смогла воспринять его поле, и то благодаря игре случая. Произошло редкое совпадение: и ее возбужденное состояние, и путь вблизи того самого столика, и абсолютно сумасбродный замысел заполучить предмет посредством телепортации. Так или иначе — он здесь, и нам надо постараться использовать небывалую удачу.

— А теперь, моя девочка, — сказал Оган, обращаясь к Зианте, — тебе предстоит попытаться «прочитать» эту вещь.

— Нет! — вскрикнула она. — Я... пыталась, но не сумела. Это... кошмар. Меня всю обожгло!

Яса рассмеялась:

— Я отобью у тебя, милашка, охоту самовольничать. Ты сделаешь все, что скажет Оган, иначе твое сознание окажется под надежным замком. — Хозяйка произнесла это спокойно и легко, но Зианта с ужасом поняла, что над ней

нависла смертельная угроза. В то же время ее тяга к артефакту не ослабевала, а неудачу первой попытки она расценивала теперь как указание передохнуть и собраться с силами. Повторить эксперимент сейчас она просто физически была не способна.

— Береги его, милашка. — Яса направилась к выходу. — Впрочем, он и сам пока неплохо охраняет себя. А мы пока попробуем разузнать, когда, где и каким путем этот предмет попал к Джукундусу. — Эти слова хозяйки донеслись уже из-за закрываемой двери.

Глава 4

Дополнительных разъяснений не требовалось, слова Ясы означали, что похищенный Зиантой артефакт обрек ее на положение узницы, пока полчища шпионов не разузнают историю приобретения загадочного предмета. К тому же Оган наверняка проявит интерес и к камню, и к ее проявившемуся вдруг психокинетическому таланту. Она уже готовилась мысленно к мучительным экспериментам и тестам; когда же через некоторое время вызов в лабораторию так и не поступил, сперва облегченно вздохнула, но затем почувствовала себя уязвленной. Либо психотех не рискует работать с артефактом, несущим заряд, либо все еще готовит для Зианты изнурительные проверки.

Время ее заточения тянулось медленно. Она завязала уже два узелка на поясе, чтобы отсчитывать дни. Девушка ощущала нарастающее беспокойство. Рассеять его не могли ни развлекательные видео, ни трехмерные стереопередачи из Тикила. Двое суток пустого времяпрепровождения начисто выбили ее из колеи.

Утро третьего дня застало ее сидящей после беспокойной ночи у окна, за которым раскинулся парк. По желанию Ясы он больше походил на джунгли и поддерживался именно в таком состоянии.

Предтечи... Никто точно не мог сказать, сколько цивилизаций, сколько рас населяли космос во все времена. На такой вопрос не могли дать ответ даже закатане — по-

томки рептилий, чей век гораздо дольше человеческого. Эта древняя раса выдвинула немало блестящих умов в области истории и археологии. Народ Зианты сравнительно недавно освоил межзвездные сообщения, и тут же потоки переселенцев хлынули в иные миры. Их родная планета на окраине Галактики называлась Терра, а светило — Солнце. Одни бежали от войн и политических интриг, другие — в поисках лучшей судьбы, богатства и славы. Самые смелые пускались в неизведанные глубины космоса и либо гибли, либо открывали новые миры, становясь основателями очередной колонии терранцев. Из-за воздействия необычных природных факторов — звездных излучений, микроорганизмов, химических соединений — поколения переселенцев подвергались мутациям, их потомки уже мало походили на своих прародителей. Одни стали великанами, другие карликами; у одних стала пышная шевелюра, другие совсем лишились волос. Изменялся цвет кожи, даже количество пальцев, острота зрения или обоняния у колонистов разных миров были неодинаковы. Особенно хорошо это было заметно в Диппле — пристанище неудачников с сотен планет. И улицы Тикила также демонстрировали великое многообразие разумных порождений природы.

Тем же изменениям, что терранцы, подвергались в свое время и более древние расы, которых называли предтечами. Их путь по космосу отмечали загадочные следы: испепеленные дотла миры — памятники титанических конфликтов, а также руины циклопических сооружений, монументальные гробницы и непонятного назначения устройства, которые на некоторых планетах продолжали действовать и до сих пор, миллионы лет.

Каждая новая находка рождала новые загадки, над которыми безуспешно бились лучшие умы Галактики. В ученом мире шли постоянные споры о принадлежности этих памятников, к какой относить их эпохе, к какой цивилизации. Закатане собрали тысячи легенд разных народов, в результате всплыли схожие имена, и только. Было ли это названием рас или их правителей — никто не знал. Как вообще можно определить принадлежность к культуре?

Например, остатки древнего города на Архоне IV и порты в Мочикане и Вотане были отнесены к «культуре Заати» только потому, что имели одинаковые затейливые резные орнаменты.

Ученые лелеяли надежду, что удастся отыскать какой-то архив, ленты с записями или что-то подобное, способное пролить свет на тайны предтеч. Увы, эти надежды становились все более призрачными. Правда, совсем недавно, пару лет назад, была открыта планета, представляющая собой один гигантский город. Этот мегаполис считался памятником некой сверхцивилизации, и сейчас его дотошно изучали, рассчитывая установить его связь с предтечами.

Зианта сжала руками виски. Ее тоже интересовали предтечи. Может быть, их тайна скрыта здесь, в этой шкатулке? Она взглянула на небольшой ящичек, куда Яса уложила укутанный шарфом артефакт. Все эти дни девушка не отвлекала его на свет, но думала о нем непрерывно.

Ключом к мегаполису послужил случайно найденный перстень с очень странным камнем. Быть может, ее находка — тоже ключ? Но где дверь, которую она откроет?

Здесь, на Корваре, была своя древняя тайна — Рухкарв. Довольно заурядные руины на поверхности маскировали входы в подземные шахты и галереи, тянувшиеся на не постижимую глубину. Сооружение этих катакомб приписывалось неведомой расе, по некоторым признакам — даже негуманоидным существам. Спуск в подземелья Рухкарва для многих исследователей окончился трагически, и теперь рейнджеры Диких Земель, на территории которых находится этот загадочный реликт прошлых эпох, никого даже близко к нему не подпускали. Однако неутомимые историки продолжали спор, был ли Рухкарв местом обитания существ, близких по образу жизни к муравьям, или убежищем одной из воюющих сторон, или, может быть, пересадочной станцией для тех, кто владел тайной перемещения между мирами...

Зианта поднялась и, влекомая притяжением артефакта, вынула сверток из шкатулки и поднесла его к окну, через которое били лучи света. Ей казалось, что этот естествен-

ный свет может обезвредить предмет, лишивший ее покоя, освободить ее от подчинения ему.

Она принялась разворачивать шарф складку за складкой, пока ткань не упала на пол. В лучах солнца фигурка казалась еще более нелепой, словно ребенок пытался неумелыми пальцами сделать что-то из куска глины. Нет, эта примитивная вещь вряд ли могла принадлежать расе, достигшей звезд.

Дрожа от страха, Зианта слегка коснулась предмета. И не ощутила ни тепла, ни какого-нибудь импульса! Выходит, Оган прав: артефакт зарядился в результате телекинеза, а теперь приобретенный потенциал иссяк. Она уже смелее стала водить пальцем по фигурке, особенно внимательно ощупывая то место, где должна быть голова.

Поверхность, визуально казавшаяся шероховатой, рельефной, на ощупь была совершенно гладкой. Но что это? В верхней части фигурки рука почувствовала несильное, но явственное покалывание.

Словно в трансе, девушка крепко сжала в пальцах предмет, а затем другой рукой повернула верхнюю часть — это вышло помимо воли, просто она знала, что именно так должна сделать.

Верх фигурки сдвинулся, отделился от нижней части и откинулся, словно крышка маленького ларца.

Внутри стенки и дно хранилища были обложены тонкими серебристыми нитями, чтобы уберечь то, что лежало там. Такие же нити прикрывали содержимое сверху. Зианта поставила ларец на подоконник. Ей хватило благоразумия не касаться нитей незащищенной рукой. Девушка взяла со стола ложку с длинным черенком, которой во время завтрака вычерпывала сочную мякоть из какого-то экзотического фрукта, и ее черенком легонько разворошила комок нитей, пока в проделанное отверстие не проник солнечный луч. От его прикосновения нити вспыхнули тысячами ярких бликов, а глубоко под ними зажегся изумрудно-голубой огонек.

В гнездышке из нитей покоился камень овальной формы. Прежде Зианта не встречала камней такого цвета и не

смогла определить его. Она, не дотрагиваясь, рассматривала его. Он был гладким, сферическая поверхность не имела следов огранки. Вдруг почувствовав, что впадает в транс, девушка закрыла глаза и принялась на ощупь укладывать пушистые нити обратно, прикрывая ими камень.

Она читала о кристалломантии, одном из древних способов стимулировать ясновидение. Для этого сенситив фиксировал внимание на шарике из прозрачного, чистой воды камня и высвобождал с его помощью энергию. Снова Оган оказался прав: этот камень, долго используемый подобным образом, получил огромный заряд психической энергии.

Зианта поспешно сложила обратно обе половинки и повернула фигурку в противоположную сторону. Затем внимательно осмотрела ее: никаких следов того, что она только что открывалась. Со вздохом облегчения она снова замотала ее в шарф и поместила обратно в шкатулку.

А что, если попробовать поработать с кристаллом? Что она увидит — смерть или мрак? Этого видеть она не хотела, как не хотела сообщать об этом своем открытии Ясе или Огану. Они, конечно же, заставят ее смотреть в камень, а ей это вовсе не...

Она тут же поставила экран на свои мысли. Но если Оган что-то заподозрит, это, конечно же, не поможет. Хорошо хоть, что сейчас он чем-то серьезно занят за пределами виллы — это ей на руку.

Спустя час поступил вызов от Ясы. Зианта застала хозяйку в обществе одного из координаторов Гильдии. Он рассматривал вошедшую девушку, словно перед ним был некий инструмент, и он прикидывал, насколько этот предмет эффективен. Яса была спокойна, хотя общение с патронами Гильдии было зачастую небезопасно для тех, кто стоял на ступень ниже и претендовал на то, чтобы занять более высокое место. Путь наверх лежал, как правило, через убийство. Смерть подстерегала тех, кого руководители сочли ненадежным, а также тех, кто мешал карьере кого-либо из честолюбивых нижестоящих гильдейцев.

Когда проводилась инспекция, редко обходилось без неприятностей. Но Яса ничем не выдала своего беспокойства, а сквозь ее кошачью невозмутимость не пробился бы и детектор правды. Она смотрела на Зианту немигающим, нарочито сонным взглядом. На коленях хозяйки сидел Харат. Глаза его были подернуты пленкой, словно он спал. Зианта поняла: это предупреждение для нее. Она много лет прожила здесь и знала: любая необычная деталь означает сигнал тревоги и призыв к обороне.

На самом же деле Яса была далеко не так беспечна, как хотела показать, да и Харат находился здесь отнюдь не в роли комнатной зверюшки. Сейчас он старается пробиться через экран к сознанию гостя, чтобы уловить утечку информации. Все это означает, что Яса не расположена посвящать во что-либо координатора и требовала от Зианты особой бдительности. А поскольку главным событием на вилле девушка не без оснований считала похищение артефакта, именно это следовало держать в тайне.

— Макри, ты хотел увидеть сенситива, который считывал информацию Джукундуса. Вот, она перед тобой.

Перед ней сидел крупный мужчина, некогда мускулистый и привлекательный, но теперь чрезмерно располневший. Он был в форме космолетчика с капитанскими эмблемами. Костюм был гостю явно тесен — то ли шитый не на него, то ли носимый им с давних времен. Лицо, темно-красного цвета, гладко выбрито, кроме маленькой курчавой бородки. На бритой голове топоршилась искусственными кудряшками серебристая сеточка — такие надевались под шлем космонавтами.

Глаза его тонули в одутловатых щеках, но не были добродушными, как у многих толстяков. Они глядели на девушку жестко и властно, их серебристый блеск напомнил ей игру нитей, из которых было сплетено гнездо для кристалла. Это сейчас было опасной ассоциацией, и Зианта поспешно упрятала мысли о камне на самое дно сознания.

Вдоволь насмотревшись на девушку, координатор недоверчиво хмыкнул. А затем на Зианту посыпались короткие резкие вопросы — гостя интересовали все подробности

налета на апартаменты Джукундуса. О содержимом лент разговор, естественно, не велся — оно было начисто стерто из ее памяти приборами Огана. Она пересказала свои действия шаг за шагом с момента проникновения в квартиру и до возвращения на виллу. Полученное от Ясы предупреждение совпало с собственным желанием девушки сохранить тайну артефакта — тучный посетитель ничего не услышал от нее ни о столике с безделушками, ни о последующем сеансе телепортации.

Когда Зианта закончила, лицо хозяйки оставалось по-прежнему непроницаемым, и по его выражению девушка не могла определить, удалось ли ей выполнить негласные инструкции или же она допустила какую-то оплошность. Макри снова хмыкнул. Яса повернулась к нему.

— Убедился? Все в точности так, как мы тебе доложили. Аппаратура Огана это подтвердила. Так что нет никаких оснований опасаться, что налет обнаружен.

— Хочется верить в это. Но в Тикиле вдруг стало жарко, очень жарко! И это как-то связано с Джукундусом. В то же время не похоже, чтобы он узнал о считывании его микрозаписей. Но город наводнен сенситивами, они всюду рыщут и что-то вынюхивают. Вот эту, — он снова взглянул на Зианту, как на неодушевленную вещь, — ее вы держите «под колпаком»?

— Можешь проверить. — Яса безразлично зевнула. — Она все это время была здесь. Наши детекторы не обнаружили, чтобы ее сознание кем-то зондировалось. Или ты сомневаешься в надежности приборов Огана?

— Оган? — Это имя он произнес, показывая, что ученый для него значит не больше, чем Зианта, всего лишь другой воровской инструмент. — Решаем так. Оставлять ее здесь все же опасно. Наша работа вокруг Джукундуса идет успешно, и нельзя допустить никаких сбоев. Вышли ее куда-нибудь подальше, хотя бы на время.

Яса снова зевнула.

— Мне как раз нужно уезжать, так что и предлога искать не придется. Отправлюсь с инспекцией филиала своей фирмы на Ромстке, а ее прихвачу с собой.

— Договорились. Мы дадим знать, когда вам можно будет возвратиться.

Координатор грузно поднялся и без единого слова направился к выходу. Зианта поняла: это была умышленная грубость. А как отреагирует Яса?

По-кошачьи треугольное лицо salariкийки осталось непроницаемо спокойным, насколько мог судить человеческий глаз. Только бескровные губы приоткрылись и слегка раздвинулись, обнажив белые кончики того, что обеспечивало жизнь и безопасность ее предков: острые, несущие смерть клыки.

— Макри... — медленно проговорила Яса. Голос был бесцветен и не окрашен эмоциями, как и лицо salariкийки. — Он вел себя со мной так, будто сейчас прокладывает себе путь на самый верх. Что ж, тот, кто думает о чем-то возвышенном, рискует угодить в яму у себя под ногами. Он даже не догадывается, насколько помог нам: теперь есть повод покинуть Корвар, не вызвав подозрений Координатора и тех, кто его послал. Макри возомнил себя большим боссом, а по сути, сделал то, чего я добивалась.

— Удалось узнать что-то новое? — спросила Зианта.

— Разумеется, милашка. Когда Яса приказывает глазам, чтобы они смотрели, ушам — чтобы слушали, носам — чтобы вынюхивали, ее приказ выполняется. Мне теперь известно общее направление, откуда пришла к Джукундусу эта вещь. Остается найти тех, кто ее изготовил, проникнуть в их время и узнать многие похороненные в веках тайны. Это должны сделать мы, и никто иной! Мы отправимся на Путеводную звезду.

Путеводная! О ней Зианта много раз слышала на протяжении всей своей небольшой жизни. Большинство космических скитальцев считали Путеводную легендой, но Гильдия знала, что это не вымысел. Хотя лишь избранные могли указать путь к ней. Путеводная использовалась Воровской гильдией, хотя не была собственностью какого-либо Патрона подпольной организации, как многие тайные космические базы.

Путеводная была тем, чем являлась и задолго до создания Гильдии, до того, как народ Зианты устремился к звездам. Это была планета преступников, место встреч почти исчезнувших ныне космических пиратов. Теперь сюда стекались джеки после налетов на разных планетах, где их поджидали агенты Гильдии, скупавшие награбленное. Впрочем, порой Гильдия не брезговала и похищением кораблей грабителей для собственных нужд.

Если верить всяким рассказам, то Путеводная когда-то являлась космической станцией исчезнувшей давным-давно цивилизации, от которой остались только мертвые планеты, обращающиеся вокруг почти угасшего красного карлика. В общем, история Путеводной не менее загадочна, чем тайны Рухкарва. И визит туда был немногим безопаснее спуска в бездонные катакомбы.

— Этот Макри... Если мы отправимся на Путеводную... — с сомнением проговорила Зианта и осеклась.

Агенты Гильдии могли узнать Ясу, и тогда... ее заподозрят в предательстве. А если такое случается с высшим членом Воровской гильдии, смерть ожидает не только его самого, но и все его окружение — кроме, конечно, тех, кто поговору с той же Гильдией участвовал в низвержении своего хозяина.

Яса провела рукой по пушистой головке Харата и неожиданно довольно похоже воспроизвела шелканье, которое Харат издавал своим крючковатым клювом.

— Макри — просто старикан на побегушках у высших членов организации. Я права, малыш?

«Он искал что-нибудь, чем смог бы навредить тебе», — передал Харат. «Но ничего не смог найти. Он думал, что благодаря защитным устройствам в его мысли никто не может проникнуть», — с презрением закончил Харат свой доклад.

— А это возможно? — вырвалось у Зианты.

Чтобы посмотреть на нее, Харат повернул голову почти на сто восемьдесят градусов. Большие немигающие глаза уставились на девушку.

«Харат может читать мысли».

Ей оставалось гадать, что означал этот ответ, сопровождавшийся шелканьем клюва. Она с детства верила в могущество приборов и сейчас была поражена тем, что Харат сумел прорваться через созданные специалистами Гильдии психобарьеры. Девушка еще раз убедилась, насколько способности пушистого телепата отличаются от возможностей обычного сенситива.

Но если Харат был с Ясой, он не только защищал от зондирования ее сознание, но и сообщал ей каждую мысль, которая рождалась в мозгу Макри и... И мысли о камне! Нет! Она не смеет думать об этом здесь! Надо оградиться! Нет, тоже плохо. Когда от сознания вообще не поступает информация — это настораживает. Нужно о чем-то думать. Думать... Путеводная. Она думает только о Путеводной...

— Харат хорошо читает мысли. Молодец, малыш! — промурлыкала Яса, поощряя своего помощника. — Что же касается Макри, — продолжала размышлять вслух хозяйка, — то и на Путеводной найдутся люди, перед которыми этот кусок жира будет раболепствовать, словно он ростом меньше нашего Харата, превзошедшего его и отвагой, и способностями.

— Если там нас ожидает такая поддержка, успех на Путеводной обеспечен. — Зианта посчитала необходимым польстить амбициям Ясы.

— Я тебя прошу, милашка, отвыкай от изречения очевидных истин. Да, мне там есть на кого опереться, но это не значит, что все будет сделано за нас. Я продумала свои действия еще до появления здесь Макри, подарившего нам благопристойный предлог для путешествия. Но не обещаю, что это будет развлекательная поездка. Работа нас ждет трудная, к тому же лететь придется в анабиозных камерах.

Такая перспектива не порадовала Зианту, но она была в полном подчинении у Ясы и не могла протестовать. Перелет в анабиозе был самым примитивным способом, его применяли пионеры космоса на заре звездоплавания. Команды кораблей годами лежали в своих капсулах замороженными, и к некоторым не возвращалась жизнь в пункте прибытия. Девушка догадалась, что в данном случае такой

опасный способ путешествия избран Ясой из соображений секретности.

Вечером этого же дня их флиттер опустился в порту, и они взошли на борт каботажного космолета, совершавшего рейсы только в пределах местной звездной системы. Но ведь... Впрочем, удивляться Зианте пришлось недолго. Как только они очутились в своей каюте, Яса извлекла из дорожного ящика два длинных плаща с капюшонами. Девушка знала о свойствах этих балахонов: для постороннего глаза одетые в них фигуры искажались до неузнаваемости. Накинув плащи, они не мешкая прошли по безлюдным коридорам и спустились на нижнюю палубу. Там Яса провела Зианту к грузовому лифту, который доставил их обратно за борт.

Спеша за хозяйкой по территории порта, девушка с замиранием сердца ждала, что их окликнут. Но плащи служили безупречно: обе беспрепятственно достигли дальнего причала. Здесь стояло несколько звездолетов вольных торговцев. Яса схватила Зианту за рукав и ускорила шаг, устремившись к какому-то транспортнику с неясной эмблемой и полустертым названием на потемневшем от времени борту.

Возле спущенного трапа не было ни души. Яса, не отпуская руку Зианты, почти бегом поднялась по металлическим ступеням и нырнула в люк. Внутри их тоже никто не встречал, корабль словно вымер. Девушке пришло в голову, что все они специально чем-то заняты, чтобы не видеть прибывших пассажиров.

Они поднялись на три уровня, и здесь их ждала открытая дверь каюты. Они вошли, и Яса поспешно захлопнула дверь.

— Приятного путешествия, джентльфер! — прозвучал вдруг голос Огана. Вид у психолога был странным: облаченный в грубую рабочую одежду, он стоял у стены возле двух длинных и узких ящиков. Зианта внутренне содрогнулась — это были анабиозные капсулы. Даже сейчас, по прошествии многих столетий их использования, при этом варварском способе путешествия бывали трагические случайности. Зианта путешествовала в космосе впервые — не

считая изгладившегося из памяти когда-то выпавшего на ее долю космического перелета, когда ее, подобно другим обитателям Диппла, выбросил с родной планеты пожар войны.

— Пока все идет по плану. — Яса свернула плащи и уложила их в ящики вместо подушек. — Артефакт положи сюда.

Зианта нехотя протянула шкатулку, которую крепко прижимала к груди, пока они пробирались по территории порта. Яса взяла ящичек в руки. Девушке показалось, что саларикийка хочет убедиться, на месте ли артефакт. Но хозяйка не стала открывать шкатулку, а бережно положила ее на одну из самодельных подушек.

— Очень благоразумно, леди, — подал реплику Оган. — Если между трансом и анабиозом есть какая-то связь, такое соседство может дать результат. Он будет с тобой, Зианта, и кто знает, быть может, по пробуждении ты ответишь нам на многие вопросы об истории этой фигурки.

Зианта замерла. Ей уготован сон рядом со смертью и мраком, спрятанным в этом предмете! Оган предложил такое, не подумав. Впрочем, нет: он все понимает, но ему глубоко безразличны и переживания девушки, и ее судьба. Ее берегли, пока ее дар представлял часть имущества Гильдии. Но теперь — она сознавала это — они работают не на Гильдию. Яса вовлекла Огана в сугубо личное предприятие. И теперь ценность Зианты измеряется степенью ее полезности для этого предприятия. Ее вырвали из среды, где ей была гарантирована хоть какая-то безопасность. Но пути назад нет, как нет и малейшей надежды на бегство.

— Давай, ложись сюда. — Оган протянул руки, и они повисли над ее головой. — Ну же, не упрямясь, как ребенок. Ты уже испытывала гипноз — и осталась цела и невредима. Лучше подумай, что ты нам расскажешь, когда проснешься.

В этой тесной каюте у Зианты не было никакой возможности увернуться. Игла шприца в руках Огана вошла в ее руку чуть выше локтя — и вот уже психолог укладывает ее безвольное тело в узкий ящик. Можно даже было бы ска-

зять, что здесь мягко и уютно, если бы не мрачные мысли о будущем. И мысль о лежащей возле головы шкатулке...

— Хорошо. Видишь, как все легко и просто. Смотри сюда, ведь ты это уже делала раньше... раньше... раньше... раньше...

Монотонные слова тяжело падали в сознание, и было не оторвать взгляда от блестящего шарика, зажатого в пальцах Огана. Сил и желания сопротивляться не было.

— Раньше... — Голос исчез. Она уже спала.

Глава 5

Первым побуждением Зианты было желание срочно скрыться, сбежать от опасности. Над нею (если в космосе применимо понятие «над») нависло что-то огромное, пугающе тяжелое.

После долгого, неизвестно сколько длившегося сна их разбудили, чтобы они пересели на другой корабль, который пересек окружающее Путеводную кольцо защиты — первую линию обороны планеты, состоявшую из обломков старых звездолетов. Их было много, очень много, словно весь звездный флот какой-то Конфедерации специально взорвали, чтобы образовался этот железный барьер.

Проникнуть через защитный слой осколков можно было только по тщательно охраняемому коридору, расчищенному среди металлического хлама. И тогда взору открывалась грандиозная картина висящей в пустоте космической станции, созданной представителями неведомой, но явно высокоразвитой цивилизации. За много веков дрейфа среди звезд поверхность сооружения покрылась вмятинами и заплатами. По обе стороны гигантского корпуса были оборудованы причалы для космолетов. Сейчас, стоя на одном из них, девушка со страхом глядела на висящие над головой глыбы искореженного металла. Ей чудилось, что они падают прямо на нее. Напрасно Зианта убеждала себя, что равновесие масс этих обломков и станции незыблемо уже сотни лет, что многие поколения обитателей космической

базы изо дня в день бестрепетно взирают на нависший над ними железный молот.

Лишь войдя вслед за Ясой внутрь, Зианта избавилась от этого страха. Обстановка здесь была более уютной, поддерживалась даже небольшая сила тяжести.

В центре станции было огромное круглое помещение, опоясанное множеством разноэтажных балконов и галерей. Стены излучали странный зеленоватый свет, придававший неприятный мертвенный оттенок лицам обитателей. Впрочем, лица как таковые были только у представителей гуманоидных рас. Девушка увидела здесь много существ, совершенно отличных не только от людей, но и от всех известных ей форм разума, хотя на Корваре ей довелось познакомиться с множества звездных миров.

Видимо, Яса хорошо ориентировалась здесь. Она повела девушку на один из верхних уровней. Сила тяжести была гораздо меньше, чем на Корваре, и они поднимались, почти не касаясь ступеней, но следовало не забывать хвататься руками за перила и специальные скобы.

Местами на стенах проступали неясные контуры — остатки древней росписи, украшавшей станцию за много веков до того, как народ Зианты освоил космические полеты. Можно было различить очертания каких-то остроугольных фигур и кругов, но их было слишком мало, чтобы представить себе целиком былое творение древних художников.

Возле двери, к которой они подошли, стоял охранник в одежде космонавта. При виде незнакомок он взялся за рукоять висящего на поясе лазера — запрещенного во всей Конфедерации смертоносного оружия. Но, видимо узнав Ясу, отступил в сторону, позволяя им войти.

Взгляд девушки не знал, на чем остановиться, блуждая по разнообразию вещей и мебели, которыми была буквально забита комната. На всем этом добре лежал отпечаток разных культур, стилей, эпох. Скорее всего, здесь собрали трофеи с многих десятков ограбленных кораблей. Некоторые предметы явно принадлежали негуманоидным расам. Нагроможденная как попало мебель была когда-то богато

украшена резьбой, инкрустирована ценными металлами, но теперь представляла собой лишь потрепанный хлам.

Среди этой причудливой свалки в продавленном кресле с облупившейся позолотой развалился тот, к кому Яса решила обратиться за консультацией. Увидев вошедших женщин, он не удосужился встать, а лениво шелкнул пальцами. Тотчас же зеленокожий виверн бросился в глубь склада и приволок еще два довольно крепких стула.

Зианта впервые видела члена Воровской гильдии, который столь фамильярно вел себя с Ясой. Но та, по-видимому, решила не обращать внимания на формальности и спокойно уселась, разглядывая хозяина заполнявших комнату сомнительных сокровищ. Подобно своим богатствам, он представлял собой удручающую смесь помпезности и не-ряшливости.

Чистейший терранец лицом и фигурой, он был облачен в варварски-пышные одежды. Коротко остриженную голову украшал обруч зеленого золота со свисавшим на лоб коросом. От глаз к подбородку проходили искусно сделанные косметические шрамы, превратившие лицо в свирепую маску.

Широкие штаны из светлого меха плохо гармонировали с наброшенным на плечи кителем адмирала Патруля, расшитым звездами и позументами. Рукава кителя обрезаны, а голые руки унизаны блестящими браслетами с земными рубинами и зелено-голубыми камнями, названия которых Зианта не знала.

Этот человек держал на коленях поднос, на котором были не варварские яства, а нечто изумительно совершенное и потому абсолютно неуместное среди этой безвкусицы. То был миниатюрный пейзаж: сад с деревцами и кустиками, посреди него — крошечное озерцо с каменистым островком, к которому плыла микроскопическая лодочка. Зеленокожий слуга-виверн принял поднос с колен хозяйна и перенес на стол. Взгляд Зианты был прикован к этому дивному творению неизвестных ей умельцев.

Человек наконец заговорил на основном. Вопреки типичному облику джека, голос был приятного тембра, а речь вполне интеллигентной.

— На Путеводной звезде, джентльфем, нет никакой растительности. И для меня сделали вот этот сад. Он пахнет свежей листвой и озером. Я закрываю глаза — и переносюсь в настоящий парк...

Яса молча поднесла к лицу ароматический мешочек. Увидев это, человек улыбнулся. При этом шрамы задвигались и лицо сделалось похожим на сатанинскую гримасу.

— Прошу извинить, джентльфем. Путеводная богат всем на свете, в том числе и запахами. Жаль, что это оказались не те ароматы, которые вам по нраву. Однако давайте перейдем к главному, не то ваши запасы сушеных лепестков лилии выдохнутся прежде, чем мы доберемся до сути дела. В общих чертах мне изложили вашу проблему. Хотелось бы помочь вам, насколько это будет возможно. Здесь возможны самые непредвиденные сложности. Одним словом, между нами должно быть полное взаимопонимание.

В улыбке на лице Ясы не было и тени тепла — только беспощадная прямота.

— Разумеется, Сренг. Мы обсудим все, до мельчайших деталей.

Зианта молча наблюдала за начавшейся дуэлью. Их взгляды впились друг в друга. В их мире любой сделке предшествовало отчаянное соперничество. Но сейчас противники зависели друг от друга, и общий интерес должен был в конечном итоге победить недоверие и алчность. По пути на Путеводную хозяйка не сочла нужным посвятить Зианту в свои планы. Но девушка и без того понимала, что именно этот неопрятный человек способен, по мнению Ясы, помочь им проследить путь глиняной фигурки к Джукундусу.

— Наш компьютер проанализировал те общие ориентиры, что вы нам передали, — сказал он. Возможно, его честолюбию льстило то, что гордая леди Яса оказалась здесь в роли просительницы. — Дальнейшие уточнения можно получить, только используя сенситива. Остальное зависит от вашего решения, джентльфем.

Яса взглянула на Зианту:

— Мы займемся уточнением...

Ладонь девушки крепко стиснула заветную шкатулку. Зианту охватил страх: сумеет ли она сделать это без тренировки? Быть может, у Сренга есть свой сенситив, специально обученный работе с картой? Но тогда... то, что спрятано в шкатулке, попадет в чужие руки. Яса не пойдет на это без самой крайней необходимости.

Методика ведения подобного поиска была знакома любому сенситиву. Но далеко не все добивались успеха. Тем более что обычно сенсорный поиск шел по картам городов, в крайнем случае — планет. Зианта никогда не слышала, чтобы он применялся на космической карте. Девушка надеялась, что Яса не возлагает на предстоящий эксперимент особых надежд, и возможная неудача не слишком ослабит позицию саларикийки в этой сделке.

Яса словно угадала внутреннее смятение своей воспитанницы.

— Но нам необходим отдых, — надменно произнесла она, напомнив таким образом о своем высоком положении и связанных с ним привилегиях.

— Ваше желание — мое желание, — послышался обусловленный этикетом ответ, в котором, однако, сквозила немалая доля иронии. — Ссссфани проводит вас. Не обессудьте за бедность апартаментов, но здесь, увы, не Корвар и это лучшее, чем мы располагаем. Когда отдохнете — дайте знать, и мы приступим к работе.

В сопровождении зеленокожего виверна они прошли дальше по коридору и вошли в комнату, также загроможденную разномастными трофеями. Когда слуга ушел, Яса встала напротив Зианты и проговорила с подчеркнутой теплотой:

— Отдохни, милашка, восстанови силы. От этого зависит наш общий успех.

Слова слетали с губ хозяйки, а руки тем временем быстро двигались, рисуя в воздухе сложный узор. Зианта без труда прочитала условный код.

Подслушка! Девушка не удивилась: на планете преступников подозревается каждый, в этом залог безопасности

воровского мира. Не исключено и сканирование мозга — наверняка кругом полно аппаратуры.

— Постараюсь, леди.

Она опустилась в гамак, оказавшийся на удивление удобным, несмотря на ветхий вид. Яса подошла к автомату питания. Прочитав список блюд, она раздраженно фыркнула, но тем не менее пробежала пальцами по облупленной клавиатуре.

— Сплошная синтетика. Похоже на тюремный рацион. Но подкрепиться все-таки придется, нам нужны силы. — Яса говорила громко и язвительно, словно специально для тех, кто сидит сейчас у подслушивающего устройства. Она достала из камеры автомата тубик с концентратом и протянула Зианте:

— Постарайся съесть это, милашка.

Девушка принялась за еду. Пища почти без вкуса и запаха не могла доставить удовольствия, но содержала необходимую норму витаминов и калорий. Механически пережевывая теплую массу, Зианта думала о предстоящем испытании. Она и страшилась его, и хотела в то же время заняться поиском поскорей, чтобы узнать что-то новое об артефакте. Чтобы подавить нарастающее возбуждение, отдохнуть, как требовала Яса, ей приходилось хотя бы внешне оставаться безмятежной.

Девушка заставила себя расслабиться. Лежа с закрытыми глазами, принялась освобождать мозг, накапливая психическую энергию. И вдруг ощутила посторонний импульс... Какой-то несильный раздражитель... Нечто промелькнуло, слегка дотронувшись по касательной до ее сознания.

Слегка обеспокоенная, Зианта сконцентрировала внимание на этой тени незримого чужого прикосновения. Вот.. Снова... Оно появлялось и исчезало, словно редкая размеренная пульсация. Девушка поняла: ей не показалось — ее сканировали! Те, кто этим занимался, не предполагали, что она способна распознать столь легчайшее прикосновение.

Кто же это? Сенситивы Сренга? Они хотят проверить ее возможности или...

Ее охватила паника. Собрав волю, Зианта поставила психобарьер. Через несколько минут, немного успокоившись, она попыталась проанализировать свое открытие. Уловленный ею импульс был слишком слабым для направленного зондирования мозга. Возможно, это дала о себе знать контролирующая сеть, заброшенная на всю Путеводную или его отдельные участки с целью выявить присутствие на станции посторонних сенситивов.

Но ведь о ее роли в этой миссии Сренгу прекрасно известно. Яса не скрывала от него способностей своей подопечной. Кто же тогда проявил к ней столь специфическое внимание? Представитель Гильдии, подосланный недругами Ясы, чтобы шпионить за ними? Или конкурент, имеющий свой интерес к артефакту? Так или иначе — где-то рядом враг.

Для доклада хозяйке у нее нет фактов — ничего, кроме смутного ощущения. Благоразумнее молчать, пока она не убедится, что ее действительно пытаются зондировать. А пока — ни на минуту не ослаблять защиту.

Зианта не опустила мысленный экран и тогда, когда они вновь очутились в комнате Сренга. За время их отсутствия здесь кое-что изменилось: часть мебели удалили, чтобы поставить огромный стол. На нем была развернута протертая на сгибах пластика звездная карта. Изображенные на ней кружки, линии и знаки ничего не говорили девушке — она никогда не интересовалась астронавигацией. Но это не имело значения: путеводителем по карте должен стать артефакт. Если эксперимент удастся, он подскажет сенситиву нужную точку. Девушка достала фигурку из шкатулки и сжала ее в руке. Все мысли отключены — только фигурка, которую она медленно вела над картой. В левой части — ничего.

Вот уже три четверти карты миновала ее рука, сжимавшая артефакт. Фигурка оставалась мертвым кусочком глины. И вдруг... В мозгу вспыхнула картина — пронзительно отчетливая, абсолютно живая и реальная. Она могла дотро-

нуться до этих серых камней, до ветвей деревьев, которые раскачивались под напором ветра!

— Камни... — Она не слышала своего голоса, не знала, что слова слетают с ее пересохших губ. Фигурка налилась теплом, и все ярче наполнялась жизнью заполнившая сознание картина. — Деревья... И дорога... Она проложена среди камней к... Нет!

Она хотела отбросить фигурку прочь. Но рука по-прежнему ощущала горячее прикосновение. И в мозгу продолжал жить увиденный ею кошмар. Она почувствовала себя навсегда заточенной в этот жуткий мир — и закричала, взывая о помощи.

Ужас внезапно схлынул, сковавший ее страх начал рассеиваться. Она вернулась в свой мир, плачущая, потрясенная и обессиленная, и рухнула бы на пол, если бы Яса не поддержала ее.

— Там... Смерть! Мрак и смерть... Гробница Турана... Смерть!

Кто такой Туран? Она не помнит. Она не хочет и не будет вспоминать! Зианта повела вокруг затуманенными глазами. Сренг навис над столом, лихорадочно чиркая что-то на карте. Только сейчас она заметила, что фигурка осталась в ее ладони, и брезгливо отшвырнула его от себя. Глиняный комок покатился по карте и свалился бы на пол, но Сренг подхватил его. С ухмылкой разглядывая реликт, он заговорил с Ясой:

— Значит, там гробница... И скорее всего не разграбленная. Во всяком случае, в наших записях ничего похожего не упоминается. Что ж, поздравляю... — Он перевел глаза на Зианту, и его лицо превратилось в широкую улыбающуюся маску. — Но ведь ты сказала не все, девушка? Вещь находилась у тебя довольно долго, ты наверняка узнала что-то еще?

Охваченная слабостью, девушка лишь помотала головой.

— Там смерть... Она ждет... — выдавила она.

— На то она и гробница, — пожала плечами Яса. — В гробницах всегда ждет смерть. Но все страшное давным-давно стало лишь горсткой праха. Ну, приди же в себя, милашка!

Хозяйка повернулась к Сренгу:

— Сомнений нет, это предтечи.

— Ты действительно уверена, что благодаря прошедшим векам там теперь все безопасно? — покачал тот головой. — Могли остаться хитроумные ловушки. Отправившись туда, можно или завладеть несметным богатством, или сгинуть в какой-нибудь западне. Можно обрести Свиток Шлана, а можно пасть от неведомой опасности.

Яса холодно рассмеялась:

— Разве тебе в новинку ставить на кон жизнь? Я здесь не для того, чтобы выслушивать трусливые предостережения. Да и ты не сидел бы здесь со своими трофеями, если бы всегда был таким нерешительным и пугливым. Неужто время так изменило тебя? Я ставлю на эту карту, Сренг. Игра того стоит. Вспомни усыпальницу Шлана — императора, похороненного вместе с величайшими сокровищами. А другие находки? Что насчет Вара, Лланфера, садов Арзора? А целая планета Лимбо? Надо продолжать? Учти, здесь шансов больше — эту часть скопления никто толком не исследовал.

Сренг поизучал карту.

— Да уж, не исследовал... А как же Джукундус?

Яса досадливо отмахнулась:

— Он там не был, мы проверяли. Но он был способен перебежать нам дорогу, ему для этого достаточно было психометрически изучить этот предмет. Но теперь, — саларикийка с торжеством улыбнулась, — если он этого не сделал, то уже не сможет.

— А этот самый Туран, — Сренг повернулся к Зианте, — ну, кто он?

— Больше ничего не могу вспомнить. Я все вам сказала. Туран — всего лишь имя.

Он с сомнением прищурил глаза. Зианта поняла, что этот человек не поверил ей. Что он сделает? Посадит ее перед сканером? По телу девушки пробежала дрожь, оно покрылось липким потом. Зианта со страхом смотрела на Сренга. Тот молчал, задумчиво водя пальцем по лежащему на столе артефакту.

Девушка затаила дыхание. Вдруг он заметит стык и сумеет открыть фигурку? Но Сренг щелчком подтолкнул глиняный комок в ее сторону:

— Держи. Он должен всегда быть при тебе. Я слышал, что сила таких штуковин возрастает, если с ними постоянно контактирует сенситив. — Сренг хлопнул ладонями по коленям и весело взглянул на Ясу:

— Что ж, решено. Нам понадобится корабль. Сейчас возле базы Юбан. Его налет на Фенрис потерпел неудачу, и теперь болтается в пространстве, ожидая моих распоряжений. Это переделанный торговец класса D, и комфортабельного путешествия обещать не могу...

— Мы не претендуем на пассажирские каюты, — перебила Яса. — У нас с собой оборудование для анабиоза.

— Сон — хорошее средство в трудных перелетах, — кивнул Сренг. — Я тоже летаю таким образом. Кстати, о Юбане: это мой человек.

Зианта уловила в его голосе намек на предупреждение, но хозяйка, казалось, приняла эти слова за славную шутку. Она, безусловно, не доверяла Сренгу, но в силу обстоятельств была вынуждена положиться на его помощь.

Интересно, где сейчас Оган? После пересадки на корабль, идущий к Путеводную, девушка его не видела. И все же она была уверена, что психотех участвует в задуманном хозяйкой деле.

Недолгое оставшееся до отлета время они провели в отведенной им комнате. Дважды Зианта уловила уже знакомое осторожное прощупывание. Это и беспокоило ее, и разжигало любопытство. На нее воздействовал не прибор — в этом девушка была убеждена. Живой человек... Кто он? Оган? Но у него иные характеристики мыслесигнала. Значит, кто-то посторонний пытается проникнуть в ее сознание. За какой информацией охотится неизвестный сенситив?

Наконец, они оказались на корабле. Опять гробоподобные ящики для сна, опять в изголовье Зианты улеглась заветная фигурка. Но теперь девушка уже не испытала страха. Если в прошлый перелет ей и снилось что-нибудь, в памяти

ничего не сохранилось, и никаких неприятных ощущений не осталось.

Когда их разбудили, корабль уже вышел на орбиту над планетой. Над головой настойчиво трещал зуммер: их приглашали в пилотскую рубку. Там их встретил Юбан.

— Итак, где мы садимся, джентльфем? Посмотрите на обзорные экраны: вот планета, на которую вы хотите совершить посадку, — хрипло произнес хозяин корабля.

Юбан показался Зианте чересчур молодым для того, чтобы быть капитаном. Его можно было бы назвать интересным, если бы не холодный блеск в глазах, наталкивающий на мысль о характере жестком и недобром. Этот человек мог бы служить наглядным пособием для лекции о последствиях мутации: на руках капитана было по шесть пальцев, а на месте ушных раковин зияли узкие слуховые отверстия. Широкий длинный китель явно скрывал еще какие-то отличия в телосложении.

Этот опасный человек наверняка умел держать в повиновении свою разношерстную команду. В нем необъяснимым образом сочеталась свирепость джека с интеллигентностью, причем достаточно высокого уровня.

Яса взяла Зианту за руку и подвела к экрану:

— Где? Ты узнаешь эти места?

Видя растерянность девушки, Юбан развел руками:

— У нас нет ни времени, ни горючего, ни людей, чтобы кружить на орбите и обыскивать планету. И потом... — он слегка тронул верньер, и изображение стало отчетливее, — здесь искать нечего, почти все выгорело дотла.

Зианта вспомнила ленты, отснятые с орбит испепеленных планет. Эти некогда цветущие миры оказались жертвами атомных войн или природных катаклизмов. Большинство являли собой мертвые спекшиеся шары. Лишь на некоторых небольшие островки, не тронутые пламенем, спустя века оживила причудливая радиоактивная флора.

Мир под ними тоже в свое время постигла катастрофа. Теперь уже нельзя было определить, явилась ли ее причиной свирепая людская вражда или слепые силы природы. Изломанные взрывами скалы смотрели в небеса, слов-

но грозящие черные персты. Кое-где на голых равнинах пробивалась чахлая растительность. Обожженные острова омывал океан, наверняка поглотивший в момент катастрофы немалую часть суши. Не исключено, что место, которое она увидела, работая со звездной картой, теперь где-то на дне океана.

У нее нет ни одного ориентира...

Черт побери! Экран словно подернулся рябью, и перед ней предстал город с раскинувшимися вокруг цветущими угодыями. Откуда-то пришло название: «Сингакок». Вот силуэт башни Вута, шели кривых улочек...

— Здесь!

Но когда она выкрикнула это, город уже исчез. Под ними снова чернели только обугленные камни. Зианта уронила голову на руки. Сингакок... Вут... Откуда пришли эти слова? Почему ей знаком этот город, словно она жила здесь, бродила по его извилистым улицам... Но ведь его нет!

Юбан уже занимался вводом информации для посадки.

Надо остановить их, сказать, что она поддалась наваждению. А вдруг это видение вызвано артефактом? Может, здесь и вправду был этот город? Почему, в конце концов, кораблю не сесть именно в этом месте? Оно ничем не хуже любого другого.

Она старалась не думать о том, что будет, если вдруг окажется, что она ошиблась. Корабль начал снижение. Юбан напряженно следил за экранами, выбирая сравнительно ровное место для посадки. При этом был проведен анализ состава атмосферы, уровне радиации и прочих свойств планеты. Несмотря на спаленную когда-то поверхность, планета была уверенно классифицирована как относящаяся к типу Зэмл-1 — то есть люди могут находиться на поверхности без защитной одежды и приборов для дыхания.

Когда они совершили посадку, вокруг были вечерние сумерки, и Яса с Юбаном решили подождать с разведкой до утра. Юбан предложил женщинам переночевать в его каюте, а сам устроился на ночлег в рубке. Когда они оста-

лись наедине, Зианта решила поделиться с хозяйкой своими сомнениями.

— У меня, в общем-то, нет уверенности... — шепотом начала она, но, подумав, что здесь могут быть подслушивающие устройства, запнулась.

— Но ведь что-то же заставило тебя выбрать именно это место, — заметила Яса.

Зианта сбивчиво рассказала о том, как увидела на экране изображение Сингакока — города, явно уже давно не существующего.

— Сингакок... Вут... — повторила названия salariкийка.

— Это не основной галактический, а какой-то другой язык, — пояснила Зианта.

— Вспомни все детали. Представь себе этот город как можно четче, — приказала хозяйка.

Зианта сосредоточилась — и снова улицы Сингакока ожили в ее сознании. И чем старательнее напрягала она память, тем больше возникало подробностей.

Выслушав ее рассказ обо всем, что запечатлелось в ее сознании, Яса довольно промурлыкала:

— Это похоже на истинное видение. Дождемся Огана. Если до его прибытия ничего не найдем, он попробует провести с тобой сеанс ясновидения.

— Оган будет здесь? Когда?

— Милашка, неужто ты решила, что я в подобной ситуации позволю себе лишиться такого союзника? Обратиться к Сренгу я была вынуждена в силу необходимости: его компьютеры хранят больше сведений о тысячах миров, чем есть у службы изысканий. И только у него есть сведения о планетах, где не бывал никто, кроме обитателей Путеводной, никогда не бывал. Но брат Сренга в компаньоны было бы чистым безумием. Оган идет по нашим следам вместе с теми, кто мне предан. С ними мне не страшны ни Сренг, ни Юбан, что бы они ни замышляли. Теперь вот что: если уже завтра мы отыщем следы этого твоего Сингакока — прекрасно. Пусть Юбан со своими людьми роет там землю, пока не прибудет Оган. Твоя же задача — тянуть

время. Не открывай пути к гробнице Турана, пока мы неждемся подкрепления.

Гробница Турана... Эти слова тяжело упали в ее сознание, пробудив не память (откуда это в ее памяти?), а ледящий душу страх. Зианта вдруг явственно ощутила, что ей угрожает смертельная опасность.

Глава 6

«Зианта!»

Этот зов разбудил ее. Он был не голос, донесшийся извне, нет, это просто проникло прямо в сознание и прогнало сон; она лежала, открыв глаза и настороженно вслушиваясь.

«Зианта!»

Ей не приснилось. Оган? Она тут же начала мысленный поиск, забыв о том, что на корабле Юбана могли быть детекторы, способные засечь психоконтакт.

Снова в сознание ударила волна, которую не спутаешь ни с чем. Харат! Но ведь он оставался на вилле, когда они улетали. Расстояние между Корваром и этой затерянной среди неведомых звезд планетой не может преодолеть даже самый сильный мысленный сигнал.

«Я слышу...»

Она была не в состоянии задать свои вопросы, подавленная мощной энергией Харата.

«Думай обо мне... Нам нужен ориентир».

К ним прибыли союзники и идут сюда! Зианта послушно сосредоточилась, сформировав в сознании образ Харата и изо всех сил удерживая его. Она забыла о своих переживаниях — сейчас важно зажечь маяк для тех, кто спешит на помощь Ясе.

И вдруг неожиданно, как хлопок: «Все. Достаточно».

Связь прервалась, Харат отгородился экраном. Они получили то, что им нужно, и прекратили общение. Восстановить наведенный мыслемост, пробиться сквозь защиту Харата ей не по силам.

Из соседнего гамака доносилось размеренное дыхание Ясы. Саларикийка крепко спала, свернувшись, по своему обыкновению, уютным клубочком. Наверное, нужно разбудить хозяйку, сообщить, что подкрепление приближается.

И все же — откуда здесь Харат? Он ничего не пожелал объяснить Зианте — что ж, она тоже промолчит. Во всяком случае до утра. Или до нового сеанса связи.

Они встали рано. Опасаясь детекторов или подслушивающих устройств, Зианта решила рассказать Ясе, только когда они покинут корабль. Юбан ждал их уже одетый и снаряженный для похода — значит, он отправляется вместе с ними. Зианта поняла: ей придется удвоить осторожность.

Капитан джеков цепко следил за каждым ее движением, за руками, прикреплявшими к поясу мешочек с пищей и сосуд с тонизирующим питьем. Девушка чувствовала, что этот человек с радостью надел бы на нее упряжь, чтобы полностью подчинить себе. Заметила она и станнер у пояса капитана. Ни ей, ни Ясе Юбан не предложил никакого оружия.

Выйдя из корабля, они стояли некоторое время возле трапа, молча озирая выжженную пламенем пустыню. Разве может быть, что именно здесь лежал ее город — кипучий, полный шума и красок?

На этой земле, израненной шрамами чудовищных взрывов, жизнь умерла много веков назад. Зианта непроизвольно поднесла руку к груди. Там висел на шнурке мешочек, внутри которого покоился артефакт. Только он мог указать ей дорогу в этой голой пустыне.

Яса подошла к девушке почти вплотную.

— Сингакок? — вкрадчиво, со скрытой издевкой спросила хозяйка. — Это и есть твой город?

Да, Яса имела основания так говорить с ней. Обезобразившие эту землю нагромождения камней не давали даже намек на следы какой-то разумной деятельности.

Девушка растерянно смотрела вокруг.

— Я... Я не знаю...

Где же башня? Где длинные улицы? Значит, она опасалась не зря: ее видение было лишь галлюцинацией, следствием переутомления и впечатлительности.

— Так куда нам идти? — Юбан и еще два вооруженных джека ждали ее указаний. — Что, решила подшутить над нами? Где он, твой город?

Яса повернулась к говорившему, глаза ее гневно сверкнули:

— Что ты знаешь о возможностях сенситива, пилот? Таланту нельзя приказать. Прозрение приходит само, оно не поддается насилию. Оставь девушку в покое. Настанет час — и она будет знать, куда нам направиться.

Лицо Юбана не дрогнуло, в глазах промелькнул холодный блеск. Зианта уловила за этой маской подозрение, смешанное с лихорадочным нетерпением. Она боялась этого человека, способного заметить малейшую фальшь и наказать за обман без жалости и снисхождения. Нет, она недостаточно умна и хитра для роли, которую назначила ей Яса. Она боится этих беспощадных глаз. Если она что-то обнаружит — скрыть находку она просто не сумеет.

Все четверо молча ждали, предоставив девушке возглавлять экспедицию. Ей ничего не оставалось, как исполнять их невысказанную волю. Зианта сделала несколько шагов по черным камням, запустила руку в мешочек, достала фигурку и сжала в ладонях. Затем закрыла глаза.

Видение пришло мгновенно — как сильный удар, едва не сбивший ее с ног. Она стояла посреди шумной улицы, заполненной людьми. Мимо с грохотом проносились какие-то диковинные машины. В ее мозг проникали обрывки чьих-то мыслей, но она ничего не могла понять, оглушенная исполинской мощью ворвавшейся в нее энергии.

— Зианта! — Кто-то тряс ее за плечо. Девушка открыла глаза и встретила пристальный, вопрошающий взгляд Ясы.

— Это здесь... На этом месте был город... — прошептала Зианта.

— Это замечательно. — Юбан быстро подошел к ним. — Но как нам обыскивать его? Прикажешь повернуть время вспять? Нужны хоть какие-то следы. Где они? Скажешь ты,

наконец, куда нам идти? — Его слова били наотмашь, содержали презрение и угрозу.

Видение не дало ей никакой конкретной информации. Ее руки крепче стиснули артефакт. А что, если открыть его и достать камень? Быть может, он подскажет нужный путь? Нет, этого делать нельзя. Она постарается, насколько возможно, не посвящая никого в тайну фигурки.

— Я попробую, — тихо сказала она, освобождаясь от рук Ясы. Подойдя к плоскому камню, села на него, склонилась и прижала артефакт ко лбу...

И мгновенно утонула в потоке лиц, множестве голосов. Они кричали и шептали, звучали то громче, то тише, говорили на давно умерших, никому не известных языках. Она сделала усилие, чтобы остановить этот вихрь, сосредоточившись на главном.

Сингакок... Туран... Она бросала это имя, словно якорь, в круговорот жизни давно исчезнувшего города.

— Туран, — настойчиво повторила она.

Лица стали бледнеть, подернулись дымкой; голоса затихли и пропали вдаль. А вокруг себя она услышала топот и шарканье множества ног. По улицам двигалась процессия — впереди Туран, а сразу за ним... Это ее место! Она обязана идти за Тураном!.. Бежать?.. Ничего не выйдет...

— Что с ней? — донеслось откуда-то издали. Она уже где-то слышала этот хриплый голос.

— Тс-с-с, — прозвучало в ответ. — Она ищет...

Этот обмен репликами не имел никакого отношения к Турану. Ей нужно следовать за ним. Фигуры и лица людей вдруг утратили реальность, превращаясь в бесплотные тени. Живым оставался только Туран, его связь с ней.

Видение процессии расплылось, задрожало, стало таять. Она увидела, что ноги ее ступают не по улице Сингакока, а по голой каменной пустыне. Ей захотелось остановиться, позвать Турана, вернуть видение. Но оно таяло, таяло... Лишь звучало еще невнятное пение, нежное и чистое, как голоса птиц, выпущенных на волю. И совсем смутно — удары барабанов. Они глухо бухали под землей. О, как неохотно отпускает земля Турана! Туран...

Тени окончательно исчезли. Зианта не сумела их удержать, не смогла вызвать вновь. Она стояла, тяжело дыша, сжимая в руке теплую фигурку. Перед ней отвесной красной стеной высился каменный утес. Под ним — она не сомневалась — находится то, что они ищут. Артефакт вернулся на место, откуда его когда-то извлекли.

Девушка оглянулась. За ее спиной стояли Яса, Юбан со своими людьми и выжидающе смотрели на нее.

— То, что нужно... — Она говорила с трудом, у нее почти не осталось сил, как бывало и раньше после больших потерь психической энергии. — Оно лежит здесь, — она кивнула в сторону красного утеса и поспешно опустилась на камень — ноги подкашивались от слабости.

Яса шагнула к ней:

— Ты уверена, милашка?

— Уверена, — почти прошептала девушка. Сейчас ей были необходимы покой и отдых. Тело и мозг истощены до предела.

Саларикийка дала ей две розовых капсулы. Зианта послушно отправила их в рот и стала ждать, пока стимулятор подействует. Юбан тем временем обследовал утес. Затем подозвал своих людей, что-то приказал им, и те отправились вокруг скалы в разные стороны, осматривая и выстукивая каменный монолит.

— Здесь сплошной камень, — пожал плечами Юбан, но в этот момент его окликнул один из помощников. Капитан поспешил на зов.

Яса раздраженно фыркнула.

— Разве я не говорила, чтобы ты ничего не открывала, пока не появится Оган? — В голосе хозяйки нарастало шипение разъяренной кошки.

— Он уже близко. — Зианта чувствовала, как к ней стремительно возвращаются силы. — Я получила сигнал сегодня под утро.

— Вот как! — Шипение сменилось довольным мурлыканьем. — Прекрасно. А ты не пытаешься обмануть Юбана? Это действительно то?

Зианта посмотрела на каменную стену:

— Туран лежит здесь.

Но кто такой Туран? Она не знала, кто или что скрыто под этим именем. Как не могла объяснить, почему оказалась перед этим утесом. Это артефакт привел ее туда, где лежит... Она не хочет! Ей страшно. Бежать... Бесполезно — от Турана не убежать... Страх и отчаянье захлестнули ее. Она не знает и не хочет знать, кто такой Туран. Сингакок... Она никогда не сдастся ему...

По приказу капитана один из его людей отправился к кораблю. Юбан подошел к женщинам:

— Там что-то, похожее на замурованный вход. Я послал за лазерами.

— Только будьте осторожны, — предупредила Яса. — Не забудьте о глубинных детекторах.

— Разумеется, леди, — хмыкнул Юбан. — Детекторы также принесут, не беспокойтесь. — Он перевел взгляд на Зианту. — Что она узнала? Это гробница?

— Туран лежит там, — ответила девушка.

— А кто он такой? — допытывался Юбан. — Король? Император? Звездный лорд? Это была звездная империя предтеч или одна из древних терранских колоний? Что ты молчишь, отвечай!

Яса с яростью прервала допрос:

— Она устала. Подобные нагрузки истощают даже мужчин-сенситивов. Если откроешь гробницу и дашь ей какой-нибудь предмет оттуда, она проведет сеанс психометрии и сможет ответить на твои вопросы. А сейчас оставь ее в покое. Девушке необходим отдых.

— Ладно, — буркнул капитан. — Она как-никак привела нас сюда. — Он отвернулся и зашагал обратно к утесу.

Яса уселась возле Зианты и обняла ее за плечи:

— У тебя есть контакт с Оганом? Ему следовало бы уже появиться.

Собрав остатки сил, девушка вызвала в сознании образ психотеха и послала поисковый импульс. После того как Харат ночью бесцеремонно оборвал контакт, она не пыталась связываться с ним. К тому же Харат мог и заупрямиться. Она предпочитает вызывать Огана, если, конечно...

Ответ? Слабое касание, которое тут же исчезло. Оган? Это не Харат — даже такой слабый его сигнал она отличила бы от человеческого. Значит, Оган. Почему тогда он не принял ее сообщения?

Выслушав девушку, Яса пожала плечами:

— Ничего страшного. Скорее всего, он опасается детекторов. Раз он нашел тебя, значит, знает, где мы и чем занимаемся. Тебе, милашка, все удалось сделать отлично. Не сомневайся: я не забуду того, что ты сделала.

Саларикийка умолкла, так как к ним приблизились двое из команды корабля. Они тащили какой-то ящик и компактный лазер — такие применяются для шахтных работ на астероидах. Но сначала Юбан приказал обследовать место предполагаемой кладки детекторами.

Экран прибора засветился. Обе женщины подошли поближе, всматриваясь в изображение. Юбан показал на расплывчатые контуры:

— Там и впрямь пустота. Похоже, это гробница. Попробуем световым излучением проделать ход внутрь. Не беспокойтесь, я дам узконаправленное воздействие.

Он стал регулировать лазер, пробуя силу импульса на лежащих вокруг каменных обломках. Наконец удовлетворенно кивнул, видимо добившись строго определенной глубины излучения. Направив лазер на скалу, осторожно повел по едва намеченным очертаниям когда-то замурованного входа. И вот яркий луч прибора пронзил мрак древней гробницы.

— Можете проходить к Турану, — усмехнулся Юбан.

Стиснув в ладони фигурку, Зианта вскинула другую руку к горлу. Она была потрясена — у нее перехватило дыхание. Ее смятение нарастало. Всем своим существом девушка ощущала смертельную угрозу, таившуюся в чернеющем проеме. Краткий миг, не дольше взмаха ресниц, отделяет ее от гибели...

Юбан первым шагнул в темноту. Яса подтолкнула Зианту, и та, обмирая от ужаса, последовала за предводителем джеков.

Фонарь в руках Юбана осветил внутренность помещения, в котором они оказались. Но их глазам предстало лишь хаотическое нагромождение обломков. Здесь, без сомнения, когда-то действительно была гробница, причем очень богатая. Но ее давным-давно вскрыли грабители. Опустевшие сундуки успели обратиться в пыль. Никаких ценностей, ничего, что можно было бы считать памятником минувших эпох, реликвией предтеч.

— Пусто! — в бешенстве процедил Юбан. — Проклятье, здесь ничего не осталось!

Он еще раз повел по сторонам фонарем и двинулся вперед, но Яса схватила его за рукав:

— Подожди! Нам нужно все осмотреть, причем очень тщательно. Иначе мы ничего не узнаем. Вспомни: грабители охотятся за драгоценностями и предметами роскоши, а то, что представляется им малоценным, нередко оставляют. А это может оказаться дороже любых безделушек. Так что будем действовать с максимальной осторожностью. Попробуем немного расширить проход, а затем приступим к методичному осмотру.

— Ты надеешься отыскать что-то в этой рухляди? — Юбан недоверчиво покачал головой, но все же поплелся назад. — Что ж, дело твое. Хотя, по-моему, это пустая затея.

Зианта оперлась спиной о стену. Страх волнами накачивал на нее, и с каждым разом у нее оставалось все меньше самообладания. Неужели ни Яса, ни Юбан не ощущают ничего подобного? Ведь эта гробница буквально пропитана ужасом мучительной смерти. И исходит этот ужас не из груды обломков — он таится там, дальше, за...

Она резко повернулась и кинулась к выходу. Страх просачивался через пол, через стены, он вот-вот вцепится ей в спину... Стук собственного сердца настолько оглушил девушку, что она не слышала ни окрика Юбана, ни увещаний Ясы. А когда руки мучителей схватили ее, она еще долго отчаянно боролась, стремясь во что бы то ни стало уйти из этого прибежища черного кошмара.

— Сбежать пыталась? — Голос Юбана — над головой, его железная хватка — на плечах.

— В чем дело, милашка? — В ледяном тоне сарарикийки было что-то, заставившее Зианту прекратить борьбу.

— Там... за стеной... там смерть! — дико закричала она. Ей чудилось, что не руки капитана, а нечто жуткое и бесформенное сковало ее тело, удерживая в этом страшном склепе. И она снова закричала, но из груди вырвался лишь слабый беспомощный стон и еще что-то, похожее на тоненький визг загнанного охотниками зверька.

Сильная пощечина, от которой голова Зианты мотнулась в сторону, вывела ее из истерики. Она бессильно повисла на руках Юбана, всхлипывая от боли, от того, что они не желают слушать ее, заставляют приблизиться к... Закрыться! Нужно закрыть свое сознание!

Разжав пальцы, она отшвырнула от себя фигурку, словно это могло дать ей избавление от нависшей угрозы.

— Зианта! — Окрик хозяйки был требовательным, беспощадным.

Девушка снова всхлипнула. Больше всего на свете хотелось ей сейчас спрятаться от... Чего? Она не знала, но ужас леденил ее грудь.

— Зианта, о какой стене ты говорила?

— Не-ет! — Она кричала прямо в лицо Ясе.

Та, видимо, поняла состояние девушки и устало бросила Юбану:

— Оставь ее. Иначе она потеряет либо свой дар, либо разум. Отпусти, пусть успокоится.

— Что это она вообразила? — Юбан недоуменно глядел на рыдающую девушку.

— Не знаю. — Яса втянула ноздрями аромат из неразлучного поясного мешочка. — Но здесь определенно что-то есть. Мы не двинемся дальше, пока не обследуем это помещение досконально.

— Погляди, капитан!

Юбан обернулся. Один из его людей, стоя на коленях, рассматривал глиняный черепок, из которого торчали кончики сверкающих серебристых нитей. Артефакт, ударившись о камни, открылся, и теперь его содержимое не составляло тайны. Капитан поднял черепок и раздвинул

путаницу нитей. Камень сейчас же засиял голубовато-зеленым светом. Юбан восхищенно присвистнул. Его рука потянулась к черепку, чтобы взять это сокровище. Яса предостерегла:

— Осторожно! Если это то, что я думаю, мы сможем теперь узнать очень многое.

— То, что ты думаешь? — переспросил капитан. — И что же это такое? Одна из любимых безделушек древнего монарха?

— Это фокусирующий камень, — услышала Зианта уверенный ответ хозяйки. Девушка была поражена: Яса мгновенно разгадала истинное назначение артефакта. — Такой камень, — продолжала salariкийка, — помогал сенситивам концентрировать и направлять психическую энергию. Эту энергию он способен хранить сотни лет. Если все это так, то Зианта сможет использовать камень, и мы проникнем в любые тайны применявшего его народа. Кто знает, вдруг мы получим ключи от сокровищ, которые во много раз ценнее того, что унесли отсюда грабители?

— Или выслушаем еще одну сказочку твоей девочки, — перебил Юбан. — Мне нужны доказательства.

— Ты получишь их. Позднее. А сейчас ей необходим отдых, она израсходовала слишком много сил. Пусть приходит в себя, а мы пока продолжим обследование гробницы. Если здесь пусто, камень подскажет направление дальнейших поисков.

Зианта похолодела. Этого нельзя допустить! Яса должна понять, она не может не понять. Нужно только улучшить момент, когда они останутся наедине. Она объяснит, на какой ужас толкает Яса и себя, и ее. И Туран, и этот затерянный в толще столетий мир, и частица его, фокусирующий камень, — все это представляет опасность для тех, кто вторгается в прошлое. Оган... Он бы понял, наверняка почуял бы дыхание смерти, идущее от этих стен, от этих осколков минувшего. Яса хочет найти ключ к тайнам предтеч... Только авторитет Огана сможет убедить хозяйку в том, что бывают двери, открывать которые губительно, ибо за ними таится...

Нет! Нельзя даже думать о том, что похоронено в этом жутком месте!

Зианта сосредоточилась на создании непроницаемого мысленного барьера, чтобы отгородиться от всего этого. Из последних сил она доплелась до корабля и улеглась в постель. Даже под покрывалом ее продолжало лихорадить. Яса села у изголовья, положила ладонь на лоб девушки, стараясь успокоить ее.

— Оган, — шептала Зианта. — Он должен почувствовать, как это опасно...

Яса кивнула:

— Я верю. Камень огромной силы... Хотя он находился внутри фигурки, его мощности хватило, чтобы ты могла войти с ним в контакт. Подумай, насколько четче будут эта связь с освобожденным от оболочки камнем! Ну ладно, милашка, пока отдыхай. На, положи это под язык и ни о чем не думай. Пока не появится Оган, я попытаюсь удержать этих бандитов от каких-либо действий. А потом, получив подкрепление, мы выполним то, что задумано.

Зианта отрешенно кивнула. Ее веки стали тяжелеть — сильное успокаивающее снадобье, которое дала Яса, подействовало. Погружаясь в забытие, она слышала вкрадчивые слова хозяйки:

— И Оган, и Харат помогут тебе работать с фокусирующим камнем. Ты не будешь делать все в одиночку, — слышался сквозь сон голос.

Это хорошо, подумалось Зианте. Она больше не будет одна... Она не может одна... Одна...

Холодно... Откуда эта стужа?.. И мрак, поглотивший ее... Это во сне...

— ...еще укол, капитан?

— Попробуй. Угости ее еще разок, иначе нам от нее не будет проку.

Снова холод. И боль. Зианта разлепила тяжелые веки. Глаза резанул свет прожектора, лившийся на камни и стену с вырезанным провалом входа. Грубые руки трясли ее, подводя к ненавистой стене.

Юбан, увидев, что девушка проснулась, подскочил и рванул ее за волосы, повернув к себе лицом:

— Очнись, ведьма! — Он снова дернул за волосы. — Очнись!

Сон... Это должно быть сном... Они не имеют права быть здесь, это место принадлежит Турану. Сейчас войдет императорская стража, и эти грубые люди будут громко кричать, прося смерти, но она не придет к ним, не избавит от мук. Тот, кто нарушил покой Турана, заслуживает самой страшной кары.

— Она проснулась. — Юбан, все еще держа Зианту за волосы, склонился к ней и посмотрел прямо в глаза: — Ты сделаешь это, слышишь, ведьма? — Он говорил, медленно растягивая слова, точно опасаясь, что она не расслышит. — Сейчас ты возьмешь свою игрушку и будешь глядеть в нее, пока не узнаешь, что здесь спрятано. Поняла?

Зианта молчала, не находя слов. Это сон. Это не может быть явью. Нет, нет! Здесь, где лежит Туран, нельзя использовать камень! Иначе откроется дверь в...

«Оган! — кричало ее сознание. — Оган! Харат!»

Она встретила... Харат, это он! Мощный импульс союзника соединился с ее полем, помог ей вступить в контакт... с каким-то новым, другим разумом. Этот другой ответил на их объединенный зов ярким всплеском своей энергии.

— Она должна взять эту штуку в руки, — проговорил голос позади нее.

— Давай его сюда! — Юбан крепче стиснул ее запястье и стал выворачивать кисть. Она почувствовала на ладони враждебное прикосновение камня. Попытаться вырваться? Но что она может против этой силы?

«Харат... Я не могу... Они заставляют меня смотреть в камень... Харат...»

Она ухитрилась оттолкнуть камень и сжала пальцы в кулак. Юбан снова принялся выламывать ее руку, держа наготове сияющий кристалл. Она знала, что это — злое сияние, она старалась не глядеть в него.

«Харат!» — исступленно звала она.

«Держись! — Ответ Харата слился с какой-то другой ободряющей волной. — Мы уже почти...»

Юбан рванул ее руку. Она вскрикнула от боли, и в эту же минуту капитан вложил камень в ее вывернутую ладонь и своей рукой сжал пальцы девушки в кулак. Крепко держа Зианту за волосы, он стал пригибать ее голову к руке с камнем.

— Смотри!

Сопротивляться было невозможно. Сверкающий камень был теплым, грел ладонь. Девушка видела, как его цвет изменился, стал глубже, окрасился красноватыми бликами... В нем кипела жизнь, он излучал бешеную энергию и притягивал ее, затягивая в...

Она закричала и услышала далекие выстрелы. Но в ту же секунду рухнула наземь, упав лбом на сверкающий камень, превратившийся вдруг в кипящее озеро энергии, готовое полностью поглотить ее.

Глава 7

От застоявшегося густого горьковатого запаха сушеных лилий было трудно дышать. Она замурована, погребена живо! Ее замуровали вместе с Тураном. Он уже мертв. Она тоже умрет, когда воздух здесь закончится...

Она — Винтра, захваченная в плен воинами Турана, и именно он нанес ей этот последний, такой беспощадный удар.

Винтра? Кто такая Винтра? И почему она в этом темном месте? Она попыталась двинуться и услышала во мраке лязг и скрежет металла. Прикована! От таких цепей не освободиться, она только изранит руки и истратит на тщетную борьбу остатки драгоценного воздуха...

Винтра? Нет, ее зовут Зианта! Припав спиной к стене, она пыталась остановить бешеный поток мыслей, образов, имен, отделить реальность от галлюцинаций. Наверное, она в трансе, ей не удастся отличить сон от яви. Оган когда-то предупреждал о подобной опасности. Нельзя впадать в транс, когда рядом нет опытного психолога, способного

помочь сенситиву, если его состояние станет опасным или будет угроза его рассудку.

Она прибегла к спасительному приему. Оган... Харат... Сформированные в сознании знакомые образы послужили якорем, опорой для возвращения в мир реальности.

Память вернулась! Юбан силком приташил ее в гробницу и заставил смотреть в камень. Значит, все это — просто видение? Нет. Жестокая явь. Она ощущает тяжесть цепей, слышит их звон, она задыхается от недостатка воздуха. Она...

Винтра! В ее сознании будто появился странный переключатель. В одном положении — она сама собой, в другом — иной человек. Та, что обречена на смерть. Ей предначертана участь погребальной жертвы, как единственной пленнице, захваченной в последнем походе на горные племена. Ее переполняет ненависть к Турану. Из-за него она вынуждена умирать здесь, как рыба, выброшенная на сушу. Но там, в горах, остались родные. Они отомстят за свою Винтру. Они...

Снова мелькание образов, разноголосица имен. Кто она? Кто?

Зианта! Обратное переключение... Ей нужно вернуться в свой мир, а для этого необходимо выйти из транса. Оган!.. Харат!.. Она в отчаянье цеплялась за эти имена, она молила о помощи, об избавлении от этого сна — самого страшного из тех, что приходили к ней в минуты погружения в транс. Прежде, соскользнув в иные плоскости, воплотившись в иную личность, она тоже воспринимала видения как реальность. Но столкнувшись с чем-то слишком опасным, она могла управлять собой, вернуться в настоящий мир. Теперь же она тщетно напрягала мозг, ставила один за другим барьеры мысленной защиты — все оставалось по-прежнему. И не было никого, кто мог бы ей помочь... Ей не хватает опоры, чтобы вынырнуть из этого кошмара в своем времени, в своей настоящей личности.

Харат!.. Оган!.. Она, собравшись всеми силами, пыталась найти их.

Едва уловимое прикосновение. Ей не показалось! Это ответ на ее зов. Спасите же меня... Верните меня... Я погибаю!..

Да! Слабое прикосновение. Ответ. Какой-то необычный: он не пришел прямо, а пробивался к ней, растекаясь, словно вода, которая ищет путь между камней, — отступает, отклоняется туда и сюда, но неуклонно продвигается вперед.

Харат! Я здесь! Найди меня! Спаси меня! Я задыхаюсь, я не могу справиться одна с этим кошмаром! Ты слышишь меня?

Это не он!

Зианта явственно чувствовала чье-то присутствие. Но это не Харат, не Оган. Их бы она узнала сразу. Хотя если она сейчас в ином измерении, то, быть может, принимает их импульсы искаженными до неузнаваемости? Она осторожно коснулась...

Потрясение, ужас... Настолько сильный, словно тот, другой, получил сокрушительный, смертельный удар.

«Помоги мне», — умолял, требовал он. Зианта растерялась. Ведь он отозвался на ее сигнал. Он шел ей на помощь. Почему же тогда...

«Мертв! Мертв!»

Неслышимый вопль из глубины гробницы был как поток ужаса.

«Я живая», — ответила Зианта. В этот сигнал она вложила всю силу, всю надежду на избавление.

«Мертв! Мертв!» — донеслось как бы издалека. Сигнал слабеет! Тот, другой, покидает ее! Она останется здесь одна... Нет!

Скорее всего, она выкрикнула это громко. Вопль отразился от сводов темницы, его отголоски еще долго звенели в ушах.

— Нет! — крикнула она вслух, так ей было легче ощущать себя.

Тишина, нарушаемая только ее собственным хриплым дыханием. Воздух... Его все меньше... И вдруг — голос:

— Где мы?

Голос! Не мысленный сигнал — живые слова!

— В гробнице Турана, — произнесла она правду. Правду, которая стала ей известна от Винтры.

— Но я... я Туран... — пробормотал голос. — Но я ведь не Туран!

Какие-то шорохи, стуки — движение? А затем — мысленный приказ, четкий, требовательный:

«Свет!»

Появилось слабое, все усиливающееся свечение. Почему она сама не додумалась до этого? Зианта немедленно присоединилась к его мысленной команде, помогая добиться большей яркости света.

— Здесь мало воздуха, мы на грани гибели, — сообщила она.

— В другое измерение! Иди, быстрее!

Этот приказ заставил ее мозг построить необходимую систему трансформации. И вот она уже не чувствует себя прикованной. Один шаг, другой — она покинула собственное тело. Этот трюк она проделывала и раньше, правда весьма неохотно. Но освобождение от телесной оболочки входило в курс обучения, который давал ей Оган. Теперь же полученный навык помог обрести на какое-то время безопасность.

Свет был достаточным, чтобы видеть внутренность склепа. Первое, что бросилось ей в глаза, — собственное тело, лежащее на полу, закованное в цепи, протытые сквозь торчащие из стены кольца. Слева, на возвышении, возлежал Туран, укрытый богатым командорским плащом, с которого свисали поникшими соцветиями увядшие лилии. В изголовье ложа горела свеча — ее зажег своей командой тот, другой. Вот пламя резко взметнулось вверх.

«Выход для души, — раздалось в ее сознании. — Видишь?»

Она поняла, хотя о существовании прохода было известно не ей, а Винтре. Осмотрела стены гробницы: так и есть — в камне прорублена щель, задвинутая монолитом в форме бруса.

— Нужно отодвинуть эту глыбу... Тянем ее на себя...

У нее появилась надежда! Но нужно спешить. Если это судорожно подергивающееся на полу тело умрет, она тоже погибнет. И в ее нынешнем бесплотном существовании запаса энергии надолго не хватит. Необходимо всю ее направить на глыбу. Объединить усилия... Они трудились с яростным ожесточением. Проклятая глыба никак не хотела поддаваться. Ее уже охватил страх. Но тут брус поддался их усилиям в окружающей темноте — свет без их поддержки погас.

— Рука... Моя правая рука... — простонал голос.

Она послала ему на помощь остатки энергии и, обессиленная, провалилась во мрак... Вот ты какая — смерть...

— Винтра!..

Она еще жива? И снова в теле несчастной девушки, закованной в кандалы? Свет снова горел, и через выход для души поступал холодный, но животворительно свежий воздух.

Туран опустился рядом на колени, разглядывает опутавшую ее цепь.

— Ну и обычай, — покачал он головой. — Принести человеческую жертву, чтобы воздать погребальные почести царственному герою-воину...

— Ты... Туран... — Она попыталась отодвинуться от него. Рядом с нею шевелился, говорил мертвец. На его теле были страшные раны, слишком серьезные, чтобы их смогли исцелить жрецы Вута, унесшие командора в Нижний Мир. А сейчас он возле нее...

— Не Туран, — услышала она. — Хотя придется быть им, как тебе — Винтрой, пока мы не найдем способа вернуться назад, в собственный мир.

— Это ты... ты был с Харатом? Или... Ты явился, когда меня заставили сфокусироваться на камень?

— Да, — коротко ответил он, не желая, видимо, ничего больше говорить о себе. — Что вы там делаете с этим камнем? Попытались использовать психометрию?

Зианта кивнула.

— Ясно. Это и перебросило нас сюда. Чем больше я буду об этом знать, тем лучше. Расскажи мне.

Он не просил — приказывал. И она признала за ним это право. Цепь упала с ее тела: он отыскал секретный замок на одном из звеньев. Вздохнув с облегчением, Зианта начала рассказывать об артефакте. Как она кралась по апартаментам Джукундуса, стояла возле столика с безделушками. Про свою радость, когда удалось телепортировать камень, и муку, вызванную непреодолимым притяжением безобразного комочка глины.

— А сейчас у тебя на лбу такой же камень?

Ничего не понимая, Зианта подняла руки, ощупала голову. Волосы, более длинные и пышные, чем были у нее, стягивал какой-то обруч, вернее — головной убор из нескольких узких обручей. А с них свисал на лоб камень. Как она не заметила его раньше? Ведь он висел у нее прямо перед глазами! Она сдернула обруч.

Фокусирующий камень! Тот же или очень похожий. Ответ могло дать прикосновение, но Зианта не рискнула дотронуться до камня. Почему знать, что еще случится с ней после этого?

— Это он?

Девушка со страхом взглянула на корону. Она вроде бы сумела полностью вытеснить сознание Винтры из этого красивого тела. Но когда она смотрела на камень, то чувствовала, что Винтра вновь пробуждается в ней. Было бы интересно изучить свойства этого камня, узнать его историю. Но она рискует окончательно и безвозвратно перевоплотиться в пленницу, которую бросили мучительно умирать возле тела командора.

— Винтра... Винтра должна знать силу этого камня, — нехотя сказала она, не считая возможным скрыть истину.

— Если сила камня такова, что он может воплощать меня в Турана, а тебя — в Винтру, то возможно провести и обратный процесс. Это необходимо выяснить. Не бойся, ты не одна. Моя воля поддержит тебя. Я буду начеку и не дам тебе навсегда стать Винтрой.

«Туран — завоеватель, ее враг. Ему нельзя доверять!» — кричала та частица, которая была Винтрой. «Туран — друг, он помог сбросить оковы, дал свет и воздух. И только он может вернуть в реальность, в мир, где живет Зианта».

— Я попытаюсь, — тихо сказала она, хотя все ее существо содрогнулось в предчувствии нового наваждения, затавившегося в этом кусочке цветного минерала.

Оказывается, камень можно легко отделить от остальных украшений короны. Отцепив подвеску, она поднесла ее ко лбу..

На ее плечи легли руки Турана. Он направлял ее — не словами, а потоком энергии.

— Я ничего не вижу, — произнесла она в отчаянье, и вдруг он заговорил медленно, нараспев:

— Норнох над Волнами. Норнох Трех Зеленых Стен. Повинуйтесь, лурлы!

— Повинуйтесь Д'Эйри, Хранительнице Глаз, — услышала она свой голос. — Туран, что происходит? Я выговариваю слова, которых не понимаю.

Она прижала руки к вискам, и волосы, более не поддерживаемые обручами, тяжело упали на ее плечи и грудь.

— Ты стала Винтрой. — Его руки на ее плечах не были руками мертвеца, от них исходило тепло. Сейчас он был якорем, удерживающим ее в границах реальности.

— Но до того, как была Винтра, — поправился он, — до Винтры была другая... Д'Эйри. Она имела дар и могла использовать камень.

— Значит, это опять видение, родившееся в трансе?

— Конечно. Ты просто не помнишь всего, что узнала, глядя в камень, а я принял это через тебя. И еще: у этого камня существует двойник, незримо связанный с ним. Их вместе, неизмеримо раньше Винтры, применяла Д'Эйри. Эти камни стремятся к соединению. Тот, что находится в прошлом, действует, словно магнит, на своего напарника. В этот канал мы с тобой и угодили.

— Но Винтра...

— Она не обладала даром, — пожал плечами Туран. — Для нее это была всего лишь одна из драгоценностей, принадлежавших Турану. Ведь этот камень раскрывает свою уникальность не каждому. Для большинства это — мертвая вещица, и только. Но сенситив, фокусируясь на камень, способен оживить его мощь. Ты разбудила камень, и он стремится сейчас воссоединиться со своей парой, находя-

шейся в еще более далеком прошлом. Помогай ему — это наш шанс на спасение.

— Сколько же веков отделяет нас от двойника моего камня? — спросила Зианта, боясь услышать ответ.

Туран покачал головой:

— Трудно сказать. Может быть, не одна эпоха.

Руки девушки дрогнули, корона с глухим стуком упала на земляной пол склепа.

— И если мы не отыщем... — Она оборвала вопрос на полуслове. Если Туран так же растерян, как и она, лучше не знать об этом. Только его уверенность поддерживает в ней надежду на возвращение.

Он подошел к возвышению.

— Ты... ты в его теле и способен управлять им?

Насколько она знала от Огана, в ее время о подобном явлении ничего не известно. По Галактике ходили тысячи легенд про некромантов, про оживление мертвецов, которых использовали для ответов на вопросы и в других, самых неожиданных, целях. Но переход сознания в мертвое тело... Это нечто совершенно неизвестное. Насколько устойчиво такое явление? Долго ли он сможет заставлять двигаться это мертвое израненное тело? Другое дело — она, вошедшая в тело Винтры, когда та была еще жива. Ей просто пришлось немного напрячься, чтобы ее индивидуальность вытеснила сознание Винтры. Но вот Туран...

Колеблущееся пламя свечей делало его лицо подобным фантастической маске. Он посмотрел на Зианту:

— Я не знаю. Пока мне это удастся. Не слышал, чтобы нечто подобное кто-нибудь проделывал раньше. Однако нам ни к чему задерживаться здесь. Надо выбраться отсюда как можно скорее.

Он встал под отверстием, взмахнул руками и подпрыгнул. Зианта отшатнулась. Она с ужасом подумала о том, чем закончится смелая попытка, если тело мертвеца перестанет повиноваться новому хозяину. Но руки Турана уже ухватились за край отверстия для выходов души. Он еще мгновение повисел... и сорвался вниз.

— Так не выбраться. Нужно что-то придумать... Вроде лестницы.

Он огляделся, но не увидел вокруг ничего подходящего. Затем он шагнул к возвышению и, приподняв гроб за один конец, установив его почти вертикально под отверстием. Затем вытащил цепь Винтры из стальных колец. Цепь оказалась довольно длинной.

— Подержи гроб, пока я не выберусь, — велел он девушке.

Зианта надвинула корону поглубже на голову, подошла и стала удерживать гроб. Он вскарабкался по нему, обмотав цепь вокруг пояса. Вот его голова и плечи скрылись в отверстии. Еще усилие... Он выбрался наружу. Затем лязг металлических звеньев, и к ней спустился конец цепи. Она ухватилась за него...

Через минуту она уже стояла, съжившись, под дождем и холодным порывистым ветром. В сознании пробудилась память Винтры: «Стражники».

— Здесь должна быть охрана, — прошептала она Турану. Он спокойно обматывал цепь вокруг талии, предполагая, что она еще может им пригодиться.

— Вряд ли они будут особенно бдительны в такую ненастную ночь, — успокоил он. — Не бойся, идем.

Вскоре она совершенно продрогла. Для церемонии ее обрядили в очень тонкий хитон, который никак не защищал от пронизывающей стужи. Тонкая ткань намочла, облепила ее дрожащее тело. Пышные волосы растрепались по ветру, с них стекала влага. В ночной мгле она с трудом различала рядом неясный силуэт своего спутника. И лишь его рука, обнимавшая ее за плечи, была теплой, успокаивающей.

— Думаю, нам нужно в Сингакок. — Она с трудом слышала это сквозь вой ветра и шум дождя.

— Но ведь они... — Страх Винтры подкатил к горлу.

— Они поклоняются Вуту. Вут сотворил чудо — перед ними снова живой Туран. Если я появлюсь в городе таким образом, это наверняка облегчит наше положение. Мы хоть сможем узнать, что известно здесь о твоём камне. Бе-

реги его, Зианта. Только он сможет вернуть нас обратно, если такое возвращение вообще возможно.

Он говорил резонные вещи, но ею в этот миг владели только эмоции, главным образом — страх. Винтра смертельно боялась оказаться вновь среди тех, кто вынес ей приговор и заживо похоронил в гробнице. Но ведь она Зианта, она не должна подчиняться Винтре! И когда Туран зашагал к городу, она послушно последовала за ним.

Вдоль дороги плотной стеной росли деревья, они хоть немного ослабляли бешеные порывы ветра. Поднявшись на холм, они увидели множество огней: внизу, в долине, лежал Сингакок. Дорога сбегала с холма и делала петлю, затем поворачивала по направлению к зареву огней.

Они присели передохнуть под кроной раскидистого дерева.

— У тебя не сохранилось памяти Турана? — Зианта спросила это, не рассчитывая на хороший ответ. Ведь тело было уже мертво, когда им завладел этот человек. Откуда же взяться памяти в мертвом теле?

— Порой мне кажется, что к моей собственной памяти примешивается еще чья-то. Но это очень смутно... Лучше ты постарайся узнать все, что помнит Винтра.

— Я не пускаю ее в себя. Иначе боюсь, что не смогу управлять ею.

— Но нельзя же действовать вслепую. Куда нам идти? Постарайся пробудить хотя бы воспоминания о городе, о расположении улиц.

Зианта чуть ослабила контроль, но это не дало ей ничего, кроме эмоций узницы, находившейся под строгой охраной вплоть до того дня, когда ее возвели на жертвенный алтарь.

— Винтра была пленницей, она не знает Сингакок.

— Ну конечно же! А жаль... Ладно, если что-нибудь припомнишь, сообщи. Что ж, таиться нам нет смысла. Давай поторопимся. Чем скорее достигнем города, тем лучше для нашего плана.

Скользкий спуск с холма был еще труднее, чем подъем. Они то и дело спотыкались и падали, царапая руки и тело о

колючий кустарник. Хорошо ли повинуется этому человеку тело Турана?

Когда они спустились, дорогу осветила фарами ехавшая из города машина. Застыв на месте, оба ждали ее приближения. Когда машина поравнялась с путниками, Туран повернулся к ней лицом так, чтобы на него упал свет фар. Их должны увидеть, должны узнать!

Из машины раздался крик, гортанный мужской голос проговорил что-то на местном языке. Двигатель замер, на дорогу вышел мужчина в офицерской накидке, за ним еще двое вооруженных людей. Все трое держали оружие наготове.

— Кто вы?

Туран выступил вперед:

— Посмотрите на мое лицо, тогда сами назовете имя.

Двое солдат попятились, но офицер не смутился:

— Да, ты похож, даже очень. Но это, скорее всего, какой-то трюк...

Туран не торопясь поднял руки к груди, расстегнул пряжку плаща и распахнул полы. Хотя жрецы Вута немало потрудились над ранами командора, самые глубокие были отлично видны.

— Нет, это не трюк. Видишь?

— Как же ты вышел... оттуда? — Только слегка дрожащий голос выдал смятение офицера. Зианта позавидовала его мужеству и самообладанию.

— Через дверь, открытую для духа Вута, — надменно ответил Туран. — Я иду в Сингакок, там находится то, что вызвало меня из гробницы.

— Ты идешь в башню Вута?

— В дом Турана. Куда мне еще направиться в такой час? А теперь дай мне свой плащ.

Офицер медленно расстегнул накидку и протянул, стараясь не касаться воскресшего мертвеца.

Туран накинул плащ на плечи Зианты.

— Так тебе будет теплее. Потом подыщем что-нибудь получше.

«Ты делаешь ошибку, — мысленно обратилась к нему девушка. — В этом мире Туран и Винтра — враги до самой смерти. Эти люди не поймут твоей заботы обо мне».

«До смерти, — подчеркнул Туран. — Но не после. Мы забыли о нашей вражде, оказавшись на том свете».

«В Нижнем Мире, — мысленно поправила Зианта. — Здесь говорят так. Думаешь, жрецы удовлетворятся таким объяснением?»

Туран кивнул, затем заговорил уже вслух, обращаясь к офицеру и его людям:

— Мы покинули гробницу, дабы воззвать к милости Вута. Мы вернемся в Нижний Мир, когда Вут рассудит нас по справедливости. И не стоит до поры говорить о том, что здесь случилось.

Один из солдат положил у ног свое оружие и скинул плащ.

— Лорд командор, я был с тобою при Спетке, где ты сокрушил бунтовщиков. Окажи мне честь, позволь услужить тебе. — Он протянул свой плащ Турану.

— Нынешней ночью я совершил еще более великое дело, друг. Прими мою благодарность за твое добро. А теперь я рассчитываю с вашей помощью, воины, вернуться в дом Турана.

Зианте оставалось только гадать, что за игру затеял ее компаньон, и следовать за ним, крепко прижимая к себе корону. На ее взгляд, они забираются в топкое болото, полное гибельных трясин, один неверный шаг — и неминуемая гибель. Но она послушно уселась в машину и скорчилась в уголке, кутаясь в плащ. Туран уселся рядом. Машина развернулась и поехала в Сингакок, навстречу неизвестности.

Глава 8

«Эти люди, — пришло ей мысленное послание, — не подозревают о возможности мысленного обмена информацией».

То, что Туран прозондировал мозг их провожатых, обеспокоило ее: это было очень рискованно, а сейчас осторож-

ность необходима им, как никогда. Но дело сделано: теперь они могут безбоязненно прибегать к телепатическому общению.

«Ты можешь читать их мысли?» — задала Зианта беззвучный вопрос.

«Только эмоциональную составляющую. У них другой тип мыслительных процессов, их мысли я воспринимать не смогу. Что же касается эмоций — у всех преобладает сейчас возбуждение, это вполне естественно. Солдаты объаты ужасом и благоговейным трепетом — они поверили в чудо. Но офицер...» — Он внезапно замолк, видимо, проверял его, и Зианта подсказала, что разговор следует продолжить:

«Так что офицер?»

«Он думает о ком-то. Я вижу нечетко, какая-то тень. Этому человеку он намеревается срочно сообщить о происшедшем. Что-то скрытое...»

Зианта решила сама попробовать читать мысли. Отключившись от своего компаньона, начала осторожно зондировать мозг сопровождающих воинов. Она тут же поняла, что имел в виду Туран. Образы расплывались, попытки фокусировать их более четко оказались тщетными. Все же она различила, что офицер собирается с докладом к особе женского пола. И тут же включилась память Винтры.

Зуха М'Туран!

«Та, кому он должен сообщить про нас, — леди Туран, — проинформировала Зианта своего спутника. — По-моему, командор, мы угодили в гушу опасных интриг, направленных против тебя, вернее, против того, чье тело служит тебе сейчас. Я не в состоянии разобраться в деталях, но уверена, что Турана ждет смертельная опасность...»

«Теперь нам об этом известно, и это уже неплохо, — отпарировал командор. — Советуешь мне быть осторожным? Пожалуй, это правильно. Людей слишком часто губят интриги тех, кому они доверяют, в чьей любви и преданности не сомневаются. А для начала... Надо попробовать воздействовать на сознание офицера, как-то заставить его не торопиться с докладом. Ты сумеешь войти в его сознание?»

Мне не удастся наладить с ним четкий контакт, я воспринимаю только какие-то обрывки его мыслей».

«Попробую. Не знаю, удастся ли — все как-то колеблется, расплывается...»

Зианта припомнила уроки, полученные в лаборатории Огана. Психолог настаивал, чтобы она приобрела навык предельной концентрации психической энергии на определенном объекте. Эффективность ее усилий регистрировали десятки чутких приборов. Впрочем, у нее не было возможности применить подобную методику вне виллы — такой поток энергии был бы немедленно обнаружен детекторами, и ее ожидало бы полное стирание разума, как незаконно практикующего сенситива.

Она осторожно извлекла она из сознания офицера образ Зухи М'Туран и сформировала его в своем сознании. Тут же пришло подтверждение командора — он принял от нее эту картину.

Теперь Зианта приступила к осуществлению задуманного. Разум офицера словно все настойчивее концентрировался на мысли, что Зуха М'Туран уже в курсе событий, поскольку они являются частью ее хитроумного плана. Он, простой офицер, по чистой случайности стал участником событий и может жестоко поплатиться за это. Но если он проявит благоразумие и неловким вмешательством не нанесет ущерба замыслам высокопоставленных лиц, его ждет их благосклонность и награда.

«Замечательно! — приняла девушка похвалу компаньона. — Продолжай в том же духе».

Ободренная, она повторила мыслепередачу. Офицер беспокойно заерзал на сиденье: червь сомнения точил его сознание. Зианте с большим трудом, но все же удавалось снова и снова входить в четкий контакт с его постоянно ускользающим разумом. Эта беззвучная борьба, да и усталость от всех предшествующих событий вконец измотали девушку.

Слабость волнами охватывала ее, унося остатки как физической, так и психической энергии. Она откинулась на сиденье — безвольная, опустошенная, ощущая пульсирую-

щую боль в висках. Добилась ли она успеха — сказать наверняка было еще нельзя.

Они уже ехали по улицам Сингапока. Зианта ощутила страх Винтры — что она ненавидит этот город, боится этих огней, этих людей, чьи фигуры проплывали мимо в мутной пелене дождя.

Они свернули в тихую зеленую улицу. Просторные дома здесь стояли на почтительном расстоянии друг от друга, вокруг каждого благоухал экзотическими цветами и кустарниками ухоженный сад. Это Дорога лордов — извлекла Зианта из сознания офицера. Дворец Турана совсем близко.

Машина остановилась у массивных ворот. Подошедшие охранники направили фонари в глубь кабины. Когда луч осветил лицо командора, раздался возглас страха и удивления.

— Долго я буду здесь ждать? Вы разучились встречать хозяина? — В голосе Турана слышались нетерпение и гнев.

— Лорд командор?! — почти в шоке пролепетал один из людей.

— Мне надоело торчать у собственного дома. Отворяйте же ворота!

Охранник бросился отпирать ворота, створки распахнулись, машина двинулась по темной аллее. Сквозь мокрую листву деревьев невозможно было ничего разглядеть по сторонам. Вот машина въехала в тоннель, а вынырнув из него, оказалась перед широкой лестницей, ведущей в дом.

Выбираясь из машины, Зианта покачнулась и едва не упала. Ее усталость была так велика, что казалось, ей ни за что не одолеть эту длинную лестницу. Туран подхватил ее под руку и, поддерживая так, повел по ступеням. Один из солдат бегом поднялся по лестнице и принялся барабанить в дверь. Наконец она распахнулась, зажегся свет.

— Кто осмелился беспокоить высшего консорта Дома Туранов на третий день траура? Кто...

Человек, произносивший эту негодующую тираду, внезапно осекся, увидев на пороге командора.

— И долго ты будешь держать нас под дождем, Дакстер? Или учинишь мне допрос перед входом в мой собственный дом?

Судя по всему, компаньон Зианты решил действовать напролом. Насколько верным окажется взятый им самоуверенный тон, покажет будущее...

Привратник, услышав знакомый голос, смертельно побледнел и отшатнулся. Его руки взметнулись, заслоняясь от стоящего перед ним призрака.

— Лорд... Лорд командор Туран...

— Да, Дакстер, это я. Траур закончился — извести об этом всех домашних.

— Командор... Но ведь ты... ты...

— Мертв? Как видишь, я не умер. Могут ли мертвецы двигаться, разговаривать, приходиться в свой дом? А где высший консорт? Я хочу, чтобы и она узнала, что в трауре больше нет надобности.

— Слушаюсь, лорд командор.

— Позаботься, чтобы этому офицеру с его солдатами в моем доме было оказано гостеприимство. Они помогли нам добраться сюда в эту жуткую ночь. — Он скинул с плеч плащ и протянул его солдату:

— Боевой соратник, считай себя моим другом. Мне пришлось испытать нечто более страшное, чем война, выстоять в самой жестокой битве, какую ты только можешь себе представить.

Солдат вскинул руку в салюте:

— Я готов служить тебе, мой командор. Позови в любую минуту — я тут же отзовусь.

Зианта воспринимала все это отрешенно, словно видеофильм, который смотришь сквозь дрему. Ноги подкашивались от слабости. Ей необходимо срочно восстановить силы, иначе она просто свалится на пол.

— Проводи эту девушку и меня в спальные покои, — распорядился ее спутник. — Принеси нам туда вино и еду, мы проголодались, Дакстер.

Зианта смутно осознавала, что идет по каким-то коридорам, поднимается по лестницам. Она чувствовала руку Турана, который поддерживал ее. Затем она обнаружила, что лежит в постели. Над ней стоял Туран, протягивая высокий кубок с чем-то теплым и пахучим. Она стала глотать

эту жидкость, почти не ощущая вкуса. Вскоре озноб прошел, но усталость навалилась еще сильнее. Веки отяжелели, тело казалось одним большим комком боли...

Она открыла глаза — перед ней плавали какие-то размытые цветные пятна. Усилием воли она сфокусировала зрение — причудливый орнамент покрывал потолок незнакомого помещения. Где она? Это не похоже ни на одну из комнат виллы Ясы. Она никогда не видела таких растений и животных, как изображенные здесь.

С трудом повернув голову, девушка осмотрелась. По краям широкого ложа, на котором она раскинулась, стояли четыре столба, увитые гибкими стеблями живых растений с цветами розового оттенка. Сквозь листву проглядывали стены комнаты, украшенные росписью и блестящими пластинами какого-то металла.

Зианта села, обхватив колени руками. Это странная комната... Где она? Мысли путались, она никак не могла припомнить, что с нею было. И вдруг — словно вспышка в мозгу, с удивительной четкостью замелькали события минувшей ночи: Туран — Винтра — гробница — бегство — машина... Она в Сингакоке. Но где Туран... Где он сам?

Она с ужасом оглядела комнату. Вдруг он исчез, бросив ее одну в этом неизмеримо далеком прошлом, в давно умершем древнем мире? Вокруг — никого. Ни шороха, ни звука. Она спустила ноги с постели, попыталась встать. Тут же все поплыло перед глазами, она покачнулась и была вынуждена ухватиться обеими руками за один из увитых цветами столбов.

Прямо на нее со стены смотрело громадное зеркало, в котором отражалась... Винтра! Она отпрянула, боясь глядеть на эту незнакомую женщину. Но ей необходимо знать свое новое обличье! Собрав всю волю, Зианта начала пристально изучать представшее перед ней изображение.

Тело, покрытое прозрачным нежно-розовым хитоном, было не столько стройным, сколько исхудавшим. Лицо, руки и ноги до бедер темно-коричневые, в то время как остальные участки тела лишь чуть-чуть отливали желтизной. Вероятно, эта девушка много времени проводила под

открытым небом в коротком платье без рукавов. Особенно поражали волосы — густые, рассыпавшиеся по плечам, они имели необычный светло-голубой цвет. Причем, как знала Зианта, это не было работой экстравагантного парикмахера, такими волосы Винтры были от природы.

Ресницы и брови также были голубыми, но гораздо темнее. Присмотревшись, Зианта разглядела голубоватый пушок на руках и ногах, неприятно контрастировавший с темно-коричневой кожей. Но, в общем, среди известных Зианте сотен гуманоидных рас эта девушка была, бесспорно, привлекательной инопланетницей.

Вот ты какая, Винтра — дочь горских повстанцев, предводительница Воительниц Карка! Эти сведения, подсказанные чужой памятью, почему-то наполнили грудь Зианты горделивым чувством. Доставшееся ей по воле случая тело принадлежало далеко не худшей представительнице женского племени!

Но нельзя давать много воли сознанию Винтры. Иначе она рискует навсегда остаться в этом теле, в этом времени. Ее и так слишком мало связывает сейчас со своим реальным миром...

Корона... Фокусирующий камень... Именно он — ключ для пути назад, причем ключ единственный!

Девушка лихорадочно принялась за поиски. Растущая тревога придала ей сил. Шаг за шагом обследовала она комнату. Рядом с зеркалом — стол, дальше — нечто вроде туалета: множество баночек, коробочек, склянок, щеток и гребней. Она протянула руку и взяла ближайшую коробочку. Куда надо нажать, чтобы открыть ее?

Сзади раздался какой-то звук. Она обернулась и широко раскрыла глаза. Участок разукрашенной стены исчез, а в образовавшемся проеме, надменно вскинув голову, стояла... Память Винтры подсказала моментально.

Зуха М'Туран.

Манеры вошедшей были властными и уверенными, характерными для людей, привыкших повелевать с раннего детства. Но сейчас даже толстый слой косметики, покры-

вавший лицо, не мог полностью скрыть царившее в душе леди Туран смятение.

Ее одеяние было столь же тонким и прозрачным, как одеяние Зианты. Сложную прическу из темно-голубых волос поддерживали шпильки в виде искусно скопированных насекомых с небольшими крылышками. При малейшем движении головы они начинали колыхаться и двигаться, как живые. Талию, и без того стройную, туго перетянул широкий пояс, украшенный множеством миниатюрных звонких колокольчиков, и изящные серебристые туфли довершали туалет безутешной вдовы командора.

Она вошла совершенно беззвучно. Зианту охватила тревога. Даже не прибегая к зондированию сознания, девушка была уверена: с леди Туран в эту комнату вошла опасность. Где же Туран?.. Она представила на секунду, что случится, если Турану перестанет повиноваться тело мертвеца. Его тотчас же возвратят в гробницу, а ей предстоит быть снова заживо погребенной у одра победителя...

Спокойнее. Она все-таки не Винтра, им будет не так-то легко совладать с нею! Сознание и воля — вот ее оружие, и она не сдастся без борьбы.

Сейчас важно выяснить, где Туран, что с ним. С предельной осторожностью, словно воин, имеющий дело с неизвестным взрывчатым устройством, Зианта попыталась проникнуть в сознание этой властной дамы.

Как и в случае с офицером, ей не удалось прочесть мысли женщины. Но Зианта совершенно точно уловила направленную в ее сторону волну ненависти, смешанной со страхом. Нечто подобное она и ожидала. Теперь — Туран. Нужно навести мысли о нем в сознание Зухи.

Результат был подобен взрыву. Мозг буквально опалил поток эмоций, извергнутый в ответ на ее передачу. И этот поток был подобен зловонной ядовитой струе, ибо в нем не содержалось ничего, кроме яростной ненависти к лорду командору и панического страха, связанного с его необъяснимым освобождением из гробницы.

Итак, эта женщина возлагала на смерть командора большие, очень большие надежды. То, что Туран снова

жив, снова в этом доме, потрясло ее и напугало. Но не настолько, чтобы смириться. В мозгу леди Туран уже роятся новые планы, преследующие одну цель: навсегда избавиться от некстати воскресшего супруга.

— Ведьма! — Это слово она выстрелила в лицо Зианте, словно прожгла ее лучом лазера. — Ты ничего не достигнешь своим проклятым колдовством, запомни!

— Ты называешь колдовством волю Вута? — Зианта пожалала плечами: — Разве не учат жрецы, что человек может по милости Вута открыть дверь обратно в жизнь? И может ли кто-нибудь допрашивать такого человека о тайнах, известных лишь высшему божеству?

Произнести это помогла девушке память Винтры. В то же время дар Зианты опознал в сознании Зухи недоверие: образованная знать лишь внешне соблюдала требования религии, на деле же никто давно не признавал древних суеверий.

Согласно им, человек может покинуть замурованную гробницу, открыв (обязательно изнутри) дверь для души. Такое якобы случалось в прежние времена с теми, кто душой и помыслами был предан Вуту. На этом и строил свой план Туран. Жрецы обладают немалой властью, но из-за неверия образованной верхушки рискуют потерять ее. Признав возвращение Турана в мир живых, они могут укрепить свое влияние, заставить скептиков вновь уверовать в могущество Вута.

— Туран мертв! Это ты своими чарами управляешь его телом, заставляешь труп говорить и двигаться. Ты откроешь мне тайны своего колдовства, и он снова...

Она вдруг замолкла на полуслове — осторожность победила гнев. Тем не менее Зианте стало ясно, что супруга командора менее всего склонна верить в чудеса. Она, бесспорно, умна и очень подозрительна. А вдруг она сможет проникнуть в сознание Зианты или Турана? Нет, не похоже, чтобы эта женщина могла быть сенситивом. Или же ее мозг излучает в совершенно ином диапазоне? Но и тогда она безопасна для них обоих...

— Как можно назвать мертвецом живого человека? Или ты отказываешься верить собственным глазам?

Зианта, как могла, играла роль простодушной Винтры. Но при этом чувствовала, как растет ярость в груди Зухи, и видела, что та, ослепленная этой яростью, может кинуться на нее.

— Верить собственным глазам, говоришь? Как бы не так! Достаточно того, что эти идиоты жрецы на радостях пускают слюни и на все лады славят милость Вута. Даже если они в душе и сомневаются, никому об этом не скажут — возвращение Турана им на руку. Я знаю одно: то, что ходит по моему дому, — это не Туран. — Она выкрикнула эти слова так, словно объявляла войну.

— Но если это, как ты говоришь, не Туран, то кто?

— Скорее — что это такое? Я правильно говорю, а, ведьма? Разве не ты вызвала из Ледяной Бездны нечто, благодаря чему освободилась от цепей и покинула замурованную гробницу? Трепещи, колдунья: я обещаю узнать все твои чары, и тогда... Смерть рядом с Тураном покажется тебе блаженством по сравнению с моими способами. Я сумею навсегда отучить тебя забавляться черной магией.

— Значит, высокородная высший консорт, моим возвращением к тебе я обязан колдовству?

Обе женщины были настолько поглощены перепалкой, что не заметили появления в комнате свидетеля их беседы. Это был Туран. На его лице багровела рана, полученная в последнем сражении. В ярком свете кожа командора была мертвенно-серой, местами уже проявились отвратительные трупные пятна. И лишь глаза оставались живыми, источая силу и ум, вдыхая жизнь в тело мертвеца. Зианта, разглядев как следует это искалеченное тело, удивилась огромной воле человека, сумевшего подчинить его себе.

— Почему же ты видишь причину в колдовстве? — Туран подошел к жене почти вплотную: — Почему, спрашиваю, не возносишь благодарность милостивому Вуту, ушей которого достигли твои жаркие молитвы о моем выздоровлении? Или не было никаких молитв, моя подруга, мой высший консорт? Разве не уверяла ты, что моя смерть будет для тебя

страшнее твоей собственной? Ты давала клятву остаться верной обычаям предков: если Вут первым выберет меня для перехода в Нижний Мир, ты радостно пойдешь за мной по Темной Тропе. Но когда случилось страшное, кто оказался возле меня в гробнице? Не ты, мой высший консорт. Вместо преданного человека, способного облегчить мне путь своей любовью, ты отправила со мной ту, что ненавидит меня, готовую призвать для борьбы со мной самые темные и злые силы. Так где же все твои обещания, Зуха? Твои заверения и клятвы — все это была мерзкая ложь?

Говоря это, он приближался к ней, а она пятилась от него. Лишь теперь Зианта заметила на лице этой женщины проявление эмоций, которое не мог скрыть даже толстый слой грима. В немом вопле ужаса и омерзения искривились губы, руки изо всей силы уперлись в грудь Турана.

— Нет! Не подходи ко мне, мертвец! Возвращайся назад в Ледяную Бездну, откуда тебя вызвали с помощью черной магии!

— Вернуться в Ледяную Бездну? Наконец-то ты зналась, чего хочешь на самом деле. А ты подумала о том, что именно твоя ложь и лицемерие вынудили Вута вернуть меня в мир живых?

Зуха уперлась спиной в стену. Ее рука лихорадочно заскользила по узорам украшений — и вдруг часть стены повернулась, Зуха едва не упала в образовавшийся проход. Еще мгновение — и на месте потайной двери снова пестрел замысловатый орнамент...

— Она ощущает себя виновной. Вина рождает страх, — задумчиво сказал Туран. — Но как же она ненавидит меня! Хотел бы я знать, в чем корни этой ненависти...

— Туран, — подала голос Зианта. — Здесь, во дворце, тебе удалось что-нибудь узнать?

— Почти ничего, меня ни на минуту не оставляли в покое. Я вынужден был проявить массу изобретательности, чтобы ускользнуть от жрецов. Они хотят как можно эффективнее использовать случившееся, а для этого пытались получить от меня согласие обследоваться. Пришлось выпрашивать их чуть ли не силой. Разобраться в тонкостях

дворцовых интриг мне, конечно, не удалось. Но я выяснил хотя бы, что здесь есть не только враги Турана, но и его сторонники. Один из них дал мне сведения насчет камня...

С этими словами он жестом фокусника извлек из складок туники фокусирующий камень.

— История довольно необычная, но все же выслушай ее — вдруг она наведет нас на след.

Перед восстанием мятежников горцев, при подавлении которого Туран был смертельно ранен, он на рыбацьем судне совершал путешествие по Южному морю. Внезапно разразился ужасный шторм, совершенно не похожий на обычную для этих широт непогоду. Я расспросил очевидца о признаках этого шторма и сделал вывод, что речь идет, скорее всего, об извержении подводного вулкана. Утлое суденышко довольно долго швыряло, словно щепку. Когда же море успокоилось, корабль остался на плаву — правда, двигатель его не работал. В результате катаклизма с морского дна поднялось на поверхность множество всякой всячины — обломки затонувших судов, останки невиданных глубоководных животных. Но самой необычной находкой был целый остров, поднявшийся из морской пучины. Туран велел сделать высадку на этот каменистый клочок суши лодку, и отправился туда с несколькими моряками. Обследовав остров, они сделали замечательное открытие: вдоль побережья тянулись остатки каменной стены явно искусственного происхождения.

Туран приказал продолжить поиски в надежде узнать что-либо о народе, воздвигнувшем эту стену. Но тут море вновь заволновалось, один за другим последовали два ощутимых толчка. Островок затрясся, и капитан решил отплыть как можно дальше. Людям, находившимся на берегу, был послан сигнал срочного возвращения. Все заторопились к лодке. Но Туран вдруг отделился от остальных и замешкался возле скал. Товарищам пришлось дважды крикнуть ему, даже пригрозить, что лодка отчалит без него. Наконец Туран присоединился к остальным. Он весь был вымазан морской слизью, которой обрастают обычно прибрежные камни. На вопрос, что его задержало, ответил, что

он заметил в воде нечто вроде полузатопленной фигуры, высеченной из камня. Затем он принялся настаивать на продолжении исследований, но капитан корабля остался тверд. Он не стал рисковать жизнями своих людей и отошел на значительное расстояние от острова.

Это оказалось весьма разумным. Действительно, вскоре обрушился новый шторм, изрядно потрепавший корабль и полностью лишивший его хода. С трудом, пользуясь веслами и самодельным парусом, добрались они до какого-то порта. Там Туран вновь начал убеждать всех в необходимости повторной экспедиции к безымянному острову. Но осуществить это ему так и не пришлось: вскоре вспыхнуло восстание горских племен и военные заботы вытеснили все остальное...

— Так какое это имеет отношение к фокусирующему камню? — спросила Зианта.

— Связь самая прямая. Насколько я понял, у этого народа нет достаточно одаренных сенситивов. В то же время жрецы содержат в башне Вута нескольких девушек, способных ненадолго впасть в транс и в этом состоянии демонстрировать ясновидение и психометрию. Их возможности весьма ограничены, они истощают свой дар уже через несколько сеансов. Поэтому жрецы всячески оберегают своих воспитанниц и используют их способности лишь в трудный час всенародных потрясений.

Турану, найдя на острове голубой кристалл, с немалым трудом заручился поддержкой жреца Третьей Ступени, имеющего доступ в башню. Жрец пообещал узнать историю камня, полученного от командора. Неизвестно, что рассказал он Турану, но, видимо, нечто важное: лорд командор тут же приказал украсить этим камнем корону, предназначенную для высшего консорта. Этот убор она должна была надеть для погребения вместе со своим блистательным супругом. Но когда с Тураном случилась беда и настал час захоронения, высший консорт приказала надеть погребальную корону на твою голову, посчитав тебя вполне способной сыграть трагическую роль, которую в многочисленных клятвах при жизни Турана она отводила себе.

— И все это тебе рассказал один из сторонников командора? Разве твои расспросы о том, что и так должно быть тебе отлично известно, не вызвали у него недоумения?

Губы Турана искривились. То, что означало улыбку, на лице мертвеца выглядело настолько жутко, что Зианта поспешно отвела взгляд.

— Я просто увидел, что он опознал камень и был озадачен тем, что эта вещь оказалась у меня. Остальное я осторожно извлек из его памяти, он об этом и не подозревает. В этом и заключаются огромные преимущества дара сенситива.

Во всем этом главное — остров. Если у камня имеется двойник, искать его нужно прежде всего именно там. Вопрос только в том, существует ли этот самый остров и ныне.

— Если у нас будут хорошие карты этой планеты, можно попробовать поиск по карте, — предложила Зианта, вспомнив свой успешный опыт поиска по карте звезд.

— Именно этого я и хочу — поскорее раздобыть их. Я не смогу слишком долго избегать встречи со жрецами и их Башней Вута. Как бы ни слабы были их сенситивы, они могут установить, что перед ними совсем не тот Туран. И тогда Зуха обвинит нас в колдовстве и сумеет добиться уничтожения, как обманщиков и святотатцев. Так что следует поторопиться.

Зианта посмотрела на него и кивнула. Тело Винтры прекрасно повиновалось ей и было полно жизни. Но мертвенно-серое лицо Турана, его зияющие раны... Он выглядел подозрительно, их обман не мог продолжаться долго.

Глава 9

Они мчались так, словно кто-то наступал им на пятки, толкал в спину. Зианта нашла короткую нижнюю тунику — вроде той, что была на Зухе, а сверху накинула длинный полупрозрачный хитон. Придерживая его полы обеими руками, она бежала за командором по коридору, соединяющему женскую половину дома с апартаментами Турана.

Мимо мелькали двери, за некоторыми из которых слышался говор и смех, но в коридор никто не выходил — путь был свободен. Мысленное зондирование указывало, что их пока не заметили и впереди не подстерегает засада. Зианта не могла поверить, что фортуна наконец благосклонна к ней.

Где же искать карту? Если Туран вел какие-то записи о своем путешествии, они должны находиться в его личных покоях. Но как найти эти бумаги? Поиск вслепую — потеря драгоценного времени. Нужно использовать их способности. Значит, один должен быть на страже, а другой вести сенсорный поиск, как вела его Зианта в апартаментах Джукундуса.

В ее сознании все еще не укладывалось, что она заброшена не просто в чужой мир, но в иное время, начисто забытое ее современниками. О людях этого города не сохранилось памяти даже в преданиях и легендах. Ледяное дыхание сотен веков, разделивших ее мир и этот, пугало девушку. Ей ничего не хотелось так сильно, как вернуться в свое время: пусть даже там ее ожидают новые опасности и испытания. Отсюда они казались даже не опасностями — обычной жизнью. Там все было, по крайней мере, понятно и прогнозируемо. Здесь же за каждым поворотом коридора таилось совершенно неведомое, и это пугало более всего.

— Сюда! — Туран вошел в дверь и поманил рукой девушку.

— Здесь хранится информация? — Зианта пыталась угледеть хоть что-то знакомое в обстановке этого помещения. Хотя бы древние свитки, известные ей только по музею. Как отыскать здесь то, что им необходимо?

Туран скрылся в кабинете и вынес оттуда странную на вид связку коротких веревок, на свободных концах которых сверкали бусинки различного цвета и формы. Зианта никогда не видела ничего подобного. Даже если это для запоминания, запись, хранящая информацию, то сочетание веревок и бусинок для нее лишено всякого смысла.

Ее компаньон разглядывал тем временем странный предмет.

— Подобное на некоторых отсталых планетах, не имеющих письменности, применяются и в наше время. Но здесь еще, для сохранения тайны, используется личный код, известный только одному человеку. И можно даже в темноте, на ощупь, прочесть переданное таким образом послание.

— Если это шифр, известный Турану, то разве не в твоих силах...

Он сокрушенно покачал головой:

— Мне почти не удастся оживить память Турана. Тем более что управление этим мертвым изувеченным телом требует большого сосредоточения.

Итак, ее страхи подтверждаются: оболочка, в которой приходится пребывать ее компаньону, весьма ненадежна. Зианта протянула руку и дотронулась до клубка веревок. Нужно сконцентрировать мощный импульс энергии и попробовать разгадать шифр.

Да, по сравнению с этой задачей считывание лент в апартаментах Джукундуса — детская игра. Ведь там информацию ввел такой же человек, как она сама. А здесь кодирование произвел представитель совершенно иного мира, иного времени, с незнакомой психологией... И тем не менее, поскольку других возможностей нет, она обязана попытаться.

— Ты посторожишь у входа?

Он кивнул и направился к двери. Девушка внимательно рассматривала тонкие шелковистые веревки. Бусинки, насаженные на них с различными промежутками, были белые, голубые и красноватые. Она пропустила пучок веревок через пальцы, еще и еще раз. И сразу уловила эмоции.

Ненависть... Жгучая, смертельная ненависть... Это не веревки — это змеи, готовые вонзить жало в любого, кто посмеет проникнуть в смысл тайнописи. С криком ужаса она отшвырнула от себя зловещий клубок.

— Что с тобой? Ты укололась?

Зианта не ответила. Она протянула руку ладонью вниз и поднесла ее к клубку, не касаясь его. Она решила узнать, от кого исходил оставленный в этом предмете заряд ненависти.

— Их... их недавно брали в руки. Это был человек, переполненный ненавистью и злобой настолько, что эти эмоции экранируют все остальное. Если я не пробьюсь через этот барьер, то ничего не удастся узнать.

Туран огорченно развел руками. Он тяжело опустился возле дверей на скамью и закрыл глаза. Когда его веки сомкнулись, с лица исчезли последние признаки жизни. Зианта содрогнулась от отвращения. Как долго еще ее товарищ сможет поддерживать этот труп в псевдоживом состоянии?

— Кто же это сделал? Ты сможешь узнать это?

Девушка вновь взяла веревки в руки и, сложив их в тугой сверток, поднесла ко лбу. Она старалась отсеять эмоциональный фон, сосредоточиться на изображении того, кто недавно держал в руках этот предмет.

Зуха... Без сомнения, эта тайнопись побывала в руках высшего консорта. Но мозг девушки улавливал еще что-то прикосновение, почти стертая волной ненависти Зуки. Она продолжала поиск, пытаясь получить имя или вызвать образ, чтобы дать возможность Турану узнать этого второго человека.

— Зуха... И с ней приходил еще кто-то, чтобы получить информацию. Но у них ничего не вышло. Отсюда ее злоба. Тогда она... да, да, она взяла с собой несколько шнурков, которые, по ее мнению, содержали наиболее важные данные.

«У нас нет времени. Нам нужна карта», — отдалась в ее мозгу непроизнесенная мысль Турана.

Время... Она вступила в схватку со временем, но не в силах победить его. Зианта задумчиво перебирала шнурки. Будь у нее дни, даже часы, возможно, она сумела бы разобраться в этом. Но времени не хватало. Нужен другой путь — достаточно посмотреть на Турана, чтобы понять это.

Что им известно? Из моря поднялся остров, на котором есть двойник этого камня. Она привязана к своему камню, а камень, в свою очередь, незримо связан с тем, вторым, кристаллом. Если они не разорвет эти узы, Турана снова

ждет смерть. Ей тоже уготована мучительная гибель от руки высшего консорта.

Говорят, что после смерти телесной оболочки от человека остается некоторая часть его сущности. Сенситивы знают об этом точно, но Зианту эта идея никоим образом не утешала. Она не могла смириться с мыслью погибнуть в этом чужом, далеком от ее времени мире.

Остров, поднявшийся из пучины, и кристалл, найденный там... Девушка металась взад и вперед, снова и снова ища выход из тупика. Туран в полубессознательном состоянии откинулся на скамье. Есть! Есть один способ, но прибегнуть к нему здесь, среди врагов, под ежеминутной угрозой нападения, ей не удастся. Тогда где же?

Зианта остановилась, осмотрелась вокруг. Здесь спрятаться негде. Но... в этом мире уже известно воздухоплавание, существуют летательные аппараты... Эта информация, подсказанная памятью Винтры, давала неясную надежду. Продолжим... Неподалеку от города есть аэропорт. Если добраться до него, если захватить самолет, если Туран сможет справиться с управлением... Не слишком ли много этих «если»? Но для нее, а если им повезет, для них обоих это единственный шанс.

Она опустила на колени возле Турана, взяла его безжизненные холодные руки, пытаясь собственным теплом вдохнуть жизнь в коченеющее тело. Он повернулся к ней, с трудом открыв глаза.

На лице мертвеца снова появилась жуткая улыбка.

— Я справлюсь... — Казалось, что он не ее, а себя пытается убедить в этом. — Ты что-то задумала. Скажи, что. Я способен мыслить, просто забота о теле отнимает все больше сил...

— Я знаю. Ты прав, я кое-что придумала, хотя мой замысел может оказаться невыполнимым. Увы, ничего другого я не могу предложить. Мне необходимо впасть в глубокий транс, а для этого я должна быть в полной безопасности, ни о чем постороннем не беспокоиться.

Он пристально посмотрел на нее:

— Ты знаешь, какие могут быть последствия, и все же готова на это?

— Я не вижу другого пути.

Она хотела, чтобы он начал отговаривать ее, убеждать, насколько опасно испытывать на себе влияние камня, который уже успел принести ей столько несчастий. Но он молча глядел на нее, и его мысли были закрыты экраном. Вероятно, компаньон обдумывал ее план, взвешивая степень риска и шансы на успех.

— Пожалуй, это возможно, — произнес он наконец. — Но ты права, для этого нужно безопасное место, где ты без всяких помех смогла бы заняться этим. Вряд ли мы найдем такое укрытие в доме, да и в городе тоже. Память Турана почти закрыта для меня — я не в состоянии проникнуть в клубок интриг, которые сплела его супруга и ее сторонники. Но абсолютно ясно, что нам следует опасаться всех, вплоть до домочадцев. История знает немало могущественных кланов, которые распались, взорванные изнутри коварством, завистью и алчностью. Итак, как найти безопасное место? Ты знаешь?

— У меня есть план, правда весьма рискованный. — Ей снова захотелось, чтобы его осторожность спасовала перед риском, чтобы он убедил ее отказаться от сомнительного замысла. — Из памяти Винтры я узнала, что у этого народа есть летающие машины. Не думаю, что управление ими сильно отличается от наших флиттеров. Если мы захватим один такой аппарат, то сможем достигнуть моря и найти уединенное место на побережье.

— Кажется... — начал Туран, но Зианта предостерегающе подняла руку, уловив легкий шум за одной из стен.

Слабое царапанье, приглушенные шаги указывали, что там потайной ход. Девушка оглянулась вокруг в поисках какого-нибудь оружия и схватила вазу с ближайшего стола, однако Туран не разделял ее беспокойства. Он с трудом поднялся со скамьи и, приблизившись к стене, открыл незаметную дверь.

В комнату с трудом протиснулся человек в глухом плаще с надвинутым до самых глаз капюшоном. Когда он откинул

его, Зианта увидела, что его голова перевязана, а лицо иссечено боевыми шрамами.

— Слава Вуту, я нашел тебя, лорд командор! — Взгляд вошедшего упал на Зианту. — А эта... Она тоже с тобой?

— Какие-то неприятности, Вамадж?

— Более чем неприятности, лорд командор. Самый настоящий черный заговор. Она... — Это слово он вымолвил, вложив в него весь свой гнев и отвращение. — Она послала за жрецами, чтобы они забрали тебя и, — он ткнул пальцем в сторону Зианты, — эту в башню Вута. Пусть, мол, все жители города узнают о чуде. Но при этом не имеется в виду, что вы доберетесь до Башни в целостности и сохранности. За всем этим стоит Пувульт, которого ты, лорд командор, с позором изгнал полгода назад. Пока ты воевал на севере с мятежниками, он, видимо, тайно вернулся в Сингакок. А когда... когда тебя похоронили в гробнице, он объявился открыто и безбоязненно вошел даже в твой дом.

— Выходит, его призвала сюда высший консорт?

— Это так, лорд командор. Подтверждаются давние слухи, что она более благосклонна к младшей, чем к старшей ветви вашего Дома.

Зианта заметила, что воин избегает смотреть в глаза Турану. Вряд ли привыкший к смерти ветеран отводит взгляд при виде этого мертвого лица. Скорее всего, у него есть еще новости, но он боится их выложить.

— Продолжай. Впрочем, и так ясно: пока я был в гробнице, Пувульт взял власть, так?

Туран сказал это с такой уверенностью, словно хорошо знал и Пувульта, и связанные с этим именем интриги.

— Так точно, лорд командор. Они были уверены, что никто не стоит теперь на их пути, и вдруг ты возвращаешься...

— С помощью чуда, — внушительно произнес Туран. — И теперь они хотят покончить со мной окончательно.

Вамадж нервно поежился и снова отвел взгляд, избегая смотреть на Турана.

— Лорд командор... — Он запнулся и как бы набрался смелости, чтобы продолжить: — Она уверяет, что ты по-прежнему лежишь в гробнице, а эта... ведьма, Винтра...

сотворила подобие человека. Но я прикасался к тебе и чувствую, что ты настоящий, не бесплотный! Однако высший консорт говорит, что стоит тебе попасть в Башню Вута, как власть злых сил кончится и колдовство станет видно всем. Жрецы же, напротив, недовольны ей и призывают верить в чудо. Они говорят, что в прошлом Великий Вут, бывало, возвращал в мир тех, чье земное предназначение не было исполнено до конца. Они хотят, чтобы весь народ убедился в могуществе Вута, а для этого согласны забрать тебя в Башню. Она же сделает все, чтобы ты не достиг Башни...

Туран рассмеялся:

— Так, значит, она сама не верит в свою версию о колдовстве. Потому боится предоставить Вуту возможность вынести свое суждение об этом.

— Она, конечно, боится, лорд командор. Но полагает, что если ты еще раз умрешь по дороге к Башне, то если Вуту ты чем-то угоден, пусть оживит тебя еще раз.

— Но я не собираюсь умирать еще раз! — Голос Турана был тверд, хотя поддержание жизни в этом неживом теле требовало колоссальных усилий. — По крайней мере пока. Стало быть, мне придется подумать и о собственной безопасности.

— Мы можем проводить тебя в Башню. Да и жрецы Вута встанут стеной, защищая тебя в случае нападения, — со страстью в голосе ответил Вамадж.

Туран покачал головой:

— Смогут ли мои воины из Туран-ла... — По его лицу пробежала какая-то тень. — Из Туран-ла... — медленно повторил он, словно смысл этих слов был ему непонятен, хотя звучание знакомо. Зианта поняла, что фраза, всплывшая вдруг из памяти покойного Турана, не воспринимается сознанием компаньона. Если его отрешенность будет замечена Вамаджем — конец. Но Вамадж был весь во власти своих мыслей, он не заметил смятения Турана и продолжил:

— Всех их она отправила на север, лорд командор. Всех, кто знал, как ненавистен тебе Пувульт. Под этой крышей ты можешь довериться только мне и Фоми Тараху, да еще молодым офицерам Кар Су Питу и Джантану Су Ихто. Но

у каждого из нас есть преданные люди. Этого хватит, чтобы обеспечить твою безопасность на пути в Башню Вута.

Туран благодарно кивнул:

— Спасибо, верный Вамадж. Есть еще один преданный мне солдат. Он вне подозрений, за ним не следят, как следят за вами. Это воин, что одолжил мне плащ в ту ночь, когда я вернулся...

— Я отыскал этого человека, лорд командор. Его отец — жрец Вута по имени Гантел Су Рвелт. Их семья живет на южном побережье, молодого человека призвали на службу в прошлом году.

— Уроженец южного побережья? — Глаза Турана на сером лице возбужденно сверкнули. — Ты можешь тайно связаться с ним?

— Постараюсь, лорд командор, хотя, как ты знаешь, этот дом буквально начинен шпионами — у высшего сорта повсюду свои глаза и уши.

Туран тяжело вздохнул. Лицо, обтянутое серой кожей, вновь стало мертвой маской.

— Вамадж. — Он медленно повернулся и сел на скамью, словно больше не доверяя своим ногам. — Мне необходимо убраться из дворца вместе с леди Винтрой. Но прежде чем идти в Башню Вута, я должен сделать кое-что, о чем узнал слишком поздно, уже будучи при смерти. Именно для этого Вут призвал меня обратно. Но мне отпущено немного времени, чтобы сделать намеченное. Я должен спешить, пока мое тело подчиняется мне. Для выполнения своей миссии я должен быть совершенно свободен, сейчас мне не до расследований и доказательств. Я прошу тебя помочь мне получить свободу, ибо если даже на боевых товарищей нельзя положиться, то есть ли вообще справедливость в этом мире?

— Истинные слова, мой командор. Ты можешь положиться на нас, — твердо ответил Вамадж. Зианта внимательно всматривалась в его лицо. Похоже, Туран нашел преданного сторонника.

— Так вот, мне нужна помощь. Слушай, что мне нужно. Я рассказывал тебе о моем путешествии на остров, поднявшийся из моря...

— Да, я помню, мой командор. Ты еще хотел снарядить корабль и отправиться туда на поиски сокровищ, но грянул мятеж в горах. Но что ты хочешь сейчас?

— Там, на острове, я нашел одну... вещь, которая может дать мне защиту...

— Лорд командор, ты бредишь? Или... — Вамадж повернулся к Зианте и уставился на нее с подозрением. — Нет ли доли правды в речах высшего консорта? Похоже, эта распутная девка действительно околдовала тебя. Разве можно найти в далеком море что-то, способное помочь тебе сейчас?

— Не беспокойся, Вамадж, я не сошел с ума. Именно море хранило нечто древнее и могущественное, и колдовство здесь абсолютно ни при чем. Я нашел это до того, как Винтра вошла в мою жизнь.

— Камень! Тот, что ты привез тогда и приказал вделать в погребальный убор! Ты не хотел, чтобы им владел кто-нибудь, кроме тебя...

— Именно так. Как ты думаешь, что помогло леди Винтре оживить меня и доставить сюда? Этот камень из глубочайшей древности, когда люди обладали неслыханными способностями. Вспомни старинные легенды и преданья!

— Всего лишь сказки для детей и простаков! Чудеса, о которых повествуют легенды, человек делает теперь с помощью техники, не упоая на сверхъестественные силы. Может ли кто летать, не имея крыльев?

— Возможно, раньше могли. На том острове есть вещи, таящие такое могущество, какое даже невозможно представить. Я тоже думал, что найденный там камень — сокровище для глаза, а он оказался сокровищем для разума. Если к нему присоединить то, что я надеюсь отыскать на острове, я получу оружие и защиту от любых козней. Всего лишь одно из сокровищ острова помогло мне победить смерть и вернуться в мир живых.

— Но как ты попадешь на остров?

— Я рассчитываю, что мне поможешь ты и тот парень из Скарка. Вы подготовите для меня и этой леди, поскольку она тоже причастна к этой тайне...

Вамадж действовал со стремительностью, которую в нем трудно было предугадать. Только обостренная интуиция спасла Зианту от луча спрятанного в рукаве миниатюрного оружия. Девушка бросилась на пол плашмя, а в стене, возле которой она стояла, задымилось обугленное отверстие.

— Вамадж! — Туран вскочил на ноги. — Что ты делаешь?

— Это колдунья, лорд командор. Если ты хоть в малейшей степени зависишь от нее, она должна погибнуть.

— И я погибну вместе с ней. Вот чего ты достигнешь, Вамадж, если убьешь ее. Я же сказал, что лишь благодаря ей ко мне вернулась жизнь. Без ее помощи я снова умру.

— Это колдовство, лорд командор. Отдайся в руки жрецов, они избавят тебя от чар...

Не поднимаясь с пола, Зианта послала сильный импульс энергии. Голос Вамаджа внезапно затих, руки безвольно повисли, лазер выпал из разжавшихся пальцев. Девушка быстро схватила оружие. Управлять им оказалось несложно: целясь и нажимая гашетку.

«Тебе не следовало быть с ним настолько откровенным», — мысленно укорила она компаньона.

«Он нам необходим. Иначе мы будем делать один промах за другим и в итоге провалим весь наш план».

По мнению Зианты, один промах они уже сделали. Но ей ничего не оставалось, как согласиться с Тураном. Достаточно ли трезво оценивает он обстановку? Быть может, работа о теле отнимает все силы и рассудок компаньона затуманен? Не настало ли время ей взять руководство на себя?

Она неохотно сняла мыслительный замок, обездвигивший Вамаджа. Он растерянно потряс головой, словно оглушенный ударом в темя. Когда он полностью пришел в себя, Зианта положила лазер возле Турана.

— Смотри, человек Сингакока. — Ее голос был резок и груб, это говорила Винтра, предводительница повстанцев. — Я безоружна, а твое оружие лежит на скамье. Подумай: будь я твоим врагом, выпустила бы я его из рук? Да, я

ненавижу Сингакок. Но когда мы с Тураном были в гробнице, появилось нечто, что связало нас сильнее кровных уз и что гораздо выше былой вражды. Бери свое оружие, и если по-прежнему не веришь мне — стреляй.

«Если я слишком самонадеянна, — подумала Зианта, — остается уповать, что Туран успеет остановить его».

Но Вамадж, взвесив на ладони лазер, молча спрятал его в рукав.

— Она не лжет, — сказал Туран. — Безоружная, в стане врагов, эта женщина говорит правду.

Вамадж недовольно нахмурился:

— Ты слишком доверчив, лорд командор. Это всего лишь какая-то новая уловка мятежников.

— Чушь! Сейчас Винтра не имеет никакого отношения к своим соплеменникам.

— Ты хотел бы клятвы на алтаре Вута? — спросила Зианта. — Но меня с Тураном связали более прочные узы. Не зря я провела в гробнице долгие часы, пока не открылась дверь для души. Думаешь, кто-то может пройти через все это и не измениться? Теперь я принадлежу лорду командору и буду помогать ему, пока его миссия не завершится.

Вамадж переводил взгляд с военачальника на девушку.

— С самой битвы при Ллимурском заливе я был рядом с тобой, лорд командор. Я добровольно присягал на верность тебе. И сейчас готов делать то, что ты прикажешь...

Не слишком ли быстро сдался этот воин? Зианта запустила мысленный зонд. Как бы ни расплывчаты были для нее картины, рождаемые в чужом сознании, отличить врага от друга она могла безошибочно. Нет, этот человек не вел двойной игры.

Туран был немногословен.

— Мне нужен летательный аппарат и тот молодой воин в качестве проводника. Времени в обрез, я должен лететь уже нынче вечером.

— Это сложное дело, командор...

— А разве я сказал, что это просто? Но мне это необходимо! — В голосе Турана зазвенел металл. — Если мы не отправимся сейчас же, будет поздно!

— Я понял. — Вамадж засуетился. Он приоткрыл потайную дверь и, втащив в комнату ящик, извлек оттуда длинные плащи с капюшонами, без каких-либо знаков различия.

Часть пути по дворцу они собирались проделать по личному коридору Турана, где не могло быть никого постороннего. Вамадж ушел вперед, проверь, свободен ли дальнейший путь к выходу.

— Ты ему доверяешь? — спросила девушка, когда воин удалился. — Он может сделать что-нибудь, сочтя это полезным для тебя, даже вопреки твоему приказу. Ведь он считает Винтру коварным врагом и вряд ли способен проникнуться ко мне дружелюбием.

— Да, полностью положиться на него нельзя. Но придется рискнуть, другого выхода из этой ловушки для нас попросту нет. Если преданность возьмет в нем верх над подозрительностью — мы выиграем. А если он что-то задумает, мы сможем прочесть об этом в его мыслях. Хотя, конечно, полностью читать их мысли нам не дано.

Вамадж не был предателем. Он благополучно вывел их из дворца через боковой выход, у которого уже стояла наготове машина.

— Тот солдат ждет нас в аэропорту, лорд командор. Но перед этим нам предстоит проехать полгорода. Всякое может случиться по дороге...

— Поехали, — оборвал его Туран. — Выбора у нас все равно нет.

Вамадж сам сел за руль машины, которая оказалась меньше той, что доставила их ночью во дворец. Зианта оказалась тесно прижатой на сиденье к Турану. Она то и дело посылала мысленные импульсы сидящему перед ней водителю, на тот случай, если воин задумает уклониться от выполнения приказа. Поездка предстоит длительная, и этот контроль отнимет у нее немало сил. Туран не помогал ей, снова отгородившись барьером от всего окружающего, потому что всю волю он сосредоточил сейчас на поддержании сил в своем мертвом теле.

Глава 10

Сейчас Зианте следовало бы во все глаза разглядывать проплывающий за окнами машины Сингакок. Вокруг нее было то, чего не могли описать даже закатане, — цивилизация предтеч. Но все ее мысли были сосредоточены на бегстве, все силы — на контроле за Вамаджем.

Пока он оправдывал доверие Турана. Машина мчалась сначала по тихим улочкам, затем по оживленным магистралям центральной части города. Даже если их побег уже обнаружен, признаков преследования пока не видно.

Они свернули в боковую улицу, затем сделали новый поворот, еще один... Зианта не обладала развитым чувством направления, а память Винтры не содержала данных об этом городе. Оставалось только гадать, верен ли избранный их водителем маршрут.

Покружив по улицам, Вамадж направился к площадке, где стояло множество машин. Проехав мимо стоянки, их машина затормозила у большого, сияющего огнями здания. За ним раскинулось огромное поле, залитое светом мощных прожекторов. Вот на одну из освещенных полос вырулил самолет, ничем не напоминающий знакомые ей флиттеры, набрал скорость и взмыл в воздух. Судя по всему, не мог оторваться от земли без разбега.

При виде летящего самолета сердце девушки сжалось — это заговорила память Винтры. В сознании Зианты замелькали жуткие картины: с таких вот самолетов летят на жилища людей какие-то предметы. Они взрываются при падении, сея вокруг огонь, страдания и смерть...

Умел ли Туран управлять самолетом? На мысленный запрос он ответил, что дело это непростое, требующее длительного обучения и постоянной тренировки. Да, самолет — не флиттер, где все автоматизировано, а нажимать кнопки на пульте управления по силам и подростку. Что же им делать? Умеет ли управлять Вамадж? Или Туран намерен подчинить себе волю кого-то из здешних пилотов и заставить его вести машину? Но ведь удерживать такого человека в подчинении долгое время невозможно...

Вамадж продолжал везти их. Обозначенная цепочкой огней дорога привела их к небольшому самолету, и они остановились. Вамадж погасил фары, высунулся в окно и тихо окликнул:

— Дорамус Су Гантел?

— К вашим услугам, командор, — последовал столь же негромкий ответ.

— Все хорошо. — Туран впервые открыл рот с момента выезда из дворца. — Спасибо тебе, боевой товарищ.

— Я выполнил твою просьбу, все еще не уверен, правильно ли поступил. — В голосе Вамаджа звучали усталость и тревога. — Зачем ты все это затеял? Я не понимаю. — Он обернулся к Зианте: — Лорд командор, эта женщина — твой смертельный враг. Она поклялась перед верховным вождем Бенгарила, что принесет твою голову, насажанную на кол. А теперь...

— А теперь, — перебил Туран, — она по воле Вута служит мне так, как не может служить кто-либо иной. Вспомни, Вамадж, откуда она помогла мне вернуться. Сделала бы она это, если бы желала моей смерти?

— Высший консорт уверена, что это колдовство...

— У нее свой интерес, ты должен понимать это. Ты же сам предупреждал меня, что она полна решимости покончить со мной. Поверь, когда я вернусь, все, что тебе сейчас непонятно, будет объяснено. Но если я останусь сейчас между жрецами и высшим консортом, то меня ждет неминуемое возвращение туда, откуда я вырвался благодаря милости Вута.

— Я не должен сомневаться в твоих словах, мой командор, — произнес Вамадж с тяжким вздохом. — Но неужели нет какого-то другого варианта?

— Такого, чтобы спасти меня, — нет. И то, что я хочу сделать, требует спешности. Чем больше я теряю времени, тем меньше шансов на успех...

Он открыл дверцу и сделал Зианте знак выходить из машины. К ним приблизился запомнившийся по ночной поездке молодой солдат:

— К твоим услугам, лорд командор. Приказывай.

— Летим на южное побережье. Там нужно найти безлюдное местечко, подальше от посторонних глаз. Ты сможешь вести самолет?

— Я часто водил личный аэроплан отца. Но на маленьком разведчике мне летать не приходилось.

Туран ободряюще похлопал солдата по спине:

— Ты быстро освоишься. Не будем терять времени, боевой товарищ.

Он повернулся к Вамаджу:

— Я никогда не забуду того, что ты сделал для нас в этот вечер. Ты спас или, во всяком случае, продлил мне жизнь. Я навечно твой должник.

— Позволь мне лететь с тобой, лорд командор.

— Ты останешься здесь и будешь прикрывать тылы. Это очень нелегкая боевая задача, но я прошу тебя сделать это.

— Будь спокоен, командор. Я буду верен тебе, что бы ни случилось. И береги себя. — Произнося это напутствие, воин кинул красноречивый взгляд на Зианту.

По шаткой лесенке они забрались в кабину. Солдат включил двигатель, самолет развернулся и побежал по взлетной дорожке. Зианта решила, что в машине какая-то неисправность — ей показалось, что они мучительно долго не могли подняться в воздух.

Но вот их последний раз тряхнуло, и девушка почувствовала, что они наконец взлетели. Машина дрожала, то и дело проваливаясь в воздушные ямы. Неприятные ощущения усилились, когда у обоих вдруг заложило уши. Да, воздушный транспорт древних рас по комфортабельности явно уступал флиттерам ее времени.

— Хорошо хоть, что маленьким самолетам не требуется специального разрешения на вылет. А то бы...

— А то бы, — подхватил Туран слова солдата, — нам пришлось сочинить какую-нибудь правдоподобную историю. Сейчас главное не это, а наш дальнейший маршрут. От него зависит очень многое. Нужно сесть как можно ближе к морю. Нам нужно найти источник могущества на затерянном среди моря острове. Найти его поможет один...

одна... — Туран в замешательстве умолк, затем скороговоркой закончил: — В общем, от успеха поисков зависит будущее.

Он не сказал, чье именно будущее. Зианта усмехнулась в темноте тесной кабины. Авторитет Турана — настоящего Турана — был огромен, если он сумел заставить этих двоих слепо повиноваться себе. Правда, сомнения Вамаджа так и не развеялись. А этот молодой солдат? Зианта знала, что сможет в случае чего удержать его под контролем.

— Около побережья, лорд командор, Плато Ксута, — заговорил солдат. — У этого места дурная слава, и там мало кто бывает. Так повелось еще со времен гибели командора Рольфри. Хотя, конечно, все это только выдумки темных крестьян...

Выдумки крестьян? Зианта уловила в сознании солдата тревогу: он и сам втайне верил, что на Плато существует некая таинственная опасность. Если Туран и почувствовал настроение их проводника, то никак не отреагировал на это и коротко приказал:

— Ксут и есть наша цель. Ты сможешь доставить нас туда?

— Полагаю, что смогу, лорд командор.

— Вот и хорошо. — Туран наклонился вперед, внимательно присматриваясь к манипуляциям пилота. Судя по всему, он пытался понять принцип управления древней машиной. Если бы все нужные знания можно было бы извлечь из мозга этого человека, задача несравненно упростилась бы. Но... образы, рождающиеся в чужом сознании, воспринимались очень нечетко. Тогда Зианта настроилась на волну своего компаньона и начала сообщать ему дополнительную энергию.

Они сидели молча. Вероятно, солдат решил, что его пассажиры задремали. Несколько раз в иллюминаторах появлялись огни встречных самолетов, но никаких признаков преследования не наблюдалось. Тем не менее Зианту не оставляли сомнения: не верилось, чтобы высший консорт так запросто упустила их!

Ночное небо посерело, близился рассвет. Над горизонтом показался краешек восходящего солнца. Молчавший несколько долгих часов пилот тихо проговорил:

— Море, лорд командор. Теперь заходим на Ксут.

Туран не отозвался. Зианта с беспокойством повернулась к нему. При солнечном свете он выглядел смертельно истощенным. Сможет ли он выдержать? Похоже, силы компаньона на исходе. Она почувствовала, как страх леденит ее тело.

— Ксут, лорд командор. Я попытаюсь сесть вот на этом сравнительно ровном участке.

Когда нос самолета наклонился и начался спуск, Зианта зажмурилась. По сравнению с посадкой на флиттере это казалось падением. Машина стремительно неслась навстречу нагромождениям острых скал, и девушке оставалось лишь надеяться на искусство пилота и милость провидения.

Машина запрыгала по каменистой почве, их отчаянно швыряло и подбрасывало. Один особенно сильный толчок выбросил ее из кресла. Лежа на полу, Зианта услышала стон и взглянула на Турана. Лицо его стало землисто-серым, он с трудом глотал воздух широко открытым ртом. Пилот сцепился в штурвал, маневрируя среди каменных глыб.

Наконец они остановились, надсадный рев двигателя стих. Солдат облегченно выдохнул:

— Судьба благосклонна к нам, лорд командор.

Зианта огляделась. Утреннее солнце играло на вершине утеса, возле которого они остановились. Среди скал гулял легкий ветерок, до них доносился шум прибоя.

Море оказалось не так близко, как ей подумалось сначала. Их самолет приземлился на узкой полосе, стиснутой с обеих сторон высокими скалами.

Гористая возвышенность была лишена всякой растительности и являла собой весьма мрачный пейзаж: на серовато-красном с прожилками фоне громоздились тут и там неестественно черные камни. Вдруг мозг Зианты поразила болезненная вспышка, заставившая девушку вскрикнуть. Она словно погрузилась туда, в эту почву, из которой торчали черные глыбы камней.

— Ветер... в камнях... — не произнес, а скорее прошеле-стел Туран.

Зианта внимательно осмотрелась, пытаясь определить, что именно вызвало у нее такую острую реакцию. Невольно всплыл в памяти страх, который солдат связывал с этой местностью. Она ощущала присутствие прошлого — чуждого, враждебного, не совместимого с жизненной энергией. Это не просто камни — это чужие камни, оказавшиеся здесь по чьей-то воле. Руины давным-давно исчезнувшего города? Замка? Зианта не хотела ничего знать об этом....

Над волнами проносились птицы с ярко-желтым оперением, но ни одна из них не подлетала сюда, словно все живое сторонилось Ксута. Девушка обратилась к памяти Винтры и получила тревожный ответ. Да, северяне знают о Ксуте, но только по древним легендам. Это темное место, где в далеком прошлом произошло нечто, изменившее весь порядок в мире, породившее социальные болезни, которые поражают народы и по сию пору, становясь причиной многих мятежей, в том числе и недавнего восстания.

Она начала мысленный поиск. Даже сейчас, через толщу веков, остатки древнего города излучали зло и беду. Сможет ли она выполнить намеченное, если каждый камень здесь является ее врагом, врагом всего живого...

Зианта направилась к кромке берега, стараясь не касаться черных глыб. Она ступила на источенную волнами поверхность, оказавшуюся остатками древней дамбы, воздвигнутой в полосе прибоя. Водяные валы один за другим накатывались и с грохотом разбивались об это сооружение. Нигде ни клочка песчаного берега, лишь торчащие из воды сглаженные временем камни...

Но эти камни, материал уступа, на котором она стояла, не несли зловещего излучения, как те черные глыбы на суше. Значит, здесь единственное место, откуда она может без помех заняться мысленным поиском в раскинувшемся до самого горизонта море. Отсюда придется ей сделать попытку, ради которой они прилетели в этот угрюмый край.

«Начну отсюда, — передала она Турану. — Там слишком много древнего зла, я должна быть свободной от их излучения».

«Я иду...»

Она повернулась. Он двигался медленно, настороженно, будто контролируя каждое движение своего тела, не надеясь на природные инстинкты. Он сделал пилоту знак, приказывая остаться возле самолета, и подошел к девушке. Его голова была высоко поднята, взгляд ясен и тверд.

— Ты готова?

— Насколько это вообще возможно.

Она решила это сделать, хотя в данную минуту ей до боли захотелось отступить, отказаться от их плана. Она один раз уже попробовала использовать фокусирующий камень и из-за этой попытки попала в чужой мир. Что ждет ее на этот раз? Не застрянет ли она снова в каком-нибудь неизмеримо далеком времени? Она с опаской взяла камень в руки, но, прежде чем начать смотреть в него, обратилась к Турану:

— Держи меня. Не дай мне потеряться там. Ведь тогда ни ты, ни я...

— Да, это опасно для нас обоих. Не беспокойся и начинай, я сделаю все, что нужно.

— Что ж, тогда... — Она стиснула камень в ладонях, поднесла его ко лбу...

Море, шум моря... Яростного, разгневанного... Готового поглотить все! Удары волн отдаются в стенах, сотрясают башню, в которой она находится. Ярость моря направлена против Норноха. Выстоят ли стены против такого шторма? Или против следующего, против того, что придет за следующим...

Зианта... Кто такая Зианта? Только звук, неясный проблеск в памяти, который никак не ухватить, он исчезает, тает и забывается, как сон при пробуждении. Д'Эйри!

— Д'Эйри! — Она произнесла свое собственное имя, чтобы придать себе уверенности перед тем, что ей предстоит.

Она растерянно подняла руки, поднесла к глазам... Где? Где то, что она должна держать? Ищи! На полу — смотри!.. Страх потерять что-то сжал сердце. Она упала на колени, шаря, словно слепая, руками по толстому ковру.

Каждое движение тела отзывалось звоном полированных раковин, из которых была сделана ее юбка. Тонкая, почти прозрачная рубашка едва прикрывала маленькую грудь. А кожа... зеленая — нет, голубоватая — или золотая... Цвета менялись, потому что все ее тело покрыто чешуей, переливающейся, словно множество драгоценных камней.

Она — Д'Эйри, Хранительница Глаз. Глаза!

Она прекратила свои бесполезные поиски на полу. Это было глупо — забыть, где могут быть глаза. Разумеется, только там, где находились постоянно с тех пор, как на нее пал выбор и она сделалась тем, что есть сейчас. Она подняла руку и нащупала на голове обруч с прикрепленными к нему двумя камнями. Она не видела, а только чувствовала их — на лбу, возле висков, где они и были всегда. Почему ей взбрело в голову, что они исчезли?

Она Д'Эйри, и в то же время...

Д'Эйри... А Зианта? Она не могла не знать, что она и Д'Эйри, и Зианта! Память будто вспыхнула огнем, нахлынула потоком, очистила мозг. Она с удивлением огляделась.

Стены овальной комнаты гладкие и флюоресцирующие, словно внутренняя поверхность огромной раковины. Пол устлан ярко-красным пружинистым, как живое существо, ковром. Вместо окон — две узкие длинные щели. Зианта заглянула в одну из них. Зианта? Нет — она Д'Эйри, этого требовали Глаза. Она вцепилась руками в обруч, пытаясь стянуть его с головы. Но он плотно обхватывал жесткие, как водоросли, волосы, она не смогла сдвинуть его. Но ей необходимо быть Зиантой, чтобы узнать, где находится Норнох.

Она продолжала стоять возле узкого окна, через которое ей в лицо то и дело попадали соленые брызги. Там, снаружи, были другие такие же башни, и в них другие так же, как она, охраняли Норнох.

Море наступало, как оно наступало на эту страну уже много веков. Ее народ сдерживал натиск моря, отгородившись от него, возведя Три Стены. Стоит им рухнуть, и море опять проглотит эту страну, а ее жители станут тем, чем были когда-то: копошащимися в вонючей тине безмозглыми существами. Этого нельзя допускать! Норнох охраняют Глаза — шесть Глаз и те, кто их носит, по одному на каждую из трех стен...

Она подставила лицо соленым брызгам, пытаясь успокоиться. Нужно сосредоточиться, собрать все силы — и данные ей от рождения, и приобретенные настойчивой тренировкой. Она должна направить их на выполнение своей обязанности — не дать стенам пасть под натиском волн, защитить ее народ от всепожирающего моря.

Стены... Их построили лурловы из собственных выделений. Многие века палец за пальцем, ладонь за ладонью росли стены вокруг Норноха, и все это время его жители кормили лурлов, ухаживали за этими существами, создающими для людей защиту от моря.

Надо заставлять лурлов работать... заставлять... заставлять... заставлять! Она уже не Д'Эйри — она воля, она сила, побуждающая лурлов, когда те только начинают сонно ворочаться. Ну же, шевелитесь! Медленно, ах как медленно они действуют! И все же... большего темпа от них не добиться...

Выделяй, строй, укрепляй... Двигайся, торопись, иначе волны снова превратят мой народ в ничто. Глаза, помогите! Направьте энергию на лурлов, заставьте их работать, работать...

Проклятые твари! Почему так медленно? Быть может, прав Д'Фани? Он говорит, что это кара за то, что народ забыл древние обычаи и больше не делает жертвоприношений? Не думай сейчас об этом, не отвлекайся. Все мысли, всю волю — на главное, на лурлов, чтобы эти неповоротливые слизняки безостановочно ползали взад и вперед вдоль стен, оставляя за собой слой пены. Она затвердевает на воздухе, укрепляя защиту Трех Стен и башен Хранительниц Глаз.

Просыпайтесь, лурлы! Двигайтесь! Старайтесь — ради спасения Норноха!

Что делать? Мне не справиться с ними, они еще более медлительны и неуклюжи, чем обычно... Я вижу это посредством Глаз, вижу, что их толстые тела едва ворочаются. А двое вовсе упали и скатились к подножию стены...

Проснитесь, сейчас не время спать! Шторм крепнет. Я чувствую, как шатается башня под его натиском. Проснись — выделяй — строй — укрепляй! Ну же, лурлы! Она уже не шепчет — она кричит во весь голос:

— Лурлы-и-и!..

Рев моря постепенно стихает, ярость шторма проходит. Видимо, Д'Фани преувеличивал: это не самый страшный шторм. Она справилась, все страхи позади...

— Зианта!

Где окно, через которое она только что смотрела? Где башня? Перед ней море, над которым с криками носятся желтые птицы. А перед ней, положив руки ей на плечи, будто сейчас вытащил этими вот руками ее оттуда, где она была, — перед ней стоит Туран.

Она отвела его руки, повернулась спиной к морю и стала смотреть на камни, бывшие когда-то Норнохом, его башнями и тремя защитными стенами.

«Стены, — всколыхнулось в сознании. — Лурлы не должны спать, иначе... Нет, все это давно прошло. Давно... когда же? Сколько веков минуло с тех пор?»

Она не знала, могла только предположить, что Д'Эйри и Винтру разделяет не меньше веков, чем между Винтрой и Зиантой. Цивилизация, развившаяся в море, люди с чешуей вместо кожи... Какая пропасть лет! Разум не в состоянии измерить ее...

Теперь Зианта понимала, где находится, вернее — когда-то находился Норнох. Она протянула руку и указала:

— Вон там. На суше или под водой, но искать нужно там!

На нее обрушилась слабость, как всегда после глубокого транса. Она обвисла на руках Турана, который повел ее к самолету.

Завидев их, навстречу выскочил из кабины солдат. Его лицо выражало тревогу.

— Лорд командор, мы перехватили радиосообщение. В сообщении использовался Эс-код...

Ни память Винтры, ни сознание Турана не могли подсказать им, что такое Эс-код и для чего он служит. Зианта прибегла к памяти солдата и, получив ответ, тихо объяснила Турану:

— Военный код для сверхсекретной информации.

— Повстанцы?.. — начал Туран.

Но солдат замотал головой:

— Охотятся за тобой, лорд командор. Отдан приказ немедленно умертвить тебя!

— Зуха решила идти до конца, — прокомментировала Зианта.

— Не имеет значения, только время — наш истинный враг, — отмахнулся Туран. — Боевой друг, — обратился он к солдату, — теперь нам нужно расстаться. Спасибо тебе за все. Ты даже не представляешь, какую службу сослужил своему командору. Но дальше мы должны лететь одни...

— Куда бы вы ни отправились, я с вами, лорд командор, — твердо сказал юноша.

— Только не в Норнох... — невольно вырвалось у Зианты.

— Норнох? — встрепенулся солдат и сжался, словно его ошеломило это. — Что вы знаете о Норнохе?

— Там находится то, что мы ищем, — пожала плечами Зианта.

— Лорд командор, не верьте ей! Норнох — это просто сказки, рыбаки пугают ими своих детей. Сказки про город людей-рыб... Это всего лишь легенды, кошмарные сны...

— Что ж, тогда будем искать во сне, — усмехнулась девушка.

— Лорд командор, — в отчаянии заговорил пилот, заслоня спиной дверцу кабины, — воистину, эта ведьма околдовала вас! Не позволяйте ей вести себя к гибели!

Переборов усталость, Зианта была вынуждена прибегнуть к единственному своему оружию: сконцентрировав психическую энергию, она метнула ее в пилота, словно

копье. Солдат пошатнулся, схватился руками за голову и беспомощно рухнул на землю недалеко от тени самолета.

— Плохо, конечно, — развела руками Зианта, — но ничего другого не оставалось.

— Я знаю, — сказал Туран монотонным, тусклым голосом. — Нужно улететь прежде, чем он очнется. Его нельзя брать с собой. Ты точно определила направление?

— Уверена, — просто ответила девушка, забираясь следом за ним в кабину.

Глава 11

Зианте хотелось зажмуриться, когда двигатель взревел, а нос вибрирующего самолета развернулся к морю. Сможет ли Туран поднять машину в воздух? Достаточно ли он узнал, сидя рядом с пилотом, чтобы вести полет, или их ждет гибель в ненасытной морской пучине? Первый вылет новоявленного авиатора может стать и последним. Но вот они над водой, лишь чуть не задевая волны. Турану удалось выровнять самолет, поднять его выше. На лице его страшное напряжение — словно тяжелый аэроплан держится в воздухе только усилием его воли.

Она сжимала в руке фокусирующий камень, ощущая его силу, его притяжение. Отыщут ли они второй Глаз? Вдруг он находится глубоко под водой, откуда им никогда не извлечь его?

Зианта сосредоточилась на камне, стараясь в то же время не потерять контроль над собой, чтобы не погрузиться в транс. Балансировать на тонкой грани между фокусированием и трансом было нелегко, эта игра изнуряла ее. Истощались и физические силы: мучили голод и жажда, клонило ко сну. Но она старалась отвлечься от всего этого, используя приемы, которым обучил ее Оган. Он внушал, что тело — лишь инструмент и нельзя допускать, чтобы потребности плоти одержали верх над разумом и волей.

Сколько им лететь? Это было жизненно важно: небольшой самолет может оказаться не приспособленным для дальних перелетов. Кончится горючее — и тогда...

Зианта заблокировала сознание, отключилась от Турана, полностью сосредоточилась на маршруте, став частью путевого кристалла, ведущего их к цели.

Время для нее остановилось. Но по мере удаления от берега незримые нити, связывающие ее с камнем, становятся крепче, ошутимее. Камень в руке начал излучать тепло. Яркость его свечения увеличилась, иногда он вспыхивал, в ее руке будто появилось некое устройство для связи.

— Камень! — Она произнесла это вслух, чтобы не помешать мыслепередачей сосредоточенности Турана. — Он ожил!

— Значит, мы где-то рядом, — тихо, почти шепотом, ответил Туран.

Но если двойник ее камня в глубинах океана...

Она боялась подумать о таком исходе. Прикинув к иллюминатору, девушка пыталась разглядеть, что впереди. Солнце мешало смотреть, било в глаза, и все же... Какой-то силуэт возвышается там, над водой.

— Туран, остров!

Он заложил вираж, самолет сделал круг. Все, что она видела внизу, — острые пики скал, лишенные всякой растительности. Как же им садиться? Для флиттера оказалось бы достаточно маленькой площадки. Но летательным механизмам этого мира необходимо значительное пространство для взлета и посадки.

Туран продолжал кружить над клочком суши, глядя вниз.

— Остров больше, чем я думал. Или рассказы о нем неточны, или с момента своего появления он еще больше выступил из воды.

— Смотри! — закричала Зианта. — Вон туда, на юг!

От утесов прямо в бушующее море тянулся мол, сложенный из огромных каменных плит. Волны бились о них, оставляя шапки пены. Это выглядело как огромный пирс, к которому могло причалить много больших кораблей.

— Ты сумеешь сесть на эту полосу?

— У нас нет выбора — придется попробовать, — последовал еле слышный ответ.

Туран изнемогал от напряжения, он был уже готов садиться куда угодно.

Опять Зианта зажмурилась, когда колеса коснулись камней и запрыгали по мокрой полосе. Судя по тряске и толчкам, плиты были не так гладко пригнаны друг к другу, как казалось сверху.

Но вот мотор замолк, они остановились. Девушка осторожно выглянула в иллюминатор, но ничего не увидела: его весь покрывали водные брызги. Тогда она открыла дверцу. Самолет затормозил у самой воды, но, так или иначе, они были в безопасности — не разбились о камни и не скатились в морскую пучину.

— Туран!

Молчание. Зианта посмотрела: он неподвижно сидел, откинувшись на сиденье. Она потрясла его за плечо:

— Туран!

Медленно, словно преодолевая сильную боль, он повернул голову. В поблекших глазах была смерть.

— Я больше не в состоянии держать тело. Помоги, открой сознание!

Зианту охватил страх. Опустив фокусирующий камень на колени, чтобы его излучение не было помехой, она обхватила руками голову Турана, словно книгу, которую ей необходимо прочесть во имя спасения собственной жизни.

Информация перетекала в ее сознание — все, что ее товарищ узнал от солдата. Он передавал ей инструкции — как действовать здесь, как улететь отсюда, завершив все назначенное. Когда он закончил передачу, она закричала:

— Держись! Ты обязан держаться. Если ты не сможешь, то...

Тогда они останутся здесь навсегда. О, это хуже смерти! Смерть... Может быть, она отпустит его, получив назад тело, которое ему так и не удалось полностью оживить? Этого девушка не знала... Но зато знала то, что не должна позволить ему умереть. Значит, ей надо найти ключ и к их возвращению, и к его оживлению.

Зианта склонилась над телом, в котором угасала жизнь, и инстинктивно попыталась вдохнуть в него жизнь тем

способом, который был известен ее народу с древних времен, когда никто даже не подозревал о существовании психической энергии. Ее губы коснулись помертвевших губ Турана. Она хотела, чтобы ее жизненная сила передалась таким путем к нему.

«Держись!»

Но у нее было очень мало времени, нужно скорее действовать! Она выпрыгнула из кабины, прижала к груди камень и двинулась вдоль скользких плит. С воздуха этот путь представлялся короче. Самолет стоял примерно на середине полосы, и ей предстояло немало пройти до самого острова.

Этот пирс, конечно, был делом чьих-то рук, а не слепой природы. Но, пробыв долгое время под водой, плиты обросли раковинами и тиной, в трещинах пустили корни причудливые водоросли, зловонные остатки которых догнивали теперь под ногами. Ее еще раз поразили исполинские размеры каменных глыб, так плотно пригнанных друг к другу, что даже века не смогли их разделить.

Зов фокусирующего камня стал настолько сильным, что она увлекла девушку вперед, словно тащил за веревку. Где-то там, впереди, второй конец незримой нити — двойник этого кристалла. Но как отыскать его в этом беспорядочном нагромождении камней?

Путь по пирсу привел к какой-то груде камней, напоминающей руины древнего сооружения, но фокусирующий камень тянул дальше, прямо, и пришлось искать дорогу среди этих обломков. Скоро легкое одеяние Зианты порвалось в нескольких местах, колени были исцарапаны и покрыты ссадинами, ногти сломаны, а ладонь порезана о край раковины. Но она все лезла вперед, пока не взобралась на вершину этих руин. И здесь...

Невидимая веревка продолжала тянуть, но дальше дороги не было. Часть какого-то древнего сооружения здесь оказалась совершенно целой. Перед ней высились отвесные стены. Они были абсолютно гладкими — тщетно искали ее окровавленные пальцы хоть какую-то выбоину или трещину. Но она чувствовала: там, за стеной, находится то,

за чем они летели сюда. Руками тут ничего не сделаешь. Может, в самолете есть какой-нибудь инструмент, с помощью которого она пробьется через монолит? Хотя вряд ли: эти стены много веков выдерживали сокрушительный натиск волн, разбить их почти невозможно.

Остается один путь — тем более опасный, что теперь у нее нет поддержки компаньона. Звать его сюда — значит убить окончательно. Но ей придется пойти на этот шаг, иначе они останутся здесь навеки. Как истинная дочь своего народа, она не могла примириться со смертью — она решила бороться за жизнь до конца. Успокоив дыхание, Зианта поднесла фокусирующий камень ко лбу...

Она снова в овальной комнате. Тяжесть головного обруча, прикосновение Глаз ко лбу, тяжесть во всем теле от изнурения... Вся комната пропитана страхом — ее боязнью того, что призраки задушат ее.

Шторм... Она выдержала его, заставила лурлов работать, укреплять стену — но какими усилиями! Они не хотели подчиняться, они... они сопротивлялись ее воле, воле Глаз! Тяжело дыша, Д'Эйри пыталась понять, что это значит. Неужели ее могущество, ее дар стали слабее? Она не могла поверить, что наступил роковой час, когда...

Нет! Еще не время! Ее срок еще не пришел, она не стара и бессильна! Просто этот шторм был слишком силен, сильнее всех, какие она помнит. И лурлы... они устали. Конечно же, устали. Это не ее слабость виновата, нет! Она прижала к бокам юбку из ракушек, оглядывая свое обтекаемое чешуйчатое тело. Нет, еще не настала пора отказаться от Глаз и сделать после этого необходимый и жестокий шаг.

Д'Эйри выглянула в щель окна. Волны стали гораздо меньше, но и сейчас море было голодным и злым под низкими зловещими облаками. Если Д'Онги рассчитал верно...

Слабый звук за спиной заставил ее обернуться. В дверях стояла женщина — тонкая и хрупкая. Лицо обрамляли густые жесткие волосы темно-зеленого цвета — цвета юности. Обнаженное тело блестело после недавнего погружения в воду, щели шейных жабр еще не полностью закрылись.

— Приветствую Глаза. — Эту ритуальную фразу вошедшая произнесла с нескрываемой насмешкой. — После шторма нам удалось собрать славный урожай, на берег выброшено много интересного. И еще: Д'Хуна заявила, что больше не в силах управлять Глазами.

Все это время она не отрывала от Д'Эйри пристального взгляда, в котором горели жестокость и алчность.

«Я понимаю тебя, Д'Атея, — подумала Хранительница Глаз, — что ты страстно мечтаешь, чтобы и я отказалась от непосильной нагрузки. Д'Эйри с трудом удержалась, чтобы не коснуться рукой головного обруча. С тех пор как Глаза были доверены мне, ты затаила на меня злобу. И все эти годы шпионишь за мной, выжидаешь момент, когда твоя сестра сможет занять мое место. Но Д'Хуна... О море! Ведь она на пять лет моложе меня, а уже истошила свой дар... К тому же в Норнохе у меня нет друзей, а многие откровенно меня недолюбливают. Да, я замкнута, не люблю общества — такова уж моя натура, мне ее не изменить. Но теперь... Если поднимется вопрос о Глазах — кто встанет на мою защиту?»

— Д'Хуна хорошо служила Глазам. — Д'Эйри внимательно следила за своим голосом, чтобы не выдать смятения, вызванного сообщением Д'Атеи.

— Ты так считаешь? По мнению многих, могла бы служить и получше. — Острый язычок дерзкой девчонки быстро облизнул губы, словно смакуя что-то очень вкусное. Затем Д'Атея добавила, как о чем-то незначительном: — Собирается Совет...

Д'Эйри почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Усилием воли она вернула самообладание, надеясь, что для собеседницы этот приступ слабости прошел незамеченным.

— Но... это же против обычаев. Никто не имеет права решать судьбу хранительниц Глаз.

— Д'Фани ссылается на Закон о Тройной Опасности. В таких случаях Совет может принимать любое решение — это тоже обычай предков.

Д'Эйри проглотила подкативший к горлу комок. Д'Фани — поборник старых обычаев, давно забытых людьми, Д'Фани — приверженец идеи Кормления... Если у него найдутся сторонники — о море, что же будет тогда!

— Совет уже заседает... — Д'Атея вплотную придвинулась к Д'Эйри, пытаясь уловить на ее лице тень тревоги. — Д'Фани говорил перед ними. И Голос Скалы...

— Голос Скалы, — перебила Д'Эйри, — молчит уже столько лет, сколько ты помнишь себя, Д'Атея. Даже Д'Рубин не смог заставить его звучать, хотя потратил на это половину прошлого года. У древних были свои тайны, мы давно утратили ключи к ним...

— Утрачено вовсе не так много и не так безвозвратно. Просто мы пытаемся идти другими путями, более безболезненными, но и более слабыми. Д'Тор со своим братом не зря изучил мудрость древних — им удалось заставить Голос вновь говорить. Они предрекают беды для нашего народа, если мы не сумеем умилоствовать лурлов. Во время минувшего шторма Д'Хуна не смогла заставить работать троих...

Троих? Она не справилась с тремя... А ей, Д'Эйри, отказались повиноваться четыре! И Д'Хуна отреклась от Глаз — выходит, и ей следует поступить так же... Так, так... Что еще выболтает эта девчонка?

— Ты сказала, что Д'Хуна могла бы служить лучше? — Она уже не могла скрыть волнения, хотя видела злорадный огонек в глазах Д'Атеи. — Что ты имела в виду?

— Если голос предскажет следующий шторм, авторитет Д'Фани в Совете поднимется. Что с того, что хранительницы Глаз поклялись служить Норноху всю жизнь? Кому нужна такая служба, если их власть над лурлами слабеет? Им даже не удастся заставить лурлов давать побольше потомства. Нужно вернуться к Кормлению, напрасно мы отступили от этого освященного веками обычая предков.

Огонек торжества в глазах Д'Атеи был ответом на отчаянный вздох, вырвавшийся из груди Д'Эйри.

— Подумай сама, что ты говоришь. Народ уже давно отказался от Кормления. Ведь есть Наказ Д'Гана, предостере-

жение от слепого следования темным варварским обрядам. Разве для этого наш народ поднялся из мутной тины?

— Д'Фани утверждает, что Д'Ган и ему подобные нанесли вред. Ты наблюдаешь за лурлами. Скажи, Хранительница Глаз: они так же послушны твоим приказам?

— Спроси об этом у стен Норноха. — Д'Эйри сумела изобразить беспечную улыбку. — Разве башни пали? Разве стены рушатся под ударами волн?

— Пока нет. Но если Голос заговорит, будет новый шторм, за ним еще... — Теперь победоносная улыбка сияла на лице Д'Атеи. — Уверена, что после отречения Д'Хуны к мнению Д'Фани прислушаются многие. Он может даже попросить полной единоличной власти — как тебе понравится это, Д'Эйри?..

Она кивнула и выскользнула за дверь. Д'Эйри подставила лицо залетающим через окно в башню брызгам прибоя. Неужели Д'Фани и его брат Д'Тор сумели восстановить Голос? Скорее всего, это просто трюк, с помощью которого Д'Фани рассчитывает приобрести вес в Совете и столкнуть народ на старые пути, к варварским обычаям древности, от которых их когда-то избавил Д'Ган.

Да, много веков Голос, установленный на высочайшей скале внутри Трех Стен, безошибочно предсказывал приближение шторма. А потом Голос замолчал, и это тоже оказалось следствием обычаев. С древности было заведено, что только определенная группа лиц обслуживала Голос, знала его сложный механизм. И когда в Год Красного Прилива случилась чума, первыми ее жертвами оказались слуги Голоса.

После этого много лет Голос еще продолжал звучать перед штормом, и люди поверили, что он вечен. Но вот он стал ошибаться — сначала нечасто, затем постоянно, а вскоре вовсе заглох. После этого в течение двух поколений энтузиасты пытались запустить Голос, понять его устройство, но безуспешно. В конце концов все уверовали, что Голос, как и лурлы, подчиняется только мысленным приказам, а тех, кто умел с ним общаться, уже не стало. И если

средством коммуникации для лурлов были Глаза, ничего подобного для контакта с Голосом не обнаружили.

Глаза... Д'Хуна отказалась от них, отчаявшись заставить двигаться неповоротливых слизняков. Неужели их непослушание следствие того, что с ними не нянчатся так, как в старые времена? Да нет же, численность лурлов всегда оставалась на нужном уровне. Д'Эйри более склонялась к мнению группы ученых, предполагающих, что в потомстве этих существ появилась некая мутировавшая ветвь, для которой приказы Глаз не обладают прежней магической силой. Ведь и сами люди на протяжении веков неузнаваемо изменились с тех времен, как их предки шаг за шагом выходили из моря. Из рыб они сделались амфибиями, а потом стали людьми! Но над ними неотступно висит страх, что их единственный сухопутный оплот — Норнох — поглотит море. Тогда они потеряют добытый с таким трудом разум и вновь превратятся в безмозглых обитателей морского мелководья.

Возврат к давно отвергнутому Кормлению лурлов — не безумие ли это? Д'Ган учил, что этот обычай — дикий, варварский, он низводит людей до уровня кровожадных морских хищников.

Обруч, поддерживающий Глаза, похоже, уже сильнее сдавливает лоб, она уже не может носить его горделиво, как в молодости. Д'Эйри вернулась к окну, оперлась о стены вырубленной в камне амбразуры. Морской ветерок обдувал, успокаивал покрытую чешуей кожу. Она устала. Пусть бы те, кто никогда не носил Глаз, попробовали походить хоть один день с этим тесным тяжелым обручем на лбу! Нет, их притягивают только привилегии, положенные Хранительницам. Пусть бы испытали ее ответственность, ее постоянный страх — никакие знаки почтительности не стоят этого!

Но если так, то почему она не последует примеру Д'Хуны, не признается, что четыре лурла отказались ей подчиняться? Нет, это значило бы сдать еще одну позицию Д'Фани и тем, кто за ним следует. Другие Хранительни-

цы Глаз слишком молоды, они легко поддаются влиянию. А этой хитрой Д'Васе Д'Эйри попросту не доверяет...

Нет, она, сколько сможет, будет сохранять в тайне свое бессилие. Тем более если есть опасность вернуться к Кормлению. Это само по себе ужасно, да к тому же Норнох наводнит всякий сброд...

И все же угрозу не стоит преуменьшать. Если Голос действительно заговорит и предскажет новый шторм, Д'Фани может сослаться на закон Тройной Опасности и потребовать себе чрезвычайных полномочий...

Д'Эйри почувствовала вдруг себя беззащитной рыбешкой, плывущей среди клыкастых хищников, готовых ее проглотить. А она так устала!..

Д'Хуна... Нужно пойти к ней, самой узнать все, убедиться, что в происходящем виноваты не Хранительницы, а мутация лурлов. Темным суевериям необходимо противопоставить знание. Чем больше фактов она соберет, тем надежнее построит свою защиту.

Д'Эйри торопливо семенила по коридорам, уверенно ориентируясь в анфиладе тамбуров, переходов, секций. Лишь избранные бывали в этих галереях, соединяющих между собой башни: покой Хранительниц был священным. Их тревожили лишь в связи с необходимостью осмотра лурлов или когда возникала веская причина использовать их талант. К тому же сейчас внимание всех привлечено к заседанию Совета, к возможности вновь услышать Голос.

По пути ей никто не встретился. Возможно, во всех башнях сейчас остались только шесть дежурных Хранительниц — по две на каждую стену... Нет, над дверями Д'Какук и Д'Лов тусклое свечение, показывающее, что они не отравились за новыми сплетнями. Вот и башня Д'Хуны.

Д'Эйри отстучала пальцами, соединенными перепонками, свой личный код. Дверь медленно отворилась, и Д'Эйри оказалась в точной копии своей собственной комнаты. Д'Хуна выглядела без Глаз очень непривычно. Такой Д'Эйри никогда ее не видела — они были посвящены в Хранительницы в один день.

— Сестра... — Голос Д'Эйри выдавал смущение: Д'Хуна смотрела как бы сквозь нее, словно в комнате никого не было. — Мне рассказали, что... Нет, я не могу в это поверить!

— Во что не можешь поверить? — Голос Д'Хуны, как и ее лицо, был лишен всякого выражения. — Тебе сказали, что я отреклась от Глаз? Что я больше не охраняю? Если ты об этом — все правда.

— Но почему? Все сестры знают, что временами лурлы бывают непослушны, их трудно заставить работать. В последнее время это случается все чаще...

— Во время шторма, — Д'Хуна говорила как бы сама с собой, — я поняла, чем стали лурлы. Трое из них не откликнулись на призыв Глаз, хотя я напрягала все силы. Боюсь, что когда-нибудь стану виновницей гибели Норноха. Пусть та, у которой больше сил, встанет на мое место и охраняет стены.

— Ты уверена, что та, другая, делает это лучше?

Этот вопрос вернул эмоции лицу Д'Хуны, ее большие глаза блеснули. Она впиалась в лицо Д'Эйри так, словно все еще носила Глаза и могла прочесть ее мысли.

— Ты что-то знаешь?

— А ты не думаешь, что лурлы стали другими? Последнее время они медлительны, как никогда. Что, если в этом повинны не мы, не истощение наших способностей, просто лурлы научились сопротивляться приказам Глаз?

— Что ж, возможно. Но многие считают, что Кормление может их умиловать. Отмена Кормления — причина их неуправляемости. Так или иначе, но пускай теперь другие, тренированные по-новому, займутся этой проблемой. С меня хватит.

Кормление. Они и Д'Хуну почти сумели убедить! Но неужели она не понимает, насколько опасно укреплять и распространять это мнение? Пожалуй, ей, Д'Эйри, не следует рассказывать о своих наблюдениях — это только на руку приверженцам возврата к Кормлению.

И тут на лице Д'Хуны мелькнул интерес:

— Ты замечаешь, что они сделались ленивее, инертнее? Скажи, сколько не подчинилось тебе в минувший шторм?

— Почему ты решила...

— Почему? Да потому, что и ты боишься, Д'Эйри. Я без Глаз чувствую твой страх. Признайся: ты замечаешь, что твои силы слабеют? Но в башне не место тем, кому не подчиняются Глаза. Не лучше ли самой отречься от них и не ждать, когда народ потребует испытания и с позором сорвет их с тебя? Это сделает лже-хранительницу ничтожеством, я не хочу ни для себя, ни для тебя подобного конца.

— Все не так просто... — Д'Эйри пыталась отвести обвинения, но разве можно обмануть ту, которая заслуженно стала Хранительницей? — Подумай, Д'Фани слушают на Совете. Он агитирует за возврат к Кормлению. Он обещает, что Голос заговорит...

— А если это правда и Голос предскажет еще один такой же сильный шторм? Подумай, что будет, если Хранительница Глаз не сможет совладать с лурлами и из-за ее упрямства, тщеславия погибнет Норнох?

— Нет, не тщеславие. И не страх потерять привилегии, — возразила Д'Эйри. — Я считаю, что вернуться к Кормлению — значит вернуться к нашему началу, забыть учение Д'Гана, погрязнуть в зле. Кормление — тяжкое зло, я в этом уверена!

— Странно слышать это от той, что дала клятву служить лурлам, не щадя ничего, даже собственной жизни, — прозвучал за их спинами мужской голос.

Д'Эйри резко обернулась.

«Д'Фани!» — в ужасе прошептали ее губы, но вслух она это не произнесла.

Глава 12

Высокий, выше многих мужчин, хотя и уступающий им в физической силе, он стоял в дверях, насмешливо склонив голову. В глазах светился быстрый острый ум. В этот миг Д'Эйри поняла, почему этот человек опасен. Он обладал даром, но не настолько развитым, как у Хранительниц.

Он хотел большего, но его дара было недостаточно, чтобы управлять Глазами. Это бесило Д'Фани и делало его их врагом.

Не был Д'Фани и воином, ему не удавалось достичь искусства в обращении с оружием. Однако он владел другим оружием — это его ум и красноречие. Они помогали Д'Фани побеждать, дали ему место в этом мире. Сейчас он хотел подняться еще выше и уверенно шел к цели: Д'Фани была нужна единоличная власть.

Вся суть этого человека стала ясна Д'Эйри, когда их взгляды встретились. Это опасность не только для нее: чтобы захватить власть, Д'Фани пойдет на все. Он способен перевернуть весь уклад жизни народа, он может погубить Норнох.

— Ты поклялась служить лурлам, — повторил он, не дождавшись ответа. — Не так ли, Хранительница Глаз? — От него исходила та же злоба, что от Д'Атеи, но более жесткая и изощренная.

— Да, я клялась в этом, — неохотно подтвердила Д'Эйри. — Но я клялась также следовать по пути Д'Гана!

Что она говорит? Эти слова не оставляют ей возможности для отступления! Но откуда-то изнутри в ней поднималась упрямая сила. Она должна выиграть единоборство!

— Если лурлы погибнут, как помогут нам идеи давно умершего мечтателя? — Его голос звучал наставительно, даже ласково, будто он объяснял очевидное несмысленному ребенку, тупице... Именно такими были в глазах Д'Фани все женщины.

Спорить с ним бесполезно, ей не удастся убедить его. А если он станет настаивать на испытании — поддержат ли ее остальные Хранительницы? Вряд ли она может надеяться на это, особенно после столь разительной перемены в Д'Хуне. Похоже, откровенность с ней пошла во вред. Но, так или иначе, сожалеть поздно, нужно думать о борьбе со стоящим перед ней человеком. У нее мало времени, она должна спешить, иначе...

Время? Что-то смутно шевельнулось в глубине сознания — какое-то слабое воспоминание, быстрое, как искра

на ветру. Время очень важно... Для нее? Да, но не только... Есть еще один человек... У нее вдруг возникло чувство, что она — не она, а... В испуге Д'Эйри вскинула руки ко лбу, прижала их к Глазам...

Ее сознание раздвоилось? Миг отчуждения прошел, но где-то в глубине настойчиво билась мысль, что она упускает время, необходимо срочно что-то сделать... Собрав тренированную волю, она отогнала это наваждение. Сейчас главное — Д'Фани. На его сухошавом лице вновь заиграла ироническая усмешка.

— Не обременяет ли тебя вес Глаз, Хранительница? Могу посоветовать хорошее средство: откажись от них. Или ты хочешь потерять их с позором, когда весь народ убедится, что лурлы не слушаются тебя?

— Ты забываешься! — Д'Эйри гордо вскинула голову, странное ощущение раздвоенности полностью исчезло. — Кто дал тебе право оценивать пригодность Хранительниц?

Она бесстрашно бросила ему вызов, она не хотела и не могла терять времени! Ее реплика хлестнула его так же, как действовали на лурлов приказы Глаз. Хотя Д'Фани не двинулся с места, его чешуя резко изменила окраску.

— Есть только один способ судить о Хранительнице — испытание. А поскольку Д'Хуна отказалась носить Глаза, его придется провести. Неплохо бы и тебе принять в нем участие.

Он пытается испугать ее! Она не кинется к нему, не станет просить прощения. Его ждет разочарование. Испугаться, отступить — это конец. Ее голос не дрогнул:

— Что ж, тогда так и будет.

Что бы ни привело Д'Фани сюда, теперь, бросив на Д'Эйри полный ярости взгляд, он выбежал из комнаты. Когда шаги в коридоре стихли, она повернулась к Д'Хуне:

— Отказавшись от Глаз, ты открыла ему дверь к власти.

— А ты откроешь другую, — раздраженно бросила Д'Хуна. — Я поступила по Закону, раз не могу больше управлять лурлами. А ты видишь, что теряешь силы, но упрямишься. Чем дольше ты не расстанешься с Глазами, тем хуже для тебя и всех Хранительниц.

— Тебе все равно, если Д'Фани повернет Совет, весь наш народ к варварству? Вспомни хроники хранителей: кто первым шел на Кормление? Тебе неприятно думать об этом? Понимаю. Но подумай хотя бы о том, как ловко Д'Фани укрепит свою власть, устроив подобный спектакль!

— Принимая Глаза, мы клялись в верности Закону...

— Не говори мне о Законе, когда речь идет о Кормлении! Д'Фани вспомнил Закон, чтобы захватить власть в Норнохе! Впрочем, если ему это удастся, тебе нечего беспокоиться: не ты, а я окажусь первой жертвой.

Д'Эйри отошла к окну. Она и так чересчур много сказала Д'Хуне, и вряд ли справедливо винить Д'Хуну в том, что ей не хочется сыграть роль добровольной мученицы.

Вернувшись в свою башню, она пыталась успокоиться, прогнать страх, вызванный намерениями Д'Фани. Но, кинув взгляд в окно, тут же забыла обо всем. Море изменило свой цвет — это было зловещим признаком, приметой надвигающегося шторма. Она никак не думала, что это случится так быстро — предыдущий едва успел отгреметь. Лурлы... Они устали, им нужен отдых, неподвижность для переваривания специально выращиваемой пищи. А в довершение всего — часть стены Д'Хуны останется незащищенной...

С помощью Глаз Д'Эйри посмотрела в норы. Лурлы лежали на полу, как куски мяса, не имеющие костей и мышц. Хоть бы один пошевелился! Она послала мысленный импульс: один... нет, два чуть-чуть приподняли свои передние концы. Остальные не двинулись. И потом, они вовсе не выглядят объевшимися, скорее наоборот...

Впервые Д'Эйри решила на то, что было запрещено обычаями: заглянула в норы других Хранительниц. Там были лурлы, выглядевшие вполне нормально, сыто; но больше было голодных, они двигались непрерывно, беспокойно... Хорошо, что Д'Фани этого не видит, — такое было бы ему на руку. Лурлы голодны, они больше не принимают растительную пищу!

Многолетний опыт подсказывал: буря разразится через день. Д'Фани успеет нанести удар, а у нее не будет време-

ни что-либо сделать. Или выход все же есть? Может быть, если...

Лурлы питались культурой, выращиваемой по рецепту, разработанному Д'Ганом. Но до этого... Ей снова придется использовать Глаза для необычного дела. Хотя задуманное могло и не получиться... Д'Эйри решила стала обшаривать каменное основание острова и стены, пытаюсь найти то, о существовании чего было известно по легендам. Ага, вот! Есть скрытый путь. Проследовав по древнему подземному пути, она облегченно вздохнула, обнаружив, что находится в море. Продолжим...

Чувствуя прилив энергии, Д'Эйри начала концентрировать ее, рисуя картину пути через море. Еще усилие... Отлично, перед ней — открытый океан. А теперь — главное.

Океан богат жизнью, здесь плавало множество живых существ, хотя ей не удавалось почувствовать отдельные особи. Она погрузилась в это пронизанное жизнью поле и, вобрав как можно больше жизнетворной силы, направила ее так, как делала, управляя лурлами. Но сейчас она не подталкивала, а, сформировав мысленную сеть, тянула ее за собой.

Это было непросто. Приходилось создавать силовые поля самой причудливой конфигурации — и тащить, тащить нарисованную в сознании сеть к острову. Наконец, не будучи уверена, что ее замысел удался, Д'Эйри потащила свой улов по давно заброшенным каналам в бассейн, где питались лурлы. И это трудное путешествие из океана — из моря в бассейн — она проделала трижды. Она не знала, сколько и чего ей удалось поймать, хотя чувствовала эманацию живых существ: ее «сети» не были пусты!

Теперь Д'Эйри занялась одним из лурлов, который отказывался от корма. Она стала толкать его к бассейну. Лурл двигался очень медленно, это напряжение было для него затруднительно. Но... он двигался! И вот...

Бесформенное тело, едва заметно сокращаясь, достигло края бассейна. И тут движения стали быстрее — у лурла проснулся интерес! Д'Эйри удовлетворенно улыбнулась:

первая часть эксперимента удалась, лурл начал питаться тем, что она добыла в океане.

Насыщаясь, он излучал волны удовлетворения, и этот импульс достиг его собратьев. Сначала один, потом другой — вскоре все они двинулись к бассейну, неповоротливые, обессиленные, стремясь присоединиться к пиршеству. Тяжело дыша, изнуренная Д'Эйри упала на ковер. Теперь нужно восстановить собственные силы. Лурлы питаются! Сытые, они вновь станут работоспособными. Стены устоят против шторма — и Д'Фани со своей идеей Кормления будет посрамлен! То, что она сделала, можно будет делать и в дальнейшем — нужно только расчистить старые тоннели, по которым когда-то прибывала на остров притянутая Хранителями естественная пища из океана. Возврат к старому методу породит, безусловно, и старую проблему: после шторма, когда лурлы истощены, обитатели моря прячутся в глубину, и добыча их затруднена. И все же первую схватку с Д'Фани она выиграла, ему придется отложить осуществление своих планов. Она выиграла главное — время!

Время...

Снова в сознании всколыхнулось какое-то беспокойное воспоминание. Что-то пыталось пробиться из самой глубины памяти. Д'Эйри опустила на ковер, прижала колени к груди, обхватила их руками. Зачем это непрошеное беспокойство вторгается в нее? Почему она так боится потерять время? Д'Фани? Нет, здесь какой-то другой — непонятный и чуждый ее сознанию страх.

Звук... Он отозвался вибрацией в ее теле, отразился от стен башни.

Голос! Ни она, ни ее сверстницы никогда не слышали его, но она знала — это он. Значит, Д'Фани похвалялся незря: Голос заговорил!

Ни слова, ни крик — только ритм, пульсация. Но эти звуки проникали в тело, в разум каждого! Д'Эйри вскрикнула: вибрация сфокусировалась в Глазах, и она ощутила такую боль, что покатила по полу. Забыв обо всем, она старалась сорвать с головы источник своих мучений — обруч с Глазами. И это каким-то чудом ей удалось...

В полубесчувственное тело возвращалась жизнь. Облегчение было таким сильным, что она стонала, мычала от счастья! И только спустя время поняла, что биение Голоса продолжает сотрясать башню, пронизывать ее тело и мозг. У нее не было сил противиться, она просто принимала его, как раковина наполняется шумом прибоя. Понемногу Д'Эйри начала понимать воздействие Голоса.

Как она недавно тянула из моря сеть с кормом для лурлов, так теперь что-то неодолимое тянуло ее саму. Но она была Д'Эйри, Хранительницей, чья воля оттачивалась в многолетних тренировках. Вскоре она почувствовала, что не только может сопротивляться этому притяжению, но способна рассуждать и осмысливать происходящее.

Ни в одном рассказе о Голосе, ни в одном предании не говорилось о подобном эффекте. Здесь было что-то не то, чья-то злая воля. Что-то с Голосом было не так! Д'Фани — это он сделал с Голосом такое, превратив его из друга, защитника народа, в оружие, подавляющее разум и пронизывающее плоть!

Пытаясь разобраться в механизме Голоса, Д'Фани и его брат не думали о благе Норноха — им нужно было средство для управления разумом людей! Это она поняла, когда увидела, что все же помимо собственной воли продвигается на четвереньках к выходу — туда, на зов неумолимого Голоса.

Нет, она не должна подчиняться Голосу — это означало бы покориться Д'Фани. Борясь изо всех сил с притяжением, Д'Эйри растянулась на полу. Обруч с Глазами был у нее на руке, словно огромный браслет. Что это? Глаза пылают ярко-голубым огнем — такими она их никогда не видела. Глаза? Не смогут ли они помочь ей сопротивляться Голосу?

Нет! Д'Эйри вспомнила о жестокой боли, от которой избавилась, сорвав с головы обруч. Но... это всего лишь боль — неужели она не в силах выдержать ее? Она осторожно попробовала коснуться Глаз. Боль — да, но не такая нестерпимая, как в момент, когда обруч был на голове. Эту боль она выдержит, зато сможет освободиться от влияния Голоса, сможет остаться здесь, не идти со всеми к Скале.

Неправильно! Она должна не отсиживаться в башне, а быть там, с народом, сохранив при этом ясный разум. Тогда она узнает, зачем Д'Фани затеял все это.

Покинув башню, Д'Эйри направилась к сердцу Норноха, куда со всех сторон стекался народ. Люди брели молча, с остекленевшим взором, не пытаясь смотреть по сторонам, поздороваться со знакомыми... Их звал Голос, они не принадлежали себе.

Вот уже перед ней скала, на вершине которой в незапамятные времена оборудовано убежище для Голоса. У подножия скалы Д'Эйри увидела Д'Фани в странном головном уборе, напоминавшем огромную серебряную раковину. Его приспешники — Д'Тор, Д'Атея и прочие — были экранированы подобным же образом.

Люди подходили к Скале, сбиваясь в тупую молчаливую массу. Они покачивались в такт биению, которое хлестало их сверху. С мертвыми глазами, пустыми, ничего не выражающими лицами, они тесно сгрудились вокруг Скалы. Д'Эйри остановилась поодаль, крепко стискивая Глаза, — они защищали ее от опустошающего разум Голоса. В толпе она увидела знакомые лица — сестры, Хранительницы. Не только Д'Хуна — все они сняли Глаза, видимо, не в силах выдержать жуткую пульсирующую боль.

Она посмотрела на Д'Фани. Его лицо сияло торжеством. Он медленно поворачивал голову, наслаждаясь созерцанием покорной толпы, своей властью над нею.

Д'Эйри спохватилась, подалась было назад, но поздно: он заметил ее, он понял, что она свободна от воздействия Голоса. Подозвав одного из охранников, Д'Фани что-то шепнул ему, кивком указав на Д'Эйри.

Увидев, что охранник вскинул гарпун, она побежала прочь. Куда? Назад в башню? Но это ловушка, там ее найдут. Она юркнула в одну из боковых улиц и побежала к морю, зная, что только быстрота может спасти ее.

Мысли стремительно мелькали в ее мозгу. Теперь не Совет, теперь Голос управлял Норнохом. Ее открытие — способ кормить лурлов — теряло всякий смысл. Кому расскажет она об этом? Своим преследователям? Но они не дадут

ей и рта раскрыть. Гарпун в руке охранника красноречиво свидетельствовал о намерениях Д'Фани.

Она добежала до стены, вскарабкалась вверх по скользким ступеням и помчалась вдоль искусственной преграды. Небо потемнело, лишь сверкавшие в тучах молнии озаряли на мгновение скалы и силуэты Башен. Шторм надвинулся раньше, чем она ожидала... Не Голос ли ускорила его?

Отсюда он звучал глухо, перебиваемый свистом ветра и ревом волн. Лурлы... Им нужно разбудить, послать на посты! Но как? За ней охотятся, а у других Хранительниц нет Глаз.

Нужно где-то спрятаться и связаться с лурлами, дать им приказание. Впереди — башня Д'Хуны, за ней — ее собственная... Оглянувшись, девушка увидела, что охранник все еще преследует ее.

По узкому уступу она обогнула башню, и впереди показалась ее цель — каменный утес, поменьше, чем тот, с которого вещал Голос. В нем была расщелина, где она могла бы спрятаться.

Первые порывы шторма уже кидали высокие волны на берег, когда Д'Эйри спряталась в расщелине и надела обруч с Глазами. Но что это — они уже на посту! И двигаются с такой скоростью, какой ей никогда не удавалось от них добиться. Наверное, это тоже результат воздействия Голоса. Вот почему Д'Фани заставил Хранительниц снять их обручи с Глазами...

Однако... Да, они работают, но без указаний — их быстро застывающая пена льется не только на стены, но и вообще куда попало. Она попыталась войти в контакт с ними, но от этого ничего не изменилось. Д'Эйри попыталась заставить их двигаться медленнее и следовать ее указаниям, но бесполезно: сила, фокусируемая Глазами и воздействующая на них, сейчас подавлялась Голосом. Что же делать? Д'Фани убивает лурлов, и она ничего не может с этим поделать...

Нужно как-то сообщить своему народу об этом! Но как? Если она попытается приблизиться к скале с Голосом — ее убьют прежде, чем кто-нибудь что-то услышит.

Глаза... Хранительницы постоянно связаны с ними. Может, ей удастся пробиться к разуму хотя бы одной из сестер, разбудить, предупредить об опасности? Как это сделать? В свое время она просто так, от скуки, изучала старинную методику коммуникации посредством моря. Тогда она не предполагала, что секреты древних могут когда-нибудь пригодиться ей. Что бы еще придумать? А если попробовать сконцентрировать всю силу и...

Д'Эйри скинула обруч с руки, он со звоном ударился о камни. Она вскрикнула от ужаса: один Глаз отскочил и исчез в расщелине меж камней, она не успела подхватить его. О море, ее сила убавилась наполовину: остался один левый Глаз. И все же нужно попытаться.

Сосредоточившись, закрыв глаза, она попробовала представить лица Хранительниц. Но ей не удавалось держать в уме больше трех лиц одновременно. Ну что же, три так три... Она начала говорить, кричать, будто стояла перед ними. Она снова и снова выкрикивала им свои предупреждения, не зная, доходит ли до них ее мысль, ее беззвучный крик. Наконец она обессилела — обессилела настолько, что уже не могла удерживать в сознании их образы. Она открыла глаза: вокруг только полный мрак.

Шторм? Нет, шум моря звучал как бы издалека. Почему она в темноте? Она пошарила вокруг руками — везде только скользкая холодная поверхность. Что это? Что стоит между нею и морем?

Она стала биться в эту поверхность — еще и еще. Кажется, поддается? Увы, только иллюзия... Она снова принялась ощупывать пальцами то, что окружало ее со всех сторон. Со всех сторон? Но ведь это... Ужас сковал ее тело, затуманил разум. Она... ее замуровали! И запах... Эта слизь так знакомо пахнет... Лурлы! Это пена, которую выработывают лурлы! Выходит, укрытие, в которое она забилась, оказалось случайно замуровано неуправляемыми лурлами. Пена закрыла проход в ее убежище. Замурована... Навсегда...

От нового приступа ужаса ей стало дурно. Прижав к груди обруч, неистово вопя, она слепо тыкалась во все стороны. Нигде ни одной щели. Погребена — заживо — смерть... Это смерть!

«Нет, не смерть».

Кто это сказал? Кто проснулся и заговорил в ее сознании?..

«Выходи... обратно... там не смерть... выходи... возвращайся...»

Но кто же это внутри нее, Д'Эйри? Нет, она не знает этого имени... Как же ее зовут? И что это за шум?

Море! Оно близко. И она дышит, ее лицо повлажнело от брызг прибора... А в руках...

Зианта растерянно глядела на свои руки. В одной зажат фокусирующий камень, а в другой... блестящее металлическое кольцо, на нем два гнезда, и в одном из них — такой же точно камень! «Глаза», — всплыло из глубины странное слово... Вспомнила: это Глаза Хранительницы Д'Эйри!

Она опустила взгляд, боясь увидеть чешуйчатое рыбообразное тело, прикрытое нелепым одеянием из раковин... Нет, она в теле Винтры. И ей удалось не только найти двойник камня в далеком прошлом, но и добыть его оттуда. Время... Сколько она прожила в Норнохе? Туран... Что с ним? Он... он мертв?

Вскочив на ноги, ринулась к самолету. Солнце садилось, отражаясь на волнах сверкающей полосой. Остров уже был погружен во мрак. Зианта вздрогнула, припомнив последние мгновения своей жизни там — вернее, жизни Д'Эйри. Какая жуткая участь! Ей удалось освободиться в тот самый момент, когда Д'Эйри уже умирала в своем заточении. И если бы она не успела...

Туран!

Зианта открыла дверцу кабины и заглянула. Он лежал на сиденье, закрыв глаза. Выглядит как мертвый.

— Туран!

Схватив его за плечи, она стала трясти его, принуждая открыть глаза и увидеть ее.

Глава 13

Страх настолько овладел Зиантой, что ей даже не пришлось в голову прибегнуть к мысленному зондированию, чтобы выяснить, сохранилась ли в этом теле хоть искорка жизни. Но вот веки дрогнули. Помутневший взор сделался яснее, и наконец Туран узнал ее...

— Не умер... — безжизненные губы едва шевелились. — Ты... успела... уйти...

— Ты знал, что я умираю там? И помог вернуться?

У него не было сил даже на то, чтобы кивнуть, лишь слабый проблеск мысли подсказал ей ответ.

— Ты сумел мне помочь!

Он пробормотал что-то невнятное и затих. Глаза опять закрылись, голова свесилась на грудь.

— Нет, не смей, только не теперь... не уходи — ведь мы победили, все получилось! — Она протягивала к нему оба камня — один без оправы, второй вделан в обруч. Никакой реакции, он умирал. Неужели уже слишком поздно?

Зианта постаралась вспомнить, как использовала камни Д'Эйри. Сумеет ли она повторить это, перелить в Турана запас жизненной активности?

Она попыталась надеть обруч на голову, но его форма не подходила для нее. Тогда она взяла оба камня в руки и поднесла ко лбу. Думать — о жизни, о силе, об энергии, найти в Туране еще не погашенные смертью проблески жизни. И она отыскала эти редкие островки, связалась с ними, коммутируя через свою волю, свою силу, веру и надежду.

Туран открыл глаза и едва заметно улыбнулся. Через минуту он уже сидел, с удивлением ощущая прилив сил.

— Нет, — окрепшим голосом произнес он. — Хватит, не истощай свою энергию, теперь я продержусь. Ты и так сделала невозможное. Отдыхай — может случиться, что понадобятся все наши силы. Нам необходимо вернуться к самому началу — туда, в гробницу. И тебе придется управлять этим самолетом.

Зианта подавила возникший в душе протест — иного выхода у них не было. Оставалось надеяться, что в ее моз-

гу достаточно информации по управлению летательной машиной. Но куда лететь? Сможет ли она выбрать нужное направление и не сбиться с курса?

Он, должно быть, уловил ее сомнения и пробормотал:

— Я уже установил правильное направление.

Затем снова погрузился в забытье, возможно стараясь сэкономить силы. Зианта вздохнула: все теперь ложилось на ее плечи.

Она уселась в кресло пилота, осмотрела пульт управления. Весь порядок действий был у нее в голове. Но сумеет ли она поднять самолет? Ей представилась картина их гибели: самолет с разбега врывается в воду и скрывается под волнами... Она тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Другой возможности нет, придется рисковать.

Сдерживая дрожь в руках, она запустила двигатель, самолет стронулся с места. Разбег... Ее пальца проворно перещелкивали тумблеры и переключали рычажки... Отрыв... Зианта с трудом поверила, что это она сама подняла в воздух тяжелую машину. Она сделала круг над единственной скалой, оставшейся от Норноха. Стрелка указателя направления металась, рыскала из стороны в сторону. Но после нескольких манипуляций штурвалом она успокоилась. Если Туран выставил направление правильно, они доберутся до Сингакока, до гробницы. Пока машина летела над морем, Зианта обдумывала все случившееся. У нее в голове не укладывалось, почему камень из прошлого вместе с ней попал в это время. Единственное предположение — энергия ее камня пробудилась, и тот оказался притянутым своим двойником из другого времени. И все же это фантастично! Понадобятся сложные и долгие исследования, чтобы понять природу психической энергии в этих камнях!

Эти камни, считавшиеся чрезвычайно древними уже в Норнохе, использовались многими поколениями сенситивов, избранных для защиты города, для управления пенообразующими существами. Понятно, что именно это постоянное общение с разумом генерировало энергию, накапливавшуюся в камнях. Они стали излучать ее, разбу-

женные Зиантой. Но... сколько здесь этой энергии? Хватит ли, чтобы они могли вернуться в свое время?

Наступила ночь, но самолет продолжал лететь в ночном небе, повинаясь отважной девушке. Она внимательно следила за указателем направления — только бы не сбиться с пути! Туран на соседнем сиденье слабо пошевелился, вздохнул — Зианта не стала сообщаться с ним ни мыслью, ни словом. Он спас ее в минуту опасности, когда умирала Д'Эйри, отдал на это все свои резервы. Сейчас его не следовало беспокоить. Зианта понимала: она в долгу перед товарищем, ей еще предстоит вернуть этот долг.

Начинало светать, впереди засверкал освещенный первыми лучами берег. И тут же в небе перед ней появились движущиеся огни: навстречу летели два самолета. Зианта не умела маневрировать, не знала, имеет ли их машина какое-нибудь вооружение. Она могла только лететь, не меняя курса и надеясь, что все обойдется. И все же, готовясь к любым неожиданностям, она схватила обруч и принялась освобождать камень из гнезда. Когда это удалось, она крепко зажала оба камня в ладонях.

Вылетевшие им навстречу самолеты развернулись, легли на их курс, взяв маленькую машину в «коробочку». Зианта сжалась, каждую минуту ожидая выстрелы. Как ей быть? Из памяти Винтры ей не поступило на этот счет никакой информации — у повстанцев почти не было авиации, Винтра в этих вопросах не разбиралась. Наверное, более безопасно приземлиться, чтобы укрыться от преследователей. Но эту идею она отвергла, взглянув на Турана: в его состоянии надеяться пересечь страну пешком — чистое безумие. Перед ней на приборной панели начали мигать разноцветные огни. Наверное, код — но она не знала его, не могла ни прочесть команду, ни тем более ответить на нее. Пока их машина не достигнет цели, они совершенно беспомощны.

Чужие самолеты куда-то пропали, так и не сделав ни одного выстрела. Девушка с облегчением откинулась в кресле. А ведь Зука приказала убить их при первой же возможности. А может, она потеряла счет времени и они пробыли

на острове не один день, а много больше? За это время ситуация в Сингакоке могла в корне измениться.

Самолет продолжал ровно лететь в утреннем небе. Зианта так долго ничего не ела, что даже ее способности не могли заглушить острое чувство голода. Она открыла аварийный контейнер, где обнаружила небольшой пакет с пищей. Девушка жадно высосала безвкусное содержимое тюбика. А Туран? Достав второй тюбик, она собиралась откупорить его.

— Не надо... — послышался рядом шепот. Его взгляд был направлен в сторону — рядом снова возник сопровождающий их самолет...

— Они не стреляют, — проговорила она, хотя это было и так очевидно. — Попытались связаться с нами, но теперь сигналы прекратились.

— Фокусирующие... камни... — Для того чтобы произвести это, ему потребовалось невероятное усилие, и это обеспокоило Зианту.

— Здесь, — успокоила она Турана, показав ему оба кристалла.

— Надо... сохранить их...

— Знаю. — Она так и не придумала, куда спрятать камни, если их схватят. Их обязательно обыщут. Куда же? Она коснулась рукой волос; густые и жесткие, они вполне могли стать надежным укрытием для камней, но как их закрепить? Остается рот... Для пробы она засунула кристаллы за щеки. Они были не больше плодовых косточек и почти не прощупывались. Зианта решила, что в случае чего сможет спасти их таким образом.

При этом она к тому же сохранит контакт с камнями. Она ошупала камни языком, с удовольствием водя его кончиком по гладким поверхностям. Пока фортуна их не оставила: они все еще на свободе, им удалось завладеть вторым кристаллом. Но осторожность не давала ей преждевременно торжествовать. Нельзя надеяться на слепое везение — оно рано или поздно подведет, так ей подсказывал опыт.

Тонкий писк и тревожное мигание заставили Зианту посмотреть на приборную панель. С момента вылета они шли

на максимальной скорости. Она старалась не задумываться, хватит ли им горючего, тем более что если бы его и было недостаточно, она ничего не смогла бы предпринять. Но сейчас девушка встревожилась: а вдруг это предупреждение, что резервуары опустели?

Нет, сигнал шел от указателя направления. Они где-то близко от гробницы. Надо искать место для посадки. Только куда и как?

Вдруг нос самолета накренился, они начали терять высоту. Девушка ухватилась за рычаги — но что такое? Они не сдвигались с места, они были заблокированы...

— Туран!

Морщась от боли, он через силу повернул голову.

— Они... они... ведут нас... — услышала Зианта его шепот.

Их сажают насильно! Кто? Зачем? Бросив бесполезные рычаги, она запустила психозонд. Мысли этих людей были неотчетливы, но одно она поняла точно: они с Тураном пленники. Прощай, свобода! И, как назло, они ведь почти добрались до гробницы...

«Нас... хотят... взять... тайно... — Туран пытался устроиться повыше на сиденье. — Чтобы никто не узнал... что здесь произошло...»

Зианта сосредоточилась, стараясь удержать одну из зыбких мысленных волн. Возможно, ей помог контакт с Глазами, лежащими во рту. Так или иначе, она извлекла из мозга преследователя образ.

Зуха!

Зианта продолжала считывание неясных, словно произносимых еле слышным шепотом, мыслей. Туран не ошибся: Зуха отправила их подкараулить здесь, чтобы посадить далеко за городской чертой на маленьком частном аэродроме, в стороне от Сингакока. Высший консорт хотела расправиться с ними без помех и лишних свидетелей. Будь они в своем мире, Зианта сумела бы отключить память людей Зухи на достаточное время, чтобы ускользнуть от преследования.

«Не сопротивляйся... — забилась вдруг в сознании мысль Турана. — Она хочет умертвить нас... Пусть...»

Зианта сообразила, что он имеет в виду. А если бы еще удалось использовать страх и ненависть этой женщины, внушить ей способ их казнить: упрятать обоих туда, откуда они появились, — в гробницу! Но сможет ли она направлять злобную фантазию Зухи?

«Я умру, — продолжил Туран мысленное изложение своего плана. — Ты же покажи ей свой панический страх перед повторным заточением в гробницу, этого будет достаточно...»

— Страх еще раз быть погребенной вместе с тобой?

Зианта усмехнулась про себя. Ей не придется прикидываться испуганной — она в самом деле страшится перспективы оказаться заживо погребенной. Достаточно вспомнить ужас, испытанный ею, когда, будучи Д'Эйри, она умирала, замурованная в расщелине скалы. Но хватит ли у нее мужества для нового испытания? Ведь, возможно, им не удастся вернуться из гробницы в свой мир.

«Другого пути нет, — передал компаньон, уловив ее колебания. — Наш путь отсюда там, в склепе».

Зианта кивнула. Она все понимала, знала, что повторное погребение — их единственный шанс прорваться сквозь толщу веков обратно в свой мир. Но она боялась этого! И все же этот путь должен быть пройден до конца...

«Все, я мертв, — передал Туран. — Дело за тобой. Ты должна убедить Зуху, что тебе страшно вновь оказаться в гробнице. Действуй сама, я уже не смогу помочь тебе...»

«Я поняла».

Зианта максимально сосредоточилась, как тогда, когда совершила похищение из апартаментов лорда Джукундуса. Ее мысленное излучение не было устойчивым, и потому она не была уверена в том, что чего-то добилась, пока не поняла это по действиям людей, на которых пыталась оказать воздействие.

Она телепатически передавала ужас перед мраком, медленным удушьем в тесном помещении, перед мучительной смертью у гроба Турана. «Только не это — только не гроб-

ница! Не ужасная смерть возле мертвеца!» Она как можно четче сформировала в сознании картины агонии от удущья. Сама заразившись собственным страхом, Зианта, вся в липком поту, дрожала, уцепившись руками за мертвые рычаги.

Самолет спускался по спиральной траектории. Уже были видны стремительно несущиеся навстречу вершины деревьев. А вдруг они просто разобьют самолет с беглецами, и точка? Но нет, такую быструю смерть Зуха посчитала бы для них слишком легкой. Она жаждала мести — и Турану, и женщине, которую считала (и не без оснований) пособницей в возвращении командора в Верхний Мир. Не прерывать внушение! Зианта вела передачу все время, пока самолет не коснулся грунта.

Машину тряхнуло, и тело Турана тяжело навалилось на нее. Это уже был настоящий труп, мертвая масса. Неужели где-то внутри сохраняется еще крохотный маячок жизни? Рискнуть и проверить? Нет, нельзя. Лучше еще раз показать панику... Вслед за телом командора стенающую, обмирающую от ужаса женщину замуровывают в склепе...

Зианта не двинулась с места, когда самолет остановился, — пусть думают, что она скована страхом. Тем более что это недалеко от истины. А если Зуха не удовлетворится только ее заточением в гробницу? Вдруг ей уготованы какие-нибудь изощренные пытки? Эта мысль и впрямь повергла девушку в полуобморочное оцепенение.

Дверца распахнулась, в кабину просунулся солдат. Он во все глаза разглядывал сидящую на пилотском месте Зианту, Турана, склонившегося к ней на плечо. Затем солдата сменил офицер.

— Лорд командор! — Он попытался отодвинуть от Зианты тело Турана, оно упало на сиденье. Вскрикнув, офицер отскочил и во всю глотку заорал: — Он умер! Лорд командор мертв!

— Ну как, убедились, что я права? — Голос высшего консорта звенел торжеством. — Все это проделки проклятой ведьмы, захватившей власть над телом моего доблест-

ного супруга! Но колдовство кончилось — и он отказался подчиняться ей...

Она пошла к самолету, кутаясь в длинный плащ, защищавший ее от пронизывающего ветра. Глаза ее, возбужденно блестя, перебегали с неподвижного тела на сжавшуюся в комочек девушку. Зуха изогнулась вперед, став похожей на змею перед броском, и прошипела:

— Ему повезло, он мертв. Но ты... ты еще жива, ведьма, и ты — в моих руках!

Солдат с помощью офицера извлек из кабины безжизненное тело, они оттащили его от самолета и положили поодаль на пригорке. Зианта, все так же съезжившись, сидела без движения, бросив все силы на последний сеанс контакта с пылающим злобой мозгом этой женщины.

— Ваше высочество, — офицер, стоя на коленях перед телом Турана, поднял глаза на Зуху, — какие будут приказания?

— Каких приказаний ты ждешь? Разве ваш командор не должен занять свое место там, куда народ с почестями проводил его? Это нужно сделать немедленно, при свидетелях, которые разнесут весть по всему городу. Тогда стихнут пересуды, не будет места домыслам о возвращении и прочим сказкам для слабоумных. Доставьте сюда также верховного жреца из Башни — пусть он собственноручно наложит печать Вута на дверь: никакое колдовство не сорвет ее.

Она говорила уверенно и быстро, ибо спланировала все это заранее и теперь стремилась поскорее осуществить свой замысел. Мертвый Туран должен быть снова водворен в гробницу, и как можно скорее. Мертвый? Зианта похолодела: а вдруг ей не удастся отыскать в этом угасшем теле хоть искорку жизни? Вдруг она не сможет раздуть ее в пламя?

— А что с... этой, ваше высочество? — Офицер направился к самолету, чтобы схватить Зианту.

— Сюда эту ведьму!

Он грубо вытащил девушку из кабины и, заломив ей руки за спину, поставил перед Зухой. Зианта стояла, потупившись. Она думала только о том, чтобы эти люди не

обнаружили спрятанные во рту кристаллы. Нет, не об этом! Она должна и сейчас внушать, внушать, внушать... Больше страха перед гробницей!

— По закону тебя следует передать жрецам Вута, — насмешливо заговорила Зуха. — Они полагают, что умеют проникать в тайные чары таких, как ты. Но... до принятия обета они были мужчинами... — Она скабречно хихикнула. — Как бы ты не околдовала этих оболтусов... Я могу казнить тебя сама, как казнят ведьм: сжечь на этом самом месте и развеять твой пепел. Однако, — глаза высшего консорта горели злорадством, — для тебя это будет слишком легкая смерть... Отвечай: зачем ты вдохнула жизнь в мертвого Турана?

— Спросите его, — пожала плечами Зианта. — Это была не моя воля, он так мне приказал...

Ее голова дернулась от неожиданного удара. Она тут же забыла про боль, озабоченная другим: если избиение продолжится, камни поранят ей рот и могут быть найдены врагами.

— Впрочем, какое это имеет значение. Ты ли, он ли — без разницы. Так и так вы проиграли! Он успел вовремя умереть, его место в своей гробнице. Ну, а что касается тебя...

Зианта напряглась, мучительно ожидая приговора. Сейчас станет ясно, подействовало ли ее внушение...

— Ты утверждаешь, что Туран заставлял тебя служить себе? — На губах Зухи змеилась сладострастная улыбка. — Тогда он наверняка будет рад, если ты и дальше будешь угождать ему там, в склепе. — Она испытующе посмотрела на девушку, жадно лоя в ее лице печать страха. — Ты поняла, ведьма? Я отправлю тебя туда вместе с ним! Но не надейся: на этот раз я позабочусь, чтобы оттуда не было выхода ни через дверь для души, ни как-нибудь еще...

Зуха повернулась к офицеру:

— Ты должен отвезти тело моего мужа к гробнице. Я пришлю туда тех, кто подготовит его ко сну, и позабочусь, чтобы никто больше не смог потревожить его вечный покой. Бери с собою и эту девку. Не дай ей сбежать, не сво-

ди с нее глаз, пока она не попадет туда, откуда выбралась с помощью темных сил. Отвечаешь за нее головой!

— Все будет сделано, как вы приказали, ваше высочество.

Радость Зианты была так велика, что она не обратила внимания на боль, когда грубые руки схватили ее и швырнули в машину. Ехали они недолго. Когда машина затормозила, ее выволокли наружу, связали за спиной руки и втолкнули в какую-то комнату. Дверь захлопнулась. Лежа на полу, она подняла голову и прямо перед собой увидела тяжелые башмаки. Двое солдат стояли, не сводя с нее глаз. Они, судя по всему, боялись, как бы ведьма не вылетела в крошечное окошко, прорубленное под самым потолком.

Пока она лежала, радость постепенно вытеснялась тревогой за тот кошмар, что ее ждет. Что с того, что ей удалось покинуть Д'Эйри в момент ее смерти? Следующий бросок через время может не завершиться столь же удачно... А если учесть, сколько энергии израсходовано за последние сутки, где гарантия, что ее сил хватит на новый переход? К тому же ей предстоит еще «перетащить» вместе с собой и Турана...

Просто необходимо хорошенько отдохнуть... Заставив себя отвлечься от неудобств своего положения, Зианта вытянулась на жестком полу и расслабилась, призвав на помощь навыки, полученные под наблюдением Огана: отвлечься от окружающего, полностью уйти в себя, чтобы собирать и аккумулировать запас психоэнергии.

Она погрузилась в собственную память, стремясь воссоздать в мельчайших подробностях обстановку наружного, разграбленного помещения гробницы, откуда началось ее путешествие в этот мир. За что зацепиться? Ей нужен ориентир для фокусировки. В памяти отчетливо проявились руки капитана, держащие ее, заставляя смотреть в кристалл. Нет, не то... Она стала мысленно перебирать детали того помещения: покрытые трещинами стены, пролом, много веков назад сделанный грабителями...

Постепенно перед ней вырисовывалось помещение в том виде, каким она застала его после вскрытия стены. Для

гарантии Зианта исключила из этой картины все детали, в которых не была уверена. Не подводит ли ее память? Очень важно сохранить в воображении только подлинные предметы. Если же сознание сфокусируется на иллюзорном, не существующем в действительности ориентире, будет беда: переход или вовсе не удастся, или ее забросит неизвестно куда.

Когда эта скрупулезная работа была закончена, девушка постаралась с максимальной точностью запечатлеть в сознании изображение гробницы. Теперь снова можно отдохнуть... Но беспокойство не давало расслабиться по-настоящему. Туран... Ей страстно захотелось почувствовать его, связаться с ним. Нет, это неоправданный риск: вдруг мысленное прикосновение пробудит его шевельнуться — если, конечно, он сейчас не полностью мертв... Как ни крути, все предстоящее целиком лежит на ней, зависит только от ее знаний, энергии и воли.

Нужно прогнать неуверенность, она мешает погрузиться в протрацию, чтобы не растратить силы на ожидание. Дышать тихо, еще слабее, ровнее... Веки тяжелые, тяжелые... Со стороны можно было подумать, что она уснула, но это не было ни сном, ни явью.

Она представляла себе, что находится в каком-то иллюзорном бассейне, погружена в тишину и покой и лениво покачивается на его водах. Над головой — небесный свод, а она легкая, словно листик на водной глади, счастливая и свободная...

Грубый голос ворвался в дивный мир и разрушил его. Это было настолько неожиданно, что Зианта не успела уловить смысла прозвучавших команд. Ее схватили, подняли с пола... Открыв глаза, она встретила враждебный и подозрительный взгляд офицера. Значит, пора...

Ее снова бросили, связанную, в машину, и при поездке немилосердно трясло, из-за чего она не могла понять, куда ее везут. Но не хотела прибегать к мысленному зондированию. Турана здесь не было, и она надеялась, что он путь к месту погребения совершает с большими почестями.

Ехали они долго, и казалось, что мучениям не будет конца. Тело уже все было в синяках от тряски; в онемевших запястьях, с которых только в машине сняли веревки, никак не восстанавливалось кровообращение. Наконец машина остановилась, ее выволокли наружу. Она узнала это место: подножье холма, с которого они с Тураном проделали головокружительный спуск в ночь побега из склепа. Сейчас, при свете дня, безрадостный пейзаж предстал перед ней во всех подробностях.

Охранник оттащил ее в сторону, освобождая путь процессии, поднимавшейся на холм. Впереди, как подсказывала память Винтры, шел верховный жрец Вута, произносивший нараспев заклинания. С обеих сторон от него шли два жреца рангом пониже: один нес в руках тяжелый молот, другой — ларец, из которого верховный жрец брал горстями что-то вроде пепла и развеивал это по ветру.

За ними следом два офицера несли гроб с телом Турана, до самого подбородка укрытого покрывалом, расшитым золотыми узорами. Оно было прикреплено к ложу золотыми застежками, освященными жрецами Вута. Чуть позади шли несколько вооруженных солдат, а за ними — Зуха в желтых траурных покрывалах. Вуаль, впрочем, была откинута с лица — вдова командора хотела видеть во всех подробностях церемонию повторного захоронения мужа, на сей раз, как она надеялась, окончательного.

Зианта вся дрожала. Но не метель, завывавшая вокруг, была тому причиной: ею овладел настоящий, не наигранный страх перед будущим (если оно у нее все-таки есть). Глядя вслед процессии, она видела, как жрец склонился над гробом, бросил на покрывало горсть пепла — видимо, они достигли входа в гробницу. Двое солдат спустились в отверстие и протянули оттуда руки, готовые принять своего командора.

Гроб обвязали веревками, приподняли, и вот он уже исчез под землей. Солдаты вылезли наружу. Зуха издали махнула рукой конвоирам Зианты. Ее схватили за руки.

Бесцеремонными тычками ее погнали на вершину холма. Зианта изо всех сил вырывалась, кричала. Зуха не долж-

на заподозрить, что девушка сама мечтает попасть в гробницу, где находится ее единственный шанс на спасение. И вот она уже на холме, ее одежду пронизывает ледяной ветер.

— Нам все же хотелось бы знать, как она сделала это, — властным тоном обратился к Зухе верховный жрец Вута. — Ведь если повстанцы владеют подобными тайнами...

— То они бы давно стали применять это, — перебила его высший консорт. — Солдат, которого мои люди изловили в Ксуте, под пыткой показал, что эта ведьма управляет телом командора, что именно от нее получил он на расстоянии необъяснимый удар, когда попытался опротестовать безумные приказы, вложенные этой ведьмой в уста лорда командора. Она опасна, смертельно опасна для всех. Ее нельзя забирать в башню Вута для исследований, это бомба, способная навлечь беду на весь Сингакок!

Жрец внимательно посмотрел на Зианту. Если он настаит на своем, будет погублено все, что она так старательно подготовила, к чему так неистово стремилась!

— По виду она не внушает опасности, — с сомнением проговорил жрец. — И если бы она обладала теми чарами, которые ты ей приписываешь, разве далась бы так просто в твои руки?

— Теперь у нее нет в подчинении лорда командора, ее колдовство как-то связано с ним. Я не знаю, в чем тут дело, но это так — она сама призналась. Поверь, она чрезвычайно опасна. Эта ведьма ничего не боится, кроме одного. Взгляни, как она дрожит, — она боится снова вернуться в гробницу. Заточи ее туда, запечатай проход для души печатью Вута — и она больше никогда не сможет вредить кому бы то ни было.

Жрец все еще испытывал колебания. Но увидев, что воины сомкнулись вокруг Зухи, демонстрируя верность правительнице, не решился идти против силы. Зуха поняла это и, вскинув голову, повернулась к Зианте и ее конвоирам.

— Разденьте ведьму, — отдала она приказ. — Если найдете на ней какие-нибудь предметы, передайте их жрецам: это могут оказаться амулеты, дающие ей власть. Пусть на

этой девке не останется ничего, кроме собственной шкуры!

Солдаты содрали с дрожащей девушки одежду, затем один из офицеров схватил ее за плечи, грубая веревка вновь впиалась в ее запястья. Коченеющая под ледяными порывами ветра, она словно во сне ощущала, как ее поднимают, пропихивают в отверстие и опускают вниз. Затем наступил полный мрак: над ней закрыли проход для души.

Глава 14

Зианта слышала методичное постукивание над головой: проход для души тщательно замуровывали, чтобы быть уверенными, что Туран больше не вернется. Туран... Она послала мысленный импульс — и ничего не нашла.

Его нет... Он умер? Если так, то она осталась одна, и никто не поможет ей бежать из этого жуткого подземелья. Придется полагаться только на собственные силы.

Зианта выплюнула на ладонь камни, прижала их ко лбу: Д'Эйри это помогало концентрировать максимум энергии.

Она не Винтра, брошенная на погибель в этот мрак. Она Зианта, Зианта! Все силы она направила на то, чтобы закрепить это. Она — Зианта, она не хочет встретить здесь смерть!

Этот протест вытеснил ощущение покинутости, безысходности. Глубоко внутрь ушел и страх навсегда остаться здесь, где царила одна только смерть. Она была... Нет, она вновь стала Зиантой. Зианта! Она идентифицировала себя, это именно так!

Зианта! Она выкрикнула это имя, лежа в пустоте и мраке. Оно было проводником из царства мрака и смерти в ее жизнь, в ее мир, в ее время.

Зианта!

Она открыла глаза. Все поплыло перед нею, но сзади поддержали крепкие руки. Юбан.

— Она вернулась, — сказал он кому-то, кого она не видела. Радость от того, что переход прошел успешно, за-

хлестнула, заполнила все клеточки — и от этой бури чувств она потеряла сознание.

Шум... Какие-то возгласы, крик, оборвавшийся на высокой ноте... Она в своем мире, полном тревог и опасностей. Снова крики... Зианта увидела, что лежит в пыли: то ли Юбан отшвырнул ее, то ли его оторвали от нее... Темно, только высоко над головой выписывает сложный узор пляшущий луч лазера. Выстрелы? Да, и близко. Голова снова закружилась... Силы истощены до предела... Последним усилием она вжалась в стену, чтобы слиться с ней, не зная ничего о разыгравшейся здесь схватке...

Зианта!.. Что это? Мысленный зов... Туран? Нет, он мертв, а это... Усталый мозг не сразу опознал: Оган! Опять знакомое мысленное прикосновение...

Выстрелов не слышно. Яркий луч света обшарил разграбленную гробницу, скользнув, больно ударил по глазам. Неподалеку распростертое тело — один из людей Юбана.

Кто-то склонился к ней, тронул за плечо... Оган! Она слабо махнула рукой:

— Пошли.

— Он помог ей подняться и повел наружу, на свежий воздух. Но и овевание ветерка не придало Зианте бодрости. Она устала, ее силы иссякли... Девушка склонила отяжелевшую голову на плечо Огана, темнота вновь заволакивала сознание.

...Сколько же она спала? Из гробницы Оган вывел ее ночью, а сейчас уже день. Она лежит не в корабельной каюте, а под солнечным небом. Все ее существо пронзило сознание: свободна! Снова в своем мире! И тут же — горечь: тот, другой... Он остался там... И эта горечь придала ее успеху жесткий привкус поражения, стерла радостные краски с сиявших над головой небес.

Зианта села и огляделась. Корабль — он стоял вон там. Но его нет! Как же тогда... Что ей делать на этой чужой планете? Каменные утесы вокруг напоминали руины каких-то циклопических построек. Среди них зажата крошечная долина, где разбит чей-то лагерь. Неподалеку сидит, скрестив

под собой ноги, Оган и задумчиво разглядывает ее. А перед ним на разостланном лоскуте ткани... Глаза!

Зианта вздрогнула и отвернулась: они — это то, чего она хотела бы никогда больше не увидеть.

«Но ты должна», — раздался в голове мысленный приказ.

— Зачем? — выкрикнула она вслух.

— Для этого есть причины. Обсудим это потом. — Оган прикрыл камни краем ткани. — Но сперва... — Она жадно схватила из его рук тюбик с А-рационом.

В лагере были еще двое, выполнявшие сейчас функции часовых. С оружием наготове они ходили по периметру долины, охраняя подступы к ней.

Судя по всему, Оган ожидал нападения. Но где же Яса? Саларикийка вызвала Огана на подмогу. Не попала ли она в плен к Юбану?

— Где Яса? — Покончив с едой, Зианта ощутила растекающуюся по телу энергию.

Оган снова сел, приняв прежнюю позу. Здесь, среди диких скал, строгий наставник выглядел беспомощным, растерянным. Но Зианта слишком хорошо знала этого человека, чтобы довериться внешнему впечатлению.

Оган не ответил ей и к тому же поднял мысленный экран. Неужели... Яса погибла? За последнее время в жизнь девушки вторглось столько всего, что она могла допустить и смерть Ясы, и ее захват Юбаном. Она вспомнила, как ее саму похитил предводитель джеков, как заставил ее дар служить своим собственным целям. Она попыталась припомнить еще что-то... Какую-то фразу, сказанную Юбаном перед тем, как он принудил ее смотреть в фокусирующий камень.

— Яса, — заговорил Оган, прервав ее размышления, — на корабле джеков. Думаю, бандиты хотят использовать ее как заложника в переговорах с нами.

— Переговоров — об этих камнях? — Зианта показала рукой.

— Да, они попытались торговаться со мной об этих камнях. Но, — он хмыкнул, — они просчитались. У меня и так

есть все, что мне нужно, я вовсе не нуждаюсь в Ясе. Да и охота сотрудничать с нею у меня пропала...

— Яса, — горячо заговорила девушка, — она надеялась, она так ждала, когда ты придешь на помощь...

— Как видишь, я пришел на помощь, и даже собираюсь помочь — но не ей, а тебе. Это на Корваре Яса царит и повелевает, тут же ее власть ничего не значит. Думаю, это она уже ощутила на собственной шкуре!

— Но...

Оган всегда являлся самым верным и преданным приближенным хозяйки... Зианта была ошарашена.

— Тебя удивляет, что я решил сам заниматься этим делом? Но ведь дело с артефактом мое, оно по плечу только человеку моих способностей! Нельзя отдавать его людям, которые даже не в состоянии понять то, что обнаружат, не смогут использовать это должным образом и в конечном итоге все погубят. Один я в полной мере способен оценить сделанное открытие. Они же только догадываются, а я знаю, что это.

Оган знал, в чем суть открытия, — Зианта не сомневалась в этом. Знал он и о том, что только ей дано использовать открытое. А он... он будет использовать ее, будет выжимать из нее всю информацию, полученную посредством кристаллов. Он сделает ее... Искра протеста вспыхнула где-то глубоко и стала разгораться... Она не желает оставаться безгласным инструментом, перешедшим к новому хозяину!

Как ей вести себя? Опасность вынудила ее обрести четкость мысли. Где-то здесь есть еще один сенситив — ведь не Оган последовал с ней в прошлые времена и разделил все встреченные там опасности. Еще — она вспомнила короткий контакт в корабле Юбана, когда прилетела на эту планету. Тот сенситив работал вместе с Харатом... Быть может, он послан сюда Оганом? Но почему тогда психотех не упоминает о нем, не спрашивает о судьбе своего посланца?

Девушка решила во что бы то ни стало проникнуть в эту тайну. Но тут она почувствовала зонд Огана. Вместо того чтобы, как обычно, открыть ему сознание, она опустила барьер.

Он нахмурился, давление зонда усилилось. В ответ Зиганта смело посмотрела в глаза психотеху. И этот открытый взгляд, и ее сопротивление — в их многолетних отношениях такое случилось впервые.

— Если хочешь о чем-то знать, спрашивай вслух, и все.

Попытки зондирования прекратились. На лице Огана заиграла усмешка:

— Ты просто глупая самонадеянная девчонка. Неужели ты вообразила, что эти камни, к использованию которых ты кое-как приспособилась, сделали тебя равной мне? Вспомни, кто я такой и кто — ты...

— Я не пытаюсь оказаться больше, чем есть в действительности.

Кто подсказал ей эти слова, кто дал силы высказать их в лицо Огану? Неужели все пережитое настолько изменило ее саму? Ведь этот человек может полностью подчинить ее тело и разум. Но что-то он не торопится воздействовать на свою строптивую ученицу. Быть может, та уверенность и сила, что появились в ней, ослабляют его возможности? И все же, пока она не будет уверена, что способна в любой момент оказать Огану сопротивление, следует быть осторожной.

— Это хорошо. — Несмотря на явную двусмысленность ее заявления, он сделал вид, что удовлетворен. Возможно, ему проще считать ее тем, чем она была всегда, нежели приспособливаться к тому, чем она стала теперь.

— Где Харат? — спросила она, пытаясь выяснить о том сенситиве, что был с ней и в ее «путешествии», но опасаясь задавать прямой вопрос.

— Харат? — Он удивленно поднял брови. Она поспешно укрепила барьер. Ошибки быть не могло — в ночь перед высадкой на эту планету Харат был здесь, она узнала его импульс. Почему же Огана удивил ее вопрос? Харат — его инструмент, и то, что они вместе, — наиболее естественное предположение.

— Харат на Корваре.

Неужели Оган думает, что она поверит в эту ложь? Разве он забыл, что у Харата был с нею контакт? А если он об

этом и вправду не знает, тогда кто же тот, другой сенситив? Или этой неуклюжей ложью психотех пытается скрыть потерю мохнатого союзника? А тот, другой, завладел Харатом и действовал без ведома Огана?

Зианта почувствовала, что снова теряет опору для суждений. Она не могла разгадать игру Огана. Или он проводил с нею очередной заумный тест?

Ударивший внезапно в сознание зонд был настолько силен, что прежде без труда пробил бы ее защиту. Но сейчас она устояла. Девушка поняла: барьер нужно поддерживать непрерывно...

— Почему ты решила, что Харат здесь? — спокойно спросил Оган, внешне не проявляя своего поражения в попытке принудительно проникнуть в ее мысли.

— А где же ему быть, как не с тобой? — ответила она вопросом. — Ты всегда подключаешь его, если хочешь умножить свою мощь. Разве теперь не такая ситуация?

Зианте это казалось логичным. Но примет ли ее логику Оган? И почему старается скрыть от нее присутствие на этой планете Харата?

— Харат слишком уникален, чтобы рисковать им, — бросил Оган, поднимаясь на ноги. Он отвернулся и молча постоял, будто к чему-то прислушиваясь. Затем отправился к часовым и тихо заговорил с ними.

Зианта наблюдала за ним. Оган чего-то боится, это ясно. Почва для опасений есть — терпение Юбана может истощиться, да и Яса отнюдь не дура: узнав о предательстве Огана, она вполне может вступить в сговор с джеками. Ее план отделаться от Юбана, чтобы единолично завладеть сокровищами, теперь мог измениться.

Глаза... Зианта схватила их и спрятала под одеждой. Она твердо знала — это ценнее любых сокровищ гробницы. Оган подозревал это, и Яса тоже. Но у самой Зианты, в отличие от них, были доказательства волшебной силы Глаз. Но очень важно узнать: использовать кристаллы может определенный сенситив или любой, в том числе и Оган?

Там, в иных мирах, Зианта работала с ними дважды. Винтра, не подозревавшая об их могуществе, насильно по-

лучила кристалл от врагов. Д'Эйри, напротив, прекрасно знала силу камней и использовала ее. Даже сейчас девушка не думала об этих женщинах, как о ком-то постороннем: в ней продолжали жить частицы и Винтры, и Д'Эйри. В силу своих каких-то особых свойств именно она оказалась наследницей этих несчастных обладательниц кристаллов. Выбор судьбы пал на нее — так нужно ли ей вступать в сделку с Оганом?

Но правильно планировать не позволяла еще одна большая дыра в ее информации. Тот, другой сенситив... Он постоянно занимал ее мысли. Кто этот сенситив, пожертвовавший собой, чтобы помочь ей вырваться из прошлого? И где все-таки Харат, этот удивительный источник психической энергии? Туран... Эту проблему она обязана разрешить — для своей собственной безопасности, для планирования своих взаимоотношений с Оганом. Зианта постаралась отбросить покров мрака и смерти, который застилал ее сознание при мысли о Туране. В его мертвом теле остался тот, кто сопровождал ее в невероятном путешествии к далеким предкам. Все, что она могла о нем предположить, — этот незнакомец подчинился Огану. Нужно узнать о нем все! То, что Оган его использовал, не принижало незнакомого сенситива в ее глазах. Ее саму Оган использовал много раз, заставлял выполнять то, чего хотели он и Яса. Тот сенситив — ее товарищ по несчастью, так же зависимый от психотеха. Теперь он умер, выполняя задание Огана. Если потребуются, Оган без раздумий пошлет на смерть и ее...

Зианта нащупала под одеждой камни. Огану еще ждет сюрприз, если он надумает избавиться от нее. Д'Эйри в минуту опасности использовала Глаза. Если Зианта овладеет таким искусством, она станет гораздо могущественнее, чем может предположить психотех. А обстановка вокруг такова, что это могущество может потребоваться очень и очень скоро...

И еще: где-то здесь есть Харат. Если он все еще на планете, она свяжется с ним. Связь между ними возникла благодаря Огану, но из всего своего прошлого именно это она хотела бы сохранить, это было все, что у нее осталось:

только Харату из всех существ на этой планете она могла доверять.

Оган вернулся:

— Нам надо идти.

— Куда? На твой корабль? — Зианта таила надежду на отрицательный ответ. Пока они были здесь, среди скал, у нее сохранялась иллюзия свободы.

— Нет, пока не на корабль. — Он, склонившись, собирал вещи.

Взяв увязанные тюки, они вчетвером пробирались среди скал и каменных обломков, пока не выбрались на равнину. Неширокий ручеек, чахлые кустики и клочки жесткой травы по его берегам — вот единственные признаки жизни на планете.

Что же случилось с миром Турана, что стерло с лица этой планеты и Сингакок, и другие народы? Разрушительные войны или неслыханной силы катаклизм? Сколько веков уже пустует эта планета?

Дорога была трудной. Как ни старался Оган двигаться быстрее, это удавалось плохо. Приходилось искать расщелины в скалах, пробираться между острых камней. Бесконечные спуски и подъемы утомили всех, особенно устал Оган: он задыхался, порой останавливался, чтобы прийти в себя.

Они вышли на ровную местность, и здесь растительность оказалась богаче. Хотя даже самые крупные кусты были им по плечо, необходимость продираться сквозь жесткие ветки еще больше замедлила движение отряда. Снова и снова ныряя в заросли, Зианта удивлялась неистребимой силе природы, сумевшей оживить эту местность после постигшего планету кошмара, судного дня Сингакока.

Вдруг один из мужчин разразился бранью, полыхнул лазером в кусты. Зианта успела увидеть, как на его ноге сомкнулась чья-то зубастая пасть. Нападение неизвестного хищника было отражено, но на ноге пострадавшего остались клочья желтой слюны. Он стал поспешно смывать ее в ближайшем ручье.

— Было похоже на огромную ящерицу. Здесь надо быть настороже. Хорошо хоть, что не прокусила насквозь, — бормотал он. Второй охранник поливал кусты огнем своего лазера. Оган остановил его:

— Не стоит расходовать на это заряд.

— Я не хочу, чтобы меня укусила какая-нибудь ядовитая тварь! — крикнул тот в ответ, но лазер все же выключил.

Дальше они шли совсем медленно, озираясь по сторонам, чтобы не подвергнуться новому нападению. Зианта, не привыкшая к подобным путешествиям, уже едва двигалась: ноги нестерпимо ныли, каждый шаг отдавался болью.

Оган дважды делал короткие остановки и прислушивался к чему-то. Возможно, в эти минуты он вел мысленный поиск — проверял, нет ли погони. Зианта не стала ему помогать: возможно, это всего лишь уловка, чтобы отвлечь ее и прорвать барьер.

Долина уперлась в каменную стену, с которой низвергался сверкающий водопад. Им ничего не осталось, как взбираться по почти отвесному склону. Поднявшись, отряд оказался на открытом голом плато. Видимо, угроза нападения оставалась, так как они по требованию Огана пересекли этот участок почти бегом. Оган тащил обессиленную девушку за руку, не обращая внимания на ее протесты. Лишь достигнув укрытия за грудой камней, они наконец остановились.

Здесь они развязали тюки и перекусили. Растирая ноющие ноги, Зианта решила узнать, кого так опасается психотех. Скорее всего, Юбан, так и не завершив переговоры с Ясой, решил действовать самостоятельно, как тогда, в разграбленной гробнице.

— Это Юбан? — спросила она, скатывая пустой тюбик из-под А-рациона в плотный шарик.

Оган лишь невнятно хмыкнул. Девушка поняла, что сейчас он полностью поглощен сканированием окружающей местности, стараясь выявить чье-то присутствие. При этом ее наставник выглядел расстроенным: видимо, его усилия не увенчались успехом. Это насторожило и встревожило девушку: для такого сенситива, как Оган, обнаружить

обычного человека, того же Юбана — детская забава. Выходит, те, кого он опасается и не может найти, имеют мыслезащиту? А если это так, почему он борется в одиночку, не приказывает ей подключиться? Не хочет посвящать ее в какую-то тайну?

Ничего не понимая, Зианта прислонилась спиной к холодному камню и закрыла глаза. Но тревога не покидала ее. Ладно, Оган не просит ее помощи. Но ведь она может сама попробовать! Не ради помощи психотеху, а хотя бы из-за Харата.

Узнав, где он, она сможет понять, почему Оган скрывает его присутствие на планете. Ведь это Харат направил к ней Турана — вернее, не Турана, а... Кого же? Девушка принялась вспоминать людей, приходивших на виллу, посещавших лабораторию. Это мог быть один из них. К сожалению, Оган всячески старался оградить ее от контактов с другими участниками своих экспериментов. Но, правда, еще непонятно, почему сенситив такой мощи, как Туран (для нее он будет Тураном, раз другого имени она не знала), позволял Огану использовать себя. Такой человек в роли инструмента? Что-то не вяжется — он сам способен использовать других.

Думая о нем, Зианта невольно представляла себе внешность Турана. Но ведь это — только навязанная обстоятельствами физическая оболочка. А как выглядит ее товарищ на самом деле? Ему не удавалось отделить его от воспоминаний давно умершего лорда командора. Попытка воссоздать его истинный облик ни к чему не приводила — это как из кусочков собирать вещь, которую ты никогда не видел.

Да и сама она что собой представляет? Всю жизнь — сначала в Диппле, затем в доме Ясы — она действовала, выполняя чужую волю. Саларикийка дала ей кров, пищу, образование — но не ради ее блага, а чтобы использовать необычный дар подобранной случайно попрошайки.

Огана Зианта сначала почитала как идола. Потом стала бояться и ненавидеть, признавая его мастерство, но вместе с тем... зная, как оно может обратиться против нее. Сейчас, обретя опыт Винтры и Д'Эйри, девушка осознала всю

глубину своей ненависти к Огану. Он никогда не считал ее полноценным человеком. Он мял ее, как глину, придавая своему творению желаемую форму. Но теперь... Она будет отстаивать право на свободу, право быть собой. И если понадобится — не побоится противодействовать Огану, как бы силен он ни был!

Яса и Оган стали людьми, определявшими всю ее жизнь. Что ж, она заплатила долг и ничем больше не обязана ни сарарикийке, ни психологу. А был ли в ее жизни хоть кто-то, к кому она питает добрые чувства? Да, Харат... Он — ее друг, если это понятие применимо к смешному негуманoidному созданию.

И еще Туран. Он относился к ней не как учитель, не как хозяин — они были товарищами. Так взаимодействуют члены одной команды, воины одного отряда — у них общие и опасность, и радость. Вот и Туран — он поддерживал ее, но и сам в то же время полностью зависел от нее. До самого конца...

Под сомкнутыми ресницами проступила обжигающая влага. Прежде она плакала только из-за физических страданий — боль, холод. Еще голод — когда ребенком жила в Диппле. А эти слезы вызваны ощущением невосполнимой утраты. Через ее душу легла кровавая рана, причиняющая постоянную боль. И нанес эту рану Оган, пославший к ней незнакомца и бросивший его умирать в чужом мире.

Она просто обязан отомстить — и за него, и за себя. Этот час настанет! Оган заплатит сполна, она найдет способ стать сильнее его...

От этих мыслей ее оторвало прикосновение Огана:

— Вставай, нам нужно спрятаться. Маут отправился на разведку и обнаружил подходящее убежище...

Девушка осмотрелась. Один из людей Огана отсутствовал, другой держал возле уха рацию, слушая сообщение. Охнув, Зианта с трудом поднялась на ноги. Если путь предстоит дальний, она может просто не дойти.

— Быстрее! — прикрикнул Оган.

И конечно, они снова карабкались, спускались, продирались. Дважды Зианта падала, во второй раз ушиблась так,

что ей потребовалась помощь, чтобы встать. Но Оган, бранясь сквозь зубы, все тащил ее вперед.

Наконец он привел ее в какую-то пещеру и толкнул в дальний угол, и девушка упала, застонав от боли и бессилия. Но Оган даже не попытался помочь ей, оставив лежать на голых камнях. Он вернулся к выходу и отослал куда-то одного из своих людей.

Глава 15

Сгушались сумерки, наступала ночь. От солнца, днем в этой безлесой стране казавшегося по-особому ярким и жгучим, теперь остался лишь его краешек, золотивший полосу неба. Зианта лежала в глубине пещеры, тело ее ныло после непривычной физической нагрузки, но разум оставался ясным, она была настороже.

Человек, посланный куда-то Оганом, еще не вернулся, но переданные им дважды кодированные сообщения усилили тревогу Огана. Похоже, весь его замысел расстраивался. Мягко ступая, он приблизился к ней и, склонившись голова к голове, прошептал:

— Не бойся. Здесь ты в безопасности...

— От Юбана? — с внешним безразличием спросила Зианта. — Это его люди идут за нами?

— Юбан? Если бы... — Он небрежно отмахнулся, будто капитан джеков был не опаснее назойливой мухи, которую легко прихлопнуть в любой момент. — Увы, дело гораздо хуже. Приземлился корабль Патруля!

— Патруль? Но как...

Среди всех возможных вариантов этот был наименее вероятным, но и наиболее страшным.

— Откуда я знаю как, — пожал плечами Оган. — Впрочем, везде найдутся уши, которые слышат, и глаза, которые видят. Вы с Ясой летели через Путеводную... А она не контролируется Гильдией, достаточно одного шпиона, чтобы... Потом, не исключено, что выследили не только вас, но и меня. Впрочем, какая разница? Они здесь — это факт, об этом и надо думать сейчас.

Он замолчал, пристально глядя ей в глаза.

— Ты помнишь, что грозит сенситиву, работающему на Воровскую гильдию? Советую не забывать об этом...

Во рту у нее пересохло. Это вдалбливалось в нее с первых дней на вилле. Зианта должна была знать, что будет с ней, если служители закона схватят ее во время какой-нибудь операции Воровской гильдии. Смерть? Если бы. Они убивали не тело — разум! Полное стирание... Вместо человека, носившего имя Зианта, думавшего, как Зианта, действовавшего, как она, появится безвольное тупое существо, не имеющее ни воспоминаний, ни мечты, способное только на такую же тупую механическую работу. Воспоминания, личность — все это исчезнет.

Тень удовлетворения мелькнула на освещенном закатом лице Огана: он заметил ее смятение.

— Не забудь, девушка. Все время помни: стирание!

Он вновь помолчал. Может быть, ему пришло в голову, что в случае захвата Патрулем и его ожидает такая же жуткая участь?

— К несчастью, — опять заговорил психотех, — Патруль сел там, откуда может контролировать всю эту местность. Нам придется затаиться в укрытии — пусть они убедятся, что на планете нет никого, кроме Юбана с его людьми.

— Но твой корабль... Они могут его обнаружить.

— Корабля нет, Зианта. Я спустился сюда на шлюпке, защищенной от детекторов. Корабль остался на дальней орбите, он недосыгаем для приборов Патруля.

— Но ведь у них есть еще индивидуальные детекторы? Что, если Патруль ими воспользуется? — Она изо всех сил старалась не дать страху, который поселил в ней Оган, перерасти в панику.

— Само собой. С помощью этих детекторов они сейчас прочесывают местность. Что ж, они наткнутся на джеков и заберут их, а мы — в надежном укрытии, у нас есть искажатели, а потому нас не найдут.

Она знала, что искажатели делают человека недоступным для обнаружения детекторами, а визуальный искажитель делал человека еще и невидимым для других. Но для

подобных операций Патрулю, кроме детекторов, придется еще и сенситив...

— У них нет сенситива. — Оган словно бы подслушал ее мысли. — Я прощупал их и не обнаружил сенситива. Нам повезло! Правда, есть одно неприятное обстоятельство: моя шлюпка запрограммирована на взлет в определенное время. Если мы не успеем к ней — она улетит без нас.

— И что же делать?

— Попытаюсь в одиночку пробраться к шлюпке, а дальше по обстоятельствам: либо перелечу на ней за тобой сюда, либо хотя бы отключу таймер-программу.

— А я?

— Жди здесь. Оставлю с тобой Маута. Надеюсь, что Патруль и джеки будут заняты друг другом и не отыщут вас. Ну а если это случится... Сама понимаешь... Никто и пальцем не пошевелит, чтобы выручить тебя. Поэтому... Фокусирующие камни — они у тебя? Дай их мне, так будет надежнее.

— Для тебя эти камни бесполезны. — Зианта начала свою игру. План Огана стал ей ясен. Он заберет камни и, если будет хоть малейшая опасность, улетит с ними на свой корабль. Но поверит ли ей психотех? — Они связаны со мной, и только со мной. Одна я знаю их тайны, к тому же они реагируют только на того, кто разбудил их.

Она должна убедить Огана! Тем более что без лаборатории, которая находится на Корваре, он не сможет проверить ее слова.

— Ну а зачем эти камни тебе? Как ты сможешь их использовать? — насмешливо спросил Оган.

Зианта лихорадочно искала ответ. Необходимо придумать что-то достаточно важное, чтобы сохранить Глаза у себя.

— Раз у Патруля нет сенситива, я могу с помощью камней помутить их рассудок, сбить их со следа. И потом — в древности их применяли для управления... — Для управления лурлами, животными, но возможно, что их удастся использовать для управления людьми. Но стоит ли объяснять это Огану?

— Молодец, вижу, ты уже многое извлекла из артефакта. Позже расскажешь мне все. Слышишь, все!

— Все... — произнесла она с безвольной интонацией, словно, как в прежние времена, находилась в полной власти Огана и его приказов. Психотех довольно усмехнулся, прошелся по пещере.

— Пожалуй, ты права. Пусть камни будут пока с тобой. — Девушка едва сумела подавить вздох облегчения. — А до моего возвращения, — продолжал Оган, — ты останешься здесь под охраной Маута. Ждите, я вернусь!

Еще бы! Теперь, заинтригованный тайной камней, он вернется, чтобы выпотрошить из нее всю информацию, чтобы заставить снова и снова смотреть в кристаллы и добывать для него еще более важные сведения о предтечах... Он вернется сюда, несмотря на любые опасности, — когда дело касается парапсихологии, Оган забывает про терпение и осторожность.

Зианта следила, как он покидает пещеру, с радостью сознавая, что сумела отстоять свое право на Глаза. Она прошла с ними путь Винтры и Д'Эйри, она сроднилась с этими таинственными кристаллами. Ее рука нащупала камни, Зианта зажала их в кулаке. Если опять посмотреть в них, куда ее забросит — в Сингакок? В Норнох? Она не хотела видеть ни того, ни другого.

И она не хотела служить Огану, не хотела по его приказу использовать Глаза. Тогда уж лучше, чтобы они потерялись здесь, среди скал, где отыскать их будет невозможно.

Еще есть еще и Харат. Скорее всего, Оган оставил его в шлюпке. Но почему он скрывает от нее, что взял Харата с собой на планету? Теперь, когда Оган ушел, она может послать вызов. Она отыщет маленького друга и узнает всю правду!

Держа камни обеими руками, Зианта — впервые с тех пор, как Оган нашел ее, — опустила мысленный барьер. Затем, создав в мозгу четкое изображение Харата, начала посылать сигнал — все дальше и дальше.

«Харат?».

Ответное прикосновение, неожиданное и краткое. И прежде чем она успела задать какие-то вопросы, в ее сознании забилось:

«Предупреждение... Очень важно... Угроза... Обмениваться опасно... Оставь только маленький маяк, только прикосновение...»

Значит, Харат не на шлюпке. Сбежал от Огана, покинул аппарат? Зианта не могла получить ответ на свои вопросы — по воле Харата, нить между ними была слабой, почти неощутимой. Он только предупредил — и оборвал контакт... Зианта положила подбородок на согнутые колени, обхватила их руками. Она держала в сознании образ Харата — путеводную ниточку, по которой он идет к ней, отыщет ее... Опасность... Что он имел в виду? Патруль? Юбана?

Прерывистый зуммер кодированной передачи прервал ее раздумья. Она подняла голову. В пещере царил почти полный мрак, силуэт стража темнел у выхода смутным пятном. Его рация продолжала тоненько попискивать — шифр, которого она не знала.

— Джентльфем, — подал Маут голос из темноты. В нем чувствовалось почтение к женщине, обычное в нормальной обстановке и казавшееся странным в этом мрачном убежище. — Сообщение от Огана: нам надо убираться отсюда. Идем на восток.

Уходить сейчас, когда Харат на пути к ней? Ну уж нет!

— Оган велел оставаться здесь!

— Все изменилось, джентльфем. Сюда кто-то идет — то ли Патруль, то ли Юбан. У них сильнейшие детекторы неизвестной модели.

Неужели они засекли ее короткий контакт с Харатом? Зианту охватила тревога.

— Скорее! Надо идти! — Маут подступил к ней, отбросив деликатность. Наверное, ему велено тащить Зианту силой, если она заартачится.

Девушка лихорадочно соображала, ее мозг бешено работал. У нее есть Глаза, с их тайной силой. Перед ней обычный парень, не сенситив — и это ее шанс! Нужно обмануть Маута и дожидаться Харата.

— Я иду, — произнесла она, но не двинулась с места. Оборвав нить связи с Харатом, Зианта полностью сосредоточилась на своем конвоире.

— Вниз. Спускайся за мной. — Он вышел из пещеры, даже не оглянувшись. Удалось! Маут был в полной уверенности, что девушка неотступно следует позади!

Зианта была удивлена и горда: она сумела это. Наводить такие иллюзии мог только Оган. А теперь и ей удалось сформировать иллюзию в чужом сознании. Да, эти камни действительно обладают могуществом.

Но... галлюцинация вскоре ослабнет, и Маут вернется за ней. Значит, ей придется покинуть пещеру.

Пошарив в поклаже, она достала тубик с таблетками А-рациона и маленький контейнер с водой. Больше ничего брать не стоит. На пороге пещеры ее охватила неуверенность — в черноте ночи скалы казались какими-то таинственными существами, от них исходила угроза. Зианта упрямо тряхнула головой. Ей нужно найти другое убежище, дать Харату новый ориентир и дожждаться его там.

Маут пошел вниз? Что ж, она отправится наверх и где-нибудь там найдет место, откуда можно просматривать окрестность. Бережно спрятав камни, Зианта начала взбираться по крутому склону.

Она преодолела уже порядочное расстояние, когда снизу донесся неясный звук. Она замерла, распластавшись на каменистом выступе. Маут — он вернулся! Нельзя выдать себя ни движением, ни шорохом.

Ночь была на редкость тихой, ветер не свистел в изъеденных эрозией камнях. Зианта на грани слышимости следила за тем, как Маут бродил внизу. Вот он выругался — видно, обнаружил, что пещера пуста. Затем до нее донесли сигналы радиации. Он докладывает Огану о ее исчезновении или выслушивает приказ? Жаль, что она не знает кода. Не рискнуть ли на мысленное зондирование? Но, пока она раздумывала, сигналы смолкли. Раздались шаги... Он движется в ее сторону!

Вдруг темноту ночи прорезал яркий луч света. Он был направлен не на Зианту, а на Маута.

— Замри, стой на месте!

Маут замер, беспомощно моргая. Послышались голоса приближающихся людей. Патруль? До нее донеслись обращенные к пленнику вопросы — спрашивали о ней. Зианта сжалась. Она не менее беспомощна, чем Маут. Любое ее движение будет услышано, и тогда...

В круг света, где находился Маут, ступил какой-то человек. Он не был в форме Патруля, его костюм больше походил на комбинезон космолетчика. Выходит, их выследили люди Юбана. Если Яса, как предполагал Оган, заключила с ними сделку... Может, окликнуть их, обнаружить себя? А вдруг Яса не союзница, а пленница Юбана? Нет, пока возможно, она должна остаться свободной, должна найти Харата и узнать обо всем.

Маута разоружили и повели вниз. Никто из этих людей не догадался подняться выше. Но наверняка скоро они станут искать ее здесь! Зианта не питала иллюзий по поводу стойкости Маута: у джеков найдутся эффективные методы, чтобы вырвать у пленника нужную информацию. В общем, ей надо уйти отсюда как можно дальше, потом будет поздно.

Шум внизу усилился: они обыскивали пещеру. А потом? Как ей хотелось, чтобы эти люди ушли отсюда! Она не рискнула прибегнуть к психическому внушению, помня предупреждение Огана насчет детекторов. Но иногда даже просто сильное желание тоже может оказать действие — она слышала о подобных случаях.

Вскоре девушка облегченно вздохнула — они действительно уходят! Она чутко прислушивалась к шумам внизу, терпеливо дождалась, пока звук шагов растает вдали.

Теперь быстрее! Она стала поспешно карабкаться вверх, стараясь действовать бесшумно, что было не просто в царившей вокруг крошечной тьме. Зианте приходилось ощупывать путь руками, а сделав шаг, долго пробовать надежность опоры. Тем не менее она дважды сорвалась и с бешено бьющимся сердцем подолгу замирала, слушая, как затихает стук летящего вниз задетого ею камешка, который, несомненно, привлечет сюда ее преследователей.

Прошло немало времени, ей показалось — вечность, пока она достигла вершины склона. К своему огорчению, девушка обнаружила, что на этом голом участке нет ничего, похожего на укрытие. Ей не оставалось ничего другого, как спускаться по противоположному склону. Где-то рядом послышалось хлопанье крыльев. Здесь есть птицы! Почему-то это небольшое открытие придало ей уверенности. Набравшись духу, Зианта начала спуск.

Этот склон оказался гораздо более пологим. Но девушка заставила себя не суетиться и двигалась медленно, осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. И все же она поскользнулась и вынуждена была уцепиться руками за колючие ветки какого-то куста. Но и после этого она продолжала с шумом катиться вниз, пока другой, более укорененный в грунте куст не задержал ее падения. Зианта буквально оцепенела от ужаса: такой шум наверняка слышен во всей округе. Далеко ли ушли люди Юбана? Она рискнула на мысленное зондирование. И...

Харат!

Она еще в пещере разорвала с ним связь, а потом была занята только тем, чтобы скрыться. И вот теперь... По четкости ощущения девушка поняла, что Харат где-то совсем рядом.

Чуть позже до нее донесся слабый звук. Неужели Харат здесь, на этом склоне? Во всяком случае, по косогору что-то двигалось в ее сторону, двигалось гораздо бесшумнее, чем мог это делать в темноте человек. Ну конечно, ведь ее маленький друг ночью видит не хуже, чем днем; ему гораздо сподручнее пробираться среди камней. Она ждала, ухватившись за куст, как за спасительный якорь.

И, наконец, Харат! Он бежит к ней, раскинув в стороны две пары щупальцев. Зианта прижала к себе маленькое пушистое тельце, и Харат, обычно разыгрывающий из себя недотрогу, сейчас весь отдался этой горячей ласке.

«Успокойся, — передала она. — Ты что же, отстал от Огана? Потерялся?»

«Нет! Скорее... иди... с Харатом!»

Она никогда не видела своего приятеля настолько возбужденным, он рвался из ее рук, теребил платье.

«Надо... скорее... он умрет!»

«Кто умрет? Оган?»

Неужели психотех попал в беду, пробираясь к шлюпке?

«Он!»

Казалось, Харат уверен, что Зианта должна знать, о ком идет речь. Словно человек, к которому он звал, был настолько известной персоной, что любое упоминание о нем все должны понять с полуслова.

«Идем! Скорее!»

Возбуждение Харата еще усилилось. Он не отвечал на ее расспросы, старался освободиться из ее рук с той же решительностью и горячностью, с какой минуту назад кинулся в ее объятия. Он требовал одного — чтобы она повиновалась! Полная недоумения, Зианта опустила Харата на землю.

«Скорее!»

Он тут же устремился вперед, оглядываясь, требуя идти за ним. Девушка осторожно двинулась следом, хотя, не имея способности к ночному видению, не в состоянии была поспеть за своим проводником.

«Харат! — Она послала это как можно убедительнее. — Подожди... иди тише... я не вижу тебя».

«Я жду, — пришел ответ. — Идем... Скорее!»

Она уловила слабое движение ниже по склону, будто Харат в нетерпении бегал взад-вперед, охваченный желанием пуститься дальше.

Забыв об осторожности, Зианта поспешила вниз и наполовину прыгнула, наполовину съехала туда, где ее поджидал Харат. Чтобы они вновь не разъединились во мраке, он цепким щупальцем схватил ее за одежду и потащил за собой.

«Скорее».

Зианте осталось только положиться на своего проводника. Во всяком случае, он вел ее куда-то. К счастью, на небе выглянуло ночное светило, и мрак сделался не таким густым. В тусклом зеленоватом свете здешней луны все вокруг приобрело нереальный, какой-то болезненный вид.

Харат тянул ее на восток. Присмотревшись, девушка узнала эту местность. Конечно же, где-то неподалеку должен находиться корабль джеков. Яса? Не похоже — Харат называет этого человека «он», к тому же вряд ли он станет так горячо печься о салиарикийке, к которой всегда относился довольно холодно. Сейчас ее проводник двигался медленнее, осторожно выбирая путь между разбросанных тут и там острых камней.

«Ты ведешь к кораблю джеков?» — осмелилась предположить Зианта.

Вместо ответа он резко дернул ее за платье, как бы запрещаая вступать здесь в психоконтакт. Они пробирались между скал и наконец оказались там, где каменные пики сомкнулись в сплошную стену. Харат со всей доступной ему скоростью кинулся к этой стене, мигом взобрался на какой-то уступ и исчез в расщелине.

«Сюда! Скорей!»

Зианта сомневалась, что сумеет протиснуться в эту узкую щель. Когда ей это все же удалось, она едва не лишилась своей одежды, ключьями повисшей на плечах и бедрах.

Под защитой стены располагалась небольшая впадина. Свет луны не проникал сюда, но девушка все же различила силуэт лежащего человека и Харата рядом с ним.

Кто этот незнакомец? Это же тот, другой сенситив! Ее товарищ по путешествиям в миры предтеч... Что с ним? Он, должно быть, еще жив, иначе зачем Харат так торопил ее? Сердце гулко стучало в ее груди. Девушка опустила на колени перед тем, кого не могла разглядеть в этой жуткой темноте.

Она ошупала руками его одежду: костюм космопилота, тяжелые башмаки исследователя планет. Голова не покрыта. Он лежит ничком, тело холодное. Лишь поднеся руку к губам незнакомца, Зианта уловила слабое дыхание. В транс? Вполне вероятно. Но тогда она бессильна, у нее нет нужных знаний. Только Оган мог бы вывести сенситива из такого состояния.

«Нет! Оган убьет!»

Мысль Харата ощущалась, как панический вопль, так что Зианта даже отпрянула.

«Тебя... Харат... достигь его... достигь...»

Похоже, упоминание об Огане так потрясло Харата, что он утратил способность связно передавать мысли. Зианта не понимала, откуда возник этот страх, но в его реальности сомнений не было. Если уж Харат уверен, что Оган опасен, ей надлежит разделить эту уверенность, не требуя объяснений.

«Харат... — В этот призыв она вложила все спокойствие и выдержку, какие могла изобразить. — Подумай, как нам сделать это?»

К ее пушистому союзнику вернулось самообладание.

«Посылай... с Харатом... посылай... ему...»

Он предлагает ей метод, обратный тому, каким она пользовалась, работая с ним раньше. Если тогда она брала энергию от Харата, то сейчас должна через него реализовать свою волю.

«Да... именно так... посылай!» — пришло торопливое подтверждение: она верно уловила идею.

«Я готов... начинаю».

Расстегнув платье, Зианта достала фокусирующие камни. Насколько они окажутся эффективны в данной ситуации, она не знала. Но была уверена, что они хотя бы помогут ей сконцентрировать энергию.

Наклонившись над беспомощно распростертым телом, Зианта коснулась пальцами холодного лба. Щупальце Харата крепко обхватило ее запястье. Обеспечив физический контакт, они должны теперь наладить психосвязь. Справятся ли они с этой, неизмеримо более сложной задачей?

У нее появилось странное ощущение, что она — нет, не вся она, а какая-то ее часть, ее внутреннее «я» — несется со страшной скоростью куда-то вдаль, в пространство, где царит хаос, где все беспорядочно кружится, смещается, где нет ничего прочного — только ее связь с Харатом. Они неслись все дальше и дальше, кристаллы нагрелись в ее ладони, излучая устойчивый поток энергии. Он тек через ее

руки — к пальцам, через них — к щупальцам, к той точке, где сосредоточился их тройной контакт.

Несутся, кружатся, снова, и снова, и снова, пока Зианте не захотелось крикнуть: «Хватит!» Им нельзя больше лететь в этом круговороте, иначе их связь с реальностью может оборваться, и они навсегда потеряют этот мир, как потерял его тот, кого они пытаются и не могут отыскать в зыбком головокружительном хаосе...

Глава 16

Все мелькает, плывет перед глазами, невозможно ни на чем сосредоточиться, сфокусировать энергию... Нужно создать мысленный образ, но она не знает облика этого человека, лежащего лицом вниз.

Видел ли его Харат? Может ли она рассчитывать на его помощь? Совпадет ли его зрительное восприятие с человеческим? Кружение постепенно затихало.

«Скорее!» — Маленький помощник царапнул ее по запястью.

«Нам нужно изображение. — Она попыталась объяснить причину своей неудачи. — Создай картинку, Харат!»

То, что появилось в ее мозгу, было так искажено, карикатурно, что Зианта едва не прервала контакт. Она увидела уродливую помесь человеческих черт с чем-то, отдаленно напоминавшим клювастую голову Харата.

«Нам нужна истинная картина».

Они все еще соприкасались физически, но психический контакт распадался: ее союзник не понимал, чего она добивается. Недоумение Харата тут же перешло в негодование. Сознал ли он, что тоже повинен в неудаче? Зианта мобилизовала все свое терпение.

«Это человек, такой же, как я, — объясняла девушка. — Но хотя он следовал за мною в прошлое, я не знаю, как он выглядит в действительности. Не увидев его, я не смогу зафиксировать изображение».

Новый импульс ярости: Харат мало что понял из ее объяснений. Он с досадой и разочарованием отдернул щупальце от руки девушки.

Лишь на самый край расщелины попадал зеленоватый свет луны. Если она сумеет дотащить туда тело, чтобы увидеть лицо... Но другого пути нет. Вздохнув, она спрятала камни и принялась тащить лежащего человека. Хотя он меньше и легче Огана и его охранников, для нее это была тяжелая работа. Наконец ей это удалось, и свет луны упал на лицо незнакомца.

В этом призрачном освещении трудно судить о цветах. Ей однако показалось, что она видит темный загар, характерный для космонавтов. О принадлежности к ним говорила и короткая стрижка — так удобнее носить шлем.

Правильные черты лица — по стандартам ее расы этот человек мог считаться даже красивым. Зианта внимательно всматривалась, стараясь зафиксировать в памяти мельчайшие детали. Ей нужно знать его облик так, словно видела много-много раз — ошибка может обернуться трагедией.

Девушка протянула руку и легким прикосновением пальцев провела по лбу, по переносице, пытаясь запомнить рисунок чуть припухлых губ, твердую линию подбородка — все это нужно запомнить.

Харат нетерпеливо бегал вокруг.

«Торопись... он потерялся... если он будет там слишком долго...»

Зианта знала об этом кошмаре, издавна преследующем сенситивов, впадающих в транс: боязнь потеряться в нереальном мире, не найти своего тела, не вернуться. Но теперь она запомнила, кого им следует искать на тех зыбких путях, куда обычным людям хода нет.

«Теперь я знаю его». Зианта надеялась, что это действительно так.

Достав Глаза, сжала их левой рукой, правую положила на лоб незнакомца, вновь почувствовала на запястье щупальце Харата.

«Начнем...» — передала она уверенно: теперь ее не пугало сумасшедшее кружение. Теперь поведет не Харат,

она сама будет направлять поиск, держа в памяти только одно — лицо незнакомца.

В этот раз они не искали, а звали — сложив свои силы, получая добавочную энергию от камней. Зианта не знала имени этого человека, что дало бы их вызову большую точность, но зато вся их объединенная мощь была брошена на передачу изображения.

«Ты, кого мы ищем, где бы ты ни странствовал... Приди!»

Ее тело, сознание — все слилось воедино: в поток энергии, в беззвучный крик. Долго ли ей удастся поддерживать это невероятное напряжение?

«Приди!»

Что-то шевельнулось, царапнулось... Слабо, издалека... Словно что-то едва ползет.

«Приди!»

Да — смутный ответ, но адресованный конкретно ей! Она не решалась прекратить сеанс, боясь поверить, что у нее получилось это! Нет, нельзя торжествовать и даже на миг прерывать эту тончайшую нить.

«Приди!»

О, как медленно крепнет эта нить... А силы все слабеют, ей уже не хватает энергии, получаемой и от Глаз, и от Харата.

«Приди!»

В это последнее усилие Зианта вложила все. И оборвала связь, больше не в силах поддерживать контакт.

Она упала ничком, безвольно откинув руку на тело незнакомца. Сознание не покинуло ее, но она была настолько изнуренной, что не могла ни пошевелиться, ни издать хоть один звук, когда ощутила, что незнакомец шевельнулся.

Он с трудом сел. Харат суетился рядом, неистово шелковая клювом и размахивая щупальцами, проявляя свое возбуждение. Как бы издали донеслись до Зианты невнятные слова. Все это задевало девушку лишь чуть-чуть, скользило мимо сознания, отвергавшего сейчас все, что требует хоть крохотного напряжения воли или мышц. Она хотела сейчас лишь одного: лежать. И чтобы прошел наконец этот шум в голове...

Но все же она пыталась понять, добилась ли все-таки успеха. Вдруг этот человек не сможет вспомнить себя, понять, где он и что с ним? Но незнакомец сориентировался на удивление быстро. Он склонился над ней, всматриваясь в ее лицо... Вид у него озадаченный, он снова что-то бормочет на своем языке.

Сильные руки подняли ее и положили удобнее. Чувствовалось, что он понимает ее состояние, знает его причину. Не потому ли он не пытается вступить с ней в мысленный контакт? Или длительное погружение в транс истощило его психику не меньше, чем измотал ее предпринятый поиск?

Когда он выпрямился, Зианта открыла глаза, с любопытством окинула взглядом его фигуру, наполовину скрытую в тени. Этот человек не отличается высоким ростом, он строен — пожалуй, даже худ. Лицо не молодое — скорее млажавое. Увидев, что незнакомец встал, Харат радостно защелкал клювом и, цепляясь за его комбинезон, вскарабкался по нему и уселся на плече. Так Харат вел себя только с теми, с кем его связывает многолетняя дружба.

Носить его на плече не показалось незнакомцу чем-то непривычным. Он подбежал к краю расщелины и выглянул между камней, внимательно прислушиваясь. Что ж, пусть возьмет на себя охрану — ей, Зианте, необходим длительный отдых.

И вдруг девушка обмерла. В момент, когда этот человек повернулся, она заметила на нем очки ночного видения, а на его одежде разглядела... Даже в этом тусклом зеленом освещении ошибиться невозможно: эмблема Патруля!

Что ты наделал, Харат! Уж лучше Оган, даже Юбан... Это все же меньшее зло, чем... Самое ужасное, что этот сенситив знает о ней все: кто она, чем занимается на этой планете. Еще бы, он ведь сам сопровождал ее... Теперь ей не скрыться.

Ее ждет полное стирание...

Непередаваемый страх, такой, какого она еще не испытывала в жизни, охватил Зианту. Она считала Харата другом... Он привел ее прямо в руки врагу! Нужно бежать! Немедленно!

Она напрягла мышцы: удастся ли заставить двигаться свое измученное тело? Приподнялась — и тут же упала от бешеного головокружения. Кто может помочь ей, вольтер свою энергию? Харат? Нет, ему она доверять больше не может.

Оган? Она всей душой восставала против его власти, но все же психотех не угрожал ей таким жутким наказанием, как этот незнакомец. Но если она сейчас попробует установить контакт с Оганом — либо сенситив Патруля, либо Харат, либо оба вместе тут же засекут ее попытку. Но даже если свяжется — Харат знает волну ее излучения и без труда выследит ее.

А впрочем, Харат ведь физически беспомощен, и если найти способ избавиться от незнакомца... Словно краб по каменистому дну, Зианта пядь за пядью отползала от места, где ее положили. Слабость сковывала движения, но воля и отчаянный страх двигали ею.

Девушка не спускала глаз со своего врага. Он же, не оборачиваясь, все смотрел вдаль, явно не ожидая каких-либо неприятностей с тыла. Зианте вдруг захотелось зашипеть, как Яса.

Харат тоже повернул голову в ту сторону, куда глядел незнакомец. Вероятно, он вел мысленный поиск, сообщая результаты новому компаньону.

Рука девушки наткнулась на камень. Им можно оглушить этого человека! А вдруг она промахнется? Нет, кидать камень не стоит, но пусть он будет при ней на случай, если незнакомец попытается захватить ее силой. Продолжая передвигаться, Зианта уже почти доползла до гребня, преодолев который надеялась оказаться в безопасности. Сейчас или никогда!

В этот момент незнакомец повернулся. Сбросив очки ночного видения, он с удивлением обнаружил девушку совсем не там, где оставил ее. Она сидела, опершись спиной о скалу. В руке зажат каменный обломок — первое оружие ее далеких предков.

— Что случилось? — Этот вопрос он задал на знакомом Зианте основном.

Вместо ответа она подняла камень. Похоже, он без оружия, к тому же он наверняка ослабел после всего, что перенес...

— Не подходи!

— Почему?

Зианта не видела выражения его лица — оно было в тени. Но удивление в голосе разозлило ее. Он еще удивляется, прекрасно зная, что они — смертельные враги?

— Стой! — крикнула она.

Но он двинулся к ней. Зачем, зачем она вывела его из транса! Идиотка, доверилась Харату! А он на самом деле такой же, как Яса, как Оганом, как все другие, для кого она — только орудие, а не живой человек.

— Почему ты боишься? — мягко проговорил сенситив. — Я не желаю тебе зла.

В ответ она рассмеялась. Но смех ее был более похож на стон.

— Не желаешь зла? Я понимаю — всего лишь приятная прогулка к Координатору, а там — стирание...

— Нет!

Он воскликнул это слишком горячо, чтобы поверить ему. Она не такая дура, чтобы не понимать, что ее ждет после всего, что она сделала (кстати, и для него тоже). Ей известно, чем кончают сенситивы, работающие на Воровскую гильдию и попадающие в руки Патруля.

— Послушай, пойми наконец...

Из последних сил Зианта швырнула обломок, используя свой последний шанс остаться свободной. Нельзя позволить ему приблизиться... Но в тот миг, когда камень покинул ее руку, в голове у нее взорвалась боль — настолько ужасная, всепоглощающая, что она упала, не имея сил даже исторгнуть вопль, который рвался с губ.

...Над ними всюду бушует буря. Необходимо оказаться в башне. Лурлы... Они неподвижны, они не хотят повиноваться ее приказам. Необходимо заставить их работать, иначе ее сбросят со стены в бушующие волны, а Глаза отдадут той, что сумеет лучше, чем она, защищать Норнох. Почему на лурлов не действуют Глаза? Что с ними? О море —

кристаллы стали тусклыми, по ним побежали трещины. Вот они уже раскалываются, рассыпаются в пыль, просачиваются между пальцев... Их нет — и она осталась совершенно безоружной перед лицом стихии...

Они притаились на высоком холме, ставшем для них ловушкой, и смотрят вниз, где расположилась вражеская армия. Над лагерем повстанцев непрерывно барражируют самолеты, посылая убийственные лучи, а она не знает, как защитить своих людей от смерти с воздуха. Когда ловушка захлопнется окончательно и враги окружат лагерь, ей останется одно: умереть быстро и без мучений. Попасть в плен к этим, из Сингакока, — страшнее смерти. Она Винтра, дочь своего племени! Это нестерпимо — чтобы ее водили по улицам и враги осыпали ее насмешками! Конец уже близок — самолеты прямо над ними. Их лучи расплавляют укрытые между скал орудия. Это — смерть, и она готова встретить ее с радостью.

Тепло... Свет... Она жива... Они найдут ее и доставят в Сингакок... Нет! У нее есть руки, есть ноги — враги сейчас узнают их силу! Но почему не удастся шевельнуться? Ранена? Откуда эта тяжесть во всем теле, почему оно не слушается ее?

Охваченная страхом, она открыла глаза. Над головой безоблачное небо. Вокруг скалы. Ну да, она среди родных гор Куэйита. Тишина, не слышно ни рокота самолетов, ничего. Лагерь уничтожен? Она одна осталась в живых? Нет, и ее путь лежит туда, где она встретится со своими погибшими товарищами. В смерти она соединится с ними...

Звук... Кто-то идет... Кто это? Один из повстанцев? Она попросит у него удар милосердия. Это ее священное право... Винтра не должна попасть в руки врагов!

Винтра... Но ведь у нее есть и другое имя... Д'Эйри!

Но еще и Зианта! Имена всплывали, и каждое формировало вокруг нее другой, непохожий мир. Кто же она? Нужно собрать мысли... Зианта! Вот это правильно. Кто швырнул ее туда, в чужие времена? Необходимо зацепиться в своем мире. Она Зианта! Зианта...

Ее память... Она вся распалась на лоскутки, вся в прорехах. Что это за мохнатое чудовище, склонившееся над ней, пугающее взглядом круглых глаз?

Она знает. Надо только вспомнить... Харат! Он пришел на выручку...

В этот миг память восстановилась полностью. Харат не друг, а враг! Бежать! Но она не в силах шевельнуться. Что с ней? Извернувшись, Зианта обнаружила, что спутана прочной веревкой. Теперь она пленница, теперь ей дано полностью разделить ненависть и отчаяние забытой в эпохах отважной Винтры...

То, что Харат оказался изменником, перестало удивлять Зианту. На него не распространялись законы цивилизованного мира, ему не угрожало стирание разума. Да и есть ли у этого существа разум, мораль, интеллект в человеческом смысле? Был лишь факт: Харат теперь помогает Патрулю столь же охотно, как прежде помогал Огану. Понимает ли он, что стал предателем? Скорее всего, ему просто недоступна мораль, вот и все.

Зианта не пыталась вступить с бывшим союзником в мысленный контакт. К чему? Она убедилась, как рьяно Харат сотрудничает с незнакомцем. Как настойчиво требовал он, чтобы она вернула его нового покровителя из призрачных миров! Можно ли винить Харата? Нет, это она — идиотка, согласившаяся на такое!

Она отвернулась, не желая видеть Харата. Теперь перед глазами были только скалы, освещенные ярким солнцем. Место отличалось от ложбины, где ее поразил тот жуткий удар. А чуть в стороне Зианта увидела незнакомца.

Он лежал на животе у края обрыва, всматриваясь вниз. Там слышались выстрелы — где-то под ними шел бой.

Харат защелкал клювом, пытаясь, очевидно, привлечь ее внимание. Девушка упрямо лежала, отвернувшись, наглухо закрыв свое сознание. Но вот она почувствовала боль: Харат тянул ее за волосы. Зианта была вынуждена повернуть голову, но тут же зажмурилась, не желая видеть его взгляда и игнорируя настойчивые попытки пробиться зондом через ее барьер. Впрочем, стоит ли тратить силы на эту

борьбу? Они могут понадобиться в более важный момент. Она опустила барьер.

«Почему ты боишься?» — Харат глядел на нее невинными глазенками.

И он еще спрашивает об этом! Как будто ему неизвестно, что ее ждет!

«Ты... ты выдал меня Патрулю и еще смеешь спрашивать! Они... они убьют мой талант, превратят меня в ничто!»

«Нет! — Харат возбужденно дрожал. — Человек просто хочет понять... Без него ты бы уже погибла...»

Ей вспомнилось, как этот сенситив помог ей покинуть каменную темницу, в которую попала Д'Эйри. Лучше бы она погибла там — то, что останется после стирания, уже не будет Зиантой!

«Лучше бы я погибла!» — ответила она, с презрением глядя в круглые глаза Харата. Внезапно он убрал щупальце с ее волос, оборвал контакт и устремился прочь. Она глядела, как он на бегу шелкает клювом, будто пережевывая полученную информацию. Вот Харат подбежал к лежащему у обрыва незнакомцу и обвинил свое щупальце вокруг его руки. Тот повернулся, посмотрел на Харата — Зианта была убеждена, что сейчас они общаются между собой, но не сделала попытки узнать их мысленный диалог.

Незнакомец повернулся к ней, но встретил ненавидящий взгляд. Он пожал плечами и снова прильнул к обрыву, считая, видимо, происходящее внизу более важным.

Раздался оглушительный грохот. Над утесами показался нос корабля, направленный в небо, затем и весь корпус, поднимающийся на столбах пламени — а через мгновение звездолет растаял в небесах, оставив внизу временно оглохших людей.

Это не шлюпка Огана — она не способна на такой эффектный взлет. Значит, она видела корабль джеков — свою последнюю надежду ускользнуть от Патруля. Что ей теперь остается? Кричать, плакать, молить о пощаде? Но гордость заставила ее упрямо сжать губы, ничем не выказать смятение и страх.

Итак, Юбан со своими людьми улетел — или по собственной воле, или захваченный Патрулем. Еще одна возможность: корабль сумел увести Оган. Оган... А если он до сих пор на планете? Она могла бы попробовать связаться с ним...

Незнакомец встал и направился к ней. Зианта смогла наконец разглядеть его при свете дня. Она знала этого человека как Турана, хотя тело командора было лишь временной оболочкой. Теперь же неодолимой преградой их разделяла надетая на него форма. Это было больше, чем боязнь Патруля, — это был страх перед уничтожением.

Жизнь Зианты на Корваре была уединенной, она не встречалась ни с кем, кроме домочадцев Ясы. Налеты, к выполнению которых привлекала ее хозяйка, требовали глубочайшей концентрации — девушка не имела права думать ни о чем, кроме того, от чего зависел успех или провал акции. На вилле в основном жили женщины. Словом, жизнь Зианты протекала так, будто она служила жрицей какого-нибудь божества.

К Огану она никогда не относилась как к мужчине. Это был одержимый ученый, полностью поглощенный совершенствованием своих знаний и способностей. Отрешенный от внешнего мира, погруженный в себя, он внушал благоговейный трепет, иногда страх. Ну а немногие слуги мужского пола воспринимались Зиантой просто как часть обстановки в доме Ясы.

Но этот человек... Он мужчина, причем обладающий даром, как у нее самой. Зианта пыталась — и не могла забыть, как они вместе, рука об руку, боролись с опасностями в эпохе Турана. Боевые товарищи там — здесь они сделались врагами. И при этом она почему-то не смогла подавить чувство благодарности: этот человек, одетый в ненавистную форму, дал ей почувствовать себя личностью, дал силы выдержать обрушившиеся на нее испытания.

Зианта скользнула глазами по его ничем не примечательной фигуре. Будучи среднего роста, он из-за худобы казался еще ниже, чем в действительности. Зеленоватый лунный свет не обманул ее ночью: кожа незнакомца была

темно-коричневой, хотя эта пигментация оказалась натуральной, а не приобретенной под воздействием космических лучей. Его жесткие волосы слегка курчавились. Он, несомненно, терранец, из выходцев с Терры, но тысячи сменившихся поколений изменили потомков, из-за мутаций все они были уже не такими, как первая волна поселенцев.

Он присел на корточки, задумчиво глядя на нее, точно перед ним было уравнение, требующее решения. Зианте стало не по себе от этого изучающего взгляда, она нарушила тишину:

— Чей это корабль?

— Джеков, — ответил он. — Они перессорились, перебили друг друга, а те, кто уцелел, улетели, напоследок окатив бывших соратников пламенем дюз. Если, кроме нас, кто-то здесь еще остался — это два-три человека, не более.

— Оган! Он будет искать... — Это вырвалось непроизвольно. Зианта тут же ужаснулась своему промаху и прикусила язык.

— Искать? Нет, он не сможет обнаружить нас при всем старании. Ему не пробиться через мой экран.

— И что же мы будем теперь делать? — Она решила действовать прямо. Вряд ли удастся чего-либо достичь ложью — не стоит недооценивать профессионалов Патруля.

— Ждать. — Он протянул руку и коснулся опутавших ее веревок. — Но мне бы не хотелось, чтобы ты оставалась в таком виде.

— Ты рассчитываешь, что я дам обещание не пытаться бежать? Хотя прекрасно знаешь, что мне грозит...

— Бежать? Куда? Эта голая планета отнюдь не для путешествий. Вода, пища... да еще эти джеки... — Незнакомец красноречиво обвел рукой обступившие их каменные громады. — По-моему, самое безопасное место — здесь, особенно по сравнению с Сингакоком. — Он впервые дал понять, что не забыл их совместных приключений. — По крайней мере, здесь высший консорт не охотится за нами со своей сворой...

Он достал курительные палочки, зажег одну прикосновением ногтя и задумчиво вдохнул пряный аромат. Она удивилась его спокойствию — этот человек будто находился не среди голой пустыни, а в изысканном дворце удовольствий на Корваре.

— Но чего мы будем ждать? — резко спросила Зианта, решив не оттягивать, а поскорее узнать свою дальнейшую участь.

— Нам нужно добраться к моему кораблю. Но не могу же я тащить тебя на руках, тем более что по пути придется, быть может, вступить в бой. Все зависит от тебя. Если ждать — то лучше уж здесь. А если идти — ты должна пообещать, что будешь благоразумна. Нам бы попасть на корабль, а уж там, поверь, будет гораздо приятнее и уютнее.

— Это для тебя там будет приятнее. А меня приблизит к тому, что меня ожидает!

— Ты способна хотя бы выслушать меня? Почему ты вообразила, что знаешь все наперед?

— Я достаточно много знаю о Патруле, чтобы предвидеть дальнейший ход событий! — воскликнула она, не в силах сдержать рыдания.

— А почему ты решила, — спросил он мягко, — что я имею какое-то отношение к Патрулю?

Глава 17

Сперва Зианта даже не поняла, что он имел в виду. Затем ее губы тронула ироническая усмешка. Неужели он считает ее полной дурой и надеется успокоить такими словами, сидя перед нею в форме Патруля? Это просто...

— Одежда, — продолжил он, — вовсе не бесспорный признак. Да, я работал в Патруле, но делал это в собственных целях. Причем работал только в космосе, потому что при этом мои и их цели совпадали. Эти самые Глаза я искал много лет, не зная точно, что именно разыскиваю, как это может выглядеть, для чего предназначено.

Глаза! Пока она лежала в беспомощности, куда они делись? Он нашел и забрал их? Она стала судорожно извиваться,

пытаясь ослабить веревки, но вскоре убедилась в тщетности своих попыток: путы только сильнее затягивались.

Хотя Зианта не ощутила никакого вторжения в свое сознание, он, наверное, прочел ее мысли.

— Успокойся, они при тебе.

Но история с якобы бывшим патрульным только усилила беспокойство девушки. Она спросила резко и недоверчиво:

— Кто же ты, если не Патруль? Почему по-прежнему носишь эту форму?

— Я сенситив, работающий с истехнером Зорбьяком, руководителем экспедиции закатан на Икс Первом. К твоему сведению, Икс Первый — другая планета в звездной системе Яка, той, где мы находимся.

Он опять затянулся ароматным дымом. Откуда-то из-за камней появился Харат и, подбежав к незнакомцу, устроился у его ног. Тот замолчал, на чем-то сосредоточенный. Наблюдая за этой парой, Зианта почему-то решила, что Харат побывал на разведке и теперь делится информацией. Ее догадка тут же подтвердилась: она ощутила в сознании знакомую волну маленького компаньона: «Оган поблизости. Другой ранен. Остальные мертвы».

С сознанием выполненного долга Харат расправил все четыре щупальца и стал наводить красоту, вычищая из пуха, покрывавшего тело, прилипшие соринки и песок.

— Год тому назад джеками были похищены находки, сделанные на Икс Первом, — снова заговорил незнакомец. — Ко мне обратились с просьбой отыскать украденное, так как моя специализация — археологическая психометрия. Следы пропажи привели меня на Корвар. Мне удалось найти семь предметов — тогда меня и пригласили на службу в Патруль. А восьмой предмет — то, что ты похитила из апартаментов Джукундуса. Налет не прошел незамеченным, к тому же Харат... Словом, я отправился по твоему следу.

Он ласково потрепал Харата по голове, и даже Зианта уловила ответную волну благодарности и удовольствия.

— Значит, ты побывал и на Путеводной?

— Естественно. Я был уверен, что сенситив, сумевший телепортировать предмет из запертого помещения, похитил его не случайно, а располагая предварительной информацией. И конечно, ему захочется узнать историю того, чем он завладел. На Путеводной у нас есть свои люди, мы узнаем обо всех необычных посетителях. Капитан корабля, перевозившего вас, — не единственный, кто получает от нас за информацию больше, чем может заработать грабежами.

— А чем ты подкупил Харата?

Он рассмеялся:

— Спроси его. Харат сам пришел ко мне: быть на службе у Огана ему не очень понравилось. Я предвидел, что, когда возникнет надобность, смогу связаться с тобой через Харата. Кто мог подумать, что эти поиски вынудят меня превращаться в Турана! — При воспоминании о теле мертвеца он поморщился и покачал головой: — Не хотел бы я снова испытать то, что произошло с нами там.

Зианта не смогла скрыть досаду. У нее было чувство, что ее одурачили: заставили решать головоломную задачу, хотя знали ответ.

— Так ты все это время знал про Глаза?!

— Я знал только, что невзрачная фигурка, купленная Джукундусом, гораздо ценнее, чем может показаться. Почувствовать это мог любой сенситив. Но Глаза... Нет, я не подозревал о них. Лишь теперь можно утверждать, что они являются самой значительной находкой из всего, что обнаружили закатане за все годы своей работы.

Мысли Зианты вернулись к собственной участи.

— Но, так или иначе, ты вступил в Патруль, чтобы преследовать нас. Для этого надел их форму.

Он вздохнул, как вздыхает взрослый, отчаявшись втолковать малышу очевидную истину.

— Это было необходимо. Мне нужны были максимальные права. Но я не из Патруля!

— Кто же ты тогда?

Он со смехом развел руками:

— Чувствую, мне пора представиться. Мое имя Рис Ланти, я обучался у виверн, если это что-то тебе...

— Да, говорит, — сказала она. — Ты лжешь. Всем известно, что виверны не имеют дел с мужчинами.

— Это почти так, — кивнул он. — С большинством мужчин. Но я родился на их планете, мои родители были послами-контактерами, причем полномочия обоих были подтверждены советом виверн. Дар сенситива у меня с рождения, виверны вынуждены были признать, что это так, и в итоге меня взяли на обучение. Послушай, разве может один сенситив солгать другому? Хочешь — проверь, я без защиты.

Зианта поняла: он открыл ей сознание для зондирования. Но не рискнула опустить собственный экран — свою единственную защиту. Он подождал, а затем, поняв, что девушка отклонила предложение, слегка нахмурился:

— Из-за твоей подозрительности мы теряем драгоценное время. Я понимаю: у тебя много недругов. Но если бы я был из их числа, разве открыл бы тебе свое сознание? Ты же знаешь, при этом скрыть что-либо невозможно.

— Знаю, — пожала плечами Зианта. — Вернее, думала так до сих пор. Но ты назвал виверн, а они известны своими талантами по части галлюцинаций.

— Чувствуется, у тебя хорошая подготовка. Ты многое знаешь.

— Огана интересовала любая информация о проявлении психической энергии. Он собирал ее по всей Галактике. Потому и я о многом имею представление.

— Это соответствует тому, что мне известно о тебе и об Огане, — сказал тот, кто назвался Рисом Ланти.

— Ладно, допустим, что ты не из Патруля. — Зианта вернулась к теме, беспокоившей ее больше всего. — Но Патруль где-то близко. Что ты собираешься делать со мной? Передать в их руки, как того требует закон? Твоего свидетельства достаточно, чтобы меня приговорили к стиранию...

— Твое будущее зависит... — Он сделал паузу.

— От кого или от чего? — настойчиво потребовала продолжения Зианта.

— В основном от тебя самой. Дай мне слово, что не будешь пытаться бежать, и пойдём к моему кораблю.

Зианта не торопилась с ответом, стараясь выбрать из всех зол наименьшее. Она верила Харату: Оган на свободе. У него где-то здесь спрятана космическая шлюпка, которую автомат заставит взлететь в заданное время. Стало быть, шансы покинуть планету у Огана остаются. Корабль джеков уже взлетел, значит, на помощь Юбана или Ясы рассчитывать не приходится. К тому же salariкийка наверняка уже исключила ее из круга своих доверенных людей — в таких делах леди Яса весьма решительна.

Перед ней остается выбор: Оган или Рис Ланти. И хотя последний имел какое-то отношение к Патрулю, девушка больше склонялась к мысли довериться ему. Придется дать требуемое обещание. Главное — остаться на свободе, избежать приговора суда...

— Ты говоришь, — она постаралась придать голосу отенок усталой покорности, — что бежать здесь некуда. Что же, мне ничего не остается, как дать слово.

— Вот и отлично.

Он разрезал веревки. Зианта села и принялась разминать запястья. Потом попыталась встать, но тут же опустилась обратно — затекшие ноги не держали ее. Тогда сильные руки обхватили ее плечи и помогли подняться, сделать первые шаги...

Харат вскарабкался на плечо Риса Ланти, продолжавшего поддерживать девушку под руку. Они медленно двинулись вниз по склону горы.

— Закатанам известно о Сингакоке? — спросила Зианта, чувствуя, как с каждым шагом восстанавливается пульсация крови.

— О Сингакоке? Нет. Но на Икс Первом сохранились руины древних построек. Вполне вероятно, что, когда на Сингакок обрушилась катастрофа, его жители переселились на соседнюю планету. Будучи Тураном, я заметил сходство архитектуры города с теми руинами, что видел на Икс Первом. Но теперь, когда у нас есть Глаза... — В его го-

лосе прорвалось возбуждение. — Теперь для нас нет ничего невозможного. Мы проникнем в тайны предтеч!

Возбуждение в голосе, одержимость в погоне за уникальной информацией напомнили девушке Огана. Что ее спутник имеет в виду, говоря о проникновении в...

— Ты намерен снова отправиться в прошлое — после всего, что нам пришлось перенести?

— Но тщательно подготовившись. Рядом будут сенсоры для подстраховки, они помогут выйти из транса. В общем, ты угадала: я собираюсь повторить визит к предтечам. Не желаешь составить компанию?

Почему-то ей стало стыдно признаться, что она боится. А он сразу же уловит этот страх, стоит ей опустить барьер.

— Даже не знаю.

— Полагаю, что, если у тебя будет право выбора, ты не устоишь перед желанием получше узнать этот мир.

Их беседу прервал Харат, тревожно застучав клювом. Рис Ланти стиснул руки девушки и приостановился, на минуту замер. Зондировал?

— Оган где-то совсем близко, — объявил он.

— Ты же говорил, что способен создавать защиту...

— Против вторжения в сознание — да, могу. Такой же экран, каким ты отгородилась от меня. Но не стоит недооценивать Огана: он может произвести очень мощный импульс. Для безопасности нам следует втроем объединить силы.

Вот он, ее шанс! Подать сигнал Огану, и... Увы, мир, в котором она оказалась, был словно весь в путах, лишь недавно снятых с ее тела. Что она выиграет, убежав от этих двоих на поиски Огана?

— Что он может использовать против нас? — озабоченно спросил Рис.

— Не знаю. — Зианте очень не хотелось, чтобы он подумал, что она что-то скрывает. Действительно, откуда ей знать, какую аппаратуру мог взять с собой Оган? Гильдии было известно, что он добывает для своей лаборатории уникальные устройства, способные влиять на психическую

деятельность. Не исключено, что в коллекции психотеха есть нечто аналогичное Глазам.

— Я... — продолжила она.

Но вдруг весь мир странно исказился. Камни, пучки жесткой травы — все внезапно стало плоским, заколыхалось, словно картина, изображенная на легкой прозрачной ткани, которую тронул легкий ветерок. Еще миг — и вместо пустыни она оказалась в мире, полном жизни.

Два ряда зданий образовали улицу, посреди которой она стояла. Городские башни четко вырисовывались на фоне голубого неба, на их верхушках играли яркие солнечные блики. Вокруг кишел народ — люди шли пешком, двигались в машинах, и все же что-то во всем этом было ненастоящее.

Зианта вскрикнула, попыталась отпрыгнуть, когда прямо на нее надвинулся большой грузовик. Но она не могла сделать ни шага: что-то крепко держало ее, и этой силе она не смогла оказать сопротивление. Вот грузовик приблизился вплотную — и машина прошла сквозь нее! Через мгновение точно так же промчалась другая машина... В ужасе Зианта закрыла глаза и сделала отчаянную попытку перебороть силу, которая вернула ее в Сингакок и теперь держала здесь. А то, что она в Сингакоке, сомнений не было.

Глаза! Это они швырнули ее сюда, хотя она не смотрела в них. Они захватили власть над нею? Нет! Ее рука потянулась к груди. Зианта расстегнула карман, достала камни и отшвырнула их прочь.

Не помогло: она по-прежнему в Сингакоке! Кто запер ее в этом чужом мире? Из всех сил, удвоенных, учетверенных паникой, Зианта металась, стараясь вырваться из непонятных уз, что привязали ее к этому месту. А вокруг нее, через нее, не замечая ее, продолжали свой путь люди, машины давно погибшего города...

— Зианта!

Девушка вздрогнула и лишь теперь осознала, что, несмотря на кажущуюся подлинность возникшего вокруг нее города, в нем не было ни звука. Произнесенное рядом имя

вернуло в реальность, но она и теперь страшилась открыть глаза.

— Зианта!

Она рванулась, но чьи-то руки крепко держали ее — такие же реальные, как и голос.

— Что ты видишь? — Тот же голос, настойчивый, требующий ответа.

— Я... я стою в Сингакоке. — Страх вновь погрузиться в транс пересилил осторожность, и она сняла мысленный барьер.

В тот же миг ее согрела ободряющая волна товарищеского участия, напомнившая минуты общения с Тураном. И она отдалась этому дивному ощущению, позволяя вливаться в себя этим волнам, несущим уверенность, стабильность, возвратившим ее из зыбкого мира галлюцинации. И эту уверенность, поддержку дал ей Рис Ланти.

Почему она боялась довериться ему? Человек, излучающий такую позитивную энергию, не может желать ей плохого! Это вместе с ним она боролась за жизнь в Сингакоке. Это он отдал последние силы, чтобы вызволить ее из Норноха. И сейчас этот человек вовремя подставил плечо, чтобы дать ей опору.

Зианта открыла глаза. Город, он все еще перед ней! Но ей не страшно. Просто странно видеть эти здания, колоннады, людей, машины, сознавая, что все это только галлюцинация. Но... кто вызвал это видение? Рис? Это невозможно, ведь сейчас он в ментальном контакте с нею. Харат? Это не его ампула, да и о Сингакоке он ничего не знает. Глаза? Но она ведь выбросила их...

— Глаза! Рис, я выбросила их, но все равно вижу Сингакок!

— Ты видишь то, что хранит твоя память. Кто-то вторгся в нее. Оган...

Голос друга был совсем рядом, она чувствовала теплую руку на своем плече, но... не видела Риса Ланти — перед нею все тот же Сингакок.

— Не смотри, попробуй прозондировать... Улавливаешь чьи-нибудь мысли? — тормозил ее Рис.

Она напряглась, закрыла глаза. Нет, никого постороннего — только Рис и Харат. Город не нес ни звуков, ни мысленных ощущений — он воспринимался только визуально.

— Зрение... Это только видимость...

— Ну, вот и хорошо. — Голос Риса был уверенным, как у врача, знающего и диагноз, и снадобье для излечения больного. — Это чисто зрительная галлюцинация. Она наведена специально для того, чтобы ты испугалась и выбросила Глаза.

Чтобы выбросила Глаза? Что ж, в таком случае наводивший галлюцинацию достиг своей цели.

— Я действительно выбросила их, Рис.

— Не слишком далеко. Харат отыскал их и принес. Ничего не скажешь, придумано ловко. Ведь это наваждение предназначалось для всех нас. Но я — человек иной расы, Харат — вообще не человек, поэтому подействовало только на тебя. Я понимаю, как тебе сейчас трудно, но у нас нет времени ждать, когда ты сможешь освободиться от видений. Оставаясь здесь, мы рискуем подвергнуться новой, более изощренной и мощной атаке. Надо уходить. Прошу тебя: пересиль страх, отрешись от всего, что видишь, полагайся только на внутреннее зрение и другие органы чувств. Я поведу тебя к кораблю. Ты поняла?

— Да. — Зианта снова нахмурилась. Сможет ли она двигаться вслепую, даже с поводырем?

— У тебя все получится, не бойся. — Всем своим тоном Рис показал, что уверен и в себе, и в ней. — Ну, двинулись. Я пойду впереди, а Харата посажу тебе на плечо.

Она ощутила тяжесть, острые коготки вцепились в одежду.

— Не открывай глаза: Харат хочет кое-что попробовать.

Зианта почувствовала, как щупальца коснулись ее головы, затем легонько приложились кончиками к векам. Зрение? Да, странное — но зрение! Она видела местность: камни, растительность, словно и не было галлюцинаций.

— Главное, не открывай глаза, — услышала девушка и двинулась вперед, держась за руку Риса и смотря глазами

Харата. У нее было необыкновенно легко на душе — впервые за долгое время. Она знала, что обрела верных и заботливых друзей.

Впереди показался небольшой ручеек. Вспомнив не столь давний эпизод, Зианта предупредила Риса о ядовитых ящерицах.

— Не беспокойся, я все время посылаю вперед отпугивающие сигналы, — ответил Ланти и крепче сжал ее руку. — Я думаю о другой опасности. Идти еще немало, а Оган наверняка следит за нами. У него, скорее всего, есть какое-нибудь оружие. Свой экран я считал достаточно мощным, но он сумел прорвать его и воздействовать на тебя. Теперь же, увидев, что мы не потеряли Глаза и вообще справляемся с ситуацией, Оган может решиться на прямое нападение.

Прямое нападение — это луч лазера из кустов? Зианта никогда не видела психотеха вооруженным, но не сомневалась: этот человек способен на все, вплоть до убийства, если кто-то встанет на его пути.

Девушка тут же заставила себя прогнать мысли о возможной схватке, нужно все внимание сконцентрировать на передвижении, которое давалось непросто. У нее с Харатом было все же неадекватное зрительное восприятие мира, ей стоило труда приспособиться к передаваемой им искаженной картине местности. Но идти так все же было лучше, чем совсем вслепую.

Спуск сменился подъемом на очередной холм, этот участок пути показался девушке очень трудным. Затем — новый спуск, во время которого оба спутника заботливо предупреждали ее о препятствиях на пути. Наконец, они оказались возле корабля. Аберрация, вносимая зрительным аппаратом Харата, не давала рассмотреть опознавательные знаки, но почему-то она решила, что перед ней — корабль Патруля.

— Подожди! — Рука Риса удержала ее на месте. — Дальше ни шагу!

— Что случилось?

— Корабль... Он был на потайном замке, трап я убрал вовнутрь...

— Но теперь трап, — несмотря на искажение, она ясно увидела это, — он спущен!

— Вот именно. Мы идем прямо в капкан. Неужели Оган воображает, что мы настолько испуганы, что совсем обезумели? Придется его разочаровать...

Зианта замерла на некоторое время.

— Его в корабле нет, — проговорила она наконец. — Ему хочется, чтобы мы думали, что перед нами корабль, в котором кто-то есть.

Она слышала рядом его взволнованное дыхание. Харат тоже напрягся, острые коготки впились в плечо Зианты. Эта боль вернула ее в реальность.

«Искажение! Разве ты не чувствуешь?»

Еще бы! Маленький союзник судорожно сглатывал, пытаясь побороть возникшее внутри жжение, вращение, стремящееся отделить, затуманить сознание и обездвижить тело.

Эти ощущения передались и Зианте. Долго выдержать подобную Харат не смог, его щупальца ослабли, соскользнули с ее головы. Теперь он не помогал ей, и она утратила ориентировку.

Невидимая атака подействовала на Харата сильнее, чем на людей. Испустив пронзительный крик, он сорвался с плеча Зианты и упал бы, не подхвати девушка этот дрожащий пушистый ком. Прижавшись к ней, Харат расслабился, контакт с ним исчез.

— Назад! — Она почувствовала, как Рис тянет ее за собой. Но образ корабля преследовал их, накладываясь в ее сознании на сутолоку сингакокской улицы. Галлюцинация, словно приклеенная, отступала вместе с ними. Зианта обреченно вздохнула: Оган сумел пробить все барьеры, воздвигнутые Рисом. А когда защита будет полностью разрушена, галлюцинации овладеют их разумом, превратят людей в беспомощных кукол.

— Я укрепил барьер. — Голос Риса был спокоен, ее спутник пока не поддавался панике. — Но мне не выдержать долго на такой мощности.

— А когда ты сдашься, — досказала девушка, — он подчинит нас себе.

— Еще рано сдаваться. — Он потянул ее: — Сядь сюда, за эти камни. — Руки мягко надавили на плечи, принуждая Зианту опуститься на колени. Яркость галлюцинаций уменьшилась.

— У нас есть еще кое-что против Огана.

— У нас? Ты имеешь в виду...

— Глаза.

— Но ведь я выбросила их. Ах да, Харат...

— Харат нашел. Держи. — Его руки разжимают ее пальцы, ладонь ощущает знакомую гладкость камней. — Поскольку ты имеешь с ними устойчивую связь, у тебя получится лучше. Слушай, Оган навел на тебя галлюцинацию — для этого он должен находиться где-то поблизости. Попасть внутрь корабля он не смог, но создал иллюзию, будто он там, чтобы окончательно сбить нас с толку, не дать улететь. Попробуй перенаправить на него собственную же иллюзию.

— Такое возможно?

Зианта слышала о чудесах внушения, которым владеют хозяйки Колдуна, о вивернах, создающих неотличимые от яви химеры. Они подчиняют своему воздействию любого, заставляя его жить в мире фантомов. Рис обучался у виверн, но... поразить кого-то его собственной галлюцинацией — о таком она никогда не слыхивала.

— Получится или нет, но попробовать стоит. Итак, твоя иллюзия — Сингакок. Если сумеем, отправим Огана туда же!

Зианта ахнула: ничего подобного ей в голову не приходило. А Рис — обучавшийся у виверн, способных вызывать самые невероятные галлюцинации, — поручает эту работу ей. Такого никогда не было в ее прежней жизни. Для Ясы, для Огана, для Гильдии она была всего лишь воровским

орудием. Рис Ланти же приглашал ее к сотрудничеству, которое вело их обоих к общей цели.

— Я... я никогда не делала такого, — пробормотала она, уже заинтересованная идеей Риса, но опасаясь, не переоценивает ли партнер ее силы и возможности.

— Я тоже умею лишь отчасти, — развел руками Рис. — Но другого способа нейтрализовать Огана у нас нет, так что придется рискнуть. Слушай внимательно. Сейчас ты откроешь глаза и будешь смотреть на Сингакок — если, конечно, ты еще там и не освободилась от видения.

Она чуть приоткрыла глаза и инстинктивно отпрянула от летящей навстречу машины.

— Сингакок...

— Прекрасно. Теперь, с помощью Глаз, как только можешь, усиль восприятие — сделай видение реальным.

Она испугалась. Испугалась чужого города, чужого мира, чужого времени, испугалась смотреть в кристаллы, которые могут навсегда забросить ее в далекую древность. Но девушка твердо посмотрела в лицо своим страхам и заставила себя забыть о них.

Прижав камни ко лбу, как это делала Д'Эйри для высвобождения максимальной энергии, Зианта открыла глаза. Улица с транспортом и пешеходами теперь была у нее за спиной, а она стояла посреди парка перед возвышающимся зданием, похожим на дворец лорда командора. Впрочем, только похожим — это было какое-то учреждение. У дверей стояли охранники, то и дело входили и выходили люди — здесь, судя по всему, вершились важные дела. Память Зианты сейчас покинула ее, да и с нею она вряд ли смогла бы узнать это здание — настолько реальное, что она словно вновь очутилась в прошлом, если бы не абсолютное отсутствие звуков.

«Давай», — раздалась в голове команда. Она не совсем поняла, что хочет от нее Ланти, но всеми силами сфокусировалась на видении, стараясь создать как можно более яркую и точную, со всеми деталями, картину.

Вдруг и парк, и здание, и люди — все заколыхалось, подернулось дымкой, стало разрисованной тонкой вуалью,

сквозь складки которой просвечивал корабль — настоящий, с убраным внутрь трапом. Он словно указующий перст был направлен в небо, в космос, на свободу!

Еще мгновение — и от иллюзии не осталось и следа. В тот же миг ушло отвратительное ощущение искажения восприятия. Она освободилась! Девушка вскочила на ноги. Харат от резкого движения едва не упал, но все же удержался у нее на плече. Рис? Он стоял рядом на коленях, уткнув лицо в ладони.

— Рис?.. Рис Ланти!..

Он оставался в прежней позе. Она приблизилась и положила руку с зажатыми в ней камнями ему на плечо. От этого прикосновения его начала бить дрожь. Сенситив поднял голову: глаза закрыты, с лица струйками стекает пот.

— Рис, что с тобой?

Он открыл глаза и бессмысленно уставился на нее. Неужели теперь ее спутник оказался во власти иллюзии, так долго терзавшей ее? Но вот он заморгал и узнал Зианту. Девушка открыла рот, чтобы что-то спросить, но не успела: сзади раздался дикий вопль. Она вздрогнула от неожиданности и обернулась.

По камням, спотыкаясь, мчался Оган, обхватив голову руками. Он выкрикивал что-то невнятное, делал нелепые скачки в стороны, словно увертываясь от чего-то, видимого ему одному.

— Идем. — Рис взял ее за руку.

— Но... он увидит нас...

— Сейчас он видит Сингакок, и только Сингакок — таким, каким видела его ты. Но я не знаю, как долго это будет продолжаться. Нужно поспешить, пока иллюзия действует.

Оган продолжал дико вопить, бесцельно бегал взад-вперед между камнями. Они прошли мимо совсем рядом, но он не видел их. Рис Ланти поднес к губам передатчик и произнес кодовую фразу. Люк корабля откинулся, выполз трап — настоящий.

Зианта, обмирая от страха, торопилась подняться по ступеням, придерживая вцепившегося в плечо Харата. Она боялась, что океан безумия опять настигнет ее, насланный

бывшим наставником. Только вбежав внутрь корабля, девушка перевела дыхание. Рис следовал за ней.

Не теряя времени, Рис проводил их в рубку управления, усадил в кресло и запустил усыпляющую аппаратуру. Сквозь дымку Зианта видела, как его чуткие пальцы забегали по клавиатуре пульта.

Первые мгновения взлетной перегрузки — и темнота...

...Холодные капли пота катятся по подбородку. Лицо Риса. Он склонился над нею, выжимая ей в рот какую-то жидкость из тюбика. В тело вливалась энергия, она помогла девушке полностью очнуться. Зианта выпрямилась в кресле.

— Куда...

— Куда мы направляемся? На Икс Первый, — с улыбкой проговорил Рис Ланти.

— А Оган?

— Ему недолго осталось дожидаться Патруля.

— Но... ведь он расскажет...

Даже если Рис действительно не планирует выдавать ее, он не сумеет скрыть ее от преследования властей. Раньше или позже, но ее схватят, и тогда... Стирание — от этого ей не уйти!

О том, что ее сознание после пробуждения не защищено мысленным барьером, Зианта вспомнила, увидев, как ее спутник энергично затряс головой.

— Если Патруль и появится здесь, они ничего не добьются. Закатане редко вмешиваются в дела живых, но если делают это — значит, имеют на то веские причины.

— Ты просто успокаиваешь. Зачем им мне помогать? — с горьким недоумением спросила девушка.

— А затем, уважаемая леди Зианта — Винтра — Д'Эйри, что ты для них — самое ценное из найденного за последние века. У тебя ключ к неизвестной прежде двери в прошлое. Закатане приложат любые усилия, чтобы иметь возможность пользоваться этой дверью. Стирание... Неужели ты могла вообразить, что можно позволить уничтожить такую ценность?

Его рука ласково легла на разгоряченный лоб девушки. И от этого мягкого прикосновения ей сделалось не так страшно. Она слышала его уверенный голос и хотела тоже верить в то, что он говорил. Хотела — но не решалась...

Он снова прочел ее мысли:

— А ты попробуй. Надо только хорошенько поверить в невероятное — и оно может стать реальностью. Подумай сама: что мы с тобой здесь делали? — Рис кивком указал на экран. Там виднелась быстро уменьшающаяся планета, где когда-то шумел, поклонялся Вуту, воевал, плел интриги древний Сингакок. — Разве то, что было с нами, не невероятно? Ты умирала дважды, я умер тоже — и мы оба живы. Надеюсь, ты не отрицаешь этого факта? Подумай, как много невероятного на свете, и ты поймешь, что не следует бояться будущего.

— Я сомневаюсь именно потому, что раньше такого никогда не бывало, — неуверенно произнесла Зианта, хотя всем сердцем чувствовала: он говорит правду. Ее всегда убеждали: смерть — конец всему, любому существованию. Но она дважды прошла через смерть — и вернулась к живым. Если это и было галлюцинацией, то чересчур уж реальной! Кусочки чужих жизней навсегда слились с ее собственной и остались в ней, в ее памяти. Было ли все пережитое иллюзией, вроде той, какую они оставили Огану? Если так — все равно, пусть они остаются с ней.

Рис в ответ на ее мысли улыбнулся. Харат одобрительно шелкнул клювом.

— Вот увидишь, так и будет.

Мысли их обоих были исключительно доброжелательными, и дружеское тепло исходило от Глаз, которые она продолжала держать в руке. Они все вместе и ждут... следующей иллюзии? Или следующего приключения?

**ЗВЕЗДЫ,
НЕ НАНЕСЕННЫЕ
НА КАРТУ**

*Патрику Терри,
который благосклонно
одобрил мою работу*

Глава 1

Караван-сарай как во многих космопортах — не для боссов или чиновников с иных планет, но и не для таких, у кого столько кредитов в поясе, как у меня. Пальцы мои дергались, а по спине пробежал холодок всякий раз, как я думал о том, насколько пуст мой пояс. Но существует еще такое понятие, как лицо, престиж или как там еще называется, и теперь я должен его поддержать — или потерпеть окончательное поражение. А ноющие ноги и упавший дух говорили мне, что я уже достиг такого положения, когда отказываешься от всех надежд и ждешь окончательного удара. Этот удар мог прийти только с одного направления. Я потеряю свою последнюю и самую крупную ставку — корабль, стоящий на хвостовых опорах на поле. Будь я боссом и имей возможность взять номер в одной из башен, в которых есть настоящие окна, мог отсюда его увидеть.

Корабль купить можно, но затем он начинает пожирать такие суммы — плату за стоянку, за обслуживание, — что месяц назад я бы не поверил. И улететь с планеты нельзя, если за штурвалом не сидит имеющий лицензию пилот, которого у меня нет, потому что я так и не сумел его найти.

Сначала все казалось так легко. В голове у меня был сумбур, когда я нырнул в это дело. Нет — меня бросили в него! Я смотрел на двери того, что временно могу называть своим «домом», и мысли мои о партнере, ждущем за этой дверью, были самые мрачные.

Весь прошлый год определенно не способствовал успокоению нервов и не позволял думать, что Провидение приветливо улыбается мне. Я, Мердок Джерн, занимался свои-

ми делами, как любой другой подмастерье странствующего торговца драгоценными камнями. Конечно, в нашей жизни — моей и моего хозяина Вондара Астла — случались необыкновенные приключения. Но на Танфе поворотом дьявольской «священной» стрелки меня, словно лучом лазера, отрезало не только от Вондара, но и от душевного равновесия.

Когда вращающаяся стрелка жрецов в зеленых мантиях остановилась между Вондаром и мной, мы не испугались: инопланетники не становятся жертвами их демонического божества. Но толпа в таверне набросилась на нас: все были довольны тем, что выбор не пал на них. Вондар погиб от удара ножа, а меня преследовали по улицам мрачного города, и я вынужден был просить убежища в храме другого местного зловещего божества. Затем я заплатил вольным торговцам, которые вывезли меня оттуда.

Но, как оказалось, попал из огня да в полымя: это бегство привело меня к серии приключений, таких невероятных, что если бы о них мне рассказал кто-то другой, я решил бы, что он надышался фэш-дыма или услышал о них на ленте для развлечений.

После ряда странных событий я оказался выброшен в космос, а спутником моим стало существо, чье появление в моем пространстве и времени так же странно, как и его наружность. Родила его совершенно нормально корабельная кошка, но отцом оказался черный камень. Во всяком случае это утверждали несколько человек, опытных наблюдателей за необычными мирами. Меня и Иити тянул за собой предвечный камень... Предвечный камень! Его можно назвать началом всех катастроф!

Впервые я увидел его в руках отца — тусклый, безжизненный, посаженный на широкое кольцо, какое надевают на перчатку космического скафандра. Нашли его на теле чужака на неведомом астероиде. И сколько лет его владелец в скафандре провел в космосе мертвым, можно было только гадать — вплоть до нескольких миллионов среднепланетарных лет. Отец знал, что у этого камня есть какая-

то тайна, и эта тайна его пленила. Он и умер, не выдав камень, пытаясь сохранить для меня это опасное наследство.

Именно предвечный камень на моей руке в перчатке привел нас с Иити через пустое пространство к давно заброшенному космическому кораблю; корабль мог быть тем самым, в котором когда-то летал прежний мертвый владелец камня. А с этого корабля спасательная шлюпка перенесла нас на планету гигантского леса и руин, на которой нам, чтобы сохранить свою тайну и жизнь, пришлось сражаться и с Воровской гильдией (которой мой отец бросил вызов, хотя когда-то сам был уважаемым ее членом весьма высокого ранга), и с Патрулем.

Иити нашел одно хранилище предвечных камней. Случайно мы наткнулись на второе. Уже этого одного достаточно, чтобы человек помнил до конца дней, ибо камни были тщательно уложены во временном захоронении, где находились тела представителей многих рас и видов: камни как будто должны были обеспечить их полет к далеким и неведомым родным планетам. И часть их тайны мы знали. Предвечные камни обладали способностью усиливать любую энергию, с которой соприкасались; к тому же они служили указателями на другие камни, активируя их в свою очередь. Однако Иити уверял, что родиной этих камней была вовсе не та планета, которую мы случайно открыли.

Мы использовали находку для заключения сделки, но не с Гильдией, а с Патрулем, и получили достаточно кредитов для покупки собственного корабля и — на что Патруль согласился с большой неохотой — чистые досье и свободу отправляться, куда вздумается.

Этот корабль был идеей Иити. Иити, существо, которое я мог раздавить руками (иногда мне казалось, что это было бы наилучшее решение), обладал неведомыми свойствами, которые делали его сильнее любого босса, какого мне когда-либо приходилось встречать. Внешность его была унаследована от матери-кошки, хотя иногда мне казалось, что он и внешне продолжает меняться. Пушистый, хотя на хвосте лишь щеточка меха. Лапы без меха, заканчивающиеся малыми, почти человеческими руками, которыми

Иити мог пользоваться так же ловко, как я своими. Уши маленькие и тесно прижатые к голове, тело продолговатое и мускулистое.

Но главное — его мозг, который, как он мне сообщил, как и тело, был специально «сделан» для него. Этот мозг не только обладал телепатическими способностями, но и знаниями, которые могли соперничать с легендарными хранилищами знаний закатан, наполненными плодами многих столетий развития науки. И эти сведения и знания Иити иногда по частям сообщал мне.

Кто он такой — а может, что такое, — Иити никогда не говорил. Но я сомневался, что когда-нибудь смогу от него освободиться. Я мог сопротивляться его спокойной и уверенной диктатуре — иногда во мне возникало негодование, но было в этом и очарование (я часто думал, не сознательно ли он им пользуется, чтобы привязать меня к себе, но если это и ловушка, то очень искусно устроенная), которое заставляло меня оставаться его партнером. Он много раз говорил мне, что наше партнерство необходимо, что я представляю одну часть, он другую, а вместе мы составляем единое целое. И я вынужден согласиться, что именно благодаря ему мы вышли из переделки с Патрулем и Гильдией так удачно — и смогли сохранить предвечный камень.

Именно Иити сделал предложение — в более оптимистические времена я бы его с удовольствием поддержал — поискать источник предвечных камней. Я обратил внимание на кое-что на неизвестной планете с камнями, что заставило меня подозревать, что Иити знает о неведомой цивилизации или конфедерации, впервые использовавшей эти камни, гораздо больше, чем говорит мне. И он прав: человек, владеющий тайной их происхождения, может называть любую цену — конечно, если предварительно его не проткнут ножом, не сожгут или не уничтожат каким-то другим способом.

Мы нашли корабль на свалке, принадлежавшей саларийцу, который умел торговаться так, что ему уступил бы даже мой покойный учитель (а его я считал в этом искусстве непревзойденным). Вынужден признаться, что без Иити

я бы и десяти планетных минут не продержался против такого мастерства и ушел бы хозяином самой потрепанной консервной банки, косо стоявшей на проржавевших посадочных опорах. Но предки салирикийцев кошачьего происхождения, и, возможно, мать кошка передала Иити особый склад ума. В результате мы получили вполне пригодный к использованию корабль.

Корабль, конечно, старый, много раз проходивший перерегистрацию, но, как настаивал Иити, исправный. И достаточно маленький для планеты, на которую мы нацелились. К тому же цена за него была в пределах возможного для нас, и в эту цену вошло перемещение в порт и портовое обслуживание до старта.

Но вот корабль уже много дней стоит, а пилота все нет. Если бы у Иити было достаточно гуманоидное тело, он вполне мог бы получить лицензию пилота. Но в своем нынешнем теле он не в состоянии справиться с приборами. Мне никогда не удавалось определить глубину познаний своего компаньона в любой отрасли знаний. Он, конечно, мог избегать прямого ответа, но его абсолютная уверенность всегда заставляла меня верить, что он этот ответ знает.

Итак, проблема очень проста: у нас есть корабль, но нет пилота. Мы не можем больше платить за стоянку и не можем взлететь. И мы очень-очень близки к исчерпанию той небольшой суммы, что оставалась у нас после покупки корабля. Тех немногих камней, что оставались у меня в поясе, хватит на несколько дней платы за караван-сарай, если я найду покупателя. И это стало источником еще одного моего беспокойства.

Как ученик и помощник Вондара я встречался со множеством крупных торговцев камнями на нескольких десятках планет. Но они открывали свои двери перед Астлом, именно ему они верили. Теперь, когда я веду дело самостоятельно, мои перспективы мрачные — если, конечно, я не отправлюсь туда, где честолюбивых часто ждет бесславный конец: на черный рынок, на котором торгуют краденными камнями или камнями с сомнительным прошлым. А там мне придется столкнуться с Гильдией — перспектива, ко-

торая больше, чем желание сохранить чистым свое досье, заставляла сторониться такого решения.

Пилота я не нашел. Решительно отбросив все другие источники беспокойства, я занялся самой неотложной проблемой. Решай задачи по одной — и первой решай ту, что прямо перед тобой. Нам нужен пилот, чтобы взлететь, и нам нужно взлететь как можно быстрее — или потерять корабль, свою единственную возможность оказаться в космосе.

Ни в одном пользующемся хорошей репутацией агентстве не найдется пилот, который согласился бы повести корабль в отчаянную авантюру, тем более что я не могу предложить хорошую оплату. Остаются отбросы, пилоты, попавшие в черный список основных компаний, вычеркнутые из книг агентств за какую-то ошибку или преступление. А чтобы найти такого пилота, мне придется отправиться за пределы портовой зоны, в ту часть города, куда даже Патруль или местная полиция заходят осторожно и обязательно группами. Там правит Гильдия. Привлечь к себе внимание там — значит напрашиваться на самое мрачное будущее: похищение, сканирование мозга и все другие незаконные способы приобретения моих знаний. У Гильдии долгая и прочная память.

Есть и третья возможность. Я могу выбросить все, вернуться и уйти от двери, которую собрался открыть нажатием пальца на личный замок, наняться на работу в одном из магазинов драгоценных камней и забыть о неистовой мечте Иити. Даже выбросить камни из пояса в ближайшую мусорную урну, чтобы избавиться от последнего искушения. Стать самым обычным и законопослушным гражданином.

Такой выход становился все более притягательным. Но во мне было достаточно от Джернов, чтобы не поддаваться искушению. Поэтому я приложил палец к замку, одновременно посылая приветственную мысль. Насколько мне известно, замки караван-сарая, настроенные на индивидуальную личность, обмануть невозможно. Но все когда-нибудь случается впервые, а Гильдия известна тем, что всегда покупает или приобретает иными путями все новые спосо-

бы и методы достижения результатов, об открытии которых не подозревает даже Патруль. И если нас выследили, там меня может ждать комитет по встрече. Поэтому для уверенности я постарался мысленно связаться с Иити.

И то, что получил, стоя у дверей и прижимая палец к замку, сначала вызвало у меня удивление, потом подозрение. Иити здесь, у меня нет оснований в этом сомневаться. Мы достаточно долго были связаны мысленно, чтобы даже непрочная нить была ясна моему бедному человеческому восприятию. Но он отчужден и сосредоточен на чем-то. И мои попытки связаться с ним ни к чему не привели.

Но только его сосредоточенность связана не с опасностью. Никакого предупреждения. Я наконец нажал пальцем, дверь откатилась в стену, но мое внимание было занято тем, что за дверью.

Комната маленькая — конечно, не каюта для сна в космическом корабле, но и не просторное помещение для боссов. Различные предметы мебели убираются в стены. И комната необычно пуста: очевидно, Иити убрал в стены все стулья, стол и кровать, оставив только голый, покрытый ковром пол и единственную горящую лампу.

Лампа бросала круг ослепительного света (я заметил, что она включена на максимальную мощность, и небольшая часть сознания начала подсчитывать, сколько минут этой перегрузки будет добавлено к нашему счету). Но тут я увидел того, кто сидит в этом свете, и на самом деле удивился.

Как и все портовые караван-сарай, этот рассчитан как на туристов, так и на путешествующих бизнесменов. В вестибюле есть магазин — цены там астрономические, — в котором можно купить сувенир или подарок для гостя или родственника. Как обычно, большая часть товаров — пестрые изделия местных умельцев, доказывающие, что ты действительно побывал на Тебе, но и какое-то количество экзотических предметов с других планет, чтобы привлечь внимание малоопытных путешественников.

В таких магазинах всегда продают миниатюрные изображения представителей местной фауны. Некоторые вы-

резаны как произведения искусства, другие сделаны из меха и тканей, но все очень похожи на оригинал, а маленькие звери или птицы — в натуральный размер.

В ярком свете лампы сидел пукха, точнее его чучело. Это туземный обитатель Тебы. Только сегодня утром я задержался у витрины зоомагазина, чтобы посмотреть на трех живых пукх. И их привлекательность была мне понятна. Даже как чучело это первоклассный предмет роскоши.

Этот пукха не больше Иити, когда тот подбирает свое худое тело и садится, но форма тела совсем другая, зверек пухлый и привлекательный, как все представители его вида. Мех у него светло-зеленый с небольшими пятнами, что придает ему вид смоченного бархата, какой делают на Аструдии. Передние лапы заканчиваются круглыми подушечками без когтей, хотя пасть снабжена острыми зубами: пукхи зубами разжевывают свою природную пищу — листья дерева тич. Голова круглая, без видимых ушей, но между точками, где должны бы торчать уши, от одной стороны шарообразного черепа до другой, протянулась полоска торчащей мягкой щетины или вертикальные усы. Глаза очень большие и зеленые, чуть темней меха. Красивая игрушка в натуральную величину — и очень-очень дорогая. Я понятия не имел, как она могла здесь оказаться. Я уже хотел подойти к ней поближе и осмотреть, как уловил мысль Иити, заставившую меня застыть. Не конкретное послание, а предупреждение — не вмешиваться.

Во что не вмешиваться? Я перевел взгляд с чучела пукхи на своего компаньона. И хотя через многое прошел вместе с Иити и считал, что теперь он не способен меня удивить, мой спутникчужак снова меня изумил.

Я видел, что он сидит на полу сразу за ярким кругом свет и так внимательно смотрит на игрушку, словно следит за приближением врага.

Только Иити был уже не совсем Иити. Его стройное, почти ящероподобное тело не только сжалось, но и стало толще и короче, начиная внешне напоминать тело пукхи. Вдобавок темный мех посветлел и приобрел зеленоватый оттенок.

Недоумевая, но зачарованный происходящим перед моими не верящими в увиденное глазами, я смотрел, как Иити превращается в пукху, меняет форму и размер лап, головы, цвет и все остальное. Потом он прошел на свет и сел рядом с игрушкой. Мысль его громко прозвучала в моей голове.

— Ну?

— Ты вот этот. — Я показал пальцем, но не был уверен. До последнего волоска торчащей гривы, до последнего клочка мягкого зеленоватого меха Иити стал двойником игрушки.

— Закрой глаза! — Приказ пришел так быстро, что я сразу повиновался.

И, слегка раздраженный, сразу снова их открыл и опять увидел двух пукх. Я догадался, что ему нужно: хочет, чтобы я снова выбирал. Но как ни разглядывал двух пукх, не смог обнаружить ни малейшей разницы между неподвижно сидящим Иити и игрушкой. Протянув руку, я поднял ближайшего пукху и обнаружил, что это модель. И почувствовал, что Иити доволен.

— Зачем это? — спросил я.

— Я уникален. — Неужели в этом замечании нотка самодовольства? — Поэтому меня заметят и запомнят. Необходимо, чтобы я принял такой облик.

— Но как ты это сделал?

Он сел на задние лапы. Я опустил на колени, чтобы лучше его видеть, снова поставил рядом с ним игрушку и переводил взгляд, пытаюсь найти разницу. Но не видел.

— Это проблема сознания. — Говорил он нетерпеливо. — Как мало ты знаешь. Ваш вид замкнут в раковине, вами самими созданной, и я не вижу признаков того, что вы пытаетесь из нее выбраться. — Не очень хороший ответ на мой вопрос. Но я все равно не мог смириться с фактом, что Иити способен мыслью превратить себя в пукху.

Он легко уловил мою мысль.

— Мысленным воздействием превратить себя в галлюцинацию пукхи, — поправил он с видом превосходства, который меня всегда раздражал.

— Галлюцинация! — Вот в это я мог поверить. Конечно, мне никогда не приходилось видеть, чтобы это проделывали с таким мастерством и точностью, но есть чужаки, которые создают очень эффективные иллюзии, и я слышал достаточно рассказов об этом, чтобы поверить, что такое возможно. Того, кто податлив к таким влияниям, можно заставить увидеть то, что хотят создатели иллюзий. Может, я смог обмануться, потому что много времени провел с Иити и находился под его влиянием? Или эта иллюзия создана и для других?

— Для тех, для кого я захочу, — ответил он на мой невысказанный вопрос. — И осязательная иллюзия — потрогай! — Он протянул пушистую лапу, к которой я прикоснулся. На ощупь она отличалась от игрушечной только тем, что в ней жизнь, а не просто набивка.

— Да. — Это меня полностью убедило. Иити прав, как часто в прошлом — достаточно часто, чтобы вызвать раздражение у менее логичного существа, такого, как я. Собственное обличье Иити достаточно необычно, чтобы привлечь внимание даже в космопорту, где постоянно бывает много чужаков и их необычных домашних животных. Само по себе это может намекнуть на причину нашего пребывания здесь. Я никогда не недооценивал Гильдию и ее систему слежки.

Но если у них есть сведения о Иити, гораздо больше должно быть сведений обо мне! Гильдия преследовала меня задолго до моей встречи с Иити, с самого убийства моего отца, когда кто-то догадался, что я забрал из его разграбленной конторы предвечный камень, не найденный их человеком. И они устроили ловушку, в которую попался Вондар Астл, но не я. Другую ловушку они устроили в виде корабля вольных торговцев, но ее разгадал Иити, а я сам узнал об этом только позже. На планете развалин они меня захватили, но Иити опять освободил меня. Поэтому у них было достаточно оснований меня разыскивать — и этот факт вызывал страх.

— Ты тоже должен придумать себе маскировку, — спокойный приказ Иити прервал мои тревожные мысли.

— Не могу! Я все-таки из числа ограниченных... — гневно ответил я.

— У тебя только те ограничения, которые ты сам устанавливаешь, — спокойно ответил Иити. — Смотри...

Он, переваливаясь, как пуха, прошел к другой стене комнаты и неожиданно снова стал Иити, вытянул тело настолько, что я не поверил бы в такие гибкие мышцы и кости. Одной своей рукой-лапой коснулся кнопки на стене, и на ней появилось зеркало. И я увидел в нем свое отражение.

Во мне нет ничего выдающегося. Волосы темно-каштановые, как и у миллионов мужчин терранского происхождения. Лицо широкое в области глаз и сужающееся к подбородку, не очень красивое, но и не уродливое. Глаза зеленовато-карие, а брови и ресницы черные. Как торговец, которому много приходится странствовать, бороду я не отпускал. Борода в космическом шлеме очень неприятна. По той же причине у меня коротко подстрижены волосы. Для своей расы я среднего роста, и у меня правильное — опять-таки для моего вида — число всех конечностей и органов. Я могу быть кем угодно — но все же в идентифицирующих устройствах Гильдии содержатся такие данные обо мне, которых не разглядишь при беглом взгляде на прохожего.

Иити уже своими обычными гибкими, словно без всяких усилий, движениями снова пересек комнату, прыгнул мне на плечо и занял обычное положение на шее: голова его поверх моей макушки, руки-лапы по обе стороны от черепа сразу под ушами.

— Давай! — приказал он. — Думай о другом лице... любом...

Но я не смог — вначале. Я смотрел на свое отражение в зеркале и только его и мог себе представить. Я чувствовал раздражение Иити, и поэтому мне еще трудней становилось сосредоточиться. Но вот его раздражение перестало ощущаться; я понял, что он взял его под контроль.

— Думай о другом. — Теперь он не приказывал, а уговаривал. — Закрой глаза, если нужно...

Я послушался и попытался мысленно нарисовать картину — лицо, которое не принадлежит мне. Почему я представил себе Фаскела, не могу сказать, но в памяти всплыло лицо моего сводного брата, и я сосредоточился на нем.

Мысленное представление было не очень четкое, но я старался, увидел длинные узкие очертания, нос, торчащий над обрамляющими рот волосами — каким я в последний раз его видел. Фаскел Джерн, родной сын моего отца, тогда как я только приемный. Но всегда казалось, что по духу именно я сын Хайвела Джерна, а Фаскел ему чужой. Я поместил на лоб Фаскела, сразу ниже линии волос, пурпурный шрам, добавил капризный изгиб губ — с таким выражением Фаскел всегда смотрел на меня в последние наши совместные годы, — и постарался целенаправленно удерживать это представление.

— Смотри!

Я послушно посмотрел в зеркало. И в течение нескольких секунд удивленно смотрел на другого человека. Это определенно не я — но и не Фаскел, каким я его помню, — какая-то странная, искаженная комбинация нас обоих. Увиденное мне не понравилось. Но Иити прочно держал мою голову, и я не мог отвернуться. И у меня на глазах туманные черты Фаскела рассеялись, и я снова стал собой.

— Видишь — это можно сделать, — заметил Иити, отпустив меня и плавным движением спускаясь на пол.

— Это сделал ты.

— Только отчасти. Произошел — с моей помощью — прорыв. Твой вид использует лишь малую часть возможностей своего мозга. И вы этим удовлетворяетесь. А следовало бы стыдиться такой неэффективности и пустой траты ума. Тебе поможет практика. А с новым лицом ты сможешь без опаски идти туда, где можно найти пилота.

— Если нам вообще удастся его найти. — Я нажал кнопку и со вздохом сел на выскочивший из стены стул. Беспокойство висело на мне тяжким бременем. — Придется брать человека из черного списка, если сумеем такого найти.

— С-с-с-с-с. — Не звук, только впечатление нетерпеливого предупреждения в сознании. Иити скользнул к двери,

прижался к ней, вся его поза выражала внимание, словно слушал он не только ушами, а всем телом.

Я, конечно, ничего не слышал. Эти комнаты абсолютно звуконепроницаемые и защищены от прослушивания. И при желании я смог бы использовать специальный детектор. Караван-сарай космопортов — одно из тех немногих мест, где можно быть уверенным, что за тобой не подсматривают, тебя не подслушивают и вообще не контролируют.

Но от таких способностей, какими обладает Иити, здесь защиты нет, и по его поведению я понял, что он не только почувствовал чье-то приближение, но и что этого приближения стоит опасаться. Потом он повернулся, и я уловил его мысль. Открыл небольшое помещение для багажа, и он мгновенно в нем свернулся. Но мысли его оставались для меня ясны.

— Шпион Патруля... направляется сюда, — предупредил он, и этого предупреждения мне было достаточно.

Глава 2

Пока над дверью не загорелся огонек, сообщающий о посетителе, я принялся действовать — может, и не так быстро, как Иити, но достаточно быстро, — расставил по местам мебель, так чтобы номер выглядел нормально даже на внимательный взгляд тренированного патрульного. Патруль, гордящийся своим многолетним доминированием как самая мощная поддерживающая закон сила в галактике, не забыл и не простил тот факт, что мы с Иити сумели доказать свою невиновность, когда Патруль обвинял нас в преступлениях (на самом деле нас подставила Гильдия). То, что мы посмели заключить с Патрулем сделку и заставить его выполнить ее условия, ему не очень понравилось. Мы спасли человека Патруля, спасли не только его шкуру, но и корабль, вырвали его из лап Воровской гильдии. Но он отчаянно противился самой мысли о том, что мы имеем право заключать такую сделку и что ему приходится согласиться на наши условия. Даже сейчас воспоминания о том

методе, которым была заключения эта сделка, вызывают у меня тошноту: Ийти безжалостно соединил наши сознания. А такое вторжение, пусть даже обоюдное, навсегда остается незалеченной раной.

Я слышал, что каждое существо понимает вселенную в соответствии со своими органами чувств, точнее, с тем значением, которое придает показаниям этих органов чувств. Поэтому, хотя наша вселенная, какой мы ее видим, похожа на вселенную животного, птицы или чужака, между ними существуют различия. Милосердно установлены барьеры (я говорю «милосердно», потому что сам испытал, что происходит, когда они рушатся), которые ограничивают восприятие вселенной привычным, тем, что ты готов воспринять. Объединение сознания с сознанием другого человека — к такому восприятию мы не готовы. Мы с патрульным так много узнали друг о друге, что смогли заключить сделку и выполнить ее условия. Но, думаю, я предпочел бы скорее посмотреть в уставленный на меня лазер, чем снова подвергнуться такому испытанию.

По закону у Патруля ничего против нас не было, кроме, может быть, подозрений и неприязни к тому, что мы посмели сделать. Думаю, Патруль был даже доволен тем, что заключил с нами перемирие: ведь для Гильдии мы по-прежнему оставались объектом охоты. Возможно, нас рассматривали как приманку — ее судьбой можно пренебречь, — с помощью которой можно было заманить в ловушку какого-нибудь патрона Гильдии. Всякий раз, как эта мысль приходила мне в голову, я все больше сердился.

Я в последний раз торопливо оглядел комнату, и в это мгновение над дверью вспыхнул огонек, после чего я направился к глазку. И увидел запястье с черно-серебристым значком Патруля — такой значок подделать невозможно. Я открыл дверь.

— Да? — Я позволил себе выразить все раздражение, которое чувствовал, глядя на патрульного.

Он был не в форме, а в нарядном костюме инопланетного туриста. И на нем этот костюм сидел лучше, чем на большинстве откормленных зевак, которых я видел в этих

коридорах. Но это ни о чем не говорит: фасон кажется мне слишком кричащим и фантастическим.

— Джентльхома Джерн... — произнося мое имя, он не задавал вопрос, и взгляд его был сосредоточен не на мне, а на комнате за мной.

— Да, это я. Что вам угодно?

— Поговорить с вами — наедине.

Он двинулся вперед, и я невольно шагнул назад, прежде чем сообразил, что у него нет права входить. Престиж значка позволил ему получить начальное преимущество, и он полностью им воспользовался: вошел — дверь за ним встала на место — прежде, чем я готов был возразить.

— Мы наедине. Говорите. — Я не показал на стул и не сделал никакого жеста гостеприимства.

— Вы испытываете трудности в поисках пилота. — Теперь он только изредка бросал взгляд на меня: все его внимание занимала комната.

— Да. — Нет смысла отрицать очевидное.

Наверно, он не хотел зря тратить время, потому что сразу приступил к делу.

— Можно договориться...

Это по-настоящему удивило меня. Мы с Иити покидали базу Патруля с впечатлением, что тот с радостью отправляет нас на смерть от рук Гильдии. Единственное объяснение, пришедшее мне в голову, было таково: они все же поняли, что мы предоставили им информацию только о местонахождении гнезд предвечных камней, а подлинный источник этих камней остался тайной. Но на самом деле мы знали не больше того, что сказали им.

— О чем? — спросил я, не решаясь вступить в мысленный контакт с Иити, как ни хотелось мне получить подтверждение своего предположения. Никто не знает, к какому тайному оборудованию имеет доступ Патруль. Возможно, зная, что Иити телепат, они воспользуются каким-то хитрым методом и уловят наш обмен.

— Раньше или позже, — он говорил неторопливо, слово за словом, — Гильдия вас найдет...

Но я был к этому готов, давно уже обдумав такое положение.

— Значит, я приманка, и вы хотите с моей помощью заманить в ловушку...

Он нисколько не смутился.

— Можно сказать и так.

— Правильно сказать. А что вы хотите сделать? Поместить своего человека на корабль?

— И, конечно, защитить вас, чтобы вы могли нас предупредить.

— Весьма альтруистично. Но мой ответ — нет. — Я хорошо знал, как Патруль пользуется пешками, и потому был противником их методов.

— Вам не удастся найти пилота.

— Я начинаю задумываться... — и это в тот момент было правдой... — какими из своих нынешних затруднений обязан влиянию вашей организации.

Он не подтвердил, но и не отверг мое предположение. Но, думаю, я был прав. Как можно внести в черный список пилота, так то же самое можно проделать с кораблем — еще до того, как у нас появилась возможность впервые взлететь. Ни один пилот, желающий сохранить свою законную лицензию, не согласится теперь подписать наш судовой журнал. Придется обратиться к мутным незаконным глубинам и надеяться на везение. Но лучше я увижу, как корабль проржавеет на своих опорах, чем посажу за его штурвал человека из Патруля.

— Если вы будете искать пилота, лишённого лицензии, Гильдия легко подсунет вам своего человека, и вы об этом не будете даже подозревать, — заметил он. Говорил он уверенно, будто считал, что рано или поздно я соглашусь на его предложение.

И он говорит правду. Но это становилось не так, если в поисках пилота будет участвовать Иити. Даже если моему будущему пилоту промыли мозги и частично стерли память, мой спутник сумеет уловить это. Но я надеялся, что этого мой гость и те, кто его послал, не знают. То, что Иити телепат, мы не можем скрыть, но вот самого Иити...

— Лучше я буду делать собственные ошибки, — позволил я себе резкий ответ.

— И умрете из-за них, — равнодушно ответил он. Бросил последний взгляд на комнату и неожиданно улыбнулся. — Игрушки... интересно, зачем. — Стремительным и уверенным движением, как атакующий ястреб, он наклонился и тут же распрявился, держа за гриву пукху. — И очень дорогая игрушка, Джерн. А деньги у вас кончаются, если, конечно, вы не наткнулись на денежную реку. Интересно, зачем вам такой пукха.

Я улыбнулся в ответ.

— Всегда дарю своим посетителям небольшие загадки. Решите сами. Кстати, можете прихватить ее с собой — чтобы убедиться, что это не маскировка контрабанды. Это ведь возможно, знаете ли. Я торговец драгоценными камнями... а что может быть лучше для вывоза контрабандных камней, чем запрятать их в такую игрушку?

Не знаю, счел ли он мое объяснение таким же неправдоподобным, каким оно казалось мне. Но положил игрушку на ближайший стул и, направляясь к выходу, бросил через плечо:

— Наберите 1—0, Джерн, когда перестанете биться головой о каменную стену. Мы дадим вам человека, который не продаст вас Гильдии.

— Конечно, нет — только Патрулю, — возразил я. — Когда буду готов заглотив вашу наживку, я вам сообщу.

Он не стал прощаться, просто вышел. Я захлопнул за ним дверь и как можно быстрее выпустил Иити. Мой спутник-чужак сидел на задних лапах и с отсутствующим видом гладил мех на брюхе.

— Они считают, что мы в их руках, — попытался я подтолкнуть его к обсуждению, ведь он, конечно, знал все, что было в сознании гостя, если тот не был защищен щитом.

— Он был с щитом, — подтвердил мои подозрения Иити. — Но не очень совершенным. У него было только то, что ваше племя придумало для определения мысленных волн. Против моих способностей оно бессильно, — самодовольно продолжал мой спутник. — Да, они считают, что

мы у них в руках, — он протянул свои собственные руки, — и им нужно только сжать пальцы, вот так... — Его когтистые пальцы образовали кулак. — Какое невежество! Однако полагаю, что сейчас, когда мы знаем худшее, нужно действовать немедленно.

— Но что же нам делать? — мрачно спросил я, доставая свой вешевой мешок и начиная собираться. Я прекрасно понимал, что неразумно оставаться здесь, по соседству со шпионами Патруля. Но что же делать дальше...

— Идти в «Ныряющий червь», — ответил Иити так, словно ответ был совершенно очевиден и он удивлен, что я сам до этого не додумался.

Сначала я ничего не понял. Название, которое он упомянул, мне ничего не говорило, хотя я догадывался, что это один из притонов, каких много в самых опасных частях порта. Это самое последнее место, куда пойдет нормальный человек, за которым гоняется Гильдия.

Но сейчас меня больше заботило, как незаметно, не привлекая внимания шпионов Патруля, выбраться из здания. Я сложил чистое белье и приготовил три кредитных диска. В таких номерах полагается платить ежедневно, и по утрам счет появляется на небольшой пластинке на стене. Жилец не в состоянии преодолеть силовое поле, которое мгновенно закрывает выход, стоит только сканерам определить, что постоялец собирается выйти. Во всех остальных отношениях номер защищен от прослушивания, но есть меры, которые законно принимает каждый владелец.

Я опустил кредиты в щель под пластинкой со счетом, и цифры погасли. Теперь я могу выходить. Надо только решить, как. Повернувшись, я увидел, что Иити снова превратился в пуху. Несколько мгновений я колебался, решая, какое именно их пушистых созданий мой спутник. Но тут Иити шевельнулся, и я взял его в руки.

Держа Иити на сгибе одной руки, а мешок в другой, я быстро выглянул в коридор, убедился, что он пуст, и вышел. И когда повернулся к гравитационному лифту, Иити сказал:

— Налево и быстро!

Я послушался. Его указания привели меня туда, где я раньше не бывал. Здесь оказался служебный лифт, которым пользовались роботы-уборщики. Хотя я и оплатил счет, тут могли быть сканеры. Ведь лифт предназначен только для машин, и одна из них как раз громыхала за нами.

Это был робот-официант: ящик на колесах, крышка ящика вся в кнопках для выбора блюд. Мне пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить его: коридор не предназначался для людей и чужаков-клиентов караван-сарая.

— На него! — приказал Иити.

Я не знал его намерений, но мы с ним не раз бывали в трудных положениях, и я понимал, что какой-то план у него обязательно есть. Поэтому я посадил Иити, положил мешок и сам сел на крышку робота, стараясь не задевать кнопок.

Очевидно, машина не отреагировала на мою тяжесть. Не останавливаясь, она продолжала катиться по коридору. Но я с трудом удерживал равновесие: ведь ухватиться было не за что.

Я едва не закричал, когда робот без паузы свернул в пустоту гравитационного лифта. Но лифт выдержал тяжесть, робот подо мной начал ровно опускаться, как платформа, которая доставляет багаж и пассажиров лайнера в порту. На следующем этаже к нам присоединился уборщик, но роботы не столкнулись и не касались друг друга. Ниже и выше нас в лифте я видел других спускающихся служебных роботов: по-видимому, подошло к концу время их утренней работы.

Мы опускались этаж за этажом, я считал их, испытывая с каждым все большее облегчение. С каждым оставшимся позади этажом мы ближе к цели. Но, добравшись до первого этажа, мы не увидели выхода: моя опора продолжала спуск.

Лифт остановился под землей, пройдя еще по меньшей мере три этажа. И официант, по-прежнему неся нас, покатился в крошечной тьме, при этом изменившийся звук его движения заставил меня застыть. А Иити не давал никаких объяснений.

Набравшись храбрости, я достал ручной фонарик, осветил вокруг и различил только тревожащие очертания машин, тут и там двигавшихся по обширному пространству. И ни следа людей.

Не зная, помешают ли какие-то детекторы роботам столкнуться со мной, я не решался слезть со своей машины. До этого часа я всегда воспринимал служебный отдел караван-сарая как нечто само собой разумеющееся, но о таком его устройстве даже не подозревал.

Было очевидно, что официант знает, куда направляется: он двигался целеустремленно, пока не добрался до стены с гнездами в ней. Машина подсоединилась к одному из гнезд, и я подумал, что здесь убираются остатки еды и грязная посуда. Не только официант стоял у стены. Поблизости я увидел уборщика, он тоже освобождался от груза.

Луч фонарика показал, что стена не достигает потолка, так что над ней должен существовать какой-то проход. Можно попробовать выбраться, хотя нет гарантии, что мы не уткнемся в тупик.

Я осторожно встал, оставаясь на крышке робота, а Иити взял фонарик в свои толстые лапы пукхи. Мешок перебросить через стену оказалось легко, труднее оказалось с моим спутником: его новое тело не было приспособлено для таких подвигов. Но, оказавшись наверху, Иити присел, держа фонарик в зубах: для этого они подошли лучше лап.

В свете фонарика я подпрыгнул и ухватился за верх стены. На мгновение мне показалось, что пальцы скользнут по гладкой поверхности. Но тут с усилием, от которого словно разрывались мышцы, я подтянулся и оказался на неприятно узкой поверхности.

Не только узкой, но дрожащей и вибрирующей подо мной. Я представил себе какое-то устройство, поглощающее отходы, или уносящий их конвейер.

Надо мной, совсем близко, так что приходилось нагибаться, потолок. При помощи фонарика я убедился, что стена, на которой сижу, уходит в какое-то темное отверстие в другой стене, с которой встречается под прямым углом. Передо мной словно тропа, ведущая в пещеру.

Пробравшись в это отверстие, я убедился, что там достаточно места, чтобы я мог распрямиться. Луч фонарика осветил лестницу из скоб, укрепленных в стене. Возможно, служебный доступ для человеческого персонала. Благословляя свою удачу, я уже готов был начать подъем, потому что от грохота машин и непрерывного шума их движений у меня закружилась голова. Чем скорей я выберусь из их царства, тем лучше.

Лапы Иити сейчас были не предназначены для карабканья, и я подумал, что он откажется на время от маскировки. Нести его мне не хотелось, и я даже не понимал, как это сделать.

Но если он мог и отказаться от маскировки, то, по-видимому, решил этого не делать. В конце концов пришлось повесить мешок на спину, сделать из одежды перевязь, и Иити заполз в нее. Обе ноши очень мешали сохранять равновесие, но я начал подниматься. Фонарик пришлось убрать: третьей руки для него у меня не нашлось.

В этот момент мне хотелось одного: убраться из темной страны служебных роботов, хотя я поднимался в неизвестность. Возможно, я слишком привык надеяться на то, что Иити предупредит меня об опасности. Но с того момента, как мы забрались на работа-официанта, он со мной не общался.

— Иити, что впереди? — послал я настойчивую мысль.

— Ничего — пока. — Но его ответная мысль была слабой, как шепот или как будто его сознание было занято другими, более насущными проблемами.

Секунду-две спустя я обнаружил, что лестница кончилась: моя поднятая рука ухватилась не за очередную скобу, а уперлась в жесткую поверхность. Я провел по поверхности пальцами, пытаясь определить, что это. И нащупал круглое углубление — возможно, люк. Убедившись в этом, я надавил, вначале слегка, потом сильнее. Но когда крышка не подалась, я начал тревожиться. Если она привинчена снаружи, нам придется вернуться к роботам, а мне об этом даже думать не хотелось.

Но последний отчаянный толчок, должно быть, привел в действие механизм, закрывавший крышку, и она подалась, впуслав слабый свет. У меня хватило сообразительности подождать, не даст ли Иити какое-то предупреждение.

Он ни о чем не предупредил, и я выбрался в место, где было множество рубильников, ручек, тумблеров и тому подобного — вероятно, нервный центр контроля роботов. В помещении никого не было, а в стене оказалась обычная дверь. Я облегченно вздохнул и начал приводить себя в порядок: распутал перевязь с Иити и разгладил одежду. Насколько я мог судить, путешествие по внутренностям караван-сарая не оставило на ней следов и я могу выйти на улицу, не привлекая к себе внимания. Конечно, если эта дверь приведет к свободе.

За дверью оказался небольшой гравитационный лифт. Я нажал кнопку первого этажа, лифт поднялся, и я вышел в короткий коридор с дверьми в обоих концах. Одна дверь вела в помещение, в которое выходил багажный транспортер. Я выбрался по выключенному транспортеру и оказался в переулке, где с флиттера из порта разгружали тяжелые ящики.

— Давай! — Иити сидел у меня на плече, тело пукхи было менее приспособлено к такому способу передвижения, чем природное. Я чувствовал его когти по обе стороны головы, как раньше, когда он показывал мне, как можно изменить лицо. — Подожди!

Я не знал, что ему нужно: он не требовал, чтобы я «пымслил» себе лицо. И хотя ожидание затянулось, заставляя меня нервничать, он не менял своей позы. Я был уверен, что он сам, силой своей мысли, меняет мою внешность.

— Лучшее... на что... я... способен... — Он отнял лапы от моей головы, я поднял руки и подхватил его, потому что он едва не упал. Иити дрожал, словно от крайней усталости, глаза его закрылись, и дышал он короткими резкими вдохами. Я один раз видел его уже в таком состоянии — он даже потерял сознание, — когда заставил нас с патрульным объединить сознания.

Неся Иити как ребенка, с мешком за спиной, я вышел в переулок. Взгляд в сторону здания позволил мне сориентироваться. Если за нами и есть хвост, которого не смутил наш способ выхода, то спрятаться ему негде.

Боковой переулок вывел на оживленную торговую улицу, по которой следуют основные грузы из порта. Посредине улицы проходили шесть транспортных поясов для тяжелых машин, с обеих сторон от них — пояса для легких грузов, и оставалось еще место для очень узкого, жмушгося к стенам зданий пояса для людей. На нем оказалось достаточно пешеходов, чтобы я не привлекал внимания, в основном это были те, кто занят в порту перевозкой грузов. Я поставил мешок между ног и позволил ленте нести меня, не увеличивая скорость передвижения своим шагом.

Иити говорил о «Ныряющем черве», который оставался для меня загадкой, но я не собирался выходить за пределы портовой зоны до наступления темноты. Дневные посетители, за исключением туристов, которых водят по тщательно охраняемому маршруту, сразу привлекают к себе внимание. Значит, нужно где-то переждать. Лучшим решением был бы другой отель. Чувствуя прилив вдохновения, я выбрал тот, что расположен прямо напротив «Семи планет», откуда только что выбрался таким необычным способом.

Этот отель похуже «Семи планет», что соответствовало моим намерениям. И особенно мне подошло то, что вместо человека-администратора, что повышает престиж заведения, тут был робот — хотя и я и знал, что сейчас меня просматривает множество сканеров и идет проверка по файлам. Поможет ли мне Иити и здесь?

Я получил клюк к замку, на лифте поднялся в облезлый коридор второго этажа, отыскал свой номер, вошел и облегченно вздохнул. Теперь дверь можно открыть только самими мощными лазерами.

Опустив Иити на кровать, я подошел к зеркалу, чтобы посмотреть, что он со мной сделал. Но увидел не новое лицо, а расплывающееся пятно и почувствовал, что смотреть на свое отражение мне не хочется. Сосредоточенный взгляд вызывал беспокойство, словно моя нынешняя

внешность настолько отвратительна, что я не перенесу ее вида.

Я сел на стул перед зеркалом. Заставляя себя смотреть в него, я почувствовал, как прежнее ощущение потери ориентации слабеет, черты лица в стекле становились яснее, четче, видимее — лицо такое же обычное, как всегда.

Я сомневался в том, что Иити снова сможет совершить подобную трансформацию, когда настанет время уходить отсюда. Слишком велико напряжение, особенно если требуется одновременно использовать и другие особые способности. Поэтому, выходя, я могу попасть в руки тех, кто за мной охотится. Но — не могу ли я своими силами повторить то, что сделал Иити? Попытка с внешностью Фаскела была не очень успешной. И даже тогда мне потребовалась помощь Иити.

Но что если попробовать не такое радикальное изменение внешности? На этот раз Иити придал мне не другую внешность, а только некий покров, который вызывает трудности у тех, кто на меня смотрит. Если мне попытаться изменить не все лицо, а только часть его? Я ухватился за эту мысль, принялся ее обдумывать. Мне казалось, что Иити должен как-то ее прокомментировать, но он этого не сделал. Можно было подумать, что он уснул.

Если не убирать с лица, а добавить — что-нибудь такое, что сразу привлечет внимание, затмив все остальное. В недавнем прошлом моя кожа была пегой — после того как Иити вызвал загадочную болезнь. Я слишком хорошо помнил эти отвратительные пятна. Никакого возврата к ним! Не хочу, чтобы меня снова сочли жертвой чумы. А вот шрам...

Я вспомнил дни, когда мой отец владел магазином подержанных вещей в космопорту моей родной планеты. Многие астронавты заходили в задние помещения магазина, продавая вещи, о происхождении которых лучше не спрашивать. И не у одного из них лицо было в шрамах.

Да, шрам. Теперь — в каком месте? И от чего? Порез ножом, лазерный ожог, след какой-то старой раны? Я выбрал ожог от луча лазера: мне не раз приходилось их видеть,

и это вполне соответствует месту за пределами портовой зоны. Как можно живей представив себе лицо с таким ожогом, я смотрел в зеркало, стараясь сморщить и обесцветить кожу на левой щеке.

Глава 3

Эта попытка противоречила всей человеческой логике. Если бы я не видел, как с помощью Иити изменил частично свою внешность, никогда бы не поверил в такую возможность. Другой вопрос, смогу ли я это сделать без Иити, но я хотя бы постараюсь получить ответ. Меня временами раздражает зависимость от этого мутанта, который в наших отношениях стремится к господству.

Существует высказывание: если выберешь ошибочную дверь, правда останется снаружи. И я начал борьбу со множеством ошибок, надеясь, что правда хоть частично мне поможет. С тех пор как я познакомился с Иити, я не раз старался пробудить в себе экстрасенсорные способности. Главный образом потому, что бы уверен: не пристало человеку мириться с тем, что его превосходит существо, так похожее на животное, — хотя, конечно, в обширной галактике термин «человек» скорее имеет отношение к уровню интеллекта, а не к гуманоидной внешности. Вначале и этот факт моему племени воспринять было трудно: ведь у нас столько врожденных предрассудков. И мы учились на горьком опыте, пока не усвоили этот урок.

Я как можно лучше перекрыл мысленные каналы сознания, придавил, словно крышкой, все тревоги из-за отсутствующего пилота, сокращающегося числа кредитов и того факта, что я, возможно, дичь в охоте, которую чувствую, но не вижу и не слышу. Шрам — это самое важное, это единственное, что должно быть в сознании. Я сосредоточился на изображении в зеркале, на том, что хочу увидеть.

Возможно, Иити прав — как почти всегда — и люди используют не все возможности своего мозга. Находясь под опекой Иити, я, должно быть, расширил и углубил свои возможности так, как было невозможно для человека рань-

ше. Произошло нечто такое, что меня удивило. Словно в той части меня, которая стремилась овладеть способностями Иити, появился какой-то призрачный палец и крепко нажал. Я почти ощутил прошедшую по всему телу дрожь — и вслед за этим полную уверенность: я могу это сделать. Но другая часть меня со страхом и тревогой следила за этим превращением.

Лицо в зеркале... Да! На нем появился этот отличительный шрам, не свежий, который выдаст меня перед наблюдателем, а сморщенный и темный, словно запоздало была применена регенерация или вообще восстановительная работа проделана небрежно. Такое возможно с членом экипажа, которому не повезло, или выжившим после неудачного падения корабля на планету.

Настолько реально! Я осторожно поднял руку, не осмеливаясь притронуться к сморщенной неровной коже. Иллюзия Иити была не только зрительной, но и осязательной. А моя? Я коснулся лица. Нет, я не могу еще сравниться с Иити. Пальцы коснулись не шрама, как казалось, когда я смотрел в зеркало. Но зрительно шрам на месте, и это лучшая защита, какой я смог достичь.

— Начало, многообещающее начало...

Моя голова дернулась, я оказался вырванным из сосредоточенного состояния. Иити сидел на кровати и смотрел на меня немигающими глазами пукхи. Я снова посмотрел в зеркало. Вопреки моим опасениям, шрам на месте. И не просто на месте. Я правильно выбрал: он привлекает внимание, лицо при нем расплывается, словно этот шрам — маска.

— Сколько продержится? — Если мне придется выйти из номера и направиться за пределы портовой зоны, там трудно будет найти спокойное место, чтобы снова сосредоточиться, если понадобится возобновить маскировку.

Круглая голова Иити слегка поворачивалась из стороны в сторону: он словно критически разглядывал результаты работы моей мысли.

— Не очень большая иллюзия. Ты мудро поступил, начиная с малого, — заметил он. — Думаю, с моей помощью

продержится весь вечер. А это все, что нам нужно. Хотя мне тоже придется измениться...

— Тебе? Зачем?

— Ты хочешь показать, что не имеешь чувства опасности? — Торчащая грива на голове уже исчезла. — Брать с собой пукху за пределы портовой зоны?

Он, как всегда, прав. Живые пукхи стоят больше своего веса в кредитах. И отнести пукху за пределы портовой зоны — значит напрашиваться на луч шокера, если повезет, или на лазер, если нет; а Иити сунут в мешок и отнесут к какому-нибудь скупщику краденного. Я рассердился на себя за такое проявление непредусмотрительности, хотя объяснялось это необходимостью сосредоточиться на поддержании шрама.

— Да, ты должен его поддерживать, но не всем сознанием, — сказал Иити. — Тебе еще многому предстоит научиться.

У меня на глазах он изменился. Пукха исчез, словно был слеплен поверх из пасты, которая, столкнувшись с космическим холодом, разлетелась на мелкие, невидимые глазу частички. Теперь передо мной снова был Иити, а не необычная для взгляда наблюдателя дорогая игрушка.

— Именно так, — подтвердил он. — Но меня не смогут увидеть. Для этого не нужно меняться. Просто нужно не позволить глазам меня увидеть.

— Как ты сделал с моим лицом, когда мы шли сюда?

— Да. А темнота нам поможет. Мы пойдем прямо в «Ныряющий червь».

— Зачем?

Представитель моего вида мог бы с раздражением вздохнуть. Мысленное ощущение, переданное моим спутником, имело то же значение.

— «Ныряющий червь» — место, где можно встретить нужного нам пилота. И не трать время, спрашивая, откуда мне это известно. Это правда.

Насколько Иити в состоянии читать мысли окружающих, я не знал; думаю, я и не хотел это знать. Но теперь он меня убедил, что у него есть какая-то конкретная ниточка.

И я не мог с ним спорить: ведь сам я ничего иного предложить не могу.

Он, как всегда неожиданно, прыгнул мне на плечо и занял любимую позу, свернувшись вокруг шеи, как неодухотворенная полоска меха. Я в последний раз взглянул в зеркало, чтобы убедиться, что мое творение сохранилось, и почувствовал прилив торжества. Шрам на месте. Хотя позже мне может понадобится помощь Иити, чтобы сохранить его.

Подготовившись таким образом, мы вышли и пошли по главной оживленной улице в сторону порта, готовые свернуть в первый же переулок, ведущий за пределы портовой зоны. Было сумеречно, темно-зеленое небо затянули тучи, единственным источником света была главная луна Тебы.

Но квартал за пределами портовой зоны, в который мы вошли с бокового прохода, был полон жизни. Яркие вывески на многих языках (хотя главным языком здесь был основной галактический), понятные космонавтам самых разных рас, предлагали разнообразные товары и своеобразные развлечения. Многие из таких вывесок — сплошная сумятица цветов — должны были привлечь внимание нечеловеческих рас и потому болезненно действовали на наши органы зрения. Здесь лучше не смотреть выше уровня улицы. К тому же было так шумно, что прохожий мог оглохнуть, а запахи заставляли мечтать о защитном скафандре, который можно было бы закрыть наглухо, отрезать все звуки и дышать отфильтрованным, пригодным для дыхания воздухом.

Попав сюда, можно было подумать, что ты переместился в другой мир, не только опасный, но и негостеприимный. Как найти в этом океане смятения «Нырющего червя» Иити? Проблема, решения которой я не видел. А бродить оглушенным и задыхающимся по этим улицам и переулкам значит напрашиваться на неприятности. У меня на поясе нет оружия, а за спиной вещевой мешок: десяток или больше пар глаз уже наметили меня в качестве возможной добычи.

— Направо... — Мысль Иити, словно лезвием ножа, разрезала путаницу в моем сознании.

Я повернул направо — с главной улицы на маленькую, узкую улочку; здесь было тише и, возможно, время от времени долетало дуновение настоящего воздуха. Если я не знал, куда идти, то, по-видимому, Ийти хорошо это знал.

Мы еще раз повернули направо, потом налево. Здесь заведения для отдыха космонавтов были такими преступными притонами, что я опасался сунуть туда нос. Мы приближались к последним прибежищам отчаявшихся, к укрытиям, где можно спрятаться от тех, кто охотится на главной улице, отхватывая главную добычу.

«Ныряющий червь» был обозначен не вывеской, а сверкающим изображением этого неприятного на вид существа на входной двери. Художник изобразил червя так, что посетитель входил прямо в его пасть — возможно, предсказание того, что ждет внутри неосторожных. Здесь к вони снаружи добавлялись пары нескольких сортов напитков и дым наркотиков. Два таких запаха я распознал как смертельно опасные для тех, кто сделал поглощение этих веществ главным делом оставшейся недолгой жизни.

Но в помещении не было темно. У расположенного снаружи червя здесь были товарищи, очень жизненно извивавшиеся на стенах. И хотя частично эти бегущие потоки света потемнели и нуждались в замене, в целом было достаточно светло, чтобы рассмотреть лица посетителей, если не то, что подавали им в разнообразных чашках, графинах, трубках и тому подобном.

В отличие от заведений для еды и питья в более цивилизованных (если позволительно использовать это слово) частях порта, в «Ныряющем черве» на столах не было кнопочных панелей для набора заказа, не было и роботов-официантов. Подносы разносили люди и чужаки, и на лицо любого из них всех нельзя было долго смотреть без отвращения. Некоторые определенно выглядели женщинами, другие — ну, можно было только догадываться. И, откровенно говоря, заказывай я здесь выпивку, после первого порции, поданной ящером с двумя парами рук, от второй я бы отказался. Разве что выпивка была бы для меня важнее того, что я видел вокруг.

Ящер обслуживал три столика у стены и делал это весьма эффективно: четыре руки лучше двух. За первым столиком сидела группа очень пьяных ригелианцев. За вторым виделось нечто серое, очень большое и все в бородавках. А за третьим сидел терранец, опершись головой на руку; вторую руку он положил на стол. На нем форма космонавта, правда, очень давно не чищенная. На нескольких нитках с воротника свисала нашивка, но на груди не было значка торгового дома или корабля, только темное пятно свидетельствовало, что когда-то владелец формы таким значком обладал.

Вытащить этого человека из его мутной похлебки — поистине зачерпнуть из самых глубин. С другой стороны, чтобы убраться из порта, нам нужен хоть какой-то пилот на борту. Я не сомневался в том, что мы с Иити смогли бы отправиться в первый прыжок, сами установив координаты. И наша единственная возможность — найти человека из черного списка, конечно, если он нам не подставлен.

— Он пилот и куритель фэша, — сообщил Иити, хотя мне слышать это сообщение не хотелось.

Фэш не вызывает привыкания, но приводит к опасным переменам в личности. И человек, подверженный такому пристрастию, определенно не может быть надежным пилотом. Если этот подонок и сейчас курит фэш, он мне заведомо не годится. Надежду внушала только мысль о том, что фэш дорог, и тот, кто в состоянии его вдыхать, не станет околачиваться в «Ныряющем черве».

— Не сейчас, — прокомментировал Иити. — Я думаю, сейчас он пьет вивир...

Самая дешевая выпивка, какую только можно купить; от нее становится очень плохо; да и пьющий бездельник в зеленом болезненном свете со стены выглядел неважно. Возможно, странное выражение его лица объяснялось особым спектром этого света. Подняв голову, человек пододвинул к себе графинчик и зажал в зубах трубочку для сосания. И продолжал пить, когда мы подошли к его столику.

Возможно, сам я бы даже не подумал, что он может быть тем человеком, что мне нужен. Но нашивка на воротнике

свидетельствует о том, что он пилот, а других пилотов я здесь не видел. К тому же он единственный гуманоид с лицом, которому я хотя бы отчасти могу доверять, да и Иити, по-видимому, выбрал его.

Он не поднял голову, когда я сел за его столик, но подошел ящер-официант, и я указал на графинчик и поднял палец, заказывая второй такой же для соседа по столику. Человек посмотрел на меня, не выпуская трубки изо рта. Мрачно нахмурился, выплюнул трубку и неразборчиво произнес:

— Черт побери! Что бы ты ни предлагал — я не покупаю!

— Ты пилот, — ответил я. Ящер, затратив вдвое больше времени, чем нужно, наконец принес графинчик и поставил на стол. Я протянул жетон в десять кредитов, и одна из четырех рук выхватила его с такой быстротой, что я даже не заметил, как он исчез.

— Ты немного опоздал. — Он отодвинул первый, опустивший, графин и пододвинул к себе второй. — Я был пилотом.

— Летал в системе или в глубоком космосе? — спросил я. Он остановился, держа трубку у губ.

— Глубокий космос. Хочешь посмотреть мою лицензию? — В его голосе прозвучала насмешка. — И какое тебе до этого дело?

Таково действие фэша. Под его действием человека охватывают приступы ярости, зато в перерывах между загулами то, что обычно вызывает гнев, проявляется только в легком раздражении.

— Есть дело. Работа нужна?

Он рассмеялся — по-видимому, искренне.

— Опять ты опоздал. Я теперь прикован к планете.

— Ты хотел показать лицензию. Ее у тебя не конфисковали? — настаивал я.

— Нет. Но только потому, что никто не хотел возиться. Я не взлетал два полных планетных года, и это правда. Что-то я сегодня много болтаю. Наверно, они здесь что-то подмешивают в выпивку. — Он со смутным интересом посмотрел на графин, словно ожидал увидеть что-то плавающее

на поверхности мутной жидкости. Потом снова присосался к трубке, но свободной рукой расстегнул замок поношенной куртки и дрожащей рукой достал очень потрепанный бумажник; бумажник он просто бросил на стол, а не подвинул ко мне, как будто оставался совершенно равнодушен к моему интересу. Я взял бумажник и при очередной вспышке света со стены увидел в нем лицензию.

Она была выписана на имя Кейно Ризка, пилота, лицензированного галактической службой. Выдана лицензия десять лет назад, и возраст пилота указан как неопределенный, поскольку он родился в космосе. Но меня изумил маленький символ, глубоко врезанный под именем, — символ определял пилота как вольного торговца.

С самого начала люди, готовые рисковать вдали от регулярных линий, ставших монополией больших компаний, вольные торговцы, одиночки и авантюристы по темпераменту, за столетия космических путешествий все более и более становились особой расой. Но свои корабли они считали родными планетами, а на настоящих планетах проводили мало времени, отправляясь туда, куда решаются заглянуть только Перворазведчики и исследователи. После этого первые годы они жили на остатках богатого пира, на котором жирели большие компании.

Не в состоянии покупать на аукционах права на вновь открытые богатые планеты, они рыскали по космосу, довольствовались небольшой добычей и большим риском и надеялись, что судьба пошлет им надежную прибыль. И такое случалось достаточно часто, чтобы они могли оставаться в космосе.

Но поскольку свои корабли они считали единственной родиной, то превратились в замкнутый клан и образовывали семьи только из своих, если вообще женились. Иногда у них бывали собственные порты в космосе — астероиды, которые они преобразовали и на которых вели квазисемейную жизнь. Но с теми, кто родился на планетах, вступали в контакт только ради бизнеса. И найти такого, как Ризк, в этом порту — вольные торговцы никогда не бросила своих, — настолько необычно, что вызывает изумление.

— Она подлинная. — Он не отрывал взгляда от графина. Должно быть, сталкивался с таким изумлением столько раз, что уже устал от него. — Я не ограбил какого-нибудь космонавта, чтобы ее забрать.

И это, должно быть, правда, потому что такие лицензии привязаны к телу — настроены на химизм этого организма. Если лицензия перейдет к другому, ее вскоре нельзя будет прочесть.

Нет смысла спрашивать, что лишило вольного торговца корабля и привело в «Ныряющий червь». Расспросы могут враждебно его настроить, и тогда я не смогу с ним договориться. Но то, что он вольный торговец, говорит в его пользу. Бывший служащий большой компании не согласился бы на полет, который мы планировали.

— У меня есть корабль, — прямо сказал я, — и мне нужен пилот.

— Поищи в регистре, — ответил он и протянул руку. Я закрыл бумажник и положил ему на ладонь. Может ли частичная правда помочь мне?

— Мне нужен человек, отсутствующий в регистре.

Это заставило его взглянуть на меня. Зрачки у него большие и очень темные. Возможно, и не фэш, но он явно под влиянием какого-то затуманивающего сознание наркотика.

— Ты не контрабандист, — сказал он немного погодя.

— Нет, — ответил я. Контрабанда — выгодный бизнес, но Гильдия наложила на нее руку, и только умственно отсталый может теперь ею заниматься самостоятельно.

— Тогда кто ты? — Взгляд его был мрачен.

— Человек, которому нужен пилот... — начал я, когда уловил мысль Ийти.

— Мы слишком задержались здесь. Будь готов увести его.

Наступила тишина. Я не закончил предложение. Ризк смотрел на меня, но взгляд его не был сфокусирован, он как будто меня не видел. Потом хмыкнул и отодвинул от себя незаконченный второй графин.

— Спать хочу, — пробормотал он. — Пошли отсюда...

— Давай, — согласился я. — Пошли ко мне. — Я подхватил его слева, помог удержаться на подгибающихся ногах,

взял под локоть и повел. К счастью, он еще достаточно владел телом, чтобы идти. Иначе я не смог бы его утащить: он хоть и ниже меня ростом, но за годы пребывания на планете растолстел и заплыл жиром.

Ящер как будто собирался преградить нам путь, и я почувствовал, как шевельнулся Иити. Не знаю, предупредил ли он официанта, как внушил Ризку желание уходить. Но официант неожиданно свернул к другому столику, освободив нам проход к двери. И мы без каких-либо помех вышли из этого вонючего заведения. Оказавшись снова в переулках внепортовой зоны, я попытался идти быстрее, но обнаружил, что Ризк, хотя и держится на ногах и идет, торопиться не собирается. А когда я попытался его тащить, он словно начал испытывать сомнения в желании, внушенном ему Иити, поэтому я не стал настаивать. Меня угнетало ощущение, что нас преследуют или по крайней мере следят за нами. Хотя не мог сказать, обнаружили ли нас или просто наметили как добычу. И то и другое опасно.

Прожекторы порта разгоняли ночь, превращая три луны, которые неторопливо двигались у нас над головами, в бледные призраки. Войти в ворота и добраться до нашего корабля по-прежнему оставалось проблематичным. Если Патруль и, возможно, Гильдия наблюдают за мной, подумал я, у корабля оставлена постоянная охрана, даже если мы запутали преследователей в городе. Что касается моего шрама, то даже если он еще сохранился, то не устоит против сканера личности в последнем пункте проверки. Успех зависит от нашей поспешности, но Ризку этого не объяснишь.

У первого контрольного пункта я задержался не дольше, чем нужно, чтобы сунуть в щель мое удостоверение личности и удостоверение Ризка — каким-то образом, подчиняясь указаниям Иити, он извлек это удостоверение. После этого я увидел возможность увеличить скорость. На пути стояла тележка для перевозки багажа. Я никогда не тратил полкредита на такую роскошь для своего походного мешка, но теперь тележка мне пригодится.

Я подтащил ее к себе и усадил Ризка. За использование тележки для перевозки пассажиров полагается штраф, но

такие мелкие нарушения закона в данный момент меня не тревожили. Я накрыл Ризка чехлом и поверх поставил свой мешок как указание на то, что везу груз. Затем набрал причальный номер нашего корабля. Вложил кредит и позволил тележке двигаться. Если Ризк по пути не попытается сойти, я мог быть уверен, что тележка доберется до трапа моего корабля.

Тем временем нам с Иити предстояло добраться до корабля менее заметным и более быстрым путем. Я оглянулся, пытаясь найти способ осуществить это намерение. Шла погрузка на внутрисистемный пассажирский лайнер, толпа пассажиров ждала у трапа, а многие еще шли к кораблю. Улетающих сопровождали семьи и шумные группы друзей. Я присоединился к одной из таких групп и пошел в ее конце. Пассажиров в нашей группе сопровождало несколько телохранителей; корабль, судя по всему, направлялся на Мемфорс, более удаленную планету этой системы, имеющую репутацию далеко не приятного места.

Поскольку большую часть толпы составляли мужчины, и достаточно закаленные, я не чувствовал, что выделяюсь на их фоне. Но все же мне придется отойти от толпы, когда она доберется до трапа, и пойти к своему кораблю. Вот на этих последних этапах я буду заметен.

Я держался края толпы, стараясь, чтобы между мной и темнотой было как можно больше людей, и пытался определить, не привлек ли я чьего-то внимания. Но, насколько мог судить, я словно все еще был окутан искажающим пятном, созданным Иити.

Мне хотелось бежать или пробираться под какой-нибудь защитной раковиной, как краб. Но ни того, ни другого я сделать не мог. Я даже не осмеливался оглядываться, как ни боялся преследования: даже простейшие проявления опасения способны меня выдать.

Впереди я видел багажную тележку, она двигалась по гораздо более прямому курсу, чем мой. Мешок по-прежнему наверху, следовательно, надеялся я, Ризк не шевелился. Тележка достигла трапа намного раньше меня и остановилась, ожидая, пока с нее снимут груз.

— Соглядатай... справа... Патруль...

Этим предупреждением Иити снова дал о себе знать. Я не смотрел в указанном им направлении.

— Он приближается?

— Нет. Но он снял на видео тележку. У него нет приказа мешать тебе стартовать — только проследить за стартом.

— Значит, они считают, что наживка готова, и хотят хлопнуть ловушку. Неплохо, — заметил я. Но пути назад нет, а Патрулю в этот момент я опасался не так, как Гильдии. В конце концов, Патрулю я зачем-то нужен — в качестве наживки, вероятно, но момент принесения меня в жертву еще не настал. У меня было ощущение, что, как только мы уберемся с планеты, Патрулю будет вовсе не легко выполнить свой высокомерный план. У меня есть то, о наличии чего они не подозревают, — предвечный камень.

Поэтому я и виду не подал, что знаю о наблюдении, сташил Ризка с тележки, толкнул на трап, втащил внутрь и закрыл люк. Поместив свою добычу в одну из двух кают, я привязал его ремнями, взял с собой пилотскую лицензию и вместе с Иити поднялся в контрольную рубку.

Здесь я вложил лицензию Ризка в щель, чтобы ее смогла проверить администрация порта, и подготовился к старту. Иити помогал мне в подготовке автоматике. Но путевую ленту с координатами я не стал вводить: когда окажемся в космосе, Ризку придется выполнить свои обязанности, иначе может получиться так, что другой порт мы сможем найти лишь совершенно случайно.

Глава 4

Поскольку у нас не было путевой ленты, мы не могли отправиться в гиперпространство, пока Ризк не введет координаты для прыжка. Поэтому взлет с планеты вывел нас во внутрисистемное пространство, и в этом была для нас дополнительная опасность. В гиперпространстве выследить корабль невозможно, а вот внутри системы его легко обнаружить. Поэтому, придя в себя от стартовой перегруз-

ки, я отправился на поиски нашего пилота. Ийти, как всегда, прекрасно проводил время внизу в корабле.

Наш транспорт — «Идущий по ветру» — не такой маленький, как разведчик, но и не такой большой, как вольный торговец D-класса. Возможно, когда-то это была яхта какого-нибудь босса. Но если это так, то роскошная обстановка давно снята, хотя покрашенные следы на стенах свидетельствуют, что моя догадка правильная. Позже корабль летал в системе, перевозя различные грузы. Затем его за контрабанду конфисковал Патруль, а торговец-саларикиец купил при распродаже конфиската.

На корабле было четыре каюты, кроме обычных помещений для экипажа. Однако три из них соединены вместе, так что образовался грузовой трюм. Меня в оборудовании корабля привлек сейф, который можно настроить только на одну личность, — такое устройство может пригодиться торговцу драгоценными камнями.

Судя по заваренным люкам и следам на палубах и стенах, когда-то на корабле были установлены объявленные вне закона лазеры J-класса. Но сейчас у него нет такого оборонительного средства.

Ризка я поместил в оставшейся пассажирской каюте. Когда я вошел, он пытался освободиться от привязных ремней и дико оглядывался вокруг.

— Что... где...

— Ты в космосе, принят на работу в качестве корабельного пилота, — сказал я, не вдаваясь в длительные объяснения. — Мы все еще в системе и отправимся в гипер, как только ты введешь координаты...

Он быстро замигал, и, как ни странно, расслабленные черты лица постепенно твердели, так что можно было в тусклом свете увидеть следы того, каким когда-то был этот человек. Протянув руку, он прижал ее ладонью к стене, словно проверяя, правду ли я ему сказал.

— Что за корабль? — Голос по-прежнему звучал не очень уверенно, но выражение лица изменилось.

— Мой.

— А ты кто? — Сузившимся взглядом он посмотрел на меня.

— Меня зовут Мердок Джерн. Я торговец драгоценными камнями.

Иити сделал один из своих неожиданных прыжков с палубы на койку и сел, опираясь руками на то, что было бы коленями, если бы у него было гуманоидное тело.

Ризк переводил взгляд с меня на Иити и обратно.

— Хорошо, хорошо. Рано или поздно я все равно проснусь.

— Нет, если не установишь нам курс, — уловил я мысль Иити, нацеленную Ризку.

Пилот вздрогнул, потер ладонями лоб, словно пытаюсь стереть услышанное — если не из слуха, то из памяти.

— Курс куда? — спросил он, как спрашивают галлюциацию, рожденную дымом фэша или вивером.

— В квадрант 7—10—500. — У меня было достаточно времени для планирования в те долгие недели, когда мне казалось, что я никогда больше не поднимусь в космос. Чем скорее мы туда направимся, тем лучше. А опыт Вондара подсказывал, что это хорошее начало для бизнеса.

— Я не вводил координаты... — Он замолчал. Снова приложил ладони к стене. — Это... это корабль! Мне это не снится!

— Да, корабль. Можешь ввести нас в гипер? — Я едва сдерживал свое нетерпение.

Он встал с койки, вначале двигаясь неуверенно. Но, возможно, пребывание на корабле подействовало как тонизирующее средство, потому что, добравшись до центральной лестницы корабля, он стал передвигаться быстро и поднимался легко и привычно. И не ждал, чтобы ему показали кресло пилота, но сел в него и быстро осмотрел контрольный щит.

— Квадрант 7—10—500... — Теперь это звучало не вопросительно, а как ключ к старым знаниям. — Сектор Фат-фара...

Возможно, встретив этого застрявшего на планете вольного торговца, я нашел нечто большее, чем надеялся. Пи-

лот обычных линий не знал бы тех окраин, которые станут моей охотничьей территорией.

Ризк начал нажимать кнопки. Вначале медленно, потом набрал бойкости и уверенности, и вскоре на небольшом экране для карт слева от него появились уравнения. Он присмотрелся к ним, внес одну-две поправки, а потом произнес обычное предупреждение:

— Гипер...

Проследив за его действиями, я решил, что он свое дело знает. Я уже сел во второе кресло в рубке, Ийти прижался ко мне, готовый к болезненному рывку, который будет означать, что мы перешли в гиперпространство. И хоть я уже не раз бывал в гиперпространстве, но обычно в пассажирских кораблях, где в каюты запускали успокаивающий газ, чтобы смягчить переход.

На корабле царила тишина, которая казалась угрожающей: мы погрузились в измерение, не предназначенное для нас. Ризк слегка оттолкнулся от шита, разминая пальцы. Он посмотрел на меня, и перемены в его лице стали еще заметней.

— Ты... я помню тебя... ты был в «Ныряющем черве». — Он нахмурился. — Ты... у тебя другое лицо...

Я совершенно забыл о шраме: должно быть, он исчез.

— За тобой гонятся? — спросил Ризк.

Возможно, он заслуживает большей правды: ведь он оказался на корабле, где его ждет опасность.

— Может быть...

Но я не собирался рассказывать ему о своем прошлом, о сокровище в поясе и раскрывать истинную причину нашего полета к звездам, которых нет на картах. Однако «может быть» определенно не объяснение, придется кое-что объяснить.

— У меня трения с Гильдией. — Так он узнает самое худшее. Но все равно он не способен выпрыгнуть из корабля, пока тот снова не приземлится.

Он смотрел на меня.

— Словно пытаешься замести следы. Полон оптимизма? — Но если он находил перспективу пугающей, это ни-

как не отразилось ни на его лице, ни в голосе. — Итак, мы направляемся в сектор Фатфара, и когда сядем — а кстати, на какой именно планете? — нас может ожидать теплый прием в сопровождении лучей лазеров!

— Мы высадимся на Лоргалле. Знаешь эту планету?

— Лоргал? Ты выбрал в качестве убежища эту грудку песка и скал под палящим солнцем? Почему? Могу тебе назвать много гораздо более привлекательных планет... — Очевидно, он знает место нашего назначения. Я почти заподозрил его в том, что он к нам подослан. Но ведь я никому не сообщал название планеты, где впервые буду выступать как покупатель. Лоргал вполне соответствует его описанию плюс страшные бури и еще кое-какие планетарные бедствия вдобавок. Но туземцев там можно уговорить расстаться с зоранами. Я знаю место, где кучка зоранов, если хорошенько поработать, даст нам средства для существования на полгода.

— Я не собираюсь там прятаться. Буду искать зораны. Я ведь тебе сказал: я торговец драгоценными камнями.

Он пожал плечами, словно не поверил мне, но готов сделать вид, что верит, так как его это нисколько не касается. Я включил записывающее устройство судового журнала и пододвинул к нему подушечку, чтобы он приложил палец и скрепил соглашение.

Ризк прочел запись.

— Контракт на год. А что, если я не подпишу, если сохранию за собой право сойти с корабля в первом же порту? Не помню никакого соглашения между нами до того, как проснулся в этом твоём волчке.

— И сколько времени тебе придется искать другой корабль на Лоргал?

— А откуда ты знаешь, что я захочу вернуться? Лоргал — вполне заурядный выбор для сектора Фатфар. Могу направиться, куда захочу..

— Да неужели? — спросил Иити.

Вторично на лице Ризка появилось удивленное выражение. Он посмотрел на мутанта, и во взгляде его не было радости.

— Телепат! — Это он произнес как проклятие.

— Больше того, — поторопился я подтвердить. — У Иити есть способность добиваться, чтобы все, что должно быть сделано, было сделано.

— Ты говоришь, что тебя преследует Гильдия, и хочешь, чтобы я подписал контракт на год. Ты выбираешь для первого приземления адскую дыру. А теперь это... этоот...

— Мой партнер, — подсказал я, видя, что он не может отыскать нужного слова.

— Этот партнер намекает, что может заставить меня выполнять его желания.

— Можешь в это поверить.

— А что я получу взамен? Зарплату пилота?..

Справедливое возражение. Я готов был пойти на уступки.

— Долевое участие...

Он застыл. Я видел, как рука его дернулась, пальцы сложились в кулак, а кулак нацелился бы на меня, если бы он не сохранил контроль над собой. Я видел, что ему совсем не понравился намек на его прошлое. Не понравилось то, что я воспользовался жаргоном вольных торговцев и предложил ему долю прибыли. Но он кивнул.

Затем он прижал большой палец к подушечке для подписи и вслух назвал свое имя и номер лицензии, формально принимая на себя обязанности пилота на один планетный год — в таких случаях подразумеваются года планеты, с которой мы только что взлетели; год здесь составлял примерно четыреста дней.

Когда корабль в гиперпространстве, на нем нечего делать; это составляло серьезную проблему на ранних исследовательских и торговых кораблях. Ибо от безделья люди причиняют неприятности. Обычно у членов экипажа возникали разнообразные хобби, которые давали им занятие. Но если у Ризка в прошлом такое хобби было, он этого никак не показывал.

Однако он регулярно пользовался специальной каютой для физических упражнений. Я тоже, чтобы не ослабли мышцы в уменьшенной силе тяжести космического перелета. И чем больше времени проходило, тем сильнее отли-

чался Ризк от того пьяницы, которого мы встретили в притоне за пределами портовой зоны.

Почти все мое время занимало изучение записей, которые я с неохотной помощью Патруля раздобыл в нескольких оставшихся от Вондара Астла камерах хранения. Некоторые записи были мне понятны, но остальные, особенно закодированные, нет. Вондар был не только торговцем, но и бродягой. Он мог бы заработать состояние как ювелир и продавец, если бы осел в какой-нибудь внутренней системе. Но он стремился к странствиям и обладал непоседливостью перворазведчика.

Его искусство ювелира мне было недоступно, а из знаний я владел едва десятой частью — если не слишком переоцениваю то, что сумел усвоить у него за годы наших отношений мастера и подмастерья. Но его записи, которые по закону принадлежат мне как подмастерью, — это мое наследство, и часть моих надежд основывалась на них. Разумно попытаться ими воспользоваться. Ибо поиск источника предвечных камней невозможен без средств.

Я смотрел на экран, сосредоточиваясь на том, что не успел усвоить во время ученичества у Вондара. Иногда собственное невежество погружало меня в отчаяние и заставляло подумать, не управлял ли мною Иити, как движут звезды и кометы в самой распространенной галактической игре, которая по участвующим в ней фигурам так и называется — «Звезды и кометы».

Но я также был уверен, что, если это его рук дело, я никогда об этом не узнаю, и для собственного душевного спокойствия мне лучше не углубляться в такие размышления. Теперь прежде всего нужно думать о своей задаче, и я принялся составлять план действий, неоднократно возвращаясь к его началу, вычеркивая и добавляя.

Я остановил свой выбор на Лоргале, потому что здесь наиболее примитивный тип бартера. А в своем первом самостоятельном деле я нуждался в простоте. Хотя я как можно меньше денег тратил на оборудование «Идущего по ветру», все же какое-то количество товаров на борту было. Они занимали меньше третьей части нашего импровизиро-

ванного грузового трюма, и большая часть их предназначалась именно для Лоргала.

Кочевники, переходящие от одного колодца к другому по земле, состоящей преимущественно из вулканических пород (действующие вулканы днем дымились, а ночью отбрасывали красное свечение), песка, сильного ветра и бледной растительности на дне глубоких ущелий, лоргалианцы хотели получить пищу для пустых желудков и воду, которая на многие дни, бывало, исчезала с их земли, вернее, уходила в нее.

Я однажды побывал там с Вондаром, и он добился немедленного результата, предложив небольшой солнечный конвертер. В прибор загружались шершавые листья местных растений, а конечным продуктом становились небольшие кубики размером с палец; это высококалорийная пища, каждый кубик которой позволял человеку прожить пять полных пыли и ветра дней, а вьючному животному — три дня. Машина была сравнительно проста, хоть и громоздка, в ней отсутствовали такие части, которые могли бы вывести из строя настроенные против техники люди. Единственная сложность заключалась в том, что машину приходилось для транспортировки подвешивать к двум животным. Впрочем это не помешало вождю обрадоваться этой машине так, словно это сверхъестественный дар их демонических божеств.

В своих недавних поисках на складах, куда свозили для перепродажи то, что оставалось после возвращения разведочных и исследовательских кораблей, я нашел такую машину, только вдвое меньше той, которую мы обменяли раньше. И хотя я смог купить только два таких прибора, я надеялся, что они более чем оправдают наш полет.

Я знал зораны и знал их рынок. Это редкие камни скорее органического, чем минерального происхождения. Должно быть, когда-то на Лоргале был исключительно влажный климат и самая разнообразная растительность. Она исчезла, возможно, из-за серии внезапных вулканических извержений. Растения погибли от ядовитых газов, затем оказались глубоко под землей, где подверглись боль-

шому давлению. Вместе с поглощенным этими растениями газом давление привело к их превращению в зораны.

В естественном состоянии их часто находят среди комка сжатых листьев или покрытых корой веточек, иногда (если очень повезет) в них видно окаменевшее насекомое. Но, обработанные и отполированные, они приобретают насыщенный пурпурно-сине-зеленый цвет, с серебристыми или золотистыми полосками. Иногда они бывают также желтого цвета (вероятно, это зависит от разновидностей растений или газа) с просветами сверкающей бронзы.

Кочевники разрабатывают месторождения и жилы таких камней. До появления первых инопланетных торговцев они делали из них наконечники копий. Камень можно заострить до толщины иглы; такое острие, проникая в плоть, обламывается и остается в ней; в результате возникает нагноение, которое со временем убивает, даже если рана сама по себе несмертельная.

Извлечение и первичную обработку камней приходится проводить в перчатках, так как любой обломок внешнего слоя ядовит. Но когда его удаляют, камню легко придается форма — причем чаще не режущими инструментами, а температурной обработкой. Затем камни подвергают воздействию сверхнизких температур, они твердеют и больше не поддаются никакому воздействию. Таким образом, их обработка — сложный процесс, но камни высоко ценят за красоту, и даже в необработанном виде они стоят очень дорого.

Итак, наша цель — зораны, а с Лоргала мы можем отправиться в Ракипур, где необработанные камни купят жрецы Манксфера; на вырученные деньги купим жемчужины крабов лоннекс. Оттуда, возможно, на Рохан за сапфирами каберон или... Но бесполезно слишком далеко заглядывать вперед. Я давно понял, что всякая торговля — это игра, и лучше всего в ней сосредоточиваться на ближайшем будущем.

Пока я изучал ленты с записями, Ийти то выходил, то входил. Иногда садился на стол и с видимым интересом тоже читал ленту, а иногда сворачивался и засыпал. Нако-

нец Ризк, которому явно нечего было делать, тоже пришел ко мне, и его небрежное любопытство сменилось напряженным вниманием.

— Рохан, — заметил он, когда я просматривал записи Вондара об этой планете. — В 3949 году торговые права на Рохан приобрел Такс Торман. И неплохо заработал. Но не на сапфирах. Он в основном искал шелк мос. Это было до того, как эпидемия тринкса уничтожила всех ткачей. Происхождение эпидемии так и не было установлено, но у Тормана были подозрения.

— И кого он подозревал? — спросил я, когда Ризк не стал продолжать.

— Ну, это было в те дни, когда большие компании пытались выжить вольных. — Он использовал собственное название вольных торговцев. — И устраивали множество каверз. Торман купил права от имени синдиката из пяти вольных кораблей и смог на аукционе победить компанию «Бендикс». Компания заранее позаботилась, чтобы аукцион кончился в ее пользу, но тут появился судья из Службы изысканий, и подкупленный аукционер не смог изменить данные компьютера. Поэтому их низкое предложение было отвергнуто, и права получил Торман. Это для него была великая возможность. «Бендикс» хорошо знал, что происходит на планете, и Торман знал, что за всем тут стоит компания.

У него и остальных кораблей были четыре года для того, чтобы получать прибыль. Но тут все закончилось из-за эпидемии тринкса. Три других капитана разорились. Они были настолько неосторожны, что взяли крупный кредит на два года. Но Торман не доверял «Бендиксу» и ожидал неприятностей. Конечно, у него не было никаких доказательств, что за этим стоят люди Б. В наши дни, после создания конфедерации вольных, большие компании не могут проделывать такие штуки. Я видел несколько этих сапфиров. Но их очень трудно найти.

— Было бы легко, если бы мы нашли их источник. То, что обнаружено, вымыто весенними водами северных рек. Камни были в гравии. Многие старатели пытались прео-

долететь хребет Нож, чтобы отыскать синие трубки, которые должны там быть. Большинство из них пропали без вести. Та местность — табу.

— Значит, драгоценные камни легче купить, чем отыскать?

— Иногда. Но иногда как раз наоборот. У нас бывают свои опасности. — Меня раздражало то, что сквозило в его последнем замечании.

Но он уже сменил тему.

— Мы выходим из гиперпространства по желтому сигналу. Где ты хочешь сесть на Лоргале: на восточном континенте или на западном?

— На восточном. И как можно ближе к Черной реке. Ты, наверно, знаешь, что настоящего порта здесь нет.

— Прошло много времени с тех пор, как я был здесь в последний раз. Много могло измениться. Мог появиться даже порт. Район Черной реки. — Он посмотрел на стену каюты, словно там появилась карта. — Сядем в Большом Горшке, если только там не произошло извержение и местность не стала неровной.

Большой Горшок на Лоргале хорошо известен. Это гигантский кратер с относительно ровной поверхностью, которая используется как импровизированный космопорт. И хотя в прошлое посещение мы высаживались не здесь, я знал достаточно, чтобы понять, что Ризк выбрал для посадки лучшее место на восточном континенте.

Хотя Большой Горшок в стороне от маршрутов кочевников — они передвигаются от одного колодца к другому вдоль высохшего русла черной реки, — в нашем трюме есть одноместный флиттер. На нем можно разведать расположение ближайшего лагеря кочевников: передвигаться по этой местности пешком не способен ни один инопланетянин.

Я посмотрел на индикатор часов. Он посинел: значит, желтый сигнал тревоги погас. Ризк встал и потянулся.

— После выхода из гипера у нас будет четыре смены цвета, чтобы выйти на орбиту вокруг Лоргала, потом, возможно, одна смена для посадки, если повезет. Сколько времени мы проведем на планете?

— Не могут сказать. В зависимости от того, когда найдем племя и начнем говорить о торговле. Пять дней. Десять, пару недель...

Он поморщился.

— Для Лоргала это слишком долго. Но ты хозяин, и это твои припасы. Надеюсь, ты справишься быстрее.

Он вышел и стал подниматься в контрольную рубку. Я убрал ленты и экран. Я разделял его надежду, хотя знал, что, когда начнется торговля, меня, как всегда, охватит азарт. Но Лоргал не та планета, на которой хочется задержаться. А для меня она только средство достижения цели, сама же цель слишком далеко, чтобы можно было ее разглядеть.

Вскоре вслед за Ризком я оказался в контрольной рубке и занял здесь второе кресло. Хотя я не мог выполнять его обязанности, мне хотелось следить за нашим приближением по видеозэкрану. Это мое первое самостоятельное приключение, и от его успеха или неудачи зависит очень многое. Возможно, Иити тоже испытывал неуверенность, потому что, хотя и свернулся в своей обычной позе у меня на груди и плече, сознание его было для меня закрыто.

Мы вышли из гиперпространства, и стало ясно, что Ризк вполне оправдал мой выбор: желтый шар перед нами несомненно Лоргал. Ризк не перевел корабль на автопилот, но пробегал пальцами по клавишам, устанавливая курс, который выведет нас на орбиту вокруг этого золотого шара.

По мере нашего приближения контуры планеты прояснялись. Видны были гигантские шрамы старых морей, теперь превратившиеся в глубокие озера в самой середине бывшего моря, с горько-соленой водой. Континенты превратились в плато, высоко поднявшиеся над исчезнувшими морями. Вскоре мы смогли различить разорванные цепи вулканических гор, заполненную лавой речную долину и все окружающую местность.

А потом показалась и оспина Большого Горшка. Но когда заработали наши тормозные ракеты и мы начали посадку, я заметил кое-что удивительное.

Мы сели и несколько мгновений напряженно ждали: удалась ли посадка на три опоры. Но каюта предупреждающе не наклонялась, и Ризк включил видеоэкран, показывающий наше окружение. И спустя секунду я убедился, что мы действительно не одни в Большом Горшке.

На некотором удалении от нас стоял другой корабль. Это явно торговец. Что означает жестокую конкуренцию, потому что на Лоргале есть только один товар, который стоит вывозить за пределы планеты, — зораны. А то, что за год собирает племя, недостаточно для двух торговцев камнями, если они хотят получить прибыль для продолжения своего существования. Я мог только гадать, кто из старых соперников Вондара сидит у торгового костра и что он может предложить. Единственная моя надежда на то, что у него нет современных миниатюрных конвертеров, и я смогу перехватить у него товар.

— Мы не одни, — заметил Ризк. — Для тебя это неприятности? — Этим вопросом он как бы обособлялся от меня и моего будущего. Он всего лишь наемный работник и получит свою плату, даже если мне не повезет и придется продать корабль.

— Посмотрим. — Ничего лучше ответить я не смог, отстегнул ремни и отправился проверять флиттер. Надо торопиться к кочевникам.

Глава 5

У меня было преимущество — я уже бывал на Лоргале, хотя торговался тогда Вондар, а я только наблюдал. Теперь успех или неудача зависят от того, насколько хорошо я запомнил увиденное. Кочевники — гуманоиды, но не терранского происхождения, так что для переговоров с ними требуются приемы общения с чужаками. Даже терранцы и колонисты, потомки терранцев, не могут сойтись в понимании семантики, обычаев или моральных норм, которые меняются от планеты к планете, а общение с настоящими чужаками тем более сложно.

Маленький конвертер, который я считал своим лучшим шансом на успех, помещался в багажном отсеке в хвосте флиттера. Я прихватил голосовой переводчик и проверил запасы воды и продовольствия. Ийти уже свернулся внутри, поджидая меня.

— Удачи. — Ризк готов был открыть люк. — Не теряй контактный луч...

— Вот уж этого я не забуду! — пообещал я. Хотя у нас мало общего, если не считать одного и того же корабля и обязанностей по поддержанию его в рабочем состоянии и что мы принадлежим к одному виду на чужой планете; в такой ситуации возникают прочные, хотя и временные узы.

Ризк будет следить за мной все время, пока флиттер за пределами корабля. Таков закон — закон корабля, закон планеты — неписанный, но существующий с самого первого выхода нашего вида в космос.

Воспоминания о первом посещении Лоргала указывали только на одно возможное место встречи с кочевыми племенами туземцев — глубокое ущелье, созданное временем на месте бывшей реки, на дне которого всегда есть влага. Я полетел к нему, ориентируясь на два вулканических конуса.

Под флиттером проносилась обожженная земля — сплошные ломаные хребты, острые, как лезвие ножа, вершины и неровные ямы. Мы сели утром, и сейчас восшедшее солнце превращало поверхность в брызги света. По мере приближения к Черной реке их становилось все больше, блестел даже песок.

Здесь виднелись кольцевые груды красноватого песка, который обычно находится под поверхностью. Этот песок в прошлом выбросили наверх местные животные или кочевники. И с внутренней стороны этих кольцевых образований, цепляясь за остатки влаги, росли искривленные растения — единственная попытка туземцев заняться сельским хозяйством.

Кочевники берегли каждое семя, уносили семена с собой, как иная раса на более гостеприимной планете берет драгоценные камни или металлы, и высаживали в вы-

копанные ямы. А когда возвращались — несколько недель или месяцев спустя, — если повезет, собирали жалкий урожай.

Я снизился, чтобы осмотреть первые две ямы. Судя по высоте растений, лоргалианцы здесь еще не проходили. А это значит, что мне нужно двигаться на восток, чтобы отыскать их лагерь.

Вылетая, я не заметил никаких признаков жизни возле второго корабля. И мой курс не проходил вблизи этого корабля. Однако я видел, что грузовой люк открыт, и предположил, что торговец в поле. Вероятно, время было не на моей стороне.

Но тут показался изгиб Черной реки, и я увидел рядом с ним палатки. Там виднелось движение, и, снижая скорость флиттера для посадки, я понял, что действительно опоздал. Потому что кочевники в плащах и капюшонах ритмично двигались по окружности своего лагеря, поднимали руки и со шелканьем хлестали пустоту: они верят, что в этой пустоте скрываются демоны, и их следует отгонять, иначе никакое серьезное дело к добру не приведет.

Поблизости стоял флиттер. На нем нет символов компании, так что мне противостоит не человек из серьезной организации. Но я, конечно, и не ожидал встретить его здесь. Слишком мала добыча — если она вообще есть. Нет, тот, кто сейчас ведет переговоры в лагере, такой же одиночка, как я.

Я сел недалеко от первого флиттера. Теперь слышались высокие голоса, почти писк тех, кто прогонял демонов. С Иити на плече я шагнул в сухой, жгучий воздух; защитные очки почти не помогли смягчить блеск солнца. Воздух царапал кожу, словно был наполнен невидимыми, но очень осязаемыми песчинками. Когда почувствуешь эти уколы, потом не удивляешься длинным плащам, капюшонам и закрывающим лицо маскам туземцев.

Я приблизился к кольцу туземцев, отгоняющих демонов, по обе стороны от меня шелкнули два хлыста, но я, зная этот обычай кочевников, и глазом не моргнул. Если бы я отшатнулся или как-то проявил свое удивление, меня

признали бы замаскировавшимся демоном, проявившим свою истинную природу, и на меня обрушился бы град копий с наконечниками из зоранов.

Туземцы, мимо которых я проходил, нисколько не интересовались мной: они сосредоточились только на своем долге по защите племени. Я прошел между двух палаток на открытое место, где проходило собрание, которое охраняли местные жители с хлыстами.

Здесь находилось несколько кочевников, все мужчины, конечно, все настолько закутаны в одеяния, что только разрезы для глаз свидетельствуют, что это не груды грязной ткани из шерсти лакисов. Сами лакисы, неуклюжие животные с раздувшимися телами — в них запасается вода на многие дни, — с длинными тонкими ногами, заканчивающимися плоскими широкими ступнями, прекрасно приспособленными для перемещения по пустыне. Сейчас ноги подобраны, животные лежат на них, защищая своих хозяев от ветра. Толстая шея лежит на теле соседа, глаза на непропорционально маленькой голове закрыты, словно все лакисы крепко спят.

Перед собравшимися стоит человек в скафандре и шлеме. Человек моей собственной расы. У ног его несколько упаковок. Он делает четыре приветственных жеста, что означает: либо он уже бывал на этой планете, либо очень внимательно изучил записи о ней.

Вождь одет так же, как все остальные в толпе, и отличить его можно только по символу власти — огромному раздутому животу, в основном за счет множества слоев одежды. Эти слои не просто служат предосторожностью от убийцы (вожди на Лоргале избираются не по праву рождения, а за владение оружием); здесь быть толстым означает богатство и удачу. Тот, у кого большой живот, поистине человек высокого положения и престижа.

Я не мог даже быть уверен, что именно с этим племенем торговался Вондар. Здесь мне могла помочь только удача. Но даже если это и не то племя, они наверняка слышали об удивительной машине, привезенной торговцем, и захотят получить такую же.

Выйдя на место собрания, я оказался за торговцем. Увидев меня, туземцы не пошевелились. Возможно, приняли меня за одного из помощников незнакомца. Не думаю, чтобы он заметил меня, пока я не встал рядом с ним и не начал делать собственные приветственные жесты, тем самым показывая, что он не говорит за меня, что я здесь по собственному делу.

Он повернул голову, и я сразу его узнал. Это Айвор Акки! Не ровня Вондару Астлу; впрочем, ему немногие ровня. Но, несомненно, не его я выбрал бы на роль конкурента в самом начале своей самостоятельной торговой карьеры. Он несколько мгновений внимательно смотрел на меня, потом улыбнулся. И улыбка его говорила, что он не видит во мне угрозы. Однажды мы противостояли друг другу в торговле с салирикийцами, но тогда я был только наблюдателем, а его легко одолел Вондар.

После первого оценивающего взгляда он отбросил меня как возможного соперника и не прерывал ритуальные жесты. А я тоже больше не смотрел на него. Мы размахивали руками, указывали на север, юг, восток и запад, на сверкающее солнце, на потрескавшуюся песчаную поверхность под нами, чертили символы трех демонов, потом символы лакиса, кочевника и палатки, свидетельствуя, согласно местному обычаю, что мы честные люди и пришли для торговли.

По праву Акки предлагал первым, поскольку первым оказался на сцене. И мне пришлось ждать, пока он подтаскивал несколько коробок и открывал их. Это были обычные товары, в основном из пластика: яркие украшения, резные кубки, на которые приятно посмотреть, но все это — просто дешевая пластмасса, и несколько солнечных факелов. Это все подарки вождю, свидетельства дружбы. И увидев их, я немного приободрился.

Эти подарки означают, что Акки здесь в первый раз. Если он прилетел сюда торговаться, не зная об успехе Вондара с конвертером, я еще могу возобладать над ним. И еще небольшое везение: флажок над палаткой вождя говорит, что именно с этим племенем имел дело Вондар. И мне достаточно сказать, что я привез машину, которую

легче перевозить, чтобы забрать все зораны из мешков туземцев.

Но чувство торжества продержалось лишь несколько секунд: Акки открыл последний ящик и достал из него очень знакомый предмет, который я никак не ожидал увидеть.

Это был конвертер, но еще гораздо меньше и более портативный, чем те, что я нашел на складе, несомненно, более поздняя и усовершенствованная модель. Я надеялся лишь на то, что такая машина у него одна, а я предложу две.

Он продемонстрировал действие конвертера пред молчаливой и неподвижной толпой и стал ждать.

Волосатая рука вождя с длинными грязными ногтями показалась из-под одежды и сделала знак. Один из кочевников развернул кусок шкуры лакиса, в котором было сделано множество петель. В каждой петле был зоран, и лишь отчаянным усилием воли я заставил себя выглядеть равнодушным. Четыре необработанных камня кристаллического типа, и в каждом по насекомому. О таком я никогда не слышал. Вондар однажды заполучил два таких камня и продал по сказочной, как мне показалось, цене. Четыре — да с такими камнями мне бы целый год не пришлось заботиться об оплате за корабль. Не пришлось бы даже продавать их сразу все. После продажи одного зорана мы смогли бы заняться поисками предвечных камней.

Но предложили их Акки, и я прекрасно понимал, что ни один из них не попадет ко мне.

Он, разумеется, помедлил — снова по обычаю. Потом сделал выбор: взял все четыре камня с насекомыми и еще три сине-зелено-пурпурных такого размера, что их легко обрабатывать. Все, что осталось, показалось мне отбросами.

Складывая камни в сумку, он широко улыбнулся мне, дважды хлопнул рукой по конвертеру и коснулся остальных товаров, тем самым официально передавая их новому владельцу.

— Не повезло тебе, — сказал он на основном. — Но ты ведь и сам знаешь, Джерн. Надеть сапоги Вондара... — он покачал головой.

— Удачи, — ответил я, не выдавая своего разочарования и раздражения. — Удачи, гладкого старта и хорошей торговли в конце пути. — Таково традиционное приветствие торговцев.

Но он не просто ушел, а еще добавил взмах руки, обозначающий у лоргалиан повеление хозяина работнику. И это мне тоже пришлось принять, потому что любой спор между нами должен происходить за пределами лагеря. Здесь любое проявление несдержанности будет воспринято как указание на то, что проник демон, и вся торговля сразу прекратится, чтобы злой дух не вошел в товары. Мне очень хотелось так и сделать и посмотреть, как разбивают на куски товары Акки и проданные зораны. Но я преодолел это искушение. Он победил по правилам, и я поступил бы неправильно, лишая его победы, не говоря уже о том, что не только нам двоим, но и любым другим торговцам никогда не удалось бы потом договориться с туземцами.

Можно рискнуть и поискать где-то в этой пустыне другое племя. Но уйти из лагеря, не предложив свои товары, — процедура деликатная, и я не знал, как ее провести. Можно так нарушить какой-нибудь местный обычай, что потом ни за что не загладишь ошибку. Нет, нравится мне это или нет, придется забирать то, что оставил Акки.

Туземцы ждали и, возможно, испытывали нетерпение. Я снова перешел на язык жестов, добавляя хриплые звуки переводчика, который переводил мои слова на местное наречие.

— У меня тоже есть это, — сказал я, показывая на конвертер, — но только больше. Он в брюхе моего небесного лакиса.

Теперь, после сделанного предложения, повернуть назад нельзя. Чтобы сохранить хорошее отношение туземцев, нужно торговать, иначе я потеряю лицо. В глубине души я начал ощущать собственное несоответствие ситуации. Я допустил ошибку, войдя в лагерь: ведь я видел здесь флиттер Акки. Разумно было бы сразу отправиться на поиски другого племени. Но я поторопился, решил, что мои товары лучше, и проиграл.

Снова взмах волосатой руки, и два воина в плащах прошли за мной к флиттеру, шелкая хлыстами, когда мы миновали линию отгоняющих демонов. Я вытащил тяжелый ящик из трюма, куда погрузил его с такими надеждами. Один из воинов продолжал защищать нас от демонов, второй помог тащить ящик, и мы вернулись в лагерь.

Ящик поставили перед вождем. Случайно или намеренно, но он оказался рядом с конвертером Акки, и разница в размерах бросалась в глаза. Я продемонстрировал, что это действительно конвертер пищи, и ждал решения вождя.

Вождь жестом велел одному из воинов поднять лакиса. Животное плевалось и протестовало гортанными криками. Но подошло на расплющенных ступнях. Они кажутся неуклюжими, но способны день за днем с неизменной скоростью нести лакиса по пустыне.

Пинок в колено заставил животное снова опуститься, и рядом с ним поставили два конвертера. Потом продемонстрировали превосходство предложения Акки. Его машину можно поместить в багажную перевязь по одну сторону животного, а другое оборудование — по другую. А вот если погрузить мой конвертор, лакис больше ничего нести не сможет.

Вождь пошевелил пальцами, и появился второй обрывок шкуры лакиса. Я напрягся. Я-то считал, что мне предложат то, что не взял Акки, но, кажется, я был настроен излишне пессимистично. Впрочем, моя радость оказалась недолгой.

В петлях действительно лежали зораны. Но никакого сравнения с тем, что показали Акки. И мне не разрешили выбрать из того, что он оставил. Нужно брать то, что предлагают, — или возвращаться на корабль с пустыми руками, без пользы потратив свои последние кредиты. Приходилось удовлетвориться худшим и выбирать. Естественно, никаких камней с насекомыми, и только два относительно привлекательных желтых. Синие камни все с дефектами, приходилось тщательно осматривать их при отборе, и в конце я даже не был уверен, что покрыл расходы.

У меня есть еще второй конвертер, и я могу отыскать другое племя. С этой слабой надеждой я заключил сделку и забрал то, что выглядело хламом по сравнению с великолепной добычей Акки.

Он улыбался, когда я упаковывал камни и делал прощальные жесты. И все это время Иити оставался инертным, словно это действительно полоска меха вокруг моей шеи. Уходя из лагеря с ощущением тяжелого поражения, я впервые подумал, а почему все-таки он не принял участия в заключении сделки. Или я привык так полагаться на него, что не могу самостоятельно позаботиться о себе? Эта мысль меня встревожила. Когда-то я надеялся на отца, чувствуя себя в безопасности благодаря его мудрости и опыту. Потом был Вондар, чьи знания настолько превосходили мои, что я предоставлял ему заботиться и о моей жизни. А вскоре после катастрофы, разорвавшей наши узы, появился Иити. Кажется, я человек лишь наполовину, нуждающийся в руководстве со стороны более мощного разума.

Я мог принять это и стать марионеткой Иити. Или делать собственные ошибки, учиться на них. Тогда у нас будут скорее партнерские отношения, а не отношения хозяина и слуги. Решать мне, и, возможно, Иити хотел, чтобы я сделал выбор, сознательно предоставив меня самому себе в виде испытания. А может даже, он захотел преподать мне урок, показать, насколько я беспомощен, когда пытаюсь действовать самостоятельно.

— Удачи и гладкого старта... — Это Акки насмешливо повторил мои слова, сказанные несколько минут назад. — Куда сейчас, Джерн? За жемчужинами крабов? Хочешь поспорим, что я и там возьму все лучшее?

Он рассмеялся, не дожидаясь моего ответа. Как будто знал, что мой вызывающий ответ будет всего лишь пустым хвастовством. Акки направился к своему флиттеру, а я к своему.

Но не сразу полетел за ним к кораблю. Если он тоже собирается поискать другой лагерь, я не хотел, чтобы он знал мой маршрут — хотя, конечно, он может проследить за мной с помощью сканнера.

Включив коммуникатор, я вызвал Ризка.

— Возвращаюсь. — Я ничего не добавил к этому. Каналы у флиттеров одни и те же, и Акки может услышать все, что я скажу.

Не пытался я и вступить в контакт с Иити, упрямо решив не прибегать к его помощи при решении своих проблем.

Взлетев, я понял, что эти проблемы легче не стали. Небо затянулось странной зеленоватой дымкой. С земли поднимались водовороты песка. Несколько секунд спустя небо над нами словно взорвалось, флиттер подхватило порывом ветра, с которым его двигатель не мог справиться.

На какое-то время мы оказались во власти вихря, и мне стало страшно. Флиттер не предназначен для полетов на больших высотах, а лететь над самой поверхностью опасно: можно удариться о любое возвышение. Но выбора у меня не было. Я упрямо пытался удержать машину.

Нас несло на юго-запад, над дном мертвого моря. И я понял, что, даже если мне удастся вернуться к «Идущему по ветру», шансов найти другое племя больше нет. Такая буря загоняет туземцев в убежища, и я могу провести недели в бесцельных поисках. Но мне удалось постепенно направить машину назад к Большому Горшку. И когда я наконец забрался в люк корабля, то настолько ослабел, что упал и ничего не сознавал, пока Ризк силой не сунул мне в руки чашку кофе. Только тут я понял, что нахожусь в столовой.

— Эта нора паразитов сошла с ума! — Ризк постукивал пальцами по столу. — Согласно показаниям приборов, нам грозит ураган. Либо взлетаем, либо корабль может упасть!

Я не совсем понял, о чем он говорил, и только когда мы оказались в космосе, он сжато объяснил: показания устойчивости планеты под Большим Горшком неожиданно перешли в зону опасности, и он опасался, что я не успею вернуться до того, как ему придется взлететь. То, что я успел в самое последнее мгновение, он считал необыкновенной удачей.

Но для меня эта опасность не была реальной: ведь я узнал о ней только задним числом. Гораздо сильнее я переживал свою неудачу в торговле. Нужно лучше готовиться, иначе не стоило и улетать с Тебы.

Акки упомянул жемчужины крабов — возможно, его маршрут совпадает с моим. А может, и нет. Я разложил перед собой жалкую добычу и задумался. Слова Акки могли означать одно из двух: либо он хвастливо предупредил меня о том, на какую планету отправляется (Ризк сообщил, что его корабль взлетел сразу после возвращения Акки), либо он сказал это из злобы, чтобы я изменил свой план.

Я задумался. Мне мог бы сказать Ийти. Но я тут же возмутился: не собираюсь зависеть от него!

Где же мне найти лучший рынок? Я пытался вспомнить указания Вондара. Такой рынок есть — Сорорис! Но о нем я узнал не из записок Астла, а от отца. Сорорис многие годы служил планетой «выхода»: эта далекая планета, на которой могут найти убежище преступники, попавшие в отчаянное положение и исчерпавшие все свои ресурсы. Регулярных пассажирских или торговых маршрутов на эту планету нет, но корабли-бродяги сомнительного регистра время от времени туда прилетают. Отбросы со всей галактики собирались вокруг полузабытого порта и старались выжить как могли или умирали. Они были бесполезны даже для Гильдии.

Однако, и это чрезвычайно важный факт, на Сорорисе есть и туземная раса. Туземцы живут на севере, где природа слишком негостеприимна к инопланетянам. И у них, по слухам, есть мощное оружие, способное защитить их от набегов из порта.

Главное же в том, что у них сложная и тщательно продуманная религия, важным элементом которой являются дары божествам. Единственная возможность приобрести у них статус — преподнести их божествам выдающиеся дары. И только тогда тот, кто принес дары, на определенное число дней получал свободу передвижения в их городе.

Отец часто рассказывал истории о людях, которых знал, когда служил оценщиком в Гильдии. Однако я считал, что в некоторых случаях он говорил о собственных приключениях в юности. Он очень подробно рассказывал о приключениях на Сорорисе, и теперь из его рассказов я могу из-

влечь сведения, которые помогут мне преодолеть неудачу на Лоргале.

Для обитателей Сорориса эти куски зоранов покажутся редкими и необычными, потому что они никогда раньше их не видели. Предположим, я преподнесу самый крупный из них храму, а остальные предложу тем, кто хочет сделать такой же дар божествам и тем самым повысить свой статус в племени. Я не знал, что можно взять в обмен у обитателей Сорориса. Но герой рассказа моего отца получил там гринстоун неслыханного качества и размера. Ибо чего у сорориан не отнимешь — что они торгуют честно.

Возможность настолько невероятная, что нужно попасть в отчаянное положение, чтобы за нее ухватиться. Но поражение от Акки и необходимость утвердить свою независимость от Иити заставили меня над ней задуматься. Покончив с кофе, я отправился к компьютеру в контрольной рубке и набрал код Сорориса. Про себя я решил, что если не получу ответа, это будет означать, что никаких шансов для осуществления дикого замысла нет.

Я ждал ответа компьютера, а Ризк задумчиво смотрел на меня. И когда, вопреки моим надеждам, на экране появились ряды цифр, он прочел их вслух:

— Сектор 5, VI, северный маршрут 11... Где, во имя Аста-Виста, это находится? И что это такое?

Теперь у меня не было возможности отступить.

— Это место нашего назначения. — Я сам удивился своим словам. — Сорорис.

Глава 6

— А где наши лазеры и защитные экраны? — спросил Ризк. Таким вкрадчивым голосом обращаются к тем, у кого нарушено душевное равновесие. Он даже взглянул на приборную панель, словно ожидал увидеть там управление всем этим оружием. И так убедительно это было, что я тоже посмотрел туда. Возможно, наши поиски не были бы безуспешными, если бы на корабле все еще было то, о чем свидетельствуют шрамы на его стенах.

— Если всего этого у тебя нет, — в его голосе слышалось раздражение, — можешь взорвать двигатели прямо здесь и не тратить сил на полет к Сорорису. Ты ведь знаешь, что ждет там любой корабль. Это каменная тюрьма, и заключенные в ней штурмом возьмут любую посудину, если есть надежда вырваться на ней. Сесть в их порту — значит напрашиваться на захват.

— Мы не собираемся там садиться — корабль не сядет. — Это по крайней мере я продумал заранее, основываясь на рассказе отца о единственном посещении этой планеты его «другом». — У нас есть спасательная шлюпка. В нее можно встроить механизм возвращения, если на ней полетит один человек.

Ризк посмотрел на меня. Очень долго он молчал, а когда ответил, ответ его прозвучал уклончиво.

— Даже оставаться на орбите там рискованно. У них может быть переделанный флиттер, способный совершить набег на корабль. А кто полетит вниз и куда?

— Полечу я... в Сорнафф... — Я как мог произнес название города туземцев, хотя гортань человека не в силах произнести истинные согласные и гласные этого языка. Сорориане гуманоиды, но не терранского происхождения, они даже не мутанты.

— Храмовые сокровища! — То, что он сразу меня понял, свидетельствовало, что это действительно опытный вольный торговец.

— Это из области возможного, — сказал я, хотя понимал, что, вероятно, слишком надеюсь на рассказ отца.

— Парковочная орбита над Сорнаффом, — Ризк словно рассуждал вслух, — может быть полярной, и тогда я окажусь далеко от кораблей их порта. А что касается шлюпки, то да, ее можно оборудовать механизмом возврата. — Он пожал плечами. — Но в космосе такую работу нелегко проделать.

— Но ты можешь? — спросил я. Охотно признаюсь, что у меня нет склонностей к механике и технике и подобная задача мне не по силам. Если Ризк не справится, придется искать другой, более опасный способ попасть в Сорнафф.

— Попробую... — Говорил он почти неохотно.

Но мне этого было достаточно. Вольные торговцы по своему своему образу жизни вынуждены разбираться в том, в чем не разбирается обычный космонавт. Если работник флота строго придерживается своих обязанностей, члены экипажа нерегулярных кораблей всегда должны быть готовы занять место товарища, если возникнет необходимость.

Должно быть, шлюпку периодически проверяли, иначе на ее люке не было бы сертификационной печати. Но она все же принадлежала к первоначальному оборудованию корабля и потому предназначалась по меньшей мере для пятерых пассажиров. Ризк, с привычной легкостью сняв контрольный щит, сказал, что шлюпка пригодна к переделке больше, чем он ожидал.

Мне неожиданно пришло в голову, что, как и на Лоргале, Ийти не делает никаких предложений или комментариев. Я начинал беспокоиться, испытывая дурные предчувствия. Может, он прочел в моем сознании решимость сохранить независимость? Если это так, есть ли у него возможность предвидения? Мне никогда не удавалось установить пределы его необычных возможностей. Стоило мне решить, что я все о нем знаю, как он производил нечто новое, как на Тебе. И вот, обладая возможностью предвидеть будущее, он позволяет мне попасть в трудности, из которых только он сможет меня вытащить. И тем самым докажет, что все-таки наши отношения не партнерские, что мы хозяин и слуга и в кресле хозяина он. Он закрыл свое сознание, не делал никаких предложений или замечаний. И даже не сопровождал нас к люку, где Ризк и я как его неловкий помощник старались подготовить шлюпку к проникновению в опасный мир, в котором у меня была лишь слабая надежда на выигрыш. Я начал понимать, что он ведет хитрую игру, и это заставило меня еще упрямее планировать и осуществлять дело, не завися от его сил.

С другой стороны, я с готовностью воспользовался бы тем, что узнал от Ийти, хотя меня раздражала зависимость от него. Маскировка с помощью галлюцинаций оказалась таким эффективным инструментом, что я постоянно тренировал сознание и волю, вызывая временные перемены

в своей внешности. И обнаружил, что небольшое изменение, такое, как шрам — в первый раз я добился его огромным напряжением сил, — могу удерживать как угодно долго. А вот полная перемена внешности давалась гораздо труднее. Мне приходилось упорно работать, чтобы вызвать расплывчатость очертаний, которая позволяла оставаться незамеченным в толпе. Эту перемену я создал с помощью Иити и отчаялся вызвать ее собственными силами.

Иити говорил, что практика — основа любого моего успеха в этом направлении, и я постоянно практиковался в своей каюте, для контроля за успехами и неудачами поглядывая в зеркало на стене.

В глубине души я надеялся, что, замаскировавшись, смогу незаметно для наблюдателей Гильдии проникнуть в любой цивилизованный порт. На Сорорисе людей Гильдии может не быть, но если мне удастся улететь с ценным грузом, придется направиться на внутренние планеты, чтобы продать добычу. Камни, не имеющие твердой цены, продаются только на аукционах перед крупными торговцами. Продаваемые в любом другом месте, они вызовут подозрение и могут быть конфискованы после доноса информатора (который получает процент от стоимости конфискованных ценностей). Неважно, что камни честно добыты на какой-то неведомой планете: за них не заплатили аукционный налог, следовательно, они контрабанда.

Так и проходил перелет: я либо неловко помогал Ризку, либо создавал в зеркале лицо, которое никогда раньше в жизни не видел.

Мы с такой точностью и быстротой вынырнули из гиперпространства в системе Сорориса, что я еще раз убедился в высоком умении Ризка. И в который раз задумался, по какой причине он мог застрять среди подонков внепортовой зоны. В системе три планеты: две мертвые, без атмосферы, растрескавшиеся каменные шары, настолько близкие к солнцу, что в любом севшем на них корабле экипаж испечется, как на сковородке.

С другой стороны, Сорорис — преимущественная покрытая льдами планета, с узким поясом пригодной к жиз-

ни земли — по стандартам моего вида — возле экватора. Севернее и южнее этой полоски ледники, и лишь кое-где узкие языки свободной от льда поверхности вдаются в ледяные поля. На одном из таких языков, далеко от поселений преступников вокруг порта, предположительно расположен Сорнафф.

Ризк, оставшийся у приборов управления, устанавливал орбиту над северным полюсом, а я переносил в шлюпку все, что могло мне понадобиться в скованном льдом городе. Координаты этого города будут введены в автопилот, и это тоже забота Ризка. От этого автомата будет зависеть мое благополучное приземление недалеко от Сорнаффа и со временем возвращение на корабль. В последнем я был гораздо менее уверен, чем в первом.

Если оправдаются опасения Ризка и приспособленный к высотным полетам флиттер с отчаянным пилотом попытается захватить «Идущий по ветру», кораблю в мое отсутствие придется проделывать маневры уклонения. В таком случае я получу предупреждение и останусь на поверхности планеты, пока корабль не вернется на прежнюю орбиту и шлюпка сможет вернуться по запрограммированному в ней курсу.

Я с удвоенной внимательностью проверил свое оборудование, хотя уже неоднократно проверял его, пока мы были в гиперпространстве. У меня небольшой запас пищи, если местная окажется непригодной, переводчик, устройство, передающее сигнал, который должен уловить Ризк, если он на орбите, и, конечно, камни с Лоргала. Никакого оружия, даже шокера нет. Я не смог контрабандой пронести его на борт на Тебе. Придется рассчитывать на приемы самообороны, пока не раздобуду какое-нибудь местное оружие.

Из коммуникатора донесся голос Ризка. Пилот сообщил, что все готово, я взял свой мешок. Ийти вытянулся на койке, как лежал все последнее время. Дуется на меня или просто равнодушен к моим действиям? Легкое беспокойство, возникшее у меня при первых попытках отстоять свою независимость, быстро усиливалось. Я начал сомневаться

в себе. Но если я собираюсь проверить свою изобретательность внизу, мне нельзя сомневаться.

Тем не менее я не решался просто выйти и оставить его. Меня тревожило растущее расхождение между нами, и мне пришлось проявить упрямство, чтобы не сдаться. Но все же я настолько ослаб, что послал ему мысль.

— Я ухожу... — Это и так совершенно очевидно, и мне стало стыдно.

Иити спокойно открыл глаза.

— Удачи. — Он потянулся, явно не собираясь покидать комфортабельную каюту. — Используй не только передние глаза, но и задние. — Он закрыл глаза и разорвал связь.

«Не только передние глаза, но и задние» — это не имеет смысла, но я сердито размышлял над его словами, садясь в шлюпку и закрывая за собой люк. Лег в гамак, дал сигнал Ризку на выброс и едва не потерял сознание от резкого толчка при расставании с кораблем.

Поскольку шлюпка устроена так, что автоматически отыскивает ближайшую планету после катастрофы корабля, мне оставалось только лежать и пытаться спланировать предстоящее приключение. Меня охватило странное ощущение незащитности из-за отсутствия Иити: мы слишком долго находились вместе. И я обнаружил, что мой мятеж не устраняет чувство потери.

Тем не менее меня охватывало возбуждение: ведь я безрассудно отбросил все благоразумные предупреждения, ступив на совершенно новую и опасную тропу. И часть моего сознания предупреждала, что такое возбуждение опасно. Однако долго размышлять мне не пришлось. Заработали тормозные ракеты, я понял, что мы садимся и вскоре меня ждет ситуация, которая потребует всего внимания.

Я обнаружил, что шлюпка села в узкой, словно прорезанной во льду гигантским когтем, долине. Возможно, ледяной покров Сорориса тает, и это первый признак потепления. Из острого конца когтя текла вода; к тому времени как она добралась до шлюпки, это уже был широкий быстрый и стремительный ручей. Но воздух был такой холодный, что открытые части лица сразу заледенели. Я за-

хлопнул стекло шлема, закрыл люк на персональный замок и, прихватив мешок, пошел по заледеневшему песку под ногами.

Если расчеты Ризка верны, мне нужно спуститься по этой долине к полосе-ладони, от которой на север отходят другие узкие долины-когти, и оттуда я уже увижу стены Сорнаффа. Дойдя до того места, я должен буду полагаться на рассказ отца. Теперь я понял, что он чрезвычайно подробно, до малейших деталей, описал эту местность, как будто старался по какой-то причине, чтобы я все это запомнил — хотя тогда мне так не казалось. Но тогда я внимательно слушал все его рассказы, а вот сводный брат и сестра явно скучали и ерзали.

Между мной и городом расположен храм духа льда Зиты. Это не главное божество сорорианцев, но у нее множество поклонников, и именно она в рассказе моего отца сыграла роль посредника в делах со жрецами главных храмов города. Я говорю «она», потому что ее представляла живая женщина — жрица, считающаяся живым воплощением духа льда. Она считалась сверхъестественным существом и даже физически отличалась от своих почитателей.

Я подошел к месту соединения «когтя» и «ладони» и действительно увидел стены города — и не очень далеко от себя храм Зиты.

Приземлился я вскоре после рассвета, и только теперь тонкие лучи негреющего солнца вызвали жесткий блеск ледяных стен у меня за спиной. У храма никаких признаков жизни, и я с тяжелым предчувствием подумал: что, если за годы после посещения этого места героем рассказа о Зите забыли и больше ей не поклоняются?

Однако когда я приблизился к каменному зданию, покрытому блестящей ледяной коркой, мои страхи рассеялись. Здание конусообразной формы со срезанной верхушкой размером приблизительно с «Идуший по ветру», усеченную башню окружают столы — ледяные плиты на толстых ледяных же ножках. И на каждом столе вмерзшие в лед приношения поклонников Зиты. Некоторые настолько вросли в лед, что видны лишь темными очертаниями,

другие лежат на поверхности и покрылись только очень тонкой корочкой льда.

Здесь можно было увидеть еду, меха, несколько почерневших от мороза стеблей растений. Похоже, Зита никогда не берет эти подношения, и они становятся частью постепенно растущих ледяных блоков.

Я прошел мимо двух таких ледяных столов и приблизился к единственному отверстию в круглой стене святилища, к двери, открытой ветру и холоду. И тут приободрился, увидев еще одно доказательство справедливости рассказа отца — гонг, подвешенный к этому входу. Поднял руку и смело ударил кулаком в перчатке по этому гонгу — ударил легко, но в ответ услышал гулкой звук, способный вызвать эхо от окружающих ледников.

Переводчик был прикреплен у меня к горлу, и я мысленно повторял то, что собирался сказать. Рассказ отца не содержал сведений о приветственных церемониях, и мне придется импровизировать.

Эхо гонга продолжало звучать, хотя я считал, что оно давно должно заглухнуть. И когда никто не появился в ответ на мой призыв, я почувствовал неуверенность и заколебался. Свежие подношения свидетельствуют о том, что храм обитаем, но, возможно, это не так, и Зита или ее олицетворения в нем не находятся.

Я уже почти решил уходить, когда заметил какое-то движение в темном прямоугольнике двери. Передо мной появилась фигура.

Она закутана, как лоргалиане. Но у тех явно гуманоидные тела были прикрыты обычной одеждой. Это же существо все закутано в полоски или бинты и напоминает личинку.

Покровы, если это действительно полоски ткани, были покрыты тонкими ледяными узорами, прекрасными и неповторяющимися, как снежинки; в лучах восходящего солнца они сверкали, как бриллианты. Но тело под ними почти невидимо; ясно только, что у существа есть по крайней мере две нижние конечности (если есть руки, то они плотно примотаны к телу и совершенно не видны), торс и вверху круглый шар головы. В передней части этого шара

ледяные наросты образуют два больших фасеточных глаза; во всяком случае, они овальной формы и находятся в том месте, где у гуманоида должны быть глаза. Никаких других отличительных черт не видно.

Я сделал жест, который должен был выражать приветствие и почтительность: наклонил голову и протянул руки пустыми ладонями вверх. И хотя у существа не видно ушей, я изложил свою просьбу, которая вырвалась из переводчика последовательностью восходящих и нисходящих звуков, странно напоминавших звучание гонга.

— Приветствую Зиту чистого льда, льда, который существует вечно! Я прошу милости у Зиты ледяных земель.

В ответ послышалась трель, хотя я не видел рта, который мог бы ее произнести.

— Ты не такой крови, костей и плоти, как те, кто приходит к Зите. Зачем ты тревожишь меня, незнакомец?

— Я пришел к Зите не с пустыми руками, я почитаю Ледяную Деву... — Правой рукой я положил на ближайший ледяной стол тщательно продуманный подарок — серебряную цепь, в которую были вставлены шарики горного хрусталя. На внутренних планетах эта цепь не имеет никакой ценности, но цена зависит от окружения, и здесь цепь ярко сверкнула на солнце, словно сделанная из такого же льда, что на покрове Зиты.

— Ты не крови моего народа, — послышалось в ответ. Она не попыталась осмотреть приношение, даже, насколько я мог судить, не повернула головы. — Но твой дар преподнесен хорошо. Чего ты просишь у Зиты? Быстрого прохода по льду и снегу? Добрых снов?

— Я прошу слова Зиты, произнесенного на ухо могучему Торгу, чтобы он отнесся ко мне, как отец относится к дочери.

— Торг тоже не имеет дел с людьми твоей расы, незнакомец. Он Страж и Творец Добра тех, кто не твоего рода.

— Но разве тот, кто преподнес дар, не имеет права приблизиться к Творцу Добра и оказать ему почести?

— Таков наш обычай, но ты чужак. Торгу может не понравиться тот, кто не принадлежит к нашему народу.

— Пусть Зита скажет слово тем, кто служит Торгу, а Торг сам будет судить мотивы моих поступков и мои потребности.

— Разумная просьба, — был ответ. — Да будет так.

На этот раз она повернула голову, так что ледяные сверкающие глаза устремились на гонг. И хотя не коснулась его поверхности, гонг неожиданно задрожал, и в воздухе слышался такой громкий звук, который мог бы пробудить к атаке целую армию.

— Сделано, незнакомец.

И прежде чем я смог ее поблагодарить, она исчезла — так неожиданно, словно ее окутанное льдом тело было языком пламени, задутым порывом ветра. Хотя я ее не видел, я приветственно поднял руку и произнес слова благих пожеланий, чтобы меня не сочли неблагодарным.

Как и раньше, звук гонга продолжал слышаться в воздухе. И с таким предупреждением я пошел к городу.

Расстояние было не таким большим, как казалось, и я приблизился к воротам, не успев устать от ходьбы по жесткой скользкой поверхности. Здесь были люди, тоже одетые так необычно, что привлекали внимание.

Меха обычны на многих планетах, где температура настолько низкая, что обитателям приходится что-то добавлять к своим естественным покровам. Однако таких мехов я никогда не видел. Судя по внешности, животные ростом с человека, если встанут на задние лапы, были убиты, и с них сняли шкуры с пушистым золотистым мехом. Шкуры не кроили и не шили из них обычную одежду, а сохраняли первоначальную форму, так что гуманоидные лица жителей Сорнаффа выглядели из капюшонов — голов животных, которые оставались одним целым со всей шкурой; лапами с когтями, по-прежнему прочно прикрепленными, они закрывали руки и ноги. И если не присматриваться к лицам, их можно было принять за животных, вставших на задние лапы.

Лица их гораздо темней обрамляющего золотистого меха, а глаза узкие и раскосые, словно за многие поколения прищуривания от яркого солнца на снегу и льду этот прищур стал естественной характеристикой.

Никто, как будто бы, не сторожил ворота, но трое из них, должно быть, вызванные звуком гонга, делали мне жесты короткими кристаллическими жезлами. Я не знал, оружие это или символ должности, но послушно пошел за ними по центральной улице. Сорнафф построен концентрическими окружностями, в центре которых находится еще один конический храм, гораздо больше святилища Зиты.

Дверь в храм относительно узкая и напоминает раскрытый рот, хотя остальной части лица выше не видно. Это храм Торга, и теперь предстоит главная проверка моего плана.

Я не почувствовал никакого изменения температуры, оказавшись в большом круглом помещении. Если на Сорнаффе существует какой-то способ отопления, в храме Торга он не используется. Но холод как будто несколько не беспокоил ни моих сопровождающих, ни поджидающих жрецов. За жрецами в стене напротив двери изображен Торг, опять с широко раскрытым ртом.

— Я принес дар Торгу, — смело начал я.

— Ты не из людей Торга. — Это не возражение, но в нем звучит предупреждение, и произнес его один из жрецов. Поверх skóry у него воротник из красного металла, с которого свисает несколько плоских каменных пластинок разного цвета, покрытых сложными изображениями.

— Но я принес дар, чтобы доставить удовольствие Торгу; такого не видели даже его дети по крови. — Я достал лучший из зоранов, сине-зеленый камень овальной формы, который почти заполнил углубление моей ладони, когда я развернул его и протянул жрецу.

Жрец наклонил голову, словно приносиваясь к камню, потом бледным языком коснулся его поверхности. Проделав этот необычный тест, он взял у меня камень и повернулся лицом к раскрытому рту Торга на стене. Зоран он сжимал пальцами, держа его в воздухе на уровне глаз.

— Узрите пищу Торга, это хорошая пища и добрый дар, — произнес он. За собой я услышал какой-то шум и гомон, как будто вслед за мной в храм вошли и другие.

— Это добрый дар! — хором произнесли остальные жрецы.

Жрец как-то необычно шелкнул пальцами — а может, мне это только показалось. Зоран завертелся, взмыл в воздух, попал точно в середину раскрытого рта и исчез в нем. Церемония закончилась. Жрец снова повернулся лицом ко мне.

— Ты чужак, но на одно солнце, одну ночь, второе солнце, вторую ночь, третье солнце, третью ночь ты обладаешь свободой в городе Торга и можешь заниматься своими делами за воротами, которые находятся под охраной Торга.

— Моя благодарность Торгу, — ответил я и склонил голову. А когда повернулся, увидел, что действительно передавал свой дар в присутствии аудитории. На меня внимательно смотрело не менее десяти укутанных в шкуры людей. Они расступились, давая мне возможность пройти, но один из них выступил вперед и положил свою руку-лапу мне на руку.

— Чужак, Принесший Дар Торгу, — он произнес это как высокий титул. — Кое-кто хочет поговорить с тобой.

— Я готов поговорить, — ответил я. — Но я чужой за вашими воротами и не знаю крышу дома, под которой можно говорить.

— Такая крыша есть, и она здесь. — Говорил он торопливо, словно опасался вмешательства. Со стороны храма показалось еще несколько и фигур и направилось к нам. Мой собеседник схватил меня за руку и отвел на шаг-два.

Поскольку время мое было ограничено, я с готовностью пошел за ним.

Глава 7

Он провел меня по одной из боковых улиц к дому, который был миниатюрной копией святилища и храма, если не считать того, что вершина конуса была срезана, а ее место занимала каменная плита, покрытая таким сложным узором, что рассмотреть его было затруднительно.

Не было ни двери, ни даже занавеса, закрывающего вход, но внутри оказалась перегородка, так что пришлось пройти между нею и наружной стеной, чтобы попасть во

внутреннее помещение. Вдоль стены на столбах висели меховые завесы, так что пространство за ними делилось на небольшие каморки. Большинство завес было задернуто. За ними слышалось какое-то движение, но я никого не видел. Мой проводник провел меня к одному из таких помещений, откинул занавес и знаком предложил мне войти.

Из стены выдавался карниз, на нем груда мехов. Должно быть, он служит постелью. Проводник знаком пригласил меня сесть на этот выступ, сам сел с другой стороны, сохраняя между нами большое расстояние. Возможно, так полагается по местным законам вежливости. И сразу перешел к делу.

— Ты преподнес Торгу богатый дар, незнакомец.

— Это верно, — ответил я, когда он замолчал, словно ожидая моей реакции. И потом попытался начать торговые переговоры. — Этот дар с неба.

— Ты пришел из места чужаков?

Мне показалось, что в голосе его слышно подозрение. Я совсем не хотел, чтобы меня связывали с отбросами из поселения инопланетян.

— Нет. Я слышал о Торге от своего отца, много солнц назад, и он рассказывал мне об этом за звездами. Мой отец уважал Торга, и я пришел с даром. Этому меня тоже научил отец.

Туземец задумчиво подергал длинные пряди меха, окружавшие его шею словно воротником.

— Да, говорят, был чужак, который приносил Торгу дар из-за звезд. И он был щедр.

— По отношению к Торгу? — подталкивал я его, но он вторично заколебался.

— Да, к Торгу — и другим. — Казалось, ему трудно подобрать слова для того, что он хочет сказать. — Все хотят угодить Торгу своими дарами. Но некоторые никогда не достигают удачи.

— Может, ты один из таких людей? — Я решил говорить открыто, хотя это могло привести к неудаче. Мне казалось, что он нуждается в подбадривании, чтобы перейти к сути дела, а другого способа я не знал.

— Может быть... — Он был по-прежнему осторожен. — В рассказе о прежних днях говорится, что чужак из-за звезд принес с собой не одно чудо, а несколько и давал их тем, кто просил его об этом.

— Рассказ, который я слышал от отца, не совсем таков, — ответил я. — Да, по словам моего отца, незнакомец из-за звезд давал дары. Но в ответ получал другие.

Сорорианин мигнул.

— Да, было такое. Но он брал лишь символическую плату, такие предметы, которые ничего не значат для Торга. И поэтому мы считаем его таким великодушным.

Я медленно кивнул.

— Поистине это так. А эти предметы, ничего не значащие, — какие они были?

— Такие. — Он скользнул на пол, наклонился к выступу и нажал на часть непосредственно под тем местом, на котором сидел. Открылось углубление, и туземец достал из него меховой мешок, а из него вытряхнул четыре камня. Я заставил себя сидеть неподвижно, не делая никаких замечаний. Но хотя я никогда не видел гринстоун непосредственно, я достаточно нагляделся его трехмерных изображений, чтобы понять, что передо мной именно эти необработанные камни. Мне хотелось взять их в руки, проверить, нет ли дефектов, стоит ли из-за них торговаться.

— А что это такое? — без особого интереса спросил я.

— Куски камня, которые вода вымывает из-под большого ледника. Я их сохранил только потому... я тоже слышал рассказ своего отца о том, что когда-то приходил незнакомец и давал за такие камни ценные дары.

— А у кого-нибудь в Сорнаффе есть еще такие?

— Может быть, но они не имеют никакой ценности. Зачем приносить их домой и хранить? Когда я был моложе, надо мной часто смеялись, потому что я поверил в старинный рассказ и взял эти камни.

— Могу я взглянуть на камни из старинного рассказа?

— Конечно! — Он схватил два самых больших и с силой толкнул их, положил мне в руки. — Смотри! О таких говорится в твоём рассказе?

Самый большой камень с пороком посередине, но я решил, что его можно будет расколоть и получить камень среднего размера и, может быть, два маленьких. А вот второй очень хорош и нуждается только в небольшой огранке. И у него есть еще два камня, оба немалого размера. Если выставить их на аукцион, я получу гораздо большую прибыль, чем планировал в цепи своих сделок, начиная с зоранов.

Возможно, где-нибудь в Сорнаффе я смогу получить еще больше. Я вспомнил тех, кто направлялся ко мне у выхода из храма, прежде чем этот туземец не увел меня с собой. С другой стороны, если заключу эту сделку, то смогу побыстрее убраться с планеты. А с того момента, как я вышел из шлюпки, меня не оставляло странное ощущение, что с этой планеты нужно убираться как можно быстрее. Нет никаких свидетельств того, что преступники из порта заходят так далеко на север, но они могут это делать. А если они обнаружат меня и найдут шлюпку... Нет, лучше побыстрее завершить сделку и уносить ноги.

Я достал из сумки два небольших, самых плохеньких зорана.

— Торг может благосклонно посмотреть на того, кто принесет ему это в дар.

Сорорианин наклонился, протянул руки со скрюченными пальцами, словно хотел выхватить у меня сокровище. Но этого я не боялся. Поскольку сегодня утром я накормил Торга, в течение трех дней ко мне нельзя прикоснуться, иначе гнев Торга обрушится на того, кто совершит такой святотатственный поступок.

— Подарить Торгу, — задыхаясь, произнес туземец. — Тот, кто преподнесет это, может получить все, что захочет!

— Мы с тобой оба слышали старинный рассказ и поверили в него, когда остальные смеялись над этой верой. Разве это не так?

— Незнакомец, это так!

— Тогда давай докажем, что смех их бессмыслен, а старинный рассказ правдив. Возьми это и дай мне камни из

холодной стены, и обмен будет равным, как во времена наших отцов.

— Да... о да! — Он сунул мне в руки мешок со своими камнями и взял зораны, которые я выложил перед ним.

— И как в старинном рассказе, — добавил я, все сильней ощущая тревогу после достижения своей цели, — я снова улечу в небо.

Он не отрывал взгляда от камней, лежавших на меху.

— Да, да будет так.

И так как он не подумал вывести меня из дома, я сунул мешок с гринстоунами в скафандр и пошел сам. Пока не доберусь до корабля, не смогу вздохнуть спокойно, и чем быстрее окажусь в безопасности, тем лучше.

На улице снаружи была толпа сорориан, но, как ни странно, никто не попытался ко мне приблизиться. Они все смотрели на дом, из которого я вышел, как будто кто-то сообщил им о состоявшейся в нем сделке. Никто не преградил мне путь и не попытался помешать уйти. Я не знал, насколько простирается покровительство Торга, и потому настороженно посматривал по сторонам, идя к воротам города (как мне хотелось побежать!).

На равнине, которая была совершенно пустой, когда я шел в город, теперь видна была приближающаяся группа. Часть из приближающихся была в меховых костюмах туземцев. Но на двух или трех потрепанные и залатанные скафандры инопланетян. Они могут иметь отношение только к порту. Но отступить сейчас невозможно: я не сомневался, что меня уже заметили. Единственная моя надежда — быстрее добраться до шлюпки и улететь с планеты.

Увидев меня, люди в скафандрах остановились. Они были слишком далеко от меня, чтобы разглядеть лица в шлемах, и наверняка они не видят моего лица. Им видна только моя инопланетная одежда. Но она новая, в хорошем состоянии, и это должно подсказать им, что я не из порта.

Я ожидал, что они отделятся от своих спутников и попытаются отрезать мне путь. Моя надежда была лишь на то, что они не вооружены. Отец научил меня приемам обороны без оружия, в которых соединялась мудрость многих

планет, где человек создал науку защиты, опираясь лишь на то, чем наградила его природа. И мне казалось, что, если ко мне направится не вся группа, у меня есть небольшой шанс.

Но если инопланетяне задумали такое нападение, туземцы в мехах не позволили им. Их окружили и повели к городу. Мне показалось даже, что они пленники. Судя по тому, что я слышал об обитателях порта, они вполне могут остерегаться мести туземцев.

Миновав святилище Зиты, я с быстрого шага перешел на бег и, тяжело дыша, добрался до шлюпки, открыл люк и забрался внутрь. Включил приборы, начиная подъем, настроился на ведущий луч «Идущего по ветру» и улегся в гамак. Подъем был таким жестким, что я потерял сознание, словно огромная рука выдавила из меня половину жизни.

Когда я пришел в себя, ко мне вернулась память, и я испытал торжество. Я доказал справедливость своей веры в старый рассказ. У меня в скафандре то, что позволит не волноваться, пусть лишь на время. Нужно только добраться до аукциона.

Я состыковался с кораблем, доказав, что мои последние опасения безосновательны, снял скафандр и поднялся в контрольную рубку. Но, не успев начать рассказ о своих приключениях, заметил, что Ризк хмурится.

— Они поймали нас следящим лучом...

— Что? — В обычном порту такое происшествие вполне нормально. В конце концов, незнакомый корабль, который не садится открыто, а занимает орбиту подальше от обычных маршрутов, вызовет подозрение, и согласно правилам его поймут лучом-шпионом. Но на Сорорисе, судя по всему, не может быть такого оборудования. Местный порт не защищен и не нуждается в защите.

— Из порта? — спросил я, не в силах поверить в услышанное.

— Напротив, — впервые — кажется, за много дней — отозвался Иити. — Луч идет с направления порта, но он с корабля.

Это еще больше удивило меня. Насколько мне известно, таким лучом оснащены только корабли Патруля, да и то не просто разведчики, а крейсера второго класса. Конечно, говорят, что такое оборудование есть и у Гильдии. Но корабль Гильдии с таким оборудованием может принадлежать только патрону. Но что патрон Гильдии делает на Сорорисе? Это место изгнания отбросов преступного мира.

— Как давно?

— Не настолько давно, чтобы они что-нибудь узнали, — ответил Иити. — Я об этом позаботился. Но сам факт, что они ничего не могут узнать, заставит их задавать вопросы. Нам лучше побыстрее уйти в гипер...

— Какой курс? — спросил Ризк.

— Лайлстейн.

Аукцион не только давал мне возможность как можно быстрее продать камни; Лайлстейн — внутренняя планета, давно заселенная и сверхцивилизованная, если хотите. Конечно, у Гильдии есть связи и здесь; они у нее есть на любой планете, где можно надеяться на прибыль. Но на этой планете сильная полиция, и здесь господствует закон. Ни один корабль Гильдии не решится последовать за нами в небо Лайлстейна. И пока мы не совершили ничего незаконного, согласно нашей последней договоренности с Патрулем мы вольны в своих перемещениях.

Ризк быстро ввел курс и затем сразу начал переход в гиперпространство, словно опасался, что мы в любое мгновение ощутим действие фиксирующего луча, который помещает нам уйти. Его озабоченность была так очевидна, что все мое возбуждение прошло.

Но вернулось, когда я принялся разглядывать гринстоуны в поисках пороков, взвешивать их и определять начальную цену. Будь у меня получше подготовка, я попробовал бы сам разрезать два камня поменьше. Но лучше не рисковать, а я не доверял своим умениям. Мне приходилось обрабатывать камни, но только малоценные, пригодные для обучения.

Самый крупный камень можно разрезать на три части, второй по размеру не имеет ни малейших изъянов.

Из остальных двух можно сделать четыре. Не первоклассные. Но гринстоуны так редки, что даже второ- и третьеклассные камни найдут покупателей.

Я сопровождал Вондара на аукционы на Балтисе и Амоне, но никогда не бывал на самом знаменитом из них — на Лайлстейне. Только два года назад один из друзей Вондара, с которым я знаком, занял здесь должность оценщика, и я не сомневался, что он меня узнает и поможет преодолеть местные законодательные ограничения, чтобы я смог предложить свои камни. Он может даже предупредить одного-двух богатых покупателей о таком предложении. Я продолжал мечтать и фантазировать, поворачивая камни в пальцах и думая, что перекрыл неудачу на Лоргалле.

Однако когда мы сели в Лайлстейне — нас отправили в самый угол огромного, забитого кораблями порта, — я неожиданно осознал, что являться сюда в качестве зрителя, когда за все отвечает Вондар, а я исполняю обязанности мелкого регистратора и помощника — одно дело, а вот так, как сейчас, совсем другое. Один... Впервые за долгое время я едва не обратился к Иити за советом. Только потребность самоутвердиться, доказать, что я могу действовать самостоятельно, удержала меня от этого шага. Но когда я выложил лучшие вещи своего гардероба — жители внутренних планет одеваются согласно статусу и положению и склонны судить человека по его одежде, — мутант неожиданно сам обратился ко мне.

— Я иду с тобой... — Иити сидел на моей койке. Но когда я повернулся к нему, то заметил, что он как-то расплылся, потерял четкие очертания, а когда в следующее мгновение эти очертания снова прояснились, я увидел не Иити, а пуху. На этой планете такой домашний любимец поистине послужит доказательством высокого статуса.

Я не мог отказать ему. Мне необходимо было ощущение уверенности, которое придаст Иити, просто сидя на моем плече. Я вышел в коридор и встретил там Ризка.

— Пойдешь на планету? — спросил я.

Он покачал головой.

— Не здесь. Внепортовая зона здесь слишком роскошна, только для работников больших компаний. И воздух для меня слишком густой. Останусь на корабле. Надолго ты уходишь?

— Повстречаюсь с Кафу, договорюсь об участии в аукционе, если он поможет, и сразу назад.

— Я закрою корабль. Возвращаясь, дай условный звуковой сигнал. — Его ответ меня слегка удивил. Закроет корабль — значит ожидает неприятностей. Но из всех планет, которые мы посетили, меньше всего можно ожидать насилия здесь.

На краю поля ждали наемные флиттеры, я забрался в ближайший, опустил в щель несколько кредитов и тем самым снял машину до конца дня. Произнес имя Кафу; машина взлетела и направилась в один из переулков вблизи центра города.

Лайлстейн заселен так давно, что его четыре континента по существу превратились в огромные города. Однако по какой-то причине жители планеты не любили высоких построек. Ни одно здание не превышало десяти этажей, хотя под поверхностью оно уходило вниз на много-много уровней.

Машина-робот опустилась на крышу, включила сигнал «занято» и отъехала в зону ожидания. Я подошел к шахте гравитационного лифта, снова произнес в диск имя Кафу и в ответ получил указание голосом:

— Четвертый уровень, второй перекресток, шестая дверь.

Лифт был заполнен, в основном мужчина в модных внутрипланетных одеждах. Даже служащие низкого ранга ходили в кружевных пышных одеяниях с роскошными кружевными воротниками. На мой взгляд инопланетянина эта одежда не модная, а нелепая. На мою простую куртку и коротко подстриженные волосы поглядывали искоса, и я уже начал сожалеть, что с помощью галлюцинации не изменил свою внешность.

Размещение на четвертом подземном этаже свидетельствовало об относительно высоком положении Кафу. Ко-

нечно, он не босс — у босса была бы серия помещений с окнами, расположенных над землей, но и не сидит на губине в две или три мили под поверхностью.

Я отыскал второй перекресток и подошел к шестой двери. На ее поверхности была щель — коммуникатор для голосового сообщения, а над ней — пластинка, дающая возможность обитателям увидеть гостя, самим оставаясь невидимыми.

Я привел в действие коммуникатор и увидел, как оживила пластинка.

— Мердок Джерн, — сказал я, — помощник Вондара Астла.

Ждать пришлось так долго, что я подумал, будто Кафу отсутствует. Но тут послышался приглушенный ответ:

— Входи. — Дверь откатилась, пропустив меня в помещение, представлявшее полный контраст с домом на Сорорисе, где я совершил последнюю сделку.

Хотя люди носили многоцветную яркую одежду, помещение было оформлено приглушенными, размытыми тонами. Мои космические башмаки ступили на упругий мох саммид, живой ковер светло-желтого цвета. А вдоль стен росли длинные стебли, с которых свисали зеленые ягоды; стебли были искусно переплетены таким образом, что создавался сложный узор.

Были также кресла цвета коричневой почвы, того типа, что принимают форму, подстраиваясь под салящегося. А исходивший от потолка рассеянный свет напоминал мягкое весеннее солнце. Прямо передо мной одно из кресел было установлено у стены, где стебли с ягодами обрамляли открытое пространство. Словно смотришь в окно и видишь местность на многие мили. И картина была не статичной, а менялась со временем, появлялась новая, а смена растительности могла означать, что это виды не одной планеты, а многих.

В кресле у «окна» сидел Кафу. Родом он был с Тота, гораздо ниже ростом, чем считается нормальным для потомков терранцев. Смуглая коричневая кожа плотно обтягивает хрупкие кости, и он кажется жертвой длительного голода,

почти умирающим. Но глаза из глубоких глазниц на мощном черепе смотрели на меня очень внимательно.

Вместо роскошной местной одежды на нем было одяние его родной планеты, простое, с широким жестким воротником и с широкими рукавами.

Против кресла был установлен стол, и на нем лежали сверкающие камни. Кафу не столько их разглядывал, сколько выкладывал узорами. Словно играл в какую-то экзотическую игру.

Но вот он смел камни, словно очищая стол для дела, и они исчезли в кармане его рукава. Коснулся пальцами лба в приветствии своего народа.

— Я вижу тебя, Мердок Джерн.

— И я тебя, Кафу. — Жители Тота не признают никаких почетных званий или титулов, считая свою скромность великим достоинством; на самом деле за ней скрывается ощущение собственного превосходства.

— Прошло много лет..

— Пять. — Как на Сорорисе, где меня внезапно охватила тревога, так и эта комната с тщательно ухоженными растениями вызвала вдруг стремление побыстрее покончить с делом и убраться.

Ийти слегка передвинулся на моем плече, и я увидел искру интереса в глазах Кафу.

— У тебя новый спутник, Мердок Джерн.

— Пукха, — ответил я, сдерживая нетерпение.

— Правда? Очень интересно. Но сейчас ты думаешь, что пришел не для того, чтобы говорить о чужих формах жизни или о прошедших годах. Что ты хочешь мне сказать?

Это меня поистине поразило. Кафу нарушил обычай, так стремительно перейдя к делу. И не предложил мне сесть, выпить чего-нибудь и все прочее, чем обычно сопровождаются такие посещения. Я не знал, столкнулся ли с замаскированной враждебностью или с чем-то другим. Но то, что мой приход не принес хозяину никакой радости, понял.

И решил, что на такой прием следует ответить так же кратко и прямо.

— У меня есть камни для аукциона.

Рука Кафу поднялась в жесте, который у его расы служит знаком отрицания, как у моей покачивание головой.

— Тебе нечего продавать, Мердок Джерн.

— Нечего? А это? — Я не подошел и не выложил гринстоуны на стол, как сделал бы при более любезном приеме, просто выставил лучшую свою находку на ладони под свет комнаты. Я видел, что это освещение обладает особыми свойствами: в нем сразу видны фальшивые, искусственные камни или камни с пороками. И не сомневался, что мои гринстоуны это первое испытания выдержат.

— Тебе нечего продавать, Мердок Джерн. Ни здесь, ни на любом другом законном аукционе.

— Почему? — В его спокойствии чувствовалась уверенность. Такой человек, как Кафу, не станет лгать, чтобы сбить цену. Если он говорит, что я не могу продавать, это правда, и все законные рынки для меня закрыты. Но я еще не понял размеров катастрофы и хотел лишь получить ответ.

— Власти занесли тебя в список ненадежных, — сказал он наконец.

— Занесли в список? — Я ухватился за единственную возможность оправдаться. Если узнаю имя своего клеветника, могу потребовать публичного разбирательства, конечно, если отыщу на это средства.

— Сообщение пришло с другой планеты. От имени Вондара Астла.

— Но... он мертв! Он был моим хозяином. И он мертв!

— Вот именно, — согласился Кафу. — Сообщение от его имени, оформлено в соответствии с законом, имеется печать.

Это значит, что я не смогу его оспорить. По крайней мере не сейчас, а может, и никогда, если не соберу астрономических сумм, чтобы нанять адвокатов, которые смогут сразиться с судами не одной планеты.

Включенный в такой список, я не могу иметь дело ни с одним пользующимся хорошей репутацией торговцем. А Кафу говорит, что объявление сделано от имени мертвого. Но кто это сделал и с какой целью? Патруль, все еще

желающий использовать меня в какой-то игре для поисков источника предвечных камней? Или Гильдия? Предвечный камень... я не вспоминал о нем много дней; был слишком занят своей торговлей. Но, возможно, это и есть яд, тайно отравляющий мою жизнь.

— Жаль. Выглядят они прекрасно... — продолжал Кафу.

Я сложил камни назад в мешочек и сунул под одежду. Потом поклонился со всем равнодушием, какое смог изобразить.

— Прошу прощения у джентльхома за то, что побеспокоил его.

Кафу сделал еще один легкий жест.

— У тебя есть могучий враг, Мердок Джерн. Тебе стоит ходить осторожно и вглядываться в тени.

— Если вообще стоит ходить, — пробормотал я и снова поклонился. Каким-то образом мне удалось выйти из комнаты, в которой рухнули все мои надежды.

Хуже ничего быть не может. Я потеряю корабль, так как не смогу заплатить за портовое обслуживание; его конфискуют власти порта. У меня есть небольшое состояние в камнях, но я не могу законно продать их.

Законно...

— Может, этого они и хотят, — уловил мою мысль Иити.

— Да, но если остается только одна дорога, приходится по ней идти, — мрачно ответил я.

Глава 8

На других планетах я бы легче смог добраться до темных уголков, чем на Лайлстейне. Я никого здесь не знаю, у меня нет никаких связей. Однако когда я начал обдумывать наш разговор, мне показалось, что в словах Кафу содержался некий намек...

Как он выразился? «Тебе нечего продавать, Мердок Джерн. Ни здесь, ни на любом другом законном аукционе». Показалось ли мне или он действительно слегка подчеркнул слово «законном»? Может, он хочет вынудить меня нарушить закон и получить в качестве доносчика часть

стоимости того, что у меня с собой? С другим человеком такое подозрение могло быть справедливым. Но я считал, что тотанец не станет рисковать своим именем и репутацией в такой грязной игре. Вондар думал, что Кафу можно доверять, и я знал, что между моим покойным хозяином и этим маленьким коричневым человечком существовали прочные узы давней дружбы. Возможно, именно из-за этой дружбы он попытался дать мне ниточку? Или я в отчаянии хватаюсь за соломинку и позволяю воображению одолеть здравый смысл?

— Нет, это не так... — Снова Иити прервал ход моих мыслей. — Твое предположение, что он испытывает к тебе дружеские чувства, справедливо. Но в этой комнате было нечто, мешавшее ему их выразить откровенно...

— Лучи-шпионы?

— Да, какое-то воспринимающее устройство, — ответил Иити. — Я не очень настроен на то, что рождено машинами, а не мозгом. Но этот Кафу говорил не только для твоих ушей, в то же время мысли его были немного другими; он сожалел, что должен так поступить. Говорит ли тебе что-нибудь имя Тактиль?

— Тактиль? — повторил я, думая все еще о том, почему за Кафу наблюдают и кто организовал это наблюдение. Мой единственный ответ был таков: Патруль от меня еще не отстал и усиливает давление, чтобы я согласился на план, который предложил мне их человек, когда взялся помочь найти пилота.

— Да, да! — теперь Иити проявлял нетерпение. — Но прошлое сейчас не имеет значения. Важно будущее. Кто такой Тактиль?

— Не знаю. А что?

— Это имя было в сознании Кафу, когда он намекнул на незаконную продажу. И еще не очень ясная картина здания с заостренной крышей. Но, конечно, я видел немного, да и то сразу исчезло. Кафу обладает зачаточными экстрасенсорными способностями и чувствует прикосновение к сознанию. К счастью, он решил, что это действие луча-шпиона, и не заподозрил нас.

Нас? Неужели Иити пытается польстить мне?

— У него был примитивный щит, — продолжал мутант. — Вполне достаточно, чтобы затруднить восприятие, потому что у меня не было времени поработать с ним. Но я считаю, что этот Тактиль может быть нам полезен.

— Если он покупает камни сомнительного происхождения, то может послужить наживкой в чьей-то ловушке.

— Думаю, нет. Потому что Кафу видел в нем решение для тебя, но как именно, неясно. И к тому же он на этой планете.

— Это весьма полезно, — горько заметил я, — но все же у меня нет многих лет в запасе, чтобы искать его по одному имени. Это одна из самых густонаселенных внутренних планет.

— Верно. Но если такой человек, как Кафу, считает, что Тактиль может тебе помочь, его должны знать другие дилеры, занимающиеся камнями. И я предлагаю...

Но на этот раз я его опередил.

— Я буду обходить торговцев, делая вид, что не знаю, что меня внесли в черный список. А ты будешь читать их мысли.

Может сработать, хотя опять придется надеяться на способности Иити, а не на свои. И еще остается небольшая возможность, что кто-нибудь из торговцев решится на подпольную сделку, увидев качество предлагаемых камней. И я решил начать с трех не самых влиятельных дилеров.

Вечер подходил к концу, когда я с разочаровывающими результатами закончил обход. Внешне разочаровывающими. Все, кого я навестил, жадно смотрели на камни, но повторяли одно и то же: что я внесен в список и никаких сделок не будет. Но Иити тем временем читал их мысли, и я когда я устало вернулся в свою каюту, то был не так уж разочарован: Иити знал, кто такой Тактиль, и знал даже, что он здесь, возле портовой зоны.

Как и мой отец, этот Тактиль владел ломбардом и магазином подержанных вещей: здесь космонавты, слишком увлекшиеся прелестями внепортовой зоны, расставались

со своими ценными вещами, чтобы вернуться к игорному столу или чтобы иметь возможность есть до отлета.

Владея ломбардом, он, несомненно, находится в контакте с Гильдией, какой бы хорошей репутацией ни пользовалось его заведение. Но — и это одновременно необычно и значительно — он чужак с Колдуна, виверн-самец, и это самое странное. Сбежав по какой-то причине от матриархата родного мира и добравшись до Лайлстейна, он сохранил гражданство своей планеты и по-прежнему имел с ней контакты, которым не препятствовал Патруль. Таким образом, это было по сути консульство его родной планеты. Никто не понимал его истинных отношения с правившими на Колдуне вивернами-самками, но он вел для них какие-то инопланетные дела и получил полудипломатический статус, что позволяло ему нарушать некоторые второстепенные законы.

Тактиль не настоящее его имя, а попытка по-человечески произнести шелкающие звуки его речи: звуковой речью на Колдуне пользовались только самцы, самки были телепатами.

— Ну, — спросил меня Ризк, — повезло?

Не было причин скрывать от него худшее. И я не думал, что он сбежит от меня в порт: ведь он признался, что не может заглянуть даже в заведения, где обычно развлекаются космонавты.

— Нет. Я внесен в черный список. Никто у меня ничего не покупает.

— Вот как? Улетаем немедленно или утром? — Он прислонился к стене каюты. — Меня здесь ничего не держит. И я всегда могу попробовать поменять работу. — Говорил он сухим тоном, за которым скрывалось отчаяние космонавта, прикованного к планете.

— Пока мы не будем делать ничего. Я должен нанести еще один визит... сегодня же вечером. — Время, как и в начале приключений, наш враг. Нужно внести плату за стоянку, иначе корабль будет привязан к основанию и конфискован.

— Но пойду я не как Мердок Джерн, — продолжал я. У меня оставалась еще эта небольшая надежда. Если меня внесли в черный список и подозревают, за кораблем и двумя его обитателями — Иити вполне могли не заметить — должны постоянно наблюдать. Придется идти замаскировавшись. И я уже начал размышлять, как это лучше сделать.

— Дождусь темноты. Потом направлюсь в пассажирскую часть порта... — я вслух выразил свои мысли. Ризк покачал головой.

— Ничего не получится. Здесь задерживают даже посыльных Гильдии. Вход в эту секцию оборудован самыми разными сканерами. Там проверяют и отсеивают всех подозрительных.

— Все же я рискну. — Но я не сказал, как собираюсь это сделать. Мои успехи в повторении возможностей Иити все еще остаются тайной. И вся надежда основана именно на том, что об этих успехах никто не знает.

Мы поели, и Ризк вернулся в свою каюту — думаю, чтобы поразмыслить над мрачными перспективами. Маловероятно, чтобы он сохранил какую-то веру в меня. И я не был уверен в том, что он ошибается.

Но я установил в своей каюте зеркало и сел перед ним. На этот раз нужно создать нечто более серьезное, чем шрам. Я должен приобрести иное лицо. Одежду я уже сменил, сняв нарядный костюм и надев поношенный комбинезон работника грузового корабля.

Теперь я сосредоточился на своем изображении. В качестве образца использовал небольшую трехмерную фотографию. На совершенство я не надеялся, но если смогу хоть отчасти поддерживать иллюзию...

Потребовалась вся энергия, и я дрожал от усталости, когда увидел новое лицо. У меня стала слегка зеленоватая кожа закатанина плюс огромные глаза и острые зубы под плотно натянутыми очень тонкими и почти бесцветными губами. Если смогу сохранять такую внешность, никто не узнает во мне Мердока Джерна.

— Не вполне совершенно. — От разглядывания меня оторвало замечание Иити. — Начинающих всегда привле-

кает эксцентричное. Но в данном случае возможно, да, вполне возможно: ведь на внутренних планетах большое смещение рас.

Сам Иити — я повернулся, чтобы посмотреть на него, — больше не пукха. Но и не Иити. На моей койке лежала змея с узкой стрелообразной головой. Я не смог бы назвать эту форму жизни.

Несомненно, Иити будет сопровождать меня. Я не могу надеяться только на свои ограниченные человеческие чувства, а результаты посещения Тактиля важнее моей гордости.

Змея обернулась вокруг моей руки, как массивный и неприятного вида браслет, чуть приподняв голову. Мы готовы уходить, но не пойдем открыто, по трапу.

Вместо я этого я спустился в самый низ корабля, к люку у посадочных опор. Здесь располагался выход для ремонтников и бригад обслуживания. В темноте я нащупал запоры люка. И опустил на землю в тени корабля.

Я прихватил с собой идентификационный диск Ризка, но надеялся, что показывать его не придется. К счастью, по полю как раз шла большая группа туристов с одного из огромных внутрисистемных кораблей. Я, как и при первом отлете, присоединился к ней и прошел в ворота. Моя внешность зафиксирована, и я могу свободно выходить за пределы порта. Но роботы-сканеры не сообщат, что моя нынешняя внешность не соответствует личности. Во всяком случае, я на это надеялся, продолжая идти за туристами, направившимися прямо за пределы портовой зоны.

Этот район оказался не таким пестрым и кричащим, как тот, в котором я встретил Ризка, — по крайней мере не на главной улице. Идти мне пришлось недолго: заостренная крыша магазина Тактиля видна была прямо от ворот. Повидимому, он полагался на отличительный вид дома, потому что никакой вывески на доме не было.

Крыша была действительно очень острой, а ее края нависали над улицей. Была входная дверь, очень узкая и высокая, но никаких окон. Дверь подалась от первого же прикосновения.

Такие заведения для меня не новость. Два прилавка и узкий проход между ними. За прилавками вдоль стен полки, со множеством предметов, сданных в залог; все они защищены дымкой силового поля. Дела у Тактиля как будто идут неплохо: за прилавками четверо служащих, по двое с каждой стороны. Один из них терранской крови; был здесь также тристианец, его пернатая голова, очевидно, линяла, потому что у веточек какой-то рваный вид. Самого близкого ко мне продавца с серой, покрытой бородавками кожей я не узнал, а вот за ним находился тот, чье присутствие здесь казалось совершенно неуместным.

В галактике есть древняя раса, достойная и уважаемая, — это закатане, происходящие от ящеров. Это историки, археологи, учителя, ученые, и мне никогда не приходилось встречать представителя этой расы, занятого торговлей. Но ошибиться в расе чужака, в небрежной позе стоявшего у стены, невозможно; своей когтистой рукой закатанин вставлял ленту в рекордер.

Серое существо подслеповато посмотрело на меня, тристианец казался погруженным в какие-то горестные размышления, а терранец неприятно улыбнулся и наклонился вперед.

— Приветствую, джентльхома. Твое удовольствие — наша радость, — произнес он традиционное приветствие своей профессии. — Расплата кредитами, никакого торга — мы к твоим услугам!

Я хотел иметь дело непосредственно с Тактилем, но осуществить это затруднительно — если только у виверна нет контактов с Гильдией. В таком случае я мог бы использовать полученные от отца кодовые слова, чтобы вступить в контакт. Но придется пройти по очень узкой тропе между разоблачением и полным поражением. Если Тактиль честно ведет дела или хочет защитить свое положение в глазах Патруля, простая демонстрация того, что я принес, приведет к разоблачению. Если он входит в состав Гильдии, его заинтересует источник моих камней. Все это подталкивает к предательству, и мне нужно завершить свое дело быстро.

Но я знаю ценность того, что предлагаю, и намерен потерять прибыли не больше, чем буду совершенно вынужден.

Я бросил на терранца многозначительный взгляд и вспомнил из прошлого то, что должно сработать, — конечно, если коды не переменялись.

— Клянусь шестью руками и четырьмя брюхами Сапут, — провозгласил я, — именно услуги мне и нужны.

Клерк не проявил никакого интереса. Он либо хорошо подготовлен, либо очень осторожен.

— Ты упомянул Сапут, друг. Недавно с Джангура?

— Не настолько недавно, чтобы не желать возвращения. Ее слезы заставляют человека помнить — слишком многое. — Теперь я произнес уже три кодовые фразу Гильдии, которые в былые дни означали срочное и необычное дело, которым должен заняться сам владелец заведения. Я их хорошо запомнил, стоя точно за таким прилавком в заведении отца.

— Да, Сапут не слишком добра к инопланетянам. Здесь ты найдешь лучшее обращение, друг. — Одну ладонь он прижал к прилавку. Второй пододвинул мне блюдо засахаренных слив бик, словно я покупатель одного из магазинов для боссов в центре города.

Я взял верхнюю сливу и положил на ее место самый маленький из своих гринстоунов. И взглядом показал, что сделал. Продавец убрал блюдо под прилавок, где, как я знал, есть видеоустройство, которое даст возможность Тактилю увидеть камень.

— И что ты предлагаешь, друг? — невозмутимо продолжал продавец. Я достал худший зоран со своей несчастливой лоргалской сделки.

— Он с пороком. — Продавец профессионально осмотрел камень. — Но у нас уже давно не было зоранов, и мы постараемся предложить все самое лучшее. Заклад или продажа?

— Продажа.

— Да, но мы только берем в заклад, а не покупаем. Покупкой занимается сам хозяин. И иногда он бывает не в на-

строении. Тебе лучше бы сдать камень в заклад, друг. Три кредита...

Я покачал головой, как тупой космонавт, который старается продать свой товар подороже.

— Четыре кредита — и я продаю.

— Хорошо, тогда я спрошу хозяина. Если он скажет «нет», не будет и заклада, и ты потеряешь все, друг. — Он удержал палец над кнопкой вызова на прилавке, словно ожидая, что я изменю решение. Я отрицательно покачал головой, и, сочувственно пожав плечами, он нажал на кнопку.

Я не понимал, зачем нужно такое сложное представление. Кроме меня, в магазине никого не было, а остальные продавцы, несомненно, тоже знают код. Единственный ответ может быть таков: они боятся какого-то подслушивающего устройства, по крайней мере в этой, предназначенной для клиентов части магазина.

У кнопки на мгновение вспыхнул огонек, и клерк знаком показал в глубину магазина.

— Не говори, что я тебя не предупредил, друг. Твой камень не заинтересует хозяина, и ты все потеряешь.

— Посмотрим. — Я миновал остальных продавцов, ни один из них не посмотрел на меня. И когда подошел к концу прохода, часть стены отодвинулась и я оказался в кабинете Тактиля.

И не удивился, увидев блюдо с липкими сливами на его столе. Гринстоун уже лежал под ярким освещением. Хозяин поднял свою голову, похожую на голову горгульи, и глубоко посаженными глазами он внимательно разглядывал меня, а я обрадовался тому, что у него нет телепатических способностей, какими обладают самки с Виверна, и он не может прочесть мои мысли.

— У тебя есть еще такие? — прямо перешел он к делу.

— Да, и получше.

— Это задокументированные камни, с криминальным прошлым?

— Нет, получены в честной торговой сделке.

Он постучал тупыми когтями по крышке стола.

— Что хочешь?

— Четыре тысячи кредитов — после проверки ценности.

— Ты спятил, незнакомец. На открытом рынке...

— На аукционе они принесут впятеро больше. — Он не предложил мне сесть, но я сам сел на стул напротив него.

— Если хочешь получить четыре тысячи кредитов, отправляйся на аукцион, — ответил он. — Если камни действительно чистые, почему бы тебе это не сделать?

— Есть причина. — Я сделал знак двумя пальцами.

— Вот оно что. — Он помолчал. — Четыре тысячи... что ж, камни можно отправить на другую планету. Тебе нужны наличные?

Про себя я облегченно вздохнул. Моя игра оправдалась: он принял меня за посыльного Гильдии. Теперь я покачал головой.

— Депозит в порту.

— Хорошо.

В сознании прозвучали слова Иити:

— Он слишком боится, чтобы обмануть нас.

Тактиль пододвинул к себе рекордер.

— Какое имя?

— Иити, — ответил я. — Портовой кредит, четыре тысячи, на имя Иити. Выдать по следующему голосовому коду, — и я произнес цифры кода.

На Лайлстейн я прилетел с большими надеждами, а улетчу, оплатив портовые услуги и припасы, да к тому ж, возможно, этой сделкой я привлек внимание врагов.

Я достал гринстоуны, и виверн быстро их осмотрел. По этому осмотру я понял, что камни он знает. Затем он кивнул и сделал заключительную запись в рекордере.

Я вернулся в помещение магазина, и на этот раз меня не заметил ни один продавец. Я словно стал невидимкой. И когда оказался на улице, заговорил Иити:

— Тебе стоит выпить за свою удачу в «Пурпурной звезде».

Предложение было настолько необычно, что я едва не споткнулся. Благоразумнее побыстрее вернуться на корабль, подготовиться к старту и улететь, пока мы не попали в новую переделку. Но как я хорошо знал по прошлому опыту, нельзя игнорировать предложения Иити.

— Зачем? — спросил я, видя впереди огни порта.

— Тот закатанин не просто так стоял у Тактиля, — спокойно, словно читая готовый текст, ответил Иити. — Ему нужны сведения. У Тактиля они есть. Виверн в течение ближайшего часа встречается с кем-то в «Пурпурной звезде», и эта встреча очень важна.

— Не для нас, — возразил я. Последнее, что я собираюсь сделать, это ввязаться в какое-то темное дело, особенно связанное с Гильдией.

— Это не Гильдия! — вмешался в мои мысли Иити. — Тактиль не входит в Гильдию, хотя имеет с ней дело. Это что-то другое. Пиратство... набег джеков...

— Не для нас!

— Ты в черном списке. Если это сделал Патруль, возможно, ты сможешь выкупить свое доброе имя с помощью важной информации.

— Как мы сделали раньше? Не думаю, чтобы они вступили в такую игру дважды. Это должна быть чрезвычайно ценная информация...

— Тактиль очень возбужден, он испытывает сильное искушение. Представляет себе целое состояние, — продолжал Иити. — Отведи меня в «Пурпурную звезду», и я смогу узнать, что привело его в такое возбуждение. Если ты в черном списке, какое будущее тебя ожидает? Давай выкупим нашу свободу. Мы все еще далеко от поиска предвечных камней.

Поиски источников предвечных камней под влиянием необходимости постоянно искать средства к существованию превратились в моем сознании в полузабытую мечту. Все мои инстинкты говорили, что предложение Иити ведет нас прямо головой в метеоритную бурю, но игра может пойти по-всякому. Предположим, Иити сможет прочесть мысли во время встречи виверна с кем-то неизвестным — дело должно быть чрезвычайно важным, если решились поместить в его магазин в качестве агента закатанина. А выпивка в баре для космонавтов только подкрепит мою маскировку чужака, совершившего удачную сделку.

— Назад, через четыре дома, — приказал Ийти. Повернувшись, я сразу увидел пурпурную пятиконечную звезду.

Заведение было высокого разряда, и охранник у входа подозрительно осмотрел меня. Я вошел с самым отважным видом. Мне показалось, что он хочет преградить мне вход, но он словно неожиданно изменил намерение и отступил в сторону.

— Займи кабинку справа под маской Иуты, — приказал Ийти. Дальше была еще одна кабинка. Но занавес ее был опущен, создавая посетителям уединение. Я сел и набрал самую дешевую выпивку — больше позволить не мог, да и не собирался пить. В помещении было полутемно, посетители самые разные, но больше терранского происхождения, чем чужаков. Тактиля не видно. Ийти передвинул мою руку так, чтобы его заостренная голова была устремлена к стене между мною и занавешенной кабинкой.

— Пришел Тактиль, — объявил он. — Через боковую скользящую панель. А его контакт уже на месте. Они разговаривают с помощью скрибо.

Я слышал гомон голосов и догадался, что они говорят о каком-то самом обычном деле, а пальцы их заняты скрибо: этот способ обмена информацией недоступен для прослушивания. Но если их мысли заняты подлинным делом, эта уловка не укроет их тайн от Ийти.

— Это операция джеков, — сообщил мой спутник. — Но Тактиль отказывается. Он очень осторожен... имеет все основания... жертвы закатане...

— Значит, какая-то археологическая находка...

— Верно. И, очевидно, находка огромной ценности. Не первая такая находка, перехваченная джеками. Тактиль говорит, что риск слишком велик, но тот возражает, что соблюдены все меры предосторожности. В пределах световых лет нет ни одного корабля Патруля, все будет легко. Виверн не соглашается, говорит, чтобы поискали кого-нибудь другого. Сейчас он уходит.

Я поднял стакан, но не отпил из него.

— Где и когда набег?

— Координаты места — о них он думал, когда разговаривал. А вот когда — не знаю.

— Никаких конкретных доказательств для Патруля, — мрачно заметил я и пролил часть содержимого стакана на пол.

— Нет, — согласился со мной Иити. — Но у нас есть координаты, и мы можем предупредить намеченные жертвы...

— Слишком рискованно. Возможно, на них уже напали, и что тогда? Нас сразу заподозрят в участии в набеге.

— Они закатане, — напомнил мне Иити. — Истину от них не скрыть, они ведь все телепаты.

— Но ты ведь не знаешь когда... может быть, как раз сейчас!

— Не думаю. С Тактилем у них ничего не вышло. Они могут поискать другого покупателя или попытаться переубедить Тактиля. Ты принял игру на Сорорисе. Может, это еще одна игра, которая принесет тебе гораздо больший выигрыш. Выручи закатан, и можешь забыть о своем черном списке.

Я встал и вышел на шумную улицу, направляясь в порт. Вопреки моим намерениям, кажется, Иити по-прежнему определяет мое будущее, причем логика и разум на его стороне. Оставаясь в черном списке, я не могу быть торговцем. Но, предположим, я сумею предупредить закатан о нападении джеков. Это не просто значит, что я приобрету очень влиятельных покровителей. Закатане имеют дело с древностями, и возможно, то сокровище, которым незнакомец пытался прельстить Тактиля, и есть предвечные камни!

— Вот именно. — В мысли Иити чувствовалось самодовольство. — А теперь советую побыстрее убираться с этой гостеприимной планеты.

Я пошел к кораблю, гадая, как воспримет Ризк последние события. Пытаться предотвратить набег джеков — это не совсем соответствует его представление о спокойной жизни. Обычно это означает быструю смерть. Но если в деле участвуют закатане, есть небольшая надежда на то, что счастье улыбнется нам.

Глава 9

Под нами шар планеты казался сиренеанским янтарем; это не терранский янтарь цвета меда или масла; преобладает цвет охры с зеленоватыми пятнами. Зеленые пятна означают моря. Крупных массивов суши нет, скорее много цепей островов и архипелагов, причем только на двух островах есть место для посадки.

Ризк пришел в возбуждение. Когда мы вернулись из «Пурпурной звезды» и сообщили ему координаты, он возражал, говорил, что они не соответствуют ни одной известной звезде. Но думаю, теперь в нем ожили инстинкты вольного торговца: ведь мы оказались среди звезд, не нанесенных на карты.

Мы осторожно облетели планету, но не увидели ни одного города и вообще никаких признаков того, что планета обитаема. Тем не менее мы решили применить ту же тактику, что на Сорорисе: корабль останется на орбите, а мы с Иити спустимся на модифицированной спасательной шлюпке. И поскольку очевидно, что местом археологической находки могут служить самые крупные массивы суши, я выбрал северный остров.

Приземлились мы на рассвете. Ризк повозился со шлюпкой и добавил возможность перехода от полета на автопилоте к ручному управлению. Он терпеливо обучал меня, пока не убедился, что я справлюсь с управлением. Хотя у меня нет подготовки космического пилота, я с детства летал на флиттерах, а техника управления шлюпкой очень похожа на управление ими.

Иити, снова в собственном виде, свернулся во втором гамаке, не мешая мне управлять спуском. Когда на экране стали различимы черты местности, я понял, что цвет охры связан с деревьями, точнее, с высокими кружевными растениями с длинными ветвями и тонкими, едва в толщину двух моих кулаков, стволами. Высотой они были в двадцать-тридцать футов и сильно раскачивались на ветру. Цвет их варьировал от яркой рыже-коричневой ржавчины до светлого зеленовато-желтого с проблесками красно-

го. Растения покрывали всю поверхность, и я не видел ни одной поляны, где можно было бы сесть. Мне несколько не хотелось садиться на эти растения, которые могут оказаться гораздо прочнее, чем кажутся, и я перешел на ручное управление, тщетно отыскивая хоть какой-то просвет. Растительность казалась совершенно непрерывной, я и решил, что неверно выбрал остров и что придется повернуть на юг и осмотреть второй.

Но вот растения стали ниже. Показалась полоска красного песка, жестко блестевшего на солнце. Песок омывали зеленые волны моря, и такую зелень я видел только у безукоризненных терранских изумрудов.

В этом месте пляж был достаточно широк, и посередине его я увидел первый ориентир — обширное пятно запекшегося песка от тормозных ракет, место посадки корабля. Я провел шлюпку к самому краю растительности и опустил под покровом ветвей так гладко и осторожно, что мог гордиться своим мастерством. Если только это пятно оставлено не разведчиком-изыскателем, я смогу поблизости найти следы археологического лагеря. Во всяком случае я на это надеялся.

Атмосфера пригодна для дыхания без шлема. Но я схватил с собой нечто, собранное Ризком. Владеть лазерами и шокерами нам не разрешают, но вольные торговцы за долгое время разработали собственное оружие — пружинное ружье, стреляющее иглами. И эти иглы снабжены наконечниками, сделанными из тех зоранов, что не пригодны для ювелирной обработки.

Мне приходилось пользоваться лазером и шокером, но это оружие показалось мне более смертоносным на близком расстоянии, и только мысль о том, что, возможно, придется столкнуться с отрядом джеков, убедила меня взять его с собой. Те, кто вышел в космос, дано поняли, что нельзя поддаваться основному инстинкту нашего вида — нападать на все чужое, потому что оно опасно. И, как следствие, для первых исследователей создавали мысленные блоки. Эта предосторожность продолжала действовать, пока исследователи и колонисты не выработали противо-

действия мгновенной враждебности. Однако бывают ситуации, когда по-прежнему необходимо оружие — чаще против представителей своего же вида.

Шокер, с его временным воздействием на противника, оружие не запрещенное. Лазер предназначен только для военных целей и для большинства путешественников под запретом. Но как подозреваемый Патрулем я в течение года не могу получить разрешение ни на один вид оружия. Меня «помиловали» — помиловали за преступление, которое я не совершал, — об этом им было выгодно забыть. И мне не хотелось требовать разрешения, чтобы не давать еще одной зацепки для контроля надо мной.

Выйдя из шлюпки с Иити на плече, я порадовался тому, что Ризк собрал для меня такое оружие. Планета не казалась враждебной. Солнце яркое и теплое, но не обжигающее. Ветер, играющий ветвями растений, легкий и приносит с собой ароматы, которые привели бы саларикийцев в радостное возбуждение. С поверхности я видел, что вверху от стволов отделяются мелкие ветви и на них висят гирлянды ярко-алых цветов, обрамленных золотом и бронзой. Над цветами деловито жужжали насекомые.

Почва представляла собой смесь красного песка и темно-коричневых вкраплений — там, где пляж уступал место лесистым зарослям. Но я держался границы между песком и лесом, двигался по дуге, пока не оказался напротив того места, где от тормозных ракет расплавился песок.

Здесь я обнаружил то, что не было видно сверху, закрытое деревьями и растительностью, — тропу, уходящую в глубь леса. Я не разведчик, но элементарная осторожность говорила, что нельзя идти по этой тропе открыто. Однако вскоре я выяснил, что идти по лесу параллельно тропе очень трудно. Когда я задевал плечами и головой гроздь цветов, они выпускали сильный аромат, который, хоть и был приятен, мешал дыханию, забивая нос. И еще непрерывный дождь мучнистой ржаво-желтой пыльцы, от которой зудела кожа. Все это заставило меня вскоре выйти на тропу.

Хотя здесь ветви были срублены при расчистке дороги, над головой они смыкались, образуя сплошную крышу тоннеля, в котором царила полутьма и прохлада. На некоторых деревьях цветов уже не было, на их месте висели стручки, сгибаемая ветви под своей тяжестью.

Тропа шла прямо, а на земле видны были следы роботов-перевозчиков. Но если лагерь так хорошо оборудован, почему я не смог обнаружить его с воздуха, когда шлюпка пролетала над ним? Ведь для установки палаток наверняка пришлось срубить деревья.

Неожиданно тропа пошла вниз, по обе стороны стали подниматься откосы. Здесь тропу не прорубали, только сняли поверхностный слой почвы, под которой обнаружилась поверхность дороги; растения с обеих сторон совершенно закрывали эту впадину.

Я наклонился, чтобы осмотреть дорогу. Она, несомненно, проложена с какой-то целью очень давно, и это не случайное обнажение скалы. Откосы по обеим сторонам вполне могли когда-то быть стенами, теперь покрытыми землей.

Проход продолжал углубляться и сужаться, становилось все темнее и прохладнее. Я пошел медленней, стараясь прислушиваться, хотя шум ветра в ветвях мог заглушить любые звуки.

— Ийти? — Собственных пяти чувств было мало, и я обратился наконец к спутнику.

— Ничего... — Он чуть приподнял голову и медленно поворачивал ее из стороны в сторону. — Место старое, очень старое. Здесь были люди... — Тут он неожиданно замолчал, и я почувствовал, как напряглось его тело.

— В чем дело?

— Запах смерти — впереди смерть.

Я приготовил оружие.

— Есть опасность для нас?

— Нет, не сейчас. Но там смерть...

Разрез вел теперь в подземелье, края замкнулись вверху, и впереди была полная темнота. У меня на поясе фонарь, но он может привлечь к себе внимание, а с ним и опасность.

— Там есть кто-нибудь? — спросил я у Иити, останавливаясь. Не хотелось углубляться в темноту.

— Ушли, — ответил Иити. — Но недавно. И... есть след жизни... очень слабый. Думаю, кто-то там еще жив... едва жив...

Ответ Иити мало что прояснил, и я не знал, идти ли дальше.

— Опасности для нас нет, — сообщил он. — Я воспринимаю боль... нет мыслей о гневе или ожидании нашего прихода...

Я решил включить фонарь, и луч его отразился от каменной стены. Каменные блоки так плотно пригнаны друг к другу, что только тончайшая линия обозначает место их соединения, причем никаких следов кладки, только естественный блеск камня. Как будто природную поверхность отполировали или покрыли какой-то гладкой оболочкой. Камни тускло-красные, неприятно напоминающие кровь.

Постепенно проход расширился, а потом стены по обе стороны внезапно раздвинулись, создавая впечатление, что мы стоим на пороге обширного подземного помещения. Но луч фонаря осветил и кое-что еще — обломки оборудования со следами лучей лазеров. Как будто в этом подземелье проходила битва.

И еще здесь были тела...

Слишком сладкий аромат цветов исчез, сменившись тошнотворными запахами горелой плоти и крови. И мне захотелось выбежать на чистый воздух.

И тут я услышал — не стон, а скорее свистящую жалобу, мольбу, и не ответить на этот призыв я не мог. Обойдя обломки и тела, я подошел к стене, к которой вел кровавый след. Пятна крови блестели в свете фонаря.

Это был закатанин, и он не был захвачен врасплох и сожжен лучами лазеров, как остальные обитатели лагеря. Так обойтись с теми, на кого нападает, может только самое садистское и варварское племя на какой-нибудь отсталой планете.

То, что он еще жив, свидетельствует о том, каким крепким организмом обладают представители его вида. Я очень

сомневался в том, что он выживет. Но решил сделать все для этого.

Я набрался решительности, чтобы осмотреть лагерь и найти медикаменты. Но даже они были разбиты и разбросаны. Вся картина разрушений свидетельствовала либо об отчаянных поисках чего-то ценного, либо об извращенном стремлении к разрушениям.

Всякий, кто совершает полеты через космос, должен уметь оказать первую помощь. Я применил свои умения к раненому закатанину, хотя точно не знал, как лечить раны чужаков. Но все же постарался сделать так, чтобы ему было удобней, прежде чем продолжить осмотр помещения. Чтобы переправить раненого на шлюпку, нужно какое-нибудь транспортное средство, а здесь я видел следы роботов-погрузчиков. В обломках я таких машин не видел. Возможно, они стоят где-нибудь в темноте.

Наконец я нашел одного такого робота. Он стоял в дальнем конце, уткнувшись носом в стену, как будто пытался двигаться, пока его не остановила преграда. Но рядом было кое-что еще — темное отверстие: камни были вынуты из стены и аккуратно сложены поблизости.

Любопытство подталкивало меня, я протиснулся в отверстие и включил фонарь. Сомнений в цели этого углубления не было. Могила. У противоположной стены выступали очертания каменного саркофага. Саркофаг не лежал, а стоял, так что погребенный располагался вертикально.

Были и полки, но все пустые. И я представлял себе, что могло стоять на этих полках. Добычу перенесли в лагерь, разграбленный джеками. Я опоздал. Возможно, тот, кто договаривался с Тактилем, не знал, что набег уже начался, или предпочел не говорить об этом.

Я вернулся к перевозчику. Несмотря на то, что он с силой ударился о стену, он все еще действовал и, когда я включил его на малой скорости, с протестами и скрипом пополз к закатанину. Поскольку чужак выше и тяжелей меня, было трудно погрузить его вялое тело на машину. К счастью, он все еще был без сознания, и я решил, что один из бальза-

мов, которым я его смазал по предложению Ийти, подействовал как болеутоляющее.

Не было смысла рыться в обломках. Совершенно очевидно, грабители нашли то, за чем пришли. А вот бесцельного разрушения я не понимал — разве что джеки совсем не похожи на хладнокровных, расчетливых и эффективных членов Гильдии.

— Сможешь управлять погрузчиком? — спросил я у Ийти. Машина управляется несколькими кнопками, с чем, как мне казалось, могут справиться его руки-лапы. А если он поведет машину, я смогу действовать как охранник. Хотя я считал, что джеки уже улетели, предосторожность лишней не будет.

— Очень легко. — Он поместился у приборов управления и привел машину в движение, хотя она продолжала шумно жаловаться.

Мы добрались до шлюпки, не заметив никаких признаков того, что грабители задержались или что выжил еще кто-то из группы археологов. Тяжело было укладывать закатанина в гамак. Но наконец я с этим справился и включил систему автоматического возврата на «Идуший по ветру».

С помощью Ризка я перенес раненого в одну из нижних кают. Пилот внимательно рассмотрел мои импровизированные попытки лечения и кивнул.

— Лучшее, что мы можем сделать. Эти парни крепкие. Они выживают при таких повреждениях, которые нас погубили бы. Что случилось там внизу?

Я описал нашу находку — раскрытую могилу, уничтоженный лагерь.

— Должно быть, они сделали настоящее открытие. Вот что стоит больше целого года твоих поисков камней, даже самых ценных! Наверно, вещи предтеч, — оживленно сказал Ризк.

Закатане — историки галактики. Обладая исключительно долгой жизнью, по нашим планетарным представлениям, они склонны к ведению исторических записей, к поискам источников легенд и археологических подтверждений

этих легенд. Они знают о нескольких звездных империях, которые возникли и погибли до того, как они сами вышли в космос. Но были и другие, о которых даже закатане знают очень мало, ибо вековая пыль погребла все, кроме самых слабых следов.

Когда мы, терранцы, впервые вышли на звездные пути, мы были очень молоды по сравнению с большинством рас. Мы находили развалины и впавшие в упадок и близкие к исчезновению расы, находили следы тех, кто были нашими предшественниками, достигли высот, но потом рухнули или медленно деградировали. Наши исследователи назвали этих предшественников предтечами. Но предтеч было много — не просто одна раса или империя, и у этих предтеч были свои предтечи, уходящие в такие далекие времена, что у человека при одной мысли о них голова начинала кружиться.

Но артефакты предтеч — это такие находки, которые способны сделать человека очень богатым. Отец показывал мне несколько предметов: браслет из темного металла, предназначенный для нечеловеческой руки, другие небольшие вещицы. Он очень ценил их, размышлял о них, пока его интерес не сосредоточился на предвечном камне. Предвечный камень... И я видел руины, где обнаружилось несколько таких камней. А были ли они в могиле, исследованной закатанами? Или это только еще одно ответвление безграничной истории, не имеющее никакого отношения к тем предтечам, которые использовали камни как источник фантастической энергии?

— Все равно все теперь у джеков, — заметил я. Мы спасли закатанина, который вполне может умереть, прежде чем мы достигнем какого-нибудь пункта галактической цивилизации, и это все наши результаты.

— Мы ненамного разминулись с ними, — сказал Ризк. — Только что с южного острова взлетел корабль — наш радар зафиксировал его, когда он пробивал атмосферу.

Значит, они сели там и использовали флиттер для нападения на лагерь. А это значит, что они произвели тщательную разведку или заранее знали расположение лагеря.

— Ты их поймал — но они ведь тоже могли поймать наш радар?

— Да, если смотрели. Может, решили, что мы привели подкрепление экспедиции, потому и стартовали так быстро. В любом случае то, за чем они охотились, у них, и они сюда не вернутся.

Конечно, теперь им прежде всего нужно спрятать в безопасном месте добычу. Закатане, вооруженные телепатическими способностями, опасные противники, и я решил, что джеки, спланировавшие этот набег, имели в виду подходящее убежище, и не очень далеко, иначе они не предприняли бы такую попытку.

— Поневоле подумаешь о Путеводной, — заметил Ризк. — Самое подходящее место для таких ребят.

Годом ранее я подумал бы, что он ссылается на легенду, одно из многих сказаний глубокого космоса. Но мой собственный опыт, когда Иити рассказал мне, что вольные торговцы, которые забрали меня с Танфа, по-видимости спасая мне жизнь после смерти Вондара, намеревались доставить меня на Путеводную, — мой опыт придавал правдивость этой легенде. Экипаж вольных торговцев верил в существование порта, куда собирался меня передать.

Однако небрежное упоминание Ризка неожиданно пробудило мои подозрения. У меня было едва не закончившееся бедой столкновение с экипажем вольных торговцев, действующих под покровительством Гильдии. Неужели я принял на борт пилота, знающего о существовании тайной базы преступников? А что если Ризка... мне подсунули?

От сомнений и подозрений меня избавил Иити:

— Нет. Он не то, чего ты опасаться. Он знает о Путеводной только по рассказам.

— Значит, он, — я показал на лежавшего без сознания закатанина, — может теперь забыть про свою находку?

Попытка восстановить наше положение не удастся, если закатанин не проживет достаточно долго, чтобы доставить его в какой-нибудь порт. Тогда в нашу пользу сработала бы благодарность его Дома. Я мог бы рассчитывать на хладнокровную помощь иному разумному существу. Однако мои

нынешние тревоги так занимали меня, что об остальном я думал только краем сознания, хотя, конечно, не бросил бы ни одно живое существо в разграбленном лагере.

Я попросил Ризка найти координаты ближайшего порта. Но хотя пилот пытался отыскать в компьютере хоть какие-то указания на наше местонахождение, он в конце концов мог предложить только возвращение на Лайлстейн. Мы в таком районе, который ему совершенно неизвестен, и в таком положении никто, кроме изыскателя-перворазведчика, не решится на гиперпрыжок.

Но мы не пришли ни к какому решению, потому что в спор вмешался Иити и сообщил, что наш пассажир пришел в себя.

— Пусть решает он, — сказал я. — Закатане должны были знать координаты этого места, чтобы сюда добраться. А если он их помнит, мы сможем вернуться на его базу. Все равно это лучше...

Однако я совсем не был уверен, что тяжелораненый чужак сможет стать нашим проводником. Но возвращение на Лайлстейн может обречь меня на новые, еще более серьезные неприятности. Если он умрет и мы предъявим только его тело, кто поверит нашим рассказам о разграбленном джеками лагере? Нас самих могут обвинить в нападении на него. Чем дольше я думал, тем тревожней становились мои мысли. Кажется, с того времени, как я извлек из тайника предвечный камень, ничего не шло нормально: каждый шаг, который я делал, всегда надеясь на лучшее, лишь глубже втягивал меня в беды.

Иити взлетел по лестнице гораздо проворней нас. И мы обнаружили его сидящим в головах импровизированной постели раненого чужака. Закатанин слегка повернул забинтованную голову и смотрел на мутанта одним здоровым глазом. Было ясно, что они общаются телепатически. Но этот диапазон мысленного общения был мне недоступен, и когда я попытался прислушаться, создавалось ощущение, словно слышишь приглушенные голоса в дальнем углу комнаты, низкие звуки, не имеющие никакого смысла.

Когда я остановился за Иити, закатанин посмотрел вверх, и его взгляд встретился с моим.

— Зилврич благодарит тебя, Мердок Джерн. — В его мысли слышалось серьезное достоинство. — Это малыш сказал мне, что ты способен слышать мысли. Как ты сумел прийти до того, как во мне погасли последние искры жизни?

Я ответил вслух, чтобы мог понять и Ризк, как можно короче рассказал о том, как мы услышали о заговоре джеков и прилетели на янтарную планету.

— Мне повезло, что вы это сделали, но для моих товарищей плохо, что не прилетели быстрее. — Теперь он тоже говорил на основном. — Ты прав: это был набег ради сокровищ, которые мы обнаружили в могиле. Очень богатая находка и свидетельство о цивилизации, о которой ранее не было известно. Поэтому находка гораздо ценнее стоимости предметов — она заключает в себе знания! — Последнее слово он так подчеркнул, словно говорил о бесценном камне. — Они продадут находки коллекционерам, которые будут хранить их в тайне, лишь для собственного удовольствия. И знание будет утрачено!

— Ты знаешь, куда они забрали добычу? — спросил Иити.

— На Путеводную. Кажется, это все-таки не легенда. Там у них есть тот, кто уже дважды покупал их добычу. Мы пытались установить, кто выдал нас этим насекомым, но так и не смогли. Куда вы меня отвезете? — Своим неожиданным вопросом он сменил тему.

— У нас нет никаких координат для полетов отсюда, кроме возвращения на Лайлстейн. Мы отвезем тебя туда.

— Нет! — Ответ прозвучал резко. — Это приведет к напрасной трате времени. Я ранен физически, это верно, но организм излечивается, если ему помогает воля. Я не могу потерять их след...

— Они ушли в гипер. Мы не можем выследить их. — Ризк покачал головой. — А расположение Путеводной — величайшая тайна галактики.

— Мозг можно заблокировать, если опасаться выдачи тайны. Но заблокированный мозг заблокирован и для полезного использования, — возразил Зилврич. — Среди поедателей навоза был один, который вернулся, чтобы проверить, не осталось ли что ценное. В его сознании было то, что нам нужно, — дорога на Путеводную.

— О нет! — Я прочел достаточно за его мыслью, чтобы возразить. — Может, флот смог бы пробиться туда. Мы не можем.

— Нам не нужно пробиваться, — поправил Зилврич. — А время в пути мы потратим на подготовку планов.

Я встал.

— Назови координаты своей базовой планеты. Мы высадим тебя там, и ты сможешь связаться с Патрулем. Это его операция.

— Это вовсе не операция Патруля, — возразил он. — Как обычно во флоте, Патруль разнесет на клочья всех, кто будет оказывать сопротивление. И много ли тогда останется от сокровища? Один человек, два, три, четыре... — он не двигал головой, но словно по очереди показывал на нас, — могут сделать больше, чем целая армия. Я дам вам только эти координаты.

Я уже открыл рот, чтобы окончательно отказаться, когда в сознании прозвучал приказ Иити:

— Соглашайся! Для этого есть основательная причина.

И несмотря на свое нежелание, несмотря на понимание, что основательной причины для такой глупости существовать не может, я обнаружил, что соглашаюсь.

Глава 10

План был настолько дикий, что я заподозрил закатанина в том, что он тайно влияет на наше сознание, чтобы достичь своих целей, хотя это абсолютно противоречит всему, что я слышал о представителях его вида. Но поскольку мы уже согласились на эту глупость, нам приходилось думать о планах ее осуществления. Нельзя слепо идти в неизвестность.

К моему изумлению, Ризк очень хладнокровно принял пункт нашего назначения, как будто рывок в пасть дракона — это самое обычное дело. Мы провели совещание, обменявшись всем, что знали о Путеводной. И поскольку все это было в основном легенды и космические побасенки, я мрачно заметил, что пользы от таких знаний немного.

Но Зилврич со мной не согласился.

— Мы, закатане, привыкли просеивать легенды и очень часто обнаруживали за ними богатые зерна истины. Рассказ о Путеводной существует несколько поколений твоего времени, Мердок Джерн, и два поколения нашего времени...

— Это... это предшествует дате нашего выхода в космос! — прервал его Ризк. — Но...

— А почему бы и нет? — спросил закатанин. — Преступники существовали всегда. Думаешь, именно ваш вид изобрел набеги, грабежи, преступления, пиратство? Не гордись и не стыдись этого. Звездные империи возникали и исчезали, и всегда существовали те, чья воля и желания, похоть и зависть противоречили общему добру. Вполне вероятно, что Путеводная давно была укрытием подобных и была открыта преступниками из вашего вида, которые стали пользоваться им в своих целях. Ты знаешь эти координаты? — спросил он у Ризка.

Пилот покачал головой.

— Это в стороне от всех торговых путей. «Мертвый» сектор.

— А какое место может послужить лучше — сектор пространства, в котором только мертвые планеты вращаются вокруг отгоревших звезд? Место, которое все избегают, в котором ничто не притягивает жизнь, где нет торговли, нет таких планет, где живые существа могли бы передвигаться без помощи тяжелых и неуклюжих скафандров.

— Одна из этих планет может быть Путеводной? — спросил я.

— Нет. Легенда говорит совершенно четко: Путеводная расположена в космосе не возле звезды. Возможно даже, это космическая станция, запущенная много эпох назад,

когда эти мертвые планеты были живыми и на них жили разумные существа, достигшие звезд. Если это так, то Путеводная гораздо старше наших записей, ибо для нас эти планеты всегда были мертвыми.

Мы даже представить себе не могли такую обширную концепцию времени. Ризк нахмурился.

— Ни одна станция не может функционировать так долго, даже на атомных двигателях...

— Не будь слишком уверен в этом, — ответил ему Зилврич. — У некоторых предтеч были механизмы, недоступные для нашего понимания. Вы, конечно, слышали о пещерах на Арзоре и о саргассовой планете Лимбо, где механизм, созданный для войны и оставленный своими создателями, тысячи лет продолжал притягивать корабли и разбивать их о поверхность планеты. Вполне вероятно, что космическая станция, созданная такими чужаками, может продолжать действовать. Но возможно также, что ее заново населили и возвратили к жизни отчаянные люди. И такие преступники иногда становятся обладателями чего-то очень ценного, что стоит продавать дорого...

— Безопасность! — воскликнул я. Конечно, Путеводная не принадлежит Гильдии, но у Гильдии должны быть тут контакты.

— Вот именно, — согласился Иити. — Безопасность. Но если они верят в свою абсолютную безопасность, мы можем быть уверены в двух вещах. Во-первых, у них есть средства обороны, которые способны противостоять даже флоту: они ведь не могут думать, что их нора никогда не будет обнаружена. Во-вторых, будучи так давно в безопасности, они могут несколько утратить бдительность.

Но прежде чем Иити закончил, Ризк покачал головой.

— Нам лучше верить в то, что их защита абсолютно надежна. Если бы кто-нибудь посторонний когда-то попал к ним и выбрался, мы бы об этом знали. Такая история пронеслась бы по всем космическим трассам. Нет, их защита хорошо действует.

Я призвал на помощь воображение. Определители личности, возможно, настроенные не на конкретную лич-

ность, а на состояние сознания, так что пройти может только преступник или человек по делу. Говорят, у Гильдии есть такие устройства, о которых общественности неизвестно. И Гильдия либо сдерживает их употребление, либо если и использует, то осторожно и в тайне. Да, такое устройство определения личности возможно.

— Но его можно обмануть, — послышался ответ Иити.

Ризк, который мог воспринимать мысли Иити, но не мои (что хорошо для нас обоих, как я убедился), выглядел непонимающим. Я объяснил. Тогда он спросил Иити:

— Но как его обмануть? Невозможно изменить персональное излучение.

— Никто не пытался сделать это телепатически, — ответил мутант. — Если маскировка может обмануть зрение, а осторожная манипуляция звуковыми волнами — обмануть слух, перемены в каналах мысли могут то же самое сделать с определителем личности того типа, какой представил себе Мердок.

— Верно, — согласился Зилврич. Мне пришлось признать вердикт двоих из нашего общества, которые лучше знакомы с шестым чувством, недоступным для большинства представителей моего вида.

Ризк откинулся в кресле.

— Поскольку у нас двоих нет необходимой ментальной чувствительности, мы не в счет. А ты и ты, — он кивком по очереди указал на Иити и Зилврича, — не можете действовать одни.

— К несчастью, твое утверждение справедливо, — сказал чужак. — Мои физические возможности теперь ограничены, и я буду скорее помехой, чем помощью в таком проникновении. А если мы будем ждать, пока я выздоровею... — он не смог даже пожать плечами... — тогда точно проиграем. Потому что они уже избавятся от того, что захватили. Мы были под присмотром Патруля...

Я застыл. Значит, нам действительно повезло, если мы сумели не столкнуться с кораблем Патруля. А если бы появились уже после прибытия Патруля...

— Когда от экспедиции перестал поступать сигнал, Патруль должен был насторожиться. А так как состав нашей экспедиции точно известен, мое отсутствие будет обнаружено. Но будут обнаружены и доказательства набега. Джеки должны были предвидеть это: они явно опирались на надежный источник информации. И потому постараются побыстрее избавиться от добычи.

Мне показалось, что я вижу одну ошибку в его рассуждениях.

— Но если они отвезли добычу на Путеводную и считают, что там они в полной безопасности, они могут не торопиться продавать и выжидать более высоких цен.

— Они продадут кому-то из постоянных обитателей. Ни одному кораблю джеков не хватит терпения сидеть, дожидаясь выгодной сделки. — Неожиданно в спор вмешался Ризк. — Возможно, у них там есть покровитель. Какой-нибудь босс, который хочет приобрести добычу для себя.

— Совершенно верно, — сказал Зилврич. — И мы должны попасть туда до того, как коллекция рассеется или даже, Злудда сохрани, будет превращена в металл и камни! Среди этих предметов есть... да, я скажу вам это, чтобы вы поняли, насколько важно то, что мы ищем. Среди этих предметов была звездная карта!

Даже меня, погруженного в дурные предчувствия, охватило волнение. Звездная карта — карта, которая позволит проследить древние маршруты, может, даже установить границы одной из легендарных империй. Такой находки никогда раньше не бывало. Она совершенно бесценна, но те, кто ее украл, могут не понять ее ценности.

Они не поймут, что это такое — я уцепился за эту мысль. И из нее возникла идея. Мой отец был хорошо известен Гильдии как оценщик находок, особенно старинных. Он не был настолько честолюбив, чтобы добиваться статуса босса — с этим статусом всегда связана опасность гибели от руки честолюбивого соперника, радушно смотрящего тебе в глаза. И когда его непосредственный покровитель в Гильдии был убит, отец отказался от исполнения своих обязанностей и раньше времени ушел в отставку. Но он

был широко известен и пользовался авторитетом, поэтому время от времени какой-нибудь босс приглашал его для оценки. И еще он был известен своими знаниями сокровищ предтеч.

А кто оценщик на Путеводной? Он должен быть компетентен, достоин доверия и, несомненно, обладать широкими связями в Гильдии. Предположим, на Путеводную явится, спасаясь от преследований со стороны Патруля, человек, обладающий такими качествами. Преследование со стороны Патруля — для такого человека профессиональная опасность. Он может вначале пробраться туда незаметно, но потом именно репутация привлечет к нему внимание босса, завладевшего сокровищем, и его могут попросить провести независимую оценку. Масса «если», «и», «но», однако все же какая-то логика в этом есть. Единственный недостаток подобных рассуждения в том, что этот человек мертв.

Я так глубоко погрузился в свои мысли, что только краем сознания отметил: Ризк начал что-то говорить, но Иити жестом остановил его. Все смотрели на меня, и те двое, что могли следить за моими мыслями, были явно заинтересованы. Мой отец мертв, и это очень определенно делает невозможным то, что бы он мог сделать, будь он жив. Бесполезные рассуждения, но я продолжал думать о том, какие преимущества оказались бы на стороне отца. Предположим, оценщик, обладающий отличной репутацией, высоко ценимый Гильдией, даже будучи в отставке, особенно хорошо разбирающийся в сокровищах предтеч, появится на Путеводной, но не обратится к боссу, завладевшему добычей. Логично предположить, что его попросят оценить награбленное, и тогда... Но тут мои рассуждения прервались. Я не мог понять, как вернуть сокровище... об этом можно будет думать только после разведки на Путеводной.

Нужен план! Я совсем сошел с ума, задумывая такое неосуществимое мероприятие. Хайвел Джерн мертв уже почти три планетарных года. И о его смерти — а убили его, конечно, по приказу Гильдии — хорошо известно. Слишком

широко известна была его репутация, несмотря на годы, проведенные в отставке. Он мертв!

— Такие сообщения и раньше, бывало, оказывались ошибочными. — Я уловил эту мысль раньше, чем понял, что послана она Иити.

— Но не тогда, когда казнь совершена по приказу Гильдии, — возразил я, оторванный от мыслей о плане, который мог бы стать осуществимым, если бы на моем месте был отец.

Встать на место отца — может, это мной манипулирует Иити? Нет, теперь я достаточно чувствителен к его влиянию, чтобы быть уверенным: мысль моя собственная, родилась в моей голове. Ребенком я хотел стать таким же, как Хайвел Джерн. Он так заполнил мою жизнь, что вытеснил из нее почти все остальное. Тогда я не понимал, что мое прохладное отношение к его жене, сыну и дочери объяснялось тем, что я был приемным ребенком — из тех детей, которых отправляют на усыновление в семьи на давно колонизированные планеты, чтобы уменьшить возможность генетического вырождения. Я чувствовал себя сыном Джерна и продолжал так чувствовать, даже когда старший брат после смерти отца раскрыл мне истинные обстоятельства моего рождения. Мой «брат» Фаскел тогда стал по праву наследником магазина и имущества отца.

Хайвел Джерн сделал для меня все, что мог. Я стал учеником торговца драгоценными камнями, человека с огромным опытом и изобретательностью, к тому же я получил предвечный камень и все, что мог усвоить из знаний отца. И я был совершенно убежден, что отец считал меня своим истинным сыном — если не по телу, так по духу.

Где-то должны существовать данные о моем истинном происхождении; я никогда не пытался их узнать. Но мне казалось, что любопытство и непоседливость, которые были так характерны для Хайвела Джерна, перешли ко мне. И при наличии других характеристик я вполне мог бы занять его место в Гильдии.

Итак... я хотел стать таким, как Хайвел Джерн. Возможно ли действительно стать им на какое-то время? Риск, свя-

занный с таким обманом, огромен. Но с Иити и его способностями...

— Я все гадал, когда ты наконец придешь к этому выводу, — слышалась сухая мысль мутанта.

— В чем дело? — сердито спросил Ризк. — У тебя... — он почти обвиняюще посмотрел на меня, — у тебя есть план, как попасть на Путеводную?

Но я отвечал Иити, хотя сделал это вслух, словно отказываясь от его помощи в осуществлении дикого плана.

— Слишком рискованно. Джерн мертв. И они, конечно, об этом знают.

— Кто такой Джерн и какое отношение его смерть имеет к нам? — пожелал узнать Ризк.

— Хайвел Джерн был старшим оценщиком у патрона Гильдии в нашем секторе, и он мой отец, — изложил я факты. — Его убили...

— По приказу Гильдии? — спросил Ризк. — Если он мертв, какой от него нам толк? Конечно, я понимаю, что оценщик с гильдейским рангом может попасть на Путеводную, но... — Он замолчал и нахмурился. — Ты хочешь выдать себя за отца? Но они узнают. Если был контракт на его убийство, они узнают

Однако теперь я уже не так был в этом убежден. Мой отец был в отставке. Конечно, время от времени его навещали люди Гильдии. У меня были свои доказательства этого. Одного из них я узнал в капитане корабля Гильдии, который приказал допросить меня на планете, где были найдены предвечные камни. Джерна должны были убить по приказу Гильдии за то, что у него оказался камень, но сам камень не нашли. Но предположим, они решили, что отец мертв, а в нем еще теплилась жизнь, и со временем он пришел в себя? Конечно, семья совершила погребальный обряд. Но и это тоже старинная уловка, чтобы избежать мести. А на той слабо населенной планете, которую отец выбрал для своего постоянного жительства, люди Гильдии не могли проводить очень тщательную проверку: их сразу заподозрили бы.

Итак, мы имеем воскресшего Хайвела Джерна, возможно, контрабандой вывезенного с планеты... Существует радикальная медицинская техника — пластическая хирургия, способная изменить внешность человека. Нет, это не подойдет. На Путеводной должен появиться Хайвел Джерн, которого можно узнать. Я снова постарался перестать продумывать детали этого безумного плана. Логика говорила, что он безумен. Но справиться с собой не удалось. Я должен выглядеть, как Хайвел Джерн. И моя внешность должна приводить в недоумение: кто захочет принимать на себя внешность человека, убитого по приказу Гильдии? Такие обстоятельства могут даже обеспечить мне более быстрый доступ к боссам Путеводной. Если слухи справедливы, существует соперничество между боссами Путеводной и Гильдии. И на Путеводной могут принять беглеца, которого можно использовать, даже если этого не хочет Гильдия. В конце концов, оказавшись на станции, он станет пленником, которого легко контролировать.

Итак... Хайвел Джерн, убегающий от Гильдии и Патруля. Но и меня преследовали обе стороны, потому что я оказался обладателем предвечного камня. Предвечный камень... Мысли мои снова вернулись к нему. Я не использовал силу камня, который ношу на своем теле, не пытался увеличить мощность «Идущего по ветру», хотя мы с Иити установили, что это возможно. Я даже несколько недель не смотрел на него, просто время от времени нащупывал в своем поясе.

Достаточно одного намека на то, что я нес на себе, и я стану целью Гильдии, нарушу непрочный мир, установившийся между Патрулем (у Патруля могли возникнуть подозрения, но не было доказательств) и мною. Нет, камень я не могу использовать для проникновения на станцию джеков. Вернемся к Хайвелу Джерну. Он никогда не бывал на Путеводной. В этом я был относительно уверен. Значит, он не может быть знаком ни с какой частью станции. А с помощью Иити, который способен читать мысли, я узнаю...

Но могу ли я стать Хайвелом Джерном на время, достаточное, чтобы найти награбленное? Шрам на лице держался несколько часов, чуждая внешность, которой я восполь-

зовался на Лайлстейне, еще меньше. А мне придется быть Хайвелом Джерном несколько дней и все время сохранять внешность, а за мной будут подсматривать.

— Я не могу это сделать, — сказал я Иити, потому что знал, что он единственный из троих ждет моего решения. — И ты не сможешь удерживать внешность, — продолжал я, — не сможешь так долго.

— Ты говоришь верно, — согласился он.

— Значит, это невозможно.

— Я обнаружил, — непогрешимым тоном заговорил Иити; такой его тон меня особенно раздражал, он действовал на меня как удар шпоры, даже если я не хотел ему поддаться, — обнаружил, что мало, очень мало остается невозможным, если обладаешь всеми фактами и внимательно их анализируешь. Ты хорошо справился со шрамом — удивительно хорошо для того, кто обладает способностями твоего вида. Еще лучше прошло с внешностью космонавта. И нет причин, почему бы тебе...

— Я не смогу удержать внешность на необходимое долгое время! — ответил я, решив найти ответ на свои мысли и на то легкое принуждение, которое исходило от обоих телепатов.

— Это тоже следует обдумать, — уклончиво ответил Иити. — А сейчас наш друг нуждается в отдыхе.

И я увидел, что закатанин действительно тяжело опустился на постель. Глаза его почти закрылись, и он казался очень уставшим. Вместе с Ризком мы постарались уложить его поудобнее, потом я ушел в свою каюту.

Здесь я упал на койку. Но обнаружил, что не могу отделаться от мыслей и продолжал, вопреки собственному желанию, пытаться разрешить неразрешимое. Лежал, глядя в потолок, и старался рассуждать логично. Хайвел Джерн может проникнуть на Путеводную. Я могу с помощью Иити принять внешность Хайвела Джерна. Но продолжительное удержание этой внешности связано с большим напряжением, оно может истощить наши силы. А мы должны постоянно быть настороже и ожидать опасности в сердце вражеской территории.

Если бы была возможность поддерживать иллюзию, не утомляя меня и Иити... Иити должен обладать свободой и возможностью читать мысли, это послужит для нас дополнительной защитой. Увеличить силу — как мы смогли с помощью предвечного камня увеличить мощностъ разведочного корабля Патруля. Предвечный камень!

Я нашупал небольшое утолщение на поясе. Сел и поставил ноги на пол каюты. Впервые за несколько недель открыл карман и достал бесцветный, непривлекательный комок — предвечный камень в состоянии сна.

Предвечный камень — энергия, дополнительная энергия для машин, для увеличения их мощности. Но пытаюсь создать иллюзию, я использовал энергию другого вида. Однако это все равно энергия. Моя раса так давно связывала энергию только с машинами, что для меня эта мысль оказалась новой. Я взял камень в руки и сжал, так что его неровные края болезненно впились в мою плоть.

Камень плюс работающие механизмы — это усиленный поток энергии. Предвечный камень смог пробудить брошенный в космосе корабль, который нашли мы с Иити, придать ему энергию. Именно эта энергия активировала мой камень и сначала привела нас к брошенному кораблю. Точно так же на безымянной планете аналогичный поток энергии привел нас к забытым руинам, где давние владельцы оставили камни.

Энергия... Идея, возникшая в моем мозгу, не более дикая, чем другие. Есть очень простой способ проверки. Не на мне, пока еще не на мне. Я опасался экспериментов, которые могут выйти из-под контроля. Я торопливо осмотрелся и увидел Иити, который свернулся в ногах моей постели и как будто спал. Мгновение я колебался — Иити? В этом есть ирония и кое-что еще... желание увидеть удивленного Иити, потерявшего обычный невозмутимый вид и контроль над ситуацией.

Я смотрел на Иити. Держал в руках камень и думал...

Холодный камень у меня в руках начал согреваться, он становился все теплей. И очертания Иити стали расплываться. Я не позволил даже легкому ощущению торжества

нарушить сосредоточенность. Теперь камень был так горяч, что я едва мог его держать. А Иити... Иити исчез! На его месте теперь лежала корабельная кошка, мать Иити.

Мне пришлось выпустить камень. Боль стала слишком сильна. Иити встал гибким кошачьим движением, вытянул шею направо, налево, посмотрел на себя и потом уставился на меня, прижав уши к черепу и издавая свирепое кошачье шипение.

— Видишь! — возбужденно воскликнул я.

Но никакого мысленного ответа не получил — вообще ничего. Я не столкнулся с барьером, который иногда создавал Иити, когда хотел подумать в одиночестве. Просто Иити не было.

Я сел и посмотрел на сердитую кошку, которая с рычанием присела, словно готовясь вцепиться мне в горло. Возможно ли, что я создал не просто иллюзию? Словно Иити сейчас не Иити, а просто кошка! Неужели я так глупо потратил усиленную энергию? Я лихорадочно сжал камень в обожженной ладони и попытался отменить сделанное.

Снова камень нагрелся, но я держал его, не обращая внимания на боль. Пушистые очертания затуманились, изменились. Передо мной снова сидел Иити, его уши при изменении словно стали выше. Действительно ли это Иити?

— Дурак! — Это единственное слово, с шипением нацеленное на меня, словно луч лазера, сразу меня успокоило. Это Иити.

Он прыгнул на стол и принялся расхаживать по нему взад и вперед, хлеща хвостом и по-кошачьи изгибая спину.

— Ребенок, играющий с огнем, — шипел он.

Тут я рассмеялся. В предыдущие недели у нас было мало веселого, но то, что мне удалось успешно вернуть его из небытия, да еще удивить и превзойти на его собственном поле, заставляло меня беспомощно хохотать, пока я не прислонился без сил к стене каюты и не почувствовал боль в ладонях.

Иити перестал гневно расхаживать, сел в кошачьей позе (мне показалось, что его кошачье происхождение заметней, чем раньше) и обернул лапы хвостом, так что пу-

шистый кончик лежал на когтях. Он плотно закрыл свое сознание, но это отношение меня не встревожило и не смутило. Я был уверен, что удивленная реакция Иити на преобразование была временной и сейчас его острый ум уже обдумывает последствия узнанного.

Я тщательно уложил камень в пояс и смазал обожженные ладони успокаивающей мазью. Мутант продолжал сидеть неподвижно, как статуя, и я не делал попыток соприкоснуться с его сознанием, ожидая первого хода от него.

То, что я сделал такое грандиозное открытие, меня возбуждало. И в тот момент все казалось возможным. Предвечный камень усиливал не только энергию машин, но и умственную — энергию мысли. Став кошкой, он был вынужден молчать и наверняка оказался не в состоянии самостоятельно отказаться от образа, навязанного ему мною. А это означает, что иллюзия, созданная с помощью камня, не имеет временных ограничений, она остается, пока ее не уничтожишь мысленно.

— Совершенно верно, — прервал мрачное молчание, а возможно, глубокую задумчивость Иити. Гнев его тоже как будто рассеялся. — Но ты поистине играл с огнем, который мог поглотить нас обоих! — Я знал, что он имел в виду не ожог на моей руке. Но все равно не собирался говорить, будто мне жаль, что эксперимент получился. Мы в нем нуждаемся. Хайвел Джерн действительно может отправиться на Путеводную, а если он прихватит с собой предвечный камень, не потребуется никакой дополнительной затраты энергии для поддержания иллюзии.

— Но брать его с собой очень опасно, — заметил Иити. И эти колебания изумили меня.

— Ты подозреваешь... — Мне показалось, я понял, что его тревожит. — Ты подозреваешь, что у них есть такой камень и с его помощью они могут обнаружить наш?

— Мы не знаем, чем руководствовалась Гильдия в поисках камней. А Путеводная — идеальное место для их сохранения. Но я согласен с тобой: у нас нет выбора. Придется рисковать.

Глава 11

— Должно быть, здесь. — Ризк вывел нас из гиперпространства в очень старой системе, где солнце превратилось в умирающего красного карлика, а вокруг него вращались почерневшие и обожженные уголья-планеты. Он показал на небольшой астероид. — Вижу, у них оборонительные щиты. И не понимаю, как вы собираетесь через них прорваться. Здесь должен существовать код для входа, и всякий корабль, не ответивший на запрос и подошедший достаточно близко... — Он шелкнул пальцами, обозначая мгновенное уничтожение.

Зилврич разглядывал изображение в небольшом экране, который мы установили в его каюте. Он прислонился спиной к импровизированному возвышению, и его воротник вокруг шеи опал. Но хотя выглядел он очень слабым, глаза его ярко горели, и мне показалось, что интерес к необычному, такой характерный для его расы, помогает ему забыть о ранах.

— Если бы только у меня было мое оборудование! — Он говорил на основном с шипящими интонациями своего вида. — Мне кажется, это не настоящий астероид.

— Возможно, это станция предтеч. Но знание этого не позволит нам пройти незаметно, — прохрипел Ризк.

— Мы не сможем отправиться все, — сказал я. — Снова сыграем в ту же игру. Мы с Ийти полетим в шлюпке.

— Прорветесь сквозь экраны? — усмехнулся Ризк. — Говорю вам, наши детекторы воспринимают такое мощное излучение, словно перед нами укрепленный пункт Патруля. Вас в момент уничтожат лазерами, словно раздавят мелкое насекомое.

— А если мы присоединимся к кораблю, знающему код доступа, — предположил я. — Шлюпка мала и заметно не увеличит массу корабля...

— А где вы возьмете такой корабль? — спросил Ризк. — Мы можем висеть здесь много дней...

— Думаю, нет, — вмешался Ийти. — Если это действительно Путеводная, здесь должно быть оживленное движе-

ние, так что долго ждать не придется. Ты пилот. Скажи нам, что можно сделать... Можно ли таким образом провести за кораблем шлюпку?

Меня втайне удивило, что есть такие вещи, которых Ийти не знает. Ризк нахмурился, как всегда, когда пришлось о чем-то задуматься.

— Я могу соединить искажатель со слабым фиксирующим лучом. И когда соединитесь с другим кораблем, отключите двигатели. К счастью для нас, что эти оборонительные устройства рассчитаны только на большие корабли. Они ждут прорыва всего флота, а не операции с одним человеком. Или могут все же вас засечь и пропустить. И тогда вас примет комитет по встрече, а это, вероятно, хуже, чем просто сгореть от луча лазера.

Он явно старался изобразить наше будущее как можно мрачней. А у меня против неприятных возможностей, которые ждут впереди, только то, что я узнал о предвечном камне. Однако успешно проведенный эксперимент позволил мне если и дрогнуть, то лишь чуть-чуть.

В конце концов Ризк с изобретательностью вольного торговца занялся шлюпкой, оборудуя ее защитными мерами, какие только мог придумать. Мы не можем участвовать в бою, но зато теперь обладаем искажателями, которые помогут нам незаметно приблизиться к пятну — согласно утверждениям нашего радара, это и есть Путеводная — и проникнуть через его мощную оборону.

А пока что «Идущий по ветру» опустил на спутник одной из мертвых планет — растрескавшийся каменный шар, такой черный и мрачный, что давал хорошее убежище. Координаты этого временного убежища были введены в компьютер шлюпки, чтобы она доставила нас обратно, когда мы покинем станцию, — хотя Ризк был уверен, что мы не вернемся, и откровенно сказал об этом, потребовав, чтобы я сделал в корабельном журнале запись, освобождающую его от контракта и ответственности после обусловленного срока ожидания. Я так и сделал, а свидетелем послужил Зилврич.

Все это вовсе не способствовало тому, чтобы с большой надеждой на успех отправляться в новое приключение. Я только в качестве талисмана против всего того, что может случиться — а список нежелательных происшествий был слишком обширен, — прижимал предвечный камень.

Когда мы готовились к отправке, Иити твердо заявил:

— Я сам выберу себе форму! — Он сказал это так, что я не решился возражать.

Мы были в моей каюте, потому что я не хотел делиться тайной камня ни с Ризком, ни с закатанином — хотя не мог бы сказать, что они подумают о нашей маскировке.

Но требование Иити справедливо. Я взял тусклый, внешне безжизненный камень и положил его на стол между нами. Об изменении своей внешности я уже подумал. Но на случай, если понадобится вспомнить подробности, я достал трехмерное изображение отца. Он никогда добровольно не соглашался на такую съемку, но этот снимок принадлежал моей приемной матери и оказался единственной вещью, кроме предвечного камня, которую я забрал, когда смерть отца закрыла передо мной двери дома. Не могу сказать, почему сделал это, — может, где-то в глубине во мне все-таки таится подлинная сверхчувственная способность — способность к предвидению. На снимок я не смотрел с того момента, как улетел с планеты. И теперь, разглядывая его, радовался, что он у меня есть. Лицо, которое я помнил, слегка затуманилось от времени, и я обнаружил, что хранящееся в моей памяти несколько отличается от точного изображения.

Опасаясь обжечься, как когда использовал камень с Иити, я прикасался к нему осторожно, сосредоточив внимание на изображении, сконцентрировавшись на лице. Я лишь смутно осознавал присутствие Иити, свернувшегося на столе; его когтистая лапа вместе с моей рукой прикасалась к камню.

Изменилась ли моя внешность, я не знал. Никакой перемены не чувствовалось. Но спустя какое-то время я взглянул в зеркало и действительно увидел там незнакомое лицо. Это было лицо моего отца, но моложе, чем в моих

последних воспоминаниях о нем. Но ведь я пользовался снимком, сделанным за годы до того, как сам его узнал: он тогда только что женился на моей приемной матери.

Всякий, кто когда-нибудь его знал, не мог ни с чем спутать эти резкие, почти изможденные черты лица. Я надеялся, что в остальном мне поможет Иити, снабдит меня воспоминаниями, необходимыми для того, чтобы выдать себя за человека, которого в Гильдии считают своим.

Иити — а что он выбрал для маскировки? Я ожидал чего-то вроде пукхи или змеи, которую он изображал на Лайлстейне. Но такого не предвидел. На столе сидело, скрестив ноги, не животное, а гуманоидное существо ростом с ребенка пяти-шести лет.

Кожа у существа не гладкая, но поросшая короткой ровной шерстью, очень похожей на шерсть пукхи. На макушке шерсть длинней и напоминает заостренный гребень. Только ладони рук лишены растительности, и сами руки чернильно-черные по цвету, хотя кожа на обнаженных участках красная. Красные и глаза, большие и слегка выпяченные, с вертикальными зрачками. По носу тоже проходит небольшой гребень из шерсти, а сам нос придает всей фигуре значительность. Рот еле заметен, губы узкие и такие же черные, как окружающая их шерсть.

Таких существ я никогда не видел и даже не слышал о них, и меня заинтересовало и встревожило то, что Иити выбрал для себя именно такую внешность. Космические путешественники часто заводят таких любимцев, и часто встречаешь множество странных тварей, сопровождающих хозяев. Но это существо, как бы необычно оно ни выглядело, было не домашнее животное. У него аура разумного существа, такого, которое можно назвать «человеком».

— Именно так, — подтвердил в своей обычной манере Иити. — Но я думаю, ты обнаружишь в этой крепости множество форм жизни. К тому же это тело обладает возможностями, которые нам в будущем пригодятся.

— Чью форму ты принял? — с любопытством спросил я.

— У тебя нет подходящего слова, — ответил Иити. — Эта форма жизни, думаю, давно исчезла из космоса.

Он провел красными ладонями по пушистым бокам и с отсутствующим видом почесал чуть выступающий живот.

— Ты ведь сам говоришь, что вы вышли на звездные пути поздно. Это тело хорошо подходит для моих нынешних потребностей.

Я надеялся, что Иити прав, поскольку спорить с ним бесполезно. Но тут я увидел кое-что еще. Вторая рука, не занятая почесыванием, остановилась в подозрительной близости от моего предвечного камня. Впрочем, если Иити собирался выхватить у меня камень, я не понимал, где он может его спрятать: никакой одежды на нем нет. Тем не менее я схватил камень и побыстрее спрятал его в карман пояса. Иити, которого это нисколько не смутило, опустил руку на колени.

Мы попросились с Ризком и закатанином. Я обратил внимание на то, что Зилврич смотрел на Иити очень внимательно, почти изумленно и возбужденно: он как будто узнал в этом теле, покрытом черной шерстью, что-то знакомое.

Ризк осмотрел нас.

— Сколько это продержится? — Он явно считал изменение нашей внешности результатом пластооперации. Не могу понять, как он мог в это поверить: ведь с нами не было необходимого для таких операций сложного оборудования.

— Сколько потребуется, — заверил я его, и мы поднялись на борт сильно модифицированной шлюпки.

Нас выбросило из корабля, и мы полетели в общем направлении станции. Но улучшения, созданные Ризком, позволяли нам повиснуть в космосе в ожидании проводника. И Иити в своем новом облике сел за приборы управления.

На самом деле вопрос в том, долго ли нам придется ждать. Ждать в любой форме всегда тяжелей, чем действовать. Мы проводили медленно тянущееся время в молчании. Я старался во всех подробностях припомнить рассказы отца о днях, проведенных им с Гильдией. О чем думал Иити, я даже угадать не пытался. Меня гораздо больше занимало то, что отец, оказывается, почти ничего не рассказывал о своих делах с Гильдией, так что меня впереди может ждать столько же ловушек, сколько кратеров усеивает по-

верхность этих мертвых планет, и если через эти ловушки переброшены мосты, то в волос толщиной.

Но вот наше молчание нарушили звуки от приборного щита, и я понял, что радар поймал движущийся объект. На небольшом экране мы увидели корабль, целенаправленно идущий к станции. Иити оглянулся через плечо, и мне показалось, что он ждет от меня приказов. Мутант не привык ждать разрешений или выражения согласия, когда план принят. Я кивнул, и пальцы его забегали, внося необходимые поправки: мы должны оказаться за кораблем, чуть ниже его, где можно использовать фиксирующий луч, не будучи обнаруженными. Во всяком случае, мы на это надеялись.

Размер корабля был как раз подходящим. Я ожидал чего-нибудь типа разведчика и уж во всяком случае чего-то не больше того, на каких летают вольные торговцы. Но это был большой грузовой корабль, конечно, не самого большого класса, но все же достаточно велик.

Мы прикрепилась к нему с помощью луча притяжения, оказавшись под кораблем: теперь он нависал над нами, и внешний наблюдатель мог бы увидеть накрывшую нас тень. И напряженно ждали признаков того, что на корабле нас обнаружили. Но время шло, и мы вздохнули свободней.

Теперь у нас на экране не корабль, а то, что ждет впереди. Для большей безопасности Иити включил искажающее поле, и сквозь него трудно было разглядеть удивительный порт, к которому мы приближались.

То, что составляло его сердцевину: астероид, спутник, древняя космическая станция — теперь разглядеть было невозможно. Мы увидели массу кораблей, давно брошенных, о чем свидетельствовали разбитые борта и общий вид. Корабли были соединены в одну сплошную массу в форме неправильного овоида, и только в одном месте, прямо перед нами, в этом овоиде виднелось темное отверстие, куда направлялся корабль, к которому мы прицепились.

— Разграбленные корабли... — высказал я догадку. Теперь я готов был верить любым рассказам о Путеводной. Джеки стаскивали сюда свои жертвы, чтобы создать укрытие, хотя зачем они это делали и какая работа для этого по-

надобилась, я даже представить себе не мог. Но тут я увидел — и почувствовал — слабую вибрацию защитного поля. Шлюпка вздрогнула, но не разорвала связь с кораблем. И мы беспрепятственно проникли в отверстие.

Когда вокруг сомкнулись стены из разбитых кораблей, я увидел новую опасность: мы можем поцарапаться или зацепиться, потому что отверстие, в которое мы погружались, все более сужалось.

К тому же при более близком осмотре оказалось, что корабли соединены не так уж тесно. Очевидно, они предназначались как защитная оболочка того, что находится в центре. Отдельные куски были сварены, соединены балками и мостиками, так что один корпус состыковывался с другим. Но соединение было свободным, и между кораблями имелось много свободного пространства, достаточного, чтобы там поместилась шлюпка.

Видя эти промежутки и решив, что в более узком проходе, там, где сможет пройти только грузовой корабль, нас поджидает беда, я подумал, что пора менять тактику.

— Введем шлюпку сюда, — я не предлагал, а приказывал, — затем наденем скафандры и выйдем из нее.

— Вероятно, так лучше, — согласился Иити. Однако тут я вспомнил, что я-то смогу надеть скафандр, а вот для маленького тела Иити скафандра нет.

— Мешок на случай катастрофы, — напомнил Иити, в то время как пальцы его забегали, освобождая нас от корабля.

Похожий на мешок кокон предназначен для эвакуации серьезно раненых космонавтов с помощью шлюпки, если шлюпка приземлилась на планете с непригодной для дыхания атмосферой, а покинуть корабль все равно нужно. Я отвязался и открыл шкаф, в котором находился скафандр. В ногах лежал сложенный мешок. В нем Иити будет беспомощен и полностью зависим от меня, но я надеялся, что долго это не продлится.

Иити работал у контрольного щита, поворачивая шлюпку налево, в одно из отверстий в стене из обломков. Инерция от движения корабля позволила нам продвигаться, а две балки по сторонам избранного нами отверстия удерживали шлюпку.

живали стены. Мы протиснулись с небольшим толчком, потом последовал другой, когда шлюпка носом уперлась в препятствие. Можно было только надеяться, что щель полностью нас поглотила и из нее не торчит хвост шлюпки, выдавая наше присутствие.

Я как можно быстрее забрался в скафандр, чтобы побыстрее проверить, так ли это, хотя что бы мы стали делать, если бы шлюпка все же выдавалась из убежища, не могу сказать. Потом вытащил мешок, и Иити влез в него, а я закрыл множество запоров и замков и надул мешок, чтобы убедиться, что он не пропускает воздух. Поскольку он рассчитан на человека, у Иити оказалось достаточно пространства; он, по существу, плавал в небольшом пространстве, так как тяготения здесь не было и мы находились в состоянии свободного падения.

Открыв люк, я очень осторожно выбрался: боялся, что какой-нибудь острый обломок проткнет скафандр или мешок Иити. Но места для продвижения вдоль корпуса шлюпки оказалось достаточно, и я двигался почти на ощупь, не решаясь включать фонарь.

Пока нам везло. Хвост шлюпки целиком ушел в дыру. Мне даже пришлось хвататься за обломки, чтобы продвигаться самому и тащить за собой мешок с Иити, выбираясь наружу, в главный проход.

Здесь было немного светлей, достаточно, чтобы видеть торчащие по сторонам опоры, хотя источник света мне был непонятен. Я старался двигаться быстрее, потому что меня преследовала мысль о другом корабле, который может заходить или выходить; и тогда меня прижмет к обломкам.

Полоса мертвых кораблей неожиданно кончилась, открылось свободное пространство, в котором видны были другие корабли — я мог видеть три из них. Один — тот самый грузовой, который привел нас сюда, второй — один из остроносых смертоносных рейдеров, которые использует Гильдия, а третий — явно яхта. Они были на причале у сердцевины всего этого, которую можно было назвать самой поразительной планетой во вселенной. И это была станция, овальная, как и защитная оболочка из кораблей, и с

посадочными площадками по обе стороны. Поверхность станции непрозрачная, но блестящая, покрыта углублениями и выбоинами; ее явно не раз подновляли, используя не тот материал, из которого она первоначально создавалась.

На грузовом корабле открылся люк, из него показался тяжело нагруженный робот-перевозчик. Я держался за последнюю опору, наблюдая, как робот садится на посадочную площадку. Там он сбросил ношу в открывшийся на площадке люк, а сам полетел назад, за новым грузом. Не видно было никаких наблюдателей в скафандрах, только роботы. И мне показалось, что это возможность незаметно проникнуть на станцию, как мы использовали роботов, когда уходили из караван-сарая.

Но возможности попробовать у меня не оказалось. Из ниоткуда возник луч, который с силой прижал меня к обломкам, словно скафандр навсегда соединился с ними.

Вырваться было невозможно. И мне не позволили очень долго висеть так: из люка яхты вылетели воздушные минисани. Меня обвязали и потащили за санями, но не к кораблю, из которого вылетели, а на посадочную площадку, на которую садился робот. Здесь пленившие меня слезли со своего узкого судна и потащили нас через люк внутрь станции, где небольшое тяготение позволило мне встать ногами на пол.

Очевидно, те, кто взял меня в плен, гуманоиды, возможно, даже терранского происхождения. Они сняли шлемы и один то же самое сделал со мной, впустив пригодный для дыхания воздух со слабым запахом восстановленного кислорода. Оставив руки связанными, они освободили мне ноги, чтобы я мог идти, и лазером подкрепили свой приказ. Один из них взял у меня мешок и потащил Иити, время от времени поворачиваясь, чтобы внимательно посмотреть на мутанта.

И вот мы в качестве пленников оказались на легендарной Путеводной, и место это было поистине поразительно. Большое открытое пространство, которое заполняет рассеянный зеленоватый свет, отчего все лица кажутся не-

приятными и нездоровыми. Какими-то неведомыми средствами здесь создавалось небольшое тяготение, поэтому у балконов и коридоров, выходящих в центр, были верх и низ. Я видел что-то похожее на лаборатории. Мы миновали много закрытых дверей. Населения примерно как в поселке на обычной планете, хотя, как я догадывался, те, для кого эта станция дом, часто выходят в космос, и число постоянных обитателей ограничено.

Меня привели к одному из таких постоянных обитателей. Это был орбслеон, и его громоздкое тело было погружено в кресло-бассейн с розоватой жидкостью, необходимой ему для постоянного питания. В эту жидкость он был погружен по сморщенные плечи, а верхние щупальца плавали сразу под поверхностью. Голова очень широкая снизу и сужается кверху. А на самой вершине по сторонам два широко расставленных глаза. В его внешности все еще можно было разглядеть происхождение от древних головоногих. Но в чуждом теле скрывается очень острый и пронизательный разум. Босс на Путеводной — это босс, независимо от формы его тела.

Щупальцем орбслеон привел в действие переводчик на основной: его родная речь — это жесты щупальцами.

— Кто ты?

— Меня зовут Хайвел Джерн, — ответил я так же кратко, как он спросил.

Непонятно, говорит ли ему что-нибудь это имя. А Иити ничем мне не помог. Впервые я усомнился в том, что мутант поможет мне в обмане. Возможно, он окажется не в состоянии проникнуть в мыслительные процессы чужака. Тогда я в опасности. Неужели сейчас как раз такой случай?

— Как ты пришел? — Щупальце поиграло, задавая вопрос.

— На одноместном корабле. Я столкнулся с луной, улетел на шлюпке... — Мое объяснение было подготовлено заранее. Я лишь надеялся, что оно звучит правдоподобно.

— Как прошел? — Конечно, невозможно понять выражение лица чужака.

— Я увидел приближающийся грузовой корабль и пристроился под ним. Шлюпку оставил на полпути. Надел скафандр и пришел...

— Зачем?

— Меня преследуют. Я был экспертом-оценщиком патрона Истамфы. Хотел выкупиться и жить в мире. Но меня стал искать Патруль. По закону взять меня не смогли и послали за мной человека на контракте. Он считает, что убил меня. С тех пор я скрываюсь. — Такое неправдоподобное объяснение сойдет, только если во мне узнают Хайвела Джерна. Я все сильнее и сильнее осознавал глупость своего плана.

Неожиданно ко мне мысленно обратился Иити.

— Послали за тем, кто знал Джерна. И они не нашли записи «мертв», когда ты сообщил свое имя.

— Что тебе здесь нужно? — продолжался допрос.

— Я оценщик. Возможно, здесь понадобятся мои услуги. К тому же... это единственное место, где до меня не доберется Патруль. — Я пытался делать свое объяснение правдоподобным.

Медленным и равномерным шагом, какого требует низкая гравитация, вошел человек. Насколько я мог судить, раньше я его никогда не видел. Это был мутант терранского происхождения, с бесцветными белыми волосами и выпуклыми глазами в больших очках — глазами фальтарианина. Из-за этих очков было невозможно прочесть выражение его лица. Но Иити был наготове.

— Он не знал твоего отца близко, но несколько раз видел его в помещениях босса Истамфы. Однажды принес ему вещь предтеч, табличку с иридиевым узором и камнем бес. Отец назвал цену в триста кредитов, но он не захотел продавать.

— Я тебя знаю, — быстро заговорил я, как только прослушал сообщение Иити. — Ты принес вещь предтеч — иридий с камнем бес.

— Это верно. — Он говорил на основном с легким акцентом. — Я продал ее тебе.

— Нет! Я предложил триста, но ты решил, что сможешь продать дороже. Удалось продать?

Он мне не ответил. Голова с выпуклыми очками повернулась к орбслеону.

— Он похож на Хайвела Джерна и знает то, что знал Джерн.

— Но что-то... тебе не понравилось? — поиграло щупальце прибором.

— Он моложе...

Я снисходительно улыбнулся.

— У скрывающегося нет времени на пластапроцедуры, но я постоянно принимал восстановительные таблетки.

Фальтарианин ответил не сразу. Хотел бы я видеть его лицо без маскирующих очков. Но наконец почти неохотно он сказал:

— Это возможно.

Все это время орбслеон не отрывал от меня взгляда. Его глаза ни разу не мигнули; может, они вообще на это не способны. Он снова поиграл клавишами переводчика.

— Мы можем использовать оценщика. Оставайся.

И с этими словами меня, не знающего своего истинного статуса — пленник я или наемный работник — провели в небольшое помещение на нижнем уровне, нас с Иити обыскали в поисках оружия, отобрали скафандр и мешок и оставили одних. Я попытался открыть дверь и не удивился, обнаружив ее запертой. Мы пленники, но в какой степени, неизвестно.

Глава 12

В тот момент больше всего мне нужен был сон. Жизнь в космосе всегда рассчитана на искусственную смену отдыха и бодрствования: здесь нет ни солнца, ни луны, ни ночи, ни дня, нет размеренного планетарного времени. В гиперпространстве, когда для управления кораблем почти ничего не нужно делать, спишь, когда устанешь, ешь, когда проголодаешься, и обычное измерение времени здесь не

применяется. Не знаю, сколько времени я не спал и не ел. Но теперь голод и желание поспать владели мной.

Комната, в которую нас так бесцеремонно привели, оказалась очень маленькой и почти без мебели. Та обстановка, что была, создавалась с целью экономии места, как на корабле. Кровать убирается в стену, когда не нужна, есть туалет, в который, если он мне потребуется, я помещусь с трудом, и есть пищевая щель. На случай, вдруг она действует, я понажимал кнопки на единственной панели над ней (кажется, выбора блюд не предвидится). К моему удивлению, на панели вспыхнули огоньки, выдвинулся поднос с накрытым блюдом и запечатанным контейнером с жидкостью.

Похоже, жители Путеводной испытывают трудности с продовольствием или считают, что незваные гости заслуживают только самого скудного питания. Я действительно получил А-рацион, весьма питательный, конечно, но совершенно безвкусный — он создан, чтобы поддерживать в человеке жизнь, а не баловать его вкусовые пупырышки.

Я разделил с Иити еду и отвратительный витаминный напиток из контейнера. У меня возникло подозрение, что в еду что-то подмешано — один из тех наркотиков, которые заставляют человека говорить все, что он знает, или подчиняют его волю, так что он становится орудием в руках своих хозяев. Но подозрение не заставило меня отказаться от еды.

Бросив опустевшие контейнеры в устройство для отходов, я понял, что не меньше еды нуждаюсь во сне. Но Иити как будто со мной не соглашался — во всяком случае по отношению к себе.

— Камень! — приказал он.

Мне не нужно было спрашивать, какой камень. Рука уже легла на кармашек на поясе.

— Зачем?

— Ты думаешь, я отправлюсь на разведку в теле фвата?

На разведку? Но как? Я уже проверил дверь каюты, она закрыта. И я не сомневался в том, что снаружи охрана, а может, за нами и подсматривают каким-то образом...

— Не здесь, — заверил меня Иити. — А что касается как... через это. — Он показал на узкий проход в потолке. Если убрать перекрывающую его решетку, получается очень узкий выход.

Я сел на койке и посмотрел вначале на человека-тварь, нынешнего Иити, потом на потолок. Впервые испытал такое изменение, я решил, что это исключительно иллюзия, хотя не только зрительная, но и осязательная. Однако теперь объем Иити действительно изменился, так что стал во много раз больше объема моего спутника в обычном виде. Как же это проделать? И (во мне проснулся страх) если не имеешь камня, сохранится ли перемена?

— Камень! — потребовал Иити. Он не ответил на мои мысли. Как будто почувствовал, что время поджимает и он должен отправиться в опасный поход, от которого я его удерживаю.

Я знал, что не получу от Иити никакого ответа, пока не отдам камень. Но его способность читать мысли, возможно, сейчас наше лучшее оружие, и если он считает необходимым выйти через это отверстие, я должен ему помочь.

Однако я продолжал сжимать в руке камень. Хоть Иити и заверил, что здесь за нами не подсматривают, я не хотел открывать свое сокровище обитателям Путеводной. Смотрел на сидевшего на полу Иити и заставлял себя мысленно видеть не поросшего шерстью гуманоида, а мутировавшую кошку. И вот она действительно сидит у моих ног.

Снять крышку с прохода оказалось легко. И Иити, используя меня в качестве лестницы, стремительно исчез вверх. Он не сказал, когда вернется или куда направляется, — может, не знал и сам.

Я не хотел засыпать, надеялся, что Иити мысленно свяжется со мной, но организм нуждался во сне, и наконец я упал на койку и заснул, как одурманенный.

Я неохотно проснулся и открыл словно склеенные глаза. И прежде всего увидел свернувшегося клубком Иити, опять в мохнатой маскировке. Я сел, стараясь преодолеть оцепенение усталости.

Иити вернулся — не только в камеру, но и в свое другое тело. Но как ему удалось второе? Меня охватил страх, заставил потрогать пояс, и я с облегчением нащупал в кармане камень.

У меня на глазах Иити развернулся, сел и вытянул руки, словно приходил в себя после сна, такого же глубокого, как мой.

— К нам идут.

Внешне он мог выглядеть сонным, но мысль была совершенно четкой.

Я торопливо направился в туалет. Пришедшие не должны знать, что я предупрежден об их приходе. Использовал имевшееся там оборудование и почувствовал себя освеженным. И уже посмотрел в сторону раздатчика пищи, как дверь открылась и вошел один из слуг орбслеона.

— Тебя ждет босс.

— Я еще не ел. — Мне казалось полезным проявить некоторую независимость, считая себя одним из работников орбслеона.

— Хорошо. Поешь. — Если он и пошел мне навстречу (а то, что он это сделал, удивило меня и вернуло в какой-то степени уверенность), то ничего более делать не стал. Стоял в дверях, пока я набрал заказ на кнопочной панели и делился с Иити невкусной едой.

— Ты... — Стражник смотрел на мутанта. — А ты что делаешь?

— Бесплезно с ним говорить, — торопливо ответил я. — Нужен специальный звуковой переводчик. Он... он мой пилот. Только четвертый уровень интеллекта, но очень хорош как техник.

— Понятно. Но кто он? — Я не знал, спрашивал ли он из ленивого любопытство или действовал по приказу. Но я уже начал излагать подходящую для Иити легенду и продолжил, сообщив название, которое он сам дал:

— Он фват с Формала... — добавил я собственное изобретение. В галактике очень много планет с разумной или квазиразумной жизнью, и вряд ли кто-нибудь знает даже тысячную их часть.

— Он останется здесь... — Я уже собрался выходить, но стражник преградил дорогу Ийти.

Я покачал головой.

— Он эмпатически привязан. Без меня он заставит себя умереть. — Я сослался на то, что всегда считал легендой: будто два вида могут быть эмоционально прочно связаны. Но до последнего года я считал легендой и то место, где сейчас нахожусь. Так, может, и в остальных легендах есть правда? По крайней мере охранник мне поверил: позволил Ийти идти за нами.

Мы не вернулись в помещение, где меня допрашивал орбслеон, но оказались словно в хорошо мне знакомом небольшом ломбарде. В помещении стол с различным спектрографическим оборудованием. В сущности, это лаборатория, которой позавидовали бы многие оценщики. Вдоль стен ряды сейфов, каждый с замком и отверстием для вложения пальца: только один человек в состоянии открыть такой сейф.

— На нас нацелены лучи, за нами следят, — сообщил Ийти. Но я уже догадался об этом и понял, зачем нас сюда привели. Они хотят, чтобы я доказал свои способности оценщика, а это дело нелегкое. Придется использовать все, что узнал от человека, которого изображаю, и все, что узнал впоследствии, чтобы выдержать испытание.

Предметы, подлежащие оценке, были расставлены на столе и прикрыты защитной сетью улл. Я подошел к столу: взял верх интерес всей моей жизни.

Предметов четыре, все с камнями, посаженными на металл; их блеск оживил помещение. Первым лежало ожерелье — коросы, дорогие жемчужины сарголианских морей, которые сарарикийцы ценят вдвойне: согретые телом владельца, они испускают аромат.

Я поднес ожерелье к свету, взвесил в руке, осмотрел каждый камень. Потом небрежно опустил на поверхность стола.

— Синтетика. Вероятно, работа Рампера с Норстеда — или одного из его учеников, возраст примерно пятьдесят планетарных лет. Использован запах марки... пятой, может,

шестой степени. — Изложив свой вердикт, я обратился к следующему предмету.

Я понимал, что должен произвести впечатление не на стражника и не на двух других людей в комнате, а на того, кто следит за мной с помощью луча.

Второй предмет представлял собой камень в очень простой оправе. На мгновение меня привлек его богатый темный цвет.

Я положил камень в чашечку инфраскопа и сделал два замера.

— Это подлинный терранский рубин первого класса. Он не имеет пороков, верно. Но подвергнулся двум видам обработки. Один я могу определить, другой для меня нов. В результате камень изменил цвет. Думаю, первоначально он был гораздо светлей. Но сойдет, если не будет лабораторной проверки. Однако опытный специалист эту перемену заподозрит.

Третьим на столе оказался наручный браслет из красноватого металла с золотыми полосками по всей поверхности, которые перемещались по поверхности, когда украшение брали в руки. Создатель браслета создал этими полосками узор из цветов и ветвей, так что золотые линии окружали листья. Ошибиться было невозможно. Я вспомнил, как отец показывал мне такую же работу — это была небольшая подвеска, которую он продал в музей.

— Это предмет предтеч, и он подлинный. Единственный такой же образец, который мне приходилось видеть, был добыт в ростандианской гробнице. Археологи тогда сочли, что он гораздо древнее самой гробницы. Возможно, его нашел погребенный в ней ростандианец. Происхождение до сих пор неизвестно.

По контрасту с тремя предметами четвертый был тусклым, свинцово-серым, уродливым металлическим украшением с несколькими неправильной формы плохо обработанными камнями. Только центральный камень, примерно в четыре карата, казалось, обладал собственной жизнью, но и он был неверно огранен.

— Работа Кампереля. Центральный камень — солнечный сапфир; возможно, его стоит обработать заново. Остальное... — я пожал плечами... — ничего не стоит. Побрякушка для туристов. — Я повернулся к двум присутствующим, которые не произнесли ни слова. — Если это лучшее, что вы можете мне показать, слухи о Путеводной сильно преувеличены.

Один из них подошел к столу и вернул предметы под защитную сеть. Я думал, что теперь мне придется вернуться в камеру, когда из какого-то скрытого источника донесся шелкающий голос босса.

— Как ты и думал, это было испытание. Ты увидишь и другие предметы. Солнечный сапфир — ты можешь его заново обработать?

Я про себя облегченно вздохнул. У моего отца такой подготовки не было, и мне можно спокойно в этом признаться.

— Я оценщик, а не огранщик. Требуется большое мастерство, чтобы вернуть камню ценность после такой неправильной обработки. Я бы предложил передать его специалисту... — я лихорадочно соображал... — например, Фатка или Нжила. — Я снова извлекал названия из памяти, но на этот раз вспомнил слова Вондара о тех подпольных дилерах, у которых обычно было несколько перечней предметов на продажу: одни они продавали открыто, другие — втайне. Их подозревали в связях с Гильдией, но это не было доказано. Но то, что я смог их назвать, должно было свидетельствовать о моих связях с подпольным рынком.

Наступила тишина. Тот, что накрыл предметы сетью, теперь спрятал их в один из стальных сейфов. Все молчали, не слышно было и голоса из коммуникатора. Я переступал с ноги на ногу, гадая, что произойдет дальше.

— Приведите его... — наконец послышалось из коммуникатора.

И меня снова отвели в комнату, в которой в своем наполненном жидкостью кресле плавал орбслеон. Перед ним на столике лежал единственный небольшой металлический предмет.

Камней на нем не было, и он был необычного размера. Но такую форму я видел раньше и хорошо ее знал. Кольцо — но предназначенное не для голого пальца, а для громоздкой перчатки космического скафандра. Только у этого кольца в гнезде не было предвечного камня, тусклого и безжизненного. Я был уверен, что это двойник того кольца, которое стало причиной смерти моего отца. Но самая главная его часть отсутствовала. Я сразу понял, что это еще одна проверка, причем не моих способностей оценщика, а того, что я знаю о кольце. Должно быть, мой рассказ оказался достаточно убедительным.

— На нас подсматривающий луч, — мысленно предупредил меня Иити.

— Что это? — Босс не стал тратить времени и сразу перешел к испытанию.

— Могу я осмотреть его? — спросил я.

— Возьми, осмотри и скажи, — последовал приказ.

Я взял кольцо. Без камня оно очень напоминает кусок измятого металла. Насколько можно открывать правду? Они должны многое знать о «смерти» моего отца... Придется рассказать все, что знал отец.

— Я видел такое раньше... но в нем был камень, — начал я правдивый ответ. — Тусклый камень. Он был подвергнут какой-то обработке, которая лишила его жизни и ценности. Кольцо было найдено на перчатке скафандра мертвого чужака... вероятно, предтечи... и принесено мне в заклад.

— Лишено ценности, — прошелкал голос босса. — Однако ты его купил.

— Это был предмет чужаков, предтеч. Каждая частичка такого знания делает человека богаче. Намек здесь, намек там — все это может привести к находке. Само по себе это кольцо не имело ценности, но оно древнее, к тому же его носили на перчатке... Стоило купить.

— А почему на перчатке?

— Не знаю. Да и много ли мы знаем о предтечах? Это ведь не какая-то определенная цивилизация, вид или время. Закатане насчитывают по меньшей мере четыре звездных империи до того, как у них самих возникла ци-

визация, и утверждают, что их было значительно больше. Города разрушаются, солнца выгорают, но артефакты остаются... при благоприятных обстоятельствах. Космос сохраняет, как вы и сами знаете. Все, что мы можем узнать о предтечах, поступает обрывками и частями, поэтому каждый кусочек ценен.

— Вопросы задает он, но исходят они от другого, — предупредил меня Иити.

— От кого?

— От кого-то гораздо более важного, чем эта полурыба. — Впервые Иити использовал презрительное выражение и позволил своему пренебрежению окрасить мысль. — Это все, что я знаю. Второй пользуется защитным устройством, предохраняющим от прослушивания.

— Это кольцо, — вслух повторил я и положил помятый кусок металла на столик. — В нем был камень, которого теперь нет, и оно напоминает кольцо предтечи, которое когда-то у меня было.

— А где оно теперь?

— Спроси у тех, — сердито ответил я, — кто разграбил мой дом и оставил меня умирать. — Теперь ложь, но способен ли луч это распознать? Я напрягся, почти ожидая разоблачения. Но даже если меня разоблачили, присутствующие об этом пока не знают. А если мои объяснения сочли правдивыми, в рядах Гильдии может быть проведено расследование, которое, впрочем, не причинит мне вреда.

— Достаточно, — прощелкал переводчик. — Ты пойдешь... в место торговли... наблюдай.

Мой охранник направился к выходу. У него не было выправки, как у патрульного, но на поясе оружие, и я не усомнился в его праве отвести меня туда, куда приказал босс.

Мы прошли по одному из коридоров-балконов, обрамлявших открытое пространство. Приходилось не идти, а скользить ногами по поверхности и придерживаться за перила, иначе низкое тяготение становилось крайне неудобным. Спускались мы по стержню с опорами для рук вместо ступеней, но так, словно пользовались гравитационным

лифтом, и остановились на три уровня ниже того, в котором размещались помещения босса.

Здесь было нечто похожее на рынок. Суетились представители многих рас, терранцы, терранцы-мутанты, гуманоиды и чужаки-негуманоиды.

Большинство было в корабельной форме, хотя без официальных знаков различия. Все вооружены шокерами, но лазеров я не видел. Я подумал, что, наверное, существует какое-то правило, запрещающее здесь это оружие.

В лавке, куда меня привели, не было лабораторного оборудования. Здесь в чаше с едва покрывающей его жидкостью сидел другой орбслеон, явно ниже по статусу, так как сохранил крабьи лапы, которые у босса были удалены. Он явно был здесь начальником и ожидал меня. Ничего не говоря через переводчик, он щупальцем указал на стул у стены, и я послушно сел. Ийти присел у моих ног. Здесь было еще двое, и, увидев их, я с дрожью — надеюсь, мне удалось ее скрыть, — осознал, насколько за пределами закона нахожусь.

В галактике всегда существовало рабство, иногда на одной планете, иногда в целой системе или нескольких системах. Но существуют такие виды рабства, от которых человека выворачивает наизнанку: они несравненно хуже наиболее распространенных типов рабства военнопленных или сельхозработников. И эти... эти... эти твари... были результатом селекционного отбора, который много лет Патруль старается уничтожить на звездных путях.

Слуги орбслеона были гуманоидами... в определенном смысле. Но их подвергли хирургической и генетической обработке, так что они не были «людьми», как определяются люди в шкале общества чужаков-терранцев-мутантов — шкале Ланкорокса. Скорее это были живые машины, запрограммированные на особый тип услуг и не знающие ничего больше. Один из них сидел за столом, положив на него руки, все его пухлое, разбухшее тело обмякло, как будто энергия псевдожизни из него ушла. Второй точными стремительными движениями обрабатывал украшение — отделанный камнями стоячий воротник, какие носят на

праздниках виверны с Колдуна. Он безошибочно доставал каждый камень из оправы, оценивал камни по размерам и раскладывал в небольшие коробочки. Выпуклые многолинзовые глаза на его уродливой, слишком большой, слишком круглой голове не были нацелены на то, чем он занят, но смотрели в пространство.

— Это детектор, — сказал мне Иити. — Он все видит и обо всем докладывает, ничего не определяя. А второй — передатчик.

— Экстрасенсы! — Я неожиданно испугался: эта бесформенная груда плоти может настроиться на Иити и понять, что мы двое связаны теснее, чем кажется.

— Нет, он низшего уровня, — возразил Иити. — Только если его хозяин пожелает...

Он замолчал, и я понял, что он тоже сознает опасность.

Я не знал, зачем меня привели сюда. Шло время. Я наблюдал за теми, кто проходил снаружи. Раб-детектор продолжал работу, пока не достал все камни из воротника. Металл он положил в ящик побольше. Теперь его деловитые пальцы взялись за филигранную тиару. Он выбрал камни из коробочек и почти с той же скоростью, с какой доставал камни из воротника, начал усаживать ими тиару. Хотя не все камни были размещены, я видел, что конечным результатом станет украшение, за которое в магазине любой внутренней планеты можно получить не менее тысячи кредитов. И за все время работы раб ни разу не посмотрел на то, что делает.

Мне не сказали, каковы мои обязанности и есть ли они вообще. Некоторое время меня интересовала деятельность раба-детектора, но ее было недостаточно, чтобы надолго привлечь мое внимание. Бездеятельность утомляла, я начинал нервничать. Но ведь всякий в моем положении хотел бы получить работу, и никто меня не заподозрит, если я продемонстрирую, что мне скучно.

Я ерзал на стуле, который казался мне все тверже, когда в лавочку вошел человек. На нем был мундир капитана корабля, но без знаков компании, и он был как будто хорошо

знаком с этим заведением. Минуя стол, за которым сидел раб, вошедший направился прямо к орбслеону.

Левую руку он прижимал к животу, напомнив мне, как я сам часто проверяю содержимое своего пояса. Но вот он расстегнул куртку и порылся под ней. Чужак толкнул вперед выдвижной столик, такой же, на каком его босс демонстрировал мне кольцо.

Космонавт извлек комок шерсти улл, развернул его и показал очень знакомый блестящий предмет — зоран. Орбслеон шупальцем подхватил камень и внезапно бросил мне. Только инстинктивный рефлекс позволил мне поймать камень в воздухе.

— Что! — С этим резким восклицанием капитан повернулся ко мне, положив руку на рукоять шокера. Я поворачивал камень, осматривая его.

— Первый класс, — объявил я. Так оно и было — лучшего камня я уже некоторое время не видел. И камень огранен и посажен в гнездо. Все в целом выглядит как подвеска.

— Спасибо. — В голосе капитана слышался сарказм. — И кто ты такой? — Его агрессивная подозрительность отчасти рассеялась.

— Хайвел Джерн, оценщик, — ответил я. — Желаеть продать?

— Я не пришел бы сюда только для того, чтобы услышать, что камень первого класса, — ответил он. — С каких это пор у Вону появился новый оценщик?

— С этого дня. — Я подставил камень под свет. — Затемнение.

— Где? — Он двумя шагами преодолел расстояние между нами и выхватил камень у меня из рук. — Затемнение только от твоего дыхания. Камень первоклассный. — Он повернулся к орбслеону. — Четыре торговли...

— Зоран не стоит четырех торговель, — слышалось из переводчика. — Даже лучший камень.

Капитан нахмурился и чуть повернулся, словно собираясь выйти из лавочки. — Тогда три.

— Одна...

— Нет! Тадорк даст мне больше. Три!

— Иди к Тадорку. Только две.

— Две с половиной...

Я не понимал их спора, потому что они не пользовались обычными кредитами. Должно быть, на Путеводной собственной валюта и шкала ценностей.

Орбслеон, по-видимому, решил твердо.

— Только две. Иди к Тадорку..

— Хорошо, две. — Капитан бросил зоран на выдвижной столик, а чужак в чаше протянул щупальце к кнопкам. Нажал несколько из них, потом заговорил с помощью переводчика:

— Две торговли... четвертая верфь... можешь забрать необходимые припасы.

— Две! — Выходя, капитан произнес это слово как ругательство. В более высоком тяготении его шаги прозвучали бы с большой силой.

Чужак бросил зоран, который на этот раз поймал детектор и убрал в одну из коробочек. И тут у выхода из лавки появился мой прежний стражник.

— Ты, — показал он на меня, — пойдешь со мной...

Радуюсь возможности избавиться от скуки, я отправился за ним.

Глава 13

— Главный босс, — поступило предупреждение Иити, которое совпало с моей догадкой относительно того, куда нас ведут. Мы снова поднялись на верхние уровни станции, на этот раз миновав тот, на котором расположены помещения орбслеона. Здесь на потемневших от времени стенах стали видны следы древних украшений. Возможно, когда-то здесь размещались каюты офицеров станции.

Меня провели через вращающуюся дверь, причем стражники остались снаружи. Они попытались остановить Иити, но тот неожиданно проявил прыткость, какую не показывал раньше, и увернулся от них. Мне показалось странным, что они не пошли за нами. Но мгновение спустя понял, почему обитатель этих помещений не нуждался

в дополнительной защите: еще шаг — и я болезненно ударился о силовое поле.

К тому же в помещении низкое тяготение, к которому я уже привык, не только сменилось привычным для моего вида, но стало еще больше, так что каждый шаг давался с трудом.

За невидимой преградой помещение было меблировано, как роскошный номер в караван-сараяе какой-нибудь внутренней планеты. Однако отдельные предметы обстановки не сочетались друг с другом, они были натолканы сюда, причем они были разного размера, словно предназначены для существ с телом, заметно больше или несколько меньше моего. Но объединяла их роскошь, во многих случаях слишком показная и кричащая.

Вытянувшись в кресле, сидел босс. Он терранского происхождения, но с небольшими отличиями, с легкими изменениями во внешности, свидетельствующими о мутации. Вероятно, происходит от самых первых колонистов. Волосы подстрижены так, что ежиком торчат над голым черепом, делая его похожим на наемника прежних времен, и я подумал, как же он надевает на этот ежик космический шлем, если ему приходится это делать? Кожа у него коричневая, но не просто покрытая космическим загаром, и от углов глаз к подбородку с обеих сторон проходят два шрама, слишком правильные, чтобы появиться случайно.

Подобно комнате, его одежда тоже представляет собой пеструю смесь стилей нескольких планет. Длинные ноги, удобно уложенные, затянуты в сапоги-брюки из гибкой кожи с белым мехом, и мех все время колеблется, как рябь на воде. Выше пояса яркое черно-серебряное подобие адмиральского мундира вплоть до драгоценных звезд и ленточек. Но рукава мундира обрезаны, и руки до плеч остаются голыми. На обеих руках ниже локтей очень широкие иридиевые браслеты, на одном терранские сапфиры чистой воды, на другом чередуются рядами сапфиры сол и локерали, их яркие зеленые и синие цвета создают резкий контраст. Оба браслета свидетельствуют о варварском вкусе.

Вдобавок вокруг головы, увенчанной ежиком волос, идет широкая металлическая лента золотисто-зеленого цвета, с которой на лоб свисает подвеска с одним-единственным коросом — около десяти карат и очень высокого качества. Общее впечатление от внешности — настоящий предводитель джеков.

Не знаю, соответствовало ли такое убранство его вкусам или оно должно было произвести впечатление на подчиненных. Представители высших эшелонов Гильдии обычно предпочитали консервативную одежду и старались не выделяться внешне. Но, возможно, хозяин — или один из хозяев — Путеводной не имеет отношения к Гильдии.

Он задумчиво смотрел на меня. Встретившись с взглядом его темных глаз, я подумал, что пестрая одежда — нечто вроде маскировки, она должна одурачить и ослепить тех, с кем ее хозяин имеет дело. Он держал в руках маленькую тарелочку из прозрачного белого нефрита, время от времени подносил ее ко рту и лизал голубую пасту.

— Мне сказали, — без ясно различимого акцента заговорил он на основном, — что ты разбираешься в вещах предтеч.

— До некоторой степени, джентльхома. Я видел и имел возможность изучить примерно десять разных форм искусства.

— Туда... — Он показал — не рукой, а подбородком — влево от меня. — Посмотри, что там лежит, и скажи, действительно ли это вещи предтеч.

То, оценку чего он хотел получить, лежало на круглом столике из салодианского мрамора. Длинная цепь из переплетенных полосок металла, усаженных яркими розовыми камнями; возможно, она служила ожерельем или поясом. Рядом с цепью корона или тиара, но только ни один человек не смог бы носить ее с удобством: она не круглая, а овальная. Затем чаша или ковш с разбросанными по поверхности яркими точками камней; разбросаны они как будто случайно, без всякой последовательности. И, наконец, оружие в ножнах или кобуре; рукоять из нескольких

различных металлов, но переплетающихся таким образом, какой мне никогда раньше не встречался.

Но, что гораздо важнее, я понял, что нашел сокровище, ради которого и забрался в это логово. Это большая часть того, что нашли закатане в захоронении; Зилврич слишком хорошо описал, чтобы я мог ошибиться. Было еще пять или шесть предметов, но лучшие и самые ценные здесь.

Прежде всего мое внимание привлекла чаша. Я знал, что босс еще не понял значения этих кажущихся случайными линий и узоров на ее поверхности, и я не должен дать ему понять, что это звездная карта.

Я направился к столику, но не смог к нему приблизиться, снова столкнувшись с невидимым барьером; это обстоятельство дало мне возможность утвердиться, как сделал бы на моем месте Хайвел Джерн.

— Я не могу дать оценку, джентльхома, если внимательно не осмотрю предметы.

Он коснулся кнопки в ручке кресла, и я смог подойти, но заметил, что когда оказался у столика, он снова нажал на кнопку — дважды, — и не сомневался в том, что теперь окружен силовым полем.

Я взял со стола витую корону и провел по ней пальцами. В прошлом мне приходилось видеть много предметов предтеч — одни в коллекции отца, другие благодаря Вондару Астлу. И еще многие изучал по трехмерным изображениям. Но это украденное сокровище было богаче всего, что мне доводилось видеть. Предметы принадлежат предтечам, и это ясно, даже если бы я не знал их недавнюю историю. Но, как всем известно, существовало несколько цивилизаций предтеч, и эта работа была мне незнакома. Возможно, экспедиция закатан наткнулась на следы еще одной забытой звездной империи.

— Это предтечи. Но, я думаю, нового типа, — сказал я боссу, который все еще лизал свое лакомство и немигающим взглядом наблюдал за мной. — Такая коллекция стоит гораздо больше цены за украшения. Я даже не могу назвать ее стоимость. Можно предложить ее комиссии Вайдайка, но получить больше того, что там предложат...

— А если извлечь камни и сломать металл?

Этот вопрос вызвал во мне отвращение и гнев. Говорить об уничтожении этих предметов, чтобы получить стоимость камней и металла, — это такое кощунство, от которого вывернет всякого, кто знает, что перед ним.

Но он задал мне прямой вопрос, и я не посмел проявить свое отношение. Стал брать предметы по очереди в руки. Мне не терпелось осмотреть чашу с картой, но я опасался вызвать его подозрение.

— Очень больших камней нет, — ответил я. — Огранка не в современной манере, что уменьшает их стоимость. Попытка огранить заново приведет к еще большим потерям. Металл... нет. Стиль и история делают эти предметы сокровищем.

— Как я и думал. — Босс в последний раз лизнул и оставил пустую тарелку. — Но для таких предметов трудно найти рынок.

— Есть коллекционеры, джентльхома, которые, возможно, не так свободны в своих действиях, как комиссия Вайдайка, но которые потратят все, что имеют, чтобы получить хотя бы один из этих предметов. Они будут знать, что сделка подпольная, и предметы останутся спрятанными. Таких людей знает Гильдия.

Он ответил не сразу, но продолжал смотреть, словно вслушивался не в мои слова, а в мысли. Но я достаточно хорошо знаком с телепатией, чтобы понять, что он этого не делает. Скорее тщательно обдумывает услышанное.

Но тут я заметил кое-что еще, вначале встревожившее, а затем возбудившее меня. От кармана, в котором лежит предвечный камень, распространялось тепло. И поскольку я его не использую, это может означать только одно: где-то поблизости есть еще один такой загадочный камень. Я посмотрел на корону, но не заметил там красноречивого блеска. И тут услышал мысль Иити:

— Чаша!

Я протянул руку, словно для того чтобы снова осмотреть предметы. И увидел на поверхности чаши, к счастью, от-

вернутой от босса, яркую точку. Ожил один из камней, которые, как я думал, обозначают звезды!

Взяв чашу, я принялся небрежно поворачивать ее, прикрывая ладонью предвечный камень, и почувствовал и от своего живота, и от чаши потоки тепла.

— Что, по-твоему, здесь самое ценное? — спросил босс.

Я опустил чашу — опять таким образом, чтобы камень оказался на противоположной стороне, и осмотрел предметы, чтобы принять решение.

— Вероятно, это. — Я коснулся необычного оружия.

— Почему?

Я снова почувствовал, что это испытание, но на этот раз не прошел его.

— Он знает! — поступило предостережение Иити, и в этот момент рука босса двинулась к кнопкам на ручке кресла.

Я метнул оружие, которое держал в руке. Такой невероятной удачи я никак не мог ожидать, но оно ударило босса прямо в лоб, под подвеской из камня корос, словно силовое поле больше его не защищает или я нахожусь внутри него. Он даже не вскрикнул, закрыл глаза и глубже упал в кресло. Я повернулся к двери, уверенный, что он вызвал стражу. Силовое поле защитит меня, но оно же держит меня в плену.

Я увидел, как открылась дверь, вбежали стражники. Один из них крикнул и выстрелил из лазера. Силовое поле выдержало, отразило луч и послало его назад. Стражник, который первым ворвался в комнату, пошатнулся, выронил оружие и упал на того, кто шел за ним.

— Есть выход. — Иити был у кресла. Он схватил необычное оружие, которое теперь лежало на коленях у босса. Я взял остальные сокровища, прижал их рукой к груди и вслед за Иити направился к стене. Здесь Иити нажал кнопку, открылась потайная дверь. И когда она закрылась за нами, я услышал его мысль:

— Дверь надолго не задержит их, да и по всему пути расставлены ловушки и сигналы тревоги. Если они приведут их в действие, мы пойманы.

Я прислонился к стене, снял рубашку и превратил ее в мешок для сокровищ. Узел получился неуклюжий, и я с трудом завязал прочную ткань.

— Ты видишь выход? — спросил я. Бегство из комнаты было в основном результатом рефлекторных действий. Но теперь я не был уверен, что мы не оказались в западне.

— Это старые служебные ходы. Впереди в шкафу скафандры. Им приходится иногда выходить наружу и ставить заплаты. Все теперь зависит от того, как быстро мы доберемся до этого шкафа.

Здесь тяготение практически отсутствовало, и мы почти в полной темноте плыли по воздуху. К счастью, во внешней стене через интервалы попадались поручни, указывая на то, что и раньше здесь использовался такой способ передвижения. Но меня тревожило, что ждет нас впереди. Предположим, нам продолжит везти и мы доберемся до скафандров, сумеем забраться в один из них и выйти со станции наружу. Тогда предстоит преодолеть еще большое расстояние до кольца обломков, а потом отыскать нашу шлюпку. На этот раз шансы явно против нас. Теперь вся Путеводная поднята по тревоге, нас ищут, они на знакомой территории, а мы здесь чужаки.

— Подожди... — Предупреждение Иити заставило меня столкнуться с ним. — Впереди ловушка.

— Что же делать?

— Тебе — ничего, только верить мне! — ответил он.

Я ожидал, что он продвинется вперед, потому что считал, что он собирается разрядить то, что нас ожидает. Но он этого не сделал. И хотя мысль его не была нацелена мне, я чувствовал, как волны ментальной энергии устремляются вперед, на короткое расстояние, — и камень у меня на поясе становился все более горячим.

— Хорошо, — сообщил Иити. — Все перегорело. Путь к выходу в космос свободен.

Мы встретили еще две такие ловушки, которых я, впрочем, так и не увидел, и наконец по наклонной панели вышли в утолщение в наружной стене станции. Здесь, как и предсказывал Иити, были скафандры. Я не мог поме-

ститься в скафандр вместе с добычей, пришлось передать ее Иити, которые занял самый маленький из скафандров. В нем еще оставалось много свободного места.

Но у меня не было ни малейшего представления, как мы доберемся до барьера из обломков кораблей и до своей шлюпки. Конечно, скафандры оснащены двигателями: если работник уплывет в открытое пространство, двигатель дает ему возможность вернуться на поверхность станции. Но энергии двигателей может не хватить для возвращения, вдобавок мы будем видны любому наблюдателю и радару. Но сокровище с нами и...

— Я допустил ошибку. Босс знал о значении чаши? — спросил я.

— Отчасти. Он знал, что эта карта.

— Которую они не захотят уничтожить. — Я искренне на это надеялся.

— В тебе говорит надежда, а не знание, — ответил мутант. — Но это наша единственная надежда.

Я открыл выход из утолщения в стене и выбрался наружу. Магнитные ботинки удерживали меня на поверхности станции. Нам с Иити уже приходилось выходить в космос, и меня снова охватил страх, как тогда, когда я потерял контакт с поверхностью корабля вольных торговцев и уплыл в открытое пространство.

Но здесь не было безграничной пустоты. Грузовой корабль, с которым мы вошли в этот порт, исчез, остроносый рейдер и яхта по-прежнему находились на орбите, а над ними и вокруг нас — масса обломков. Я не видел в ней никаких ориентиров и не понимал, как мы сумеем найти ту узкую щель, в которой спрятана наша шлюпка.

Никаких причин выжидать не было. Либо мы долетим до обломков, либо энергии не хватит. Продолжать оставаться здесь рискованно: нас могут схватить еще до того, как мы сделаем попытку. Тем не менее мы из предосторожности соединились одним из тросов, которые должны удерживать работников на поверхности станции. Связанные таким образом, мы прошли между двумя кораблями, зловеще нависавшими над нами.

— Не могу дотянуться до управления своим двигателем, — нанес последний удар Иити. Это обрекает нас на плен. Хватит ли одного моего заплечного ракетного ранца, чтобы доставить нас обоих?

Я включил двигатель и почувствовал толчок. Меня и скафандр с Иити начало относить от станции. Моей целью была ближайшая стена обломков. Если мы до нее доберемся, дальше можно будет двигаться вдоль стен. Но каждое мгновение я ожидал, что нас захватит луч притяжения. Почему-то я был уверен, что босс не решится использовать оружие, которое уничтожит и его сокровище.

Двигатель продолжал работать, мы продвигались вперед, вопреки дополнительной массе Иити — его скафандр медленно вращался на конце троса, и никакого преследования или лучей притяжения не было. Я не испытывал никакого торжества, только дурные предчувствия, действовавшие на нервы. Хуже всего ждать нападения. Я был уверен, что нас видят и в любой момент мы можем оказаться в сети.

Двигатель перестал работать, когда мы были еще довольно далеко от обломков. И хотя, лихорадочно работая с приборами контроля, я сумел получить еще один небольшой толчок, он только привел меня во вращение на удалении от стены. Случайно Иити оказался впереди меня, и я видел, что он продолжает внутри поворачиваться, как будто пытается привести в действие собственный двигатель.

Не могу сказать, что он сделал, но неожиданно его вращающийся скафандр устремился вперед и потащил меня за собой. Сила его тяготения увеличивалась, потому что больше он не вращался. Теперь Иити летел прямо, как стрела в цель, и тащил меня за собой, направляясь к обломкам. А я по-прежнему не мог понять, почему нас не преследуют.

Опасная стена из выпотрошенных кораблей становилась все ближе. Я надеялся, что Иити справится с двигателем и нас не ударит о нее. Острый выступ способен порвать скафандр, и мы мгновенно погибнем.

Иити снова начал вращаться, на этот раз сопротивляясь рывкам двигателя. Я никак не мог контролировать собственное продвижение, но тоже начал вращаться, надеясь

приземлиться на относительно ровный борт корабля ногами.

Теперь мы вращались гораздо быстрее, чем вначале, и я вдруг догадался, что Иити использует предвечный камень из чаши, чтобы усиливать мощь своего двигателя.

— Выключи! — Я послал эту мысль как приказ. — Если не выключишь, нас разрежет на куски.

Не знаю, смог ли он справиться со своим двигателем, но мои ноги с силой ударились об относительно ровный участок, куда я целился. Я попытался схватить скафандр Иити. Иити сумел повернуть и теперь двигался вдоль обломков, достаточно далеко от них, чтобы не запутаться. Магнитные подошвы держали меня, но долго они не выдержат. Мне удалось остановить Иити, но при этом рывок его двигателя оторвал меня и потащил за ним.

Мы двигались вдоль обломков, уворачиваясь от выступов и избегая любого контакта. Даже если сканеры до сих пор не обнаружили нас на фоне металлических объектов, простейшие детекторы теплового излучения нас засекут. А я не сомневался, что на Путеводной такое оборудование есть.

Может, они не нападают на нас, потому что боятся повредить сокровище? Может, впереди нас ждет команда, которая привела в действие другие защитные приспособления и сможет спокойно нас схватить? Может быть, ждут, когда у нас кончится запас воздуха и мы перестанем быть опасными?

— Думаю, они хотят взять тебя живым, — послышался ответ Иити на мои размышления. — Они догадываются, что ты знаешь о ценности карты. И хотят знать, откуда. Возможно, они также знают, что Хайвел Джерн не воскрес из мертвых. Я могу читать мысли, но в той мешанине не смог отделить одни мысли от других.

Меня не интересовали мотивы действий врага. Нужно спастись, если это возможно. Если бы у нас было достаточно времени, мы смогли бы обойти всю стену обломков и найти выход. Но такого времени у нас нет: не позволит запас воздуха.

— Впереди... корабль со сломанным люком, — неожиданно сказал Иити. — Я его уже видел!

Я увидел сломанный люк. У него форма полуоткрытого рта. И во мне тоже ожили воспоминания. Именно за край этого люка я держался в тот момент, когда нас подхватил луч тяготения. Мы недалеко от нужного нам укрытия. Хотя я не мог поверить в такую удачу.

Иити увеличил скорость, уводя нас от обломков. Это не могла быть энергия только его двигателя. Толчка хватило, чтобы ввести нас в проход между кораблями. Дальше мы продвигались, отталкиваясь то от одной опоры, то от другой. Вернее, я отталкивался, а скафандр с Иити тащил за собой. Только то, что мы оба практически ничего не весили, делало такое продвижение возможным. И даже при этом я страшно устал и не был уверен, что выдержу до конца пути.

Каждый новый рывок от очередной опоры давался все с большим трудом. Я не смотрел вперед, сосредоточивался только на ближайшей опоре, затем на следующей. Я настолько сконцентрировался на этом продвижении, что совсем перестал бояться...

Сам не понимаю как, но мы добрались до спасательной шлюпки и забрались в ее люк. Захлопнув его за собой, я потерял последние капли энергии и упал на пол, не в силах пошевелиться. Иити в своем неуклюжем скафандре поднял руку, пытаясь дотянуться до внутренних приборов управления. Ему это не удалось, и с мрачным упрямством он повторил попытку.

Наконец у него получилось. Вокруг меня засвистел воздух, открылся внутренний люк. Скафандр Иити задержался, начал извиваться, и мутант выбрался из него, почти мстительно пнул свой скафандр, отбросив его в сторону, и начал возиться с креплениями моего.

Корабельный воздух немного оживил меня, и я смог снять скафандр и добраться до каюты. Иити опередил меня, он уже сидел в кресле пилота и нажимал кнопки, готовясь вывести шлюпку из укрытия.

Я с трудом добрался до гамака и лег. В это мгновение у меня не было никакой веры в то, что мы сможем прорваться через защиту Путеводной. Наш корабль будет захвачен каким-нибудь силовым полем, которое удержит нас — не-вредимыми, как и хотят наши враги. Но какое-то безрассудное стремление бороться заставило меня дрожащими руками достать предвечный камень. Маскировка, которую давал мне камень, исчезла. Во всяком случае я на это надеялся. Зеркала у меня нет, и я не могу быть в этом уверен.

Но кое-что я могу сделать — что-то такое, что смутит их, если они нацелили в нас луч-шпион.

— Такой луч только что включен, — сообщил Иити и сразу заблокировал свое сознание, сосредоточившись только на выводе шлюпки из туннеля.

Сколько времени в моем распоряжении? Камень жег руки, но я продолжал держать его. Не было зеркала, чтобы следить за переменами, но я вложил в свое желание всю энергию и оставшиеся силы. Потом без сил откинулся, не в состоянии даже отодвинуть источник своей боли.

С трудом посмотрел я на свое распростертое тело. Ошибиться невозможно: на мне мохнатые брюки, а выше них яркая адмиральская форма. Я чуть повернул голову в сторону. Руки голые, и на каждой ниже локтя браслет с драгоценными камнями. Силой предвечного камня я стал точной копией босса. Если за нами следят с помощью луча-шпиона, эта перемена может дать нам небольшое преимущество — несколько мгновений замешательства противника.

Иити не смотрел на меня, но его мысль прозвучала у меня в голове:

— Отлично сделано. А вот и луч!

Не обладая его чувствами, я мог поверить ему только на слово. Я снова опустился на гамак и собрал все силы. Их хватило лишь на то, чтобы создать видимость спокойствия и уверенности. Иити неожиданно ударил мохнатым кулаком по щиту, и рывок шлюпки прижал меня к гамаку. Голова закружилась, мне стало нехорошо, и я погрузился во тьму.

Глава 14

С трудом придя в себя, я смотрел на закругленную поверхность над головой, не в силах вспомнить, где я и даже кто я такой. Но вот с болезненной медлительностью вернулась память о недавних событиях. Мы все еще живы; нас не пленило какоелибо защитное устройство крепости. Но свободны ли мы? Или нас удерживает силовой луч? Я попытался приподняться в качающемся гамаке шлюпки.

Посмотрев на себя, я увидел, что больше не похож на босса, хотя у приборов маленького корабля по-прежнему сидел мохнатый гном. Рука моя легла на выпуклость на поясе. Чем быстрее я снова стану самим собой, тем лучше. У меня было странное ощущение, что я не смогу в полную силу планировать и действовать, пока не стану Мердоком Джерном не только изнутри, но и снаружи. Словно внешние перемены превратили меня из самого себя в жалкое подобие человека, каким был мой отец. Ийти был какое-то время кошкой, но таким я сделал его без его ведома. Но свою внешность я изменил по своей воле, и это должна была быть только внешняя перемена. Но что сейчас имеет смысл сделать?

— Ты снова ты, — послышалась мысль Ийти.

Но есть кое-что еще. Рука легла на карман, в котором я все эти дни и месяцы держал предвечный камень. И не ощутила успокаивающей твердой выпуклости. Карман плоский — пустой!

— Камень! — вслух воскликнул я. Сел, хотя чувствовал сильную слабость. — Камень...

И тут Ийти повернулся ко мне. Для меня его лицо чужака было маской. Никакого выражения на нем я не мог прочесть.

— Камень в безопасности, — донеслась мысль.

— Но где?..

— В безопасности, — повторил он. — И ты внешне снова Мердок Джерн. Мы миновали их защитные сооружения. Луч-шпион передал, что здесь их босс, и они смутились как раз настолько, чтобы мы успели прорваться.

— Значит, ты его использовал. Сейчас я возьму его назад. — Я сел, хотя пришлось держаться за край гамака, чтобы сохранить такую позу. Иити использовал силу предвечного камня, как когда-то с его помощью усилил мощность разведчика Патруля и помог ему спастись от плена. Я рассердился на себя за то, что упустил такую возможность. — Сейчас я возьму его, — повторил я, когда Иити никак не показал, что собирается вернуть мне камень. Хотя я работал над переоборудованием шлюпки под руководством Ризка, я не знал, куда Иити мог положить камень, чтобы получить максимальный эффект.

— Он в безопасности, — в третий раз сказал Иити. Теперь меня беспокоила уклончивость его ответа.

— Он мой...

— Наш, — последовал твердый ответ. — Вернее, твой по взаимной договоренности.

Теперь я снова обрел способность четко мыслить.

— Я превратил тебя в кошку... Ты боишься снова...

— Я предупрежден, и вторично меня не проведешь. Но если камень используют безответственно, он в опасности.

— И ты... — Я изо всех сил пытался подавить нарастающий гнев... — и ты позаботишься, чтобы его так не использовали!

— Вот именно. Камень в безопасности. И еще — посмотри туда. — Одним пальцем он указал на то, что лежало во втором гамаке — другого места просто не было.

Одной рукой я чуть подтянул к себе сетку гамака. В ней лежала чаша с картой на внешней поверхности. Мгновение спустя я поднес чашу к глазам. И когда перевернул ее, увидел, что днище представляет собой полусферу; мелкие камни, должно быть, представляющие звезды, блеснули на свету. Теперь, когда у меня было время рассмотреть внимательней, я заметил, что камни разные. Моя раса различает звезды на картах по цвету: они бывают красные, голубые, белые, желтые, карлики и гиганты. Похоже, что неведомый создатель этой карты сделал то же самое. А в особом месте, рядом с желтым камнем, который, должно быть, обозначал солнце системы, располагался предвечный камень.

Я быстро повернул чашу, разглядывая рисунок. Да, есть и другие планеты, обозначенные рядом с разноцветными солнцами, но они представляют собой крошечные, почти невидимые точки. Только одна планета обозначена особенно.

— Почему, как ты думаешь? — услышал я вопрос Иити.

— Потому что там их источник! — Я не мог поверить, что у нас в руках ключ к нашему поиску. Наверно, мое недоверие имело основой подсознательное представление, что наш поиск — из тех, о которых говорится в древних легендах и сагах, что для смертных никогда не кончаются.

Но одно дело — держать в руках звездную карту, и совсем другое — найти указанный на ней пункт. Я не астронавигатор, и, если мы не найдем какого-то пункта сходства наших карт с этой, то можем всю жизнь искать, но так и не найти обозначенную на ней территорию.

— Мы знаем, где она была найдена, — заметил Иити.

— Да, но, возможно, это реликт более ранней цивилизации, и владелец этого реликта никогда не знал ту форму жизни, которая его создала, и не видел отмеченные на карте планеты.

— Закатанин может найти ключ — вместе с Ризком, который хорошо знает звездные пути. Звезды, показанные здесь, наверняка не нанесены на наши карты. Но все же эти двое могут указать пункт, с которого можно начинать поиск.

— Ты расскажешь им? — Это меня удивило: раньше Иити никогда не проявлял желания рассказать кому-то, что те залежи камней, которые мы предъявили Патрулю, не единственные. В сущности, весь наш план с самого начала был предложен им.

— Только то, что необходимо. Что это ключ к другому сокровищу. Закатанина увлечет его любовь к знаниям, а Ризка — возможность обогатиться.

— Но Зилврича нужно вернуть с его сокровищем в ближайший порт. Конечно... — Я начинал понимать, что, возможно, Иити не так уж безрассуден, предлагая нам отправиться в неизвестное с картой древней расы в качестве

единственного проводника. — Конечно, мы не оговаривали, когда именно вернем его.

У меня возникла мысль, что закатанин может даже добровольно согласиться с нашим планом исследования: жажда знаний у него такая же острая, как у всех представителей его вида.

Но хотя я и не забывал о звездной карте, внимание мое обратилось к более важной сейчас проблеме.

— Камень, Иити.

— Он в безопасности. — Он ничего не стал добавлять.

Конечно, есть еще один камень, который по сравнению с тем, что мы использовали, всего лишь точка, сейчас такая тусклая, что ее не заметит никто, не подозревающий о ее необычных свойствах. Зависит ли количество порождаемой энергии от размеров камня? Я вспомнил, как Иити вызвал вспышку энергии, которая позволила нам пролететь вдоль барьера из обломков кораблей. Неужели та энергия исходила от этого крохотного кусочка? Должно быть, мы знаем лишь часть того, на что способны эти камни.

Мне не терпелось побыстрее оказаться в корабле, подальше от Путеводной. Теперь, когда шлюпка легла на курс, я начал размышлять о конце нашего пути. Довольно скоро мы сели на мертвый спутник.

— Маяк... — Я передвинулся, чтобы взглянуть на прибор. На индикаторе данные, которые должны автоматически вернуть нас на «Идущий по ветру». Неожиданно я усомнился в показаниях прибора. Большинство изменений в приборах шлюпки сделал Ризк, и перемены эти должны были быть временными, да и те стоили большого труда — хотя любой вольный торговец имеет больше опыта в ремонте и импровизированных приспособлениях, чем обычный космонавт.

Предположим, связь с кораблем вышла из строя. Мы можем заблудиться в космосе. Однако мы продолжаем идти по курсу.

— Конечно, — прервал цепь моих невеселых мыслей Иити. — Но мне кажется, мы летим не на спутник. А если они уйдут в гипер...

— Ты хочешь сказать... они взлетели? Не дожидаясь нас? — Такое возможно, и этот страх таился в глубине моей души. Наш полет к Путеводной был таким отчаянным, что Ризк и закатанин могли посчитать нас погибшими, как только мы направились к станции. Или Зилвричу стало хуже, а пилот, сознавая всю важность закатанина и желая спасти его... Я мог привести множество причин, по которым стартовал «Идущий по ветру». Но мы все равно на курсе к чему-то, а курс поддерживается до тех пор, пока корабль не уйдет в гиперпространство для прыжка в другую систему. Вот если это произойдет, наш маяк перестанет действовать и мы окажемся одни — и тогда останется только вернуться на Путеводную или сесть на одну из мертвых планет.

— Если они летят к другой системе, они должны перейти в гипер...

— Если не знают систему, им нужно достичь самых внешних планет, прежде чем уйти в гиперпространство, — напомнил Иити.

— Камень... если мы используем его энергию для соединения с ними...

— Подобное путешествие следует проделывать очень осторожно. Маневрировать шлюпкой и кораблем в полете... — Было очевидно, что Иити рассуждает, а не просто просвещает меня. Он посмотрел на контрольный щит и покачал головой. — Очень большой риск. Это не полноценное оборудование, всего лишь импровизация, и оно может подвести нас в момент необходимости.

— Выбираем из двух зол, — заметил я. — Остаемся здесь и погибнем или рискнем встретиться с кораблем. Пока остаемся на курсе, мы связаны с кораблем. А почему... — Мне в голову пришла неожиданная мысль. — Ризк знает, что мы идем за ними? Ведь наш старт должен быть зарегистрирован...

— Индикатор на корабле мог выйти из строя. А может, он просто решил не ждать.

Если пилот решил не ждать... в его распоряжении корабль, закатанин и правдоподобное объяснение нашего

исчезновения. Он может направиться в ближайший порт со спасенным археологом, сообщит Патрулю координаты Путеводной, а корабль может потребовать в качестве награды. Теперь в игре у него главные звезды, а у нас только кометы, чтобы пересечь доску и догнать его... Но у нас есть еще предвечный камень.

— В гамак, — предупредил меня Иити. — Я задействую энергию камня. Надеюсь, корабль не уйдет в гипер, прежде чем мы его догоним.

Я снова лег. Иити остался у приборов управления. Неужели его организм способен выдержать напряжение без помощи устройств шлюпки? Если Иити потеряет сознание, я не смогу занять его место, и мы со скоростью снаряда ударимся об «Идущего по ветру».

В прошлом я не раз испытывал напряжения старта на кораблях, предназначенных для скоростных перелетов. Но спасательная шлюпка — совсем не такой корабль. Ее первоначальное предназначение — улететь с поврежденного корабля и сделать прыжок подальше от опасности. Однако поддерживать такой расход энергии долго она не может. Я лежал в гамаке и терпел ускорение. Мне удалось не потерять сознание. Казалось, сам материал стен протестует против такой силы. А на чаше, которую я по-прежнему держал в руках, появилась огненная точка: крошечный камень отозвался на поток энергии от большего, спрятанного Иити.

Я терпел и видел, словно в тумане, мохнатое тело Иити, он вцепился руками, чтобы удержаться у приборов. Затем услышал тяжелое дыхание, не только мое. Каждую секунду ожидал, что порвется нить, связывающая нас с «Идущим по ветру», корабль уйдет в гипер, исчезнет из нашего пространства.

Возможно, напряжение отразилось на моем зрении или скорость так прижала Иити, что он не мог нормально функционировать, но я смутно видел, как медленно поднялась его мохнатая рука и нацелилась на единственный рычажок. Перегрузки исчезли, я смог выбраться из гамака, подплыл к Иити и занял место рядом с ним. Передо мной

было множество огоньков, которые я понимал и на которые учил меня реагировать Ризк.

Мы сблизилась с кораблем и теперь должны состыковаться с ним. Большую часть операций проделывает автоматика, но я должен быть готов среагировать на определенные тревожные сигналы. И даже если Ризк не обратил внимания на сигнал нашего приближения, он теперь не может не дать нам соединиться с кораблем — если только мгновенно не уйдет в гипер.

Секунды тянулись бесконечно, я испытывал огромное напряжение, готовый внести поправки, следя за приборами, обозначающие жизнь и смерть не только нашу, но и корабля, с которым мы стремимся соединиться. И вот мы у цели. На экране появился раскрытый люк, и мы устремились в него. Экран потемнел: это люк закрылся за нами. Я почувствовал слабость от облегчения. Но Иити разогнулся, держась за край гамака.

— У нас неприятности...

Он не закончил мысль, теперь я и сам почувствовал. Нет слов, чтобы описать то, что произошло: мы не лежали в защитных сетках, не были готовы к переходу. Нас даже не предупредили. Не прошло и нескольких секунд с нашего возвращения, как корабль ушел в гиперпространство.

Во рту появился вкус крови. Кровь потекла по подбородку. Когда я открыл глаза, вокруг было темно, и эта тьма принесло с собой ужас слепоты. Все тело болело, и боль, когда я попытался пошевелиться, стала непереносимой. Я с трудом поднес руку к голове и вытер липкую кровь с глаз. Я ничего не вижу!

— Иити! — Мне казалось, я кричу. Звук эхом отдался в ушах, голова заболела еще сильнее.

Ответа не было. По-прежнему вокруг была тьма. Я пошарил рукой и ударился о что-то твердое. Пробудилась память. Я в шлюпке, мы вернулись на корабль за мгновение до того, как он ушел в гипер.

Я не знал, насколько тяжело ранен. Однако шлюпка устроена так, что автоматически начинает ухаживать за ра-

ненными, мне нужно только лечь в гамак, и автоматика позаботится обо мне.

Я поискал руками гамак. Одна рука повиновалась, но второй пошевелить я не мог. Коснулся только стены. Я попытался продвинуться вдоль этой стены, держась за нее пальцами, искал каких-то перемен, изменений в ее поверхности. В шлюпке так тесно, что рано или поздно я наткнулся на один из гамаков. Я разводил руками, поднимал их вверх, вращал в темноте. Но ни на что не наткнулся.

Но шлюпка слишком мала, чтобы я все еще не нашел ошупью гамак. Мысль о гамаке, готовом смягчить боль, применить лекарства и восстановительные средства, так терзала меня, что я нашел в себе силы для дальнейших поисков. И мои болезненные и медлительные движения сообщили, что никакого гамака здесь нет. И вообще я лежу не в шлюпке. Руки мои упали на пол, коснулись маленького неподвижного тела. Ийти! Он не в том виде, в каком я в последний раз его видел, сообщили мне пальцы. Но сейчас Ийти — мутант, такой, каким был с рождения.

Я провел пальцами по пушистому телу, и мне показалось, что я почувствовал трепет жизни: сердце бьется. Тогда попрежнему ошупью я попытался определить, нет ли заметных ран. Темнота... я не позволю себе думать о том, что я ослеп... — темнота стала тяжелой, угнетающей. Я тяжело дышал: отсутствие света словно сопровождалось недостатком воздуха. И тут же я подумал, что так и есть: меня закрыли в каком-то помещении и оставили задыхаться.

Ийти не отзывался на мои мысли, которые я пытался сделать связными. Я снова принялся ошупью проверять пространство и окончательно отказался от мысли, что мы в шлюпке. Нас положили в каком-то небольшом закрытом помещении с дверью, которая не поддается моим усилиям. Должно быть, мы на борту «Идушего по ветру». Я решил, что мы в одной из нижних кают, превращенных в грузовой трюм. Это может означать только одно: кораблем командует Ризк. Я не знал, что он сказал закатанину. Наши действия достаточно необычны, чтобы придать правдоподобность его рассказу, будто мы действуем незаконно и сам

Ризк оказался на борту, не зная об этом. Закатане телепаты. Ризк мог сказать истинную правду, и Зилврич ему поверил. И мы сейчас можем направляться к ближайшему порту, где нас передадут Патрулю как похитителей и пособников джеков с Путеводной. Да, представляя факты так, как их может увидеть кто-то посторонний, я видел, что у Ризка очень сильная позиция, а закатанин его поддержит.

То, что мы вернули сокровище, ничего не значит. Мы могли вернуть его, чтобы оставить у себя и продать, а за закатанина получить выкуп. Такие сделки бывали.

Если Ризк внесен в черный список, то, передав нас, может получить прощение. Его из этого списка вычеркнут. А если нас — или меня — подвергнут глубинному допросу, всплывет вся правда о предвечных камнях. Ясно, что с точки зрения Патруля мы виновны в двойной игре. Ризку в ближайшем порту останется сыграть роль честного человека, и наше дело будет проиграно.

Положение казалось таким безнадежным, что я не видел никаких возможных действий с нашей стороны. Если бы у нас был предвечный камень, мы могли бы — я уже поверил в необычные свойства этих камней — могли бы сопротивляться. Ийти... если он не мертв... и не умирает... должен...

Я ошупью вернулся к маленькому телу, прижал его к себе, так что голова Ийти лежала у меня на плече, и прикрыл рукой. Мне показалось, что больше я не ощущаю легкое сердцебиение. И на мой мысленный призыв не было никакого ответа. Есть все основания считать Ийти мертвым. И в этот момент я забыл все свое раздражение из-за его постоянных вмешательств в мою жизнь, то, как он распоряжался мною. Возможно, мне как раз нужно было такое руководство, такая сильная воля. Сначала был отец, потом Вондар Астл, потом Ийти...

Но я не хотел мириться с тем, что это конец. Если Ийти мертв, Ризк заплатит за его смерть. Я надеялся на помощь камня, о помощи со стороны Ийти, но и того и другого теперь нет. Остаюсь я сам, а я еще не готов смириться с поражением.

Я всегда считал, что сверхчувственных способностей у меня нет. Очевидно, до встречи с Иити у меня их и не было. Он научил меня мысленной связи. Однажды он вынужденно связал меня мыслью с другим человеком, чтобы я смог доказать нашу невиновность офицеру Патруля, и это было очень неприятное и болезненное переживание. Затем он научил меня пользоваться галлюцинациями для изменения внешности, и я сам установил, что с помощью предвечного камня можно добиться полной перемены внешности.

Но Иити — он либо мертв, либо очень близок к этому. У меня нет ни Иити, ни камня. Я ранен — не могу определить, насколько тяжело, — и я в плену. Остается только одна слабая — очень слабая — искорка надежды. Это закатанин.

Он телепат, как и Иити. Могу я связаться с ним? Обратиться с просьбой?

Я смотрел в темноту, надеясь, что это для меня не участь на всю оставшуюся жизнь, но мысленно представлял себе лицо закатанина, каким видел его в последний раз. И старался удержать его с памяти, но на этот раз не для того, чтобы сделать себя внешне таким же, а как цель своего мысленного поиска. И направил — не связную мысль, а просьбу о внимании, крик о помощи.

Потом... почувствовал соприкосновение! Как будто прикоснулся пальцем к листу фалдера, который мгновенно съезжился, ушел от контакта с моей плотью. И сразу — вернулся.

Но меня ждало разочарование. Мысленные контакты с Иити были четкими, как и контакт с закатанином, когда он был рядом. Это же был незнакомый мне язык, вихрь непонятого обрушился на меня так стремительно, что я не в состоянии был разобраться и уловить смысл. Пришлось отступить и разорвать контакт.

Мне нужно посредничество Иити. Иначе мое сознание не разберется в этом вихре чуждых мыслей. Я принялся обдумывать свои возможности. Могу оставаться здесь пленником Ризка, какую бы цель тот ни преследовал. Могу снова попытаться связаться с закатанином. И я не мог сми-

риться с почти очевидным — признать свою беспомощность.

Поэтому очень осторожно, как человек, нащупывающий дорогу в трясине, которая готова проглотить его тысячу грязных пастей, я снова послал мысль в поиск. Но на этот раз обдумал свое послание — обдумывал неторопливо, впечатление за впечатлением, и упрямо старался воспроизвести его, когда на меня снова обрушился поток чуждого разума. Я ничего не пытался сказать Зилвричу, как «говорил» с Иити. Я только снова и снова обдумывал то, что ему нужно знать, позволял ему прочесть мою мысль, если он может это сделать. Хотя опасался, что для него моя мысль слишком нетороплива, как поток его мысли кажется мне угрожающе стремительным.

Раз, два, три, четыре раза передавал я свою мысленную мольбу. Потом не мог уже держаться. Боль физическая ничто в сравнении с той болью, что заполнила мое сознание. Я потерял не только контакт, но и сознание, как в тот момент, когда мы перешли в гиперпространство.

Меня словно снова и снова кололи острой тонкой иглой. Пытка сначала была далекой и слабой, потом становилась все сильнее и настойчивей. Я зашевелился. И попытался ухватиться за безопасность пустоты. Укол... призывы, которые мне не нужны, продолжались.

— Иити? — Но это не Иити... не...

— Подожди...

Чего ждать? И кто это? Мне все равно. Иити? Нет, Иити мертв. Я тоже буду мертв. Мне все равно, мертвому все равно, не будет никаких желаний, чувств, мыслей... Иити мертв. И я мертв или буду мертв, как только эти уколы прекратятся и меня оставят в покое.

— Проснись...

Проснуться? Мне показалось, что эта мысль оттуда же, откуда предыдущая — «подожди»... Но все это неважно. Все неважно...

— Проснись!

Крик у меня в голове. Больно, и боль приходит снаружи. Я покрутил головой, словно стряхивая голос в сознании.

— Не спи! — этот приказ-крик и боль вывели меня из оцепенения. Я негромко застонал, попросил оставить меня в покое в темноте, позволить смерти проделать остальное.

— Не спи!

Удары молота в сознании. Теперь я слышал собственный жалобный стон, но не мог остановиться. Но вместе с болью приходило осознание призыва, который мешал мне вернуться в ничто.

— Не спи! Держись!

За что держаться? За голову? Мне не за что держаться.

И тут я ощутил — не в словах, звучащих в больной голове, нет, что-то другое — поддержку, опору, за которую могут ухватиться мои слабые мысли. Я уставился в темноту широко раскрытыми глазами, став внутренне другим человеком, каким становлюсь внешне под действием предвечного камня. Я откуда-то знал, что эта поддержка лишь на короткое время. И за это время я должен собраться и попытаться исправить свое положение.

Глава 15

Каким-то образом я встал, здоровой рукой все еще прижимая к себе Ийти; вторая рука свисала бесполезно. Я готов двигаться — но куда, действовать против кого — или чего? Поняв, что по-прежнему беспомощен в темноте, я готов был снова погрузиться в отчаяние.

— Подожди... будь готов... — В этом послании слышалось напряжение, как будто пославший его делал для этого огромные усилия.

Что ж, я готов, жду, но сколько придется ждать? В темноте время тянется бесконечно, его невозможно измерить знакомыми мне единицами.

Потом послышался звук, легкий скрип, и сердце у меня дрогнуло: все-таки я не ослеп! Потому что справа от меня появилась светлая полоска. Я пополз в ту сторону, а полоска стала шире, превратилась в щель, в которую я смог протиснуться — и тут же закрыл глаза от света, причинившего боль.

Я стоял у стены колодца, который проходит через весь корабль. В первый момент я был слишком слаб, чтобы посмотреть, кто меня освободил. Но, прислонившись плечом к стене, наконец смог осмотреться.

Зилврич, которого я в последний раз видел лежащим на матрасе, обеими руками опирался о пол: очевидно, чтобы доползти до моей камеры, он израсходовал все силы. Он с видимым усилием приподнял голову.

«Ты... свободен... отдыхай...»

Свободен, но безоружен и почти без сил, как и закатанин. Но со мной еще не кончено. Каким-то образом мне удалось положить Иити на пол, здоровой рукой обхватить закатанина и отвести его к постели, с которой он встал. Потом я вернулся, подобрал мутанта и принес в комнату закатанина, прижимая к себе, хотя никаких признаков жизни в маленьком теле не было.

— Расскажи... — Я заговорил на основном, радуясь отсутствию столь тяжелого для меня контакта с сознанием чужака. — Что случилось?

— Ризк... — Зилврич говорил медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом... — думает отправиться на Лайлстейн... хочет вернуть меня... сокровище...

— И сдать нас, — закончил я, — вероятно, обвинив в участии заговора Гильдии.

— Он... хочет... вернуть себе свой статус. Я не знал, что вы вернулись живыми... пока ты не послал поисковую мысль. Он сказал... вы мертвы... когда мы ушли в гипер...

Я посмотрел на маленькое тело.

— Один из нас мертв.

Я, возможно, свободен в корабле, но сомневаюсь, что мне удастся изменить ход событий. Ризк вернет нас на Лайлстейн, и мы... я обнаружу, что меня обвиняют во множестве преступлений. Не только обстоятельства говорят в пользу пилота: под сканером я выдам все, что знаю о предвечных камнях. Предвечный камень!

Иити спрятал его где-то в шлюпке. Насколько мне известно, Ризк не подозревает о его существовании. Если бы я снова мог взять его в руки... хотя я не был уверен, что

смогу использовать его как оружие. Но нет сомнений, что у камня множество возможностей. Шлюпка... Иити спрятал камень, и теперь Иити мертв.

Чаша... если бы я смог найти ее, то по огоньку на ней смог бы отыскать и предвечный камень.

— Сокровище... где оно?

— В сейфе. — Зилврич пристально смотрел на меня, но охотно предоставил информацию.

Сейф... если Ризк закрыл его на собственный отпечаток пальца, мне не добыть чашу. Сейф будет закрыт, пока сам Ризк не захочет его открыть.

— Нет. — Похоже, закатанин, как и Иити, легко читает мои мысли, но сейчас это неважно. — Нет... сейф закрыл я.

— Он тебе позволил?

— Ему пришлось. А что ты должен отыскать... к чему приведет тебя чаша? Это оружие?

— Не знаю, можно ли это использовать как оружие. Но это источник силы, превышающей наше понимание. Иити спрятал его в шлюпке, чаша поможет его найти.

— Помоги мне... идем к сейфу.

Хромой вел калеку. Но вскоре нам удалось совершить этот трудный путь. Я смог привести чужака к сейфу, он активировал замок, и я достал чашу. Зилврич прижимал ее к себе, когда я вел его назад к постели.

Прежде чем передать ее мне, он несколько раз повернул чашу в руках, внимательно разглядывая ее. Наконец одним из когтей коснулся крошечного предвечного камня.

— Ты ищешь это.

— Мы с Иити давно его ищем. — Больше нет смысла скрывать правду. Возможно, мы не совершим задуманное путешествие, не окажемся среди не нанесенных на карты звезд в поисках древней планеты — родины камней, но сейчас имеет значение то, что происходит здесь — нужно найти камень, спрятанный Иити.

— Это карта, и вы ищите сокровища, которые могут быть на ней указаны?

— Такие, как вы нашли в могиле. — Как мог кратко, я рассказал ему историю предвечных камней: того, что был

в кольце отца, о тех, что мы нашли на неведомой планете, про тот, что спрятал Иити, и как мы его использовали.

— Понятно. Тогда возьми это. — Зилврич протянул мне чашу. — Отыщи свой спрятанный камень. Похоже, мы были на пороге большого открытия, когда отыскиали это... но такого, которое способно породить опасность. И человеку стоит дважды подумать, прежде чем оповещать о нем.

Я прижал чашу к себе, как прижимал Иити, опираясь плечом о стену, чтобы не упасть, и двинулся из каюты Зилврича к лестнице. По лестнице я не спустился, а скорее упал, потом поднялся и добрался до шлюпки. Последние шаги этого пути были такими трудными, что я едва набрал для них сил.

И вот я снова в шлюпке, которая так хорошо послужила нам. Я старался двигаться, держа чашу чуть в стороне от себя и следя за крохотным предвечным камнем. Он сначала слегка светился, потом стал яркой точкой. Но трудно понять, как использовать это свечение: никаких колебаний его я не замечал. Однако надо попытаться.

Я двигался неуверенно — вначале к хвосту, но никаких перемен в свечении камня на чаше не заметил. Но когда прошел к правому борту маленького судна, чаша шевельнулась у меня в руках, попыталась выскользнуть. Как проснувшийся камень тащил меня к брошенному кораблю, где лежали другие такие камни, так и сейчас чаша повисла на обшивке стены. Я сорвал эту обшивку, надеясь, что Иити не упрятал камень слишком глубоко. Пальцы резало, ногти ломались, и я начал испытывать отчаяние. Я мало что могу сделать одной рукой.

Но я продолжал бороться и наконец, видимо, задел замок, потому что панель целиком скользнула в сторону, и я увидел яркий блеск предвечного камня. Чаша рванулась вперед, так что камни соприкоснулись, и я не пытался разделить их. Держа чашу, я попятился и проделал прежний путь в обратном направлении.

Когда сел возле Зилврича, поставив чашу на пол, он посмотрел на камни, которые, казалось, как и я, были довольны достигнутым. Я не только физически ослаб и не мог

держаться прямо, затуманились мои мысли. Теперь, найдя второй камень, я не знал, как использовать его против Ризка. Мне казалось, что, добившись этого небольшого успеха, я истощил все свои силы.

Иити лежал на матраце закатанина, и одна когтистая рука Зилврича касалась лба мутанта.

— Он не мертв...

Я вырвался из своей летаргии.

— Но...

— В нем еще есть искра жизни, очень слабая, но есть.

Я не врач, но даже если бы был врачом, все равно не мог бы судить о состоянии мутанта. К тому же на все это накладывалась моя собственная слабость. Иити умрет, и я ничего не могу сделать...

Или все же могу?

За головой Иити стояла чаша, камни соприкасались. Предвечный камень — это сила. Он обладает способностью превращать нас в других и сохранять эту видимость. И я смог превратить Иити в кошку, потому что вызвал перемену, когда он ее не ожидал. Могу ли я вызвать не перемену, а жизнь в теле мутанта?

Пока сохраняется искра жизни, я должен пытаться.

Я взял бессильно свисающую ладонь левой руки правой, передвинул ее и приложил к камням, не думая о том, что могу обжечься. По крайней мере сейчас я боль не почувствую. Правую положил Иити на голову. Я стал действовать, вызывая в сознании образ своего спутника, каким он был живым. Я вел незримую битву — сражался сознанием, ладонью, на которой навсегда сохранятся шрамы, решимостью победить саму смерть или то, что для Иити считается концом существования. Я пытался с помощью всей текущей через меня силы найти ту искру, о которой говорил Зилврич, найти ее и раздуть в пламя.

Свечение камней заполнило все поле моего зрения, вытеснило каюту, Зилврича, даже Иити, но я упрямо продолжал держать в сознании образ живого мутанта. Глаза, оказавшиеся бесполезными в темноте камеры, снова ничего

не видели. Но я держался, хотя все во мне кричало, отшатывалось, стремилось убежать.

Я даже не вполне сознавал, зачем веду эту битву — знал только, что ее нужно вести до конца. И вот все кончилось: обожженная ладонь лежит на коленях, чашу и камни накрыли тканью, больше я не вижу сияния. А Иити больше не лежит неподвижно, почти мертвый, а сидит на задних лапах, прижав передние лапыруки к животу. Он жив, полностью восстановился.

Я уловил обрывки разговора между закатынином и моим спутником. Но мне так трудно было удержать любую мысль, что этот обмен казался мне неразборчивым шепотом.

Иити двинулся с прежним проворством, принес аптечку, смазал мне ладонь, сделал укол обезболивающего в руку. Но для меня это все почти не имело смысла. Я видел, как закатынин согласился с каким-то сделанным Иити предложением, и мутант унес чашу из каюты — вероятно, снова спрятал. Но мне хотелось только спать.

Разбудил меня голод. Я все еще находился в каюте Зилврича. Если Ризк нанес нам визит за время моего сна, то решил не возвращать меня в камеру. Но меня встревожило то, что я спал. Ведь так много нужно сделать, а я бездействовал.

Появился Иити, словно, проснувшись, я подал ему какой-то сигнал. Он принес два тюбика с А-рационом. Увидев эти тюбики, я на несколько секунд забыл обо всем остальном. Но, выдавив в рот первую порцию и наслаждаясь едой (хотя в обычном состоянии я бы не назвал ее вкусной), я спросил:

— А что с Ризком?

— Мы ничего не можем сделать, пока корабль в гиперпространстве, — ответил Иити. — Но он нашел чем заняться. Похоже, корабль не очень тщательно обыскали, когда конфисковали за контрабанду. Ризк обнаружил запас воркса и теперь видит сладкие сны в своей каюте.

Воркс достаточно силен, чтобы вызвать сны, хотя будут ли они сладкими, другой вопрос. Это не только алкогольный напиток: у терранцев он вызывает галлюцинации. То, что Ризк провел тщательный осмотр корабля, меня не

удивило. Скука во время длительных перелетов заставляет членов экипажей заниматься чем угодно, лишь бы иметь занятие. А Ризк знал, что корабль был конфискован за контрабанду.

— Ему помогли... — добавил Ийти.

В нем чувствовалась такая жизненная энергия, такое обновление, что я даже позавидовал.

— Ты помог?

— Наш достопочтенный коллега, — Ийти кивнул в сторону закатанина.

— Кажется, Ризк склонен к выпивке, — согласился Зилврич. — Хотя нехорошо пользоваться слабостями других, бывают времена, когда такой отход от Всеобщего Милосердия необходим. Мне показалось, что таким образом я смогу предотвратить ошибки. Нам нужно помещение Ризка, а не его общество.

— Если мы выйдем из гиперпространства в системе Лайлстейна, то окажемся на территории Патруля, — мрачно ответил я.

— Можно выйти и сразу уйти — до того, как будет получен вызов, — ответил Зилврич. — Да, я обязан доложить о нападении на наш лагерь. Но у меня долг и перед теми, кто послал нашу экспедицию. Такая находка, как эта карта, случается, может, раз в тысячу лет. Если мы по ней установим расположение планеты, полет туда будет значить гораздо больше, чем обращение к закону и расследование нападения на нас.

— Но Ризк — наш пилот. Он не согласится лететь в места, не нанесенные на карты. А если он решит передать нас...

— Не нанесенные на карты, — задумчиво повторил закатанин. — Вот как раз в этом я не уверен. Посмотри...

Он включил трехмерный проектор — стандартное оборудование пилотской рубки. Нажал на кнопку, и на стене появилась звездная карта. Не будучи астронавигатором, я все равно не мог ее прочесть, мог только увидеть положение звезд и обозначенные под ними координаты для гиперпрыжков.

— Это край мертвого пространства, — сообщил мне Зилврич. — Слева от тебя и третья от угла — выжженная система Путеводной. Судя по датам на карте, она обследовалась триста лет назад — по твоему времени. Это одна из самых старых карт. Теперь взгляни на чашу, представь себе, что мертвое солнце этой системы — красный карлик, поверни чашу на две трети влево...

Я держал чашу в руках, медленно поворачивая ее и поглядывая на карту на экране. И хотя читать такие карты меня не учили, я видел, что он прав! Не только выжженная система, из которой мы бежали, отражена на карте чаши как умирающее солнце — красный карлик, мы можем наметить курс от этой системы к предвечному камню на чаше.

— Но тут нет координат для гиперпрыжка, — сказал я. — А действовать наугад очень опасно. Даже у разведчика, привыкшего к исследовательским прыжкам, шансы на успех две кометы к звезде.

— Посмотри на чашу через это. — Похоже, Иити собирал по всему кораблю все, что может помочь: закатанин протянул мне мою собственную ювелирную линзу.

Разглядывая созвездия, изображенные на карте, я заметил миниатюрные углубления. Что-то вроде надписей, хотя, конечно, прочесть ничего не смог.

— Вероятно, это их гиперкод, — продолжал закатанин.

— Но он для нас бесполезен.

— А вот в этом я не уверен. Мы нашли в мертвой системе еще вот это... и можем попытаться...

— Попробовать расшифровать? — Конечно, он археолог, и подобные загадки для него привычны. Постепенно моя депрессия рассеивалась. Голод я утолил, возможно, теперь уже смогу лучше пользоваться рукой. Ко мне возвращалась уверенность не только в себе самом, но и в знаниях моих спутников.

Я поставил чашу на пол открытой стороной со звездной картой наружу, и Иити присел рядом с ней. Он взял у меня линзу, сжал в своей руке-лапе и склонил голову, как будто не только смотрел на солнечные системы, но и вынюхивал их.

— Можно сделать. — Его мысль была не только ясна; в ней была уверенность, как будто между нами и успехом больше нет никаких препятствий. — Мы вернемся в мертвую систему, пустив ленту Ризка в обратном порядке...

— И попадем сразу в осиное гнездо, — ответил я. — Но продолжай. Возможно, у тебя есть ответ и на это. Тогда мы сделаем то, что сделаем, если только почтенный старейший, — я назвал Зилврича подобающим его титулом, — не прочтет координаты.

Иити не закрыл сознание, как обычно поступал в таких случаях, и я прочел вспышку того, что можно было бы назвать нерешительностью. Никогда не чувствовал я в мыслях Иити страха — сознание опасности да, но не страх. Однако сейчас было ощущение именно такого чувства.

И в то же мгновение почувствовал прилив вдохновения.

— Ты можешь их прочесть! — Я не хотел его обвинять, но прозвучало это как обвинение.

Его шея была настолько гибкой, что он смог, не меняя позы, повернуть голову и посмотреть на меня.

— Древние привычки и воспоминания умирают с трудом, — уклончиво ответил он, как иногда с ним бывает. И убрал линзу, создав у меня впечатление встревоженности, нежелания принять решение.

Я уловил поток чуждых мыслей и на мгновение испытал негодование из-за того, что не могу их прочесть. Мне показалось, что чужак и мутант спорят именно о тех знаниях, в наличии которых я обвинил Иити.

— Именно так, — подтвердил для меня Иити. — Нет, я не могу прочесть. Но эти надписи очень напоминают мне другую форму письма, и я скорее могу их понять, чем вы. — И в ответе его была такая окончательность, что я понял: бесполезно расспрашивать его, откуда ему может быть знакома система письма, напоминающая письменность предтеч, живших тысячелетия назад. И снова в моем сознании возник прежний вопрос: кто такой Иити? Или что он такое?

Хотя он не делал никаких замечаний, создавалось впечатление, что догадки он будет строить вопреки своим же-

ланиям. У него как будто есть личная причина быть недовольным ситуацией, в которую его привела судьба.

Кажется, сейчас мне предстоит служить его руками. В контрольной рубке под руководством Иити я готовился к прохождению курса корабля, проложенного Ризком, в обратном порядке: как только мы окажемся вблизи Лайлстейна, сразу отправимся назад, к Путеводной.

Ризк не показывался. Очевидно, напиток контрабандистов оказался очень крепким. Я не знал, что произойдет, когда мы выйдем из гиперпространства, а его не будет у руля. Может, будем беспомощно болтаться в системе Лайлстейна, пока какой-нибудь патрульный корабль не притянет нас своим лучом и не потащит за собой.

Едва мы вышли из гиперпространства, я ввел данные, указанные Иити, и мы легли на обратный курс от Лайлстейна. Теперь у нас снова много времени, чтобы подумать о многочисленных опасностях, которые могут поджидать нас у Путеводной. Наше успешное бегство должно привести в действие все защитные системы станции. Теперь, когда координаты крепости известны, джеки будут, с одной стороны, ожидать корабли Патруля, а с другой — неприятностей, может быть, со стороны Гильдии, которая попытается захватить добычу из считавшегося неприступным убежища.

Единственный наш ответ — не задерживаться в мертвой системе настолько, чтобы нас обнаружили. Наш невооруженный корабль не сможет сопротивляться джекам. Поэтому нам придется действовать точно так же, как вблизи Лайлстейна. Курс должен быть готов, его нужно набрать, как только мы окажемся в нормальном пространстве, и сразу снова уйти в гипер.

Успех этого маневра зависит исключительно от того, насколько удачно Зилврич и Иити наметят новый курс. И поскольку я ничем не мог им помочь, моей заботой оставались корабль и Ризк.

Наиболее практичным ответом на проблему Ризка стал силовой замок на двери его каюты. Он протрезвел, когда мы были в гиперпространстве, и попытался открыть дверь. Тогда я через интерком сообщил ему, что корабль в наших

руках. Больше я ничего объяснять не стал и выключил интерком, так что все его требования оставались неслышанными. Через обычную систему снабжения мы доставляли ему еду и питье. А в остальном я предоставил ему размышлять — в трезвом состоянии, как я надеялся, — над наделанными в системе Путеводной глупостями.

А все остальное время я проводил в ремонтной мастерской. Усовершенствовал самострелы Ризка, снабдив стрелы наконечниками из зорана. Я не собирался невооруженным исследовать неведомые планеты, как приходилось делать в прошлом.

Если по какому-то чуду мы доберемся до планеты, обозначенной на чаше предвечным камнем, кто знает, что ожидает нас на ней. Возможно, на этой планете мы сможем передвигаться только в скафандрах; планета может быть населена существами, бесконечно превосходящими нас во всех отношениях, и эти существа могут быть настроены враждебно, как боссы Путеводной. Хотя цивилизация, которую представляет чаша, должна была исчезнуть много эпох назад, из ее останков могли возникнуть и другие, и мы можем столкнуться с таким противодействием, какое даже вообразить невозможно. Дойдя до этого места в своих размышлениях, я стал еще тщательнее заниматься самострелами, хотя это не рассеивало мрачного ожидания.

Первое испытание — выход из гиперпространства в мертвой системе. Этот момент приближался, и я все больше нервничал. Иити и Зилврича я практически не видел — только приносил им еду и питье. Мне даже хотелось выпустить Ризка из каюты, чтобы было с кем разделить опасность.

Но когда в тишине корабля прозвучал сигнал тревоги, Иити находился у приборов в контрольной рубке. Он свернулся у меня на коленях, когда я занял кресло пилота, — хотя сознание его было закрыто, словно оно полно драгоценных знаний и он боится слишком поспешно расплескать их.

Мы вышли из гиперпространства, и я нажал соответствующие клавиши, чтобы выяснить наше положение. Нам

продолжало везти: вынырнули мы очень близко от того места, где вошли в гипер в прошлый раз, на внешней окраине мертвой системы.

Но у нас было очень мало времени, чтобы поздравлять себя с этим небольшим успехом. В рубке громко прозвучал сигнал тревоги. Нас поймал луч радара, и теперь в любое мгновение можно ожидать луча притяжения. Руки я держал над панелью управления. Готов был в любое мгновение набрать указанный Иити курс. Но сможет ли он дать его мне, смогу ли я набрать его достаточно быстро, чтобы разорвать контакт, способный отдать нас во власть врага?

Глава 16

Иити был готов, хотя координаты, которые он мысленно переслал мне, для меня не имели никакого смысла. Я был просто посредником: нажимал на клавиши, внося данные. Однако, кажется, пальцы оказались недостаточно быстрыми. Я почувствовал, как силовой луч захватил наш корабль.

Мы ушли в гипер. Но как только головокружение прошло и я понял, что мы совершили переход, я понял также, что мы увели с собой и противника. Вместо того чтобы разорвать силовой луч при переходе, мы по какому-то случайному совпадению действующих сил захватили с собой источник луча! И как только мы снова окажемся в нормальном пространстве, враг сможет напасть на нас.

В гиперпространстве маневрировать невозможно. Сделать это означало бы сбить координаты. И тогда, если повезет, вынырнешь в совершенно неведомом уголке пустого пространства, а если не повезет — в самом центре горячего солнца. Мы оба пленники, пока не закончится маршрут, намеченный закатанином и Иити. Но у нас есть и преимущество: враг так же бессилён, как и мы. А поскольку не был готов к переходу, он должен быть потрясен. Впрочем, у него достаточно времени в пути, чтобы прийти в себя.

— Джерн! — послышался в корабельном интеркоме голос Ризка. — Джерн, что вы делаете?

Похоже, пилот не только пришел в себя от пьяного загула, но и очень встревожен. Достаточно встревожен, чтобы работать вместе с нами? Но теперь я ему не доверял.

Я взял микрофон.

— Мы в гипере... со спутником.

— Мы в плену луча! — проревел он в ответ.

— Я сказал, что у нас спутник. Но он, как и мы, не может двигаться. Мы оба в гипере.

— И куда направляемся?

— Вот бы знать! — Мгновенное бегство подействовало на меня как порция экзалта. Я никогда сам его не пробовал, но слышал о нем достаточно, чтобы представить себе, какое ощущение он вызывает. Уходя в гипер, мы были в серьезной опасности, но теперь у нас достаточно времени для отдыха и планирования.

Но вопрос Ризка застрял в сознании. Куда мы направляемся? К планете, которая может уже не существовать. А если даже существует — какова она?

В этот момент я почувствовал, что очень хотел бы верить в богов какой-нибудь планеты. Сейчас самое подходящее настроение для того, чтобы прийти в какой-нибудь храм, скажем, храм Альфанди, воткнуть жезл божественного призыва в землю, в которой уже есть множество отверстий от таких же жезлов, потянуть за веревку, вызвав низкий глубокий звук — такой звук дойдет до слуха Возвышенного и убедит всемогущий Разум прислушаться к просьбе. Я на многих планетах встречался с верующими в различных богов и демонов. Вера дает ощущение безопасности, недоступное постороннему наблюдателю. Я первым соглашусь с тем, что в создании галактики есть какая-то высшая цель. Но не могу склонить голову перед богами какой-либо планеты.

Я читал в старых записях, что мозг и сознание — не одно и то же. Мозг связан с организмом и служит ему, тогда как сознание способно функционировать в разных измерениях. Отсюда возникают сверхчувственные способности, рожденные не мозгом, а сознанием.

Покинув пилотскую рубку, я застал Зилврича в его каюте. Закатанин сидел на матрасе и как будто пытался проверить истинность своей теории, потому что держал в руках чашу. Глаза его были закрыты, и дышал он неглубоко и часто. Ийти сидел в такой же позе, положив маленькие руки на край чаши и тоже закрыв глаза. И даже я смог ощутить ауру сверхчувственного восприятия.

Я не знал, что они пытаются сделать, но чувствовал, что мое присутствие им мешает. Поэтому попятился и закрыл за собой дверь. Одновременно меня оставило ощущение торжества. То, что нас сопровождает сцепленный с нами спутник, создающий угрозу. Если бы только можно было доверять Ризку! Может, и можно, пока в опасности его собственная шкура. Координаты, которые привели нас сюда... я опять поднялся в контрольную рубку. Мы использовали координаты Ризка, чтобы вернуться в мертвую систему. Предположим, я сейчас сотру эти координаты с ленты. Тогда Ризк не сможет вернуть нас, это будет возможно только по воспоминаниям Ийти и закатанина. В таком случае пилот не будет представлять опасности, а нам очень нужны его знания: он поможет нам справиться с врагом, когда мы вернемся в нормальное пространство.

И я принялся стирать записи с ленты, не позволяя себе передумать. Потом открыл каюту пилота. Ризк лежал на койке. Когда я вошел, он повернул голову и посмотрел на меня. Я не прихватил с собой самострел. Я знаком со множеством способов обороны без оружия и не думал, что он сможет со мной справиться.

— Что мы делаем? — Теперь в его голосе не слышалось гнева, смешанного с тревогой, как в переговорах по интеркому.

— Направляемся к определенному пункту на карте предтеч.

— А кто связан с нами?

— Насколько мы можем судить, кто-то с Путеводной.

— Они догнали нас? — Он очень удивился.

Я покачал головой.

— Мы вышли в системе Путеводной. Это был единственный узнаваемый пункт на карте.

Он медленно повернул голову и посмотрел в потолок.

— Так что произойдет, когда мы выйдем из гипера?

— Если повезет, окажемся в системе, отмеченной на карте. Но... можно ли разорвать связь, когда мы выйдем из гипера?

Он ответил не сразу. На лбу пилота между бровями появилась резкая морщина. Потом на мой вопрос он ответил другим вопросом:

— Что вы ищете, Джерн?

— Возможно, целую планету, полную артефактов предтеч. Сколько это будет стоить?

— Зачем спрашивать? Всякий знает, что цену такой находки не определить в кредитах. За этим стоит Зилврич? Или это твоя игра?

— И то и другое. Зилврич и Иити подготовили координаты.

Он поморщился.

— Итак, мы делаем прыжок, чтобы сгореть на солнце, когда выйдем. Или что похуже...

— А что если ничего подобного не будет, однако с нами выйдут и эти другие? — вернул я его к проблеме, с которой нам предстояло справиться.

Он сел. Сильно чувствовался сладковатый запах перегара, но мне показалось, что пилот трезв. Он поставил локти на колени и положил голову на руки. Теперь его лицо было мне не видно. Он вздохнул.

— Хорошо. В гипере невозможно изменить курс. Так что освободиться от них мы не сможем. Можем настроиться на выход на большой скорости. Это означает потерю сознания, может, и повреждения. Но это единственный известный мне способ разорвать связь. Придется создать дополнительную защитную сеть, иначе мы вообще не выживем.

— И если мы действительно разорвем связь?

— Когда мы потащили их за собой, курс был установлен только на нашем корабле. И рывок затронет только нас, а не их. Им придется повторять наш маневр. И они могут

оказаться в той же системе, а могут — совсем в другом месте. Откуда мне знать? Я говорю, что это возможно, шанс невелик. Думаю, у нас один шанс на десять тысяч. — И тон его говорил, что это слишком оптимистическая оценка.

— Ты можешь это сделать?

— Похоже, у меня нет выбора. Да, могу, если времени будет достаточно. Каковы шансы, если мы выйдем по-прежнему связанными?

— Мы не вооружены, и они смогут нас захватить. Мы сами им не нужны, только то, что у нас с собой.

Он снова вздохнул.

— Так я и думал. Вы все глупцы, но и я такой же.

Но, наверно, он не был окончательно в этом убежден, пока мы не прошли в рубку и он попытался прочесть координаты предшествующего полета.

— Стерты! — Он со свирепым выражением повернулся ко мне.

— Пути назад нет. — Я напрягся, готовясь к нападению. Но тут выражение его глаз изменилось, и я понял, что если он и хочет со мной посчитаться, то отложит это на будущее. Теперь его главная забота — наш корабль и возможность отделаться от преследователей.

Иити и Зилврич никак не объясняли мне свои таинственные занятия с чашей, точно так же не советовался со мной и Ризк, когда вносил изменения в оборудование. Но держал меня при себе как помощника, чтобы я подавал инструменты, поддерживал то или это, пока он создает улучшения.

— Перед возвращением все придется делать заново, — сказал он. — Это все временное. Я даже не могу поручиться, что оно сработает. Нам понадобится прочная сеть...

Мы занялись защитной сетью. Два кресла пилотской рубки, предназначенные для того, чтобы пилоты смогли выдержать нагрузку, были окутаны дополнительными полосками того, что мы могли снять с наших коек. Затем мы спустились туда, где работали Зилврич и Иити, чтобы постараться создать дополнительную защиту для закатанина. Я предполагал, что Иити, как обычно, будет со мной.

Я осторожно постучал по двери, за которой оставил двух телепатов с чашей.

— Войдите, — отозвался Зилврич.

Теперь он лежал, и по нему была заметна его страшная усталость. Чашу я не видел. Ийти тоже лежал здесь, но он поднял голову и почти настороженно посмотрел на меня.

Я объяснил, что мы собираемся делать.

— А это возможно?

Ризк снова пожал плечами.

— Не могу поклясться своим именем, если ты это имеешь в виду. Результат остается теоретически возможным, пока не проверен на практике. Но если вы говорите правду, другого выхода у нас нет.

— Хорошо, — согласился закатанин. Я ожидал каких-нибудь замечаний — за или против — от Ийти. Но их не было. И это меня встревожило. Однако я не стал настаивать, чтобы не подтвердились мои худшие опасения. Когда ситуация и так мрачная, лучше не напрашиваться на пессимистические замечания.

Но у Зилврича имелись пожелания, как получше организовать его защиту. Мы со всем мастерством, на какое способны, выполняли его указания. Когда приладили последнее импровизированное крепление, Ризк распрямылся и потянулся.

— Я дежурю в рубке, — сказал он так, словно вопрос решен. Я не упустил взгляда закатанина, брошенного в моем направлении, и блеска его глаз. Зилврич словно ждал моих возражений. Но ни у кого из нас нет опыта и знаний Ризка. И теперь, когда координаты обратного пути стерты, я не видел для него возможности причинить нам вред.

У него нет причин сдавать нас силам Путеводной. И даже если он попытается вступить в переговоры, ему не дадут на это времени. Ризк вышел, а я послал Ийти мысль:

— Координаты с ленты стерты. Он не может вернуть нас.

— Прimitивная предосторожность, — высокомерно ответил Ийти. — Если он не убьет нас при выходе и его теория подтвердится, небольшой шанс у нас есть.

— Ты как будто не очень в этом уверен. — Моя тревога нарастала.

— Машины есть машины и могут функционировать только в определенных пределах или совсем не функционировать. Однако, несомненно, это единственный ответ. И после выхода у нас будет о чем позаботиться и подумать.

— О чем именно? — Я не хотел больше мириться с неопределенностью. Тот, кто предупрежден, вооружен.

— Мы испробовали психометрию, — вмешался закатанин. — У меня не очень большие способности в этом направлении, но когда мы действовали вдвоем...

Термин, который он использовал, ничего не говорил мне, и он, должно быть, догадался о моем невежестве. Я был рад, что это сделал он, а не мутант. Зилврнич не стал отвечать кратко.

— Если обладаешь определенными способностями и сосредоточишься на объекте, можешь кое-что узнать о его прошлых хозяевах. Существует такая теория, что всякий предмет, связанный с сильными чувствами, например, меч, использованный в битве, сохраняет самые яркие впечатления, и чувствительный может их уловить.

— И чаша?..

— К несчастью, на ней сосредоточивались чувства многих индивидов, принадлежавших к разным расам. И некоторые владельцы чаши были невероятно далеки от наших норм. Мы получили множество эмоциональных отражений, иногда очень сильных и ярких. Впечатления накладываются друг на друга. Словно видишь порванную кожу, поверх нее вторая такая же, тоже порванная, но в других местах, и поверх еще и третья, и пытаешься разглядеть, что лежит под ними.

Наше предположение о том, что чаша гораздо старше могилы, в которой была найдена, и принадлежит к иной расе, чем та, представитель которой погребен в этой могиле, оказалось верным. Мы обнаружили — хотя отличить их друг от друга очень трудно — по меньшей мере четыре слоя, наложенных прежними владельцами чаши.

— А предвечный камень?

— Возможно, он и есть источник трудностей, с которыми мы столкнулись. Сила, оживляющая камень, перекрывает смесь впечатлений. Но вот что мы можем сказать точно: карта имела огромное значение для тех, кто ее изготовил, хотя для последующих хозяев большее значение имела чаша.

— Предположим, мы найдем источник камней, — сказал я. — Что тогда? Мы не можем контролировать торговлю ими. Всякий, кто обладает монополией на сокровище, становится мишенью для многих других.

— Логичное заключение, — согласился Зилврич. — Нас четверо. А такая тайна не может долго оставаться тайной по самой природе того, что мы будем искать. Нравится это тебе или нет, но тебе — всем нам — придется обратиться к властям или жить под постоянным преследованием и опасениями.

— Но мы можем выбрать власть, к которой обратимся, — сказал я. У меня возникла идея.

— Не просто логичная, но, вероятно, лучшая, — Иити подхватил мою полусформулированную мысль и пришел к отчетливому выводу.

— И если эта власть закатане... — вслух произнес я.

Зилврич посмотрел на меня.

— Ты нам оказываешь слишком большую честь.

— По праву. — Я сказал это с легким чувством стыда: трудно признать, что чужакам ты доверяешь больше, чем своим. Но это было именно так. Любому члену Совета закатан я передал бы тайну того, что мы здесь отыщем (если, конечно, отыщем что-нибудь достойное сохранения в тайне) охотней, чем любому другому руководителю. Закатане никогда не создавали империи, никогда не создавали колонии среди звезд. Они наблюдатели, историки, иногда учителя. Но они никогда не поддавались страстям, желаниям, фанатизму, которые в моем виде порождают героев и злодеев.

— А если тайна окажется такой, что ею нельзя будет ни с кем делиться? — спросил Зилврич.

— Я готов принять и это, — сразу ответил я. Но понимал, что не говорю от имени Иити или Ризка, которого теперь тоже следует включать в наше число.

— Посмотрим, — сказал Иити с явной сдержанностью. И не впервые я подумал, что Иити так ведь и не поделился со мной причиной своего упрямого стремления в первую очередь отыскать источник предвечных камней. И смогу ли я отказаться от камней, зная, что можем больше, гораздо больше узнать благодаря им? А что, если закатане посоветуют нам спрятать, уничтожить, скрыть все, что известно о камнях? Смогу ли я согласиться на это без сожалений?

Позже я лежал в своей каюте и думал. Иити, лежавший рядом, не вмешивался в мои мысли. Но наконец, не в силах разрешить дилемму и разобраться во множестве «если», я спросил у мутанта:

— А что вы узнали о прошлом чаши?

— Как сказал Зилврич, было несколько пластов прошлого, они налагаются друг на друга, и то, что мы узнали, настолько искажено, что мы не уверены в верности прочтения. Чаша сделана не теми, кто соорудил гробницу. Эти строители, я думаю, пришли гораздо позже, сами отыскивали эти сокровища и оставили их как погребальный дар одному из своих правителей.

Источник камней... — он колебался, и я уловил мысль, полную удивления, — не ясен. Но мы действительно направляемся к этому источнику, если верно прочли координаты. Камень был встроен в карту как указатель для тех, для кого это было очень важно. Не думаю, чтобы эта планета была планетой их происхождения. Но всего этого достаточно, чтобы свернуть мозги, и чем меньше я буду об этом думать, тем лучше. — С этими словами он разорвал мысленную связь, свернулся в клубок и уснул. Я последовал его примеру.

Вскоре меня разбудил сигнал, что близится выход из гиперпространства. Укутывая закатанина в защитную сетку, мы выслушали его заверения, что он вполне справится сам. Затем мы с Иити быстро направились в контрольную руб-

ку. Вскоре я тоже закутался в сетку и смотрел на лежащего в коконе Ризка. Расслабился в ожидании, и в этот момент началось испытание нашего стремительного выхода.

Было тяжело, может, даже тяжелей, чем когда мы в шлюпке присоединились к кораблю после предыдущего прыжка... Но на этот раз к нашим услугам были защитные устройства и опыт Ризка, и вышли мы из испытания в лучшей форме.

Придя в себя, я сразу посмотрел на радар. На нем виднелись точки, но они обозначали планеты, а не корабль, связанный с нами в гиперпространстве.

— Мы сделали это! — воскликнул Ризк. В то же время Иити прополз по моему неподвижному телу. И я увидел, что он прижимает к себе — предвечный камень.

Камень сверкал так ярко, как тогда, когда мы заставляли его действовать. Но теперь он не добавлял свою силу к нашей. Сияние все усиливалось, оно резало глаза. Иити болезненно вскрикнул и уронил камень. Попытался снова поднять его, но было очевидно, что он не может схватиться лапой за огонь. Теперь я не мог даже прямо смотреть на камень.

Я подумал, не прожжет ли он корпус корабля. Ведь это очень опасно.

— Прикрой его! — крикнул Иити. — Думай о черноте — о темном!

Меня подхватила и увлекла за собой сила его мысли. Я изо всех сил старался думать о черном. Меня изумила возможность такими методами контролировать поток энергии камня. Его сияние начало слабеть. Однако к прежней безжизненной тусклости камень тоже не вернулся: в нем была яркая сердцевина, ставившая его выше любой другой драгоценности, какую мне приходилось видеть. И лежал он в небольшом углублении, которое проделал в материале палубы.

— Щипцы... — Не знаю, поможет ли это: ведь жар камня может расплавить прикоснувшийся к нему металл. Но взять камень голыми пальцами невозможно, и оставить его

лежать мы не можем. Он уровень за уровнем прожжет весь корабль.

Ризк смотрел на нас, не в силах понять происходящее. Но я выбрался из защитного кокона и дотянулся до ящика с инструментами, которыми он пользовался раньше. Со щипцами в руке наклонился к камню, опасаясь, что он приварился к полу.

Но камень отделился от пола, хотя я по-прежнему чувствовал его жар и видел прожженную им ямку. Мы уже несколько раз использовали камень в качестве проводника. Сможет ли он привести нас к последней цели на своей родной планете?

Теперь камень нам не нужен: карта уже показала нам эту планету, четвертую от солнца. И, как ни странно, когда мы положили камень в чашу, его сияние ослабло, словно чаша поглощала энергию.

Хотя мы продолжали следить за радаром, ничего не свидетельствовало о том, что враг последовал за нами в эту систему. И Ризк смог проложить курс к ее четвертой планете.

Я ожидал, что время вызовет перемены в солнце, что оно может стать новой звездой, превратиться в красного карлика или вообще выгореть. Но оказалось, что это не так. Солнце системы относилось к тому же классу, который указан на старинной карте.

Мы перешли на орбиту для сканирования, и наши приборы выдали резюме, что планета действительно пригодна для жизни, и тогда мы перешли к слежению за экранами.

Увидели мы поистине поразительное зрелище. Я знал, что Терра, с которой мой вид вышел в неизмеримо древнюю галактику, была чудовищно переселена в последние дни перед началом эмиграции к звездам: города тянулись к небу, уходили под землю, покрыли большую часть территории континентов и даже шагнули в моря. Я это знал, но никогда не видел. Хоть по происхождению я терранец, Терра теперь на другом краю галактики и превратилась почти в легенду. Да, конечно, мы все видели древние трехмерные

записи, которые переписываются снова и снова. Но большая часть того, что мы видели, не имеет смысла, и шли горячие споры относительно того, что существовало и чего не было на Терре в те дни, когда терранцы еще не вышли на звездные пути.

Теперь я смотрел на нечто очень похожее на тесные — ужасно тесные — сооружения, какие видел на лентах. На этой планете вообще не видно ни свободной земли, ни растительности. Она вся покрыта зданиями — и не только суша, но и море; все море уставлено платформами, слишком правильными, чтобы быть природными островами. Все вместе вызывало страшное ощущение клаустрофобии, тесноты, здание давило на здание, а все вместе они давили на землю.

Двигаясь по орбите, мы перешли от дня к ночи. Но на темной стороне не было видно ни огонька. Если там внизу есть жизнь...

Но как она может там существовать? Жизнь здесь сметена, раздавлена, уничтожена. Я не мог представить себе живое существо в таком окружении.

— Вот порт, — неожиданно сказал Ризк. У него зрение острее, или я просто пропустил то, что он увидел. Мне казалось, что никаких разрывов в адской массе строений нет.

— Ты сможешь сесть? — спросил я, зная, что все равно придется ступить вниз — есть там соковища или нет, есть камни или нет.

— На тормозных ракетах, — ответил Ризк. — Сначала дважды облетим планету для точности. Никакого ведущего луча здесь нет. Вероятно, все покинуто. — Но выглядел он совсем не радостным, и я решил, что он разделяет мои чувства к тому, что находится под нами.

Он начал рассчитывать курс. Затем мы снова легли в свои сиденья, не отрывая взгляда от экрана, глядя, как навстречу нам устремился мертвый мир. Его башни, казалось, готовы схватить нас и утащить вниз, на планету, которую они пожрали.

Глава 17

Благодаря мастерству Ризка посадка прошла нормально, приземлились мы на все три опоры. Ризк посадил корабль на тормозных ракетах, как настоящий мастер. И не в первый раз подумал я о том, что могло привести к включению его в черный список — неужели только склонность к выпивке? Мы лежали в креслах, смотрели на экран, а приборы исследовали окружение и докладывали нам результаты.

Эти доклады заставили меня еще больше оценить мастерство Ризка. Он посадил нас в узкую щель между зданиями, такими высокими, что сознание не могло сразу приспособиться к увиденному. И только теперь, оказавшись в этом лесу искусственных гигантов, мы смогли увидеть, что сотворило с ними время.

По большей части здания серо-коричневые или синезеленые, и не видно ни следа соединения отдельных блоков. Но гладкие стены покрылись трещинами, их поверхность без окон и дверей имеет разломы. Окон или дверей мы не видели.

Ризк повернулся к приборам, указывающим состав атмосферы.

— Искусственного типа, пригодная для жизни, — сказал он. Но не попытался выбраться из защитной сети. Я тоже.

Самим своим существованием гигантские сооружения давили на нас, делали маленькими. Мы словно насекомые, не способные выбраться из пыли, в которой ползаем, рядом с гигантами, вокруг голов которых собираются едва видимые облака. И подавляло ощущение древней смерти. Не достойное погребение, где покоятся столетиями после возданных почестей, а общая могила, где все анонимно: люди, знания, верования...

Здесь ничего не двигалось. Ни одно летающее существо не мелькало между зданиями. Ни следа растительности. Поистине захоронение давно безжизненных костей. Бояться было нечего, но во мне (и судя по действиям Ризка, в нем тоже) нарастало ощущение, что здесь не место живым.

— Идем! — Это Иити. Его маленькое тело напряглось, в быстрых движениях головы хищная энергия. Он пристально смотрел на экран; изображение на нем продолжало поворачиваться, но ничто не нарушало единообразия вида башен.

Я выбрался из сети, Ризк тоже. Чаша с предвечным камнем стояла на столе, над ней нависал Иити, словно страж сокровищ. И камень сверкал, хотя, возможно, не так интенсивно, как раньше.

Мы спустились вниз и присоединились к Зилвричу. Закатанин стоял, прислонившись к стене. Он смотрел на Иити, и мне показалось, что они обмениваются мыслями. Я подставил плечо, и вместе с Ризком мы вывели закатанина из люка, спустили по трапу на поле космопорта.

Послушался глухой стон, и пилот полуприсел, глядя в узкие проходы между башнями. Кроме небольшого пространства порта, всюду полумрак, какой мне приходилось видеть в лесах на других планетах. Стон продолжался, и мы поняли, что он вызван ветром. Возможно, воздух, проходя в разрывы в стенах зданий, действовал таким образом.

Снаружи опустошение заметно еще сильнее, чем на экране. И у меня не было ни малейшего желания исследовать эти руины. На самом деле мне казалось, что стоит войти в этот лабиринт, и никогда из него не выйдешь. А что касается того, где искать... С воздуха мы видели, что город сплошь покрывает всю сушу и большую часть морей. Мы можем быть в половине или в трех четвертях планеты от того, что ищем, и нам потребуются дни, месяцы поисков...

— Думаю, нет! — Иити прихватил с собой чашу. Он поднял ее, и мы увидели двойной блеск камней на поверхности чаши и внутри нее. Иити резко повернул голову вправо. — Сюда!

Но то, что там находится, все равно может оказаться в милях от порта. А Зилврич не пройдет такое расстояние, да я и не стану надолго расставаться с кораблем. У нас есть флиттер... если сумеем вдвоем втиснуться в грузовой отсек, тогда сможем преодолеть часть расстояния по воздуху.

Мы оставили Зилврича и Иити у конца трапа, а сами вернулись в корабль. Погрузили во флиттер немногие припасы и самострелы. Мы втроем плюс Иити слишком тяжелы, и флиттер не сможет набрать большую высоту, но ничего лучше придумать невозможно. Шлюпка модифицирована, и потребуются дни для ее новой переделки, а у нас нет времени.

Судя по солнцу, была уже вторая половина дня, когда мы были готовы отправляться. Я предложил подождать до утра, но, к моему удивлению, закатанин и Иити были против. Оба они держались поближе к чаше и, похоже, знали, что нужно делать.

Мы набились в маленький корабль, и Иити, словно так и должно быть, принял на себя управление, используя мои руки для действий. Мы поднялись на два моих роста над поверхностью, затем резко повернули вправо. пересекли посадочное поле и углубились в узкий тоннель между башнями.

Здания отрезали солнце, и темнота сгустилась. Я снова подумал, как могли здесь жить люди? Здания на разных уровнях соединяли воздушные переходы, они образовали такую густую сеть, что отрезали почти весь свет на том уровне, где мы передвигались. Некоторые переходы обрушились, и обломки упали на нижние переходы или на поверхность под нами.

Мы включили фары, и я максимально сбросил скорость, чтобы не столкнуться с одной из таких груд обломков. Но Иити как будто был абсолютно уверен в направлении и посылал меня из одного полузаваленного прохода в другой.

Сумраки сгустились и превратились в настоящую ночь. Я все больше боялся, что мы заблудимся и не сможем отыскать путь назад, в сравнительную открытость порта. На этом уровне все одинаковое, повсюду упавшие сверху обломки и стены зданий, не прерываемые ни одним входом.

И тут луч прожектора уловил движение. Оно было настолько стремительным, что я решил, будто это игра воображения — пока луч снова не упал на это существо. За-

гнанное в угол, оно повернулось к нам, рыча вызывающе и, может, в страхе.

Мне приходилось видеть много необычных живых существ на разных планетах, так что отклонения от привычного для нас облика для меня не в новинку. Но в этом существе из мрака и развалин было нечто такое, что вызывало мгновенное отвращение. Будь мы на открытом месте, а в руке у меня лазер, думаю, я убил бы эту тварь, не задумываясь и без сострадания.

Но мы видели ее лишь на мгновение, прижатую к стене лучом света. Затем она исчезла, и с такой быстротой, которая меня изумила. Передвигалась она на двух лапах, потом встала на четыре. И хуже всего то, что она походила на человека. Или на то, что столетия назад могло быть человеком. пока время не превратило ее в неразумное существо, заботящееся только о выживании.

— Кажется, у города все-таки есть обитатели, — заметил Зилврич.

— Эта тварь... что это? — Я разделял отвращение, которое прозвучало в голосе Ризка. — Куда она делась?

— Поверни налево. — На Иити увиденное как будто совсем не повлияло. — Туда...

«Туда» оказалось первым отверстием, которое я увидел в зданиях на уровне поверхности. Оно слишком правильное, чтобы быть трещиной или разрывом стены. Проход достаточно велик, чтобы пропустить флиттер. Но у меня было неприятное подозрение, что именно в этом отверстии и исчезла тварь. Идти дальше означает оставить машину, и тогда мы рискуем оказаться во власти «твари» и ее сородичей...

Но я повиновался указаниям Иити, ввел машину в отверстие, и мы повисли за входом. Мы оказались в круглом помещении. Если в нем была какая-то обстановка, то давно исчезла. Возможно, ее остатки грудями лежали на полу. Пол покрыт тропами и в некоторых местах утоптан. А тропинки — их две — ведут прямо к еще одному темному отверстию прямо в полу — к колодцу.

Я осторожно двинул флиттер, пока мы не повисли носом над углублением. Оказывается, можно спускаться в

машине. Поступать так, не зная, что ждет нас внизу, — к такой опасности я не готов. Но если у меня и были подобные страхи, Ийти они нисколько не заботили. Он навис над чашей, в которой сверкал камень.

— Вниз! — последовал его приказ. — Теперь вниз!

Я было отказался, но тут заговорил закатанин.

— Это правда. Внизу под нами очень большая сила. И если мы будем продвигаться осторожно...

Без флиттера я бы определенно отказался спускаться. Спуск же в машине создает некоторую — относительную, конечно, — безопасность. Все равно мне спуск казался безумием. Я ожидал, что возразит Ризк. Но, посмотрев на него, увидел, что он зачарованно смотрит на камень в чаше.

Повиснув над отверстием, я начал спуск, успокаиваемый хотя бы тем, что мы находимся в машине. Я внимательно следил за стенами колодца и опускал флиттер как можно осторожнее.

Каково первоначальное назначение этого отверстия, мы не знали. Но очевидно, им пользовались и в более поздние времена, потому что на стенах видны были наплавленные или вколотенные опоры для рук и ног — очень примитивная лестница. И для ее сооружения использовались обломки каких-то более сложных сооружений. Работа очень плохая, качество гораздо ниже того, какое видно в зданиях города, словно выполняла эту работу какая-то примитивная раса.

Мы проходили этаж за этажом, проплывая мимо черных отверстий в стенах колодца. Похоже на ось колеса, спицы которого расходятся во все стороны и размещены на равных расстояниях друг от друга. И хотя лестница подходила к некоторым из этих отверстий, она продолжала спускаться, как путеводная тропа в обширном лабиринте нор.

Я следил за отверстиями, к которым подходила лестница, но не видел никаких признаков жизни, а луч нашего прожектора не мог проникнуть слишком далеко. Все вниз и вниз — шесть уровней, восемь, десять, двенадцать, двадцать... Стены колодца не сужались. Но все труднее ста-

новилось удерживать машину в таком медленном спуске. И лестница все еще ведет вниз. Пятьдесят уровней...

— Скоро, уже скоро! — Мысли Иити были возбужденными, никогда раньше в них не было столько чувств. Я посмотрел на приборы. Мы в нескольких милях под поверхностью. Я еще уменьшил скорость и ждал. Легкий толчок, и мы сели. Теперь перед нами, чуть влево, открывался только один туннель. И он слишком узок для флиттера. Следовать дальше можно было только пешком, а у меня не было желания оставлять пусть хрупкую безопасность флиттера.

И мое благоразумие оказалось оправданным. У входа в туннель мы заметили движение, хотя я обратил внимание, что примитивная лестница кончилась четырьмя этажами выше нашего нынешнего положения. В луче нашего прожектора показалась машина, таких я никогда не видел. Но труба, лежащая на сгибе, достаточно напоминала оружие, чтобы понять: встреча с этой машиной ничего хорошего чужакам не сулит.

Но когда я протянул руку к кнопке подъема, одновременно заговорили Иити и Зилврич: мутант мысленно, зататанив вслух:

— Не нужно!

Не нужно? Они с ума сошли! Нужно уйти за пределы действия этой штуки, прежде чем она выстрелит!

— Смотри... — Это Зилврич. Иити смотрел на камень в чаше.

Я посмотрел, ожидая увидеть вылетающую из трубы зловещую смерть. Но не увидел ничего — вообще ничего!

— Где?..

— Экстрасенсорное впечатление, — ответил Зилврич. — Известно, что многое: деревья, вода, камни и другие объекты — может много лет сохранять зрительное впечатление и создавать его при соответствующем настрое сознания воспринимающего. Строители зданий знали этот принцип и использовали его. Или то, что мы увидели, могло быть отражением событий прошлого; эти события вызвали такие сильные чувства, что впечатление было активировано нами.

— Мы идем... туда... — Ийти не стал ничего объяснять. Он выставил чашу вперед, используя ее как указатель пути. Путь вел вниз по темному проходу.

И нам пришлось подчиниться. Иначе они с закатанином пошли бы одни. К тому же гордость не позволяла мне оставаться. Мы были единым целым, противостоящим неведомым опасностям, и я отдал Ризку один из самострелов. Вооруженные таким образом, мы двинулись вперед, Ийти ехал у меня на плече, и его тяжесть создавала проблему; Зилврич и Ризк шли за нами.

Я взял из снаряжения флиттера фонарик, но он нам вскоре оказался не нужен. Свет давала чаша. В этом освещении видна была ровная стена без каких-либо повреждений. Мы словно шли по большой трубе.

Расстояния в темных подземельях относительно малы. Мне казалось, что опасным станет недостаток воздуха. Но, видимо, вентиляционная система, подававшая воздух в эти глубины, продолжала действовать.

Наконец мы добрались до конца туннеля и вышли из него. Но не в шахту или новый туннель, как я ожидал, а в помещение, заполненное аппаратурой, оборудованием; частично все это было прикреплено к полу, другая часть стояла на столах или длинных стеллажах. В середине всего этого разнообразия горел яркий свет, и Ийти сразу направился к нему.

На столе возвышался конический предмет примерно с меня высотой. Сквозь отверстия в нем видны были полочки внутри, а на полках-подносах — с десятков предвечных камней, светившихся все ярче, по мере того как мы подносили к их контейнеру свой камень и чашу.

Рядом с конусом на столе стояла еще одна полочка из подносов, а в ней с десятков камней, но на этот раз грубых и необработанных. Они были черны, как куски угля, но не казались истощенными и лишенными жизни, как те, что мы обнаружили в брошенном корабле при первом проявлении силы камня.

Ийти с моего плеча спрыгнул на стол, поставил чашу и попытался через отверстия добраться до камней внутри. Но тут кое-что всплыло у меня в памяти.

Есть много способов обмана, известных опытным торговцам камнями. Камни можно заставить изменить цвет, даже скрыть недостатки. Высокая температура превратит аметист в золотой топаз. Искусно примененная комбинация температуры и химических веществ может из бледно-розового рована сделать несравненный алый камень.

Я взял один из черных камней с подноса и достал свою ювелирную линзу. У меня не было способа проверить камень, который я держал, но во мне нарастало убеждение, что это и есть матрица — подлинный предвечный камень. Это не природные камни, они искусственно изготовлены, и это логично объясняет их способность усиливать энергию.

Предмет, который я держал, несомненно, необычен. Поверхность его бархатистая на взгляд, но не на ощупь. Он изготовлен в виде стручка...

Я перевел дыхание. Воспоминания проделывали со мной странные вещи. Это, должно быть, какой-то обман зрения...

Когда-то я нашел камни — или то, что походило на камни, — в ручье. На взгляд, но не на ощупь, у них была бархатистая, почти пушистая поверхность. Один из этих камней схватила корабельная кошка, стала его лизать, проглотила... и родила Ийти! Эти камни не круглые, они продолговатые, похожи на стручки, но их поверхность...

Держа такой камень в руке, я посмотрел на Ийти. Он нашел замок у одного из отверстий конуса, открыл его и вытаскивал поднос с уже готовыми камнями. Затем, к моему изумлению, когда поднос с камнями был снят со стола, конус ожил, на его внешней поверхности загорелись огни. Не раздумывая (и даже почти поневоле, вопреки гложащим меня подозрениям), я вставил второй поднос, оставив в руке только один камень. Отверстие захлопнулось само по себе, едва не защебив мои пальцы. И внутри загорелся ослепительный свет.

Я получил ответ.

— Эта штука делает камни.

Зилврич взял камень с первого подноса и сравнил с тем, что я держал в руке.

— Да, думаю, ты прав. Не думаю, чтобы это... — он указал на черный кусок... — природная руда или матрица. — Он повернул справа налево свою перевязанную голову, разглядывая помещение. Из конуса вырывался яркий свет. — Я уверен, это была лаборатория.

— Что означает, — заметил Ризк, — это последние камни, которые мы увидим. Если они не оставили записи, как...

Неожиданно послышался пронизывающий сознание ужасный резкий крик. Я бросил один взгляд на конус, схватил Иити, оттолкнул Зилврича и выкрикнул предупреждение. И тут из конуса фонтаном вырвалось пламя, устремилось вверх. Держа Иити, я упал на пол. Зилврич оказался подо мной.

Затем... огонь погас!

Наступила полная темнота. Я ошупью искал фонарик на поясе, потому что снова не мог понять: то ли я ослеп, то ли здесь просто нет света. Но когда нажал кнопку, фонарик загорелся.

Я нацелил его луч на стол — вернее, на то место, где стоял стол. Теперь здесь ничего не было! Совсем ничего, только расходящееся от нас веерообразно пустое пространство, словно сила проделала для себя тропу, но не к нам, а от нас. И только одна вещь оставалась внешне нетронутой, как будто неподвластной времени и разрушению. Это была чаша с картой. Иити издал звук — что происходило с ним крайней редко. Он вырвался из моих рук и побежал к чаше. Но не добежал до нее, остановился, а я снова выкрикнул предупреждение, выкрикнул еще громче, потому что во мне страх смешивался с благоговением.

В свете фонарика тело Иити замерцало. Он встал на ноги, как животное, которое тащат за ошейник или поводок.

Его лапы-руки замелькали в воздухе, он болезненно крикнул, но не послал мысль — будто стал всего лишь животным.

С прямой спиной, вытянувшись на ногах, он задвигался — рывками, напряженно, в каком-то болезненном танце, двигался по кругу, центром которого была чаша. Пена выступила у него на губах, глаза дико выкатились, а тело сверкало все сильнее, пока не превратилось в столб мерцающего тумана.

Этот столб становился все выше и больше. Атомы, составлявшие полукошачье тело Иити, как будто разлетались, и он буквально превращался в ничто. Туман, вместо того чтобы рассеиваться, начал снова конденсироваться. Но столб не уменьшался в размерах, он приобретал другую форму.

Ни я, ни Зилврич, ни Ризк не могли пошевелиться. Фонарик выпал у меня из руки, но случайно упал так, что его луч попрежнему был направлен в сторону Иити, вернее, того, что раньше было Иити, и на чашу.

Темнее, плотнее, прочнее становилась колонна. Иити был размером чуть больше своей матери, корабельной кошки. Но это дергающееся существо, в которое превращался столб, с меня ростом. Вот оно перестало расти, лихорадочные круги вокруг чаши становились все медленней и наконец прекратились.

Я по-прежнему в изумлении не мог пошевелиться.

Я видел, как Иити приобретал три разных иллюзорных облика: он становился пухлой, змеей на Лайлстейне и волосатым человекоподобным, когда мы с ним были на Путеводной. Но я был уверен, что эта последняя перемена произошла не по его воле.

Гуманоид и...

Стройное, но гибкое тело, с длинными красивыми ногами, тонкой талией, и над ней...

Он... нет, ОНА... она стояла неподвижно, глядя на свои вытянутые руки, с мягкой кожей золотистого цвета. Опустила голову, разглядывая свое тело, провела по нему вниз

и вверх руками, может быть, заверяя себя, что теперь она именно такая.

Зилврич произнес одно-единственное слово:

— Луар!

Голова Иити повернулась, она большими глазами посмотрела на закатанина, глаза тоже золотые, но цвет более глубокий, чем у кожи; развела длинные волосы, словно плащом покрывающие все тело. Потом наклонилась и подняла чашу. Держа ее на ладони руки, пошла к нам в луче фонарика, словно стараясь произвести на нас впечатление своей измененной внешностью.

— Луар? — повторила она это слово. — Нет, талан!

Она помолчала, глядя не на нас, а куда-то в пространство, словно видела то, чего мы не можем увидеть.

— Да, луар мы знали, какое-то время жили здесь, достопочтенный, так что наши следы здесь остались. Но это не наша родина. Мы искатели, мы рождающиеся вновь. Талан, да. А до этого еще много-много других.

Она протянула чашу, повернув ее так, чтобы мы могли видеть карту. Предвечный камень на ней был мертв, а второй камень вообще исчез.

— Сокровище, которое мы искали здесь, теперь исчезло. Если только ваши мудрецы, достопочтенный, не смогут разгадать древние загадки.

— Из-за тебя, Джерн!

Я содрогнулся, неожиданный удар по руке отбросил меня к обломкам оборудования. Я вцепился в них, чтобы не упасть на пол. Иити гибким стремительным движением, характерным для него... для нее... в кошачьем облике, подхватила фонарик. Направила его на Ризка, который собирался еще раз выстрелить из самострела. И издала отчетливый свист.

Ризк задергался, как будто под лучом мощного лазера. Раскрыл рот, но крик получился беззвучным. И из его обесилевших рук выпало оружие.

— Довольно! — Зилврич, двигаясь с достоинством, характерным для его расы, поднял лук. Свист оборвался на середине, и Ризк стоял, поворачивая голову из стороны в

сторону, словно сопротивлялся, пытался отбросить оцепенение.

Я осторожно пощупал себя — свет по-прежнему был направлен на Ризка, который качался и только усилием воли держался на ногах, — и не нашел никаких ран или порезов, хотя тело болело. Я решил, что Ризк промахнулся, стрела лишь чуть задела меня, вызвав ушиб.

— Довольно! — повторил закатанин. Он положил руку на плечо пилота и поддержал его, словно они товарищи по оружию. — Сокровище... самое ценное сокровище... по-прежнему здесь. Вернее... — он внимательно посмотрел на Иити... — теперь оно часть нас. Ты получила то, что давно искала, Пришедшая из глубины времени. Не лишай других меньшей награды.

Она повернула чашу в руке, и губы ее изогнулись в улыбке.

— Конечно, достопочтенный, в этот час я никому не желаю вреда. Как ты справедливо указал, я своей цели достигла. И знания поистине сокровище...

— Больше никаких камней, — произнес я вслух, сам не зная почему. — Никаких неприятностей. Без них нам будет лучше...

Ризк поднял голову, мигая на свету. Посмотрел туда, где стоял я, но, думаю, на самом деле он меня не видел.

— Действительно довольно! — резко сказала Иити. — Достопочтенный прав. Мы нашли мир, полный сокровищ, и он и его соплеменники лучше всего приспособлены для изучения этих сокровищ. Разве это не так?

— Так. — У меня не было никаких сомнений.

Голова Ризка снова шевельнулась, но не в отрицательном жесте. Он скорее хотел прояснить свои мысли.

— Камни... — хрипло произнес он.

— Это была наживка ко множеству ловушек, — ответил я. — Ты хочешь, чтобы Гильдия, Патруль, джеки с Путеводной вечно шли по твоим следам?

Он поднял руку, протер ею лицо. Потом посмотрел на Зилврича, старательно отводя взгляд от Иити. Как будто только закатанин мог сказать ему правду.

— Здесь по-прежнему есть сокровища? — Вопрос прозвучал как-то по-детски, как будто неожиданное нападение Иити избавило пилота от многих лет подозрений и осторожности.

— Больше, чем можно себе представить, — успокаивающе ответил Зилврич.

Но меня сокровища больше не интересовали. Я наблюдал за Иити. Мы были компаньонами как мутант и торговец драгоценными камнями. Но что будет сейчас?

Не слова, а прикосновение мысли — быстрый ответ на мои хаотические размышления.

— Я говорила тебе однажды, Мердок Джерн, что в нас есть нечто такое, что заставляет полагаться друг на друга. Мне вначале нужно было тело, а тебе — те жалкие способности, которым это тело обладало. Мы и теперь зависим друг от друга, хоть я и обрела тело, лучше отвечающее моим целям. Я вспоминаю, что это тело хорошо служило моей расе тысячи лет назад. Но я из-за этого не объявляю наше партнерство оконченным. А ты?

Она двинулась вперед, отбросив чашу и фонарик, как будто они ей больше не нужны. И прикоснулась ко мне, легко, ласково, к больной руке.

Много раз я испытывал раздражение из-за превосходства Иити, пытался разорвать его... ее (нелегко привыкнуть к такой перемене) власть надо мной, разорвать ту сеть, которую соткал... соткала между нами Иити после того, как родилась на моей койке на корабле вольных торговцев.

От ее прикосновения боль стихла. И я знал, что — к лучшему или к худшему, — но не могу отказаться от судьбы, которую она принесла мне. И когда принял это решение, все остальное встало на место.

— Хочешь выйти из игры?.. — ее мысль показалась мне еле слышным шепотом.

— Нет! — уверенно ответил я, искренне, всем своим существом.

**ПРЕДВЕЧНЫЙ
КАМЕНЬ**

Глава 1

Темнота в этой зловонной аллее была настолько густой, что, казалось, можно протянуть руку и, поймав сгущение тени, двигать ее туда и сюда, словно занавеску на окне. Это было естественным следствием того факта, что в этом мире не было луны, и лишь звезды освещали ночное небо. Кроме того, люди в Кунга-сити зажигали фонари лишь на главных дорогах этого пристанища несчастий.

Запахи здесь были такими же густыми и стойкими, как и темнота, а жижа под моими ногами, покрывающая неровную поверхность каменной мостовой, таила постоянную опасность. Несмотря на то, что страх заставлял меня бежать, здравый смысл говорил, что нужно осторожно делать шаг за шагом, останавливаясь, чтобы проверять дорогу перед собой. Моим единственным проводником были смутные воспоминания об этом городе, в котором я пробыл всего лишь десять дней. Где-то впереди, если мне очень, очень повезет, есть дверь, на которой изображение головы праведника, известного обитателям этой планеты. Глаза этой головы горят в ночи гостеприимным огнем, а за дверью — факелы, заботливо зажженные, чтобы прогнать ночь. И если человек, бегущий от погони по улицам и переулкам, сможет ухватиться за засов под этими глазами, отодвинуть его и войти в холл за дверью, он спасен, даже если только что пролил чью-то кровь.

Пальцы протянутой влево руки скользили по мокрому камню, сгребая с него грязь. В правой руке у меня был лазер. Он помог бы мне выиграть момент, окажись я загнанным в угол. Я задыхался от напряжения, сбитый с толку

этим ночным кошмаром, начавшимся не по моей вине и не по вине Вондара.

Вондар... Я решительно выбросил его из своих мыслей. У него не было шансов с того самого момента, когда четверо Зеленых мантий вошли так спокойно в пивную и начали крутить волчок. Люди, сидящие вокруг, постепенно менялись в лице, наблюдая за этими спокойными уверенными действиями. Несущая смерть стрелка зловеще вращалась, чтобы указать на того, кто должен быть принесен в жертву демону, которого они так почитали.

Мы сидели, словно были связаны обычаями этого проклятого мира, да, в общем-то, так оно и было. Каждый, кто пытается уклониться от вращающейся стрелки, немедленно будет убит своим ближайшим соседом. Этой лотереи нельзя было избежать. Мы сидели здесь без страха, так как обычно. Зеленые мантии не выбирали инопланетников. Они не хотели иметь после этого проблем с Патрулем или с силами, расположенными за пределами их собственного мира — были достаточно умны, чтобы понимать, что несмотря на то, что бог достаточно могуществен в своем собственном мире, он может превратиться в ничто под тяжестью железного кулака того, кто в него не верит, когда этот кулак обрушится с небес.

Вондар даже подался немного вперед, чтобы изучить лица сидящих вокруг нас людей с присущим ему любопытством. Он был удовлетворен, так как совершил сегодня удачную сделку, съел одно из тех превосходных блюд, которые умеют готовить эти варвары, и нашел новый источник кристаллов лалора.

Именно он смог разоблачить козни Хамзара, который хотел всучить нам лалор весом в шесть карат, но с изъяном внутри? Вондар ловко сделал объемную съемку и пришел к выводу, что этот изъян нельзя устранить при помощи полировки, и что этот камень, который мог бы обогатить Хамзара, продай он его кому-то менее осведомленному, плохой и имеет такую же цену, что и заряд для лазера.

Заряд для лазера... Мои пальцы крепче сжали оружие. Сейчас я охотно променял бы целый мешок кристаллов ла-

лора еще на один заряд, ожидающий своего часа у меня за поясом. Жизнь человека для него самого стоит дороже ска- зочных богатств Джаккарда.

Итак, Вондар наблюдал за людьми в таверне, а они на- блюдали за вращением смертоносной стрелки. Наконец, она остановилась, указывая не на конкретного человека, а на узкое пространство между плечом Вондара и моим, так как мы сидели очень близко. И Вондар, улыбнувшись, ска- зал:

— Похоже, их демон сегодня нерешителен, а, Мердок?

Он говорил на основном, но здесь, наверное, были те, кто понял его слова. Даже после этого он не испугался и не потянулся за оружием, хотя всегда был настороже. Ни один человек не сможет вести жизнь торговца драгоцен- ными камнями, переезжающего с планеты на планету, если не держит ухо востро, лазер наготове и не чувствует опас- ности.

Демон был в нерешительности, но не его последовате- ли. Они пришли за нами. Из длинных рукавов их одежды появились веревки, которыми они связывают пленников, чтобы притащить их в жилище своего господина. Я выстре- лил в первого из Зеленых мантий, опалив при этом крышку стола. Вондар вскочил, но на мгновение позже. Как гово- рят вольные торговцы, удача покинула его. Человек, сидя- щий слева, прыгнул на него и, придавив спиной к стене, прижал руку Вондара так, чтобы он не мог дотянуться до оружия. Все они кричали на нас, а Зеленые мантии стоя- ли в нерешительности, предоставляя возможность другим справиться с нами.

Я убил другого человека, накинувшегося на Вондара. Но в того, кто набросился на него первым, я не рискнул стрелять, боясь задеть своего учителя. Затем услышал, как Вондар вскрикнул, и его крик захлебнулся в хлынувшей из его рта крови. В драке нас размело в разные стороны, и теперь я скользил вдоль стены, пытаюсь направить луч на Зеленые мантии. Вдруг я почувствовал, что у меня за спи- ной нет больше стены. Я споткнулся и выбежал через бо-

ковую дверь на улицу. Сначала я бежал не скрываясь, затем спрятался на мгновение в дверном проеме — и услышал звуки погони позади себя. Было мало надежды сбежать от преследователей, так как они находились между мной и путем в космопорт. Довольно долго я стоял, вжавшись в этот дверной проем, не видя для себя ничего иного, как битва до конца.

Вдруг в моем сознании промелькнуло какое-то смутное воспоминание. Я вспомнил о святилище, в которое нас водил Хамзар три или четыре дня назад. Рассказанная им история всплыла у меня в памяти. Но в тот момент я не мог с уверенностью сказать, в каком направлении находится эта смутная надежда на спасение.

Я попытался успокоиться и вспомнить, куда ведет улица, на которой я стою. Подготовка спасла многих в трудной ситуации, и именно подготовка пришла мне теперь на помощь. Мою память упорно тренировали. Ведь все же я был сыном и учеником Хайвела Джерна.

Вновь и вновь я пытался вспомнить расположение улиц и надеялся, что смогу найти из всего этого выход. Мои преследователи наверняка полагали, что все преимущества на их стороне, и им достаточно находиться между космопортом и мною, загнанным в глубину лабиринта улиц этого незнакомого мне города. Я осторожно вышел из тени и начал движение совсем не в том направлении, которого они от меня ожидали. Я пошел сначала на север, а потом на запад. Итак, я шел по этой улочке, пробираясь по зловонной грязи.

У меня было всего два ориентира и, чтобы увидеть один из них — башню космопорта — мне достаточно было оглянуться. Ее свет был мощным, ярким на фоне темного неба. Другой я мог видеть лишь время от времени, перебегая из одного темного закоулка в другой. Это была сторожевая башня Кунга-сити. Она возвышалась над городом, что давало возможность вовремя заметить внезапное нападение диких морских разбойников, которые прибывали с севера в голодные сезоны Великого Холода.

Улица закончилась стеной. Я подпрыгнул, чтобы ухватиться за ее край. Лазер мне пришлось держать зубами. Взобравшись на стену, я сел, чтобы оглядеться. Наконец я решил, что дальше пойду по стене. Стена образовывала заднюю сторону двора другого ряда домов и была не очень широкой, но зато позволяла мне держаться над уровнем земли. Окна верхних этажей домов слабо светились и служили мне маяками. Когда я время от времени останавливался, чтобы прислушаться, до меня доносился говор моих преследователей. Они рассредоточились по основным улицам и переулкам, преследовали меня очень осторожно, и я надеялся, что у них нет желания встретиться лицом к лицу со своей жертвой, которая готова выстрелить лазером из темноты. Время работало на них. Ведь если я не успею найти убежище до рассвета, меня смогут легко отличить по одежде. На мне была модифицированная форма космонавта, весьма удобный костюм для межпланетных путешественников.

Вондар выбрал для нас форму бледно-оливкового цвета. На его груди красовалась эмблема гемолога, специалиста по драгоценным камням. У меня был точно такой же китель, только с двумя полосками, выдававшими мой статус ученика. Для большего удобства передвижения по космическому кораблю наши ботинки были снабжены магнитными пластинами. В качестве нижнего белья мы носили комбинезоны. Обитатели этого мира носили длинные, украшенные бахромой одежды и витиеватые разноцветные головные уборы. Моя одежда была слишком приметна, и можно было лишь одним способом хоть немного изменить мой облик. Балансируя на стене и держа лазер зубами, я стянул с себя форму, эмблема на которой слишком бросалась в глаза, скатал ее как можно туже и, рискуя упасть, зашвырнул в куст терновника. Затем прошел по стене еще немного, миновав четыре дома, пока не уперся в еще одну стену. Отсюда я мог спрыгнуть либо в сад, либо в переулок. Я бы предпочел переулок, если бы не звуки, доносящиеся снизу, которые заставили меня вжаться в стену. Там что-то двигалось, но это были не люди.

До меня доносились чавкающие по грязи звуки шагов. Мне даже показалось, что я слышу чье-то свистящее дыхание. Кто бы это ни был, он был отнюдь не похож на тех, кто меня преследовал. Руками держась за стену, я смог нащупать пальцами отверстия в ней и догадался, что стою около одного из тех зданий, которые украшены геометрическими узорами, чтобы подчеркнуть их значимость и отличие от других. Некоторые из этих узоров были выпуклыми. Я ощупал стену, и мне пришло в голову, что узоры могут доходить до крыши. Таким образом, мне открывался еще один путь.

Я наклонился, снял ботинки и прикрепил их сзади к ремню. Перед тем как лезть вверх, долго прислушивался к звукам снизу. Теперь они доносились откуда-то изда-лека.

И вновь хорошая подготовка пришла мне на помощь. Я цеплялся за острые выступы руками и ногами, пока не перевалился через парапет, украшенный лицами демонов, призванный отпугивать злые силы. Оттуда я разглядел, что, несмотря на полную темноту, передвигался правильно и теперь нахожусь всего в нескольких шагах от своей цели.

С того места, где я располагался, мне был виден космопорт.

Там стояли два корабля, один из которых торгово-пассажирский. Как раз на нем сегодня утром Вондар забронировал места для нас. Космопорт был так же далек от меня, как если бы его оберегал Черный Дракон. Наверняка мои преследователи уже знают о билетах и не преминули выставить охрану. Другой корабль принадлежал вольным торговцам. Вряд ли стоило просить у них покровительства, так как с ними старались не общаться. Даже если я доберусь до убежища, что ждет меня? Я отогнал от себя эту мысль и стал думать о своих дальнейших передвижениях. Мне предстояло спуститься на внешнюю освещенную сторону здания. Она была богаче украшена, и я не сомневался, что барельефы послужат мне лестницей, при условии, конечно, что удастся остаться незамеченным. Как бы то ни

было, по обе стороны улицы горели факелы, закрепленные на кронштейнах. После темных переулков, по которым я пробирался, освещение казалось мне таким же ярким, как в общественных местах на других планетах. В этот час на улице было слишком мало народу, и я не слышал звуков, которые сказали бы мне, что мои преследователи находятся поблизости. Скорее всего, они патрулировали район космопорта. Пути назад у меня не было. Я еще раз огляделся и начал спуск.

Я спускался вниз от выступа к выступу, рассчитывая при этом только на свою собственную силу. Миновав верхний этаж, оказался напротив окна. Упершись ногами в подоконник, старался удержаться на нем. Внезапно я услышал вопль ужаса откуда-то изнутри. От неожиданности я едва не опустил руки. Не помня себя, начал спускаться вниз. Вновь послышались крики. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем на улице соберется народ. Под конец я просто спрыгнул. Вскочив на ноги, побежал, как не бегал никогда в жизни, не оглядываясь и не остановившись даже, чтобы обуться. Я бежал мимо домов, прячась в тени. Теперь я различал крики позади себя. Кричавший разбудил всех соседей. Впереди меня был поворот и — о счастье — память не подвела: светящиеся глаза божества на двери. Я бежал с открытым ртом, тяжело дыша, ботинки были все еще привязаны к ремню и колотили меня по бокам. Больше всего я боялся, что кто-то может появиться между мной и лицом с сияющими глазами. Но ничто меня не остановило, и я, рванувшись из последних сил, достиг портала, ухватился за кольцо на двери и резко дернул. Секунду или две дверь, казалось, не поддавалась, но в следующее мгновение она открылась. Споткнувшись, я вступил в холл, где горели факелы, благодаря которым светились эти глаза-маяки. Я забыл про дверь, желая поскорее оказаться внутри, вдали от возрастающего снаружи уличного шума. Я вновь споткнулся и упал на колени. Изловчившись, развернулся, держа лазер наготове. Дверь закрывалась, пряча меня от бегущих людей с клинками наголо, сверкающими в свете факелов. Тяжело дыша, я наблюдал, как дверь закрывается сама собой, а

затем опустился на пол. Я не подозревал, насколько сильным было напряжение последних часов, пока не оказался на этом островке безопасности. Как хорошо было просто сидеть на полу и никуда не бежать.

Я привстал, чтобы обуться и огляделся вокруг. О святилище Хамзар рассказывали только то, что на его двери есть голова и что вошедший туда может считать себя в полной безопасности. Я предполагал, что внутри святилище выглядит как храм, однако ничего подобного не обнаружил. Я стоял в узком коридоре без дверей. Рядом со мной находилась каменная подставка с воткнутыми в нее масляными факелами, огонь которых и делал светящимися глаза божества на двери. Я встал на ноги, ожидая появления того, кто зажигал эти факелы, но не увидел ничего кроме еще одного коридора, такого темного, что в нем мог скрываться кто угодно. С некоторой осторожностью я двинулся вперед. В отличие от других храмов Кунга-сити, в которых мне приходилось бывать, стены этого святилища не были покрашены. Они были сложены из природного желтого камня, такого же, каким мостят здесь дороги. Плитами из этого же камня был выложен пол и, насколько я мог видеть, потолок. Камни под ногами были истерты, словно лежали здесь несколько веков. Там и тут на полу виднелись темные пятна, которые наводили на мысль, что те, кто прятался здесь раньше, страдали от ран. Однако никто не потрудился вытереть эти следы.

Я дошел до конца коридора и обнаружил, что он резко сворачивает вправо. Это был один из таких поворотов, которые замечаешь только тогда, когда дойдешь до них. Слева находилась стена. Этот новый коридор был очень темен, так как туда не проникал свет факелов. Я всматривался в темноту, жалея, что у меня нет фонаря. Наконец я убавил энергию своего лазера до минимума и выпустил белую вспышку, которая оставила пятно на полу, но осветила мне дорогу.

Я сделал еще четыре шага и оказался в квадратной комнате. Еще одна вспышка лазера высветила незажженный факел на стене, который тут же вспыхнул. Я убрал оружие

и обнаружил себя в комнате, обставленной как в дешевой гостинице. У дальней стены находилась каменная чаша, в которую стекала тоненькой струйкой вода. Переливаясь через край, вода уходила в стену.

Здесь также была плетеная кровать, на которой лежала циновка из сухих листьев, источающих слабый аромат. Не слишком комфортабельное ложе, однако вполне пригодное для отдыха. Между двумя табуретами стоял маленький столик. Мебель была простой, без резьбы, ставшая гладкой от долгого употребления. В стене напротив кровати располагалась ниша, в ней стояла бутылка из серого металла, маленькая корзинка и колокольчик. В комнате не было ни одной двери, и выйти отсюда можно было только через ту, в которую я вошел. Это хваленое святилище начало производить на меня впечатление тюрьмы, особенно если в нем предстоит оставаться слишком долго. Я вытащил факел из подставки и осветил помещение, обследуя стены, пол и потолок, однако не нашел ни одного отверстия. Наконец я воткнул факел обратно. Колокольчик, лежащий рядом с бутылкой, привлек мое внимание, и я взял его в руки. Должно быть, он был предназначен для того, чтобы подавать сигналы. Возможно, на его звук придет тот, кто мне все объяснит. Я зазвонил, что есть силы. Колокольчик был довольно большой, но зазвонил он неожиданно тихо. Несмотря на это, я продолжал звонить в ожидании ответа, которого так и не дождался. Наконец положил его обратно и сел на кровать. И тогда пришел ответ, хоть и немного запоздалый, на мои нетерпеливые призывы. Однако он настолько поразил меня, что я вскочил на ноги и вытащил лазер. Голос возник откуда-то из воздуха, хотя казалось, что он где-то рядом.

— К Носкальду ты пришел. Прибудь в его тени, пока не догорит четвертый факел.

В этот момент я обнаружил, что голос говорил не на шепелявом языке жителей Кунга-сити, а на основном. Должно быть, он знал, что я из другого мира!

— Кто ты? Покажись мне! — мой собственный голос отдавался эхом в отличие от голоса, который я слышал.

Тишина была мне ответом. Я заговорил снова. Сначала я обещал награду, если о моем положении сообщат в порт, и просил, чтобы мне помогли до него добраться. Затем начал угрожать, говоря о том, какое наказание постигнет того, кто обидит инопланетника. Хотя, думаю, они были достаточно умны, чтобы понять, насколько пустыми были мои угрозы. Ответа все равно не было. Не было даже намека на то, что я услышан. Возможно, слова, обращенные ко мне, были записаны на ленту. Так кто же были эти стражники? Я не знал. Может быть жрецы? Тогда они могут быть сродни моим преследователям, в таком случае помощи ждать не придется.

Наконец я свернулся на кровати и уснул. Я видел очень яркие сны, которые не были фантазиями, порождаемыми спящим сознанием. Это были мои воспоминания из прошлого. Говорят, что нечто похожее происходит с умирающим человеком. В памяти ожила вся моя недолгая жизнь.

Начало моей карьеры проходило в тени другого человека — Хайвела Джерна, с именем которого считались далеко за пределами нашей планеты. Он мог чувствовать себя свободно в таких местах, где даже Патруль старается вести себя осторожно, боясь спровоцировать смерть и кровопролитие.

Прошлое моего отца было столь же темным, как воды в заливах Гавайки после осенних штормов. Я не думаю, что кто-то смог узнать его полностью. Мы точно не знали. После его смерти я постоянно наталкивался на вещи, которые помогали мне увидеть Хайвела Джерна с другой стороны. Из детства я помню, что были моменты, когда удачи в делах согревали его сердце, он принимался рассказывать истории, которые, возможно, случились во время его путешествий, хотя действующим лицом в них всегда выступал другой человек. Его рассказы учили слушателей, как нужно торговать или вести себя в трудных ситуациях. Он рассказывал больше о вещах, чем о людях, которые играли второстепенную роль, будучи владельцами или покупателями ценностей и раритетных вещей.

До пятидесяти лет, по планетному летоисчислению, он был главным советником Истамфы, Патрона Воровской гильдии, отвечающего за целый сектор галактики. Мой отец никогда не пытался скрывать свою связь с этой организацией, он даже гордился своей принадлежностью к ней. Судя по всему, у него был врожденный талант, постоянно совершенствуемый им, к оценке необычных вещей. За это его ценили и ставили на порядок выше других членов этой подпольной организации. Однако у него совершенно отсутствовало желание сделать карьеру. Он предпочитал просто жить, а не становиться жертвой чьих-то амбиций.

Затем на глаза Истамфы попало необычное растение, которое кто-то, имеющий амбиции, спрятал в его личной коллекции экзотических цветов, и потому он внезапно скончался. Мой отец благоразумно отказался принимать участие в борьбе за власть. Вместо этого он откупился от Гильдии и уехал на Ангкор.

Думаю, какое-то время он жил довольно спокойно. В это время он изучал планету и возможности для начала прибыльного бизнеса. Это был малонаселенный, еще не освоенный мир. Он не интересовал в то время ни сильных мира сего, ни Гильдию. Хотя отец, наверное, уже слышал о том, что должно что-то начаться. Некоторое время он ухаживал за местной женщиной, чей отец держал маленькую лавочку недалеко от единственного космопорта. Вскоре после женитьбы тесть моего отца умер от какой-то инопланетной лихорадки, которая распространилась после того, как зараженный корабль совершил здесь посадку. Лихорадка скосила большинство начальства местного порта. Однако Хайвел Джерн и его жена имели к лихорадке иммунитет и выполняли в то время различные официальные поручения. Это упрочило их положение после того как эпидемия закончилась и работа властей была восстановлена.

Затем, спустя пять лет, синдикат «Фортуна» организовал активную межпланетную торговлю в Валторианском звездном скоплении. Ангкор сразу стал крупным перевалочным пунктом. Бизнес моего отца процветал, хотя он и не стал расширять его.

Имея многочисленные межпланетные контакты, как легальные, так и нелегальные, он мог бы иметь больше, но не стремился к этому. Всем астронавтам рано или поздно попадают в руки различные драгоценности или редкости. Все, чего они хотят — это найти покупателя, который сразу заплатит и не станет задавать вопросов. Таких людей можно найти в любом порту, где есть игорные дома и другие развлечения, быстро опустошающие карманы.

Такое спокойное процветание длилось несколько лет и, казалось, это и есть то, чего он хочет.

Глава 2

Скорее всего, Хайвел Джерн заключил брак только ради собственного удобства, однако он оказался на редкость стабильным. У него было трое детей: ваш покорный слуга, Фаскел и Дарина. Дочь мало интересовала моего отца, однако он рано начал заниматься со мной и Фаскелом, хотя способности моего брата оставляли желать лучшего.

В обычае нашей семьи было собираться на ужин за большим столом в задней комнате (мы жили при магазине). В такие моменты отец приносил какой-нибудь предмет из своих запасов и спрашивал наше мнение о нем. Мы должны были определить его ценность, возраст и происхождение. Драгоценные камни были его страстью, и он заставлял нас изучать их так же тщательно, как другие дети изучали учебники. К радости моего отца, я оказался способным учеником. Он старался сконцентрировать все свое внимание на мне, так как Фаскел то ли не мог, то ли не хотел учиться, делая ошибку за ошибкой, приводя отца в дурное расположение духа.

Я никогда не видел, чтобы отец выходил из себя, но мне не хотелось бы ощутить его холодное недовольство. Нельзя сказать, что я боялся его неодобрения, просто его наука завораживала и заинтересовывала меня. Я был еще ребенком, когда отец разрешил мне оценивать вещи из его магазина, отданные в залог. И когда к отцу время от времени

приходили торговцы драгоценностями, меня представляли как самого способного ученика.

С течением времени наш дом разделился на две части. В одной жила моя мать, Фаскел и Дарина, а в другой — я и отец. Мое общение с другими детьми было ограничено, а отец все чаще и чаще привлекал меня к своему старинному ремеслу оценщика. В те дни через наши руки проходило много странных и прекрасных вещей. Часть из них мы продавали открыто, другие предлагались только избранным, и из этих вещей я видел не все.

Здесь были вещи из развалин и захоронений, которые существовали задолго до того, как представители нашего мира объявились в космосе. Здесь были также вещи из разграбленных империй, которые исчезли с лица земли так давно, что даже от их планет ничего не осталось. Были и новые вещи из мастерских других миров, где талант ювелиров был направлен на то, чтобы привлечь внимание людей с тугим кошельком.

Мой отец больше любил старинные вещи. Иногда, держа в руках ожерелье или браслет (по форме которого можно было предположить, что он украшал запястье отнюдь не человеческого существа), он рассуждал о том, кто мог носить его и какой цивилизации этот индивид принадлежал. От тех, кто приносил ему такие безделушки, он требовал рассказать об истории их обнаружения и записывал на ленты все, что ему удавалось узнать. Думаю, сами по себе эти записи представляли большую ценность для знатоков. Я задавался вопросом, догадался ли потом Фаскел об истинной их цене и смог ли ими воспользоваться? Думаю, что смог, так как был в некоторых отношениях прозорливей моего отца.

Однажды, во время одной из вечерних встреч за круглым столом, отец показал одну из таких инопланетных вещиц. Он не стал передавать ее из рук в руки по своему обыкновению, а положил на черную до блеска отполированную поверхность стола и уставился на нее подобно факиру, пытающемуся прочесть будущее домохозяйки по рассыпанным горошинам.

Это было кольцо или что-то на него похожее. Судя по размеру, его надевали на палец вдвое толще моего. Металл был тусклый и изъеденный, как будто от старости. В лапках был зажат камень, по размерам сходный с ногтем моего большого пальца. Он был такой же тусклый и непривлекательный, как и металл. В нем не было ни цвета, ни блеска, ни жизни, но чем больше я его изучал, тем больше мне казалось, что он был частью чего-то живого и прекрасного, что давно уже умерло. Мне почему-то не хотелось дотрагиваться до него, хотя обычно я с жадностью изучал вещи, которые отец использовал для нашего обучения.

— Из какой могилы на сей раз? Я бы попросила не класть эти останки на стол! — моя мать говорила резче, чем обычно. Внезапно меня поразила странная мысль, что она, совершенно не обладающая фантазией, ассоциировала кольцо со смертью.

Отец даже не оторвал взгляда от кольца. Он обратился к Фаскелу тоном, требующим немедленного ответа:

— Что ты об этом думаешь?

Мой брат протянул руку к кольцу, словно хотел дотронуться до него, но тут же отдернул ее.

— Кольцо слишком большое, чтобы носить. Может, оно было сделано в подарок храму?

Отец никак не отреагировал. Вместо этого он обратился к Дарине:

— А ты? Что видишь ты?

— Оно такое... такое холодное, — голос моей сестры замер, и она отпрянула от стола. — Оно мне не нравится.

— А тебе? — наконец отец повернулся ко мне.

Вполне возможно, что оно было из даров храму, да и сделано оно было словно для руки бога или богини. Я видел вещи, подобные этой. И многие из них при прикосновении вызывали неприятные ощущения. Но если оно принадлежало богу... Нет, я не мог в это поверить. Дарина права. От него веяло холодом и смертью. Тем не менее, чем больше я на него смотрел, тем сильнее оно меня завораживало. Мне хотелось дотронуться на него, но я боялся. Казалось, это было нечто большее, чем те драгоценности, которые мне

доводилось видеть, хотя сейчас передо мной лежал лишь безжизненный камень в изъеденной временем оправе.

— Я не знаю. Возможно, это символ власти, — я был так уверен в этом, что говорил громче, чем нужно, и последнее слово эхом отдалось в комнате.

— Откуда оно взялось? — быстро спросил Фаскел, наклонившись вперед и протягивая руку, словно хотел накрыть кольцо. Однако его пальцы лишь нависли над ним. В этот момент мне пришла в голову мысль, что тот, кто возьмет его крепко, последует правилу торговцев драгоценностями: положить руку на драгоценность означало согласие с предложенной ценой. Однако Фаскел не решился принять вызов и вновь отдернул руку.

— Из космоса, — ответил мой отец.

В космосе действительно попадают драгоценные камни, и некоторые люди платят большие деньги за обладание ими. Как они образуются, ясно не до конца. Существует теория, согласно которой драгоценные камни получают, когда осколки метеоритов, состоящих из определенных металлов, проходят через атмосферу планеты. То, что космические капитаны делают кольца из таких тектитов, отчасти можно считать причудой. Я видел несколько таких вещей, которым было несколько сотен лет, и носили их, должно быть, первопроходцы космоса. Но этот камень, если он действительно драгоценный, не похож ни на что из них. Он не был ни темно-зеленым, ни черным, ни коричневым. Просто бесцветный кристалл, немного тусклый, словно глубоко в его поверхность впитался песок.

— Он не похож на тектит, — осмелился заметить я.

Отец покачал головой.

— Он не был образован в космосе, его там нашли.

Он откинулся на спинку стула, взял свой фолгаровый чай и, рассеянно прихлебывая, продолжал смотреть на камень.

— Любопытная история...

— К нам сейчас должны придти советник Сендз с женой... — перебила его мать, словно уже знала историю и не хотела слышать ее еще раз. — Уже поздно.

Она начала собирать наши кружки, а затем собралась позвать Стаффлу, нашу служанку.

— Любопытная история, — повторил отец, словно вовсе не слыша, что сказала мать.

Вот так он и управлял в доме. Поэтому мать не стала звать Стаффлу, а неловко села на стул.

— Без сомнения история эта правдива, — продолжал мой отец. — Эту вещь принес мне сегодня офицер с Астры. У них вышла из строя энергетическая система, и им пришлось остановиться для ремонта. Им снова не повезло, так как они получили пробоину от осколка метеорита. Пришлось чинить обшивку.

Отец рассказывал не так, как обычно. Он просто излагал факты, которых было немного.

— Кьор как раз ставил заплатку, когда увидел его... плавающее тело... он вытащил... тело в скафандре. Оно было там слишком долго, а кольцо было надето на палец поверх перчатки.

Носить кольцо поверх перчатки от скафандра — это было довольно странно. Перчатки достаточно эластичные и мягкие, их надевают, когда выходят в открытый космос для починки корабля или для исследования планеты, непригодной для жизни. Но зачем кому-то носить украшение поверх такой перчатки? Должно быть я задал вопрос вслух, потому что отец ответил:

— Почему? Ну уж, конечно, не для того, чтобы похвалиться им. Должно быть это было важно для того, кто носил его. И мне очень хочется узнать об этом побольше.

— Можно ведь провести исследование, — заметил Фаскел.

— Это неизвестный мне драгоценный камень. Я бы оценил его в двенадцать баллов по шкале Мобса...

— А алмаз оценивается в десять.

— А джевсит — в одиннадцать, — отозвался отец, — но в этом есть нечто, чего мы не знаем.

— Институт... — начала было моя мать, но отец сгреб кольцо со стола, пряча его от света. Он убрал его в малень-

кий мешочек и спрятал во внутренний карман своей туники.

— Никому не говорить о нем! — резко приказал отец. Он мог быть уверен, что с этого момента мы никому о нем не скажем. Он очень хорошо нас обучил. Отец не только не послал кольцо в институт, но и наверняка не стал искать никакой официальной информации. Зато изучал его посредством различных методов, которых знал немало.

Я привык видеть его в маленькой лаборатории, сидящим за столом, на котором на куске черной материи лежало кольцо. Отец смотрел на него, словно глубоко сосредоточился на попытке разгадать секрет. Если оно и обладало когда-то красотой, время и пребывание в космосе стерли ее. Оно было загадочно, но не прекрасно.

Тайна не давала покоя и мне, и время от времени отец посвящал меня в свои теории относительно кольца. Он был твердо убежден в том, что это не просто украшение. Должно быть, оно служило каким-то образом своему хозяину. И это он держал в секрете.

Когда мой отец вступил во владение магазином, он устроил в его стенах различные тайники, а позже, расширяя комнаты, увеличил и количество тайников. Большинство из них было известно всей семье, и все мы могли их открывать. Но было несколько, которые он показал только мне. В одном из таких тайников, находящихся в лаборатории, и хранилось кольцо. Отец настроил его так, что этот тайник открывался только тогда, когда к нему прижимал палец мой отец или я. Я попробовал открыть и закрыть тайник несколько раз, пока отец не удовлетворился результатом.

Затем он приказал сесть напротив.

— Завтра прибывает Вондар Астл, — начал отец, — он возьмет тебя с собой на обучение. Ты уедешь с ним.

Я не мог поверить своим ушам. Как старший сын, я мог обучаться только у своего отца. Если кто-то и должен отправиться к другому учителю, то не я, а Фаскел. Но прежде чем я успел что-либо спросить, отец продолжил объяснение.

— Вондар — специалист-гемолог. Он предпочитает путешествовать, а не сидеть на одном месте. Во всей галактике нет лучшего учителя. У меня была возможность убедиться в этом. Слушай меня внимательно, Мердок. Этот магазин не для тебя. У тебя талант. Не развивать свой талант — все равно, что есть сухой хлеб вместо богатых яств, все равно, что довольствоваться цирконом, хотя можно протянуть руку и взять бриллиант. Оставь этот магазин Фаскелу.

— Но ведь он...

Мой отец едва заметно улыбнулся.

— Да, его мало что интересует, кроме толстого кошелька да кредиток. Но владелец магазина — это владелец магазина, а ты для этого не предназначен. Я долго ждал такого человека, как Астл, кому могу доверить тебя в качестве ученика. В свое время я был известным специалистом по оценке, но при этом занимался и грязными делами. Тебе нужно освободиться от этого, а сможешь ты это сделать лишь когда перестанешь носить имя, которым тебя называют здесь на Ангкоре. Ты не должен оставаться здесь. Тебе нужно увидеть другие миры, чтобы стать тем, чем ты должен стать. Известно, что магнитные поля планет влияют на поведение человека. Из-за приливов и отливов происходят изменения в мозгу. Эти изменения стимулируют активность и восприимчивость, улучшается память, рождаются новые идеи. Я хочу, чтобы ты научился у Вондара всему, чему сможешь, в последующие пять межпланетных лет.

— Это связано с камнем?

Он кивнул.

— Я не могу больше заниматься поисками истины, а твой ум устроен так же, как мой. Прежде чем умру, я хочу узнать, что таит в себе это кольцо и что оно приносит тому, кто его носит.

Он снова встал, принес мешочек с кольцом, вынул ободок с тусклым камнем и повертел в руках.

— Есть одно старое суеверие у людей нашей планеты, — медленно произнес он, — что мы оставляем свой след на предметах, которыми владеем, тем самым связывая их со своей судьбой. Вот...

Внезапно он бросил мне кольцо. Я был не готов к этому и поймал кольцо, повинувшись рефлексу. Впервые за то время, что кольцо находилось в нашем доме, я держал его в руках.

Металл был холодным с шероховатой поверхностью. Казалось, что чем дольше я держу его, тем холоднее он становится. Кожу на руке будто пощипывало. Я поднес его к глазам и начал разглядывать камень. Его тусклая поверхность была такой же неровной, как и ободок. Если когда-то в нем и горел огонь, то давно потух, а камень помутнел. Я подумал, что может быть можно отделить его от грубой оправы и огранить заново, вернув тем самым к жизни. Но я знал, что отец никогда не позволит этого сделать. Не сделаю этого и я. Тайна окутывала кольцо. Дело было даже не в нем, а в том, что лежало внутри. Только это было важно. И теперь мне стали понятны надежды, которые возлагал на меня отец — я должен был найти разгадку.

Итак, я стал учеником Астла. Мой отец оказался прав, такого наставника было трудно найти. Мой учитель мог бы стать очень богатым, если бы решил обосноваться в одном из тех миров, где любят роскошь, и открыл свое дело. Но для него поиски редких камней были важнее торговли ими. Однако он при этом умел и обрабатывать их. Во время наших путешествий руки его были все время заняты. Вещи, которые он делал, охотно покупали люди менее талантливые. Однако его страстью было исследование новых миров. Он покупал у местных жителей необработанные камни в тех местах, откуда они происходили.

Он смеялся над подделками, которые ему удавалось обнаружить: дешевые камни пропитывали настоями трав или химикалиями, чтобы они стали похожими на драгоценные камни, изменившие свой цвет после тепловой обработки. Он обучал меня странным методам воздействия на местных жителей, чтобы те из уважения к мудрости показывали лучшее из того, что у них есть. Например, тому, что человеческий волос, лежащий на куске натурального нефрита, не загорится, даже если к нему поднести спичку.

Планетарное время исчисляется годами, в космосе время трудно определить. Человек, много путешествующий в космическом пространстве, стареет не так быстро, как тот, кто привязан к земле. Я не знаю, сколько лет было Вондару, но, судя по его знаниям, он был много старше моего отца. Мы уехали далеко от Ангкора, но вскоре вернулись. За это время у меня не появилось ни малейшей информации о космическом кольце, которую я мог бы сообщить отцу.

Я давно не был дома, но сразу понял, что там что-то не так. Фаскел стал старше. Когда я смотрел сначала на него, а потом на себя в отполированном зеркале моей матери, мне казалось, что он старше меня. Он стал более самоуверенным, исполняя обязанности помощника отца, и отдавал приказы даже в присутствии моего отца. А Хайвел Джерн даже не пытался остановить его.

Моя сестра вышла замуж. Ее приданого хватило, чтобы стать женой сына советника, к вящему удовольствию моей матери. Несмотря на то, что после этого она исчезла из дома, словно никогда и не жила в нем, слова «моя дочь — жена лорда советника» не сходили с губ матери, что делало мою сестру подобной призраку.

Я больше не был желанным гостем в этом доме. Фаскел всячески скрывал свое недовольство моим возвращением. Однако в моем присутствии он становился чрезмерно предупредительным, несмотря на то, что я не делал ничего, что могло бы вызвать у него опасения, что я намерен занять его место. Когда-то я думал, что магазин — это все, о чем можно мечтать. Но со временем я понял, что другие миры открывают передо мной столько возможностей, что было бы глупо потратить на него свою жизнь. Меня удивляло, как отец мог выбрать такой путь.

Отец расспрашивал меня о путешествиях, и я проводил много времени в его внутреннем офисе, рассказывая, не без удовольствия, все, о чем узнал, хотя время от времени он делал мне замечания, которые уязвляли мое самолюбие. Мне было ясно, что большую часть из того, что я рассказывал, он уже знал.

После того как первый порыв энтузиазма прошел, мне стало абсолютно ясно, что когда мой отец слушал, он слышал или пытался услышать больше, чем просто поток красноречия. За своим интересом он прятал озабоченность, не связанную со мной или моими открытиями. Он не упоминал космическое кольцо, да и у меня не было особого желания поднимать эту тему. Он ни разу не достал сокровище, чтобы, как раньше, поразмышлять о нем.

Я не пробыл и четырех дней дома, как тучи над ним стали сгущаться. Как и все магазины, наш должен был быть закрыт на время фестиваля. В праздники все развлекались, переходя из дома в дом, и устраивали вечеринки. За столом мать с гордостью рассказывала о поездке к Дарине и о приглашении покататься на катере по реке с советником и его друзьями. Когда она закончила, мой отец покачал головой и объявил, что он останется дома. Возможно, в последнее время моя мать и стала более уверенной, но я никогда не видел, чтобы она перечила отцу. На этот раз ее гнев достиг апогея, и она закричала, что пусть отец поступает, как ему заблагорассудится, но остальные поедут. Он согласился, и мне пришлось присоединиться к вечеринке, которая показалась довольно скучной. У матери появилась новая надежда: Фаскел не отходил от племянницы советника. Хотя мне показалась, что эта леди обменивалась улыбками с несколькими молодыми людьми, и их взгляды, брошенные на Фаскела, были не очень дружелюбными. Я же сопровождал мать и думаю, что доставил ей удовольствие тем, что ответил на все вопросы советника о других мирах.

По мере того как катер скользил вниз по реке, во мне росло беспокойство. Я постоянно думал об отце и о том, с кем он собирается встретиться в закрытом магазине. Он намекнул мне, что собирается остаться дома не из-за того, что ему будет скучно на катере, а потому что хочет остаться дома один для встречи с каким-то человеком.

К отцу регулярно приходили люди, которых он хотел скрыть от своего семейства. Многие скрывали свои лица, используя темноту в качестве прикрытия. Скорее всего, властям было известно, что он имеет дело с вещами сомни-

тельного происхождения. Однако никто не пытался выступить против него. У Воровской гильдии длинные руки, и она всегда защищает тех, кто находится у нее в услужении. Внешне создавалось впечатление, что отец отошел от дел. Но разве можно уйти из Гильдии? Молва говорит, что нет.

Что-то в поведении отца в этот раз беспокоило меня. Он ждал и в то же время боялся предстоящей встречи. Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что страх — если это можно назвать страхом — действительно охватил отца. Наверное он был прав, предполагая, что путешествия сделали меня более чувствительным, потому что этого не замечали остальные.

Я покинул катер, придумав отговорку, что мне нужно встретиться с Вондаром. Но, думаю, мать не поверила. Я вызвал одну из наемных лодок и приказал гребцу как можно быстрее вернуться в порт. Однако водные пути были так переполнены, что мы еле ползли. Я сидел в лодке напряженно, стиснув руки.

Когда мы пристали к берегу, я обнаружил, что улицы тоже переполнены. Я стал нетерпеливо протискиваться сквозь толпу, не обращая внимания на проклятия, посылаемые мне в спину. Дверь магазина была по-прежнему заперта, и мне пришлось пройти через сад к задней двери.

Нашупав дверной замок и приложив к нему большой палец, чтобы открыть, я вдруг вновь ощутил беспокойство. В комнатах было темно и прохладно. Я остановился у двери, ведущей в магазин, и прислушался. Если отец все еще беседовал со своим таинственным посетителем, то он не похвалил бы меня за вторжение. Однако когда я постучал, тишина была мне ответом.

Я толкнул дверь, но она лишь слегка поддалась, и мне пришлось со всей силы упереться в нее плечом, чтобы открыть. Затем я услышал скрежет дерева по камню и увидел, что перевернутый стол моего отца блокирует вход. Я нажал со всей силы и оказался в комнате. Отец сидел на стуле, а веревки, которыми он был связан, испачканы кровью. Его глаза глядели на меня с яростью, словно выражая про-

тест против того, что с ним произошло. Но это был взгляд мертвого человека. В комнате было все перевернуто вверх дном, некоторые ящички разбиты вдребезги, словно тот, кто искал здесь что-то, не найдя нужную вещь, выплеснул таким образом свой гнев.

В различных мирах существуют различные верования относительно смерти и того, что будет после нее. Можно ли не признавать, что они правдивы? Нет доказательств ни за, ни против. Мой отец был мертв, когда я пришел, и смерть эта была насильственная. Но я чувствовал, что воздух в комнате был пропитан его желанием, его стремлением отомстить. Я знал, что сказал бы он, если бы ему удалось вдруг заговорить.

Я прошел мимо него и нашел неприметный резной узор на стене. Я приложил к нему большой палец, как он учил меня. Дверца открылась, но с трудом. Возможно, ее давно не открывали. Я взял из тайника мешочек, чувствуя сквозь ткань кольцо, и показал отцу, словно он мог увидеть, что оно у меня. Я пообещал, что буду искать, то, что искал он, и возможно смогу найти его убийц. Я был уверен, что кольцо имеет прямое отношение к его смерти.

Однако это был не последний удар, постигший меня на Ангоре. После того как прибыли представители власти и семья собралась, чтобы ответить на их вопросы, та, которую я всегда называл матерью, повернулась ко мне и произнесла тоном, не терпящим возражений:

— Фаскел хозяин здесь, так как он плоть и кровь моя. Он — наследник моего отца, который был здесь хозяином до того, как появился Хайвел Джерн. И я готова засвидетельствовать это перед советником.

То, что она всегда отдавала предпочтение Фаскелу, не было для меня открытием. Но сейчас в ее словах сквозил холод, которого я не мог понять. Она продолжала:

— Ты всего лишь приемный ребенок, Мердок, хотя я не относилась к тебе из-за этого хуже. Любой может это подтвердить.

Приемный ребенок... Из тех новорожденных, которых забирают из густонаселенных миров и переправляют на

пограничные планеты, чтобы разнообразить популяцию. Закон предписывает растить и воспитывать таких детей, как родных. Я знал, что такие люди существуют на любой планете, но никогда о них не задумывался. Меня не очень взволновало, что мать не была мне родной. Ужаснуло меня то, что я не сын Хайвела Джерна. Мать отпрянула от меня, так как должно быть увидела этот ужас в моих глазах. Но ей не о чем было беспокоиться, так как я в тот же момент повернулся и вышел из этой комнаты, из этого дома, а позже улетел с Ангкора. Единственное, что я получил в качестве наследства, было кольцо из космоса.

Глава 3

Когда я проснулся, факел в стене святилища с треском догорал. Что же сказал голос? Я буду здесь под защитой, пока не догорит четвертый факел. Я посмотрел на пол и увидел, что там лежат еще три факела. Я встал, чтобы вынуть из стены догорающий факел и зажечь новый.

А что же будет потом, когда сгорят все четыре? Меня опять выбросят на улицы Кунга-сити? Время от времени я задавал свои вопросы вслух, но никто не отвечал мне. Дважды я исследовал стены, пытаюсь найти искусно замаскированный выход. Если верить моему хронометру, я провел здесь уже целую ночь и половину следующего дня. Из этого я рассчитал, что четырех факелов должно хватить на три дня. Но корабль, на котором мы с Вондаром забронировали места, взлетит задолго до этого. Капитан не станет беспокоиться из-за двух пассажиров, которые так и не поднялись на борт. На планете пассажиры сами за себя. Капитан предпринял бы попытку спасти члена своего экипажа, потому что команда корабля становится со временем такой же сплоченной, как семья или клан. Но ради чужака он вряд ли стал бы стараться. Так остался ли у меня хоть какой-нибудь шанс? Наблюдают ли за мной? Как хозяева этого места узнают, когда догорит последний факел? Или же, живя здесь годами и привыкнув к своим обязанностям,

они могут приблизительно определить, когда это случится? Какую цель они преследуют? Какую выгоду извлекают из своих услуг? Возможно, в храме примут дар для господ? Мне это место все еще казалось каким-то религиозным учреждением.

Я вновь лег на кровать лицом к стене и спиной к комнате и старался действовать осторожно, так как все еще думал, что за мной могут следить. Если я не воспользуюсь этой последней возможностью, то мне больше не на что будет надеяться. На поясе у меня было два кармашка. Двумя пальцами я нащупал гладкую поверхность драгоценных камней. Я осторожно взял их в руку, стараясь лежать тихо, чтобы наблюдающие за мной подумали, будто я сплю.

Лучшее из того, что у нас было, Вондар уже сдал в камеру хранения на корабле. В конце концов они попадут в кладовую ювелира, которому предназначались, и будут ждать там того, кто никогда не придет за ними.

Камни, имеющиеся у меня, были менее ценными или считались таковыми на внутренних планетах. Только два из них могли привлечь внимание. Оба были результатом моей собственной торговой деятельности. Один из них — резной кристалл в форме головы демона с рубинами вместо глаз и клыками из желтого сапфира, маленькая антикварная вещица. Само мастерство резьбы может сделать его весьма привлекательным на этой планете. Второй — амулет из красного жадеита величиной с ноготь большого пальца. Это был один из тех камней, которые люди с Гамбула держат в руках, когда говорят о делах. На человека, держащего этот камень, снисходит ощущение умиротворенности. И, должно быть, жадеит был выбран в качестве такого «успокоительного средства» не напрасно.

Интересно, сколько стоит жизнь? Я, конечно, мог бы опустошить свои потайные карманы, но у меня должен был остаться резерв на случай, если первоначальный план не удастся. Эти два камня были лучшими из моего запаса. Я перевернулся и сел. Новый факел светил ярче прежнего.

Мой взгляд упал на столик. Я пересек комнату, сел на один из стульев, стоящих подле столика, и выложил камни

на его поверхность. Я не стал повышать голос, а постарался вести себя как торговец на рынке.

— Говорят, что все в мире имеет свою цену, — начал я, словно обращаясь к невидимому собеседнику, сидящему напротив. — Есть продавцы, а есть покупатели. Я чужой в вашей стране, чужой на Танфе, вашем мире. Меня преследуют, хотя я ни в чем не виноват. Мой друг и наставник мертв, убит, хотя тоже ни в чем не виноват. С каких пор Зеленые мантии выбирают иноверцев, чтобы умилостивить своего господина? Разве не сказано, что человек, принесенный в жертву насильно, не будет принят тем, для кого он предназначен?

Да, я убил, но лишь защищая себя. И я готов заплатить за это. Но помните, я из другого мира и не обязан нести ответственность по вашим законам, так как нарушил их не намеренно и без умысла. Поэтому отвечать за содеянное я стану только перед своими властями.

Слышал ли меня кто-нибудь? Или Танф так удален от цивилизованных миров, что может не подчиняться законам Конфедерации? Каким образом местные жрецы заботятся о соблюдении правил, установленных находящимися на расстоянии нескольких световых лет отсюда? Я не тешил себя надеждой, что смерть Вондара приведет в действие какие-либо силы, которые призовут к ответу жителей Танфа. Как и вольные торговцы, мы понимали, что, путешествуя по межпланетному пространству, подвергаем себя опасности.

— Я заплачу за содеянное, — повторил я, борясь с возрастающим волнением и заставляя свой голос звучать спокойно. После чего раскрыл ладонь и показал лежащий в ней камень.

— У этого камня есть достоинства. Тот, кто держит его в руке в то время, когда думает или говорит о делах, сохраняет спокойствие и ясность ума.

Я старался говорить витиевато, подражая местному наречию и употребляя слова, характерные для состоятельных людей. Иногда эти мелочи имеют огромное значение.

— К этому камню я добавлю талисман. — Теперь я выставил на обозрение резной кристалл, повернув его злобной физиономией вверх. — Как вы видите, на нем вырезано изображение демона Умфала. (На самом деле это было не так. Ведь кристалл был из мира, где этот кошмарный демон неизвестен. Просто изображенное здесь существо очень походило на изображения Умфала, которые мне приходилось видеть.) Достаточно прикрепить его на налобную повязку, и можно не бояться больше этого красноглазого. Увидев собственное лицо, Умфал обратится в бегство, не так ли? Таким образом я плачу двойную цену за пролитую кровь. Я даю вам камень, который дает человеку мудрость, и камень, который защищает от того, кто прилетает по ночам с северным ветром.

Прогоняя от себя мысль, что, возможно, разговариваю лишь с бессловесными стенами, я произнес:

— В вашем порту находится корабль вольных торговцев. За этот выкуп я прошу вас позволить мне поговорить с капитаном этого корабля.

Затем я снова сел в тишине, глядя на камни, лежащие на столе и силясь услышать малейший звук, который подтвердил бы, что я услышан. Мне не хотелось верить, что через некоторое время я потеряю неприкосновенность, и что у попавшего сюда нет выхода.

Вдруг я услышал шелчок. Или это мне только показалось? Мог ли я поверить, что действительно услышал этот звук? Он прозвучал у меня за спиной. Я подождал некоторое время, потом встал и подошел к нише в стене, будто собираясь напиться из бутылки. В маленькой корзинке, стоявшей рядом, лежал плоский пирожок, которого не было раньше. Я вновь взял столь притягательный для меня колокольчик и собрался звонить, но вдруг корзина привлекла мое внимание. Ее подвинули, и на пыльной поверхности остались следы. По ним можно было догадаться, что камень позади корзины поворачивается.

Стало быть, шелчок мне не послышался. В стене было отверстие, через которое за мной наблюдали. Они обеспе-

чили меня едой. Пирог был рассыпчатый и источал запах сыра, словно был обмазан им. На для моего инопланетного вкуса пирог был неприятным, но я все же съел его. Голод — не тетка.

Ожидание — мучительнейшее из испытаний, и мне предстояло перенести его. Факел догорал, и я собирался уже зажечь следующий, как вдруг в дверях внезапно появился человек. Я потянулся за лазером, но он взял меня на прицел прежде, чем моя рука коснулась оружия.

— Не двигаться! — произнес он на основном и сделал шаг или два внутрь комнаты. — Протяни руки!

Он был инопланетчиком и одет в форму вольного торговца, с эмблемой суперкарга на воротнике. Я глубоко вздохнул. Они выполнили мою просьбу.

— У тебя к нам предложение? Говори. — Он смотрел на меня пристально и довольно равнодушно. Говорил он со мной отрывисто и неохотно, словно находился здесь против воли и чего-то опасался.

— Мне нужно место на корабле, — коротко ответил я. Он отошел назад, прислонился к стене и настороженно посмотрел на меня. От супекарга корабля вольных торговцев требуется больше, чем быть просто коммерсантом. Он не может позволить себе расслабиться, успокоиться и потерять быстроту реакции, хотя и является торговцем, а не бойцом.

— А осмелишься ли ты выйти отсюда на улицу, когда добрая половина города готова разорвать тебя на части? — возразил он. Его лазер был все еще нацелен мне на грудь. В его взгляде читалось, что мне не удалось вызвать его сочувствия. Вольные торговцы представляют собой клан, который обособленно существует на своих кораблях, а я был не их поля ягода.

— Скажи мне, что ты слышал обо мне. — Теперь мне нужно было показать, что я умею вести переговоры, чтобы спасти свою жизнь.

— Я слышал, что ты затеял ссору с одним жрецом и убил другого.

— Я торгую драгоценными камнями, а кроме того я ученик Вондара Астла. Известно тебе это имя?

— Да, я слышал о нем. Он путешествует по далеким планетам. Но что с того? Разве это оправдывает совершенное тобой преступление?

— Преступления не было.

Как же объяснить ему, чтобы он поверил?

— Неужели ты веришь, что человек в здравом уме станет ворошить осиное гнездо? Мы зашли в таверну «Пятнистый ворон». Все наши дела здесь были завершены, и мы купили билеты на «Войринджер». Потом зашли Зеленые мантии и начали вращать свой дьявольский волчок. Мы считали, что нам, инопланетникам, ничто не грозит. Но когда стрелка остановилась, она указала на меня и Вондара. Тогда Зеленые мантии попытались схватить нас.

— Но почему? — Я увидел недоверие в его глазах. — Они не играют в эти игры с инопланетниками.

— Мы тоже так думали. Однако они сделали это. А Вондара закололи, когда он попытался оказать сопротивление. Я же сразил лазером жреца и сумел убежать. Я слышал об этом святилище, и вот я здесь.

— Скажи мне, каково из себя клеймо Вондара Астла, но предупреждаю, я его видел, и ты не сможешь меня обмануть, — он говорил так, словно стрелял из лазера.

— Полумесяц, оправленный в опал, с печаткой между рогами, на которой расположена голова грифона, сделанная из огненного камня, — немедленно ответил я, удивляясь, откуда этот человек может знать о личном клейме гемолога, которое показывают лишь равным по званию.

Он кивнул и убрал лазер в кобуру.

— Какие враги были здесь у Астла?

Эта мысль не давала покоя и мне, хотя здесь у меня было достаточно времени для раздумий. Вполне возможно, что кто-то настолько жаждал мести, что устроил убийство моего учителя. Подразумевается, что демон выбирает свою жертву сам, без помощи жрецов. Однако ходят слухи, что иногда он принимает помощь смертных. Дар, возложенный на алтарь, может умиловать Зеленые мантии и их

господина. При этом конфликтов с местными властями никогда не было. Мы посетили Хамзара, ознакомились с его товарами, купили то, что Вондар посчитал нужным, обменялись последними новостями. Мы также посетили рынок кочевников, поторговались насчет необработанных кристаллов, добытых в соляных пустынях, и обе стороны остались довольны сделкой. Я не видел никакой связи с тем, что случилось с нами позже. Мне пришлось принять правду такой, какая она есть.

— Возможно, что проблемы у него были совсем не на Танфе, — произнес суперкарго. При этом он посмотрел на меня так, словно я сейчас же назову ему имя и причину. Подождав, он продолжал:

— Некоторые удары бывают направлены издалека. Захочешь ли ты потом отомстить за своего учителя, дело твое. Если ты только выйдешь живым отсюда. Что ты хочешь от нас и как собираешься попасть на корабль?

— Как? Я хорошо оплачу свой проезд до ближайшей планеты. И не говорите, — тут я осмелился немного поднажать, так как терять мне было все равно нечего, — что не сможете меня вытащить отсюда, если захотите. Возможности вольных торговцев всем известны.

— Мы заботимся только о своих, а ты не один из нас.

— Но вы заботитесь и своих грузах. Так что считайте меня своим грузом. Очень ценным грузом.

Внезапно он улыбнулся:

— Грузом?

Затем его улыбка исчезла, и он посмотрел на меня так, словно хотел превратить своим взглядом в коробку или тюк и спрятать в хранилище своего корабля.

— Ты говоришь, что заплатишь, — оживился он. — Чем и сколько?

Я отвернулся и нащупал потайной карман. Затем показал, что у меня было. Камни вспыхнули при свете факела. Это была моя прибыль за полгода самостоятельной торговли. Два камня замечательно сочетались друг с другом. Это были глаза Келема, золотисто-пурпурные с зелеными прожилками внутри. Если смотреть на них долго, цвет при-

ходит в движение. За них, конечно, нельзя было получить очень больших денег. Но если продавать с умом, то можно было выручить сумму, какую средний торговец получает за целое путешествие. Это было самое лучшее из всего, что я имел, и, думаю, он об этом догадался.

Он не стал торговаться или занижать стоимость камней. Не знаю, испытывал ли он ко мне симпатию. Но он посмотрел сначала на камни, потом на меня, кивнул и, протянув руку, накрыл ладонью камни, показывая тем самым, что знает законы нашей торговли. Вольные торговцы интересуются любым товаром и имеют дело с разными людьми.

— Идем!

Я последовал за ним, оставив свои подношения на столике, будучи при этом доволен, что неизвестные выполнили свою часть соглашения. Мы снова оказались в холле, где факелы подсвечивали глаза божества. Только теперь они были погашены, и сквозь отверстия в двери я увидел свет дня. Суперкарго остановился и поднял с пола сверток. Развернув его, он показал мне потертую форму и фуражку волного торговца.

— Надевай.

Я рассмеялся, чувствуя, что у меня слегка закружилась голова.

— Похоже, что вы все приготовили заранее, — сказал я, надевая через голову форму и застегивая ее у ворота и у ремня. Она была мне немного маловата.

— Приготовили... — он запнулся. — Новости распространяются быстро. Мой капитан знал Астла. Поэтому когда нам сообщили о тебе, он очень заинтересовался.

По тому, как он сжал губы, я понял, что больше не получу от него никакой информации. Меня приободрил тот факт, что он пришел сюда, чтобы меня спасти, хотя я все же предпочел бы держать в руке оружие.

Как я понял, мы не собирались выходить через главную дверь, потому что мой спутник быстро подошел к стене слева от нас и стукнул по ней. Несмотря на то, что такого удара было недостаточно, чтобы сдвинуть тяжелый камень,

стена отодвинулась, открывая еще один узкий проход. Мой спутник уверенно шагнул туда, призывая следовать за ним. Когда стена закрылась за нашей спиной, мы оказались в кромешной тьме, что напомнило мне недавнее бегство по темным переулкам.

Проход был настолько узкий, что мы задевали плечами стены. Мой проводник внезапно остановился, и я налетел на него. Затем раздался щелчок, и меня ослепил яркий свет.

— Идем! — он взял меня за руку и потянул за собой. Я шурился от яркого солнца. Мы находились в переулке, заставленном контейнерами с отходами. Какие-то существа выскакивали у нас из-под ног и удирали. Одно из них зашипело на моего проводника. Он пнул его ногой и выругался. Шесть шагов, и мы оказались на улице почище. Я с трудом сдерживался, чтобы не бежать и не смотреть по сторонам в поисках погони. Я затем постарался напустить на себя равнодушные и не отставать от своего спутника.

Наконец мы миновали ворота порта. Как я и предполагал, «Войринджер» уже улетел, и в порту оставался только торговец. Он стоял, опираясь стабилизаторами в выжженную землю. Проводник схватил меня за рукав.

— Похоже, проблемы...

Но я уже заметил людей в яркой одежде, которые толпились около корабля. Вероятно, они решили, что преследуемому больше некуда бежать, кроме этого последнего корабля.

— Ты напился! Опять напился! — зашипел на меня мой спутник, совсем как то животное в переулке. — Так надо, — добавил он тише.

Я успел заметить, что он собирается меня ударить, но был совершенно не готов к этому. Резкая боль пронзила мою челюсть. Должно быть, в тот же момент я упал и потерял сознание, так как на этом мои воспоминания о Танфе обрываются.

В моем мозгу стучали миниатюрные молоточки, а вокруг головы все туже затягивался медный обруч. А я не мог даже поднять руку, чтобы попытаться прекратить эти муки. Вдруг меня окатили водой, и я начал хватать ртом воздух.

Мне показалось, что на мгновение молоточки стихли, и я открыл глаза.

Надо мной склонилось лицо, два лица. Одно было совсем близко, а другое на некотором отдалении, и я видел его расплывчато. Первое было покрыто волосами. У этого существа были желто-зеленые глаза и уши с кисточками. Оно открыло рот, обрамленный черными губами, и я увидел клинообразную пасть с клыками и закрученный шероховатый язык. Лицо его было очень маленьким.

Теперь передо мной оказалось то, что побольше, и я попытался сосредоточиться на нем. Оно было загорелое с коротко подстриженными волосами. В остальном это было обычное лицо члена экипажа корабля, без возраста и без эмоций.

Я услышал:

— Ну вот, ты снова с нами...

Снова? Снова где? Что-то шевельнулось в памяти. Снова в святилище? Нет! Я попытался сесть, но голова закружилась так, что меня затошнило. Чьи-то грубые руки снова уложили меня. Я вдруг почувствовал вибрацию, которую не могли производить стены в Кунга-сити. Значит, я на борту корабля, находящегося в полете. Вслед за этим открытием по моему телу разлилась волна облегчения, повергшая меня в состояние, напоминающее не то сон, не то забытие.

Вот так я оказался на борту «Вестриса», однако в первые дни полета доставлял больше хлопот, чем обычные пассажиры. Суперкарга ударил меня, чтобы пронести на борт, выдавая за пьяного. Похоже, я оказался более хлипкого телосложения, чем те, кому уже приходилось иметь дело с его кулаками. Поэтому находился без сознания дольше, чем этого хотелось бы врачу. Полностью придя в себя, я увидел, что лежу в тесном помещении, которое обычно используют для тяжелобольных. Через некоторое время я встретился с капитаном Айшараном. Как все вольные торговцы, он был рожден и воспитан на корабле и со временем все больше отдалялся от людей, постоянно живущих на планетах. Все мои предыдущие встречи с вольными торговцами носили случайный характер, и теперь мне становилось не по себе

от общения с ними. Я рассказал капитану свою историю, и он выслушал. После этого спросил, кто мог желать Вондару смерти, но я этого не знал. Я был уверен, что Вондар и капитан были в прошлом как-то связаны между собой. Но капитан ничего не объяснял, а я не осмеливался расспрашивать его. Достаточно было того, что он взял меня с собой в другой мир, где я смогу найти людей, знающих меня как ученика Вондара Астла.

У меня было достаточно времени, чтобы подумать о своем будущем. Ведь путешествие в космосе такое скучное. Члены экипажа придумывают себе различные увлечения, чтобы занять ум и руки. Мне же оставалось лишь думать. И мысли мои были очень неприятны.

У Астла были связи во многих мирах, и я надеялся, что один или два человека согласятся взять меня на работу. Я знал камни на уровне торговца, но не был ювелиром. Я не хотел оседлого существования, так как слишком проникся образом жизни Вондара. Мои потайные кармашки стали намного легче, и мне нужно добраться до порта, чтобы взять денег из прежних запасов. Однако мои денежные ресурсы были ограничены. Я не мог продолжать дело в одиночку. А таких, как Вондар Астл, желающих взять учеников, было очень мало, если вообще были такие.

Так что же скрывалось за смертью Вондара? Я пришел к выводу, что она была организована, но не самими Зелеными. Но как я ни напрягал память, не мог припомнить ни одного случая, который дал бы кому-нибудь повод желать смерти Вондара. А может не только его смерти. Ведь Зеленые мантии набросились на нас обоих.

Это был уже второй случай, когда смерть подошла так близко ко мне. Я вновь подумал о своем отце, так как для меня он навсегда останется отцом. Ведь он относился ко мне как к родному сыну и выбрал для меня лучшее будущее, возможно, предвидя, как могут повернуться события после его смерти. Кто приходил к нему в тот день? А кольцо из космоса? Я нащупал последний, самый глубокий кармашек — не стал его открывать, а лишь дотронулся сквозь него до шероховатой поверхности кольца. Прав ли я, думая, что

именно его искал таинственный посетитель у моего отца? А если так, то может... Нет, я не мог представить, что смерть моего отца была связана каким-то образом с тем, что произошло на Танфе. Все вещи жертв Зеленых мантий достаются им и приносятся в дар демону. Таким образом, и мое кольцо досталось бы им.

У меня были только разрозненные факты, и я мог бы без конца строить различные предположения, не имея возможности узнать, близки ли какие-то из них к истине. Со временем я начну искать возможности заработать себе на жизнь, и тогда мне придется выяснить, кому понадобилась смерть Вондара.

Я был все еще далек от решения своей двойной проблемы, когда «Вестрис» стал готовиться к приземлению, но не на ту планету, которая могла быть моей целью, а на одну из малонаселенных. Суперкарго Остренд не стал в подробностях рассказывать мне о причинах приземления на этой планете. Вокруг была земля, покрытая бурной растительностью и, на мой взгляд, слишком жарко. Здесь жили непохожие на людей существа, торгующие веществом, получаемым из особого сорта растений, которое служило для медицинских целей. В обмен на это вещество «Вестрис» привез икру моллюсков, которая считалась здесь большим деликатесом.

— Это должно тебя заинтересовать. — Остренд вытащил из шкатулки три предмета и расположил их на крышке своего откидного стола.

Передо мной лежали три розовато-фиолетовые фигурки. Я взял лупу, чтобы получше рассмотреть их. Это действительно были фигурки, изображающие демонов, таинственные и немного нелепые. Именно такими представляют себе демонов художники с Танфа. Казалось, они были сделаны из перламутра, но не вырезаны из него. Я никогда не видел ничего подобного раньше. Эти диковинки наверняка привлекли бы внимание коллекционера редкостей.

— Здесь живет человек по имени Самскар. Он разводит моллюсков и экспериментирует с ракообразными мутантами. На этом держится наша торговля здесь. Все здесь мути-

рует с такой быстротой, что невозможно сохранить чистоту породы. Он помещает внутрь мутирующей раковины крошечное металлическое зернышко и через три-четыре года получает вот это. Своего рода хобби. Если тебя это заинтересует, он может продать целую партию.

Я знал вольных торговцев и то, как ревностно они охраняют источники своих товаров. Если бы жемчужины-мутанты имели хоть какую-нибудь ценность, Остренд не сделал бы мне такого предложения. А может он хочет проверить меня или устроил мне ловушку? Теперь я во всем видел опасность. Все это выглядело так, словно он хотел вынудить меня нарушить закон их корабля. Но я, разумеется, не высказал эту мысль вслух. Пусть это будет еще одна маленькая тайна вдобавок к остальным. Я проявил неподдельный интерес и даже задумался о том, что могу предложить взамен. Однако я не собирался вкладывать в это рискованное предприятие те немногие средства, которые у меня оставались. Кроме того, мне не хотелось совершать какие-либо торговые сделки без согласия на то членов экипажа.

Глава 4

Ввиду того, что вольные торговцы представляют собой закрытый для посторонних клан, я был предоставлен большей частью сам себе. Со мной никто не общался, кроме одного члена экипажа. Шерстистое существо, которое я увидел перед собой, очнувшись на корабле, снова и снова встречалось мне. Для Валькирии, корабельной кошки, я представлял огромный интерес. Поэтому она много времени проводила в отведенной мне каюте, свернувшись на кровати или на полу, и рассматривала меня. Я не привык к общению с животными, и ее внимание поначалу раздражало меня. Мне не удавалось отделаться от мысли, что за этими круглыми немигающими глазами скрывается разум, фиксирующий каждое мое движение, анализирующий и оценивающий все, что я делаю. Но со временем я стал терпимее относиться к ней. А когда мне стало очевидно,

что никто из членов команды не собирается завязывать со мной отношений, выходящих за рамки холодной вежливости, я обнаружил, что разговариваю с ней за неимением других собеседников. Между собой вольные торговцы разговаривали на своем языке, который был мне непонятен, поэтому все попытки следить за их разговорами оказывались бесплодными.

После разговора с Острендом я вернулся в свое жилище и обнаружил, что Валькирия с наслаждением растянулась на моей кровати. Это было гибкое красивое существо с коротким густым мехом. Ее шубка было серебристо-серой, кроме хвоста, на котором были темные полосы. Иногда она начинала проявлять свою привязанность. Вот и теперь она подняла голову, чтобы потереться о мою руку, и замурлыкала. Поскольку такие проявления чувств с ее стороны были редкостью, я почувствовал себя польщенным и продолжал гладить ее, обдумывая предложение суперкарго.

Корабль совершил посадку недалеко от фактории, где команда «Вестриса» бывала и раньше. Здесь не было городов, и местные жители вели кочевой образ жизни, путешествуя семьями вдоль рек от одной болотистой местности к другой. Несколько наиболее цивилизованных и предприимчивых кланов организовали поселения возле тех мест, где можно было разводить ракообразных. Эти поселения представляли собой скопление хлипких тростниковых хижин.

Я сделал инвентаризацию своих скудных пожитков, пытаясь найти что-нибудь, что может пригодиться мне при обмене. Несколько мелких камешков в моем потайном кармашке должны были остаться в неприкосновенности. Кроме того, они вряд ли заинтересовали бы Самскара. Мне было жаль вещей, оставленных в гостинице на Танфе, и багажа, который был отправлен с грузовым кораблем. Но не это было моей основной потерей на Танфе. Меняться мне было не на что. Я сказал об этом Валькирии, на что она широко зевнула и слегка укусила меня за руку, давая понять, что с нее хватит ласк.

И все же, когда мы приземлились, я присоединился к группе, вышедшей на поверхность. Путешественник всегда рад возможности почувствовать под ногами твердую землю, если только он не предан космосу, как вольный торговец. И даже вольный торговец нуждается время от времени в земле.

Как только мы по спущенному вниз трапу сошли на землю, нам в нос ударил резкий запах. Он был сильнее, чем запах выжженной земли. Так пахнут химикалии. Вонь была настолько сильной, что хотелось заткнуть нос. Остренд объяснил, что местные жители предпочитают этот район из-за горячих источников и вулканической активности. Теперь мы могли разглядеть скалы, которым вода и испарения придали причудливые формы. Время от времени из отверстий в земле прорывался отвратительно пахнущий пар.

За пределами этой измученной земли виднелась голубоватая листва болотных растений, многочисленные ручейки питали желтую реку. Жар испарений, перемешанный со зловонием химикатов, был удушающим. Мы кашляли и плевались, пробираясь по берегу реки в поисках нужного нам поселения.

Остренд остановился, зажав лоток с товарами между рукой и бедром, и с недоумением огляделся вокруг. После того, что он мне рассказывал, я ожидал увидеть примитивные дома. Но то, что предстало нашему взору, скорее напоминало руины.

Тут и там виднелись кучи дурно пахнущего тростника, от которых кусками отваливался засохший ил. Среди этого мусора не наблюдалось никакого движения. Лишь только какое-то существо с кожистыми крыльями, скорее похожее на ящерицу, чем на птицу, поднялось с громким криком и, делая неуклюжие взмахи крыльями, полетело через реку. Вольные торговцы столпились около Остренда и озирались вокруг, словно внезапно почувствовали западню.

Суперкарго вынул из-за пояса тонкий металлический прут. В его руках он принялся увеличиваться в размерах, пока не стал вдвое больше его роста. Прежде чем воткнуть шест в мягкий ил на берегу реки, он прикрепил к его концу

маленький ярко желтый флажок. Из отдельных реплик я понял, что, судя по всему, деревню давно покинули. И нам остается лишь ждать возвращения местных жителей, если они вообще могут теперь вернуться. Но так как визиты «Вестриса» были регулярными, встреча с местными жителями вполне могла состояться, если, конечно, какое-нибудь несчастье не положило этому обычаю конец.

Капитан Айшаран не обрадовался этому известию, но воспринял его философски, как и положено любому вольному торговцу. Хотя его корабль и не имел никакого четкого расписания, он не мог оставаться здесь слишком долго. Все же эта неудача нарушала планы капитана и потребовала внести в них некоторые изменения, которые помогли бы возместить убытки.

Потом Остренд довольно долго совещался с капитаном, а члены команды спорили о том, что же могло произойти, и по очереди несли вахту у флажка. Поскольку я не принимал участия во всем этом, то дал волю своему любопытству и пошел изучать окрестности, стараясь все же держать в поле зрения вздернутый вверх нос корабля. Кроме горячих источников, которые вскоре мне надоели, смотреть здесь было не на что. Кроме того, жар и запах, исходящие от них, были слишком сильны, чтобы долго находиться возле них. Та летающая тварь, которую мы видели у заброшенного поселения, была единственным живым существом, замеченным мной в этих краях. Даже насекомые здесь были редкостью, а может, просто опасались близости корабля. Наконец я присел на корточки у одного из небольших ручейков, вытекающих из долины горячих источников, собираясь исследовать его на наличие золотоносного песка. Во мне проснулся азарт охотника за драгоценными камнями. Я зачерпнул горсть песка, но ничего не нашел.

Среди этой грязи мне попались какие-то шарики тусклого черного цвета, не похожие на минералы, с ворсистой поверхностью. Я отделил их от песка и других камней при помощи палочки и обнаружил, что они очень твердые. Я попробовал ударить по ним камнем, но не только не расколочил, но даже не повредил гладкую поверхность.

Это не были семена или что-то растительное. Мой интерес к ним возрос. Я выложил их в ряд около дюжины, опасаясь прикасаться пальцами. На многих планетах человека подстерегают ловушки, устроенные природой. Эти шарики не обладали ни красотой, ни ценностью, но контраст между их кажущейся мягкостью и тем, какими твердыми они были на самом деле, оказался таким разительным, что я решил взять с собой три штуки, чтобы потом получше изучить их. Есть такие драгоценные камни, которые нужно «очистить», обработать слой за слоем их непривлекательную поверхность. Камень, который с виду ничего не стоит, может оказаться очень ценным. У меня были смутные идеи насчет того, что эти шарики скрывают нечто неожиданное под своей ворсистой поверхностью, хотя у меня не было ни инструментов, ни навыка, чтобы проверить это.

Я как раз заворачивал свою находку, когда появилась Валькирия, уверенно вышагивая с присущей ей изысканностью манер по берегу маленького ручейка. Она приближалась ко мне, опустив нос к земле, совсем как гончая, идущая по свежему следу. Она явно принюхивалась к чему-то, что привлекло ее внимание. Затем она приблизилась к оставленным мною шарикам и стала жадно обнюхивать их. Мое человеческое обоняние не чувствовало никакого запаха, однако обоняние кошки — совсем другое дело. Припав к земле, она начала лизать самый большой. Испугавшись за кошку, я попытался отбросить шарик в сторону. Но она прижала уши, зарычала и молниеносно выпустила когти, отпугивая меня. Я отпрянул, облизывая оцарапанные пальцы. Валькирия охраняла свое сокровище и не могла допустить чьего бы то ни было вмешательства.

Как только я отошел, она вновь принялась лизать свою добычу. Она вновь и вновь брала шарик в пасть, а затем принималась изучать при помощи языка свою находку.

— Нашел что-нибудь? — тень юного помощника Остренда упала на меня, когда он поравнялся со мной.

— Что это? Ты когда-нибудь встречал такие? — я показал на шарики, разбросанные Валькирией.

Чизвит присел на корточки, чтобы получше рассмотреть их.

— Никогда не видел таких прежде. — Он огляделся по сторонам. — По правде сказать, этот ручей недавно здесь появился. Должно быть прорвало какую-нибудь яму с илом. Постой-ка! Уж не думаешь ли ты, что произошел выброс газа? Он мог распугать этих «лягушек». Они любят вонь и жару, но, возможно, не выносят газа?

— Может быть. — Предположения, касающиеся исчезновения местных жителей, меня мало интересовали. Мне нужна была информация о найденных камнях. Может, они и не являлись таковыми, но другого названия им я не мог придумать.

— Говоришь, что никогда их не видел? А Валькирия была с вами, когда вы приземлялись здесь последний раз?

— Да. Она уже давно живет на нашем корабле.

— А ты когда-нибудь видел, чтобы она так делала? — я указал на Валькирию, которая лежала, держа передними лапами камешек и облизывая его.

Чизвит уставился на кошку.

— Нет! Что она делает? Почему она лижет одну из этих штуквин? Как ты позволил ей?..

Он поднялся на ноги и сделал два шага. Вряд ли Валькирия видела, что к ней кто-то подходит. Скорее всего, она почувствовала, что ее находке угрожает опасность. Схватив камень в зубы, она подпрыгнула и бросилась прочь от корабля, петляя между скалами. Мы побежали за ней, но это было бесполезно. Скорее всего, она спряталась в какой-нибудь расщелине, чтобы спокойно насладиться своей находкой. Чизвит набросился на меня, требуя объяснений, почему я не отобрал у нее камень раньше. Я показал ему свою кровоточащую руку и рассказал о предпринятой мною попытке. Но парень сильно расстроился и начал рыскать по скалам, зовя Валькирию. Я не верил, что она выйдет из своего убежища раньше, чем ей этого захочется. Ведь всем известно, что кошки очень независимы. Все же я последовал за Чизвитом, заглядывая в каждое углубление, в каждую пещеру, отодвигая камни.

Наконец мы нашли ее. Она лежала на небольшом выступе под нависшей над ним скалой. Если бы не движения ее головы, когда она лизала камень, мы прошли бы мимо. Ее шубка сливалась с камнем, на котором она лежала. Чизвит опустился на колени и, ласково подзывая ее, протянул руку. В тот же момент она прижала уши, зашипела, глотнула, и камень исчез!

Но она не могла его проглотить! Камень, который она стащила, был самым большим из тех, что я выудил из ручья. И кроме того, он не прошел бы в ее пищевод. Но факт был на лицо, и мы оба это видели. Она медленно выползла из своего убежища, облизываясь, словно только что плотно пообедала. Когда Чизвит подошел к ней, она позволила взять себя на руки. Пока он ее нес, Валькирия поглаживала лапами его руку, громко мурлыкала и шурила глаза. Не похоже было, что проглоченный камень напугал ее или причинил ей вред. Чизвит быстро побежал к кораблю, а я опустился на колени, чтобы осмотреть выступ, все еще надеясь, что камень закатился куда-то и не в силах поверить, что Валькирия его проглотила.

Однако на скале ничего не было. И если камень выпал, то сейчас он лежал бы передо мной. Но его не было. Я даже попытался просеять между пальцами мелкий гравий, но ничего не обнаружил. Я дотронулся указательным пальцем до камня. На нем было влажное пятно, возможно слюна Валькирии. В тот же момент я ощутил покалывание, даже шок. Я дотронулся до пятна еще раз, но не почувствовал ничего, к тому же оно очень быстро высыхало.

— Говорю же вам, мы это видели! Она проглотила камень, странный черный камень... — раздавался в коридоре голос Чизвита, пока я шел в каюту врача.

— Ты же видел рентгеновский снимок — у нее в глотке ничего нет. Послушай, парень, она не могла его проглотить. Должно быть он куда-то закатился.

— Нет, я тоже видел, — сказал я спокойно, войдя в дверь.

Валькирия сидела у врача на руках, восторженно урча, то выпуская, то пряча коготки. Казалось, она очень довольна собой и окружающими.

— В таком случае это был не камень, а что-то, что может перевариться, — уверенно ответил врач.

Я достал свою импровизированную сумку.

— Тогда как вы назовете это? Один из них она проглотила. Я нашел их в ручье.

Врач аккуратно положил Валькирию на кровать и жестом указал мне отнести сумку на его лабораторный столик. При свете корабельных ламп мохнатость камешков была более заметна. Врач взял какой-то инструмент и, коснувшись поверхности, попытался соскрести несколько волосков. Но нож наткнулся на камень.

— Я хочу повнимательнее изучить их. — Он смотрел на них также пристально, как и Валькирия.

— Почему бы и нет? — У него не было таких инструментов, как у гемолога, но, по крайней мере, он сможет сказать из чего они. Камни возбудили в нем такой интерес, что он наверняка не успокоится, пока не разгадает загадку. Затем я посмотрел на Валькирию. Поверхность стола, где лежали камни, находилась слишком близко от нее. Не захочет ли она схватить еще один? Но вместо этого она растянулась во всю длину. Ее мурлыканье становилось тише, как будто она собиралась уснуть.

Поскольку каюта доктора была не слишком просторной, Чизвит и я вышли, оставив доктора наедине с его опытами. В коридоре он спросил:

— Какого размера была та штука, которую она подбрала?

Я показал пальцами примерный размер.

— Они все были овальные. Она выбрала самый большой.

— Но если он был такого размера, как же она его проглотила?

— Тогда куда же он делся? — Я попытался вспомнить то мгновение, когда мы в последний раз видели камень. Был ли он действительно таким большим, как я представлял?

Может, она только понюхала его, а взяла другой? Нет, я доверял своим глазам. Меня научили разбираться в камнях. Ученик Вондара мог определить размер камня, даже не беря его в руки. Должно быть, это было что-то новое. Я ведь пытался разбить одну из этих штук камнем, но у меня ничего не вышло.

— Она лизала его, и он стал меньше, — продолжал тем временем Чизвит. — Наверное это было семечко или затвердевшая смола. Она лизала его, лизала, пока оно не растворилось.

Вполне разумное объяснение, но я не мог его принять. Парадокс: Валькирия лизала то, что я принял за очень твердый камень, и это нечто было слишком большое, чтобы она могла его проглотить. Возможно, доктор найдет ответ. Я подожду.

На следующий день капитан отправил на разведку маленький летательный аппарат. Он был одноместный, но этого было достаточно для того, чтобы обследовать окрестности. Мы могли ждать здесь безрезультатно многие месяцы, и он не хотел терять времени даром.

На нем полетел Остренд — и отсутствовал два дня. Известия были неутешительными. Он не только не нашел поселенцев, но и не видел ни одного местного жителя. Кроме того, наблюдалось отсутствие жизни вдоль всей реки и ее притоков. Ему встретилось лишь несколько летающих существ, питающихся отбросами, вроде тех, что мы видели. В остальном планета была пуста, словно высшие формы жизни никогда здесь не существовали.

После этого донесения вольные торговцы устроили собрание, на которое меня не допустили. Они решили оставить бесполезный теперь груз ракообразных на обычном месте в знак того, что сдержали обещание, если жители все же вернутся. Они решили также оставить свой флаг, чтобы уведомить о своем визите. Но чтобы возместить понесенные здесь убытки, нужно было изменить маршрут.

Остренд проинформировал меня, что мое путешествие на «Вестрисе» продлится дольше, чем предполагалось. Я мог бы высадиться в порту, в который они везли меди-

цинские препараты, но туда решено было не заходить. По законам космоса меня не могли выбросить в любом порту, коль уж я оплатил проезд. Меня должны были доставить в порт, с которым имелося регулярное сообщение. Мне теперь предстояло пребывать в нетерпеливом ожидании и скуке, пока мы не доберемся до такого места. А это в свою очередь зависело от того, насколько Остренду повезет с товаром. Он проводил много времени с капитаном, просматривая торговые отчеты и пытаясь найти выход из создавшейся ситуации.

В первое время было не заметно, чтобы странный обед хоть сколько-нибудь повредил Валькирии. Врач продолжал свои опыты с необычными камешками. Наконец он пришел в кают-компанию уставший, с темными кругами под глазами и выражением крайнего недоумения на лице. В руках у него была кружка, наполовину наполненная кипятком. Он добавил туда концентрат бульона и наблюдал с отсутствующим видом, как тот растворяется, словно это был не обычный корабельный напиток, а что-то другое.

— Ну, что, док, сделали открытие? — спросил я.

Он посмотрел на меня так, словно видел в первый раз.

— Не знаю. Но эта штука живая!

— Но как...

Он кивнул.

— Все процессы в ней замедленны. Очень похоже на споры. Однако я так и не смог вскрыть ее оболочку. Но есть еще кое-что... — он замолчал, чтобы выпить содержимое своей чашки. — У Валькирии будут котята или что-то в этом роде...

— От камня? Но каким образом...

Он пожал плечами.

— Не спрашивайте меня. Я знаю, это противоречит законам природы. Она съела эту штуку, по крайней мере вы оба это утверждаете. Так вот — у нее будут котята или что-то еще.

— Говорю вам, я не знаю, что это будет, — повторил он, наливая в кружку еще воды. — Я сжег эти камни. Возможно, мне стоило сделать то же самое и с кошкой.

— Но почему?

Он бросил в кружку еще два концентрата.

— Потому что если это правда, то она вынашивает не котенка. Думаю, нам это совсем не нужно. С этого момента я буду за ней следить. А когда придет ее время, сделаю все от меня зависящее.

Несколькими глотками он выпил вторую кружку. Покинув кают-компанию, он отправился в каюту капитана.

Одним из страхов, преследующих команду торгового судна, является появление на борту необычных форм жизни. Рассказывают различные леденящие душу истории о том, что некоторые корабли имели несчастье подобрать безбилетных пассажиров, которые превращали впоследствии корабль в летающий склеп. Именно по этой причине Валькирия и подобные ей животные имеют такое прочное положение на борту. Предпринимаются и другие меры предосторожности: подозрительные грузы подвергают иммунизации. Но, несмотря на все эти меры, иногда чужакам все же удается проникнуть на корабль. И шансы, что такие непрошеные гости нанесут вред, велики.

Как правило, вольные торговцы обладают иммунитетом против инопланетных болезней. Это связано с тем, что эволюция шла хоть и разными, но параллельными путями. Однако люди не всегда могут избежать укусов, ожогов и падений живых существ.

Стало быть, теперь Валькирия, призванная защищать корабль, по воле случая принесла на борт нечто опасное. Ее держали теперь в судовом лазарете в импровизированной клетке. Врач доложил, что она совершенно не сопротивляется своему заточению, хотя должна была бы. Большую часть времени она спала, вставая лишь для того, чтобы попить и поесть. Ее не возмущало наше внимание. Напротив она казалась счастливой и удовлетворенной. Мы все ее навещали и частенько размышляли о том, кого же она произведет на свет.

Время, проводимое на корабле, отличается от планетарного времени. Мы исчисляем его днями и ночами, потому что на протяжении столетий наши предки жили от рассвета

до заката. Прошло около четырех недель с того момента, как мы побывали на болотистой планете, когда врач вбежал в комнату отдыха с известием о том, что Валькирия исчезла. Сначала он очень волновался за нее. Но она довольно безропотно воспринимала свое заточение, и он успокоился. Этого нельзя было сказать про кошку. В один прекрасный момент врач принес ей еду и питье и обнаружил, что дверца клетки открыта, а пленница ушла.

Помещение корабля очень ограничено, и поэтому может показаться, что на нем не так много мест, где кошка, даже небольшая, может спрятаться. Мы начали поиски и облазили весь корабль, начиная с диспетчерской и кончая грузовыми отсеками. Ничего не найдя, начали обвинять друг друга в невнимательности. После этого проделали то же самое, но уже по двое и по трое, однако не обнаружили и следа нашей беглянки.

Мы очередной раз обыскивали коридор возле кают-компании, когда Чизвит и Стэн, помощник механика, набросились на дока с обвинениями, что он разделался с Валькирией. Нервы были на пределе. Я не представлял, что значила кошка для этих космических путешественников, пока не почувствовал всю силу их гнева. Доктор страстно отрицал все обвинения. Он действительно собирался исследовать то, что она произведет на свет, но трогать саму Валькирию он не собирался. Затем он перевел стрелки на меня, заметив, что я не только позволил кошке съесть камень, но и принес еще несколько штук на корабль.

Не знаю, к чему бы все это привело, если бы не капитан. Он спустился по лестнице и резко отдал распоряжения. Я был отправлен в свою каюту, чтобы страсти немного улеглись. В тот момент я и сам был готов уйти. Войдя в каюту, я тут же закрыл дверь на замок. За последние несколько минут я понял, что бегство по улицам Кунга-сити не прошло для меня бесследно. Как только я услышал нотки ярости в голосах членов команды, моя рука инстинктивно потянулась к оружию, которого я не носил с собой.

Я повернулся к кровати и застыл от изумления. По расчетам доктора, должно было пройти еще некоторое время,

прежде чем Валькирия раскроет свою тайну. И вот теперь она лежала на моей кровати. Где же она была во время поисков? Я заглядывал сюда дважды, и другие члены команды тоже. И все же у нее был такой вид, словно она лежит здесь не один час. Она вновь лизала. На сей раз предмет, который безвольно лежал рядом с ней.

Я, конечно, не очень разбираюсь в кошках, но существо, лежащее рядом с Валькирией, отнюдь не походило на котенка. Оно лежало навзничь, вытянув ноги и хвост, и быстро и отрывисто дышало, и я видел, как опускались и поднимались его бока. Только благодаря этому можно было понять, что оно живое. Но в остальном оно казалось мертвым. Тельце было покрыто черными волосками, похожими на те, что покрывали поверхность странного камня. Волоски были очень жесткими и не поддавались ласковому языку Валькирии.

Шея существа была непропорционально длинной, мордочка острее, чем полагалось, а уши обозначены лишь крошечными пучками торчащих волос. Лапы были короткими, а хвост наоборот длинным. Живот и кончик хвоста вместо шерсти покрывала грубая темная кожа. Лапы, которые существо подвернуло под себя, тоже были без шерсти и напоминали скорее руки человека.

Нет, я не верил, что это котенок. Но часто и тяжело дышащее существо выглядело таким беспомощным! Валькирия же явно гордилась своим странным детенышем. Я был обязан пойти и сказать обо всем доктору, но вместо этого сел на край кровати и стал наблюдать за тем, как Валькирия энергично вылизывает свое чадо. Я не знал, кого произвела на свет Валькирия, но мне казалось, что это существо должно остаться в живых. Вот так я познакомился с Иити.

Глава 5

Мне тяжело было думать о том, что придется выдать Валькирию и ее отпрыска команде. Я думал об этом как о предательстве, и никак иначе. Раньше я никогда не испытывал никаких чувств к животным, но сейчас что-то ше-

вельнулось во мне. Я спрашивал себя, почему это чувство проснулось во мне, но не находил ответа и не мог себя заставить сдвинуться с места, словно меня приковали к кровати и заткнули рот кляпом.

Маленькое существо наконец зашевелилось. Оно подняло свою узкую голову и начало водить ею по сторонам, словно что-то искало. Оно делало это вслепую, так как глаза его были закрыты. Замурлыкав, Валькирия вытянула переднюю лапу и заботливо подвинула к себе своего малыша. Но маленькая головка, качнувшись, повернулась в мою сторону. В этот момент мне показалось, что это маленькое, слепое, беспомощное существо каким-то образом осознавало мое присутствие, но не боялось, а словно хотело от меня чего-то. Меня даже тянуло засмеяться.

Сбитый с толку, я встал с кровати, переместился на откидное сиденье у стены, наполовину отвернувшись от странной парочки, и попытался сосредоточиться на своих проблемах. У меня не было надежды покинуть «Вестрис» в ближайшее время, я даже не знал, на какой планете меня высадят, поэтому будущее представлялось мне весьма смутным. Я еще раз ощупал рукой жалкие остатки моих сбережений, спрятанные в потайном кармане. Среди них было и кольцо из космоса.

Из-за него убили Хайвела Джерна, я был твердо в этом уверен. Но неужели оно послужило причиной того, что случилось с нами на Танфе? А если это правда, то почему убили Вондара, а не меня? А может хотели убить обоих, чтобы оставшийся в живых не задавал неуместных вопросов? Почему? Кто?

Мой отец был тесно связан с Воровской гильдией, хотя и говорил, что отошел от дел. Человек с таким положением наверняка имел могущественных врагов. Но, думаю, он продолжал служить Гильдии даже после того, как поселился на Ангкоре.

Я продолжал поглаживать кольцо через ткань пояса, а мысли роились у меня в голове, не давая никаких ответов. Не могу сказать, когда именно я, наконец, ощутил ужасную жару в каюте. Я расстегнул комбинезон и почувст-

вовал, как пот струится по щекам и подбородку. Подняв руку, чтобы вытереть лицо, вдруг увидел, что мои пальцы и тыльная сторона руки покрыты вздувшимися багровыми волдырями.

Я попытался подняться, но обнаружил, что тело больше мне не подчиняется. Меня трясло, как в лихорадке. Жара сменилась страшным холодом. Меня затошнило, но не вырвало. Я попытался стащить с себя одежду и увидел, что грудь и руки тоже покрыты волдырями.

— Помогите, — прохрипел я. А может мне это только показалось? Мне каким-то образом удалось встать. Используя стену в качестве опоры, я смог доползти до маленького переговорного устройства. Шатаюсь, пытаюсь нажать на сигнал тревоги.

Мне стало трудно видеть. Все вокруг окутал туман, словно я вновь оказался в том краю гейзеров и пара. Хватило ли у меня сил нажать на сигнал? Прижавшись лбом к стене, на которой находилось переговорное устройство, я прохрипел:

— На помощь... Мне плохо...

Ноги больше не держали меня. Я направился к кровати, совершенно забыв про Валькирию. Однако когда я рухнул на койку, пушистых комочков там не было. Она была пуста, и я лежал на ней, дрожа.

Я вновь был среди влажного пара пустынной планеты, он окутывал и обвивал меня обжигающими кольцами, и я кричал от боли. Я бежал по вонючему илу, не видя своих преследователей, но зная, что они охотятся за мной. На мгновение туман развеялся и я увидел их. У них в руках были лазеры, а лица были лицом доктора Велоса. Но я все равно бежал, спотыкаясь и падая.

— Они убьют... убьют... убьют... — слова раздавались словно гром на этой дьявольской планете.

— Они убьют тебя... тебя... тебя...

Я снова лежал, дрожа, на своей кровати. Туман рассеялся, и я вновь стал видеть четко. В голове у меня тоже прояснилось. Я услышал свистящий шепот, который шел от стены, из стены. Однажды я уже слышал слова, исходящие

из стен или из воздуха. Но это было на Танфе в святилище. Однако сейчас я был не там, а в каюте корабля вольных торговцев. Я ощущал крайнюю необходимость услышать этот шепот снова.

Я привстал, и одеяло сползло. На мне не было одежды, а тело покрыто багровыми волдырями, которые подсохли и превратились в корку. Отвратительное зрелище! Стоило мне попытаться двигаться быстрее, и у меня закружилась голова. Все же мне удалось добрался до стены с переговорным устройством. Лампочка была включена. Значит, оно работало. Где-то на корабле разговаривали люди. Должно быть, они сидят рядом с микрофоном, потому что было слышно, о чем они говорят, хотя и нечетко. Я прислушался.

— ...опасность... запаять... мы не можем даже выбросить его в космос... запаять дверь... высадить на планете... сжечь в каюте...

— ...обязаны доставить его...

— Нет, — должно быть первый говоривший находился ближе других к микрофону, потому что я слышал его более отчетливо. — Он мертв или почти мертв. До сих пор, похоже, повезло, но мы не можем позволить инфекции распространиться. Мы должны уничтожить все признаки чумы, прежде чем приземлимся в каком-нибудь порту. Вы хотите, чтобы нас объявили зараженным чумой кораблем?

— ...несем ответственность...

— Мы вернем им их деньги. Покажем им запись того, что происходит в каюте, это убедит их в том, что он был бесполезен. Тебе что, нужна чума?

— Покажем им ленты! — это говорил доктор, теперь я был уверен. — Нельзя открывать каюту до тех пор, пока мы не сожжем его. Потом мы зайдем туда в скафандрах. На какой-нибудь мертвой планете, где инфекция не сможет распространиться. И будем держать рот на замке. Никто кроме них не будет про него спрашивать. А что касается этих... Пусть думают, что он остался на Танфе или погиб там. Какое-то время не будет никаких вопросов, а может и вообще никогда не будет. Они обнаружат, что его следы затерялись.

Сейчас мы не можем от него избавиться... у нас есть тело в загерметизированной каюте... чума...

То, что они обсуждают меня, не вызывало никаких сомнений. Я стоял на ногах. Головокружение прошло, и я снова обрел способность думать. Велос назвал меня мертвым или почти мертвым, но в данный момент я чувствовал себя очень даже живым. Мне вовсе не хотелось стать жертвой той судьбы, которую уготовили мне говорящие. Если примут предложение Велоса, то дверь моей каюты заварят, чтобы предотвратить распространение заразы. Перекроют вентиляционные отверстия и заткнут все отдушины, чтобы отрезать болезнь от всех остальных помещений, и тогда меня ждет тяжелая мучительная смерть. А с чего я взял, что мне удалось подкупить их, чтобы сбежать с Танфа? Мое предложение было принято подозрительно быстро, а я даже не обратил на это внимания. Меня забрали с собой лишь для того, чтобы избавиться где-нибудь в другом месте. Теперь у меня не оставалось никаких сомнений относительно истинных намерений тех, кто выдавал себя за вольных торговцев.

Но был ли у меня хоть какой-нибудь выход?

«Уходить отсюда!..»

Я слишком резко обернулся, и у меня снова закружилась голова. Мне пришлось схватиться за спинку кровати, чтобы не упасть. На ней шевелился маленький черный комочек. Некоторое время я стоял, тупо тараща глаза, пока наконец, не сконцентрировал свой взгляд.

Существо, которое я видел недавно рядом с Валькирией, лежало на моей подушке, свернувшись клубочком. Теперь оно стало вдвое больше. Его глаза были широко открыты, и оно пристально смотрело на меня. Увидев, что я смотрю на него, оно подняло голову. При этом его шея извивалась как у змеи.

— Уходить отсюда... — эти слова снова возникли в моем сознании, и я связал их с этим животным. Однако я был слишком слаб, чтобы удивляться.

— Но куда? — спросил я шепотом и выключил переговорное устройство. Я не хотел, чтобы кто-то случайно узнал о моем частичном выздоровлении.

— Вот... это... правильно... Прочь... с корабля... — ответило существо, прижимаясь к моей измятой подушке.

— Но ведь вокруг открытый космос, — продолжал я разговор, полагая, что на самом деле это бред, вызванный лихорадкой. Возможно, что и слова, слышанные мной через переговорное устройство, тоже были бредом.

— Нет... ты слышал... они убьют... тебя. Пахнет страхом... это плохой запах... по всему кораблю...

Узкая головка поднималась все выше и выше, и я увидел, что ноздри у нее подрагивают, словно зверь пытался уловить что-то в воздухе.

— Выходи наружу... быстрее... прежде чем они заварят... дверь. Возьми скафандр...

Надеть скафандр и выйти через переходной люк? Тогда я проживу столько, на сколько хватит воздуха в скафандре. Но это лишь ненадолго продлит мою жизнь.

— Они будут искать... не найдут... потом вернутся назад... спрячешься... — настаивал мой странный спутник.

Это был дикий план, и практически никаких шансов на удачу. Но так уж мы устроены, цепляемся за жизнь до конца. В общем, я готов был принять его. Моя каюта находилась недалеко от переходного шлюза и помещения, где хранились скафандры. Но если я его открою, сразу раздастся сигнал. А вдруг мы в гиперпространстве?

— Нет, — отрезал мой компаньон, — чувствуешь?

Он был прав. Гул корабля не слышен в гиперпространстве.

Я чувствовал вибрацию корабля, летящего в обычном пространстве.

— Они ищут планету... мертвую... скрыть чуму... а может быть, встретиться еще кое с кем.

Я открыл дверь шкафа. Внутри висел мой комбинезон. Я схватил его и натянул на себя. Когда ткань коснулась моих подсохших волдырей, они начали ужасно чесаться, но эта проблема была ничто по сравнению с остальными. Как

только я застегнул замок комбинезона, существо сжалось, задрожало и прыгнуло на огражденную полочку, находившуюся на уровне моего плеча. Я вздрогнул и зажмурился.

Теперь оно было близко, и смог его рассмотреть. Это животное представляло собой фантастическую смесь. У него была все такая же, похожая на проволоку черная шерсть. На лапах шерсти не было. Кожа на них была серая, а на подушечках — белая. Причем передние лапы очень похожи на крошечные ручки. Голова напоминала кошачью, как и тело, только конечности были слишком короткие. Над верхней губой торчали жесткие усики. А уши были меньше, чем у кошки. Глаза были непропорционально большие и не имеющие зрачков, напоминающие два черных, слегка приплюснутых шара.

На гибком как кнут хвосте шерсть топорщилась как гребень, а на кончике ее вообще не было. При всей странности внешность его нельзя было назвать отталкивающей. Она было просто необычной.

Оно переползло с полки на меня и свернулось вокруг моей шеи так, что голова его оказалась рядом с моим ухом. Своими передними лапами-руками оно вцепилось мне в правое плечо, а задними уперлось в ткань левого рукава.

— Не медли... они идут.

Это прозвучало как приказ, и я подчинился. Но прежде чем покинуть каюту, я получил еще одно указание.

— Воздуховод... поищи внутри.

Щиток открылся, лишь только я дернул за него. Я был так ошеломлен, что подчинился, не задавая лишних вопросов. Внутри, скрытый от глаз, в самом центре трубы лежал мой пояс. Автоматически я ощупал кармашки. Мои жалкие сбережения все еще были при мне.

— Быстрее! — свой приказ он подкрепил ударом когтей.

Я осторожно открыл дверь каюты. Коридор был пуст. Однако я услышал, что кто-то спускается по лестнице. Я бросился к кладовке. И в голове у меня была только мысль, что все же маленькая надежда лучше никакой.

Я все еще передвигался как во сне, но больше не спрашивал себя, стоит ли убежать с корабля и осуществим ли вообще наш дикий план.

Силы возвращались ко мне, и походка становилась тверже. Я почувствовал удовлетворение, потому что доктор ошибся в диагнозе.

Замок кладовки поддался, и я проскользнул внутрь, хлопнув за собой дверь. Окинув взглядом темное помещение кладовки, понял, что спасен. «Вестрис» был построен по типу исследовательского корабля, и это было вполне логично, так как вольным торговцам случается открывать новые миры. На другом конце кладовка напрямую соединялась с переходным шлюзом, что существенно экономило время на переодевание при входе на корабль и при выходе с него. Я провел рукой по вешалкам со скафандрами, стараясь определить подходящий мне по размеру. Вольные торговцы обычно имеют худощавое телосложение, и не будь я таким худым, вряд ли втиснулся бы в один из их скафандров. И все же выбранный скафандр оказался слишком тесен для меня, так тесен, что мне не удалось застегнуть его поверх пояса. Поэтому пришлось пояс снять, чтобы надеть его поверх скафандра.

Как только мы зашли в кладовку, мой спутник спрыгнул с плеча и, казалось, пролетел над полом. Он остановился перед прозрачным ящиком, присел на задние лапки, а передними начал ощупывать одну из его сторон. Затем передняя крышка ящика отскочила, и он молниеносно туда запрыгнул и свернулся клубочком. Я озадаченно наблюдал за его действиями.

— Закрой его! — последовала команда.

Я опустился на одно колено: сделать по-другому мне не позволял скафандр.

Я не знал точно, для чего нужен этот ящик. Одна его сторона была прозрачной, а остальные — из металла. Все они были довольно прочными, а сквозь прозрачную стенку можно было видеть содержимое. На его задней стенке были крючки, за которые его можно подвешивать. Я догадался,

что он предназначался для перевозки образцов с исследуемых планет.

— Закрой... быстрее... они идут! Ты возьмешь меня с собой!

Блестящие глаза посмотрели на меня, подчиняя своей воле. Да, я действительно чувствовал силу его воли и вновь подчинился.

Мне не удалось застегнуть свой пояс поверх скафандра. Я стал торопливо расстегивать кармашки и прятать содержимое в сумку, пристегнутую к ремню скафандра. Все, кроме кольца из космоса. Когда-то эта широкая металлическая полоска была надета поверх перчатки скафандра. Может и мне так сделать? Я попробовал, и у меня получилось.

Я пристегнул остальное снаряжение, в глубине души осознавая всю самоубийственность и глупость этого плана и в то же время понимая, что появившись я сейчас на корабле, меня сожгут без сожаления. Ничто не вызывает такого ужаса, как чума. Таща под рукой контейнер с существом, которое само назначило себя моим компаньоном, я открыл дверь шлюза. При выходе из корабля включится сирена. Поймут ли они, что их жертва нашла такой выход из положения? Велос объявил, что я нахожусь в состоянии комы. Оставалось надеяться, что они в это верят.

Крышка люка вернулась на место, и я захлопнул ее. Почему я не остался там, где был? Потому что работала система внутреннего контроля, и дверь все еще можно было открыть со стороны коридора. Им стоило лишь открыть дверь, прожечь в моем скафандре дырку и выбросить в космос. Верная смерть для меня, как раз то, к чему они стремились. Они даже не успеют заразиться.

Пока я размышлял обо всем этом, мои руки ощупывали внешний запор, действовали словно сами по себе. Затем замигала предупредительная лампочка, и я почувствовал мощную струю воздуха. Я вышел наружу, переставляя магнитные подошвы ботинок по обшивке корабля.

Я путешествовал на космических кораблях несколько лет, однако был знаком с ними только как пассажир. Но

сейчас у меня хватило ума смотреть себе под ноги, а не в окружающую пустоту. Я прикрепил тросом ящичек к своему скафандру, и он летел за мной, дергаясь из стороны в сторону. К счастью, рывки эти были не слишком сильные и не могли оторвать мои ноги от обшивки.

Я осторожно переставлял ноги, боясь потерять контакт с поверхностью корабля, и понемногу удалялся от люка. Подумав, что вскоре меня хватятся, я вдруг понял всю безрассудность своего поступка. Эта мысль поразила меня как удар молнии. С меня в миг слетело дремотное состояние, в котором я пребывал с того момента, когда странное существо подчинило мое восприимчивое сознание своей воле.

Если это не бред и происходит в действительности, то я получаю все приказания телепатически. Но в наше время вряд ли кому-то придет в голову смеяться, как в былые времена, над такими сверхъестественными способностями. Давно известно, что они существуют, хотя и встречаются редко. По крайней мере, мне не приходилось сталкиваться с таким явлением, и я был уверен, что не обладаю такими способностями.

— Шевелись, — резко прозвучал в моей голове приказ, — иди... к носу корабля.

Впервые за все время нашего общения я проигнорировал приказ. Потому что в тот момент был не в состоянии куда-либо двигаться. Меня сковал такой ужас, от которого не мудрено сойти с ума. Я потерял всякую осторожность и перестал смотреть под ноги.

Приказы бились в моей голове, но я не понимал их. Я не знал и не видел ничего, кроме пустоты. Что-то стучало и скребло возле моего скафандра. Существо металось по ящику. Я видел, как оно открывает и закрывает рот, а глаза его горят огнем, но безразлично наблюдал за его движениями, охваченный ужасом. Глядя на неистовые прыжки существа в ящике, я вдруг заметил, как захлопывается люк, который оставил открытым. И пронзительно закричал. И этот крик оглушил меня. Я отрезан от корабля, остался один на один с бесконечностью!

Может, я слегка тронулся умом? Думаю, что да. Я должен добраться до люка, должен... Я точно не помню, что произошло далее. Рванулся ли я вперед? Что произошло в эти секунды лишаящей разума паники? Наверное, уже никогда не узнаю. А потом — я уже не держался за корабль. Вращаясь, улетал в сторону от него, без всякой надежды на помощь. Уплывал в вечную темноту.

Видимо, я потерял сознание, потому что в моей памяти имеются пробелы. В сознание вернуло ощущение, что меня куда-то тянут. У меня отлегло от сердца. Они зацепили меня и тянут назад к «Вестрису». Нисколько не беспокоило даже то, что меня ждет верная смерть. Я предпочел бы быструю смерть этому бесконечному кружению в пустоте.

Мое плечо и руку пронизывала тянущая боль, становящаяся все сильнее. Моя правая рука была вытянута вперед, словно указывала на какую-то невидимую цель. А на перчатке мерцал огонь. Огонь этот был неровным, словно энергия, питающая его, поступала неравномерно. Я следовал за этой вытянутой рукой, как ныряльщик, следующий за своими режущими воду руками. Меня тянула вперед мощная, рвущая жилы сила.

Я не мог пошевелить ни руками, ни ногами, застыл в этом положении — человек-стрела, летящий к неизвестной ему цели. А в том, что такая цель была, я не сомневался. Я не был привязан веревкой, нет. Я стремительно летел сквозь пустоту, ведомый светом на моей перчатке. Меня ведет перчатка? Нет! Космическое кольцо на моем пальце!

Это некогда тусклое кольцо горело теперь как маяк, увлекая меня все дальше и дальше. Я смог немного повернуть голову и в свете маяка увидел, что все еще тяну, как на буксире, ящик вместе с его меховым обитателем. Но существо свернулось в тугой комок, беспомощно перекатывающийся по ящику. Я подумал, что, возможно, оно умерло.

Я не имел понятия, где теперь находится «Вестрис», и чувствовал, что лечу с большой скоростью, но у меня не было возможности оглянуться назад или посмотреть по сторонам.

Казалось, время остановилось. Я то приходил в сознание, то проваливался в небытие. Постепенно я начал осознавать, что приближаюсь к чему-то. Наконец я смог различить очертания того, что, возможно, было когда-то кораблем. По крайней мере то, что было основой этой дрейфующей массы, являлось кораблем. Вокруг него, как крошечные спутники вокруг планеты, роились обломки всякого мусора, то и дело ударяя по обшивке. Они отлетали и возвращались снова. И кольцо тащило меня прямо в эту мясорубку! Любой обломок лишит меня жизни не хуже лазера.

Я попытался сопротивляться тянущей меня силе, но это была неравная борьба. Моя рука онемела, а суставы, казалось, застыли намертво в своих положениях. Я был не человеком, а средством, с помощью которого кольцо хотело достичь своей цели.

Внутри скафандра мое беспомощное тело, та часть его, которая могла еще думать и чувствовать, сжималась и ныла. Я закрыл глаза, не желая видеть того, что меня ждет впереди. Но надежда не хотела умирать, и я снова открыл их. Мы были очень близко от внешнего кольца обломков, когда мне показалось, что я заметил отверстие в боку этого покинутого корабля. Может, это был люк или нечто подобное.

Среди всего этого мусора я разглядел, что корабль больше «Вестриса» и похож на пассажирский. А очертания его не напоминали очертания кораблей, которые мне доводилось видеть раньше. А затем мы попали в первую полосу обломков...

Я ждал, что в меня врежется кусок зазубренного металла. Но летающая масса расступалась перед лучом, исходящим от камня. Он словно прокладывал дорогу. Не смея поверить в свою удачу, я продолжал безвольно наблюдать. Но это было правдой. Огромный кусок подлетел, качнулся и стал удаляться.

Мы приблизились к темному проему. Я был уверен, что это люк, хотя от двери не осталось и следа. Отверстие было слишком правильным для простой дырки в корпусе. Кольцо продолжало тянуть меня через это темное отверстие

внутри, освещая стены. Затем моя вытянутая рука больно ударилась о твердую поверхность и продолжала биться об нее помимо моей воли. Она стучала по внутреннему люку этого давно умершего корабля, словно просила, чтобы ее впустили. Наконец моя облаченная в перчатку плоть замерла, словно примерзла к поверхности люка. Магнитные подошвы коснулись обшивки, и я смог упереться ногами. Но правая рука оставалась прижатой к люку.

Глава 6

Оказавшись в этом углублении, я почувствовал огромное облегчение. Но мысль о том, что я попал в еще одну ловушку, напрочь развеяла ощущение защищенности. Моя рука была все еще прижата к двери, и я не мог освободить ее. Более того, меня тащило все дальше и дальше вперед, и мое тело оказалось крепко прижато к двери. Было ощущение, что через несколько мгновений я просочусь через этот изъеденный временем металл. В следующий момент мною овладел страх, что я так и останусь навсегда здесь, у этой двери.

Сияние камня было уже не таким ярким, как сначала. Если бы оно было таким же, как в космосе, то ослепляло бы. И все же камень мерцал. Я начал яростно бороться с силой, прижимающей меня к двери. Но наконец совсем обессилел.

Я висел, тупо уставившись на свет, свою руку и дверь. И вдруг стал замечать, что мерцание камня стало более размеренным. Оно как будто следовало какому-то правилу — загорится, погаснет, загорится, погаснет. А интервалы между вспышками были разными по продолжительности. Скафандр изолировал меня от внешнего воздействия, но там, где моя ладонь в перчатке касалась двери, расплывалось красноватое пятно. Даже несмотря на полную изоляцию, я чувствовал концентрацию энергии.

Меня вновь охватило чувство, что камень использует меня как вещь. Я был его орудием, а не он моим. Жжение в руке становилось все сильнее и, наконец, сделалось не-

стерпимым. И я никак не мог ослабить эту боль. Красное пятно становилось все ярче, и я увидел черные трещины. Боль все нарастала, а дверь начала поддаваться. Наконец она разлетелась на куски, а меня втянуло внутрь.

Я едва успевал разглядеть коридоры, по которым летел. Меня тащило с такой скоростью, словно камень хотел наверстать время, потраченное на борьбу с препятствием.

Мое путешествие закончилось в отсеке, заполненном силуэтами машин. По крайней мере, я принял их за машины. Эта часть корабля казалась незатронутой той силой, что разрушила корабль. Камень тащил меня через лабиринт из прутьев, цилиндров, решеток, труб и доставил наконец к контейнеру, на дне которого виднелся лоток. На лотке лежали какие-то черные комки. Последним усилием камень приложил мою руку к смотровому отверстию контейнера и вспыхнул ослепительным огнем. Я увидел слабое ответное мерцание одного из черных комков, лежащих на лотке. Но эта была лишь кратковременная вспышка, которая тут же пропала. Огонь в камне тоже погас, и тут же моя рука безвольно повисла вдоль тела. Я был один в темных недрах давно погибшего корабля.

Я слишком ослаб, чтобы двигаться. Но тут я почувствовал, как дергается контейнер, в котором путешествовал мой компаньон. Я не знал, сколько воздуха осталось в баллонах моего скафандра, но был уверен, что надолго их не хватит. Камень привел меня к верной смерти. Только умру я не в бесконечном пространстве, а в этой железной могиле среди искореженного металла.

Люди издавна боятся темноты и ее обитателей. Я поднял левую руку и нажал на кнопку на скафандре, после чего появился пучок света. Он осветил контейнер с черными комками. Наверное, когда-то они были камнями сродни тому, который был в моем кольце. У меня не было надежды, что я найду помещение, где еще сохранился воздух, или возможность сбежать отсюда. Но в то же время я не мог оставаться здесь, безвольно ожидая смерти от удушья.

Правая рука все еще бездействовала. Я взял ее левой рукой и закрепил впереди на скафандре. Затем хотел было

выбросить контейнер с мертвым существом, но, бросив взгляд на туго свернувшийся комочек, с изумлением увидел, что оно повернуло голову и сверкнуло глазами. Оказывается, ему тоже удалось выжить во время нашего путешествия к заброшенному кораблю!

Магнитные подошвы ботинок позволяли мне передвигаться по палубе, несмотря на то, что из-за медленного вращения корабля она становилась то стеной, то потолком. Наконец я отключил подошвы и стал передвигаться, держась за поручни.

Все корабли, как правило, оснащены спасательными шлюпками. Шлюпки оснащены устройствами, которые могли выискивать различные объекты в космосе, чтобы потом направиться к ним. Однако всегда был риск попасть на непригодную для человека планету. Возможно, этот корабль тоже оснащен шлюпками для спасения пассажиров и экипажа. Может, мне посчастливится обнаружить что-нибудь подобное. Конечно, все они могли оказаться использованы, когда корабль начал терпеть бедствие, но маленький шанс оставался.

Для представителей моего вида характерно бороться за жизнь до последнего вздоха. И этот врожденный инстинкт заставлял меня действовать.

Я пришел к выводу, что камень привел меня в машинное отделение корабля. То, что разбудило его в космосе и сыграло роль радиокompаса, привело его прямо к этим обгоревшим комочкам, которые были когда-то движущей силой корабля.

Я вышел из машинного отделения и подумал, что на спасательных шлюпках должны быть другие источники энергии. Скорее всего, шлюпки располагались несколькими палубами выше, ближе к каютам пассажиров и экипажа. Рассуждая так, я исходил из того, что мне было известно о кораблях подобного типа.

Я не обнаружил лестниц, только шахты лифтов, которые прорезали корабль, соединяя уровни. Все вокруг говорило о том, что этот корабль предназначался для существ, отличающихся от меня. У основания второй шахты я оста-

новился в нерешительности. Корабль медленно поворачивался. Я мог бы проплыть по колодцу, но когда осветил его фонариком, не увидел поручней. Если меня туда засосет, я буду беспомощно вращаться, не имея возможности выбраться. Наконец, я решил использовать магнитные подошвы, чтобы подняться вверх по стенам. Но корабль вращался, и у меня опять закружилась голова. Это говорило о том, что я был еще слишком слаб.

На другом уровне располагались каюты. Большинство из них оказались открыты. Я, проходя, заглянул в некоторые. В них располагались полки, служившие, возможно, в качестве кроватей, несмотря на то, что были короткими и узкими. Полки выглядели одинаково, поэтому я решил, что это каюты экипажа.

Я поднялся на другой уровень. На полу лежал ковер, и каюты были больше. Мой фонарик высветил на стене яркое пятно, не то картину, не то фреску. На ней были изображены какие-то странные, не связанные между собой фигуры, которые я не мог уловить, а краски просто резали глаз. Это — каюты пассажиров. Где-то здесь должны располагаться спасательные шлюпки.

Вдоль стены коридора что-то двигалось. Этот предмет должен был столкнуться со мной, и я с отвращением оттолкнул его, не испытывая желания рассмотреть его поближе. Это был труп пассажира или члена экипажа, которому так и не удалось добраться до спасательной шлюпки. От моего прикосновения тело закружилось и улетело прочь.

Я уже начал терять надежду, когда обнаружил наконец люк и заглянул в пустой отсек. Шлюпки там не было, и это означало, что оставшиеся в живых пассажиры сумели ею воспользоваться. Кому-то все же удалось спастись. Но несмотря на то, что отсек оказался пуст, у меня все же оставалась надежда.

Стрелка на шкале баллона с воздухом опустилась почти до нулевой отметки. Я бросил на нее взгляд и тут же отвел глаза. Лучше не знать, когда же наступит конец. Даже если я найду шлюпку, неизвестно, сколько времени мне потре-

буется, чтобы добраться до какой-нибудь планеты. Если, если и, опять же, если...

Вдруг моя онемевшая правая рука дернулась и потянула за удерживающие ее веревки. Я посмотрел вниз. Камень на кольце вновь сиял. Может, он отвечал на сигналы установок, подобной той, что я видел в машинном отделении?

Меня начало тянуть за подвязанную руку, но недостаточно сильно, чтобы порвать перевязь. Подергивание руки указывало мне дорогу. Я прошел еще два пустых отсека. Вдруг рука резко дернулась, высвободилась из перевязи и указала мне на поверхность, что была у меня под ногами. Это был еще один отсек, но он был закрыт. Наверное, до него никому не удалось добраться.

Вновь перчатка приковала мою руку к двери, а камень вспыхнул огнем. Но на этот раз он не стал прожигать дверь насквозь. Дверь люка отъехала в сторону, и я увидел очертания шлюпки. Рука вновь повисла, но я подтянулся с помощью правой руки и дернул люк шлюпки. Дверь поддавалась, и я свалился внутрь, увлекая контейнер с существом за собой.

Здесь мерцали огни, но исходили они не только от камня, но и от панели управления, расположенной в носу шлюпки. В шлюпке имелись подвесные сиденья для пассажиров, напоминающие гамаки. Одно из них висело совсем близко от меня, и я за него ухватился. Внутри маленькой кабины я почувствовал вибрацию. Двигатель этой шлюпки был исправен, по крайней мере, его мощности хватило бы на то, чтобы улететь с корабля. Через мгновение шлюпка стартовала с такой силой, что я упал и потерял сознание.

— Воздуха...

Затуманенным взглядом я окинул помещение. Фонарик все еще работал. Его свет падал прямо на противоположную изогнутую стену и, отражаясь, слепил мне глаза. Внезапно я осознал, что судорожно хватаю ртом воздух, слегка покашливая. Воздух, который я вдыхал, имел странный запах, раздражающий мне ноздри. У меня на плече сидел меховой комочек, щекоча лицо колючими усиками и уставив на меня свои глаза-бусинки.

— Воздух, — ответил я сонно. Все больше и больше это напоминало причудливый ночной кошмар. Ночные кошмары редко бывают настолько логичными и в то же время неправдоподобными. Одно я четко осознавал, что лежу в гамаке и быстро вдыхаю этот неприятный воздух.

Я слегка повернул голову и увидел приборную доску. Многочисленные огоньки, мигавшие на ней вначале, теперь погасли, и сейчас горели только три из них. Посередине горел желто-белый, а немного повыше два других: красный и прозрачно-голубой. Я опустил взгляд вниз на свою руку. Под мутной поверхностью камня все еще мерцал свет, а руку слегка покалывало.

По крайней мере, я все еще жив, вдалеке от мертвого корабля, в спасательной шлюпке и дышу. Пусть даже этот воздух не совсем тот, что жаждали мои легкие. Должно быть, мое проникновение в шлюпку пробудило к жизни дремавший механизм.

Если мы направляемся к ближайшей планете, то сколько продлится наше путешествие? И сможем ли мы совершить посадку? Я могу дышать, но мне нужна пища и вода. На борту должны находиться запасы еды. Но можно ли их использовать спустя столько лет? И не отравлюсь ли я?

Зубами я расстегнул замок левой перчатки и освободил руку. Затем ощупал свой скафандр. Подобные костюмы использовались для высадки на планеты, а также для мелкого ремонта в космосе. Поэтому в нем должен быть запас А-рациона. Мои пальцы нащупали какие-то инструменты, а потом наткнулись на герметично запаянный мешочек. Момент, и я вскрыл его.

Я не чувствовал голода до сего момента, но теперь ощутил его в полной мере. Я поднял руку с найденным тубиком на уровень глаз, так как не мог сесть или приподнять голову. Знакомая маркировка на тубике воодушевила меня. Я моментально зажал его между зубами, откусил конец, и полужидкое содержимое заструилось мне в рот. Я начал жадно глотать. Тубик почти опустел, когда я почувствовал шевеление у своего горла и вспомнил, что не один.

С трудом я оторвался от тьюбика и поднес его к мордочке пушистого существа. Его острые зубы алчно вонзились в тьюбик, а я стал медленно сжимать его, по мере того как существо высасывало содержимое.

В моем костюме было еще три таких тьюбика. Каждый из них был рассчитан на один день, но если постараться, можно растянуть и на два. Итого, запаса было на четыре дня. Возможно, мы сможем продержаться восемь дней. Ни один здравомыслящий человек не воспринял бы это спокойно.

Я спокойно лежал до тех пор, пока силы не стали возвращаться. Налитую свинцом правую руку начало слегка покалывать, но не от действия камня. Судя по всему, циркуляция крови в ней начала восстанавливаться. Затем руку свело от боли. Я попытался сжать пальцы внутри перчатки, поднять и опустить предплечье. Мне пришлось стиснуть зубы, так как эти упражнения причиняли дикую боль.

Через некоторое время рука стала слушаться меня, как и прежде, до того как камень завладел ею. Я принял сидячее положение и начал осматривать шлюпку. Здесь было шесть подвесных сидений, по три с каждой стороны. Я лежал в крайнем справа. Ни одно из них не было настолько близко от приборной доски, чтобы можно было до нее дотянуться. Точно так же были устроены те шлюпки, которые я видел раньше. На них были ленты с записью курса, и если попал раненый, ему не приходилось ничего делать, все происходило само собой.

Подвесные сиденья были такими же маленькими, как и кровати, виденные мной на корабле, и не очень подходили для человеческих существ. Воздух, до сих пор раздражающий мои ноздри и легкие, тоже был не совсем нормальным. У меня возникла мысль, что он может содержать какие-нибудь ядовитые для меня вещества. Но даже если и так, то я все равно не смог бы ничего сделать.

На стене я заметил какие-то линии. Возможно, это были шкафы. Если в них есть какие-нибудь запасы, то... Меня вновь охватило дремотное состояние. Несмотря на то, что силы начали возвращаться ко мне, казалось, что я вижу все

это издали и ничто не имеет значения. Я поднял руку, чтобы посмотреть на нее. Темные клочки кожи, покрытые струпьями, образовавшимися на месте багровых волдырей, теперь слезли. Новая кожа была блестящей и розовой.

Пушистое тельце вновь зашевелилось, и я почувствовал, как жесткие волоски скребут мою шею. Зверек начал сползать по мне вниз и попытался схватить ручкой-лапой тесьму соседнего гамака. Но расстояние было слишком велико для него. Наконец он вонзил когти задних лап в ткань моего костюма, сделал выпад вперед и схватился за край сетки, затем с проворством забрался на новое место.

Гамак послужил ему лестницей, и он быстро забрался на один из выступающих из стены шкафов. Держась левой ручкой и задними лапами за свою качающуюся опору, он начал ощупывать поверхность шкафа своими маленькими серыми пальчиками. Не знаю, что он там сделал, но дверца распахнулась с такой скоростью, что ему пришлось отскокить.

Внутри висели две трубки. Они смутно напоминали рукоятки лазера, и я подумал, что это оружие или рабочие инструменты. Оставив дверцу открытой, существо методично двинулось к следующей. Я с легким беспокойством наблюдал за его действиями.

Даже после нашей с ним беседы я продолжал думать о нем как о животном. Он был явно отпрыском Валькирии, но отец его явно был весьма странным существом. Я слышал о животных-мутантах, способных общаться с человеком. Но теперь убедился, что интеллект его находится на более высоком уровне, чем казалось мне раньше. Я задал ему вопрос, и мой голос прозвучал в маленьком помещении слишком громко:

— Кто ты?

Наверное, правильнее было бы спросить: «Что ты?»

Зверек замер. Его лапа была все еще вытянута, а шею он вывернул так, чтобы посмотреть прямо на меня. И тут я вспомнил, что пришел в себя без шлема, а воздух привел меня в чувство. Совершенно точно, что я не мог снять его сам, будучи без сознания, значит...

— Иити.

Единственное слово со странным звучанием, если только его вообще можно было разделить на звуки.

— Иити, — повторил я вслух. — Ты имеешь в виду, что ты Иити, как я Мердок Джерн, или Иити, как я человек?

— Я Иити сам по себе, я... — если он и понял, что я подразумеваю, то не стал отвечать. — Я Иити, вернувшийся...

— Вернувшийся? Как? Откуда?

Он вновь забрался в гамак, который закачался под его тяжестью, и ему пришлось вцепиться в сетку, чтобы не упасть.

— Я вернулся в тело, — заметил он, как само собой разумеющееся. — Животное вернуло мне тело, немного другое, но все же вполне приемлемое. Хотя, я немного изменил бы его. Я смогу это сделать при наличии необходимого питания.

— Ты имеешь в виду, что ты — один из тех местных жителей, которых мы не смогли найти? Это потому что Валькирия съела ту спору, и ты... — мои мысли прыгали с одного сумасшедшего предположения на другое.

— Тот мир не был моим домом, — ответил он поспешно, словно обидевшись на такое предположение. — У них не было того, что дало бы Иити тело. Поэтому пришлось ждать, пока откроется нужная дверь и появится нужная оболочка. У зверя с корабля было то, что мне нужно. Именно поэтому спора привлекла ее, и она проглотила то, из чего должен был снова родиться Иити...

— Родиться снова? Но из чего?

— Из состояния спячки, — в его реплике чувствовалось раздражение. — Но это в прошлом, и не стоит этого касаться. В данный момент мы должны позаботиться о том, чтобы выжить.

— Значит, я важен для тебя?

Почему он уговорил меня сбежать с «Вестриса»? Почему спас, сняв с меня шлем? Значит ли это, что я ему нужен?

— Да, это правда. Мы нужны друг другу. Различные формы жизни многое могут вместе, — заметил Иити. — Я теперь приобрел тело, у которого есть определенные пре-

имущества, однако у него нет той силы и размеров, которые есть у тебя. С другой стороны у меня есть способности, которые тебе помогут в борьбе за жизнь.

— А это партнерство — у него есть в будущем какая-то цель?

— Это еще предстоит выяснить. А пока у нас другая, более важная задача — выжить.

— Согласен. Но что ты ищешь?

— То, о чем ты подумал. Еду и питье, предназначенные для поддержания жизни тех, кто будет путешествовать на этой шлюпке.

— Ага, при условии, что они еще не превратились в пыль и не отравят нас, если мы съедем их.

Я подался немного вперед и стал наблюдать, как Иити открывает лапой следующий шкафчик.

В нем были две канистры, закрепленные амортизирующими ремнями. Но несмотря на то, что Иити прикладывал все силы, он не смог их вытащить. Наконец, я перетащил свое ослабшее тело с одного гамака на другой и попытался вытащить ближайшую ко мне канистру из ее гнезда.

У канистры было узкое горлышко. Я зажал ее между коленями и попробовал открыть одним из инструментов, найденных в кармане скафандра. Внутри плескалась жидкость. Я понюхал ее. У меня сразу же пересохло в горле, стоило мне подумать, что канистра может содержать воду. Это полужидкое вещество содержало влагу, но в недостаточной мере, чтобы утолять жажду.

У нее был резкий, но не неприятный запах. Это мог быть или напиток, или топливо, или что-то еще. Еще один шанс помимо тех, что выпадали на мою... на нашу долю — с тех пор как мы покинули «Вестрис».

— Как ты думаешь, что это: питье или топливо, или что-то еще? — спросил я его или ее, приподняв канистру так, чтобы зверек смог понюхать.

— Напиток, — был уверенный ответ.

— Как ты можешь быть так уверен?

— Ты думаешь, я так сказал только потому, что мне этого хотелось бы? Нет. Мое тело устроено так, что может опре-

делять ядовитые вещества. Это не вредно. Выпей, и увидишь сам.

Это было приказано таким тоном, что я забыл, что приказ исходит от маленького лохматого существа неизвестного происхождения. Я поднес канистру к губам и глотнул. В тот же момент я чуть не расплескал ее, потому что жидкость оказалась ужасно кислой. Это было не вино, но и не вода. Однако когда я проглотил то, что попало мне в рот, то ощутил прохладу и свежесть, словно я только что напился из холодного ручья. Я сделал еще глоток, я затем передал канистру Иити, придерживая ее, пока он пил. Итак, у нас было столь необходимое нам питье. Однако с едой нам не повезло. В другом шкафчике мы обнаружили какие-то розоватые куски, высохшие и твердые. Иити объявил, что они опасны. Даже если они представляли собой запас еды на этой шлюпке, то для нас были непригодны.

Мы обнаружили какие-то странной формы инструменты и оружие. И это было все, не считая ящика в последнем шкафчике. На нем располагались различные кнопки и два рычага, которые выдвигались из углублений на задней стенке ящика. Между ними была протянута тонкая лента, похожая на фотопленку. Я сделал вывод, что этот прибор предназначен для подачи сигнала бедствия пассажирами шлюпки. Но те, к кому сигнал мог быть обращен, давно исчезли из этой части галактики.

Когда представители моего вида начали покорять космическое пространство, стало понятно, что не они были первопроходцами. Другие народы тоже осваивали космос. Их империи и конфедерации переживали подъемы и падения задолго до того, как мы узнали колесо и огонь, сделали из металла плуг и меч. Время от времени мы обнаруживаем их следы и бойко торгуем древними вещами, найденными при раскопках. Закатане собрали археологические находки по меньшей мере от трех межзвездных империй или союзов, исчезнувших задолго до того, как они вышли в космос. Закатане самый древний народ, о котором мы знаем непосредственно. Их история охватывает период в два милли-

она планетарных лет. Их цивилизация существует очень долго, и превыше всего они ценят знания.

Уже саму эту шлюпку, если, конечно, нам повезет высадиться на обитаемой планете, можно продать достаточно выгодно. А на вырученные деньги я смогу открыть свое дело. Но шанс был слишком мал. Я был бы рад любой планете, лишь бы там был воздух и достаточно еды и воды.

На шлюпке не было хронометра. Я спал, и Иити тоже. Мы ели очень мало, да и то лишь когда терпеть голод было невозможно, и пили жидкость, найденную в шлюпке. Я пытался вытянуть из Иити хоть какую-нибудь информацию, но он упрямо сворачивался в клубок и молчал. Я говорю «он», потому что привык думать о нем, как о существе мужского пола. Он никогда не говорил со мной на эту тему, но и не поправлял меня.

У нас оставалось всего половина тюбика с едой, когда белая лампочка на приборной доске, давно переставшая интересоваться нас, стала желтой, а внутри шлюпки раздался предупреждающий сигнал. Я надеялся (или боялся?), что все это означает приземление, и спешно забрался в гамак, а Иити распластался на мне. Меня беспокоило, сможем ли мы вообще приземлиться на этой древней машине с ее остатками энергии.

Глава 7

Должно быть, мы потеряли сознание, когда входили в атмосферу. Я очнулся и почувствовал, что корабль больше не вибрирует. Однако он покачивался от каждого моего осторожного движения, словно нас поймала огромная сеть и мы висим в воздухе, а не стоим на твердой земле. Я водрузил шлем скафандра на место, а Иити благоразумно забрался в контейнер. Я стал осторожно пробираться к люку, при этом шлюпка сотрясалась от моих движений.

Внутренние запоры люка были настолько простыми, что легко открывались одной рукой. Вероятно, они были рассчитаны на то, что пассажиры могут быть серьезно ранены. Однако когда я попытался открыть крышку люка,

она поддалась с трудом, а в образовавшуюся щель стали просачиваться клубы белого дыма.

Я боролся со строптивым металлом до тех пор, пока не открыл люк достаточно широко, чтобы не разорвать, протискиваясь, свой драгоценный скафандр.

Здесь клубы дыма были более густыми. Я огляделся в поисках какой-нибудь твердой поверхности. Казалось, что шлюпка вот-вот соскользнет в сторону, поэтому времени на раздумья у меня не было. Шлюпка начала угрожающе трястись, я прыгнул и, пролетев через дымовую завесу, упал в нечто, похожее на ворох горящих листьев.

Ветка толщиной с мою руку и острым как пика концом чуть не пропорола меня насквозь. Я ухватился за нее обеими руками и какое-то время висел, размахивая ногами в поисках опоры. Но она прогнулась под моей тяжестью, и я съехал вниз, несмотря на все свои старания. Я рухнул вниз сквозь ветки, свалился на еще более широкую ветку и зацепился за покрытый мхом сучок. Невдалеке раздался страшный треск. Должно быть, это упала шлюпка. Я висел на суку и пытался осмотреться вокруг.

Листья, окружающие меня, были нездорового желтовато-зеленого цвета, который в некоторых местах переходил в ярко-желтый или багрово-красный. Ветка, на которой я теперь стоял, была настолько широкая, что на ней могли бы спокойно разойтись два человека. Кора у нее была грубая, сплошь покрытая фиолетовым мхом, из которого торчали алые шипы. Их венчали чашечки, похожие на цветы, которые открывались и закрывались в ритме дыхания или биения сердца.

У меня над головой была дыра с рваными краями — вероятно, след от упавшей шлюпки. Завеса из листьев вокруг была плотной, без просветов.

Я подтянул к себе контейнер с Иити и увидел, что он сидит на задних лапках, осматриваясь вокруг. Его шея была гибкой, как у змеи, и казалось, что его голова вращается вокруг своей оси. Раздался грохот, который я не столько услышал, сколько почувствовал. Дерево задрожало, а сук под моими ногами затрясся. Я решил, что шлюпка нако-

нец достигла земли. Странно, что такому тяжелому предмету потребовалось так много времени, чтобы упасть вниз. Из этого следовало, что эта сеть из листьев расположена достаточно высоко над землей, и что она настолько плотная, что оказалась способной выдержать вес шляпки и замедлить ее падение.

Дым все сгушался, проникая откуда-то сверху. Если там полыхает огонь, то нужно немедленно уходить. Убежать от лесного пожара в моем громоздком скафандре было практически невозможно.

Я поднялся на ноги и стал продвигаться по ветке, надеясь, что она приведет к стволу. Наконец она стала шире и толще. Здесь была и другая растительность, кроме мха с дышащими цветами. Вскоре одно из растений преградило мне путь. Листья его были желтые, широкие и мясистые и скручивались так, что образовывали чашечку, внутри которой виднелась вода или какая-то другая бесцветная жидкость. Над этим листком я увидел первое живое существо.

Насекомое размером с мою ладонь расправило прозрачные крылья, собираясь улететь. Оно так сливалось с листвой, что было незаметно, пока не зашевелилось. Другое существо, высунувшись из своего убежища, подняло влажную морду и обнажило зубы. Как и насекомое, оно было надежно спрятано от постороннего глаза, так как тело его было такое же шероховатое и темное, как кора дерева. Клыки, которые оно показало, говорили о том, что это животное плотоядно. Оно было размером с Валькирию, но с более длинными ногами, на которых виднелись когти. Когти явно предназначались для того, чтобы хватать добычу.

Оно совсем меня не боялось: стояло, обнажив клыки, опустив свою уродливую голову вниз и сжавшись, словно собиралось прыгнуть.

Чтобы двигаться дальше, мне нужно было перейти растение с озерком внутри. Несмотря на то, что животное было маленькое, не стоило его недооценивать. На поясе моего скафандра не висело лазера. По корабельным зако-

нам все оружие должно было быть заперто на время полета. Большинство вольных торговцев носят с собой шоке-ры, которыми нельзя убить насмерть. Но у меня не было и этого.

— Не трогай его, — прозвучали в моей голове слова Иити. — Оно уйдет.

И оно действительно ушло, внезапно исчезло, словно видения, вызываемые песчаными волшебниками с Хаймендиана. Что-то промелькнуло по коре за растением, и больше я его не видел.

Я осторожно наступил на широкие листья. Они ломались под моей тяжестью, а под моими подошвами растекалось желтое вещество. Сами листья молниеносно темнели, словно тут же сгнивали, а затем отваливались кусками. Большое количество прозрачных насекомых вилось в воздухе, так как я своим вмешательством разрушил их мир.

Аккуратно делая каждый шаг на этой скользкой поверхности, я, наконец, перебрался на другую сторону. Мое лицо под шлемом было покрыто потом. Я дышал медленно и с усилием. Запас воздуха подходил к концу, и мне пришлось бы снять шлем в любом случае.

Присев на корточки, я щелкнул запором и вдохнул, ожидая, что легкие могут получить ожог в результате такого эксперимента. Но несмотря на то, что воздух был наполнен всевозможными запахами, многие из которых оказались для меня неприятными, он был менее противным, чем в спасательной шлюпке.

Меня окружали разнообразные звуки. В воздухе слышалось жужжание насекомых, резкие звуки и глухие стуки, доносящиеся издали, словно кто-то бил в огромный барабан, а затем слушал, как медленно умирает эхо. Доносились также шорохи и треск. Я чувствовал зловоние костра, однако не замечал движения в ветвях деревьев, которое указало бы, что обитатели здешних высот спасаются от пожара.

Позади меня погибало растение с водой. Его поврежденные листья опали гниющими кусками. Внутренние лепестки развернулись, и поток воды хлынул каскадом

наружу, переливаясь с веток на растительность внизу. Он увлекал за собой извивающихся и бьющихся существ, которые жили в растении. Оно продолжало умирать и гнить, и наконец на ветке осталось только черное пятно, от которого исходил такой отвратительный запах, что я поспешил уйти.

Ветка расширилась и утолщалась. Теперь ее обвивали лианы, создавая ловушки для ног. Нужно было двигаться очень осторожно. Я продолжал потеть от удушливой жары. А скафандр все больше и больше обременял меня. Я был очень голоден и, вспоминая пьющее животное, думал, смогу ли добыть себе пропитание.

— Выпусти! — Иити не говорил лишних слов, и без них было все понятно. Я опустил его контейнер на ветку и открыл. Иити молниеносно выскочил из своей камеры и встал, балансируя на ветке. Его голова качалась из стороны в сторону.

— Нам нужна еда... — я вспомнил, что он говорил о своей способности распознавать ядовитые вещества. Мне не давала покоя мысль, что на чужой планете практически любая пища может оказаться смертельной для выходца из другого мира. Может, наше приземление и было удачным, но нам грозила голодная смерть посреди этого изобилия, приемлемого только для местных жителей.

— Вот... — он использовал свой нос в качестве указки и вытягивал шею, чтобы подчеркнуть значение сказанного. То, что он выбрал, было отростком на одной из лиан. Это было похоже на плодоножку, с которой свисали, подрагивая, стручки. Они были скорее плоскими, чем округлыми, и дрожали, как будто вели свою собственную странную жизнь. Я не знаю, почему Иити посчитал их пригодными для еды. Выглядели они гораздо менее привлекательно, чем гроздь сочных, зрелых ягод, свисающих с соседней лианы.

Я наблюдал, как Иити срывает стручки передними лапами. Он содрал с них кожуру, чтобы достать маленькие, даже очень маленькие, фиолетовые семена, которые съел

без видимого удовольствия, как будто выполнял обязанность.

Он не забился в конвульсиях и не впал в смертельную кому. Вместо этого методично доел все, что сумел добыть из стручков. Потом повернулся ко мне.

— Их можно есть без опаски. Без еды ты далеко не уйдешь.

Но я все еще колебался. То, что было хорошо для моего наполовину чужого спутника, могло быть совершенно неприемлемым для меня. Но другого выбора не было. Невдалеке от меня висела еще одна подрагивающая гроздь.

Я медленно стащил с пальца космическое кольцо и убрал его в карман скафандра. Затем отстегнул перчатки и, оставив их свисать с запястий, приступил к сбору урожая.

Я опять увидел подсыхающие шрамы от волдырей. Кожа на их месте была розовой и новой, но некрасиво выделялась на фоне загара. Несмотря на то, что я был менее загорелым, чем члены экипажа корабля, кочевая жизнь сделала мою кожу темнее, чем у тех, кто постоянно жил на планете. Но сейчас я был покрыт некрасивыми пятнами, хотя точно не мог судить, так как не видел своего лица. До тех пор пока не исчезнут пятна, если это вообще когда-нибудь произойдет, меня будут чураться. Может, это и хорошо, что мы приземлились не в порту. Ведь одного взгляда на меня было бы достаточно, чтобы посадить на карантин на неопределенный срок.

Я осторожно освободил зернышки от кожуры. Они были больше, чем зерна пшеницы, твердые и гладкие на ощупь. Я поднес их к носу, но запах, если таковой имелся, был слишком слабым и терялся на фоне других запахов, окружающих нас, затем осторожно положил несколько зернышек в рот и разжевал.

Они оказались совершенно безвкусными и превратились у меня на зубах в муку, которую я с трудом проглотил. Первый шаг сделан, и теперь не было смысла останавливаться. Я оборвал все стручки, до которых смог дотянуться,

разжевывал и глотал зернышки. Затем дал Иити два стручка, на которые он мне указал.

Я позволил себе и Иити сделать несколько глотков из канистры, которую прихватил из шлюпки и прикрепил к скафандру. После этого во рту исчезла ужасная сухость, вызванная странной едой.

Пока я ел, Иити нетерпеливо бегал по ветке, останавливаясь, чтобы осмотреться и прислушаться, а затем возвращался ко мне. Несмотря на то, что родился совсем недавно, поведением он мало чем отличался от взрослого, словно уже достиг этой стадии развития.

— Мы очень высоко над землей. — Он вернулся, чтобы опуститься рядом со мной. — Неплохо было бы спуститься пониже.

Я зависел от него при поиске пищи, и мне следовало его послушаться и на этот раз. Но мой скафандр был вовсе не предназначен для лазанья по лианам, и я боялся в них запутаться.

Я пополз на четвереньках, старательно проверяя каждый миллиметр пути впереди себя. Таким образом дополз до того места, откуда росли лианы, до огромного ствола дерева. Да, ствол был действительно огромен. Думаю, если бы он был полым внутри, то в нем можно было бы разместить средний, по меркам Ангкора, дом. А представить себе его высоту я вообще не мог. Интересно, насколько далеко от поверхности этого густо пахнувшего растительностью мира мы находились, если вся планета покрыта такими деревьями?

Если бы не лианы, мне пришлось бы навсегда остаться наверху. Но их извивы, скользкие и ненадежные на первый взгляд, служили мне лестницей. В моем скафандре оказалось два шнура с крюками на концах, которыми пользуются при ремонтных работах в открытом космосе. К сожалению, я не обнаружил их раньше, на «Вестрисе». Зато теперь они очень помогли мне. Я зацеплял их за лианы, спускался на длину троса, а затем зацеплял снова. Это был изнурительный спуск, и я постепенно слабел. Удушающая жара лишь ухудшала положение.

Наконец, подо мной оказалась другая ветка. Она была значительно больше той, которую я покинул. Я встал на нее, радуясь, что успешно преодолел хотя бы некоторое расстояние. Плотный слой листвы делал окружающее довольно мрачным. Мне казалось, что я сижу в пещере. Я подумал, что если когда-нибудь доберусь до поверхности планеты, то окажется, что из-за плотной кроны там всегда ночь. Должно быть, досюда свет проникал лишь благодаря бреши, проделанной при падении шлюпкой.

На этом уровне мха с дышащими цветами не было. Вместо этого здесь были грубые покрытые шипами наросты, из которых свисали тонкие, как нитки, стебли-усики. Они выделяли капли сока или что-то похожее на него. Эти капельки слабо поблескивали. Должно быть, это была приманка, привлекающая добычу либо свечением, либо запахом. В капельках увязло несколько насекомых. Они отчаянно пытались освободиться, отчего усики раскачивались из стороны в сторону.

Иити встал рядом со мной, но я чувствовал, что его раздражает столь медленный спуск. Его движений не стеснял скафандр, и он уже давно добрался бы до поверхности. Теперь он поторапливал меня, чтобы я шел дальше. Если он чего-то и боялся в этом древесном мире, то не делился со мной. Его отношение ко мне все больше напоминало отношение взрослого к ребенку, который нуждается в опеке и чье присутствие задерживает и затрудняет выполнение задачи.

Охая, я продолжил спускаться. Иити мелькал впереди меня, передвигаясь с такой легкостью, что я завидовал ему черной завистью. Я же полз, цеплял трос, спускался, освобождал крюк, цеплял и снова полз. Тьма сгущалась, и это вызвало у меня беспокойство за опоры. Я боялся, что вскоре не смогу разглядеть, за что цепляю крюки.

У меня было ощущение, будто я начал свой спуск в середине дня, а сейчас уже вечер. Единственным моим подспорьем было то, что все чаще и чаще попадались светящиеся растения, а наросты с капельками сока становились все

больше и распространяли тусклый свет. Чем темнее становилось, тем ярче светились растения. Похоже, на планете действительно наступала ночь.

Эта мысль придавала мне сил. Мне вовсе не хотелось попасть в темноте в ловушку, спускаясь по этой бесконечной лестнице из лиан. Я миновал, не отдыхая, еще две ветки, хотя меня так и тянуло остановиться, и упрямо продолжал свой путь.

С тех пор как животное, пьющее из лужицы, сбежало от меня, я не видел ничего живого, кроме насекомых. Зато их здесь было множество и самых разных. Одни из них ползали по лианам, а другие кружились в воздухе. У самых больших из них были спектральные светящиеся пятна. Их усики, крылья и части тела переливались разными цветами, в отличие от бледного прозрачного свечения растений. Я видел красные, голубые и ярко-зеленые искры, словно маленькие драгоценные камни обрели крылья и кружились вокруг меня.

Я был уверен, что уже ночь, когда соскользнул с последней лианы и оказался на земле. Ноги коснулись мягкой губчатой поверхности, и я увяз в ней почти по колено. Ночь была темной, без луны и без звезд.

— Сюда! — просигналил мне Иити.

Я барахтался в грязи, пытаюсь найти опору для ног, и озирался по сторонам, пытаюсь определить, откуда исходил призыв.

Корни лианы расстилались вокруг чудовищного ствола дерева. Между ними и стволом имелись абсолютно темные участки, на которых не росли светящиеся растения. Скорее всего, мой приятель нашел себе убежище именно там. Я с трудом выбрался из вязкой жижи, используя лиану в качестве опоры, пролез между двумя лианами и оказался в углублении.

У нас не было света и оружия, зато мы обрели убежище. Я не знал, что за существа бродили в лесу. Лучше думать о худшем, чем быть уверенным в безопасности, которой на самом деле не существует. В большинстве миров низшие

формы жизни обитают, как правило, на деревьях, а высшие — на земле.

Я полусидел, опершись спиной на корень лианы, располагаясь лицом к входу, чтобы вовремя заметить малейшее движение извне. Чем дольше я сидел, тем больше очертаний мог различить в темноте.

У меня был фонарик, но я не хотел его зажигать без крайней необходимости. Кроме того, свет мог привлечь нежелательное для нас внимание. Я видел огоньки света, производимого насекомыми. Но, кроме них, были и другие существа, которые передвигались по земле.

Лес изобиловал звуками. Только я устроился, как раздался глухой прерывистый писк. Совсем рядом раздалось сопение, и снова тишина. У меня слипались глаза, но я боролся со сном. Воображение рисовало жуткие картины того, что произойдет, если я усну и кто-нибудь проникнет в наше ненадежное убежище.

Фонарик был у меня в руке, а палец — на кнопке. Я надеялся, что неожиданная вспышка света приведет в замешательство непрошеного гостя, и у нас будет время для побега.

Ийти забрался ко мне на плечи, ставшие его излюбленным местом отдыха. Он стал тяжелее, чем в последний раз, потому что рос, и причем гораздо быстрее, чем котенок или детеныш любого другого известного мне животного. Я чувствовал, как его жесткие волосики царапают мне кожу. Ийти явно не был тем животным, которое хочется приласкать.

— Куда мы теперь пойдем? — спросил я, но не потому что рассчитывал получить ответ. Просто мне хотелось пообщаться с существом, менее враждебным, чем здешние обитатели.

— Ночью — никуда. Все равно мы не найдем лучшего убежища.

И вновь я уловил раздражение в его голосе.

— А утром?

— Куда угодно. Все равно. Лес очень большой.

— Шлюпка упала не очень далеко отсюда. Может, уцелели какие-нибудь инструменты или оружие...

— Похвально. К тебе вернулась способность думать. Шлюпка будет нашей первой, но не последней целью. Я не думаю, что нас здесь будут искать спасатели.

Бороться со сном становилось все тяжелее. Я чувствовал, как мех Иити щекочет меня, пока он устраивался удобнее на моих плечах и груди.

— Спи, если хочешь, — проникла в меня его мысль. — Если будешь плохо обращаться со своим телом, оно перестанет тебя слушаться. Нам нужны послушные тела и свежая голова, чтобы встретить завтра.

— А если какой-нибудь ночной скиталец захочет вытащить нас отсюда? Тарки в своих панцирях находятся в большей безопасности, чем мы.

— Когда это случится, тогда и будем решать, что делать. Мои органы чувств острее, чем твои. Я лучше чувствую опасность. Я же говорил, что у моего нынешнего тела есть ряд преимуществ.

— У твоего тела... Скажи мне, Иити, а каким должно быть твое тело?

Иити ничего не ответил. Если не считать ответом стену отчуждения, возникшую между нами. У меня было чувство, что я, сам того не желая, обидел своего спутника. Ясно было одно: Иити не желал говорить о жизни, которую вел или не вел до того, как Валькирия проглотила камень в болотистом мире.

Его аргументы были достаточно вескими. Я действительно не могу вечно обходиться без сна. Если у Иити, как и у всех животных, действительно есть чувство опасности, которое давно притупилось у представителей моего вида, то он поднимет тревогу задолго до того, как я что-то услышу или почувствую.

Итак, я поддался искушению и заснул, опершись на корень лианы. А вокруг меня простиралась черная ночь. Мне ничего не снилось, а если и снилось, то я ничего не запомнил. Меня вывел из этого состояния Иити.

— ...справа...

Какая-то мысль пронеслась у меня в голове и заставила вскочить. Я шурился, пытаюсь сбросить с себя остатки сна.

Теперь я увидел какое-то мерцание и подумал, что темнота начала рассеиваться.

Он стоял не на четырех лапах, а на двух, подавшись вперед, либо потому что такая поза была для него непривычна, либо потому что прислушивался и всматривался в темноту. Возможно, почуял наш чужеродный запах. Однако голова его была повернута не в нашу сторону.

Так же, как и насекомые и растения, он светился. Но свечение это было довольно странным. Сероватые светящиеся пятна покрывали его тело не целиком, а только некоторые части. Большое круглое пятно светилось на макушке, а два других овальных — на том месте, где у человека располагаются брови. Оставшаяся часть лица была темной. Светящиеся полосы шли по внешней стороне верхних и нижних конечностей, а три больших круга, как тот, что венчал голову, спускались вдоль туловища к центру. Еще я сумел рассмотреть, что конечности были шире, чем полосы света на них, а яйцообразное туловище венчали широкие плечи.

Он немного отошел от нашего убежища, и я разглядел, что в руке он держит дубинку. Затем он резко взмахнул ею, и я услышал противный глухой звук, свидетельствующий о том, что дубинка достигла своей цели. Он вытянул длинную руку и поднял безвольное тело. Держа добычу в одной руке, а дубинку в другой, он метнулся сквозь лианы так же быстро, как и животное, которое я видел ранее.

Я решил, что это больше, чем просто животное, но трудно судить, насколько далеко это существо ушло в своем развитии. Оно было ростом с высокого человека, а может и выше.

— У нас появилась компания, — заметил я и почувствовал, как забеспокоился Иити.

— Умнее всего будет отправиться на поиски шлюпки, — ответил он, — если, конечно, она не слишком сильно повреждена... Наступает день.

Я встал на колени, чтобы выбраться из нашего временного пристанища. Меня интересовало, в каком направле-

нии нам следует идти. Я этого не знал. Если Иити не поможет, то мы можем пройти мимо, не заметив ее. Я слышал, что заблудившиеся люди начинают ходить по кругу, если у них нет проводника или компаса.

Глава 8

— Есть какие-нибудь предположения относительно того, где искать шлюпку? — спросил я Иити.

Даже не спросив, согласен ли я служить ему средством передвижения, Иити вскарабкался мне на плечи. В этой влажной жары, при наличии в качестве одежды тяжеловатого скафандра, его присутствие на плечах было весьма обременительно.

Голова Иити качалась из стороны в сторону, будто он разнюхивал дорогу. Сверху то и дело падали какие-то капли. Казалось, что в темноте леса все время идет дождь, а на самом деле это оседала влага, скопившаяся наверху.

Подлесок здесь отсутствовал. Зато буйно росли растения-паразиты, не нуждающиеся в солнечном свете. Они укоренялись на стволах деревьев и лиан. Многие из них ту-скло мерцали.

Вокруг нигде не виднелось никакого просвета. Стволы гигантских деревьев стояли друг от друга на расстоянии лишь по причине своего размера. Большие и сильные пробивали себе дорогу к свету и солнцу, а те, что послабее, погибали. Каждое было покрыто кружевом из лиан. Они сплетались и закручивались, образуя причудливые лабиринты.

Под деревом, где охотник убил кого-то дубинкой, мы обнаружили тропинку. Она так и манила пойти по более легкому пути. Более легкому, но опасному.

— Направо! — голова Иити качнулась, указывая направление.

— Но как ты определил?

— Запах, — бросил он, — горячий металл... У этого тела есть ряд полезных качеств. Иди направо, но очень осторожно.

— Как смогу, — в свою очередь резко ответил я.

Пробираясь по мягкой жиже, образовавшейся из давно сгнивших растений, было нелегко. Ботинки с магнитными подошвами проваливались на каждом шагу, и мне приходилось вытаскивать их то из сыпучего песка, то из клейкой грязи. Я перестал сетовать на свой скафандр. Хоть он и был слишком громоздок для такого путешествия, но давал чувство безопасности.

Как обычно, Иити оказался прав. Миновав два увешанных гирляндами из лиан ствола, мы увидели впереди проблески света. Лучи солнечного света были настолько яркими после темноты, что я остановился и зажмурился.

Вокруг валялись обломанные сучья и покалеченные лианы. Надо всем этим все еще клубился дымок, а сгоревшая растительность источала зловоние. Растительность была настолько сочной, что огонь, вызванный падением шлюпки, не распространился, а быстро потух. Носом и бортом шлюпка глубоко увязла в грязи. Металлическая обшивка была измята и в нескольких местах продырявлена. Шлюпка своим падением проделала в лесной кроне большую дыру, и теперь разноцветные насекомые кишели в воздухе вокруг поломанных веток, из которых выделялся сок. Я видел, как они быстро разлетелись по сторонам, увидев четвероного исследователя, забравшегося на покалеченный корпус шлюпки. Глядя на эту грудю железа, я подумал, что нам очень повезло. Что было бы, если бы мы не успели выбраться из шлюпки до того, как она рухнула вниз?

Я с трудом пробирался через покореженные металлические обломки, разбросанные вокруг лодки. Иити соскочил с моего плеча и, в два прыжка добравшись до шлюпки, побежал по ее борту.

— Люк глубоко внизу, — доложил он, — здесь есть пролом, но слишком маленький для тебя...

— Зато для тебя как раз.

Я оторвал заостренные концы обломанных лиан, оттащил их в сторону и ступил на обуглившуюся поверхность, которая все еще дымилась, источая неприятный запах.

Я подоспел вовремя и успел заметить, как Иити скрылся в дыре. С этого места повреждения казались еще более серьезными. Я подумал, что кабина скорее всего смята, и пробраться туда сможет только мутант.

— Веревку, — мысленно приказал мне мой компаньон, — брось мне веревку.

Неуклюже пробравшись через дымящиеся обломки и наклонившись над проломом, я спустил туда веревку с крюком на конце, которую использовал для спуска с дерева. К веревке что-то привязали, и я медленно начал тащить ее вверх. Веревка дергалась, как будто Иити иногда подталкивал груз.

Рукояткой вперед появилась одна из тех вещей, которую я принял за оружие. Я жадно схватил ее. Имея под рукой оружие, сразу чувствуешь себя в безопасности. Это оружие было очень неудобно держать, и я подумал, что оно приспособлено вовсе не для человеческих рук. У него не было спускового крючка, какие я привык видеть на лазере или шокере. Вместо этого имелся маленький рычажок, до которого было трудно дотянуться пальцем. Я нацелил его на обломок ветки и нажал на рычажок.

Я увидел небольшую вспышку, но не более того. Должно быть, с течением времени оно испортилось. Теперь оно было ничем не лучше дубинки. Об этом я и сказал Иити.

Он ничем не выразил своего разочарования, а лишь вновь нырнул внутрь корабля, и я сбросил ему веревку. В конце концов, у нас собралась пестрая коллекция различного снаряжения. Здесь была еще одна канистра с жидкостью, какой-то остро заточенный инструмент, который мог вполне пригодиться. Я даже срезал им несколько шипов. Наконец Иити достал скатанный в рулон квадратный кусок водонепроницаемой ткани.

Среди поломанных растений я нашел еще несколько съедобных стручков и высыпал из них семена в пустую канистру. Прежде чем решить, в каком направлении двигаться дальше, мы поели и попили.

Не было смысла задерживаться у разбитой шлюпки. Если бы это была шлюпка с корабля моих соплеменников,

мы смогли бы послать сигнал о помощи. Тогда нам пришлось бы остаться поблизости и с надеждой ждать помощи, которая, впрочем, могла вовсе не появиться. У нас не было желания рассуждать о будущем.

— Куда теперь? — спросил я, снова скатывая в рулон ткань, чтобы прикрепить ее к скафандру. — Куда...

А про себя добавил: «И зачем?»

Ийти вновь вскарабкался на приподнятую часть шлюпки. Он крутил головой, а его ноздри трепетали, словно пытались уловить запах, который указал бы нам путь. Что касается меня, то я в этой дикой местности не видел никакой цели. Мы можем продолжать бродить в сумерках среди деревьев пока не умрем, так и не найдя выхода.

— Вода... — достигла моего сознания его мысль, — река... или озеро. Если мы, конечно, его найдем.

Река, конечно, открывала бы нам дорогу — только вот куда? И потом, как нам ее найти? Внезапно меня осенило:

— Звериная тропа!

Наверняка тропу протоптали какие-то относительно крупные животные. Им же нужна вода. Вот по этой тропе мы и доберемся до реки.

Ийти побежал назад к разбитому хвосту шлюпки.

— Дельное предложение.

Он прыгнул ко мне на плечи. Под его тяжестью я чуть не потерял равновесие.

— Налево, нет, еще левее... — он указывал мне передней лапой. Тропинка эта была протоптана непохожими на мои ногами и резко заворачивала влево. Мы прошли расчищенное место, и я обернулся назад. Тело Ийти закрывало мне обзор, но я все же заметил, что оставляю за собой вполне различимый след. А если кто-нибудь начнет нас преследовать? Например, тот охотник с дубинкой. Увидев разбитую шлюпку, он начнет охотиться за нами из любопытства.

— Мы не застрахованы от случайностей. Все, что от нас требуется, это быть начеку, — ответил Ийти.

Уж он-то точно был начеку — постоянно перемещался у меня на плечах, чем вовсе не доставлял мне удовольствия. Его вес стал не таким уж незаметным, и я боялся спотк-

нуться. Когда мы снова оказались в темном лесу, я расчищал себе дорогу длинным ножом из шлюпки.

В лесу не трудно было потеряться. Просвет остался позади, а нам приходилось петлять между лианами, так как они были слишком сильно переплетены. Но Иити всегда знал, куда нужно идти. Время от времени он принюхивался, а затем указывал мне направление. Внезапно мы наткнулись на какие-то канавки, образующие четкую борозду. По очертаниям они напоминали отпечатки копыт или лап, а иногда это были совсем непонятные отпечатки, наложенные один на другой.

Через некоторое время мы вышли на более или менее открытом месте. Похоже, годы назад рухнуло гигантское дерево. Оно увлекло за собой более низкие растения, дав простор кустарникам, которые покрывали ковром всю поверхность поляны. Я заметил какие-то растения, похожие на цветы. У них были широкие лепестки и глубокий зев. Я увидел, как зеленый усик высунулся из этого зева и схватил маленькое крылатое существо, севшее на лепесток. Затем усик утащил все еще трепещущую жертву внутрь цветка. Блестящие желтые лепестки покрывали зеленые полосы, а само растение издавало такой тошнотворный запах, что мне пришлось отвернуться.

Тропа не обрывалась на этом месте, а огибала его по периметру на три четвертых окружности, так что мы снова вошли в лес недалеко от того места, где вышли. Но перед этим я остановился, чтобы срубить мешавшую лиану. Внезапно я заметил след рядом с тропой, он подтверждал мое предположение о том, что мы здесь не одни.

Нас окружали заросли длинных стеблей, на верхушках которых не было ни одного листа. Вместо этого на них виднелись темно-красные похожие на перья отростки. Два из стеблей были повреждены и совсем недавно, так как сок все еще струился из надрезов. Я наклонился, чтобы изучить их повнимательнее, и у меня не осталось сомнений. Стебли были не сломаны, я именно надрезаны. Я срезал другой, чтобы сравнить. Гладкий стебель легко гнулся у меня в руках, а из прорези вытекло небольшое количество жидкости.

— Идет ловить рыбу...

— Что?.. — начал было я.

— Тихо! — резче, чем обычно, бросил Ийти. — Идет ловить рыбу. Точно. Теперь будь осторожен. Я могу прочитать не все его мысли. Его мозг очень слабо развит. Он думает только о еде. Но мыслит он очень медленно и примитивно. Но он идет по направлению к реке и надеется поймать там рыбу.

— Это тот, с дубинкой?

— Здесь есть по меньшей мере два вида аборигенов, находящихся на низкой стадии развития, — предположил Ийти. — Это один из таких. Но видели ли мы именно его или нет, я не знаю. Думаю, эту дорогу часто используют его сородичи. Он идет по ней очень уверенно, словно знает, что ему нечего бояться.

Я же его уверенности не разделял. Недалеко от нас раздался ужасный грохот. Я, увлекая за собой Ийти, бросился к ближайшему дереву, прижался к нему спиной, с ножом, перепачканным соком, наготове. С этого места обзор был ограничен. За стволами и лианами я ничего не видел. Но я напряженно прислушивался.

Никакого движения. Звук был таким, словно рухнуло одно из гигантских деревьев, уходящих своими корнями далеко вглубь земли. Рухнуло? Но ведь время от времени деревья погибают. А погибшее, начавшее гнить дерево, падает под тяжестью растений и паразитов, расположившихся на нем, разве не так? Как то, что мы видели в последний раз на поляне. А что если следующим окажется то, которое я избрал в качестве укрытия? Я бросился от него прочь, с такой же скоростью, как и прибежал.

Не знаю, может ли мысль выражать смех, но именно подобная мысль исходила от Ийти. Он слишком быстро переставал быть идеальным компаньоном.

Я был слишком напуган и не заметил, как зацепился ногой за корень или лиану, и рухнул, как мертвое дерево. Меня обуял гнев. Ийти моментально среагировал и спрыгнул с моего плеча. Теперь он сидел неподалеку, обнажив клыки и всем своим видом выражая раздражение.

— Неужели нельзя поднимать ноги повыше? — фыркнул он. — И почему ты продолжаешь таскать на себе эту бесполезную тяжесть?

И действительно, почему? Мой комбинезон под скафандром пропитался потом и прилип к телу. В тех местах, которые я не мог почесать, кожа ужасно зудела. Мне казалось, что даже пролежав несколько дней в ванной, я не смогу избавиться от собственного запаха. И все же я цеплялся за скафандр, как животное цепляется за свой панцирь, словно тот сможет защитить от неизведанного.

Для космоса он был уже непригоден, так как я порвал его при спуске с дерева. Ноги в тяжелых ботинках глубоко утопали в грязи, что было довольно опасно. Пояс, к которому были прикреплены наши скромные припасы, мог еще послужить, а вот скафандр... Ийти был прав. Он действительно бесполезен. Мои пальцы с неохотой скользили по замкам и пряжкам, и мне приходилось бороться с желанием оставить свой панцирь на себе.

Но, сбросив его с себя и ощутив прохладу своим влажным телом, я почувствовал облегчение. Мы снова двинулись вперед. Теперь у меня за спиной был лишь небольшой сверток, а руки свободны, и я больше не чувствовал себя сонной мухой. Жесткие тканые чуни, вдеваемые внутрь космических ботинок, не только защищали мои ноги от жидкой грязи, но и давали мне прочную опору. Теперь я мечтал о пруде или ручье, куда мог бы окунуть свое вспотевшее тело и как следует вымыться. Хотя такой поступок в этом странном мире был бы полнейшим безрассудством. Ведь я не был полностью уверен, что водоем не кишит существами, которые отреагируют на вторжении чужака.

— Вода... — объявил Ийти. Он водил головой из стороны в сторону. — Вода... много... неизвестные существа...

Запахи ударили мне в нос. Все они были мне неизвестны. Но я опять поверил Ийти и замедлил шаги. Поверхность под ногами уже не была такой твердой, и следы были глубже и четче. Среди них я выделил один, который наложился на более ранние. Он был клинообразный с зубцами по краям и немного больше, чем мои собственные следы.

Я не был ни следопытом, ни охотником. Я бывал, конечно, на отдаленных примитивных планетах, но посещал только деревни и фабрики. Поэтому мои знания о дикой природе были почти нулевые.

Но я все же догадался, что кем бы ни являлось это существо, оно было большим и тяжелым, поэтому и оставило глубокие следы. Судя по всему, передвигалось оно очень осторожно.

— Вода... — повторил Иити.

Но его предупреждение было лишним. Тропа была покрыта слякотью, а следы пропали. Там и тут возвышались бугорки твердой земли, и я перепрыгивал с одного на другой. Вскоре поверхность была полностью покрыта водой. Из-под воды торчали деревья и кусты. Кое-где виднелись кучки мусора, застрявшие в ветвях лиан на уровне моего плеча. Это место выглядело так, словно его затопило совсем недавно и теперь оно медленно высыхало.

Между деревьями виднелись лужи, пахнувшие гнилью и окруженные желтым илом. Воздух был ужасно зловонным. Мы прошли мимо кучи костей, застрявших в ветвях лиан. Среди них выделялся узкий череп, оскаливший зубы.

Лужи сменились озерцами, а озерца переходили далее в широкое водное пространство. Корни деревьев были размыты, и те угрожающе кренились. Деревья поменьше были выкорчеваны и торчали корнями вверх.

— Осторожно!

И вновь предупреждение Иити было излишне. Возможно, его обоняние притупилось из-за запахов, витавших вокруг, поэтому он не почувствовал аборигена, пока не увидел его или ее.

На наклоненном стволе дерева притаилось существо. При дневном освещении его легко было заметить. Это был гуманоид, но густая поросль жестких волос была у него не только на голове. Волосы покрывали внешнюю часть ног и рук до запястий и лодыжек, образовывали три лохматых пятна на груди и в центре туловища.

На поясе у него висела не то юбочка, не то килт из бахромы. Толстую шею опоясывал ремешок, на который были

надеты зеленые шарики и красные цилиндры. Тяжелая дубинка лежала рядом, а ее хозяин был занят чем-то, что полностью занимало его внимание.

Я узнал прут, срезанный на поляне, мимо которой мы проходили. Он был согнут в кольцо, а из одного конца сделана ручка. Существо крепко зажало его между задними конечностями, вцепившись в него огромными когтями. В руках оно держало палку с раздвоенным концом, на которой извивалось что-то черное. Оно так активно пыталось освободиться, что я никак не мог разглядеть его.

Борьба этого черного существа была абсолютно безнадежной. Абориген водил палкой вокруг кольца сначала от одной стороны к другой, а потом сверху вниз. Из черного существа тянулась нитка, которую абориген зацеплял за края кольца, формируя сеть. Абориген последний раз взмахнул палкой со своим пленником, и, казалось, остался доволен результатом. Затем резким взмахом руки он отправил палку с пойманным существом в озеро. Едва палка достигла поверхности, вода забурлила, и палка с существом исчезли и больше не появились.

Абориген встал на ноги, держа сеть в руке. Он был выше меня на голову. Несмотря на тонкие руки и ноги, его похожее на бочку тело казалось очень сильным. Лицо совершенно не походило на человеческое, а скорее напоминало одну из масок демонов с Танфа.

Глаза были настолько глубоко посажены, что их не было видно под кустистыми бровями. Можно было только догадываться, что они есть. Нос представлял собой мясистый выступ, которым его обладатель водил вверх и вниз и из стороны в сторону. Под этим отростком располагался рот, из которого торчали два клыка, а подбородок отсутствовал: от нижней челюсти был плавный переход к горлу.

Любой космический путешественник со временем привыкает к встречам со странными обитателями других планет. Среди них ящероподобные закатане, тристианцы, предками которых были птицы, и другие. Но это лицо было чересчур отталкивающим, по крайней мере для меня, и я почувствовал отвращение.

Пробираясь по упавшему дереву, прогибающемуся под его тяжестью, он начал ступать осторожно, поверяя каждый сантиметр поверхности, и, наконец, остановился. Затем он опустился и лег, растянувшись во все длину, пристально смотря на пенистую поверхность воды и не выпускающая из руки кольцо с сеткой.

Я не смел пошевелиться. Если я стану обходить озеро, то непременно попаду в поле зрения аборигена, а мне этого не хотелось. Пока я колебался, Иити молча наблюдал, как абориген водил своей сеткой взад и вперед. Затем он зачерпнул ею и поймал какую-то чешуйчатую тварь величиной с мое предплечье.

Он сгреб существо из сетки, резко стукнул о ствол дерева и прицепил безвольное тело к поясу своей юбки.

— Иди направо, — поймал я мысль Иити.

Абориген оказался левшой, и его внимание сосредоточено в основном в том направлении. Значит направо. Я медленно двинулся вперед, стараясь прятаться за стеной из кустов. И все равно я не чувствовал себя в безопасности. Я боялся увязнуть в трясине. Ведь в таком беспомощном положении я наверняка стал бы жертвой дубинки аборигена. Мой нож был достаточно острым, но у аборигена были длинные руки, кроме того, он знал это болото. Было бы глупо забираться в глубь этой трясины с риском увязнуть. Об этом я и сказал Иити.

— Не думаю, что это настоящее болото. Слишком много признаков недавнего наводнения. А его вполне могла породить река.

— Ну и какой нам прок от того, что поблизости есть река?

— Вдоль реки идти проще, чем по тропе. Кроме того, берега рек, как правило, обитаемы. Как же ты можешь называть себя торговцем, не зная таких вещей? Если эта планета может похвастаться наличием какой-нибудь цивилизации, или если ее посещали торговцы из других миров, ты сможешь найти подтверждение этому вдоль берегов главной реки. Особенно в месте ее впадения в море.

— У тебя довольно обширные знания, — заметил я, — и, конечно, ты получил их не от Валькирии...

И вновь я почувствовал его раздражение.

— Что не сделаешь при необходимости. Знания — это неиссякаемый источник. И где, как не на «Вестрисе», получать знания о торговле, торговцах и их планах? Его команда была рождена для того, чтобы торговать. Эти люди имеют богатый профессиональный опыт.

— Должно быть, у тебя была возможность читать их мысли, — перебил я. — Если ты такой умный, то может, ты знаешь, почему они забрали меня с Танфа? — я не ожидал ответа на свой вопрос, но он заговорил сразу же.

— Им заплатили за это. Был какой-то план, но я не знаю деталей, потому что они их тоже не знали. Но что-то пошло не так. К ним обратились за помощью и хорошо заплатили, чтобы они вывезли тебя с планеты и отправили на Путеводную.

— Путеводная? Но ведь это всего лишь легенда!

Если Иити умел фыркать, то скорее всего он издал именно этот звук.

— Эта легенда возникла не на пустом месте. Они везли тебя туда. Но они настояли на том, чтобы сначала отправиться по своему обычному маршруту. А когда у тебя началась лихорадка, то осторожность взяла верх. Они решили отделаться от тебя, пока ты не заразил остальных. Но они еще не направлялись на Путеводную, и сначала отправили сообщение тем, кто все это организовал.

— Ты просто кладезь информации, Иити. Но что стояло за этим? Кому это я помешал?

— Они знали только посредника. Его имя Урдик, и он не с Танфа. Зачем ты нужен, они не знали.

— Но почему..

— Из-за камня в кольце...

— Ага! — я потянулся к мешочку, в котором он лежал. — А они знали о нем?

— Не думаю. Им нужно было то, что носил Вондар Астл или ты. Эта вещь имела для них огромное значение, и они искали его на протяжении некоторого времени. Да ведь и

ты теперь не станешь отрицать, что это кольцо — самое дорогое, что у тебя есть.

Я крепче сжал свой мешок.

— Да!

Затем я испуганно посмотрел на мешок. Он двигался у меня в руке, и от него исходил жар. Мы вышли на открытое место, и вокруг разливался свет дня. И все же мне показалось, что я различил мерцание.

— Он снова оживает!

— Тогда используй его в качестве проводника, — посоветовал Ийти.

Я с трудом расстегнул мешок и нацепил кольцо на палец. Но оно было мне слишком велико, и наверняка свалилось бы с пальца, если бы я не сжал кулак. Рука, помимо моей воли, дернулась в сторону от тела, направо и прямо. Казалось, что камень опять начал использовать мою плоть в качестве транспортного средства. И мне пришлось идти в том направлении, которое он указывал.

Глава 9

— Нас преследуют, — известил меня Ийти.

— Абориген?

— Он или кто-то подобный ему, — меня это не обрадовало. — Но он осторожен... Он боится...

— Чего? — горько спросил я. — Этот нож вряд ли защитит меня, он годится только для боя на близком расстоянии. Мне вовсе не хочется предстать перед этим существом в качестве гладиатора с Коркозана. Я ведь не боец, а мирный торговец драгоценными камнями.

Ийти проигнорировал мои мрачные жалобы.

— Он боится смерти на расстоянии. Он видел такое или слышал об этом.

Смерть на расстоянии? Наверное, он боялся стрел или брошенного камня, или луча лазера, или любого другого оружия, имеющегося в распоряжении «цивилизации».

— Именно так, — Ийти прочитал мои мысли. — Но... — я уловил нотки неуверенности. — Я не могу прочитать

больше, только то, что он боится. Еще я чувствую, как он осторожно нюхает наш след.

Мы спрятались в куче сухих веток между двух поваленных деревьев, чтобы поесть немного семян из наших запасов и попить жидкости из фляги. Даже если эти семена и были питательными, они не могли заглушить моего желания съесть чего-то другого. С тех пор как мы пришли на затопленную территорию, я больше не видел таких семян, поэтому старался распределять запасы экономно. Покончив с причитающейся мне пригоршней семян, я оглянулся в поисках преследователя.

Наконец я его увидел. Он опустился на одно колено, а его голова практически касалась земли, в то время как похожий на хобот нос дрожал и извивался над моими следами. Это был не рыболов, которого мы видели, а кто-то очень похожий на него, его же вида.

После долгого обнюхивания следов он присел на корточки и поднял голову. Когда он начал ее поворачивать, его нос-хобот поднялся вверх. Я был уверен, что он направит его прямо на нас, и в отчаянии приготовил нож.

Однако он не перестал вращать носом. Возможно, он не заметил нас. А если и заметил, то у него хватило ума не проявлять своей осведомленности. Я напряженно ждал, что он поднимется и начнет действовать или исчезнет за кустами, чтобы напасть на нас из засады.

— Он не знает... Он все еще ищет... — сказал Иити.

— Но если он унюхал наши следы, то как мог потерять нас?

— Не знаю. Я знаю только, что он ищет. А еще он боится. Ему не нравится...

— Что? — потребовал я, как только Иити сделал паузу.

— Слишком сложно. Я не могу прочитать. Он чувствует больше, чем думает. Можно прочитать мысли и ярко выраженные эмоции. Но это существо ново для меня. Все, что я могу, это получить поверхностные впечатления.

В любом случае, несмотря на то, что мой след не заканчивался в том месте, где стоял на корточках нюхач, он не

делал не малейшей попытки сдвинуться. Я не знал, сможем ли мы покинуть наше убежище, не привлекая внимания.

Два дерева, не таких огромных, как остальные, упали так, что их кроны переплелись, а стволы образовывали прямой угол. Мы прятались среди покрытых листьями веток, а вот преграда из сухих веток между нами и аборигеном была не слишком плотной.

Я увидел, что хотя на ветках и не было листьев, они густо переплелись между собой. Камень тянул меня по направлению к ним, словно хотел протащить через эту преграду. Я опустился на колени и начал разбирать преграду. Ийти работал передними лапками. Он отгаскивал мелкие веточки. Я пытался с помощью ножа подкопать землю под ветками. Мы продвигались очень медленно, постоянно останавливаясь и оглядываясь на отделяющее нас от аборигена расстояние. Несмотря на все усилия, мы работали отнюдь не бесшумно. Но, к моему удивлению, абориген не двигался.

Вдруг я с ужасом подумал, что он ждет подкрепления. И начнет действовать, когда придут его товарищи.

— Ты прав, — Ийти был беспристрастен, — за ним идет еще один или двое.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Сказал бы при необходимости. Лишние волнения ни к чему. Мы должны сохранять спокойствие. Кроме того, они еще далеко. Жаль, но день подходит к концу. А для них темнота не помеха.

Я не стал облекать мои мысли в слова: Ийти все равно прочитал их.

— А есть ли кто-нибудь впереди нас? — спросил я, стараясь сдерживать гнев.

— Насколько я могу почувствовать, никого. Они не любят ходить в том направлении. Этот ждет остальных, но не потому что боится нас, а потому что боится идти туда, куда идем мы. Ожидание только прибавляет ему страха.

— Тогда пошли вперед, — я больше не осторожничал, а рубил ветки, расчищая путь сквозь упругую стену быстрыми ударами.

— Хорошо сказано, — согласился Иити, — однако никогда не следует забывать об еще большей опасности.

Я промолчал, в надежде, что Иити прочтает мои эмоции и они приструнят его. За этим завалом оказалось еще больше поваленных деревьев и луж, окаймленных валежником. Зато стволы могли послужить нам дорогой. Абориген вооружен лишь дубинкой, совершенно бесполезной на расстоянии. Он знал, что мы сбежали, и потому нужно было двигаться как можно быстрее.

С Иити на плечах, крепко вцепившимся в завязки моего мешка, я вспрыгнул на ближайшее дерево и побежал, перепрыгивая с одного на другое. Я бежал не по прямой линии, а туда, куда указывал мне камень. Я мог только надеяться, что он приведет нас к какому-нибудь сооружению или кораблю, или даже к поселению, где живут те, кому он принадлежит, подобно тому как привел нас в космосе к покинутому кораблю. Однако огромный возраст корабля наводил на мысль, что в поселении может не оказаться ни одной живой души.

Мы вышли из темноты. Вода не только проложила просеку среди деревьев, она подмыла корни низкорослых растений, поэтому растительность здесь была довольно скудной. Теперь я смог увидеть небо.

Оно было покрыто облаками и скрывало солнце. Несмотря на это, по-прежнему было очень жарко, и малейшее движение вызывало отдышку. Вокруг меня вились насекомые, и мне приходилось размахивать руками, чтобы расчистить себе обзор. При этом ни одно из них не кусало меня. Должно быть, я был для них слишком непривычным источником питания.

Не было никаких признаков погони, и Иити, переставший со мной разговаривать как только мы начали наш марш-бросок, наверняка поднял бы тревогу, если бы возникла такая необходимость. Наверное, я был нужен ему, но меня беспокоило, что он уклонялся от разговоров на эту тему.

И вновь пруды переходили друг в друга без разрыва, заставляя меня постоянно уклоняться от пути, который

указывал камень. У меня не было ни малейшего желания шлепать по грязному, ужасно выглядевшему мелководью. Неизвестно, кто скрывается здесь под поверхностью. Может, насекомые и не сочли меня вкусным, но это не значило, что другие обитатели окажутся столь же привередливыми.

Я не представлял себе, как долго длится день на этой планете, но, мне показалось, что начало смеркаться, и именно поэтому потемнело, а вовсе не из-за облаков, как я решил вначале. До наступления ночи нам нужно было найти безопасное место, чтобы спрятаться. Если местные обитатели действительно ведут ночной образ жизни, то в схватке у них будет преимущество.

Вода заставляла меня уходить все дальше и дальше вправо, в то время как камень тянул меня влево прямо на залитую водой территорию. Он тянул меня настолько сильно, что мне пришлось, наконец, снять кольцо с пальца и убрать назад в мешок, иначе оно свалило бы меня в яму, которую я в тот момент обходил.

Многое указывало на то, что озеро было раньше гораздо больше, но теперь оно обмелело, и как раз с той стороны, куда указывал камень. Идти было очень тяжело, и время от времени я уточнял у Иити, нет ли за нами погони. И каждый раз он отвечал, что все чисто.

Уже совсем стемнело, а я так и не нашел подходящего места для ночлега. Слякотная поверхность была испещрена следами каких-то довольно больших существ, которые, судя по всему, переползали из пруда в озеро, выходили из воды и вновь возвращались обратно. А размер этих следов заставлял человека подумать дважды, трижды, двадцать раз, прежде чем располагаться на ночлег вблизи их троп.

Поверхность кое-где возвышалась, но я не сразу заметил это. Эти возвышения были покрыты засохшей грязью, в которой немедленно укоренились растения. Я забрался на одно из них, чтобы получше разглядеть, что находится впереди, когда до меня внезапно дошло, что эти возвышения не разбросаны как попало, а расположены по одной линии.

Моя нога соскользнула с возвышения, и я начал сползать вниз, пытаясь удержаться тем, что воткнул в землю нож. Но она была слишком твердой, и нож лишь чиркнул по ней с металлическим звуком, вывернув при этом ком грязи.

То, что открылось моему взгляду, вовсе не походило на грубую поверхность камня. Гладкая поверхность казалась искусно отполированной. Когда я дотронулся до нее, мне показалось, что это не камень вовсе. Поверхность выглядела так, словно ее оплавил и она покрылась стекляннм коконом. Однако в некоторых местах она была выщерблена.

Выступ был тусклого зеленого цвета с прожилками цвета охры. Это не было стеной, так как отдельные части не примыкали друг к другу, а располагались на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Может, они и были когда-то соединены, но теперь то, что их соединяло, исчезло.

Выступы вели как раз в том направлении, куда вел меня камень. Они спускались к озеру, кое-где подходя вплотную к воде. Волны перекатывались через них, а некоторые были полностью покрыты водой.

Я продолжал свое движение вдоль озера, внимательно осматриваясь, пока не наткнулся на еще один ряд таких же выступов, которые располагались параллельно первым. Я решил использовать их в качестве ориентира. Эти выступы явно были развалинами какого-то большого сооружения, по виду очень древнего. Они могли привести нас к какому-нибудь строению или навесу, под которым мы могли бы укрыться.

— Именно так, — согласился Ийти, — но нам следует поспешить. Скоро наступит ночь, и, судя по всему, начнется буря. Если в это озеро добавится еще немного воды...

У него не было необходимости продолжать. Я перепрыгивал с одного покрытого грязью блока на другой, пытаясь услышать раскаты грома (если, конечно, на этой планете гроза сопровождается громом) и боясь почувствовать на своей коже капли дождя. Ветер усиливался и донес до нас

какой-то вопль, заставивший меня остановиться прежде, но Иити сразу же успокоил:

— Это не голос живого существа, а просто звук.

Он принюхивался столь же старательно, как и абориген с носом-хоботом.

Теперь блоки начали соединяться, образуя стену. Я спрыгнул, чтобы идти рядом с ней. Вскоре она была уже с меня высотой. Мне не хотелось идти в тени, и я вышел на открытое место.

Я хотел было вновь забраться на стену, чтобы оглядеться, но ее поверхность не была больше горизонтальной. Теперь она была покрыта выступами, о первоначальной форме которых трудно было догадаться, так они были выветрены и разъедены.

На этой стороне стены следов наводнения не было видно. Лишь в некоторых местах, где волны переливались через стену, несколько громадных верхних блоков были сдвинуты с места.

Здесь совсем не было деревьев. Мы шли по открытому месту, где произрастали лишь невысокие кусты. В тех местах, где вода переливалась через стену, на земле виднелось подобие мостовой. Она была такой же оплавленной, как и поверхность стены.

Может, я и шел по дороге и огражденному пространству, но другой стены я не видел. Тучи еще больше сгустились и потемнели, я даже почувствовал первые капли дождя. Стена не могла нас защитить, и другого укрытия я не видел в этой поросшей редкой растительностью местности. Я побежал. Я ужасно устал, и каждый шаг давался мне с большим трудом. Мешок и Иити давили мне на плечи.

Вдруг стена, вдоль которой я бежал, сделала крутой поворот влево, и я увидел огороженное с трех сторон место. Здесь не было крыши, но, тем не менее, это место показалось мне лучшим укрытием из тех, которые я видел. Мы могли бы сделать навес сами. Кроме того, мне совсем не хотелось бродить в темноте. Итак, я бросился туда и забился в угол, показавшийся самым удобным для отражения нападения. Мы прижались друг к другу. Я накрыл голову и

плечи имевшейся у нас тканью, а Ийти примостился у меня на коленях. Ночь и буря опустили на нас.

Однако мы находились не в полной темноте. Я заметил, что мешок, в котором лежал камень, слегка светится, а когда приоткрыл его, то увидел тоненький лучик света. Как и в прошлый раз, камень отвечал на энергию. Были ли эти руины его целью? А если так, то спасательная шлюпка привела нас на планету, откуда давным-давно стартовал корабль. Это предположение казалось не таким уж фантастическим. Шлюпка вполне могла быть оснащена устройством, которое направляло ее назад к месту старта. И вполне возможно, что корабль потерпел катастрофу вскоре после старта. А что если мы, сами того не ведая, вернули кольцо туда, где оно было изготовлено? Но возраст камней за моей спиной свидетельствовал о том, что те, кто жил здесь, уже давно канули в вечность. Я наткнулся здесь на следы одной из цивилизаций предтеч, о которых мы ничего не знаем, а закаты только догадываются.

Вряд ли я предполагал, что когда-либо проведу ночь посреди незнакомых развалин неизвестного возраста. Поиски драгоценностей приводили меня в разные странные места. Но тогда я был с Вондаром и полагался на его знания и опыт. А еще раньше у меня был отец, защищавший и дающий знания, помогавшие выжить.

Я сидел, съезжившись, под тонким навесом, по которому барабанил дождь, и лишь частично осознавал ночь, чужие стены и необходимость быть бдительным. Часть меня возвращалась в то далекое время, когда мой отец впервые показал мне кольцо с камнем предтеч, как он однажды назвал его, который бросил вызов его знаниям и любопытству.

Кольцо нашли на теле, плавающем в космосе. Был ли это один из членов экипажа погибшего корабля? Мой отец погиб от рук того, кто перерыл его кабинет в поисках предвечного камня.

Затем Вондар Астл и я попали в ловушку на постоялом дворе Танфа. Я считаю, что это произошло вовсе не из-за случайного выбора стрелки. Это было спланировано. Наверняка они рассчитывали на то, что мы окажем сопротив-

ление и будем убиты, что и произошло с Вондаром. Они не могли предвидеть того, что мне удастся бежать и укрыться в святилище.

Впервые за все время мысль о сделке с Острендом возмутила меня. А торговец во мне пожалел о камнях, которыми я расплатился за проезд, заказанный вовсе не мной. Итак, меня должны были доставить на Путеводную и выдать там тем, кто заплатил за мое спасение. Но почему? Потому что я был сыном своего отца или считался таковым и мог догадываться или знать об этой самой вещи, что мерцает сейчас на моей груди?

И вновь я сбежал благодаря случайности, подхватив какую-то инфекцию на Танфе или в том безымянном мире, где люди исчезают так таинственно. Эта болезнь... Странно, но она поразила меня очень вовремя!

— Именно так, — согласился Ийти в своей обычной манере, — именно так. Ты заболел один из всей команды. Но почему это заинтересовало тебя только сейчас?

— Почему? Я знаю, что Валькирия выбрала для родов мою кабину, но это могло быть случайностью...

— Ты действительно так думаешь?

— Но не мог же ты...

А что если мог? Его тело выглядело совершенно беспомощным, когда я увидел его в первый раз возле Валькирии. Но это совершенно не значило, что его ум...

— Ты проявляешь способность мыслить, — заметил Ийти одобрительно. — Нас уже тогда притягивало друг к другу. Члены команды представляли собой замкнутый клан. А мне был необходим кто-то обособленный, кто обеспечил бы бегство и защиту от опасности, ведь я в то время был слишком слаб. Позднее я бы справился и сам. Но мне нужен был товарищ...

— Так это ты сделал так, чтобы я заболел!

— Я лишь слегка изменил состав жидкостей твоего тела. Это было совсем не опасно, хотя и выглядело так.

В его голосе сквозило столько самодовольства, что мной овладело желание выкинуть Ийти наружу в темноту, не важно, что там ему могла грозить опасность.

— Ты этого не сделаешь, — ответил он на мою не до конца сформулированную мысль. — Я выбрал тебя не только из соображений целесообразности. Я уже говорил о том, что между нами существует связь. И эта связь основана на гораздо большем, чем временная необходимость. Как я уже говорил тебе, тело, которое у меня есть сейчас, не совсем то, что мне нужно для данной фазы моего существования. Я, конечно, попытался его сделать как можно удобнее. Возможно, в будущем, имея под рукой средства и достаточно времени, я смогу изменить его. Но сейчас я обладаю чувствительностью, которая очень помогает тебе. Точно так же, как твое тело и сила помогают мне. Думаю, ты уже ощутил преимущества нашего партнерства.

— Мы все еще далеки от того, что называют безопасностью. Поэтому наше партнерство необходимо нам обоим. Позже у нас будет возможность решить, стоит ли его продолжать.

Разумно, хотя мне было неприятно осознавать, что в этом маленьком волосатом существе, которое я могу легко раздавить двумя руками, заключена личность, достаточно влиятельная, чтобы ставить мне условия. В прошлом я мало с кем общался. Мои отношения с Хайвелом Джерном были отношениями учителя и ученика, младшего офицера и командира. У Вондара Астла был легкий характер. Кроме того, он был не таким замкнутым, как мой отец, но когда я поступил к нему на службу, то стал относиться к нему точно так же, как к отцу. Кроме этого я не был связан с каким-то другим человеком или существом. Теперь меня подчинил себе Иити, и сделал это без моего согласия, как раньше Хайвел или Вондар. Мой гнев нарастал. Мне не хотелось подчиняться Иити!

— Они идут! — предупреждение Иити вывело меня из раздумий. Мы так давно не видели аборигенов, что я стал уже подумывать, что они перестали преследовать нас. Если они обнаружат нас, то наше укрытие может оказаться ловушкой.

— Сколько и где?

Иити был прав: в данной ситуации я должен полагаться на его чувствительность.

— Трое... — ответил Иити, подумав. — И они очень нерешительны. Думаю, это место внушает им страх. Но они голодны.

Смысл сказанного не сразу дошел до меня. Но в следующую минуту я похолодел.

— Ты имеешь в виду...

— Мы — скорее ты — состоишь из мяса. Установить контакт с разумом этих примитивных существ довольно сложно. Но я могу различить голод и в то же время страх. Они помнят, что здесь опасно.

— Но ведь, если верить следам, здесь много дичи.

Я вспомнил свежие следы, свидетельствующие о наличии здесь животных. Кроме того, тому рыболову не составило труда выловить из пруда свою добычу.

— Именно так. Но для меня загадка, почему мы привлекаем их больше, чем другая добыча.

Иити действительно выглядел озадаченным.

— Я не могу уловить причину. Их разум слишком чужд, слишком примитивен, чтобы прочитать их мысли четко. Но сейчас они забыли об осторожности. Они особенно опасны в темноте.

Я нащупал фонарик. Если эти существа ночные охотники, то внезапная вспышка света может на некоторое время привести их в замешательство.

Моя неосмотрительность при выборе этой дыры с возвышающимися стенами в качестве убежища могла сыграть против нас.

— Все не так уж плохо, — прервал Иити мои размышления. — Мы можем забраться на стену...

— Для меня она слишком высока. Но если ты заберешься... Забирайся! — приказал я.

Я почувствовал, что кто-то резко дернул за край ткани, которая накрывала нас.

— Отпусти, — потребовал Иити, — я могу забраться, но думаю, будет гораздо лучше, если пушу в ход свои когти.

Он спрыгнул с моих колен, таща за собой наше покрывало, несмотря на то, что оно было слишком тяжело для него и клонило его голову на бок.

— Подними меня, — скомандовал он, — как можно выше, и придержи эту штуку!

Я подчинился. У меня самого не было никакого плана, поэтому я предоставил действовать Иити. Я поднял его и держал над головой, пока не почувствовал, что он не схватился за верхнюю часть стены и подтянулся вверх. Затем я протянул ему покрывало, придерживая, чтобы оно своей тяжестью не стянуло Иити назад. Вдруг оно повисло, его перестали тянуть.

— Привяжи к нему нож и отпусти... — приказал Иити.

Выпустить мое единственное оружие из рук? Да он с ума сошел! И все же, несмотря на то, что часть меня протестовала, я начал привязывать свой нож к свободно свисающему краю ткани. Я слышал, даже сквозь бурю, как он позвякивал, ударяясь о стену, пока Иити поднимал его.

Я повернулся лицом к отверстию в стенах убежища. Хотя Иити и не предупредил меня об опасности, я чувствовал, что аборигены перестали раздумывать и начали движение в темноте. Я нажал кнопку фонарика и проследил взглядом вдоль луча света.

Они стояли у входа в убежище, согнувшись наполовину, и держали наготове дубинки. Но как только луч фонарика осветил их, они заморгали, ослепленные, раскрыли свои маленькие рты и закричали высоко и пронзительно. Стоявший в середине упал на колени и поднял руку, чтобы заслонить свое отвратительное лицо от света.

— Позади тебя, вверху! — мысленный возглас Иити прозвучал так громко, словно он крикнул мне прямо в ухо. Я почувствовал, как что-то ткнулось мне в плечо, поднял руку и нащупал ткань. Я ухватился за нее и дернул. Но она не упала; она оказалась закреплена наверху, предоставляя, таким образом, мне возможность убежать.

Но стоило ли мне поворачиваться спиной к тем трем, которые все еще находились в плену моего фонарика?

Как долго свет сможет удерживать их в таком положении? Я должен попробовать...

Только бы эта импровизированная лестница и то, чем Иити прикрепил ее наверху, выдержали мой вес! Но не следовало упускать этот шанс. Я подпрыгнул, схватил свисающую ткань обеими руками и, упершись ногами о стену, начал взбираться.

Глава 10

Но убежать оказалось не так просто. Позади меня раздался визг, заглушающий шум грозы. Что-то глухо ударилось о стену всего в нескольких дюймах от меня и отскочило обратно. Я держал фонарик включенным. Свет метался из стороны в сторону, пока я пытался оторваться от аборигенов внизу. Должно быть, это сбило их с толку, а может быть, они владели своими дубинками не слишком искусно. Лишь раз одна из них слегка задела мою ногу, и я едва не выпустил из рук ткань.

Страх придавал мне сил, и я пробирался по неровному гребню стены. Моя нога онемела, и я боялся переносить на нее вес тела. Я полз по стене, словно моя нога была сломана. Когти аборигенов не шли у меня из головы. Они помогут им добраться до нас.

Наверху нас стегал дождь и порывы ветра. Я даже не ожидал, что стены так хорошо защищали нас внизу. Я двигался по верху стены, хватаясь за выступы, и остановился только чтобы погасить фонарик — иначе он выдавал бы все наши передвижения.

— Теперь направо и вперед, — скомандовал Иити.

Я дополз до того места, где кончалась ткань. Она была крепко прикреплена с помощью ножа к стене. Иити воткнул его в расщелину между камнями, и мне потребовалось некоторое время, чтобы вытащить нож и сунуть в свое снаряжение.

Направо и прямо? Буря была настолько сильной, что я долго не мог определить, где право, где лево, пока не додумался использовать для этой цели руки. Если я последую

указаниям Ийти, мне придется перелезть через стену. Но я был уверен, что он не собирался спускаться снова.

Я передвигался медленно, волоча за собой ноющую ногу, и тут обнаружил, что стена соединяется под острым углом с другой, ведущей как раз в том направлении, которое указывал Ийти.

Я передвигался по ней с трудом, так как она была испещрена выступами, ямами и обломками камней. Но они помогали мне удержаться, так как порывы ветра были слишком сильными.

Я ничего не видел вокруг: пробирался на ощупь, следуя указаниям Ийти и с ужасом ожидая визга позади, извещающего о том, что наши преследователи с дубинками совсем близко.

Онемение в ноге постепенно прошло, но теперь она начала болеть. Если я задевал ею о выступы стены, то кривился от боли. Я не пытался встать на ноги: ползти по такой неровной поверхности было гораздо безопаснее.

Из своего укрытия мы отправились прямо в темноту и неизвестность. Я услышал рев, перекрывавший шум бури. Но это не были крики наших преследователей. Этот рев раздавался как раз оттуда, куда мы ползли.

Наконец мне стало так тревожно, что я остановился и укрылся за большой глыбой, затем включил фонарик и осветил путь перед собой. Луч осветил стену, а за ней пустое пространство. Я посветил фонариком справа от себя. Вода. Ревущая вода, пробивающая себе дорогу среди нагромождения скал. Я направил луч налево. Он выхватил из темноты еще что-то.

Округлая поверхность холма? Нет, несмотря на то, что это было покрыто растениями и мхом, которые продолжали светиться после того, как на них попал свет моего фонарика. Изогнутый предмет был выше, чем стена в самой высокой ее точке, простирался далеко в темноту так, что я не мог увидеть его окончания.

Вода, бившаяся в стену, подмыла ее с одной стороны. Но стена была слишком прочной, чтобы вода могла разрушить ее. Я освещал часть холма, ближайшую к непонятно-

му предмету, пытаюсь понять, смогу ли перебраться на нее. Однако поверхность холма, несмотря на растительность, казалась слишком гладкой, кроме того, место для разбега с этой стороны было ограничено.

— Ну, — обратился я к Ийти, — куда дальше? В воду? А может, нам отрастить крылья и взлететь?

Ответа не последовало, и я вдруг ужасно испугался, что остался один. А может быть, Ийти убежал вперед? Ведь я не мог передвигаться быстро. Наконец он мне ответил, хотя я не смог определить, откуда прозвучал его голос.

— На землю, слева. Вода сюда не доходит. Корабль предоставит нам кров...

— Корабль? — я еще раз осветил фонариком холм. Это вполне мог быть корабль. Но его очертания...

— Ты что думаешь, что все корабли выглядят одинаково? Даже у твоей расы есть несколько видов.

Конечно, он был прав. Ведь между кораблями вольных торговцев и кораблями колонистов очень мало общего. Аккуратные корабли вольных торговцев, созданные, чтобы рассекать атмосферу, в то время как корабли колонистов так громоздки, что вообще не входят в атмосферу. Вместо этого они используют лодки-перевозчики, переправляющие товар и пассажиров.

Я подошел к левому краю стены. Нос огромного объекта находился недалеко от меня. На нем стоял Ийти. Его жесткую шерстку не мог прижать к телу даже дождь, а бусинки глаз вспыхивали при свете моего фонарика. Я подпрыгнул и бросился вниз, надеясь, что смогу достичь опоры.

Если бы у меня были пристегнуты магнитные подошвы, я наверняка удержался бы на склоне. Случилось то, чего я боялся. Я допрыгнул, но ноги соскользнули. Я попытался схватиться за растения, но они оказались слишком слабыми, чтобы удержать меня, и только вырывались с корнями. Я упал на землю и ударился так сильно, что у меня перехватило дыхание. Поврежденную ногу пронзила такая резкая боль, что я на некоторое время потерял сознание. Но капли дождя, падающие на лицо, привели меня в чувство.

Половина моего тела лежала под нависающей частью корабля. Если, конечно, это был корабль. Другую же мою половину терзала буря. Слабо цепляясь руками за землю, я кое-как забрался в укрытие.

Там я сжался, находясь в каком-то полубессознательном состоянии. У меня не было ни сил, ни желания двигаться. Фонарик выключился, и меня окутала крошечная тьма.

— Здесь есть отверстие, — слова Ийти проникли в мое сознание, вызывая раздражение. Я закрыл глаза руками и начал медленно качать головой из стороны в сторону, пытаясь выразить свое нежелание разговаривать. Я не хотел подчиняться приказу.

— Сюда! Здесь есть отверстие! — властно повторил Ийти.

Я огляделся, чтобы понять, где нахожусь. Нога ужасно болела. С тех пор как мы приземлились на эту негостеприимную планету, я постоянно находился в напряжении. Меня посетила неясная мысль, что с тех пор как я скучал на «Вестрисе» прошло немало времени. И за все это время у меня не было возможности передохнуть.

Меня мучил голод. В контейнере оставалось еще немного семян, но я не мог их есть. В моем понимании они не были едой. Еда — это горячий бифштекс величиной с тарелку, целая гора умело приготовленного латриса, взбитого и заправленного отановым маслом и травами, омлет из труракских яиц, подслащенный сиропом из почек барочника, или...

— Пустое брюхо сейчас будет выпотрошено нюхачами, — резко бросил Ийти. — Они больше не нюхают возле стены. Они поняли, как обойти ее!

Мгновение назад я не мог пошевелиться, но слова Ийти нарисовали в моем воображении картину, подействовавшую на меня, как удар кнута на отказывающееся повиноваться выючное животное. Я все еще стоял на четвереньках, но все же пополз так быстро, как мог, к тому месту, где ждал Ийти.

Я попытался зажечь фонарик, но он не работал. Наверное, сломался во время моего падения. Но где-то наверху

меня ждал Ийти и давал указания. Ему не удалось найти открытый люк. Зато он разыскал пролом в обшивке корабля. Я вскарабкался и, ухватившись за край пролома, попал внутрь. Наконец я лежал на наклонной поверхности, а вокруг меня разливался тусклый свет.

Это свечение исходило от окружавших меня растений, точно таких же, что я видел в лесу. Каркас корабля был, судя по всему, сделан из сплава, способного противостоять разрушительному действию времени. Зато внутренности корабля дали почву для произрастания растений-паразитов. Они росли и цвели сначала на остатках корабля, потом на том, что осталось от их предшественников, пока продукты этого цикла — жизнь, смерть, распад и снова жизнь — не заполнили все свободное пространство. Они отваливались огромными, дурно пахнущими глыбами, и рассыпались пылью, пока я медленно и неуклюже пробирался по этому помещению.

Поверхность, на которой я полулежал, была либо полом, либо стеной коридора. Он весь зарос растениями, но по мере моего продвижения внутрь их становилось меньше. Я прислонился к стене и оглянулся. Я был гораздо меньше нюхачей и едва пролез в отверстие. Через него мои преследователи смогут пролезть только по одному, да и то с трудом. Я буду защищать свою новую берлогу с ножом в руке. Теперь мы укрыты от бури, а ветер доносился лишь как слабый звук.

Я вдруг подумал, не был ли этот корабль целью, к которой вел нас камень? А если я начну исследовать эту разваливающуюся громадину, не набреду ли на машинное отделение с ящиком мертвых камней?

Я посмотрел на мешок, в котором хранился мой странный проводник. Но тусклого мерцания, которое камень излучал на болоте, теперь не было. Когда я вынул кольцо, оно было таким же безжизненным, как и до нашего космического путешествия.

— Они нюхают вокруг..

Одно из светящихся растений, закрывающих отверстие, качнулось, и я увидел тень Ийти, который сидел съезжив-

шись и всматривался в темноту. При этом шея его была вывернута под каким-то совершенно невозможным углом.

— Они нюхают и боятся. Это место связано для них со страхом.

— Может, тогда они уйдут, — предположил я.

Апатия, охватившая меня некоторое время назад, вернулась. Я был не уверен, смогу ли поднять нож для защиты, если аборигены попытаются проникнуть сюда.

— Двое уходят, — промолвил Иити, — а один остался. Он ждет внизу и наблюдает за входом. Думаю, он готов выждать долго.

— Пусть...

У меня закрывались глаза. Никогда раньше я не испытывал такой ужасной усталости. Было чувство, что меня накачали наркотиками. Если бы надо мной занесли дубинку, я скорее всего не двинулся бы с места. Сил уже совсем не осталось.

Иити попытался поднять меня, но все было напрасно. Возможно, виной этому были растения и их гниющие листья, вырабатывающие наркотик, которым я надышался. Когда я наконец очнулся, мне в глаза ударил свет, и я зажмурился, ослепленный. Я лениво подумал, что по крайней мере меня не убили во сне.

Мусор, оказавшийся здесь в результате моего вторжения, валялся вокруг. Растения, вырванные с корнем, уже гнили, источая резкий запах. Свет, ослепивший меня, исходил не от них. Просто снаружи наступил день. Я пополз к свету, стараясь избавиться от чудовищного запаха, окружавшего меня. Но перед зазубренным отверстием зашевелился Иити, как будто собирался заслонить меня своим маленьким тельцем от опасности.

— Их много и они ждут, — предупредил он.

— Нюхачи?

— Да. Много и все они начеку.

Словно краб, я попятился назад от света. Дальше от лаза растений было не так много, и я нашел место, практически свободное от их корней.

— А есть ли другая дверь или дыра?

— Две, — быстро ответил он. — Одна снизу и слишком мала для тебя. Ее нельзя расширить, так как она перекрыта камнем. Думаю, это был люк. Еще один выход на другой стороне корабля, но его тоже стерегут. У них больше сообразительности, чем я думал.

— Никогда нельзя недооценивать противника. — Это были не мои слова. Я услышал их в давние времена от Хайвела Джерна. Раньше я не придавал значения тому, чему он меня учил.

— Я не понимаю, что ими движет. — В голосе Иити слышалось раздражение. Его раздражающая самоуверенность пропала. — Они боятся этого места. И страх этот очень силен. И все же они терпеливо ждут, пока мы выйдем.

— Наверное, они уже так делали: загоняли жертву под землю и ждали, пока она вылезет. Ты говорил, что они считают нас мясом. Но ведь здесь много других животных...

— У некоторых примитивных народов существует поверье, — к Иити снова вернулся его менторский тон, — что поесть существо, вызывающее суеверный трепет или страх, значит выпитывать его необычные способности. Возможно, мы имеем дело именно с таким случаем.

— Это значит, что они уже видели человека или гуманоида. — У меня появилась слабая надежда. — Но не могут же они помнить тех, кто построил эти стены и корабль. Развалины слишком старые. Кроме того, эти существа слишком примитивны, чтобы помнить что-то слишком долго. А если и помнят, то лишь как туманные легенды.

— Следуй своему собственному совету, — ответил Иити, — не суди обо всех примитивных народах одинаково. Их память может хранить лучше, чем у других. Информация о событиях может также передаваться специальными «запоминателями».

Он был прав. Неужели эти нюхачи с их дубинками и звероподобными лицами чтят легенду о нации, которая когда-то возвела здесь постройки и поработила или жестко обращалась с дальними предками этих аборигенов и, в конце концов, погибла от рук своих рабов? Может, они думают,

что поймали одного из бывших хозяев и намереваются с моей помощью восстановить свои ресурсы?

— С другой стороны, — продолжал Иити, — здесь действительно могли приземляться корабли, и тогда ты прав, предполагая, что их преследовали и убивали с тем, чтобы устроить их.

— Это все очень интересно, но вряд ли поможет нам в данной ситуации. Эти легенды не могут накормить нас и напоить, пока мы сидим здесь взаперти.

Произнося эту тираду, я вытащил контейнеры. В одном перекатывалось лишь несколько зерен. Зато другой, к моему удивлению, был еще довольно тяжелым и ободряюще булькал.

Иити был очень доволен.

— Дождь — это вода, — заметил он, — у нас было достаточно воды прошлой ночью, чтобы наполнить полупустую тару.

Его слова заставили меня устыдиться. Я попробовал содержимое контейнера. Жидкость с корабля казалась теперь менее резкого вкуса, чем раньше. Я сделал маленький глоток, хотя горел желанием напиться вволю, а затем протянул контейнер Иити, но он отказался.

— Я напился прошлой ночью. Кроме того, это тело не требует много жидкости. Это одно из его маленьких преимуществ. С едой дело обстоит хуже, хотя...

Его шея вытянулась на всю ее длину. Иити внимательно наблюдал за чем-то, что двигалось снаружи. Я не мог определить, что это за существо, и не смог его разглядеть, так как Иити внезапно прыгнул.

В этом резком прыжке проявилось его кошачье происхождение. Он наклонил голову и пустил в ход зубы. Затем вернулся, удерживая зубами свисающее тело.

Оно было длинное и тонкое. С каждой стороны имелось по три ноги. Тело существа было покрыто роговыми пластинами, а на круглой как шар голове торчал хохолок из перьев. Иити перевернул его кверху светлым, разделенным на сегменты, брюхом.

— Мясо, — прокомментировал он.

Меня чуть не вывернуло наизнанку. Я не разделял его гастрономических пристрастий и отрицательно покачал головой.

— Мясо как мясо, — презрительно заметил Иити. — Это существо питалось растениями. Его внешний вид несколько необычен для тебя, но мясо его такое же, к какому ты привык и благодаря которому ты живешь.

— Вот и ешь его, — поспешно ответил я.

Чем больше я изучал это разделенное на сегменты насекомоподобное тело, тем меньше мне хотелось продолжать этот разговор.

— Я лучше поем семян.

— Которых очень мало и хватит ненадолго, — заметил Иити с убийственной логикой.

— Пусть мало, но я буду есть их.

Я отвел глаза и немного отполз в сторону.

Иити ел очень утонченно. Это качество он тоже наверняка унаследовал от своей матери. Но, несмотря на всю его утонченность, мне не хотелось на него смотреть.

В той части коридора, куда я отполз, я почувствовал под собой какие-то неровности. Я ощупал руками поверхность, и решил, что это дверь, оказавшаяся горизонтальной из-за того, что корабль лежит. Я взялся за ручку, если это была ручка, и попытался открыть ее. Всегда есть шанс, что маленькая находка обернется большей. Может, нам удастся сможем убежать от наших сторожей.

Наконец я почувствовал, что дверь поддается. Внезапно она отскочила с лязгом, едва не утащив меня вниз, но я успел схватиться за края квадратного отверстия. Я осторожно ощупал его края. Это была дверь, но я не мог спуститься вниз без света. Я вновь попытался включить фонарик, но безрезультатно, затем посмотрел на свет, проникающий через пролом — но он не доходил до обнаруженной мною двери. Тут мне на глаза попались растения, которые я не сломал прошлой ночью. Свет их был слишком слаб, но все же лучше, чем ничего.

Я прополз мимо Иити. Помещение было так загромождено мусором, что я не мог встать во весь рост. Кроме

того, мешала больная нога. Но я все же смог сорвать два достаточно больших растения. Взяв в каждую руку по одному, я двинулся назад к двери.

Свечение было слишком слабым, но чем дольше я глядел в темноту, тем больше мои глаза к ней привыкали. Я даже смог разглядеть кое-какие детали.

Наконец я связал свободно свисающие корни растений и, используя их как веревку, опустил растения вниз. То, что я обнаружил, походило на каюту. Несмотря на разрушения, я смог рассмотреть, что выглядела она точно так же, как и каюты на покинутом корабле в космосе. Здесь не было ничего, что нам пригодилось бы: ни оружия, ни инструментов. Вытащив светящиеся растения наружу, я понял, что с таким светильником смогу проникнуть вглубь корабля. Чем темнее было помещение, тем ярче светились растения.

С растением в руке я отправился обследовать корабль. Иити сказал, что нашел только два выхода. Но насколько внимательно обследовал он корабль? Может, здесь есть еще люк, не прижатый к земле, через который мы сможем убежать?

Оставив импровизированный фонарь у двери люка, я отправился на поиски других растений. Судя по цветоножкам и структуре листьев, здесь произрастало несколько видов. Одно из них, с длинными узкими листьями, разделенными на отдельные волоски, имело сердцевину, напоминающую луковицу. Оно было наиболее эффективно в качестве источника света. Я сорвал четыре таких: они легко поддались, так как были довольно ломкими — затем связал их вместе за листья и понес, как носят букет чарующих нежных цветов.

Иити уже покончил со своей трапезой, и я обнаружил его сидящим у моего первого факела и чистящим передними лапками мордочку и усы. Он облизывал свой мех совсем как кошка.

— Внизу коридор разделяется. В каком направлении отправимся? — спросил он, явно намереваясь присоединиться к экспедиции.

— Возможно, там есть еще один люк...

— На всем судне их гораздо больше, — был его не терпящий возражений ответ. — Так направо или прямо?

— Прямо, — ответил я незамедлительно.

Я не знал, на сколько может хватить моего факела, и совершенно не хотел, чтобы темнота застала меня в лабиринте внутренних коридоров. Но когда мы достигли перекрестка, о котором упоминал Ийти, он внезапно зашипел, его кнутообразный хвост вытянулся, спина выгнулась, и он стал напоминать причудливую карикатуру на кошку.

То, что он увидел, была блестящая полоска, идущая вдоль стены. Сначала она проходила на уровне моей лодыжки. Но потом начала подниматься, пока не достигла уровня моего плеча. Я не стал дотрагиваться до нее. В ней было что-то, что вызывало отвращение, с чем я не хотел иметь контакта. Все выглядело так, будто взяли жидкую грязь, окружающую умирающее озеро или пруд, и провели полосу в качестве предупреждения.

— Что это? — Я так привык зависеть от Ийти, что задавал ему вопросы автоматически.

— Я не знаю. Знаю только, что это нельзя трогать. Оно обитает в темноте. — Таким потрясенным я его еще не видел.

— Должно быть, ты бывал здесь раньше. Ведь ты же знаешь откуда-то об этом боковом проходе. Это было здесь тогда?

— Нет, — резко ответил Ийти. — Мне это не нравится.

Мне тоже. Чем больше я изучал этот липкий, грязный след, путь, по которому он взбирался вверх, тем яснее осознавал, что то, что его оставило, находится где-то вверху и ждет... Мое воображение заработало. В этот момент я понял, что только крайнее отчаяние может заставить меня двигаться дальше в темноту, где подкарауливают всякие ужасы.

Я повернул назад, нисколько не заботясь о том, что Ийти прочтает мои мысли и поймет, что мне очень страшно. Но, думаю, его это не интересовало. Он тоже мчался по коридору, охваченный ужасом.

Глава 11

Наше стремительное отступление было слишком неестественным и слишком поразило меня. Поэтому, вернувшись назад к дверному проему, я остановился и задумался. Меня обескуражило то, что простой след смог так напугать. Ийти уловил мою мысль и ответил:

— Возможно, оставивший эти следы использует страх в качестве оружия. А может, мы простоотреагировали таким образом на чуждое нашему сознанию проявление. В других мирах есть существа, которые совершенно не могут контактировать с другими особями ни при каких условиях. И я не хочу ходить там, где бродит *это*.

Я пополз на брюхе вперед, выталкивая из лаза кучу мусора, стараясь не обращать внимания на ее запах. Снаружи все было залито солнечным светом. Я выглянул наружу, страстно желая оказаться там. Представители моего вида предпочитают свет дня сидению в темной норе. Быстрый взгляд по сторонам сказал мне, что мы недалеко от земли, поросшей густой желтоватой травой. Между травой виднелись участки глянцевой поверхности, которую могли образовать сопла ракет. Место выглядело так, словно давным-давно здесь располагался космопорт.

В первое мгновение я подумал, что мы свободны. Наших стражей не было видно. Затем я услышал те же вопли, что и предыдущей ночью. Теперь, в отсутствие бури, они казались намного громче. Звуки были настолько высокими, что резали уши. Они раздавались совсем рядом, и я скорее забрался обратно.

Я услышал сообщение Ийти:

— Они внизу. Они ждут, пока нас замучит голод, или мы испугаемся существа, обитающего внутри.

— Может, они устанут ждать...

Глупо было на это рассчитывать, но я знал, что способность сосредоточенно делать что-то зависит в некоторой степени от интеллекта. Ждать можно, если есть какая-то осознанная цель. А аборигены были недостаточно развиты для этого.

— Думаю, они уже играли в такую игру или слышали, что кто-то добился успеха в аналогичной ситуации. — Иити рушил все мои надежды. — Существует слишком много факторов, о которых мы не имеем понятия. Например...

— Например, что? — вставил я, когда Иити запнулся.

— Тебя ведь привел сюда камень? Посмотри, не ожил ли он.

Я выташил предвечный камень на свет. Он был мертв и темен. Я поворачивал его в разные стороны, надеясь на его ответную реакцию. Он явно не звал нас вглубь развалин. Но когда я повернул его в направлении потока воды, шумевшего в другой стороне от корабля, его состояние слегка изменилось. Я не увидел ни яркой вспышки, ни даже слабого свечения. Просто промелькнула искра. Между местом, на которое он указывал, и нами лежал корабль.

— Есть один выход.

Иити положил свои руки-лапки на мои колени и стоял так, практически уткнувшись носом в камень, словно тот источал какой-то запах.

— Я могу выбраться отсюда и, забрав камень, перебраться на другую сторону корабля. Может, я смогу определить, куда он стремится.

Я подумал, что он прав. Будучи маленьким и осторожным, скрываясь в густой растительности, он сможет это сделать. Только вот даст ли нам что-нибудь это знание цели...

— Любое знание полезно, — возразил Иити.

Я горько засмеялся.

— Я тут сижу и жду, пока меня сцапают и запихнут в какой-нибудь местный аналог котла, а ты говоришь о приобретении знаний! Разве они могут помочь мертвецу?

Такие мысли не делали мне чести. Но то, что было ловушкой для меня, не являлось таковой для Иити. Он мог убежать на свободу в любой момент. Я не знал, почему он оставался со мной все это время. Но предвечный камень... Я почему-то не мог отдать его другому, даже на время. Не могу описать это чувство, но я желал обладать им не в качестве драгоценности. Мне казалось, что между нами сущест-

вует связь. И возникла она, когда отец впервые показал его нам. Связь эта стала еще сильнее с тех пор, как я достал его из заветного тайника.

Отдать его Иити — значило разорвать эту связь. Я не мог этого допустить. Я вертел кольцо так и этак, надевал на палец и снимал. Мысли мои были разрознены. Одно я осознал четко — больше всего на свете я не хотел оставаться здесь один.

Иити больше ничего не говорил. Я даже не чувствовал того слабого соприкосновения с его сознанием, которое ощущал все время. Казалось, он предоставляет мне возможность самостоятельно принять очень важное решение.

— Нужно ведь что-то есть... — наконец прервал тягостное молчание Иити.

Я продолжал вертеть в руках кольцо, уставившись на него невидящими глазами.

— Ты думаешь, он поможет? — насмешливо спросил я.

— Не больше, чем ты, — произнес Иити, — но я не хочу сидеть здесь и умирать от голода.

Он был прав. Он вполне мог бы позаботиться о себе сам. Мне было почему-то горько осознавать это.

— Возьми!

Я выдернул из корня растения длинные волокна, продел их в ободок, поддерживающий камень, и надел на шею Иити. Когда я сделал это, Иити сел на задние лапки и, закрыв глаза, держал камень в лапках какое-то время. У меня появилось чувство, что он пытается что-то уловить. Но что, как и откуда, я не знал.

— Ты сделал правильный выбор. — Он встал на четыре лапы и стал пробираться к выходу. — Ты сам не знаешь, насколько правильный...

Не сказав больше ни слова, он пробрался к пролomu, и растения заколыхались, словно рваная занавеска, когда он проходил сквозь них.

— Они все еще здесь, — доложил он, — теперь они не только внизу, но и вдоль стены. Думаю, им не нравится солнечный свет, и они прячутся в тень. А! В этой стороне... здесь река. И еще одна стена. Раньше она образовывала

дамбу. Но сейчас она распалась на две части. То, что ищет камень, находится за рекой.

Он успешно перебрался на другую сторону корабля. Смогу ли я сделать то же самое? Я дотронулся до больной ноги и поморщился от боли. Затем попытался согнуть ее, но она слишком онемела. Ийти бежал с легкостью, мне же пришлось бы двигаться гораздо медленнее. Я не мог даже и надеяться на то, что смогу ускользнуть от своих преследователей. Не смогу даже вскарабкаться по этой скользкой поверхности.

— А что находится за рекой?

— Утесы с отверстиями, похожие на обрушившиеся стены, — сказал Ийти, — сейчас...

Вдруг он замолчал. Я лишь смог уловить, что он излучает ярость.

— Ийти!

Я попытался встать на ноги, ломая головой и плечами растения. Я начал чихать и кашлять. Я размахивал руками, пытаюсь отодвинуть от себя вонючую массу и вдохнуть свежего воздуха.

— Ийти! — снова послал я мысленный призыв, но не получил ответа.

Я протиснулся к проему. Может, его ударили дубинкой?

— Ийти! — Тишина звенела скорее внутри меня, нежели вокруг. Я отчетливо слышал ветер, воду, и другие живые звуки.

И... что-то еще!

Кто хоть раз слышал, как корабль рассекает атмосферу, готовясь к приземлению, никогда уже не спутает этот звук с чем-то другим. Грохот, рев. Развалина, в которой я находился, ходила ходуном. Приземлялся корабль, и совсем рядом. Я соскользнул вниз. Рев был слишком громким. Казалось, что старая развалина охвачена пламенем, вырывающимся из сопл корабля. Коридор затрясся, и я начал скользить внутрь, пытаюсь ухватиться руками хоть за что-нибудь. Сверху на меня сыпался мусор, набиваясь в глаза и рот. Раздался взрыв, и даже сквозь стены я почувствовал жар. Все, что попадает в струю пламени, немедленно сго-

рает. Я подумал о нюхачах. Теперь у меня появился шанс спастись.

Но кто это приземлился? Может, это изыскатель-перворазведчик, прилетевший для предварительного изучения вновь открытого мира? А может, здесь и раньше приземлялись корабли с какой-то непонятной целью? Как бы то ни было, но корабль приземлился. Судя по звуку и конструкции, специально приспособленный для приземления на планеты, он был не больше, чем корабль вольных торговцев.

Я разгреб мусор и пополз на четвереньках назад к проему. Здесь был густой удушающий запах гари. Ийти... возможно ему удалось остаться в живых по другую сторону развалины.

— Ийти! — Мой мысленный призыв был как крик. Ответа не последовало.

Снаружи поднимался густой пар, закрывающий все вокруг. Но в следующий момент жар заставил меня вновь отползти назад. Нужно было дожидаться, пока воздух снаружи немного остынет. Должно быть, часть огня от корабля попала на воду реки, и та превратилась в пар. Я сгорал от нетерпения. Мне хотелось выйти наружу и посмотреть на корабль. Слабая надежда стала реальностью, хотя я совершенно этого не ожидал. Мы не останемся здесь отшельниками до конца жизни. Мы? Но, кажется, теперь я был один. Если Ийти не погиб в первой яркой вспышке, то наверняка сгорел при посадке корабля.

Я ждал, пока остынет воздух и рассеется пар. И эти моменты показались мне вечностью, точно так же, как время, проведенное в святилище на Танфе. Меня так и подмывало броситься к пролomu и попросить помощи у себе подобных. Один из старейших законов, существующих в межпланетном пространстве, гласит, что команда корабля обязана подобрать на борт заблудившегося путешественника, не задавая ему никаких вопросов.

Наконец, несмотря на то, что жар был все еще силен, как в пустынях Арзора в середине лета, я пролез через пролом и спрыгнул на обуглившуюся землю, стараясь беречь

поврежденную ногу. Невдалеке лежала какая-то куча. Это был один из нюхачей, попавших в струю пламени. Я похромал в противоположном направлении.

По звуку, производимому кораблем, и по жару я решил, что корабль приземлился рядом с развалиной, в которой я прятался. Но это оказалось не так. Пламя корабля очистило останки от растительности. Теперь я увидел, что этот древний корабль был меньше, чем тот в космосе, но больше корабля вольных торговцев. Должно быть, ранее он стоял на стабилизаторах, как только что прибывший корабль, но под влиянием времени или какой-то другой силы опрокинулся.

Я медленно подошел к стабилизатору, изъеденному ржавчиной, чтобы через выжженное пространство посмотреть на приземлившийся корабль. Он был размером с «Вестрис», однако на его корпусе не было эмблемы вольного торговца. Более того, он не был ни кораблем изыскателей, ни патрульным. С чего бы частному кораблю приземляться на такой планете, как эта? Хотя есть такие персоны, любящие охоту, которые, презирая законы, разыскивают планеты, не отмеченные на карте, и утоляют там свою жажду крови, не боясь Патруля. Если это был один из таких охотников, то становится ясно, почему нюхачи были так враждебны. Но... Я спрятался в тень стабилизатора. Это обозначало, что у меня возникнут проблемы. Со свидетелями противозаконных действий часто бывают какие-нибудь несчастные случаи. А обо мне и вовсе никто не станет спрашивать.

Но ведь у этого корабля должен быть номер. Хотя бывали такие, кто тщательно скрывался. Лично я таких не видел, но много слышал о них в различных портах. А у знакомых Вондара были причины для сплетен. Воровская гильдия имеет свои корабли. Многие из них вполне легально торгуют, пользуясь поддельными документами. Лишь изредка у них появляются причины для нарушения закона. Подозреваю, что «Вестрис» был одним из таких кораблей. Но еще есть быстроходные крейсера. Зачастую они бывают оснащены экспериментальным оборудованием,

которое было украдено или куплено прежде, чем получило широкую известность.

Такие корабли совершают набеги. Они не грабят подобно пиратам в космосе, так как это весьма рискованный бизнес. Они решаются на такое только в том случае, если на корабле находится груз, настолько ценный, что ради него стоит рисковать. Вместо этого они грабят планеты. На Путеводной находится их легендарная база. Это спутник или маленькая планета, укрепленная и спрятанная ото всех, кроме тех, кто убедил ее правителей в том, что он не связан ни с Патрулем, ни с какими-либо представителями закона. Существует множество невероятных историй о Путеводной и о целом флоте на ней. Но в это никто не верит. Хотя Иити утверждал, что перед нашим побегом меня планировалось доставить именно на Путеводную.

На корабле рейдеров не может быть никаких опознавательных знаков, кроме тех, которые можно легко изменить. Но был ли это корабль Гильдии? И если и так, то вряд ли он искал меня. Мой след был так запутан, что, скорее, меня давно сочли мертвым. И уж конечно, они не подозревают, что мне удалось приземлиться здесь.

У них какая-то другая миссия. Мне не стоило встречаться с командой корабля или его пассажирами. По крайней мере до тех пор, пока я не выясню, что это за корабль. Корабль был закрыт, но меня могли заметить на экране слежения. Я начал отступление, прячась за выступами развалины, и отступал так же активно, как и перед этим рвался сюда.

Внезапно раздался щелчок открывающего люка. Из него высунулся трап, словно язык, и опустился на обожженную землю. Трап выбросили в сторону от развалины. Скорее всего, обитатели корабля меня не заметили. Во всяком случае, я на это очень надеялся.

Я продолжал отступление. Мне хотелось бежать от этой развалины, которая могла привлечь внимание приземлившихся. Кое-где уцелели кусты, но я боялся, что в них удалось спрятаться и выжить нюхачам.

Люди, вышедшие из корабля, были без скафандров. Это говорило о том, что они осведомлены о климате на этой планете и готовы приступить к выполнению своей задачи. У них было оружие. Даже с этого расстояния я видел короткие стволы лазеров, а не длинные, как у шокеров. Они были готовы убивать.

На них была обычная форма: комбинезоны и ботинки. Однако я не заметил нашивок на груди или воротнике. Цвет одежды тоже не был привычным. Первые двое были людьми или гуманоидами. Позади них шло низенькое существо с четырьмя верхними конечностями, безвольно висевшими по бокам. У него была круглая лысая голова, покоившаяся, казалось, прямо на плечах. Там, где у человека располагались уши, у него торчали перистые отростки. Они постоянно двигались взад и вперед, подобно голове Иити, когда тот пытался уловить признаки жизни вокруг. Этого низкого я боялся больше всего — мне доводилось слышать, что такие странные существа могут обладать необычными возможностями. То, что он находится среди людей, говорит о том, что у него действительно есть очень нужные им способности.

Вернуться назад — значило загнать себя в ловушку. Нужно было собраться с мыслями и решить, как выбраться из этого сомнительного укрытия и добраться до кустов или реки. Река, на мой взгляд, представляла собой меньшую опасность.

Я наблюдал за вышедшими из корабля. Они достигли широкого конца трапа. Два человека прикрывали низкорослого по бокам. Его отростки больше не вращались. Теперь их кончики торчали прямо впереди него, и я смог лучше разглядеть его лицо. Его лицо отличалось от человеческого не так разительно, как лица нюхачей. У него был короткий нос, два глаза, широко расставленных, над которыми не было бровей. Рот был больше, чем следовало. Но в остальном он мало чем отличался от людей.

Внезапно он остановился. Две из его верхних конечностей молниеносно выхватили двойной комплект оружия. Из их стволов вырвался яркий луч лазера и обуглил кусты.

Вслед за этим раздался крик, и в кустах кто-то заметался. Может, это был один из нюхачей, а может, кто-то еще такого же размера. Люди по бокам низкорослого пригнулись, держа наготове оружие. Но стрелять они не стали, видно, во всем подчиняясь низкорослому.

Я медленно двигался назад. Теперь корабль находился между мной и этими тремя убийцами. Когда я достиг реки, то увидел, что блоки разрушенной стены вывернуты с корнем и упали под напором воды. В это же время упало сооружение на другой стороне потока. Каменные кладки соединились, образовав дамбу. Должно быть, это послужило причиной наводнения. Теперь здесь была причудливая груда камней и обломков стен, которые омывала вода. Они представляли собой своеобразный мост через реку. На другой стороне была скала, которую, по словам Иити, испещряли темные отверстия. Между рекой и скалой виднелись остатки каких-то строений.

На этой стороне корабля растительность была выжжена не слишком сильно. Возможно, брызги с реки доносили сюда больше влаги, и в некоторых местах виднелись длинные переплетенные лианы.

— Иити! — позвал я снова, надеясь, что растительность помогла ему уцелеть. А если он погиб от удара дубинки? Я осмотрел скалы, боясь увидеть маленькое искореженное тельце.

— Иити! — Но я так и не услышал ответа, на который надеялся вопреки всему. Зато я почувствовал что-то другое. Кто-то, кто не мог проникать в мысли так же, как Иити, почувствовал мой призыв и пытался войти со мной в соприкосновение. Этот кто-то не мог обнаружить мое местонахождение, но насторожился.

Низкорослый! А вдруг он смог меня каким-то образом услышать? Меня подвела моя собственная глупость. Я стоял на краю камня, высматривая возможную переправу через реку. Я шадил свою ногу, старался не опираться на нее, и потому меня легко можно было поймать, беззащитного, представляющего собой прекрасную мишень для лазера.

Я себя выдал. Пока я медлил, позади меня раздался окрик:

— Стоять! Не двигаться!

Человеческий голос говорил на основном. Я медленно повернулся, опираясь о камень, и оказался лицом к лицу с человеком с корабля. С виду это был обыкновенный член экипажа, но в руке держал лазер, направленный на меня.

Я сделал большую глупость. Если бы я с радостью, естественной для потерявшегося, выскочил к ним навстречу и рассказал бы правдоподобную историю о том, как здесь очутился, они были бы менее подозрительны. Конечно, я мог бы оказаться в большой опасности, если они захотели бы скрыть свое пребывание на этой планете. Но я бы выиграл время. Теперь же мои действия вызывали подозрение. У меня в запасе оставался еще один трюк. Я мог преувеличить свою хромоту и заставить этих людей поверить, что ранен гораздо более серьезно, чем на самом деле.

Я ждал, когда ко мне приблизятся. Я держался за свою опору с таким видом, словно отпустив ее, тотчас же упаду. Я надеялся, что мой сомнительный внешний вид добавит рассказу правдоподобия. Можно было даже задействовать пятна свежей кожи на моем теле и рассказать историю о том, что меня отправили с корабля на спасательной шлюпке, когда разразилась эпидемия чумы. Такие случаи уже бывали.

Державший меня на мушке не подходил слишком близко, хотя прекрасно видел, что в руках у меня нет оружия. Он продолжал нацеливать свой лазер мне на грудь.

— Кто ты? — требовательно спросил он на основном.

В эти несколько мгновений я определился с линией поведения, которая могла меня спасти. Я шарахнулся от него и завопил таким диким голосом, на который только был способен:

— Нет... нет! Не убивайте меня! Говорю вам, я здоров! Лихорадка прошла, я здоров...

Он остановился и, мне показалось, прищурил глаза и стал внимательно рассматривать мое лицо. Я надеялся, что розовые пятна отчетливо видны.

— Откуда ты?

Мне показалось или тон его голоса действительно изменился? Поверил ли он, что меня высадили с зараженного чумой корабля и что я боюсь быть сожженным?

— Корабль... Не убивайте меня! Говорю вам, я чист — лихорадка прошла! Отпустите меня... я не стану подходить к вам... к вашему кораблю... только отпустите меня!

— Стой, где стоишь, — резко приказал он.

Затем он приложил свободную руку ко рту и заговорил в микрофон. Теперь использовался не основной и я ничего не понимал, хотя догадывался, что докладывают обо мне. Я затеял опасную игру и буквально балансировал между жизнью и смертью.

— Ты... — указал он лазером, — иди вперед.

— Нет. Отпустите меня... я не заразен...

— Иди!

Луч лазера, толщиной с палец, ударился в камень рядом с моей левой рукой. Его жар обжег меня. Я вскрикнул: ведь именно этого он ожидал.

Он ухмыльнулся.

— Что, задело? Если хочешь, в следующий раз я буду точнее. Я сказал, иди! Капитан заинтересовался тобой.

Я пошел, передвигаясь еле-еле и волоча за собой ногу.

— Ушибся? — спросил мой конвоир, раздраженный моей медлительностью.

— Местные жители... с дубинками... они меня поранили, — промямлил я.

— Вот как? Они любят мясо и должно быть посчитали таковым тебя. Встреча с ними не очень-то приятна.

Должно быть, он вспомнил свой прошлый опыт общения с аборигенами.

Я старался продвигаться как можно медленнее, изображая хромоту. Свернув за угол развалины, я встретился с другим членом экипажа и низкорослым. Низкорослый убрал свои лазеры в кобуру, но его перистые отростки топорщились в моем направлении.

Возможно, общение с Иити обострило мои скрытые таланты, хотя я отнюдь не считал себя талантливым. Я по-

чувствовал исходящий от чужака импульс, который был не физическим, а мысленным. Однако проникнуть в мои мысли ему не удалось. Такого контакта, как с Иити, у меня не возникло. И я надеялся впредь пресечь такие попытки. Было необходимо прикидываться простаком и дальше.

— Итак, ты сумел его поймать, — заметил второй человек. — И что он пытался сделать, вскарабкаться вверх?

— С такой ногой у него ничего не вышло бы. С ним было еще что-то не так. Посмотри на его лицо.

Второй стал изучать меня. Выражение его лица говорило, что он не в восторге от увиденного. Неужели моя шелушащаяся кожа и новые розовые пятна выглядят так страшно. Я думал, что на руках пятна стали менее заметны. Но, скорее всего, я просто привык к ним.

— Наверное, следует держаться от него подальше, — пришел к выводу изучавший меня. — Доложи о нем капитану.

— Капитан уже ждет. Эй, ты, пошевеливайся!

Кто-то стоял у трапа. Меня подтолкнули стволом лазера. Спотыкаясь, я двинулся вперед, надеясь, что выгляжу довольно жалко.

Глава 12

Мы подошли к подножию трапа, и мне приказали остановиться. Меня окружали люди, держащие оружие наготове. Ожидающий нас спустился на несколько шагов и стал медленно изучающе рассматривать меня.

Он был с одной из старых планет, колонизированных одними из первых. От поколений, живших в непривычных для них условиях, ему достались некоторые физические отличия, заметные с первого взгляда. Под комбинезоном, с капитанскими знаками отличия на воротничке, можно было различить худощавое тело. Его кожа была слишком темной, а глаза и волосы говорили о том, что он был мутантом. Волосы коротко подстрижены, чтобы удобнее надевать шлем. Их цвет напоминал скорее голубой, чем серый. Они были густыми и прямыми и торчали в разные стороны,

словно шипы. Его непривычно большие голубовато-зеленые глаза покрывали двойные веки. Нижние были почти прозрачные, а верхние закрывались поверх них. Он поднял и те и другие, чтобы взглянуть на меня. Но солнечный свет явно мешал ему, и он быстро опустил внутренние веки.

Но... я знал его! Не по имени. Я видел его раньше. Узнал ли и он меня? Я надеялся, что нет. Он приходил в магазин моего отца и был одним из тех, кого провожали в кабинет через заднюю дверь. Но тогда он не носил форму капитана и даже не намекал, что имеет отношение к кораблям. Его волосы были тогда довольно длинными и опускались на накладные плечи шегольской туники. Он выглядел как денди с внутренних планет.

Я ни капли не сомневался, что он принадлежал к Воровской гильдии. Но узнает ли он во мне сына Джерна? А если узнает, будет ли это мне на пользу?

Но размышлял я не долго. Он сделал шаг мне навстречу, затем засмеялся и поднес руку ко рту. Сделав из пальцев букву V, он плюнул через нее направо и налево.

— Во имя губ самой Сорел! После сегодняшнего дня я воскурю листья фарна в первом же храме, который встречу! То, что потеряно — найдено. Уж теперь то я его не потеряю. Мердок Джерн, как ты здесь оказался? Я поверю любой небывлице, которую ты мне наплетешь.

Три моих стража шевельнулись и подошли еще ближе, чтобы лишить меня малейшей возможности сбежать. Мне оставалось только продолжать играть роль жертвы эпидемии чумы. Кроме того, я должен буду дать им как можно больше правдивой информации на случай, если они вздумают проверить меня на сканере.

Я приоткрыл рот и зашатался, словно держался на ногах ценой больших усилий.

— Не... не убивайте меня! Лихорадка... прошла... я здоров...

— Лихорадка?

— Посмотрите на него, капитан, — начал один из моих стражей, — у него кожа разного цвета. Лучше бы вам держаться от него подальше.

— Эй, Джерн, подними голову. Дай посмотреть на тебя...

Я качался из стороны в сторону. Они все еще боялись подходить ко мне близко. Даже самые мужественные из астронавтов слабеют от страха перед чумой.

— Я... я чист... — повторил я. — Они отослали меня на спасательной шлюпке... Но теперь я здоров... клянусь вам.

Капитан поднес ко рту микрофон и заговорил на резком отрывистом языке, который явно не был основным. Он молча ждал, пока по трапу не спустился еще один член экипажа. Он держал в руках маленькую коробочку, из которой свисал длинный тонкий кабель, на конце которого был прикреплен диск. Это был портативный диагностический аппарат. Корабль был отлично оснащен.

Приблизившись на безопасное расстояние, врач начал осторожно водить своим диском, следя за индикаторами на ящике.

— Ну? — с раздражением спросил капитан.

— Насколько я могу судить, он чист. Хотя есть опасность, что...

— И насколько она велика?

— Примерно одна сотая. Но кто может определить точно? — врач проявил осторожность.

— Придется довольствоваться этим.

Капитан отослал врача назад.

— Что ж, — обратился он ко мне, — похоже, что с тобой все в порядке. Твоя лихорадка, или что там у тебя было, прошла и ты не заразен. Ты был на борту корабля, когда она началась?

— На корабле вольных торговцев, отправляющегося с Танфа... — я поднял руки и приложил их ко лбу, словно у меня болела голова. — Я... трудно вспомнить... Я был на Танфе... но мне пришлось бежать. У меня были неприятности. Я расплатился драгоценными камнями, и Остренд взял меня на борт. Потом была другая планета, с которой исчезли все местные жители. А потом я заболел. Они сказали, что это чума, и посадили в спасательную шлюпку. Она приземлилась здесь. Но аборигены... они ранили меня...

— На этом месте? — капитан улыбнулся, — тогда тебе очень повезло. Убегая от них, ты оказался там, где мог встретить инопланетный корабль.

— Там была стена... я шел вдоль нее... а лесные люди... казалось, они боялись. Я забрался в разрушенный корабль, и они не пошли за мной...

— Удача сопутствует тебе, Джерн, и нам тоже! Мы могли бы найти тебя где-нибудь еще. Но благодаря встрече с тобой здесь мы сэкономили свое время. Ты, знаешь ли, вызываешь у многих интерес. Мы давно хотели встретиться с тобой.

— Но я... я не понимаю...

— Что это с ним? — спросил капитан у врача. — Мне говорили, что он не дурак.

Врач пожал плечами:

— Кто знает, что происходит с человеком, перенесшим чуму? Насколько, я могу судить, он больше не заразен. Но я не ручаюсь за то, что какой-то вирус не вызвал изменения в его теле или мозгу.

— Мы поручим его тебе, — улыбка сошла с лица капитана. — Проведи все необходимые проверки, а потом сообщи нам, с кем мы имеем дело — слабоумным или источником достоверной информации.

— Вы хотите взять его на борт? — засомневался врач.

— А почему нет? Ты же сказал, что он не заразен.

— Всегда есть опасность, что это какой-то неизвестный тип болезни.

Я чувствовал, что капитан колеблется. Но продолжалось это не долго.

— Какое оборудование тебе нужно? Его можно вынести из корабля? — спросил он.

— Большинство — да. Куда мы его поместим?

— В рабочий отсек, куда же еще? Сегал, Онунд, принесите все, что нужно врачу. А ты, Тузратти, отведи его в западный тоннель.

Казалось, я перестал существовать для них как личность, а стал лишь предметом, который можно передвигать по их желанию куда угодно. В соответствии со своей ролью жер-

твы чумы, я должен был соглашаться с таким обращением. Низкорослый подтолкнул меня вниз к берегу. Я медленно пошел, хромая изо всех сил. Там уже работало несколько человек. Над скалами и бурлящей водой был возведен мост. Судя по всему, они хорошо знали это место и бывали здесь раньше, чтобы подготовиться к строительству базы.

Подталкиваемый моим стражем, я брел по мосту и руинам. Мы шли к одному из отверстий в скале. Но не к тому, к которому направлялись другие члены экипажа. Они несли с собой горные инструменты, похожие на те, с помощью которых добывают богатства на мертвых спутниках и астероидах.

— Входи! — скомандовал низкорослый. Отверстие, на которое он указывал, было самым последним слева. Рядом с входом валялся мусор от недавних раскопок. Они что-то искали здесь, но не нашли. Они исследовали все пещеры по очереди, и сейчас работали через две от той, куда сопровождали меня.

— Я... я голоден... — я остановился как будто бы для того, чтобы перевести дыхание. И опершись о скалу. — Я голоден... я хочу есть...

Лицо низкорослого ничего не выражало. Верхняя пара конечностей держалась за рукоятки лазеров. Он долго смотрел на меня, а затем повернулся и позвал одного из людей, находящихся возле другой пещеры.

В ответ на это тот отцепил от своего пояса сверток и бросил нам. Он доверял необычным способностям низкорослого, и не зря. Одна из верхних конечностей моего стража вытянулась далеко вперед, чего я вовсе не ожидал, поймала летящий сверток и передала его мне.

Я схватил тюбик с А-рационом и с неподдельной жадностью вцепился в него зубами, откусил пробку, выплюнул ее и начал сосать полужидкое содержимое. Ни одна еда в моем воображении не могла сравниться по вкусу с тем, что сейчас проникало в мой желудок. Содержимое тюбика было призвано поддерживать силы при работе, поэтому укрепляло лучше и быстрее, чем любая другая еда.

— Вперед! — мой страж ударил меня по плечу палкой, которую одна из необычайно гибких конечностей подняла с земли. Я заметил, что он старается не дотрагиваться до меня. Очевидно, такие, как он, тоже боятся чумы.

Посасывая из тубика, я, пошатываясь, двинулся вперед. Мне показалось, что силы начали возвращаться ко мне.

Темнота туннеля поглотила нас. Но низкорослый включил фонарик. Теперь было отчетливо видно, что туннель этот не природный, а вырублен в скале людьми. На некотором расстоянии были заметны следы первоначальных работ. Свежие зарубки располагались вертикально и горизонтально, а в некоторых местах пересекались.

Я увидел, что в стенах и в глыбах камня на земле сверкают кристаллы. Мой интерес к ним чуть было не выдал меня. Но я вовремя вспомнил, что изображаю ненормального. Ясно было, что людей с корабля интересовали отнюдь не эти кристаллы. Они переливались, отражая свет, словно россыпи драгоценных камней, но были отброшены в сторону. Этот факт поразил меня. Ведь ни один корабль Гильдии не пропустит того, что сулит выгоду.

Мы пришли в нишу, которой заканчивался тоннель. Здесь в стенах были выдолблены грубые арки и ниши. Казалось, что работавшие здесь были настолько уверены, что почти обнаружили искомое, что начали неистово орудовать своими инструментами. Низкорослый указал мне на груды камней:

— Садись!

Я опустился на кучу, повинаясь его приказу, все еще посасывая еду. Низкорослый положил фонарик на соседнюю кучу, переключил на рассеянный свет и развернул его так, чтобы осветить пространство вокруг нас, кроме ниш. Затем он сел между мной и входом в туннель.

Пока мы сидели в тишине, я слышал звон капли, хотя вокруг не было и намека на сырость. А еще через мгновение я услышал и почувствовал, как работают в соседнем туннеле.

Не сюда ли вел нас предвечный камень? Разбросанные кристаллы ни капли не напоминали тот темный камень. Но

он на протяжении веков летал в космосе, а когда-то служил тем, кто им пользовался, источником энергии.

Я протянул руку, чтобы поднять обломок кристалла. Мой страж положил руку на кнопку лазера, но не стал меня останавливать. По моему мнению, это был кусок кварца. Но полной уверенности в этом не было. Нельзя поспешно судить о находках, сделанных на чужих планетах. Вондар внимательно изучил бы такую вещь, прежде чем высказать свое мнение о ней. Но даже после этого он ничего не утверждал с уверенностью. Иногда он годами носил с собой находки, свойства которых ему не удавалось до конца изучить. Все его коллеги-геомологи поступали так. И при встрече они обязательно сравнивали их.

Таким образом, то, что я держал в руках, было либо ничего не стоящим кварцем, либо чем-то еще.

В туннеле раздался какой-то звук, и я увидел, что вошел врач, толкая перед собой ящик на колесиках. Позади него шли еще два человека с оборудованием. А затем меня начали обследовать.

Думаю, сначала они пытались найти возбудитель болезни, которая оставила на моем теле такие приметные следы. Доктор вылечил мою ногу какими-то специальными лучами. Так что теперь я не мог использовать хромоту в качестве прикрытия. Я не мог, не смел, противиться им, когда на меня надели шлем сканера. Тот факт, что они возили с собой эту штуку, говорил, что она им бывает необходима, хотя ее использование запрещено законом.

К моему лбу и затылку приложили пластины, и после этого я должен был говорить только правду или то, что считал правдой. После этого позвали капитана, и он начал задавать мне вопросы.

— Ты Мердок Джерн, сын Хайвела Джерна?

— Нет.

Капитан был удивлен моим ответом и посмотрел на медика, который тут же прочитал показания датчика и кивнул.

— Ты не Мердок Джерн? — снова начал капитан.

— Я Мердок Джерн.

— Значит, твоим отцом является Хайвел Джерн?

— Нет.

Капитан опять посмотрел на врача. Тот еще раз кивнул утвердительно, машина работала исправно.

— Тогда кто же твой отец?

— Я не знаю.

— Но ведь ты жил в семье Джерна, не так ли?

— Да.

— А ты сам считаешь себя его сыном?

— Да.

— Что ты знаешь о своих настоящих родителях?

— Ничего. Мне сказали, что я приемный сын.

На лице капитана промелькнуло выражение облегчения.

— Джерн доверял тебе?

— Он учил меня.

— Оценивать камни?

— Да.

— Он определил тебя учеником к Астлу?

— Да.

— Почему?

— Потому что хотел обеспечить мне нормальное будущее. Ведь магазин после его смерти унаследовал бы настоящий сын.

Я не мог остановить поток слов и словно слушал свои ответы со стороны. Я почувствовал, что очередной мой ответ поставил спрашивающих в тупик.

— Он когда-нибудь показывал тебе кольцо, сделанное чтобы носить поверх перчатки скафандра?

— Да.

— Он говорил, откуда оно?

— Он сказал, что его оставили ему в залог. Его нашли в космосе на мертвом теле.

— Что еще он сказал тебе?

— Ничего, кроме того, что про него нужно бы разузнать побольше.

— И он хотел, чтобы ты, путешествуя с Астлом, собирал о нем информацию?

— Да.

— И что ты узнал?

— Ничего.

Капитан сел на складной стул, который подал один из членов экипажа. Из кармана своего комбинезона он достал светло-желтую палочку, положил в рот и стал задумчиво жевать, словно размышлял над каким-то жизненно важным вопросом. Наконец он спросил:

— Ты видел кольцо в последнее время?

— Да.

— Где и когда?

— На Ангкоре, после смерти отца.

— Что ты с ним сделал?

— Взял с собой.

— Оно у тебя? — он подался вперед. Его глаза были широко открыты и обе пары век подняты.

— Нет.

— Где оно?

— Я не знаю.

И вновь раздражение. На сей раз настолько сильное, что он выругался.

— Расскажи, где ты его видел в последний раз и при каких обстоятельствах?

— Я отдал его Иити. Он унес его.

— Иити! А кто такой Иити?

— Мутант, которого родила кошка на «Вестрисе».

Думаю, что если бы он не был уверен в полной исправности своего аппарата, то не поверил бы мне. По крайней мере, такого ответа он ожидал меньше всего.

— А это случилось... — теперь он говорил медленно, — здесь, на этой планете, или на «Вестрисе»?

— Здесь.

— А когда?

— Перед тем как приземлился ваш корабль.

— И где же Иити теперь?

Он опять нетерпеливо подался вперед.

— Думаю, что умер. Он переходил по руинам, когда из

сопл корабля начало вырываться пламя. Скорее всего, он сгорел.

— Ты... — капитан повернулся, — Тангсфельд, бегом туда! Я хочу, чтобы ты изучил каждый дюйм поверхности этих руин и все вокруг! Быстрее!

Один из людей убежал. А капитан опять повернулся ко мне.

— Почему ты отдал кольцо Иити?

— Кольцо тянуло нас к этому месту, а не к разрушенному кораблю. Иити хотел узнать, почему.

— Иити хотел узнать, — повторил капитан, — что ты имеешь в виду? Ты же сказал, что этот мутант был рожден корабельной кошкой, а не разумным существом.

Он опять посмотрел на доктора, чтобы получить подтверждение того, что я говорю правду.

— Я не знаю, что такое Иити, — произнес я, — он не животное, хотя и похож на таковое.

— Почему он, а не ты понес это кольцо?

— Нас сторожили аборигены. У Иити был шанс пробраться незамеченным, а у меня нет.

— Почему было так важно вынести кольцо наружу, пусть даже посредством Иити?

— Я не знаю. Иити хотел взять его.

— В каком направлении оно вас тянуло?

— Дальше, за реку.

— Итак! — он моментально вскочил на ноги, — по крайней мере мы на правильном пути!

Он посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что такое это кольцо?

— Думаю — источник энергии.

— Хороший ответ, — он все еще смотрел на меня, его внутренние веки были почти закрыты, отчего его глаза казались совсем тусклыми.

— Что мы будем с ним делать, капитан? — спросил один из людей.

— Пока ничего. Пусть он сидит здесь. Даже если он сбежит, ему не удастся уйти далеко, — он засмеялся, — не-

смотря ни на что, мы должны быть ему благодарны, а еще больше — когда найдем кольцо.

Они развязали меня. Я ужасно устал и готов был смириться со своей участью. Но затем вспомнил, что меня не спросили, как и почему я покинул «Вестрис». Значило ли это, что они поверили моей истории о чуме? Судя по всему, они не входили в контакт с кораблем вольных торговцев. По крайней мере, после моего побега. Даже если эти люди и были из тех, кто заплатил за мой перелет с Танфа для своих целей, то последнее время они не общались с другими членами своего сообщества.

Теперь я не мог полагаться на Иити, а мысль о его смерти причиняла мне боль, хотя раньше я даже и не подумал бы, что такое возможно. Я надеялся, что он не страдал, и та вспышка гнева означала его мгновенную смерть.

Интересно, нашли они его тело все еще с привязанным к шее кольцом? Для чего он им нужен? Чтобы он привел их к своим братьям, точно так же, как привел меня к мертвым камням на корабле в космосе? Не трудно догадаться, что такие камни могут быть новым источником энергии. Такая сила в руках стоила гораздо больше, чем власть над целой системой планет.

Медик и другой человек собрали свою аппаратуру и ушли. Но низкорослый продолжал сидеть у входа в туннель на стуле, оставленном капитаном. Он тоже вытащил светло-зеленую палочку и начал жевать. Его глаза были наполовину закрыты от наслаждения, но антенны смотрели на меня.

Потом я уснул и проснулся оттого, что гора вокруг меня тряслась, а снаружи доносился гул. Еще один корабль шел на посадку. Возможно, это был «Вестрис». Если так, то капитан вернется, чтобы задать еще несколько вопросов. Я лежал, прислушиваясь и наблюдая за своим сторожем.

Он стоял и смотрел в сторону выхода, в то время как его антенны смотрели на меня, а его конечности держались за рукоятки лазера.

По реакции низкорослого я понял, что этого корабля никто не ждал. Тогда кто же это? Патруль? А может, это

безобидный исследователь или торговец, прибывший не вовремя? Вновь прибывшие попадут в ловушку, я в этом не сомневался.

Гул стих. Теперь я не слышал и не чувствовал вибрации от того, что в соседнем туннеле работают.

— Что это? — осмелился я спросить своего стража.

Его внимательные антенны зашевелились, но головы он не повернул. Только теперь он вытащил лазеры из кобуры, словно собирался отражать нападение.

Он продолжал ждать. Я попытался задать еще вопросы, но повернутый в мою сторону лазер заставил меня замолчать. Затем раздался топот ног, и моего стража окликнули. Он убрал один из лазеров в кобуру, а другой держал наготове.

Вошли трое. Они тащили трепыхающийся сверток, который грубо и без церемоний бросили на пол. Однажды в одном из портов я видел человека, напившегося лортдрипа, который вызывает безумие. Тогда его усмирили с помощью специальных полицейских ружей, которые связывают. Тот сверток был очень похож на тот, что принесли сейчас. Среди клейких веревок я разглядел черный мундир, известный всему космосу. Они сцапали патрульного.

Глава 13

У патрульного хватило ума прекратить сопротивление после того, как его бросили. Благодаря этому его путы не затянулись. К счастью, ни одна из веревок не стянула его лицо или горло. Но люди капитана были уверены, что их пленник не убежит, и поэтому ушли, оставив нас двоих на попечение низкорослого. Он осмотрел патрульного. При этом его лицо ничего не выражало. Затем он вернулся на стул.

Глаза патрульного были открыты, и он изучал свою тюрьму и ее обитателей. Он долго рассматривал меня. После изнурительного допроса я очень ослаб. Даже сон не смог прогнать усталость. Я не только ослаб, но впал в какую-то апатию, совсем не располагающую к действиям.

Я предвидел, что наш сторож в любой момент может направить свой лазер на меня. Но теперь я его не боялся.

Через некоторое время пришел один из членов экипажа и бросил в мою сторону еще один тюбик А-рациона. Несмотря на то, что при виде еды я почувствовал ужасный голод, мне потребовалось невероятное усилие воли, чтобы приподняться и протянуть руку. Некоторое время я держал тюбик в дрожащих пальцах прежде, чем собрался с силами выпить его содержимое.

По мере того как еда попадала мне в рот, мое сонное, полубессознательное состояние начало проходить. Я пришел в себя и понял, что все окружающее — это не ночной кошмар, а ужасающая реальность. Связанный патрульный лежал там, где его бросили, и смотрел на меня. Я высосал почти половину тюбика, когда до меня дошло, что для него ничего не принесли. Кроме того, он не мог есть сам. Я попытался подползти к нему.

— Неат, — эти гортанные звуки не походили на хороший основной.

В руке нашего сторожа оказался лазер, и весь его вид говорил о том, что он, не задумываясь, выстрелит. Я остановился. Он велел мне вернуться на место.

— Остааавайся таам...

Я повиновался. Но не стал доедать. Похоже, что нашему сторожу приказано держать двоих пленников на расстоянии друг от друга.

Теперь я стал изучать патрульного. Опутанный веревками, он не мог пошевелиться. Он прилетел сюда один? Или с товарищами, которые станут его искать? Я бы дорого отдал, чтобы общаться с ним, как с Иити.

Вполне возможно, что у меня был какой-то скрытый талант, который Иити развил за то время, что мы были с ним знакомы. Может, я смогу сообщить своему сокамернику, что хочу войти с ним в контакт. Я собрал всю свою энергию.

То, что произошло потом, настолько поразило меня, что я чуть не выдал себя. Мне пришлось схватиться руками за голову, словно ее внезапно пронзила боль. Не знаю, помо-

гло ли это скрыть мое волнение. Сторож вскочил на ноги, а его антенны начали быстро вращаться.

Мне ответили, но не тот, кто лежал на полу пещеры. Я получил ответ от Иити! Но это знакомое чувство пропало так же внезапно, как и возникло. Вспышка света посреди темной безлунной ночи.

Сторож вышел на середину помещения. Его антенны по-прежнему вращались, словно могли уловить наш разговор. Он переводил взгляд с меня на другого пленника, а на его лице читалось недоумение.

Я больше ничего не чувствовал, но догадался о причине осторожности Иити. Если сторож почувствовал наш контакт, то мысленно разговаривать нельзя. То, что мутант жив, обрадовало меня так же, как если бы я заполучил лазер.

Я продолжал играть свою роль, сжавшись и обхватив голову руками. Сторож остановился около меня и больно пнул металлическим мыском своего ботинка мне в голень.

— Чтоа тыыы? — его гортанную речь было очень трудно понять.

— Боль... голова болит...

— Разум говорит тебе... — Это было утверждение.

Я почувствовал, как неуклюжая слабая мысль промелькнула у меня в голове, но она не имела отношения к Иити. Этой попытке было легко противостоять. Низкорослый тоже обладал телепатическими способностями, но, возможно, ему было легче общаться с представителями своего вида. От меня он ничего не узнал.

Он начал рыскать по пещере, а его антенны непрерывно двигались. Этот орган чувств был у него очень развит, в этом я не сомневался. Но если бы он напал на след Иити, то не стал бы продолжать бродить здесь, а приступил бы к действию.

Где же прячется Иити? Я не мог определить, откуда поступил сигнал. Но то, что он жив!.. Я очень надеялся, что меня не станут допрашивать еще раз. Но если сторож продолжит подозревать меня, то мне снова придется испытать это.

Теперь он стоял рядом с патрульным, и его антенны все еще были в поиске. Затем он медленно повернулся и стал смотреть на потолок над входом. Ийти... прятался ли там Ийти? Это место явно привлекло внимание низкорослого. Я боялся, что он понял, откуда исходят сигналы. Но как? Ведь Ийти никак не проявлял себя.

Сторож вытащил лазер и направил его в точку у себя над головой. Там было много отверстий и там можно было легко спрятаться. Я заметил скопление кристаллов, величиной с мою голову. Он выстрелил...

Меня ослепила вспышка света. Невольно я закричал и закрыл лицо руками. После этого услышал прерывистое дыхание — это был или патрульный, или сторож. А затем сильный удар и грохот...

Меня на мгновение охватил ужас. Я боялся пошевелиться, уверенный, что луч лазера расколот горю над нами, и она вот-вот похоронит нас заживо. Но обвала не последовало, и я попытался разглядеть что-нибудь сквозь кроваво-красный туман.

— Ты жив? — донесся до меня голос из темноты. Но это не был сигнал Ийти и не гортанный вопрос сторожа. Говорящим на основном мог быть только патрульный.

— Где ты? — спросил я, шаря рукой вокруг.

— Впереди от тебя и немного вправо, — ответил он. — Ты, должно быть, смотрел вверх, когда он выстрелил.

— Что случилось? — я даже не пытался встать на ноги, а полз вперед на четвереньках, нащупывая дорогу перед собой.

— Он выстрелил прямо над собой и обрушил себе на голову шквал кристаллов. Осторожнее, он как раз перед тобой.

Но мои пальцы уже наткнулись на тело. Я ощупал его и вытащил лазер. Все это время я боялся, что ослеп.

Я обогнул тело и полз до тех пор, пока не наткнулся на патрульного. Чтобы пережечь его путы, нужно было очень хорошо видеть, и я не мог сделать это вслепую.

— Подожди!

Я сел на корточки. Словно прилив на меня накатило облегчение.

— Ийти!

Мне показалось, что он возник ниоткуда. Я почувствовал прикосновение его лапок-ручек и отдал ему лазер. Я догадался, что он быстро освободил патрульного, так как через мгновение человеческая рука опустилась мне на плечо, и мне помогли встать на ноги. Я шатался почти так же, как и раньше, когда изображал больного. Ийти забрался на меня, как на дерево, и я почувствовал, как и раньше, его вес на своих плечах. Я также почувствовал, как его усы покалывают мою щеку.

— Стой спокойно. Я хочу осмотреть твои глаза. — Это был голос патрульного. Я невольно вздрогнул от его прикосновения, но потом повиновался. Я почувствовал, как он что-то брызнул мне в глаза, какую-то жгучую жидкость.

— Закрой глаза и поддержи их так! — приказал мне патрульный. — Это из моей аптечки и должно помочь.

— Они могут услышать... — я поднял руку, чтобы дотронуться до шерстки Ийти. — Они придут..

— Не сейчас, — быстро ответил Ийти. — Сейчас ночь, и они выставили часовых снаружи, а в туннелях никого нет. У нас есть прекрасная возможность уйти отсюда. Среди них экстрасенсорными способностями обладал только наш сторож.

Меня крепко схватили за руку и потащили вперед. Время от времени Ийти направлял мои ноги среди куч мусора. Судя по всему, мы шли по направлению к выходу.

— Ты кто, — спросил патрульный, — заложник?

Я рассказал ему то же самое, что и людям с корабля:

— Я подхватил неизвестную болезнь, и меня отправили с корабля на спасательной шлюпке. Они приземлилась здесь, и меня ранили аборигены. Я спрятался в разрушенном корабле. А потом прилетели эти. Когда их врач сказал, что я не заразен, они взяли меня в плен.

— Тебе повезло, что тебя не убили, — ответил мне патрульный, — интересно, почему они этого не сделали?

Пришлось придумать более или менее правдоподобный ответ.

— Они думают, что я знаю кое-что о том, что они ищут. Я — ученик гемолога.

— Драгоценные камни! — он помолчал, а потом добавил, — действительно, они проводят здесь горные работы.

— Ты охотился за ними? Где твой корабль? — спросил я в свою очередь.

— Я разведчик. — Это был не очень-то обнадеживающий ответ для того, кто хочет поскорей избавиться от неприятностей. — Они взяли меня сразу после приземления. Но мой корабль закрыт, а на замок поставлен блокиратор. Так что они не смогут туда попасть. Если мы до него доберемся... А что... или, вернее, кто твой товарищ?

— Я Иити, — ответил Иити, — мы с этим человеком заключили оборонительный союз. Это помогло тебе, патрульный. Спасая своего товарища, я спас и тебя.

— Так, значит, это ты подстроил обвал скалы? — догадался я.

Иити поправил меня:

— Нет. Это существо само обрушило скалу на себя. Я только послал ему мысленный импульс. Заставил его подумать, что наверху находится что-то страшное. Он был телепатом. Он потерял голову от страха и выстрелил в тень, которой не существовало, обрушив тем самым скалу.

Моя рука скользнула по телу Иити, но он вытерпел мое прикосновение. Я не почувствовал сплетенных корней вокруг его шеи. Не было также других признаков того, что кольцо все еще находится у него. Но я не хотел спрашивать его об этом при посторонних. Чем меньше будет знать патрульный, тем лучше. Патрульные всегда придерживаются той точки зрения, что благополучие большинства важнее благополучия отдельной личности.

Я почувствовал, что Иити вполне согласен со мной и что камень находится в надежном месте. Но все же я немного беспокоился, ни одно место я не считал достаточно надежным.

— Попробуй открыть глаза, — сказал патрульный.

Ощущение закрытого помещения пропало. Наверное, мы вышли из туннеля. Нас обдувал свежий ветер, пропитанный различными запахами. Я поднял веки и часто заморгал. Красная пелена пропала, и несмотря на то, что перед глазами мелькали темные пятна, я все же мог видеть.

Недалеко находилась будка часового. Она была сооружена из мусора, добытого при проведении работ и каменных блоков. На этой импровизированной стене был установлен прожектор, освещающий развалины, которые некогда перегораживали реку.

— Они опасаются нападения аборигенов, — объяснил Ийти.

— С дубинками против лазеров? — усмехнулся я.

— Но ведь они их используют ночью, когда ничего не видно.

— Тогда почему они не спрятались в корабле? — снова спросил я.

— В туннелях они оставили оборудование. Однажды они пытались спрятаться на ночь в корабле. Но аборигены разбили все их инструменты так, что их нельзя было отремонтировать.

— Кажется, ты очень много знаешь о них, — вставил патрульный.

— Ты, — произнес Ийти своим наиболее нетерпимым тоном, — Сельф Хоури и занимаешь должность разведчика уже десять лет. Ты родился на Локи. В вашей семье было четверо детей, двое из которых умерли. Тебя послали сюда не просто так, а проверить слух о том, что Воровская гильдия совершила открытие, которое обеспечит ей господство в космосе. Тебе приказали действовать тайно, чтобы люди Гильдии тебя не обнаружили. Но ты этот приказ не выполнил. Большею частью из-за того, что на твоём корабле имела место умело подстроенная диверсия. Ты обнаружил это только после выхода на орбиту. Это ведь правда?

— Да ты читаешь мысли, — мне показалось, что Хоури произнес это с осуждением.

— Я повинуюсь своим инстинктам, а ты своим, Хоури. Скажи мне спасибо, а иначе тебя убили бы. Капитан Нак-

титл как раз настаивал на этом. Я считаю, нам надо бежать отсюда как можно быстрее. Эти люди не найдут то, что они ищут. Но они близко...

— Ты это нашел! — перебил я. Я уже научился понимать не только мысли Ийти, но и его эмоции. Но сейчас он вновь был крайне самодоволен, рассказывая о том, что вновь оказался умнее тех, кто был физически сильнее и крупнее его.

— Они ищут не там, где нужно. Но рано или поздно наткнутся на искомое. Нактитл совсем не глуп, и его нельзя недооценивать. Он ничего не нашел до сих пор только потому, что у него не было надлежащего ориентира.

Ориентир! Кольцо, которое забрал Ийти. Оно... оно могло привести его к источнику. Мне хотелось спросить его об этом. Слова так и вертелись на языке и звенели в голове. Но если я это сделаю, то Хоури тоже все узнает.

— А что они хотят здесь найти? — вступил в разговор патрульный, и я понял, что он будет докапываться до истины. Теперь все зависело от того, насколько хорошо он разбирается в драгоценных камнях. Если он обладает хоть какими-то знаниями в этой области, то мой секрет находится под угрозой. И вновь Ийти взял бразды правления на себя. Он начал мысленно подсказывать мне, что говорить.

— Источник дохода, а стало быть, и власти.

В такие моменты я забывал, что Ийти всего лишь маленькое пушистое существо. Он не просто общался со мной на равных — временами в его голосе слышались приказные нотки.

— Давным-давно здесь были рудники. Об их возрасте мы можем только догадываться. Одна из цивилизаций предтеч здесь вела земляные работы. Но к несчастью для сегодняшних искателей, из этих шахт было уже добыто все, что можно.

— Но ты сказал, что Нактитлу нужно лишь найти правильное место...

— Он ищет в старых шахтах. Если бы он поискал среди руин, то, возможно, нашел бы ключ к разгадке. К сожалению, мы не можем задерживаться здесь. Нам нужно найти

твой корабль, — сказал Иити Хоури, — и взлететь как можно скорее. Не слишком умно пытаться спрятаться в этой местности. Кругом нюхачи...

— Нюхачи?

— Да, местные жители. Они охотятся, используя свой исключительный нюх. Деятельность Гильдии привлекает их. Они уже окружили посадочную площадку. Пока они не готовы атаковать, но сильно ограничивают деятельность работающих здесь. Даже добраться до твоего корабля будет довольно сложно. И с каждым моментом это будет становиться сложнее. Но капитан Нактитл не изменит своего мнения из-за одного человека...

Внезапно Иити сжался и вытянул голову вперед.

— Что случилось?

— У нас меньше времени, чем я надеялся, — долетело до нас, — они попытались связаться с вашим сторожем по переговорному устройству, а когда он не ответил, объявили общую тревогу.

Нам не нужно было повторять дважды. Фонарь на сторожевой будке стал освещать большую площадь. Свет был довольно ярким на открытых местах, но все же он не мог проникнуть в темные укрытия в руинах. И мы спрятались в одном из них.

— Направо... — указал Иити направление, — мы побегим, когда фонарь будет светить в другую сторону.

— Налеву... — возразил Хоури. — Мой корабль...

— Это не так просто, — Иити был резок, — мы должны пойти направо, чтобы попасть налево. Мы должны выйти за пределы руин, а потом на открытое пространство.

— Мы собираемся пересечь реку? — по моему мнению, мы при этом будем наиболее уязвимы. Я не представлял, как мы сможем пройти под огнем поднятого по тревоге лагеря.

— У нас есть сейчас преимущество, за которое благодарите своих богов или те силы, которые вы боготворите, — ответил Иити, — к счастью, этот представитель вашего закона приземлился на этом берегу. Но нам необходимо

обойти их пост, чтобы не встретиться с теми, кто идет сейчас с корабля на помощь. Теперь... направо...

Я следил за фонарем, и теперь он освещал самую дальнюю от нас позицию. Мне не потребовалась подсказка Иити, чтобы ринуться к другому темному отверстию, которое показалось мне наиболее пригодным для укрытия. Хоури не последовал за мной, но видимо мой поступок побудил его к действию, и бросился в углубление.

К сожалению, это укрытие уводило нас дальше и дальше от той цели, к которой мы стремились. Теперь мы могли слышать звуки, доносящиеся из-за реки, и лучи фонариков, говорящие о том, что с корабля вышла подмога. Один из фонарей был установлен так, что освещал не только мост, но и большую часть территории с нашей стороны. Я не видел возможности передвижения по открытой освещенной территории.

— Теперь пойдем не над землей, а под ней — в это отверстие.

Иити внезапно вонзил свои когти мне в тело. Я подобрался и приготовился к следующему броску. Должно быть, Иити имел в виду следующее темное пятно на поверхности. И что означало его «не над, а под» я понял только тогда, когда добрался до ямы, вернее провалился в нее. Это было не просто углубление в скале, в котором можно спрятаться, а настоящая нора.

Я вытянул руки, и мои пальцы царапнули по камню. Затем в меня врезался Хоури, и я зашатался, чуть не потеряв равновесие. Мне не за что было схватиться, и я пытался удержаться на скале, хотя мои ноги скользили по гладкой поверхности. Я вновь пошарил руками вокруг себя. Вокруг были стены и только впереди чувствовалась пустота. Позади себя я услышал Хоури.

— Вперед! — подгонял нас Иити.

— Откуда ты знаешь, — спросил я.

— Знаю, — он был как всегда самоуверен, — вперед.

Я нащупал путь впереди себя. Мы оказались в подземной галерее. Был ли это запасной ход, предусмотренный

строителями на крайний случай, я не знал. А возможно, он образовался после обвала. Пол пошел под уклон, и я наступил на лужу. В воздухе чувствовался запах сырости, и он усиливался по мере того, как мы продвигались вперед.

— Где это мы? Над нами река? — спросил я.

— Нет. Но, возможно, вода и просачивается сюда. Посмотри-ка направо.

Впереди я увидел слабое мерцание и оно становилось все ярче по мере того, как я, скользя, пробирался вперед. Я внезапно вспомнил о светящихся скользких следах на стенах заброшенного корабля. А вдруг здесь мы обнаружим то же самое? Остается надеяться, что Иити предупредит нас.

Я пошел к тому месту, откуда исходило сияние. Справа от меня находилось квадратное отверстие в стене. Оно выглядело так, словно из него вынули один блок или он выпал сам. Через это импровизированное окно я заглянул внутрь и обнаружил там комнату. Посередине комнаты стоял стол, сделанный из того же камня, что и стены, хотя и не подвергся действию эрозии. На столе стояли ящики. Они были сделаны из металла. Все они были изъедены ржавчиной, а некоторые из них и вовсе рассыпались в прах, а на столе остались лишь их очертания. Один из ящиков стоял недалеко от окна. В нем лежали камни, в которых светилась жизнь. Но свет, привлечший мое внимание, исходил не от них, а от того, что лежало рядом с ящиком. Иити соскочил с моих плеч и бросился к столу. Он схватил кольцо, просунул в него свою ручку, а другой натянул кольцо на предплечье, словно браслет. Затем он так же быстро вернулся мне на плечи и сунул кольцо мне под одежду. Оно было довольно горячим и чуть не обожгло меня.

— Что случилось? — к моему удивлению голос Хоури раздался не у меня за спиной, а откуда-то из глубины галереи.

— Где вы? Почему вы остановились?

— Мы нашли пролом в стене, но нам от него никакой пользы. Путь впереди чист, — ответил Иити.

Я был озадачен. Я был уверен, что Хоури следует за мной по пятам и наверняка видел комнату и то, что в ней лежало. Оказалось, что я ошибся. Но я не стал спрашивать Ийти.

И вновь галерея пошла с наклоном, на сей раз вверх. Она вела нас в направлении, к которому мы стремились. Мы прошупывали каждый шаг. Я прислушивался. Мои спутники делали то же самое.

— Впереди много камней, — предупредил нас Ийти. — Вы должны быть крайне осторожны. Скоро мы достигнем края руин, и нам придется опасаться нюхачей.

Мы вышли на поверхность среди куч камней. Мое зрение восстановилось, и я видел достаточно хорошо, чтобы понять, что это отвалы горных пород. Мы осторожно пробирались между ними. К счастью, большие кучи камней скрывали нас от света фонаря. Поиски велись теперь на скалистой части берега. Развалины рядом с туннелем были освещены, как днем.

Нам везло. Мы ползли от закрывавших нас камней к кустам. Сквозь них было тяжело пробраться, но они хорошо укрывали нас.

— Они будут ждать нас у патрульного корабля, — подсказал я Ийти.

— Естественно. Они считают его хорошей приманкой, чтобы заманить вас в ловушку. Возможно, они уже там...

— Что?! — Хоури замер, — но они не смогут проникнуть в него. Он заперт на мой персональный кодовый замок.

— Такие мелочи не остановят людей Гильдии, — промолвил Ийти, — но капитан Нактитл не мог предусмотреть моего присутствия и других мелких неприятностей. Держитесь. Когда мы достигнем корабля, вам не надо будет беспокоиться о том, как нейтрализовать охрану.

Я знал Ийти и поэтому несколько не сомневался в его словах. Этого нельзя было сказать о Хоури. Но он следовал за нами, словно у него не было другого выхода, да так оно и было. Иначе ему пришлось бы вступить в бой с людьми Гильдии, а это было бы самоубийством.

Глава 14

— Нюхачи! — предупреждение Иити остановило меня. Позади нас было достаточно шума и света, чтобы нюхачи поняли, что люди из лагеря охотятся.

— Где?

Похоже, что теперь Хоури поверил органам чувств Иити, хотя и не собирался следовать его советам.

— Слева, на дереве.

Дерево, на которое указал Иити, было не таким высоким, как лесные гиганты, но вовсе и не низким. Его листва образовывала непроницаемый шатер, и мы не могли разглядеть прячущихся там нюхачей.

— Один из них ждет, пока мы поравняемся с деревом, чтобы прыгнуть на нас, — сообщил Иити, — нужно отойти подальше, тогда он не допрыгнет.

Теперь мы не были безоружны. Хоури взял один из лазеров нашего сторожа, а я другой. Но глупо было бы палить, не видя мишени. Я держал лазер наготове и всматривался в крону дерева.

Внезапно меня словно ударили в лицо и вонзили что-то в голову, а потом боль сконцентрировалась в ушах. Я зашатался и услышал, как Хоури тоже вскрикнул от боли.

Иити свернулся у меня на плечах и вцепился в меня лапами, чтобы не упасть. Я напрочь забыл об угрозе со стороны аборигенов. Единственное, чего я хотел, это избавиться от дикой боли в голове.

— ...руку... возьми руку Хоури... держись...

Мысленный приказ Иити заглушала боль. Его ручки-лапки вцепились в мои уши и, вдобавок к боли, он навалился своей тяжестью мне на голову.

— Возьми руку Хоури! — свой приказ он сопровождал выкручиванием моих ушей. Я попытался поднять руку, чтобы сбросить мучителя с моих плеч, но обнаружил, что вместо того, чтобы повиноваться мне, мои руки помимо воли вцепились во что-то теплое. Хоури застонал и попытался отделаться от меня, но тщетно.

— Вперед! — Иити вновь больно вывернул мои уши. Ошеломленный болью в голове, я, спотыкаясь, шел в направлении, которое указывал мне Иити, таща за собой Хоури.

С дерева послышался вопль, что-то темное свалилось на землю и начало извиваться. Мы слышали какие-то неясные звуки, шорох в кустах. Существа, скрывавшиеся в них, следовали мимо нас по направлению к скалам.

Только крепкая хватка Иити и постоянная боль в ушах от его щипков заставляли меня двигаться вперед. У меня было ощущение, что я пробираюсь по стремительному потоку, который хотел отбросить меня назад к руинам и кораблю Гильдии, и с которым мне приходилось бороться изо всех сил.

Было темно, Иити ехал на мне верхом, как ездят на выючном животном, и направлял меня. Мне оставалось только повиноваться и тащить за собой Хоури, так как я не мог ослабить свою хватку.

Мне казалось, что этот зигзагообразный марш-бросок продолжался несколько лет. Затем я почувствовал запах горелой растительности и увидел, что мы пришли на поляну, на которой растения либо сморщились, либо сгорели дотла в пламени ракеты. Перед нами возвышался патрульный корабль, стоящий на стабилизаторах.

Я видел только темную массу, но не различал трапа или открытого люка. Я вспомнил, что Хоури говорил о том, что корабль закрыт на замок с блокиратором. Если он не сможет его открыть, то мы не проникнем внутрь, хотя и достигли своей цели.

Меня вновь что-то потянуло. Голова по-прежнему болела, но то ли боль ослабела, то ли я уже привык к ней, но ее кульминация миновала. Иити все еще держал меня за уши, и, когда я остановился перед ракетой, не стал заставлять меня двигаться вперед. Вместо этого он обратил свое внимание на Хоури, но я тоже уловил его настойчивую команду.

— Хоури, замок... ты можешь его открыть?

Патрульный качался из стороны в сторону и пытался слабо тянуть меня в сторону руин.

— Хоури! — на этот раз требование Иити оказалось столь же болезненным для восприимчивого мозга, как и муки, преследующие нас.

— Что... — это было скорее похоже на стон, чем на слова. Свободную руку патрульный приложил ко лбу. Лазера у него в руке не было. Должно быть, он обронил его.

— Замок... на корабле... — Иити тяжело ронял слова, и они производили такой же эффект, как и древние пули, вонзающиеся в плоть, — дезактивируй его, ну же.

Хоури повернул голову. Я видел его сквозь пелену. Свободной рукой он теребил мундир. Его движения были не скоординированы, и я сомневался в том, что он сможет вообще что-либо сделать. Он вытащил микрофон.

— Код! — Иити был непреклонен, — назови код!

Казалось, что Хоури не знал точно расположение своего рта и поднимал для этого несколько раз руку. Затем что-то бормотал. Я не смог разобрать ни одного звука. Я не знаю, ответил ли он на требование Иити, несмотря на свой затуманенный рассудок. Его рука упала и бессильно повисла. Казалось, что у него ничего не вышло.

Вдруг со стороны корабля послышался шум. Открылся люк, из которого высунулся узкий трап и опустился на выжженную землю в шаге от нас.

— Внутрь! — приказ Иити прозвучал почти также резко, как и вопль одного из нюхачей.

Я потащил Хоури за собой. Трап был узким и крутым, и мне пришлось быть очень осторожным, чтобы не упасть самому и втащить Хоури. И все же шаг за шагом мы преодолели это препятствие.

Было ощущение, что мы вошли в звуконепроницаемую камеру и захлопнули за собой дверь. Шум в моей голове мгновенно прекратился. Я прислонился к стене и почувствовал, как пот стекает у меня по подбородку. Облегчение было таково, что я почувствовал ужасную слабость. Когда люк закрылся и загорелся свет, я заметил, что Хоури вы-

глядит не лучшим образом. Его лицо было бело-зеленым даже под космическим загаром. По лбу струился пот. Он прокусил губу, и кровь пузырилась у него на губах и стекала тонкой струйкой по подбородку.

— Они... они применили к нам принудитель... — каждое слово срывалось с его губ, словно он выполнял очень трудное задание. — Они...

Иити отпустил наконец мои уши и опустил мне на плечи.

— Надо скорее убираться с этой планеты.

Если прибор и подействовал на мутанта, то он не показывал этого. Сейчас нужно было подчиниться его приказам, а не предпринимать какие-то свои действия.

Мне показалось, что состояние Хоури не изменилось. Он, шатаясь, отошел от стены и полез во внутренний люк. Когда мы последовали за ним, я услышал, как убрался трап, а за нашей спиной автоматически захлопнулась дверь. Я вновь почувствовал облегчение.

Теперь, чтобы проникнуть сюда, людям с корабля придется применить специальное оборудование. А корабль Гильдии, хоть и был отлично оснащен, наверняка не имел такого на своем борту, судя по его небольшим размерам.

Хоури проявил инициативу и начал взбираться по центральной лестнице корабля. Иити последовал его примеру, причем с такой скоростью, что оставил нас позади. Перед тем как попасть в кабину управления, нам пришлось пройти два уровня. Патрульный сел в кресло пилота и начал пристегиваться. Он передвигался как во сне и, похоже, совсем не замечал меня. Не думаю, что я мог сказать то же самое об Иити.

Корабли Патруля, как правило, предназначены для перевозки только одного человека. Но экстренные случаи тоже предусмотрены. Именно для таких целей было предназначено другое кресло в глубине кабины. Я сел в него и пристегнулся, в то время как Хоури потянулся вперед, чтобы включить механизм воспроизведения маршрута. Откуда-то выпрыгнул Иити и растянулся вдоль моего тела.

На панели управления загорелись лампочки, а корабль начал вибрировать. Затем начался взлет, и нас вжало в кресла. Я знал, что на маленьких грузовых кораблях давление при взлете ощущается сильнее, чем на больших лайнерах. Здесь же мне же показалось, что огромная рука вдавила меня в темноту.

Когда я очнулся, огни на приборной доске уже не плясали как попало, а горели спокойно, каждый на своем месте. Хоури лежал в своем кресле, уронив голову на грудь. Иити зашевелился. Он медленно поднял голову, а его глаза-бусинки уставились на меня.

— Мы улетели...

— Он включил автопилот, — сказал я, — думаю, мы летим на базу или к другому кораблю Патруля.

— Если у нас это получится, — промолвил Иити, — мы лишь выиграем время.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что капитан Нактитл не может позволить нам уйти. Гильдия поставила на карту все. Она не позволит какому-то разведчику расстроить их планы.

— У них нет оружия, только не на этом корабле.

— Зато у них есть другие приспособления, не менее опасные для нас. Кроме того, я сомневаюсь, что ты хочешь попасть на базу патрульных.

— Что ты имеешь в виду? — я взглянул на Хоури. Если он был в сознании, то мог бы «услышать» нашу беседу.

— Он все еще спит, — успокоил меня мутант, — но... у нас мало времени, и я не знаю, как долго мозг, находящийся без сознания, сможет хранить информацию. Совершенно точно одно — Нактитл еще не нашел того, что он ищет. Мы с тобой видели камни, но они добыты не на этой планете. Хотя Нактитл и его люди все еще верят в это.

— Откуда ты это знаешь? А как же те туннели?

— Древние люди искали в них что-то другое. В тайнике под руинами они хранили топливо. Но Нактитл поверит, что камни были найдены именно в этих туннелях. Тому, кто найдет настоящий источник этих камней, очень повезет,

при условии, что он умен и осторожен. Ведь камни выглядели мертвыми, разве нет?

— Абсолютно мертвыми.

— Твое кольцо отчасти активировало их. Оно может давать энергию любому топливу на ваших кораблях. Ты держишь в своих руках сокровище, которым нужно суметь правильно распорядиться. Найдутся такие, кто убьет тебя за обладание этим кольцом. Тебе стоит опасаться не только Гильдии.

Голова Иити повернулась почти кругом на его необычайно подвижной шее, и он многозначительно посмотрел на патрульного.

— У меня недостаточно сил для борьбы с Патрулем, — ответил я. — Противозаконность моих действий не волнует меня. Кольцо досталось мне по наследству, и тот факт, что косный закон, созданный людьми, которых я никогда не видел и о которых не слышал, может отобрать у меня кольцо, только приводит в бешенство.

Я добавил:

— Я буду бороться за него.

— Именно так, — в голосе Иити я услышал удовлетворение. — Кажется, ты можешь выиграть, даже если начнешь уступать.

— Выиграть что? Состояние? А все будут охотиться за моим секретом и стараться убить меня. Я не хочу.

Возможно, Хайвел Джерн мог бы стать очень богатым, если бы не предпочел комфорт. Он бы спокойно дожил свои дни, не оказавшись таким любознательным. И я был воспитан по его подобию. А может, потребность быть свободным, которая заставляла Вондара Астла постоянно переезжать, перешла его ученику.

— Ты можешь купить свободу. — Мысль Иити легко следовала за мной. — Что у тебя осталось после смерти Вондара? Ничего. Попробуй поторговаться, как он учил тебя. Ты будешь знать, что нужно тебе больше всего.

— Что нужно тебе, — возразил я.

Голова Иити повернулась, и он посмотрел на меня.

— Да, то, что мне нужно. Наши пути идут бок о бок. Я уже говорил тебе об этом. По отдельности мы слабы, а вместе — сила. Такое сочетание может нам много дать, если только у тебя хватит храбрости...

— Ийти, кто ты?

— Живое существо, — был ответ, — с определенными возможностями, которые я время от времени предоставляю в твое распоряжение. И они весьма помогают тебе.

Он снова прочитал мои мысли и добавил:

— Конечно, я использовал тебя, но ведь и ты меня использовал. Иначе ты уже давно бы погиб. Для представителей твоего вида смерть тела — это конец. Разве ты не веришь в это?

— Не все верят в это.

— Все может быть, — двусмысленно ответил он. — Но в любом случае, мы вместе, и для нашего же блага стоит продолжать наше сосуществование.

С его логикой нельзя было спорить. Но в глубине души меня терзало сомнение, что у Ийти есть какие-то собственные планы, и ради них он манипулирует мной.

— Он просыпается, — Ийти смотрел на Хоури, — скажи ему, чтобы он проверил скорость.

Я не был пилотом. Но я видел, что на приборной доске мигает красная лампочка. Должно быть, это было какое-то предупреждение. Хоури фыркнул и вытянулся в своем плетеном кресле. Он протер глаза и потянулся к приборной доске. На его лице появилось выражение беспокойства.

— Ийти просит проверить скорость, — сказал я.

Хоури нажал на красную кнопку под мигающей лампочкой. Красный свет сменился на желтый на короткое время, а потом опять загорелся красный. Хоури снова нажал на кнопку. Но на это раз цвет лампочки не изменился. Его пальцы забегали по другим кнопкам на приборной доске, но лампочка упорно горела красным.

— Что случилось? — спросил я.

— Тяговый луч, — он сказал это, словно выругался. — Они взлетели после нас и направили на нас луч. Но как ко-

рабль такого размера может быть настолько хорошо оснащен?

Он продолжал нажимать на различные кнопки. На мгновение лампочка потухла, но только на мгновение.

— Они притягивают нас?

— Пытаются. Но они не смогут нас посадить, по крайней мере, не сейчас. Они просто не пустят нас в гиперпространство. Наверное, они думают, что смогут проникнуть на борт, но тогда их ждет сюрприз. А пока мы будем висеть вблизи этой планеты.

— Ждать, пока к ним прибудет подкрепление? Почему бы тебе тоже не попросить о помощи?

— Они перекрыли нам возможность отправить сообщение. Раз они ждут подкрепления, значит уверены, что оно уже близко. Я слышал о суперкораблях Гильдии, должно быть, это один из них.

— А нам что делать? Ждать?

— Конечно, нет, если у нас есть хоть капля разума, — прервал его Ийти, — они ожидают подмогу с другого корабля и наверняка легко захватят нас. Твоя ошибка в том, Хоури, что ты не сразу понял важности этой операции для Гильдии. Теперь они готовы на все. А может, ты подозревал об этом, когда прибыл сюда?

— Мне, кажется, у тебя есть какое-то предположение? — язвительно спросил Хоури. — Я могу усилить свою защиту, но оторваться от их корабля не смогу. Я потрачу всю энергию. Они схватят нас, прежде чем я смогу выстрелить.

Но у Ийти был готов ответ.

— Мердок, кольцо...

— Но как?

Я уже испытал на себе действие кольца, его могущество в космосе и на планете. Но чем оно поможет нам на этом корабле и как совладеет со следящим лучом, который так крепко удерживает нас.

— Отнеси его вниз, в машинное отделение, — приказал Ийти.

Его знания были намного глубже моих, и меня по-прежнему интересовал вопрос, где и когда он их получил. Ему

было довольно легко читать чужие мысли, но откуда он мог знать о возможностях этого загадочного камня? Было ли это частью таинственного прошлого Иити, еще до того как он обрел тело, которым пользуется сейчас? Может, он был связан с теми, кто использовал этот камень в качестве источника энергии? Как долго Иити был семенем или камнем — в общем, той штукой, которую проглотила Валькирия?

Размышляя таким образом, я расстегивал пряжку на ремне, чтобы встать со своего места. Я уже хорошо изучил Иити, и раз он говорил, что кольцо может спасти нас, стоило попробовать то, что он предлагает.

— Что ты собираешься делать? — резко спросил Хоури.

Иити ответил:

— Пытаемся добавить энергии твоему кораблю, патрульный. Но мы не уверены, что это поможет, просто пробуем.

Было очень любезно с его стороны сказать «мы», хотя я, как обычно, был лишь инструментом для претворения в жизнь планов, созревающих в его узкой головке.

Мы спустились по лестнице на самый нижний уровень и направились к реактору. Иити опять водил головой и носом, как в лесу, когда искал выход из него. Затем, резко повернув голову, указал носом на запертый ящик.

— Здесь. Поторапливайся, возьми газовую горелку...

С комичностью идиота Хоури открыл стенной шкафчик и достал оттуда инструмент, о котором говорил Иити. Я медленно вытащил кольцо. Несмотря на убеждение Иити в том, что кольцо нам поможет, я был совершенно не уверен в этом. И при этом был крайне не расположен показывать кольцо Хоури. Я не доверял никому. За кольцом уже тянулся кровавый след, и эта кровь принадлежала тем, кто был дороже всего для меня.

Сначала мне показалось, что Иити ошибся. Кольцо не подавало никаких признаков жизни и выглядело таким же безжизненным, как и тогда, когда я впервые его увидел. Против своей воли я положил его на крышку ящика, как приказал Иити.

Затем медленно, словно протестуя, оно начало оживать. Оно не засверкало так же ярко, как в космосе или как под землей в компании своих товарищей. Тогда его сияние было голубовато-белым, а теперь оно тускло отливало желтым. Хоури уставился на него. Его изумление было настолько сильным, что он даже забыл воспользоваться горелкой.

— Соедини его с ящиком, быстро! — закричал Ийти. Его похожий на кнут хвост хлестал меня по спине, словно он хотел таким образом заставить меня выполнить приказ. Я потянулся за горелкой, но Хоури опередил меня и, дотронувшись ее концом до ободка кольца, крепко приварил его к ящику.

— Осторожно... — но Ийти не успел закончить свое предупреждение. Хоури взмахнул горелкой. По милости той силы, которая правит миром, горящий конец этого импровизированного оружия не попал в Ийти. Но он ударил его с такой силой, что тот слетел с моего плеча и остался неподвижно лежать на полу.

Я был настолько ошарашен этим внезапным нападением, что упустил момент и не смог отразить атаку. Когда я бросился к Хоури, он поднял горелку, и ее конец угрожающе повис напротив моих глаз. В его глазах светилась такая решимость, что я не сомневался, что он воспользуется ею, вздумай я на него прыгнуть.

Мне приходилось отступать, и я не мог подобраться к Ийти. Если я пытался приблизиться к нему, Хоури направлял на меня горелку. Так как помещение было довольно тесным, моя спина вскоре уперлась в стену.

— Почему ты сделал это? — спросил я. Хоури прижал меня к стене. Мои руки были подняты к плечам, а конец горелки находился прямо перед моими глазами.

Держа горелку в одной руке, Хоури другой рукой поширил у себя в карманах. То, что он достал, было улучшенной модификацией тех пут, которыми люди из Гильдии связали его. Пути вылетели из трубки, но не опутали меня плотным коконом, а лишь туго стянули мои запястья.

— Почему? — повторил он. — Потому что теперь я знаю, кто ты такой. Ты выдал себя, или это сделал твой зверь, за-

ставив вытащить кольцо. Что случилось на планете? Ты не согласился с условиями Гильдии? Мы несколько месяцев разыскивали тебя, Мердок Джерн.

— Но почему? Я же не принадлежу к Гильдии.

— Если ты решил в одиночку поиграть в эту игру, то ты глупец. Или ты так веришь, что твой зверь поможет тебе? Без него ты ничто, не так ли?

Хоури пнул Ийти ногой, и тот перевернулся. Я попытался мысленно войти с ним в контакт, но у меня ничего не вышло. Однажды я уже посчитал его мертвым. Теперь мои глаза говорили, что на сей раз это произошло.

— Ты обвиняешь меня в том, что я играю в одиночку. — Я старался контролировать свои эмоции, гнев заставляет людей делать ошибки. Может, я и не мог полностью обуздывать свои эмоции, как мой отец считал нужным, но был достаточно натренирован, и теперь мне представилась возможность проверить это. — Что ты имеешь в виду?

— Ты — Мердок Джерн, а твой отец был скандально известным членом Гильдии.

Хоури использовал светящуюся горелку в качестве указки, словно я был ребенком, а он учителем, показывающим нечто важное на проекции ленты на стене.

— Если ты и не являешься полноправным членом Гильдии, то у тебя есть доступ к связям отца. Ведь он был убит потому что владел какой-то информацией, возможно, об этом, — концом горелки Хоури указал на кольцо. — Ты был на Ангкоре, когда это случилось. Затем ты улетел, порвав отношения с семьей. Потом ты оказался на Танфе рядом с Вондаром Астлом. А ведь он был убит при обстоятельствах, указывающих на то, что его смерть была подстроена. Что же послужило причиной, а Джерн? Может, он догадался о том, что ты возишь с собой, и хотел доложить властям? Но, как бы то ни было, дела, кажется, пошли не так, как ты ожидал? Ты не смог уйти с запасом драгоценных камней твоего хозяина. Но ты смог улететь с планеты. Корабль, которым ты воспользовался, подозревается в связях с Гильдией. И он доставил тебя сюда, не так ли? А потом ты поссорился с главарями. Неужели ты и вправду думал, что сможешь бо-

роться с ними с помощью этого зверя? Мы вытянем из тебя правду на детекторе лжи.

— Но только тогда, когда доставишь меня на свою базу!

— Ну, теперь-то у тебя нет шансов на побег. Ты сам устроил это. Но я совсем забыл, ты же не разбираешься в кораблях. Так ведь? Ты же ничего не чувствуешь. Мы оторвались от Гильдии и летим прежним курсом. А теперь... — все еще держа наготове газовую горелку, он отошел и подхватил Иити за задние лапы, длинное пушистое тельце, — его я отправлю в морозильную камеру. В лаборатории им заинтересуются. А тебя я запру в другом отсеке, пока ты не понадобишься.

Он подтолкнул меня к выходу из машинного отделения по направлению к лестнице, ведущей на верхние уровни. Я медленно пятился, стараясь ухватиться за любую возможность. Но даже в этом случае ему стоило только переключить горелку на максимум и поднести к моему лицу, чтобы заставить меня слушаться. Иити раскачивался, как маятник, в руке Хоури. Я посмотрел на его тельце, и моя ненависть стала холодной, ясной и беспощадной. И в этот момент, глядя на Иити, я понял, что еще не все потеряно. Иити пришел в себя, извернулся и вонзил острые, как иглы, зубы в руку, которая его держала. И когда Хоури взвыл от боли и неожиданности, я начал действовать.

Глава 15

Так как мои руки были связаны — а я бы непременно использовал их, так как мой отец очень хорошо обучил меня тем видам борьбы, которые могут пригодиться космическому страннику — мне пришлось воспользоваться головой. Я боднул Хоури в грудь, и он отлетел к стене. У него перехватило дыхание. Но я не смог использовать это небольшое преимущество так, как хотел. Я мог только навалиться на Хоури всем телом и удерживать его в таком положении. Как мне казалось, положение было безвыходное.

Иити начал эту драку, но я не ожидал, что его хватит на большее. Но как я понял, его не стоило сбрасывать со сче-

тов. Его стройное тело подпрыгнуло в воздухе и приземлилось на голову Хоури, попутно хлестнув меня хвостом по лицу. Он выпустил когти и вонзил их в уши Хоури, точно так же, как недавно в мои.

Хоури вскрикнул и попытался поднять руки к голове, в то время как я старался сильнее прижать его к полу и дать Иити возможность одержать небольшую победу. Затем я немного отклонился назад, но лишь за тем, чтобы ударить Хоури плечом в горло. Если бы удар оказался чуть сильнее, я наверняка убил бы его.

Из горла Хоури вырвался какой-то хлюпающий звук, и, когда я отстранился от него, он попытался поднести руки к горлу. У него подкосились ноги, и он начал медленно падать вперед. Хоури наверняка упал бы с лестницы вниз, если бы я не поддержал его.

Иити ослабил свою хватку, оставив на ушах Хоури кровоточащие следы. Затем он разорвал его китель и достал оттуда танглер. Иити так ловко управлялся с ним, словно делал это не в первый раз. Спустя мгновение Хоури был также аккуратно связан, как и раньше в пещере.

Мутант, тяжело дыша, опустил на задние лапы и, держа в своих ручках опутыватель, внимательно глядел на патрульного. Хоури глотал ртом воздух, а лицо его приобрело темный оттенок. Я испугался, что своим ударом сломал ему какую-нибудь кость, или причинил ему вред гораздо более серьезный, чем думал раньше. Несмотря на то, что он сделал с Иити и собирался сделать со мной, я не хотел его убивать. Теперь, когда ярость уже не застилала мне глаза, я смог спокойно все обдумать. Мне доводилось убивать, но только для того, чтобы защитить себя, как это случилось на Танфе. Но убийство не доставляло мне удовольствия. Кроме того, убивать собственными руками — это совсем другое дело. Хоури действовал по закону, но в некоторых случаях справедливость и закон — совсем не одно и то же. Я уважал Патруль и даже слегка побаивался его. Но это совсем не означало, что я готов был мириться с несправедливостью. В пограничных мирах закон должен быть более гибким, чем в давно обжитых мирах. Как я понял из слов Хоури,

меня уже осудили и приговорили, не дав мне возможности оправдаться.

— Твои руки... — Иити прыгнул на лестницу и оказался на уровне моих плеч. Я вытянул вперед свои связанные запястья, и Иити потребовалось несколько мгновений, чтобы перегрызть путы своими острыми зубами. Освободившись, я опустил на колени и прислонил Хоури к стене. После этого я начал нажимать ему на грудь и делал это до тех пор, пока он не начал дышать более размеренно, а лицо приобрело естественный цвет.

— Вы не... не сможете... курс установлен... — почти шептал он, — корабль... доставит нас на... на базу...

На его лице читалось злорадство. И, скорее всего, он был прав. Корабль был поставлен на автопилот, и мы ничего не могли с этим поделать. Следовательно, мы будем свободны до тех пор, пока корабль не доставит нас на базу Патруля. Казалось, что несмотря ни на что, победу одержал Хоури, а не мы.

Хоури улыбнулся. В любом случае, я не был пилотом, и даже если и существовала возможность изменить курс, то не знал, как это сделать. Наверняка не знал этого и Иити.

— Отнеси его... — Иити указал на Хоури и на лестницу.

— Я не смогу вам помочь, — сказал Хоури. — Если включен автопилот, ничего уже нельзя изменить.

— Да что ты! — Иити тряхнул головой и посмотрел в глаза Хоури, пока я помогал тому встать на ноги. — Посмотрим.

Уверенность Иити ничуть не поколебала спокойствия Хоури. Он не пытался сопротивляться, пока я поднимал его по лестнице. А ведь он мог бы сделать этот подъем невозможным. Вместо этого он довольно покорно следовал за мной, позволяя помогать ему, когда он не мог держаться руками. Слабая гравитация помогала мне.

Думаю, Хоури готов был наслаждаться нашим смятением, когда мы обнаружим, что он прав и мы не сможем ни остановить корабль, ни изменить его курс.

Для меня приборная доска ничего не значила. Но Иити пересек кабину, забрался в кресло пилота, а оттуда на при-

борную доску. Его голова качалась из стороны в сторону, словно он что-то искал. Но он не нашел то, что искал. Потом он спрыгнул назад в кресло, сжался, втянул голову и уставился перед собой. Его сознание было плотно закрыто, но я знал, что он думает.

Хоури рассмеялся:

— Твой суперзверь сбит с толку, Джерн. Говорю же тебе, подчинись, и...

— Довериться Патрулю? — спросил я. Должно быть, я стал слишком доверять полумистическим способностям Ийти. Хоури прав. Это мы пленники, а не он, даже в его теперешнем состоянии.

— Сотрудничество с нами, и приговор будет смягчен, — промолвил Хоури.

— Меня еще не допросили, а уже осудили, — парировал я, — хотя обвинения, которые вы мне предъявляете, весьма расплывчаты. Кольцо досталось мне в наследство от отца. Я защищал себя, чтобы не погибнуть бесславно на Танфе, и оплатил свой проезд с этой планеты сам. Ты мог убедиться, что я не имею ничего общего с Гильдией. И ты все равно считаешь меня виновным? Кажется, что я скорее сотрудничаю с Патрулем в твоём лице. Или ты забыл, как Ийти вытащил нас из туннеля, а мой камень помог нам оторваться от корабля Гильдии?

Хоури продолжал улыбаться, и улыбка эта отнюдь не была дружелюбной.

— Во время своего пребывания на Танфе слышал ли ты, Джерн, местную поговорку: «Тот, кто оказывает услугу демону, является его слугой»? То, что представляет собой это кольцо, если, конечно, молва не лжет, не должно принадлежать какому-то одному человеку. У нас есть приказ уничтожить при необходимости кольцо и его обладателя.

— И нарушить, таким образом, закон?

— Иногда нужно пренебречь законом во имя спасения всей нации.

— Это опасная позиция, — прозвучал в наших головах голос Ийти. — Закон либо существует, либо нет. Мердок считает, что в некоторых случаях закон можно нарушить

или обойти ради защиты справедливости. А ты, Хоури, поклявшийся строго придерживаться буквы закона, говоришь нам, что можно нарушить закон ради выгоды. Похоже, представители вашего вида не очень-то уважают закон.

— Что ты... — Хоури бросил на Иити взгляд, полный ненависти. Я быстро встал между ним и пушистым существом, сидевшим в кресле.

— Что я, зверь, понимаю в человеческих делах? — закончил Иити вместо Хоури. — Только то, что я узнаю из ваших мыслей. Ты думаешь, что я всего лишь животное, так, Хоури? В таком случае, мне очень интересно, что же такое в тебе заставляет тебя придерживаться этой точки зрения, даже если ты не прав? Или ты просто не желаешь смириться с тем, что ты можешь быть не прав? Кажется, — Иити остановился, чтобы пристальней посмотреть на патрульного, — ты придаешь слишком большое значение своим действиям.

Хоури вспыхнул и сжал губы. Мне хотелось бы в данный момент прочитать его мысли подобно Иити. Если Иити и прочитал в них угрозу, то не стал это обсуждать, а перевел разговор на другую тему.

— Если мой вид должен выжить, а я считаю, что это необходимо, нужно предпринимать какие-то шаги уже сейчас. Возможно, ты прав, Хоури, полагая, что корабль нельзя повернуть с заданного курса. Но ты уверен, что его нельзя повернуть назад?

Я увидел, что патрульный озадачен. Должно быть, Иити с легкостью читал его мысли.

— Спасибо, — в голосе Иити ясно читалось удовлетворение. — Так вот, значит, как!

Иити вновь вскочил на приборную доску и приложил свои лапки-ручки к ее поверхности, как будто намеревался проделать какие-то деликатные действия со сложным механизмом.

— Нет! — рванулся к нему Хоури, но наткнулся на меня и не добежал до приборной доски. Я ударил его ребром ладони. Это был один из приемов рукопашного боя, которым меня обучали. Хоури упал и потерял сознание.

Я подтащил его к пассажирскому сиденью, швырнул в него и пристегнул. Затем повернулся к Иити, который продолжал изучать приборную доску. Его голова качалась из стороны в сторону, а лапы он держал на весу. Он еще не дотрагивался до кнопок и рычагов.

— Серьезная проблема, — заметил он, — на результат повлияет энергия камня. Корабль можно повернуть. Я прочитал это в его мыслях. Шок всегда дает доступ к нужной информации. С нашей скоростью мы вряд ли приземлимся вблизи того места, где взлетели.

— Но что нам даст возвращение? Мы не сможем изменить курс, пока не приземлимся, — ответил я сам себе. — Но ведь я не пилот, и мы не сможем взлететь, даже если зададим другой курс.

— Эту проблему мы решим потом, когда придет время, — ответил Иити. — А может, ты хочешь продолжить полет?

— А как же быть с кораблем Гильдии? Если мы вернемся, они вновь сядут нам на хвост.

— Подумай-ка. Разве они ожидают, что мы вернемся? Не думаю, чтобы кто-то, даже такой сообразительный как капитан Нактитл, смог предвидеть такое. А если мы приземлимся на некотором расстоянии от их лагеря, то выиграем время. Время — наше оружие, и оно нужно нам более всего.

Иити был прав, как, впрочем, и всегда. Мне не хотелось продолжать полет по прежнему маршруту. Даже если бы надо мной не висело обвинение, теперь, захватив корабль, я полностью отдавал себя на милость Патруля и вряд ли смог бы защититься.

— Эта, эта и вот эта, — сделал выбор после долгого изучения приборной доски Иити. Я не разбирался в кораблях и не мог оценить правильность его выбора. Я наблюдал за огоньками, которые меняли свой цвет, гасли и загорались. Мне оставалось надеяться, что Иити знает, что делает.

— И что теперь? — спросил я, когда он вновь вернулся в кресло пилота.

— Нам остается только ждать. Поэтому я предложил бы поесть и попить...

Как же он был прав! Теперь, когда Иити упомянул о еде, я вспомнил, что в моем желудке не осталось ничего от съеденной пищи, кроме ноющей пустоты. Я проверил веревки, которыми был связан Хоури. Он был все еще без сознания, но дышал ровно. Потом я спустился вниз в компании Иити, который делал это гораздо быстрее меня. Мы обнаружили маленькую кухню с большим запасом еды и закатали пир. Я наслаждался каждым кусочком. Иити разделил со мной трапезу, хотя предпочел бы что-нибудь другое. Когда мы наелись, я вновь задумался о будущем.

— Я не смогу управлять кораблем, — снова повторил я. — Мы можем оказаться прикованными к планете, которую я никогда не выбрал бы по собственной воле. Если корабль Гильдии следил за нами, то они обнаружат место нашей посадки и вновь начнут нас преследовать. Я совсем не знаю этого корабля. Я даже не смогу воспользоваться оружием. Но если кораблю будет что-то угрожать, нам придется положиться на Хоури.

— Кроме того, ты думаешь, что раз я читаю его мысли, то буду начеку, если он вздумает обернуть это оружие против нас. — Иити тщательно вылизывал каждый пальчик своим темно-красным языком. — Нас не ожидают. А что касается, взлета, то эту проблему мы решим, когда возникнет необходимость. Не надо думать о тени, ведь солнце завтрашнего дня может уничтожить ее. А теперь я посоветовал бы поспать. Сон расслабляет тело, дает отдохнуть разуму. Отдохнувший человек более подготовлен к встрече с неожиданностями.

Он спрыгнул с кресла и побежал к двери.

— Сюда... тут койка... — указал Иити носом на дверь. — Не беспокойся, когда мы войдем в атмосферу, нас разбудит таймер.

Я толкнул дверь. Внутри стояла кровать, и я улегся на нее, почувствовав усталость так же внезапно, как и голод. Я почувствовал, что Иити примостился рядом, свернувшись клубочком и положив голову мне на плечо. Но его

сознание было изолировано от меня, а глаза закрыты. Мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться требованиям своего уставшего тела и погрузиться в сон.

Из блаженного состояния меня вывел резкий звон, раздавшийся прямо над моим ухом. Сквозь сон я огляделся по сторонам и увидел, что Иити сидит, расчесывая свои усы пальчиками.

— Мы вошли в атмосферу, — сообщил он.

— Ты уверен? — Я сел на койке и провел руками по волосам, но не с таким результатом, как у Иити. Я слишком давно не менял одежду, не принимал ванну и не чувствовал себя действительно чистым. На руках и теле проступали розовые пятна новой кожи на месте язв. Вскоре мое пегое состояние пройдет, и на коже не останется и следа болезни, из-за которой я удрал с «Вестриса».

— Совершенно точно. Мы опять там, откуда и взлетели, — Иити говорил очень уверенно. Но я не очень-то доверял ему и хотел увидеть планету собственными глазами.

— Мы можем пристегнуться прямо сейчас, — продолжал Иити.

— А как же корабль...

— Он на автопилоте. Ты все равно не сможешь ничего сделать.

Иити был прав, но я бы чувствовал себя увереннее, если бы Хоури управлял сейчас в кресле пилота. Автопилоты усовершенствовались настолько, что на них можно было полностью положиться, но иногда случаются непредвиденные обстоятельства, и тогда человеческий рефлекс срывает быстрее, чем машина. Несмотря на то, что двигатель корабля работает сам по себе, ни один корабль не сможет обойтись без пилота, инженера и других членов экипажа, в обязанности которых некогда входило непосредственное управление кораблем.

— Вы боитесь машин?

Я пристегнулся к койке, а Иити растянулся рядом со мной. Он был готов продолжать беседу, в то время как я был совсем не расположен к этому.

— Думаю, некоторые из нас боятся. Я плохо разбираюсь в технике. Машины для меня — загадка. Мне хотелось бы уметь в этом разбираться.

Но мои мысли и ответ Иити, если таковой был, стерлись. Мы начинали посадку. Перегрузки были вдвое сильнее, чем я испытывал раньше. Мое уважение к Хоури возросло. Он был очень сильным, коль скоро ему приходилось часто испытывать такое. Мой последний всплеск страха совпал с нашей посадкой. А что если автоматика не сможет выбрать подходящее место, или наш корабль свалится в какое-нибудь озеро, или вообще опрокинется? Я ничего не смогу сделать, чтобы предотвратить это, равно как и другие подобные катастрофы.

Потом я открыл глаза и почувствовал резкую боль. В следующий момент я ощутил на себе действие гравитации и понял, что мы совершили посадку. Пол корабля располагался горизонтально. Стало быть, место для посадки было выбрано правильно.

Иити выбрался из-под ремня, которым была перетянута моя грудь и его тело. Меня раздражало то, как быстро Иити приходил в себя после перегрузок. Я же долго не мог оправиться. Я думал, что тот удар газовой горелкой убил его. Но когда он извернулся, чтобы укусить руку Хоури, на его теле не было ни единого кровоподтека.

— ...посмотри, где мы, — Иити уже вышел из кабины. В тишине я слышал, как царапают по лестнице его когти. Я последовал за ним, но гораздо медленнее. По пути я остановился, чтобы подобрать тубик с тонизирующим средством. Оно понадобится Хоури, а нам нужен этот патрульный. По крайней мере до тех пор, пока мы не поймем, где мы находимся, и что нас ждет.

Глаза патрульного были открыты и смотрели на Иити так, что сразу было ясно, что он хочет видеть мутанта меньше всего. А Иити сидел на его законном месте, месте пилота. Впервые за то время, что я знал его, мой товарищ выглядел крайне озадаченным.

Приборная доска была оснащена экраном. Но кнопка, включающая его, находилась слишком далеко от Иити,

хотя пилот со своего кресла легко дотянулся бы до нее. Ийти пытался забраться как можно выше и изо всех сил вытягивал шею. Но его нос все равно не доставал до кнопки. Я пересек кабину и нажал на нее.

На экране появилась картинка. Мы стояли вплотную к скале. Она была такого же желто-серого цвета, как и те скалы, в которых проделывали туннели цивилизации предтеч. Но поверхность этой скалы была сплошной.

Хоури заговорил.

— Нажми на тот рычаг.

Он был связан, поэтому ему пришлось указать нужный рычаг подбородком. Я покорно нажал туда, куда мне указали.

Теперь скала стала медленно двигаться мимо нас. Затем мы увидели то, что находилось слева от нас: небо и верхушки деревьев.

— Нажми, — зло приказал Хоури, — нажми на рычаг. Нам нужно опуститься до уровня земли.

Было ощущение, что мы падаем, так резко опустилось поле нашего зрения. Верхушки деревьев превратились теперь в кроны больших кустов. От земли, как обычно после приземления корабля, поднимался дым. Между нашим кораблем и зеленой стеной растительности виднелась полоска выжженной земли. Однако я нигде не видел таких огромных деревьев, какие встретились мне при первом приземлении на эту планету.

Поблизости не было ни развалин, ни остатков старого корабля, ни шпиля корабля Гильдии, чего я боялся больше всего. Экран продолжал показывать нам окружающую местность. Она выглядела довольно пустынной. Было абсолютно непонятно, как далеко от нас расположен лагерь Гильдии.

— Не очень далеко, — Ийти обозревал окрестности. — Есть много способов обнаружить корабль, особенно на такой планете, где радиовещание не создает помех. Он уже подумал об этом...

Мутант указал на Хоури. Я повернулся к патрульному.

— Что ты об этом думаешь? Мы вернулись на ту же планету. Я знаю эту растительность. Сможешь обнаружить корабль Гильдии или их лагерь?

— С чего бы это?

Он не пытался высвободиться из пут. Вместо этого он расслабленно лежал, словно происходящее его не касалось.

— С какой стати я должен отдать себя в руки твоих друзей? У тебя проблемы, Джерн, разве нет? Если ты взлетишь, корабль доставит тебя на мою базу. Оставайся здесь. Рано или поздно твои друзья придут за тобой. Тебе лучше пойти на сделку с ними. Возможно, тебе удастся использовать меня в качестве аргумента.

— Ты не оставляешь мне никакого выбора, — резко возразил я. — Они не мои друзья, и я не собираюсь с ними торговаться.

Искушение подтвердить, что его предположение верно, было велико. Но стоило ли играть в такие грязные игры? Ведь в будущем мне могла понадобиться помощь Хоури. Корабль может взлететь и без помощи пилота, но я не знал точно есть ли на корабле другие ленты с записью курса, смогу ли я с их помощью самостоятельно изменить курс. Времени на обучение не оставалось. Ведь нас, возможно, уже засекли.

Я... мы нуждались в Хоури. Но нам не стоило показывать этого, иначе он может сыграть на этом. Нужно было убедить его объединить силы и заключить на короткий срок перемирие.

Я попробовал изменить тему:

— Ты знаешь, что они здесь ищут?

— Нетрудно догадаться, они пытаются найти место, откуда были добыты эти камни.

— Которые... — медленно промолвил я, — нашел Иити, но не смогли обнаружить они.

Я боялся, что Иити начнет все отрицать, но он даже не пытался включиться в наш разговор. Мутант по-прежнему смотрел на экран, словно вокруг не существовало ничего

более важного. Хотя я и действовал на ощупь, меня приободрило то, что он не стал опровергать мои утверждения.

— Ну и где же это?

Думаю, Хоури знал, что я не дам ответа на этот вопрос. На экране показался просвет в стене из растений. Недалеко от того места, где мы приземлились, и где земля была выжжена, виднелся песчаный откос ярко-желтого цвета. Такого яркого цвета я не видел нигде на этой унылой планете. Склон был похож на берег озера. Вода в озере не была темной и покрытой тиной и, казалось, не скрывала в своих глубинах всяких тварей. Похоже, что озеро образовалось не в результате наводнения. Вода в нем была ослепительно зеленой, так же, как и песок был ослепительно желтым. И озеро, и песок походили на драгоценные камни, оправленные в тусклый металл.

— Эти камни, — начал я свою лекцию вкрапляя истину в поток слов, — ищут друг друга. Один может привести к другому. Если только не сопротивляться силе их притяжения. Ийти забрал с собой кольцо прямо перед тем, как приземлился корабль Гильдии. Камень тянул нас за собой, и Ийти пошел туда, куда направлял камень. Он нашел источник притяжения...

Ийти не подавал вида, что слышит мои слова. Он по-прежнему смотрел на экран, полностью отгородившись от всего. Вдруг он издал один из тех звуков, которые я от него слышал. Он открыл рот, обнажив острые зубы, и зашипел. Я озадаченно посмотрел на экран.

Глава 16

Видеоискатель поворачивался. То, что мы сейчас видели, судя по всему, находилось в другой стороне от корабля. Если в других местах этой планеты не наблюдалось признаков цивилизации, то это выглядело иначе.

Рукав озера образовывал небольшую бухту. Посередине располагалась платформа из каменных блоков. Платформу окружал низкий парапет, на котором стояли колонны

в форме голов. Каждая так отличалась от предыдущей, что становилось ясно, что они изображают представителей различных видов. Но самой странной вещью был не внешний вид колонн, а то, что в каждом из четырех углов клубился зеленоватый дым, цвет которого напоминал цвет воды в озере. Должно быть, колонны были внутри полыми, и в них горел огонь.

И все же, кроме дыма на поверхности платформы не наблюдалось никаких признаков жизни. Платформа полностью просматривалась и казалась совершенно необитаемой, если только кто-нибудь не спрятался за низким парапетом. Ийти продолжал шипеть, а шерсть на спине встала дыбом от затылка до кончика хвоста.

Я изучал колонны, пытаюсь разглядеть хотя бы в одной из них смутное напоминание о том, что я видел на тех планетах, где мне довелось побывать. Я узнал четвертую от ближайшей дымящейся головы.

— Динал! — произнес я вслух, так как вспомнил музей на Ионе, куда Вондар был приглашен на показ частной коллекции драгоценностей из космоса. В музее находился массивный браслет, слишком большой, чтобы его мог носить на руке человек. На том браслете было изображено такое же лицо, как и на колонне. Этот браслет был довольно древним и принадлежал одной из цивилизаций предтеч. Судя по легенде, рассказанной закатанами, на браслете был изображен обитатель Динала. Но о них было известно слишком мало.

Из двенадцати голов я узнал лишь одну. Но каждая, несомненно, изображала представителя определенной расы. Было ли это памятником древней, давно исчезнувшей конфедерации или империи, в которой были объединены представители различных рас?

У нас тоже были нечеловеческие союзники и партнеры (мы считаем лишь себя «людьми»). Среди них были произошедшие от рептилий закатане, произошедшие от птиц тристианцы, удивительные виерны и множество других. С одной или двумя расами мы имели лишь очень редкие контакты. Среди инопланетников, близких к гуманоид-

дам, тоже много разновидностей и мутаций. Даже проводя жизнь в странствиях, трудно увидеть всех.

Но реакция Иити на это место была настолько удивительной, он продолжал недоброжелательно шипеть, что я спросил:

— Что случилось? Этот дым — там кто-то есть?

Иити прошипел еще немного. Затем он встряхнул головой, словно сбрасывая с себя оцепенение.

— Сторрфф...

Этот странный звук ничего мне не говорил. Но Иити тут же быстро исправился, словно испугавшись, что, будучи в шоке, рассказал слишком много.

— Не важно. Это — старое заброшенное место, не представляющее особой ценности.

Казалось, что он пытается убедить в этом не нас, а себя.

— Дым, — напомнил я.

— Нюхачи... Все, что им не понятно, они пытаются превратить в новый культ, — он говорил очень уверенно. — Должно быть, они убежали, когда мы приземлились.

— Сторрфф, — произнес Хоури слово, которое нечаянно обронил Иити, — кто или что это?

Но теперь Иити полностью контролировал себя.

— Ничего, абсолютно ничего, что бы имело значение в последние тысячи планетарных лет. Это место давно мертво и забыто.

«Но только не для тебя», — подумал я. Он не ответил на вопрос. Стало быть, это была еще одна тема, которую он не хотел обсуждать и которая являлась частью тайны происхождения Иити. Он не стал объяснять, был ли Сторрфф одной из этих голов или само место так называлось. Но я понял, что он узнал его или какую-то его часть, и это было ему неприятно.

Но видеоискатель уже повернулся к тому месту, откуда мы начали свой обзор, к скале. Иити спрыгнул с кресла.

— Камень... — он направился к лестнице.

— Но зачем?

Однако казалось, что он не хочет проинформировать нас и об этом. Я подошел к Хоури, держа в руках тони-

рующее средство. Открыв тубик, я поднес его к губам Хоури и ждал, пока он выпьет содержимое. Стоит ли держать его связанным? Возможно, еще некоторое время. Когда с тоником было покончено, я последовал за Иити, оставив Хоури связанным.

На крышке ящика кольца не было. Вместо этого на месте, где находилось кольцо, виднелось пятно необработанного металла. Иити стоял у противоположной стены, опираясь на нее передними лапками и глядя куда-то вверх.

Кольцо приклеилось к стене, словно было к нему приварено. К счастью, оно было обращено к стене не ободком, а камнем. Я попытался оторвать кольцо от стены, и это оказалось непростой задачей. Мне пришлось приложить все силы. Камень блестел.

— Платформа в бухте... — высказал я свое предположение вслух.

— Именно так, — Иити взобрался мне на плечи, — пойдем, посмотрим, что там и как.

Я остановился у полки с оружием. Кольцо, зажатое в левой руке, больно тянуло ее. Лазер в руке заставлял чувствовать себя более уверенно.

Трап спустился на землю, и мы вышли на яркий солнечный свет. Моя рука тянула меня в сторону. Обугленная земля была горячей и жгла мне ноги, обутые в легкую обувь. Поэтому мне пришлось подпрыгивать. У подножия скалы я повернул к бухте, позволяя кольцу вести себя.

— В этой скале не велись разработки.

— Камень не из этого мира, — Иити говорил с уверенностью, — но здесь, — он указал на платформу, — есть что-то такое, что притягивает его сильнее, чем тайник в руинах. Посмотри на камень!

Даже при свете солнца было видно, как камень сияет. Жар, исходивший от кольца, был настолько сильным, что, казалось, мог бы сжечь мою руку, но я все же не разжимал ее. Я боялся, что кольцо вырвется из руки и улетит, а мы не сможем найти его.

Я с трудом пробирался по песку, в который мои ноги проваливались по щиколотку. Песок был скорее похож на

пудру, и то, как он меня затягивал, мне не нравилось. Наконец я достиг кромки воды. Несмотря на бриллиантовый блеск, она не была прозрачной, и я не мог судить о ее глубине. Кольцо тащило меня вперед, и мне приходилось сопротивляться изо всех сил. Я также не видел возможности забраться на платформу, так как она поднималась высоко над водой. Кроме того, ее поверхность казалась абсолютно гладкой.

Если бы я перестал упираться и последовал за кольцом, то непременно попал бы в одну из тех ловушек, которые устраивает эта планета. Только ловушка была очень нетерпеливой, и сама приближалась ко мне. Изумрудная поверхность взорвалась водяным фонтаном, и из глубины показалась голова, на три четверти состоящая из омерзительной пасти, из которой торчали клыки. Голова выражала крайний голод.

Я выхватил лазер и отбежал от воды, затем выстрелил, и луч попал прямо в эту ужасную пасть. Животное бешено забилося, не издавая при этом ни одного звука. Его тело было покрыто толстой чешуей. Скорее всего, случайность помогла мне попасть в его наиболее уязвимое место. Животное тонуло, но продолжало извиваться так яростно, что вода вокруг превратилась в зеленую пену. Плывая по направлению к платформе, оно несколько раз показалось над водой.

Спустя мгновение, животное начало дергаться из стороны в сторону. Я заметил, что вокруг него собрались какие-то существа, которые стали рвать животное на части. Я очень вовремя получил предупреждение и не стал пытаться пересечь бухту.

— Нюхачи... — вспомнил я слова Иити, — если они используют эту платформу как храм, то как же туда добираются?

Может, они и не боятся подводных тварей? Но в это я не очень-то верил.

— Мы еще не смотрели с другой стороны, — бросил реплику Иити, — нам стоит исследовать то направление.

Кольцо продолжало настойчиво тянуть меня, но я, преодолев его тягу, пошел сначала параллельно платформе, а затем в сторону от нее.

Когда мы дошли до противоположного края бухты, я понял, что Ийти, как всегда, оказался прав.

На песке лежало множество молодых побегов и жердей, связанных между собой плетеными веревками. Эта конструкция была закреплена так, что соединяла берег и платформу, хотя и располагалась почти отвесно.

Кольцо вновь потянуло меня, мне даже показалось, что его тяга стала сильнее, я бы даже сказал, нетерпеливее. Я побежал, вернее, попытался бежать, так как песок мешал мне. Моя левая рука сжимала кольцо настолько крепко, что пальцы свело судорогой. Рука была вытянута вперед, по направлению к платформе.

Достигнув моста, я задумался, что делать дальше: отпустить кольцо или убрать лазер в кобуру. И то и другое было довольно рискованно. Я не был уверен, что смогу передвинуть мост даже с помощью обеих рук. Шесты, из которых он был сделан, побелели. Возможно, они были легче, чем казались, но все же...

Осторожно, вспотев, как после еще одной драки с Хоури, я подтянул руку с кольцом к груди, расстегнул комбинезон и убрал кольцо внутрь. Кольцо пыталось вырваться наружу, но ткань была достаточно прочной, и я не сомневался, что она выдержит напор.

Лазер был заткнут за пояс, и я поспешил заняться мостом. Тот был довольно громоздким, но мне повезло: он оказался легче, чем я думал. Я поднял его и переместил так, чтобы его противоположный конец уперся в стену. Не успел я это проделать, как карман на груди расстегнулся. Ткань выдержала напор кольца, а вот замок не смог.

Я попытался схватить кольцо, но промахнулся. Победно сверкая, он полетел в сторону платформы. Теперь оставалось лишь следовать за ним.

Мне пришлось ползти на четвереньках, а Ийти мелькал впереди черной точкой. Взбираясь по лестнице, я чувств-

вовал себя уязвимым. Мост угрожающе раскачивался под моей тяжестью. Я боялся, что он в любой момент соскользнет со своей опоры, и я окажусь в воде.

Кроме того, могли вернуться нюхачи. А мне вовсе не хотелось вступать с ними в схватку на этом крайне ненадежном мосту. Наконец я смог протянуть руку, ухватиться за твердую каменную поверхность и спрыгнуть на платформу.

Меня окутал дым из ближайшей головы, и я чихнул. Секунду-другую я думал, что в центре платформы горит, но не дымится, пятый костер. Ийти осторожно кружил вокруг этого огня. Он оказался не костром, а кольцом, которое представляло собой такой сгусток энергии, какого я никогда не видел.

— Не подходи к нему! — предупреждение Ийти остановило меня. — Оно слишком горячее, чтобы брать его в руки. Оно пытается добраться до того, что притягивает его столь сильно. Теперь, оно либо погубит себя, либо доберется до того, что ищет. Мы не можем его контролировать.

Я опустил на одно колено, чтобы лучше разглядеть его. Камень вышел из-под нашего контроля? Да ведь так было всегда. Мы смогли воспользоваться его помощью на корабле. Но оно очень легко освободилось. И всегда было так: мы — вернее я — подчинялись ему, а не он нам.

Ийти был прав. От кольца исходил ужасный жар, как от печи. Оно излучало ослепительное сияние. Я попятился от света и жара, и пятился до тех пор, пока не прижался к стене, рядом с одной из голов.

Ийти был прав, предполагая, что всплеск энергии может уничтожить кольцо, сжечь его дотла. Но если оно искало смерти, то готовилось погибнуть в блеске славы.

Я закрыл от этого яростного света не только глаза, но и лицо. Ийти не было рядом. Я надеялся, что ему удалось укрыться с другой стороны этой преисподней.

— Именно так, — получил я известие от Ийти. — Оно все еще пытается прорваться сквозь преграду.

Я не пытался даже наблюдать за его борьбой. Огонь мог ослепить меня. Даже зажмурив глаза, закрыв их руками и отвернувшись к стене, я чувствовал исходящий от кольца жар. Как долго я смогу это терпеть? Если жар усилится, я получу серьезные ожоги или вынужден буду прыгнуть в озеро. Выбор был небогат.

Внезапно жар пропал! Камень погас...

Опершись о стену, я встал на ноги. Затем я отнял руки от лица и открыл глаза, не решаясь взглянуть на то, что лежало передо мной.

Я был уверен, что увижу кучку золы. Но вместо этого я увидел отверстие правильной четырехугольной формы. Камень прожег некое подобие двери. Снизу был виден огонь, но он уже был не таким ярким, как прежде, и не резал глаза.

Ийти уже подбежал к отверстию. Я видел, что он вытянул шею и заглянул вниз. Но я передвигался с большой осторожностью, прощупывая каждый блок, на который собирался наступить. Отверстие в полу напоминало дверцу ловушки, и мне не хотелось туда попасть.

Поверхность под ногами казалась довольно прочной, и, сделав последние осторожные шаги, я присоединился к своему компаньону и заглянул внутрь. Мерцающее кольцо лежало на ящике, подобном тому, какой я видел на древнем корабле. Камни, лежавшие в нем, казались более живыми, чем их собратья на корабле и в руинах. Их свет, пробиваясь сквозь щели ящика, заливал все вокруг.

Судя по всему, платформа была лишь одной из стен внутренней комнаты, представлявшей собой подобие хранилища. Вдоль его стен ровными рядами стояли ящики, совершенно не испорченные временем. Все были плотно закрыты. Не видно было ни единой, даже тонюсенькой щели.

Я их изучал некоторое время. И только потом что-то в их форме и размере заставило меня почувствовать себя неловко. Длинные, узкие, не слишком глубокие... Может это?..

— Разве ты не видишь? — спросил Ийти. — Они не предавали своих покойников огню. Они прятали их в ящики,

словно хотели укрыть их от земли и течения времени! — Ийти говорил очень холодно.

— Но эти камни! Если это могила, зачем оставлять здесь эти камни?

— Разве ты не знаешь, что у многих народов существует обычай хоронить вместе с усопшими сокровища, чтобы они могли унести с собой в Вечную Тьму то, что ценили больше всего при жизни?

— Да, такие обычаи существуют, но у примитивных народов, — согласился я. — Но чтобы так поступали те, кто смог покорить космос! Нет, этого не может быть.

Я заметил еще кое-что. В то время как многие из этих ящиков действительно напоминали гробы, что позволяло считать заявление Ийти правдой, а не фантазией, другие были абсолютно иных размеров.

Ийти прервал мои размышления.

— Оглянись вокруг! — он покачал головой из стороны в сторону, указывая носом на ровные ряды ящиков. — Разные народы имеют разное строение тела. Это общая могила для представителей разных рас.

— И всех их хоронили по одинаковому обряду? — спросил я. — Ведь даже представители одной расы воздают почести мертвым и прощаются с ними по-разному. Я не представлял, что можно найти склеп с таким количеством гробов...

— И все же так бывает, — ответил Ийти, — предположим, что на этой планете высадился гарнизон или экипаж корабля, состоящий из представителей различных рас. У них не было возможности вернуться домой. Но они надеялись, что в будущем их соотечественники смогут отыскать их последнее пристанище.

Моя фантазия заработала.

— А камни? Это плата за их возвращение на родину и подобающие похороны?

— Именно так. Камни — плата за похороны.

Как долго они ждали здесь? Существуют ли еще миры, где они родились? Или же эти миры давно умерли? Или находятся на другом краю галактики? Почему те, кто по-

строил эту платформу, остались здесь? Может, их империя была раздроблена и погибла во время какой-то внезапной войны? Может, спасательный корабль не прилетел за ними? Может, разрушенный корабль, лежащий неподалеку от руин, был их последней надеждой на спасение, но погиб у них на глазах в результате какой-то катастрофы? А может, тот корабль, что мы встретили в космосе, и был тем спасательным кораблем, которого они ждали? Поняв, что спасения не будет, они построили этот склеп, чтобы рассказать о себе потомкам?

Я переводил взгляд со стены на стену. Но на них не было никаких надписей. Я еще раз взглянул на головы на парапете. При ближайшем рассмотрении можно было заметить, что они подверглись действию времени, хотя и в меньшей степени, чем руины, которые я видел. Были ли они точными портретами тех, кто покоился внизу, или воспроизводили тип расы?

Шесть из них не были гуманоидами. Одна напоминала насекомое, по меньшей мере две представляли рептилий, а одна — грызунов. Другие были гуманоидами, напоминающими мою собственную расу. Две головы мало чем отличались от современных космических путешественников. Всего их было двенадцать. Но что привело на эту планету такую пеструю компанию?

Я повернулся к Иити.

— Здесь должен быть источник камней, и эти люди прибыли сюда за ними.

— И так тщательно очистили все галереи? Кольцо вело не туда. Я не верю, что это правда. Должно быть, эта планета служила им промежуточной станцией. А может, здесь кроется что-то другое, чего мы не можем знать. Но факт остается фактом — мы нашли в тайнике камни. Там их было достаточно, чтобы, как считает патрульный, подорвать экономику любого государства. Человек или люди, которые найдут их, смогут управлять космосом до тех пор, пока камни будут оставаться у них.

Я вернулся к отверстию.

— Свет начал меркнуть. Может, и камни тоже...

В склепе стало темнее. Ийти всего за несколько прыжков пересек платформу и забрался на парапет. Он смотрел на корабль лишь мгновение. Весь его вид говорил о том, что он встревожен чем-то, чего я не видел и не слышал. Затем он так же быстро вернулся ко мне.

— Вниз! — он ударил меня в грудь. — Вниз!

Меня не надо было просить дважды. Я опустил ноги в отверстие, а затем повис на руках и спрыгнул с грохотом вниз, задев при этом ящик с камнями. Свет, который они излучали, был слишком бледным, но мне этого хватило, чтобы выбрать место для приземления.

Я взглянул вверх и увидел вспышку света, которая пронеслась как раз над отверстием, едва не задев парапет. Лазер! Но не ручной. Судя по всему, выстрел произведен с корабля.

Ийти забрался на ящики. Он старался держаться на безопасном расстоянии от отверстия, но вблизи стены, которая обращена к кораблю, и приложил голову к каменным блокам, словно надеялся что-то услышать с их помощью.

Я положил руку на кольцо. Оно было все еще теплым и слегка мерцало, но уже не представляло опасности для того, кто его возьмет. Оно на удивление легко отцепилось от ящика. Для сохранности я вновь убрал его за пазуху и проверил прочность застежки комбинезона.

Я вновь взглянул на Ийти. Блеск меркнул, но не пропал совсем. Так что я мог его разглядеть.

— Хоури? — спросил я.

— Именно так. Возможно, он воспользовался чем-то, о чем мы не догадались. Каким-то образом смог освободиться. Однажды он уже пытался убить нас, но ему это не удалось. Теперь он ищет другой, более эффективный способ справиться с нами.

— Он сможет взлететь и привести сюда Патруль?

— Нет. Мы оскорбили своими действиями его достоинство. В его визите сюда было нечто большее, чем я смог узнать из его мыслей в первый раз. Возможно, он обладает

какой-то внутренней защитой. Кроме того, он думает, что если оставить нас здесь, мы объединимся с силами Гильдии и будем вне досягаемости, когда он вернется с подмогой. Нет, прежде чем покинуть эту планету, он убьет нас и заберет кольцо.

— Может, он и не убьет нас, но как мы выберемся отсюда? Выбраться на платформу — значит подставить себя под луч лазера. Ему стоит лишь ждать. Время работает ему на руку.

— Не совсем так, — сообщил Иити, — если Гильдия оставила здесь людей, а у нас есть все основания верить в это, то они наверняка засекли наше приземление. Они захотят узнать, кто приземлился. Вспомни, они ведь схватили Хоури в первый раз, и довольно легко. Только я не пойму, почему.

Я не обратил внимания на рассуждения Иити о прошлом.

— Мы можем находиться совсем на другой стороне планеты.

— Наверняка у них есть небольшой летательный аппарат. Он им необходим для разведки. Они придут сюда. Думаю, мы находимся не так уж далеко от их лагеря. Руины были некогда частью этого же поселения. Могила не может располагаться слишком далеко от них.

— Если это вообще могила. Так что же, мы будем сидеть здесь и ждать, пока они придут за Хоури? Но мы-то что выиграем от этого?

— Ничего, если будем просто ждать, — спокойно ответил Иити.

— Но как мы выберемся отсюда? Одного нашего желания недостаточно, — сказал я. — Если мы высунемся наружу, он сожжет меня. Тебе-то наверняка удастся спастись.

Иити по-прежнему прислушивался.

— Именно так. Интересная задачка, ты не находишь?

— Интересная! — я начал терять терпение. Ситуацию, в которой мы находились, можно было назвать, как угодно, только не интересной.

Глава 17

Моя рука то и дело ощупывала кольцо за пазухой. Оно привело нас к умершим, и мы будем лежать здесь не одни. Я окинул взглядом склеп. Свет почти погас, тени подкрадывались к нам из-за зловещих ящиков. А за ними была только каменная кладка. Но даже если бы мы смогли обратиться с противоположной от корабля стороны, нам все равно нужно еще пересечь воду.

Кольцо... Оно уже не раз спасало меня и Иити. Хотя это могло происходить случайно, пока оно искало себе подобных. Сможет ли оно нас как-то вывести отсюда? Хоури очень хочет его получить.

Я взглянул на Иити, казавшегося едва различимым пятном на фоне стены.

— Ты можешь проникнуть в мысли Хоури с этого расстояния?

— Если это необходимо, думаю, что смогу. Мне кажется, что у него довольно простой образ мыслей, почти как у тебя.

— Насколько сильно ты сможешь повлиять на него, если вступишь с ним в контакт?

— Лишь слегка. Нужно, чтобы желание вступить в контакт было обоюдным. Патрульный не доверяет мне и не захочет открыть свой разум. Нужно будет сломить его сопротивление. Без этого я не смогу полностью подчинить его волю.

— Но ведь ты смог подчинить меня.

Я сам не знал, что хочу от Иити. Я пробирался на ощупь. Если я приму правильное решение, это будет означать жизнь, а если нет... Тогда может быть только хуже, чем сейчас.

— Только когда ты сам был согласен. Но и то не всегда. Представителям твоего народа присуще упрямство, которое не позволяет подчинять вашу волю. Хочешь ты вступить со мной в контакт или нет, мне приходится бороться.

— Но Хоури этого не знает. Он знает только то, что ты можешь мысленно общаться. Он знает, хотя и не хочет при-

нять это, что ты — не животное. Предположим, нам удастся заставить его поверить, что ты полностью подчинил меня, и я лишь был твоими руками и ногами. Предположим, что я выйду отсюда и скажу, что ты мертв, а я освободился. Я скажу, что единственное мое желание — улететь вместе с ним, и отдам кольцо.

— Но каким образом ты собираешься объяснить ему это? — осведомился Ийти. Он покинул свое место у стены и сидел теперь напротив меня и смотрел мне в глаза. — Как только ты появишься на платформе, он немедленно сожжет тебя.

— Сможешь изобразить свою смерть так, чтобы он это видел?

Ийти был изумлен.

— Это когда хватают за горло и бьют? — спросил он, подумав. — С лазером такое не пройдет — я сразу же превращусь в комок паленого меха. Но даже если мы убедим Хоури в том, что я погиб, что тогда?

— Я выйду ошеломленный, испуганный, готовый сдать-ся в плен.

— А я потом приду тебе на помощь? Мы уже неоднократно проделывали это. Нет, я не верю, что Хоури такой доверчивый. Нельзя его недооценивать. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, что у него есть защитный экран. Я читаю лишь то, что лежит на поверхности. Возможно, лишь то, что он разрешает мне читать. Ты же сам сказал как-то, что противника нельзя недооценивать. Хотя в твоём предложении есть разумное зерно. А может, мы инсценируем твою смерть?

— Но он тебя ненавидит. Он не станет с тобой связываться.

— Да, это проблема. Представителям твоего вида была привита идея, что размеры тела и мускулатура значат много. Он ненавидит меня за то, что я такой необычный, за то, что не признаю его превосходства. Поэтому он не станет убивать, а доставит меня своему начальству, удовлетворив

свое самолюбие. Пока нам удавалось перехитрить его, и это озлобило его. Мне бы хотелось знать больше. — Ийти помолчал. — Он для меня загадка. Он достаточно умен, чтобы понимать, что время — его враг. Ты думаешь, он не догадался, что отряд Гильдии находится на пути сюда? Им не заставить его покинуть корабль. Ему нужно лишь кольцо, чтобы взлететь. Ему нужно кольцо, а значит — я. А ты — просто недоразумение.

— Спасибо! — такое решение проблемы не вызывало протеста. — Итак, я умираю...

— Но он должен отчетливо это увидеть. А я, в свою очередь, попытаюсь завладеть его умом, пообещав солнце, луну, звезды. И все это с помощью кольца. Думаю, он выстрелит в меня...

— Но...

— Я не думаю, что оружие оправдает его надежды. Он оттащит меня на корабль, запрет и после этого сможет взлететь.

— Ты оставишь меня здесь? Но...

Ийти опять был озадачен.

— Я же сказал, что не смогу контролировать Хоури без его содействия. Но есть возможность, что на короткое время у меня это получится. Если он будет думать, что я полностью в его власти, он, надеюсь, ослабит контроль. Не стоит напоминать, что это очень короткий отрезок времени. Я — его шокированный и покорный пленник, а ты — мертв. Он полностью контролирует ситуацию...

— А если шокер убьет тебя?

— Ты хочешь дожидаться здесь смерти? — возразил Ийти. — Как можно знать заранее, когда на плечи обрушится удар, направляемый властной рукой судьбы? Ты хочешь сидеть и ждать, пока Гильдия или Хоури применит какое-нибудь тяжелое орудие, которое сожжет нас, а расплавленные скалы будут булькать у наших поджаренных ушей. Я прочитал в твоём сознании, что у меня есть прекрасная возможность выполнить свою задачу. Заточение не бывает постоянным, а ко всяким механическим приспособлениям, например клеткам, всегда можно подобрать ключ.

Возможно, сотрудничество с Иити приучило меня доверять тому, что он говорит. А может, мне просто очень хотелось верить, что его план сработает. Кроме того, я не придумал ничего лучшего. Я молча согласился и спросил:

— А как я симулирую смерть от лазера, не обгорев? От этого оружия не спрячешься и не спасешься. Хоури не станет целиться мимо моей головы. Он постарается выстрелить как можно точнее.

В склепе царил полумрак, и я видел Иити не совсем четко. Если он даст убедительный ответ, я признаю, что в нашей компании — главный.

— Я могу дать тебе пять, может, десять ударов сердца... — медленно ответил он.

— Чтобы я сделал что? Сделать вид, что я прыгаю в озеро? Но как...

— Я могу немного воздействовать на Хоури и слегка испортить его зрение. Он будет думать, что целится в тебя. Но это будешь не ты.

— Ты уверен? — мурашки побежали у меня по спине. Ни один представитель не сможет воспринимать смерть от огня хладнокровно.

— Я уверен.

— А что если он захочет взглянуть на останки?

— Я вновь испорчу его зрение, правда, ненадолго.

После долгого молчания, он продолжил более живо:

— А теперь давай обговорим предстоящую сделку.

— Сделку? — я все еще думал о том, что у нас, возможно, ничего не получится.

— Здесь находится ящик с камнями. Думаю, без кольца их не обнаружить.

— Кольцо, — я вытащил его из-за пазухи. — Ты возьмешь кольцо, а камни оставишь здесь в качестве приманки?

Иити обдумывал это.

— Нет, у него нет на это времени. По крайней мере, не сейчас. Дай мне кольцо. Этот ящик нужно спрятать. Он не должен увидеть камни, когда придет за мной.

Я напряг все свои силы, чтобы сдвинуть с места ящик и спрятать его позади гробов.

— Так, — Иити сел на ящик, — он не выстрелит, пока ты не высунешься из отверстия и не бросишься к парпету. Лазерный луч может ударить достаточно близко от тебя. Ты даже почувствуешь жар от него. Остальное зависит от тебя.

Здравый смысл приказывал мне остановиться, когда я карабкался вверх, пытаясь ухватиться за края отверстия. Если, если и еще раз если...

Иити внезапно выскочил наружу и устремился к парпету. У меня было лишь мгновение. Я упал, почувствовав обжигающую боль в боку. Боль была настолько сильной, что я на мгновение потерял сознание. Я почувствовал, что моя одежда дымится. Иити подбежал ко мне и начал дергать меня за одежду, словно пытался поднять. На самом же деле он сбивал языки пламени.

Его сознание было закрыто от меня. Но я знал, что он держит защиту, ожидая следующей атаки со стороны нашего общего врага. Внезапно он напрягся, завалился назад и остался лежать без движения, хотя его глаза были открыты, а бока вздымались. Хоури использовал шокер, как и предполагал Иити. Но насколько эффективно? Но я не мог спросить об этом Иити.

На одной из передних лапок Иити было надето кольцо. Его удары по моей дымящейся одежде посторонний наблюдатель мог бы расценить, как поиски кольца. Мы лежали, не двигаясь. Я — на животе лицом к Иити, а он плашмя. Его лапки были напряжены. Где же Хоури?

Мне показалось, что мы лежали несколько часов. Возможно, за нами наблюдали с корабля, поэтому мы не имели возможности пошевелиться. Я упал, сраженный обжигающим лучом. Я не ожидал этого удара. Моя правая нога подвернулась, и теперь ее свело судорогой. Я буду не в форме, если мне вдруг придется драться с Хоури. Он будет дураком, если не поджарит нас тут же.

Но Иити был уверен, что нужен патрульному. Ему удалось упасть настолько близко ко мне, что если бы Хоури

вздумал выстрелить в одного из нас, он непременно убил бы другого.

Я не мог поднять голову, чтобы увидеть линию берега. Она была скрыта от меня парашютом. Откуда ни возьмись, появились какие-то крылатые насекомые и начали жужжать над нами, а затем сели мне на тело. Я не мог согнать их, чтобы не показать того, что жив. В который раз мне предстояло убедиться, что самое жестокое испытание для человека — ожидание.

Затем я услышал потрескивание. Кто-то или что-то карабкалось по мосту. Хрупкое сооружение скрипело и трещало под его тяжестью. Какая-то тварь с множеством лап ползла у меня по щеке, и я съеживался от его прикосновений.

Мое поле зрения было сильно ограничено. Я не мог смотреть в том направлении, откуда должен был появиться Хоури, но слышал металлический лязг подошв космических ботинок по каменной поверхности.

Что же теперь? Завершит ли Хоури начатое, направив на меня дуло ручного лазера? Или он все еще находится под действием иллюзии, которую обещал Иити? А может, Иити действительно убит и не может обеспечить мне защиту?

Эти несколько мгновений были самыми длинными в моей жизни. Я бы не удивился, если бы постарел после этого на несколько лет.

В поле моего зрения оказались ботинки. Ползучая тварь отдыхала теперь на моем носу. Вниз опустилась рука, и я увидел рукав униформы. Она схватила Иити и подняла его в воздух. Я ждал выстрела.

Но (я не сразу поверил в это) ботинки повернулись и ушли прочь. Однако я не чувствовал себя в полной безопасности. Ведь Хоури мог повернуться и выстрелить в меня.

Я услышал, как удаляется лязг металлических подошв и вновь скрипит лестница. А что если Хоури уберет мост или сожжет его?

Сколько прошло времени, прежде чем я решился пошевелиться? Я все сильнее чувствовал потребность сделать это. Я лежал и терпел, сколько мог. Вдруг я услышал то, что

привело меня в отчаяние: звук убираемого трапа. Хоури вернулся в свою крепость и задраил люк. Неужели он собирался взлетать?

Я не стал больше ждать и, борясь с болью во всем теле, откатился в тень парапета. Затем я подтянулся, чтобы добраться до моста. Он был на месте. Хоури не стал уничтожать его. Возможно, он намеревался вернуться и обследовать это место, после того как убедится, что Иити и кольцо в надежном месте.

Скользя по хрупкому мостику, я занозил руки, но скоро достиг берега. Оказавшись на берегу, я бросился к кустам, опасаясь, что в любой момент меня накроет пламя выстрела.

Я не знал, что предпримет Хоури. Неопределенность ситуации, в которой я оказался, причиняла мне почти физическую боль. Приходилось полностью полагаться на Иити. Но он мог оказаться беспомощным пленником. Я готов был к самому худшему.

С моей точки зрения, единственным более или менее пригодным укрытием было место под стабилизаторами корабля. Если я, конечно, смогу туда добраться. Хотя нельзя было упускать из вида, что в любой момент Хоури может стартовать. В этом случае я сгорю в пламени, вырывающемся из сопл корабля. Отбросив всякую осторожность, я направился напрямик к кораблю и кое-как добрался до укрытия. Мой бок горел от боли. Луч лазера не попал в меня, иначе бы я был уже мертв. Но он прошел слишком близко и прожег мою одежду, оставив на ребрах красную рану.

Итак, мне удалось выжить. Но что теперь? Корабль заперт, Иити в плену, а Хоури держит ситуацию под контролем. Взлетит ли он? Или любопытство возьмет верх, и он захочет взглянуть на склеп еще раз? Кольцо! А что если он использует кольцо так же, как мы, и последует за ним? Но будет ли он настолько неосмотрителен...

— Мердок!

Зов Иити был так же требователен, как крик встревоженного часового.

— Я здесь!

— Он под моим контролем, но как долго... — связь с Ийти прервалась. Я напряженно ждал. Могу ли я сообщить ему, где нахожусь и что я абсолютно беспомощен перед закрытым кораблем? Если он перестал контролировать ситуацию, то мое сообщение попадет к Хоури. Я слишком мало знаю о его возможностях.

Затем я заметил скобы на стабилизаторах корабля. Наверное, они служили опорами для рук и ног при подъеме на корабль. Возможно, они приведут меня к какому-нибудь люку? Скорее всего, ими пользовались при проведении ремонтных работ. Но оставалась слабая надежда, что они доставят меня внутрь корабля.

Своими действиями я еще больше разбередил раненый бок. Боль была настолько нестерпимой, что я только усилием воли заставлял себя двигаться. Я добрался до верхней части стабилизатора. Но скобы не заканчивались здесь, вопреки моим опасениям. Скобы стали меньше, и ими было неудобно пользоваться. К счастью, рядом с ними я увидел контур люка.

Я попробовал позвать:

— Ийти!

Я был уверен, что мой призыв прозвучал так же резко, как и его. Ведь это был мой последний шанс.

— Люк... внизу... ты сможешь открыть его?

Я знал, что прошу невозможного. Но я упрямо карабкался вверх, держась за стенки корабля. Пот стекал у меня по лицу и рукам. Я рисковал сорваться вниз.

Но вокруг люка появилась щель. Он открывался. Я высвободил одну руку и изо всех сил ударил по нему. То ли мой удар ускорил процесс, то ли запоры открылись, но крышка люка отскочила в сторону.

Я оказался в помещении гораздо большем, чем то, в которое вел трап. В нем, занимая все свободное пространство, стоял одноместный флиттер, предназначенный для разведки.

Я не только обнаружил вход в корабль, но и возможный путь отступления. Прежде чем обогнуть машину и напра-

виться к внутреннему люку, я взял из флиттера один из инструментов, а точнее пробник для изучения состава грунта, и пристроил его так, чтобы люк не мог закрыться. Теперь, если Хоури захочет стартовать, корабль не взлетит. Ему придется закрывать люк вручную.

Внутренний люк не был заперт, поэтому я легко открыл его. Он выходил в коридор. У меня с собой был лазер. Кроме того, я прихватил из флиттера аптечку. Я привалился к стене, чтобы открыть ее, вытащил тюбик с заживляющим средством и обильно намазал им свой бок. Поверх раны сразу же образовалась корка, которая заглушила боль. Лекарство начало действовать, придавая мне новые силы и подвижность.

Затем, чувствуя себя готовым к встрече с врагом, я направился к лестнице. Я с кораблями был знаком только как пассажир. Разбирайся я в этом больше, непременно нашел бы способ незаметно пробраться с уровня на уровень. Мне же пришлось открыто идти к кабине пилота. Я был уверен, что встречу там и Хоури, и Иити.

Я больше не пытался вступить в контакт с Иити. Если мой последний призыв насторожил патрульного, то он наверняка догадался, что я на корабле, и успел подготовить ловушки.

У меня было небольшое преимущество. Я носил на ногах легкие вкладыши из космических ботинок. Материал был достаточно плотным, но успел истончиться. Отсутствие ботинок давало мне возможность двигаться бесшумно. Я осторожно делал шаг за шагом, поминутно прислушиваясь, не доносится ли сверху предательский шорох, и не заработал ли двигатель.

Я добрался до уровня, где располагалась кухня, и не слышал еще ни единого звука. Не получал я и сигналов от Иити. Тишина, окружающая меня, казалась зловещей. Я был уверен, что Хоури ждет меня. Как только я высунусь из люка в полу, тотчас же окажусь в его власти, уже почти достигнув цели.

У меня осталось несколько последних шагов. Я распластался на лестнице, стараясь превратиться в одно большое ухо, и слушал, и слушал.

— Я знаю, что ты внизу... — раздался голос Хоури. Но он звучал как-то тихо, неестественно, я бы даже сказал, безысходно, словно его обладатель старался преодолеть напряжение. Что могло привести его в такое состояние?

— Я знаю, что ты здесь! Я жду...

Чтобы сжечь мою голову, подумал я. Затем заговорил Ийти. Но он обращался не ко мне.

— В этом нет смысла. Ты не можешь убить его.

— Ты... Ты... — Хоури сорвался на крик. — Я сожгу тебя!

Я услышал шелчок лазера и прижался к лестнице. Потом я обнаружил, что карабкаюсь по лестнице, причем руки и ноги передвигались помимо моей воли. В воздухе чувствовался озон, и я увидел мелькание света.

Вновь заговорил Ийти.

— Твой страх уничтожит тебя, я уже говорил об этом. — Он казался очень спокойным. — Почему не послушаться здравого смысла? Ты же не глупый человек. Неужели ты не видишь, что временное сотрудничество — это единственный наш выход? Посмотри-ка на экран!

Я услышал, как Хоури выкрикнул что-то нечленораздельное. Затем ко мне обратился Ийти.

— Наверх!

Рванувшись, я преодолел последние две ступеньки, согнувшись и держа лазер наготове. Но он мне не понадобился. Хоури стоял спиной ко мне. Он держал в руке лазер, но рука эта безвольно висела. Он смотрел на экран монитора, и через его плечо я увидел, что сделало его таким рассеянным.

На другой стороне бухты из кустов показался квадрат блестящего металла. Наверху у него располагалось небольшое отверстие. Я никогда не видел ничего подобного, но догадался, что эта машина очень опасна.

Я не знал, насколько хорошо был защищен этот корабль, но наверняка есть такое оружие, которому он не сможет противостоять. Только немедленный взлет спас бы

нас. Однако пробник, который я воткнул в дверь люка, тормозил нас.

— Ийти! — не обращая внимания на Хоури, крикнул я, — я заблокировал нижний люк, мы не можем взлететь!

Я прыгнул в люк и бросился вниз по лестнице. С уровня на уровень я перебирался, падая и хватаясь за поручни. Затем с грохотом пробежал по нижнему коридору и обогнул флиттер. Я слишком глубоко воткнул планку в дверь люка и никак не мог ее освободить. Мне пришлось использовать лазер, и наконец планка упала. Я потянул слишком медленно закрывающуюся дверь, захлопнул ее и задраил со скоростью, на которую только был способен.

Тяжело дыша, я вновь устремился вверх. Останется ли решение Хоури в силе? Если да, то мне стоит добраться до амортизирующих подушек прежде, чем мы взлетим. Что же происходит в кабине пилота?

Я поднимался гораздо медленнее, чем спускался. Но все же старался не терять времени. Отчасти я подозревал, что могу быть встречен лучом лазера, или, по крайней мере, меня заставят повиноваться.

Но Хоури стоял, держа руки на клавишах управления. Из корабля вылетел луч. Экран позволял нам проследить его траекторию. Луч пролетел высоко над платформой и попал прямо в металлическое сооружение, медленно выходящее из кустов.

Однако мы не увидели зарева, которое непременно должно было последовать за таким ударом. Создавалось впечатление, что защитный экран поглотил луч, посланный Хоури.

Я оторвал взгляд от экрана, чтобы посмотреть на реакцию Ийти. Рядом с креслом пилота лежала обгоревшая, оплавленная масса. Судя по всему, раньше это была клетка для мутанта, и прослужила она не долго. Теперь Ийти забрался в кресло пилота и раскачивался в нем из стороны в сторону, не отрываясь от экрана, как и Хоури.

Через мгновение или два корабль затрясло, словно его ударил огромный кулак. Однако удар последовал не со стороны металлической машины, а сзади. Мы сосредоточили

внимание на одном враге и забыли, что могут быть и другие. Времени выяснять природу удара не было, мы могли только почувствовать его силу. Я смог удержаться на ногах, схватившись за спинку кресла. Хоури отбросило на приборную доску, а затем он упал на пол. На обеих приборных досках бешено заплясали огоньки.

Иити перепрыгнул со своего места на приборную доску. Корабль слегка наклонился, и мы поняли, что он уже недостаточно прочно стоит на стабилизаторах. Еще один такой удар и нас опрокинет. В таком случае мы будем также беспомощны, как морской обитатель, выброшенный на сушу.

— Амортизирующие подушки! — зазвенело в моих ушах предупреждение Иити. — Взлетаем!

Я схватился за Хоури и бросил его в кресло пилота, так что мы оба улеглись поперек него. Корабль задрожал, пробуждаясь. Я видел, как лапки Иити бегают по приборной доске, а сам он практически распластался на ней.

А затем я потерял сознание.

Глава 18

Я почувствовал неприятный привкус крови во рту. Сознание было затуманено...

— Мердок!

Я попытался поднять голову. Гладкая поверхность подомной вибрировала, проникая в тело и усиливая боль. Я откатился к стене и, цепляясь за нее руками, встал на ноги.

Борясь с головокружением, медленно обвел взглядом кабину. Иити все еще находился на краю приборной доски. Хоури тоже делал попытки встать на ноги. У него на подбородке виднелась рана, из которой сочилась кровь. Он двигался рассеянно, словно на ощупь.

Я повернулся к Иити.

— Нам удалось поднять корабль?

— Да, некоторым образом.

Казалось, перегрузки не подействовали на него.

— Опять прежним курсом? — я чувствовал себя немного лучше.

Хоури встряхнул головой, словно пытался сбросить с себя окутывающий его туман. Он смотрел на меня, но не мог сосредоточиться, словно вообще меня не видел. А если и видел, то не обращал на меня внимания. Он протянул руку, чтобы ухватиться за кресло пилота, затем с трудом уселся в него и расслабился.

— Мы летим прежним курсом, — его голос был очень слаб. — Опять вернулись на исходную позицию. Следующая посадка будет на базе Патруля. Или вы снова хотите развернуться?

Он даже не повернул головы, чтобы посмотреть на меня. Теперь он уже не был так открыто агрессивен, однако говорил все громче, и в голосе его слышалась решительность.

— Внизу Гильдия полностью контролирует ситуацию, — единственное, чего я хотел, это избежать внезапной мучительной смерти, которая преследовала меня слишком долго. Есть люди, любящие постоянное чувство опасности, но мне это не по вкусу. Я так устал, что не хотел ничего, кроме покоя. Как же найти выход из положения, чтобы ни Гильдия, ни Патруль не преследовали меня? Препятствием было то, что ни одна из этих организаций не хотела отступить от того, за чем охотилась. В этот момент я проклял тот день, когда впервые увидел предвечный камень. Но посмотрев на Иити и увидев на его лапке кольцо, я не смог отвести от него взгляд; так оно притягивало меня. Думаю, вряд ли я смог бы отдать его кому бы то ни было. Я был прочно связан с ним.

— Все напрасно... — вернул меня к реальности голос Иити. Я не сразу понял его, так далеко были мои мысли.

— Взгляни...

Его лапки что-то нажали, и на экране появилось изображение.

— Это было на экране, перед тем, как мы взлетели, — объяснил мутант, — изображение осталось.

Я видел платформу и головы так отчетливо, как будто мы пролетели прямо над ними. Я вспомнил, что корабль был немного накренен.

— Выхлопы ракет, — Иити вновь говорил своим привычным менторским тоном, — окутали платформу.

Он не стал распространяться на эту тему, но я все понял. Пламя ракет либо завалило, либо расчистило склеп. Если завалило, значит, тайник с камнями вновь скрыт от посторонних глаз. И мы были единственными, кто знал об их существовании! Можно ли это как-то использовать? Камни, которые мы видели в руинах, были практически истощены. А эти — в склепе — полны сил. Вероятно, они были лучшей частью из того, чем владели создатели склепа. Если Гильдии достанутся те, что в руинах, она будет побеждена теми, кому достанутся камни из склепа.

Я знал, что Иити читает мои мысли. Но он молчал, чтобы Хоури ни о чем не узнал. Мутант продолжал смотреть на экран, пока изображение не пропало.

— Они не найдут того, что ищут, — сказал он Хоури.

Патрульный обессиленно лежал в кресле. Кровь на его щеке засохла, а глаза были наполовину закрыты.

— Вы тоже ничего не получили, — невнятно произнес он.

— Мы и не хотели ничего получить, — возразил я, — кроме свободы.

Вдруг я почувствовал что-то странное, внезапный контакт с кем-то. Мысли Иити? Нет! Впервые я почувствовал соприкосновение с разумом человека, а не Иити.

Я постарался прервать этот контакт. Сначала мне тяжело было принять то, что Иити может подчинять мое сознание. Но я смирился с этим, так как Иити был представителем чуждого мне вида. То, что я чувствовал сейчас, было совсем другое. Помимо воли я был втянут в яростный поток, который закружил меня. Даже теперь, по прошествии времени, я не могу подобрать слов, чтобы описать, что тогда произошло. Я узнал все о Хоури, кем он был на самом деле. Ни один человек не может узнать столько о себе подобном. Это было слишком жестоко! Должно быть, он узнал точно так же обо мне. Я узнал, что он собирается предать меня самоличному суду, что он презирал меня за мою связь с Иити. Я узнавал, узнавал, узнавал... Казалось, это никогда

не прекратится. Я видел не только сегодняшнего Хоури, но и того, Хоури, каким он был много лет назад. Я узнал все, что сформировало его, как личность. Наверняка, он узнал то же самое обо мне.

Я тщетно боролся с силой, заставлявшей меня узнавать все это. Я боялся, что потеряюсь в этом другом разуме, что стану Хоури, а Хоури — мной. Мы будем так тесно связаны друг с другом, что в конце концов не будет ни Хоури, ни Джерна. Останется лишь неестественная бурлящая масса, которая борется сама с собой, попав в ловушку.

Затем я вдруг почувствовал облегчение и отрыв от потока сознания, словно какой-то водоворот сначала втянул меня, а потом выбросил. Я лежал на полу, и меня тошнило. Я вновь почувствовал свое тело и вновь обрел свою личность. Затем услышал шорох в кресле пилота. Слабость испытывал не я один. Слишком многое в последние несколько мгновений мы испытали вместе.

Я с трудом встал на четвереньки и пополз к стене, чтобы с помощью нее вновь встать на ноги. После чего медленно обернулся и посмотрел на Хоури. Он тупо смотрел на меня. Рядом с ним на полу лежало маленькое безвольное тельце...

Ийти!

Держась за стену — без ее поддержки я был беспомощен — я передвигался вдоль нее до тех пор, пока не поравнялся с Ийти. Я отпустил руки, упал на колени и, схватив Ийти, крепко прижал к себе. Меня обуяло то же чувство, как и в тот момент, когда Хоури попытался убить мутанта в машинном отделении. Оно придало мне сил, стряхнув с меня остатки оцепенения.

Это сделал Ийти. Он открыл наши разумы друг другу. У него была цель. Я баюкал Ийти, маленькое безвольное тельце, гладил его жесткий мех, пытаюсь обнаружить хоть малейший признак жизни.

— Знаешь, — обратился я к Хоури, — почему он это сделал?

— Знаю, — он останавливался после каждого слова, — он... мертв?

Я ласково гладил Иити, надеясь почувствовать слабое дыхание или сердцебиение, но безуспешно. Я отказывался верить в худшее.

Я не пытался войти в контакт с Иити, потому что ужасно боялся этого контакта. Мои раны еще не зажили — более странных ран еще не бывало у представителей моего вида.

— Аптечка... — Хоури приподнял дрожащую правую руку. Он умудрился указать на отделение в дальней стене. — Стимулятор...

Может помочь. Однако я не знал, насколько эффективным для Иити будет лекарство, предназначенное для представителей моего вида. Я вновь поднялся на ноги и, крепко прижимая к себе Иити, пустился в долгий путь вокруг кабины. Одной рукой я нащупал замок и рывком открыл дверцу. Там лежала коробочка с капсулой. Она скользила у меня между пальцев, и мне следовало быть очень осторожным. Я не мог открыть капсулу одной рукой.

Держа капсулу и Иити, я вернулся тем же путем к Хоури, опираясь о стену плечом. Я протянул ему капсулу. Он взял ее дрожащими пальцами, а я придерживал тело Иити. Хоури сломал капсулу и поднес ее к носу Иити так, чтобы тот мог вдохнуть газ. Руки Хоури упали на колени, словно это несложное упражнение окончательно лишило его сил.

Иити чихнул и глотнул воздух. Его глаза открылись, а голова слабо качнулась, когда он повернул ее, чтобы посмотреть, кто его держит. Он не стал пытаться высвободиться из моих рук.

Я вновь прижал его к себе, так что его голова, которую он одобрительно приподнял, легла на мое плечо рядом с подбородком.

— Он жив, — прошептал Хоури, — но... он... сделал это...

— Да.

— Потому что мы должны знать... знания... — патрульный запнулся, но я подсказал:

— Что знания? У тебя свои цели. Но теперь ты знаешь, что я стремлюсь не к тому, о чем подумали вы.

— Да. Но я выполняю свой долг.

Он посмотрел на меня, но так, словно видел не меня, а будущее.

— Мы не должны, — он помедлил, затем продолжал, — получать такие знания о представителях своего вида. Теперь я не хочу тебя видеть. Меня от этого тошнит, — он приоткрыл рот, как будто ему действительно стало плохо.

У меня в желудке тоже все перевернулось. Он был прав. Смотреть на него и вспоминать... Человек, большинство людей, не мерзок, не испорчен, не ужасен. Но он не должен вторгаться в жизнь другого человека, как это сделали мы. Общаться при помощи Иити — это одно. Но вступать в прямой контакт — ни за что!

— Он сделал это, чтобы мы поняли. Иногда слова могут быть препятствием. Нам нужно было освободить свое сознание, — сказал я. Если Хоури начнет все отрицать или попытается вернуть прежние отношения, он сведет на нет все, что Иити сделал для нашего спасения. Я не мог этого допустить.

— Да. Ты... ты не тот, за кого мы тебя принимали, — казалось, все в нем протестовало против такого утверждения. — Но у меня есть приказ...

— Мы можем договориться, — повторил я мысль Иити, сказанную раньше. — У меня есть, что предложить вам — нетронутый тайник с камнями. Ты прочитал это в моих мыслях?

Я боялся. Боялся, что пока мое сознание было открыто для него, он сумел узнать то, что я, во имя будущего, хотел скрыть.

— Нет, — он отвернулся. Он не мог смотреть на меня, его это смущало. — Но Гильдия...

— Не знает о нем. Они его не найдут, — я совсем не был в этом уверен, но хотел на это надеяться. Но, думаю, у меня было на это право.

— Что ты хочешь взамен?

Уж если просить, то почему не начать с самого главного? Многие торговцы так поступают.

— Для начала — свободу. Я остался без наставника с тех пор, как погиб Вондар. Мне нужен корабль.

— Корабль? — Хоури повторил это слово, словно впервые его слышал. — Тебе — корабль?

— Ты удивлен, потому что я не пилот? — объяснил его удивление. — Это верно. Но пилота можно нанять. Мне нужна свобода и кредиты, чтобы купить корабль. В обмен на это — тайник с камнями. Мне кажется, моя цена не слишком высока.

— Я не уполномочен совершать такие сделки...

— Нет? — и я повторил два слова, которые вспомнил из того времени, когда мы были единым целым.

Он с трудом повернул голову и взглянул на меня. Его лицо оставалось холодным и застывшим.

— Правда. Ты и это знаешь. Что ж... — больше он ничего не добавил, только закрыл глаза.

Я почувствовал удар в подбородок. Это Иити одобрительно качнул головой. Он подозрительно относился к Хоури. Он всегда говорил, что у него есть защита, но подозревал ли, что лежит за этим? Знал ли он, что Хоури был не простым патрульным, а двухзвездным командером, посланным со специальной миссией? Или у него были только сомнения, подтвердившиеся, когда он соединил наши сознания?

Слову двухзвездного подчиняются беспрекословно. Если Хоури сейчас согласится, то мы спасены.

— Нам нужны все камни, — сказал он, — и это кольцо тоже.

Мои пальцы нащупали кольцо на лапке Иити и крепко сжали его. Только не это! Иити снова ударил меня по подбородку. Он опасался вступать со мной в мысленный контакт и использовал другой способ общения. Но без кольца я не смогу...

Глаза Хоури победно заблестели. Он нащупал мое слабое место и будет использовать его, чтобы контролировать ситуацию.

В этот момент я собрал все свои силы, чтобы вступить в последнее сражение.

— Хорошо. И кольцо тоже. Но только когда соглашение будет записано на ленту.

Хоури рывком заставил себя подняться и дотянулся до приборной доски. Он нажал большим пальцем на кнопку и достал микрофон. Его футляр был бело-золотым. Сомнений не оставалось. Само присутствие такого микрофона на корабле говорило о том, что Хоури является очень важной персоной.

Он поднес его к губам, облизнул их кончиком языка и помедлил, прежде чем начать диктовать:

— Именем Совета, Четырех Конфедераций, Двенадцати Систем, Внешних и Внутренних планет, — начал он перечислять, как, должно быть, делал не один раз, — данное соглашение заключается в соответствии с планетарным законом и звездным законом.

Он добавил цифры, значения которых я не знал. Должно быть, это был идентификационный код. Хоури снова заговорил:

— Мердок Джерн, положение — помощник торговца драгоценностями, последний ученик Вондара Астла, ныне покойного, объявляется свободным от всех обвинений, выдвинутых против него...

— Ложных обвинений, — добавил я, когда он сделал паузу.

— Ложных обвинений, — согласился он, глядя не на меня, а на микрофон в руке. — Кроме этого освобождается от всех обвинений некто Ийти, мутант чужеродного происхождения, являющийся компаньоном Джерна.

С этого момента Ийти был официально признан не животным, а разумным существом, на которого распространяются все гражданские законы.

— В ответ на это Мердок Джерн согласен передать в ведение Патруля определенную информацию, — он вновь быстро проговорил какие-то цифры, — которой он владеет. Принято, записано и закодировано... — он бесстрастно назвал имя, которое звучало вовсе не Хоури и наверняка не значилось в списке разведчиков.

— Ты забыл, — резко прервал я его, — мы договаривались о компенсации.

Я подумал, что он откажется от сделки. Его глаза встретились с моими, и я прочитал в них холодную неприязнь, которую он, впрочем, всегда испытывал ко мне. Он был унижен или считал, что унижен больше, чем я. Хотя я ничем не выказывал своего превосходства над ним. Мы были в равной степени вовлечены в бесконтрольный поток сознания. Но если он считал его чрезмерно оскорбительным, то я пострадал не меньше. Я добавил:

— Ты что, считаешь, что тебе было хуже, чем мне?

— Да! — он произнес это как клятву, — я тот, кто я есть.

Возможно, он подразумевал свое положение, образование, то, что он подчинялся или не подчинялся определенным правилам. Если он добился своего поста честным путем, Патруль ведь считается неподкупным, то это говорило о том, что он обладает определенной широтой ума. Я надеялся, что это правда.

— Да, — сказал он, и выражение его глаз изменилось. В них по-прежнему читалась ненависть. Но теперь он лучше владел собой, чем раньше.

— Нет. Наверное, нет, — теперь он был объективен.

— Мне нужна компенсация, — я твердо стоял на своем. — После того, что с нами было, не важно, принимаешь ты это или нет, мы боевые товарищи.

— Но вы всего лишь защищались! — быстро возразил он.

— Ты тоже.

— Хорошо, — он вновь поднял микрофон к губам. — Мердок Джерн получит компенсацию за свою информацию. Сумма компенсации будет определена звездным судом. Она должна быть не меньше десяти тысяч, но и не превышать пятнадцати.

Десять тысяч кредиток вполне достаточно, чтобы купить небольшой корабль старого образца. Ийти вновь качнул головой. Он был согласен.

— Согласовано с Мердоком Джерном.

Хоури протянул мне микрофон.

— Я, Мердок Джерн, принимаю данные условия и согласен с ними.

— Чужой, Ийти... — в первый раз за всю церемонию Хоури был растерян. Как может существо, не обладающее речью, быть записано на ленту.

Ийти зашевелился. Он поднес голову к микрофону, и из его рта вырвался странный звук — нечто среднее между мяуканьем кошки и словом «да», произнесенном на основном.

— Пусть будет так и записано, — Хоури говорил так торжественно, словно был правителем планеты и ставил отпечаток пальца в качестве подписи на глазах у всего двора.

— Теперь, — он достал другое записывающее устройство, — твоя очередь.

Я поднес к губам микрофон.

— Я, Мердок Джерн, настоящим передаю, — лучше начать с самого плохого, — в руки официального представителя Патруля кольцо с неизвестным камнем, который имеет необычные и еще не изученные возможности. Кроме того, я свидетельствую, что на планете, имя которой мне неизвестно, находятся два тайника с такими же камнями. Их можно найти следующим образом... — я пустился объяснять приметы тайников в руинах и в склепе.

Сознание того, что он был так близко к ним и не смог обнаружить, должно быть, очень задело Хоури. Но он не показал своих чувств. Теперь он был другим человеком, и эмоции Хоури-разведчика были ему чужды. Описав местонахождение обоих тайников, я вернул записывающее устройство Хоури. Он взял его так, словно боялся дотронуться до моих пальцев, словно я был заразен.

— Слева от кухни есть каюта для пассажиров, — сказал он безразлично. Это был не приказ, а просто волеизъявление. Что ж, мне его общество тоже было не очень-то приятно.

Я устало спустился по лестнице. Ийти по-прежнему восседал у меня на плечах. Прежде чем мы покинули помещение, мутант снял с лапки кольцо и оставил его лежать на краю приборной доски. Мне не хотелось смотреть на него. Возможно, Хоури запер его вместе с записями. Я не хотел этого знать.

Пассажи́рская каюта оказалась маленькой и пустой. Я лег на кровать. Несмотря на то, что мое тело требовало отдыха, мозг продолжал работать. Я отдал кольцо и рассказал о тайниках. Взамен я получил свободу и достаточно денег, чтобы купить корабль.

Купи́ть корабль? Но почему? Зачем я попросил об этом? Я не был пилотом, и мне не нужен был собственный корабль. На десять тысяч можно купить...

— Корабль! — ответил Ийти.

— Но я не хочу. Он не нужен мне. Я не умею им управлять!

— Ничего, научишься, — он говорил очень уверенно. — Ты что думаешь, я просто так рисковал своей жизнью? У нас будет корабль...

Я слишком устал, чтобы вступать в дискуссию.

— Но зачем он нам?

— Мы обсудим это в свое время.

— Но кто будет им управлять?

— Не стоит слишком много задумываться о том, чего ты делать не умеешь. Вспомни о том, что умеешь. Загляни во внутренний карман, где хранишь остатки своих запасов. Там есть кое-что для тебя.

Я очень давно не заглядывал туда, так как считал содержимое кармана заведомо недостаточным для обеспечения моего будущего, поэтому не сразу понял, что Ийти имеет в виду. Я нащупал внутренний карман и перекатывающиеся в нем камни. Затем расстегнул его, чтобы высыпать скудный запас. Среди них был... безжизненный предвечный камень. Я немедленно схватил его.

— Но!..

Ийти прочитал мои мысли.

— Ты не нарушил клятвы. Ты отдал ему, что обещал — кольцо и месторасположение тайников. А если кто-то при этом устроил более выгодную для тебя сделку, прими это и не спрашивай ни о чем.

Хоури вверху. Сможет ли он засечь нашу беседу? Сможет ли он узнать о том, что у меня есть?

Ийти был настороже.

— Он спит. Его силы были на исходе, хотя он и не показал тебе этого. Не надо больше упоминать о камне. По крайней мере до тех пор, пока мы не получим свободу.

Я положил камень к другим. Все они были собраны во время моих странствий. Непосвященный не сможет выделить его среди остальных. Ийти как всегда оказался очень сообразительным.

Затем я уснул. Я спал большую часть нашего путешествия. Но время от времени мы с Ийти разговаривали. Но не о камнях, а о других мирах и о том, какие знания о драгоценностях я получил. У меня не было такого авторитета, как у Вондара, но я уже освоил его методы торговли. А если у меня будет корабль, то почему бы мне не начать торговать самому? Ийти подбадривал меня, и мы вместе размышляли о моих возможностях. Я был рад забыть о прошлом. Кроме того, мне нравилось играть роль наставника. Ведь эта область знаний была не очень знакома Ийти.

Но наконец настал момент, когда я услышал резкий приказ по громкой связи. Мы приближались к базе Патруля, и мне следовало пристегнуться для посадки. Хоури также сказал, что я должен оставаться в каюте до тех пор, пока он не отдаст необходимые распоряжения. Я хотел было запротестовать, но Ийти посоветовал проявить благоразумие.

После того как мы приземлились, мутант постоянно прислушивался. Я тоже услышал лязг металлических подошв по лестнице, которые прошагали мимо моей каюты. Когда их звук смолк, Ийти заговорил.

— Он ушел с корабля. Теперь он должен выполнить свою часть условий сделки. Он из осторожности взял кольцо с собой, как я и предполагал. Теперь оно не выдаст тебя, если ты будешь стоять рядом.

— Но почему оно не сделало это в кабине пилота?

— Сделало. Но ты был слишком занят и ничего не заметил. Отделайся от Патруля как можно быстрее. Нам нужно заниматься делом...

— Каким именно?

Ийти, казалось, был озадачен.

— Поиском драгоценных камней, чем же еще? Я же сказал тебе, что та планета не является источником камней. Но Гильдия и Патруль будут думать некоторое время обратное. Они будут искать, будут вести разработки. Однако они ничего не найдут. Мы нащупали только самое начало уже остывшего следа. Но у нас есть то, что послужит проводником.

— Ты имеешь в виду, что будем продолжать охоту за предвечными камнями? Но как? Космос бесконечен, в нем огромное количество миров...

— И все же нам стоит навестить их. Говорю тебе — это наше предназначение.

— Ийти... кто... кто ты? Твой народ владел этими камнями?

— Я — Ийти! — произнес он с привычным высокомерием. — И это все, что важно в этой жизни. Но если это тебя настолько интересует, я отвечу. Нет, я не из тех, кто когда-то обладал этими камнями.

— Но ты знаешь о них так много...

Он прервал меня.

— Патрульный возвращается. Он ведет с собой других. Они очень злы, но не станут противоречить Хоури и совершат эту сделку. Однако действуй осторожно. У них есть причины, чтобы сбить с тебя спесь.

Я повернулся лицом к открывающейся двери. В дверном проеме стоял патрульный, а рядом с ним другой человек, одетый в форму. На форме были знаки отличия высокого ранга. Оба они смотрели на меня холодно и настороженно. В их взгляде сквозила откровенная враждебность. Ийти был прав. Им ужасно хотелось поймать меня на каком-нибудь нарушении. Нужно было действовать очень осторожно, как если бы я шел по топкому болоту.

— Ты пойдешь с нами. Сделка состоится.

Офицер, стоявший рядом с Хоури, говорил так, будто слова причиняют ему боль.

— Но пока ты здесь, тебя будут усиленно охранять. Это делается для твоей же безопасности.

Глаза Хоури блеснули.

— Мы обеспечим тебе охрану. У Гильдии длинные руки. Эти люди достанут тебя, где угодно, только не на базе Патруля.

Он открыл мне свои мысли. У меня было два врага. С одним я успешно договорился, но оставался еще и второй. Моя рука так и хотела схватить камни во внутреннем кармане. Поведет ли меня предвечный камень дальше и дальше к опасности? Я вспомнил своего отца и Вондара, а также легендарное могущество Гильдии.

Разве можно поймать время и не позволить ему пронестись мимо? Я не игрок. Но судьба сделала меня игроком. Я чувствовал теплое и тяжелое тельце Иити у себя на плечах. А впереди маячило смутное пугающее будущее. Мы покидали каюту, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Возможно, теперь я был вооружен лучше, чем раньше. Знания человека пополняются день ото дня. А опыт — это и меч, и щит. Я знал, что пока мы идем с Иити одной дорогой, свободные под звездами, а дальше — будь, что будет. Разве можно с уверенностью сказать, что поджидает нас в будущем?

Для меня вполне достаточным было наслаждаться каждым часом, днем, коротким мгновением жизни. Наверное, я мог считать себя настоящим сыном Хайвела Джерна, если не по крови, то по духу. Я по-прежнему держал в руках предвечный камень. Дверь каюты была открыта. Передо мной лежал путь, который еще предстояло пройти до конца.

СОДЕРЖАНИЕ

БРАТ ТЕНЕЙ

Пер. О. Кутумина 5

НОЧЬ МАСОК

Пер. А. Щупова, Ю И. Головщикова 301

ВИЗИТ К ПРЕДТЕЧАМ

Пер. Д. Савельева, Я. Савельева 463

ЗВЕЗДЫ, НЕ НАНЕСЕННЫЕ НА КАРТУ

Пер. Д. Арсеньева, О. Колесникова 673

ПРЕДВЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Пер. Д. Арсеньева, О. Колесникова 875

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

БРАТ ТЕНЕЙ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *И. Гришина*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.01.2015.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,12.
Тираж 3000. Заказ № 6394/15.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО ИПК «Парето-Принт». 170546, Тверская обл.,
Калининский р-н, Бурашевское сельское поселение,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А»
www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-77519-4

9 785699 775194 >

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5 Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: Филмал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

Вся
НОРТОН
БРАТ ТЕНЕЙ

ISBN 978-5-699-77519-4

9 785699 775194 >

ЭКСМО